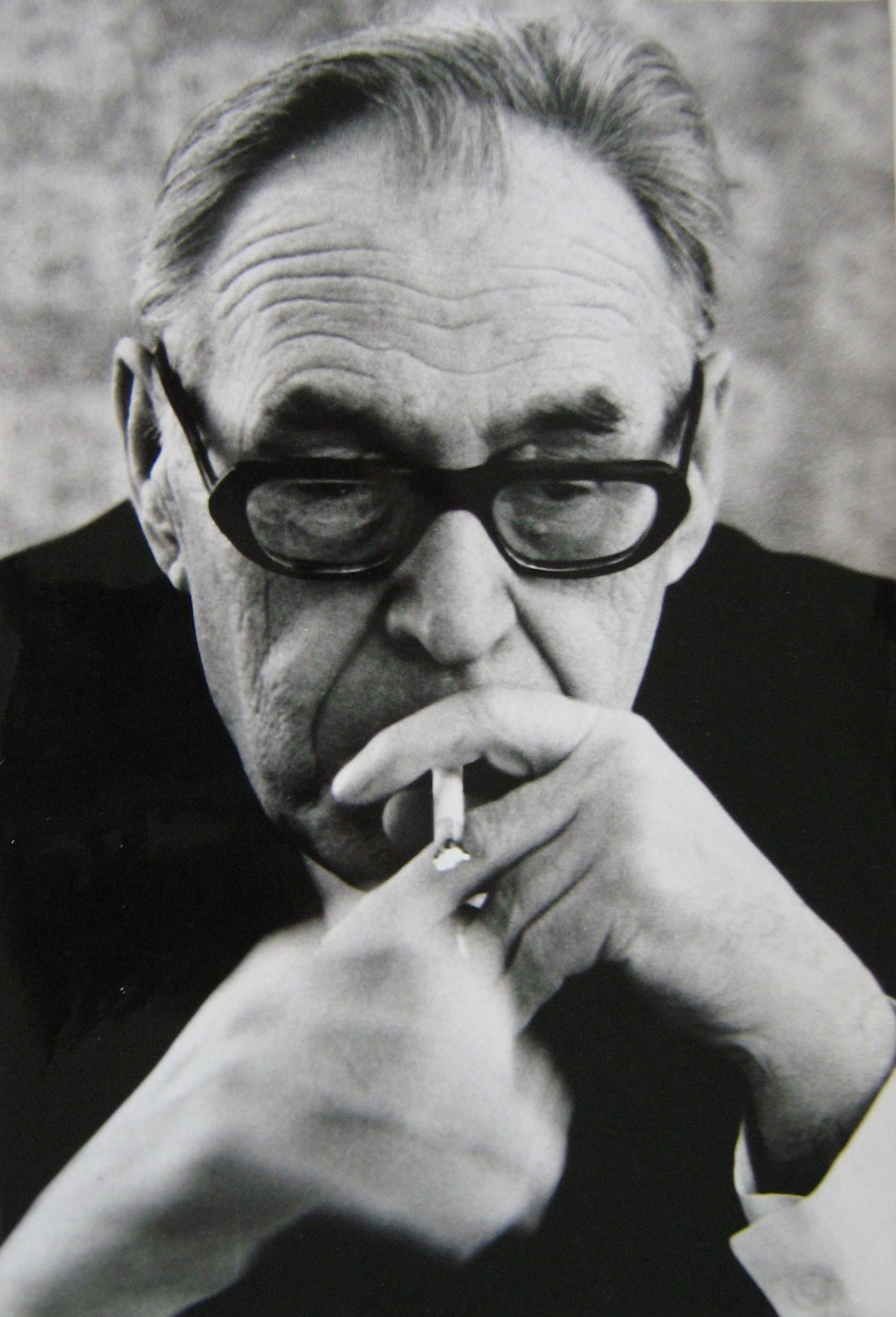

Георг Мясников
СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Георг Мясников

Страницы из дневника

(1964–1992)

Москва
2008 год

ББК 71.4(2):66.3(2Рос)8
УДК 351.85

Под редакцией М.Г. Мясникова и М.С. Полубоярова

Дневник Георга Васильевича Мясникова (1926–1996) охватывает период с 1964 по 1992 годы. В этот период он работал (до 1986 года) вторым секретарем Пензенского обкома КПСС, затем до 1992 года – первым заместителем председателя Советского фонда культуры. Это записки глубокого политика и опытного организатора, созданные по горячим следам важнейших событий в истории советского государства. Отрывки из дневника печатались в 2001 году в журнале Российского фонда культуры «Наше наследие». Основное внимание в той публикации уделено вопросам культурного строительства. В настоящем издании представлены (в сокращении) дневниковые записи по более широкому кругу проблем, привлекших к себе внимание автора: от быта пензенских крестьян и горожан до философских обобщений и оценок решений политической элиты.

Пенза для Мясникова была и родным городом, и своеобразной «ссылкой». Он принадлежал к немногочисленной группе партийных деятелей – «комсомольцев», возглавлявших ЦК ВЛКСМ и московский комсомол в военные и первые послевоенные годы (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный и другие). В 1964 г. они сыграли ключевую роль в организации отставки Н.С. Хрущева. При Брежневе путь «комсомольцам» на высшие посты был закрыт: «не умеют гнуть спины». Поэтому творческий потенциал своих самых плодотворных лет жизни Мясников отдал Пензе.

Дневниковые записи раскрывают перед нами внутренний мир человека, маштабно мыслящего, понимающего необходимость радикальных экономических реформ в рамках социалистического строя, при сохранении безопасности страны. А если учесть, что публикация дневников крупного партийного деятеля явление у нас нечастое, то выход в свет настоящей книги станет заметным событием не только для тех, кто знал Георга Васильевича, но и в целом для российской историографии.

ISBN 978-5-91239-006-7

1964 год

1 января. Новогодняя ночь прошла беспокойно... какие-то глупости, много вина и мало толку. Пензенская «элита», которая тихо спьяна поет Есенина. […].

Телеграмма об опасном положении девочки в М. Сердобе. Послал самолет, но девочку не спасли... Нехорошо начинается год!

6 января. […]. Сегодня 70 лет маме. Все о ней! Последнее расставание в ноябре, последний взгляд, последний поцелуй. Обернулся – старенькое пальто, немного сгорбленная фигура с потрепанным лисьим воротником. В руке, одетой в варежку, бидончик для молока. Она ушла от меня навсегда. Встреча 10 января на похоронах... Другое лицо, но еще какое-то теплое материнское тело. [Многих] хоронил – всегда вызывало неприятное чувство. На этот раз – нет. 5-го – телеграмма, 6-го, год назад, еще веселилась, жила, думала, стремилась. 7-го не стало – трагедия. Когда мать уходит, думаешь, как мы всегда жестоки, как мало сделали и мало оплатили! [Только] раз [сходил с ней] в театр – «Три сестры» МХАТ, раз – в музей «Кремль» и т.д. Мы у матери – всегда неоплатные должники. Если все начать сначала, как много хорошего можно было бы сделать! […].

9 января. […]. К памяти матери. Март 1933 г., бегство от голода из Коповки на Снопок (Ореховское торфопредприятие). Жизнь на Снопке, потом 47-ой участок. Сажени, Орехово и Кучино. Война и работа. Октябрь 1943 г.; уехал и больше с ней вместе не жил, хотя душой был с ней. Ее поездки в Москву, забота об устройстве Володи. Избран Жуковск – место ее гибели! Поездка ее в Пензу. Еще одна не состоялась... Голубь разбил окно за два дня до ее приезда в Пензу. Суеверие?

29 февраля. […]. Проехал к Кувак-Никольскому (селение Серый Ключ), где на косогоре закладывается большая птицефабрика, строительство которой обойдется в 1.400 тыс. руб. Видимо, всегда так: большие дела начинаются с малых будок. Пока тут, кроме тракторной будки, наскоро слепленного помещения конторы, компрессора и пяти отбойных молотков, ничего нет. А скоро заиграет стройка!

Собрание партийно-хозяйственного актива. Острый доклад, но наиболее интересное для зала место – перечисление лучших людей промышленности и строительства. В связи с этим мысли: как много сил мы затрачиваем на ругань людей, хотя главное – это поддержка, одобрение. Доброта нам очень мало стоит, а ценит-

ся высоко. И результаты большие! Если работу нашу сравнить с... кистью художника? Художник, чтобы получить хорошую картину, использует большой набор красок, ищет тонкие переходы. Мы же многое рисуем черной краской: ругаем и ругаем... И картина поэтому у нас, видимо, получается довольно скучной. В живописи темными красками пользуются, в основном, абстракционисты. Наша работа – не абстракционизм ли это по отношению к людям? Я наблюдал, с каким трепетом рабочие получают самые простые подарки. Но как дорого они оплатят за это своим трудом! […].

Вспомнилось: 24 февраля исполнилось десять лет со дня поездки первых эшелонов молодежи на целинные земли – начало похода на освоение целины. Что-то все вдруг забыли об этом. Видимо, дело не в памяти, а в результатах... Десять лет назад я трясся в вагоне, сопровождая первый эшелон. Как это уже давно, а кажется, совсем-совсем недавно. До сих пор в ушах стоит многоголосый шум Казанского вокзала и утреннего митинга в Барнауле: «Едем мы, друзья, в дальние края»! Как-нибудь надо записать всю эту эпопею: от начала – до Барнаула […].

3 марта. Сегодня с утра – поездка по моей любимой трассе на Городище и дальше. Любимая потому, что видишь дело рук своих. Пройдут года, десятилетия, но магазины из стекла и бетона будут стоять, они переживут нас и [будут] напоминать потомкам о том, что кто-то думал, чтобы им жилось хорошо и красиво. Радует: не будет тебя (это ведь неизбежно), но дело рук твоих останется людям. Нужно, чтобы каждый человек оставлял после себя на земле доброе, полезное. […].

5 марта. Весь день пленум обкома КПСС «об итогах февральского пленума». Утром встреча с И.И. Волкотрубенко. О нем упоминает Воронов Н.Н. в своих мемуарах. Книгу долго «мурыжили». Обратил внимание на дату сдачи в печать и выпуска. Серьезно обкорнали. [Автор] не стал грешить против совести.

В зале вызывает явное оживление упоминание об уменьшении посевов кукурузы, критика ошибочности распашки трав, кабачки и т.п. Мы иногда напоминаем Дон-Кихота. Выдумываем себе мельницы и начинаем с ними бороться. Проходит год-два, прозреваем, опускаем мечи, но уже и мечи затупились, и людей покалечили, и крылья мельницы по-пустому обломали. Сколько шумели о бобах, но мужик оказался прав: «остались на бобах». Уходим в задачах далеко вперед, не оглядываясь назад, и закрываем глаза на то, что есть сегодня […].

7 марта. […] Обменивались мнениями по докладу [Н.С. Хрущева]. Невольный вывод: плохая подготовка пленума, парадность, стремление сделать из пленумов

трибуну для самолюбования. Главный смысл, на мой взгляд, – ищут дураков, ответственных за провалы в сельском хозяйстве. Чем это кончится?

11 марта. […]. Размышления о глупости разделения на две отрасли [о делении парторганизаций по отраслевому признаку]: одна задыхается, другой делать нечего! Придумаем, а люди мучаются, дело стоит. Все понимают, автор [Хрущев] молчит […].

13 марта. С утра кое-какие дела в обкоме КПСС, а затем поездка в Городище. Едешь по трассе, и невольное чувство удовлетворенности: в Чемодановке построен первый в области магазин «Рассвет» из стекла и бетона, в Степановке – еще один магазин, в Русском Ишиме, по моему согласию, закладывается тоже магазин, Городищу даны магазин, ресторан «Городок», название которого совпало с легендой о проезде здесь Екатерины II. [Там же построены] КБО и, наконец, совсем недавно – государственный «Электросвет» […].

14 марта. Часов в 8 утра выехали в сторону Никольска. Красивая зимняя дорога, которая начинается остатками берез екатерининских времен на бывшем Симбирском тракте, о котором так хорошо писал Ф.Ф. Вигель. В воздухе морозно, но солнце светит ярко, по-весеннему. Поэтическое название сельца Руждум. Начинаю фотографирование, хочу собрать пейзажи сел и природы Пензенского края. Хватит ли терпения? Великолепна русская природа. Ее по-настоящему понимаешь лишь в лесу. На березах гроздьями висят тетерева. Пытаемся подобраться, но хитрый вожак косач первым срывается и уводит своих подопечных в другие места. Красногрудые снегири хлопочут на дороге, таинственный, снежный лес... Заехали в Тюнярь на ферму. Говорят, что сегодня Евдокия – день теплый, значит, весна будет ранней, а год – урожайный. Кажется, курочка напилась на дорогах из лужицы воды, хотя вокруг глубокий снег. Потом в Нижнем Шкафте у остатков ночью сгоревшей фабрики. Горе людей, которые потеряли работу на том месте, где их деды начали ткать сукно в 1879 году.

21 марта. Поездка в Терновку. Красивый кафетерий «Колос». Медленно, но верно движется вперед идея современности в оформлении предприятий торговли и быта. Потом Кривозеровка. Магазин хороший, а вот столовая задрипанная. Еще торчат гвозди, на которых весели «Богатыри» и «Утро в сосновом лесу». Я уважаю Шишкина, Васнецова, но прихожу в дрожь, когда вижу их картины. И в этом виноваты почитатели их таланта, измещанившие хорошие полотна. Чувство меры – одно

из очень ценных чувств. В популяризации их творчества оно потеряно. Неприятный разговор с рабочим столовой. Горлопан, нахально кричит о неполадках.

22 марта. […]. Поехали в Веселовку, село за Терновкой, но газик застрял. Поработали лопатой, но бесполезно, выручил трактор. После обеда бродили с Верой по Пензе. Она на глазах поправляется, и это радует. Солнце светит ярко, и под его лучами не расцветает и не раскрашивается, а как-то высвечивает своим безобразием, грязью, рухлядью Пенза. Сворачиваешь с Московской и попадаешь на захудалую окраину захудалого городишки. […].

25 марта. Совещание, на котором рассматривался доклад от 28 февраля 1964 г. и решение о нарушениях в планировании. В отличие от многих других, прошло под знаком больших раздумий о путях движения. Интересно даже не то, что говорили, а что звучало лейтмотивом – уважение к руководителю, доверие к хозяйству. Началась известная переоценка ценностей, которые еще вчера казались золотом, а сегодня почти медяшкой. Далеко ли пойдет этот процесс – вот вопрос, от которого зависит многое.

Для себя пометки в памяти. Не увлекаться и не горячиться, вечно помнить о диалектике, особенно законе отрицания отрицания. То, что сегодня может казаться абсолютно правильным, завтра превращается в относительно верное, а послезавтра может показаться ошибкой. Никогда не забывать о главной ценности нашего общества – людях, кадрах. А посему как можно больше требовательности к человеку, но и как можно больше уважения к нему. О первом мы помним всегда, о втором – иногда.

26 марта. Утром провел совещание по вопросам строительства. Потом – свекловоды области, народ трудовой, мужественный, работящий. Как ни странно, большинство мужчины. Значит, техника начинает побеждать в свекловодстве. На смену тяпке идет трактор. Особенно интересен Николай Земнухов из совхоза «Каменский»: светлая голова, скромный характер, хоть одна рука (вторую потерял в детстве), но заменит десять обычных. Летом я видел его в поле. Одной рукой управляет трактором так, как и пять не смогут! Правда, бывает же так на свете, «обидели» – премировали ружьем!!! Пришлось вмешаться и заменить на отрез. […].

28 марта. […]. Все ближе, все явственней проступает весна, горячая пора хлебороба, время расцвета растений, размножения зверей и птиц. Город в грязи. Хоть я и пензяк, но не могу с особой гордостью говорить о городе, где все утопает в

грязных потоках. Солнце, кажется, должно делать радостнее землю, улицы, освещая их яркими лучами, но в Пензе и солнцу тоскливо. Оно меркнет на фоне непролазной грязи.

29 марта. Спал долго, а утром – чашку кофе, и снова бодрость! Был на работе. Поехали с Л.Б. [Ерминым] в Рамзай. Красивые австрийские телята-симменталы с широкими лбами и доверчивыми глазами. Задница, словно штаны в старые времена, – широкая и плотная. Как они привыкнут к нашим соломенным рационам? […].

3 апреля. Поездка в Кутеевку – центр татарского колхоза им. Крупской. […]. Знакомлюсь с фермами. Очень работящие люди, хотя кормов мало. Радует хорошее настроение. Обедали в доме председателя Сафука Аджигитова (его все зовут «дядя Сафук»). Изба большая, обставлена богато, но бестолково. Впервые в татарском селе женщина – его жена – за [общим] столом. Это редкость. […].

4 апреля. Беседы с председателем колхоза «Родина Белинского» Пушариным, а потом поездка на птицеферму в село, кажется, Сяськино. Изумительные люди, влюбленные в свое дело. Первое место в области: 168 яиц на несушку. Популярность фермы настолько велика, что две девушки (одна работала учетчицей, другая – зав. сельским клубом) пришли выращивать цыплят. Может, и материальное начало имеет значение? Зина Ложкина – простая женщина, муж был арестован за хулиганство, а потом погиб. Здороваешься, аж вскрикиваешь от пожатия ее мощной руки. У бригадира Паниной – пять детей и все дочери. Кажется, чуть-чуть грустит, но работает беззаветно. […].

6 апреля. Опять мимо Лермонтова в Каменку. Потом машиной по разбитому асфальту, между завалами снега от расчисток. В Каменке осмотрел строительство семенного завода, завода «Стройдеталь», пивного завода и межрайбазы, кирпичного завода. Беседа в парткоме. В 8 вечера на тепловозе уезжаю на Пензу. Пять часов длится ночь. Стоим на каждой станции, хотя диспетчер знает и торопится. Из разговоров с машинистами: [нужно больше] строгости, нет уважения к человеку, много сократили обходчиков, стрелочников, дежурных на переездах, дежурных в составе. К сожалению, сокращения начинаются с начальников, а заканчиваются «стрелочниками». Их, действительно, заметно стало меньше.

12 апреля. Обычный день воскресного безделья. Встал поздно, что-то почитал, полистал архивы, пообедал, потом опять поспал. Вечером стучал на машинке «Историю края». Дошел до мещерских сторож. В 2 ночи было лег, но, конечно, безуспешно. Мучился, томился... Опять листал военные мемуары. […].

14 апреля. Еду в Башмаково. На перроне вокзала упал мальчишка лет двух, перепачкал руки, наморщил лицо и вдруг залился слезами, сопровождая громким криком. А что ему остается делать? Говорить не умеет, пожаловаться и тем самым обратить на свое горе внимание других, заставить заняться его делами [не может]. Кричит, и все понимают: сочувствуют, вытирают ручонки. Жалко, что кое-кто из взрослых, научившись говорить, все же кричит, вместо логики и убеждений действует криком. Как такие люди напоминают этого бессловесного ребенка!

Снег в лесной полосе. Деревья, словно подмоченные, сиротливо стоят по колено в воде и жалобно ждут помощи от солнца, которое уже набирает силу и скоро-скоро даст жизнь этим грустным существам. Сосны напоминают хороших, верных жен. Березка, хоть и кудрявая, меняет наряд: то опадет, то расцветет. Сосна – вечно зеленая и родная в своей красе. Болтливая сорока – хитрая птица, всегда сидит на самой вершине самого высокого куста и хлопотливо вертится, осматривая все вокруг. На станции Студенец грачи гроздьями висят на старых березах, хлопотливо устраивая гнезда. Борьба за жизнь! В овраге желтая вода льется мутным потоком. Чистое и светлое время весны начинается с грязной земли и мутных потоков.

15 апреля. В вагоне […]. Сосед по купе, горбатый, злой, скорее всего, «писатель заявлений», задает вопрос за вопросом о сельском хозяйстве. Спрашиваю: что он знает о нем сам? Ничего! В 1928 г. шел из Рамзая пешком в Мокшан, по дороге сестра показала горох. Сорвал несколько стручков. Съел и продристал. «Академия» на этом закончилась. И немало развелось таких, которые судят о сельском хозяйстве, вспоминая о нем по детским поносам […].

18 апреля. […]. Весь день занимался своими делами, технической политикой в сахарной и спиртовой промышленности и подготовкой к весеннему севу. Вечером на премьере в театре. Ставилась драма Розова «В день свадьбы»… Спектакль сомнителен, работает автор на мельницу сомнительно свободных «вьюношей». Ночью [у меня] в гостях постановщик С.К. Шпанов.

29 апреля. Утром поехали в Новую Пятину смотреть откормочник. Потом совещание в бывшем райкоме партии, теперь – парткабинете. После совещания обход магазинов. Купил [книгу] В. Пескова «Шаги по росе». Странно, что таким мелким (хотя и очень интересным!) книгам дают такие крупные (Ленинские) премии. Правда, я искренне рад, что не дали премию Солженицыну за его «фуевую» книгу и «Теркину» [Твардовскому] – за загробный мир [«Теркин на том свете»]. […].

30 апреля. Утром два интересных письма. [От] продавца из Овчарного, которая (Безрукова) ничего не просит, просто «докладывает», что она выполнила товарообо-

рот и как «маяк», замеченный мною, «светит». [И от] родителей одного паренька из Вадинска: я его «спас» от службы. Благодарят, но просят призвать в московскую милицию. Принял Свешникова из Коповки. Хлопочет о пенсии. Поражает образность русского языка в устах неграмотного крестьянина. У него болят легкие, задыхается, холодно. Говорит: «В меня, как в худой мешок, холод лезет». Здорово и образно! […].

4 мая. Заезжаем на хороший полевой стан совхоза «Кевдинский», а потом на Свищевку, еще в село какое-то. Прогоняем скот с озимых. Древний старик, инвалид Первой империалистической войны, и старуха. Бедная избенка. Потом побыли немного в Троицком, поговорили с севцами на дороге. Остановили трактор ДТ-54, который ходил в Анучино из Каменки во все дни праздника. Раньше крестьянин лошадь жалел гонять далеко. Теперь на тракторах раскатывают во все концы. Потом Свищевка и интереснейший председатель колхоза В.Г. Безрогов. Дед – основатель коммуны в селе, отец – председатель колхоза, он тоже председатель вот уже лет 12. Целая династия.

Пожар. Ленивый пожарник. Видит, что горит, но не трогается с места. Подъезжаем: «Горит!» – «А кто мне сообщил, что горит»? Приехали на пожар (горел сарай), вылили бочку, вторую набрать не могут. Потом [колхоз] «Красное Знамя». Председатель Костин П.И. – жадный хозяин, но по-настоящему хороший. Долго ездили по полевым станам. Механизаторы – народ отличный, настроение у них прекрасное.

6 мая. Утро началось неприятным разговором на меже. Попова гора и земли Якова Ведерникова через лесополосу. Он дает 30 ц. с га, они – 4–5. Редко бываю таким невыдержанным, но сорвался. Потом жалел, но нервы не выдержали. Дело дошло до угроз прокурором и судом. Обещали навести порядок. Бездарное совещание в Башмаково. Потом поездка в совхоз «Путь к коммунизму». По дороге [заехал] в село Троицкое (бывшее Орлево) – родина моего деда, сына дьячка из церкви этого села. Бедное, соломенное село, покосившиеся избы. Зашел в церковь. Протравливают семена, дышать нечем. Поговорил с женщинами. Одна постарше «цокает», т.е. не выговаривает «ч». Видно, и здесь потомки мещеряков. На окраине села землянка и баня, в которой храпит 70-летний старик. Запах страшный. Человек не мылся лет 10. Избу свою он перевел на дрова. Нет одной ноги. Заросший, как бирюк. […].

8 мая. Поездка в Б. Ижмору. Народ взволнован [предстоящей] «обрезкой участков» [приусадебных]. Глупое и совершенно несвоевременное дело. Отменим. Старик лет 70-ти с большой бородой пришел из Вяземки узнать о земле. Это верст

12 пешком. Сам он – кавалер трех орденов «Славы». В войну с фронта самолет давали, чтобы в село слетал. Только узнал [что обком отменит решение], заторопился сообщить новость [односельчанам]. Поход по полям, фермам. Потом на Вяземку. Здесь один из моих дядей Владыкиных «работал» и кончил свой путь нищим. Через Сядемку в Кирилловский совхоз. Здороваюсь за руку с женщинами – удивляются, восхищаются и подают руки. […].

11 мая. […]. «Революционер» в селе в период коллективизации. В доме кулака открыли школу. Увидел этот «революционер»: «Что за е---- мать? Наши дети занимаются в кулацком саду! Мы свои социалистические сады насадим! Спилить к е----- матери»! Спилили, а сад больше не посадили. (Рассказ Д.И. Лузгина).

25 мая. Село Вражеское, недалеко хутор Тухачевских. Сами они жили бедно. Как рассказывают старожилы, когда [в 1918 году Совет] описывал вещи, [у Тухачевских было] одно большое во всю стену зеркало. Увидели [члены Совета] и сами себя испугались. Его [М.Н. Тухачевского] бабка-«мордовка» и дед похоронены где-то здесь. Дядя Тухачевский был богач, кутила и крепостник. […].

2 июня. Ночь в Кузнецке. Подъем в 5 утра: дольше в районе спать не могу. Поездка в мясокомбинат. […]. Потом в сторону Русского Камешкира и совхоза «Бояровский». Колхоз «Гигант», председатель Ирина Шатова, столбовая дворянка. Муж арестован в 1937 г. Управляет делами прекрасно. Встреча на «огрехах» с Веселкиным, бригадиром. Осмотр совхоза «Бояровский»; директор, татарин Мишкин, руководит мордвой. Полеводство – хорошо, животноводство – «пек берянь» («очень плохо», мордовск.) Особенно неприятно в свином лагере. Крупный разговор. Обратно 80 верст и ночевка в Кузнецке.

7 июня. Утро началось прогулкой по Лунино. Едва ли можно благодарить того поручика Лунина, который выбрал сие место для своего поместья – грязное, болотистое, пустое. Торжественная регистрация [рождения] двух мальчишек в местном колхозе. Слезы наворачиваются на глаза, видимо, сердце шалит. Стыдно, а удержаться не могу... Потом поездка по селам колхоза «Вперед к коммунизму». […].

10 июля. День напряженный, но малоинтересный. Думать некогда: рука не отрывается от телефона, перед глазами – посетители. И вопросы автотранспорта, и сева озимых, и рабочего плана уборки... Сколько их возникает в день, и все это нужно решать окончательно! А решать, значит, предопределять судьбу области на год вперед. В сельском хозяйстве то, что сегодня кажется абсолютно ясным, бесспорным (на этом попались, внедряя кукурузу, бобы, выводя овес, клевер, кормо-

вую свеклу, борясь за выровненную зябь, «елочки» и т.п.), завтра вдруг поворачивается противоположной стороной, и жизнь отбрасывает беспощадно прежние логические схемы, превращая их в нагромождение глупых мыслей и неоправданных экспериментов. […].

11 июля. Обычные дела в обкоме КПСС, совещания, переговоры, задания и ответы. В обед через Мокшан, Н. Ломов уезжаю на Коповку. Кувак-Никольское, поворот налево, и старая земская дорога ведет на Вадинск. Сворачиваю у Пеньков, через долинку перебираемся в Козлейку, прочно садимся в «гатях», там, где в Вад впадает Ушлейка, выбираемся с помощью домкрата и под самый вечер въезжаем в темное село. Кругом родной летний покой... Беседа в правлении колхоза, перспективы на хлеб хорошие, настроение тоже, соответственно, хорошее. Вспомнилось лето 1939 года. Такие же вечера, темень, на горизонтах сады с яблоками – мечта юности. Громадой на фоне садов возвышается церковь, темное, но родное прошлое. Здесь преклоняли колени и находили себе хлеб мои прадеды, прабабка и бабка, здесь в купели приобщался к христианству и я. Сколько ног истоптало ее ступени, а она гордо стоит, задумчиво храня память о прошлом, и робко, тоскливо глядит в беспросветное будущее. Ужин, сон. На улице гармошка...

28 июля. В 7 утра купание в р. Хопер. Беково – жемчужина Пензенщины. В 8 утра – совещание по обеспечению хлебом этой «жемчужины». Фонды не предусматривают снабжения отдыхающих, а их полно. Времени прошло много, а фонды, как путы, висят на ногах нового строя. Порой кажется, что это неизбежное дело. Трудно даже сказать, когда мы жили без фондов. В 10 утра – совещание по прорывке свеклы с бековскими «бюрократами». Потом через Пяшу на совхоз им. Кирова. Хлеба повсеместно хорошие. Гудят жатки. Меняется бурно цвет полей. Из зеленых они стали спело-желтыми. В «Кировском» похороны токаря, доярки бросили коров. Фраза Воронина: «Ленина хоронили – пять минут не работали, [хоронят] токаря – целый день совхоз бездельничает». В селе – оркестр. Тяжелый разговор с руководителями. Через Колтовское, Павловку, Телегино, на Пензу […].

13 сентября. Поток машин. Но спасает дождь, который начался около 12-ти. Успели вывезти около 500 тонн. К 16.00 область выполнила обязательства: 31,7 млн. пудов. Большая победа! Хлеб [его сдачу государству] останавливаем.

15 сентября. Пометки для себя. Сложилась интересная схема изложения истории КПСС. Период до II съезда РСДРП – все идет более или менее объективно, преподносятся факты, дается их анализ, ошибаются те и другие, но в основном

«те» (народники, легальные марксисты). После II съезда РСДРП и раскола партии на две фракции – большевиков и меньшевиков – возникает новая схема: все, что правильно, – большевики, ошибки – авторы их меньшевики. После и даже немного до смерти В.И. Ленина все, что правильно, – партия, ее ленинский ЦК, ошибки – происки троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и т.п. После смерти И.В. Сталина все, что правильно, – партия, ее видные деятели, ошибки – порождение культа личности И.В. Сталина. Заново создается культ, ибо коллективу приписывают все хорошее, одному человеку – все плохое. Уйдет Н.С. Хрущев, а он неизбежно уйдет так или иначе, будет новая (или старая) схема: все, что правильно, – курс партии, ошибки свяжут с его именем.

П. Тольятти в «Памятной записке» сделал тонкое замечание о том, что следует внимательно разобраться с истоком «культа личности». По моему мнению, следовало бы подумать более внимательно над двумя фактами в истории преобразования России: разгон Учредительного собрания, бывшего представителем всех слоев общества, и установление однопартийной системы в нашем государстве. Кажется, на этот счет у Маркса и Энгельса нет никаких указаний (?). Дополнительно, видимо, следует посмотреть материалы раскола в газете «Искра» и обвинения Г.В. Плеханова против В.И. Ленина. Кто знает, может, уже там истоки многих бед, потрясших страну, строящую коммунизм. […].

20 сентября. С утра в обкоме КПСС. Думаем над предложениями в ЦК по поводу записки Н.С. Хрущева. Это – бесконечный и непрерывный поиск новых форм и методов в борьбе с отсталостью сельского хозяйства, которое не поддается ни резолюциям, ни лозунгам. Каждому понятно беспокойство из-за явного несоответствия реального состояния дел в сельском хозяйстве и провозглашенными радужными перспективами. Поиск идет в формах управления, а думается, что его следует искать в основе всего – материально-технической базе. Марксист должен уметь идти на перестройку базиса, за которым следует надстройка. До сих пор многое пытаются решить путем замены надстройки, а через нее поправить базис. Едва ли это результативный путь. Немного настораживает злость против методов партийного руководства. Сами повернули лицо к производству, а потом говорим: «Не смей»! Нет логики. Обкомы по производственному признаку построили, а потом вдруг (!) заявляем, что они не должны заниматься производством?! […].

3 октября. Юбилей М.Ю. Лермонтова в Белинске. Поездка в Белинский. Грязь и поток машин. С нами Альфред и Нина Ои. Просторы степей. Обед в «Чембаре». Грибачев, Андронников, Рыленков, Орест Верейский, Мануйлов, два монгола и

много южан. Тихон Семушкин. Грибачев – собранный, партийный мужик. Андронников стал исследователем, но [в душе] остался артистом, тяготеет прошлое. Н. Рыленков – типичный, талантливый смоленский пропойца. Торжественное заседание в РДК. Хорошее [выступление] у Андронникова, пьяно-забавное у Рыленкова: «черт с ним, с Пушкиным». Прием в педучилище.

8 октября. Побывка в Куракино, бывшем поместье «Бриллиантового князя». Легенды [о князе Куракине]: когда сдавали картофель, даже своим крепостным подносил чарку спирта с собственного завода. Был мельник Муханов, охотился в этом районе на берегу Хопра. Прислали весть, что требуют в Петербург. [Куракин ему] завещал поместье. Теперь – [село] Муханово. Скелет сгоревшего [куракинского] дворца. Говорят, что сожгли в 1928 г. Разграбили ценности, картины, а потом все подожгли, чтобы скрыть концы. Вероятно, легенда.

11 октября. […]. Нищета и бесправие, кровь и муки – вот путь русского мужика, тащившего на своей шее Арсеньевых, Белинских, Тургеневых, Толстых. О мужике забыли. Лермонтовы, Белинские, Тургеневы, Толстые остались в истории на века. Но как бы они одни творили, не будь этого лапотного, задыхающегося в трудах русского мужика? Сколько бы таланта убавилось у господ, оставшихся голодными и холодными? Только очень стойкие, вроде Некрасова, пробивали себе дорогу через нищету и голод. Да и он, чуть пробился, остался вместе с мужиком в стихах, а в жизни плюнул на его невзгоды и закутил, загулял вместе с теми, кто веками сосал его [народа] кровь. Пожалуй, подлинно бескорыстным был Виссарион Белинский. Он и на вершине славы остался нищим. Его «Письмо к Гоголю» – не художественное произведение, а крик души человека, смертельно раненного крепостничеством, нищенским, рабским, бесправным положением русского крестьянина!

13 октября. Совещание по вопросам быта: большой и интересный разговор о человеке. Положение тяжелое. Проводил Л.Б. [Ермина] на самолете. Что-то срочно вызвали. Зачем? Не знает сам.

14 октября. Утром немного совещался. Поездка на Степановскую птицефабрику. […]. Приехал в обком. Звонки из Москвы от Л.Б. [Ермина]. Пленум [ЦК КПСС]. Дела серьезные. Иду за Верой: в партии случилось что-то серьезное. Но что? Нужно слушать радио завтра. […]. Может, личное? Много раздумий, но все вокруг одного – надо гнать временщиков.

Звонил Ю.И. Баланенко. Потрясающие новости. Свобода! Конституция? Нет. – Самая потрясающая новость […]. [Хрущев] подал заявление. Случилось то, о чем

говорили! (говорили о временщиках). Если то, что думали с Верой, – победа разума, восстановление веры в силу партии.

15 октября. Ночью из Москвы звонки. Намеками передают, что освободили партию от авантюриста Н.С. Хрущева. Радость! Ночь не сплю! Чувствуешь гордость за партию, которая может поправить любого, какие бы посты он ни занимал. Великое дело – вера в партию! А такую веру каждый мыслящий начинал терять, и в этом было самое страшное. Встал в 8 утра после того как не спал. Напряженное утро. Радио молчит. Передают то беседы о космосе, то музыку. В 10.00 – пленум промышленного обкома. Предупреждаю Бориса [Маткина] о цитатах. Ничего не понимает... Днем передали в газету [«Пензенскую правду»] по телетайпу. В президиуме написал тезисы (заранее). Эти тезисы созрели еще в Крыму. Прилетел Лев. Многое совпадает... Всю ночь пишем сообщение. В 5 утра прихожу домой. Хорошее чувство облегчения: правда восторжествовала!

17 октября. Еду в Шемышейку. Принимают хорошо. Жалко, нет времени! Что, поминки? Нет, торжество! Воспоминания о XXII съезде КПСС: устремление в будущее по форме, а по существу борьба с трупами; нескромность – два дня болтовни, кощунство, Шульгин [гость 22 съезда КПСС] и Н.С. Хр[ущев].

18 октября. Весь день дома. Вечером прочитал книгу Е.В. Вучетича «Художник и жизнь». Страшно подхалимская вещь. Когда в последний раз был у него в Москве, говорил ему: «Зачем тебе это? Раз уже учили тебя». «Он мне много сделал». Но сделал не потому, что ты подхалим, а потому, что талантлив. Ушел от разговора. Что теперь делать с этой книгой? Не раз вспомнит меня, когда начнут бить за подхалимаж. А бить будут обязательно. Позвонил ему в Москву. Говорят, болен, едет из Волгограда.

27 октября. Был в селе Большая Елань. Побывал в двух 16-квартирных домах городского типа и городской планировки, которые совсем недавно заселены рабочими совхоза «Еланский» и приезжими семьями из мордвы Городищенского района. Картина: все уже захламлено валенками, бочками, огрызками, на стенах – безвкусные рамки с десятком фотографий в каждой, ковры с лебедями, оленями и богатырями, мебель самого разнокалиберного характера, от шифоньеров с «зеркелом» до сундуков прошлого века, в углах безвкусные иконы, на которых сам Христос, будь он жив, не узнал бы себя, так похабно его стали делать халтурные фотографы. Не они, а мы виноваты. В нашем отношении к селу и его труженику преобладают и довлеют чисто меркантильные вопросы производства и мало беспокоит то, как устроен его быт. Скот порой важнее человека […].

28 октября. Утром бюро обкома по персональным делам. Интересно дело одного коммуниста, которого в 1937 г. исключили из партии и посадили, кажется, на 10 лет за то, что он достал и перепечатал из материалов XIII съезда партии знаменитое «Письмо к съезду». Он за этот документ, который кому-то показал, был обвинен в «клевете на т. Сталина» и т.п. Страшное, несправедливое время! Многие из просто мыслящих людей, а не солдафонов, оказывались в положении этого, теряли партийные билеты и свободу […].

9 ноября. В сумерках утра бушует метель. Первый настоящий снег, мороз и хорошая поземка. Едем в Коповку. Заезжаем прямо в избу бабушки. Тут умер прадед, цела кровать, на которой скончалась прабабка, не сохранились печь и полати, на которых началось мое детство. Все развалилось, но все родное, близкое. Даже задвижка у двери, и та давняя, древняя. […].

17 ноября. Беседа с инструктором ЦК Садовниковым Е.В. Молодой парень, без году неделя в аппарате ЦК, но уже цедит через губу, о чем-то судит, что-то осуждает, приводит какие-то «стратегические данные», анализирует их (конечно, как правило, от безделья в аппарате). Невольно приходишь к выводу, что большой аппарат нередко портит маленьких людей. Вместе с ним едем в Сосновоборск на строительство гидромукодрожжевого завода. […]. Проезжаем Индерку, одно из самых больших татарских сел. Был председатель Резяпов. Пил страшно, неделями лежал в погребе. Никакое начальство не могло его найти, хотя все село знало, где он, что он. «Где председатель»? – «Председателя? Да она в поле уехала. Только-только был». А один татарин ответил: «Председателя бик забодал». – «Какой бык»? – «Да на бутылке бик нарисован... «Зубровка», что ль»?

Совещание в Кададинске. Завод [будем] пускать 1 января. Злые разговоры. Конкретные решения.

20 ноября. Разговор с Ярославлем. Странная, не поддающаяся никакой логике, больше того, никакому пониманию гуманизма расстановка кадров. Маркс думать не мог, что его идею о равенстве и братстве превратят в такую пародию на демократию. Социализм, в каких-то своих частях развития обернулся провалом, суетой, поспешностью, от которой страдают самые верные кадры партии. Споры с Каутским велись, видимо, не напрасно... Были люди, которые далеко смотрели и видели процессы глубоко. […].

Странное впечатление об истории партии и даже истории нашей Родины. Вместо истории народа постоянно выдвигается история личности. Если в большом плане разбивать историю на этапы, то их будет три: 1) период Ленина – период ве-

ликой мудрости, сплошных побед и успехов; 2) эпоха Сталина – эпоха произвола, беззаконий, «культа» и т.п.; 3) время правления Хрущева – время бесконечной суеты, перестроек, реорганизаций, шумихи и поспешных решений.

23 ноября. Нужно было родиться в иную эпоху: эпоху бурных страстей, митингов, решительных действий. Я же вышел в путь, когда на смену всему этому пришли кабинетные страсти, митинги сменились бесконечными совещаниями и заседаниями, а главной фигурой стал не борец, а чиновник, бюрократ, умеющий вовремя вставить угодливое словцо, скромно опустить взгляд перед начальством и рычать на подчиненных, «аки лев». Мне не везет потому, что не могу быть таким чиновником. […].

28 ноября. Объединенный пленум обкомов КПСС. Перестройка и диалектика (содержание и форма). Соответствующему содержанию придана своя форма, которая сопутствует, обслуживает, поддерживает содержание. Скачок там, где есть решительный разрыв формы и содержания. Содержание подтянет форму, реорганизует ее. Содержание – более творческое начало, форма – более консервативное, хотя, придя в соответствие, активно помогает содержанию. Хрущев пытался путем насилия, своевольно и неграмотно оторвать форму от содержания. Содержание (после XXII съезда) – строительство коммунизма, ликвидация разницы между классами, между городом и деревней. Форма (после ноябрьского пленума ЦК 1962 г.) – это разделение партии по классовому признаку, резкое противопоставление механически созданных частей партии. Сначала он [Хрущев] совершил насилие, но сам стал жертвой этого насилия. Все приходит в норму. […].

29 ноября. […]. Что дала мне Пенза? Вернула на Родину. Ее я как-то ощущал далеко и неясно. Когда вернулся к родным могилам, почувствовал, что жизнь идет небессмысленно. Пенза вернула меня в лоно русского народа. Москва – город-космополит, где чисто русское перемешалось с измызганным Западом, переплелось причудливо и грубо. [Пенза] дала возможность лучше мыслить, оценивать явления, яснее видеть их в целом […], знание вопросов хозяйства вообще и сельского в особенности. В Москве я легкомысленно относился к этой важнейшей половине, первооснове жизни человечества. [Здесь получил] материальное благосостояние, полную обеспеченность, а главное – чувство собственного достоинства. Ты есть человек, а не насекомое в жужжащей стае чиновников, комаров и мошек.

7 декабря. […]. В мастерской Оя и Сидорова. Один, безусловно, талантлив, правильно понимает назначение искусства, стремиться сказать свое слово, передать свое мироощущение. Мне особенно нравятся его «Журавли», «На Родину».

Они должны получиться. «Весна с вербами» немного не в его плане, слащаво-слезливая и сентиментальная. […].

Трудно было тем, кто шел от неверия к вере, но во сто крат труднее тем, кто от веры все больше приближается к неверию.

8 декабря. У меня всегда вызывало удивление и даже злость: откуда столько спокойствия, невозмутимости и даже немного равнодушия у некоторых партийных работников старшего поколения. Оказывается, я был просто очень молод! Теперь становится многое в их поведении и яснее, и понятнее: они значительно больше нас жили, и жизнь не раз учила их спокойствию. Осадят раз, осадят два, и станешь спокойнее. Свою роль играет практика, которая показывает, что энергия, злость, любовь к делу имеют значение, но не абсолютное. […].

11 декабря. […]. Боюсь, что наше поколение является (само не сознавая того) свидетелем заката одной звезды мира и яркого рождения другой. История развивается, и ничто не властно остановить или изменить поступающий ход ее развития. Может быть, то, что мы сейчас видим, – лишь хвост исторического эшелона, а на востоке радостно приветствуют новый его локомотив? Нет сомнения, что в одно-два десятилетия Китай превратится в самую могучую державу мира. Тогда мы – консерваторы, объевшиеся мировой славы, а они – революционеры... Совершенно ясно: у Китая есть все объективные возможности (трудолюбивый народ, развитая экономическая мысль, обилие полезных ископаемых), чтобы уже в ближайшее одно-два десятилетия превратиться в самую могучую державу, стоящую над миром. Возможны, конечно, случайности, но, судя по всему, развитие идет в этом направлении. Звучит глупо, но, может, потом скажут так: шла борьба между консервативной, объевшейся мировой славы Россией и революционным, голодным до мировой славы Китаем?!

31 декабря. День, хоть и предпраздничный, но довольно обычный. Давно забыты волнения, которые всегда предшествовали этому светлому празднику. Сказал «светлому» и задумался. Еще одна невозвратная ступенька уходит в прошлое, в историю, а ты шагаешь по этой лестнице все ниже, все ближе к тому рубежу, за которым уже нет шагов... Странная закономерность: чем выше забираешься по служебной лестнице, тем просторнее становится кругом. Чем меньше истинного веселья, тем больше всяческих условностей и обязанностей. […].

1965 год

6 января. С утра совещание в парткоме [совхоза Бессоновского района]. Все выполнять, и есть реальные возможности. Рассылаем по хозяйствам [по заготовкам] мяса, молока, яйца. Что нас положило на бок? Конечно, 1963 г., сброс скота. Резали со злостным старанием. Но и сдача хлеба в 1962 году. Неправильная тактика: сдать хлеб, а там хоть трава не расти. Трава растет, мяса и молока нет. Знакомился с бытовой и торговой сетью. Как мало мы думаем о живом человеке! Только начинаем, а сколько упущено? Страшные магазины, развалюхи-палатки. Как терпелив и вынослив наш изумительный народ, который может жить в любых условиях, ничего не требуя, со всем смиряясь! Чудо-народ! Но в этом смирении и его несчастье. Какими пошлыми и противными кажутся отсюда, издалека, от народа, московские нытики-интеллигенты, которые брюзжат, поедая труд народа и не зная на каплю его жизни. Помню споры в ВПШ. Как я был не прав, недалек по мыслям и страшно далек от действительной жизни народа. Мещанин.

Посещение районной больницы. На 75 местах лечится 150 человек. Строгий порядок, чистота. Лечат от всего. Много абортниц. Есть совсем молодые. Женщина из Ушинки, 30 лет. Оп[ухоль] матки. Желтая, погибающая. Девочка 3-х лет с очень умными и грустными глазами. Намочила платьишко, грелась у голландки и вспыхнула. Обгорела, на 50% ожог тела. Отец сидит у изголовья. Суровый мужик и нежно гладит по головке. Терпеливо все переносит народ. Мать не может: дома еще один 11-месячный ребенок. Беседа с врачами. Все под лозунгом «дай»! Но и правы. Нужно ведь не им. История двух медичек в Б. Ижморе. В штанах. Главный врач, с 1932 г. работает хирургом: «Девочки, вы уж снимите штаны, у нас это не понимают. Отвез [медичек] на «Победе». Через неделю мамы увезли их в Пензу.

После обеда – Смирновское отделение совхоза «Земетчинский». Управляющий – Герой Социалистического Труда Лялин, свекловод. На фермах – «хорошо». Две девчонки в корыте вывозят навозную жижу из свинарника. Страшная картина. […].

7 января. Встал с мыслью о маме. Сегодня два года, как ее не стало! Может, ей приятно, что я встречаю грустную годовщину, совпадающую с днем ее рождения 71 год назад, вблизи от родины, на родных полях. Она родилась или в Ушинке, или в Кочелаево. Может, даже в Ушинке, огни которой мерцали мне весь вечер.

Утром – в совхоз «Отормский». Мимо совхоза «Россия» – умной выдумке, в которой я дважды был не прав: беспривязное [содержание скота]; считал деньги, не понимая пользы. Оторма – какое-то бывшее красивое поселенье на горе с остатками парка, церкви, двухэтажного барского дома и особняка с колоннами. Хозяйственные службы, в которых и теперь скот. В каретной – лошади совхоза. Зашли в магазин. Тихий ужас. Слезы на глазах. Девочки в два голоса славили Христа. В 4 [часа утра] подняли продавца, а конфеток нет. «Христос дал денежку, а мы не можем дать конфетку». Нина – в 3-м классе, отец сидит в тюрьме за кражу в этом самом магазине. Заметно стесняется говорить об отце, но бойко рассказывает об учебе. У нее две «тройки». На свиноферме, [затем на] МТФ. Туберкулезные коровы. Молоко не пьют. Особенно отличается телятница, у которой храм чистоты в развалившемся телятнике. Сушилка – я ее внедрял – оправдала себя. За 4 года ни одного случая падежа. В отпуск [телятница] не ходит, член КПСС, «профессор». Все – брошенные мужьями. «У кого мужья – те в животноводство не идут». Им меньше надо денег. […].

1 марта. Утром разгорелся у Льва спор о судьбах Пензы, этого испорченного архитекторами города. В споре участвует Мальшаков, бывший прокурор, ныне председатель горисполкома. Одна особенность: знает мало, говорит много и всегда высокопарно. Спор идет: отступать и далее с красивыми зданиями на окраину или начинать ломать центральную часть, преображая город. Один из объектов – Дворец спорта с хоккейной площадкой. Я – за центр, но побеждают те, кто «умеет» считать и далеки от красивого. […] .

6 марта. Бюро обкома КПСС по некоторым текущим делам. Укоренилась эта практика: сначала актив, на другой день – совещание или бюро. Выступал по вопросам улучшения культурно-бытового обслуживания трудящихся области. Продиктовал целую программу практических дел по быту и культуре. Самому заброшенному в нашей области вопросу. Да и в нашей ли только? Беседа по беднодемьяновской керамике. Две линии: 1) создавать вещи для украшения быта, практические вещи; 2) создавать декоративные вещи. Поездка на ул. Ударную, открывал кафе «Восход». Кругом стекло, а на фоне его задрипанный шифоньер. Наши пензенские контрасты. […].

7 марта. Подъем в 7 утра. Ночь была теплой, лед [для хоккея] залить не смогли. Скандал! Что-то надо решать. 8 тысяч зрителей, обе команды здесь… Пригласил тренеров сборной СССР Егорова и Боброва. Они настроены оптимистично: деньги заплачены, играть будем. Предложение посмотреть лед, желания не изъ-

явили: все равно будем играть. Всеволод вспомнил первый хоккей с шайбой в СССР в 1947 г. Играли с чехами в шлемах танкистов! Подарил всем керамику. […].

15 марта. Утром совещание. Ехать в районы по двум вопросам: животноводство и весенний сев. Совещание по «Текстильторгу». Если хотите в будничных условиях видеть героическое, идите на базу. Драгоценные материалы прячут от снега и дождя под брезентом. Нарастает трагедия: скоро скажется разрыв между ценами продовольственных и промышленных товаров. Продовольствие дешевле, промтовары – дорогие. Повышать на продовольствие неудобно, снижать на промышленные – придется. Закон стоимости действует! Спроса на промышленные нет, предложений – масса. За все эти годы после НЭПа все время распределяем, а теперь надо торговать.

25 марта. Опять беседы. Интересная – с председателем областного суда, председателем комиссии по партийным делам. Посадили на 3 года бригадира, который устроил за счет проданного лука обед своей бригаде за быструю уборку лука. Себе ничего не присвоил. Стоит ли [судить за это]? […].

30 марта. […]. Весь день с московскими архитекторами Е.Н. Стамо и Чептыкьяном. Завтрак в «России». Поездка по городу: Западная Поляна, парк Белинского (туман, ничего не видно), Советская площадь, сквер у кинотеатра «Родина», Дом Советов, театр, ул. Луначарского, набережная Суры у Сборной. Много интересных мыслей! В разговоре тянут к одному: обида на приниженность роли архитектуры. Вместо искусства сделали технику, подчинили интересам индустрии.

1 апреля. Беседа с Ерминым, который вчера вернулся с пленума ЦК КПСС. Впервые деловая обстановка без парадности; одна реплика [Генерального секретаря] за весь пленум. Откровенный разговор о положении дел в сельском хозяйстве. Автор ошибок [Н.С. Хрущев], кажется, на охоте. По докладу М.А. Суслова прений не было: «Вопрос ясен»! […]. В 16.00 – вручение знамени за оборонную работу пензенскому комсомолу. Ужин с участием маршала К.П. Казакова. Его рассказ о посту у квартиры Ленина. Беседа с московскими архитекторами [Стамо и Чептыкьяном]. Интересная мысль о строительстве 12-этажных домов на [улице] Кирова!

2 апреля. С утра размышлял о лучшей организации милицейской службы в г. Пензе. Опыт показывает, что допущен ряд ошибок: [взят курс на] раскрываемость вместо профилактики, предупреждения; [имеет место] двойственность в ответственности, что ведет к безответственности, а также распыление всех сил, вместо

концентрации. Готовился к совещанию актива милиции Пензы. Поездка на р. Суру, сначала в районы Песков, потом на Бакунинский и Шуистский мосты. Стихия бушует. […].

12 апреля. Проснулся [в Башаково] часа в 3 от крика грачей. С первыми проблесками дня они начинают ворочаться в гнездах, сопровождая это нестерпимым криком. Спать невозможно. В 5 уже подъем. На уазике (шофер Володя) движемся в сторону «Луча» […]. Опять встреча с Настей и ее мужем Георгием Васильевичем. Он рад, общупывает. Угощают завтраком. Мысль про себя: если бы нужно было умереть, то я спокойно бы умер за русский народ! […].

16 апреля. Утром еду на «яму». Делаю попытку решить вопрос о строительстве нового стадиона для зимнего хоккея с шайбой. Интересная идея использовать естественную яму, созданную военными во время строительства зданий нынешнего училища (они брали глину из этого карьера), под современный стадион. Участвуют Ильяшевич, Смачный, Рац. Кажется, дело стоит забот. Потом бюро обкома КПСС. Вопросы обычные и очередные: старые приемы по любому поводу открывать статистический справочник и все сводить к надою коров и выполнению планов по животноводству. […].

4 июня. Утром – очередные заботы. Комиссия по выездам за границу, потом бюро обкома КПСС по персональным делам. Наиболее интересен татарин 1926 г. рождения. У него уже 8 детей. Предлагал на собрании хлеб делить не по трудодням, а по едокам. Тенденция: развивать не труд, а семью. «Борец за стимулирование народонаселения». […]. После бюро в лагерь милиции в Ахуны, потом в Терновскую колонию. Много сажаем молодежи. Душа болит смотреть, что самая физически здоровая часть общества лоботрясничает в лагерях. […].

13 сентября. В 6 утра, по ранней свежести, выехал из Белинска. Сколько раз за четыре года приходилось проделывать этот путь! В обкоме КПСС идет беседа о хлебе. Лев ведет себя крайне странно: что-то считает, с чем-то спорит, хотя для меня да и для всех, по-моему, вопрос абсолютно теперь ясен: хлеба нет, сдавать дальше нельзя. Я высказываю это совершенно откровенно. Огарев поддерживает. Вопрос решен. Как много могут стоить колебания одного человека, особенно если он сам берет на себя окончательное решение вопроса без совета и изучения дела на месте. Колебания Льва (я в этом глубоко убежден) обошлись области в этом году в 3–5 миллионов пудов хлеба. Сколько корма не осталось скоту, сколько лишних хлопот из-за головотяпства одного!

18 сентября. Все думаю, что зря не стал историком. Люблю прошлое, особенно России, до безумия. Люблю копаться в архивах, доставать из тайников какие-то ниточки, которые связывают тебя с далеким-далеким прошлым. Самые творческие дни в моей жизни – это дни, когда я копался в Исторической библиотеке, работая над темами: «Отступление Наполеона из Москвы», «Смерды по «Русской правде» и работа в архивах на Пироговке по сбору материалов к истории московского комсомола. Но, видимо, уже поздно! Тщеславие власти победило, к сожалению, душевную тягу к науке, к поискам. […].

28 сентября. Утром занимался вопросами торговли. В 11 – совещание директоров совхозов и председателей колхозов о завозе картофеля в г. Пензу. Надо рабочий класс снабжать как следует. Это мы обязаны делать! Картофель в районах, судя по звонкам и вопросам, начали закупать. Тишина прорвалась.

Первое сообщение (доклад т. Косыгина) о пленуме ЦК КПСС. Посылаю аппарат на предприятия. Первые впечатления: очень правильно решен вопрос о возврате к старым формам; сделано очень (даже очень!) корректно, отсутствие прямой критики – сомнительно; избрана сложная схема стимулирования, мы не очень приспособлены. Странно, почему мы движемся не по законам экономики, а по законам партийной дисциплины? Мучительный вопрос.

1 октября. Успеваю дважды побывать на стадионе: утром собрал художников (Оя, Фомин и Ромашков), в обед – [руководство] треста № 7, который будет вести сантехнику. Потом смотрел оформление цирка. Тоже богатый подарок городу. Оя талантливо сделал на фасаде мозаику. Если бы каждый год возводилось в городе два-три таких сооружения, как «яма» и цирк, насколько богаче становилась бы жизнь его обитателей! […].

2 октября. Отечественная. Много хлещем себя ради показного «объективизма». Надо беречь престиж первого в мире социалистического государства, а мы сами на себя льем грязь и там, где не надо. В войне мы победили! Себя же и хаем, копаемся в ошибках. Зачем? Поспелова нельзя допускать до истории. Насколько я его помню, он всегда оставался «осторожным комментатором» трудного плана. Нужны более смелые люди, люди более партийные, мужественные, по-настоящему патриоты. Поспелов когда-то вырос на восхвалении Сталина, теперь живет на оплевывании. Даем слово любым «деятелям», и они судят о том, что знают и чего не знают. Похабны статьи Чуйкова в «Октябре». Дома думал о войне. Хорошо бы поработать над этой темой. […].

3 октября. Весь день работал над проектом постановления собрания партийного актива области «Об итогах сентябрьского пленума ЦК КПСС». Изучение материалов показывает главное: снова партия пришла к отраслевому управлению промышленностью. Мудрость и строгость, деловитость и простота, мужество в возврате составляют наиболее интересную сторону дела. Вносится немало нового в экономическую сторону дела. Экономические факторы приходят на смену административным. Это очень хорошо! В интересные условия ставятся предприятия. Директорам, которые привыкли ждать все сверху, будет трудно, умным и опытным – хорошо. Думал еще о двух нерешенных вопросах «славного десятилетия», его наследстве: 1) КПГК [Комитет партийно-государственного контроля] штрафует от имени партии, не лезет в рамки демократии; 2) раздутые аппараты дорогостоящих бездельников, партийных и государственных захребетников. Придется решать […].

10 октября. Весь день отдан встрече с т. Шевченко С.В., председателем Российской «Сельхозтехники». Он свой путь начинал с механика Колышлейской МТС в 1932 году. […]. Вспомнили Алтай, Барнаул в феврале 1954 г.: он был вторым, я – начальником эшелона целинников (первого!). […].

16 октября. Не заезжая на работу, прямо на «яму». Сделано много, но сделать [предстоит] еще больше. Из заброшенной ямы, на глазах, волевым порядком растет красавец стадион, который станет гордостью города! Постоянные конференции болельщиков. Они все меньше и меньше лезут с советами. Нравится! […].

20 ноября. Утро занято разбором строительства торговых предприятий, потом строительства авторемонтного завода в Терновке. Пригласил архитекторов: по строительству административного здания на площади Ленина (пригласил Е.Н. Стамо для консультации, он дал согласие); по сооружению обелиска в память воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Дал поручение подготовить решение секретариата обкома КПСС и поручить это дело тт. Оя, Фомину, Попрядухину и Ромашкову. Обсуждали проект застройки зоны отдыха на р. Вяде. Условились еще раз собраться. В 13.00 был на «яме»: решили принять 25 ноября, 28 – дать игру, открытие – 4 декабря. Кажется, должно получиться, если не подведет погода. Сегодня мороз сменился на сплошную метель.

23 ноября. В 9 утра на стадионе «Темп». Чем ближе к пуску, тем больше болит сердце. Надо не только сделать хорошо, на оставить добрую память болельщикам, страстным и темпераментным. Какие-то текущие вопросы. Вечером чувствую себя хуже. Заехал на стадион, потом в больницу к Вере. Ей, кажется, лучше. Это очень

хорошо! Без нее нарушается домашний ритм. Тоня старается, но не может попасть в сложившийся семейный организм. Смирнов [врач] начал за мной охоту! […].

24 ноября. […] Врачи схватили. Н.К. Смирнов нашел катар верхних дыхательных путей и немедленно «арестовал». Пришлось секретариат проводить на квартире (Селиванов, Куликов, Наумов). Потом фельдшерские банки. Тянут здорово. Анализ крови. Пошло дело! Весь день лежу, но микстуру упорно не употребляю. Таков принцип. Узнал о смерти А.Л. Мясникова, великого терапевта нашего времени. Умер от инфаркта, над проблемой которого работал всю жизнь. Привередлива судьба, неисповедимы ее пути. Вечером два хоккея, и в обоих огорчения: сборные СССР и ЧССР – 2:3, «Дизелист» – Череповец – 5:6. Ночью говорил с тренерами (Субботин и Масленников). Обещали завтра выиграть. Сдержат ли слово? Читал до 3-х ночи.

30 ноября. Утром рассматривали титул, диктовал вопросы к выступлению на районной конференции […]. В 10.00 – слет молодых работников торговли. Какой замечательный народ растет на смену старым лавочникам, хапугам и жулью! Умные, грамотные, влюбленные в свое дело, убежденные в его пользе для людей. Покоряет Антонина Безрукова из с. Овчарное. Продавец, мать шестерых детей, поступила в техникум. Ей вручили орден Трудового Красного Знамени. Зал рукоплескал. Я выступил внешне неплохо, по содержанию – слабо. Когда нет мысли, спасаешься за внешним эффектом. Это плохо! Надо всегда заранее готовиться, а экспромт хорош, но не в таком зале.

3 декабря. Разговор утром. Члены бюро делятся по объектам строительства. Вроде это может помочь. Сил и средств, металла и материалов нет, а мы заменяем все «властью партии». В 15.00 – собрание актива строителей в новом цирке. Хороший подарок жителям города, в котором любят зрелища. Здание такое, вроде уже давно в нем идут представления. Акимову трудно делать доклад, еще труднее выступать. Любое содержание требует соответствующей формы. Форма цирка никак не совпадает с содержанием делового разговора. Здесь убьют на сцене (по-настоящему), а люди будут умирать от хохота. Пенза имеет свои этапы развития: 1) мещанская тишина, 2) индустриальный рост, 3) коммунальное несоответствие и его ликвидация. [Последнее] переживаем сейчас. Надо преображать!

На улице упорно держится 0. Стадион готов, но как играть?

4 декабря. […] Днем три раза на стадионе. В 17.00 – торжественное заседание в цирке, посвященное Дню Конституции, потом на стадион – сегодня открытие. Огромная чаша битком набита людьми. Торжественно... под свист открываем ста-

дион – лучший в Советском Союзе! И за рекордно короткий срок. Таких темпов не делал ни один город. Ребята нервничают, играют плохо. Счет 4:2. Важно, что две первые [шайбы] забили наши. Там будет видно.

7 декабря. Вчера же [новое] странное убийство в Кузнецке – подростка Борисова. Полгода не могут найти [убийцу прежнего подростка]. Загадочные убийства. Поручил найти убийцу с помощью газеты – позвать население. […].

Мысли о пленуме [ЦК КПСС]: идет новая расстановка сил в центре; выдвигается украинская группа; удерживаются наиболее активные Шел. [Шелепин], Вор. [Воронов]. Ходят слухи о председателе. Я не ошибусь, если скажу, что при нынешней перестановке сил им должен стать Подгорный. Переименование ПГК [органов партийно-государственного контроля] – удар по Шел. [Шелепину], назначение Флорентьева министром сельского хозяйства РСФСР – удар по Вор. [Воронову]. Вводят нейтралов: (Кул. [Кулакова], Капит. [Капитонова]), ост[авили] Ефр. [Ефремова], Гр. [Гришина] […].

13 декабря. Около 6-ти утра уже в Москве. Еще очень темно, погода около 0, ближе к дождю. Устраиваюсь в гостинице «Москва» (№ 415). Сразу же ложимся спать и дрыхнем часов до 11-ти. Первым делом иду в Министерство культуры СССР. Мой старый учитель и покровитель Екатерина Алексеевна [Фурцева]. Беседа с ней: понимает, дает советы, сочувствует, откровенно рассказывает об обстановке. Плохо понимает расстановку сил, но дает хорошие советы. […].

15 декабря. Утром едем в Совет Министров РСФСР. Разговор у Школьникова А.М. Пижон и артист! Всю жизнь играет какую-то роль. Не люблю таких. Хороший разговор у Валентина Дьякова. Старый знакомый и хороший парень. Еще где-то бегал, в гостиницу вернулся около 18.00. Говорят, звонили из ЦК, приглашает А.Н. [Шелепин]. Срочно надеваю свежую рубашку, на такси лечу к 1-му подъезду. Прием. Хорошая беседа, вопросы, ответы. Рассказ без особого нажима, просто просьба. [Ответ Шелепина]: «Приветствую [ваше решение об уходе из Пензы]. Если будет что-либо заслуживающее внимание, позвоню, тогда будем решать». […].

20 декабря. День на работе. Доклад об итогах поездки в Москву. Подготовка к бюро обкома КПСС: нужно смотреть материалы. Общественное питание в рабочих столовых считаю одним из наиболее важных вопросов. Много увлеклись «интерьером» общедоступных кафе, ресторанов, забывая, что политику, настроение делают рабочие люди. Их руками куется счастье, им первое внимание, первую заботу. Кое-что уже удалось сделать («Химмаш», Компрессорный, «Тяжпромарматура»), но это только начало вторжения в новую отрасль, начало «новой влюбленности». […].

1966 год

7 января. В 7 утра подъезжаю к Пензе. Мелькнули огоньки Арбекова, проскочили лесок, и на горизонте море огней города, который только что оделся в индустриальный костюм. Заштатный, мещанский городишко все больше превращается в центр промышленности. Хороша утренняя заснеженная Пенза: тихая, уютная, невысокая. Какой резкий контраст с Москвой, шумной, беспокойной, бестолковой, упирающейся в закопченное небо сотнями многоэтажных зданий. […]

Сегодня третья годовщина со дня гибели мамы. Боль несколько утихла, но все еще жалко и обидно, что так глупо кончила она жизнь. 69 лет бежала, торопилась... чтобы попасть под колеса экспресса! Страшно! Доля секунды и рубеж: не быть... До конца дней не утихнет эта боль – мать есть мать.

9 января. […]. Вчера спорил о Пензе. Есть у его жителей одна противная особенность: понимают, как должно быть, охают и критикуют, дают неплохие советы, но пальцем не шевельнут, чтобы желаемое превратить в действительность. Южные города полны энергии, северные – покоя и равнодушия. Пенза – средний город средний полосы, здесь энергия уходит в слова, а на практике царит равнодушие северных городов! […].

24 января. Утром готовил доклад о двух проблемах, которые пытаемся сейчас решать: [изготовление] ширпотреба на предприятиях и [выпуск] сувениров. Как ни странно, но это для нас новый вопрос. Запад его давно решил. Был в Чехословакии, на каждом углу – сувениры. Это и денежно, и памятно. Мы же в этом отношении пока даже не азиаты. Ничего нет! Земля пензенская богата именами, фактами, событиями. Но никто не думал и не думает как-то закрепить в памяти потомства это светлое достояние прошлого. Много говорим о патриотизме, но разве на одних словах, призывах воспитаешь патриота? Понятие это живое, конкретное, требует конкретных дел. Сувенир – одна из таких форм, но мы ее не используем. Дал поручение, посмотрю, что же получится... […].

31 января. Интересная встреча с подполковником Шкуровым. Эта семья хорошо известна в Лунинском районе: мать лет 15 работала председателем колхоза. Ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Один сын – секретарь райкома

партии в Лунино, другой, о ком идет речь, – председатель ДОСААФ Амурской области. Спросил [его] об отце. Отец погиб в декабре 1941 г. в какой-то деревушке под Волоколамском. Горели дома. Солдаты, а он был командиром взвода, чтобы не мучаться, не долбить закаменевшую от морозов землю, да и времени нет на почести, отрыли могилу на углях сгоревшего дома. Талая земля, легко работать лопатами. Немцев выбили из Подмосковья. Вернулись крестьяне в насиженные гнезда. Вернулся и тот, на месте дома которого был похоронен командир Шкуров. Покряхтел, почитал вывеску, и… начал рубить сруб. Любит крестьянин свое гнездо. Построил дом, а табличку с фамилией похороненного перенес на завалинку. Так и живут живые на костях мертвых. Ко всему привыкает человек... Сын матери не сказал об этой могиле.

3 февраля. […]. Народ имеет коллективный разум и коллективный опыт. Его редко удается обмануть. Он все видит, все понимает, правда, иногда молчит, но это все до поры до времени. Безмолвного народа никогда не было. Точнее, никогда не было, чтобы народ белое называл черным, а черное – белым, сколько его ни старались путать. Он обо всем имеет свое собственное мнение, и оно, как закон, бывает абсолютно правильным, т.к. собирает тысячи оттенков, тысячи тонкостей, обобщает воедино и дает решение. Ни одного государства не было без идеологии. Оно просто не может без нее обходиться. Крещение Руси – подведение идеологии под новое государство. Где князь проходил с мечом, там шел поп с крестом. Владимир, князь Киевский, – один из первых идеологов Руси.

10 февраля. День областной XIII конференции. Самое странное, совсем не волнуюсь. Помню время, когда перед такими днями ночи не спал. Теперь абсолютное спокойствие и даже не колышется ни один нерв. Это, вероятно, очень плохо, ибо нельзя же не волноваться. Выборы президиума, доклад Льва, прения, редакционная комиссия, в которой пришлось быть председателем, выборы, голосование, результаты... Как ни странно, самое волнительное – это сколько «набросают»? Все обошлось благополучно – один против. Хороший у нас народ в области. Сколько портишь людям нервов, крови, порой здоровья, а они зла не помнят, понимают, что все делается не ради прихоти, а ради дела, ради народа. Жизнь складывается так, что порой хотелось уехать из области, но жалко наш изумительный, порядочный, добросердечный народ. Потом пленум, ужин в столовой обкома. Я – делегат XXIII съезда. Приятно!

25 февраля. […]. Думал сегодня о Евтушенко. Он, безусловно, редкое явление эпохи. От него надо начинать отсчет пробуждения интереса молодежи к поэзии. Он

первый поэт нашего времени, томики которого за час расходились с книжного прилавка. Породил новый вид поэзии, отрицающей шаблонность мыслей, утверждающей свое мировоззрение, свой взгляд на явления и факты прошлого и настоящего. Поэт рассудочный. Пишет больше головой, чем чувствами. Есть элементы философского познания. Он ошибался, но не потому, что хотел, а потому, что стремился сам осмыслить. За это не надо ругать. На первых порах излишнее любование словесным трюкачеством. Будет более зрелым – напишет более ясно.

13 апреля. В 7 утра на ногах. На улице накрапывает дождик. Очень хорошо! Собираю руководителей района. Два вопроса: о бороновании озимых (исхожу из того, что озимый хлеб – это хлеб, который есть, а яровой – хлеб, который может быть) и о качестве сева. Стыдно вспоминать, что мы (и я в том числе) когда-то на часы считали сроки сева. Это – ошибка. Нам нужен хлеб, а не высокая производительность. Я бы заменил лозунг: «С хорошим качеством и в сжатые сроки!» Нынешнее наличие техники снимает вопрос о сроках, отодвигает его на второе место. Главное – качество!

Едем в Ивановку. Хороший разговор на полевом стане о XXIII съезде КПСС. Ждали, что Хрущева будут громить. Тракторист боронует озимые. Приятное лицо. Разговор. Оказывается, пьет и буянит. Сам говорит: «Уж больно у меня горло широкое. Чуть выпил, а там – давай и давай. Совсем пить нельзя». Директор Махотин [про тракториста] рассказывает: «У соседа его собака. Идет тракторист пьяный, она брешет. Он встал перед ней на колени: «А если я буду брехать?» […].

14 апреля. […]. Весь день мотался по овощеводческим совхозам. Был в Засечном, потом в Козеевке. Арест двух хулиганов. Надо кончать с либерализмом. Били, а потом просят простить. Встреча с дедом Михайловым. В Воскресеновке отобрали [уворованную] рожь. Все [воры] были пьяные. Нож страшный. Можно двоих проколоть насквозь. Тоже арест. Водка в городе становится бичом! Но как с ней бороться? В Воскресеновке [узнал кое-какие] детали [о детстве историка]: Василий Ключевский жил [здесь] до 3-х лет. Приход бедный. Крестила его помещица Ребриха. Потом отец переехал в Городищенский уезд. Вез не то сено, не то муку, воз опрокинулся на него, и он погиб. Силен был, видимо, поп, если сам за возчика работал.

19 апреля. Продолжаю заниматься городскими делами. Все утро бродил (на машине) по городу. Заметно меняется его облик, чистота пробивается через вековую грязь и наслоения мусора. Красавица Пенза вырастает из помойной ямы. Народ хлопочет как муравьи. Приятно, что всюду копошатся. Это дает гарантию успеха. Я влюбился в переустройство сквера у памятника Белинскому. Вчера

утвердил проект его озеленения, ввел аллею березок напротив 16-й школы, купы рябинок, аллеи лиственниц и елочек. Сегодня мучаю лесников, они сделают. Сквер будет красивым. Раз влюбился, значит, дело будет. Без влюбленности не могу. […].

27 апреля. Уезжаю в Нижний Ломов. В голову всякие мысли. Вообще дорога всегда навевает мысли, дает образы, создает какое-то поэтическое настроение. Дорога – мать поэзии, яркого восприятия мира. Не было бы движения – не было бы тысяч стихов, поэм, рассказов… Раздумья о пройденном пути. Он, конечно, дал много, но мучает одна ошибка (я не стесняюсь признаться в этом) – надо было идти в науку. Там, мне думается, я дал бы больше пользы, чем в суетном мире администраторства. А из наук моя самая любимая – история. Но теперь поздно! Второй жизни не дано, а первую переделывать сложно. Очень поздно я пришел к выводу, который лезет в голову: «Слава – временна, расточительна, а добро – постоянно».

В 12.00 в Н. Ломове – вручение наград работникам животноводства Нижнеломовского, Пачелмского, Земетчинского, Беднодемьяновского районов. В памяти – жесткие трудовые руки и хорошие радостные лица награжденных, среди которых большинство – женщины. Нехитрые речи, которые отольются тысячами литров молока, сотнями тонн мяса. После приветствия пионеров и концерта едем в лагерь у Серого Ключа. 250 человек за столом! Веселая трудовая семья. […]. Кончили пляской и качанием. Думал, останусь без костюма на женских мозолистых руках. Уезжаем. [Слова труженицы]: «Двадцать лет работаю, а такого не видала»!

6 мая. Утро началось разговорами с архитекторами: решили (предварительно!) вопрос о том, чтобы привязать Дом быта к обочине сквера около обкома КПСС. «Светлячок» останется цел, елки тоже. Сквер, в который я вложил столько сил, стал святыней! Потом беседа со Шлыковым, директором Вадинского маслозавода. Помогаю станками, канализацией...

30 мая. Утром условливаемся, что еду в Колышлей: плохо идут дела по прорывке сахарной свеклы. Для меня это уже стало «нарядом»: каждую весну выезжать в этот район и раскачивать всех на прорывку свеклы. В 9.00 рассматриваем проекты обелисков в память воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Наиболее интересен проект Оя, Фомина и Иофана, хотя Фомин, насколько я знаю, не имеет к нему никакого отношения. Проект удачен: обелиск в виде ростка растения. Я предложил девиз: «Победа – это жизнь!» Что касается проекта Романа Попрядухина, то там есть только желание сделать видимость проекта и нет никакой мысли. Решили все проекты (их три) отдать на суд широкой общественности Пензы. […].

11 июня. День субботний. […]. В 15.00 уехали на спортивный праздник, посвященный открытию после реконструкции стадиона «Труд». Это новый спортивный объект за все годы существования Пензы. Получилось все хорошо для первого раза. Но удивляет – стадион не полон. Странно, обидно. Какое-то мещанское равнодушие, тупость. Тяжелый народ со своим спокойствием, медлительностью. Вывел новую формулу: в Пензе знают, что нужно делать, знают, как нужно делать, но делать некому! Погода с жаркой переходит на прохладную. Контраст трибуны: на одной палит, нет терпения, на другой (где нет солнца) люди замерзли (буквально!).

16 июня. Подъем. Осмотрели Пачелму и опять в дорогу. Первое село на пути – Ворона. Отсюда берет начало знаменитая река того же названия. Хорошее настроение у народа! Правда, обвалился клуб, молодежь жалуется. Надо как-то помочь. Вспомнил о бандите Огневе, который действовал здесь в 1931–33 годах. Один старик говорит, что Огнев [в последней перестрелке] получил 12 ран. Смотрел по документам – сочиняет. Потом – Белынь, родина деда Виссариона Белинского, село, давшее основу этой знаменитой фамилии. В этой же церкви служил мой дядя, Владыкин, но это уже позже. Сейчас от церкви не осталось и следа. Лишь холм да кладбище напоминают о месте, где она стояла. Село раскинулось полукругом вокруг холма, на котором была церковь. […].

16 августа. Сессия Верховного Совета РСФСР. Вопрос о сельском строительстве. Постановка типично декларационная. Все разделилось: пленум [ЦК КПСС] – решает; сессии – произносятся декларации, агитируют. В обед – за одним столом с Г.К. Жуковым. Маршальский мундир, четыре звезды, розовые щеки, выглядит довольно бодро. Разговор о сельском хозяйстве, нуждах крестьян. Он, судя по всему, далек от этого.

– Бывали ли в Пензе?

– Году в 21-м добивал Антонова под Сердобском.

Рассказывает какие-то детали, как его приняли за бандита, но тот был Жуков-Семенов. Пока разобрались «бойцы самообороны», седла и мешки оказались очищенными. Командовал кавалерийским отрядом. Хорошая память у этого «одного из величайших полководцев всех времен и народов», затертого дважды.

2 сентября. Сегодня пленум. Столько надежд на него возлагал, но не все оправдались. Доклады прозвучали как обычные самоотчеты: много цифр, данных, мало о партийной работе, еще меньше мыслей. Выстрелом, резким ударом – мой содоклад. Слушали хорошо. Но есть две опасности: 1) [доклад] могут расценить как попытку быть оригинальным и «самым умным»; 2) когда-нибудь докопаться до то-

го, что вся критика Камешкирского РК КПСС – это в то же время критика стиля и методов работы самого обкома КПСС. […]. Испортил все Лев. Начал за здравие, кончил за упокой. Сначала сказал немного о партийной работе, потом свалился на хозяйственные и... все. Вопрос не получился. Жалко! При серьезном отношении к делу – это мог быть переломный шаг в практике работы партийных организаций области. Но ломать надо начинать себя, прежде всего. Это, видимо, трудно! […].

4 сентября. […]. Произношение буквы «г» становится своеобразным паролем, пропуском для прохода в «руководящие» ворота. Страна заболела южным акцентом. Даже Ф.Д. Кулаков, этот коренной, лапотный пензяк из земетчинцев, и тот говорит «г'». Опять торопимся, хотя и опыт ошибок есть, и нет необходимости торопиться. Сначала опубликовали закон о гарантированной оплате, потом только начинаем думать, как ее вводить, поскольку многое не клеится, особенно с экономической точки зрения (плохие колхозы брать на шею государству?). Принимается в корне неверная схема у нас: валить на недопонимание местных работников. Старый, ошибочный прием... Стало много совещаний без совещания. Совещание – от «совещаться». У нас же скорее указания – от «указывать». Система нереальных заданий. Желаемое [выдаем] за действительное.

16 октября. […]. Воздух по утрам свежий, дает себя знать ночной морозец. Листва шуршит под ногами. Дозвонился на дачу Ф.Д. Кулакову. Поручение выполнено, Шушканов уезжает в Москву. Потом пришел Наумов. Радостная весть – 601 тыс. тонн сахарной свеклы сдана государству, план выполнен! Такого количества Пензенская область не сдавала никогда в своей истории. С Дорошенко отправляем телеграмму в ЦК КПСС. Думаю, что не обратят внимания. Потом поехал по городу: был в сквере у Архиерейского дома, у Дома Союзов, в Лермонтовском, потом на «Темпе», оттуда в Ахуны, через Шуист – на Медпрепараты и т. д. Пенза меняется, но очень медленно. Это пока город кривых и грязных улиц, приземистых домишек, обросших садами и спрятавшихся за гнилыми заборами. […]

19 октября. Влюбился в устройство сквера напротив гостинцы «Россия». Каждый день так и тянет туда зайти. Может, это и плохо, но я всегда считал и считаю, что влюбленность в конкретное дело – один из признаков деятельного и плодотворного человека. В 14.00 поехал (опять, правда, зашел в сквер) в политехнический институт. Знакомился с кафедрами. Институт расположился в бывшем здании духовной семинарии. Раньше здесь училось и жило человек 150 семинаристов. Теперь же 3.000 человек. Общее впечатление неважное. Скученность, не проветривают. Если бы завязали глаза, то на вопрос: куда вы попали? ответ был бы: на вок-

зал. Страшный запах пота людского! Деревенщина в оформлении, культуре и т.д. Серость преподавательского состава, нет почти профессоров, докторов. Набрали с миру по нитке. Претензии большие, а база слабая. […].

20 октября. […]. Утром снова зашел на сквер у «России». Вчера, после вздрючки, загорелись, сегодня опять остыли. Все время так: умеют работать активно только тогда, когда дело доходит до скандала. Это – национальная особенность! В обкоме партии разрабатывал вместе с Фомиными и Швечковым операцию по бетонированию поля стадиона «Темп». Ставим перед собой задачу осуществить все работы за 20 часов! Нужно уложить 300 куб. м. бетона. Назначаются «комиссары» (люблю я это слово, оно как-то сразу подтягивает. Звучит, как противоположность бюрократическому, истасканному слову «уполномоченный»). По общему руководству [ответственный] – Фомин, по организации работ – начальник СМУ №15 Ю.И. Кузнецов. Военным поручил решить вопрос с транспортом. […].

22 октября. […]. В 14.00 уехал на «Темп». Это время начала всей операции. Сорвали военные, запутал Фомин. Пришлось пускать в дело кулаки. Фомину попало впервые, чтобы не путал. В 16.00 все пошло. Главное – бетон и люди. Бетон не дает стоять. В 23.00 опять на стадион. Штурм идет безостановочно. Море света, музыка, бетон. Своя строительная симфония. Кузнецов – старый строитель – говорит, что не видел такого бетона (по качеству) лет 15! Идет здорово.

23 октября. […]. Уехал на «Темп». Штурм гудит, атака идет, не останавливаясь. Смены меняются, солдаты меняются, шофера меняются, а ритм остается, и этот ритм создает бетон. […]. В 16.00 снова заехал на «Темп». Атака кончилась. Бетон уложен. Всех поздравляю. Особенно радостно принимает их Фомин. Не спал все сутки. Молодец он! Забыл, что попало...

26 октября. Утро начал с поездки в район сельхозтехникума за лесом у Западной Поляны. Исстари сложилась традиция, что сюда на гору, сбегающую к пруду, в зимние воскресные дни собираются тысячи жителей города на лыжах. Катание с горы – большое удовольствие. Но я был здесь прошлой зимой. Многое не понравилось: гора изрыта ямами, загорожена деревьями и кустарником, местность захламлена, нет никакой торговой обслуги. Сейчас решили заняться и этим участком города, выровнять гору, засыпать ямы, убрать лишний кустарник, озеленить окрестности горы, построить зимнее теплое кафе. На будущее, если удастся, есть две задумки: сделать канатную дорогу на гору и трамплин. Задания даны, все теперь в деловитости людей. А ее явно не хватает.

1 ноября. Давно дал поручение скульптору Малову подумать над проектом хорошего памятника М.Ю. Лермонтову пензенского периода. Это – мальчик лет 13–14 лет, начинающий поэт, не юнкер. Сегодня пригласил Малова. Он привез 5 вариантов. Один очень хороший! Пригласил Селиванова и Льва. С замечаниями одобрили. Есть у меня мечта: рядом с Белинским в городе Белинске поставить юного Лермонтова, и тем самым довести до конца начатое дело увековечения памяти этих двух гениальных юношей, начавших свой путь в историю с пензенской благодатной земли. […].

Получил письмо с подписями Эренбурга, Ильинского, Симонова и других с требованием открыть дом-музей Мейерхольда в Пензе, в доме, построенном его отцом (ул. Володарского, д. 59). Бьют настойчиво. Но моя точка зрения: 1) Пенза – город далеко не театральный; 2) Мейерхольд – не великий человек; 3) стал героем как «жертва культа»; 4) его режиссерство – сомнительно; 5) есть национальное в этой настойчивости. Говорил с П.Д. Селивановым. Решил отклонить эту попытку. Хотя, вероятно, будет шум!

4 ноября. «Мудрость» – в действии: доклад отдал целой компании на переделку. Единственно, чем помог, – сделал замечания. Можно было и самому, но жалко бесполезно тратить силы и труд. Звонил Е.В. Вучетичу. Нужен адрес для поздравления.

– Опять работаешь?

– Тружусь вовсю, нельзя сидеть без дела, я же не амеба. Обкрутить, переварить и выплюнуть – так не могу!

Дома, говорит, строгий порядок и жестокий контроль. Боржоми разбавляет лимоном. Впечатление – хмельной. […].

Спрашиваю, над чем работает. Опять ищет монумент для Москвы.

– Женщина с мечом и щитом?

– Не бойся. Она русская стала!

(К разговору о монументе в период работы XXIII съезда КПСС: герма, щит, меч и на животе рельефы. Мне показалось, что это не то. Главное, не русская женщина!).

– Тогда обиделся?

– Ты что, с ума сошел. Как тебе не стыдно?!

Опять ездил по городу. Маршрут тот же самый. На горе у техникума полчаса сам руководил бульдозером. Чистил гору от кустарников, свалил березу, вставшую прямо на пути. Лесники сажают лиственницу. Не знаю, что из этого получится. Приехал Айкашев. Жизнь и здесь налаживается!

5 ноября. В грузинских материалах опять тонкое начало подхалимажа [перед Брежневым]: «лично Вас», «при Вашем личном участии». Опять начинается? Когда же мы, наконец, умными станем. Год-два – и трезвон о личности […].

28 ноября. […]. Собирал по подросткам. Хочу взяться за эту проблему, объявить ее партийной проблемой. Это вопрос о будущем: спасти ребят, отвлечь тех, кто заблудился, не дать заблудиться другим; средство – занять всех полезным делом (школа – [должна стать одновременно] клубом, на предприятиях [создать] школы юных [умельцев], в домоуправлениях – спортплощадки и кружки). […].

11 декабря. […]. Опять милиционеры резиновой дубинкой отлупили, на этот раз, зав. отделом культуры «Пензенской правды» Мартынова. Бои милиции и журналистов не затихают: одни пишут статьи и фельетоны, другие – стригут наголо и бьют резиновыми палками. О первых – широкий общественный резонанс, у вторых – «доходчивость» до каждого […]. День в обкоме КПСС. Беседа с В.И. Лысовым и Э.В. Александровым. Будем [милиционеров] отдавать под суд. […].

13 декабря. Было настроился сесть за доклад, но опять захватили текущие дела. Провел секретариат обкома КПСС, условились о подготовке пленума обкома КПСС на 22-23 декабря 1966 г. Расписали выступающих. С Б. Зубковым обсуждал проблему строительства плавательного бассейна. Тянется дело, да и ошибок, как пишут в газете, много. Пришлось послать бригаду в Куйбышев – учиться. Немного посидел над докладом. Вечером совсем выбился из колеи. Ищу хорошего тренера «Дизелисту». Пытался договориться с Андреем Старовойтовым, но он отказался, рекомендовал Николая Сологубова – знаменитого игрока мира. […].

18 декабря. […]. Вечером передают Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Л.И. Брежневу звания *Героя Советского Союза* за заслуги и в войну, и в связи с 60-летием. Не удержался. Власть кружит голову.

19 декабря. Утром одно событие. которое вызовет, скорее всего, противоречивые отклики в Пензе. Приехал Николай Сологубов, легендарный хоккеист, игравший в хоккей лет 20. Из них 15 лет за знаменитое ЦСКА. 10 раз был чемпионом СССР, раз 7 – чемпионом Европы. Трижды ему присваивалось звание «лучшего защитника мира». История хоккея знает два таких легендарных имени: Бобров и Сологубов. Давно вел с ним переговоры. Он дал согласие Алма-Ате, я его перехватил. Приехал с сомнениями, пришлось нажимать, удалось склонить. Позвал Е. Субботина. Объявил, что его просьба [об отставке] принята. Кряхтит, но что ему делать? В 15.00 представили Сологубова команде. Реакция неважная. […].

1967 год

21 марта. Вот и переступил еще один порог – 41-й год! Так порог за порогом, ступенька за ступенькой, все выше и выше к обрыву, которым заканчивается дворец жизни. Церковники построили другую схему: выходишь из дворца на райские лужайки. Но желаемое выдали за действительное. Нет этих лужаек. Есть пропасть, обрыв, стремительный полет в ничто, совершаемый человеком в одну секунду. Был и нет... Нет никогда, ничего. Материя жестоко и неотвратимо переходит из живого в неживое. Весь вопрос – когда? […].

24 апреля. Понедельник – день, действительно, тяжелый. Утром было вроде все нормально. Беседовал со Львом, который уехал потом в Москву. Вел комиссию по приему в ВПШ, отправил ответственных на сев, отругал советскую власть [горисполком] за невнимание к озеленению города. События развернулись к вечеру. Первое неприятное, хватающее за горло сообщение о гибели при приземлении Владимира Комарова. Тут есть ряд соображений. Молчаливый и непонятный полет. Мало репортажей. Что-то не клеилось. Было ясно, что трагедия может быть, и стало страшно, когда она наступила. Он вообще невезучий. После первого полета Н.С. [Хрущев] обещал [ему] встречу. Приземлился, а того сместили. Теперь погиб. В Ленинские дни, накануне Мая, да еще в год 50-летия Советской власти, неприятно, горько, тяжело...

29 апреля. Утром едем на промкомбинат. Плохие мы хозяева. Стоит уйма пустующих зданий. Горчицу ложкой раскладывают по бакам. В ужасной грязи рождается тушенка. Хорошему бы купцу в руки это богатство! Едем на Верхний Ломов, поворачиваем на Н. Михайловку. Скоро праздник, а в магазине пусто. Звоним в Верхний Ломов, встречается Владыкина. Я у них был в 30-х годах зимой. Мать ее, попадья, умерла 8 марта прошлого года. Просила сыну не сообщать. Едем по древним керенским селам, названия которых я часто слышал в детстве: Пошутовка, Сухо-Пичаевка и т.д. Встреча с татарами на телеге. «Холодный суп» во флягах оказывается самогонкой. Пробиваемся на Кувак-Никольское, садимся где-то в болоте. После отдыха в Н. Ломове, ночью [объезжаем] полевые станы. […].

1 мая. День, действительно, майский: немного свежий, но солнечный. Идем с Михаилом на демонстрацию. Площадь Ленина полна народом, полощутся красные стяги, на фасаде «Татьяны» [изображение] красной гвоздики с серпом и молотом. В 10.00 начинается парад и демонстрация. Потоки людей, лозунги, плакаты, портреты, среди которых почему-то больше всего портретов космонавтов. Таков век – век покорения космоса. После демонстрации принимаем у Льва в подсобке кубинских гостей. Приехали в Пензу создавать партийную организацию среди учащихся-кубинцев в инженерно-артиллерийском училище. Их тосты – это тосты «мировой революции». Фидель крепко вбивает своим питомцам свои ультрареволюционные идеи. Хотя странно, что для нас призыв к мировой революции звучит как оппортунистический призыв. Тут есть противоречие! […].

3 мая. […]. Как какой-то рок, все время меня преследует судьба хоккейной команды. Надоело страшно, но надо все время заниматься ею. Цезарь говорил, что народу нужны хлеб и зрелища! Хлебом накормили, а хоккей в Пензе – главное зрелище, им живет весь город. Невнимание может серьезно сказаться на настроении людей. Да и сам я болельщик с детства. Сочетание всего этого заставляет буквально каждый день вырывать несколько минут ради злосчастного хоккея. […].

4 мая. […]. Переезжаем на Курский вокзал, потом едем на Садово-Каретную, сдаем кинопленки [фильма о Пензе], заходим к зам. министра автомобильного транспорта РСФСР Николаеву по поводу автобуса для хоккеистов. Почти договариваемся. Обедаем в ресторане «Узбекистан». Прекрасная кухня, не сравнишь с рестораном [пензенской] гостиницы «Россия». Перед отходом поезда в правительственной комнате Курского вокзала разговор с Н.М. Сологубовым о судьбах команды. Мои выводы (предварительные): пригласив Сологубова, я допустил ошибку. Он никогда не будет тренером. Главная его беда – отсутствие элементарной грамотности. Хорошо зная хоккей, он, не владея никакими педагогическими [навыками], не может передать эти знания. Самоуверенность, порожденная былой славой, мешает реально смотреть на настоящее и закрывает будущее. Мне думается, что кончит он плохо: сопьется вместе с «доктором». […].

31 мая. […].Вечером на «Суре» – в Пензу. Едем вместе с Христофоровым. […]. По дороге прочитал указ Президиума Верховного Совета УССР о назначении В.Е. Семичастного первым заместителем председателя Совмина Украины. Жалко Володю, хотя есть свои закономерности: ни один руководитель ЧК (исключая Дзержинского и Менжинского) не уходил по-доброму: Ягода оказался врагом народа, Ежов допустил «ежовщину»; кажется, его расстреляли. Берия взлетел высоко, но

был расстрелян. Меркулова расстреляли. Игнатьева сняли за крупные ошибки. Серова освободили и разжаловали. Лучше всех Шелепин – ушел вверх, Семичастный – с «почетным понижением», если спустя некоторое время чего-нибудь не наплетут. Вообще закон истории гласит, что нельзя быть активным «свергателем» и оставаться на вторых ролях. Или все, или ничего. Те, кто выходят вперед, вольно или невольно думают о том, а что если опять... У них есть опыт и мужество. Думаю, что в этом главное. Отсюда же отсутствие в течение 3-х лет заведующего административным отделом, вывод его (этого отдела) на прямое подчинение [Генеральному секретарю], увод Горюнова из ТАСС и т.д. Чем все это кончится?

9 июня. Весь день с 9-ти утра до 5-ти вечера был на партийной конференции в высшем инженерно-артиллерийском училище. Все идет спокойно. Демократию «придушили»: бывшие парткомы переделали в политотделы. Теперь нет голосования, а посему и нет страстей. Беспокоят известия с Ближнего Востока. Судя по всему, арабы войну проиграли. Наши бьются в Совете Безопасности. А что еще остается делать? Иордания подняла руки, сдав Иерусалим и согласившись на прекращение огня, выбыл Египет, допустив евреев до Суэцкого канала, Сирия кричит о помощи и согласии на прекращение огня, а евреи идут к Дамаску. На проверке испытанием арабское единство оказалось жидкой демагогией. Вместо того, чтобы строить театральные позы африканского диктатора, великого вождя арабов, Насеру следовало бы серьезно относиться к своим обязанностям. Спрашивается, где же наше оружие, где средства советского народа, брошенные в эти страны? [Насер] – липовый «Герой Советского Союза» – оказался жалким трусом и плохим руководителем. Решил идти в отставку. Не тот вождь. Нам за него стыдно! […].

Стало известно, что 14 июня будет указ о награждении области орденом Ленина. Дал команду готовить изображение ордена на фасад здания обкома КПСС. В 16.00 уехал на Светлую Поляну. Сам мало участвовал, но сделано здорово! Просто не узнаю пензяков. Хорошо поработал ГК КПСС (Ерзунов). Молодцы! Замечательный подарок жителям города.

13 июня. Утро началось обычными аппаратными делами. Лев ездит по Лопатинскому району. Не понимаю этих гастролерских налетов. Что можно сделать за один день? Только посмотреть. Я за то, чтобы каждый выезд сопровождался организаторской работой и давал какой-то результат. Днем был на заводе «Пензмаш». Митинг по поводу израильской агрессии. Суровы лица людей – успели воспитать ненависть к войне. Беседовал с рабочими, смотрел цеха. Завод вырос из бисквитной фабрики.

Звонил в «Известия». Главный редактор подвел, сказав, что указ будет завтра. А около 21 часа неожиданно передали его. День исторический. Пензенская область награждена орденом Ленина! Событие, хотя теперь обычное, но поднимающее настроение, вызывающее чувство хорошей гордости за тружеников области. […].

14 июня. Сразу же в театр. Барышников и его компания совершила подвиг. Полотно серого холста в 180 кв. м. за одну ночь превратилось в кумачовое, на нем золотом отливает орден Ленина. Начинаем налаживать подвеску. Дело кропотливое. Резкий ветер, отсутствие опыта, огромный размер полотна, которое полощется, как парус, – все делает работу не только сложной, но и опасной. Душа болит. Убьют кого-нибудь трубой! Весь день возятся киркияновские рабочие, пожарники. Штелле сбежал. Потный и усталый в 16.00 иду на площадь В.И.Ленина. Около 15 тыс. человек веселого, радостного народа. Ликование людей понятно. Я читаю текст письма ЦК КПСС. После митинга – банкет для членов бюро, нудные производственные тосты. Моя мысль: если читать указ глубже, то области дали орден за те преобразования, которые произошли в промышленности, сельском хозяйстве и быте за последние годы. Преобразования большие!

28 июня. Первая утренняя новость в «Правде»: Н. Егорычева освободили, избрали В.В. Гришина. Формулировка: «в связи с переходом на другую работу»(!) Быстро оправдался прогноз. Говорят, [сняли с работы] без прений. Участвовали М.А. Суслов и И.В. Капитонов.

– Как себя чувствует? Переживает?

– Нет, растерян, ничего не поймет.

Если за одно выступление, то – жестоко. Как же развивать критику, вносить предложения? Думаю, что это лишь повод. Многое накопилось раньше. Зарвался Николай, потерял чувство меры и осторожности. […].

30 июня. […]. К вопросу о Н Егорычеве. Официальная версия его освобождения звучит примерно так: «Тов. Егорычев на последнем пленуме ЦК КПСС в своем выступлении допустил ряд серьезных ошибок, высказал ряд необоснованных и непроверенных положений. Члены ЦК резко осудили эти ошибки. Оказалось, что его выступление не было согласовано с членами МГК КПСС. Выступление вызвало удивление и недоумение членов бюро МГК КПСС. Бюро МГК КПСС обсудило вопрос и осудило ошибочность выступления. Тов. Егорычев сам признал ошибки и поставил вопрос о том, что он не может дальше возглавлять Московскую городскую партийную организацию. За последнее время он зазнался, перестал советоваться с членами бюро ГК КПСС, нарушал принципы партийного руководства, коллегиаль-

ности. Бюро, пленум горкома партии сочли невозможным дальше оставлять его на должности первого секретаря МГК КПСС».

Несколько комментариев:

1. «В настоящее время зазнался». Это не точно. Он всю жизнь (знаю его с 1947 г.) был зазнайкой. Мы его как секретаря Бауманского РК КПСС критиковали на бюро МГК КПСС еще в 1959 или 1960 гг. Не считается, якает, «бумеранг». «Последнее время» – попытка отрицать ошибку в подборе этой кадры.

2. «Не было согласовано». А кто, когда и где согласовывал? Такова, к сожалению, практика. Все говорят от имени, но никто не спрашивает этого самого «имени», не советуется с ним.

3. «Сам поставил». Говорят, растерян, ничего не понимает, обескуражен.

4. «Бюро собралось». Умалчивается, по чьей инициативе и кто участвовал в этом бюро из ЦК. А это очень важно.

5. Итог внешне один: сняли за неудачное выступление. Мало ли людей неудачно выступает. Разве за это снимают? Признают ошибку и все.

Думается, что «неудачное выступление» – лишь повод для более глубоких выводов. В чем их смысл, сказать трудно. Или боятся открыть двери для свежего ветра. Сквозняк, простудятся. Или та же цепь, которую начинали Д. Горюнов, В. Семичастный, теперь Н. Егорычев. Все они – выходцы из «комсомола» [команды Шелепина]. Может, идут к знаменателю? Последний ли Егорычев? Может случиться, что нет, и скорее всего, что нет. Своеобразная реакция на «молодых». Чем она кончится? – вот вопрос. Жизнь покажет.

3 июля. Арестовали в Баку и привезли в Пензу двух грабителей, совершивших налет днем на почтовое отделение в Сердобске. Долго мы их искали. Я звонил в милицию раз пять! Ездил смотреть. Зрелище страшное. Ждал бандита с покатым лбом, оказался (Лушников) – паренек 19 лет, был комсоргом класса, окончил 10-летку, поступал в педагогический институт. Мать и отец обеспечены. Играл в футбол за часовой завод. Ничего не понимаю! Спрашивал его. Говорит, романтика и расчет на то, что не попадется. Нашли здорово. Это подвиг розыскной службы. […].

10 июля. […]. Новость – освободили Володю Чекалова якобы «за пьянку, бытовые дела». Знал его как очень выдержанного парня, очень скромного. Теперь «дверь к начальству стал ногой открывать»!? Какие-то намеки на его близость с Ш. [Шелепиным] и Сем. [Семичастным], «комсомольская группа». Кажется, я недалек от истины. Он за операцию «х» получил генерал-лейтенанта. Все совпадает. Есть четвертый! Кто следующий? Будет, думаю, и не один...

11 июля. Предчувствия и на этот раз оказались, к сожалению, правильными. Сегодня получен ответ на все вопросы, которые мучили последнее время. Шурик [А.Н. Шелепин] ушел «в школу коммунизма» [ВЦСПС]. Даже внешне – понижение. Из «школы» [профсоюзной работы?] на – ГК [московский горком комсомола], а из ЦК – на «школу». Логики нет? Логика есть, причем железная: «свергателей свергают» – так надо бы назвать главу [об этом событии], если ее писать.

От сквозняков можно, особенно если ты в возрасте, простудиться. Решили захлопнуть дверь и окна. Комсомол есть комсомол. Куда тут денешься? Итог: пришли к знаменателю. Хорошо, если этот процесс на этом и остановится. Могут пойти и дальше, освободив себе руки. Но это – необязательно, хотя вполне возможно […].

19 августа. Сегодня ударный день. Подкрепляем [его] драконовскими мерами. Поручаем автоинспекции задерживать бесцельно идущие грузовые машины и отправлять их на хлеб! Половину дня провел на трассах вокруг Пензы. Волосы встают дыбом от этой возмутительной картины антигосударственного отношения к использованию грузового транспорта. Только в нашем чересчур «демократическом» государстве возможна такая бесхозяйственность. Один едет в гости к матери за 100 верст, другой на дачу тащит навоз, третий поехал на охоту и т.п. Страшно! Любой хозяйственник считает грузовую машину своей собственностью и распоряжается ей, как вздумается. Все списывается на убытки, никто денег не платит, всем наплевать, раз она государственная. Что-то не ладится у нас с этим делом. Нет рычагов, нет строгой государственной дисциплины. Примем решение бюро, накажем, напугаем, но разве это настоящая мера? Надо что-то искать более действенное. Нельзя экономику строить на психологии, воспитании. Это ошибка […].

27 декабря. Определилась [политика Брежнева]:

1. Боязнь реформ. Внешнее умиротворение. И внутреннее и зарубежное.
2. Заигрывание в ущерб экономике, конечным и важным целям.
3. Распущенность. Каждый сам по себе, никто не цыкнет.
4. Боязнь прошлого. И. Ст. [Сталин].
5. Выкраивание истории. И связывают, но и не крит[икуют].
6. Консерватизм к молодым. Боязнь новых потрясений (Шурик и др.).
7. Своеобразная нац. политика. Все [кадры] – по себе, но выпячивается явно хохлацкое направление.
8. Отсутствие новых идей и попыток [отыскать] их.
9. Утверждение топорного, возвышенного стиля речей без особых мыслей.

1968 год

7 февраля. […]. Создано еще одно министерство – машиностроения. Клубок накручивается, клубок пухнет, и как долго это будет продолжаться? – вот вопрос. Есть же где-то пределы возможного и разумного! Или их нет, и все наш строй выдержит? Идет своеобразное движение: сами против себя. Пухнет непроизводительный аппарат, растут всякого рода расходы, повышаем, не обеспечивая товарами, зарплаты и пенсии, начинаем больше отдыхать, чем работать. Газеты теперь мало спрашивают: как ты работаешь? Больше: как ты отдыхаешь? Своеобразно! Но не рано ли, не губительно ли это для строя? Внешне хорошо сегодня, а не будет ли трудно завтра? Порождаются (может, это на экономической основе): равнодушие чиновников болеющих за место, а не за дело […]. Намечаются планы не новую пятилетку. Эта будет выполнена, но не по всем показателям. Опять плохо с поставками сельскому хозяйству: удобрения, машины, запчасти. Как роковая шутка. Все и везде выполняют, доходит до сева – всего не хватает. В марте намечен пленум ЦК. Не знаю, есть ли вопросы, но снять бы с работы пару министров, дело пошло бы наверняка. Избаловались. Давно не снимают, просто тихо «переводят».

12 февраля. Утром совещание в обкоме КПСС. Призыв: все в районы! Я давно не был в Сосновоборске, поэтому с удовольствием выбрал поездку именно в этот район. Днем разговор с К.И. Куницыным – просит новую квартиру. Очень симпатичный мужик. Член партии с 1924 год. Лет 30 работал первым секретарем сельского райкома партии в Саратовской и Пензенской областях. Жертва «культа», отсидел в 1937–40 гг. три года. Рассказал потрясающие вещи, хотя без злобы. Из рассказов его мысли: арестовали и уничтожили очень много, практически весь партийный актив. И в несколько заходов. Было две волны: сначала брали «актив», вылезли карьеристы, особенно усердствовавшие. Второй волной расстреляли тех, кто наиболее активно расстреливал. Губительную роль сыграли ажиотаж народа и всплывшие в мутной воде карьеристы. Постышев был активен в Куйбышеве. На его душе много [загубленых]. Ему здесь принадлежит формула: «Дайте по зубам»!

После обеда – в Сосновоборск. У Чаадаевки в лес. Чудесно. Яркое-яркое солнце, холмы, покрытые лесом, блестят. Старая Кадада, берег Суры. Липовки. Давно

не был здесь. Заезжаем в с. Индерка. Татарская «республика», умный хозяин Х.Д. Забиров. Смотрим чудесный клуб, новую столовую. На фермах – образцовый порядок. Доярка Мязитова. В декабре 1968 г. исполнится 25 лет работы дояркой. В прошлом году надоила 4.200 кг. на корову. Сколько надо сил и старания! […].

13 февраля. Утром в Сосновоборске. Уютный, окруженный густым бором, рабочий поселок, подковой раскинувшийся вокруг двух прудов. Господствует над всем фабрика «Творец рабочий» (интересное название!) – свидетель начала капитализма в России. Сукно – ее основа. С этого начинала и Россия. Смотрим предприятия торговли, быта, коммунального хозяйства. Много деревенщины, отсталости. Пагубно сказалось отсутствие района. Мы тогда начали строить, а «промышленники» больше занимались рыбалкой. Настроение у народа хорошее. В магазинах все (в основном) есть. Говорят: «Побольше бы денег»! Посмотрели фабрику. Производит 3,5 млн. метров сукна. Цеха старые, машины кое-где новые. Но темень прошлого висит над рабочим: грязно, темно, неуютно. Заложили новый корпус – строят 8 лет, а конца не видно. Интересная особенность, которую понял впервые: экономическая реформа благодатно сказывается на поведении рабочих. Раздали премии. Кое-кому досталось по 70–100 рублей. Кто пьянствовал и прогуливал – премию не дали. Говорят, что здорово помогает. Интересно! […].

14 февраля. Уезжаем в с. Вязовку на собрание колхозников колхоза «Заря». Я бывал в этом колхозе в 1962 году. Приехал – знакомый счетовод: «Давно не были, лет шесть». – «Что изменилось за это время»? – «Да третий уж председатель, а больше, пожалуй, ничего»... Действительно, перемен мало. И у нового председателя нет ясной программы. И это – самое страшное. Идут вперед, закрыв глаза, не считаясь с интересами государства. Переход на гарантированную оплату труда облегчил бремя колхозников, снял с них (абсолютно!) вопрос об оплате труда, повесив на шею государству дополнительные расходы. Народ кормит народ. И правильно, и разорительно. Абсолютно подорвана особенность «кооперативной организации производства». Колхозник не отвечает за результаты труда. Есть работа – работает, получает зарплату, а что дальше – не его дело. Каков результат? Стоимость основных фондов колхоза – 780 тыс. руб., долги по ссудам и кредитам – 980 тыс. руб.! Доход колхоза за 1967 г. – 220 тыс. руб., расходы на зарплату (только!) – 255 тыс. руб. Это «государство». Кто придумал, зачем? И опять выступают и в основном говорят «дай», робко – «на» […].

18 марта. Решил о строительстве универмага в Мокшане, добыл в российском банке 500 тыс. руб. на увеличение мощностей Никольского стекольного завода,

поддержал идею закупить для Пензы английский завод по производству 3,6 млн. декалитров пива. Так бы каждый день! […]. После обеда уехал на газике в Беднодемьяновск. Остановка в Н. Ломове. Угроза засесть. Прошла метель за Н. Ломовым (Зубово – Дубровка). Но решился и уехал. Не без приключений, но добрались. Уйма машин. Шофера – мученики. Ездят, где придется, спят, где попало. Отчаянная профессия […].

19 марта. […]. Выпили кофе и отправились по «Бедному Демьяну» (надо же так глупо назвать город!). По телефону вызывают так: «Бедный, Бедный, дай контору!». Молочный завод – зрелище убогое. Живое свидетельство ничем не оправданного, небрежного отношения к нуждам рабочих и потребителей. Развалины, из которых выдавливают масло. Облпотребсоюз заканчивает строительство хлебозавода. Картина другая. Современное механизированное предприятие. Керамическая фабрика поражает нашей неразумностью и беспечностью. Любой купец выжал бы миллионы, мы же терпим убытки. Никто ничего не считает, новой продукции нет, художник нигде не учится и ничего не видит […].

20 марта. Самый дорогой мне подарок в день рождения – мир и благополучие в семье! Правда, Вера немного хандрит, но сердце «отпало». Итак, 42 года! Быстро гонит время по жизненной лестнице. Странная закономерность: чем старше, тем почему-то быстрее бежит время; хочется остановить, задержать, но маятник жизни бьет все быстрее и быстрее. Куда торопится, кто его гонит? Известно – куда и ясно – кто... Решил задать себе вопрос: есть ли чем отчитаться перед народом и совестью за свою жизнь? Кажется, есть. Не так уж много, но что-то сделал, что-то останется на земле. Останутся карьеры, размытые собственными руками, от Саженей до Красных Баков; заводы железобетона, построенные в Москве, стадион «Лужники», в фундамент которого уложил первые камни. Как знамение времени сохранится память о начале освоения целины, первых комсомольских дружинах на улицах Москвы, начале работы среди населения в Октябрьском районе. Самый творческий период – работа в Пензе. Немало сделано, чтобы изменить внешний облик и в какой-то мере внутреннее содержание Пензы и области. Много построено. Будет время, перечислим. Список длинный, с раздумьями. […].

8 апреля. […]. Вылетаю в 3 часа дня [в Наровчат]. Яркое солнце. Летим над нашими садами, Рамзаем. У Мокшана Мокша бунтует, идет лед. Потом Голицыно. У Наровчата Мокша разлилась здорово, кругом вода. Но аэродром уже сухой. Садимся в районе Старой Сотни (что ни название, то история). Едем в РК КПСС. Внешне городок мало пока изменился: выросло два 8-квартирных дома, строится

райком партии, открылся двухэтажный КБО «Космос», обвалилась бывшая знаменитая гостиница со знаменитой периной.

После небольшой беседы уезжаем в сторону Кавендры. Шелдаис перехватил дорогу. Кругом вода. Черный мост обвалился, но мы проскакиваем. Дорога тяжелая. В Б. Кавендре осматриваем строительство новой свинофабрики. А.А. Жернаков интересен как председатель тем, что без конца ищет новое, строит. Потом едем на строительство культурного центра. Строительство большое. В одном здании школа на 320 мест, клуб, столовая, библиотека и т.д. Напротив – памятник погибшим землякам. Если получится (а должно получиться!), будет хороший образец для многих других сел области. Поздно вечером возвращаемся в Наровчат. […].

16 апреля. Утром уехали в Каменку. Постоянный весенний маршрут. Холодно, идет дождичек и неплохо тянет весну. Вспомнил почему-то, что «детство прошагал по шпалам и по трубам». Обстановка неплохая. Из 40 тыс. озимых погибло всего около тысячи. Уезжаем по району. Знаменка, порядки плохие. Потом старинное Владыкино. Волокитчики отчаянные. Зашел в церковь. Валяются рядом мраморные надгробия былых владельцев села Владыкиных. Склепы разрушены, старинная церковь облезла, только прекрасный мозаичный пол напоминает о былом величии религии. В барском особняке – школа, в каретнике – склад семян, в парадной конюшне – откорм бычков. Все рушится. Из Владыкина на Ключи. Обед. Меню: соленые огурцы, сало, яйца и парное молоко. Неплохо! Мимо Бессоновки, Гаев, на Варварино. Плохой полевой стан. Едем на Междуречье. Справа хутор Тухачевский (бывшее имение Тухачевских). На месте сада сараи, покосившиеся соломенные дворы. О былом напоминают только сосны. Две детали: 1) Тухачевский прилетал. Укомовцев [работников уездного комитета партии] не принял, старую помещицу-соседку облобызал; 2) во Вражском был похоронен его брат – белогвардеец. Трудно в колхозе с кирпичом. Разобрали склеп, а цинковый гроб пустили под емкость для горючего. Узнала мать и он в Москве: в 24 часа расследовать. 6 человек осудили на 6-8 лет тюрьмы. […].

18 апреля. Переговоры с Э.С. Вольным – директором «Красного гиганта». Речь шла о создании уникальных пензенских часов из хрусталя. Хочется подарить городу реликвию, но нет пока идеи. Хрусталь – хорошее исходное, но чем его начинить? Бьемся целый месяц, но пока ничего разумного нет.

В 10.00 – собрание областного партийного архива «Об итогах апрельского пленума ЦК КПСС». Стало легко: Лев получил их ЦК доклад на 75 листах и смело прочел его. Особенности, которые бросаются в глаза: чисто описательский, хроникер-

ский характер. Нет глубокого анализа, расстановки классовых сил и т.п.; нет анализа причин, истоков, на которых держатся события последнего времени (Румыния, Куба, Чехословакия и т.д.); не делается никакой попытки определить, в каком направлении будут дальше развиваться события. Несмотря на бесспорные огрехи и утраты, которые мы понесли за ряд последних лет, делается вид, что все в полном порядке. Никакого намека на самокритику, даже на трезвую оценку объективных факторов. Нет сколько-нибудь обобщенных формулировок, глубоких задач. Скучный язык. Стиль чиновников, помощников средней руки. Есть одно сомнительное место: КПСС – «самая крупная и авторитетная сила в международном коммунистическом движении» (эволюция). Многовато и мелковато о внутренних делах США и почти ничего о собственном доме. […].

19 апреля. […]. Всех беспокоит развитие событий в Чехословакии. Нам она дорога. Это коридор от Германии в наш дом. Мое мнение: А. Дубчек и другие, выскочив к рулю руководства на мутной волне демагогии, едва ли найдут силы справиться с тем волнением, переходящим порой в шторм, на политическом море. Придется плыть по течению. Стихия едва ли прибьет их к нашему берегу. Скорее всего, будет наоборот. Останутся болтаться на волнах, прикрывая добропорядочными фразами о любви и верности к нам ту блевотину, которую вызывает качка. В последние годы не возникало движения против руководителей, которые плохо относятся к СССР. Скорее, всегда наоборот. Питательная среда – национализм!

25 апреля. Бюро обкома КПСС. О хищениях и растратах. Если внимательно присмотреться, то проблема очень большая. Воруют много. Официально зарегистрировано, что в 1967 г. растрачено 790 тыс. рублей, а сколько не зарегистрировано? Учет охватывает в основном сферы обслуживания, а в сферах производства все покрывается. Это было и есть – бич. Непонятно, когда все-таки мы воспитаем принцип «общественное – это наше общее». Пока действует: «мое – это мое», а «общественное, если могу урвать, – тоже мое». Принципиальный спор со Львом и Павлом [Селивановым]: торговать или не торговать «весенними кексами» [куличами]. Я: торговать, Конституция разрешает веру, а государство выражает интересы всего народа. Надо торговать. Что касается роли партии, то не администрировать, пользуясь властью, а воспитывать, разъяснять. Администрирование – дело нехитрое, но безрезультатное. Вообще спор о религии. Я считаю, что религия во многом превратилась в народный обычай (для большинства населения); церковники неплохо умеют приспосабливаться к любым общественным укладам. Я знаю сотню писателей-антисоветчиков, но давно не слышал о церковнике-антисоветчике. Надо

бы как следует заняться писателями, а религию – приспособить, отнять ее обряды и сделать их народными, как елку, «русскую зиму» и т.п. Можно и Пасху превратить в «праздник весны». Оставить крашеные яйца, куличи и сдобные пасхи, но убрать «Воскресенье Христа». Можно и нужно думать в этом плане.

4 мая. День сегодня солнечный, радостный, теплый, продолжение вчерашнего дня. Как условились вчера, на 8 утра собрали совещание руководителей хозяйств Колышлейского района. Разговор о севе. Я не стал делать особенного упора на какие-то личности. Немного попало председателю колхоза им. Ленина Никишеву за пьянку [трактористов] 2-го мая. После совещания через совхоз «Пограничный» и Саловку уехал на Кондоль. В райцентре никого нет. Устал, хотел было ехать в Пензу, а потом решил направиться в обратную сторону. Побывал на полях «Организатора», потом совхоза им. Коминтерна. В с. Ключи кладбище, обсаженное елями. Есть предание, что в этом месте повесился помещик, которому изменяла жена. Завещал здесь похоронить и обсадить могилу елями. Теперь тут сельское кладбище. Побывали в Чернавке на родине Федора Гладкова. От его дома остался камень от фундамента. Село степное, ни одного деревца. Раньше называлось Собакино – барин выменивал крепостных на собак. Гладкова помнят плохо, мало жил. Дед его, кажется, торговал, потомки жили бедно. Говорят, что Гладков был в селе с какими-то писателями году в 1935-м. Жил два дня. За селом, на горе, остатки бывшей коммуны. Крестьяне называли ее «комунет» – «кому есть, кому нет». Кулацкие дома забрали, пропили. Развалилась быстро […].

11 мая. Снова «Информация о положении в Чехословакии». Обстановка осложнилась, руководители перестали владеть обстановкой, идет разгон и сплошная замена кадров; готовятся к чрезвычайному съезду КПЧ. Майская демонстрация под сомнительными лозунгами всяких беспартийных клубов, клубы поднимают голову, наступают на партию. Только (в ходе беседы) В. Биляк заявил, что в Словакии обстановка нормальная. «Мы не пойдем на XIV чрезвычайный съезд». Рабочий класс отстранен от власти, он молчит. Наше настроение – «неослабно следить за тем, как будут развиваться обстановка». Сообщение о встрече в Москве. Участвовали СССР, ГДР, Венгрия, Польша, Болгария. Многовато нет (Югославия, Албания, Румыния, Чехословакия)! Лагерь дает трещины в «монолитном единстве». […].

30 июля. Подъем в 6 утра, пасмурно. Погода ухудшается. С В.И. Чугуновым поехали смотреть поля. Побывали в районе Гранков (колхоз им. Ленина), на полях совхозов «Яковлевский» и «Грачевский». Общее впечатление – хлеб богатый. Если его удастся взять, будет «новая победа» в битве за урожай, новый рекорд. В Бе-

ковском районе можно взять 23–25 центнеров с гектара. Такого Пензенская область не видала. Утром в разговоре со Львом – кадровая проблема: Ванина на первого заместителя председателя, Хлевного – на начальника. [Я] напомнил, что полгода назад первого хотели снимать с работы. «Да он покапризничал»! Выдвигают тех, кто капризничал? По поводу второго – старая линия пристрастия к хохлам. Они «надежные», землю любят... Днем – совхоз «Пяшинский». Главная ошибка района – неправильная расстановка техники. А техника (к ней привязаны люди!) – главное. Из 20-ти комбайнов 17 под жатками, и только 4 с подборниками. Уборку ведут механизаторы, зарабатывающие на жатке 20 руб. в день. Они и диктует. Надо снять жатки, пустить часть «напрямую», и это сразу спасет положение. Вечером уха на Хопре. Но страшно устал и уже в седьмом часу ложусь спать.

6 августа. Земетчинский хлебоприемный пункт, потом Пяшенское отделение совхоза «Земетчинский», с. Раево. Рентген-передвижка. Старухи, которым помирать пора, но прут на осмотр […]. Потом на Оторму. Опять хлебоприемный пункт. Центральное отделение этого совхоза. Барыня Нилова, в большом доме жила одна, осталась и после революции, и даже коллективизации. Была до революции, как говорили крестьяне, доброй, ее не трогали. Жила тем, что побиралась по селам. «Доброта победителя» – право жить и свободно побираться. […].

16 августа. […]. Когда рассматриваешь новый факт, явление, всегда надо помнить, что оценки имеют свою диалектику. То, что сегодня кажется абсолютно ясным и правильным, завтра может оказаться не совсем ясным и не совсем правильным, а послезавтра – совсем неясным и совсем неправильным. Время вносит поправки! Отсюда вывод: не торопись, делай поправки на время. Споры о «демократизации» имеют какую-то историческую основу. Они могут быть заложены в споре Ленина и Плеханова, в спорах вокруг Учредительного собрания и т.д. Социализм растащили по национальным квартирам. Все цитируют Маркса и Ленина и делают свое дело. Есть социализм югославский, румынский, теперь чехословацкий. Есть алжирский, египетский, даже индийский. Есть «итальянский путь» и т.п. Национализм взял на вооружение социализм, а мы в свое время прозевали. Надо было отделить научно. Теперь идет чехарда.

21 августа. Сегодня один из ответственейших дней в истории Советского государства. Утром радио передало заявление ТАСС о том, что «партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными си-

лами». На основе этой просьбы войска СССР, Болгарии, Венгрии, Польши и ГДР рано утром вступили на территорию Чехословакии. Заявление кончается крылатой фразой: «Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических стран». Я не думал, что у нас найдется решимость пойти на такой шаг. Оказывается, ошибся. Сразу же условились в бюро обкома КПСС разъехаться по городам, чтобы лучше понять настроение народа. Я – в Кузнецк. Побывал на заводе ферритов. Утренняя смена не знает, вторая смена уже информирована. Народ спокоен, относится безусловно одобрительно! Всем дорога Чехословакия. Солдаты ее вызволили в 1945 году кровью и потом. […].

22 августа. Утром побывали на мясокомбинате, потом консервном заводе облпотребсоюза; после завтрака – по полям колхозов «Родина Радищева», «Гигант». Заехали в Махалино. К 17.00 приехал в Чаадаевку. Вручал коллективу маслозавода переходящее Красное знамя министерства и ЦК профсоюза. Сработали хорошо! Настроение у населения хорошее: никакой паники, растерянности, верят в мощь нашей Родины. Часто раздается: «Давно пора», «раньше бы надо»! По радио начали транслировать первые документы. Передано «обращение группы членов ЦК КПЧ, правительства и национального собрания», затем большая редакционная статья в «Правде», сообщение ТАСС. Население встречает [наши войска] хорошо, но есть провокаторы. Сожгли четыре наших бронетранспортера. Раздаются подстрекательские голоса о возвращении А. Новотного. ТАСС заявил: «Воинские части не собираются вмешиваться во внутренние дела Чехословакии». Пока называется лишь фамилия Свободы, который дважды обращался к народу, призывая к спокойствию и выдержке. Враждебными элементами был арестован член президиума ЦК КПЧ, редактор «Руде право» т. Швестка. «Тов. Швестка был освобожден из под ареста советскими войсками». Радио Запада кричит о том, что Дубчек, Черник, Цисарж «интернированы» советскими войсками. Не упоминается Смрковский. Не смотался ли?

25 августа. […]. Чехословакия. Продолжаются выпады контрреволюционеров, что создает тяжелую обстановку для левых сил. Им трудно проявить себя. Опять стреляют. Героическая гибель нашего танка! Склады оружия, тайные передатчики, готовые отряды, типографии и т.п. Картина становится ясной. У Новотного, вероятно, были ошибки. Черные силы уловили момент для удара и ударили. [Им] сразу выходить на открытую сцену [было] опасно – толкнули А. Дубчека. За ним Цисарж, Смрковский, Черник, Шик и кто-то еще темнее. Начали подхваливать Дубчека, создавать ему «ореол борца за демократию». Тот поверил, закружилась голова, по-

терял бдительность и чувство элементарной партийности. Начал играть перед глазами масс. Его используют как рупор. Он выступает как прикрытие. Распускают органы безопасности, принимают закон об отмене цензуры, распоясывается печать. Дубчеку говорят наши, а он уже закусил удила. Тянут время до съезда КПЧ. Наши ударили. Оказалось, что вовремя, т.к. такая подготовка сопротивления – дело долгое. Видимо, все склады оружия готовились на случай расстрела коммунистов. «Здоровые силы» – это Свобода, Биляк, Индра, Дзур и др. Им сейчас трудно проявить себя, т.к. реакция взбесилась. Народу успели за эти 7 месяцев порядочно забить голову. В этом сейчас трагедия. Но чем больше беснуются правые, тем скорее они потеряют опору в народе. Сразу стало ясно размежевание сил.

Тито, эта старая проститутка, сразу показал себя. Зря с ним долго возились. Сталин исторически оказался опять прав в оценке этой сволочи!

23 сентября. […]. Беседовал с руководством охраны природы и охотников. Много ли зверя у нас? Говорят, что есть около 3.000 лосей, 250 волков, 8–10 медведей в Юрсово, 3 или 4 кабана, начал размножаться бобер, особенно на Суре, есть заяц, лисица. Из боровой птицы – тетерев и редко – глухарь. Но все это бедно. Охотники борются. Считают, что стволы ружей оздоравливают природу! Заяц гибнет (если его много) от чумы!!! Будут бороться за право убивать зверя. […].

10 октября. [В Москве]. Подниматься рано не хочется. Хотя с семи утра затарахтел звонок из Пензы. Вездесущий А. Фомин мотает с просьбами. Неутомимый и неугомонный человек. Встречаемся с Тихоном Сушковым. Он, оказывается, живет через номер от меня. Вспоминаем старых знакомых, способного и старательного Сашку Аникина во Владимире зажали. Хорошо пишет доклады, вот и держат все в одной шкуре 10 лет. Естественно, об А. Дубчеке. Они его видели в Праге года три назад. Говорят, изменился, появились новые нотки: «Не мне вас теперь искать». [Дубчек] хаял Новотного за либерализм, распущенность интеллигенции, а сам теперь повернулся задом к тому, чего добивался. Разные есть деятели. Одни к политике приспосабливают пост, а он, вероятно, к посту, на который попал по случаю, приспосабливает политику […].

18 октября. […]. Пытался читать, но что-то ничего не получается, нет интересного, захватывающего. Бесконечные возвраты к одной и той же теме – мемуары о Великой Отечественной войне и особенно о роли И.В. Сталина в войне. Сотни раз думаю: почему меня, не фронтовика, это так волнует? Наверное, потому что вся молодость, все становление собственного самосознания так или иначе связано с эпохой и именем Сталина. Как я в него верил! И сколько ни пытаюсь все критически

осмыслить, не могу прийти к мысли, что верил зря. Нет! Один может ошибаться, сотня, даже тысяча могут ошибаться, но весь народ не может ошибаться! Народ верил ему безгранично, а опыт народа – верный показатель объективности, справедливости, точности в суждении о личности. Отказаться сейчас от веры в Сталина, значит, сказать себе, что вся твоя молодость – блеф, чепуха. Я этого не могу сделать, не позволяет совесть. […].

1 ноября. Беседы с руководством фабрики им. Клары Цеткин, председателем облсуда Н.В. Логиновым, А.И. Фоминым. Принял старого большевика из Канаевки. Он хлопочет за своего товарища, который участвовал в разгроме банды Огнева в 1933 г. Заехал на «Темп», а потом на Колышлей. Туман съел на полях снежную порошу. Земля черная, начинается грязь, ехать в тумане трудно, включаем фары. […]

На пленуме ЦК первым в прениях выступал Шелест, хотя дела с хлебом [на Украине] неважные. У Г.И. Воронова в сто раз больше оснований выступать первым, но не дают. Своеобразно все это […].

Идеология… От нее защищались оружием, теперь ее защищают танками. Большая метаморфоза за эти годы. Что-то в самой идеологии...

2 ноября. После завтрака поехали в сторону Сердобска. Дорога – «тихий ужас». Все разбито, расквашено и перемешано. Едешь, как на вибростоле. Трясет, бросает, качает. Много грузовых машин на обочинах. Ночевали в кювете. Страшная должность – шофер на грунтовых дорогах. Ехать надо, а ехать нельзя. Ночует в кабине, питается консервами из сельских лавок, бензин добывает где попало. На границе встретил П.Д. Сдобнин. Полевыми дорогами проехали на центральную усадьбу совхоза «Надеждинский». Был когда-то знаменит «Любой-Любушкой» (Л. Перегудова – опора в кукурузной авантюре Н.С. Хрущева). Свеклу возят на площадку у тока. Все чистят – и свекловичницы, и кооператоры, и зоотехники. В поле у Студенки работают женщины с обозного завода. Работают хорошо, хотя условия тяжелые: грязь под ногами, грязная свекла и моросящий туман. Только русский человек способен на такое. […].

5 ноября. […]. Руководить – не значит ругаться, мало пользы. Правильно руководить – это: (1) четко определить конкретную задачу, (2) наметить сроки, (3) назначить ответственных, (4) помочь определить пути и методы. Потом главное – своевременный контроль, спрос. Возможна и ругань, но по конкретному факту […].

1969 год

9 января. День начал с поездки в Октябрьский район. Хочется самому изучить, что же практически делается по работе среди подростков. Особенно, после шумной компании 1967 г. и введения специальных должностей в райисполкомах. Беседовал с инспектором, потом зам. пред. райисполкома т. Духовской, побывал в отделе кадров завода ВЭМ, в школе №9 («Цыганский поселок»), общежитиях завода «Электроавтомат». Вывод один и довольно грустный – ничего не делается. Зарплата идет, время идет, люди занимают места, а никакой ответственности за дело. Поразительная у нас особенность – верхушка крутится, вертится, падает от инфарктов, страдает от всяких выговоров, а средний слой, так сказать, «рядовое чиновничество», томится в безделье. Вопрос активности среднего звена – это вопрос вопросов. Следует даже сказать больше: вопрос высокой ответственности каждого работника – это вопрос вопросов. Только настоящее богатство нашего государства, созданное трудом и потом рабочего и крестьянина, позволяет довольно безболезненно переносить безделье немалой прослойки чиновников-обывателей. Они вреда обществу не приносят, но они паразиты на теле народа: сосут богатство, ничего не давая обществу. Внешне, когда с ними разговариваешь, вроде много делают, внутренне – пусты. Есть наглые: вроде делают одолжение, что работают и получают зарплату.

Надо бы найти серию лозунгов: о совести каждого перед народом, о честности каждого перед народом, о полезности работника обществу, о результативности труда каждого, об эффективности человека в обществе. А вывод: общество, созданное трудом и кровью народа, не может платить деньги работнику, который не приносит пользы, не имеет совести, проявляет нечестность. Были в свое время чистки в партии. А кто знает, может, в интересах народа надо бы проводить периодически чистки чиновников? Было бы немало обиженных, но что сделаешь? Разбазаривание народного богатства – страшное зло, которое не может быть терпимо.

10 января. Своеобразный звонок В.И. Лоскутова (зав. сектором ЦК КПСС):

– Получили дополнительное задание Совета Министров РСФСР по мясу?

– Получили, 25 тысяч тонн.

– Руководство рассматривало (видимо, Воронов Г.И., член Политбюро ЦК, не входит в руководство?) и дает совет: обкому КПСС задание до районов не доводить. Поскольку это решение Совмина, пусть занимается облисполком.

– А как на местах, в районах, хозяйствах?

– Хозяйствам не доводить. Надо сохранить дух решений мартовского пленума ЦК КПСС, но... и выполнять задание.

– Кто же будет выполнять задание? Мясо из воздуха не делается и в канцеляриях не растет.

– Лучше принять предложения хозяйств об увеличении производства мяса и продаже его сверх плана.

– Мы можем 103 тыс. тонн, а требуется с заданием 115 тыс. тонн.

– Я все сказал. Не задавай сложных вопросов.

– Рабочие не понимают, почему нет мяса на прилавках, а «дух» они покупать не хотят. «Дух» – дело святое, а рабочие – материалисты.

– Ты меня понял?! […].

11 января. […] Кто не изучает прошлое, не делает выводов, тот не может правильно определиться на будущее. Жизнь нами не начинается и на нас не оканчивается. Она в диалектической смене, переплетении прошлого, настоящего и будущего. Все живет вместе, одновременно. Правильно руководить – значит, замечать, что уже отмирает, и не очень заботиться о нем, если нет особой нужды подталкивать, ускорять процесс отмирания; обеспечивать правильное развитие настоящего; четко видеть и понимать, что нарождается, поддерживая новое всеми силами[…]..

12 января. Поехали по совхозам. Первый – имени Марата. Центральная усадьба. На птичниках нет порядка. Аммиак, «декольтированные» куры. Запустили дело. [Но] построили хороший клуб, много новых домов. Зашли в один. Вспомнил детство. Ребята сидят на полу и режутся в лото. Квартира грязная. Хозяйка работает птичницей, семеро детей, муж замерз года два назад в степи – ехал из Башмакова, поднялась поземка, и все. Самое интересное – ни на что не жалуется, благодарит за заботу и помощь в воспитании ребят. Село Починки, ферма. Положение отвратительное. Людей мало, пользуются этим, не хотят работать, берут управляющего за горло. Бесхозяйственность: при надое 2 кг дают 4 кг концентратов. Ужас! Никульевское, совхоз «Петровский» (бюрократы перепутали с названием: в селе Петровском – совхоз «Никульевский»). Здесь иные порядки: приветливый народ, идеальный порядок, чистота, разумность. Сказал всем «спасибо!» Село Высокое, центральная усадьба совхоза «Никульевский». Бедный совхоз, всего не хватает.

Трудно сказать, что есть. Надо просто помогать. В селе Змеевке зашли в дом. Старик – самогонщик, жена не убирала постели год. На столе пустые стаканы и камса. Вчера сватья в гостях были. […].

15 января. День абсолютно пустой. Все в ожидании завтрашнего бюро обкома КПСС. Оно будет носить тяжелый характер. И многое зависит от того, что ради собственного «я» и нежелания портить отношение с ЦК мы идем на любые жертвы, забывая все хорошее и вытаскивая только плохое. […]. Доложил о результатах поездки в Башмаково и Пачелму. Никаких вопросов, все идет спокойно, хотя [Л.Б. Ермин] злится внутри на то, что жму на недостатки в совхозах. Это же не мои магазины, его епархия! […].

24 января. […]. Мороз за -30. На аэродроме встреча М.В. Захарова. Со мной едет Н.М. Ляшко. Особенности маршала (для ориентировки): не терпит возражений, а рассказывать любит; бодрость есть, а язык уже склеротически «проваливается». Пьет только водку, враг коньяка. […]. Неприязненно относится к Жукову. Вспоминает, что именно он назвал его Шапошникову, когда пошли плохо дела на Халхин-Голе. О мемуарах [военных] [Захаров сказал]: «Врите, врите, но говорите правду». О причинах поражения в самом начале войны [говорил]: неправильно было определено возможное направление удара. Всегда били через Минск на Смоленск. На этот раз решили, что главным будет Киевское. Ошиблись с расстановкой сил. [Вторая причина] – волевое решение Жукова о создании 49-ти механизированных корпусов. Надо было выпустить 30.000 танков, выпустили 1.300 (Т-34). Оказались без материальной части. Войска начали выдвигать к границе еще в апреле. Никто не обратил внимания на опровержение 9 мая 1941 г. какого-то сообщения. Но войска двигались, не успели встать. У дивизии 40 км границы. Что она могла сделать? От оценки Харьковской трагедии [Захаров] ушел. Отлично помнит [номера] дивизий, армий, корпусов, командиров. Когда Сталин решал вопрос о новых орденах, то сначала в качестве главного полководческого ордена рассматривался орден Кутузова. Потом подумал: Кутузов отступал, а пришло время наступать. […].

9 февраля. Воскресенье. Стало модным почти в любой компании спорить о И.В. Сталине. Ни один разговор за столом не обходится без его имени. Оно стало «болезнью» народа. Сколько ни думаю, все больше убеждаюсь в его какой-то демонической силе и при жизни, и даже после смерти. Может, его демонизм – это беспредельная, не знающая границ преданность делу социализма, бескорыстное служение народу?! Самое острое место – обвинение в безвинной гибели сотни тысяч людей, работников партии, государства. (Простого люда из рабочих погибло

мало! – это тоже особенность!!!). Но здесь забывают порой о целом ряде моментов, которые нельзя забывать.

1. Его дела, как и другие события, надо оценивать с точки зрения: историзма (изучить конкретные условия борьбы, обстановку); классовости (во имя какого класса шла борьба и жертвы); народности (хуже или лучше в общем результате стало народу); патриотизма (выиграла или проиграла Родина от этого).

Война дала ответы на многие вопросы. Если рассматривать события с точки зрения приближения войны (а Сталин знал это), то многое было сделано правильно, хотя невинные пострадали. Россия – единственная страна, где Гитлер не имел «пятой колонны», где солдат сражался до последнего патрона, а люди в тылу падали у станков от изнеможения.

2. Если Кирова убили зиновьевцы (а Киров – ближайший друг и соратник Сталина, может, его надежда!), то что в ответ надо было целовать их за это? На террор отвечают террором – такова и только такова логика классовой борьбы.

3. Никто не хочет теперь сосчитать (о них и не вспоминают), а сколько людей – рабочего люда [погибло] во время вредительских взрывов, поджогов и т.д. Того, что ни один новый завод не пускался без диверсии, кажется, никто не отрицает.

4. Много говорят о Тухачевском. Беседа с драматургом: а кто виноват в том, что во время финской войны миллионная армия несколько месяцев топталась у линии Маннергейма? Разве не Тухачевский был теоретиком и [толкователем] военной мысли? А ведь только после мартовского (1940 г.) пленума ЦК мы поняли, что к войне не готовы, и забили тревогу.

Отдельный вопрос – сионизм. Он и теперь не снят. А троцкизм – это не только политическая партия, это прежде всего прямой наследник Бунда, партии махровых сионистов, которым собственное национальное «я» в тысячу раз было дороже таких понятий, как Россия, Родина! Если быть откровенно объективным, то надо признать, что многие невинные жертвы [были принесены благодаря] провокаторской роли Троцкого. На его совести, на совести этого политического авантюриста история оставит абсолютное большинство жертв периодов 1934–1938 гг.

Провокаторская роль Троцкого состояла в следующем:

1) открыто провозглашал и звал своих сторонников: «Советское правительство должно быть свергнуто насильственным путем»;

2) предстоящая война должна окончиться поражением Советского Союза и крахом советского строя; «IV Интернационал... имеет в СССР свою самую сильную, самую многочисленную, самую закаленную организацию»;

4) цель организации – свержение правительства любыми методами, включая террор и убийства вождей.

И это – не тайные, только теперь ставшие известными документы. О них кричала вся западная пресса, о них в больших деталях знал Сталин. Что ему оставалось делать? Действовать в ответ! Иного пути не было.

20 февраля. […]. Думал о «дневниках». Нужны ли они? Конечно, я хорошо понимаю, что в них страшно много субъективного, события освещаются с «моей точки зрения», много противоречивых оценок прошлого и настоящего, делаются (иногда подсознательно) прогнозы будущего, кое-что из того, что записывается сегодня, не кажется разумным завтра. Все это мне понятно. Но хочется оставить хоть какие-то, пусть самые мелкие, субъективные заметки о прожитых днях, так, просто для себя. […].

21 февраля. […]. Положение в торговле (товарно-денежные отношения, которые меня давно беспокоят! все туже и туже натягиваются) . Народ потащил макароны, крупу. Скоро очередь дойдет до хлеба. Увеличилось потребление подсолнечного масла. Не отоваривается рыба, плохо с мясом, и нет просветов. Конечно, [я] плохой пророк, но едва ли ошибусь: 1969 г. (а не 1968 г.) будет «високосным», окончится экономической «чепухой». Тяжело! Трудно сказать, насколько готов народ перенести это. Какой выход? По-моему, пора утверждать образцы и, пока не поздно, начинать печатать новые деньги. Выхода не видно […].

3 марта. Поднялся ничего, но правый бок болит. Пошел в обком КПСС. Предупредил Льва, что есть опасность. Прошла летучка. Ничего, все обойдется! Поехал в областную больницу к С.В. Кульневу. Смотрели вместе с В.П. Леплейским. Взяли анализ крови. Что-то охают, но домой отпустили, решили посмотреть вечером. День сидели дома… Опять взяли кровь на анализ. Сижу, читаю, писать не очень хочется, не до писанины. В 18.00 приехали Кульнев и Леплейский. Долго щупали, проверяли. Похоже на аппендицит, но не очень ярко выражен. Выпили по рюмке коньяку. Сомневаются: может, отложить до утра? Решили позвать еще одного хирурга – Федорчукову. Бой-женщина, резкая, решительная. Посмотрела: «Я за операцию, а вы как хотите». И ушла. Поехали готовить операционную. Вера нервничает, но виду не подает. Рима из Коповки откровенно плачет. Я курю папиросу за папиросой! Состояние неважное. Обещали подготовить к 8-ми вечера, молчат. Около 9-ти позвонил Леплейский и попросил быть в больнице в 10–10.15 вечера. Посидел в кабинете, мысленно все осмотрел, достал портрет мамы. Пусть и она будет со мной в этой беде!

Приехали в 22.15. Операционная не готова. Собралось много «болельщиков» – Фролов, Некрасова, Мельников. Палата готова, новая. Я буду первым. Сидим, курим. Потом побрили «сухой бритвой». В 23.00 пришли и пригласили в операционную. Поцеловал Веру и пошел. Уложили на операционный стол, маленький, неудобный. Привязали ногу, руку. Зажали правую жгутом, ввели шприц в вену. Пустили какое-то зелье, и я успел лишь сказать: «Кажется, поплыл». Проснулся с зашитым животом в палате, спустя два часа.

4 марта. Когда начался этот день, я лежал бездыханным (работал за меня аппарат искусственного дыхания) на операционном столе, а С.В. Кульнев продолжал копаться в животе. Как он мне потом рассказывал, широко разрезал живот, подозревая, что, а вдруг не аппендицит, придется идти на почку или другой орган. Поэтому и наркоз дали не местный, а общий. При общем можно копаться в человеке 3 часа, ничего ему не объясняя. Но, кажется, все обошлось благополучно: оттяпали аппендикс 12 см. длиной, начавший уже нагнаиваться. Просмотрели другие кишки. Леплейский начал ворчать: хватит копаться! Операция продолжалась 50 минут!

Принесли бледного и бездыханного в палату, где два часа назад я довольно бодро [себя] чувствовал. Лев Михайлович начал будить. Это анестезиолог. Не помогает. Вмешалась Вера. Первое [мое] слово: «Вера», потом через промежуток: «Лапа», потом: «Мартынка! Что они со мной сделали»? Состояние такое, вроде выпил литра два спирта, еще не уснул, но чувствуешь, что очень пьян. Пытался целовать руку В.Е. Некрасовой. Хочется все время говорить, а смысл разговора контролировать трудно. Я сосредоточился на одном вопросе: что отрезали? Внутри таилось сомнение: а вдруг не аппендицит? Говорил часа четыре, надоел всем. Сестра начала ругаться, пугать, что Веру прогонят из больницы. «Зачем она на меня кричит? Я же не боюсь ее»! Вера все время мокрой марлей [вытирает] рот. Пить нельзя, а во рту сухо и противно. Почти весь день спал. Приходил Мишка. Успокоил его. На ночь Вера уехала домой. Посадили сестру, она осталась в палате. Каждый ее поворот будил меня. Она отекла – боялась ворочаться. Кажется, уже к вечеру появились первые признаки воспаления легких. Говорят, что в 25% случаев общий наркоз приводит к пневмонии. Я оказался этим четвертым […].

5 марта. Только из больничного окна видно, как интересна и многообразна жизнь! В этот день, собственно, ничего не помню: все плывет, не чувствую ни времени, ни пространства. Без конца слушают врачи, мелькают белые халаты. Только чувствую рядом Веру. Днем приходили Лев, Павел и Володя, принесли бальзам. Разговаривать трудно. Болит шов. Душит кашель, а кашлять тяжело. Любая попыт-

ка откашляться тяжелой болью отдается в животе. Ночью, кажется, бредил. Отчетливо помню, что вполне серьезно рассказывал Вере о том, что конструктор Яковлев сохранил все образцы самолетов до Як-16 включительно. Вера дремала на голых пружинах соседней кровати. Мне лежать тяжело. Отдала мне свой последний матрац, сама осталась на пружинах. Есть совсем не хочется. Попросил достать уху. Днем почему-то интересовались синими губами. Недостаток в крови кислорода. Притащили кислородный баллон. Непрерывно колют во все места. […].

8 марта. Женский день. Праздник! Все было понятно, но... если достигнуто равенство женщины и мужчины, то зачем особым праздником выделять женщин? Не лучше ли создать «праздник матери». Это могло носить более весомое значение. Создать бы особый обряд почитания «материнства»! И еще более непонятно, почему в этот день должны отдыхать и мужчины. Что они, нахлебники на чужом празднике? Вообще-то праздник уважения к женщине трогателен, но мы не умеем «обставлять» праздники. На Руси и этот день сведен к питью и жратве. Может, от других отличается тем, что женщинам приносят подарки. […].

25 марта. Первый день на работе. Я пришел к 12-ти часам дня. Все после больничных палат как-то странно, необычно, жизнерадостно. Иной мир иных забот. Больница – свой мир, ограниченный заботами узкими о здоровье. Здесь же – размах! Приехал из Анненково председатель окружной избирательной комиссии, вручил удостоверение об избрании депутатом областного Совета. Обещал [ему] «искупить свою вину» перед избирателями – не мог встретиться! Рассмотрели положение дел с заготовками мяса, молока и яйца. «Специализация» все больше дает себя знать. Объективно все лучше: больше кормов, выросло поголовье, особенно «рогатки», а выполнение плана идет со скрипом. Нет мяса, за яйцами сельские Советы с шапками пошли по крестьянским дворам. Позорная практика, но иного выхода нет. Много уничтожили, а комплексы жрут капиталовложения, не давая отдачи. Развращающе действует «стабильный план». Мы не привыкли и не умеем, да и смысла нет уметь работать при ненапряженных планах. Все вместе взятое туже и туже натягивает веревку, которая обязательно лопнет, если не будет урожая и в зиму сложится нередкая для нас бескормица. Народ избалован, привык к довольству и едва ли поймет «трудности», часть из которых мы сами себе придумали всякими неоправданными, а главное, экономически не подкрепленными новшествами, вроде стабильных планов, повышенных оплат и т.п. […].

25 апреля. Утром поехал по городу. Медленно раскачиваются пензяки, нехотя перекапывают газоны, убирают сухие листья и пропавшую траву. Народа мало на

благоустройстве. Сколько надо еще лет, чтобы приучить без понукания делать простые вещи по уборке города? А все это от того, что есть своеобразие историческое в формировании населения города. До революции Пенза – небольшой, хотя и губернский, город, заполненный в основном осколками дворян, мещанами, кустарями. Пролетариата в истинном смысле этого слова не было. Идеал мещанина – уют своего семейного гнезда, до остального ему дела нет. Страсти, волнения – не его удел. После революции, особенно в годы Великой Отечественной войны, за счет эвакуации, начинается бурный рост промышленности. Готовых кадров рабочих нет, их завозят из сел области. Вместе с желанием работать в промышленности, они привозят и свои деревенские привычки: равнодушие к грязи на улице, во дворе, избе. Все это переплетается и дает сейчас мучительные отрыжки равнодушия к внешнему облику города, его благоустройству. […].

30 апреля. […]. Из Колышлея поехали по полям совхоза «Потловский». Низкая культура земледелия. Пензенские механизаторы работают хорошо, но заботы нет. Нет одеял. На другом берегу Хопра красивый холм, образованный излучиной реки. Вернее, она обегает его, подчеркивая село Черкасское и Скрипицыно. Между ними на этом холме церковь, чудо архитектуры, правда, развалившееся. Ей лет 80. Рядом развалины склепа. На мраморе: «Здесь покоится прах девицы Марии Павловны Скрипицыной. Род. 1804 г. 10 июня, умерла 1881 г. 7 января». Склеп вскрыт. Подвал. Легенда, что в этом подвале на цепях висел гроб барина. Мужики растащили. В совхозе «Октябрьская революция». Колтовское, поместье Вырубовых. Липяги. У механизаторов подъем. Хорошо работают два – Васька Дух и Мишка Лапоть! (Не обижаются на прозвища). На стыке Колышлея, Сердобска и Каменки далеко видна Арчада. На том берегу Николаевка, брошенное село. «Убегают потихоньку»? – спрашиваю трактористов. «Ручейком бегут»! – ответ.

В полях Смирнов овраг (три брата Смирновых арендовали землю), Жилой овраг (на нем стоит село Липяги), Есипов овраг. В совхозе «Луч» плохи дела в Павловском отделении. У Белокаменки – Казуров (?). О коллективизации: «крестьяне неграмотны – понять не могли, актив неграмотный – объяснить не мог». В такой темной чехарде и вели коллективизацию. […]. О Ленине говорит радио. Его интересовали отклики рабочих на работу «Что делать?» Неясная фраза [Ленина в адрес Сталина]: «Я не прощаю того, что сделано против меня. Сделанное против жены я считаю сделанным против меня»! Зря такие вещи публикуют! Похороны Елизарова. Он – муж сестры Ленина. Сразу после революции стал наркомом путей сообщения, Крупская в Наркомпросе. […]. У церкви с. Черкасского, особенно у

склепа Скрипицыных, мысль о том, что революция имела классовые позиции, но вместе с тем надо было сохранить общечеловеческие принципы. […].

8 мая. Вместе с М.А. Яковлевой поехали по трассе. Начали с Бессоновской горы. Здесь была (напротив, на Ухтинской горе) ставка Ем. Пугачева. Отсюда он всматривался в Пензу. Можно поставить памятник. Благо, его, кажется, нигде не отметили памятником […]. Доехали до границы Мокшанского района. С Пименовым, Кожевниковым и другими заехали в Рамзай. Опять соломенные крыши. Говорят, что обходили все дворы – не хотят перекрывать. Можно проверить! Зашли в избу, а инвалид говорит, что три года добывал шифер и достал его только через обком КПСС. Где истина? Заехали в усадьбу, где родился М.Н. Загоскин. Запущенный парк, все захламлено, заброшено. Если бы встал помещик, порол бы (и правильно, за дело) дней пять кнутом. Никому не нужно. Льют помои на голову местного начальства. В бывшем поместье была больница. Ее перевели, а дом бросили. Говорят, что последними владельцами были Шиловы и Данилевские. Рядом с усадьбой в парке голубая фигура женщины, вырубленная из гранитного камня. Это не скульптура, а грубо вырубленная фигура. Подумал, что с мордовского моляна. Потом краеведы подсказали, что в поместье жил любитель древностей, и собрал пять таких фигур. Все они, кажется, принадлежали еще половцам. Сейчас кто-то приспособился бить пустые бутылки об эту древнюю реликвию. Варвары! Зашли в дом стариков на Тужиловке (так называется улица). Действительно, перекрывать [крышу] не хотят. Невестка подтверждает, что едва ли они протянут лето. Они не возражают, принимают эти страшные слова смиренно. У них нет вопроса! Древние иконы в серебряном окладе.

Заехали в Симбухово. Старая церковь. Все заброшено. Были в Плесе. Провели совещание на границе с Н. Ломовом. Обед и бегом на Пензу. Успели на партсобрание. Записка об исторических местах и их увековечении, в основном, одобрена. Надо доделывать! Слово за историками.

9 мая. Позвонили около 8-ми утра, к 9-ти приглашает Лев. Пошел в обком КПСС. Собрались Селиванов, Дорошенко, Виноградов, Власов. Лев обошел центр, и у него возникли «замечания». Главный тезис – а вдруг Школьников пойдет пешком по центру города. Надо принять немедленно меры! Разделили центр по клочкам: мне достался базар, Дорошенко – обелиск. Тот было возмутился, что не будет «нарядчиком». Крик, постыдная перебранка. В. [Власов] спокойно переносит, как на него откровенно орет Лев. Вызвал Смачного, Яковлева. Дал задание на завтра

поднять людей и привести все в порядок. Сходили на старый и новый базары. Самое грязное место в городе! […].

11 мая. Сегодня общегородской воскресник по благоустройству. Это взамен того, что 4-го городские власти сорвали благоустройство. Все ведется под лозунгом приезда в Пензу «тов. Школьникова». Какой-то непонятный бум: или редко ездят, или очень хочется выслужиться. Но внешне (а это не скрывается!) все выглядит не очень скромно и ставит нас в ложное положение. Я участвую только потому, что все остальные лозунги приелись. Пошел на центральный рынок. Давка большая, мусор хоть немного и подмели, но его пока хватает. Рынки, вероятно, всегда самые грязные места в любом городе. Здесь сталкиваются две культуры: городская и сельская. Соединение их дает, к сожалению, столько мусора, сколько не способна дать ни одна из них в отдельности. Торгаши раскачались, дорожники готовят асфальтирование, отстали бытовики. Пришлось подгонять. Зашел в обком. Лев работает над докладом к пленуму по животноводству, вернее, по мясу. После такого богатого года – такой дикий и «необъяснимый» провал в производстве мяса. Что могут дать пленумы, доклады и речи, когда в основе всего заложена ошибочная, экономически непродуманная система! Истоки надо искать в повышении цен на хлеб (заготовки), стабильных планах и специализации. Это – март 1965 г. Как далеко иногда уходят корни ошибок! […].

12 мая. Планерка. Задания, поручения. Решили, что пленум обкома КПСС по животноводству будет 22-го мая. Назначили бюро и др. дела. Позвонили, что самолет со Школьниковым уже вылетел из Москвы. Условились, что главные заботы по встрече [возлагаются] на Льва и Виктора. Мы – на стреме, подстраховке. Позвонил Лев. Надо ехать на аэродром. Поехали в «Чайке». Суховей резкий. Говорят, что местами будут ливни, а потом опять антициклон, который стоит у нас с ноября!

А.М. Школьников (зам. пред. Совмина РСФСР) и коммунальный министр С.М. Бутузов прилетели. Встреча. Я уехал в обком. Поручил Васильевой и Яковлевой заняться сувенирами к юбилею Ленина. […].

В 13.00 собрал историков-краеведов. Мочалов, Лебедев и др. Проблемы увековечивания исторических мест на трассе Москва – Куйбышев. Павел Селиванов тянет к агитации, историки – к... мелочам. Я выступил за компромисс: от частного к общему. Вырисовывается такая тематика: на въездах в область – карта памятных мест области, на въездах в город – история и памятные места Пензы, у поворота на Вадинск – о Буслаеве, у поворота на Наровчат – о Куприне, у Старой Пятины – о вале и бастионе, история Ломова, в с. Вирга – об академике Юрьеве и враче Заха-

рьине, у Мокшана – история, Суворов и Малышкин, у Рамзая – крепость и М.Н. Загоскин, на Бессоновской горе – о движении Пугачева, в Селиксе – о Кижеватове и героях Великой Отечественной войны, у Городища – о Н. Маркине, у с. Поселки – о Радищеве. Таков перечень исторических мест, которые могут рассматриваться. Участвовали художники. Вели речь о стендах. Я отверг. Если делать, то в металле и камне, чтобы каждый год не ремонтировать и сохранить хоть лет на 50–100! Будем что-то делать. Пока намечена программа-максимум, на минимум еще перейдем. К 20 мая должны дать предложения историки.

Вопросы краеведения (из беседы с Лебедевым): буртасы, проблема не изучена, белое пятно. […]. Родилась идея собрать коллектив авторов и написать очерки по истории области. Поручил Лебедеву подготовить проспект […].

21 мая. Вчера перед сном читал Б. Пастернака. Действительно, очень противоречивый (и не советский) поэт: нет гражданственности, идейности (почти никакой даже в годы войны), страшный субъективизм, усложненность формы. Но он, безусловно, поэт вне времени. Эстет! Московская обывательская интеллигенция опять ухватилась за фразу Евтушенко. В каждом цикле он дает что-то такое, что наводит на мысли и разговоры. […].

24 мая. Поднялись рано утром. Поехали на с. Радищево. Это бывшее Верхнее Аблязово. Александр Радищев жил здесь до 10-ти лет. От старых времен осталась церковь, построенная его отцом, а теперь откопали фундамент барского дома. Церковь реставрируют. Есть надгробные плиты братьев Радищева. Договорились отправить их в Москву к М.М. Герасимову. Церковь приводят в прежний вид. Утащили из с. Пенделки старый иконостас. Вообще сидит здесь энтузиаст. Едем дальше на Верхозим. Решил в с. Анненково заехать к бывшему председателю колхоза «Гигант» Шатовой Ирине Константиновне. Заехал, не ждала, но обрадована. Возится с внучкой. Беседуем:

– Есть легенда, что вы столбовая дворянка.

– Это не легенда, а правда. По линии матери предком был Аслан – воевода Казани, открывший ворота Ивану Грозному. Их было два брата – Сом и Ртищ. Пошли два боярских рода: Сомовы и Ртищевы. По линии матери я – Сомова. Отец меньше говорил о родословной, т.к. был из обедневшего дворянского рода Шатовых. Единственно, чем он гордился, – это Данзасом, который был секундантом Пушкина. […].

25 мая. Воскресенье. День провел дома, готовясь к отлету в Москву. Вера провожать не поехала. Лечу вместе с Огаревой. Миша встретил в Быково. Заехали на могилу мамы, поставили банки цветов, привезенные из Пензы, потом побывали у

Володи, завезли Огареву на квартиру в Вишняках и появились в гостинице «Москва». Сразу звонок Баланенко, он – Вучетичу. Поехали к нему. Уже ночь, но сели ужинать. Правда, Женя [Вучетич] все более становится «демократом» – кормит на кухне. Переходим в гостиную. Читает главы воспоминаний о И.В. Сталине. Говорит, что встречался с ним 13 раз. Интересно – о памятнике Ефремову в Вязьме. [Сталин]: «Когда выберите место, зайдите в партийные органы Вязьмы, дайте им предложения. Добейтесь решения местных товарищей о закреплении места. Добейтесь, чтобы ваш выбор был не ваш». Разговорились о Сталине. Утверждает, что сегодня в тех креслах, в которых сидим мы, сидели Конев и Чуйков. Тоже состоялся разговор [о Сталине]. Конев И.С. заявил: «Все говорят, что всех расстрелял Сталин. Я готов подписаться, что это сделал Мехлис».

Вучетич сказал Сталину:

– Я ваше доверие оправдаю.

– Мое доверие вы оправдаете. А вот доверие народа, который теперь проливает кровь, вам придется оправдывать много раз!

Подтвердил версию о березах в Трептов-парке. [Сталин]: «Чтобы русским духом пахло»! А вообще много надуманного. Много отсебятины. Разругались на этой почве. Он бросил читать!

27 мая. […]. Были в комиссии, а потом с И.Г. Дуденковым, председателем Астраханского облисполкома, пошли ужинать в ресторан. Астрахань знаменита тем, что последние годы ее посещают руководители. Ездят на охоту. Его впечатления о Хрущеве: «Никогда не знаешь, что будет в следующую минуту. Абсолютная власть плюс склероз. Находил вопросы там, где их не видно». «Теперь другая обстановка: абсолютное спокойствие, называют друг друга по имени, Л.И. [Брежнев] сдерживает обе стороны, обеспечивает компромисс, гасит вспышки, создает уверенное равновесие».

8 июня. В 8.00 уехал на Каменку. Вера сопровождает своеобразно партработника [перекрестила?]. С загоскинского бугра направо видно Дубасово. Его видел и прадед. Предки всюду преследуют меня. Встретились с Синевым на границе и сразу повернули на «Пролетарий» отделения «Россия». Свадьба, не работают... Всеволодовка и Графка. «Как идут дела»? – «Вперед не спешим и сзади не отстаем. Серединка на половинку». Кучки, старая церковь Михаила Архангела. Эсеровское село. Родина Мартынова, убийцы Лермонтова. Седая древность. От Кучук-Пор («старый город»). На полях три сторожевых кургана. Поднялись на один из них, на другом берегу Хопра, в поле, окрестность просматривается на 25-30 км. Видно да-

же Телегино. Центр древних кочевий. Здесь варился котел, который разбрызгивал кочевников во все стороны. Из «Пролетария» заехали на Попереченскую степь. Ее древние краски меняются: зеленая, пестрая, желтая, золотистая, чистая, серая. Дрофы. Ковыли еще не начали цвести. Сорокина жалко бить: рыженький, конопатый, худой, измученный. Помогли ему наладить производство тяпок и обещали завтра дать сотни две солдат. Из степи на Ахматовку (колхоз им. Ленина), Покровскую Арчаду. (Степной и пьяный Мокшан). Работают хорошо! Опять в Клейменовке нет порядка. Заехали в Завиваловку. Беседа с руководителями совхоза «Конный завод». Хутор Тухачевский (в те времена – 2-ое отделение). Воспоминания старика: принял [Тухачевский приехал?] в 20-х годах вместе с братьями Ладыженскими; во Вражском был похоронен его брат Юрий. Колхоз выбросил останки и сделал кормокухню. Троих арестовали, двое из тюрьмы не вернулись. О «культе»: «Не он [Сталин] их, тогда [бы] они [Тухачевский и другие генералы] его [Сталина]»! На хуторе остались лишь деревья от старого парка. На месте дома (1-этажный деревянный с 5 комнатами) – водонапорная башня. Время заметает следы.

26 июня. Сегодня – бюро обкома КПСС, кворум на пределе, одних нет, другие больны. Материалы почитать как следует не успел. Только пришел в обком КПСС, как раздался звонок из Нижнего Ломова. В 8.15 в цехе №5 электромеханического завода возник пожар. Обгорели люди. Вызываю РК КПСС, Батов уехал на завод, соединяюсь с больницей – какие-то путанные данные: обгорело 30 человек, погибло 8. Называются и другие цифры. Пытаюсь доложить ЦК и министру, ничего не получается. Сегодня пленум ЦК и найти никого невозможно. Принимаю решение: бюро будет вести Селиванов, я выезжаю в Н. Ломов. Лучше лично присутствовать, чем доверять телефону. Поручаю подобрать врачей. Старшим – М.Э. Елаев. Сразу в Н. Ломове в больницу. Зрелище жуткое. Обгорело 17 человек, из них 8–10 безнадежно. Зашел в палаты – жареные куски мяса. Еду в цех. Надо наступать нам, иначе могут возникнуть стихийные процессы, которые трудно остановить. Прямо в цех. Пожара вроде и не было, а люди обгорели. Воспламенился бензин в банке у станка, работница с открытым ведром бензина проскочила мимо, но бензин вспыхнул. Ворвалась в толпу и все. Собрал рабочих цеха. Испуганы, плачут. «Виновные будут наказаны. Брошены лучшие медицинские силы, постараемся спасти. Надо вставать к станкам. Создана областная комиссия во главе с т. Алексеевым». Потом совещание актива завода и города. Поступили разумно! […].

27 июня. […]. Нахожусь под очень тяжелым впечатлением от виденной вчера трагедии. Жалко людей, до боли обидно, что они так безалаберно погибают, оста-

ются сироты. […]. Умерло уже трое в Н. Ломове. В 3 утра говорил с Елаевым. Он бодрствует. Сказал ему, что надо спать.

28 июня. Долго валялся в постели после бурной ночи. Около 11-ти уехал в Н. Ломов. Назначена встреча с 1-м зам. министра общего машиностроения Н.А. Богдановым. На беседе рассматривались итоги печальных событий. Откуда появилась искра, вопрос остается неясным. Но то, что в банках и ведре был бензин, доказано. Это, конечно, преступление. Уже 4 жертвы. Будет еще минимум 5. Дорого приходится платить за беспечность! Переговоры с Н.А. Богдановым, выводы из событий: Макарова не казнить, перспективы развития завода, рабочего поселка, вклад завода в развитие города, обеспечение семей пострадавших, организация похорон. Кажется, обо всем договорились. Заехал в больницу. Впечатление тяжелое, двое едва дышат. Врачи отводят им сутки-двое, а там конец. Плотникова бодрится, просит деньги отдать девочкам, т.к. муж пьет, а по мнению врачей, она уже обречена. Попросил Елаева сделать максимум возможного. […].

29 июня. Воскресенье. Валялся до 10-ти утра. На улице опять пасмурно. Ночью шел дождь. Решил сходить в обком КПСС. Лев вернулся из Москвы [с пленума ЦК КПСС]. Нового мало. Л.И. Брежнев – о сельском хозяйстве: совещание провести перед сессией; плохо с мясом. Вопрос приобретает политический характер: что, наша система и мартовский пленум безосновательны? Есть пророки в аппарате ЦК, которые утверждают, что в 1970-м году будет хуже. Что это за пророки? Кто позволил разносить подобные «перспективы»? Чувствуется тревога в постановке вопроса. Хоть поздно, но доходит. Носятся идеи: отменить дополнительное задание СМ РСФСР, перейти на квартальный счет мяса, оставить областям не 60, а 100% перевыполнения. Кто-то готовит «записку». Но тогда как себя будет чувствовать Г.И. Воронов? Кириленко? […].

30 июня. […]. Опять перераспределяем обязанности: мне дали заготовки мяса, молока, сахара и спирт. Я не очень возражал. Чем больше дела, тем интереснее. У меня это неизменный принцип. Ездил по овощным магазинам. Овощей нет никаких. Сразу выехал в Терновский совхоз. Дело пущено на самотек. Дожди выбивают из колеи, овощи гибнут в поле, а ничего этой стихии не противопоставляется. В 16.00 собрал всех заинтересованных. Общие разговоры и ничего конкретного. Все идет по спирали, каждый год скандал. Звонил в ЦК к Чураеву. Жаловался по капусте на Азербайджан. Обещали помочь. Беседовал с Н.А. Тарасовым. Решили зажать усатых [кавказцев на пензенских рынках]. […].

4 июля. […]. Пытался эти два дня (особенно вчера) вывести наиболее характерные черты ограниченного (умом) партийного работника, которые все еще встречаются у нас. Эти черты (пока без классификации): однобокость и однообразие мышления, отсутствие элементарной логики, неумение четко формулировать мысли, длинные, бессвязные мысли, иногда – безотрывное чтение по написанному кем-то. Отрыв [от написанного] – потеря мысли, тысячи слов-паразитов на десяток с трудом подбираемых выражений. Стремление в один раз охватить все, рассмотреть все вопросы, поставить все задачи. Получается и много, и ничего. Неумение выделить главное, основное, решающее, четко сформулировать требования, определить сроки и ответственных. Отсутствие реализма в постановке задачи, серьезной доказательности, элементы нахрапа и авантюризма. Нежелание учитывать мнение других, внутренняя убежденность в абсолютной правоте своего «я». Чужие мнения вызывают даже раздражение. Отсутствие многообразия в выборе форм, методов решения вопроса; косность, приверженность к устойчивому однообразию. Неумение в любом деле найти или лозунг, или метод, наиболее отвечающий потребности решения задачи, движения вперед. Отсутствие «крылатых фраз», формулировки или очень казенные, или «литературные». Но в обоих случаях – отсутствие раздумий, мыслей. Цитировать нечего. Отсутствие интереса ко всему, что не составляет работу. Полная подчиненность только «партийной службе». Нет стремления читать литературу, увлекаться чем-то таким, что «не относится» к делу. Вера только в правильность хозяйственной стороны, недоучет возможностей людей, нежелание заниматься кропотливым делом воспитания кадров. «Снять», «назначить». Кампанейщина в делах, панический нажим и неврастения во всех случаях, непонимание того, что кампания – это ударник по мобилизации людей. Сложность в поведении: стремление казаться серьезнее, чем есть на самом деле, или подделка под простоту; раболепие перед верхами и хамство к низам. Слепое копирование «верхов»; черствость к людям, одна краска, нет «радуги»; подбор кадров не по деловым признакам и способностям, а по «удобству» лично для себя, стремление рядом иметь слабее, страх конкуренции, подхалимство, угодничество. (Красивый почерк и величественная роспись) и т.д.

5 июля. Вчера звонок из ЦК КПСС. Собрал Ф.Д. Кулаков. В Москве крайне тяжело с мясом. Грузите все, что можете. Будете ежедневно докладывать об отгрузке мяса в Москву. Кажется, и там припекло. Доработались. Решение СМ СССР «производить студень и колбасу из крови», добавлять белки. Все это напоминает лето 1963 года! […].

10 июля. В 8.20 собрал начальников управлений Министерства пищевой промышленности РСФСР. Приезжает Клименчук, министр. Надо продумать серию вопросов, дать какие-то предложения, высказать просьбы. Договорились. В 9.30 Гандурин, Ревякин, Трещёв, Морозов и я едем в Лермонтово. По дороге богато колышутся нивы. Хлеб будет, он есть! В Лермонтово усадьба, парк, сельская церковь и склеп. Все довольно знакомо. Но каждый раз сердце трогает это уникальное, памятное место. Пожалуй, нигде в мире нет возможности дотронуться до свинцового гроба, за тощей стенкой которого покоятся останки великого человека. Судьба Лермонтова и его семьи трагична: деда отравила бабка, дочь ее умерла в 21 год от чахотки, отец Михаила умер еще до смерти сына, и никто из близких даже не был на его похоронах. Лермонтов понимал этот трагизм: «Я сын страданья. Мой отец…». [Цитирует стихотворение]. Это в 1831 г., когда умер отец! Жизнью он шел к величию, но и к трагическому концу. […].

14 июля. Завтрак в особняке на ул. Лермонтова и на аэродром. Дождь, но решили лететь. Компания: Клименчук, Дорошенко, Лузгин, Никитин и два начальника главка. Пошли сначала на Земетчино. Каменка, Титово, Пачелма, мимо Козловки на Шеино (красивое село с прудом в центре), Ушинку. В Земетчино смотрели совхоз «Россия» (гордость всех!), потом сахарный завод. Завод древний, многое осталось от княгини Долгоруковой. Опять на самолет и путь на Белинск. Пролетели Кузёмкино, Троицкое. Кружимся над моими родными местами, над костями предков. В Белинске – музей Белинского. Я сидел во дворе, пока показывали Клименчуку. Бригада стариков ремонтирует веранду. Разговорился. Помнят многое. Родом из села Аргамаково. Жил там помещик Шибаев. Их было 7 братьев. Шаляпин приезжал сюда летом 1904–05 гг., гостил. Он дружил с Глебом Сидоровичем Шибаевым, московским студентом. У старика было фото: Шаляпин в лаптях, шляпе сидит на дубу и поет песни крестьянам. Где-то затерялось. В селе жива бабка, которая нянчила Ирину. Склеп построен на могиле Петра Шибаева. Он застрелился в Москве, но похоронен в Аргамаково. Еще один помнит братьев Сергея, Матвея (был художником), Ивана. По завещанию Петра, в Аргамаково построена больница. […].

15 июля. Клименчук, Морозов и Глущенко уехали в Кузнецк. Мы остались в г. Пензе. Назначено бюро обкома КПСС. Первым рассматривался вопрос о пожаре на Н.-Ломовском электромеханическом заводе. Сложное дело. Много случайного, но много и закономерного. Расхлябанность, неряшливость, элементарное невнимание – вот, что привело к гибели 7-ми рабочих. Внес предложение снять с работы гл. инженера, секретаря парткома и пред. завкома. Кому-то надо отвечать. Второй

вопрос – о подготовке к уборке урожая. Схема обратная: на трибуну выходят начальники и нудно перечисляют цифры. Вопросы, споры, осаживание. Бюро – это публичный партийный суд, правда, без права защиты. […].

Интересна одна деталь. Перед сессией Верховного Совета СССР группа секретарей обкомов КПСС была у Л.И. Брежнева (совещание так и не состоялось!). Он вел беседу в таком плане: «Плохо в стране с мясом. Может быть, неправильна наша политика в области сельского хозяйства? Может, мы здесь неправильно сидим и решаем? В чем дело?» Все крикнули, что «все правильно!» «Тогда, значит, все дело в том, что на местах наши решения не выполняются!» Вот и весь вывод.

17 июля. […]. Днем ездил со Смачным по городу: посмотрели строительство кафе «Золотой петушок» на Бессоновской горе, спортивного зала в парке Ленинского комсомола, ограды на Мироносицком кладбище. Всюду поразительная деталь: люди, которые должны руководить строительством, быть инициаторами и вдохновителями, проявляют непонятное благодушие, спокойствие. Вроде кто-то сделает за них. На кафе плотники и каменщики не знают, каким должен быть фундамент, на спортзале – делают кабинет для председателя общества «Спартак», а он ни разу не был, ждет ключей; на ограде – навозили лишнего дикого камня, а кирпича нет. Что за непонятная схема? Люди сидят без дела, никого это не беспокоит. Нет каких-то стимулов, кроме страха. […].

18 июля. […]. Дважды встречался с врачами: в 12.00 вручил именные часы Л. Григорьеву за мужество при спасении обгоревших в Н. Ломове, за бессонные ночи, в 15.00 – Елаеву М.Э. Первый – принял с восторгом, второй – со стеснением: «Я выполнял врачебный долг. Спасти семерых не удалось: высокая температура пламени». Беседовал с Б.М. Фроловым. Мы упустили в свое время проблему врачебных кадров, а она после того, как удалось немного подтянуть материальную базу, становится самой острой, особенно на селе. Додумались до создания группы при пединституте по сдаче кандидатских экзаменов, но поздно. Было 48. Уверен, через 5 лет Пенза будет иметь 25–30 своих кандидатов медицинских наук. […].

21 июля. […]. День сегодня, безусловно, исторический. В поколениях и веках, до тех пор, пока будет существовать мыслящее человечество, дату 21 июля 1969 года будут помнить как величайшую вершину развития творческой мысли человека и достижений техники. Сегодня около 6-ти часов утра гражданин США, а точнее, представитель планеты Земля, Армстронг вступил на планету Луна! Два часа два американских космонавта, водрузив знамя США, ощупывали поверхность нашей ближайшей спутницы. Уму не постижимо, но это факт! Конечно, обидно, что не мы,

но что делать? Увлеклись гонкой [вооружений], а вернее, криком о ней. Много хвастались. Опять неразумие Никиты. Послали бесполезно болтаться «Луну-15». Они работают открыто: репортаж прямо с Луны. Мы прячем, боимся. А зачем? […].

22 июля. Опять дождь с самого утра. В былые годы посмотришь в окно, а на небе ни облака, голубизна бескрайняя, и так хочется хоть немного почувствовать живительную влагу дождя. А в это лето, что ни день, то дождь. Посмотришь в окно: небо свинцовое, осеннее. Противно на душе. Нет меры! […]. Изучал обстановку по снабжению населения мясом, хлебом, рыбой, молочными продуктами. Все больше и больше завязывается узлов. Было плохо с мясом, стало плохо с рыбой, теперь назревают обострения по белому хлебу. Не хватает сыра. Узел на узел. И самое странное, никого это серьезно не беспокоит. Из Москвы идут телеграммы с красной полосой, требующие выполнения плана товарооборота и мобилизации «внутренних ресурсов». У них, конечно, положение тоже безвыходное, но зачем создавать его неразумными мерами? Вот в чем вопрос. Мы еще каким-то чудом держимся, но, думаю, что и нашей выдержке придет конец. Так долго продолжаться не может. А от мысли такой становится противно на душе. Временами приходит плохое настроение: плюнуть на все и уйти! […].

25 августа. Обильная роса и ясное небо с раннего утра – верный признак устойчиво хорошей погоды. Выпили чаю и в поле. Коповские еще дремлют, на полевом стане стоят комбайны. Едем в Сталинку. Горох можно подбирать, но комбайны стоят. Едем на полевой стан, торопим. Подъезжает В.Е. Щербаков. Разделываем Чарыкова за неорганизованность, предлагаем собрать партком. Едем в сторону Котла. Та же дорога, но овраг как-то осел со времен детства, те же камни, на которых с бабкой отдыхали по пути в Котел. Нет родника, высох. Тот же вал, который делит коповские и котельские земли. Он убегает порослью деревцев в сторону Козлейки. Где-то на этой дороге были, вероятно, Вадовские ворота через которые шла Вадовская дорога из Земетчина на Рахмановку, потом Коповку, Котел и поворачивали правее Аксеновки на Верхний Ломов. Для защиты этого направления располагался полк Рахманова, построен вал и крепость Верхняя Ломовая.

В Котле. На крыльце правления женщина жалуется, что ее не берут уборщицей в школу – четверо детей. Спрашиваю: «А где же муж?» – «Они все от разных. Нет у меня мужика».

Крестьяне довольны. Сегодня в Котле столько хлеба, сколько никогда не было. Сами не верят, что можно на этих землях брать по 20–25 центнеров. Заехали в Каргалей, беседа с председателем. Потом посмотрели хороший новый клуб. Обед

в Ольгиной роще на поляне. Красивая роща. Едем через Кувак-Никольское на Н. Ломов. Попили воды из Серого Ключа. Остатки часовенки. Поздно вечером в Н. Ломове. Остался ночевать. Батов уж очень хлебосолен. Устал, большой крюк. Да и день солнечный, жаркий. Июль, а не август.

27 августа. Поднялся около 4-х утра. Вера уехала на огород, я в Н. Ломов. С Батовым встретились около Вирги. Здесь же хлопочет и В.И. Дмитриев. Готовятся к встрече Воронова: спешно подкашивают валки, настраивают технику. Запустили комбайны и жатки. Воронов подъехал на границу Н. Ломова с Мокшаном около 11-ти утра. В машины и дальше в путь. Первая остановка в Н.-Ломовском РК КПСС. Понравились цветы на дворе. [Воронов] вспомнил Алтай, какую-то школу. Потом на Верхний Ломов. Осмотр свиноооткормочной базы. Подготовились просто здорово: чистота, кругом цветы, хорошо оформлена наглядная агитация, в свинарниках порядок. Из В. Ломова, через Нижний, на Кувак-Никольск. Незапланированная неприятность: в центре села посредине дороги гроб с покойником, допотопный крест и группа отпевающих покойника монашек. Минута раздумий, и «Чайка» полезла через кювет в обход траурной церемонии. Расстались на границе с Вадинским районом. Пообедали в овражке, вернулись в Нижний Ломов, потом через Лукину Поляну в Салалейку к Сорока Ключам. Мокшу переехали по мосту на козлах, собранному без единого гвоздя. Мост, как клавиши рояля, громко играют бревна под колесами «Волги». У Сорока Ключей сборище, в котором преобладают женщины. Оказывается, завтра день Успения Божьей Матери. Престольный праздник. Картина таинственная. На колодах, по которым сбегают родники, свечи, корни деревьев в свечах, одно из деревьев превращено в престол: стоит икона Богоматери, свечи, три монашки в очках что-то читают, в шалаше, устроенном над одним из родников, купаются богомолки. Никакого стеснения. Беседуем: пришли и из Ломова, и из Наровчата, много в лаптях из Мордовии. Соединение религиозного и языческого. Молян. Потом монастырь, разгромленный пугачевцами, церковь Успения, разрушенная в 30-е годы. Остались родники, но слава святого места не исчезла. Мордовка привела на исцеление 10-летнего сына. Отсохли ноги и руки. Мрачно и таинственно. Берут воду из родников, мочат хлеб и едят. На лужайках читают молитвы группами. Большая луна над лесом, а во мраке под деревьями ярко горят свечи.

28 августа. Поднялся около 6-ти утра. Чай, и с В.И. Дмитриевым в дорогу. Решили посмотреть голицынскую зону. Заехали на полевой стан колхоза «Новая жизнь». Люди уже на месте. Быстро заводят комбайны. Правда, пшеница вымолачивается плохо, но ждать больше нельзя. Едем на ток колхоза «Новый путь».

Председатель В.Р. Гришин. Картина другая – все мертво, машины некому загрузить. На полевой стан около Нявки. Клепают, смазывают, завтракают, а солнце печет. Приходится поторапливать. Около Пятины пускаем К-700 на пахоту, а у Кривозерья – «КЗИ» на косовицу гороха. Зрелище неприятное: разболтанность. Откровенно говорим об этом В.Р. Гришину. Он уже 22 года председателем, но где-то зарвался, потерял чувство меры и подтянутости. Заехали в колхоз им. Кирова. Председатель т. Попов. Обстановка другая. Выпили холодного молока с горячим хлебом и в Н. Ломов. Между Хуторами и Овчарным в поле прекрасный памятник павшим в Великую Отечественную войну. Авторы – Оя и Малов. Напоминает рыцаря из Лейпцига с памятника Битвы народов. Но сделан хорошо, стоит крепко, величественно. […].

4 сентября. После долгих дней мотания хорошо выспался. Около 9-ти утра уехал в Мокшан. День по-прежнему солнечный, хотя утром было уже холодно по-осеннему. У поворота на Мирный встретился газик с директором совхоза «Мокшанский» Городновым – осип весь, устал, воспален. Поехали через Пенькозавод на отделение «Парижская коммуна». На току много хлеба, рабочие часового завода отправились на свеклу. Комбайны молотят ячмень. Все гудит... К 11-ти в РК КПСС. Сразу совещание. «Арестовываем» все машины, даем задание на каждую – [вывезти] по 50 тонн. […].

5 сентября. Доложил обстановку в Мокшане. Кое-как удается выбить из Никольска 30 машин для поддержки хлеборобов района. Самое страшное во всей этой истории с хлебом состоит в том, что хлеб никому не нужен. Приехал Г.И. Воронов. Сказал, что хлеб большой, но ни слова [о том], чем правительство России подкрепит хлеборобов, понимая, что обстановка завязалась сложная? Больше того, Совет Министров принял постановление, которым ответственность за размещение и сохранение хлеба возложил на председателей облисполкомов персонально. Зачем тогда Министерство хлебопродуктов, его аппарат? Странно все это. […].

6 сентября. День субботний, устали от поездок в районы, но всё равно иду в обком КПСС. Надо готовиться к поездке в Саратов, рассмотреть документы, заготовить письма, сувениры. […]. Перед обедом поехали Лев, Дорошенко, Павел и я по городу. Смотрели днем площадку, которую вчера вечером с участием Смачного определили как видовую. Всем понравилась. Панорама города, действительно, замечательная. Видно от Арбеково до Южной Поляны. Правда, деревья на кладбище немного закрывают центр. Но можно что-то сделать с деревьями и открыть и здесь панораму. Мой замысел: построить из металла «ветряную мельницу» как смотро-

вую площадку, рядом – ресторан. Место благоустроить. Поехали на бассейн. Много надо доделывать. Решил вопрос с назначением А.И. Фомина директором. […].

12 сентября. Неприятный разговор со Львом о судьбе урожая в Мокшанском районе. Он все время пытается свалить вопрос на субъективные причины: неорганизованность Пименова, неразворотливость хозяйств. Я считаю и доказал ему, хотя скрипит и не признается, что провал Мокшанского района в этом году – результат ряда причин, которые надо брать в комплексе: конечно, какое-то значение имеет неорганизованность, состав кадров, их способности; вероятно, не случайно, что в числе «засевших» районов – Мокшанский, пограничные – Иссинский, Пензенский и Лунинский. Сработала природа, условия. Мы сознательно посадили район, не дав вовремя достаточного количества транспорта. Роковая самонадеянность, всезнание и самоуверенность. Переругались, но вырвал для района транспорт на воскресник. Это уже помощь!

Переоделся и уехал в Мокшан. Злое совещание. Хотя не доводил до крайностей. Критиковал т. Юдина – совхоз «Плесский». Потом поехали по хозяйствам. Заехали в «Красную звезду» (с. Засечное, бывший рубеж на границе), зашли к жене [Героя Советского Союза, участника обороны Москвы] Клочкова. Все у нее в норме, но нет своего дома. Живет в колхозном. Не нажил, был скромным человеком. Из Засечного в Бибиково. Сельский клуб. Молодежь танцует, играет в «третий лишний». Вероятно, весело! На ток в Черниговку, а потом на пахоту зяби. Пашут плохо. Разбудили бригадира и послали наводить порядок. Поздно ночью заехали на хлебоприемный пункт. Хлеба подвалили здорово. Нажим дает себя знать.

13 сентября. Хоть и не выспался, но пришлось в 6 утра подняться. Забот много, день решающий, не уснешь. Сразу в РК. Потом к райисполкому. Подходят машины из Пензы, мокшанские чиновники потянулись на свеклу. На хлебоприемном пункте завал. Сырая пшеница. Всю ночь и особенно утро валят и валят машины. Люди устали, приходится разгружать вручную, шофера нервничают. […].

В совхоз «Елизаветинский», центральный ток. Велозаводцы включились в дело, хлопочут на току. Побывали на свекле в с. Выглядовка. Настроение у мокшанцев хорошее. Просят вырвать до зимы. Уезжаем через поля Учхоза на совхоз «Мокшанский». Начало Мокши – у пенькозавода. Выходим на отделение «Мирное». Часовщики на свекле. Работают неплохо, но нет обеда. Поднимаем управляющего из-за стола в столовой. Доедает горох. «Сам ешь, а людей не покормил!» – «Надо хоть раз в день...» Тяжелая должность. Быстро организовал обед. На трассе после Рамзайского хлебоприемного пункта мордвин пьяный на комбайне. Сняли и отвез-

ли в милицию. Опять занимались хлебоприемным пунктом. В 20.00 собрал руководителей, поручил строить площадки. Разговор со Львом из Рамзая. Вечером уха в ресторане. Лег около 10-ти вечера. Устал... […]. Около 12-ти дня сделали план по хлебу. Это уже победа! Развяжет руки, создаст уверенность. Не зря нажимали.

23 сентября. После передышки работается легче, но усталость дает себя знать: и людей замотали, и сами замотались. Просмотрел документы. «Планета» настойчиво долбит о кадровых переменах в Чехословакии. Кажется, «Пражской весне» и Дубчеку, выступившему ее вдохновителем, а вернее, поплывшем на этой волне, подходит конец! Кадровый бой мы выигрываем. Единственно, что смущает, – это мнение о нас народа Чехословакии, ее молодого поколения. Сумеем ли мы завоевать их сердца?

Около 10.00 встретились у Льва. Снова обозреваем положение дел. Дожди вносят серьезную сумятицу. Заканчивается сентябрь, а на полях еще стоит около 160 тыс. га хлеба. И почти половина приходится на Мокшанский, Иссинский, Н.-Ломовский и Пензенский районы. Договариваемся снова ехать в районы. Мне достается Мокшанский. Устал, надоело, но надо вытаскивать. В 13.00 собираю «ударную» группу. Договариваемся завтра всем быть в 9.00 в Мокшане. Около 14.00 уехал по городу. С городским архитектором и художниками смотрим площадку на Западной Поляне. Прикидываем и так, и этак. Пожалуй, они правы. Мельницу строить нельзя. Не впишется в облик современной застройки. Но надо думать. В радиодоме слушали голоса петухов для трактира. Орут здорово, но как сделать установку? Съездили на строительство «Золотого петуха», потом в кафе «Арфа» и ресторан «Пенза». […].

24 сентября. Утром уехал в Мокшан. Надо как-то вытягивать засевший прочно район. […]. В 12.00 собрались руководители колхозов и совхозов. Все устали, измучены, издерганы. Решил не прибегать к методу страха. Посоветовался. Не привыкли. Выходят на трибуну, сразу цифры. Мыслей мало, но кое-что общими усилиями вытягиваем. Мои предложения: три проблемы – хлеб, кукуруза, зябь. По хлебу лозунг уборки заменить лозунгом: «Все на спасение хлеба!» Ввести вместе с агитацией дополнительные меры поощрения, идти к механизатору с лозунгом и рублем. Перестать считаться с качеством уборки. Лучше потерять 10% и взять 90, чем потерять в поле весь хлеб. Предплужники снять. Лучше пахать без предплужников, чем стоять и потом сеять по весновспашке. Солому не жалеть, волочить на край поля. Актив на казарменное положение, механизаторы – тоже. […].

26 сентября. Утром немного поруководил за секретаря райкома КПСС. Потом поехал в Нечаевку. Появилось солнце, но уже осень. За час промокшую землю не высушишь. Слева и справа от дороги лужи. Тракторист пытался поджечь солому: дыма много, но не горит. Промокла насквозь. На хлебоприемном пункте тишина. Такое болото, что и не пробьешься без трактора. Уланов старательно командует плотниками. Готовят новые площадки под хлеб. На свеклоприемном пункте тракторами тянут тракторы со свеклой. Грязь непролазная наша пензенская. […].

1 октября. Поехал в Мокшан. Ждал мороз, а яркое солнце впервые за эти хмурые осенние дни появилось на прозрачном небе, залило теплым светом поля и рощи. Зелень озимых ярко отливает на горизонте. На глазах сереет зябь, желтой становится щетина жнивья. Октябрь, а мы еще молотим хлеб, убираем пшеницу, просо, гречиху, косим вико-овес и кукурузу. Далеко зашли... Машин из Заречного нет. Поехал по трассе искать. Думал, что ГАИ завернуло. Нет, около Рамзая начали попадаться. Это уже помощь – 50 новых машин […]. Звоню в Пензу. Лев уехал в Колышлей. Два события: звонил Л.И. [Брежнев] Просил за два дня отгрузить Коми АССР 5 тыс. тонн картофеля. Что-то случилось... Принято решение СМ РСФСР о снятии с области тысячи машин. […].

3 октября. Завез Веру на огород, а сам в Мокшан. Пименов – клубок нервов. Лев успел отчитать его вчера вечером и сегодня утром. Хотя объективно оснований для этого нет, если, конечно, не считать, что район по уборке занимает последнее место в области. Эти же дни район по всем показателям работал лучше, чем любой другой район области (и по убранным гектарам, и по сданному хлебу, и по пахоте зяби). […]. Поехали в колхоз «Россия». У Плеса опять начался дождь. Отряд по вывозке хлеба надо куда-то поворачивать на трассу. Дорога опять разбухла. На току в селе Чернозерье все встало. Хлеб (его 2 тыс. тонн) мокнет под дождем. Беспомощное состояние. Поехали в Долгоруково. В избе у тракториста Степана. [Ему] 28 лет, жене – около 40, первого мужа похоронила, этого подобрала. Пьянствовал. Пригрела, прижился. На току. Беседа с крестьянином. Нетребователен он: «Жизнь – лучше не надо. В холщевых штанах не ходим, голодными не бываем. А что еще надо»? […].

6 октября. […]. Вечером у меня Н.М. Почивалин. Готовит документальную повесть «Мои большие хутора».

– Нет первого секретаря обкома. Как быть?

– Вставь со специализацией, если это так нужно.

Беседовал весь вечер. Производит впечатление умного человека. Приятный собеседник. Хитрые глаза и старается запомнить.

7 октября. День в обкоме КПСС. Если не считать того, что выезжал на стадион «Темп». Попал под проливной дождь. Внешне стадион готов. Без сутолоки, паники, шума, который устраивал Фомин. Сенцов – человек деловой, хозяйственный. В 15.00 совещание по ширпотребу, в 17.00 беседа с группой товарищей об издании «Путеводителя» и справочника по Пензенской области. Подготовить предложения поручили О. Савину и фотографу Павлову. Изданный три года назад «Путеводитель» тиражом в 20 тыс. экз. стал библиографической редкостью.

В журнале «Вопросы истории», №9 за этот год, интересная статья Н.В. Нечкиной «Юные годы В.О. Ключевского» (часть монографии о Ключевском). Интересна тем, что целиком речь идет о Пензе и губернии. Много общего в происхождении. Мне с давних времен (скорее всего, с 1945 г., когда я учился в Московской комсомольской школе) как-то больше других близок Ключевский как историк. В нем подкупает живое, по-человечески точное изложение даже самых скучных страниц русской истории. Богатство Ключевского – его язык. Глубокое и всестороннее знание фактов истории, владение массой первоисточников. Свой подход, своя смелая концепция в объяснении и истолковании исторических событий. Можно спорить о состоятельности многих оценок, но одно безусловно – сам осмысливал, имел собственную точку зрения. Им движет теплая любовь к Родине, историю которой он знал и любовно передавал ученикам.

8 октября. Утром сбор у Льва. Опять назначаются уполномоченные практически во все районы без учета того, нужны они там или нет. Лишь бы ехать. Мне достается опять Мокшан. Надоело порядочно, но бросать в беде неудобно. Задачи одни и те же: убирать хлеб «любыми способами», тащить из земли свеклу и картофель. День работника сельского хозяйства придется праздновать 7-го ноября. И правильно, и экономно. […].

11 октября. […]. Не успел доехать до Мокшана, опять пошел дождь. Вот уже больше недели нет ни одного буквально окна для уборки. Середина октября, а мы все еще молотим хлеб, а вернее, смотрим, как он стоит на корню. Молотить невозможно никакими силами и средствами. На фоне свинцовых, нависших облаков тучами мотаются грачи. Лес еще зеленый. Не было настоящего мороза. Уточняем детали с Пименовым Д.Н. в РК КПСС, веду переговоры с колхозом «Россия», совхозом «Мирный». Они больше всего беспокоят перспективой погубить хлеб. Едем по трассе в район Подгорного. Зрелище интересное. В пойме около 5-ти гектаров

капусты. Набралось более 40 пензенских машин. Трактора таскают их от трассы до плантации и обратно. Благо, недалеко от трассы. […].

24 октября. Природа в этом году, как осатанела. Каждый день выдумывает и выдумывает новые неприятности, все время идя крутыми поворотами, неожиданностями, выкрутасами. Закономерность одна – за последние 30 дней, пожалуй, было 3–4 дня с более или менее нормальной погодой. Позавчера солнце яркое-яркое. Казалось, что все встало на место. Вчера туман – верный признак перемены погоды. А сегодня утром проснулся – на крышах снег. Днем чуть потеплело, но около 3-х опять пошел снег, термометр упал ниже нуля. Вечером подул резкий холодный северный ветер, потянуло первым настоящим морозом. Ночью будет около -10. Может, мороз и лучше. Откроются дороги, можно будет молотить вику. Дождь и влага надоели […].

В газетах опубликовано решение о сокращении управленческого аппарата. Наконец, дошло! Названа сумма: в 1970 г. сократить расходы на 1,7 млрд. рублей. Сколько же мы тратим, если на столько можем сокращать! Боюсь, что разгонят мелких сошек на предприятиях, а «московские киты» в министерствах останутся сидеть сиднем на своих местах и получать «кремлевское питание».

Около 12-ти поехал ко Льву. Он болен и не болен. Распределили машины, рассмотрели порядок, сели за стол. Сначала «Паланга», потом итальянский коньяк. Странная манера: как выпили, так о Сталине. Это имя стало болезнью народа. Каким-то демоном висит оно над душами и сознанием людей. Н.Г. Игнатов в Ульяновске (после выпивки) клялся, что зря спас в 1955 г. Никиту. Признал себя виновным. Его слова: история еще скажет, кто больше принес несчастья России – Троцкий, Сталин или Хрущев. Лев чего-то выпил за Русь. Тревога за русскую нацию. Широкая, интернациональная, размашистая.

28 октября. […]. Совещание первых секретарей, председателей РИКов [райисполкомов] и начальников управлений. В.Ф. Огарев сделал обзор состояния дел в полевых работах и подробно в животноводстве. Положение, конечно, сложное: много осталось в поле зерновых (около 50 тыс. га), кукурузы (40 тыс. га), кое-где свекла, картофель, не молотили еще подсолнечник, не напахали зяби до плана 200 тыс. га […]. Будущий год завязывается не очень хорошо! В животноводстве тоже сложно. По всем позициям встали, не растем, отстаем от Ульяновска. Где причины? – сказать трудно. Кормов больше, продукции меньше! Скорее всего, специализация. Не с того конца начали. Резать легче, чем наращивать. Я выступил в заклю-

чение: свекла, солома, анализ по животноводству. Крутитесь! Остановитесь! Посмотрите, куда катитесь! […].

Поздно вечером у Н.М. Почивалина Батов, ломовцы...

6 ноября. Утром опять морозец. Зашел ко Льву и сразу поехал в Пензенский ГК КПСС. Собрали руководителей города и районов по итогам вчерашнего осмотра. Рассматриваем как подготовку к 100-летию Ленина. Участвуют не все. Нет единого плана. В 13.30 уехали всем составом бюро обкома КПСС в г. Заречный. Открытие памятника В.И. Ленину (авторы А.С. Новиков и А.И. Бельдюшкин). Очень торжественно, празднично. Но холодный, пронизывающий ветер. Промерзли здорово. Небольшой прием, грамоты, тосты. Около 17.00 уехали. Памятник удачен. В отличие от вучетичевского в Пензе, он динамичен, смотрится хорошо.

[…]. NB! Да, [улицу] Луначарского [переименовать] в проспект Победы и «катюшу» поставить! Около 11-ти вечера, когда шли с торжественного, хлопьями падал снег. Похоже на новогоднюю ночь.

9 ноября. […]. Посмотрел публикации в «Правде». Как страшен формализм. Сдали невиданное количество хлеба – 1.268 тыс. тонн. О таком и мечтать не могли. Но к этому количеству не достали 2 тыс. тонн. проса, большинство из которых в крупу (из сданного) не пойдет. Так в публикации появилось: «План продажи крупяных остался недовыполненным». Кому это надо? Идиотизм какой-то. Ордена надо давать, а не оскорблять и не бить по рукам подобными фразами. Или хлеб никому не нужен? Ничего не поймешь.

11 ноября. […]. Выехал около 10-ти из Пензы на «Волге». В городе вроде тихо и мягко, снег лежит на бульварах. Все белое, но мертвое, неподвижное. Только сунулись на Кривозерье, полезли по шоссе первые языки поземки. Лижут и лижут асфальт, особенно в местах, не прикрытых лесом. Около Панкратовки пытаются убирать кукурузу: таскают [одним] гусеничным трактором комбайн, другим – машину. Мука, убожество, но что делать! Проехали Загоскино. Ветерок начинает давать себя знать, но пока терпимо. Только пересекли границу Пензенского и Каменского районов, началось: шоссе забито, машины заносит на глазах снегом, зажжены фары, но ничего не видно. Да, здесь степь, древние просторы. Языком она врывается со стороны Колышлея, Сердобска и Бекова, идет на Кучки и через «Пролетарский» хлещет метелью в сторону Студенца, Головинщины к Н. Ломову. Ни деревца, ни леска. Вот она, вьюга, и лютует, и мечется на степном просторе. Развернулись, и обратно, рисковать нельзя […].

14 ноября. Утром обычные дела в обкоме. Никаких совещаний, просто встречи, разговоры, советы, согласования. Их много. Звонил К.Г. Пысин. Получил нашу шифровку о машинах. Договорились действовать в «едином строю» – звонить маршалу Захарову. Позвонил, Матвей сопротивляется. Требует не только указания, а решения ЦК КПСС о задержке автомобилей. Кто его примет? Позвонил в приемную Ф.Д. Кулакова. Обещали как-то помочь. Но грешным делом, думаю, что все останется так, как есть. […].

17 ноября. […]. Висит угроза снятия военных машин с 20 ноября. Рухнут последние слабые надежды на выполнение планов по свёкле, подсолнечнику. Начал атаку по телефону. Разговор с К.Г. Пысиным. У него ничего не получается. Уже докладывали А.Н. Косыгину – он против задержки. Почему? Неясно. Шифровка у Д.С. Полянского. Звоню, его нет, на заседании президиума СМ СССР. Ф.Д. Кулакову. Со всеми помощниками сидит где-то на даче, готовит бумагу к III Всесоюзному съезду колхозников. Г.И. Воронову. Его тоже нет. На Совмине СССР. Днем позвонил сам:

– Что звонил? Нас с тобой на Совмине критикуют за подсолнечник.

– Скоро совсем сдавать не будем: машины отбираете.

– Все бессильны. Только Генеральный. Шли ему шифровку.

Рассказал [Воронов], что отказались (с восторгом!) от Центрколхозсоюза, но создадут какой-то Совет. Кто-то борется записать в проекте не «колхозный двор», а «колхозная семья» и на каждую по 0,5 га земли. Я заметил, что как в колесе гонимся, чтобы дать больше и больше. Он: «Кто это все вносит»? – «Тот, кто далек от земли».

Послали с Дорошенко шифровку с просьбой оставить машины до 1 декабря. Объяснили, что гибнет урожай. Звонил Александрову-Агентову, помощнику [Брежнева]. Обещал доложить, хотя [Брежнев] занимается международными вопросами. Посмотрим, что будет завтра. Был Устинов из Наровчата. Советовал [ему] готовиться к 100-летию Куприна […].

18 ноября. […]. Сижу и жду ответа на шифровку. Только пообедал, иду в кабинет, трубка ВЧ лежит на столе.

– С вами будет говорить Леонид Ильич Брежнев

– Слушаю.

– Здравствуйте, Георг Васильевич! Два дня был за городом, готовился к съезду. Сколько у вас воинских машин?

– Числится 3,5 тысячи, работает около 2-х.

– А как дороги?

– Самое обидное, что только что установились дороги, машины пошли, а их приходится отправлять. На полях много свёклы, подсолнечника. Народ нас не поймет.

– Хорошо. Я дам приказание оставить машины. Но надо, чтобы их хорошо использовали. А то сидим в кабинетах, а шоферы пьянствуют и не работают. Я это помню по Молдавии и Казахстану. Надо на каждую машину посадить контролера.

– Если будут машины, контролеров посадим!

– Желаю успехов. До свидания.

– Спасибо. До свидания.

19 ноября. Тут же позвонил маршалу М.В. Захарову.

– Как дела, Матвей Васильевич?

– А, Георг Васильевич, здравствуй, дорогой! Ты о машинах беспокоишься? Мне только что звонил Леонид Ильич. Оставим до 30-го ноября, но только, чтоб 1-го грузились.

– Спасибо. Все ясно. Когда будет шифровка?

– Сейчас подписываю. Сегодня получите.

Приглашаю Дорошенко и Огарева. Игра ва-банк, отступать некуда, надо идти в атаку. Собираем секретарей РК КПСС, командиров батальонов и авторот. Информирую о разговоре с генеральным секретарем ЦК КПСС […]. Раз так, то 1-го надо докладывать. Сделать все, чтобы грузы вывезти. […].

20 ноября. Утром поехал в сторону Каменки и Белинска. Опять не везет. Идет мокрый снег. Дороги раскисают. Грузовики сидят на обочинах, не могут выбраться на асфальт. Около Константиновки пытаются убирать кукурузу, тянут двумя гусеничными тракторами комбайн, но дело это тяжелое и почти бесполезное. […].

Лег спать, но тревожно. Всю ночь по крыше стучит и стучит дождь... Какая-то мысль: «Мертвые голоса, живых не слышат»!

22 ноября. Поднялся около 8-ми утра. Не моросил, а ночью стучал дождь по железу. Обстановка тяжелая, если не сказать больше. Может, и зря затеяли всю эту волынку, но выхода другого не было. Хоть что-то возьмем военными машинами и меньше оставим себе. Нам хватит до нового года, если позволит погода. Говорил с Гидрометбюро: ничего хорошего на ближайшие дни не обещают. Позавтракали и поехали в сторону Каменки. Дорога работает оживленно. Сказывается наличие трассы. Машины, несмотря ни на что, снуют по дороге, бегут, торопятся. Только в России-матушке есть такие люди, способные на все. Ни один шофер Европы не тронулся бы с места в такую грязь и распутицу. Поля голые. Черная зябь и зеле-

ные озимые. Снег сошел. Как бы ни повторился прошлый год: тянет, тянет без снега, а там хряпнет мороз, и опять весной пересевай. Этого еще не хватало! […].

23 ноября. Воскресенье. Около 7-ми утра поднял В.Ф. Огарев. Позвонил из Колышлея. Не хватает для военных машин бензина. Обстановка сложная. Свёкла начинает гореть в Малой Сердобе. Скандал! Ночью немного подморозило, утром уже отпустило. Породило надежды, но они все эти дни рушатся с первыми лучами дня. Сделал укол, пошел в обком КПСС. Звонили в районы. Машины рвут, а толку мало. Секретари РК КПСС устали. Кое-кто уже залег [заболел]. Пошел в новую больницу. Лежит Н.Я. Батов. Устал, растряс позвоночник. Дает себя знать рана, которой уже 26 лет. Война кончилась, но все еще дает себя знать, мучает людей. […].

24 ноября. Проснулся рано, но опять задремал. Погода просто отвратительная: вчера вечером выпал снег, а ночью (всю ночь) шел дождь. Представляю, что теперь творится в поле. Перемешались грязь, снег и дождь. Кошмар! И все на нашу голову. Около 8-ми утра из Каменки позвонил П.Д. Селиванов:

– Что делать?

– Держаться, выхода нет. Из военных машин надо выжать максимум! […].

25 ноября. […]. Слушали по радио открытие III съезда колхозников. Вступительная речь Л.И. Брежнева. Много интересных формулировок, есть постановка практических вопросов, сжато дано международное положение. Опять дань «стихийному росту доходов» – о пенсиях колхозников вопрос можно рассмотреть! Еще одна прибавка доходов, не покрытая источниками их изъятия. Хотим быть добрыми! Вечером беседа с комбатами. Сначала у меня в кабинете. Рассказал обстановку, историю вопроса. Дело не в том, что нет организованности: невиданный урожай, объем работ, отвратительная погода. Сочетание того и другого создало неимоверные трудности. Военные в этой обстановке – герои. Мы это сказали Генеральному штабу. Потом в столовой облисполкома угощали «Юбилейной». Иногда бутылка водки действенней, чем десяток совещаний. Комбаты разошлись. Тост за тостом. Смысл: повезет с погодой, без Генерального штаба еще дней 5 прихватим. […].

26 ноября. […]. У нас разговор со Львом. Вчера слушал по радио, а сегодня успел просмотреть в газетах материалы первого дня III съезда колхозников. Торжественности много. Что хочется отметить? Постановка вопросов в выступлении Л.И. Брежнева и в докладе Д.С. Полянского одинакова. Вообще трудно понять, зачем требовалось два выступления по одним и тем же вопросам. Полянский оказался в тяжелом положении. Нет глубокого анализа развития колхозного строя, его за-

кономерностей, особенностей. Есть патетическое прославление. Нет сколько-нибудь понятного объяснения необходимости пересмотра устава именно в настоящее время. Какие вызрели новые обстоятельства, требовавшие пересмотра устава? Нет убедительного толкования, чем же, собственно, новый устав обозначает историческую веху в развитии колхозного строя. Исторический – значит, живой рубеж в содержании, а содержание осталось старое, дело ограничилось небольшими поправками (отказались от артели, стали выбирать бригадиров, создали Совет колхозов и т.п.). Призыв к критике не подтвержден текстом. Не сказали, что план по хлебу не выполнен, не объяснили, почему есть трудности в снабжении, не назвали ни одной области. Практическая часть интересна. Ф.Д. Кулаков, секретарь ЦК КПСС, – председатель мандатной комиссии. Что-то новое! Трое, Бр. [Брежнев], Пол. [Полянский], Кул. [Кулаков] вершат дела сельского хозяйства. А.Н. [Косыгин] только председательствовал на первом заседании. Его тихонько «отжимают». И закрывать будет не он...

1 декабря. […]. С сообщением о совещании в ЦК КПСС выступил Дорошенко. Рассказ очень бессвязен, сбивчив. Но детали такие: после съезда колхозников состоялось совещание 1-х секретарей обкомов и предоблисполкомов, в котором приняли участие все члены Политбюро ЦК КПСС. На совещании 2,5 часа выступал Л.И. Брежнев. Произвел большое впечатление, говорил без бумажки, хотя справки ему были подготовлены. Очень остро, пожалуй, ставились четыре вопроса: о капитальном строительстве (много излишеств); положении дел в животноводстве; сложности снабжения, связанные с тем, что рост доходов, зарплата обгоняет рост производительности труда. Если так будет, можем «прогореть»; злая постановка вопроса о дисциплине, экономике и т.д. Важно здесь: первый раз за пять лет собрали и резко поставили вопросы, которые назрели. […].

12 декабря. […]. Скандал с мясом: утром Г.И. Воронову позвонил А.П. Кириленко: «Почему нет мяса в промышленных центрах»? Следом Мазуров: «Почему Россия не отчисляет мясо в союзный фонд»? Вызвал Ф.Д. Кулаков его и Пысина: «Что случилось с мясом»? Позвонил В.В. Гришин: «Пишу записку в Политбюро и буду настаивать на ее обсуждении. Москвичи не понимают, почему нет мяса»? Таскают кругом, а толку мало. Разве не ясно, что установив «стабильные цены», мы облегчили дело на селе, но «завязли» вопросы снабжения в городе? «Дух мартовского пленума остался, мяса – не осталось»! Из ЦК требуют мяса. А как быть с поголовьем и кондицией сдаваемого скота? Их это не касается! Своеобразно! […].

1970 год

13 января. 11-го утром приехал в Москву, встретил Миша, разместились в уютной комнате 3-го корпуса. Один. Мебель, телефон, уютно. Сразу пришли пензяки-ВПШовцы. […]. 12-го в 10.00 – открытие курсов. Приехал И.В. Капитонов. Прочел по бумажке несколько слов о том, что все учатся, пожелал успехов. Начались занятия. Сразу в атаку – ученые. Первый П.Н. Поспелов об историческом опыте КПСС. Читал нудно, несобранно. Чувствуется склероз. Единственная мысль, которая бросается в глаза, – попытка доказать, что Россия в 1913 г. не была отсталой, а передовой, капиталистически развитой страной. Это нужно для марксовой схемы революции. О самом Поспелове: пережил все режимы, всегда был на службе, не боялся «противоречий», хвалил всех и вся, находя на все случаи цитаты. Ни стыда, ни совести. Такие могут объяснять мир, но переделывать его с ними невозможно. Жалко, что идеология иногда попадает в руки таких. Академик Ф.В. Константинов. Много шумел о философии, разделывая всякого рода революционеров, а закончил тем, что: «Я могу только советовать». 13-го – интересное выступление молодого академика Н.Н. Иноземцева. Есть мысли, положения. Но много нигилизма остается после его раздумий. Не догнали [США], да и далеки от этого!

16 февраля. […]. Разбирался со всякими делами: завозом молока, решением ЦК о качестве молока, состоянием снабжения. Обеспеченность товарами 86%, лезем, вопреки всяким запрещениям, в будущее. Мясом не торгуем, держим колбасу. Но требуют [продавать] с наполнителями (колбаса без мяса). Она дешевая, прогорим. Стоит завод маргарина, нет растительного масла, селедку требуют «расходовать строго по декадам», а ее еще не завезли в этом году! Кошмар какой-то. Кто же виноват? Дело же не только в животноводстве. Все молчат и уходят от ответа перед народом, «доверяя» нам эту неблагодарную работу.

Приехали ленинградские скульпторы и архитекторы. Думаем о памятнике Победы. Ездили по городу, смотрели Западную Поляну, развилку на Луначарской. Надо дать им подумать. Завтра вернемся […].

17 февраля. Утром занимались памятником павшим воинам в Великой Отечественной войне. Названо новое место – конец улицы Пушкина, стык с Городком, там хороший бугор. Договорились, приняли. Условились, что ленинградцы возьмутся за реставрацию памятника Борцам революции. […]. Встречался с т. Кадышевым, полковником в отставке. Беседовали о политике. Хорошо бы собрать на сооружение памятника деньги у населения. Это важно не только как источник средств, но и [из соображения, что] памятник будет построен на средства народа, «свой памятник», [во-вторых], когда появятся деньги, [Москве будет] трудно запретить строительство. Это же добровольные [средства]. Мы [руководители] «ничего не знаем».

В 18.00 – совещание по завозу молока. Главное, не критика, а выработка четких, обеспечивающих выполнение поставленных задач, приемов, распределение конкретной ответственности, выраженное в цифрах задание […]. Спор: докладывать ли товарное обеспечение. Оно – 86% к потребностям и ниже прошлого года. Я сказал: «Делать доклад молча»! А что – придумаем. Узлы затягиваются. Каждый день мрачнее обстановка.

21 февраля. День хоть и субботний, выходной, но загружен до предела […]. В 18.00 – торжественное собрание, посвященное дню Советской Армии, в артучилище. Мне пришлось приветствовать и вручать знамя обкома КПСС «Лучшей воинской части». Хорошо выступал Н.В. Седов. Рассказал о солдате, тревожных минутах перед боем. Не забудут! Призвал собирать деньги на памятник погибшим пензякам. Аплодисменты! Надо поставить! Пензяки, рязанцы, тамбовцы спасли Родину. У нас ушли [на фронт] около 400 тыс., погибли примерно 280 тыс. Из троих двое пали в боях.

23 февраля. Планерка. Возник вопрос о положении дел на строительстве бассейна. Решил поехать, посмотреть. Дворец водного спорта (как его думают назвать), действительно, получается отличный. Для Пензы это еще один прекрасный спортивный подарок. Каждый год что-нибудь вводим. Надо искать задел на 1971 г. Скорее всего, это будет или велотрек, или крытый искусственный каток для фигурного катания […].

28 февраля. Зашел на работу. Разговор о сокращениях. Сокращать надо, но не сторожей, как мы часто делаем, а чиновников. И не тех чиновников, что с воды на хлеб перебиваются, а тех, что в масле катаются и никакой пользы обществу не дают. Таких много во всякого рода нужных и абсолютно не нужных министерствах. Нуриев создал Министерство заготовок СССР, в котором не было нужды, и посадил уже аппарат в 800 человек! Дело сделано!

Зашел А.С. Глущенко. Опять демагогические рассуждения на тему о том, что бригадиры, зав. фермами – бездельники, не понимают, тупые и т.д., и т.п. Объяснил ему: если бы бригадиры все понимали, как мы, они бы не были бригадирами, работали бы в обкоме КПСС. Нельзя все и всех равнять на себя. У них есть трудности, о которых мы не знаем, а судим обо всем с наскоку. Главное, чего мы не делаем, – это созидание. Много критики, констатации, мало деловых предложений, поисков форм, методов наиболее простого и разумного решения вопросов. Критика должна занимать 20–30 процентов, созидание – 70–80. Тогда будет дело. […].

6 марта. […]. Ездил на строительство плавательного бассейна. Получается хорошо. Красивый будет дворец. Решаем проблему воды. Говорил с буровым мастером. Не советует лезть на 310 м. Дебет небольшой, и вода неизвестная. Как важно, оказывается, в любом деле переговорить не только с начальством, но и с рядовым исполнителем, досконально знающим дело, которое он сам делает. […].

9 марта. […]. В 9.00 – планерка. Обычное хозяйственное совещание. Поручение по хозяйству, и ни одного – о партийной работе. Я решил заняться делами 25-летия Победы. Времени осталось мало, а сделать хочется много. 22 млн. жизней достойны внимания! В 13.00 пригласил архитекторов. Мои мысли: «обелиск Славы» не решил задачи памяти. Не хочется делать формально. Нужны душа народа и народные действия. Склеп. В основание – списки с фамилиями погибших замуровать. Текст на мраморе. Из сел – делегации со списками. Засыпка землей. Машины, люди. Наверху камень, а потом – памятник. Место поклонения павшим.

Но трудно найти место. Архитекторы идею поддержали. Места на Пушкинской, Западной, Луначарского отвергли. Назвали еще на Западной. Поручил готовить. Разговор с обкомовцами. Список погибших и проект доски при входе в обком. Были Седов и Кадышев. Начали сбор средств. Расчет на 200 тыс. рублей. […].

10 марта. День наполнен общими заботами. Упорно (на самом деле!) работаю над проектом памятника воинам-пензенцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Память их священна! И их немало. По самому скромному счету, на фронт ушло 400 тыс. чел., погибло 250–280 тыс. Взяв с ходу Украину, Белоруссию и Прибалтику, немцы поставили сложную задачу перед Россией: спасти себя, спасти других. И русский народ выстоял, заплатив тяжелой кровью.

Дал поручение «Гипромашу» сделать проект и привязать его. Мой окончательный замысел: место – развилка ул. Луначарского, потом переименуем в проспект Победы. В основании закладываем железобетонный склеп с ячейками для «вечного захоронения» фамилий погибших пензяков (города и сельсоветы). Насыпаем

курган, [участвуют] и техника, и люди. На вершине кургана – камень «Вечная память павшим» и «Курган насыпан в 25-ю годовщину Победы». Вот замысел. Как его осуществить? Но если сделать – будет народный праздник. Днем ездили в район Ухтинки, подбирали площадку для вещевого рынка. Кажется, нашли.

12 марта. […]. Заезжал со Львом на бассейн. Пил воду из новой скважины. Уже сделана! Дали команду бурить еще одну. Обойдется все это в два разговора и 10–15 тыс. рублей. С бассейна на аэродром, в Камешкир. Встретили Маркин и Мужиков. Осмотр центра. Много настроили. Приятно, что тянутся к лучшему. В 15.00 – совещание по заготовкам молока. Даем задания. Если не выполнят – «предатели». Клянутся. Поехали с председателем колхоза «Рассвет» Поташниковым на ферму. Опять неправильно кормят. Договорились с доярками. Обещал автолавку из Пензы […].

13 марта. […]. В памяти народа останется умная мысль, интересно и образно сформулированная. До сих пор [в Неверкино] вспоминают [мою] речь об отношении к земле. Пользуются землей, как проституткой. Переспал, получил удовольствие и все. Земля – это мать, кормилица. Ее уважать и беречь надо.

24 марта. […]. Вчера читал Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Книга написана здорово, интересный язык, обилие фактов, глубина и выводов. Но настораживает одно: попытка использовать открытие буржуазного ученого Моргана для подтверждения своей материалистической теории развития человечества. Система вроде бы стройная, но мало убедительная. И эта «неубедительность» от схематизма, попыток создать единый процесс в развитии всего человечества в зависимости от смены орудий труда. Энгельс – величайший диалектик – вдруг поддался эклетической, застывшей схеме во имя идеи и в ущерб диалектике. Противоречия отпали, осталась голая моргановская схема. Говорят, что открытые недавно останки неандертальского человека в районе Владимира свидетельствуют о том, что и на той стадии человек многое знал и многое умел. Он не был дикарем, хотя по схеме его надо отнести к периоду низшей ступени, дикости. Весь анализ идет к тому, чтобы доказать, что вершина будущего развития – абсолютная демократия. Но мне сомнительно, был ли тот век «золотой демократии» (первобытная эпоха), о котором говорим много, но ведаем мало. Думаю, что демократия всегда было ограничена. Даже на самых первых (доклассовых) этапах эти ограничения складывались за счет физического неравенства людей (сильный и слабый), умственного неравенства (умный и дурак), возрастного неравенства (старый и молодой), наконец, за счет сложившихся традиций, характерных для каждого племени. Человек не приходит на голое место и в пустое про-

странство. Он рождается среди людей и с молоком матери воспринимает до него сложившиеся и от него независимые традиции племени. Появление классов безусловно было вызвано общественным разделением труда, войнами, но в какой-то степени место, в каком классе находиться конкретному человеку, зависело от продолжения естественного неравенства, а потом закреплялось традицией, классовой ограниченностью, наследственностью.

25 марта. Конфликт на улице: двое озлобленных с похмелья людей, встретились у гастронома №4. Матерятся. Стерпел. Запутался на переходе от Володарской к Пушкинской. Догнали и обогнали. Опять откровенно матерятся. Опять догнал я. Один наиболее нахальный мне: «Ты прокурор или зам»? – «Вы почему так развязно ведете себя на улице? Материтесь. Что, решили, все дозволено»? – «Проходи, проходи. Начальство и машины надо обходить сзади». Пришлось задержать и отправить в милицию. Один сбежал. Нашли дома. Когда-то – штурман дальней авиации. Опустился, озверел, работает крановщиком.

Рассматривали подготовку к паводку. Председатель комиссии Ю.А. Виноградов. Паводок может быть, как говорят гидрологи, историческим, т.е. проходящим на верхней отметке воды. Стихия, конечно, страшная, обуздать ее сложно, разумнее временно отступить. Но для отступления нужны плацдармы, техника. Об этом сейчас и заботимся.

29 марта. День воскресный, но пасмурный. Опять идет снег, метель, за городом в поле, вероятно, рвет провода. По плану – день загружен. Повозился немного с птицами, сменил корм, послушал пение и в обком КПСС. Лев уже на месте, вид веселее. Собирается в Венгрию, хлопочет с сувенирами, ждет делегацию. В 11.00 пришли Грибов, скульптор Петр Ант. Талько из Ленинграда, архитектор, Смачный, Ерзунов и Щербаков. Рассказал о замысле павшим воинам пензенцам: склеп, списки, курган, скульптура, оформление. Место – развилка на ул. Луначарского. Талько повеселел. Он согласен с замыслом и местом. Все сразу стало проще и понятнее. Согласовали текст надписи на камне и договорились о предварительной планировке места закладки и открытия камня 9 мая этого года. Поехали на ул. Луначарского, облазили треугольник. Мешают деревянные халупы, но на первое время места вполне достаточно. Может получиться! Заехали на Западную Поляну, остановились у памятника Борцам революции на Советской площади. Уточнили необходимость сделать в граните окаймление братской могилы. Затем показал «Золотой петушок». Впечатление большое. Это уже хорошо. По дороге задержал вора с

досками. Вывезли на железнодорожном составе и сбрасывают около большой дороги. Много и нахально растаскивают. […].

31 марта. Утром снег, после обеда – солнце и ручьи, а вечером легкий морозец. Природа пришла в столкновение. Борются времена года. Но в борьбе проходят дни. И прогнозы о ранней весне оказались ложными. Скорее, поздняя. По дороге на работу – [о Брежневе?]: пять лет никаких легенд и никаких ссылок, ни одной деловой, серьезной, вызванной жизнью, а не парадом, поездки, ни одного толком телефонного звонка. Нет вопросов. […]. Звонил Лев. В пятницу принят ряд решений по сельскому хозяйству. Их смысл конкретный: за сверхплановую продукцию животноводства по году (т.е. годовую) – 50% надбавки; цены на мясо всем равные (колхоз, совхоз и частник); за молодняк до 2-х лет 350–400 кг – 35% надбавки, свыше 400 – 50 %. Цены за молоко поднимут на 18–20%. Оплата труда в совхозах – 125% тарифа. Пенсии колхозникам – минимум 20 руб. С 1 апреля – Госстрах. И т.д. Всего затрат дополнительных в 1970 г. 3,5–3,8 млрд. рублей. Что бросается в глаза? Идет одна и та же деляческая и добряческая линия: опять доплачиваем, повышаем зарплату, увеличиваем пенсии, но... никак не связываем это с производством, заготовками. Думают, что деньги автоматически сделают дело. Ошибка. Нужна организаторская работа, а в основе ее – планы, задания. Вероятно, боятся отступить от идеи «стабильного плана». Выбросим еще денег, а чем их взять? Где товары? Положение белки в колесе. Не можем остановиться.

5 апреля. День начался трудом: с Верой ходили на воскресник по очистке территории двора от льда и снега. Потихоньку привыкают пензяки к этой форме участия в борьбе за чистоту города. Зима оставляет столько грязи, что солнцем и дворниками не вытравишь. Во дворе работают Ерзунов, Яковлев. Со мной на пару Н.М. Почивалин. Работы, конечно, мало, но важен сам факт. Хотя к вечеру поясница болит от непривычки.

Пошел в обком КПСС. Беспокоит паводок. Температуры быстро нарастают, а сегодня подул юго-восточный ветер, знаменитый «астраханец». Может за два-три дня согнать снег с полей и поставить перед фактом сева. Завтра надо принимать контрмеры! Дошел до Суры. Основной лед прошел сегодня утром. Сейчас по разлившейся реке суетливо несутся льдины. Есть какая-то своя прелесть в ледоходе, что-то стихийное, захватывающее, заставляющее любоваться силами и красотой природы. Тысячи людей облепили набережную. В обкоме КПСС доложили обстановку: ночью было сложно в г. Кузнецке. Разбушевался Труёв, вышел из берегов и затопил дома. Около 30-ти оказались под водой. Людей снимали с крыш. Ночью же

было сложно на плотине р. Вядь (Светлая Поляна). Вода хлестала через плотину. Послал солдат, а потом Смачного и Ивачева. Предупредил генерала Игнатьева, чтобы был все время начеку. Обедал дома. Потом на о. Пески. Есть угроза затопления. Льдины буйствуют в «сухом протоке» и едва движутся в основном русле. На спасательной станции ни единой лодки. Дежурный спокойно черпает из мутной воды рыбу. Пьяные водолазы. Страшно все-таки, что так безответственно относятся люди. На стадион «Темп». Кое-как выиграли у Уфы. Игра – с переменным успехом. Отругал А.Е. Щербакова за спасателей. Вода на улицах стихает, но морозца нет. Опасность паводка сохраняется. Надо быть начеку […].

6 апреля. Вчера В.Ф. Огарев говорил с районами. Неверкино, Лопатино быстро освобождаются от снега. В Лопатино есть поле, которое зовут «Блокнот агитатора». Оно около райцентра, на южном склоне. Подходит первым. Скоро на нем начнут. Текущие дела, какие-то встречи. Идет паводок. Вода поднимается в Суре. Около 12-ти ночи позвонил в Н. Ломов. Говорят, что топит Пешую Слободу. Послали амфибию. Просят вторую, но не ясно, нужна ли она. На боевом посту остался Ю.А. Виноградов. Б.Я. Демина я послал на всякий случай в МВД, чтобы он был готов действовать в любую минуту. Просил разбудить, но не разбудили. А события в ночь на 7-ое развивались так. Продолжался подъем воды в самой Суре, потом начало топить о. Пески. В районе локомотивного депо прорвало дамбу, закрывающую Маньчжурию. Бросились насыпать песок, делать мешки. Напор воды большой. Демин сказал, что дело пустое, а Юра [Виноградов] давил. В 5.30 утра собрали руководство города. Пока заседали, вода затопила о. Пески и прорвалась в Маньчжурию. Начало топить Терновку, Согласие, «Маяк революции». Мне позвонили около 7-ми утра. Положение сложное. Начал одеваться, опять позвонил Дорошенко: тревога! Пришел в обком. Извечная растерянность. Нет опыта, а принимать решение надо мне, спрятаться не за кого. Разделились с Дорошенко: он – мешки, песок, машины; я – спасение людей. Предотвратить гибель людей – главное.

7 апреля. У обелиска посмотрел Суру. Осталось 4 шашки на бетонной набережной. Свинцовая, тяжелая вода и буйный поток, готовый сокрушить все. В 9.00 собрал секретарей ГК КПСС и РК КПСС. Позвал военных, МВД, мужиков из аппарата обкома КПСС. Решение: определили наиболее опасные по затоплению участки города: Пески, Пенза-III, Маньчжурия, «Маяк революции», Согласие. Во главе их поставили военных и добавили работников аппарата обкома КПСС. Задача – под личную ответственность не допустить гибели ни одного человека. Использовать все средства и дневное время, чтобы эвакуировать детей и женщин. Где средства?

Позвонил в Куйбышев. Добился расконсервации 10 амфибий. Но нет водителей. Облвоенкому задание – мобилизовать за час!

Форму нашли, заполнили содержание. Нужно время. Первые амфибии получили около 12-ти дня. Бросаем на самые уязвимые участки. Идут уже звонки от оперативных групп. Это помогает более или менее точно ориентироваться. На вертолете облетел Пензу. Стало многое более ясным. Опасно – Пески, три дома 5-этажных на Пензе-III и Маньчжурия с Барковкой. Их подкрепляем в первую очередь. Сижу весь, [как] на иголках, но надо держать нервы. Психоз – плохой помощник. […]. Вода прибывает. Осталось 2 шашечки. В 17.00 еду на Пензу-III. Приказываю [И.Д.] Уланову выселить немедленно 5-этажные дома на берегу. На амфибии – в Маньчжурию: топит, дома по окна. Спасаем с Перминовым детей. Но чуть не «сели». Испугался: кому в обкоме командовать? Отвез. Перешел пути. Пески и обелиск. Осталась одна клеточка. Поднял [город] Куйбышев. Еще 6 амфибий! Военкому – два часа на призыв 15-ти водителей, Игнатьеву – солдат в резерв. По радио и в газету – выступление А.Е. Щербакова. Предотвратить панику, позвать народ.

8 апреля. Появился Смачный, сбежал из больницы. Держу его в резерве. Бесконечные тревожные звонки. Все требуют амфибий. Действую один. Помню, что в бою главное – резервы. Начинают поступать еще амфибии. Бросаю [в дело], но – после настойчивых требований и обязательно с работником, знающим район действий. Одна все время в резерве. Перминов из СУ-104: опасно, нет лодок. Поднимаю бытовиков, Смачный уходит с лодками в этот район. Звонки в школу №26, магазин «Гудок», Терновку, Сурск, Чаадаевку. Около 3-х утра стало ясно, что вода встала. Это был перелом в битве: (1) максимум средств бросили, (2) встала вода, (3) до рассвета не так много времени. А темнота страшна. Ищут на крышах – факелы. В 4.00 уехал на Южную Поляну и Пески. Сложно, опасно, но держаться можно. Хлебозавод №4 отстояли! К 9-ти успокоился. Позвонил Смачный. Боялся за него и Перминова. Живы! Надо доложить в ЦК КПСС Капитонову. Помощник. Все рассказал. Рано. 5 минут 10-го звоню. Не может соединить, у него замы!.. К Кириленко. Только в 12 добился: «Всех топит. Хорошо, что нет жертв». – «Поручу Мазурову. Желаю, Георгий, успеха». В 13.00 ушел спать. В 17.00 опять на работе. Кризис прошел, хотя и тяжело. Разобрался с амфибиями. Нашел решение: все передать в Железнодорожный район, снабдить связью, перенести штаб во двор. Все встало на места. В 2 часа ночи ушел домой. […]. Вода на последней отметке поднялась на 8 м 55 см, достигла 136,9 м над уровнем моря (плотина ТЭЦ). В 1926 г. [паводок] был на отметке 137,3 м. Но неизвестно, где меряли.

9 апреля. […]. Решил на газике поехать по затопленным районам. На плотине. Река еще полноводна, но того ухарства, удали, неудержимой силы нет, стихия остановилась. Заехали на Согласие: Венеция, люди на плотах едут к дороге. Подошла амфибия с продуктами и врачами. Полезла в дальние затопленные углы. Туда еще не идет бронетранспортер. Послал ее в поселок Розы Люксембург, затерянный где-то в лесу. Мы его забыли, а ему досталось здорово. Погибли скот, птица. Вышел к химзаводу, но дальше ехать нельзя. Вернулся в город. У обелиска Свободы 5 или 6 шашек. Здорово уходит вода. В 13.00 поехал в ГК КПСС. Разговор об итогах паводка: паводок исторический, бывает раз в 100 лет, последний – в 1926 г. Не достали 45 см, но трудно сказать, где и как меряли. Вода поднялась на 8 м 55 см. Затоплены были Терновка, Междуречье, Южная Поляна, о. Пески, Маньчжурия, Барковка, Согласие, «Маяк революции». Устоял только Шуист. В зоне [затопления] – 60–70 тыс. населения. Боялись жертв. Их [практически] не было, двое – просто несчастный случай. Высокая организованность города и района в спасении людей. [Хотя] оказались не очень готовыми. Задачи: забота о людях. Горе. Не допускать черствости. Меры по поддержанию порядка. Ликвидация последствий. Идти вслед за водой. Определить ущерб. В 14.00 опять совещание в обкоме КПСС с областными [организациями] по ликвидации последствий паводка. Вечером записался для выступления по радио. Кажется, ничего. Хотя в спешке. Хорошо себя показали Перминов, Смачный, Демин, Шкуров, Рева, Родионов, Чернышев. Плохо – Полозов. В этом бедствии характер народа проверяется. Его особенность: беспечность перед бедой, организованность и мужество в беде.

Старик на Песках. Не хотел [эвакуироваться]. [А когда] прижало: «Возьми вещи к е... матери». Магазин «Гудок». Сторож. Замок. Упал: «Везите, куда хотите». Парень из магазина пропал. Перминов – искать. Плывет саженками. Перевернулась [лодка?], промок. Достал пол-литра и опять спасать.

10 апреля. В 6.00 утра встал. Позвонил Рева. Договорились, что пойдем на амфибии в зону затопления. Разбудил В.И. Ерзунова. Вместе с И.В. Белоцерковским на маленькой амфибии уходим к фабрике «Маяк революции». Вода уже спадает, но обнажаются последствия: сломанные деревья, размытые дороги, свороченные ребрики тротуаров. Бед много. Народ расстроен, зовут к домам на плотине, которые подмывает вода. Смирнов ругается. Успокаиваю. Дома на развилке Ахунской дороги и дороги на Маньчжурию целы. Я с них снимал детей и старух. Но досталось здорово. До сих пор стоят в воде. Заливало по потолки. В школе №26 первый этаж освободился, но подвал полон, да и подъехали по воде. Люди завтракают. Продавец живет трое суток, не боится. Кормит народ, в основном, ре-

бятишек. Спят на матах из физкультурного зала. По затопленным улицам Маньчжурии пошли к магазину «Гудок». Уже не по воде. Народ сушит на крышах мокрые дорожки, тряпки, одежду. Много, конечно, убытков. Копили годами, потеряли за час. В магазине разгром. Сахар утек, макароны испорчены. Директор волнуется, но успокаиваем. Озлобленный мужик, хвативший спиртного... К Барковке. Новая проблема: надо спускать воду. […].

13 апреля. […]. Отрабатывал мысль о возведении деревянной крепостной стены на ул. Кирова, где сохранился старый вал. Сколько патриотов можно было бы воспитать на простых, близких и понятных, особенно молодежи, свидетелях прошлого. Беседовал с Лебедевым, ходил по валу. Может получиться, но трудностей немало. Будем искать!

Думал о нашем изумительном русском народе. Сколько сил, мужества, крепости, выносливости таится в его недрах! Подобно спящему богатырю, он спокоен, пока не тревожат, но стоит только тронуть, размахнется и ударит. Когда «спит» – много грубости. И это не его, а наша вина, мало воспитываем. План, производство заслоняют человека, а в результате проигрывает и человек, и план […].

14 апреля. «Комсомольцев» (бывших, конечно) продолжают жать: освобождены от работы (причины пока неясны) Н.А. Михайлов и Месяцев. Как-то, возможно, это связано и с В.И. Степаковым. Но как?.. […].

В краеведческом музее. Разговор о крепости с Полесских. Углы можно наметить: Кирова – К. Маркса, К. Маркса – Советская, Советская – угол сквера Лермонтова, угол, где библиотека. Было 4 угловых башни и 3 проезжих: московское, тамбовское направления и спуск к реке (?). Церковь деревянная Всемилостивого Спаса. Кладбище древнее где-то у памятника Борцам революции. Валы и стены снесли в 1838–39 гг. Тогда же сделали Лермонтовский сквер. Ездили на вал. Стену делать не стоит. Можно обойтись одним углом ул. Кирова и К. Маркса и одной башней. Поручил обосновать ее научно. Передал гривну IV в. нашей эры Полесских. Она мне не очень нужна, а ему – наука […].

24 апреля. […]. Из Ленинграда привезли проект планировки сквера и рисунок камня на место памятника. Решен сквер интересно: в плане – звезда. Камень солидный, может 3–5 лет стоять как памятник. Попросил геодезистов все привязать в натуре. Ивачев должен сделать.

Домой заехал побриться и согрешил: уснул. Проснулся около 6-ти вечера. Вера и Миша тоже продрыхли. На работу не пошел. Вечером хмуро, но дождя нет. Играли в преферанс. Да, звонил Н.Н. Романову. У него, кажется, пока все в поряд-

ке, хотя, кто знает... Пути господни неисповедимы. На торжественном все больше и больше попадается бывших и многие из них воспитанники комсомола: Семичастный, Егорычев, Михайлов, Месяцев, Каганов, Юра Ростовский. Счет большой и едва ли этим закончится. Власть – дело ответственное и в то же время хмельное. Человек уже нетрезв, а все пьет, остановиться не может. Ему бы самому уйти из компании, а он нет, других выпроваживает и тех, кто видит или может увидеть, что он нетрезв, захмелел. Положение усугубляется реальными трудностями, которые устранить нельзя. Тогда начинают устранять тех, кто несет на себе внешнюю ответственность за участки, на которых возникли трудности. Они и оказываются виноватыми, хотя трудности – порождение общих промахов, а не отдельных лиц. К молодым скоро прибавятся «специалисты». Кажется, это неизбежно.

4 мая. […]. Заехали на кладбище Сердобское. С помощью людей нашли могилу В.А. Слепцова. Запущена здорово, ограда не покрашена. Стоит обелиск с горельефом местного автора. На обелиске: «В.М. Слепцов (1836–1878)». Договорились привести могилу в порядок. Нехорошо! Я плохо знаю его творчество, но он, кажется, из окружения единомышленников Чернышевского. Опять поехали в «Искру». Дело движется, но нет ночной работы. Дали поручение организовать немедленно. Время уже не терпит, надо торопиться. Из «Искры» в совхоз им. Ленина. Иванов напряжен. Прошлый урок не прошел даром. Не стал его ругать. Поручили тоже организовать ночной сев. Мысль около Секретарки: человек всю жизнь в решетке, чем-то ограничен: родился – в коляске, школа – отметки, жизнь – обязанности перед обществом и семьей, умер – ограду ставят.

Заехали в Куракино. Смотрел развалины дворца Куракина. Пышный парк, торжественный подъезд. Из окон дворца величественный вид на далекие просторы за р. Сердобой. Дворец был сделан хорошо. Анфилады комнат. Все покрашено под мрамор. Симметричный хозяйственный двор. Сожги дворец, кажется, в 1924 г. Был какой-то Сланский – управляющий. Растащили богатства, а чтобы спрятать концы в воду, подожгли. Жалко. […].

Из Сердобска на Пензу. Заезжал в Колышлей. Беседовал с А.Ф. Ковлягиным. Ребята уже купаются в р. Колышлейке. Дома около 9-ти вечера.

8 мая. […]. В 14.00 – на Советскую площадь. Открытие монумента с фамилиями Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, воспитанников Пензенской области. Начался дождь. Вовремя. Промокли, но это мелочь, в сравнении с вероятным хлебом, который можно получить. Дорошенко читает слово. Написано не им, но хорошо. Лев открывает с Героями монумент. Из тех, кто записан, 70%

уже нет в живых. Приятно, что вспомнили. [Поехал] на бассейн, потом на «Золотой петушок». Надо открывать и то, и другое. За праздниками не хватает времени заняться делом. В 17.00 поздравление аппарата, а потом открытие мемориальной доски с именами павших работников обкома КПСС. Это нужно и для памяти, и как пример другим. В 18.00 – торжественное собрание в театре. […].

9 мая. День праздничный, солнечный. В 10.00 поехал в ГК КПСС. Возложение венков к памятнику Борцам революции на Советской площади. Традиция хорошая, но ее придется отменять. Ничто не связано здесь с Победой. Могилы Гражданской войны, перенес к памятнику павшим. В 10.45 – митинг на площади им. Ленина. Я поздравил училище с днем Победы и вручил юбилейную почетную грамоту. Получился своеобразный военный парад на площади. Масса народа. Поехали на мотогонки в овраге на Западной Поляне. Удачно выбрана трасса и хорошо видны все этапы борьбы. Это спорт отчаянных. Опять тысячи зрителей. В 12.30 на быв. ул. Луначарского. На первых домах уже висят таблички «проспект Победы». В 12.45 дикторский текст. В 13.00 подошел бронетранспортер с землей, [взятой] на 40-м километре Ленинградского шоссе, где приняла бой дивизия, сформированная из пензяков. Лев выступил. Торжественно замуровывается снарядная гильза с землей, открывается камень на месте будущего памятника. Все очень торжественно! Опять масса народа: на улице, балконах и даже крышах домов. Прохождение училища торжественным маршем, возложение венков. Получилось хорошо! Надо на будущий год продумать обряд. Может, читать «Реквием» Р. Рождественского […].

21 мая. […].«Петушок» сегодня открыли! Получилось неплохо, хотя не обошлось без накладок. Сделали кое-какие замечания. Посмотрели проспект Победы. Вывески не сменили! Покосившийся дом. Зашли. Женщина, ребенок. Смотреть жутко. Разговариваем. 12 лет на «Тяжпромарматуре». Текут слезы. Очередница, а жилья не дают. Питание: считает от 10 коп. Обещал помочь. Страшное впечатление от ТУ-3 [техническое училище №3]. Хлам, бурьян и куски хлеба. Бурса! Чуть лучше в ТУ-17. Магазин «Колосок», потом №8, 6 и 15. Отчитал Тяпкина – замполита, Нехамкина – директора магазина №8, Яковлева – начальника управления торговли. Около 11-ти – домой. Начался день спокойно, а закончился бурно. Чем больше смотришь, тем больше вопросов. Жить, не видя, невозможно. А кое-кто так и живет в прозябании и неведении […].

22 мая. Лето опять входит в свои права. Тепло. Одел светлый костюм. В обкоме. Занялся доведением до конца вчерашнего осмотра города: Атрощенко доложил, что в доме был на пр. Победы, ужаснулся и на будущей неделе его сломают.

Макарову попало за то, что не дает сводок о высадке цветов и выходе студентов на работу, Ирышкову – не заменены таблицы на бывшей ул. Луначарского, Бычкову – за грязь и запущенность в ТУ №3 и 17. Беседовал с архитектором Блажко. Решили вопрос о привязке столовой обкома КПСС во дворе Дома книги. Посмотрели фотографии резного дома по ул. Куйбышева, 45. Интересная резьба и изразцы. Троицкий женский монастырь на ул. Кирова. Но как реставрировать? Прикинули расположение деревянной крепости Пенза. […]. Разговор со Львом. Допекли его на улице заявители и заявительницы по жалобам о квартирах. Хватают на улице и орут. Отучат ходить пешком. В 14.00 – разговор о бассейне. Только у нас так возможно: Фомин поднял вопрос, что вентиляция не работает, надо ее переделывать, его поддержали госкомиссия, Алексеев. Проектировщики доказывают, что все правильно. Монтажники тоже. Задал два вопроса: «Проектом какая относительная влажность предусмотрена»? – «80 процентов». – «Какая фактически»? – «Никто не мерял». Нет предмета спора и разговоров, а говорят три дня. […].

24 мая. Около 11-ти пошел в обком КПСС. Все, кажется, готово к приему маршала М.В. Захарова. Лев пропадает в Лопуховке. Поступили сведения, что прилетает командующий ПРИВО А.М. Паршиков. Взял «Чайку», с Дорошенко заехали на Богданова за Львом. Прилетел Паршиков. […]. Около 17.00 прилетели Захаров, жена, Ляшко и Чернышев. Сердечная встреча в аэропорте. Стихи и цветы детей. Старик растроган. Особняк на Лермонтова. Потом театр. Хорошая, теплая встреча. Но длинный концерт. Не знаем меры, не учитываем того, что ему уже 72 года. После концерта в Лопуховку. Ужин в 11 вечера. Несколько тостов. Много знает и помнит. Спросили: как быть с Тухачевским? «Все, что положено, партия решила». «Всем доски установлены. История скажет. Буденный был членом комиссии [Военного трибунала над М.Н. Тухачевским]. Он до сих пор считает его врагом народа». «Трудно сказать, но мы не знаем, как бы они, выходцы из дворян, повели себя в тяжелые месяцы 1941 года. Устояли выходцы из рабочего класса». Тухачевский был связан с Пятаковым – приказчиком Троцкого. Может, этот на него и рассчитывал. Тухачевский три раза был в плену [совершил три побега из плена. – Ред.]. О мемуарах Жукова: «Интересная книга, но молчит, когда проигрывал сражения. Под Ельней положил 105 тыс. наших солдат». Любит повторять Мольтке: «Говори правду, только правду, но не всю правду». Это относится ко многим мемуарам, в том числе и Жукова. Весь вечер ругал Н.С. Хрущева.

5 июня. Провел комиссию по выездам за границу. Потом срочно писал Льву тезисы для выступления на семинаре по подготовке и приемке хлеба. Времени ма-

ло, но надо. Не напишешь, не скажет. Время пройдет, а хлеб надвигается буквально лавиной. Как бы она не захлестнула и не накрыла с головкой! Поехали [с Ерминым] в Симбухово (за Мокшаном). Посмотрели холодильник и машинный двор. Потом в Рамзай. Сначала совещание, всем по 5 минут, себе – полтора часа обо всем. В этом наша беда. На центральной [усадьбе] учхоза – сенаж. Культурные пастбища. Потом в совхозе «Заря» [смотрели] технику для уборки сена. Поразительно одно: есть десяток очень умных приспособлений, но все они результат самодеятельного творчества, промышленность не выпускает. А много ли сделаешь на творчестве одиночек и во что обходятся все эти переоборудования?

[Смотрели] пленочную тепличку. Просто, но дорого, но огурцы уже есть. По бетонке на совхоз «Светлополянский». Директор Верхолетов, около него уже крутится Пронькин. Оба – воспитанники совхоза «Комбинат». Показывали сухопутный утиный лагерь. Оказывается, можно утку выращивать и без воды. […].

21 июня. […]. Были на открытии плавательного бассейна, который получил название Дворца водного спорта. Речь Алексеева, парадные заплывы, прыжки в воду. Дворец отличный, а праздник не получился. Много «деревенского», много неряшливости, нетребовательности. Собрал тренеров и руководителей. Отчитал за то, что плохо воспитывают спортсменов. Предрешили вопрос о спортивной школе плавания. […].

21 августа. […]. В 10.00 началось бюро обкома КПСС. Рассматривали перспективу застройки города Пензы. Тяжелое дело, эта перспектива. 360 тыс. [жителей] – ездить негде, а 800 – что делать? Сейчас 3,5 тыс. машин, будет 30 тыс. Где проехать? Предложение – уходить на правый берег Суры, развивать и отстраивать эту часть, не бросая Арбеково, Западной и Южной Полян. В 11.00 беседовал с работниками адм. органов Белинского района. Какой-то детективный роман. Идут кражи в Поиме. Берут подростков. Судят, штрафуют, заставляют сознаваться, показывать места хранения. Вещдоков нет, но... жмут. И вдруг обнаруживается истинный вор: студент, опытный, умный. Дело с подростками оказалось липой. Выводов не сделали. Главное, нет злого умысла, работники милиции верили, что дело имеют с преступниками. Подвела интуиция […].

25 августа. […]. Поехали в Пачелму через Мокшан, Н. Ломов. Мокшан растет. Думаем, на сохранившемся валу у дороги соорудить башню […]. В. Ломов. Буйные когда-то места: Разин и Пугачев. Подвезли до Двориков двух старух, 73 и 65 лет. Ходили в Н. Ломов за продуктами. Вечно нам сопутствуют очереди в городе и недостаток продуктов на селе. Не можем накормить Россию, а шумим о коммунизме

[…]. Соединить бы энергию и инициативу Хр[ущева] с мудростью и прозорливостью Ст[алина], можно было бы получить хороший результат.

27 августа. […]. Сравниваю идеологов и попов. Делают одно и то же. И те, и другие призваны укреплять свой строй. Сравнение в пользу попов. Они были ближе к душе человека, опирались на сознание и внутренние духовные силы. […].

31 августа. […]. Выехали в сторону Городища. Со мной главный инженер дороги, Ванеев, Грибов, Зубков, Смачный. Целая кавалькада машин. Все нужны, чтобы на месте принимать решение. На границе встречают Лагуткин и Пронина. Едем по трассе: непорядков уйма: и драные заборы, и пустые дома, и хозяйственные развалюхи, и сорняки в селах. На все указываю. Собрали в РК КПСС заинтересованных: объявить месячник, создать штаб; конкурс на лучшее крестьянское домоуправление; скотопрогонные дороги. Запрет стадам и технике. Бульвары и аллеи в селах. Деревья сдавать по актам, сорняки скосить. Еще уйма деталей. Обедали в Городище и едем в Кузнецк. Смотрели трассу по дороге до Кузнецка. Совещание с районниками […].

1 сентября. […]. На Мокшан. Доехали до старого вала. Прямо на месте примерили эскиз сторожевой башни. Выбрали самую высокую точку вала. Будем ставить. Может, приспособим потом что-нибудь и сделаем ресторан «Сторожа». Совещание в Мокшанском РК КПСС. Схема та же. На границу Н.-Ломовского района. Опять проезд. Забрались на самую гору Н. Ломова. Это у Пешей слободы. Остатки вала и окантовка валом какого-то сторожевого бастиона или поста. Вал и бастион разрушаются оврагом. Снизу подкапывают, забирая на дороги щебенку. Не умеем хранить старину. А место просто отличное. Видно вперед километров на 20–30! Можно было бы или маяк, или кафе «Обзор» поставить. В самом Н. Ломове грязно. Развалившиеся заборы, сорняк. Опять совещание. Из Н. Ломова на «Бедный Демьян». У дороги плохо, полосы дранные, опять сорняки. В Дубровке какие-то развалюхи совхоза смотрят прямо на дорогу. Один дом сломали. Старая женщина сидит на оставшихся от фундамента камнях, склонив голову. Молитву, что ли, читает. Говорят, что ей 94 года. Здесь, в этом доме, на этом месте родилась и прожила жизнь... Целыми днями сидит, не забывая свое «позьмо». До мордовской границы, потом сам город. Порядки ужасные. Разругался со Львовым и замом предрика. Назначил срок – 7 сентября! Злое совещание. Ужинать не остался. Уехал ночевать в Нижний Ломов. Уха в пионерлагере.

27 сентября. […]. Вечером разговор с Ф.Д. Кулаковым:

– Первый секретарь уехал, и ты хлеб перестал сдавать.

– Сдали около 50-ти тыс. тонн.

– Сколько еще сдадите?

– На валках нет ничего, зябь всю вспахали. Будем сдавать, но немного. Может, за миллион.

– Совмин РСФСР считает – 1.200 тыс. тонн.

– Считать можно, сколько угодно. Жалко, что без нас считают. Если брать простой счет: в прошлом году – 19,5 ц с га и сдали 1.250, а в этом – 16,5, и уже сдали 993 тыс. тонн, то ясно, что «пересдали» на 200 тыс. тонн больше прошлого года. Если даете согласие довести обеспеченность фуражом до 50%, то можно еще сдать, но стоит ли?

– Мы вам сосчитаем! Позовем в ЦК! Башкирию заставили актив провести.

– Готовы приехать.

Пошел в атаку:

– Почему нет рапорта?

– Не выполнили обязательств.

– Но и урожая не получили. Брали – 18,5, а факт – 16,5. Мы вас пригласим.

Главное, не паниковать! Да и звонок хлипкий.

29 сентября. […]. Смерть Насера. Все в панике, обсуждают последствия этой смерти. Человечество все больше верит в идолов. Куда делась самая объективная социальная оценка. Личность – все, обстоятельства – ничто. А в истории все это не так. Не личности, а закономерности делают историю! Просто мы стали плохими марксистами.

2 октября. […]. Идет торжественное собрание в Азербайджане. Опять [у Брежнева] никаких мыслей, сплошной исторический экскурс. Красивость фраз (написанных помощником, но не очень освоенных произносящим. Не выговаривает «Азербайджан») заменяет смысл. Видимо, после Азербайджана будет поездка по Кавказу, а потом в Молдавию. Откровенное собирание голосов на предстоящем съезде. Все это не очень прилично, гадко и некрасиво. «Яркая, насыщенная речь...» Опять поцелуи... Опять сам объявил о награждении орденом «Октябрьской революции», сам вручил. Потом поедет дальше. Сталина не вспомнил, хотя именно он заложил основу Бакинской партийной организации.

16 октября. […]. Около 15.00 звонил Е.В. Вучетич: погода, дела, люди мерзкие, лежу один на двух этажах, упиваюсь тишиной. Только Граф [собака Вучетича] лижет яйца. Свои. Чужие – это уже по-человечьи. Болит [у Вучетича] челюсть, а колют в ж---, – несправедливо. У Степакова (он в Барвихе) все в порядке. Приглаша-

ет на вручение Ленинской премии в понедельник в 16.00. Сказал, что не могу. [Вучетич]: Юрка (Баланенко) болен, позвонил, говорит – стенокардия. Бьет [Брежнев] всех [«комсомольцев»].

Кажется, за советское время Нобелевскую премию дали 3-м русским писателям: Бунину, Пастернаку и Шолохову. Теперь Солженицыну. В странную компанию попал Мих. Шолохов. Что они у него нашли «анти»?

31 октября. […]. Калмыцкой АССР дали орден Октябрьской революции. Это к 50-летию. Забыли и орды в годы Гражданской войны, и отвратительное поведение в годы Великой Отечественной войны. Зря забываем историю! […]. Разговор [по телефону] с Е.В. Вучетичем: Зовет на вручение Ленинской премии. Скриплю: завтра приезжает [из больницы] Вера. [Он сообщил, что] Степакова, кажется, – в Югославию. [Вучетич]: ремонт [свое лечение] заканчиваю, вернул «Степана Разина». Пролежал 11 лет в подвале Третьяковки. Я говорю, что считаю [«Степана Разина»] (исключая монументальную скульптуру) самым интересным произведением [Вучетича]. Есть философская мысль глубокая. Готовит выставку по городам. Хотел поехать в Академию художеств отобрать, что показывать. [Когда-то] Вера ему выдала, он согласен: «Ты стал старым человеком. Разве ты не понял до сих пор, что оценка художественного произведения в современном обществе не имеет ничего общего с его действительной художественной ценностью? Все зависит только от того, свой или не свой выставляет произведение. Отсюда идет критика». Женя согласился и не поехал! Это правда.

О состоянии: «Ты не представляешь себе, Герочка, как я одинок в смысле возможности поговорить о самых сокровенных мыслях творчества. […].

3 ноября. Поднялись рано. Переговорили с руководителями хозяйств. Решили побывать в совхозе «Бояровский». Поехали, но не тут-то было. Проскочили первое тяжелое место на дороге Камешкир – Лопатино, оно называется Порт-Саид. На втором застряли и, чтобы не испытывать судьбу, вернулись. У Камешкира повернули налево. Решили посмотреть колхоз «Путь Ленина». Дорога просто кошмарная. Каким-то чудом пробиваемся в село Лапшово (бывшая Кафтыревка). Беседа в правлении колхоза, потом на фермы. Много всяких беспорядков. Телята не кормлены с утра. Одна бригада бросила работу, вторая не приступила. Условия на фермах тяжелые, грязь по колено. Только наши русские люди могут работать в таких условиях. Другие давно бы плюнули. Но эффект, конечно, невысок. А терпение не заставляет руководителей думать, как сделать лучше. Терпеливый русский характер и хорош, и плох. Хорош, т.к. позволяет делать дела при любых трудностях и

невзгодах; плох, т.к. превращает трудности и невзгоды в обычную норму жизни. Отсутствие протеста не создает стимула для поиска лучших условий. Зашли в магазин в Лапшово – ничего нет, даже хлебом толком не торгуют. Народ недоволен.

После обеда заехали в Старое Шаткино. Магазин. Нет шапок, резиновых сапог, хлопчатобумажных костюмов. В школе. До войны было 500 учеников теперь же – 22. Деревня вымирает. На ферме интересный разговор с конюхом: «Забыли лошадей». Зав. фермой Тамара Ветлосёмина, бывшая доярка, все знает, заботливая. Лучшая доярка – Шура Михайлова, скромная, заботливая женщина, ей 25 лет. На вопрос зав. фермой: «Что можно о ней сказать»? Ответ: «Это – забота». Беседа с бывшим бригадиром, теперь председателем сельсовета, у которого 10 дочерей. Жить трудно, но все хотят учиться.

14 ноября. […]. Позвонил В. Огарев, интересовался состоянием. Спросил, как с цифрами на новую пятилетку, 1971 год. Странно, но это факт: новая пятилетка начинается с того, чем заканчивается эта. Еще не начали [год], а уже сыплются всевозможные «дополнительные задания». Не успели утвердить планы (их просто нет), а уже навязывают дополнительные цифры, значительно превышающие плановые задания. По нашей области [дали] дополнительно: 12 тыс. тонн мяса, 25 тыс. тонн молока, 2 млн. шт. яйца. Тут есть ряд особенностей. Задание – не план, оно – пожелание, но отрицает, подрывает веру в план. Сельскому хозяйству – «дополнительные задания», промышленности и банку – план. Дезорганизует производство и финансы. Есть замашки и снабжение поставить в прямую зависимость (сделать плановым!) от дополнительного задания. Это сорвет совсем снабжение мясом и, возможно, молоком. Говорим, что планирование – это основной закон, а обращаемся с ним, как с публичной девкой. Раз так – перспективы и на 1971 г. хреновые. Знать, судьба уготовила опять нам мыкаться с мясом, считать масло. Никакого просвета. Надо бы извлечь ошибки из уроков пятилетки, устранить наиболее резкие (они лежат на поверхности) диспропорции. А идет [все] налегке: все успешно, все хорошо!

15 ноября. […]. Пошел по городу. Заходил в магазины №8 и №15. Все есть. Душа радуется, но и тревожно, что держимся на нитке. Попробуй оборвать, как это зло может вернуться. Пензяки избалованы, знают, гордятся. Отними у них эту гордость! А сил держаться просто не хватает. Был в обкоме КПСС, тишина. Огарев работает над мероприятиями, Селиванов корпит над докладом. Доклад по задуманной схеме не получается. И настоящее, и, к сожалению, будущее показывают, что труднее всего в общей системе развития нашего государства русскому народу.

Он взял на себя тяжелую ношу. Гражданскую войну выстоял русский мужик. Ему пришлось усмирять петлюровцев на Украине, казаков на Дону, дашнаков в Закавказье. Отстоял себя, отстоял других. В годы пятилеток больше всего труда легло на его плечи. Великую Отечественную выиграл русский солдат. Осталась Россия. Она и выстояла. Казалось, что ему честь и слава. Но он добросердечен: честь и славу – другим, труд – на свои плечи. И труд нелегкий. Надо держать республики, социалистические страны, развивающиеся... Все это на плечах русского!

19 ноября. [В Москве]. Около 10-ти приехали Яковлев и Сысов. Раньше пришли Андреев и Веселов. Рассмотрели кое-какие торговые проблемы, позвонили в Госплан РСФСР. Шошин обещает принять около 16.30. Поехали с Яковлевым в Министерство торговли РСФСР. Павлов сидит в кабинете, но объявился больным. Замучили, вероятно, просьбами. Зашли к [его] заму Большакову. Общий разговор. Выпросил у него 10 тыс. шт. зимних шапок на декабрь. Это уже победа! Зашли к Саруханову. Приятный разговор. Кое-что выпросили. Были в «Мосрыбторге». Выпросили 10 тыс. тонн маргарина и 20 тонн сухого молока. У рыбников хуже: селедки нет. Перспектива? Не будет еще 10 лет. Выловили всю нерестовую сельдь, оборвали цикл. Когда он восстановится? Мы – в компании хищников. Зашли в общественное питание (т. Соболева). Идеи есть, взять нечего. Договорились о 2-м месте по итогам 3-го квартала. Спор у Коновалова по отгрузкам мяса. Сотни цифр, а мяса нет. На несуществующее мясо дают наряды, отзывать не хотят. Ругались «до потери сознания», разошлись ни с чем!

В Госплане РСФСР у т. Шошина В.Н. Издергался: все просят, у него нет. Мяса вообще нет. Скоро не будет масла. Свинины должны были заготовить 25 млн. тонн, фактически – 19 млн. Не будет сахара. Дрались по методике [зачета сдачи сельхозпродукции], потом начали просить. Обещал помочь, если что-либо будет. Разговор у Г.Л. Смирнова и Е.Н. Рагозина. […].

20 ноября. […]. Позавтракали и с Яковлевым поехали в Министерство торговли РСФСР. Встреча у Сергиенко: все то же – мясо. Кое-как снимаем 900 тонн нарядов. Остается, но опять невыполнимая сумма. Никто не хочет считать. Чем меньше мяса, тем больше счета, путаницы. Ходили по всяким главкам («Хозторг», «Одежда», «Галантерея»). Смеюсь над Яковлевым, что используют меня ради себя: «свадебный генерал». Около 12-ти расстались. Больше идти никуда не хочется. Не люблю всю эту мелочевку, чепуху. Не секретарское дело! Мы просто крохоборим и отучаем решать вопросы тех, кто по должности их обязан решать. Зашел на Казанский, взял билет. Надо ехать. […].

21 ноября. […]. Впечатления от Москвы: чиновничество пухнет и пухнет, превращается в касту, все больше отрывается от народа. Чем больше чиновников, тем больше путаницы, неразберихи, безответственности. Весь этот мир построен на «самостоятельном вращении». Решить что-либо не только сложно, но почти невозможно. Каждый видит свою задачу в том, чтобы отбиться от решения вопроса. Решают только на самом верху. Остальные используют указания верха и отбиваются от вопросов, поступающих снизу.

13 декабря. […]. Днем – голубь. Вроде нехорошая примета. Вечером чуть не сбылось. На ул. Пушкина задрались парень и солдат. Начал разгонять. У солдата нож в руках, обалдевший, пьяный. Я в метре от него. Пришлось отступить. Срочно в милицию. Арестовали его, отправили в комендатуру. Какой-то азиат-кавказец. Хамил офицеру. Вызвал на завтра военных […].

26 декабря. […]. Выпили по чашке кофе и поехал в Пензу. Со мной Шатин и Кривошеев из «Пензенской правды». Сразу в обком КПСС. Лев разносит Селиванова, потом взялся за Дорошенко. Может, он и прав, но, кажется, увлекается разносами. Если бы не подходящая конференция, можно было бы дать и ему, но система такова, что вера одному. Он, как хочет, так и ворочает. Подерешься – прав не будешь, да еще бывший «комсомолец». Сошлют в Монголию и на этом закончат. Доложил об итогах конференции и ушел домой. Устал […].

27 декабря. […]. Смотрю фильм «Капитанская дочка». После ранения на дуэли Гринев лежит в постели. Машенька обращается со словами мольбы к иконе... Как бы мне хотелось достать икону древнюю, пахнущую ладаном, закопченную лампадами, чтобы иногда, когда очень трудно, всматриваться в мертвый лик святого и сознавать, что целые поколения людей русских открывали этому лицу свои думы, чаяния, делились горем, ждали чудес […].

30 декабря. […]. В 10.00 началось бюро обкома КПСС по компрессорному заводу. Там на одном из участков пересмотрели нормы. Рабочие обратились с вопросом. Какой-то осведомитель донёс в КГБ, что забастовка. Те недолго думая дали в Москву шифровку. Андропов ее разослал членам Политбюро ЦК. Наложилось на польские события. Начались звонки и объяснения. Лев больше всего боится ЦК. Поддал Лазареву, но «сверху» [сказали]: это их (чекистов) право и обязанность информировать. […].

1971 год

3 января. […]. Утром ходил по магазинам. Все хорошо. И колбаса, и молочные продукты, и хлеб есть в хорошем достатке. Потом разговор у Льва. Разбирали положение дел на компрессорном заводе. Страх движет нами. Ездил по городу. Ураган выдавил витрину в магазине «Зеленая поляна». Был на «Темпе». В 15.00 – обед. Потом проводы В.В. Морозова в особняке на ул. Лермонтова. Глупый коллектив. Бабы лезут не в свое дело. Сколько притворства, подхалимства и низости! Жюль Ренар прав: «Стены провинциальных домов сочатся злобой». В 18.30 проводил Михаила на самолете в Москву. Потом [стадион] «Темп» и домой.

5 января. […]. По дороге голову посещают раздумья: чем своеобразен типичный руководитель-пензяк? Когда даешь ему поручение, он прежде всего думает, как от него отбояриться, отказаться, отмотаться. [Тогда] делаешь первый легкий нажим. В глазах появляются намеки понимания, начинает думать. Но думает в направлении прямо противоположном тому, по которому идет нажим. Он ищет и мыслит своеобразно: на кого бы свалить, чтобы самому не делать? [Наконец], терпение кончается, следует резкий окрик. Только после этого глаза принимают вид осмысленный. Он оглядывается вокруг, спасенья нет, и начинает подавать первые признаки того, что будет сам делать. Бодро говорит: «Хорошо, сделаем». Неопытный и незнающий человек может поверить. Но, поверив, глубоко ошибется. Сказать «сделаю» еще не значит вовсе, что будет сделано. Можно быть уверенным, что после этого польется длинный поток речей, обращенных к подчиненным. Он будет убежденно агитировать, но забудет, что и его подчиненные должны пройти три первых этапа. Поэтому основным законом должно быть положение: убеди, потребуй, но и проверь. […].

17 января. […]. Около 12-ти пошли погулять по Пензе. Зашли в магазины, потом на рынок. Я по-настоящему ужаснулся ценам: говядина – 3.50 – 4.00, баранина – 3.50 – 3.00, свинина – 3.50 – 3.00, курица весом в 1 кг 150 гр. – 6 рублей. Можно понять рабочего человека, когда он приходит на рынок и с него крестьянин и спекулянт дерут такие деньги. Здесь не только злиться будешь, завоешь. Особенно ис-

пугала цена на картофель – 33 – 30 коп. за кг. Такого в Пензе никогда не было. Что-то случилось. В магазинах есть картофель, но его мало берут из-за качества. […].

21 января. […]. В 10.00 началось бюро обкома КПСС. «Обычный день, обычные молитвы». Странно устроен человек: сам себе задает задачи, потом мучается, решая их. И без этого не может. Жизнь бы встала, если бы вдруг все решили, что больше нет задач. Человек бы опустошился, остался бы костюм, натянутый на пустой цилиндр. Рассматривали проблему развития г. Пензы на перспективу в 25 лет. И далеко, и близко. Сегодня 386 тыс. населения, на проектный период – 700–750 тыс. Дожить бы! Выход из положения – идти в сторону Арбекова, переходить на правый берег Суры и реконструировать старую одноэтажную застройку. Но тут немало препон. Снос пугает всех. Обсуждали ширпотреб, Лунинскую опытную станцию. Партии до всего есть дело. Беда состоит в том, что тем, кто обязан отвечать за конкретные дела, ни до чего нет дела. Как бы найти ту золотую середину, когда все стоит на своих местах? […].

30 января. [После поездки в Москву, где в ЦК КПСС и министерствах отстаивал правоту обкома КПСС в области ценовой политики]. Страсти в душе немного утихают, хотя побороть в себе чувство отвращения и тошноты при виде этой паскудной чиновничьей кухни, когда в жертву служебной корысти и дешевого карьеризма приносятся люди, которые всю свою жизнь отдали работе, служению народу, никак не могу. Обидно до боли, обидно до злости… Противен и нынешний стиль работы на верхах, который можно было бы уложить в два-три принципа: лишь бы мне было хорошо, на остальных наплевать, лишь бы мне не страдать, пусть страдают другие. Мне все позволено, но то, что мне позволено, никому больше не позволено. Я наверху – бог, все, что внизу, – пешки, с ними и говорить не о чем. […].

12 февраля. Уехал к 9-ти на аэродром. Правильно говорят: где начинается авиация, кончается порядок. Самолета нет. Беково, Тамала, Белинск дают по рации штормовой ветер. В Пензе же тихо, солнце. Решили приготовить Як-12 с двойным управлением. Полетит командир отряда Филатов. Оформили как тренировочный полет, иначе не выпускают, не положено по инструкции. Вылетели, прошли «Дубки». Километров за 5 до совхоза им. Кирова вдруг стало темно, здорово метет. Прошли над центральной усадьбой. Следы былого парка в былом поместье! Газик Пивоварова стоит у конторы. Пошли на посадку, но не на аэродром, а на зябь около лесополосы на краю села. Приземлились благополучно, подрули почти к самому крайнему дому. Вылез из самолета, метет здорово! Филатов проводил до крайнего дома. Какой-то паренек пригласил к себе. Сказал Филатову, чтобы немедленно

улетал. Саше [хозяину дома] объявил, кто я, он срочно побежал в контору. Жена Люба в постели – декрет. Поднялась, рассказала всю свою и его жизнь. Она учительница, ждет первого ребенка. Он преподает музыку. Горюют, что нет телевизора. Нужны деньги на ребенка, а получают по 80–90 руб. Обстановка бедная. Прибежал [Саша]: в конторе паника, а у самого «пот по спине», как он говорит: «Секретарь обкома в доме, а порядка нет». Подал кипяток с вареньем, но подоспел на летучке шофер. Уехал в контору. Пивоваров был на аэродроме. Не поверил, что можно в такую погоду решиться сесть на самолете в степи. Посмотрели центральную ферму. Хороший народ. В 13.00 – собрание, доклад т. Бердникова. Интересные выступления. Живут тяжело. В любой конец – 60 верст. Нет больницы и дорог, кругом степь. Не помогаем, хотя хлеба дают много. [Я] выступил, обещал помочь, вручил знамя за высокий урожай в прошлом году. Саша играл на баяне туш. После собрания немного перекусили. Метель, но решил пробиваться на Беково. Те встретили с К-700. Прошли Школьное (была и до революции школа), Красную Слободу (быв. Мача), Пяшу, Гранки, Беково. Метет здорово, но заяц мотался поперек. Вопреки приметам, добрались до Беково хорошо. Раза два толкали, и только.

5 марта. Вчера получил письмо, а сегодня, в подтверждение его, рассказала Инна, что грузины и армяне на базаре веточку мимозы продают по 3 рубля. Просто страшная распущенность и развращенность, которая вообще не вяжется с социалистическим строем. Правительство, конечно, знает, но молчит, боясь вторгнуться в рамки национального вопроса. Страдает же русский мужик материально, а мы морально. Плюют в нас и нам же задают вопросы. Послал ОБХСС. Все отобрали и передали в цветочный магазин по 30 коп.! Не знал, что есть грузинские и армянские законы. […].

12 марта. […].В 18.00 – в ДК имени Кирова. Вручение ордена Ленина часовому заводу. Лев приехал. Большой подъем, хорошие выступления. На концерт не остались. Но в 21.00 приехали на банкет в столовую часового завода. Интересные тосты, хорошие воспоминания. Начальник «Союзчаспрома» рассказал о том, как решали в СНК в 1939 г. [вероятно, в 1938 году. – Ред.] [вопрос] о заводе. Молотов и Каганович М.М. [Молотов]: «Надо 10 часовщиков. Давайте всем Совнаркомом искать». – [М. Каганович]: «Не надо, дайте десять двухэтажных домов», [тогда часовщики сами появятся]. Так начался завод! […].

14 марта. […]. Вечером доложили, что в Верхозиме из обреза убит какой-то поммастера, член КПСС, депутат районного Совета. Убийцу удалось задержать. Судимый в прошлом. Мотивы пока непонятны […].

Вчера в машине возник интересный разговор с Наумовым о воспитании. Он сторонник жесткого режима: карать, сажать, пугать, держать в страхе. Я противник этого по ряду причин: сажаем немало, но наших ничем не запугаешь, в этом сила народа. Благосостояние на Западе ведет к жадности, у нас же, чем богаче, тем добрее (речь о рабочих, а не мещанах). Проблема не в карательных мерах, а в серьезных изъянах воспитательной работы. Многим бы хотелось заменить решеткой кропотливую, настойчивую работу с каждым из тех, кто отступает от нормы, не считается с обществом. Но это самообман. Попав туда, человек получает не только травму на всю жизнь, но и ненужное «образование». Особенно оно пагубно для молодежи. «Романтические» рассказы о приключениях сильно влияют на молодые умы. Стоило бы также [не забывать] и о таких немаловажных вещах, как отставании форм и методов от уровня достижений и потока информации, создании необходимого пафоса, призыва к подвигу, даже к жертве. Жертва сплачивает людей, трудности заставляют бороться, сплачиваться. Тут много проблем!

22 марта. […]. Да, утром приехал ответственный контролер КПК при ЦК Богданов Юрий Иванович. Надо ему разобраться во взыскании покойного Вырыпаева из Лермонтова, милиционера из Каменки, и в грязном письме, написанном каким-то анонимщиком. Ссылаясь на непорядке на маслосырбазе и в Пензенском райпотребсоюзе, плюют на Льва (меньше) и на меня (в основном), обвиняя, что мы покрываем жуликов, нам тащат и т.д. и т.п. Никаких фактов, примеров, просто плевки и все. И ответственный контролер КПК едет на 10 дней (!) разбираться в этой анонимке. Аппарат стал великоват, а дорога до Пензы не так далека. Вот и прут. Пусть проверяют. Я не сказал ни слова. Пожалуйста, скажу ему, когда закончит проверку. Надо будет зайти к А.Я. Пельше. Нельзя позволять оскорблять кадры.

26 марта. […]. Долго беседовал с Максяшевым, редактором издательства. Вчера бегло просмотрел «Путеводитель по Пензе». Я настаиваю, чтобы издать. Собрал авторов. Но написали плохо: нет единства стиля, стройности мысли, требовательности в отборе фактов и фамилий. Как музей старьевщика: собирают все, что попадется в руки, пишут о всех и вся. Там и Окуджава, и какой-то Шапиро. Эренбург был в Пензе один раз, а упоминается 5 раз, раз десять на все лады – М.Н. Тухачевский. Мне он сомнителен. Лев вчера (видимо, что-то знает) сказал, что когда-нибудь найдут материалы, которые докажут его нечистоплотность. […].

27 марта. Весь день заполнен подготовкой к отъезду на XXIV съезд КПСС. Какое-то состояние приподнятости, торжественности. Вся страна живет сейчас этим событием, и невольно чувствуешь, что частицей этого торжества являешься ты.

Это приятно! Я еду уже на третий съезд из Пензы. Как быстро все-таки бежит время! Уже третий съезд! Будут ли еще? Годы бегут. Вера весь день хлопочет, собирая пожитки. Лев едет с Татьяной, Дорошенко один. Набрали папки всяких бумаг, альбомов, статистических сборников. Лев тешит себя мыслью, что дадут слово. Действительно, десять лет работает первым секретарем обкома КПСС и не разу, ни на одном всесоюзном событии не удалось выступить, хотя по своей дисциплинированности он к каждому событию готовится напряженно, тратит нервы, силы, энергию. Виноват, конечно, не он, а наименование области. Как привыкли со старины считать Пензу лапотной, так до сих пор и считают, хотя по удельному весу промышленности, развитию сельского хозяйства она давно встала в ряд передовых. Не звучит и все! […].

15 апреля. […]. Совсем недавно я был участником большого спектакля [24 съезда КПСС]. Главная забота режиссера не только обеспечить, как это и положено в драматургии, хороший конец, но и в ходе спектакля создать серию сцен, демонстрирующих абсолютное благополучие. Щадим нервы зрителей. Но не ради зрителей, а ради себя. Правда, на этот раз, несмотря на обилие массовых сцен, все больше и больше обозначался главный герой пьесы. Старания постановки массовых сцен были оплачены щедро. Он попал в программу с перспективной ролью. Как это часто бывает, были и такие, которым заранее раздали букеты и они их довольно беспардонно бросали на сцену. Спектакль удался, но поможет ли это делу, сказать трудно. […].

16 апреля. Утром посмотрели торговую сеть Наровчата. Все замызгано, старое, обветшалое, наследство наровчатских купцов. Вызвал из Пензы работников облпотребсоюза. Надо как-то помочь привести все в порядок. Стыдно теперь иметь такие захудалые магазины. […]. После обеда поехали в совхоз «Наровчатский». Знаменитый Сканов монастырь. Посмотрели птичники, озимые и полевой стан. К севу не готовы. Потом в с. Александровку. Сушильный завод. Безделье. Крайняя изба Иванцовых. Страшно: худенькая девчонка в люльке сосет соленый огурец, худая 20-летняя мать – еще девчонка, старуха. Хозяина нет – пьет и болтается. Есть нечего, живут втроем на пенсию старухи. Как мы жестоки и невнимательны к людям! Погибает семья, ни Совету, ни парткому дела нет. Заехали в Печуры. Развалина. Вечером в Наровчате. Заходили на выставку Аниськина. Он местный […].

5 мая. Как условились вчера, в 7 утра встретились с Ерзуновым и Щербаковым у ворот дома. Поехали в областную больницу, встретил Мельников. На фасаде – ничего, во дворе – «тихий ужас». Все настолько ветхое, старое, запущено, что мало

напоминает медицинское учреждение. Какой-то «областной хлев». Мельников говорит непрерывно. У него понос слов. Зашел в проходную училища, дал команду хозвзводу свалить забор, обнажить сад. Спустились к политехническому институту. Здесь порядок не лучше. Та же грязь, запущенность, затхлость, никакого внимания мелочам. Зашли на макаронную фабрику. Ужас, а говорят, что что-то сделали. Побывали на дизельном заводе, потом «Пензмаше». Повсюду одна и та же картина: запущеность, затхлость, грязь. Были на «Электроавтомате». У Шихалеева более интересная картина, но грехов тоже много. Объехали целый район. Общее впечатление: наши призывы и требования доходят до фасадов, во дворы никто не заглядывает. Потребность чистоты, порядка не вошли в кровь и плоть. Делают, дабы избежать критики, не попасть на зуб начальству. […].

23 мая. […]. Звонок Смачного В.М.: «Взбунтовалась 5-я колония, обстановка неясная». Поднимаю Лазарева и вместе едем в Терновку. Осторожность. Все оцеплено. Били активистов, есть убитые. Офицеры там. Свист, гам, шум. Темнота, свет обрезали. Все оцеплено автоматчиками, ввели бронетранспортер и две пожарные машины, 60 солдат с палками. Начинаем разбираться с обстановкой. Бунтует около 200–300 человек. Стоят двумя большими толпами, требуют убрать технику, солдат, освободить всех из ШИЗО. Горячие головы (Смачный) [предлагают] вводить войска, показать силу. Но не обострит ли? Я считаю, что темнота пока работает против нас, но скоро рассвет. Время работает на нас. Главное выдержка, мудрость.

24 мая. Пока нет беспорядков, направленных против администрации и охраны, провоцировать их не следует. Делаем попытку взять раненых, отдают. Группы расконвоированных выносят под прикрытием солдат куски мяса на носилках. Били здорово. Поднимаю Симкина из облздравотдела: срочно в хирургическую. Попытка восьмерых [заключенных] пройти в ШИЗО. Ракета и два предупредительных выстрела останавливают «храбрых». Забегает активист. Выводят его. Прятался под вышки. Шли к охране. Вызываю полк из Заречного с автоматами. Надо исключить возможность «прорыва». Это самое страшное! Около 3-х начало светать. Расходятся. Вывезли 42 и в изоляторе около 20-ти избитых. И жалко и не очень жалко.

Судим-рядим, вводить или не вводить войска. Надо найти твердый, но спокойный вариант. Всё наизготовку, войска приготовились. Но вводим лишь офицеров. Готов список на 155 чел. Выстраивают первый барак. Нехотя, но строятся, отдают зачинщиков. Тактика оказалась правильной. Страшные фигуры у́рок. Дебилы, сво-

лочи, но все 22–24-х лет. Один весь исколот от ног до ушей. Около 6-ти утра я уехал. Все ясно!

Вера уложила спать. Пропустил планерку. Встал в 11, потом в обком КПСС. У Льва – разбор плана приема Ф.Д. Кулакова. На мне заботы в городе. Принял 1-го зам. министра юстиции РСФСР Мишенина. Разговор о гуманизме. Абстрактное понятие. Человеколюбие, но во имя кого? Большая часть общества мучается из-за небольшой кучки сволочей и преступников. Почему эта большая часть во имя гуманизма не может стереть с лица земли эту кучку, обеспечив себе спокойную жизнь? И уничтожать надо публично, на глазах у всех. Это бы останавливало и оберегало бы других, спасло бы их. Здесь больше социализма! Слюнявость никогда не вела к настоящему человеколюбию.

28 мая. Поднялся около 7-ми. Поставили с Панцыревым, 2-м секретарем Кузнецкого РК КПСС, кипяток, заварили кофе. Епифанцев В.С. крадется на цыпочках, а мы уже выпили кофе. Угостили и его. В 8.00 – совещание руководителей, причастных к наведению порядка на трассе [в связи с приездом секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова]. Ничего не объясняю, но намекаю: если я участвую в подобного рода совещании, значит, это очень важно. Ясно? Кивают: ясно! Прошли почти каждый километр. Всем дали задание. Епифанцев вчера вел запись до мелочей. Продиктовал все по метрам. В 9.00 встретился с Ю.В. Поцелуевым. Дал задание готовить сувениры – картины на фанере, металлическую пластинку: «М.А. Суслову от трудящихся г. Кузнецка». Обещал сделать то, что я видел, решить вопрос с упаковкой, поискать новое.

В 10.00 уехал на вокзал станции Кузнецк. Собралась довольно большая армия. Все рассмотрели и утвердили в деталях, сроках и ответственных лицах. Отклонил попытку архитекторов покрасить маслом фасад вокзала. Трудно, дорого, долго и может быть плохо. Зато нашли решение – создать новую лестницу, ведущую с перрона в город. На месте наметили ее габариты и дали поручение военстрою. Потом [поручил обновить] памятник В.И. Ленину – заводу Малышева, шпиль со звездой – «Кузнецкполимермашу». Проехали по городу. Чистякова М.С оставили у пензенского конца города, с Епифанцевым уехали до границы. Опять замечания... На городищенской грани встретил Е.И. Бунтин, а на пензенской – Ерохин. Дело идет медленно, много неряшливости, грязи, бескультурья. Осип от критики.

Заехал в обком КПСС. Лев где-то в Наровчате и Земетчино. У Смачного – московская комиссия. «Победа заключенных». Надо было стрелять (?), чтобы вызвать протест против власти? И перевести событие в политику? Думаю, что это было бы глупостью. Смелость – не мудрость, хорошо их сочетание.

3 июня. Около 7-ми позвонили из КГБ. Ф.Д. Кулаков благополучно прибыл в Башмаково. Встретили хорошо. Народу много, но организованно. К 8-ми утра уехал на коллегию МВД. Обсуждали случай с массовой волынкой в 5-й колонии. Нет четкого понимания истинных причин возникающих беспорядков. Все крутятся около фактов, не пытаясь их анализировать. Испортили настроение сразу двумя сообщениями: в 3.15 утра (загулял!) разбился на автомашине директор птицефабрики Гринь. Он в тяжелом состоянии, учительница погибла. Из Тоцкого сбежал с поста солдат, прихватив автомат и четыре диска. Уроженец с. Корсаевки Белинского района. Этого нам не хватало к приезду высоких гостей! […].

Уехал в Кузнецк. На трассе веселее. Меньше домов с соломой, делают вывески, заборы. Встретил Епифанцев. Сразу прошли на границу с Ульяновской областью. И Ульяновка, и Евлашево повеселели, стали чище, культурнее. Встретились с николаевскими руководителями, потом в город. Вокзал преобразился. Сами не верят! Только бы теперь не запустили. Договорились. Поблагодарил за подвиг. Довольны! В ГК беседы с тт. Федуловым, Поцелуевым. Договорились с директором школы о похоронах учительницы завтра, не дожидаясь христианских сроков. На квартире Чистякова уточнили последние детали: что, где, как и кто. Уехал около 10-ти вечера. Вернулся в Пензу почти в 12. День длинный!

4 июня. Вчера с Ф.Д. Кулаковым все получилось хорошо, программа выполнена полностью: побывал в Земетчино, беседовал в Вадинске, осмотрел Беднодемьяновск, заехал в Наровчат и ночевал в Н. Ломове. Конечно, для серьезного понимания такой бешеный темп слишком высок, но важно, что теперь он был во всех районах своего округа. А нас это вполне устраивает. Начало встречи перенесли на 13.00. Пришлось около 10-ти выезжать из Пензы. Приглашены члены бюро обкома партии и зампреды облисполкома. Приехали в ГК КПСС. Лев есть, начальства нет. Поехали на завод в клуб. Масса народа. Идти как-то неловко под пристальными взглядами ломовцев. Около 12-ти приехал Ф.Д. Кулаков, поздоровался.

– А я на тебя привез заявление. Одному или всем читать?

– Если заявление, то лучше всем. Зачем же одному?..

– Ну, смотри, потом не обижайся.

Началась встреча. Очень хорошие, теплые, сердечные, с большой мыслью выступления, подарки. Есть выдумка. Перед концертом вышли подышать воздухом во двор. Он не забыл о заявлении. Хотел достать текст, но помощник сказал, что он остался в вагоне. Тогда на память. Смысл: в Пензе есть хороший секретарь обкома КПСС. Он живо интересуется бытом людей, посещает магазины, многое делает для улучшения снабжения. Но допустил явную несправедливость: снял с ра-

боты Яковлева, начальника областного управления торговли. При этом воспользовался отсутствием первого секретаря Ермина.

– Что тут правильного? – обращается ко мне.

– Первая часть правильная (хохот!), что касается второй, то вопрос надо задать т. Кованову, бывшему председателю Комитета народного контроля СССР. Его надо заставить ответить рабочим часового завода.

После концерта пошли по городу. Масса народа, настроение доброжелательное. Прием. Бухóй Валера (сын Кулакова) и его непонятный тост. Тост Ф.Д. Кулакова [о Брежневе]: «Это необыкновенный человек. Первый вопрос после съезда – о сельском хозяйстве». Около 7-ми вечера уехали в Пензу впереди кавалькады, чтобы не путаться под ногами.

5 июня. Лев и Дорошенко в Лопуховке. Я собрал весь актив и повез в учхоз на семинар. Показывают технику по предстоящей уборке урожая, оборудование для заготовки витаминного сена и сенажа. Много интересного. Около 11-ти появилась кавалькада. Актив тепло встретил. Осмотрели технику и дубовый лесок, [где решили провести] совещание. Учхоз подготовил среди невысоких дубков навесы. Есть микорофон, стол президиума, столы для народа. Начали совещание. Выступили некоторые секретари райкомов КПСС, областные руководители «Сельхозтехники». Все докладывают обстановку, вопросов не ставят. Около 3-х Лев уехал. В Кузнецке вечером должен быть М.А. Суслов. Кулаков выступал долго. Хорошо владеет материалами о положении дел в сельском хозяйстве страны. Много критиковал нас за недостатки и в полеводстве, и в животноводстве. Поставил очень сомнительный вопрос о перепроизводстве свинины. Когда все закончилось, я поблагодарил и спросил, как он насчет стакана чаю?

– Мясников тут мудрит. Наверное, не чай, а что-нибудь покрепче. Видимо, следует после трудов праведных.

Дали команду Исмагилову. Мигом накрыли столы и разлили. Пошли тосты один за другим...

Ф.Д. опять говорил о «необыкновенном человеке». В заключение выступил я. По мнению его помощника Лущикова, очень удачно все обобщил. Попрощались и поехали на Панкратовскую свинофабрику. Принимал В. Бельденков. Очень словоохотлив. Пришлось незаметно дать по ж---, иначе не мог остановить. Опять предложение отметить. Отказа нет. Зашли в столовую. Здоровые рюмки. Тост за тостом. Уже в темноте уехали с Панкратовки. […]. Ночью приехал Лев. Он довез М.А. Суслова до Пензы. [Суслов] читал газеты и ел сырники. Я захмелел и решил смотаться потихоньку.

6 июня. Жаркий день. К 11-ти часам в Лопуховке собралась вся пензенская «знать» с женами. Ф.Д. еще не появлялся, говорят, что он плохо спал ночь, вставал, ходил, не выспался. […]. Засели играть в домино. «Козёл» стал привилегией приезжающего начальства. Потом подсел Ф.Д. Опять все за стол. […]. Вдруг вспыхнул злой разговор. Он [Кулаков] начал критиковать Льва за плохие показатели по всем секторам [общественному и личному секторам экономики] в той пятилетке. [Л.Б. Ермин]:

– Меня мало интересуют [заботы личного] сектора. Ленин не учил […] плодить собственников.

– А мы с такими рассуждениями поставим на ковер.

– Я знаю, что меня снимут, но истина дороже.

Влез я, пытаясь как-то перевести разговор. Искал компромисс:

– Если мы [выглядим] плохо по всем показателям [личного сектора], то Саратов [не только по личному, но] и по общественному не выполнил, а ему орден дали.

– Дураки, что дали. Дуракам всегда дают.

– Но давали не мы...

Резко оборвал. Влезла Вера.

– Вы их критикуете, а посмотрели бы, сколько они мотаются!

Вцепилась здорово! Дело обострилось.

– А, меня не понимают!! Поехали, Лущиков! Мне здесь делать нечего.

Лев оборвал Веру, пытался успокоить. Кое-как все улеглось, еще выпили. Но осадок остался. На предельной скорости поехали в Пензу, едва успели к отходу [поезда]. Масса народа. Валера [сын Ф.Д. Кулакова] опять бухóй. Лев и Виктор поехали до Каменки.

7 июня. Настроение хреновое. Просто поганое! Как можно одним пьяным шагом все испортить, отравить настроение всем и себе, породить столько переживаний? Не хочу думать, боюсь думать, что там всё так и все такие. Просто скорее всего голова закружилась от высоты положения, неожиданности возвышения, при старых подспудных привычках, да еще рожденных здесь, на пензенской земле, при сознании, что все дозволено, и понимании или, вернее, самомнении, что уже почти божество, а не простой смертный. Все это, подогретое излишними дозами спиртного, вдруг вылилось наружу и брызнуло гноем из этого нарыва. […].

Зашел пораньше ко Льву. Обсуждать не хочется, мерзко. Он бросил одну фразу, кажется, обошлось. Чего не бывает от излишнего спиртного! Все это пустяки. Дождя нет, вот это плохо. В 9.00 – планерка. Лев похвалил меня по Кузнецку. М.А. Суслов остался доволен благоустройством сел и г. Кузнецка, высокой культурой.

Оказалось, что за пять дней в городе можно сделать столько, сколько не делали за десятки лет. Надо только большую цель, ясную программу, организованность и требовательность. Народ у нас деловой, способный. […].

9 июня. В обкоме КПСС пусто. Где-то народ мотается. Да еще жара нестерпимая давит и давит, дождя нет и нет. Дела идут, кажется, хуже, чем в 1963 г. Тогда в начале июня выпал дождь, поздновато, но выпал. А сейчас словно небо опустело от влаги. Жарит солнце. Ни облака, ни грозы, ни дождя. Зашел ко Льву. У него отличное настроение. Кажется, Кулаков Ф.Д. все правильно понял и не озлобился на нас. [Кулаков] собрал аппарат ЦК, с восторгом доложил о поездке, дал поручение провести семинар министров сельского хозяйства, начальников областных управлений России [с участием] работников ЦК. Лев хлопочет, доволен. И гроза прошла, и слава для Пензы большая. Страну будем учить […].

11 июня. Опять страшная жара. Утром на термометре около 30, жмет и жмет. Хоть бы на день-два дождя, проливного, мелкого, спорого, тогда появилась бы надежда на яровой хлеб. Что соломы не будет, это, кажется, ясно. Вспомнили 1963 г. [Тогда] мы со Львом выезжали в совхоз «Панкратовский» 3-го июня. Все треснуло [земля в трещинах]. Но 8–9 пошли дожди. А сегодня хуже, нет и нет дождей.

[…]. Пугает отсутствие [у руководства страны] серьезности, своевременного понимания обстановки, умения найти верное решение. Если все понимают, что сложно, зачем с 1 июля повышать пенсии? Можно отложить. Народ бы это понял и воспринял как высокую ответственность и серьезность. А на деле? Заигрывание с народом, дутое самолюбие (сказали – надо делать), неумение предвидеть, смотреть в завтра трезво, нежелание проявить активность, инициативу. Все идет как идет. Может, и возраст [Брежнева]! Видим трудности и пугаемся их вместо того, чтобы поднять народ, позвать его на борьбу, объяснить трудности. Даже собрать [руководителей областей] не решились. Ограничились звонками. […].

28 августа. Неугомонная Вера подняла около 8-ми утра. Не спится ей, все время кипит жажда деятельности. Решили ехать на дачу. Быстро собрались, но заехали в поликлинику. Я зашел к В. Дорошенко. Он опять оказался в больнице: помылся в бане и хватил холодного сухого вина. Ангина страшная. Испугался, в полубреду кричал, что больше из больницы не выйдет. Немного потолковали о текущих делах. Заехали на «Золотой петушок». Бригада камешкирцев работает вовсю. Они ездят отдыхать и мыться в бане через неделю. Хорошие русские мужики-умельцы. С хитринкой: дешево не отдадут, но дело делают добросовестно и кра-

сиво. Просят, чтобы я присматривал за ними, пока они строят «Петушок». Сказал, что так и будет! […].

Что-то потянуло к прошлому. Перед отъездом в Венгрию побывал в Подколокольном переулке. Зашел в квартиру, где жил в 1943–50-х годах. После возвращения посмотрел Орехово-Зуево, Сажени, Верею, Снопок. В эти дни проехал Котел, был в Коповке на могиле отца. Посмотрел с.Троицкое (быв. Орлёв), даже постоял в той самой церкви, где служили мои прадеды в XIX и начале XX вв. До чего же велики скорости нового века! Так мало времени, так много обкружено. Но есть что-то таинственное в тяге к прошлому, движет какая-то сила. Может, старость, которая незаметно подкрадывается к каждому из нас?

30 августа. […].Беседовал с лесниками. Совершили подвиг, посадив 400 км полос у дороги Москва – Куйбышев. Лесники молодцы! Но допустили ошибку: приживаемость 30–40%, сажали осенью... Дал согласие на весну, но нашел дела на осень: бордюр, площадки отдыха. Поручил подготовить предложения по озеленению железной дороги в черте г. Пензы […].

31 августа. […]. В 8.00 большим кагалом рассматривали у Льва обстановку с мясом в области. Много противоречивых проблем: районы хотят сдать – мы не можем принять, т.к. не хватает мощностей, холодильников и надо думать о будущем годе. Можно было бы увеличить мощности, но никто не хочет брать жирную свинину. Москва начала расписывать мясо [по] видам. Можно было бы дать мясную свинину, но цена одинаковая с жирной. Теряешь «валовку» свинины. Есть возможность немного поторговать говядиной, но боимся. Начав, нет уверенности, что продолжишь, а это сорвет настроение людей. По маслу и молоку еще больше противоречий. Кажется, масло вот-вот оборвется. Завязался узел по печеному хлебу. Районы орут, требуют, а дать нечего. Какая-то сплошная «система узлов» при нашем научно-плановом хозяйстве. Детально рассматриваем проблему сохранности хлеба. В хозяйствах осталось около 1.200 тыс. тонн. Его надо сберечь. Дали задание. […].

14 сентября. […]. Думал сегодня о неблагодарности человеческой. Умер Никита [Хрущев]. Мне он не дал ничего. Я могу быть абсолютно равнодушным. И таких, как я, немало. Но есть группа людей, стоящих на вершине, которая всем своим положением, своим возвышением обязана только ему: Полянский, Демичев, в какой-то степени Подгорный, Брежнев, Кириленко, Шелепин, Гришин (особенно!) оказались наверху благодаря ему и только благодаря ему. Сколько надо иметь «твердости», «решимости» или того и другого, чтобы не явиться на прощание с человеком,

давшим власть, положение. Своеобразно все это... Тут есть что-то для раздумий и выводов. Любой хорош, пока он сам у власти и дает властью. Ушел, и все.

22 сентября. С самого утра испортилось настроение: поймал в вестибюле цыган, и [один из них] пытался вручить заявление о продаже половины своего дома. Появилась у этой публики новая мода – спекулировать домами. Одному старику помог, теперь лезет другой. Чем добрее, тем больше наглеют. Отчитал его! Около 10-ти уехал в совхоз им. Мичурина Пензенского района. Здесь опять показывают «культурные пастбища» и всю имеющуюся технику для полива. Семинар интересный, хотя дело уже не новое. Мне нравится у Льва как партийного работника большая настойчивость и последовательность в борьбе за идеи, которые, действительно, являются интересными и составляют будущее в сельском хозяйстве. Думается, что ЦК не очень внимателен ко всему этому, мало ценит людей, обогащающих практику ведения сельского хозяйства передовым опытом. После семинара заехали на строительство тепличного комбината. Это тоже будущее. На 6 га будут расти овощи для снабжения города. Это просто здорово! […].

24 сентября. Утром у Льва. Идея: разобраться с торговлей и общественным питанием. Всем хочется лучше, никто не знает – как! В 10.00 собрал широкое совещание по дороге Пенза – аэропорт. Меняем тактику. Раньше сразу брались за все улицы, теперь решили отрабатывать главные магистрали, сосредоточив все силы на одной, объявляемой главной. Может, это даст эффект. Все становится конкретнее и проще! Посмотрим […].

Лев перед отъездом в Беднодемьяновск опять зазвал к себе. Говорил с М.М. Денисовым. Тот «донес», что в Совмине РСФСР назревает неважное настроение насчет Пензы: [пензяки-де] себе все рвут, а когда дело доходит до интересов государства, отпихивают ногой. Речь идет об отгрузке картофеля. Никто не хочет считаться с условиями, погодой, действительной обстановкой. Злятся потому, что даешь дополнительные хлопоты. Надо решать, а решать не хочется, да и резервов нет. Лев объявил мобилизацию картофеля. Мысль: взять с каждого крестьянского двора по 1 мешку. Дворов 161 тыс. х 60 кг даст около 10 тыс. тонн картофеля. Дал поручение позвонить, а в 13.00 собрали уполномоченных. Послали во все районы. Надо проводить сходы и опять заниматься крохоборством.

В 15.00 поехал на базу «Росторгодежда». Разобрался с реализацией пальто. К мужским пальто пришивают дешевые [воротники от] собак. Обманываем и государство, и народ. Ради плана и штук портим добро, не принося добра людям. Никто не хочет составлять планов, исходя из реальных возможностей сырья. Записы-

вают желаемое, а потом мучаются. Раньше я всю эту практику назвал бы вредительством. Все, что наносит вред народу – вредительство. […].

25 сентября. […]. Поехал по городу. Прежде всего в городскую баню на «Козьем болоте». Зашел в буфет, его называют гадюшником: грязь, беспорядок, одна водка, даже пива нет. В самой бане никакой эстетики. Неструганные доски, театральные кресла, деревянная некрашеная мебель. Все дело в том, что начальство давно моется в ванных, а простой народ ко всему привык. Отсюда – на вещевой рынок в Ухтинку. Тоже срамота. Драный забор, убогие лари и пьяный сторож. Хибара. Город [городские власти] не смотрит. Заехал на мясокомбинат. Скота полно, а перерабатывать не успевают. Голодные свиньи стоят по 5–6 дней. Никаких кормов. Отвесы. Если сельское хозяйство как-то медленно, но движется вперед, то перерабатывающая стоит на месте. Заехал на «Золотой петушок». Становится все более интересным, но появляется грязь – наш пензенский спутник. Надо периодически вести чистку. Пристрой украшает, делает богаче весь трактир. В 14.00 созвал по банным делам. Дал поручения разобраться с существующими банями и строить хорошую городскую баню. Прогнал всех посмотреть «гадюшник» […].

26 сентября. Заехал в обком КПСС за плащом, попался Лев. Говорит, что вчера звонил из Иссы, но никто не отвечал. Через «Золотой петушок», через объездной на Кузнецк – всюду солдаты. Рано утром из колонии убежал заключенный, где-то в этом лесу бродит. […].

Вчера ночью в Коповке сожгли стог соломы, а там и так нет кормов. Мы забываем, что есть враги. Они заползли в щели, молчат до поры, до времени, но как только становится трудно, немедленно выползают, дают о себе знать. Почему хорошее настроение у рабочих и крестьян? Они ничего не потеряли, но очень многое приобрели. Почему зудит интеллигенция, особенно из бывших? Они многое потеряли, а приобрели наравне со всеми. Интеллигент всегда претендует на исключительность, особенность […].

10 октября. […]. В 19.00 поехал на вокзал провожать Льва в Москву. Какие-то нашел дела, набрал бумаг. Мечтает попасть к Л.И. Брежневу. Не знаю, как получится. Это редко удается, особенно в одиночку. Вокзал разворотили весь. Года три отмучаемся, но зато на столетия поставим новое хорошее здание. На очереди вокзал в Каменке и Пачелме. Не знаю, как удастся, но особенно по Каменке надо решать. Принимать поток экскурсантов в существующую лачугу просто стыдно […].

16 октября. […]. По телевидению – о борьбе с религией. Дань традиции, схеме. Нам бы сейчас объединиться и открыть поход против пьянства, которое в ты-

сячи, в миллионы раз страшнее и наносит обществу не иллюзорный, а реальный, конкретный, вполне ощутимый вред. Пьянство стало для нашего общества врагом номер один. Отсутствие ответственности, дисциплины – враг номер два. Труд должен стать потребностью, обязанностью людей. К сожалению, он все чаще носит форму одолжения, которое вроде бы человек делает государству. В разговоре: «Я тридцать лет хребет гнул»! Вместо того, чтобы сказать: «Спасибо! Я тридцать лет имел счастливое право трудиться, имел работу, получал возможность жить в достатке». У многих людей (особенно рядовых) мозги набекрень. И виноваты не люди, а мы, не умеющие вести воспитательную, идеологическую работу.

26 октября. Утро в обычных делах, а в 10.00 началось совместное заседание бюро обкома КПСС, облисполкома и коллегии министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Рассматривались два вопроса: о мелиорации земель в области в предстоящую пятилетку; о строительстве Сурского водохранилища. Подобная форма совместных заседаний с коллегией министерства применяется впервые. При всем прочем это даст многое, т.к. пожелания (не без споров и разногласий) сразу же превращаются в материальную силу. Лев в подобной настойчивости просто молодец: тянет (средства) в область, берет всюду, где можно взять. Важна и мелиорация (говорят, что по мощности мы уже занимаем 2-е место в России после Ростова), и Сурское водохранилище. Оно преобразит облик окрестностей Пензы, создаст хороший запас воды, отличную зону летнего да и зимнего отдыха. Преобразятся люди, их привычки, разовьется водный спорт. Город должен преобразиться, но для этого надо очень много сил, энергии, великой заинтересованности. Поручили Дорошенко, а горожан и на бюро не приглашали. Мы им дадим все готовенькое. […].

29 октября. […]. Беседовал с Селивановым и Поповой. Они в восторге от положения дел в театре. Коллектив собрался хороший, склок нет, все заняты творчеством. Новый главный режиссер Рейнгольд – бывший ставропольский – оказался удачным человеком. […].

3 ноября. Всю ночь не мог уснуть. Только к 5-ти утра выключил свет и все равно засыпал мучительно. То жарко, то неудобно лежать. Перечитал В. Бережкова «Тегеран», отрывки Голованова «Дальняя бомбардировочная» (уже в который раз!). […]. В 10.00 пригласил Рябова, Небайкина, дорожников. Дал задание разработать проект и внести предложения по строительству что-то вроде «дома заезжих» в брошенных домах с. Вителевка. Место отличное, на стыке главных дорог. Можно сделать хорошо, но сразу же ищут, на кого свалить. Занимался делами хок-

кея. Надо искать выход из положения. Говорил с Алехиным из Российского комитета. Рекомендовал Богинова, заслуженного тренера РСФСР. Говорил с ним. Нужен не столько тренер, сколько игроки. В 15.00 пригласил Щербакова, Алексеева и всяких физкультурных руководителей вместе с архитекторами: надо «привязывать» спортивный зал. Решили – в районе стадиона «Темп». В 16.00 уехал на аэродром – Лев прилетел из Москвы. [Он] сразу поехал на терновскую «Сельхозтехнику», я – в «Золотой петушок». Чем ближе к окончанию, тем больше он мне нравится, и не потому, что сам вложил душу. Просто удачный материал попал: умный Маматкадзе и способные, талантливые камешкирские умельцы. Дал задание подумать о живом медведе. Поместить бы его в клетке у трактира. Реклама, да еще какая! […].

9 ноября. Не спал до 4-х утра. Хорошо, пришли проверять счетчик и разбудили. Мог бы проваляться и до 10-ти утра, а у меня в 8.30 назначено совещание. Быстро оделся и убежал, опоздал минут на 5–10. Собрались горожане (Грудзенко и Щербаков), строители (Феофанов) и торгаши (Ходулин, Лейкин). Рассмотрели вопрос о крытом рынке. Город остался без рынка. Затеяли строить крытый, а топчемся на одном месте три года. И никому дела нет. Поручили слабосильному Гутману (ему – 27), он и мыкается около него. Договорились брать на подрядный способ. Государственные строители могут и должны все сделать, чтобы пустить первую очередь в следующем году. Создали штаб стройки во главе с т. Грудзенко. Позвонил Дорошенко: надо дать план подрядных работ. Он пока мнется, но потом выдавил. […].

11 ноября. Весь день в обкоме КПСС. Из интересного в этот день – беседа с Володей Ивлиевым. Мне Октябрьский райотдел милиции прислал письмо с просьбой помочь отправить в детскую колонию неисправимого 13-летнего преступника. Я усомнился, попросил Дидиченко показать мне его. Привезли этого 13-летнего юнца, Володю Ивлиева. Вместе с ним директор школы, его родители: отец – рабочий велозавода, мать – парикмахер. Воровать начал еще в детском саду. Спрашиваю, зачем воруешь? «Вижу, лежит плохо, не могу не взять». Парень очень интересный. Никакого особого с выступающими бровями черепа. Директор школы говорит, что очень способный парнишка, уроки не готовит, но даже послушав только, всегда получает хорошие отметки. Честен. Украдет – тут же признается. Не привык врать, не грубит. А за ним более 40 краж! И ворует не для себя. Добудет деньги, соберет класс, поведет всех в кино, угостит пирожными и сладостями. Вообще оригинал. Энергия идет не туда. Спрашиваю его:

– Хочешь в тюрьму?

– Не хочу.

– Воровать перестанешь?

– Не буду больше, слово даю.

– Ты понимаешь, где слово даешь?

– Понимаю.

– Чем интересуешься?

– Хочу работать и люблю баскетбол.

– Работать тебе рано. Пойдешь в школу, а учить баскетболу поручим лучшим мастерам. Согласен?

– Согласен.

На том и расстались. Дал слово. Интересно, сдержит ли его? Мы много сажаем подростков, не затратив сил на то, чтобы спасти их. А вдруг согласен? Позвонил Норкину, редактору «Молодого ленинца», чтобы он взял шефство. Обещал. Написал записку по итогам разговора.

22 ноября. […]. На Вителевку. Площадка отличная. Гостиница стоит почти готовая, только приложить руки. Исмагилов жмется. Не хочет человек созидать с размахом. Поехали в «Золотой петушок». По дороге Смачный проговорился, что ресторан «Волга» готовит вечер охотников и собирается зарезать медведя в цирке. Это же преступление! Давно бродит идея у трактира в клетке посадить живого медведя. Невиданная реклама! Первый медведь в Пензе! Посмотрели банкетный зал. Картина с гусляром и петухом получилась хорошо. Подобрали место для клетки медведя. Приехал в обком КПСС, вызвал проектировщиков. Поручил проектировать клетку. В 16.00 – совещание по подготовке к семинару. Объяснил все детали […].

23 ноября. […]. В 14.00 с В.И. Киркияновым поехали в цирк. Решили посмотреть медведя, которого поместим в клетке у «Золотого петушка». Цыган – дрессировщик. Красивый медведь, умные глаза. Не нужен [цирку], т.к. сломал лапу и стал злобен от боли. Хотели, дураки, такого красавца зарезать и сожрать. Ужас! Это же отличная реклама для трактира! Поедут дети, а за ними родители. Первый медведь в Пензе! Событие! Начертили клетку, прикинули план, определили обязанности содержателя Максима Семеновича, рацион и т.д.

Беседовал с Исмагиловым и Сидоренко. Продолжаю вчерашнюю идею создать на склоне Вителевки трактир «Хрустальный родник». Все лезут в старину, а мы сделаем новый шаг – махнем в модерн. Сделаем родник, хрустальные люстры,

хрустальный фонтан. И ко всему этому финскую баню. Вечером у Веры в больнице. Ей, кажется, лучше, и это радует. Звонил Мишка. В сомнениях, нервничает.

Вечером информация о пленуме ЦК. Опять то же выступление. Соломенцева избрали кандидатом в члены Политбюро: «укрепляют». На Украине – два члена [Политбюро], в России – лишь кандидат.

9 декабря. [В Москве]. Спать не дали. Рано позвонил Белявский из спиртотреста: надо как-то снимать план, нет сырья – нет спирта. Подписал бумагу. Вместе с ним пешком прошли по Пушкинской в «Россельхозтехнику». Виктор уже у С.В. Шевченко. Подаем просьбу за просьбой. Терпеливо принимают и подписывают. Зашли потом к Муравьеву. Везде как родные после семинара. Даром не проходит и не забывается. Хорошая мысль: надо на полгода-годик затихнуть. Очень разворошили Россию и страну семинаром. Работяги довольны, а чиновники (высокопоставленные) завистливы. […].

11 декабря. […]. Трагедия в Лунинском районе (с. Н. Степановка): умерла от рака женщина, ее двоюродный брат – священник в Кузнецке. Просила [перед смертью] обязательно отпеть. Приехал [священник], на селе давно не видели живого попа. Сбежались старухи, венки, свечи. Свеча [упала] на венок. Пожар. Сгорело 15 пожилых женщин. Более сильные вырвались по их телам. Погибли девочка и священник. Вел он себя мужественно: выбросил девочку, пытался вытолкнуть старуху, но задохнулся и сгорел. Случай просто жуткий. […].

22 декабря. […]. В обкоме КПСС сразу осада. Принято постановление СМ СССР и РСФСР о закупке сахара у населения. Нам доведено задание 800 тонн. В обмен на продажу выделено 132 легковых автомобиля, мотоциклы, холодильники и шифер. Закупать можно у колхозов и колхозников. Сверху уже жмут: сколько закупили? Кто-то считает там наверху в кабинетах это гениальным решением. И чин, видимо, очень большой, т.к. требования настойчивы, решительны, с размахом. Однако это пример идеи, оторванной от жизни. Закупленный сахар пойдет на продажу тому же сельскому населению, у которого закупается. Сужается внутренний рынок потребления. […]. Позвонил зав. отделом ЦК т. Кабкову Я.И. [Он]: «Знаю, но сказать ничего не могу. Решили выше. Ты меня в это дело не втягивай. Решай сам». И это зав. отделом!!! Решили тянуть... Разбирался с молоком. Картина обидная: до выполнения плана 380 тыс. тонн может не хватить 800–1000 тонн […]. Завтра приглашаю секретарей РК КПСС. […].

1972 год

2 января. […]. Огарев, Наумов и Ванин окончательно «верстают» отчет о выполнении годового плана по молоку. Все остальное получается хорошо, а молоко – заноза, которую с трудом удается вытаскивать сейчас, но остатки ее будут всю эту пятилетку сидеть в теле и зудеть. Лев успел позвонить из Москвы Огареву и спросить, как с молоком? Я понимаю, что ему больше всего надоела критика ЦК и Совмина РСФСР. Не выходит ни одного документа, чтобы нас не упоминали как отстающих по молоку. Плюют и по делу и без дела. Понятно, что народу нужно масло, но как это сделать? Объективно говоря, главная причина такого положения с молоком в области, засушливое лето, отсутствие пастбищ и зеленых кормов. Но социализм не настолько наивен, чтобы быть объективным. Объективизм – мелкобуржуазное течение, мы же пролетарии! Н.Ф. Васильев не может приспосабливаться к мелкобуржуазным уклонам, кричит, что все это – результат прямой безответственности на местах, распущенности и т.п. Его идеал – сводки ЦСУ. […]. Давят и давят. Делают это с откровенным злорадством: провалился, ага, попался! Мы тебе воткнули, ты смотри! Мы выше! Вроде Совмин РСФСР не отвечает за состояние дел, а является «критическим» органом власти.

Если быть откровенным, то напряжение со снабжением маслом – результат прямого просчета Совмина СССР и РСФСР. Три года назад не знали, куда девать масло, носились с теориями Эльбруса, «вечной мерзлоты». Д.С. Полянский шумел: а кто вам велит перевыполнять планы по молоку, кому это нужно? Носились с настроениями снижения цен, чтобы увеличить потребление. А теперь масла нет. Кто виноват? Конечно, мы. […].

5 января. Весь день в обкоме КПСС. Говорил со Львом по телефону. Он доволен, что удалось одолеть молоко. Позвонил в Ульяновск. Скочилов опять болен (часто прихварывает). Говорил с В. Полянсковым. Они молоко тоже едва вытянули. Жалуется, что тяжело. Действительно, у них план «веселее» нашего. Надоили почти на 250 кг больше на фуражную корову, а скрипят и пыхтят. Госплан не поскупился на планы. Решил встретиться с главными зоотехниками районов. Надо поговорить по душам. Наши мысли: анализ за последние 15 лет показывает, что

продуктивность не может рассматриваться как резерв увеличения производства молока. Самый высокий надой был в 1959 г. – 2.301 кг. Все эти годы танцуем около отметки 2.200 кг. То выше, то ниже. Рассчитывать на этот резерв – обманывать себя. Главный резерв – рост поголовья, и рост не «бумажный», а фактический. Надо отказаться от бытовавших теорий (Воронов, Полянский) «держать коров по кормам», «не считать хвосты». На этот год ставим задачу увеличить поголовье коров на 9 процентов! Этот рост должен идти из месяца в месяц, а не только на 1 января каждого года. Надо кончить «химичить» с коровами «на откормке». Выводят поголовье в отчете, потом пускают с откорма под нож. Год остается пустым. Вводится новый порядок: 1) каждый месяц давать один процент прироста голов; 2) акт о выбраковке коров подписывается после предъявления акта о переводе телок в коровы. Все это жестоко, но необходимо. Надо ломать обстановку. Предупредили о строгих санкциях за отступления […].

9 января. Весь этот воскресный день дома. Занимался всякими хозяйственными делами, перетаскивал мебель, убирал грязь. Готовится капитальный ремонт. В задумках немало излишеств. Может, и зря. Кто знает, сколько еще проживем в Пензе. Вера почему-то внутренне считает и убеждена, что здесь останемся навсегда. Я в это не очень верю, но кто знает? В нынешней ситуации едва ли передвинут: попал в разряд «изгоев», которых старшее поколение опасается. Открывают личное дело – «комсомольский работник»! Стоп! Откуда? Из Москвы. В какие времена работал? В 1948–55 гг. Ага! Все становится ясным, закрывают [дело] и кладут на пыльную архивную полку. По моим данным, ее не раз извлекали оттуда и клали обратно. Чтобы [меня] сдвинуть с места, нужна смена поколений. Да и придет смена, трудно сказать, не сохранит ли оно старые опасения? Не станет ли оно само старым? Не будет ли поиска более молодых? Много возможных вариантов. Лев неспроста раза два говорил: «Георг, я тебе ничего не обещаю». А я и не прошу этих обещаний. Есть силы, приносишь пользу народу, и за это спасибо судьбе. Что надо еще?

Одно открытие: лет 10 назад в старой нашей избе в Коповке я взял иконку, принадлежавшую моей прабабке Ев. Григ. Владыкиной. Из-под фольговой мишуры и бумажных цветков извлек саму иконку, резаную из дерева. На лицевой стороне два святых на фоне колокольни какого-то собора. Надпись: «Пр. Антоніи. Феодосіе». На обратной стороне чернилами написано: «П. Ксении С. Благословені Божіе. Нед. П. Аврамій. 22 т. Августа 1871 г.». Открыл «Изборник» – собрание древнерусских произведений. Оказалось, что вторым произведением древней Руси, после «Повести временных лет» является «Житие преподобного отца нашего Феодосия,

игумена Печерского». Эти два святых – основатели Киево-Печерской лавры! Значит, икона пришла из Киева. Что касается оборотной стороны, то понять трудно. Ксения С. могла быть Сперанской из с. Орлёво. Аврамий – настоятель Нижнеломовского монастыря? […].

15 января. […]. Беседа с Грудзенко и строителями по сооружению нового крытого рынка. Город без него жить не может. Начали давно, но кустарно. Передали «Жилстрою», но сразу забились вопросы документации. Договорились все рассмотреть и 1-го февраля форсировать строительство, чтобы уже в этом году сдать первую очередь (750 тыс. руб.).

В.Ф. Огарев жалуется, что в Лопатино не остается соломы. Позвонил А.И. Шибаеву, 1-му [секретарю] Саратовского ОК КПСС. Обещал организовать продажу соломы из соседних с нами районов. Пришла К.П. Попова. Затевает конференцию по работе с подростками. Дело нужное и хорошее. Дал добро! Потом И.Д. Уланов. Хороший мужик, но уж очень любит порассуждать, помахать руками. Решили об угрозыске. Заехали в спецприемник на ул. Красной. Содержатся всякие бродяги. Много их. Впечатление мерзкое: немытые, вшивые, запущенные. Что их тянет на такую жизнь? Вероятно, есть какая-то своя романтика в этом бродяжничестве, вечном голодании, страхе быть задержанным. Чем они живут? Скорее всего, воровством. Никто из нас не изучал эту «стихию» общества. А надо бы! […].

27 января. [В Москве на 40-дневных курсах в высшей партийной школе]. Опять по морозцу наяриваем пешком. Можно так втянуться и полюбить это дело. Где-то впереди бредут «хохлы»: второй Харьковского [обкома] Соколов и второй Днепропетровского – Пичужкин. По дороге – всякие воспоминания […]. О Дубчеке. Он был нам предан, хотя маленькие элементы его озлобления против нашего бюрократизма у него явно проскальзывали. Вся беда в том, что мы мало работаем с зарубежными кадрами. Для нас много всяких неожиданностей, когда случаются передвижки в руководстве (Чаушеску, Герек и т.п.). В этом плане дальновидным был Сталин, который сумел в рамках Коминтерна вырастить и воспитать такую плеяду, которая вошла в историю своих стран: Димитров, Готвальд, Пик, Георгиу-Деж, Тольятти, Торез и т.д. У нас еще до войны на каждую почти страну был готов «великий вождь».

О Егорычеве. Спихнули потому, что ребята [«комсомольцы», шелепинцы] зарвались, стали не в меру храбрыми. Вспомнил целую историю с «бумерангом». История интересная, но он в конце концов ударил по мне. […].

11 февраля. На занятия не пошел. Вечером говорил со Львом по телефону. Умер маршал Н.И. Крылов. Он уроженец земли пензенской. Лев послал делегацию из Тамалинского района и Высшего артиллерийского училища. Попросил, чтобы я принял участие в возложении венков. На машине – к Дому Советской армии. Огромное стечение народу, большая очередь проститься. В главный подъезд. Масса чекистов. У подъезда стоят машины с темными окнами. В почетном карауле стоит Политбюро ЦК КПСС. Одни из чекистов (до чего же наметан глаз!) узнал меня по тем временам, когда я работал в МГК КПСС и МГК ВЛКСМ. Моих еще нет. Приходится ждать. Неудобно мотаться. Около 11-ти увидел, как уехал А.Н. Косыгин, Б.Н. Пономарев, Мазуров и др. Пошел искать, нашел. Занесли венки. Самые убогие и бедные. У всех [надписи] на красных лентах, у нас – на черных, страшный примитив. Приехали Ванин, Чудин и секретарь парткома из с. Вишневое, двое офицеров из высшего училища. Встретил Флягина. Он все устроил. Нас вне всякой очереди провели к гробу маршала. Возложили венки, постояли. Потом нашли детей и вручили альбом от земляков. Сын [Крылова] – генерал-майор, никогда на родине отца не был. Я тоже не знал, что Крылов – сын попа из Голяевки. Родился, потом (через 7 месяцев) отец уехал служить куда-то в Саратов. В селе осталась женщина, которая нянчила маленького маршала. […].

13 февраля. Проснулся за Пачелмой. Проспал родимые края. Снегу маловато. Красивые под утренним солнцем заячьи следы на белом, до голубизны, снеге. За окном мелькают перелески, поля, убогие селенья. Всюду трудятся люди. Нехитрая одежонка, телогрейка, валенки. Как далеки от всего этого те, кто так громко, снимая пиджаки, орет на трибунах. Там – слово, тут – дело, там – поток фраз, здесь – река материальных благ, создаваемых жилистыми руками […].

24 февраля. Шибаев и Табеев ходят грустные. Их здорово критиковали на совещании за сельское хозяйство. Фикряту трудно переживать. Привык хан татарский к почестям и славе. Вдруг ударили. Нехорошо! Шибаев, встающий обычно в 5–6 утра, валялся до 10-ти. Саратов упоминали как отстающую область раз 5. Что касается выступающих, то опять говорили те же, что и прежде. Удачливее всех выступил Золотухин Г.С. Ему повезло. Он первый. Хорошо, с большими мыслями [выступил] В. Воротников из Воронежа. Мальбахов «вышиб слезу» рассказом о положении женщин. Коваленко [Оренбург] не очень грамотно прочитал написанное, не поняв сам, что читал. […].

1 марта. […]. Сходил на лекцию, ничего не записывал. Надоело все. Не пишется и не слушается. После лекции сразу в орготдел ЦК КПСС. Надо хоть раз за та-

кое время явиться, а то совсем не поймут. [Некто в орготделе] выскочил из инструкторов и уже доволен сам собой, обретает солидную осанку, хотя инструкторский пушок еще торчит из-под крылышек. Листает блокнот, пересказывает инструктору Кузнецову детали совещания, кого и как критиковали. Мне звонил Шибаев [говорит Некто], сказал, что ночь не спал после критики. [Но] я-то знаю, что и как! Не спросив ничего, стал сразу делать [мне] замечания по поводу роста рядов партии, рассмотрения апелляций. Разговорились о Льве. Я сказал, что он отказался.

– Почему?

– Это его надо спросить. Что касается меня, я считаю правильным [решение Ермина], ибо это надуманное министерство, принесет вред тем, что раздвоит управление и разрушит районное звено.

Он солидно и назидательно:

– ЦК КПСС неправильных решений не принимает!

Все стало ясно. Закончили на том, и я ушел к Садыкову. Сказал, что [мне] неприлично было появляться тогда, когда решался вопрос о первом. […].

5 марта. […]. Весь день дома. Надо помочь Вере довести ее грандиозный труд до логического конца. Принялся разбирать и зачищать все в своем кабинете. Книги мы позавчера отобрали, теперь задача состоит в том, чтобы все расставить по местам, привести в порядок книжные шкафы, развесить по стенам всевозможные милые сердцу безделушки, фотографии, разобраться в запыленном музее. Утром начал и только поздно ночью с грехом пополам закончил. Емкая и хлопотливая работа, требующая не столько сил, сколько терпения. На стенах восстановил почти все так, как было до ремонта. Но повесил портрет Е.В. Вучетича.

Чем дальше уходит время от момента разрыва, тем меньше я сожалею, что разрыв произошел. Когда в памяти набираешь события и множишь их на сознание, то все больше убеждаешься в огромной противоречивости этого человека. Как художник он талантлив, как человек – мерзок и противен. Все его существо пронизывает приспособленчество, вечный поиск славы любыми средствами. Уважение только к тем, кто нужен, показная принципиальность и жестокая нетерпимость к тем, кто не согласен, или, не дай бог, встал поперек дороги. Смотришь на него и удивляешься: ни самолюбия, ни устойчивых принципов, ни честности. Для великого художника это не только плохо. Отсутствие принципиальности, убеждений лишает права быть великим. Помню живой его мать. […].

Поместил на стену «Антония и Феодосия». Это стало моей верой, идущей от прабабок. Надо же верить и в прошлое, опираться на силы ушедших.

19 марта. […]. Естественен вопрос: зачем пишу дневник? Ответить однозначно трудно. Да, иногда страх берет, что «уйдешь», а записи останутся. Кому они попадут в руки, как поймут их те, кто станут их обладателями? Тешешь себя мыслью, что едва ли хватит терпения прочитать многое из того серого и скучного, что написано. Дневник – это детали моей жизни, какие-то быстро приходящие в голову мысли, наблюдения. Они нужны мне и только мне. А вдруг доживу до старости, до того пенсионного возраста, когда будет время полистать странички, вспомнить далекое былое. В памяти всего не удержишь, а бумага сохранит.

В дневнике много субъективного. Я никогда не хотел писать то, что очень правильно, но не отвечает моим понятиям, убеждениям. Мало радостных, восторженных записей. И это не потому, что мало радости. Просто таков склад мысли (не характера, по характеру я оптимист). Хорошее, оно остается, а вот мысли, если их не поймаешь, быстро улетают. Отсюда критический подход ко всем и всему. Часто это несправедливо, но это опять-таки только для себя! […].

21 марта. […]. Утром разговор по телефону с В.С. Кандрыгиным, министром мясной и молочной промышленности РСФСР, о проектировании Верхнеломовского мясокомбината, переходе на выпуск фасованного молока, о ссудах на строительство. О чем-то договорились, но много длиннот, общих рассуждений. Становится все больше и больше бюрократом. Беседа с Лебедевым, гл. врачом психбольницы, и Фроловым (облздрав). Нравится мне Лебедев увлеченностью, поиском нового, хорошим желанием сделать лучше, облегчить участь страждущих. И поиск идет не на путях слюнявости и сочувствия, а на путях трудовых дел. Беседа с Киселевым Д.В. (облбанк): утвердили проектное задание на строительство банка и вычислительного центра на пл. Ленина объемом 49.000 куб. м. Громадина, но как найти грамотное решение, кто будет проектировать? Нашим архитекторам не справиться. Надо искать москвичей […].

8 апреля. Вера заставила хлопотать по дому. «Вверила» мне пылесос, но эту затею прервал звонком Лев. Е.Ф. Карпова – зам. пред. СМ РСФСР, Б.И. Соловьев – министр легкой промышленности РСФСР и А.И. Плахов – 1-й зам. министра легкой промышленности СССР решили посмотреть товары в натуре, в магазинах. Мне надо их сопровождать. Со Смачным догнали их в Доме торговли. Часа полтора щупали и смотрели изделия нашей швейной промышленности. Товаров много, но очень серая, безвкусная отделка, отвратительно плохое качество, нет хорошей упаковки, состояние какого-то убожества и даже безысходности. […]. Подъехал Лев. Продолжил свои мысли в менее широком кругу: все завязывается с избытком

денег в обращении; Госплан пытается массой товаров (а не качеством) взять эти деньги. Реформа толкает промышленность на повышение стоимости товаров, их реализационной цены любыми путями. Никто не считает скорости оборота денежной единицы. […].

9 апреля. Сегодня Пасха. […] Народ сохранил этот большой русский праздник, все его обычаи и обряды. Мы порой напоминаем донкихотов: боремся с ветряными мельницами. А эти мельницы – обычаи, традиции народа, впитанные с молоком матери. П.Д. Селиванов позавчера с ужасом прибежал и рассказал, что в магазинах торгуют весенним кексом, а это кулич. Ужас! А чего, собственно, тут ужасного? Зачем мы по делу, а больше без дела лезем и плюем в душу народа? Кто нам на это дал право? Народ? Нет, он празднует. Теория? Да, но теория нужна для народа, а не против народа. Тут сложный вопрос. Социалистические страны сохранили рождественские праздники. Что, от этого ослаб социализм? Просто мы привыкли быть выше, но на эту вышку нас поставил народ. Бывают же парадоксы? П.Д. Селиванов, женившийся на поповой дочке, защитил кандидатскую диссертацию по антирелигиозной пропаганде! […].

10 апреля. [В Москве]. Давно так не спал – спокойно, без сновидений, до 9-ти утра: нет заботы. Пошли завтракать, попался Ал. Никиф. Аксенов, 2-й [секретарь] ЦК КП Белоруссии. Всегда приятно встретиться с приятным человеком. Какая-то радость на душе. Видимо, это взаимно. Вместе с Аксеновым и Мишей пошли в ЦК КПСС на «отметку». […]. К зав. отделом науки С.П. Трапезникову. Очень больной человек, но пробился. И молодец! Меня в нем подкупает любовь к родине, землякам. Чувствуется, что все его волнует, трогает, хочет помочь. Гордится тем, что вырос на керенской земле. […]

Обедал в столовой ЦК. Диву даешься сколько здесь сытых мужиков, торчащих за большие деньги в аппарате. И все собой довольны, все лакают в три горла, совершенно не задумываясь на тем, чем они, собственно, заслужили. Сколько нашей Маше надо дергать за сиськи коров по брюхо в грязи, чтобы прокормить эту ораву сытых бездельников? Ужас! Класс бюрократов, раз возникнув, продолжает, как опухоль, жить своей жизнью, самостоятельной, но питаясь соками всего организма. Хорошо, если доброкачественная… […].

17 апреля. Опять плохо спал и опять хороший день. Надоело мотаться в этом Пачелмском районе. Вообще стал в командировках как-то скучать быстро. Нет той остроты восприятия того, что вижу. Многое не в новинку, не хочется тратить нервы на ругань, да и проблем у руководства нет. Вызвал начальника милиции, потом

райвоенкома. Позвонил в Белинск, Тамалу, Каменку, Вадинск, Беднодемьяновск. Везде потихоньку втягиваются в весенний сев. Волох махнул лишнего, но теперь исправляется... Поехали на Титово опять на газике. Калиновка […], Н. Толковка. Трактор у дома Хохловых. Зашел, ужас, я такого кошмара не встречал. Комната в кирпичном доме около 12 кв. м. В ней пятеро детей (старшему Мишке 10 лет, младшему в люльке 6 мес.), телок, ягненок и под печкой у крольчихи 5 крольчат. В комнате печь, стол, лоханка, три табуретки, две кровати без белья и люлька. Отец – тракторист, член КПСС, согнулся, мать Тося пьет беспробудно. Старший в семье – 10-летний Миша. Младенца успокоил конфеткой, кормит сырым молоком. Мать корову не доит, есть нечего. Парень бодрый, рассудительный, учится в 3-м классе. Уроки готовить некогда и негде. Верку вытащил из-под лавки: не бойся. Разговор с Тосей. Деградация. «Чего же рожаешь»? – «Пятерых родила, семь абортов сама себе сделала. Мишка только на два пальца наливает!.. Удавлюсь». Лечиться согласна. Говорит, что сама устала. «Чем кормишь»? – «Навожу «сыто». Что такое? Холодная родниковая вода с разведенным сахарным песком. Хлебают и плюс хлеб. Три раза в день. Говорим о коммунизме, а тут такой ужас. Кому все, кому ничего! Страшное невнимание к детям […].

18 апреля. […]. 13.00 – беседа с Болдиным (облоно), Гусевым (зам. прокурора), Лебедевым (главным врачом психбольницы), Масловой (главным детским врачом). Рассказал о семье Хохловых в Н. Толковке, о трагедии самой семьи. Сколько еще таких трагедий. Надо все учесть и навалиться общими силами. Пьянство – социальная проблема, от него все. Невнимание к людям, их судьбам – наш порок. Послал их в Пачелму, просил все решить. Еще серия всяких бесед.

Вопрос по прудам, кажется, начал двигаться с места. […].

19 апреля. […]. В 16.00 уехал на бюро Октябрьского РК КПСС. Злая информация П.Г. Петраша. Очередные малоубедительные объяснения руководителей. Мое выступление: развитие идет по спирали, каждый круг выше. А мы по кольцу крутимся. Чистота – это культура города, его населения. Надо вычистить и просто грязь, и грязь человеческую. Проблема пьянства – злая проблема, ее нельзя решить административно.

Позвонили о пожаре на мебельном комбинате. Заехал туда. Твердохлебов в панике, нервничает. Масса следователей. Оставил в бочках ацетон, загорелся забор, начали взрываться бочки. Люди – патриоты, бросились тушить […]. Заехал в хирургическую больницу. Есть надежда, что никто [из пострадавших] не погибнет. Потом в медвытрезвитель. Грешат на двух пьяниц, которые пили политуру у забо-

ра. Разговор с одним из них. Мерзкое впечатление. Это уже не человек. Стрижка в вытрезвителе. Орут как бараны. Может, и поможет. Лев в это верит. Хотя нарушение закона […].

20 апреля. Утром рано уехал в Октябрьский район. Петраш на месте. Поехали смотреть проспект Победы. Много кричащих противоречий. Рядом с многоэтажными домами стоят халупы. Зашли в одну из таких. Страшное убожество! На фоне газонов заборы из терновника и бревен, обвалившиеся завалинки. Дикость на рыночке. Палатки с кружевами, облезлые места для торговли. Торговки сидят на земле. Заехали к памятнику павшим. Запущено сзади, два художника пьют красное [вино]. Одного прихватили, оказался с завода ВЭМ. Посадили в машину и на завод. Собрал актив, «продемонстрировал» пропойцу. До каких пор завод ВЭМ будет поставлять нам эту мразь? […]. В 16.00 – бюро обкома КПСС. Обсуждались острые вопросы о травматизме на стройках, приписках в промышленности. Мне дали слово о благоустройстве города. Выступал резко. Надоело, закончил обещанием вернуться [к этому вопросу] к 1 Мая. Беседовал с активом города по благоустройству, продиктовал замечания по итогам дня. Договорились ежедневно встречаться на несколько минут с активом в 16.00 у меня […].

21 апреля. Поднялся рано. Мучает забота о благоустройстве города. Сейчас самая пора. В 7.00 поехал по городу, посмотрел ул. Володарского, заехал на территорию пединститута. Превратили в проходной двор, много мусора и мелкого неряшества. Палатки на Западной Поляне, запущена ул. Мира. Смотрел строительство туристской гостиницы. Здание интересное: номера на двоих, зимний сад, клуб, бильярдная, ресторан на 200 мест, отличный вид на северную и центральную часть города. Внизу под обрывом – лес и пруды, чудо-место, надо его брать на вооружение города. Поручил художнику Иодынису и его «коллеге» сделать первые наброски. Попробовать решить все оформление в керамике. У нее есть интересные элементы на тему «масленицы». После Западной заехали с Яковлевой и Шапошниковой в «Ландыш». Сколько больных людей трясется в очереди за пивом! С утра заливают, отходят. Пьянство становится жуткой социальной проблемой. Остановились у некоторых киосков. Много деревенщины. […].

22 апреля. […]. В 10.00 всем бюро возлагали цветы к памятнику В.И. Ленину. Большая колонна, обилие цветов. Уехал к «Золотому петушку». С газонами плохо, никто ничего не делает. Хорошо, что взял Березина из лесного управления и поручил ему. [Он] обещал завтра же разработать газон. Затем проехал по трассе к роднику у Рамзая. [За этот участок] отвечает завод «Тяжпромарматура»: тянут, но де-

лают. Наметили трассу дорожки, договорились о лесных посадках, очистке родника. Может получиться неплохое место. На пруды учхоза. Продолжаем идею платной рыбалки, но дел много. Главное, наметили первое озеленение, стоянку для машин, «привязали» «Рыбацкий дом», определили его планировку (ввели буфет для гостей), нашли место костровой площадки. На месте, на бумагах в кабинете все кажется проще. Затем к Мокшану. Остановились у остатков сторожевого вала. Здесь компрессорный завод должен соорудить 9-метровую сторожевую башню (она уже готова, надо только ставить). Определили места башни на валу, лестницы для подъема на вал, мемориальной доски. Написали текст: «Мокшан. Основан в 1679 году. Башня установлена на остатках сторожевого вала» […].

29 апреля. […]. Поехал на проспект Победы. Попался у мойки Смачный. Тоже объезжает владения. Составили план озеленения. Цыган прав, говоря, что следует организовать шприцевание машин. Это нужно и выгодно. В Рамзай на строительство «рыбацкого домика». Как всякая стройка: пять тракторов, десяток машин. Фомин развернулся во всю прыть, прикрываясь поручением обкома КПСС. Рабочие спрашивают: «Говорят, обком включился? Дело будет»! [Снова еду] в Пензу. На проспекте Победы заканчивают прорезывание полос. Хорошая полоса на видовой площадке. Обед и сразу совещание: по шампиньоннице, по «маяку погоды» Института Волкова, по набережной. Опять десяток конкретных вопросов благоустройства и переустройства Пензы. Сев, а мы в городе. Странно, но может, так больше будет результатов? Вечером дома. Ходил на набережную. Надо наступать!

30 апреля. […]. Дал поручение октябрьским [руководителям Октябрьского района] Петрашу и Осиповой по сооружению герба, Симонову и Панфилову – по «правилам поведения» и мерах ответственности, Воропаеву, Реве – по сносу развалюх у вокзала, строительстве гаражей в полосе отчуждения железной дороги. В 16.00 – совещание по пастбищам. В 17.00 – поздравление аппарату обкома КПСС, телеграмма Л.И. Брежнева, звонок Соломенцева. [Затем] со Львом – в Рамзай. Выбор места для рыбацкого домика одобрен. […].

9 мая. […]. Ни читать, ни писать не хочется. Просто стал больше уставать. Ушли годы, ушли силы. Как мы были неправы, когда, приехав в область (нам было 35–39 лет), начали громить налево и направо тех, кто окружал нас. Им было около 50-ти. Мы никак не могли понять, почему они малоподвижны, не энергичны, со всем соглашаются, не выступают зло против недостатков. Мы просто забывали о том, что их опыт приучил к этому, а сил бороться осталось не так много. Все позна-

ется только с годами. Нет и не может быть учебников, в которых можно прочесть и понять всю жизнь […].

16 мая. День начался уколами. Лев готовится в Москву, я – в Земетчино. Договорились, что пионерским празднованием будет заниматься Селиванов. Успел показать проект герба СССР на проспект Победы, забрал с собой Фомина, Попылькова, Сидоренко и – в Рамзай. «Дом рыбака» растет. Фомин – поразительно деятельный человек, с размахом, фантазией и умением организовывать работу на широкую ногу. Затем заехали на вал к Мокшану. Башня не получилась. Стыд и срам, надо ее снимать. Договорились, что [за это] заплатит компрессорный [завод], проект даст Сидоренко, организует Фомин. Будет хорошо. Делаем на сотню лет, и не хочется краснеть перед потомками.

[…] Говорят, что зло – явление социальное, классовое, с ликвидацией классов вроде бы зло исчезнет. Думается, это не так. Скорее всего, зло – явление общечеловеческое, связанное с его физиологией. Природа создает и добро, и зло. Сорока и скворечник. Зачем это? Одни делают добро, а другие, как сороки, лезут в чужие гнезда, сея зло. Без зла трудно понять смысл добра. […].

23 мая. Вчера был Николин день. Опять жара и жара, никакого признака дождя. Антициклон встал над Уралом и замер. Над нами уже месяц чистое голубое небо. Начали вспоминать с ветеранами: может, есть закономерность – каждые первые пять лет очередного десятилетия связаны с засухой. Говорят, что сушило в 1951–1955 гг. Уже на моей памяти плохими и засушливыми были 1961–1965 гг. Утром – вопросы озеленения центра города. Пригласил Макарова. Потом еще раз смотрели проект «дома рыбака». Хотел исправить кое-что, но Маматкадзе так отчаянно борется за каждую деталь, что сил переубедить его не хватает. Может, это и хорошо. Настоящий художник, болеющий за результаты своего поиска, должен уметь, не приспосабливаясь к вкусу начальства, до конца отстаивать свои предложения, будучи уверенным в том, что его вариант лучше.

Беседа с Б. Перминовым. Он вернулся из Италии. [Наших] рабочих поразили социальные контрасты: проститутки, плата за проезд по частной дороге, страх болезни, нищета лачуг и пустующие квартиры, плата за обучение и лечение. […].

25 мая. В 8 сделали укол, но я валялся почти до 10. Не выспался из-за пожара [на улице Московской]. Страшное дело – стихия огня, да еще ночью в городе. 100 лет назад от такого загорания выгорела бы половина Пензы. Здесь же отстояли. Пострадали сараи и 13 квартир. А место так населено, что страшно!

[…]. В 16.00 – совещание. Приняли окончательное решение о реконструкции «Тамбовской заставы», замысел: столбы в кирпиче, гербы, дощечка [мемориальная доска], замуровать документы, будка, шлагбаум и фонарь. Вырвать еще один кусочек города у грязи, сохранив историю для потомства. Организатор – Евстигнеев Ник. Яковлевич […].

26 мая. […]. Утром собрал заинтересованных в делах овощного рынка. Решили перестать мирно взирать на то, как грабят [кавказцы] народ русский: не стесняясь, нахально, откровенно. Поручил ОБХСС выслать из города немедленно главных воротил-перекупщиков, что касается остальных – ввести ограничение на рыночные цены. Мы обманывали себя, когда думали, что [свободный рынок] дополняет товарную массу. Товара не так много, а озлобление против них, а через них против нас, большое. Создали общественную комиссию во главе с рабочим «Счетмаша» Циером. Надо действовать от имени рабочего класса. […].

27 мая. Вчера «вовремя» провели бюро обкома. Уже ночью пошел дождь, утром добавил […]. Судя по сводке, дождем накрыло северо-запад и частью центр области. Брызги его дошли и до многих других районов. Это очень нужный и своевременный дождь на истомленные посевы. […]. Со Смачным посмотрели опять базар. [Кавказцы] исчезли. Почувствовали беду, тикают, или спрятались, пережидают. Потом на набережную. Медленно делают. Смотрели котлован под пивной бар «Бочка». Надо приводить в порядок округу, «Тамбовскую заставу». Начали возиться... На видовой площадке кладут камень. Думаю, успеют. Опять остановил дождь. Пересели на газик, и я уехал в Арбеково. Отличный сон после обеда на свежем воздухе после дождя. Вечером конспектировал А. Хвощева «Очерки истории Пензенского края» […].

1 июня. В первый день лета – страшная жара. Приметы о засухе все больше оправдываются. Мне нравится народная поговорка: «Взошли хлеба – не дивись, налились хлеба – не хвались. Хлеб на току – про урожай толкуй». В 8.00 – совещание. Опять рассылают по районам посмотреть пропашные, свеклу, заготовку сена, поливные пастбища […]. Несколько бесед, и я уехал в Каменский район на истоки Хопра с Ванеевым, Сидоренко, Овтовым. Красивый котлован с холодными ручьями. Сразу начинается Хопер. Решили [планировать] арку и карту Хопра до впадения в Дон, гостиницу, верх котлована – деревья, дорожки. Фигура юноши – образ Хопра. Низ котлована – бетон и плакучие ивы. «Вечное колесо». Потом [завернули] в Поперечнскую степь. Красиво цветет ковыль. Ракитник отцвел. Масса птиц. Два

кургана. Места стоянок. Высокие курганы! Дурная примета иметь в доме ковыль издалека идет. Раньше ковыль был образом хитрого кочевника, боялись. […].

3 июня. И вчера, и сегодня – палящее солнце. Утром пошел на базар, в сквере Белинского [видел] опавшие от засухи зеленые листья, как осенью. Американский клен не выдерживает натиска суховея, осыпается. В 8.00 вся «капелла» (руководители торговли, милиция, ОБХСС) [прибыла] на базар. Начали прижимать цены. Народ доволен. [Кавказцы] исчезли. Оставшиеся безропотно торгуют по тем, что установил общественный совет рынка. Начало хорошее, надо только удержаться, не остыть и не отступить […].

4 июня. […]. На базар. Начальство опять в сборе. Цены действуют. Никто не нарушает. Меньше «азиатских» товаров, но без них можно жить. Главное, выигрываем политически: прекращаем грабеж и показываем народу, что есть Советская власть, есть руководители, которые противостоят грабежу и проявляют заботу о людях. Здесь прямой выигрыш. Правда, как ни парадоксально, выигрыш основан на беззаконии. В свое время Совет Министров СССР запретил всякое «регулирование». Этим воспользовались кавказцы и азиаты. Целые нации (грузины, армяне, азербайджанцы) превратились в откровенных оккупантов. Удар по ним вызывает одобрение. Циер на месте. Дежурит, старается […].

5 июня. Из дома сразу на Беднодемьяновск […]. Село Абашево. Беседа у конторы. Потом к Зоткину Тимофею Никитовичу (рожд. 1930 г.), наследнику местных умельцев. Артист глины. Показал процесс изготовления свистулек. Свой круг, горн, место залегания глины. Промыслу лет 250! Надо бы поддержать, не дать умереть!

10 июня. Давно так крепко не спал. Сказалось и утомление последних дней, и свежий воздух, и общий хороший покой. Поднялись вместе с Мишкой. Выпили кофе в беседке и уехали в Пензу. Заскочили на «Золотой петушок», посмотрели медведя, старенькую Машку [медведицу], а маленькую не видели. Деда нет, она сидит взаперти. […]. На овощной рынок. Система контроля действует, но там, где очень жестко зажимают, товар уходит. «Черных» нет, дурит коопторг: поздно начинают торговать. В мясном пассаже порядок пока держится, мясники чистые и бритые, народ спокоен, хотя цены достаточно высоки […].

13 июня. Вчера с Б.Я. Деминым все расписали на сегодня, а сегодня начали систему вызовов для «подталкивания» кое-каких позиций. В 9.00 еще раз рассмотрели судьбу «тамбовских столбов». Все поставили на место, определили срок готовности – 20.06. Почитал акт, который планируется замуровать, и пришел в ужас

от его неграмотности. В 9.00 начали реализовывать идею превращения рамзайского родника в облик «Чайника». Позвали с «Тяжпромарматуры» Тюкленкова и художника, а также архитектора Федотова. Страшно интересный парень способностью усложнить и запутать любое самое простое дело. Потребовал изготовить сферические полушария из целого металла. Отвергли. Поручили тяжпроарматуровцам решать самим, материализовать на свой вкус идею. Договорились о готовности «Чайника» к 20.06. Собрали группу по видовой площадке. Все давно ясно, но тянут, нужен какой-то толчок. Дали его. Тоже назначили срок окончания – 20.06, поставили комиссара – Рослякова. Объявили, что проверим его деловитость. Крутился [у меня] с утра Фомин А.И.: башню мужики в Вязовке срубили, можно ставить у Мокшана, но возникли трудности по оплате. У компрессорного завода нет фондов заработной платы, пришлось «насиловать» Меркулова – трест овощеводства. Уговорил его оплатить и молчать. После обеда с Верой и Мишей поехали на «объекты». Вера давно рвется посмотреть маленьких медведей в «Золотом петушке». Завез их туда. Машка и Грунька [медвежонок] очень интересны. Потом на «дом рыбака» – понравилось. Вечером дома нашли и название московское «Чистые пруды». Так и затвердили! […].

16 июня. […]. Утром ездил по городу. На воскресник [люди] уже уехали. Посмотрел строительство «тамбовских столбов», потом начало слома в Кривозерье. Масса вопросов в обкоме. С Ревой В.Е. смотрели ремонт домов напротив вокзала. Внешне дома становятся хорошими, но какое-то дикое убожество внутри. Страх, нищета! Снос привокзальной площади идет полным ходом. Чем больше ломаем, тем меньше грязи, тем лучше. От вокзалов через «Петушок» [двинулся] на Анненково Кузнецкого района. Остановился у вывески «Городище». Делают солидно. Угостил мужиков боржоми. За Городищем следы дождя, а после Махалино – серьезного ливня, который недавно прошел. Догнал участников семинара в с. Анненково (колхоз «Гигант»). Солидное, богатое хозяйство. Толковый Цирулев, принявший хозяйство из рук умной дворянки Ирины Шатовой. Опять совещание. […].

17 июня. […]. Вчера сделал заметки для себя: ни демократизм Л. [Ленина], ни деспотизм С. [Сталина], ни авантюризм Х. [Хрущева], ни «онанизм» Б. [Брежнева] не могли решить двух чрезвычайно важных задач: воспитать у чиновника чувство ответственности за порученное дело и впитать в кровь простому труженику добросовестное отношение к делу, народному добру.

18 июня. […]. Мысль: ни один из выдающихся руководителей России не успел сделать «завещания», чтобы труды свои передать в надежные руки. У Ивана IV не

возникло такой мысли. Петр I сумел продиктовать: «Передайте...» Ленин продиктовал «Завещание», но раскритиковав многих, не сумел назвать достойного приемника. Сталин, вероятно, думал жить долго, заранее не написал, а когда случился удар, не смог произнести и слова. После выдающихся – годы борьбы за власть, потрясений. […].

5 июля. [В Ленинграде]. […]. В 11.00 поехали на Песочную набережную. Беседа с архитектором Г.Д. Ястребенецким по памятнику Победы в Пензе. Есть вариант, но пока сырой. Архитектурный задник с нависающими глыбами и фигура солдата с автоматом. Что-то есть и многого пока нет. Мои четыре требования-предложения: срок выдержать до 1975 г., дальше нельзя; предусмотреть действия: замуровку списков павших (в памятнике должна быть частица души народа); освоить площадь: земля с кладбищ, из городов-героев; солдат должен символизировать Победу. Опасность массовки. Кажется, договорились. Надо посылать машину и везти макеты. Они [архитекторы] прилетят в Пензу. Сразу на аэродром. Только тут понял, что попался. Оказывается, предстоит перелет на Ан-2 («кукурузнике»), а он где-то застрял по дороге. Обедали в буфете аэропорта Смольный. Порядки жуткие, грязь, запустение. Оборвал начальника аэропорта – матерится, ведет себя развязно.

– Вы кем работаете?

– Начальником аэропорта.

– А что так беспардонно ведете себя? Мальчишка!

Он обалдел от неожиданности, потом ушел. Вылетели в 3 часа дня. Самый страшный полет в жизни. Вспомнил Антония, Феодосия, маму, Веру и Мишку. Кругом гроза, внизу лес, в самолете женщины блюют, дети плачут, духота невыносимая. До Череповца добирались почти 4 часа. Думал, не долетим. После Череповца опять гроза. Кое-как прорвались. Встретил Ф.И. Лощенков. Гостиница «Ярославль», пышный стол, подарки. Из окна знакомый театр. Все тут знакомо, но не был 11 лет!

15 июля. […]. В 9.30 смотрели проект памятника павшим. Мантейфель что-то понесла о месте. Лев правильно оборвал: критиковать, ничего не предлагая, несложно, но вносит дезорганизацию. Опереться на [скульпторов] своих не можем, т.к. есть печальный опыт с «Ростком». Я настоял, чтобы делать в граните. Оплавленный бетон – дешевая вещь. Попробуем на р. Хопер […].

17 июля. […]. Поздравил В.Г., а потом и И.Б. Лансковых с присвоением звания заслуженного строителя РСФСР. Он этого заслужил своим подвигом в строительстве на селе. Он сделал так много и работал так добросовестно, что награда – ма-

лая часть оценки его заслуг. Заехал ко мне. Поручил ему подумать о заведении около родника «Чайник». Надо найти что-нибудь интересное. Отчитал А.И. Фомина. Плохой марафонец: хорошо стартует, а к финишу устает. Занимался перспективами воды «кувака»: необходимо строить розливной цех, определить ассортимент, сделать дорогу и дать транспорт, найти этикетку и форму бутылки, открыть в Пензе специализированный магазин […].

18 июля. […]. День не очень загруженный. Всякие мелкие дела и вопросы: приглашал по сооружению «Глобуса», поручил Ланскову рассмотреть проблему чайной «Родник», беседа с К-вой (хотела свое счастье устроить на несчастье другой, но... сорвалось; обижена на партию). [Рассмотрел] эскиз оформления зала бюро обкома КПСС, решение по расширению производства «куваки». Целый день занимался проблемой сбыта мяса, особенно свинины, тут целый ряд обстоятельств: неуверенность с обеспечением кормами, нежелание потреблять свинину на месте, отказ от свинины городов, которым грузим, запрет отгрузок в связи с высокой температурой. Серия совещаний, звонки в министерства… Кажется, все решили, теперь надо делать. […].

Проблема хлеба висит. Меня беспокоит лишь одно: планы пятилетки сформулировали так, что главное не экономика, а благосостояние (потребление). Отсюда явно завышенные планы сельскому хозяйству. Они рвутся. Те, кто их диктовал, не признается, что ошибся. Виноватыми будут места, низы. Скоро начнут злиться, а злость может перейти в удары по кадрам. На них свалят невыполнение не очень продуманных планов.

20 июля. Два дня чуть «похолодало» (жара спала до +25), а сегодня с утра опять жарит, опять духота. Просто напасть какая-то. Никто не помнит такого жестокого по засухе лета. Каждый день приезжают по очереди секретари сельских райкомов КПСС с балансом хлеба. Идет счет, но, кажется, никто не предлагает хлеба, все думают о фураже. Сушит так, что под угрозой уже кукуруза и свекла – засуха добивает. ЦК пока молчит. До них трагедия пока не доходит. Чиновники прячутся за надеждой: «а может, Сибирь»? Но Сибирь никогда не покрывала провалы Поволжья. Вчера был разговор с Саратовом. Там еще тяжелее. Скоро [в ЦК] хватятся. Но что это даст, какие решения примут? […].

2 августа. […]. Лев все сидит у телефона, ждет звонка по хлебу. Я ему сказал, что звонка не будет. Кто возьмет на себя ответственность за невыполнение плана хлебозаготовок Россией? По другим республикам они все определили, а по России сложно. Хлеба нет, а доля в снабжении решающая. Кулаков Ф.Д. не возьмется, Со-

ломенцеву надо лететь в Ливадию [к Брежневу], но... не решится. Так и будут тянуть до «лучших времен». Зачем [им что-то] решать? […]. Вечером был у Льва. [У него] настроение плохое – отмотал Ф.Д. [Кулаков]. «Ты что меня терзаешь? Я до часу ночи вчера работал. Рвете, хитрите»! Есть проект оставить 65% обеспеченности и запретить всякие перемещения внутри районов. Это убьет все наши спецхозы. Идея лопается […].

3 августа. […]. В 11.00 собрал всех заинтересованных в производстве «куваки». Рассказал историю: генерал от инфантерии Воейков (станция Каменка была раньше станцией Воейкова) имел поместье в Каменке и с. Куваке. Открыл родники, сделал их [популярными]. Купил профессоров, подписали [акт]: «Радиоактивная вода» (!). В Париже сделал со свитой заказ в ресторане: «А есть кувака»? – «???» – «Какой же уважающий себя русский князь сядет за стол без куваки»? Четыре вагона в день уходило во Францию, Германию, Швейцарию. В подполе костела немецкого нашли бутылку в 1945 г. [Воейкова] хотели судить в 1917 г., но он сбежал. Родники остались. Возим из Ленинграда, а чем плоха наша вода? Расписали проект, кому строить, где деньги, дорогу. Все должно получиться. В сентябре откроем магазин «Кувака». Дал задание газетчикам готовить статью. […].

В 16.00 – заседание бюро обкома КПСС. Лев […] решил информировать по хлебу. Минзаг СССР уже свирепствует, хватают факты, докладывают в Москву, а Нуриев, получив их по телефону, уже заслал записку в Политбюро ЦК, обвиняя нас в «антигосударственной практике». Чиновник делает свое дело. Кто-то у нас «наводит» […]. Обстановку просто закручивают. О цифре молчат. В 18.00 – совещание актива по овощам. Доложили, что картофеля не будет, надо самим добывать и искать. Трудно верят, но процесс раздумий начался. Что-то он даст. Нам самим, правда, тоже надо действовать. У меня план: Новосибирск, Белоруссия, Литва!

5 августа. О жаре не только писать, но и думать надоело. Сегодня днем опять около 30. Почва иссохла настолько, что, кажется, и мысли не может быть о севе озимых. А это, между прочим, означает, что вопрос о хлебе завязывается и на будущий год. Без озимых, на одних яровых, только в исключительно удачный год (таким был 1969 г.) можно рассчитывать на урожай […].

7 августа. Традиционная планерка. Много всяких хозяйственных вопросов, но главное, конечно, хлеб. Теперь это все! Добавилась картошка. Из Омска звонил Блохин, 2-й секретарь. Наш гонец Белоцерковский уже появился в Омске. Ищем картошку во всех концах страны. Я в воскресенье лечу в Литву. Надо использовать старые связи и приверженность литовцев к Пензе. Они в тяжелые годы жили у нас,

теперь тяжело нам. Должны помочь. Лев позвонил Снечкусу, тот согласился меня принять. Помнит! Договорился о деталях с В. Харазовым. Звонил Дьякову в Совмин РСФСР, Шошину в Госплан. Заявок много, а как их отоварить, никто не знает. Просят 1 млн. 200 тыс. тонн, а ресурсы пока 600 тыс., но они с каждым днем убывают. Стоит засуха. Чем все это кончится? Достал плакат Моора и показал его членам бюро обкома. Конечно, образ крестьянина с тех времен изменился, но жестокость природы осталась прежней. Может, даже злее.

Говорил с Новосибирском. Картофель есть, но лететь туда еще рано, т.к. нет Горячева, первого секретаря, а решать с другими лицами невозможно. Лев договорился о поездке в 20-х числах августа в Тернополь. Надо кое-что посмотреть, но главное – добыть картофель. Звонил в МПС СССР Гондобину, первому заму. Просто сказал, что понравилось выступление по телевизору. Он доволен. Попросил его иметь в виду бедствия по картофелю и при возможности помогать вагонами. Согласился. Говорил с И.Е. Клименко, первым секретарем Смоленского ОК КПСС. Договорился, что на обратном пути из Вильнюса заеду к нему. Правда, у него нет картофеля и капусты. Может, что-нибудь выбью […].

11 августа. […]. Все проверил по Литве. Кажется, дорога обеспечена, но что ждет там, сказать трудно. Известно одно: с пустыми руками возвращаться нельзя. Трудно представить себе рабочие столовые зимой без картофеля. А дело идет к этому. Народ почувствовал напряжение. Появились первые признаки паники: растащили рис, теперь пошли в ход другие крупы и макаронные изделия. Если в обычные дни товарооборот Пензы составлял около 1 млн. руб., то теперь подскочил до 1.400–1.500. Скорее всего, тянут крестьяне, которые (будучи стихийными экономистами) видят, что и в поле мало, и картофеля нет. Запасают все впрок. За крестьянином немедленно втянется городской обыватель. Остановить процесс можно. Но надо бросить запасы, а делать этого нельзя. Впереди много трудных дней. Подавятся, нахватаются, успокоятся. Меня всегда выручала одна формула в снабжении: лучше меньше, лучше в натяг, но повседневно, устойчиво. Самое страшная система – то густо, то пусто. […].

14 августа. В 7.20 приехали в Вильнюс. Встречали работники ЦК КП Литвы. Гостиница «Неринга». Я успел час поспать в гостинице. Потом завтрак и в ЦК. Валерий Харазов на месте, принимает радушно. Спрашиваю, как отнесется Снечкус к просьбе о картофеле:

– Он любит, когда ввозят в республику, и терпеть не может, когда вывозят. Я помочь не могу, и так считают, что я все тащу в Россию.

И звонить Снечкусу не хочет. Иду в приемную, докладывают, сразу принимает. Теплый, радушный разговор. Подсовываю журнал с моей статьей, в которой напоминается о пребывании руководства Литвы в годы войны в Пензе. Собирает секретариат (без Харазова) – Феринсас, Сонгайла. Договариваются помочь, поручают Феринсасу. Беседа у него с заместителем [председателя] Литовского потребсоюза. Ребята приносят подарки. Вручаю, берут с благодарностью. Уезжаем в сторону Перчюниса. Грудишский лес, остатки партизанского лагеря. Восстановили землянки. Интересно! Потом Перчюнис. Было село. За связь с партизанами расстреляли 117 чел., сожгли в сарае. Что-то вроде Лидице. Якубонис сделал скорбящую мать – Ленинская премия. Потом завезли в какой-то поселок. Смотрели магазины, кафе, оркестр в сельском кафе. Надо бы нам. Затем заехали в Бочкинис на трассе Вильнюс – Каунас. Интересный ресторан, сделанный в парке старого поместья. Ресторан, пивной бар, барная стойка, банкетный зал. Хороший литовский обед. Наши не умеют себя вести за столом: чавкают, чистят зубы, цыкают. Потом их отчитал. Не обиделись. Торопимся в Вильнюс. Снечкус пригласил в баню. Феринсас везет нас за город. Хороший дом-квартира с баней. Вся литовская знать, но только литовская. Старый знакомый министр культуры. Министр финансов трет спину. Ужин в плавках. Тосты. Я [предложил] за Снечкуса. [Он сказал]:

– Вы «культ» создаете.

– «Культ» рождается на базе неправды.

Он удивился глубине мысли. Современность!

15 августа. Вечером ребята дождались. Под хохот показывал им, как они вели себя за столом. Не обижаются, впитывают. Встреча с Сонгайла и министром сельского хозяйства. Пускаемся в путь по литовской земле. Освоил приветствие: «лабоз ритас!» – «доброе утро!» Завтракали сосисками и кофе в магазинчике на ул. Ленина. Уютно и удобно. Едем по Ширвинтийскому району, кругом хутора. Это сложная для Литвы проблема […]. Строят жилые 16-квартирные дома и сразу оборудуют мебелью, продаваемой в кредит. Получаешь меблированную квартиру!

[…]. Опять проводы, держим путь на Смоленск.

16 августа. В Смоленск прибыли около 3-х утра. Встретил старый знакомый по курсам, Николай Иванович Москвин, секретарь обкома КПСС. Доехали до какой-то квартиры обкома. Разместились, удалось до утра немного поспать. Знакомились с городом. Дача Тухачевского (роднит с Пензой). Отсюда его мать. Много памятников старины, особенно 1812 г. и 1941–45 гг. Обе войны равно коснулись этого города. Завтрак в обкоме КПСС. Встреча с И.Е. Клименко. Он – на коне и не понимает, по-

чему меня так долго держат [на одной должности]. Не стал объяснять двух обстоятельств: не умею так ходить к начальству, как он; происхожу из беспокойного племени «комсомольцев». Иван «работает» под лозунгом резолюции. Она у него в кабинете, в зале бюро, в плакате. Я спросил, знает ли об этом автор резолюции [Брежнев]? Говорит, что нет, а я думаю, что да! […].

21 августа. Включился в трудовой ритм. Духота прежняя, около +36. В 9.00 планерка, много вопросов об итогах поездки. Всех, естественно, волнует, что и как будет с картофелем. Спокойно отвечаю, что в Литве договорился о 6–8 тыс. тонн. Верят, но удивляются. […]. Разговор с Грудзенко, Шапошниковой, Ходулиным о завозе картофеля из Литвы: необходимо рассмотреть [этот вопрос] на бюро ГК КПСС, назначить самых ответственных старшими, подготовить машины и грузчиков, подготовиться к разгрузке картофеля из вагонов в Пензе. Литва никогда не отгружала, мы же никогда не получали картофель вагонами из других областей. […].

Около 16.00 съездил на истоки Хопра. Дела идут медленно и плохо. Сделали паршивую лестницу, с дорожками тянут. С Ан. Смелым [осмотрели] скульптуру Хопра. Величественно и здорово, эдакий Моисей. Похвалил, но... под нее все в оформлении надо пересматривать. Может, [подключить] Попрядухина? При такой скульптуре просто не решишь!

22 августа. Не спал до 3-х утра, взволновала фигура Хопра. Как-то стало не по себе и стыдно, что в большом деле чуть не допустили грубой ошибки. [Первоначально] решили сделать кое-как по-деревенски, но фигура отмела халтуру. Нужно грамотное архитектурное решение, строгий инженерно-строительный расчет, грамотное инженерное решение бетона. Стыдно, что не с этого начали, а мальчишка-скульптор неожиданно толкнул [на правильный путь]. Правда, есть и свои закономерности: большое начинается с малого; начав, трудно закончить, процесс создания рождает новые мысли, а практика создания проверяет точность задумок.

Поднялся с тяжелой головой. Опять духота! Поделал кое-какие текущие дела. В 12.00 собрал бригаду по истокам Хопра: Грибов, Попрядухин, «Гипромаш», «Стройдеталь». Рассказал о своих сомнениях и попросил поехать на место, дать новые предложения. Ничего заранее не навязывал. Послал с ними В.М. Смачного. Сам к 16.00 поехал на бюро Пензенского ГК КПСС по заготовке овощей […].

23 августа. […]. Беседовал с синоптиком аэропорта. Какое-то очень странное обстоятельство: уже с сентября прошлого года встал над нами антициклон и стоит до сих пор – только иногда его сдвигало немного. Жара в 32–36 градусов продержится до 1-го сентября и дальше ничего дождливого не видно. Московские газеты

кричат о рекордах по жаре в Москве. За 100 последних лет такого не было. С аэродрома заехал на Дом офицеров и видовую площадку. Делается, но медленно. В обкоме КПСС сел сразу за [телефон] ВЧ, начал поиск овощей. Переговорил с Ломоносовым из ЦК Узбекистана, Киевом, Гроссу из ЦК Молдавии, Кемерово, Омском. Всюду трудности, но в Ташкент и Кишинев отправил уполномоченных. Что-то должно быть […].

26 августа. Из всех тяжелых дней этого знойного лета сегодняшний, пожалуй, наиболее тяжкий: с утра жара, духота, потом поднялся ветер, иссушенная земля поднялась в воздух, мгла затянула горизонт, темным облаком повисла над городом. Солнце, словно электрическая лампочка, едва пробивает эту мглу. И страшная духота, резкие порывы ветра. На душе как-то очень тревожно, словно что-то должно случиться. Так, видимо, будет перед «светопреставлением», концом мира. С дачи уехал в город. Сразу дал команду привести в боевую готовность все пожарные команды города, зорко следить. Дорошенко на вертолете улетел в район Лунино – Шкафт, где полыхает лесной пожар большой силы. Начали стягивать технику, людей. Около 15.00 загорелся склад макулатуры облпотребсоюза. Сразу бросили много техники, не дали разбушеваться пожару. По тревоге поднимали людей в связи с загоранием на Светлой Поляне, в Леонидовке. Кругом пожары. Начался пожар в большом лесном массиве на стыке Земетчино – Рязанская область. Здесь пустой бор, есть работа огню. Лузгин борется. В 16.00 появился Лев […]. Говорит, что есть намек на изъятие у нас еще 110 тыс. тонн хлеба. Т.е. к 430 тыс. тонн хотят прибавить еще 110. Но это поставит нас перед катастрофой. Тогда придется списывать маточное поголовье и совсем прощаться с пятилеткой. В полеводстве она завалена, осталось лишь животноводство. Вероятно, промахнулся Совмин РСФСР. Расписали, а и расписанного не дают. Надо дожимать! Берут всегда с добросовестных. В 20.30 проводили Льва на Москву. А там в Тернополь. Может, картошки достанет. […].

27 августа. День хоть и воскресный, но муторный. С утра, правда, не было вчерашней мглы, немного тише, но очень душно и как-то тревожно. Горят леса у Лунино, с утра заполыхал пожар в Земетчинском углу (Пашково, Морсово). Дорошенко с Ванеевым улетели туда. Связался по телефону: резкий ветер, сушь. Маленькая искра, и все полыхает. Стихия такая, что противостоять ей практически невозможно. В самом Земетчино утром сгорела музыкальная школа, пожар подступает к Пашково и Морсово. Два лесных поселка выгорели дотла. Людей удалось эвакуировать. Появились первые результаты паники от стихии: кто-то где-то видел

поджигателя леса. Пришлось на самолете высылать группу чекистов. Может, и правда, в такую злую пору пробудилась где-то кулацкая затаенная душа, мстит. А может, просто паника.

[…]. Обострилась обстановка в Лунино, сгорел пос. Иваныpс, пришлось эвакуировать детский санаторий. Дело принимает трагический оборот, а Дорошенко летает на самолете, никто не руководит. Собрал военных, дал команду по тревоге поднять штаб гражданской обороны и все службы. Без этого уже не обойтись. Послали шифровку в ЦК и Совмин. Переговоры с Болдыревым и Дьяченко. Московская машина завертелась. Дали согласие на призыв полка гражданской обороны. Послали самолетом из Москвы подрывников. Если не будет дождя, долго придется возиться. Поздно вечером [говорил по телефону] с Науменко. Кажется, вытащили с дачи. И в армии обыватели.

Примета права: сегодня Михайлов день, «с бабьим летом бурей, ветром перекликается» Все верно!

28 августа. Шифровка дала результаты вчера, а сегодня еще большие. Оказывается, надо вовремя дать «документ». В 9.00 начал планерку […]. Около 10.00 позвонил М.А. Суслов. Он получил нашу шифровку. Спросил: «Как с пожарами»? Рассказал. [Он]: «Я поручил Куликову (Генштаб) помочь, но [принимайте] и свои меры». [Затем говорил с ним] о картофеле, хлебе. Значится 430 тыс. тонн. Поблагодарил [Суслова] за заботу.

Потом поступили сведения, что срочно вылетает А.М. Калашников, зам. председателя Совмина РСФСР, Петушков В.П. – зам. министра МВД СССР и кто-то из Генштаба. Я хотел лететь в район Лунино около 12-ти, но ветер свыше 20 м/сек. не позволил. Только в 16.00 сообщили, что можно лететь. Срочно в аэропорт. Вылетели на Светлую Поляну, потом к Вышелею. Огонь лижет лес, свежее пламя ползет и ползет. Прошли на Нижний Шкафт, Аришку, Быковку. Огромная площадь свежего огня. Пошли на Пензу вдоль Суры через Лунино – все в дыму. Тут догорает, чадит лес. Площадь огромная. Села целы. На аэродроме приземляемся вместе с московским самолетом. Они на моем [самолете полетели] в район пожара, я – в горком КПСС: «Кончить с беспечностью»! […].

29 августа. Массаж делать не стал – нет времени. К 8.00 – в особняк, москвичи уже на ногах. Никакого интереса к пожару нет. Москва не принимает [самолеты] в связи с туманом. У нас небо чуть посерело. Все решили, что сегодня будет дождь. А если дождь – вопросы пожара снимаются автоматически. Без дождя – масса безрезультатных усилий. Можно не пустить [огонь дальше], но остановить невоз-

можно. Ошибка нашего штаба: борются с огнем, а надо отдать ему, что можно, закрепиться на каких-то рубежах и дальше не пускать. Решили посмотреть город. Заехали на видовую площадку, потом по проспекту Победы, окружной дорогой вышли к «Петушку», выпили квасу. Только вышли, видим, что-то горит в Ухтинке. Страшный, порывистый ветер. Город опять заволокла пыльная мгла. Не Пенза, а Сахара какая-то. Жуть! На душе тошно и тоскливо, все время состояние крайней напряженности, предчувствия какой-то большой беды, уже случившейся. Тягостно. Через город едем на строительство плотины, это удел Калашникова. Он слушает, но мысли далеко-далеко. Обещал после отдыха в Болгарии приехать...

На аэродром. Ветер юго-восточный сбивает с ног. Сухость, пыль, жара. Местные самолеты не летят, порывы до 30 м/сек. Представляю, как это раздувает огонь в лесу, как там тяжко. Отправили самолет в Пензу. Едем по Московской. Какая-то копоть у ул. Чехова. Подъехал: две машины столкнулись и загорелись. Металл горит! Кругом деревянные домишки. Хорошо, быстро завалили. В обкоме КПСС переговорил с районами. В Земетчино стало потише, проблески оптимизма у Лузгина. В Лунино тяжело. Никольск охватили очаги, Городище борется в защиту Вышелея и Верхнего Шкафта. Только к вечеру утих ветер. […]. Жара не спадает, +34, +35. И это конец августа. Был Ю.С. Наумов.

30 августа. Забота о пожарах перешла на плечи В. Дорошенко. Он воюет активно, улетел на вертолете в Лунино. [У меня] свободное время образовалось. Рассмотрел проект истоков Хопра. Есть хорошие мысли предложения. Со Смачным и художником Непьяновым поехали в сторону Мокшана. Остановились у родника «Чайник». Чайная строится, неплохо сделан ручей. Затем остановились у башни на мокшанском валу. Получилось хорошо, но нужен текст от Лебедева. Поехали в с. Симбухово, где бригада реставрирует церковь. Дело идет, хотя пока не заплатили ни копейки. Непьянов должен решить проблему покраски церкви. Заехал в с. Подгорное (бывшая Свинуха). Церковь большая, под что ее приспосабливать, когда уйдет мастерская, неясно. На «дом рыбака». Уха из сома, сом, запеченный в сметане. Вернулись в обком КПСС. Договорились, что Селиванов и я идем в театр на омскую оперетту, Огарев и Акимов – на лекцию.

Предчувствие беды, которое тяготело над нами все эти дни, оказалось небеспочвенным. Позвонил Смачный домой. В 16.05 около Лунино упал вертолет, погибли Ванин, Наумов, Шеин. Быстро в обком. Дорошенко потрясен и растерян. Вызываю Лунино. Сомнений нет. Колебания: как быть с семьями? Но позвонила А.И. Ванина. Едем к ней. Страшные минуты горя и неожиданности. Возвращаюсь в обком. Еще раз проверяю по Наумову. Сомнений, к сожалению, нет. Огарев поехал

домой к нему. На место послали Смачного и санитарные машины. Надо привезти останки. Ищу через Болдырева Льва. Он должен быть в Москве. Около 21.00 звонит. Рассказываю. Ошарашен. Даем задание готовить гробы. Останки плохо опознаются. Ребята сгорели в вертолете после того, как упали. Активны Виноградов, Кулькова. Город заполняет дым. Едко, ничего не видно. Около 3-х утра – в морг. Останки на матрацах. Разговор о «святой лжи» во имя родственников. Домой около 4-х утра. Тяжко на душе.

31 августа. Состояние шоковое. Не верится, что случившаяся трагедия – факт, а не сон. Вера спать не дала: надо идти. Дорошенко собрал комиссию по организации похорон, Селиванов подготовил «мероприятия». Даже похоронить без этого невозможно. Все должно расписываться. Определили основные (до Льва) вопросы: похороны 2-го сентября, гробы поставить в Доме политического просвещения, доступ открыть 1-го с 16.00 до 19.00. Шеина настаивает хоронить Ивана Григорьевича в Пензе. Место захоронения – Новозападное кладбище. Но где рыть могилы – оставили [решение] за Львом. Сразу же создали подкомиссии, все пришло в движение. Шок проходит, жизнь продолжается... Странная и страшная позиция орготдела ЦК КПСС. Утром позвонил Ф. Садыков. Не узнав деталей, не разобравшись в случившемся, задал один вопрос:

– Почему вчера не доложили?

– А у вас кто-либо бывает после пяти вечера?

– Позвоните т. Разумову, замзавотделом, и доложите. Скажите, что нам доложить вчера не могли.

Позвонил Разумову. Немного выслушал, потом:

– Пошлите срочно шифровку о случившимся. Не будем же мы звонить каждому секретарю ЦК и докладывать.

– А надо ли? Я вам доложил, все ясно.

– Нет, шифровку пошлите обязательно.

Пришлось посылать шифровку, вторую за эту неделю. Около 16.00 приехал из Москвы Лев. Расстроен страшно. Ничего не вяжется, все валится из рук. Рассмотрели основные пункты. Он согласен. Внес хорошую поправку: гробы везти на открытых машинах. [Ермин] звонил М.С. Соломенцеву. Тот [спросил] о пожарах, о хлебе ни слова, хотя готовится удар. Потом разговор с М.А. Сусловым. Тот тоже о пожарах. По хлебу подтвердил: 430 тыс. тонн […].

Предварительные данные о гибели. Ванин три дня находился в районе. Утром облетел район пожара. Должен был завтра быть на бюро. Решил собрать председателей райисполкомов, чтобы скоординировать борьбу с пожаром. Наумов (вчера

провели совещание по грубым кормам) должен был разобраться с кормами в районе. Полетел на встречу с Майоровым В.И. Шеин [оказался в вертолете] по должности.

Из Пензы пришел экипаж на вертолете, имеющим ресурс 400 часов от 500 по норме, т.е. 80%. Экипаж [в таком составе] никогда не летал, собран с разных вертолетов. Бортмеханик Тимченко уступил место летчику-наблюдателю из лесного хозяйства. Поднялись нормально, шли на высоте 30–40 м. Вели переговоры по радио. Основной летчик [командир] прозевал начало горы. Правый [второй пилот, наблюдатель] показал пальцем на приборы. [Командир] прибавил газ, но [было уже поздно]. Вертолет упал в лесу, разрубая винтом деревья. Когда он упал, зажало выходную дверь [пассажирской] кабины. Два летчика выбросились из верхнего люка, отбежали на 15–20 м. Взрыв и основного бака, и бочки в кабине. Пожар. Рабочие тросом сорвали мотор, потом песком забросали кабину. В кабине [нашли] пять трупов: Ванин и Шеин угадываются по туловищу, летчик [оператор, находившийся в пассажирской кабине?] и бортмеханик – по пуговицам, Наумов и наблюдатель [оператор?] – только по останкам челюстей. Виновник – командующий ПРИВО Науменко. Имел сигналы, говорили, но мер не принял. Баба, разложил дисциплину, внедрил неуважение к гражданским. Не владеет обстановкой. Барин. Ребята – на его совести.

1 сентября. В 8.00 – совещание первых секретарей и председателей райисполкомов. Почтили память Е.В. Ванина, Ю.С. Наумова, И.Г. Шеина минутой молчания. Разговор о пожаре. Доложил Дорошенко, потом Уланов и генерал. Лев выступал в заключение. Смысл всего: не допускать новых [очагов возгорания], ликвидировать оставшиеся очаги. Особенно сложно разделаться с торфоболотами, которые горят долго. Они – главные источники массовых загораний. Сейчас горит более 200 торфяников.

Газеты опубликовали сообщение о гибели товарищей, дали некрологи на Ванина, Наумова, Шеина. Страшно смотреть на эти живые портреты, никак не верится, что их уже нет и никогда не будет. Глупо, бессмысленно, неоправданно. А так пожар прошел без жертв. Какое-то подавленное состояние... Занимался отправкой двух тел в Томск и Харьков. Там тоже горе. Приехал следователь военной прокуратуры Терехов. [По результатам его расследования], картина примерно такая: в полете находились 10–12 мин. Экипаж собран из разных команд, никогда вместе не летали, вертолет не знали. [Один член экипажа] прозевал обороты винта. [Вертолет] упал, они выскочили, а вертолет взорвался. Ребята сгорели. [У них было] 2–3 минуты тяжелых, когда поняли, что вертолет падает, и когда винт рубил деревья.

Потом взрыв и все... Но надо до конца разобраться. Свалить на летчика – самое простое дело. Он один отвечает...

Лев, Дорошенко, Селиванов, Огарев и я ездили на квартиры Наумова и Ванина. Помочь не можем, хоть чуть облегчить горе сочувствием. В 16.00 – в Дом политпросвещения. Три гроба, три портрета. Первый почетный караул. Большой поток людей, масса венков, делегации из районов. Проехал по городу. Ввели одностороннее движение […]. В 18.30 опять в Дом политпроса. Это наш последний караул. Слезы родных и близких у закрытых гробов. На коленях у портретов. Остались лишь портреты... Уехал в обком КПСС, потом домой. Страшно болит голова, разбиты нервы, тяжело на душе.

2 сентября. Утром поехали по городу. Хочу еще раз посмотреть, как осуществляется одностороннее движение. Признаки хорошие, но горожане, как нарочно, перекопали ул. Калинина, не везде поставлены знаки, милиция не следит. Мера эта – революционная. Схема движения сложилась веками, начиная с лошадей, сломать в один день непросто. Надо бороться, само собой не придет. Около 11-ти утра зашел ко Льву. Звонил А.Н. Косыгин, интересовался деталями трагического случая. Лев «катил бочку» на командующего Науменко. Косыгин согласился, что не очень удачный командующий, но едва ли его снимут, т.к. он – Науменко [украинец]. Ребята погибли из-за его небрежности, расхлябанности, барства. Что бы ни было, мы ему не простим этого. [Косыгин] поручил Школьникову А.М. оказать нам помощь. О хлебе сказал, что [этим вопросом] не занимается, но положение тяжелое. Лев при мне [позвонил] Школьникову, высказал просьбу о насосных станциях и трубах, с прицелом на поливные пастбища.

Поехали в Дом политического просвещения. Последний почетный караул, вынос венков, слезы родных. Лев и Дорошенко выносят гроб с Ваниным, мы с Огаревым, Ерзуновым, Алексеевым и другими – гроб с Ю.С. Наумовым. Грустные, тяжелые минуты. Несем до памятника Борцам революции. Там смена. Гробы поставили на открытые машины и в сплошном людском коридоре (кажется, весь город вышел проститься) по Московской, Пушкина, Объединенной – к кладбищу […]. Траурный митинг на кладбище. Тяжело и горько. Несем гробы к могилам. Опускание. Горсти земли стучат о крышки гробов. Жизнь закончилась, они ушли в вечность необратимую […]. Поминки в облисполкоме – Ванину, в обкоме КПСС – Наумову. Много хороших слов о том, что живым мало их говорим, а мертвые не слышат. Заплакал, когда говорила дочь Наумова. Решили об обелиске на месте гибели...

3 сентября. Погода, наконец, резко изменилась. Вчера с утра было жарко и душно, как во все дни июня, июля и августа. Жарко было, когда начались похороны. Но поехали на открытых машинах, и стало чуть свежее, женщины набросили на плечи кофты. На кладбище уже дул резкий северо-западный ветер. Очень скоро начало прохватывать спину. Холодно, зябко. Вечером в городе свежесть. Ложились спать, окно открыть нельзя. Холодно. Прохладно сегодня утром и весь день. Погода, наконец, сменилась. Холодно, но дождя нет. Озимые сеять пока нельзя – в почве никаких запасов влаги. Осталось 8–10 дней. Пройдут дожди – посеем, не пройдут – останемся без озимых, «завяжем» будущий год. Утром боль от потери немного стихла. Осталась грусть по недолговечности жизни и нелепостей, которые ее легко обрывают. Порой кажется все бессмысленным, пустым, быстротечным, шатким. Но это, вероятно, под впечатлением утрат. Весь день дома. Вера рвалась съездить на кладбище, но с трудом отговорил. Она до вчерашнего дня лежала в постели, шалило сердце. Сообщение о гибели товарищей подействовало на нее тяжело, слегла. Вчера выдержала, хотя в первые часы ее чуть подкосило. Сегодня ей легче, а ехать на кладбище – опять колыхать нервы […].

4 сентября. После вчерашнего дождя немного похолодало. Жизнь продолжается. Лев принял решение (после первого дождя) сеять по парам озимую пшеницу. Дело рискованное, но надо рисковать […]. Беседовали с генерал-лейтенантом Козловым и работниками военной прокуратуры о трагической гибели. Расследование закончено. Виноват летчик [второй пилот], прозевавший обороты винта, высоту и скорость. Болтали в кабине, отвлекая летчика, пассажиры, передававшие указания. Виноваты организаторы. Это признали с трудом! Я задал вопросы о роли командования ПРИВО: почему вертолет на исходе ресурса попал на пожар? Почему полетел экипаж, до того никогда вместе не летавший? Отвечают скупо, нехотя. Беседовал отдельно с работниками прокуратуры. Был «волчок» [вертолет закрутило], крутилась кабина, нечеловеческие крики, когда лизало пламя. Жуть! Встретил по дороге Науменко. Разговаривать с ним не стал, противно смотреть на эту «бабу в погонах» […].

5 сентября. Опять прохладный день. Сегодня, по народным приметам, должны быть первые заморозки, но не состоялись. Хоть жара спала и нет той духоты, которая мучила все лето. Пришел в обком пораньше, но Лев уже у себя засел с сельхозниками, банкуют вокруг хлеба. Цель – доказать с цифрами в руках, что больше сдавать нельзя, несмотря на настойчивые требования Совмина РСФСР и Ф.Д. Кулакова. […]. Я засел за проблему картофеля. Говорил с Курганом, просил

около 1 тыс. тонн. Звонил в Смоленск Москвину – обещал 5 тыс. тонн дать. Напомнил Ференсису в Литве, [тот] обещал сделать 7 тыс. тонн. Аксенов из Белоруссии помочь не может. С Кондратьевым и Ивановым (минторги СССР и РСФСР) – о польском картофеле. Там свои загвоздки. Вроде бы должны добыть, но сложно. Поручил разобраться с готовностью нашей железной дороги [принять картофель]. Смотрел дела по воде «кувака». Кое-что делается. Есть проект, начали строить цех. Но самое сложное – проблема дороги. Надо ехать! Принесли проект «Глобуса». Есть сомнения. Утвердил раскраску симбуховской церкви (автор Непьянов). Смотрел еще раз проект «истоков Хопра». Много наворочено. Страшно, что с бетоном вторгаемся в самые истоки, нарушаем естественную картину. Назначил свидание на завтра на месте […]. Был Сорокин из Камешкира. Резьба готовится. Как теперь платить за все это? Встречался по трамплину у сельхозтехникума: «запороли» проект. Надо или отказываться, или рисковать. Изберу, вероятно, последнее. Около 16.30 поехал в краеведческий музей. Надо искать вариант, что делать в церкви Симбухово: реставрируем, тратим 80 тыс. руб. не ради красоты. Это культовое здание, но оно – плод русского мастерства. [Предлагают] сделать музей крестьянских движений. Помог М.Р. Полесских, [у него] хорошая мысль: революцию в церковь поместить сложно, [лучше] сделать музей прикладного искусства и народных промыслов. Это, по-моему, гениально! Я просто не додумался […].

6 сентября. […] По дороге встретился Лев. Его все мотают с хлебом. Говорит, что записали 600 тыс. тонн. Это уже смешно! Просчитались на 2 млн. тонн, теперь ищут «рыжих». Сидят 2 тыс. [сотрудников] в Госплане РСФСР и не могут сосчитать. У нас все сложилось, взять хлеб невозможно. Или вырезать скот. Дорогие ошибки! У Льва предчувствие, что будет «зубодробиловка». Посмотрим, не для себя же! Просто думаем о будущем.

7 сентября. […]. В 8.30 в обкоме КПСС с Власовым и Глушенковым решили проблему отправки 60-ти машин в Смоленскую область за картофелем. Связались с Вильнюсом. Там тоже просят машины, обещают сдержать слово. [Ермин] позвонил М.С. Соломенцеву (он вчера звонил, вероятно, по хлебу), [но] сказали «заболел», [Ермин] аж перекрестился! […].

9 сентября. Сразу на аэродром. Чуть капнул дождь (буквально три-четыре капли на квадратный метр земли). Погода затягивает узлы. Сеять или не сеять озимые? Вот вопрос, над которым мучаются земледельцы. И на это раздумье осталось максимум десять дней! Позже будет некогда думать. Останемся на будущее лето без озимых. […].

13 сентября. […]. Дождя нет. Нет и намека на него. По-прежнему голубое небо, яркое солнце, летнее тепло. Только ночью стало чуть прохладнее. Мужики посеяли 89 тыс. га озимых, но если не будет дождя, все погибнет на корню. Дал поручение готовить следующий этап в переходе на одностороннее движение в городе. Оправдывает себя. Надо идти дальше […]. В 10.30 ездили с Ерзуновым и Грудзенко на КПД смотреть панели для облицовки крытого рынка. Ириска и простой орнамент. Не очень здорово, но одобрил. Время идет, а вариантов нет, стройка стоит. Надо двигать! […]. Переговоры со Смоленском (Белоцерковским) и Вильнюсом (Щербаковым). Кажется, картофель идет. Получается даже по Литве. Кооператоры там куксятся, не хотят, но ЦК [Компартии Литвы], как договорились, жмет и требует. Пока все идет нормально: первые вагоны отправлены в Пензу. Поступают вагоны из Смоленска, меньше – из Тернополя. Ломал голову над капустой. Надо быстро квасить, чтобы застраховать себя на длинную зиму. В 16.00 началась «стабильная» продажа крупы и макарон. Смачный ездил, говорит, что очереди большие, но спокойно, люди терпеливо стоят. Берут, вероятно, в запас. Надо продавать. Они по-своему правы. Вечером дома. Футбол.

21 сентября. […]. Алексеев позвонил, что есть вопросы снабжения. Попросил его поехать по магазинам. Оказалось, с пользой. Перебои с макаронами, но... мы можем возместить домашней лапшой, изготовив ее в столовых. Поручил срочно собрать тресты столовых, директоров ресторанов и столовых.

В 19.00 – хороший разговор с доярками о проблемах молока. Отличный, дельный у нас народ, несущий на своих плечах заботу о снабжении людей. Адский труд, а они веселы, энергичны. Приятно встречаться не с чиновниками. Трудовой народ – моя страсть, моя любовь, моя жизнь!

В 17.00 – разговор о картофеле. Проверили детали, уточнили тактику. Главное, заложить в общественное питание. Если останется, можно часть продать рабочим. Но чтобы продать, надо накопить, собрать под крышу. Вопрос о капусте тоже злой. Пора бы переключиться на него. В 18.00 – большая беседа с руководителями общественного питания. Главная проблема – полуфабрикаты. Общепит должен и обязан вовремя улавливать спрос и затыкать его. Разверстали 1 тонну «домашней лапши». Опять разговор о картофеле и капусте. Предупредил о политике в этом деле. Рано ушел домой. Никак не приду в себя после серии похорон.

24 сентября. Объявился больным, в обком не пошел. За окном серо, солнца нет, запахло осенью. По народному календарю, сегодня «Федорин день – всякое лето кончается». День такой, что похоже на окончание лета. Надо бы работать над

докладом к активу, но что-то нет подходящего настроения. Доклад написан, можно его сделать ярче и убедительнее, но пьянство такие пустило корни, что никакими бумагами не вытравишь. Нужно что-то более действенное, революционное. Весь день заполнен листанием книг для себя, и это листание имеет целью разобраться в существе и формах древнерусской живописи, заключенной в иконах. Только сегодня понял, что эстетическое воспитание поколений русского народа за последние 800–900 лет связано с лицезрением икон. На них «отпечатки» мыслей, настроений и устремлений миллионов предшественников со времен крещения Руси Владимиром. Мой интерес к иконе связан с рядом факторов: общим интересом к прошлому русского народа, интересом к развитию живописи на Руси, может быть, какими-то деталями биографии, имеющей у истоков служителей культа, новым, малоизвестным пластом, который вдруг нежданно и негаданно открылся и нашел в душе отклик. Это открытие шло по линии: от очерка Евг. Осетрова о «Владимирской Богоматери», через знакомство с «Толгской Богоматерью» в Ярославле, осмотр икон в Ростове Великом, чтение хорошей книги Вл. Солоухина «Славянская тетрадь». Так накапливался интерес, который вдруг завладел мною. Но надо осмыслить, понять, подготовиться к восприятию. Оказывается, это целая наука, не зная которую, трудно что-либо понять […].

28 сентября. […]. Позвонил в Литву. Феринсас говорит, что советовались у т. Снечкуса, решили больше не давать, [так как их] критикуют за плохую отгрузку Москве. Поблагодарил и передал команду сниматься машинам, отправлять домой. Плохо-бедно, а 2.500 тонн выхватили без всяких нарядов для пензенского народа. Вечером дома читал Бабеля. Был в театре. «Валентин и Валентина». Поставили хорошо, просто молодцы. Хорошее оформление, не «металлолом». Ровно играют, здорово – монолог старшей дочери, Вавилов лихо дал сибиряка. Но кое-что не получилось […].

1 октября. […]. Мотают все по хлебу. Лев держится, но становится страшновато. Много против нас злых, как бы не дали ему по шее. Сами завязали себе вопрос, когда сознательно занизили ожидаемый вал. Было ясно, что получим больше. Надо было ожесточенно бороться на первых рубежах. Переговорил об отпуске. Лучше в конце декабря, когда наступит зима, погода определеннее.

Сходил на базар. Мяса много и сравнительно дешево. Начался сброс скота у населения […]. В 17.00 – на стадион «Темп». Первая игра товарищеская на нашем поле с Саратовом. Молодежь играет настырно и старательно. Обыграли 6:2. Неплохое начало. Хорошо бы и дальше так. Дома смотрели с Мишей коповские ико-

ны. Ему нравится. Протерли маслом. Художник совсем неплохой писал. Мудрим: может, вырезать из большой доски лики? Посмотрим. Мне эти иконы дороги тем, что в глаза святых смотрели глаза моих предков (прадеда, прабабки, бабки, отца и матери). Взгляд не оставляет отпечатка, но можно вообразить.

3 октября. […]. В обкоме КПСС еще пусто, потом пришел Лев. Отдал ему «летопись» неурожаев в Пензенской области, начиная с 1700-х годов. И в таком дальнем по годам и векам просмотре, обнаруживаются две интересных закономерности: 1) в вековом плане голод от неурожая 1722 г. и 1921–22 гг.; в 1830–31 – «первая холера», 1833 г. – «вторая холера» и неурожай 1931–33 гг.; 2) по десятилетиям: все неурожайные годы приходятся на начало десятилетий: 1722, 1831, 1833, 1840, 1921–22 гг., 1932–33 гг., 1951–52, 1961–63 гг., 1971–72 гг. Есть над чем задуматься. Попали в тяжелую полосу […].

14 октября. […]. Около 10.00 с Ерзуновым, Щербаковым, Смачным и «свитой» пошли по Московской улице от «Солнышка» вверх. Смотрели Пушкинский бульвар, вытрезвитель, дом Мейерхольда, школу, сквер у «России» и т.д. Всюду грязь, запустение. Самая страшная теперь улица – Московская. Часть надо ломать, а то, что останется, как следует приводить в порядок. Веками наложили столько краски, что теперь не отдерешь. Смотрели благоустройство 9-этажного дома на Московской улице. Загнали массу гранита. Обойдется в миллион рублей, а будет грубо, безвкусно, аляповато. Да и надо еще год, чтобы доделать. На Советской площади тайно договорились (чтобы не перехватили для «Сельхозтехники») освободить под картинную галерею Дом архиерея. Его надо бы ввести в площадь для показа гостям. У памятника Борцам революции стало еще светлее: свалили несколько деревьев. В сквере Лермонтова решили восстановить старый постамент под бюст Лермонтова. Сейчас он не смотрится. В магазине цветов [решили] сделать «Зимний сад», а сзади него – детское кафе-мороженое и альпинарий. Нужен только проект и подбор растений. […].

17 октября. Ночь спало плохо, а утром проспал. Поднялся только около 9-ти. Выпил кофе, и уехал. Опять на памятник, потом на магазин «Кувака». Получается неплохо. Если подготовим к моменту открытия и производство [воды], то внесем еще один интерес в дела пензенские.

В 10.00 разбирался по молоку. Есть решение: масло [делать] только «Крестьянское» (самое жидкое) и только фасованное; восстановить жирность молока 3,2%, но только фасованное; накопить сухого молока; сохранить снабжение, не допуская срывов. С Ерзуновым и Щербаковым опять по Московской улице. Смотрели

правую сторону, если идти вниз от Советской площади. Много всяких впечатлений, предложений, мыслей. Но если решать по-хорошему, пройти бы всю эту правую сторону до ул. Кирова бульдозером и сровнять с землей лачуги, в которых живут люди, работают учреждения, торгуют магазины. Впечатление жуткое. Такое убожество, грязь, такие неудобства (печи, выгребные уборные), что становится стыдно и противно на душе, что за столько лет Советской власти у нас не нашлось сил и средств прекратить эти каждодневные мучения людей. Если бы снять кое-какую роскошь, убрать всякие излишества в аппаратах, поменьше тратить средств и материалов для поддержки верных и неверных [зарубежных] друзей, можно без всяких усилий решить эту задачу. Думается, что мы не очень хорошо представляем себе этот кошмар неудобств, мучений, которые переносят наши советские люди, оставаясь жить в этих старых, малопригодных для жилья коммунальных квартирах.

После обеда уехал на «Гидрострой», смотрел их контору в Терновке, потом побывал на строительстве плотины через Суру. Море будет величественным, а отношение к его сооружению плевое. Не чувствуется накала большой стройки. Очень плохо и неуютно в рабочем общежитии. И здесь надо не критиковать, а помогать, решить вопросы быта, поддержать людей материально и духовно. […].

18 октября. Вчера смотрел эпизод из фильма «Угрюм-река». Показывали, кажется, празднование масленицы. Ударила мысль: из жизни русских городов исключили колокольный звон. Города утихли, это оскудило их. Скрежет трамвая, грохот грузовика не может заменить изумительную колокольную симфонию. Мы в этом отношении обеднили города. […].

19 октября. Сегодня настроение лучше. Заехал опять на памятник «Борцам». Все встало, надо подгонять! У обкома КПСС встретил Льва, поехали на Пушкинский сквер, посмотрели место установки «Герба». Потом на крытый рынок. Панели похабные, их оставлять нельзя. Попросим хорошие из Москвы. […] Лев все отбивается от ЦК (Кулакова) по сдаче хлеба. Все на нас косятся так, что спасу нет. В 12.00 опять был на Пушкинском сквере. Нашли новое место. Утром не учли, что «Герб» двухсторонний. Пока смотрели, Лев приготовил еще одно предложение: [установить «Герб»] на развилке улиц Суворова и Коммунистической.

[…]. После обеда разбирался по истокам Хопра (достал 7 тыс. руб.) и с открытием магазина «Кувака». В 16.00 – совещание по поездке в районы: надо читать доклад. Я еду в Наровчат. Хочется посмотреть этот древний уголок земли Пензенской. Есть мысль внимательно изучить Сканов монастырь. Может, продадим тури-

стам? Место отличное, да и монастырь красивый. Вечером был у Льва. Опять о хлебе с Ф.Д. Кулаковым. Кажется, полегчало. […].

22 октября. […]. [В Наровчате]. Воскресенье – день базара. Интересное зрелище! Пожалуй, место проявления народной демократии. Здесь путаются чины, звания, уровень, есть два класса: продавец и покупатель. Преобладают среди тех и других крестьяне окрестных сел. Наиболее энергичны женщины. Многие одеты в плисовые черные поддевки. Мужчины смотрят, где бы «приложиться». Недостаток кормов дает себя знать – много живого скота, мясо стоит всего 2 руб. 50 коп. за килограмм. Видимо, предложение превышает спрос. Если не считать плетеных корзин, сит и веретен, мало стало на базаре кустарного товара. После базара прошли в музей к неутомимой М.Е. Афиногеновой. Несмотря на 83 года, хранит музей, водит экскурсии, руководит кружком художественной самодеятельности […].

9 ноября. Опять с Верой провозились поздно. Ужинали в 1-м часу ночи, уснул около 2-х. Все эти дни читаю с огромным удовольствием «Письма из Русского музея» В. Солоухина. Его разделал В. Кочетов в «Чего же ты хочешь?» А мне он нравится своей любовью к Руси, смелостью мысли, откровенной постановкой вопросов, попыткой связать отношение к русскому прошлому с современностью. В былые времена его бы назвали славянофилом. А кто знает, может, нам теперь как раз и не хватает этого откровенного славянофильства, я бы сказал точнее, – русофильства. Солоухин – чисто русский мужик, и за любовь к русскому (в чем бы оно не выражалось, даже в любви к иконам) его осуждать грешно. Конечно, он где-то «загибает», когда встает на скользкую дорожку поиска философских истин. Но и то достойно одобрения, что он не идет путем цитирования классиков и повторения азбучных истин […].

10 ноября. Опять потеплело. Казалось, что зима прочно и насовсем легла, но я не очень верил в это: рано еще. Сегодня потекло, затаяло, термометр зашел за 0°. Лев рано утром уехал в Каменку разбираться со строительством. Там завязываются тяжелые узлы и тугие: потребности растут, затянули крупные стройки (сахарный завод, мясокомбинат, реконструкция «Белинсксельмаша» да еще всякие дела по г. Белинску), а строить некому, нет серьезной базы и рабочих рук. Я занимался всякими текущими делами […]. Около 12.00 поехали с Ерзуновым В.И. на ВНИИПТХИММАШ. «Глобус» зашел в тупик. Посмотрели в цехе две готовые полусферы. Не ясен вопрос с их заполнением. Лев предложил материалы выложить травертином. Выложили – плохо, очень грязно. Металл – тоже неважно. Подъехали московские художники. Разговор с ними. Их настроения: не торопиться, понять, что

это – памятник, монумент и т.д. Сделать солидный проект, подписать договор. Я все отверг: есть готовая конструкция, «памятника» не будет, т.к. Земной шар еще цел. Договор подписывать не будем, надо исходить из того, что есть. Если есть желание и мысли, мы готовы принять помощь и оплатить ее, если нет – сделаем сами. 30 декабря «Глобус» будет крутиться […]. К 19.00 [поехал] в клуб имени Дзержинского на торжественное заседание, посвященное Дню работника милиции. Как ни отматывался, пришлось принять участие в закулисной выпивке. Уланов И.Д. восторженно воспринял присвоение ему звания комиссара милиции III ранга. Я обошелся минеральной водой […].

2 декабря. […]. Не думал, что Лев так далеко смотрит и имеет определенные убеждения. Уговорил его вчера дать ссылку [на Брежнева], т.к. внимательно следят [в ЦК за публикациями секретарей обкомов]. Вроде согласился, [а] утром услал [статью] без ссылки. В чем дело? «Это для истории, а в истории со ссылками всякое бывает»... Большая беседа в строящемся пивном баре «Бочка». Выдвинул идею (опираясь на опыт Минска) сделать ресторан, иначе заплюют и загадят. Что-нибудь рубля полтора второе [блюдо], а к нему – пиво, это отобьет хануриков […].

17 декабря. […]. Утром из Москвы звонил Е.В. Вучетич. Когда я был в Москве, он звонил мне и Ю. Баланенко. Вероятно, Вучетич что-то вспомнил в связи с этим звонком. Чтобы не тянуть разговора, а собственно, разговаривать давно не о чем, я сказал, что сегодня еду в Москву, и там позвоню. «Ты не звони, а заходи. А то мы лет десять уже ограничиваемся звонками» […].

1973 год

12 января. […]. У нас в характере поклонение божеству. Сколько история ни учила, все равно не можем без богов. И странно, желание быть богом понимают люди и [тем не менее] делают бога. Делают, думая о себе, и мало задумываясь, к чему это приведет. Последствия могут быть разными. Раздел постов не разделяет власти. Постов может быть много, а власть одна. Бывает сложность: один, властвуя, ограничивается указаниями, другой отвечает за их исполнение, не имея власти. Отсюда порой раздвоение, которое предпочтительнее, чем единство власти и ответственности.

19 января. Поднялись только около ст. Студенец. Снега у нас, действительно, больше, поля закрыты. Но не столько, сколько бывает в нормальные снежные зимы. Сугробы только в полосах. Морозец сильнее, чем в курских и московских краях. «Сура» пришла вовремя, встретил Павел [шофер]. Потом подвернулся Н.М. Почивалин, вместе доехали домой. Вера сразу хлопочет, ее отдых кончился, она в работе. Я же сварил кофе и решил ехать в областной архив. По пути забрел в букинистический магазин. Ничего особо интересного. Купил за рублёвку 3-й том какого-то мутного романа из великосветской жизни. Соблазнился только потому, что стоит штамп «из библиотеки А.М. Устинова. Грабовка», да еще на переплете его инициалы (сам переплетал). Какой-то «осколок» из некогда богатой усадьбы в Грабово. Вероятно, разлетелась библиотека в пух и прах.

Посмотрели «Земной шар». Получился хорошо, смотрится солидно, но что-то не крутится да и металлическая обшивка фундамента неудачна. Надо весной дотягивать, найти нейтральный тон. В архиве снова смотрел клировые ведомости […].

20 января. […]. Смотрел с огромным интересом книгу академика Б.А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники». Он, конечно, блестящий знаток русских древностей. Начав с археологии, вышел на широкий простор крупных исторических исследований. Помню его по Центральной комсомольской школе, где он читал курс истории СССР, и по Октябрьскому РК КПСС. Тогда он был директо-

ром Института археологии АН СССР. Я его привлек к ректорству в Университете для учителей. Делал он свое дело старательно, с большой любовью и добросовестностью. От него у меня книга с автографом и фото с открытия университета в актовом зале МГУ. […].

25 января. […]. Ездил на магазин «Цветы». Получается хорошо, особенно «зимний сад» на втором этаже. Решили, что дальше тянуть с открытием не имеет смысла. Договорились о кое-каких деталях, и определились 3 февраля открыть. Обидел Макарова. Но и он виноват, что тянет. Потом в аэропорт: ресторан будет богатым, есть хорошие задумки. На стройдвор к Ланскову. Киоски получаются не очень красивыми и, главное, не очень практичными. […].

26 января. […]. Около 13.00 ездил в картинную галерею. Виктор Пензин передает в дар около 600 листов графики 150 авторов. Среди них Фаворский, Мешков, Константинов и др. Договорились с Майоровой сделать это красиво! […].

27 января. […]. В 17.00 поехали на «Темп». Сегодня 1/8 финала кубка. Играет наш «Дизелист» с ЦСКА. Такой массы народа я никогда еще не видел на нашем «Темпе». Продано около 17 тыс. билетов! Все заборы облеплены безбилетниками. Одна компания забралась на сосну и привязала себя веревками, чтобы не свалиться в случае «болезни». Душа болела за болельщиков, однако обошлось благополучно. Кое-кого придавили, но жертв нет. ЦСКА, т.е. сборная СССР, – слаженно работающая машина. Что не игрок – мастер высокого класса. Выиграли 10:3. Нашим эти три ответные шайбы просто позволили забить. Игра интересная, хотя бесперспективная по результату. […].

28 января. […]. Около 11-ти пошел по городу. Его лицо – городской рынок. Если в местном пассаже еще держится порядок, то в молочном павильоне грязь, запустение, кошмар. И никому из руководителей города нет до этого никакого дела. Ходят, видят и... соглашаются. А может и не видят... Какие-то страшные цены. Как при «керенках»: живая гвоздичка, одна веточка – 1 рубль 50 коп., стакан лесных орехов – 50 коп., вилок свежей капусты – 3–4 рубля, 1 кг мандаринов – 6 руб. Кошмар какой-то, а мы молчим, не вмешиваемся, хотя идет откровенный грабеж. И люди, вероятно, клянут не спекулянтов, а нас, руководителей, которые редко чувствуют на своем бюджете удары рыночной стихии. Антисанитария ужасная. Чего стоит буфет, со столами, заплеванными рыбьими костями!

[…]. На стадион «Темп». Товарищеская игра с ЦСКА, 4:8. Беседа с К. Локтевым. Приятное впечатление, очень воспитанный парень. [Ему] Пенза и ее болель-

щики понравились. […]. В команде есть молодость, но не хватает спортивной злости, бойцовских качеств. […].

31 января. […]. Большая беседа с Виктором Пензиным. Он закончил когда-то наше художественное училище, потом Московский полиграфический институт. Судя по всему, из ребят пробивных и с головой на плечах. Нашел свой путь – начал рисовать в духе старинного русского лубка. Получилось, создал свое направление. Его признают, печатают, но зажимают старики. Мне нравится, что он верит в себя, знает, что будет рисовать дальше. Его схема: голова, мысли, потом творчество. Привлек его к решению двух конкретных задач: созданию графического альбома «Пенза», оформлению туристской базы «Чембар». Кажется, загорелся. Грозится сделать хорошо. Это дело его чести, чести его родины. Обедал с ним в «Петушке». Он в восторге. Хорошую надпись оставил. Смысл: горжусь, что я русский! […].

4 февраля. Утро встречал в кабинете за докладом. Интересна Пенза в утренние часы: улицы заметены снегом, слабый свет фонарей и лишь одинокие фигуры женщин с бидончиками, идущие за молоком […].

Лев изумлен указом об освобождении Д.С. Полянского с [поста] заместителя председателя Совмина СССР и назначении министром сельского хозяйства СССР. Что-то случилось, а что – неясно. Ясно одно, что его «задвинули». Мужик он хитрый, осторожный, опытный царедворец, но где-то промахнулся. Был в большом почете у Главного. Тот его звал не иначе как Митя. А теперь где-то оступился. Может, зуд реорганизации? А может, Кулаков, с которым он жил неважно? Я вспомнил, как он пошел в гору. Хрущев, Титов и он [встретились] в Крыму. [Возникла] идея передачи Крыма Украине. Титов (бывший первый секретарь Крымского обкома) [идею] с ходу отверг, а Полянский сказал, что это гениально. На другой день пленум, Титова прогнали, а Полянский стал первым обкома. Потом Оренбург, Краснодар, Совмин РСФСР и долго-долго Совмин СССР. Теперь пошел на закат. […].

18 февраля. […]. Читал «Житие протопопа Аввакума». Мысль о том, что свою роль в истории играет жертва. История больше всего запоминает людей, которые жертвуют собой в периоды, в которые народ жертвует. Надо как-нибудь разобраться в этой «жертвенной» стороне исторической проблемы. Сытые годы, годы самодовольства проходят в истории незамеченными, сливаются в скучный поток. Нет яркости подвига, жертвы!

28 февраля. Самый, пожалуй, теплый день в этом году. В 9.00 начал прием населения. Вестибюль обкома КПСС забит просителями. Всего принял 42 челове-

ка. Сидел до 2-х часов дня. Впечатление очень противоречивое. Много нужды, тяжелого горя, неудобств. Трудно себе представить, что так плохо живут люди, столько у них неприятностей от неустроенности с жильем, бытом. Жилье – проблема проблем. И чем дальше, тем она встает злее. Люди устают ждать, не могут и не хотят мириться, что одни живут нормально, а другие погибают от сырости, духоты, тесноты. Но есть заявители как результат роста благосостояния. Эти просят продать легковые машины, даже «Жигули». Есть развращенные демократией обыватели, особенно с завода «Химмаш». Пятеро обывателей, которые хотят взять жилплощадь за счет и в ущерб очередников. Им на всех наплевать. Устал. Страшно разболелась голова. Домой бы уйти, а еще много всяких дел. […].

2 марта. [Село Кондоль]. Беседа с Тимофеевым, зам. председателя райисполкома, и Черновым, начальником управления [сельского хозяйства района]. Томятся от безвластия, решить ничего не могут. У народного контроля и то больше прав. Посмотрели зал суда. Высокие кресла, портреты Ленина и Брежнева, не топят, холодно. Потом в райотдел милиции. Камеры полны мелкими хулиганами.

В 12.00 – пленум РК КПСС «Об итогах декабрьского пленума ЦК КПСС», доклад В.С. Полякова. Все правильно, но не очень остро. Все выступления по заранее написанной бумажке. Знакомая доярка с Ивановской фермы Ларина: «А мы вас ждали. Не повезло начальству!» (Смех). – «Как приятельница?» – «У нее язва, болеет». Поблагодарила за привет. А дело в том, что у той доярки я получил первый урок общения с людьми села зимой 1961–62 гг.: «Сколько надоила?» – «А ты спросил, с кем я спала? Кто согрел мокрый подол?!». Хороший урок. […].

3 марта. […]. В понедельник приедет зав. сектором ЦК КПСС В.И. Лоскутов, мужик нудный. Будет мотать по осуществлению указаний ЦК о расширении посевов зерновых. Нам надо [увеличить площади под ними] на 120–150 тыс. га, а Лев остановился на 40 тыс. га. Сам уедет, а нас оставит «бороться» с Лоскутовым. И еще гость – министр химического машиностроения К.И. Брехов. Едет, когда завод уже провалил план. Надо решать проблему снабжения металлом, а он намерен искать «внутренние резервы». […].

Ездил на хоккей. Играют просто плохо. Наши ребята не очень благодарны, не умеют нажать, когда просят. Вероятно, пора бросить ими заниматься. Надоело […].

5 марта. Первый весенний день, вернее, начало «весны света». Яркое солнце. В тени морозец, на солнечной стороне тепло, сосульки, капель. В 9.00 – планерка, провел быстро […]. Созвонился с Ульяновском. Лоскутов там, но собирается к нам. В 11.00 я выехал в сторону Кузнецка. Красиво сейчас и в лесу, и в поле, все залито

потоками весеннего яркого солнца. Немного побыл в РК КПСС и поехал к ульяновской границе. Но Лоскутов попался почти в городе. Опять – в РК КПСС, считаем. Вера в цифры, желаемое принимаем за действительное и серьезное. Замысел: произвести в СССР 198 млн. тонн [зерновых] (лучший результат был в 1970 году – 183 млн. тонн). Чтобы добиться такого урожая, надо иметь по стране [урожайность] 17 центнеров с гектара. Получить трудно, поэтому [требуют] расширять посевы зерновых, брать площадями. Путь понятный, но экстенсивный. Нет удобрений. А расширением посевов рубим под собой много сучков: предшественники озимых, кормовая база, севооборот и т.д. Не стал спорить. Пусть считает […].

6 марта. […]. В 16.00 с Селивановым П.Д. и Ерзуновым В.И. в драмтеатре. Рассмотрели предложения о переустройстве театра. Мутно все. Нарисовано много, а мыслей нет. Угрохали 400–500 тыс. руб., а через пять лет опять переделывать. У меня есть тайная мысль: сделать все под Большой театр, в классическом стиле, но едва ли решатся! Долго спорили, а решения нет. […].

7 марта. Напряженный день: ни минуты покоя. В 9.00 едва успел побеседовать с Ф.М. Куликовым и договориться о некоторых деталях дальнейших шагов по обмену партбилетов, как заявился В.И. Лоскутов с Семеновым и Сысовым. Опять простыни цифр, расчеты, данные. Сколько их ни крути, ни анализируй, остается противоречие: ЦК требует прибавить площади посевов зерновых, наша [позиция] – по возможности не прибавлять. Можно ворочать данные, спорить до хрипоты, но кончится все компромиссом. Я предпочитаю начинать не со споров, а с поиска оптимальных вариантов компромисса. Быстро договорились, пообещав, что будем продолжать поиск. […].

23 марта. Хоть с утра и морозец, но солнечно. Может, и разойдется весна. Хотя едва ли. «Резко затает – долго не растет». Народная истина! Немного занимался текущими делами. Потом взялся за довольно сложную, но нужную работу – определить главные объекты благоустройства на эту весну, с утверждением «комиссаров», уточнением деталей, сроков и ответственности. Работу прервал звонок Ф.Д. Кулакова из Москвы:

– Как зима?

– Плохо с кормами. Прошу помочь. Возим солому с Алтая.

– Георгиев звонил. В восторге. Говорил, что отстал Алтай от Пензы на десять лет. Приедет Евдокия Федоровна (!). Прошу принять.

Сказал, что не надо беспокоиться, все сделаем хорошо.

Рассмотрели в течение дня [вопросы]: строительства турбазы на Западной Поляне, дали ей имя «Ласточка»; благоустройства набережной реки Суры и Татарского моста; благоустройства Дома офицеров на Западной поляне; озеленения видовой площадки (кафе-мороженое); озеленения «тамбовской заставы» и улицы, выводящей из города; завершения памятника Павшим борцам, озеленения «Золотого петушка», благоустройства территории около аэропорта, приведения в порядок трассы аэропорт – обком КПСС; освещения (подсветки) «Герба», обелиска, «Глобуса», мозаичного панно на ул. Победы, Камня павшим; приведения в порядок всего проспекта Победы; реставрации резного дома на ул. Куйбышева, 45; приведения в порядок всех рынков города; сооружения на Пушкинском бульваре городских часов «Кукушка».

Ходили на строительство крытого рынка. Два магазина. А у нас, действительно, неплохо со снабжением: масло есть, мясо, колбаса, молочные продукты. Приняли решение закрыть овощной рынок в центре. Рассредоточим на ул. Рабочей и ул. Богданова. Вечером – с В. Дорошенко. Федор [Кулаков] звонил и Льву, и ему. Трогательная забота о своей жене, хотя не очень скромно […].

30 марта. […]. Позвонил сам [Кулаков].

– Как дела? Корма дали?

– Пока Совмин РСФСР не подтвердил.

– Вчера поздно было Политбюро, Генеральный подписал.

– Спасибо.

Доложил о заготовках. Все идет нормально. Спросил [Кулакова]:

– Вы не собираетесь к нам?

– А что, хочешь, чтобы я приехал?

– Нам было бы приятно.

– Только с одним условием: Льву ни слова. Сегодня выеду «Сурой».

– Как с программой? Что показать?

– Смотри сам. Не больше двух часов.

Сразу вызвал Ростов. Надо предупредить Льва, он еще в пути. Начал изучать маршруты, как его оттуда вытянуть. Договорился с Диковым (Аэрофлот) послать пензенский Ан-24 под видом перевозки грузов. В 15.00 позвонил из Ростова Лев. Настроение неважное, но быть в Пензе надо. Обрадовался, что нашли вариант с самолетом. Позвал горожан, дал задание чистить город. Поручил Власову встречу, программу. Смачный и Демин взялись за ГАИ и другие дела. Мудрим, что показать. Решили – фрагменты МТФ в Терновке, запасной вариант – совхоз «Подгорный». В 20.50 «молодые» [Михаил и Вика] выехали из Москвы, […].

31 марта. Беспокойное утро. Заехал в обком. Все, кажется, готово. На вокзал. «Сура» пришла точно по расписанию. Ф.Д. уже на подножке. Ребята преподносят цветы, что-то громко говорит девочка. Поцелуи. И сразу к машинам. […]. Скоро ехать на регистрацию. Позвонил И. Лазарев: просят приехать в особняк. Оказывается, Ф.Д. узнал, что у меня такой день [свадьба сына], и решил поздравить. […].

3 апреля. […]. Беседовал с корреспондентом газеты «Известия». Его интересуют проблемы «интересного» строительства в городе. В числе таких строек «Золотой петушок», «Дом рыбака», «Тамбовская застава», магазин «Кувака» и вообще кувакская вода. Его вопросы: где берутся на это деньги? Какими планами и мероприятиями предусматривается? Если нет инициатора, то почему тогда никто за это не отвечает? Вообще проблема довольно сложная. Моя точка зрения: что касается денег, то лучше не забираться [не писать об этом], т.к. после декабрьского пленума ЦК не модны такие стройки. Деньги находятся «обходными» путями. Что касается инициативы, то только она определяет, делать объект или не делать. Никакими законами это не предусмотрено. Наоборот, если следовать законам, то лучше не делать – меньше неприятностей, забот и хлопот. Субъективный фактор тут имеет огромное значение. В свою очередь, субъективный фактор опирается на уровень культуры, подготовки, образования руководителя.

Мое устремление: 1) сделать Пензу интересным городом, пробудить у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм. Но одними лозунгами сделать это сложно, нужна материальная основа. Надо иметь то, чем гордиться. 2) В ходе революции ни один народ не растерял традиций столько, сколько русский народ. Поэтому основная направленность «интересных» строек – это возрождение русского духа, национального достоинства русского человека. Отсюда все идет, этим питается. Поэтому я не занимался «Белым аистом», не влезу и в дела магазина «Азербайджан».

7 апреля. Сегодня Благовещенье, большой старинный праздник. По народным приметам, третья встреча весны. Весна наступила окончательно, зима повержена. Все теперь начнет бурно развиваться в сторону лета. На санях неделю не доездили, значит, «много морозов впереди». Нельзя торопиться с севом, особенно проса и гречихи да и кукурузы. […].

Зашел в мясной пассаж. Опять грязь, сброд опившихся, какие-то бродяги. Чуть забыли, и все пошло к исходному. Надо опять закрутить! Хоть город и чистят, но грязи много. Ее не выгребешь за одну неделю. […].

12 апреля. Всю ночь в одиночестве провел в обкоме КПСС. Лишь милиционер в коридоре у комнаты, где хранятся новые партийные билеты, иногда нарушал транзистором тишину в этом большом и пустом здании. Кофе поддерживало бодрость. К 7-ми утра закончил проект, сдал на машинку, ушел домой, но заснуть не смог – наглотался кофе. Пригласил В. Сидоренко. Поручил ему подумать по оформлению Дома быта. Может, в русском стиле? Был Арзамасцев, директор музея «Тарханы», все мучаются с домом [ключника?]. Страшная публика, эти работники культуры. Если берутся за практические дела, то добра не жди – запутают. И столько навяжут узлов, что не сразу распутаешь […].

20 апреля. […]. В 18.00 – заседание в театре. Нарисовал проект оформления зала. Настойчиво тяну всех на русский классицизм: хрустальная люстра, бархат, золото. Кажется, находятся сторонники. Надоел модерн. Из сарая надо делать театр […].

23 апреля. […]. Был в мастерской у скульптора Малова. Он несколько лет, по моей просьбе, работает над Лермонтовым. Недавно показывал второй вариант. Лучше, чем первый (там он был «балеруном»). Во втором – хорошее лицо, руки сложены на груди, [но] динамику путает пола шинели. Высказал сомнения. Сегодня – третий вариант: раздвинул шинель, оголил мышцы живота, торса, ног – лицо «исчезло». Лермонтову должно быть «холодно, неуютно в России, одиноко», а в этом варианте он распахнут, ему жарко.

Собрал по трассе на аэропорт. Опять ничего толкового художники не дали, одна болтовня. Пришлось крикнуть! Дал срок – суббота 28-го. Беседовал о поезде «Сура». Увлеклись чистотой (в сравнении с азиатскими поездами) и успокоились. Дал задание: форма, фартуки, пленки, путеводители, черный кофе. Вечером был Куликов: Илюшкин опять гудит [пьет]. Что делать? […]. Поздно [вечером] нашли (с помощью Веры) вариант часов «Кукушка»: домик на сквере между деревьями. Сказал Сидоренко.

24 апреля. […]. После обеда в Белинске – на турбазу «Чембар». Одобрил оформление въезда, общую планировку всего комплекса, нашли место видовой площадки. Утвердили эмблему турбазы [на основе] бывшего герба Чембара. Рассмотрели планировку общественного блока: у входа – портреты Лермонтова, Белинского, Чернышевского и Ключевского. [И для них здесь] «кругом родные все места!» Изображения на корпусах Лермонтова и Белинского, ограждения 13 дубов, где [Лермонтовым] написаны «Черкесы», другие детали. […].

13 мая. […]. Обед в Тамале, потом без остановок до границы Белинского района. Вася Безрогов, председатель колхоза из Свищевки. Целая история. 45 лет династия «правит» селом: дед – организатор первой коммуны, отец – первый председатель колхоза с 1930 по 1941 г., погиб, Вася – председатель с 1946 г. и по настоящее время. Смотрели ферму, в колхозе «Вперед» – поливные пастбища, в колхозе им. Ленина – два полевых стана […].

14 мая. […] Все эти дни думаю, что однобокость человека и полезна, и вредна. С одной стороны, позволяет достичь больших практических результатов, но, с другой стороны, иссушает душу и мысли окружающих, делает жизнь коллектива скучным бременем, ограниченным рамками практицизма.

[…] Ездил по городу. Смотрел бензоколонку на Лунинской горе, Потом сквер у «Золотого петушка». Определили место под загон для лося. […].

Идеологи, как лягушки, проснулись после 8-ми лет спячки и квакают на все голоса [о прославлении Л.И. Брежнева].

Неверие – страшный бич, опустошающий человека, сковывающий его энергию, инициативу, творческий поиск. Равнодушие чаще всего от неверия.

16 мая. […]. В Сердобск. После обеда [ездил] на Секретарку, Мещерское, за Хопер. Остановились в совхозе «Ясный» в с. Гулёновка. Людей нет совсем. На 150 га свеклы 7 свекловичниц. Кошмар! Куда мы идем? […]. Через с. Грязнуха на совхоз им. Кирова. Вспомнил страшный полет 1970 г. Встреча с Сашей, зав. клубом. Его жена была беременна, молоденькая девчонка. Встретились в магазине. Родила парня, уже большой. Подарил ему шоколадку. Приятная встреча! […]. Через Пустынь, мимо Поперечненской степи – на истоки Хопра. Сорокин и его бригада закончили работу, дом сделан отлично. Неожиданно хорошо получился домик мельника. Вообще место вырисовывается. Добавить скульптуру, и все встанет на место. Рождается еще одна интересная точка на крае области!

18 мая. […]. В 10.40 – на аэропорт встречать М.С. Соломенцева. Его Ту-134 прибыл в 11.10, как и обещали авиаторы. Встреча у трапа, цветы. Лев и Виктор целуются (вошло в моду у всех и вся). Вид [у Соломенцева] невыразительный: прилизанные, поредевшие волосы, узкий разрез (до подслеповатости) глаз, обмякшая фигура. Все производит впечатление удачного середнячка. Его первые слова: «Все товарищи и Леонид Ильич лично просили передать вам горячий привет. Я у него был вчера, сказал, что лечу в Пензу, он просил передать привет. Мы его только что проводили с аэродрома в Бонн, а я прямо оттуда – сюда». Что-то [говорил] в аэропорте... [Они] уехали на «Чайке», мы задержались. После обеда более часа отды-

хал дома. Стал очень уставать. Они где-то мотались по совхозам. Демин сидел на связи, я почти не участвую. Не очень интересно, да и думаю, что области этот визит ничего не даст. Восторги будут, а нам нужны деньги для развития. Закончили около 10 вечера программу. Я ушел домой.

Событие: 25-летняя женщина, имеющая мальчишку 1970 г. рождения, родила сегодня «тройню»: двух мальчишек и девчонку. Говорят, что не было [такого события в области] 15 лет. Говорил с врачом, передал прессе, горисполкому и управлению лесного хозяйства, где работает она и ее муж. Надо поддержать ее с жильем, проявить внимание.

20 июня. Лев в Камешкире. Я побыл в обкоме КПСС, а потом с Виноградовым, Смачным и Деминым поехали в Колышлей. Первая остановка у Ардымского совхоза. Кто-то нарисовал и сделал на дороге дурацкий круг, теперь все мучаются, а переделать некому. У родника «Ложка». Сама ложка хороша, но все же это наглядный пример кабинетных решений, неумения вникать в детали. Кругом все заплевано, ступенек спуска нет, ложе родника заросло бурьяном. Хорошо получается только тогда, когда десятки, сотни раз вникаешь в детали. Невнимание к мелочам убивает большую идею. Это организационный закон! На границе [района встретил] А.Ф. Ковлягин. Хлеба хорошие. Если не будет «захвата» [суховея], хлеба можно собрать выше рекордного 1969 года! […].

21 июня. […]. С 17.00 – прием посетителей. Заранее дата не была объявлена, поэтому, к удивлению, народа не так много: что-то около 16-ти человек, и все с великой нуждой. Главный вопрос – жилье. Сколько нужды, горя, неудобств! Особенно жалко девчонку, у которой 7 месяцев беременности. Жили на частной квартире, муж ушел в армию, хозяйка попросила с квартиры. Теперь она скитается по знакомым и вокзалам, а через два месяца рожать. Куда потом идти с ребенком? Надо решать. Обещал ей. Хотела оставить букет цветов, пришлось ей вернуть. Неудобно, это уже «взятка». Сама – сирота из с. Кириллово Земетчинского района […].

24 июня. […]. Думал о том, что любой строй приходит и сметает (часто жестоко) предшествующий, укрепляется на его костях. Недавно мне достали фотографию дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге (Свердловск), в котором в ночь на 17 июля 1918 г. были расстреляны Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и их прислуга. Царь – понятно, а дети причем? Жестокость, но может, она оправдана обстоятельствами времени? О таких вещах легко судить издалека. Это просто для раздумий о смене управле-

ний. Кажется, ни одно не пришло так, чтобы оставить все старое. Приходится отметать.

25 июня. Вчера вечером по телевидению [показывали] официальные проводы из Сакраменто, штат Калифорния. Довольно своеобразный обычай и интересные детали. Никсон [выступал] без бумажки, Брежнев – без бумажки. Довольно складно, хотя некоторые слова поддавались трудно […]. Жестов много, подвижен, показывает пальцем, берет Никсона за руку. Энергичный. Часто [говорит] «я и мои коллеги», «я, я, я...». Потом удалились на посошок, кажется, на старые дрожжи. Никсон за рулем какой-то «таратайки». Разговор с космонавтами […], объятия, прыжки, поцелуи с каким-то артистом (типичный битл [Шварцнегер]), который удивлен, растерян, а потом поднял [Брежнева]... Своеобразно […]. Около 11-ти вечера [Брежнев] выступил по телевидению. Текст обычный. Попытался сделать вид, что не читает, а глаза уходят все время влево и неотрывно. Мало живет материалом, который излагает.

[…]. Думал о двух вещах: 1) настолько велик и могуч русский язык, что все может пережить, оставаясь великим при любых обстоятельствах. Как часто в прошлом ему не везло! 2) Важны не только документы [подписанные Брежневым]. Нужны умение, такт величественно представить великий народ. Такое не забывается! Невольно вспоминается И.В. Сталин.

26 июня. Позвонил Лев. Едет министр бытового обслуживания РСФСР Н.А. Гандурин. Надо встречать. Лев удирает в Лопуховку работать над докладом. В обкоме КПСС [меня] уже ждут «прихлебатели от футбола». Дали справку: затраты в год [на футбольную команду] 110–120 тыс. руб., «отрабатывали» 5–7 тыс. руб., остальное – с заводов. Ходит 150–300 человек [болельщиков]. Ради чего столько тратить денег? Надо, видимо, закрывать это дело! На вокзале. Встретили Н.А. Гандурина с Дорошенко. Завтрак в особняке. Гандурин поехал на Колышлей, а я в обком КПСС […]. Начался дождь хороший, спорый. Под самый налив [зерновых культур]. Мой прогноз – 18,9 [центнеров с гектара] может оправдаться. […].

27 июня. […]. Поступила «Советская Россия», целая страница которой посвящена сельской торговле в области и называется «Торговый центр пензенского села». Дано здорово, броско, с хорошими выкладками. Начинают захваливать. Пора искать средство спасения от зазнайства, застоя. Надо идти вперед, намечать новые рубежи, искать свежие идеи и мысли. Главное – культура торговли. Может, к решению бюро ОК КПСС вернуться? Беседа с руководителями бытовых служб. Есть очень интересные мысли. Народ знающий, думающий. Вечером нашел идею:

заставить их написать рефераты «Какой я вижу свою отрасль в 1980 году», «Что сделаю к 1975 году», «Чем мне надо помочь (технология, организация, база, кадры)» […].

4 июля. Все время перепадают дожди грозового характера: идут местами, но выдают обильные потоки воды. Утром поехал на Тамалу. Люблю длинный путь и одиночество в дороге. Не надо говорить, лишь смотришь вокруг и связываешься мысленно с далеким прошлым. Остановился у с. Лермонтово. Тернопольчане сделали остановку. Опять схамили, назвав [кафе?] «Дружба». Заехал в усадьбу, сфотографировал. Молча походил по парку, постоял у дуба, посмотрел церковь Марии Египетской. Жива природа, но от Михаила Лермонтова почти ничего не осталось, даже дерева, кроме дуба. Склеп только. Его реставрируют костромские художники. Говорят, что роспись, которую мы принимали за прилермонтовскую, на самом деле – XX века, от старой остались небольшие фрагменты. Возникла мысль: надо делать в склепе вентиляцию, иначе росписи не выдержат. Из Лермонтова – на Белинский. Остановился у Черной горы, на которой сломал ключицу Николай I. Хороший вид на город […].

14 июля. Спал хорошо, но вчерашнее купание в Белом озере не прошло даром – насморк, першит в горле. Около 9.00 пошел на овощной рынок, открывшийся сегодня во дворе гостиницы «Сура» на ул. Чехова. Вообще-то рынок состоялся. И места достаточно, и все, что требуется, есть. Народ доволен. Конечно, не сравнить с «душегубкой», которую устроили в молочном павильоне. Но Лейкина и других отругал: не обращают внимания на детали, много мусора, не оборудовали медицинскую службу, плохо выполняет свою роль милиция. Дал день срока, завтра снова надо все проверить. Вывод один: чтобы правильно решать вопросы развития города, надо постоянно бывать там, где город соприкасается своими службами с интересами людей. Как можно лучше служить людям. К сожалению, этого не понимают руководители города. А нам перекрыть их [пассивность] сложно. Наверное, есть еще десяток заведений (бани, прачечные, кладбище и т.п.), которые плохо служат, а мы не вмешиваемся. На обратной дороге, когда шел в обком КПСС, какая-то женщина вслух выражала свое удовольствие рынком. Циер Яков позвал [ее]. Желала [нам] сто лет здоровья! […].

17 июля. […]. Заехал в обком партии, подписал накопившиеся бумаги, Акимов доложил, что приехал К. Брехов, министр, Алексеев забил вопрос о комиссии в Ульяновск для подведения итогов. Надо «вытаскивать». Немного поработал творчески. В деталях рассмотрели со Смачным «пусковой этап» на истоках Хопра.

«Старику» [предложено сделать] сиденье из дикого камня. [Предусмотреть] площадку для отдыха туристов. В [неразб.] обозначение места. Поручил продумать маршрут: истоки Хопра – Попереченская степь – Белокаменский парк. В Попереченской степи [построить] видовую площадку, дорожки и на одном из курганов создать скульптуру скачущего на лошади в старых русских доспехах всадника. Или, скорее, останавливающегося на минутку и осматривающего окрестности! С Жуковым и Барышниковым [думали] над проектом часов «Кукушка». Жуков нашел вариант башни, стены которой будут сделаны из литой решетки, а на решетке – зверье. Поручил Добелю из «Молодого ленинца» доработать легенду о Хопре.

Зашел в архив ЗАГС, «встретился» с далекими предками, сфотографировал подписи Александра Владыкина и Ефима Громова, прадедов по линии матери. «Был» на их похоронах. Сфотографировал подписи отца, страничку, на которой обозначено мое рождение. Запись [сделана] рукой отца. [Это] единственное, что от него осталось. Подпись секретаря сельсовета и заявителя о рождении. Отец был человеком с фантазией: назвал в [крестьянской] Коповке – Георгом (!).

18 июля. […]. В 10.00 собрали актив города по семинару на субботу 21-го, договорились о всех деталях, проверили маршруты, поставили ответственных. Рассмотрел проект оформления трактира «Сторожа» у Мокшана. Отмели колебания по названию; историки [предлагали]: «Русский вал» или «Русская крепость». Уточнили детали отделки, мебель. В 12.00 собирал по подвесному мосту через Суру. Начали тянуть, а время идет. Поторопил. В 13.00 беседовал с директором фабрики «Маяк революции», а утром был у меня зам. председателя облисполкома из Саратова, подарил мне набор сувенирных блокнотов. У нас своя бумажная фабрика, а ни черта не делают. Вручил [на фабрике] эти [подаренные] блокноты и дал 2 месяца срока [начать выпуск подобных].

В 14.00 с П.Д. Селивановым сходили в ГК КПСС. Смотрели проект здания Дворца пионеров. Замысел интересен, но смущает дробность. Мудрость же в простоте. Дворец [должен быть] комплексом, у которого ничего нельзя отнять и нет желания добавить. Завершенность! А здесь правая часть «кубиков» кажется лишней, а левая – недостроенной. [Все это] «съедает» фасад. Договорились еще раз рассмотреть. В художественном училище им. Савицкого [посетил] интересную выставку дипломных проектов. Есть просто очень интересные вещи. Жалко, что потом куда-то пропадают эти ребята. [С выставки] – в партком велозавода. Петраш и Малышев. Проект переустройства рабочего рынка. Внесли поправки, договорились делать! Заехал на городской рынок. Пока не доделано. Много черноусых спекулянтов, хамят и грабят. Размотал милицию и ОБХСС: надо прогнать [спекулянтов]! […].

20 июля. Заехал в обком КПСС. Всю ночь шел дождь. Только вчера разогнали уполномоченных настроить дело, опять оборвалось. К приходу «Суры» – на вокзал. Дождь опять идет. Зашел в пункт технического осмотра вагонов. Грязь потрясающая, народ – варвар, едет и все бросает на стол и на пол. Свинарник! Встретили С.В. Козлова, 2-го секретаря ЦК Азербайджана. Сразу на Колышлей. В «Чайке» еще Ковлягин и Власов. Власов говорит непрерывно и только приятные вещи в лицо, ничего и никого не стесняясь. Стол с сухим вином в березовой роще. Громоздко, пышно, а зря. Разговор о селедке с женщинами из Жуковки, которые собирали грибы. Скоро будет, как икра, дефицитна. А у нас и кабачковой нет. Плохо Русь живет, хуже всех остальных [республик]. Вечно жертвует собой ради других. В Колышлее – в райком, цветы Козлову.

Поехали в село Трескино, в убогий дом его родителей. Привязаны к земле и родине. Оторвать трудно и жить так невозможно. Разговор за столом об истории села. Оказывается, оно дало и похоронило у своей церкви двух российских министров – Акимова и Дурново. Здесь их поместья. Остались только парки. Отец Козлова помнит, что одного хоронили поздней осенью, а второго ранней весной. Привозили из Петербурга. Урядники, стражники, [давали] бублики на помин. Лошади, одетые в черное. Ходили слухи, что Дурново застрелился. Якобы говорил с наследником Алексеем Николаевичем: «Сопляк ты еще лезть в государственные дела». Тот пожаловался отцу. Отец [царевичу Алексею]: «Иди и сними [с него] погоны». Мальчишка снял, Дурново покончил с собой. От церкви и их склепов ничего не осталось. После обеда [пошли] на место, где был [барский] дом, потом на речку, где купался Сергей. Понимаю его состояние. Заехали в лесок под Колышлеем. Опять обильный обед с ухой и шашлыками. Завезли Сергея в Трескино, меня проводили до рощи. Оставил Власова продолжать, а сам уехал в Пензу. Многовато даже сухого вина для одного дня.

21 июля. Опять шел дождик. Справка о министрах из [мемуаров] Витте [цитирует биографические справки о М.Г. Акимове, П.Н. и И.Н. Дурново]. Кто их них [похоронен в Трескино]? Дурново П.Н. женат на сестре Акимова [значит, он?].

Зашел на базар. ОБХСС действует. Разогнали всех перекупщиков. Но народу много и базар богатый: масса овощей, яблок. Идет обычная базарная давка. А если бы не нашли такого решения, трудно сказать, что творилось бы. На Дом быта. Кажется, нашли стоящий вариант. Под стеклопрофилит запихали оцинкованное железо. Смотрится отлично. Но насколько это долговечно? […].

8 августа. Поднялся около 6-ти утра. Неприятный прогноз, который мне вчера доложил Коровинский, насторожил. Его смысл: антициклон, стоящий над Харьковым, начал смещаться в нашу сторону. На смену ему идет циклон с холодной погодой и затяжными дождями. Осталось 2–3 жарких, безоблачных дня, дальше – дождь. Надо сориентировать райкомы КПСС и помочь им правильно выработать тактику, вырвать с пользой для дела оставшиеся дни. Переговорил почти со всеми первыми секретарями РК КПСС. Смысл разговора: сообщение о прогнозе, определить правильно тактику, лозунг о круглосуточной работе сделать явью, бросить максимум комбайнов на ячмень, подобрать валки, не увлекаться свалом пшеницы, убрать семена под крышу. […].

11 августа. Прогноз, кажется, оправдывается. Около 5-ти утра уже кропил мелкий дождь, но потом стало светло, жарко и даже душно. В 9.00 Лев уже в обкоме. Говорит, что не спал всю ночь. Ф.Д. Кулаков начал пристрелку по хлебу (рано начали!): Политбюро решило заготовить 82 млн. тонн хлеба (в прошлом году 61 млн.). Разделили обкомы на три категории. Хорошо, «спасибо» скажут! [Кто будет] тянуть [со сдачей хлеба] – позовут на секретариат, злостных – в Политбюро. Кажется, Льва упрекал, что тот тянет и не обойдется без Политбюро. Посему [Ермин] не спал всю ночь. Я сказал, что надо сейчас дать максимум жару. Бороться [с ЦК] – все равно, что красным флагом дразнить быка. Да и хлеб есть. Мое предложение – [сдать] 1.500 млн. тонн, солидно, и весомо.

Противоречия продолжаются: пришло распоряжение СМ РСФСР на основе распоряжения СМ СССР до 15 августа отправить тысячу комбайнеров в Казахстан. Мы убрали 30% [площадей], идет отличный хлеб, получили 500 комбайнеров из Ростова и Ставрополья, а [теперь] должны остановить 1000 [своих] комбайнов. Глупость! Но самое страшное – подписывают [такие распоряжения], даже не спросив область. Немного занимался овощами. Послал Демина и Яковлеву по овощным базам. Сегодня субботник – будет навал овощей.

Около 12.00 уехал по городу. Сквер Лермонтова, памятник Борцам революции почти дотянули. Хорошо сделали бюст Лермонтова. Обошлись без архитектора, и получилось отлично. Разговор с пенсионерами. Говорят, что большого Лермонтова надо ставить. Сказал им, что работаем, но на этом месте будет стоять этот. Большому подберем другое место. А ставить большой памятник надо! Все дело за скульптором Маловым и нашей решимостью. Посмотрел альпинарий за магазином цветов. Получился. Зарос травой и смотрится неплохо. Когда появятся деревца и цветы, совсем будет хорошо. Еще уголок у грязи вырвали. […].

22 августа. Вчера вечером, кажется, окончательно решился на сооружение «бетонной землянки» на месте селиксенских лагерей. Они были хорошо известны в годы войны. Здесь формировались армии и дивизии новобранцев, проходили переподготовку фронтовики. Кормили плохо, [поэтому] рвались [на фронт]. [Лагеря] дали фронту не один миллион солдат. Здесь бывал К.Е. Ворошилов. Моя предварительная мысль: соорудить символическую землянку из бетона, зажечь огонек, дать печурку. Может, [организовать звуковое сопровождение?] «Вставай, страна огромная...». Фигура матери, провожающей сына на фронт. Все это где-то около с. Чемодановки. Позвонил Р. Попрядухину. Он, кажется, понял идею. В Селиксе [говорят] «жрали вши, а солдатам жрать не давали».

[…]. После обеда – к «Золотому петушку». Надо что-то искать новое. Потом [проехал] по объездной к выезду на Кузнецк, искал место для «землянки». Нашел хорошее поле. Остановил велосипедиста, он родился в 1933 г. в Чемодановке. Говорит, что здесь был полигон, а лагеря с землянками – на правой стороне. Поехал дальше. Потрясающее место: справа, сразу за дачами Заречного, перед Чемодановкой увидел пустое поле со следами окопов, траншей, ячеек (учились окапываться) и котлованами землянок. Земля хранит следы войны. Блеск! В городе заехал на подвесной мост и «Бочку». Надо торопить. Беседа с И.Д. Улановым […]. Опять два раза лил в Пензе дождь.

23 августа. […]. Приехал из Москвы инженер-энергетик Г.В. Еремин, увлеченный пензенской историей. Интересный человек, уроженец Пачелмы. Загорелся. Принес мне описание крепости и валов Пензы за 1721 г., мою родословную по линии отца. Оказывается, моим далеким предком, поселившимся первым в с. Котел, был Герасим Мясников – солдатской службы по Верхнеломовской засечной черте. У него дети Степан (р. в 1649 г.), Леонтий (р. в 1656 г.) и Петр (р. в 1671 г.). От них и пошли все нынешние Мясниковы в Котле […].

2 сентября. Оказался пророком. Когда приехал в Лопатино, сказал, что на четыре дня обеспечу хорошую погоду, дальше – не знаю. Посмеялись, а нынче утром – дождь, предсказание сбылось! […]. Напомнил об идее стражника на лошади в Попереченской степи […]. Дома сложился окончательно замысел: поставить на кургане в Попереченской степи фигуру всадника на коне, передающего облик «русского сторожа», а может, табун лошадей, пасущихся в степи. Фигуру не отливать, а может, сделать сварную из металла. Можно сделать так, как сделан сувенир «Тройка». Придется поручить художнику, который любит изображать лошадей. Это тоже задел на будущий год. Надо искать. Вообще пора думать о заделах. В запасе

пока «солдатская землянка», оформление Поперечeнской степи, «Хрустальный родник» на Вителевке и поручение группе товарищей подумать, срок – сентябрь. Может, что-либо и предложат? Важно накопить мысли и сделать разработки […].

3 сентября. В 9.00 – планерка. Главный разговор опять, естественно, об уборке хлеба. Положение остается крайне напряженным, если не сказать точнее: идем к катастрофе. Еще хлеба сдавать 600–700 тыс. тонн, а уже начали уборку сахарной свеклы, картофеля. Морозы угрожают одной ночью «убрать» всю кукурузу, мы же скосили только 30%. Где причины такого положения? Неблагоприятная погода – дожди затянулись, затем, как ни странно, большой урожай, отсутствие достаточного количества техники, особенно автомобилей, недостаток которых стал форменной петлей на шее сельского хозяйства. Не умея и не имея возможностей решить эти три откровенно материальные задачи, мы, как всегда, переводим вопрос в область «духовную», субъективную, объясняя многое «неорганизованностью», «слабым вниманием партийных органов» и т.п. […].

4 сентября. […]. Побывал у Насти в «Луче». Сердечная, добрая крестьянка. Встречает как родного, хотя ни мне от нее, ни ей от меня, собственно, ничего не надо. Землячка по Коповке, крестница моей матери. Разговор добрый и сердечный со свекловичницами в поле за «Лучом». Отличный у нас народ. Работают, с достоинством несут свой труд по земле, сея и убирая, кормя миллионную армию и деловых людей, и бездельников, которых развелось тоже порядочно. Довольствуются малым, радуются пустякам, доброму слову, рукопожатию, теплому взгляду. Обещал дать им 20 срубов и 15 кв. м половой рейки на жилье. Вчера видел издалека коповскую церковь, сегодня [церковь] с. Троицкого, а потом и Колесовки. «Кругом родные все места!» […].

12 сентября. […]. Радио передало, что в Чили переворот, власть взяли военные. Этого следовало ожидать, все шло к этому. Не сумели сохранить то, что имели. Альенде много колебался. Если сам не стреляешь, стреляют в тебя. Таков закон борьбы. Наши прозевали, забыли с похмелья дружбы об истинном лице империализма. Еще раз не подтвердился тезис XXI съезда КПСС о возможности мирного перехода [к социализму]. Оказывается, штык сильнее идеи и желания народа. Накрылись наши капвложения. Вообще, дело неприличное. Будет «информация» [ЦК].

15 сентября. Опять всю ночь шел дождь. Только часам к 11-ти выглянуло солнце, но не надолго. После того, что я видел в М. Сердобе, становится уже просто не по себе. Упрямо и уверенно мы лезем к большой катастрофе: получив хо-

роший урожай, можем оставить хлеб на полях, потерять свеклу, не убрать картофель, поморозить кукурузу и не вспахать зябь. О сдаче хлеба нет вопроса – план уже выполнен, о кормах тоже нет особого беспокойства – корма заложены в виде сенажа, сена, да и годовая норма силоса есть. Правда, кое-кто может остаться без соломы. Обидно другое: получив продукцию, потерять ее. […]. В этом году есть хлеб, но взять его трудно, т.к. не хватает техники, транспорта и элеваторных емкостей, чтобы разместить заготовленный хлеб. Машины в погожие дни по 6–8 часов стояли на приемных пунктах вместо того, чтобы возить хлеб. Когда в 1969 г. нас прихватило, правда, чуть полегче, начали строить элеваторы (успели в Башмаково, Н. Ломове, Каменке, Тамале, Кузнецке, Колышлее), но сейчас (два года не было хлеба) все обрезали, перестали финансировать. Этот год научит, опять бросятся строить. Но дорого обходятся уроки подобного рода. По тому, что я знаю, в этом году можно было бы заготовить на полтора года хлеба, а мы, скорее всего, не заготовим. Золото, которое отдали за границу, бросить бы на свои нужды, развить хлебоприемную промышленность, транспорт, сделав великое, умное, полезное народу дело. Не дают.

[…]. Сообщение из Москвы: Новороссийску и Керчи присвоены звания городов-героев, ни с того, ни с сего! Уже показывают фронтовые фотографии Л.И. [Брежнева]. Понятно было бы такое решение по Смоленску, Туле (она не сдалась), а по этим понять трудно. Вероятно, результат крымских «раздумий» и желания поехать в Новороссийск вручить, вспомнить и напомнить молодость.

16 сентября. Как говорят пензенцы, «обратно дождь идет». Такие потоки и столько их, что не разберешься. Начинает казаться, что вообще в нашей полосе не бывает дней без дождя, а ливень с неба – обычное, нормальное состояние. До того хреново от дождя на душе, что два раза вставал и два раза опять ложился, а когда все-таки поднялся, на работу не пошел […]. Зоя принесла центральные газеты. Теперь стало ясно вчерашнее сообщение: Новороссийск награжден «за выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость» и «в ознаменование 30-летия разгрома фашистских войск при защите Северного Кавказа», а Керчь – то же самое, но «30-летия разгрома фашистских войск при освобождении Крыма». Что касается Новороссийска, то на 3-й стр. дается объяснение (конечно, со ссылкой на пребывание там начальника политотдела 18-ой армии), а о Керчи даже и не объясняют. Вероятно, ищут. Становится ясным: Новороссийск связан с политическим отделом и новой волной, Керчь объясняется тем, что кто-то доложил в момент «раздумий крымских» и об этом городе. Обе телеграммы подписаны из Крыма. А вообще-то не очень все вяжется. С таким же успехом, даже большим ос-

нованием, можно дать звание городов-героев Курску, Орлу, Белгороду и т.д. Да и география не учитывается: теперь на одном Черном море четыре города-героя […].

25 сентября. Погода явно улучшилась. Договорились, что все разъедутся по районам давать новый толчок уборке. Еду через Колышлей на М. Сердобу. Светлое небо, ясные дали. Лес золотистой каймой обвязал горизонт. Шумит кукуруза – жертва ночного мороза. […]. «Литгазету» не читал, хотя, кажется, о нем пишет Н. Почивалин. В.И. Абрамов встретил на границе. Сразу поехали в Липовку. Школьники на свекле, шалашей нет, холод резкий, греются у костра соломы. Побывал у комбайнов. Молотят просо. Страшно холодно. На току хлеб есть, но нет о нем большой тревоги в Малой Сердобе. Обед с солеными грибами. Едем в сторону саратовской грани. Комбайны в колхозе им. Ворошилова. Пьяный учетчик Данилич в кабине машины. Он развозит и угощает «Вермутом» комбайнеров. Их двенадцать. С каждым прикладывается: им тепло и хорошо, а он явно захмелел. С полей колхоза имени Ворошилова на саратовские земли. […].

26 сентября. […]. Приехал домой, немного отдохнул, потом в обком КПСС. Совещание по проводам (новая форма, которой увлекся Лев). Полтора часа выступал он. Текст подготовили неплохо. Потом вопросы районов. Все о запчастях, плугах и колесах. После радиосовещания – проводы П.Д. Селиванова в столовой обкома КПСС. Мой тост – чувство гордости, что [он выдвинут] на такой пост, и чувство грусти, что ушел хороший товарищ, с которым так долго работали вместе. Пожелал успешно войти «в московский чиновничий климат». В общем, Павла проводили. Это и правильно, он думает создать семью, а в Пензе это сложно. Коллектив начал редеть! Мы долго гордились, что работаем одним составом десяток лет.

30 сентября. […]. У Льва – о сдаче подсолнечника, пахоте зяби. Остались вдвоем. Всякие разговоры о моем отпуске. Я сказал, что лучше было бы переехать на новую квартиру, а потом отдыхать. Он согласился. Договорились о 15 октября. О секретаре по идеологии. Он начал издалека: «Ты занимался здравоохранением. Может, всю идеологию [возьмешь]?» Я сказал, что думал над этой проблемой. Можно! Но надо вводить [в штат] секретаря обкома КПСС и по строительству. Это сделано в Курске. Что касается меня и идеологии, то я занимался ей еще в Москве, в РК КПСС. Надо думать, советоваться с ЦК КПСС […].

2 октября. […]. После обеда родилась идея: давно не вводим в срок новых объектов спорта. Статья в журнале – о прежних заслугах. Решил срочно взяться за зал тяжелой атлетики и бокса. Построим на базе рамного коровника. Вызвал А.И. Фомина. Помог ему квартирой, дал задание. Позвонил [мне], что смотрел в псих-

больнице мастерскую, и уже загорелся […]. Затем у меня были архитекторы. Найден первый вариант «землянки» на месте Селиксенских лагерей: стволы трех автоматов. Меня проект подкупил. […].

5 октября. Утро началось с бюро обкома КПСС. Лев внес предложение пойти в продаже хлеба государству на отметку 1.500 тыс. тонн. Такое количество хлеба посильно области, его можно сдать. Дорошенко не очень думая, выступил против, ссылаясь, что его [хлеб] «трудно принять и разместить». Это, конечно, не аргумент. Я выступил: если можно по расчетам, надо делать. Это даст области политический выигрыш. Мы объявим, что муки были не напрасны, колхозы и совхозы выиграют экономически. Только если решаться, то надо делать громко, набирая серьезный капитал. Все остальные поддержали. Лев – «за», но против «политики». Может, в душе боится, что не вытащим этой цифры. […].

7 октября. День воскресный. Прохладный, но солнечный. Решил на работу не ходить впервые за многие месяцы. Поехали с Верой на дачу. Участок стал прозрачным. Голой стоит береза, облетел виноград, оплетающий беседку, осыпались листья на яблонях. Земля лежит серым пластом после лопаты. Даже заросли малины после прочистки стали совсем прозрачными. Да и цвета изменились. На смену жизнерадостному зеленому пришел желтый цвет увядания и покоя. Осмотрел все, сделал несколько кадров. Принялись за работу. Вера окапывала клубнику, я с лопатой в руках трудился над подъемом зяби. Славное дело – физический труд, но без привычки сложно. И жарко стало, и не хватает дыхания, и бесконечная тяга к перекурам и отдыхам. Большое зло – редкая физическая нагрузка. Дрябнет тело, слабеют мышцы, утомляется быстро сердце. […].

8 октября. […]. В 10.00 – совещание актива районов и руководителей областных организаций по текущим делам в сельском хозяйстве. Поражает старая схема – выслушивать объяснения. Выпустили двух хороших и трех плохих. Все смешалось. Хорошие стали плохими, плохие все объяснили – стали ничего. Любое совещание требует своих схем и построений. Следование шаблону пагубно. Лев опять говорил два часа все и обо всем. Область собрала рекордный урожай хлеба 22,6 ц/га, вал – 3.526 тыс. тонн, сдала 1420 тыс. тонн. Всё это и рекорд и подвиг. [Но] не нашлось теплых слов, чтобы сказать об этом, вдохновить на новый подвиг, ободрить уставших людей, зажечь новой энергией. Поэтому решение идти на 1.600 тыс. тонн, или 100 млн. пудов, выглядело будничным, скучным. Это не продолжение подвига, а тяжелая дополнительная обуза. Здесь и моральный, и политический

проигрыш. Много опять всяких мелочей и повторение старых требований, советов. Скучно […].

9 октября. Погода все держится в своем осеннем великолепии: ночью морозцы, а днем солнце, тепло и сухо. Весь день сегодня кабинетный. Никуда не выезжал. Но день заполнен разной смесью. Утром был Щербаков из Мокшана, сообщил, что работники ГАИ избили комбайнера совхоза «Елизаветинский». Поручил прокуратуре [расследовать]. Картина мерзкая. Если подтвердятся детали, посадим и будем судить самым беспощадным образом. Днем узнал об изнасиловании 9-летней школьницы садистом в лесопосадке недалеко от школы. Поручил найти! Пока нет зацепок. Симкину и Поповой [поручил позаботиться] о матери, родившей 3-х детей. Дали квартиру и... забыли. А ребята болеют, отец их в больнице. […].

10 октября. […]. В 16.00 ездил в спортзал «Юность». Беседовал с баскетбольной командой. Давно с ними не встречался. Отличный народ: скромные, старательные. Все или имеют высшее образование, или заочно учатся в вузах. Поговорили о делах команды. Швам Е.С. представил много новых, молодых. Рассказал о делах области, вручил премию, посмотрел тренировку. Договорились биться за 3-е место в России. Беседа с хоккеистами, тоже молодой народ, не осталось хапуг. Договорились биться за 1-е место и выходить в следующую группу. Был А.И. Фомин. Загорелись идеей построить Дворец тяжелой атлетики, дать простор боксу, борьбе и штанге. Хотели на 12-м[етровых] полурамах от коровников. Долго мороковали, пришли к выводу отказаться от полурам, перейти на 18-м[етровые] фермы и сделать на колоннах. Размер будет 72 х 18 = 1296 кв. м. Есть где развернуться!

11 октября. […]. Все, что я знаю о строении общества, философии, других общественных науках, получил в Московской комсомольской школе за 6 месяцев. [Первоначально запомнились] новизна восприятия, открытие, свежая и острая память, жажда заполнить ее […]. Потом все было (и ЦКШ, и ВПШ, и курсы) только повторением и дополнением уже известного. […].

17 октября. Погода неустойчивая. Н.Н. Романов решил [прибыть] сегодня самолетом или поездом […]. Хочется с ним встретиться. Он оставил у меня самые добрые чувства по отдыху в Паланге: скромный, серьезный. Человек хорошей комсомольской школы военных лет. Сидел весь день в обкоме КПСС. Принял Л. Простову по вчерашней критике на партсобрании (не согласна, плачет). Я сказал, что так на критику реагировать нельзя, тогда гибнет критика. Кажется, договорились. Был на «Бочке». С великим муками, но все идет к концу. Через день-два можно от-

крывать. Уже теперь ясно, что город приобретает еще одну интересную точку. Ее обязательно введут в туристские маршруты, в объекты показа начальству.

В 18.00 встретили Н.Н. Романова. Не изменился: приятный вид, хорошая свежесть, хотя уже 60 лет. Заехали в особняк. Я предложил уже вечером посмотреть город: стадион «Темп», Дворец водного спорта, межкурсовую профсоюзную базу, ресторан «Бочка», профилакторий «Химмаша» в Арбеково. Ужинали в «Золотом петушке». Диета диетой, а рубанули и щи с гречневой кашей, и мясо на таганчике. В особняке ужин не состоялся, просто немного поболтали, вспомнили стариков.

18 октября. Немного в обкоме КПСС. С Романовым занимаются Глушенков, Ерзунов и Алексеев. К «Суре» на вокзал. Сегодня большой приезд: Лев, бригада ЦК, тернопольская делегация. Попался на площади Шавра, директор «Химмаша». [Его] поведение непонятно: секретари ВЦСПС и обкома КПСС на заводе, а он не появляется. Не понимаю и не забуду! Плохой профилакторий, нет любви и вкуса. Надо [директору] поехать в Курск и посмотреть. Встретили Льва и бригаду. Первый вопрос: была ли телеграмма Л.И. Брежнева? Я не знаю. Проводили и разместили бригаду в гостинице «Пенза». Садыков капризен. Сам чемодан не несет...

В обкоме КПСС. Телеграмма поступила вчера в 9.00 вечера. Текст из двух предложений. Приятно и радостно за область, удостоенную такой чести. Труд не пропал даром, усилия оценены высоко. Это дает новый импульс для новых поисков и побед. Лев появился около 11-ти. Решил сам выступать и по телевидению, и по радио. Любит делать все сам. Зная эту струну, кое-кто играет на ней. Но стоит ли? О переговорах в Москве молчит. Я не задаю вопросов. Как будет, так и будет!

В 13.00 – встреча с бригадой ЦК. Доложили план подготовки вопроса на секретариате ЦК (называют не проверкой, а «изучением»). Думают пробыть 16 дней, берут 17 районов. В 16.00 собрал наших работников и закрепил их за работниками ЦК на все время проверки. Дали машины. Лев ищет Глушенкова – ему надо в Москву. Может, на секретаря по строительству? Это был бы разумный вариант. Но каковы детали? Вот где подвох может крыться! Романова нашел в совхозе «Ардымский», смотрел обе очереди. Потом в особняк. Хоккей. Романов [болел] за «Спартак», но он проиграл ЦСКА 9:2.

19 октября. Сразу в особняк. День неплохой, хотя и пасмурный. Романов уже на ногах. Завтракали, кое-что вспомнили. Пешком до обкома КПСС. Лев, наконец, соизволил встретиться. Начался дождь. В театр поехали на машинах. Обстановка праздничная. В 11.00 начали торжественное заседание. Мне понравился Н.Н. Романов. Приехал вручать знамя, а выступал всего 12 минут, потом Лев – около 40.

Цековцы молчали. Поздравление от тернопольчан. Ульяновцы не приехали. Освободились около 17.00. Сразу в областной совет профсоюзов. Рассмотрели проект оформления туристской гостиницы «Ласточка» на Западной Поляне, потом проект турбазы «Чембар». Романов позвонил Абукову в Москву, дал поручение добавить деньги. Беседа с активом профсоюзов области, получилось неплохо. Есть, оказывается, и у них вопросы. Я не знал, что рассматривается предложение изымать членские взносы через бухгалтерию. Профсоюзники и тут хотят облегчить себе работу. Романов был опять краток. Просто молодец! А может, мне нравится эта школа, из которой вышел сам. Жалко, что загубили, затерли это поколение довольно способных ребят, обладающих и здравым смыслом, и известной самостоятельностью мышления, и честностью в мыслях и поступках.

В особняк. Приехал Лев. Дорошенко ждал, но его не взяли. […]. [Н.Н. Романов] держится и довольно твердо своих убеждений. Не хочет идти на поклон, хотя есть возможность (брат учился в одном классе) [с Брежневым?]. […].

21 октября. […]. Страшно устал. Хочется одиночества, тишины, покоя. Просто побродить по дорожке вдоль берега моря, послушать плеск его волн, предаться воспоминаниям о прошлом и раздумьям о настоящем и будущем. Прошлое – ясно, настоящее – понятно, а вот что впереди – темно и таинственно. Крым, куда мы собрались с Верой, как раз то место, где хочется думать. Вся обстановка тишины и покоя располагает к этому. Да и с Крымом связаны воспоминания юности далекой-далекой. Рассказал Мише, что с Бахчисараем, куда я обязательно должен попасть, связано и что-то родственное. Мой дядя, окончивший в Пензе духовную семинарию, был настоятелем Бахчисарайского монастыря. После революции он, кажется, закончил плохо. Его звали после посвящения в монахи Василием. Не знаю, остался ли этот монастырь. Но посмотреть хочется. Крым – страна легенд, древняя седина. Хочется подышать этой древностью, посмотреть старые крепости, поклониться камням Севастополя. Для меня этот город останется вечно русским! Ничем нельзя оправдать решение Никиты Хрущева, отдавшего Крым Украине. Подарок щедрый, но безрассудный. Он не умел смотреть далеко вперед. Сталин не отдал Литве Кёнигсберг. И это правильно! Нельзя разбрасываться землями, добытыми русской кровью.

8 ноября. […]. Думал о том, что при смене эпох, даже с революционными взрывами, меньше всего страдают люди искусства. Конечно, ломается сложившийся уклад жизни, меняются условия труда, видоизменяются требования. Но основа, составляющая индивидуальное (в обывательском смысле) благополучие,

остается. Чем это объяснить? Каждый строй, каждая власть нуждается вслед за материальной победой в моральной поддержке. Революции проходят, а тяга людей к искусству остается. Она, пожалуй, вечна и неистребима. Искусство делают люди, а новый строй не может одним махом создать кадры работников искусства, соответствующих данной эпохе. Приходится прибегать к услугам старой эпохи. Искусство в основе своей демократично, оно часто улавливает черты будущего в своих образах. Еще в старую эпоху отрицает порой старое. Это касается представителей той части искусства, которая несет «придворную службу», усердно и фанатично привязывает себя к существующим порядкам и их носителям (М. Горький, Ф. Шаляпин, А. Толстой и т.д.).

17 ноября. […]. Все кругом бело, а снег валит и валит. Приехал в Пензу прямо из лета в зиму, захватив в Крыму кусочек ранней осени, а в Пензе – поздней осени. Клены под окнами полны семян, но снегири еще не появились. Доедают в лесу, но скоро придут и сюда […]. Весь день читал потрясающую биографию протопопа Аввакума Петрова. Я совсем недавно просматривал его «Житие». За туманными, но ярко выписанными фразами, соответствующими XVII веку, проглядывал талантливый человек с загадочной биографией мученика и подвижника. То, что я узнал из книжки Дм. Жукова, и узнал впервые, меня потрясло. Какая-то не только необыкновенная, а просто фантастическая жизнь русского человека – истинного патриота своей Родины, убежденного сторонника веры, готового ради веры идти на любые мучения, не знающего компромиссов, когда речь идет об убеждениях, умеющего мужественно сказать свое мнение любому, начиная от воеводы, кончая царем. Поражаешься его духовной и физической силе, стойкости, позволившим идти на самопожертвование ради веры, ради своих убеждений. Это какой-то титан человеческих страданий. М. Горький называл Аввакумом Льва Толстого. Но это далеко от истины. Толстой был протестантом, но это не сопровождалось испытаниями, которые достались на долю Аввакума. Аввакум – потрясающая страница в истории духовной жизни России XVII века!

20 ноября. […]. Странная судьба у России. Страна безусловно богата самобытными талантами, однако часто «плоды просвещения» ей несли люди, пришедшие со стороны. Есть, вероятно, что-то такое в русском характере, что мешает выразить свою самобытность, привести ее в порядок, сформулировать как сумму законов, основоположений. На мой взгляд, это отсутствие педантизма, скрупулезности, широта натуры, которая все может, но многого просто не делает. Западник мало знает, но и это малое стремится быстро систематизировать, занести на бу-

магу, показать другим и учить. Нам этого не хватает. Многое, включая христианство, мы принесли из заморских стран. Правда, радует то, что принесенное не воспринимается буквально, а переделывается на такой русский лад, что само себя порой не узнает. Русскому мало свойственен фанатизм. Он не в его натуре. Может показаться, что Аввакум – фанатик веры. Так пишут исследователи. Мне он таким не представляется. Смелый мужик, имеющий свою точку зрения и отстаивающий ее до смертного конца вопреки житейской логики, вопреки всему. Это не от ограниченности ума, которая свойственна фанатику, а скорее от натуры удалой, разухабистой, от великой, не показной любви к своему русскому народу. Он не фанатик, а патриот. А патриотизму у русского народа можно и должно учиться любому народу мира. Во скольких величайших потрясениях истории устоял русский народ! И основа этой стойкости – патриотизм, любовь к родине […].

23 ноября. […]. Созвонился с Е.А. Фурцевой. Рад был слышать ее живой голос. Попросил [ее] принять Е.Б. Кулькову и А.П. Майорову. Разбирался по мясу. Много стало лезть в это дело людей. Все считают, дают поручения – и Лев, и Виктор, и Алексей. А Сальникова постарела и идет на поводу. Нарушили мой принцип: идти все время в натяжку. Давать столько, сколько можешь, но с учетом перспективы на 6–8 месяцев. В августе, когда было полно овощей, расфуговали 3.300 тонн мяса, а теперь сели на 2.300 тонн. Попали в глупое положение: только что вернули знамя за победу в животноводстве, отрапортовали о выполнении годового плана по продуктам животноводства, а мяса нет. На базаре оно подскочило до 4-х рублей. Естественно, люди спрашивают, в чем дело? А что им ответишь? Просчитались! Принял решение: пустить 2 тонны фасованной свинины в продажу, перейти к регулированию цены на базаре. Максимум – 3 руб. 50 коп. [за килограмм]. […].

26 ноября. […]. Беседа с главрежем театра Рейнгольдом и секретарем партбюро Тишаевым о квартирах. Зовут выступить перед актерами о делах области. Нет пьес, нечего ставить. Моя точка зрения: мало уделяем внимания театру, не болеем за него, нет настоящей рекламы, не привлекаем интеллигенцию и актив. Стоило бы поговорить на эту тему. Позвонил Н.М. Почивалину: очерк писать о Д.И. Лузгине; попросил заняться пьесой на сельскую тему. У него может получиться. Лев уехал в Земетчино. Успел заскочить в Вадинск. Шумит по телефону о вывозке свеклы. Его черта – показать активность перед «слушателями» из района.

27 ноября. День сегодня довольно сложный. Лев где-то в Башмаково смотрит совхоз «Ермаковский» и «Красное Знамя». Естественно, что на меня навалились все дела: баскетболистки о квартирах, Е.С. Швам о них же + о своей новой жене.

28-летняя работница часового завода родила троих – жить негде. Отчитал Черушова за черствость. Обещал завтра решить. Позвонил ей в больницу, откуда не выписывается, т.к. нет жилья. Беседовал с С.И. Декиным об овощах. Кое-где приписали, надо оставлять ради плана Шемышейского района. Приглашал командиров батальонов. Надо вывозить свеклу. Висит угроза отзыва маши. Сказал, чтобы они исчезли [из поля зрения своих начальников], дабы некому было принять команду. Надо выиграть несколько дней. Простова и Гусева послал в районы – Сердобск и М. Сердоба – с чрезвычайными полномочиями забрать все машины и поставить на свеклу.

Беседа с прокурором Пачелмского района. Тяжелый вопрос [об ответственном работнике района – гомосексуалисте]. Надо принимать решение, а как его принять – много противоречий. Детали такие, что становится противно. Надо бы размазывать, но как быть с теми слухами, которые подхватят обыватели и понесут по области? Срамоты не оберешься. Ответственный работник, а оказался негодяем самой низкой марки. Думаю, надо не торопиться. Делать шаг за шагом. Поспешность в таких делах опасна, а «закрывание глаз» противоречит убеждениям и закону. Чтобы преодолеть рогатку, требуется убрать, дать время отвыкнуть от должности ответственного, а потом как простого смертного брать и размазывать. Грязи будет большой мешок с довесками. Конечно, есть доля сомнения: а правда ли то, что известно? Не оговаривают ли? Время и еще раз время, спокойствие и еще раз спокойствие, крайности опасны! […].

28 ноября. Опять плохо спал. Беседа с прокурором Пачелмского района всколыхнула нервы. Всякое бывает, многое видел, но такое – впервые, особенно в партийном аппарате. Пришлось утром сделать выписки из документа. Лев заходил, просил подумать, как спрятать. Он не знает деталей, да и я их не знал. Когда стали ясными детали, то у меня исчезло всякое желание мучить себя сомнениями, «укрывать» или нет. Выбор ясен: разматывать, искоренять, выжигать! […]. Все отдать в руки прокуратуры. Пусть она действует в соответствии с законом. […].

2 декабря. Утро морозное [в Пачелме]. Вчерашней ночной пурги как не было. Иней и снег на деревьях. Пошли по поселку. Знакомый вокзал. Сколько раз в детстве я касался его? И самое трогательное – март или апрель 1933 года. Первый паровоз, железные рельсы, мост над железной дорогой. Всё казалось большим, величественным, непонятным. И особенно запомнился запах угля. Запах, которого я никогда до этого не вдыхал. Потом елки по краям железной дороги, открытая дверь теплушки и светофор. Дальше не помню, провал. Потом на телеге под до-

ждем со станции на Крутом в здание на берегу пруда у ТЭЦ, открытые вагоны, Снопок, барак №11. […].

6 декабря. […]. Прибежала А.П. Майорова […]. Уточнил все детали и сказал, чтобы беседовали. Отступать некуда, меня окружают «сексуальными проблемами». То в эти дни занимался мужской компанией, то пришел Лазарев И.И. и принес заявление лаборантки кафедры физвоспитания пединститута о безобразиях заведующего. Заманивает девчонок, поит спиртом, фотографирует на память голых […]. Надо его приводить в чувство, этого любителя обнаженных фигур. Потом показал карты порнографические с образцов, изготовленных на Западе. Страшное откровение полового акта, причем в самых изощренных видах. Судя по фотографиям, в развитии секса Запад идет к «коллективности», стадности. Один на один – не вопрос. Сплетаются в причудливых позах и трое, и четверо. […].

11 декабря. Что-то необычно тихо сегодня. Аппарат получил вчера задания и работает вовсю. До нас еще не вернулась его энергия. Рассматривали проект оформления ресторана вокзала станции Пенза-I. Московских авторов предложения неплохие. Азарий [Маматкадзе] без них критиковал, а теперь отступил. Я внес два предложения: сделать вместо инкрустации по дереву вставки из картин – мраморной мозаики с видом Пензы, на другой стене – орнамент из мрамора. Договорились с Азарием, что он быстро даст предложения, как оформить летний зал ресторана «Бочка». Чтобы отбить хануриков, надо и на открытой площадке брать 1 руб. 50 коп.! Заходил А.Е. Щербаков. Квартирные дела, планы развития города на 1974 г., наиболее интересные объекты. Увлекся городом.

А. Смелый принес проект скульптуры «Аленушка над родником». Родилась интересная идея: во дворе 9-этажного дома на ул. Московской есть три мощных, бьющих из горы родника. Предлагали загнать их в канализацию – я восстал. Живая вода в городе – богатство, прелесть. Оформить родники, сделать водопадик, соорудить над одним из них Аленушку и поставить кафе-мороженое с таким же названием. Для детей! Может получиться хорошо. Решили соорудить из металла лошадь с всадником на кургане Попереченской степи. Тоже интересно! В 17.00 собрал руководителей строек и предприятий города о сооружении волевым порядком («методом народной стройки») Дворца тяжелой атлетики. Надо что-то делать по развитию спорта в городе, а то встали. Народ легко поддержал. Комиссаром поставили А.И. Фомина […].

13 декабря. […]. Утром Ф. Садыков из ЦК КПСС поздравил с награждением орденом «Октябрьской революции». Поблагодарил, но в душе остался спокойным.

Искренне обидно, что Льву не дали Героя. Кто-кто, а он за работу и выдумку в сельском хозяйстве, за бесконечный поиск нового, за то, что постоянно обогащает этим новым практику страны, больше других и прежде других заслужил это звание. Ограничились орденом Ленина.

14 декабря. […]. Около 11-ти – в Белинский район. Серый день. Полосу асфальта лижет белая змейка поземки. В степи разбойничает ветер. На границе [встретил] Гринь. Обед в Лермонтово. Жуткое кафе. Смотрели дом, церковь, склеп. Много убогого, деревенского, примитивного. Поручил подготовить предложения. Интересна мысль о переносе праха отца Лермонтова Юрия Петровича из Кропотово, где его могила затоптана и забыта, в Тарханы. Тут стоит побороться. В Белинске [смотрел] музей Белинского. Сделали неплохо, смотрится более мемориально. Но много простоты. Не раскрывает пензенскую тему: связь с Владыкино, с. Белынь, Пензой. Оторванность, неизученность пензенского периода. Лодыри и плохие патриоты [музейные работники].

15 декабря. Весь день в Белинске на конференции […]. Утром на турбазе. Беседа с Лушниковым, директором музея Белинского. Немного о Лермонтове (детали из вчерашних разговоров): [версия, будто] казак убил Лермонтова, глупая. Если надо было бы его убрать – выстрел из-за угла вечером, и все сваливают на чеченца. Шла война... Мартынов – пензенский помещик. Его постигла тяжелая доля. Всю жизнь висело клеймо убийцы Лермонтова, а после смерти (он похоронен где-то под Москвой) в 30-е годы в [его бывшем] поместье [была] колония беспризорников. Вытащили из склепа его костяк и повесили на столбе как убийцу Лермонтова […].

16 декабря. Москва […]. Был на хоккее СССР – Швеция […]. Миша вчера и сегодня бухтит. Ему показалось, что я очень много выпил сухого вина. Зол, как кобель, пришлось даже прицыкнуть. Расположились в мерзком номере «России». И какая сила меня сюда затащила? Вызвали машину, и в поездку. Первая остановка на Калитниковском кладбище. Все занесено снегом. Вспомнилась мама. Когда хоронили Никифоровну, она вдруг сказала: вот так бы умереть, и чтобы солнце светило... Потом в Жуковск. Пробрались по глубокому снегу к могиле мамы. Очистил от инея портрет, который сделан был мною на «Смене». Немного постоял, подумал. Что еще, кроме грусти о невозвратности судьбы можно получить на родной могиле? […]. Потом на стадион в Лужники. Много знакомых: Гусев, Генка Жилеев, Валентин Алехин, Георгий Рагульский. По одной фразе понял, что он все еще встречается с Шуриком [Шелепиным]. «Говорят, что ты заскучал в Пензе...» Шурик помнит. Вот удастся ли реализовать память. Время уходит...

19 декабря. Второй и последний день сессии Верховного Совета РСФСР. Мы с Дорошенко к 8.30 убежали в Госплан СССР к Исаеву В.Я. Он держит в руках все капитальные вложения страны. Наша цель – добыть у него дополнительно на строительство в совхозах 20 млн. рублей. Исключение сделано пока для Московской, Ленинградской и Воронежской областей. Они имеют право за счет собственных средств (!) перевыполнять планы строительства. Мы просим такого же права за свои собственные деньги без дополнительного выделения материалов. Кажется, убедили Исаева, но сам он, прежде чем подписать, посылает бумагу на визу сразу в четыре отдела Госплана. Дорошенко пошел бегать по отделам, а я на сессию в Кремль. […].

20 декабря. Зашел около 8-ми утра к Дорошенко. У него уже Виноградов и Щербаков. Что-то «прорабатывают» […]. Его [Дорошенко] завезли в ЦК (должен идти к Ф.Д. Кулакову), с Виноградовым и Щербаковым поехали в Совмин РСФСР. Раннее утро, тишина. Соломенцев вчера улетел в Японию, у его замов немного прыти. Ровно в 9.30 появились Васильев и Кочемасов. Калашников, назначивший совещание «заболел», а В. Дьяков явился в 11-м часу. В его приемной мотаются Шошин из Госплана РСФСР и Шиманский – министр торговли РСФСР. Пытаюсь у них выведать цифры по снабжению мясом. Стоят насмерть, не выдают. А за этой цифрой год или радостей, или забот, снабжение городов. Настроение рабочих во многом определяется тем, какую цифру впишут в табличку эти «мудрецы». Валентин [Кочемасов] принял сразу. Жалуется на «бессонницу» (видимо, в оправдание опоздания), на загруженность, усталость. Просил его не зарезать по мясу и молоку. Обещал, но часто его слова расходятся с делом. Посмотрим... Уехал в ЦК КПСС.

У Лоскутова в сельхозотделе. Долго [нас] критиковал с озлоблением. Гуляет фраза, что мы подводим Федора Давыдовича. Он нас поддерживает, а мы выколачиваем маленькие планы и легко их выполняем. Впечатление такое, что вся Россия злится, что дела у нас идут хорошо. Сорвалось бы – все ликовали бы и не возникло бы вопросов. В орготделе у Садыкова и Кузьмичева. Кажется, согласовано мое перемещение на идеологию, а Федора Куликова – на административно-торговые дела. Пусть так, но, как мне казалось, лучше бы ввести секретаря по строительству. Так для дела целесообразнее. […].

21 декабря. […]. Два часа разговоров у Григория Лаврентьевича Смирнова. Странное дело: наварили нам такой прирост мяса к плану этого года, что просто страшно смотреть, а делают вид добродетели, что они страдают за «опеку» Пензенской области и т.д. Я сказал, что раздели догола, оставили в одних трусах и

возмущаются, почему не говорим «спасибо». Гриша мнителен, беспомощен и, пожалуй, уже выдохся, но на пенсию не уходит. Решать он не может. При мне позвонили и поздравили с награждением орденом «Октябрьской революции». Я поздравил, а он недоволен. Столько вкалывал (вспомнил биографию), могли и орден Ленина дать... В ЦК КПСС. К В.П. Бородину, зам. зав. сельхозотделом. Молодой парень, но уже прочно сел в кресло чиновника, позирует. Попросил помочь. «Не буду. Обеспечивай производство, да еще занимайся снабжением». Это он, сидя в кресле, обеспечивает производство мяса! […].

28 декабря. […]. Беседа с Октябрем Гришиным. Он принес мне книгу «Милая роща». Талантливый парень, губим его требованием писать обо всем, а он лирик от природы, очень задушевный, лиричный композитор. Подсказал, чтобы попробовал положить на музыку одно стихотворение Матрены Смирновой о уходящем лете. По настроению оно близко ему. […].

29 декабря. […]. Занимался опять Мейерхольдом. Был у меня Садчиков, аспирант Академии общественных наук. Много и восторженно рассказывал. Смысл некоторых проблем: [Мейерхольд] родился в Пензе, отец – прусак, имевший винное дело. Где вытрезвитель – там была его «пивная Мейерхольда». Жил [в Пензе] 21 год. Принял христианство [православие], чтобы не служить в прусской армии. Женился на дочери предпринимателя Мундт. Скоро бросил [ее]. [Всеволод] учился плохо. Дважды по два года сидел в одном классе, много искал. Создатель революционного театра. Первый вступил в партию, первому дали звание народного артиста РСФСР. Арестовали в 1939 г. Умер от чахотки в лагере. [Причина ареста]: когда делегация во главе с Москвиным пошла к Сталину, он [Мейерхольд] якобы сказал: «А вы знаете, какая кличка была у него в царской охранке?» И на том все кончилось... Под пересмотром роли Мейерхольда «леваки» имеют в виду пересмотр реализма и партийности в театре. Он стал знаменем таких. […].

31 декабря. Опять долго валялся. День сегодня лучше. Идет снежок, прикрывая грязь, черноту асфальта. Пейзаж становится ближе к новогоднему. Около 12-ти пошел в обком КПСС. По дороге осмотрел дом Мейерхольда. Вместительное помещение со старинной резьбой по фронтону и наличникам. Набилось сюда жильцов много. Из одного окна на фасаде сделали вход в квартиру. Забор скрывает масштабы дома, уходящего во двор. Трудно придумать, куда вывешивать мемориальную доску. Да и вообще, как подойти к этому дому? Поднимутся жильцы, потребуют ремонта. А там, смотришь, и очередников масса. Пока головы не приложу, что делать, как быть? […].

1974 год

4 января. […]. Осмотрели Кандиевку. Сгорел дом барыни Волковой, у которого разыгрывалось Кандиевское восстание. От церкви остались следы сирени. Плохой камень. Парк запущен. [В него] залезли с постройками. Надо бы доводить это село до ума, не зря же проливали кровь крестьяне. На центральной ферме большой и сердечный разговор с доярками. Вручную доят по 20–21 корове. Тяжкий труд, а механическая дойка стоит. Что-то Ливчиков запутал в оплате труда, и они забастовали. Беседовали на эту тему. Замечательный народ у нас. Требования самые элементарные: зарабатывать 100–170 рублей, прислать пшено, привезти керосин. Судьбы тяжелые: у одной 5 девочек, муж был больной, «удушился», у другой 12 детей, старшему 16 лет. Договорились, что со вторника пускаем механическую дойку […].

6 января. […]. Начинаешь анализировать жизнь и становится страшно от мысли, что почти 30 лет прошло под общественным прессом, который все время давит, не дает быть самим собой, мешает заниматься тем, чем ты интересуешься. Вечно над тобой общественный «надзор», указания, инструкции, обычаи, нормы. Когда решил, что придется уйти, то возникло три выбора: уехать в Москву, устроиться чиновником, или окунуться в живую, практическую жизнь, пойти в совхоз, или спрятаться в тиши, вроде архивного управления, заняться пензенским краеведением, порыться в архивах. Пожалуй, третье самое интересное. Конечно, будут всякие переживания, много кривотолков, домыслов, но, думаю, их можно пережить, Было бы только внутреннее спокойствие и убеждение. А может, все это от мнительности? Посмотрим. До решений осталось не так много времени. […].

17 января. […]. В 9.00 встретился с В.И. Грибовым и Г.В. Яковлевым. Нужен срочно проект «дома ветеранов труда» в Сердобске. Грибов – старый волокитчик. Предупредил его. Договорились, что выдаст 20-го, а Семенов привяжет за 20 дней. Говорил с министром социального обеспечения РСФСР Д.П. Комаровой. В ходе разговора родилась идея: решить к 1980 г. проблему стариков в области. Заботим-

ся о детях, а что они дадут, сказать трудно. Старики же пережили и коллективизацию, и войну, и многие другие трудные годы. Они заслужили к себе внимание. А по селам ютятся, влачат жалкое существование. Плохой дом в селе – значит, живет старик или старуха. Замысел: построить серию межрайонных домов ветеранов труда, собрать туда всех одиноких, согреть их последние годы, дать им сельское производство (кролики, теплицы, сады), разработать план до 1970 года. […].

19 января. […]. Большое совещание о приведении в порядок Тархан. К маю подготовить открытие, торжественное открытие – в конце июня. На начало июля [определили дату] Всесоюзного лермонтовского праздника поэзии. Рассмотрели все, включая мельчайшие детали. Потратил два часа, народу, может, и скучно, но надо. Цель – вывести этот музей в разряд выдающихся всесоюзных мест. Ради этого стоит постараться! […].

Во время [комсомольской] конференции осмотрел верхнюю часть [Пензенского драмтеатра], лазил даже на чердак. Впечатление от запущенности жуткое. Вызвал Г.Д. Епишина – художника театра. Попросил его дать предложения, каким он хочет видеть родной театр. Обещал подумать. Вообще зря его обошли. Ему виднее. Разговаривал со Львом. Навязываю идею отделки внутри деревом и шелком. Поддается, но трудно. Уже боится. Во время конференции – концерт «Современника». Интересно. Навязал идею принять решение бюро обкома КПСС «О развитии народного творчества в области».

На пленуме познакомил Льва с Калининой и Евстифеевой. Первая – бронзовая медалистка первенства мира, другая – чемпионка Европы среди девушек. Одеты скромно. Если бы [жили] в Америке, давно бы заработали миллионы только на рекламе. Мы же и ценить толком не умеем. Договорились о встрече Льва с лучшими спортсменами области.

20 января. […]. По телефону [говорил] с Бершадским. Хотел сделать из него комиссара реконструкции театра. Жалуется, что плохо со здоровьем. Говорил с В.К. Застрожным. Одобрил его «Записку». Надо готовить проект постановления бюро «О развитии народного творчества в области». Он принял с восторгом. Заезжал в больницу к В.И. Лысову. Прихватила стенокардия. Залег основательно. Какие-то свои переживания. Вечером был на открытии выставки П.С. Аниськина. Художник интересный, увлекается пейзажем. Есть хорошие, жизнерадостные произведения. Беседа на выставке: лапотный подход, делаем на хапок. Надо покупать картины художников, перейти к социальному заказу; подумать о строитель-

стве выставочного зала (может, при нем салон-магазин?). Дал задание поискать вариант пристройки.

30 января. Все отправились на проводы К.У. Черненко. Мне же надо на вокзал встречать маршала Г.Е. Передельского и инструктора ЦК КПСС Садыкова Ф.А. Какой-то калейдоскоп, а на носу конференция – большое событие в жизни обкома. Дела же с этими встречами и проводами накручиваются так, что в документы заглянуть некогда. Хорошо, что можно положиться на испытанный в боях аппарат. Грубых ошибок не допустят, а мелкие – простят обстоятельства. […]. Около 13.00 ожидается самолетом из Тамбова Д.С. Полянский. Договариваемся, что маршал займется делами училища, а я еду в обком.

Д.С. Полянского встречаем всем бюро и облисполкомом. Сцена, как из «Ревизора» Н.В. Гоголя! Прилетел он около 14.00. Причесанный, прилизанный, с острым носиком и глазами маленькими, «себе на уме». Лев и Виктор целуются [с ним]. Начинается представление всех чиновников области, выстроившихся в ленточку у трапа. Он что-то громко острит для популярности, играет демократа. Я занят с его помощником, уславливаемся об информации для газеты, прикрепляю в помощь ему нашего газетчика. Сразу с аэродрома – на Терновский молочный комплекс. Я заехал на минуту, а потом отправился в обком КПСС. Надо же кому-то заниматься текущими делами. Странный этот приезд. Цель не очень ясна, обстановка совсем неподходящая. Ему сообщили, что 1-го пленум, а 2-го конференция. Все равно прилетел. Какое ему дело до занятости людей на местах! Лев в сложном положении. Он член комиссии, которую возглавляет Л.И. Брежнев, – по совершенствованию управления сельским хозяйством. Полянский наверняка будет вести разведку. Я советовал молчать, не выдавать мыслей, не откровенничать. Кажется, Лев согласился и дал отбой Щербакову готовить записку. Не стоит торопиться, дабы не перехватили мысли.

31 января. Лев мотается с Полянским, я пошел в обком КПСС, проверил готовность к регистрации. Позвонил Лев. Оказывается, он оставил Дорошенко, а меня зовет встречать Исаева В.Я., «заполнить вакуум». […]. Беседовал с художниками-оформителями. Грабят среди бела дня. Простой значок из фанеры – 700 рублей! Стал разбираться, запутался, плюнул: нет силы с ними бороться. В

16.00 беседа Д.С. Полянского с активом области. Тема – вопросы организации управления сельским хозяйством. Наиболее интересные моменты: все [говорили] о запутанности управления, все против двух министерств. […] Общее впечатление: специализация родилась внизу, верхи к ней не готовы. Жизнь давит, а им сложно

ее понять и осмыслить. Звезда Полянского закатилась (он автор!). Пытается играть, артист, но нет убедительности и реальной власти. Наш народ [обком и облисполком] держится с достоинством, ни одной подхалимской фразы. Ясность мышления и суровость постановки. […].

2 февраля. Удивительно, но в ночь перед конференцией спал хорошо. Поднялся около 7-ми. Вера хлопочет. Тоже переживает. На улице резкий мороз. Что-то около 23–25. Сразу в театр. Черушов, зам. председателя горисполкома, хлопочет у входа. Аппарат занимает свои места. Идут последние приготовления. Портрет Ленина хорош. Глаза остро смотрят в зал. В обкоме уже Лев, потом подошли Садыков и Исаев. Отправились в театр. Волнующие минуты перед началом. Начали в 9.00. Списки президиума и других органов раздали. Всё избирается быстро. Даю слово Льву для доклада. Занял он около 1 часа 50 мин. […]. Тайное голосование. Льву дали «против» – 3, мне – 1. Кто-то ходит по пятам и каждую конференцию вычеркивает. Хорошо, что один. […].

4 февраля. […]. В 13.00 – беседа с группой чехословацких партийных работников. Довольно пожилой народ, прошедший события 1968 года. Ребята «черные». Трудно сказать, что у них на душе, но внешне улыбаются. После обеда занимался слетом. Много деталей надо отрабатывать. Завтра посвящаю этому день. Звонил К.У. Черненко. Он передал привет [от нас] Л.И. Брежневу, а тот, в свою очередь, просил передать ответный привет [ирония Г.В. Мясникова]. […].

6 февраля. […]. Был у художника Б.И. Лебедева. Рождается идея создать серию сувенирных открыток о великих людях земли Пензенской. Он мужик пронырливый, оперативный. И рисует быстро, и реализует еще быстрее. Договорились о способах поиска. Нарисовал портрет Л.И. Брежнева, пытался сбыть за 500 руб., но когда постыдил его, – подарил. После обеда занимался с Р. Попрядухиным. Вызвали ГПИ-11 и поручили подготовить проект «выставочного зала художников». Будет проект – 100–150 тыс. руб. найдем. […]. Соломенцев «режет» памятник павшим: не стал подписывать, вернул. Все «умные». Мучается с предложением по перестройке. Нет цельной системы взглядов. Путаников теперь не найдешь, а расхлебывают ЦК и обкомы партии.

7 февраля. Лев все сочиняет записку в ЦК КПСС «О перестройке управления сельским хозяйством». Самое обидное, что скорее всего будет так: получат записки обкомов, прочтут и решат – пусть остается всё так, как было. Эпоха перестроек ушла […].

8 февраля. […]. Из дома уехал на проспект Победы. Ленинградцы выставили в фанерном варианте проект памятника павшим. Конечно, гениального нет, но памятник как памятник: женщина держит на плече ребенка, в руках которого ветвь, а ниже женщины, как бы заслоняя и оберегая ее, солдат с автоматом в руке. Композиция на трех уровнях (кто-то сказал: «цирковой номер»). Главное, что по размерам для этой площади фигура найдена. Критиковать же теперь бесполезно, нет времени. Да еще Совмин РСФСР (Соломенцев) ставит подножку. Берегут себя, свою фразу, величавость, забыв о том, что из 400 тыс. ушедших на фронт не вернулись 300 тыс. Какими деньгами оценить священную память о них? Подъехал Лев, тоже высказался «за». Условились бороться. Ходил на площадь Ленина. Доска Героев, «счетчик» получаются хорошо, только по Доске промахнулись, забыв о вечернем освещении. Доска Почета более «деревенская» [хуже оформлена].

Смотрел проекты оформления усадьбы в Тарханах. Автор – ленинградец Гаврилов. Есть хорошие мысли о переустройстве села, детали. Может, уже сейчас надо сделать на будущее видовую площадку? Детали внутренней части дома не стал рассматривать: поработает – еще раз встретимся. В 14.00 собирал по сооружению часов «кукушка». Долго к ним прицеливался, решился в это лето соорудить. Есть основа, надо организованно дожимать! Всё расписали... Замысел интересный (литье, решетка), надо хорошо сделать, и город получит еще одну интересную точку! […].

9 февраля. […]. Вечером в театре смотрели «Забыть Герострата!» Г. Горина. Спектакль получился, хорошо решен режиссером В. Меньших. Г. Вавилов умело вылепил сложный образ искателя славы. После спектакля беседа с Рейнгольдом и Максимовым. Пригласил В. Налобина. Поручил ему подумать над «Тарханской хроникой» – повествованием о пензенском периоде жизни М.Ю. Лермонтова. Надо самим искать! Может, получится.

11 февраля. […]. Говорил с В.Ф. Шауро, зав. отделом культуры ЦК КПСС. Доложил [ему], что празднование 100-летия со дня рождения Мейерхольда прошло нормально: мемориальную доску открыли, выставка была, доклад Рейнгольда состоялся, был и концерт. На 150 мест в 11-й школе пришло 130 человек. Никаких вопросов не возникло. [Он] поблагодарил за информацию. Сегодня они проводят [торжественное собрание] в зале им. Чайковского. […].

13 февраля. […]. В «Планете» сообщение, что арестован А. Солженицын. Сколько ниточке не виться, конец бывает. Запад уже орет. Так же орал бы и пять лет назад, просто зря теряли время. Вечером передали сообщение ТАСС, что он

«выдворен за пределы Советского Союза». Народ воспримет с удовольствием, интеллигенция противоречиво, а на Западе будут орать. Пусть орут. Пройдет время, утихнут...

[…] Переговоры с Беляковым, зав. отделом культуры Совета Министров РСФСР о памятнике. Дело гробится по содержанию: «Не гениальный». А что гениальное? Сложно вести дело с чиновником да еще на культурном фронте.

14 февраля. […]. В 11.00 ходил в мастерскую скульптора Малова. Опять смотрел Лермонтова. Все лучше становится. Образ интересный. Не понравилась рука, кисть и воротник, закрывающий губы. Надо дотягивать, но памятник есть! Зашел Оя. Они правы, что памятник павшим плохой. Может, наши могли сделать и лучше. Зря мы бросаемся на иногородних халтурщиков. Доброго пока из этого ничего не было. Хотя и наши плохи. […].

24 февраля. […]. Около 17.00 поехали в картинную галерею. Здесь выставка рисунков Нади Рушевой (1952–1969 гг.). Рисунки очень интересны, но мне показалось, что девочка – жертва погони за сенсацией, родительского неуемного стремления к славе. Сообщение буклета, что после нее осталось 10.000 рисунков – это обвинительное заключение, а не подвиг. Надо все делать в меру, сенсация – плохой советчик. Виктор Пензин, сопровождавший нас, считает, что она стала бы художницей большого плана. Есть у Рушевой две особенности: [ее рисунки] – только наброски, но очень удачные, близкие к завершению. [Но в них] кабинетная, абстрактная отрешенность. Все из головы, из литературы, ничего с натуры. Какой-то детский академизм.

25 февраля. […]. Была директор школы №11 Березина. Принесла написанные по моей просьбе сочинения «Кем хочу быть? Почему?» Итог нехороший. Многие хотят быть врачами, учителями, инженерами и только четверо – рабочими и шоферами. Виновата школа, которая теряет чувство реальности, отрывается от жизни, ведет инкубаторское воспитание. Диалектика жизни все поставит на место, однако будут жертвы: ученики расценят реальные факты жизни как неудачу, разбитые мечты. Отсюда надломы и психологические, и практические (работая на земле, делают одолжение!). Попросил подумать над этой проблемой и дать предложения. Говорил о школе №51. Говорят, там революция. Мне думается, начало принимаем за революцию, была рядовая забастовка. […].

26 февраля. Пришел в обком пораньше. Но уже есть посетители. Большая беседа с председателем [областного отделения] Союза писателей Н.И. Катковым. Он хлопочет о Государственной премии для Почивалина. У меня сомнение: стоит ли с

этой книги стричь столько купонов? Есть пять изданий. Что еще? Он одержим идеей открыть в Пензе, как это было раньше, свое издательство. А что печатать? Пока нечего […].

Приглашал А.П. Самохвалова и Ремизову по оформлению детской больницы. Пришел в ужас. Думал, что все идет нормально. Меня так уверяли. Посмотрел эскизы – стало страшно. Рисунки на отметке плохого любителя-художника из сельского клуба. Есть закон: если ввязался в новое дело, не верь рассказам, а сразу смотри сам, иначе провалят. Пришлось срочно вызывать Евгения Жукова, давать ему 100-рублевую зарплату и помещение под мастерскую, чтобы как-то спасти дело и наверстать уже упущенное время.

7 марта. [В Москве]. […]. В ЦК КПСС. Н.С. Черных водит какого-то парня на зав. отделом пропаганды Ленинградского обкома КПСС. Я зашел к зав. сектором культпросветработы. Говорили о Солженицыне; [его жена] Светлова – не дочь поэта; трое сыновей и всех крестили. Восстал Евтушенко, когда узнал об аресте. Грозился покончить жизнь «самосожжением», звонил Андропову, послал телеграмму Генсеку, распространив ее через иностранные агентства. Народ спокоен, верхушка возится.

[…]. Беседа у В.Ф. Шауро, зав. отделом культуры ЦК. Спокойный человек на очень бойком участке. Все время трясет, все время лихорадит. Лермонтовский праздник не хочет делать Всесоюзным. Мой звонок по Мейерхольду помог «ускорить» публикацию его внучки. На [журнал] «Октябрь» собираются ставить С. Наровчатова. «Новый мир» продолжает трясти. […].

17 марта. […]. Около 10.00 – в обком КПСС. Зашел В.Ф. Огарев. Согласовали порядок завтрашнего агрономического совещания. Ехидно напоминает, что нынешние дела [Брежнева] напоминают действия предшественника, тоже «выдающегося» и т.п.

Посмотрел материалы целины. Есть, конечно, вопросы: поток восхваления и славословия нарастает. Особенно стараются ближайшие (Кунаев, Соломенцев и т.д.). Сам [Брежнев] не только не против, но и принимает как должное, добавляя детали, переживания, воспоминания. Создается впечатление, что он был инициатором освоения целины («первоцелинником»), а не другой, которого забыли. Наверное, так было всегда (подвиг, если он состоялся, присваивается не тому, кто его совершил, а тому, кто у власти).

История учит многому, но делать выводы из истории сложно и не всегда хочется. Упоение властью сильнее логики истории. Правда, от этого история не пере-

стает быть историей. Нарушается лишь ее подлинность. А было все очень просто: звонок Хрущева Шелепину, Шелепин – Халдееву, тот вызвал меня: надо попробовать. [Затем было] совещание комсоргов ЗИСа. Сразу [появились] желающие. Забрали вместе с малолитражкой и П. Рютинским два вагона. Торжественные проводы в Кремле первого эшелона. Тяжелая поездка. Барнаул. Встреча. Только потом февральско-мартовский пленум ЦК. Так все начиналось...

[…]. По телевизору – возвращение [Брежнева] в Москву из Алма-Аты. Странный не мужской обычай: опять все целуются. Напасть какая-то, вызывающая удивление. Сусальное мещанство.

20 марта. Приехали в Москву вовремя. Прямо с вокзала позвонил в приемную З.Н. Нуриева. Переговоры помощника с ним привели к обозначению даты встречи: сегодня в 14.00. Уехали с Любимовым в гостиницу «Москва». Есть время подумать, подготовиться. Составил «проект рассказа» и, как оказалось, очень своевременно. Пришли в Кремль около 13.30. Пользуемся дармовым лимонадом. Появились председатель «Союзсельхозтехники» А.А. Ежевский и из «Россельхозтехники» Воробьев. Нуриев пригласил их в связи с нашим приездом. Зрелище неприятное: Ежевский бледный, внутри все кипит, а аппарат уже вооружил его данными не в нашу пользу. Кричит: «Вы что, решили через Кремль на нас давить? Не выйдет! Мы вам дали больше, чем полагается по нормам. Василь [Любимов] вообще нахалом стал». Я как мог выкручивался, не вступая в споры. Любимов пытался спорить, я его оборвал. В 14.00 у З. Нуриева. Передал привет от пензяков. […]. Потом я изложил просьбу: послан бюро обкома КПСС в связи с крайне тяжелой обстановкой. «Союзсельхозтехника» и лично т. Ежевский, «Россельхозтехника», говорю не ради лести, а объективно, внимательно к нам относятся, у нас хороший контакт. Мы за многое искренне благодарны. […]. Но из 19 тыс. тракторов 4 тыс. стоят. Поэтому просим помочь. [Нуриев] быстро сменил гнев на милость (сыграла роль похвала): «Да, контакт хороший, надо поискать». На «Чайке» с Ежевским – в «Союзсельхозтехнику». Быстро дал поручение […].

Потом был у С.П. Трапезникова Два часа воспоминаний о Наровчате и Вадинске. Зашел к М.И. Кувшинову. В гостинице – Ю.Б. Хесин. Ужинать не пошел. За ужином вел переговоры с Ф.И. Лощенковым и его женой. Только в номер – звонок Веры предварительный: Вика [невестка Г.В. Мясникова] родила мальчика, 52 см, все благополучно. Слава богу! Рад! Рад, рад!!! Надо же такое совпадение: внук родился в день моего рождения: мне 48 лет, ему 0, но пойдет вперед. Решили ему дать имя Георг. Понесет эстафету деда. Да здравствует продолжение жизни!

21 марта. Неутомимая Вера подняла около 8-ми звонком. Она так и не спала от напряжения и обилия событий. Да еще закралось сомнение, не здорово ли я выпил в честь рождения внука. А я, в действительности, как только получил первый сигнал, послал за бутылкой шампанского – горничная успела перехватить в ресторане. 12-й час ночи, все кругом уже спят, да и звать неудобно, и пришлось одному в несколько присестов осушить торжественно бутылку в честь этого знаменательного в жизни нашей семьи события. Есть внук – есть продолжение фамилии. Он уводит нас духовно в будущее, несет память о нас. Когда Вера позвонила в 2 часа ночи, я спросонья и от шампанского разговаривал плохо. Уяснил, что вес внука 3 кг 500 гр., рост 52 см, все у него в норме, все на месте. Вика чувствует себя неплохо, хотя досталось ей трудно […]. Слава богу, что все закончилось хорошо! Послал Вике в роддом телеграмму: «Спасибо за отличный подарок. Поздравляю. Поцелуй внука. Целую. Папа». […].

22 марта. Проснулся уже за Каменкой. Яркое солнце, легкий морозец. Ближе к Пензе – ручейки. Сегодня Сороки – сорок мучеников, день сравнялся с ночью, вторая встреча весны. Грачи уже сидят на гнездах в полосах, устраиваются. На вокзале Вера и Миша. Опять поздравления, кажется, вся Пенза знает, что у меня родился внук […].

После актива с Верой поехали в роддом. Филина уже ждала. Рассказ о родах. Оказывается, все было очень сложно […]. Посмотрели роддом. Вынесла малыша. Уже человек. Приоткрыл один глаз, потом другой (мешает свет), сладко зевнул (недавно покормили) и... никакого внимания на деда. Зашел к Вике. Трудно ей это досталось. Следы страшного напряжения на лице (лопнувшие сосуды) на белках глаз, отечное лицо. Но она совершила подвиг и в этом подвиге ее красота и прелесть. Скучает. Уехали домой. Вера ходит как одержимая, взвинченная, такое впечатление, вроде она родила. Вечером сабантуй у Филиных под видом новоселья. Отмечали рождение Георга II. Маленький, а звучит здорово.

5 апреля. День опять жаркий. Лев, пожалуй, прав, что идет «зловещая весна». С января ни одного снегопада, с марта – ни одного дождя. Хорошо бы сейчас обмыть озимые от зимней плесени, освежить их, но небо все время чистое, ясное. Заходил Лузгин Д.И. из Земетчино. В августе Земетчинскому сахарному заводу исполнится 125 лет. Они вошли с предложением в Министерство пищевой промышленности РСФСР отметить эту дату. Созвонился с А.П. Клименчуком, он предлагает представить к ордену. У нас нет возражений! […].

6 апреля. Бог услышал вчерашнюю молитву. Утром было солнечно, к обеду немного похолодало, а с 2-х часов начал накрапывать дождик. Хорошо и вовремя. Обмоет озимые, даст свежесть. К 9.00 уехал в обком КПСС. Зашел ко Льву, у него А. Глушенков. Условились, что он возьмет на себя встречу механизаторов из Тернополя, которые приедут на сев сахарной свеклы. Вчера договорился, что 15-го отправят [к нам] 200 человек. Длинный разговор по Дому политпросвещения. Надо пускать 25-го мая. Много недоделок и нерешенных вопросов. Придя к себе, беседовал с Котляром, заслуженным деятелем искусств РСФСР. Когда-то задурил. Мало кто теперь в него верит. [Я] решил попробовать. Дал слово, что пить больше не будет и с охотой берется за создание хора. Позвонил в музыкальное училище Кулаевской. Она не верит. Беру на себя, может, что и получится. Если получится – победа во всех отношениях! […].

Уехал на хоккей. Отличное впечатление. Игра с Ижевским не меняла ничего, но ребята провели ее собранно, красиво и выиграли 7:3. Назревает вопрос о закрытии искусственного катка. Надо искать варианты крыши. После хоккея был дома. У Егорушки все хорошо, растет […].

17 апреля. […]. Вечером посмотрел I том «Истории второй мировой войны». Даже беглый осмотр вызывает недоумение и недоверие к составителям, авторам и редакторам. Сталин упоминается 7 раз, Гитлер – 56, его [Сталина] фото – в общей группе, Гитлера и Геббельса – по 3 портрета, ни одной его цитаты, современника [Брежнева] – 5 цитат, есть даже фотография Луначарского. Есть портрет Геринга. Уму непостижимо, как изуверски мы относимся к истории, кроя и переделывая ее.

19 апреля. […]. Погода с утра солнечная, а вечером пошел не то дождь, не то изморозь. На асфальтах глянец. Утром напомнил Льву о сроках сева. Многие горячие головы из сельхозников (Дорошенко, Огарев) смеялись над моим прогнозом массового сева 2–3 мая, а мне думается, что я или точно угадал, а может, еще под их нажимом дал срок рановато. Грачи редко подводят! [О весенней примете]. Лев рассказывал о встрече с советниками по сельскому хозяйству в Канаде, Америке, Франции. Много деталей, но вывод один: нам не хватает той организованности, сметливости, экономического счета, которые воспитывают частная собственность и конкурентный страх, дисциплина голода. Договорились о некоторых делах благоустройства.

В 10.00 пригласил руководство города (Грудзенко, Сауткина) и дал задание подготовить решение и созвать завтра совещание. Продолжаю [внедрять] идею – каждое предприятие, домовладение должно быть чистым; накрыть город системой

уполномоченных из числа ответственных работников районов; фамилии опубликовать в газете «Пензенская правда», вызвать ответственность и критику снизу. В 11.00 ходили со Львом по центру города. Грязи еще много. Все идет навалами, массой, без отработки деталей. Беседы. […].

24 апреля. […]. На «Темп». Тяжелая игра со свердловским СКА на звание чемпиона России. Третий вечер бьются. Наши выиграли 3:1 (с помощью судей). Стали чемпионами!

25 апреля. […]. Зашел в сквер Лермонтова. Памятник стоит хорошо. Приступили к доделке ограждения у памятника Борцам революции. Посадили плохие елочки. Выбросили плакучие ивы. Надо бы еще заменить. После обеда в обкоме КПСС – звонки, посетители. Рассмотрели детали по Тарханам. Дал 5.000 руб. Решил по церкви в Радищево. Штукатурить! Детали по областному театру, оформление Дома политического просвещения. Беседа с Вл. Кирюшкиным, драматургом, о его пьесе «С собой наедине». Заказал ему, верил, а он схалтурил – за два месяца написал. Отчитал его, а особенно за образы и за язык. Бред сивой кобылы. Сказал, чтобы относился ко мне серьезнее.

[…]. Звонил Н.М. Почивалин. Стыдно стало, что я не читал «Роман по заказу». Начал... и неплохо, хочется читать. Появились у него философские размышления. Хотя, конечно, есть и корявости. Чрезмерное изобилие мелких бытовых деталей!

26 апреля. […]. В 19.00 в театр. 50-летие со дня рождения и 30-летие сценической деятельности Л.А. Лозицкой. Сначала спектакль «Веер леди Уиндермир» с ее участием, потом приветствия, адреса, сувениры, цветы, подарки. Хорошо, что отдал право вручать грамоту А.П. Майоровой. У нее получилось неплохо. Вообще все прошло тепло. Я лишь зашел в грим-уборную и сказал несколько слов. С Мишей домой вернулись около 12-ти ночи.

27 апреля. Совсем хороший день. Тепло, солнечно. Пора начинать полевые работы […]. Поле парит. Зелень озимых создает палитру свежести. Деревья уже налились соком и вот-вот брызнут первой зеленью листвы. Техника стоит, но еще два-три часа, и тишина прорвется гулом моторов, начнется бой за хлеб. У Загоскино на бугре первый культиватор. Дымят остожья по буграм. У Кевды-Мельситово поле уже забороновано. В Лермонтово. Посмотрел решетку у церкви, что ругал художник. Сделана хорошо. Получился магазин «Сувенир» и универмаг «Тарханы». Надо приводить в порядок село. Предстоит капитально засесть на два-три дня. Но это – дальше! В Белинск. Сразу на турбазу «Чембар». Сборище всякого народа. База получается на довольно высоком уровне. Труды затрачены не зря. Провел

планерку. Договорились об очередном этапе. Ходил на видовую площадку. Просто прелесть. Лесники молодцы – сделали «острог с башней». Обедать ездили в Поим. Со мной Гринь, Алексеев, прихватил самых надежных плотников в создании красивых вещей, Киркиянова и Ланскова.

После обеда – в колхоз им. Димитрова. Трактористы жалуются на бригадира. Говорят, основное время проводит на птичнике у птичницы. Перегнали трактор с весновспашки на боронование зяби. Смотрели озимые. Только тронулись в рост. Потом в колхоз «Искра». Рожков и Кузнецов. Отличное впечатление, есть устремленность в будущее. Обратно в Белинск. По дороге страшная картина: «К-700» «гуляет» по трассе. Кое-как остановили. Тракторист пьяный, света не видит, и неисправное рулевое управление. Убийца! Пытались задержать, убежал. Заехали в милицию, задержали учетчика, поручили найти тракториста. Надо таких наказывать.

2 мая. День опять хороший. Уезжаю в Белинск. […]. Гринь попался у Лермонтово. Пересаживается на газик и едем в Аргамаково. Поля, особенно на буграх, еще влажные. Тракторист на стане откровенно ругается, что негде работать. Посмотрели обрушившуюся церковь и около нее склеп из прекрасного серого гранита. Председатель сельсовета Коницын рассказывает, что селом владели Шибаевы […]. Их было 5 братьев. Один, Петр Сидорович, жил в Москве и входил в какую-то революционную организацию, принявшую решение убить царя. Жребий выпал на него. Он не решился и застрелился в 1909 году. Завещал построить склеп, похоронив в Аргамаково, и больницу для крестьян. Склеп сделан из финского серого гранита и больница построена (стоит до сих пор). Все это в 1911 году. В гостях [у Шибаевых] летом бывал Ф.И. Шаляпин. На углу парка у церкви был вяз, с которого он пел. Слышно было в Серегино. Ударял за крестьянками. Девиз: «А чтобы инструмент был исправный и работал». По легенде, село названо по кличке жеребца у первого помещика. Звали [жеребца] Аргамак. Подох. Беседа с Афанасовым. Зашли в больницу. Главврачу 32 года.

[…]. Через Сенной лес – на Лермонтово и Апалиху. Парк поместья Шан-Гиреев. Старые липы, остатки сада. Все поросло колючками. Бузина на старых фундаментах. Спустились к речке. Родник. Упавшая ветла. Следы плотины. В Лермонтово беседа с женщинами, засыпающими семена. Яд лезет во все щели. «Одевайтесь как следует!» – «Так то я вытряхну, и муж есть». В горле дерет. Тракторист ругается на зябь: «Вода, б---ь, фонтаном бьет из-под земли». В Белинск. Позвонил в Сердобск, Беково и Тамалу. Поехали в «Победу». Решили добить Лобова. Не уда-

лось. Все агрегаты пошли в ночь. Беседа с крестьянами на стане. На что народ жалуется? Все хорошо, только мужики пьют. Гибнут от водки. Это – страшно!

7 мая. […]. С Б.Я. Деминым – в сквер Лермонтова. Альпинарий пока не получился. Заросло все сорняком, березки посохли, да и посадили их кривыми и убогими. Потом в парк им. Белинского. Есть у меня мечта: представляю себе своеобразный центр города. По холмам, на которых сейчас расположились парк Белинского, педагогический институт, студия телевидения, сады Западной Поляны, видовая площадка, еврейское и Мироносицкое кладбища, шумят вековые парки, взмывают ввысь деревья, а центр, та котловина, что лежит у подбрюшья этих холмов, залит водой. Создается каскад озер с затейливыми островками, плотинами, мостиками. Сейчас можно только мечтать, но хочется уже забить первый кол. Думаю о туристкой тропе по этому склону. Долго лазили с Борисом по холмам. Можно сделать и надо делать!

У парка встретился Миша, гуляет с Егорушкой. Хорошая картина. Правда, у Егора многовато кружев. […].

9 мая. 29 лет с того дня, когда над миром наступило успокоение, когда выпестованная Гитлером немецкая машина рухнула, пошла на слом вместе со своим творцом. С утра день солнечный, жаркий. В обком пришел пешком. Приятная зелень на улицах. Первая листва, но уже создает тоннели над тротуарами. Нарядный народ. Фронтовики, ветераны войны одели ордена и медали. Школьники в форме идут с парада, что проходил на Советской площади. Смотр подростковых отрядов. Вдоль всей Московской улицы выстроились пионеры с букетиками цветов. Ждут прохождения военного училища, будут чествовать солдат. Нужно это и солдатам, и детям.

[…]. В 11.00 – на проспект Победы к будущему памятнику. Десятки тысяч людей собираются теперь здесь в День Победы. Стяги, гирлянды из хвои, цветы, прохождение колонн. Самое потрясающее место – минута молчания. Как здорово молчит площадь! Молчат балконы, молчат крыши домов, на которых собрался народ. Светлая память! […].

11 мая. Поднялся в 3 утра. Со мной это нечасто бывает. Удивился, как рано просыпаются птицы. Вероятно, устают за день в поисках пищи! […]. В Белинск на сев. Заехал в д. №45 на ул. Куйбышева. Хотел посмотреть, но навалился Кутяков со своим гаражом, который надо сносить, и испортил настроение. По дороге все преобразилось: зеленые полосы, распустившиеся озимые и первые всходы яровых – все говорит уже о буйстве и расцвете жизни.

Немного побыл в Белинске (Гринь уехал в Тарханы) и с Евсеевым через Поим – на Топориху. Здесь центр совхоза «Вишенный». На полевой стан. Грязь, механизатор спит на полу. Нашли книжку с цитатами Хрущева! А директора не нашли. Обед с молоком и яйцами в избе. Вспомнили прошлое. Топорихинцы в 1930-м убили 9-х активистов, занимавшихся коллективизацией. [Убили] по темноте. Но... [нынешний] агроном – внук раскулаченной бабки. В селе [их] старинный кирпичный дом с дореволюционных времен. Бабка умерла на принудительных работах. Были ли кулаки по-настоящему? Нет, все жили средне. Сказывается классовое прошлое, оно грузом висит. Из Топорихи на Агапово. Так и стоит один дом Кислинова Николая Григорьевича. Даже кобель убежал в Вишенное. Нет сук, а время свадеб. Говорят, что вернется. В Вишенное. Якова Ведерникова нашли в поле. Поседел. Плачет: из 2.200 га у него 1.900 весновспашки. Подсадили Героя так, что стало просто жалко. Мучается, рвет нервы, а высокого урожая не возьмешь. […].

12 мая. [Белинский район]. […]. Был в начальной школе. Учительница, не стесняясь детей, а их всего 8, выкладывает все свои горести и невзгоды. На первом ряду девочка 7-ми лет с настороженными глазами. Воспитывает ее бабушка. Мать и тесть убили отца. Тестя посадили на 10 лет. Мать связалась с прибывшим из заключения. Его опять посадили. Мать второй раз попала в сумасшедший дом. Есть братишка 4-х лет. Отсюда печальные глаза.

На Белинск уехали другой дорогой. Заскочили в Тарханы. Вызвал художников, дал поручения по доделкам. Успел заехать к истокам Хопра. Всё, что сооружено в прошлом году, цело, но страшно загажено. Сорняк буйствует. Лесник ничего не делает. Надо закручивать винты.

13 мая. […]. Явились Трофименко (охрана природы) и Кишкурно (охрана памятников) и доложили, что 40 тыс. рублей музею Лермонтова перечислено. Долго тянули бюрократы. В 13.00 с Фоминым и Ефимовой – на дизельный завод. Приняли и одобрили образец литой из чугуна решетки для ограждения входа в музей-усадьбу «Тарханы». Посмотрели место строительства Дворца тяжелой атлетики, дал поручение о реставрации стен бассейна. Заехал на альпинарий. Так ничего толкового и не сделали, не получается. Не хватает умения и культуры. Вечером с Щербаковым А.Е. ходили к Дому просвещения. Определили некоторые детали. Доложили Льву. Нашли решение. Смотрели проект оформления Н.-Ломовского дома культуры. Делают московские художники. Как всегда, не столько забота о красоте, сколько о заработке. […].

15 мая. […]. Вывел противоречивость исторических личностей: противоречивы те, которые делают революционные преобразования в период эволюционного развития (Грозный, Петр I, Сталин), т.е. «революция на эволюции», не противоречив Ленин, т.к. революция на революции. Новая эпоха!

22 мая. […]. В 10.00 собрался народ по часам «кукушка». Уяснили кое-какие детали. Но есть одна, которую никто не решил: место, где привязывать часы. Архитекторы спорят, не будучи на месте. Беседа с писателем Н.И. Катковым. Попросил его подумать о произведении, связанным с героической жизнью Кижеватова и трагической судьбой его семьи. Осторожничает из-за «излишней добросовестности». Говорили о «Романе по заказу» Н. Почивалина. Я его вчера дочитал. Мое мнение: материал отличный, «повесть о хорошем человеке». Но осталось пристрастие к журналистике, очерку. Если [бы удалось] дать все «изнутри», в сложном, но реальном столкновении интересов! Много языковых погрешностей. Это, конечно, не роман, если следовать канонам.

В 11.30 на Московской ул. отвергли предложение архитекторов. После поиска нашли хорошее место для часов. Положил сам кусок бетона. Заехали на дом №45 [ул. Куйбышева]. Дело движется, но медленно. Потом на станцию юннатов. Надо делать! […].

26 мая. День сносный. Нет дождя. Решили ехать как назначено. В обкоме КПСС ждут Куштанин и Трушин, появилась Е. Кулькова. На двух машинах пошли в сторону Кузнецка. Меняются села, их облик, но нового вносим пока мало. Первая остановка у Благодатки. Поцелуев уже здесь. Как с осени прошлого года стояли блоки, так и стоят. Клянется, что к четвергу установит скульптуру Радищева, а в июне все закончит, Надо, правда, посмотреть что будет за скульптура? Через Кузнецк на Радищево. Поля зарастают овсом. Не знаю, как с хлебом, а сорняка будет много. Сделал снимок панорамы, потом церкви… Начали осмотр здания, в которое переберется музей. Его хоть отапливают, а то экспонаты гниют. Потом церковь. Заложена прадедом Григорием Афанасьевичем в 1736 году. Округа вся запущена, заросла бурьяном. Церковь, вероятно, не один раз перестраивалась, а когда-то соединялась галереей с барским домом. Есть остатки и кирпичных, и дубовых столбов, державших переходную галерею. В церкви сохранилось надгробие отца Радищева Николая Афанасьевича и, кажется, его деда. Птицы загадили центральную часть, где иконостас из другой уже церкви. Интересных икон не видно, но вот росписи по сырой штукатурке есть, действительно, древние. Еще тех времен. Интересны остатки притчи о бревне и соломинке в чужом глазу. Особенность – домаш-

няя церковь для помещика на сводах церкви […]. Музей. Экспонаты – гравюры и картины. Бедность. В усадьбе сына Павла. Остался пристроенный дом. Хороший памятник – Радищев во весь рост. Плохие [проекты предложили?] Почуашвили и Курдов. Этот же можно перенести в музей. Провел планерку. Договорились делать музей, которого пока нет. В Кузнецк с Чистяковым и Епифанцевым. Дворец у Поцелуева и Мары, где хотят делать памятник Победы. Интересное место! […].

30 мая. […]. Много [спорим] о перестройке. Моя мысль: хоть и объявлена, но перестройки управления сельским хозяйством не будет. Чиновники так окопались, так все замели, что нет такой силы, которая была бы способна преодолеть сопротивление чиновника. Сила эта – страшная! Могут быть лишь полумеры, видимость, а коренное [изменение] абсолютно невозможно.

31 мая. Весна заканчивается отличным, светлым и жарким днем. Из Лопуховки позвонил Лев. Они отправляются в вояж, а мне – встречать Воловченко. […]. Воловченко прилетел из Саранска на Ан-2. Вид крайне усталый, глаза маловыразительные, эмоций никаких. Согласовали за чашкой кофе программу на сегодня. […]. Сразу в Рамзай. Показ техники к уборке урожая. Смотрит все машины, но без каких-либо восторгов. Потом на Панкратовку. [Смотрели] машинный двор, стоянку техники, красный уголок, бытовку, установку по брикетированию витаминной муки. Обед в столовой. Богатый стол. Отличное впечатление производит Виктор Бельденков. Энергичный, в вечном поиске, кипит творчеством, деловитостью. Просто замечательный работник и интересный собеседник. Такие творят историю. После обеда [смотрели] вторую очередь [строительства животноводческого комплекса?] и через Ухтинку (посмотрели базу комплектации мелиораторов) – на Бессоновку, Грабово (смотрели с дороги комбикормовой завод) [приехали] в Вазерки. Индюшиная ферма. Первый в стране опыт содержания индеек в клетках […]. Нужно 9 млн. руб. на достройку. Воловченко промолчал. Такое впечатление, что ему это все […] мало интересно. Приехали в Лопуховку. Через полчаса [появились] Лев и Дорошенко. Поцеловались, сели за стол, но сразу какой-то требовательный, деляческий разговор. Неловкость. Хохол [Воловченко] вдруг пробудился и выдал Виктору: «Вы молодой, и я прошу со мной в таком тоне не разговаривать»! Тот пытался что-то возразить, он ему навесил в том же духе раза три. Вмешательство Льва не помогло. Все усугубилось... «Я был в 24-х областях, но так меня нигде не встречали, так хамски не относились». Демонстративно ушел к себе, не став ужинать. Лев было начал тоже кипятиться, но ситуация сложная. Прогнали Дорошенко и Глушенкова и

со Львом пошли к Воловченко. Он доволен, что зашли. Кое-как договорились забыть эту неприятную сцену. Выпили по рюмке коньяку в знак мира. […].

3 июня. Обычный понедельничный день. […]. Были по Тарханам из Белинска. Тянем этот объект изо всех сил, хотя трудностей и вопросов много. Снова пришлось принимать решения, давать поручения. В 15.00 – беседа по музею Радищева. Там темнее. Музея нет. Чтобы делать, нужен генеральный план. На все это нужны деньги. Звонил в общество охраны памятников. Пригласил Вл. Ник. Иванова, зам. председателя. Контора богатая, надо ее использовать вовсю. Следует подумать об объектах показа. Затянуть в Наровчат бы. [Мне] показали фото могилы отца Лермонтова в с. Шипово Липецкой области. Все загажено. Позвонил Н.Д. Колпину, председателю Липецкого облисполкома: «Думаем забрать останки к себе». А он и не знает, и не возражает. [Ему] наплевать. […].

5 июня. […]. Разговор с Чураковым и Кишкурно о реставрационной мастерской. Беспредметные предложения. Написал, что на ум взбрело, положил ко мне на стол, а там как хочешь. Отругал и прогнал. Надоела беспредметность идеологов. Беседа с З.С. Темногрудовой. Берем на главного хирурга области. Способнейший хирург, верх авторитета, милая, скромная, но решительная женщина. Договорились! В 15.00 – на станции юннатов планерка. Условились о ее вводе к 1 сентября […]. Беседа с Ардаковым. Посылаем его главным врачом областной больницы […]. Большой разговор с В. Налобиным. Пишет пьесу о Лермонтове. [Судя] по его рассказу, [он] увлекся неясными сказками: извинение [Лермонтова перед Н.Н. Пушкиной], встреча с Пушкиной, Мартынов в Тарханах. Мое мнение: боюсь крайностей. [Нужно] не исследование, а пьеса, в которой важен облик Лермонтова – борца, поэта. Однобокость опасна. Важно не что сказать, но и как сказать. Нужна объективность и взвешенность. […].

12 июня. […]. Заехал на дом №45. Чем ближе к концу, тем больше красавцем становится. Дом будет одним из чудес Пензы, симфонией великому мастерству умельцев из народа, их потомков камешкирцев. Теплый разговор с Сорокиным. Обещал [строителям] быть в пятницу на окончательной приемке. […].

13 мая. Остался в Пензе. Лев уехал в Городище. Все в разгоне по ремонту комбайнов. Утром приехала делегация венгров, 61 человек. В 12.00 я их принял. Любят официальные беседы, переговоры. Делают это обстоятельно, с серьезным видом. Кое-как отделался. Перекусили и с Поповой К.П. и Болдиным В.И. – в Мокшан. Там директора всех средних школ г. Пензы. Я настойчиво пропагандирую опыт Мокшанской школы. Говорят, что побывало более тысячи человек. Беседа с

директорами школ. Они высоко оценивают опыт. Многое понравилось. Мои замечания и мысли: [мокшанская] школа создана трудом учителя, влюбленного в свое дело. Все пронизано этой любовью. [Но и] воспитателя надо воспитывать. Нельзя звание учителя облекать правом на безапелляционность. Ученик – главная фигура школы. Его руками надо делать все. Если [что-либо] прошло через его труд – [ему будет] дорого, нет – его мало интересует […]. Важно заставить каждого ученика участвовать в процессе созидания. Зоя Космодемьянская хрестоматийна. Она интересна, но безлика. Свои Герои – ближе. Надо искать своих, приближать. […].

14 мая. […]. Леса [с дома на улице Куйбышева, 45 «а»] сняли, и дом «заиграл» как истинное чудо. «Петушок» – это ремесло, а этот дом – произведение искусства, очередное чудо Пензы, ее гордость. Хорошо, что сохраним потомкам. Он почти погибал. Успели схватить и вернуть к жизни. И удалось это сделать благодаря таланту камешкирцев. Банкет. Поблагодарил. Они расчувствовались. Часы Василию Сорокину, спасибо Николаю. Что-то хорошо сказали в ответ: «Пенза прославится в веках»! […].

15 июня. […]. Выехал около 9-ти. Сразу в Белинск. Поля радуют глаз и душу. Такого хлеба Пензенская область никогда не видала. В этом году удастся преодолеть рубеж сдачи 100 млн. пудов! Это будет величайшая победа. На границе – О.И. Гринь. Сразу об отпуске. Он не очень настаивает, хотя мог бы и отдохнуть летом. Вечно мы вносим нервозность, ставим их в жалкое положение. Заехали в с. Калдусы […]. У комбайнов и на свекле. Народ недоволен, что нет мяса. Ропщут белинские. Хирург на прорывке свеклы! […]. Музей Белинского. Странная «кишка». Надо брать дом Артюшина купца и революционно решать всю территорию. На турбазе «Чембар» получается просто здорово. Заехали на Дубки. Сделали хорошо, [надо] чуть дотянуть. Взял лесника и опять в Тарханы. Наметили точно границы театра в овраге, договорились быстро делать. Идея Гаврилова просто гениальна. Надо только ее осуществить. Проводили [меня] до границы. Домой попал около 10-ти. Весь день наполнен Лермонтовым, Белинским. Чем дальше, тем больше втягиваюсь в эти места. Хочется дотянуть их до ума, делать хорошо. Тяжело с исполнителями. Местные инертны, а пензяки тянут.

17 июня. […]. Начал отрабатывать вариант отдыха [своего отпуска]: Саратов, потом Астрахань, оттуда теплоходом до Баку. С.В. Козлов гарантирует место в доме отдыха на берегу Каспия. Так, вероятно, и останется. Хочется посмотреть новые места, чем-то «заполниться», что-то понять! Говорил с ВЦСПС, Л. Землянниковой, о штатах на выставку. Пока ничего решить не может. Пришлось подключить

Н.Н. Романова. Ему нанесли еще один удар: не избрали депутатом Верховного Совета СССР. Добивают [«комсомольцев»]. Пригласил в Пензу, но он собрался в Ленинград, а потом в отпуск.

После обеда собирал по Тарханам. Все планируется, но называют новые сроки. Тянут и тянут. Уехал около 6-ти домой. По дороге завернул на ул. Куйбышева. Дорожники начали копаться. Дом красив, теперь важно все привести в порядок около дома, а затем и внутри дома. Предстоит еще много возни, пока дотянем. Со Стригановым В.М. – Министерство культуры РСФСР. Поблагодарил за помощь. Забил вопрос о переносе праха отца Лермонтова. Хорошо бы в Тарханах собрать всю семью. Обещал поддержать! Идея движется.

18 июня. Думал день проработать в Пензе, да и дел много надо раскручивать. Надвигается семинар, подходят дни Лермонтовской поэзии. Позвонил в Москву. Пригласил проф. Иванова из общества охраны памятников. Он мне нужен как источник денег для создания уникальных вещей и приведения в порядок старины. Что бы дальше ни случилось, я доволен, что удалось за эти годы создать несколько уникальных объектов («Петушок», «Бочка», «Родник», Дом рыбака, Сторожа и башня у Мокшана, Тамбовская застава, Резной дом), которые останутся памятниками красоты и древности, современности и поиска. Я уж не говорю про восстановление Тархан, турбазу «Чембар», истоки Хопра, гостиницу «Ласточка» и, если удастся, музей Радищева. [Они] поднимут туризм и интерес к прошлому на новую ступень. […].

23 июня. […]. Поразило меня благоустройство [Мокшанского] лесничества. Здорово! Сели на новом месте и сделали здорово. «Сторожа» – не очень. Где-то я промахнулся, не получилось. Обед в Мокшане, [потом был] на «Роднике» и в Доме рыбака. Страшная система: входную плату не берут. Виноват строй, который не заинтересовывает. Зарплата идет, а на интересы дела наплевать.

Вернулся около 6-ти вечера в Пензу. Дремал. Красиво смотреть на город с нашего балкона. Далеко-далеко в синих лесах исчезает горизонт. Из леса выступают Заречный, Ахуны. Справа излучина Суры крадется в город. Центр закрыт домом губернатора, в саду которого мы живем, и горкомом партии. Тихий, уютный город.

27 июня. […]. Около 2-х уехали в Совмин РСФСР. Встреча со Школьниковым А.М. Умный, хороший мужик. Россия серьезно проиграла, что не его назначили председателем Совмина РСФСР. Богатый опыт, знание многих областей, работа в качестве первого секретаря Воронежского, Сталинградского, Тамбовского обкомов КПСС дали ему многое. Но... нашли другого, не очень удачного. Показали фото-

графии, рассказал о «наводнении», о Тарханах и плотине у Божьей горы. Обещал дать поручение и приехать в Пензу. Сейчас собирается в Алтай. […].

28 июня. […]. К 14.00 удрал [с сессии Верховного Совета РСФСР] в Союз писателей СССР. Андронников, Верченко, Луконин, Кешоков. Договорились о Лермонтовских днях поэзии. Разговор с Кочемасовым. Переносим прах отца Лермонтова. С Андронниковым – к пл. Пушкина. В гостинице, а потом на поезд […].

29 июня. Проснулся за Пачелмой. Пока раскачался и умылся, уже «Белинская». После московской духоты даже через вагонное окно так легко дышится, такое буйство трав и такие запахи, что кружится голова. Пензенские родные просторы. Как все это близко к сердцу! Даже успел у Нечаевки увидеть Ф.И. Шмырова, директора совхоза. Куда-то захромал через линию. Встретила Вера. Егорушка улыбается от радости. Хороший парень, соскучился о нем. Растет, тянется на глазах. […].

3 июля. Чуть опоздал на работу […]. Сразу явились Л.П. Замойский и Б.И. Лебедев. Сын Замойского – корреспондент в Италии, теперь работает в Москве. Показал много интересных фотографий отца, членский билет Союза писателей СССР, копии его интересных писем. У отца – деревенское лицо, но с детства тяга к культуре. Сын уже побывал в Соболевке. Заметил изменения, которые произошли в последние годы. Поразился им. Место их дома занято каким-то новым строением. Его цель – напомнить об отце. Я искренне поддержал. Думаю, что зря забыли: «Лапти» были в свое время величайшим произведением той бурной от классовых потрясений на селе эпохи. Позвонил в ЦК КПСС т. Беляеву. Рассказал о Лермонтове, задумке по музею Малышкина. [Сказал, что] зря забыли П. Замойского. Скоро 80 лет [со дня его рождения], надо бы вспомнить. Партийный был писатель, и в войну, когда бежали иные в Ташкент и Алма-Ату, он приехал в родное село и стал секретарем колхозной партийной организации. Условились: [издать] избранные сочинения к юбилею, [провести] торжественное заседание в Пензе и Москве. Может, бюст в Пензе. Отправил Л. Замойского в поездку по интересным местам Пензы вместе с В.А. Дубровским. Подарил ему пластинку пензенского хора. […].

6 июня. На вокзале встретил Ю. Верченко с женой и В.М. Стриганова. В гостиницу. Разместили. Жена немного надменна и уже избалована, хотя в РК КПСС в Москве простой инструктор. Завтрак на 6-м этаже. Обошлись сухим вином. Составили программу: В.М. Стриганов уезжает в с. Радищево осмотреть музей и его перспективы, Верченко смотрит музей Ульяновых и картинную галерею. К горкому партии. Огромная колонна с цветами. Возложение цветов к памятнику поэту в Лер-

монтовском сквере. Трогательное зрелище. Масса детворы, яркие краски цветов, а по радио песни на лермонтовские стихи. Все очень и очень трогательно. В филармонию. Научная конференция, посвященная Лермонтову. Отличное вступительное слово К. Вишневского. Сухое, но интересное выступление Арзамасцева. Искренне тронула Владимирская, говорившая, а не читавшая доклад. Невзрачная внешне, но как богата внутренне, и это богатство мысли просто зажигает. […]. И. Андронников дал высокую оценку [конференции]. Концерт. Молодец Н. Котляр. Академический хор опять на высоте. Но глаза красные и страшно потеет. Наверное, пьет. После концерта передохнул дома, а в 8 с Верченко и Стригановым – в «Петушок». Ужин без большой выдумки. Длинно и очень скучно. Надоедают трапезы... «Правда» опубликовала беседу со мной о празднике в Тарханах. Давно не был на страницах этой газеты.

7 июля. Хороший, солнечный день. Подъехал к гостинице «Пенза». Писатели уже почти в сборе, только Верченко Ю. с женой где-то копаются. Не проявляю особой заботы. Не тот калибр, да и смущает нескромность. Отъехали в 9-м часу. Взял микрофон и всю дорогу до Лермонтово вел рассказ: о делах области, урожаях, заготовках, о Пугачевском восстании и селе Загоскино, об истоках Хопра и былых кочевниках, об Арслане Полкаеве, о Куваке и Воейкове, об Аргамаково и Шаляпине. Масса автобусов. Лермонтово полно людей. Возложение цветов к склепу. Писатели – в склеп. Немного посмотрели церковь Михаила Архангела. Пешком по селу всей делегацией – к усадьбе. Большой разговор с Ираклием Андронниковым. Он не узнает села. На усадьбе. Осмотр дома. Я тем временем познакомился со старейшим организатором музеев (готовил музей Лермонтова в 1937 г.!) Н.П. Пахомовым. Он мне лестно: «Лермонтову иногда везет. Попадаются же на пути памяти о нем такие деятельные люди! Спасибо вам!»

В 11.30 – в зеленом театре. Дали вести В. Дорошенко. Кошмар: готовое прочитать не может. Лев [выступил] неплохо, если не считать «второго открытия», Вишневский – хорошо, Андронников – экспромт. Закончили за 1 час всё. Палящее солнце. Дальше тяжело. Красиво смотрится театр. Богатство красок на склонах оврага под лучами солнца. Сразу на турбазу «Чембар». Обед до осмотра. Лев сунул тост мне. Интересные тосты писателей и поэтов. Осмотр базы, отдых. Стихи Румянцевой «о седине». Автобусом до Каменки. Еще один банкет во дворе РК КПСС. Опять тосты. Я: не зря живем, делаем красивое для народа.

Проводы на вокзал. Кое-кто перебрал. С Почивалиным и Катковым в машине домой […].

11 июля. […]. После обеда звонил Ф.Д. Кулаков:

– Как идут дела?

– Все нормально. Ждем хороший урожай.

– За 100 млн. пудов перейдете?

– Нет вопросов.

– А с транспортом?

– Здесь всегда есть вопросы.

Обещал помочь. Остался один в ЦК. […].

30 июля. […]. Его [Л.Б. Ермина] идея – придавить среднюю школу и всемерно развить профессионально-техническое образование. Надо об этом сказать на сессии. Вопрос, с точки зрения интересов народного хозяйства, понятен и оправдан, но как об этом сказать на сессии? Это подрыв средней школы, оставление без дела сотен преподавателей, замена всеобщего среднего образования средним профессиональным. Надо найти удобную формулировку. Второй вопрос – сколько сдавать хлеба государству. В речи – «будут бороться за 100 млн. пудов». Эту цифру и даже больше Лев называет в ЦК, я ее подтвердил в недавнем разговоре по телефону с Ф.Д. Кулаковым. Вообще, нам казалось, что зреет невиданный урожай, однако появились первые признаки того, что хлеба, которого ожидали, может и не быть: подводит озимая пшеница, хуже – горох, нет совсем проса, а что дадут яровые – сказать трудно. Решили назвать пока прошлогодний рубеж.

В 18.30 «Яком» улетел в Москву. С аэродрома заехал к маме на кладбище. Вишня закрыла могилу и красными слезами висит над памятником. Поцеловал портрет мамы. Под камнем ее останки. Грустно и непоправимо. […].

6 августа. Весь день дома. И на работу можно было бы пойти, но Вера протестует. Она считает, что безделье дома – тоже отдых. Может, и права. После вчерашней поездки почти весь день находился в расслабленом состоянии, если не считать того, что часа четыре возился с Егором. Он все взрослеет. Если раньше минуты не мог находиться в одиночестве, то теперь почти два часа лежал и самозабвенно сосал игрушку, тренируя первые два зуба, вылезшие на низу, разговаривая и аукаясь. Верх его способностей – целенаправленный визг, напоминающий отрывок песни дикаря. И это не плач, не возмущение, а звук, в котором далеким эхом отдается прошлое человечества. Скоро встанет на четвереньки, потом на ноги, возьмет в руку палку, лук, будет любить огонь и т.д. Ускоренным темпом пройдет все этапы, прежде чем стать современным человеком.

В изучении далекого прошлого человека нередко первобытнообщинный строй изображается как золотой век равенства человека, расцвета первобытной демократии. Мнится мне, что не было такого века. Мысль о нем родилась ради будущего. Прошлое же темно и страшно. Жизнь первобытного общества – это мученье, беззащитность человека перед природной стихией, обстоятельствами. Это жуткий (неосознанно) труд в элементарной борьбе за то, чтобы выжить. Это, наконец, грубейшее господство силы, подавления этой силой. […].

8 августа. Всю ночь и первую половину дня шел дождь. В 6 утра так барабанил, что разбудил. Хлеб есть (правда, кажется, не такой, как ждали), но как его взять? Поразительно мокрое лето. Дождей было столько, что хватило бы на три обычных лета. […]. Слушаю вечерами западное радио. Кажется, вопрос ухода в отставку Никсона – вопрос ближайших дней. Его не выдерживают никакие слои американского общества, никакие конституционные порядки. Сколько ни храбрился, а демократия сделала свое дело. Или сам уйдет в отставку, или его с позором освободят от президентского поста. Третьего не дано. […].

12 августа. Уехал в обком КПСС около 8-ми утра. Первый день работы после отпуска. Надо все посмотреть заранее. Лев уже у себя, обзванивает районы, пытается по телефону подтолкнуть уборку. Дело это тяжелое, когда нет погоды. Готовит с Семеновым расчет в Москву. Там пропускают все области. Кажется, положение с хлебом в стране не очень хорошее. […]. Если и в прошлом году не сделали серьезных государственных резервов, способных покрыть недобор хотя бы по одному этому году, то, действительно, положение сложное. Но оправдать подобную политику Министерства заготовок СССР нельзя. Это откровенная беспечность и головотяпство. Выход найдут один: будут давить на области, выкачивать хлеб, чего бы это ни стоило. Но на другом конце этой палки – положение в животноводстве. Подорвем его, станет еще сложнее: и так не хватает мяса. Может серьезно сказаться на настроении людей... Мы называем 1.200 тыс. тонн, нам предварительно записали в ЦК 2.170 тыс. Разрыв в 1 млн. тонн большой. Его так просто не возьмешь. Будет неприятная борьба. […].

13 августа. […]. Начинаю понимать, что случилось с хлебом. Земля много отдала питательных веществ в прошлом году. [Тот] урожай вытянул то, что копилось два года. Плохая по срокам и качеству зябь, излишняя влага («сладкая роса»), плохие условия уборки […].

20 августа. […]. Пешком в обком КПСС. Сегодня совещание, надо прийти пораньше. Секретари РК КПСС уже бродят по площади. Не умеют селяне спать, как

горожане. В 9.00 – совещание «об очередных задачах». Схема до ужаса надоевшая, старая, обесценивающаяся. Может, и поэтому так мало действенности от наших совещаний. Нет выдумки, поиска, «изюминки». Опять допрос и объяснение «необходимого». […].

26 августа. Планерку проводить не стали. Все должны быть в районах. Сели опять считать хлеб, который день ото дня убывает. Сегодня за исходное взяли 16 ц/га. […]. После обеда – на Белинск. Остановился около средней школы в Загоскино. […]. Заехали в Калдус, потом в Щепотьево. Директор где-то с утра пропал, бригадир пьяный. Машины стоят, шофера пьяные, стоят тракторы. Страшное впечатление. Самому в Щепотьево пришлось велозаводцев разводить по избам. Население не берет на постой. Нелицеприятный разговор с Гринем. Это хулиганство! В «Возрождении» тоже картина мертвечины, застоя, обмана. Сказал Гриню всё, чего он достоин. Дальше терпеть нельзя, да и не к чему. Немного лучше в Лермонтово. Здесь комбайны работают. На минуту заскочил в усадьбу. Дал поручение Арзамасцеву самому искать могилу Ю.П. Лермонтова. Надо брать на себя.

31 августа. Мы 8.15 забрал у обкома КПСС А.П. Майорову и Н.М. Почивалина. […]. Пошли на Кузнецк. Солнечно, ярко. Еще свежая зелень (здорово обмывало дождем это лето). […]. Через Кузнецк на Аблязово. Уже издали хорошо смотрится побеленая церковь. Усадьба преобразилась. Зашли в новый музей. Смотрится уютно, хорошо размещена экспозиция. Я не вникал детально в ее содержание, но есть хорошие находки. Мне все понравилось. Началось торжество. Народу тысячи две. Возложили венки к памятнику у нового музея. Е.Б. Кулькова открыла митинг, посвященный 225-летию со дня рождения Радищева. «Слово о Радищеве» – профессор, доктор [наук] Бочарова. Впечатление отвратительное: затянула до 35 минут, пустой пересказ биографии с никому не нужными и не интересными деталями, академическая чепуха о языке писателя, никакой связи с советской действительностью, с делами и жизнью его родины, села. Вероятно, и лекции так читают. Чепуху городят студентам, а тем деваться некуда – экзамены надо сдавать. Лучше всех выступил Н.М. Почивалин: и говорил красиво, и слушалось легко и, главное, с хорошим знанием дел в селе, людей. Интересно – учительница местной школы. После митинга народ – в музей, а я – к фундаменту дома, где провел детские годы писатель. Есть у меня мечта восстановить этот дом. Усадьба сразу примет и вид другой, и станет достовернее. Нашли хороший проект, а деньги мы вырвем. Посмотрел церковь. Армяне сделали, но явно халтурно. Жалко отдавать премию. Внутри церкви предстоит еще многое сделать, хотя иконостас смотрится уже не-

плохо. Надо еще расставить по местам и насытить ее. Уехали в Кузнецк. Обед в ресторане. По дороге заехали в Русский Ишим к Матрене Смирновой (автору «Милой рощи»). Как я и боялся, – пьяная, с воспаленным лицом. Единственно, что ее волновало и чего она настойчиво добивалась, – «рубль на похмелку». Надо бы лечить ее, но поможет ли? Расстроенные вернулись в Пензу. […].

1 сентября. […]. Вчера поступила телеграмма Генсека «о мерах по заготовке кормов для полного обеспечения животноводства кормами». Из телеграммы ясно, что с хлебом плохо. Ставится своеобразная задача: «при меньшем количестве концентрированных кормов дать больше продукции животноводства». Полдня сидели и курили со Львом. Положение складывается отвратительное. Урожай падает и падает. Сегодня он опустился уже до 15 ц/га. Вчера – суровый разговор с Ф.Д. Кулаковым. Он закончил пропуск областей. Мы не говорим, что счет, который возили две недели назад, не верен. Обещали сдавать, исходя из урождая 18 ц/га, 1.300 тыс. тонн, теперь же – 800 тыс. тонн. Прореха большая. Мороковали, что делать. Я высказал Льву свою точку зрения: не ждать, когда события пойдут на нас, самим идти навстречу событиям. Надо ехать в Москву. Находить повод и способ доложить правду о хлебе. Думали, что делать по телеграмме. Я считаю, что в такой обстановке рисковать не следует, не надо давать повод, что мы «недооценили», «не придали значения», «не мобилизовали» и т.п. Решили на четверг готовить собрание областного партийного актива. […].

2 сентября. В 9.00 – планерка. Как вчера договаривались, назначили на 5 сентября собрание партийного актива. Надо не потому, что нет кормов, а потому, что нет хлеба. Поедут комиссии, потребуют протоколы, а мы провели... Договорились, что все немедленно разъезжаются в районы помогать готовиться к районным собраниям актива. […].

4 сентября. Бабье лето продолжается. Погода стоит и солнечная, и сухая, и теплая. Сегодня вечером, когда возвращался домой, на городском градуснике значилось +15. Провозился дома и пришлось ехать на машине. Приемная полна народа, но бросился в глаза бледный А.Г. Симкин, зам. зав. облздравотделом. У него ЧП: в 5-й [больнице] двум роженицам, которым требовалась операция, уже на операционном столе дали вместо кислорода углекислоту. Неряшливость погубила двух женщин и двух детей. Случай кошмарный! Пришлось позвонить министру В. Трофимову, дать команду прокуратуре заводить уголовное дело, создать комиссию по изучению причин неряшливости. Позже я попросил С.В. Кульнева, председателя

комиссии, пойти от частного к общему, понять обстановку в комплексе. Прощать такие вещи нельзя! […].

5 сентября. […]. Все эти дни мучаюсь проблемой социальной структуры общества. Определяются две закономерности: вместо выравнивания труда умственного и физического идет откровенное смещение в сторону умственного за счет принижения физического. Вместо сближения города и деревни идет откровенное смещение в сторону города за счет обезлюживания, запустения деревни. Тенденции страшно опасные. […].

6 сентября. Погода не меняется, как взяла одну ноту, так и пилит, не меняя ни тембра, ни высоты. Уборка завершается. Осталось менее 100 тыс. га из 1.600 тыс., но хлеба мало. Пока 14,4 ц с га […].

С Белоцерковским уехали на дизельный завод. Еще раз смотрели большим коллективом часы «кукушка». В литье из алюминия вещь получилась и солидная, и привлекательная. Это – очередное чудо Пензы. Дал согласие в понедельник ставить ее на место. Заехали во Дворец водного спорта. А. Фомин стонет, но ремонтирует. Дворец тяжелой атлетики идет медленно – не хватает свай. Клинченко уже дома. Доволен серебром Калининой, но говорит, что она попала в переходный возраст и начала сдавать […]. Большая беседа с А.Г. Симкиным по делам здравоохранения. Страшная ошибка в больнице №5, повлекшая две смерти, но что за ней кроется? Кто поставил и подключил баллон с углекислотой? Надо искать! […].

8 сентября. […]. Беседа с инспектором Министерства заготовок СССР. Чем меньше хлеба, тем больше комиссий, инспекторов. Изложил свои впечатления. Его тревожит медленная сдача хлеба. Нашел чисто чиновничий вопрос, что дополнительное задание (нархозплан) не отмечается в промфинпланах совхозов. Его считают дополнительным. А если бы планировали, то боролись бы за более высокий урожай (!?). И верит, бандит, что урожай зависит от строчки в плане! Ничего особенного не нашел, но первую пристрелку провел. Наших уже тянут на коллегию Минзаготовок СССР. Наверное, в справке накрутит больше... Говорили ласково, внимательно, обходительно, хотя в душе я бы его с огромным удовольствием тяпнул по башке пепельницей. Тянул из нас цифру сдачи. Так и не назвали. Есть что убирать. Когда уберем, тогда и сосчитаем. Из него вытянули цифру предполагаемых заготовок: вместо прошлогодних 90 млн. тонн ожидается 75. От прошлого года ничего не осталось, скорее всего. […].

14 сентября. […]. К 10.00 пошел в Дом санпросвета на ул. Володарского. Совещание всех главных врачей больниц области. Главная цель – рассмотреть дикий

случай, имевший место в роддоме больницы №5. Используя его, поговорить о долге и ответственности врача. Доклад С.В. Кульнева. Построил хорошо, много интересных положений. Но врачи не готовы к такому разговору. Елаев тоже полез в цитаты, А.И. Левков – в мемуары. Большого и принципиального разговора не получилось. Пришлось выступить. Главный смысл: это не ошибка, а преступление, а преступление – результат халатности. [Я] против безапелляционности и – за сомнение. Врач не может быть обывателем. О положении в некоторых больницах. Кажется, получилось, хотя не очень стройно. Главное – посеять не страх, а вызвать серьезность. Вечером у нас была Филина. Разговор продолжился. Сложное это дело, родовспоможение. Надо не торопясь все проанализировать и найти решение. Торопливость здесь опасна. […].

15 сентября. […]. Прочел сегодня книжку, которую привез из Болгарии Миша, М.В. Алпатова «Древнерусская иконопись». Очень философская, насыщенная. Я с некоторых пор начал интересоваться иконой. Объяснение этому в сочетании ряда обстоятельств: тяготеет прошлое (предки оставили в крови), люблю историю своего народа, подтолкнуло знакомство с Ярославлем, Ростовом и книга Солоухина «Черные доски». Самое большое впечатление – от Толгской Богоматери (1314 г.) в Ярославле. Когда смотрел в ее глаза, казалось, что в них воплотилась вся скорбь русского народа, попавшего под иго татар. Ни на одной картине не видел таких скорбных глаз. Во многих святых, если мысленно снять с них одежды церкви, я вижу русских людей тех столетий, когда писались иконы. Это мои предки! Без иконы мы станем варварами. После Киевской Руси всё творчество народа, его художественный гений воплощен в ликах икон и росписях церквей. Это «русское Возрождение». Художники у нас появились поздно, но они были талантливые и отдавали свой талант созданию образов в рамках иконописи. […].

18 сентября. День длинный и напряженный. К вечеру отчаянно разболелась голова. […]. Ездил на цирк. Стеклом заложили проемы, и цирк архитектурно выиграл. Хорошая находка! Удачно пришло в голову. В 17.30 приехали со Львом на открытие Дома политического просвещения. Получилось хорошо. Лев вложил много сил, я только соучаствовал. Поблагодарил строителей, а потом доклад Льва о решении ЦК по Белоруссии. Прозвучал резко, но неплохо. […].

19 сентября. […]. Днем позвонил Д.С. Полянский. На Политбюро рассматривали вопрос о хлебе. Признано, что область должна сдать 800 тыс. тонн. Просил позвонить лично Л.И. Брежнев. Если больше, он будет приветствовать. Может, по-

звонит и сам. Решили сделать, не дожидаясь звонка. Скорее всего, это правильно! Стыдно не сдавать. […].

20 сентября. Как вчера договорились на бюро ОК КПСС, приехал к 7-ми обзванивать районы по хлебу. Льва еще нет. Я и Огарев. Позвонил в Белинск, Кондоль, Беково и Сердобск. Настроение в районах тихое. Но сельхозотдел (вечные путаники!) согласовал уже другие цифры. Меньше, чем назвал я. Идет какая-то игра. Вероятно, Лев ждет еще одного звонка. Будет – нажимать, нет – обойдется. Но теряем время. Да и районы своей нерешительностью разлагаем.

В 9.30 уехал на строительство учебного корпуса педагогического института. Дело идет, но требует периодического подталкивания. Условились об отдельных деталях. Зашел в домик в парке. Сложно живет народ. Он – слесарь «Химмаша», она – уборщица в спорткорпусе. Две девочки. Доход 200 рублей. У него – одни парадные брюки, у нее – одно платье. Все уходит на питание. Да и питание – суп из консервированной кильки. Суп в обед и вечером. Нехорошо на сердце... […].

21 сентября. […]. Вышел на площадь. Кавалькада на машинах и лошадях пришла на площадь. Запашный в цилиндре, Кантемировы – в бурках, артисты – в цирковом. Красочная колонна. Трогательно – возложение цветов к памятнику Ленину. Собрал уполномоченных по благоустройству сел, находящихся на трассе будущего семинара. Договорились о немедленном приведении сел в порядок. С Цукановым – ко Льву. Всем составом бюро – к цирку. Церемония открытия мемориальных досок на фасаде цирка. Опять красочно, по-цирковому весело и хорошо. Фасад преобразился за счет пилонов и мраморных досок. Есть еще время. Со Львом и Кочетовым съездили на резной дом. Он не мог оторваться от этого резного чуда, от симфонии деревянного зодчества. Потрясло! В 13.00 – торжественное заседание, вручение ордена «Знак Почета» цирку. Заняло час. И торжественно, и на хорошей ноте. Представление динамичное, захватывает. У цирка свои прелести и главная из них – народность. […].

24 сентября. Опять занимался обращением строителей и опять пришлось отдать на доработку и отделку. Был Б.И. Лебедев-художник. Страшно пробивной человек. И рисует (кстати, поразительно быстро), и пробивает. Братья Сорокины из Камешкира – опять какой-то скандал в комбинате. Конечно, немного зазнаются, но относиться к ним начальству надо терпимее. Начальников много, Сорокины – жемчужина. В 12.30 уехал в Мокшан. Заехал в «Сторожу». Очень прижился этот трактир. Народу полно. Вероятно, удобно, что прямо у трассы. «Родник» далековато, да и стоянка [там] не очень удобная. […].

Сразу после совещания через Засечное, Царевщину – на Суворово. Давно думаю о восстановлении памятника. Еще при царе его поставили в с. Маровка, переименованном в Суворово. После революции разрушили, а в 1942-м году восстановили в худшем варианте. У памятника Кузьма Вас., ему 65 лет. Сам ломал в 1927 г., теперь охраняет. Фигура Суворова страшная, обезьянья. Церковь обваливается, трескается и рушится. А самое страшное, распалось село. Когда-то было 700 жителей, теперь 38 домов и 113 стариков, в школе 9 ребят. Восстанавливать нельзя. Скоро останется пустая степь. Люди уходят. За 2–3 года распались Скрябино, Шукша, Надеждино, Лягушовка. Ежегодно уходит 10% района (!). Трагедия. Шихмаметьево – 13 домов. Был в двух, неважное впечатление. Народ живет плохо, только наелся, а так грязь, темень, мрак. […].

6 октября. Был 1–5 октября в Ленинграде. Боролись за утверждение памятника. Победили! Ездили со мной: А.Г. Мельников – заместитель председателя горисполкома, Аристов – секретарь горисполкома, Малов – скульптор, Р.Н. Попрядухин – главный архитектор города.

7 октября. […]. Интересная беседа с Трубниковым и Ефимовой о создании кукольного театра по типу Образцова, о работе областной филармонии, о положении дел в драмтеатре, о парке им. Белинского. Поручил готовить предложения. Беседа с директором парка Белинского [И.Д. Балалаевым]. Человек очень необычной судьбы, учившийся всю жизнь, познавший трудности и счастливый от своей работы. Договорились о перспективах парка. […].

10 октября. […]. В 8.00 провел планерку на строительстве детской больницы. Вопросов еще много, но степень готовности большая. Можно при желании выдать детям этот дворец здоровья. Строители и ОКС как всегда путляют и путают, один валит на другого. Надоело, но и у них нет, вероятно, другого выхода: планы дают огромные, осваивать не успевают, а признаться в своей беспомощности не хотят. Вот и ищут причины, как и на кого свалить. […]. Рано уехал домой. Что-то хреновое настроение. Ездил и устал. Завтра с венграми еще день возиться...

14 октября. […]. Беседа с Кропачевой о статусе клубов выходного дня. Надо идти не от формализма, а от потребности всех ребят и возможностей школы на основе самодеятельности. Заезжал дважды на Пионерский сквер, где начали устанавливать часы «кукушка». Получается хорошо, но есть перекос […].

15 октября. […]. Заехал на «кукушку». Моя мечта создать городские оригинальные часы осуществляется. Ушло более пяти лет, однако разумная мысль при

известном нажиме всегда пробьет себе дорогу. Часы есть, и получились хорошо. Алюминиевое литье, хрусталь, а завтра добавится и полированный мрамор, да еще выскакивающая каждый раз кукушка с наклонами и кукованием – всё это дает основание считать, что часы будут одной из достопримечательностей города, его очередным «чудом». […].

16 октября. […]. Опять заехал на «кукушку». Болельщики есть, а все остальное стоит. И кукушка в 9 не выскочила, не хватило энергии аккумуляторов. Начинаются первые страдания. В 11.00 принял Альфреда Оя. Он все мыкается со своей юбилейной выставкой. Неорганизованный народ, эти художники. Условились о деталях на 25-е, дал поручение отделу и горкому. В 12.00 ездил на кукольный театр, предварительно договорились с министром культуры РСФСР Мелентьевым о выделении денег на ремонт. Здание хорошее, даже великоватое, но надо с умом его оборудовать. Берется художник из Ленинграда Гаврилов. Дал срок – пятницу. […]. В 16.00 – встреча с учеными из Института экономики АН СССР. Думаем разобраться в проблемах миграции населения. Вопрос стучится в дверь, и нельзя отмахиваться […].

20 октября. […]. В 11.00 пошел в художественное училище, созданное когда-то на деньги Селиверстова, пензенского губернатора. Он вложил в него в те времена 400 тыс. рублей. Только постройка обошлась в 150 тыс. Деньги взяли, училище создали, а создателя знают теперь единицы. Все стало общественным. И зло, и добро – все перешло в небытие. Осмотрел музей. Много интересного о Савицком, истории училища, что ютится в одной комнатке. Время наложило печать – все истаскано, заплевано, лестницы стесались от ног и времени. Раньше училось 60–70 человек, теперь в том же здании 500–600. Теснота, скученность, а помочь нельзя. Культура бедна, а селиверстовы перевелись. […].

21 октября. […]. М.А. Суслов приехал в Ташкент на 50-летие Узбекистана. Население, цветы, эскорт. Всем хочется немного славы. Главный, вознесшись высоко, может позволить без ревности дать частицу славы и окружению. Посадки деревьев от имени генсека! Давно стало ясно, почему в 1970 г. разогнали службы идеологии. Они не поняли, или не хотели понять, чего от них требуют. С уходом В.И. Степакова все встало на место!

22 октября. […]. После кофе в больницу. Остались от земства старые деревянные корпуса. Поразительное убожество и нищета. Надо искать способ строить новую больницу […]. Через Лопатино на с. Вершаут, татарское село. Фермы готовы неплохо, но поймал на коньяке для комиссии. Без этого нельзя: гостеприимство! В

15.00 – подведение итогов […]. Ужинать не остался. Минуя Шемышейку – на Пензу. Дорога и пыльная, и ухабистая. Егор встретил довольный. Любит он меня, паршивец. Может, потому, что редко видит?

25 октября. Хмуро, дождь с утра. […]. Скоропостижно скончалась Е.А. Фурцева. Что-то ушло! Моя молодость связана с ней (1950–1956 гг.), комиссия по увековечению памяти И.В. Сталина в 1953 г., последняя обстоятельная беседа была в октябре 1964 г. Много сказала о расстановке сил наверху. Последний раз [видел ее] по телевизору на 50-летии Театра сатиры. Дача. Не избрали депутатом Верховного Совета СССР.

28 октября. […]. Звонил в Москву о Фурцевой. [Узнал обстоятельства самоубийства]: была на приеме в посольстве, потом дома гости. Обстановка и ясна, и не ясна. Хоронят на Новодевичьем, панихида в новом здании театра МХАТ.

Страшно для политика позерство. Народ видит и делает обратные от желаемого выводы. Позерство – не от дела, а от тщеславия, самолюбования. Легкая слава.

29 октября. Было много планов на сегодня, но Лев отмотался от встречи председателя Российского комитета по профтехобразованию Г.Л. Камаева. Пришлось мне. […].

30 октября. Утром не поехал за Камаевым. Условились, что им займется Дорошенко. Мне же надо немного подготовиться к разговору с директорами СПТУ по итогам вчерашнего знакомства с Мокшаном. В 10.00 началась сессия областного Совета депутатов. Доклад А. Глушенкова, прения. Камаев обрадовал одним: заявил, что если в эту пятилетку на развитие базы сельских профтехучилищ было ассигновано 8 млн. руб., то считаясь с инициативой области, на будущую пятилетку выделяется 24 млн. руб., т.е. увеличение в 3 раза! Игра стоит свеч! Лев выступил хорошо, с нажимом. После сессии я собрал директоров СПТУ и ГПТУ и откровенно объяснил, что работать так, как работает директор Мокшанского СПТУ, нельзя. Наша позиция, и она не должна составлять секрета, пойдет по линии большего внимания, но и значительно большей требовательности, непримиримости к запущенности, расхлябанности, грязи. Надо и внешним видом, и организацией учебного процесса выиграть соревнование с системой народного образования. Надо укреплять руководство областным управлением. Работать так, как работали, нельзя. […].

2 ноября. Хоть и наглотался вчера валерьянки, все равно заснул с большим трудом. Мысли всякие, раздумья не дают покоя, тревожат. Каплями тут сложно помочь. […]. В картинную галерею. Посмотрели выставку, посвященную 50-летию Оя. Абсолютное большинство работ я знаю. Нового мало. Мужик он способный, но работает мало. Его бы таланту да лебедевскую работоспособность! Валукина показала мне новые приобретения. Не очень интересные вещи, да и не дорого. Интересны акварели Петрова. Беседа с Ромашковым и директором картинной галереи. Что-то надо делать, чтобы улучшить показ картин. Может быть, пока загородить окна фанерными щитами? Хочется и сюда внести свою лепту […].

3 ноября. […]. Есть детали смерти Е.А. Фурцевой. Накануне была на приеме в Польском посольстве. Вероятно, немного перебрала. Вечером [у нее] дома [был] кто-то из МХАТа. Утром встала больной. Фирюбин [муж] предложил подлечиться. Выпила три рюмки. Он – на работу, она – решила принять ванну. Вечером нашли плавающей в ванне...

6 ноября. […]. Лазарев организовал «шухер»: пожарники не принимают театр. Побежал ко Льву. В 14.00 приехал в театр. Комиссия в сборе. Небольшой обмен мнениями, и ни у кого не возникает вопросов, принимать или не принимать театр. Лазарев не явился, прислал своего заместителя. Быстро уладили все противоречия. Практически за все возможные последствия отвечаю теперь я. Переоделся. В 18.00 – торжественное заседание. Доклад Власова А.Н., в Москве – Громыко. Отдал дань «благодарности» [ЦК и Брежневу]. Концерт. Получился хорошо, но Лев умничает. Может, он и прав по хору Гришина. Что-то не звучит и танцевальная группа не смотрится. После концерта осмотр вечернего города. Мысли те же: мало нового, нет находок.

Другая версия смерти Фурцевой: была на приеме в честь Бхутто. Она уехала, он [муж] остался. Когда приехал домой, то Екатерина Алексеевна была уже мертвой. Не повторила ли она глупость, которую допустила после XX съезда? Что-то таинственное в «острой сердечной недостаточности». Есть основательные подозрения [в самоубийстве]...

15 ноября. […]. Удалось предварительно решить одну проблему, над которой бьюсь все лето: получено согласие Липецкого облисполкома на перенесение праха Ю.П. Лермонтова из Шипова в Тарханы. Думаю, что это обогатит заповедник. Впервые вся семья соберется вместе, хотя бы чисто символически. Сама идея приятна, хотя найдутся такие, что будут возмущаться. Главное, это обогатит Тарханы, даст повод для дополнительных рассказов. Прах Юрия Петровича в Шипово

никому не нужен, а здесь – около гениального сына – его истинное место. Поручил археологу Полесских подготовить предложения. Надо быстро ехать и хотя бы чисто символически перевезти прах в Тарханы, захоронив его недалеко от склепа. […].

Утром – указ о назначении П.Н. Демичева министром культуры СССР. Конечно, не повышение. Скорее всего, заканчивается этим процесс, который начался еще смещением Степакова и других. Тот был среди идеологов последним «сдержанным» по восторгам. Надо ожидать дальнейшего роста активности. Тенденции [восхваления Брежнева], начавшиеся в Киргизии, скорее всего, примут всеобщий характер. […].

16 ноября. Удалось, наконец, после стольких дней возни со всякого рода гостями выспаться по-настоящему. Поднялся только около 10-ти утра. Егор успел уже уснуть. В обкоме тишина. Позвонил [мне] В.К. Дорошенко, доложил о результатах поездки в Москву. Удалось на 4 тыс. тонн снизить заготовки мяса, на 10 тыс. тонн – молока и на 80 тонн – шерсти. Кусок небольшой, но все-таки кое-что даст. Иногда этой чепухи не хватает на конце года.

Беседовал с сыном В.Ф. Огарева: женился, устал от гастролей, хочет работать в Пензе, но где – вот вопрос. Имеет высшее образование (институт культуры) и поет. Длинный разговор с главным художником драмтеатра Епишиным Г.Д. Он «раздвоился». Предложили пост главного художника Ярославского театра. На словах дал согласие, а заявления не написал. Они протащили через Министерство культуры РСФСР. Там, наплевав на нас, его уже, кажется, назначили. Если дело пойдет так, что Министерство с нами не будет считаться, беда. Надо отбить! Епишина уговорил, хотя он выдвигает встречные предложения об улучшении дела в нашем театре. Их придется рассмотреть. […].

17 ноября. […]. Опять пошло широкое и обязательное цитирование. Ни одна передача телевидения не обходится без нажима на имя [Брежнева]. Все передают по поводу и без чувства меры. Не знаю, сколько пользы принесет эта назойливость, но трудности она создать может, особенно идеологическим работникам. Попробуй, объясни, зачем и почему надо партии выпячивать одно имя. Опыт учит, а выводов делать не умеем. Значит, есть что-то такое в самом человеческом характере, что без возвеличивания личности обойтись нельзя. Это становится закономерностью социализма. […].

18 ноября. […]. Была на приеме поэтесса Дина Злобина. Говорят, что у нее большой дар, но жизнь жалкая. В два-три года выдает сборник стихов, получает 1–1,5 тыс. гонорара, а остальное время подрабатывает чтением стихов в аудиториях.

Предложил ей подумать о работе. Говорит, что работа... мешает творчеству? В 12.00 собрал начальство и специалистов, разослал по районам посмотреть обстановку в животноводстве. Беседа со старейшим писателем Рубцовым. По моему поручению, он заканчивает книгу об А. Кижеватове. Трагическая судьба. Отца убили бандиты, Андрей ускакал. Сам убит в Бресте, после [немцы] расстреляли его мать, жену, двух сыновей и полуторогодовалую дочку. Осталась одна память. Хочется, чтобы получилось... […].

19 ноября. […]. Принял тяжелое, но важное решение: ехать немедленно в Липецкую область и вырвать останки Ю.П. Лермонтова. Археолог Полесских и директор музея Арзамасцев пытались отнести на весну. А я боюсь: вдруг передумают, не отдадут. Проиграют Тарханы, а для них – событие историческое. Вся семья собирается вместе впервые. Они при жизни и не встречались толком. Условились о деталях, вплоть до текста мраморной доски и месте захоронения в Тарханах у клена. В четверг должны тронуться в путь. Буду ждать! […].

22 ноября. […]. Позвонил Лев. Беспокоят приписки по велосипедному заводу. Их, кажется, на 3.600 тыс. рублей. Министр Бахирев в заводе [взвинчен]. Его где-то не очень любезно встретили в Пензе, он теперь рвет и мечет. А приписка – веский повод, чтобы снести голову Ю. Рохлову, парню молодому и не очень опытному. После переговоров решили пока его не «убивать». Лев хочет сам принять участие [в разбирательстве]. Я сказал Рохлову, чтобы не раскисал, собрался в пружину и не допускал новых глупостей. […].

23 ноября. […]. Душа болит, удастся ли перенести прах Ю.П. Лермонтова из с. Шипово? Хочется, чтобы состоялось! В книжке П. Вырыпаева нашел стих М. Лермонтова, который оправдывает этот шаг переноса:

Прости! Увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!..

Если перевезем прах, то сведем два жребия, и символично они не только увидятся, но и соединятся земной близостью. Может, этим выполним стихотворное завещание, как и о дубе, который, вечно зеленея, будет шуметь над могилой. […].

24 ноября. Хотел поехать в обком, но Вера отговорила. Надо чуть-чуть и отдыхать, тем более, что сегодня воскресный день. Много времени потратил на изучение материалов о М.Ю. Лермонтове, его отце и бабке. Сложный тут был узел.

Загадочная смерть деда по линии матери, ранняя смерть матери, ее опрометчивый (с точки зрения бабки) выход замуж, раздоры бабки и отца из-за Михаила. Думается, что бабка не прямо «купила» внука за 25 тыс. рублей. Было что-то более тонкое. Эти 25 тыс., скорее всего, доля М. Лермонтова в наследстве (может, Вырыпаев прав). Отца могли убедить оставить у бабки внука. Или это его легкомыслие и любовь к книгам (но это слишком простое объяснение), или забота о далеком и обеспеченном будущем сына (тут разумный расчет). Судя по завещанию, отец не производит впечатление глупого человека. Завещание написано с умом, пониманием и извинительным достоинством. Подкупает любовь сына к отцу […]. Скорее всего, он был на похоронах отца в Шипово.

Меня все это беспокоит не столько теоретически, сколько практически. Привезут прах, надо быть готовым что-то объяснять. Звонил в Лермонтово, от делегации нет никаких слухов. Поехали Арзамасцев В.П. – директор музея «Тарханы», Полесских – археолог музея краеведения, Митрофанов – главный судмедэксперт области, Злобина Лариса – экскурсовод, поклонница Лермонтова. […].

27 ноября. […]. Наконец, звонок из Белинска. Арзамасцев вернулся. Заказал его. Детали: возникли вопросы, пришлось звонить в Липецкий обком. После переговоров разрешили. Местные приняли участие [в раскопках]. Крестьян – подпоили. Все рады, место указали точно. Копали из-за завала бульдозером. Сначала [появилось] женское [захоронение] в склепе (может, вторая жена?), рядом такой же склеп – мужское. Целы волосы русые, рост 165–168 см., ноги – 42 размер, сюртук, жилет, бабочка, медный крестик, сосуд. Череп сохранился хорошо. По зубам – 35, по волосам – 50. Привезли. Мысль об антропологах и судмедэкспертах. Сложные интеллигентские сомнения. Отверг их с Ир. Андрониковым. Он: чтобы не растащили, как Гоголя. Есть портрет, зачем скульптуру? Скорее закапывать [в Тарханах]. Предупредил, что в пятницу приеду, но готовиться в воскресенье к захоронению. Сюртук едва ли удобно оставлять [в старой могиле]: покойника «раздели». Кощунство. Я доволен, но в душе нехорошо. Не думал Юр. Петр., что его опять притащат в Тарханы. Я же решился. Думаю, что это обогатит, да и справедливость восстановим: он – отец поэта!

28 ноября. […]. Позвонил М.Р. Полесских, археологу, поблагодарил его за нужную работу по откапыванию останков Ю.П. Лермонтова. От тоже считает, что надо захоронить в Тарханах и никаких исследований дальше не вести. В 10.00 – бюро обкома. […]. Доложил бюро о Ю.П. Лермонтове. Вечером – беседа по художественному училищу, много вопросов. Меркантилизм может задавить творчество.

29 ноября. Опять медсестра и процедуры. В 9.00 уехал в Тарханы. В городе вроде бы много снега, а в степи только запорошил. Степь сейчас, действительно, «пегая». Скучно в ней в эту пору, безлюдно. Разговор в кабинете Арзамасцева. Участвует он, Тамара Михайловна [Мельникова], Лариса Злобина и секретарь РК КПСС Зобнин. Посмотрел акты вскрытия, фотографии. Всё сходится. Начинается разговор и сразу почему-то с сомнений. Дух витает, непривычное это дело иметь старого покойника. Паспорта в гробу не обнаружено, а соседство женского погребения смущает. Начал отсекать вопросами и ответами (особенно Ларисы!). Место указали точно? Точно, все указали там. Мужчина? Мужчина. Дворянин? Без сомнения, дворянин. Старик? Нет, скорее, молодой. После долгих размышлений [подытожил]: во имя памяти Лермонтова, во избежание сенсаций [надо] кончить с сомнениями. Пошли смотреть. Сначала зашли в дом. Портрет в гостиной и акварельный портрет Ю.П. Лермонтова в комнатах его сына. Затем в церковь Марии Египетской. Символично, что Ю.П. несколько дней находился в подклети церкви Марии Египетской, построенной в память его жены. В подклети целый гроб уже помещен в цинковый. Когда открыли покрывало, зрелище своеобразное: волосы на голове, уже залысины, большие, почти квадратные, глазницы черепа, выступающая кость носа. Обвисшие поседевшие усы и курчавая борода. Все остальное – коричневый сюртук и такого же цвета брюки, на них косточки, оставшиеся от кистей рук. 143 года прошло, а так сохранился! Меня убедили нижние зубы. Они безусловно не старика. Сделал несколько снимков.

Поехали к склепу. Коллективом нашли место, где надо захоронить. Решили в воскресенье закопать все, дабы не давать повода для сенсаций. […].

30 ноября. Спал плохо. Всю ночь в голову лезли стихи Лермонтова: «Прости! Увидимся ли снова?» Вчерашнее посещение Тархан, осмотр останков отца Лермонтова, вероятно, останутся в памяти на всю жизнь. Когда смотрел на останки да и теперь, точит одна мысль: встретился с далеким прошлым (143 года назад уложили в гроб, слезы, прощанье, может, и Михаил Лермонтов с грустью и печалью смотрел на этот сохранившийся до сего времени сюртук, эти сложенные руки, от которых остались лишь косточки, на это лицо, превратившееся теперь в череп). Присутствовал при историческом акте нынешнего времени (перенос праха – новая страница в истории Тархан). Представлял себе будущее каждого из нас. И это здорово давит на сознание, выбивает из колеи. Оттого и лезут стихи в голову.

[…]. [Текст стихотворения М.Ю. Лермонтова «Эпитафия»: «Прости! Увидимся ль мы снова?»].

Довольно ясная картина похорон Ю.П. Лермонтова: здесь и толпа, склоняющаяся над гробом, и стоящий в одиночестве московский барин, и шепот родни, что он приехал ради наследства, и память их о том, что умерший был изгнан из Тархан, и обвинения, что сын не рыдает над телом отца. Все довольно ярко, образно и зримо. Толпа исчезла в безвестности, в истории остались сын и отец, причем отец обязан сыну памятью о нем. Мой окончательный вывод о прахе Ю.П. Лермонтова. После многих сомнений (а они неизбежны) пришел к выводу, что труп, действительно, Ю.П. Лермонтова. [Доказательства тому]:

1) точно указанное (и в литературе, и в показаниях жителей села) место захоронения; 2) прием захоронения дворянский, с почестями, вроде склепа, с известным богатством, роскошью; 3) точное совпадение одежды с имеющимися в нашем распоряжении двумя портретами (один из которых написан с натуры, другой – с него, но уточнением по памяти). Совпадение не только покроя и фасона сюртука, но и шейного галстука, повязанного в два оборота вокруг шеи и законченного бабочкой; 4) совпадение внешних признаков с имеющимся описанием: среднего роста (труп 165–168 см.), русые волосы (у трупа русые, но уже с сединой, что объяснимо 45-ю годами и болезнью); 5) на портрете Лермонтова ярко выражена асимметрия бровей: левая полукруглая, правая прямая. Эта асимметрия легко просматривается на черепе; 6) наличие фарфоровой чашки с трещинами говорит о болезни. Чашку поместили в гроб кверху дном как предмет, которым больной туберкулезом пользовался последние дни перед смертью; 7) одела его одна из сестер: стыдливо не застегнуты штаны, а сюртук и жилет – по-женски, справа налево. Женское захоронение – это его мать Анна Васильевна, умершая до сына: одежда пожилой женщины, характер процессов разложения более глубокий. Неизвестно, как строились [ее] отношения с мужем. Похоронили отдельно, а потом сын просил похоронить рядом с матерью. Идентичность склепов, ручки у гроба и т.п.

Важны антропологические показания: Правильная, красивая форма черепа [Ю.П.], по зубам – 35–40 лет, по черепу – за 50. Но болел и, может, выпивал. От его жизни нетрудно было и запить.

1 декабря. […]. Звонил в Тарханы. Говорил с В.П. Арзамасцевым. Там все готово, как и условились. На оставшийся старый гроб сделали новую крышку, в гроб положили всё (кроме фарфоровой чашечки), деревянный поместили в ящик из оцинкованного железа. Утром перевезли в сторожку. Могилу выкопали. Говорят, что попали на старые могилы. Пришлось тревожить тарханские погребения. На дно могилы опустили ящик из железа с крышкой, которая имеет 8 болтов. Чтобы не было пустоты, в ящик засыплют землю, которую привезли из Шипово.

Когда пишу, сейчас 14.00, гроб с останками Ю.П. Лермонтова опускают в новую могилу, и он теперь навечно сливается физически с историей Тархан. Сколько бы не было сомнений, а акт этот – исторический для музея-заповедника. Хорошо, что решились на него. История не делается в покое, в отсутствии поисков. […].

Весь день листал литературу о Лермонтове, пытался как-то разобраться в сложном семейном клубке: дед – бабка; мать – отец; бабка – отец. Всё очень темно и сложно. Но мне ясно одно: мы правильно поступили, собрав теперь в одно место всех участников этой сложной драмы, давшей миру поразительный талант Лермонтова. […].

2 декабря. […]. Звонил в Министерство культуры РСФСР Рите Крайновой. Сказал, что отца Лермонтова перевезли. Она не в восторге. Боится, что будут полоскать грязное белье. Я этого не боюсь. Передал новость зам. редактора «Литературной газеты» Кривицкому. Его заинтересовало, хотел соединиться с Ир. Андрониковым. [Я] позвонил ему, чтобы предупредить. [Андроников] не хочет лезть в драку, боится группы Мануйлова, которая специализировалась на «полоскании грязного белья». Говорили о надписи. Андроников за архаизм: указать, что он [Ю.П.] – Евтихий, фамилию старую – ЛермАнтов; сказать, что прах перенесли из села Шипово «быв. Ефремовского уезда Тульской губернии». Думаю, что это от умничанья. Текст, который я написал, когда был в Тарханах 29 ноября, останется: «Юрий Петрович Лермонтов. 1787 – 1831 гг. Прах перенесен в 1974 г. из Шипово Липецкой области». […].

4 декабря. […]. Большой разговор с Ю. Митрофановым, главным судмедэкспертом области, принимавшим участие в перенесении праха Ю.П. Лермонтова. У него нет сомнений: это то, что требовалось найти. Много совпадений и никаких сомнений. Рассказал кое-какие детали: чашка стояла в гробу вверх дном. Вероятно, больной чахоткой последние дни пользовался ей, а по церковным обычаям, ее хоронят вместе с хозяином. Старая, с трещинами. Женское погребение, по расположению костей и предметов, несколько старше мужского. Может быть, это могила его матери, и он похоронен рядом с матерью (мог так попросить).

Был В.И. Ерзунов. Художественное оформление ниши, в которую будет помещена книга с именами павших воинов, не получается. Пришлось привлечь В. Непьянова. Я верю в него. Принял руководство совхоза «Родниковский» и художника Павликова. Смотрели оформление. Накручено много. Выбросили лишнее, утвердили. Трушин принес проект объединения лермонтовского и белинского музеев. Мысль разумна, подписал письмо в Министерство культуры РСФСР. Собрал все

акты о Ю.П. Лермонтове. Вечером с Верой вместе читали, а потом сравнивали с акварелью: одежда абсолютно идентична по всем деталям; уловили деталь, совпадающую с фото черепа и на рисунке – асимметрию надбровных дуг (одна – округлая, другая – прямая). В гроб его одевала женщина: сюртук и жилет были застёгнуты справа налево! Укладывали заботливо, одели франтовато. Сюртук, правда, не подшит (может, шили специально для похорон), штаны не застегнуты (опять женщина – даже дворянка и дева стеснительная). Неясно, почему нет остатков нижнего белья. Может, был батист? […].

6 декабря. […]. Премьера «Родственники». Интересно поставлена режиссерски, текст слабый, обывательский. Декорации не совпадают с замыслом. Политические шероховатости. А вообще играют хорошо. Традиционный банкет после спектакля. Лозицкой можно попробовать себя в роли режиссера, создавать свои пьесы. Налобинская [пьеса] о Лермонтове – первая. Надо идти дальше, авторитет театра поднимать единством коллектива, кончать всякие драчки. После театра у меня всегда хорошее настроение. Какое-то нервное умиление наступает. Театр облагораживает.

11 декабря. […]. Посадил, когда ехал из Белинска, у Аргамаково женщин (одной 78 лет), интересовался кое-какими деталями по Аргамаково. Склеп построен в 1911-м году. Похоронен Шибаев Петр. Шаляпин, действительно, бывал. Прислугой у Шибаева служила красивая девчонка, дочь Тита (Екатерина Титовна Арапова). Говорят, что у нее от Шаляпина был сын Федя. Он погиб в войну 1941–45 гг. После него осталось трое детей. Один из сыновей (значит, внук Шаляпина) – майор в Выборге. Рассказ о самоубийце. Приехал на двор к матери из Пензы, не сказал ни слова, удавился. Обнаружили через два дня. Жена расстроена. Осталось двое детей. Рассказывающая добавляет: «Я так об ней жалкую». […].

16 декабря. […]. Ездил на ул. Куйбышева, дом №45. Мечта об открытии Музея народного творчества сбывается (сам не верил!). Есть штаты, есть экспонаты, теперь расставляется оборудование. Думаем 30-го торжественно открыть. Событие!

[…]. Вечером появилось сообщение о пленуме ЦК. Схема старая: докладчики, выступающие без больших изменений, большая речь и короткое решение. Демичева освободили [с поста секретаря ЦК КПСС], нового не избрали. Ни секретаря, ни зав. отделом. Сложно с кадрами идеологов […].

1975 год

7 января. […]. В 12.00 открыли Музей народного творчества. Выступление на крыльце. Кажется, получилось складно. Доволен, что сумел назвать Кишкурно и Федину. Народу музей нравится, идут толпы. Это событие большое! Заехал в Картинную галерею. А перед этим беседовал с художником П. Аниськиным. У него хорошие этюды с Кавказа. Надо как-то помочь. В Картинной грустное настроение. Стены текут, картинам тесно, впечатление неважное. Такое богатство, а пропадает. Надо искать выход, что-то делать. […].

10 января. К 9-ти приехал в обком. Какая-то тишина. Лев маракует над итогами поездки в Марийскую республику. Цифры, которые он мне вчера назвал, говорят в пользу Мари. Условия у них значительно сложнее, а результаты выше: устойчивые урожаи, надой на корову за 3 тыс. литров, рост производства свинины в 7 раз, молоко почти в 5 раз. Что ни показатель, то потрясает. Мы занялись специализацией, затратили массу средств, а ощутимой (в больших масштабах!) прибавки производства продукции не получили. Надой 2.368 литров! Есть закавыка, и Льву трудно это не понять, хотя, кажется, ищет виновных в сельхозотделе, облисполкоме. Виновато направление, «кулацкое» отношение к делу: деньги от государства брать, а прибавки не давать. Мы с Госпланом России вечно боремся по двум направлениям: как можно больше вырвать средств, техники, как можно меньше получить планы. И то, и другое разлагает кадры, а это опасно.

Весь день посвятил «Пензенской правде». Беседовал с А.В. Андреевым, Е.В. Большаковым, В.Н. Федоровым. Ситуация сложная. В.И. Лысов оторвался от газеты. На отчетном получил «против» 7 голосов. Это его насторожило, решил «навести порядок», поправить свой авторитет. Созвал собрание [с повесткой] «Газета 1975 г.». Знал заранее настроение Большакова. Пустил его запевным (сам с докладом выступать не стал). Молодой и горячий (мне кажется, искренний) разразился хамством в адрес замов, особенно Андреева. Выступление свелось к трем пунктам: распределение гонорара, Андреев – бездарь, держиморда, пустой человек, Лысов – «прекрасный редактор», «чуткий человек». В прениях меньшинство подхалимов спели то же самое (может, и организованы были), но большинство – отверг-

ло. Лысов не нашел в себе мужества отвергнуть елей и осудить хамство. Это – его режиссура.

11 января. Хоть и суббота, но день начали с бюро обкома. Лев развивает активность. Решил доложить об итогах поездки в Марийскую республику. Действительно, если брать только одни цифры, и то рост такой, что у нас, успевших наорать на всю Россию, дух захватывает. При оценочном балле плодородия 28,5 (у нас 85,7) [марийцы] поднялись за счет удобрения до 16 ц с га. Коров увеличили с 1965 г. вдвое (с 45 до 88 тыс. голов), свиней, поразительно, – с 45 до 300 тыс., кур – с 250 до 1.300 тыс., надои – от 1270 до 3080 кг от коровы. Шагали от нуля, а шагнули значительно дальше нас […].

18 января. […]. В 11.00 – в обкоме: Ерзунов, Щербаков, Самохвалов, Ремизова. Закладываем новый опыт в медицине – создаем «объединение детства», подчинив ему все детские службы города и централизовав медицинскую помощь детям. Рассмотрели детали этого дела, договорились об использовании помещений в связи с вводом больницы на 620 коек. В 12.00 – беседа с секретарями ряда горкомов и райкомов КПСС по идеологии […]. В 14.00 – встреча с методическим советом облоно по краеведческой работе. [Выступали] Вишневский, Лебедев. Их мысли – работать на себя, давать советы и издавать книги. Пришлось повернуть на практические дела: конкурс на лучший уголок школы, посвященный 30-летию Победы, слет красных следопытов, смотр краеведческих музеев школ, летопись сел. Моя мечта – создать основу для открытия музеев в каждом районном центре и некоторых селах, подготовить историю каждого района. Беседа с секретарем Кузнецкого ГК КПСС. Жалуется, что ее не поддерживает М.С. Чистяков. Там начинают завязываться узлы. Вечером в облдрамтеатре. Премьера «Гибель поэта». В. Налобин в роли Пушкина. Сложный для актеров спектакль. Хрестоматийно. Плохо с Данзасом и Дантесом. Придется показывать, но шага вперед нет. Опять разболтались! […].

3 февраля. […]. Был корреспондент «Литературной газеты». Условились, что он отснимет Тарханы, Белинск и Радищево. Это поможет пробить создание объединения литературных музеев. Трубников и Арзамасцев принесли проект положения. Дело это нужное: если добавят штаты, переведут объединение в первую категорию. Созвонился с П.Н. Демичевым. Узнал, вспомнил, как ни странно. Рассказал об идее создания объединения. [Этот шаг] выведет все музеи на один уровень, объединит усилия в поисках (время близкое – один почти век), позволит определить методику (может, [ее выработкой займется] ученый или методический совет), передача опыта станет служебным делом, а не прихотью разобщенных музеев. Со-

гласился, обещал рассмотреть и решить. Традиционно-начальственный вопрос: «Как настроение людей?» – «С мясом плохо. Остальное нормально, денег [у людей] много. Культуру рассматриваем как производительную отрасль, но не встречаем понимания, мало денег». [Напомнил Демичеву] о марксовой формуле «свободное время – мерило богатства общества». Он: «Я бы дополнил: если оно готовит к высокопроизводительному труду». Позвонил Ю.С. Мелентьеву, министру культуры РСФСР. Просил, чтобы он поддержал наше обращение. Сообщил [Мясников - Демичеву], что умерла Страхова, жена последнего владельца поместья Аблязово. Дальняя родственница [А.Н. Радищева]. Ее квартира опечатана. […].

4 февраля. […]. В. Арзамасцеву испортил день рождения. Послал его в Москву принять участие в определении судьбы наследства, оставшегося от Страхова – потомка Радищева, последнего владельца с. Аблязово. Беседа с В.П. Сазоновым, директором Картинной галереи. Издали буклет, но объективистский и малый тираж. Договорились, что он напишет новый вариант. Решили о пристрое к выставочному залу на ул. Бакунина. Может, следует посмотреть дом на ул. Красной, где жил Горюшкин-Сорокопудов, и приспособить его под мемориальный музей художника. Обсуждали направление работы галереи. Мне кажется, надо открыть всех пензенских художников (забыты Горбунов, Кузьмин и т.д.), собрать картины, в которых отражены быт, образы, события земли пензенской. Это придаст галерее известную направленность. Заехал к Вере в больницу. Болит горло. Показал врачам. Говорят, что в горле «пожар». Уехал домой и залег. Чувствую себя неважно.

5 февраля. […]. Вечером был А.П. Самохвалов. Он едет в Москву. Пробиваем проблему создания детского лечебного объединения. Завтра [его] должна принять Лыкова Л.П., зам. пред. Совмина РСФСР. Затея имеет смысл, но надо что-то под идею получить дополнительно. Мысль – об установке электронной машины, в память ее [заложить данные о здоровье] всех детей […].

12 февраля. Выспался хорошо. Горло не очень беспокоит. Сразу решил ехать в Лунино смотреть подготовку к семинару. 7 районов собрали, надо что-то показать и подготовить выступления. Майоров встречал почти у Лунино. Я ему не звонил. Не люблю, когда торчат на границе и зря теряют время. Сразу в райком. Здесь Мошнин Н.И. и Перов. Рассмотрели программу семинара, сделали кое-какие перестановки, договорились о подготовке выступления. Уехали с Майоровым (прихватил нарочно М.К. Боброва, пред. колхоза «Вперед к коммунизму») на Михайловское ОПХ. Меня очень интересует эксперимент по скрещиванию симменталов с айширскими быками. Я его начал вместе с А.С. Всяких, теперь хочу посмотреть все в

натуре. Сразу на ферму. Показали первых помесных коров. Внешне – уже айширы. Спросил доярку [о новой породе]. [Ответ]: «Сиськи ровные, едят мало, молока дают много, жирное молоко». Жалко, что эксперимент ведется примитивно. 12 коров раздали по трем дояркам, учет только контрольный, на молокоотдачу не проверяют. Посмотрели документы. Гетерозис дает себя знать сразу: выше надои, жир 4,2–4,3%. Убедил Боброва, что надо сразу идти на этот метод, если думать серьезно о будущем. Неприятный разговор с Нижегородцевым, директором опытной станции. Бессердечное отношение к эксперименту. Нет влюбленности. А в нем большое будущее животноводства области. […].

13 февраля. Завтракали около 8-ми, потом в райком. Начали участники семинара съезжаться где-то около 10-ти. Кое-кто явился на ночь, а некоторые пижоны (Гринь, Ерохин, Абрамов) только утром, ночевали в Пензе. Сначала собрал руководителей, потом в зале всех участников семинара. Расписали по хозяйствам и поставили задачи все внимательно посмотреть. Мы с Майоровым поехали в колхоз им. Орджоникидзе. Это чисто степная и теперь безлюдная часть района. Только свернули с дороги – степь и по ней коридор в снегу. На полдороге – чахлый лесок. Первое село Сергеевка. В начальной школе учительница, 33 года, осталось 10 ребят в трех классах. [Зашли] в дом крестьянки. Телок и кошка с котятами в первой комнате, диван и телевизор во второй. Плохо мы живем. А настроение у людей хорошее. Приятный разговор на ферме с доярками, долгий и обстоятельный. Сердечный народ. Потом в Александровку. Какой-то спившийся (три раза сидел) в красном уголке живет (из чемодана показывал фото дочери), работает скотником. Доярка – депутат райсовета. Главное, почему люди бегут, – нет дороги. Заболеешь и в больницу не доберешься. Степь, ветер, одиночество. Смотрели школу. В 8 классах 44 ученика и 7 учителей, а закрывать нельзя: уйдет село. Медпункт, клуб, библиотека – все есть, а поздно. Раньше в этой округе были: Александровка-I, Александровка-II, Сергеевка, Кугушевка, Грачёвка, Октябрь, Петровка, Калиновка, Ленинка. Всё смело время, два села осталось. Где-то тут поместье Шаховского. Обед у бухгалтера и в путь. Но метель. Попались машины и засели. Одиноко и страшно в такую метель сидеть в степи. Выбрались с трактором. В гостинице успел посмотреть телевизор после долгих дней. Л.И. Брежнев, беседа с Вильсоном. Продолжительное время для прессы. Хозяйничает, показывает руками, смотрит в объектив. […].

17 февраля. Горло болит, но решил идти [на работу]. Дел много. Сразу стычка со Львом. Он отчитывал В. Дорошенко за вчерашний слет культуры. Обижен, по-

чему его не пригласили, он не знал. Бросился на меня, обвиняя в анархизме, высказывая какие-то дурацки-шкурные мысли, что я скоро без него соберу партийную конференцию. Я завелся (давно внутренне готов на драку!) и сказал, что он говорит глупости.

– А почему ты так разговариваешь?

– А почему ты считаешь, что имеешь право говорить глупости, а я не имею право возражать?

Схлестнулись хорошо. Он не ожидал и быстро скис. В. Дорошенко, воспользовавшись, тоже пошел в жалобную атаку: «Я больной, могу взять бюллетень, а мне с утра нервы треплют и портят зря». Закончили ничем. Я не сдался, он скис. Планерки не получилось. Что-то молотил, но уже без крика и нотаций, никого не трогал, сбит раж. Я пришел к себе, подобрал документы и решил добить. Встретился снова. Принес решения, подписанные им, в котором есть актив культуры.

– К вопросу об анархизме. Это твоя подпись?

– Моя.

– Посмотри вторую страницу, 16 февраля. Там записан актив.

Неловкое молчание... Потом перешли к другим проблемам. Урок хороший, а опыт показывает: чем крепче даешь сдачи, тем лучше ведут себя. […].

18 февраля. […]. Был Лизунов из управления кинофикации по проблемам строительства нового кинотеатра на ул. Пушкина. [Поручил ему] собрать строителей, определиться с названием кинотеатра, найти главного художника по интерьерам, обобщить передовой опыт эксплуатации кинотеатров, включая и зарубежный. Длительная беседа с А.И. Алексеевым. Проблемы: наставничество (я – за приведение его в строгую систему, как у пропагандистов), развитие санаторно-курортной сети, эксплуатация имеющихся баз. […].

19 февраля. Разбудила неутомимая Майорова. Она правильно уловила, что проводить торжественное [собрание] в день «ленинской пятницы» неправильно, а я дал согласие Поповой. Приходится переделывать […]. Искал в Тамале Льва, но он метеором мотается по области. В 6 выехал из Тамалы, в 7 был в Белинске, а сейчас где-то в Башмаковском районе. Хотел лететь в Неверкино, но из аэропорта Диков сообщил, что до 10-ти погода нелетная. Перезванивался с Неверкино, но авиаторы не дают «добро». Льва нашел в совхозе «Ермаковский». До этого он успел побывать с совхозе «Митрофановский». Не понимаю, что дает такое «реактивное мотанье». Условились о торжествах на 22 и 23 февраля. Продержали меня [авиаторы] до 12-ти, а потом сообщили, что до 14.00 не может быть и речи о поле-

те. Мог бы уехать на машине. Может, и хорошо, что не поехал: горло болит страшно, говорить совсем не могу. Поехал в спецбольницу. Опять Камила с грустными глазами. Приехала И.М. Сандлер. Глядели в горло, мазали, потом назначили УВЧ и ингаляцию. Облепихой не получилось, пришлось абрикосовым. Врачи требуют, чтобы я сидел дома и молчал. «Арестовали». […].

20 февраля. […]. Из больницы – в архив. Сначала заказал дело князей Кугушевых, но потом опять влез в клировые ведомости и кое-что нового узнал о Громовых [своих предках по линии матери]. Чем больше смотришь, тем больше деталей, тем интересней. Жалко, что совсем нет личного времени. […]. Смотрел довольно интересную книгу Н. Яковлева «1 августа 1914 г.» Речь идет о предыстории Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Во многом совершенно новая постановка вопросов, связанных с 1-й мировой войной и свержением царя: Россия не отсталая, не все сражения проиграны, нажим на мужество и героизм русского солдата, не все генералы дураки – Брусилов умный, дело не в Распутине, а в царе, верхушке; борьба буржуазных партий с царизмом [велась] во имя захвата власти правыми; роль тайных группировок буржуазной верхушки, вопрос о масонах. Во многом не шаблонная, оригинальная постановка вопросов.

21 февраля. На работу не ходил, горло не в порядке. Был в больнице. Сандлер говорит, что иду на поправку. Надо просто выдержать и больше не рисковать. Уехал из больницы в архив, набрал еще немного интересных материалов. Самый потрясающий из них – жалоба Саввы Федорова, моего далекого предка, в духовную консисторию. Человек он самолюбивый, жалуется на благочинного села Лундан, священника Иосифа Дмитриева на то, что он требует «за получение Святого Мира» его ведомства с приходской мужеска и женска пола души по копейке […].

23 февраля. […]. Читал две книжки: Л.М. Жемчужникова «Мои воспоминания из прошлого». Меня интересовал его чембарский период. Неожиданно наткнулся на его детальный рассказ о художнике Кузьмине, вернее, семействе Кузьминых. Интересно. Жалко, что наша картинная галерея ищет что-то потустороннее и совсем не хочет по-настоящему, до мельчайших деталей, изучать жизнь и творчество тех, кто кровно связан с Пензой. Надо заставить менять курс! Смотрел подаренную мне автором «Записки о семье художников Макаровых» И.И. Макарова. Есть детали, которые надо бы уточнить. Например, где могила его прадеда? Перед самым сном и с огромным удовольствием (совершенно неожиданно для себя) начал просматривать сборник «М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». Сатирик предстал передо мной впервые совершенно другим человеком. Над неко-

торыми местами («Я тебе релиз на лысине запишу») хохотал до слез. У него потрясающе меткие «клички» людей («тарелка», «запятая»). Надо будет дочитать. Вообще-то хорошему режиссеру собрать всё воедино и сделать потрясающий спектакль о сатирике-человеке.

24 февраля. Первый день на работе. Никто, в том числе и Лев, не спрашивают о состоянии здоровья. Страшно оно, общество провинциальных чиновников, своей холодностью, безразличием, тупостью и чинопочитанием. Серости накапливается столько, что только какой-то взрыв вдруг заставляет шелохнуться это тягучее, густое болото. Хлюпнет раз-два, пустит пузыри и опять засасывает, застывает. […].

1 марта. […]. В 19.00 ходил в театр. Шукшин, «Характеры». Когда смотришь, то действительно начинаешь понимать, что рано ушел из жизни по-настоящему талантливый человек, не успевший многого сделать. Есть в нем народность, острота взгляда, свежесть и сочность языка. Где-то чуть-чуть отдает шолоховскими мотивами. Мне особенно понравились две новеллы: с пьяным кладовщиком (арт. Шевкуненко) и раненым в задницу заместителем председателя колхоза (арт. Каплан). Сочно дано, хохотал до слез. Есть и неровности. Режиссеру надо еще работать. Традиционный банкет после премьеры. Споры Рейнгольда и Тишаева. Проскальзывает «несовместимость». Правы оба. Надо искать середину, чтобы нарыв не назрел и не лопнул. Театр – организм, легко поражаемый.

12 марта. Утро. За окном валит с неба мокрый снег. Это «Грачевник». Если до сегодняшнего дня прибыли только разведчики, то после снегопада здесь будут все. Почему-то каждую весну грачи прилетают как бы на крыльях мокрых снегопадов и метелей. И эта весна не исключение. После завтрака поехали смотреть свиной комплекс колхоза «Россия». Старая Ногайская дорога, опять Кутля, Казачья Пелетьма. Повернули на Посопную Пелетьму. Старинная церковь стоит одиноко. Никого не интересует «старушка». Следы помещичьего парка. В бывшем Ольгинском спиртзаводе теперь маслозавод. Посмотрели комплекс. Впечатление просто неважное. Под громким названием порядки захудалого колхозного свинарника. Ни учета, ни режима, ни рационов. […].

18 марта. Лев уехал в Н. Ломов. Говорит, что бюро вести не будет. Собирается в Москву на конференцию по 10-летию мартовского пленума ЦК КПСС. В Москве новшества: ликвидировали Министерство совхозов РСФСР, вернулись к структуре, которая существовала 4 года назад, до его создания. Это правильно, но возникает вопрос, как себя чувствует автор создания М.С. Соломенцев? Раньше в таких случаях подавали в отставку, признав свою несостоятельность и неся ответственность

за бесцельно потраченные средства, материальные и моральные последствия этого дела. Думаю, что просто проморгает и не будет даже угрызений совести. […].

28 марта. […]. В обкоме навал текущих дел и усталость. Беседа с архитекторами Блажко и Волохо. Хочу революционно переделать музей В. Белинского. Мысли есть, но надо рисковать, времени мало. Был художник В. Пензин. Согласовал мой отзыв о нем в каталог, договорились о поиске стелы, посвященной П.И. Замойскому. Хочу поставить на берегу реки у конца улицы, носящей его имя. Вечер дома. Втянули в преферанс.

30 марта. Возраст и род занятий диктует необходимость большего движения, а лень держит в доме. Спал до 10-ти, играл с Егором, рылся в родословной, а до обеда опять уснул. Лежачий день. И читать не очень хочется. Начал В. Пикуля «Слово и дело», но идет медленно. Грустная мысль вчера вечером при чтении этой книги: велик русский народ, но очень часто роковое невезение с правителями. Собственно русских было страшно мало. Из всех щелей на престол русский, как тараканы, лезли всякие иноземцы и пришельцы. Один из мрачных периодов – правление Анны Иоанновны, т.н. «бироновщина». Надо удивляться стойкости, мужеству, таланту народа России, перенесшего все эти тяготы и сохранившего свое величие. Есть в его основе что-то такое, что вопреки всем невзгодам престола сохраняет дееспособность народа. Иные хлипкие народы давно ушли в небытие, а он, как исполин, стоит над всем миром! […].

1 апреля. […]. Уехал на Панкратовскую фабрику. Посмотрели с В. Бельденковым шампиньонницу. Дело пошло, грибы скоро будут. Осуществилась еще одна мечта! Строительство административного здания. Пока нет мыслей, как оформить подходы и само здание. Много стало повторений: шпон, чеканка… Завез Виктора на завод ВЭМ. Показал кабинет для заседаний, технический кабинет и оранжерею. Он – в восторге. Мне же надо, чтобы загорелся. Тогда лучше пойдет дело. Мужик он инициативный, с поиском. Хочется помочь ему сделать. Заехали в обком, рассмотрели проект оформления кукольного театра, разработанный Гавриловым. Я к нему подключил Маматкадзе. Соединил фантазию и практику […]

3 апреля. Теплый день. Ночь спал плохо. Котельная продолжает работать и на улице теплынь, спать в двойную жару сложно. Уже около 7-ми на ногах. Позвонил домой. Там всё в порядке. В 9.00 – беседа с руководителями хозяйств района. Речь идет о подготовке к приезду Ф.Д. Кулакова. Договорились о многих деталях. Потом о весеннем севе. Всех беспокоит состояние озимых. Много придется пересевать. Правда, есть закономерность – отсутствие озимых 1969 и 1973 гг. давало самые

высокие урожаи. Может, мы вообще яровая область? После обеда поехали в Корсаевку с пред. колхоза «Рассвет» А.И. Горшковым. Когда-то я его выдвинул из директоров пенькозавода на это место. Удачно. От природы талантливый человек. Плохонький дом. Зашли. Оказывается, баптистка. Вместо иконы в углу изречение Луки. Ее подруга – тоже баптистка, около 50 лет. Денег перестроить дом нет. Сделать за счет колхоза нельзя – мало работала, да и крестьяне скажут: «вымолила у бога». Положение щекотливое. Посмотрели свиной комплекс. Затратили много, но комплекса пока нет. Порядки старые. Надо приводить всё в соответствие. Из Корсаевки – в Тарханы. Собрались вызванные пензяки, рассмотрели вопросы приведения в порядок музейной усадьбы, дали поручения. Из наиболее ответственных: церковь Марии Египетской надо дооформить, оформить могилу Ю.П. Лермонтова. Шагами все наметили. Определили, где быть решетке. Поискать вентиляцию в склепе – много влаги. Остальное – мелочи.

Уехал в Пензу. Сразу на торжественное [собрание], посвященное 30-летию освобождения Венгрии. Потом банкет. И здесь жадность. Венгры накрывали сами – колбаса, сыр и отбивные. Жрать нечего. Разговор с С.В. Кульневым. Талантливый человек. Хвалился, что купил иконы. До сих пор пишет стихи. Мучительно собирает книги, хотя ему 70!

4 апреля. Очень жарко. Днем в тени было +20, а на солнце за 30. Тянет астраханский суховей. Жарко да еще и ветрено. Влагу тоннами уносит в воздух. Так три-четыре дня, и полевые работы развернутся полным ходом. […]. Заехали к памятнику Победы. Работы идут полным ходом, но и дел еще много. Главное – привезти и поставить памятник, закончить благоустройство. Думаю, что уложимся. Место, которое я давно выбрал, торжествует и завершается памятником, воплощенной мечтой давних лет. Надо мечтать и искать. Проехали Октябрьский район. С нами Петраш. Та же обстановка. Грязь убрали, но дел много. После обеда – по Железнодорожному району. Хорошо выглядит район завода медпрепаратов. Очень плохо – новый вокзал. Здание поставили, а вокруг хлам и убирать не хотят. […].

5 апреля. Опять жарко. Весна даже более ранняя, чем я предполагал, и толковали народные приметы. Температура где-то более +20. Грозно разворачивается природа. Не быть бы беде. Примета опять-таки говорит, что если весна до Благовещения – много морозов впереди. «Пензенская правда» сообщила, что вчера в Михайловском ОПХ Лунинского района посеяно 68 гектаров яровой пшеницы. Такого я не помню по ранним срокам, да и противоестественно, что первым начал сев Лунинский район, находящийся на севере области. Все перепуталось. […].

16 апреля. […]. Вечером по радио и телевидению сообщение о пленуме ЦК. А.Н. Шелепин освобожден из Политбюро. Всё кончилось…

17 апреля. По моим приметам, начало массового сева. Грачи появились 8 марта. Всегда прибавляю 40 дней и получаю искомое. Совпадёт ли на этот раз? Да, и на этот раз грачи не подвели. Правда, начали сеять раньше (кое-где 6–8 апреля), но массовый сев в основной части районов области начинается как раз сегодня. Вчерашняя хмарь прошла, сегодня почва подсохнет […].

18 апреля. Утром немного побыл в обкоме КПСС, а потом решил уехать в Белинск, чтобы одним махом решить две задачи – выступить на «ленинской пятнице» и уделить внимание маршалу Казакову. Заехал в Тарханы. На втором комплексе пока ничего толком не делают. Оформили холмик над могилой Ю.П. Лермонтова, но и то сделали его кособоким. Подъехал к основному комплексу, а Казаков уже успел все посмотреть и попался мне навстречу. Договорились встретиться обедать в Белинске. Я уехал в райком, а оттуда на полевой стан колхоза «Победа». В красном уголке собралось человек 30. Уселись на полу. Рассказал о пленуме ЦК, подготовке к XXV съезду, немного – о международных делах. Слушают очень внимательно и вопросы задают. Больше всего народ беспокоит Китай. Своим умом чувствуют, что там зреет страшная опасность. Если еще к власти в ФРГ придет Штраус, могут снова возникнуть «два очага», и история повторится […]. Из Белинска на Пензу. Казаков в 1920-е годы стоял на посту №27 у квартиры Ленина. Интересно – о Фотиевой и Крупской. Заехали на памятник. Проводы в гостинице училища. Потом вокзал. Получилось тепло. Олег Дмитриев. Попался Саша Лопусов – комсомол 1947 года. Передал всем привет.

19 апреля. Заехал в обком КПСС, а потом на вокзал встречать Льва. Собралась вся чиновничья знать Пензы. Встретили. Все спокойно, без вопросов. Около 12-ти появился в обкоме. Небольшой рассказ о пленуме ЦК. Все, что сообщено в газетах, так и было. По Шелепину вопрос давно ясен, просто не подоспело время. Теперь подоспело – решили. Он, пожалуй, последний из «свергателей», дольше всех удержавшихся у трона. Старался он здорово и когда боролись с антипартийной группой (подбегал к трибуне, кричал «сволочи», «подлецы» и т.п.), и когда смещали Н.С. Хрущева. Но потом не хватило зрелости. Увлеклись ребята, начали банковать по дачам, демонстрировать независимость, кричать о «железном Шурике». Естественно кое-кому это не понравилось. Сначала убрали окружение (Чекалов, Семичастный, Григорьян, Горюнов, Романовский, кажется, Егорычев), а теперь

настала очередь и «железного». Он ушел последним. Если у кого-то и были надежды, теперь они закрыты. Возврата в таких делах не бывает. […].

20 апреля. […]. Мысли о Боге. Я не очень верю искренности Льва Толстого, искавшего субъективного бога, бога в самом себе, бога собственного. Не знаю, сколько этот бог дал нравственного самому автору, но окружение его (Чертков, Гольденвейзер и пр.) далеки от нравственных начал. В них нет и намека на кротость, смирение. По отношению к С.А. Толстой они жадные и беспощадные хищники. Ничего похожего на толстовское непротивление. Наоборот, почувствовав в ней сопротивление, они бросились в безжалостную атаку, доконав и Льва Толстого, и ее. Бога можно понять как нечто независимое от сознания людей, начало добра и справедливости. Тут есть вопрос. […].

21 апреля. Традиционная планерка. Всё расписали на эту неделю. Лев очень конспективно рассказывал об апрельском пленуме ЦК. Открыл Л.И. Брежнев. Сразу решили о дате созыва XXV съезда КПСС. Потом доклад А. Громыко «О международном положении». Обычный обзор состояния дел по странам и материкам. Оценок почти нет. Просто состояние дел. Огласили заявление А.Н. Шелепина. Его смысл: находясь на ответственном посту председателя ВЦСПС, я чувствую, что мне не хватает опыта работы на производстве. Это не позволяет правильно решать вопросы профсоюзной работы, что отрицательно сказывается на решении задач пятилетки. Прошу Политбюро переместить меня на другой пост. Политбюро рассмотрело и внесло предложение освободить от обязанностей члена Политбюро, внести на пленум ВЦСПС предложение о новом председателе ВЦСПС, предрешив и этот вопрос. Вопросов у членов ЦК не возникло, проголосовали единогласно. Судя по всему, пленум был собран скорее всего для решения третьего, главного вопроса. Не успели даже подготовить обычную норму представительства на съезд, утвердить повестку дня.

Уход Шелепина закономерен. На его совести и совести его компании (Семичастный, Григорьян и др.) судьба несостоявшегося поколения. Истрепались о «железном Шурике», изболтались. И сами полетели, и биографии многих ребят из комсомола [поломали]. […].

22 апреля. Хотел утром уехать в Камешкир, но попал в объятия аппарата и повис. Один вопрос следует за другим, посетитель сменяет посетителя. Оторваться невозможно. Вырвался только после обеда. Заехал к месту, где будем закладывать обелиск в память о селиксенских лагерях. Отсюда ушло на фронт в годы войны, кажется, 386 тыс. солдат. Условия были такие, что рвались на фронт от голода

и обилия насекомых. Как раз собрались все заинтересованные. Дал команду завершить посадку тополей. Довести их до шоссе. Определили место закладки камня. Уточнили надписи. С Петровой – в Кижеватово. Постамент под бюст Кижеватова уже заливают бетоном. Посмотрели сам бюст. Отлили на компрессорном неплохо. Музей в школе разобран. Сделали кое-какие замечания. Радостно на душе, что мечты воплощаются в быль и делаем новые заделы. Пройдет два-три года, и памятник на месте Селиксенских лагерей будет стоять, напоминая потомкам о величии подвига моих современников.

[…]. Рассматривал проект реконструкции музея-читальни И.Н. Ульянова. Делать так делать! Продиктовал проектное задание.

24 апреля. С утра жарко, дождя нет и нет. А сегодня сев, в основном, заканчивается. Сейчас бы хватило одного хорошего дождя для дружных всходов. Можно было бы говорить о большом хлебе. Пока же все плохо. В 9.00 начал прием населения. Тяжелое и сложное это дело. Люди бьются, они по-своему правы, но как одним караваем накормить досыта всех? Принял 33 человека. Абсолютное большинство с просьбой о жилье. Живут крайне плохо, но не подошла очередь: как быть? Помогать – нарушать установившийся порядок, не помогать – жестоко, душа не соглашается. Вот в таких муках и ведешь каждую беседу. […]. С приема вышел, как из молотилки. Болит душа. Много, страшно много откровенной, кричащей нужды. Сколько раз мы подбирались к задаче разрешить жилищную проблему, но не хватает сил и средств разрубить этот узел. […].

Был на памятнике [Победы]. Фигура тонковата для такой площади. Да, сделать можно интереснее. Но теперь об этом толковать поздно. Хорошо, что получаем это! Мне даже нравится, что ветка в руке ребенка местами напоминает крест. Прошлое и настоящее. […].

29 апреля. […]. Позвонил в Совмин РСФСР. Распоряжение о создании государственной комиссии подписано. Договорился с Ф.В. Калашневым, что он сегодня выезжает, чтобы завтра принять памятник. Достал ему билет на Казанском вокзале. Говорил с Ритой Крайновой. Надо объединение музеев пробивать в Минфине РСФСР. Звонил, но не поймал. Уехал на Каменку. Всё идет мелкий дождь. Свежие, зеленые всходы яровых […]. Овтов встретил на границе. Сразу в совхоз им. Калинина. Ничего для Мая не делают. Завтра торжественное, даже доклада нет. Флаги не вывесили. Газета в витрине старая, стенгазету не выпускали. Три освобожденных работника – секретарь парткома, пред. профкома и комитет ВЛКСМ. Зашли в восьмилетку. Тупость: «Лермонтов – выше Ивана Великого». Что это значит? [Го-

ворят]: «Умнее царя»!!! Обедали в Каменке. Потом совхоз «Каменский». Та же картина. Правда, договорились об оборудовании лагеря и отработке наглядной агитации, форм и методов работы с доярками. Будем готовить областной семинар идеологов. На обратном пути – на истоки Хопра. Место обживается. «Старик» сидит. Правда, мельничное колесо не крутится и дом лесника надо огородить. Поздно вернулся в Пензу. Хороший дождь был до Каменки, дальше сухо. Каменка строит обелиск Победы. Все творят.

30 апреля. […].В 12.00 – заседание Государственной комиссии по приемке памятника воинам-пензенцам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Из Москвы приехал Ф.В. Калашнев, начальник управления изобразительного искусства Министерства культуры РСФСР. Предварительно просмотрели с ним проект акта о приемке. Сделали пометки. Первый вопрос, который я поставил на комиссии: как именовать впредь памятник? Так, как записано в решении СМ РСФСР: композиция не подчинена идее скорби, это торжество Победы. Это не павшие, а отстоявшие Родину, ее будущее. Да, у нас есть горький опыт. Соорудили обелиск в честь 50-летия Октября. Вовремя не подумали, как его коротко, доступно назвать. Назвал сам народ – «Росток». Так и именуется теперь, хотя название никак не связано политически с замыслом, идеей. Предложил впредь именовать памятник – Памятником Победы. Пытался согласовать с В.И. Кочемасовым, но его нет. Журналистам дал команду так и именовать. Благо, мы в свое время назвали улицу Луначарского проспектом Победы, а теперь и площадь названа площадью Победы. Выехали всей комиссией на место. Пояснения давал скульптор Н.А. Теплов. Всё посмотрели в натуре, снова собрались у меня. Выступали все и все единодушно предлагали принять памятник. Калашнев – подробно. Его мысли: город получит значительное идейно-художественное сооружение; памятник впечатляет, авторам удалось решить задачу. Два замечания: боится, что будут ходить по буквам, не работают стены, они пусты. Хорошо бы по ним дать какие-либо надписи, чтобы сбить однотонность, неровности.

В заключение выступал я. [Сказал]: спорят о месте – место хорошее, ибо дорога идет на запад, на Москву, памятник построен на слиянии двух частей города – старого и нового – и это очень важно. Спорят о виде памятника – [но тут] много субъективного, привыкнем. Главное, он передает идею Победы в войне. Самое выразительное – жест руки солдата, закрывающего Родину. Хорошо, что Родина в образе женщины. Отлично, что на плече ребенок – символ будущего, ради которого сражались и гибли люди в войну. Замысел памятника перешагнул мысль только увековечить память павших. Он оказался шире и более емким. Предложил в акте

комиссии записать просьбу в Совмин РСФСР именовать Памятником Победы. Что касается памяти павшим, то и им отдана дань «вечным огнем» и книгой, расположенной в нише: в книге 108 тыс. фамилий погибших в войну.

Все подписали акт. Решили потом сделать и фотографию акта.

С Калашневым по городу. Показал ему музей И.Н. Ульянова. Его поразил порядок в музее. Заехали на видовую площадку. Город смотрится отсюда хорошо. На Тамбовскую заставу, в музей народного творчества. Тоже производит впечатление, особенно резьба на доме. В картинной галерее. Много выдающихся работ Запада да и России. Правда, Сазонов под давлением Буяльской идет на компромиссы. Рядом с отличными работами русских мастеров подпустил Наталью Гончарову и еще какого-то конструктивистского еврея. Нет самолюбия. У нас сложилась [своя] школа. Это же ей противоречит. Сказал, чтобы сняли примитивизм. Не место ему в нашей галерее. Обед в «Золотом петушке». Разговоры о политике. Самое поразительное, и к 30-летию Победы в Москве нет памятника. Позор! Вспомнили храм Христа Спасителя. Снесли памятник войны 1812 г. Калашнев прав, когда говорит, что это был период острой борьбы двух идеологий. У Сталина рассматривали проект переустройства центра Москвы. Предлагалось снести Ивана Великого. На макете Л. Каганович протянул руку и снял Ивана Великого. И. Сталин: «Поставь на место». И это спасло Кремль. Самолетом проводили Калашнева в Москву.

Лев читал в протоколах секретариата ЦК, что А. Шелепина назначили зам. председателя Госкомитета СССР по профтехобразованию. Махнули здорово! Сложно ему будет с такой вышки да в такое зыбкое болото.

2 мая. […]. Со Львом, Власовым и Ванеевым (одна и та же компания) поехали на Вителевскую гору смотреть ресторан и дорожную гостиницу. Власов пробил название «Сурские зори». Я лет 7 ходил вокруг этого места, определил его, разработал вместе с В. Сидоренко проект, теперь Власов активно под своей маркой осуществляет. Место отличное. Да и ресторан с гостиницей получаются хорошо. Приятно, что еще одна мечта воплощается в жизнь. Докладывали Исмагилов и Ланское. Делают хорошо, но выдумки и творчества мало. Нет шага вперед. Жалко. С Вителевки в Октябрьский сад. Посмотрели двухэтажный особняк. Сделаны с размахом и спальни, и столовая, и бильярд. […].

Говорили о М. Тухачевском. Я ему не верю: нельзя отбросить дворянское происхождение, долго работал с Троцким (его личные письма были); элементы бонапартизма от молодости и успехов; виноват серьезно, что не готовы были к Финской войне. Только в ходе ее поняли, что шумные лозунги не соответствуют действительности. Ошибка или умысел?

5 мая. […]. Говорил с В.И. Кочемасовым из СМ РСФСР. Просит срочно прислать акт приемки. Название памятника как «Победы» не принял. [Такой] должен быть в Москве. Его предложение: «Памятник воинской и трудовой доблести пензенцев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Правильно, но в народе не приживется, как и «Росток». Может, будет [просто] Победы. Договорился, что епархия перечислит 80 тыс. руб. [на памятник], а мы их возьмем на Тарханы и Белинск. Дал поручение отделу культуры (т. Ефимовой С.И.). […].

6 мая. Сегодня знаменитый по народному календарю сельский день – Егорий. Кажется, в древние времена этот святой был покровителем земледельца. С датой связано много всяких примет. Он начинает весну, а у нас уже давно лето. Деревья распустились, сады отцвели, жара и солнце палит так, что кажется уже июль. По погоде похоже, скорее, на предуборочную страду, чем на начало весны. Занимался всяким делами в обкоме КПСС. Хреноватое настроение: что-то часто сталкиваются Миша и Вика. Не понимают, глупые, что сложность характеров надо не обострять, а притирать. Совместная жизнь – это поиск компромиссов. Они необходимы особенно потому, что есть уже третья жизнь – Егор. Ради него надо искать компромиссы, ради его спокойствия, его души, его будущего. Парень интересный. Большой лоб с залысинами и крупные грустные глаза с поволокой. Думаю, парнишка вырастет умным и серьезным. […].

8 мая. Сразу попал ко Льву. Обсуждение дел, связанных с сельским хозяйством. Обстановка становится все более напряженной. Можно остаться и без хлеба, и без соломы при такой жаре и засухе. Все горит в полях. Как нужен дождь! Кое-кто уже толкует, что Пасху сделали рабочим днем, отсюда и все напасти природы. Вручил грамоты двум лекторам, продиктовал Бутову и Лаврову выступление Льва на митинге завтра. В 10.00 – бюро обкома КПСС. Зав. сектором ЦК КПСС В.И. Лоскутов докладывал об итогах командировки. Мелкие замечания, детали, из неприятных – не обсуждали в совхозах решение ЦК по свекле (нет протоколов). Потом договорились о поездке в районы уже 10-го. Надоели страшно мы районщикам бесконечным своим пребыванием по всякому поводу. Важные [дела] путаются с мелкими, пропадает острота вопроса. В 11.00 автобусом все уполномоченные – на поля совхоза им. Энгельса. Лев нашел вчера интересное поле озимых и многолетних трав. Требование – распахать, ждать дождя, а после него сеять просо или кукурузу. Сложно всё это. И здесь можно промахнуться. Хотя в такой обстановке поиск необходим. Вручение медалей и грамот в Доме политического просвещения. Переоделись. По телевизору речь из Москвы. [Брежнев] очень трудно выговарива-

ет текст вообще, отдельные слова в особенности. Или уже возраст дает себя знать, или перед торжественным был обед. А скорее всего, и то, и другое. В комментариях сразу кричат: «яркая», «глубокая», даже «пламенная» (!) [речь].

В 17.00 торжественное в театре. Лев сделал хороший доклад. Интересные выступления, особенно Шкуровой, пред. колхоза в годы войны. В заключение – отличный концерт, выпивка с участием жен. Тосты, пензенские шутки (о секретарше у Лазарева и т.п.).

9 мая. День немного хмурый, хотя и жарко. Миша ушел первым в колонну к памятнику. Я подъехал к обкому без чего-то 9. Лев опоздал. Возложили цветы к памятнику Ленину. Потом проводили колонну Ленинского района, которая шла по площади с венками, отправляясь на братскую могилу солдат, умерших в госпиталях у Мироносицы. Пришлось ехать домой переодеваться: только я и Виктор оказались без орденов. С Верой, забрав у «России» И. Ланскову, – на площадь Победы. Масса народа на подступах. Красочные школьники, приветствия, цветы. Памятник под чехлом. В 12.00 начали митинг. Лев объявил его открытым. Начал накрапывать дождь. Народ говорит, что и природа грустит о солдатах, пролила слезинки. Спало покрывало. Загорелся «вечный огонь», открыта ниша со списками павших. Их 100.185 имен. Выступления, правда, длинноватые. Надо было мне посмотреть. Сделал замечание А. Майоровой. Возложили венки и цветы. Прохождение военных. Всё здорово. Правда, другая крайность – совсем нет слезы. Уж очень бодро. А слеза на народ действует. Нужно будет поискать хорошую меру. […].

10 мая. […]. Отпраздновали 30-летие Победы. Хорошо, что эту дату опять начали отмечать всенародно. Народ это принимает хорошо. Объединили фронт и тыл. Тоже правильно. Но есть, естественно, сомнения – смещение истории войны. Если верит прессе, то самым боевым участком был Новороссийск, самой боевой армией – 18-я, а самым деятельным политработником – начальник ее политотдела [Брежнев]. Опять мы не умеем сохранять меру и объективность. Заботятся не столько о прославлении подвига народа, сколько о возвеличивании себя в этом подвиге. Народ остается в стороне. Не названа ни одна фамилия, не возложены венки на могилу Верховного, Жукова, Рокоссовского, Еременко и т.д. Вероятно, ревность или страх. Не хочет [Брежнев] вспоминать историю, хочет, хоть кратковременно, хоть сейчас, но вписать себя в нее. Елея очень много. И чем его больше льется, тем меньше подлинного величия. Народ все знает, всё видит и обо всем мыслит. Руководитель, не умеющий и не желающий уважать своих предшественников, сам не достоин уважения. Известная трусоватость. Не провели парада, бо-

ятся шума в буржуазной прессе. Победителю нужно и должно иметь достоинство. Беззаботность. Ленинград, Пенза, другие города открыли памятники, а в Москве его нет. Опять заложили какой-то камень. Столько камней (Победе, 300-летию воссоединения, 50-летию Октября), что скоро начнем спотыкаться. Всё это огорчает, вносит нехорошую ноту в празднества Победы.

14 мая. […]. Остановился в Кижеватово. Памятник получился неплохо. Ошибки в постаменте, надо переделать сквер и оформить соответственно здание школы. На месте селиксенских лагерей. Блоки сложили, надписи сделали, капсулы с землей из городов-героев заложили. Будут сомнения, трудности, но пройдет 3–5 лет, и обелиск взметнется, обозначая это место, оставляя его истории. […].

17 мая. По-прежнему жаркий день. Сухо. Правда, во второй половине потянул северный ветерок и стало чуть свежее, но это пока ничего не дает, злая засуха продолжается. В 8.30 уехал на Н. Ломов. Остановился около с. Овчарное. Озимая пшеница чуть оторвалась от земли, но колос уже в последнем межузлии. Соломы и на озимых не будет. Копали. Влага пока есть. Предварительная беседа с 1-ми секретарями (нет только Полякова из Пачелмы и Устинова из Наровчата). Общая цель кустового совещания: вздыхательство и слезы по поводу погоды ничего не дают, надо искать решение. Чем злее обстановка, тем больше нужна собранность, организованность, мудрость. Паника в таких случаях плохой советчик. […].

19 мая. […]. Занимался проблемой яйца. Странное дело, в нашем «плановом» хозяйстве то густо, то пусто. Яйцо не потребляется. Девать его некуда. Но в городах-потребителях (Горький, Куйбышев) торгуют польским (!) яйцом. Свое девать некуда. Неисповедимы пути бюрократов! Сложно с размещением свинины. Холодильники забиты, а продавать сверх фондов не разрешают. […].

21 мая. Повернувший вчера вечером ветер с севера чуть освежил воздух, но мало что дал посевам. Нужна влага, а ее нет. Может, с севера размоет этот злой антициклон. Еще есть возможность что-то поправить. После медосмотра у В.Е. Некрасовой, всё кончается массажем и уколами. Это испытанный прием. Правда, добавился мешок лекарств, но едва ли я сумею их регулярно принимать. Массажистка опоздала. Ограничились уколами. Зашел к В.Ф. Огареву. Он вчера был в Кондоле. Привез свёклу, съеденную блохой. На листьях личинки. Договорились через несколько минут встретиться и обзвонить районы. Надо проталкивать намеченную «программу спасения». Звонил в районы. Обстановка сложная, но и действует кое-кто пока дохло. […].

Ездил на Вокзальную площадь. Решетка есть, но кривая. Площадь пустая. Многовато асфальта. Хорошо бы разбить зеленью однообразие. Был на крытом рынке. Прижали «восточников» ценой, и они разбежались. Ни их, ни яблок. С Украины торгуют клубникой по 8 руб. кг.! Прижимать нельзя. Сбегут и всё... Рано домой. […]. Л.Ф. Кирилюк подарила мне Б. Сорокина (имажиниста) стихи, изд. в Саранске в 1922 г., тираж 490 экз. Штука уникальная. Пришлось доставать ей О. Мандельштама.

22 мая. Жара чуть спала за счет северного ветра, но дождя все нет. Заехал в обком, а потом на вокзал, встретили Льва из Франции. На бюро приходить не захотел. В 10.00 – бюро обкома КПСС. […]. Решать с подвалами и бараками. Вводить единого хозяина в городе – горисполком. Пока из 3 млн. кв. м имеет только 970 тыс. Кончить блатовать с предоставлением жилья. О хищениях и кражах. Обсуждаем каждый год, а воруют всё больше и больше. Становится бедствием. Закончили бюро в 14.10! Звонил Н.Н. Романову. Пленум [ВЦСПС] состоялся, Шелепина освободили, а председателя не избрали. Не готовы. Важно было освободить. […].

23 мая. Дождя все нет, хоть и скучно об этом писать изо дня в день, но сейчас дождь – это спасенье, его отсутствие – гибель. Страшное пятилетие, которым открывается каждое десятилетие (1921–25 гг., 1931–35 гг., 1951–55 гг., 1961–65 гг.), продолжается. Есть в этом какая-то цикличная закономерность. […]. Утром я договорился с А. Щербаковым создать кооператив жилищный для вузов, построить 100–120 квартир, собрать деньги с институтов и заложить еще один дом на 100–120 квартир, освободившиеся пустить частью в оборот. Если бы удалось осуществить эту программу, сразу все вопросы на ближайшие 6–8 лет можно исчерпать. Приняли с восторгом. Поручили обкому профсоюза довести детали до ума. Поднял вопрос о культуре поведения студентов. Вспомнил народ в парке: «Сашка! Здорово, гад! Жрать хочу». Мы даем студентам этику и эстетику, но очень высокопарно, цитатами. Не даем элементарных знаний о поведении, самых простых вещах. […].

7 июня. День должен быть напряженным. Приехал в обком рано. Лев правит свое выступление на встрече [с прибывающим в Пензу Ф.Д. Кулаковым]. В 9.00 весь пензенский чиновничий мир тронулся на вокзал. Как Николай I сказал когда-то: «Ба, знакомые все лица!» и вспомнил гоголевского «Ревизора». Поезд по расписанию. Цветы, рукопожатия. Осмотрели вокзал до ресторана. Вышел [из ресторана], мне жалуется (заигрывая): «Думал, угостят, а они только показали». На машинах – к памятнику. Красивый ритуал возложения венков. Напомнил о 100.185 павших. В Дом политпросвещения […].

Встреча с активом. Начал Лев. Почему-то от стола председателя перешел на трибуну. Доклад страшно серый и сумбурный. Никакой элементарной политики. Голые факты. Нет обобщений. Самое страшное – пошел на разнос актива, когда дошел до кормов. «Что, не справляешься? Чего жаловаться»? Это обижает актив. Вообще страшно серое, пустое выступление. Вопросов ни у кого нет. Дали слово А. Овтову и Н. Лагуткину. Первый скромно и умно, второй манерничал голосом. Хорошо выступил Ф.Д. Кулаков: знаю, вам трудно, потому не критикую, берегу нервы. Забил «кол» по земледелию. […].

9 июня. […]. После обеда в путь. Мокшан миновали. Остановка в совхозе «Подгорный». Поразительная свежесть [Ф.Д. Кулакова], или хорошая тренировка. Цветы, осмотр. На Н. Ломов. Случайная остановка у с. Атмис. Мордатые бабы (одна из них сестра председателя сельского совета) жалуется на порядки: малы приусадебные участки. Остановка на полях колхоза «Новая жизнь». Заготавливают веточный корм. Старший лесник – Слабженинов. Узнал, что он мой коповский земляк. Федор Давыдович подхватил это. Хорошее настроение у женщин. Угостили квасом. Другого нет. В Нижний Ломов. Сразу в отделение «Сельхозтехники» и в «Химцентр». Ужин в особняке. [Кулаков]: «Давай, Георг, выпьем, пока нет начальства». Разошлись около 10-ти вечера. Мы – в гостинице завода. Иванов – талант!

10 июня. […]. Поднялся около 7-ми. Публика уже в сборе, заказал себе чашку кофе. Лев с Ивановым уехали на завод, я – в центр. Проверил готовность дома культуры. Вроде все в порядке, выступающие на месте. В 9 – завтрак с Ф.Д. Кулаковым. Никто есть не хочет. По стакану чая и пешком в дом культуры. Зашли в парк, где похоронены Герои Советского Союза, а также жертвы всяких кулацких восстаний и банды С. Огнева. В клубе народу полно. Пока показывали Кулакову клуб, проверил готовность. В 10.00 начали встречу. Народ настроен хорошо. Слезы выдавили доярка, учительница. Сам [Кулаков] выступал около часа. Уверенно, спокойно, твердо следуя заготовленному тексту. По-другому нельзя, т.к. записывает Москва. Банкет в перерыве между встречей и концертом. Опять укусил Льва: «Думаю, что ты хочешь произнести тост за Генерального...» Тот произнес.

Концерт хорош, но дурили микрофоны. После концерта – в домик. Баба с заявлением [чуть не бросилась] под «Чайку». Испугался Василий Иванович: «Обидно, что нам в душу плюют, хотя сама хабалка». Обед в домике, но не длинный. Ходом в Лопуховку. За барной стойкой. Бальзам и «кувака». Откровенный разговор, что так можно только в Пензе, что сюда приезжает, как домой. «Продал» [Кулакову] две пословицы и частушку о трактористе. Подарили картину. Точно определил, что я

сделал. Всё видит, всё понимает. Тонкий мужик. Обед за общим столом. Потом в аэропорт. Проводы. […].

13 июня. […]. Звонил В.П. Анисимов из отдела пропаганды ЦК. Успел обежать руководство отдела и доложить о наших замечательных делах. Акции нашей идеологической работы повышаются изо дня в день. Мне предлагают в конце августа выступить в Ростове на семинаре-совещании с докладом о нашем опыте работы с руководящими кадрами. Дал согласие. […].

18 июня. […]. Встал около 7-ми. А. Баракин успел на 6 собрать районных руководителей и объявить райцентр [Лопатино] «закрытым». Остается один дежурный магазин с хлебом и Госбанк, всё остальное – в лес на заготовку веток. Поехали полями колхоза им. К.Маркса. Плохой горох. Неизвестно, как и чем его косить. Скорее всего, надо бы взять на сенаж или подкормку. Поле озимой пшеницы. Каждый второй колос – белый. Вероятно, от засухи «белоколосица». В с. Чардым крик баб на прессовании соломы. О заработке, норме и пыли, от которой блюют. Председатель сельсовета. Совсем слепой после Сталинграда. Работает 23 года. Один ходит по селу, как-то ориентируется. Просит машину! В лес. Заготовка «веников». Душно, жарко. Подъехал председатель колхоза. В 11.00 – на Камешкир. Засели в песке. Толя [шофер] становится бесшабашным, надо поправлять. По трассе до радищевского обелиска. Потом полями на с. Радищево. Хлеба здесь лучше.

В 14.00 начали семинар четырех районов. Показали силосование [веток]. Мужики сомневаются. Перекладка веток соломой вызвала одобрение. Семинар полезен тем, что задумались о хранении веточного корма, что немаловажно. Обед, и я уехал через Анненково на трассу, а потом на Пензу. Даже в машине на ходу дышать трудно. Устал эти дни.

27 июля. Два дня назад прошел дождь, чуть спала жара, а сегодня опять горячий день. В 9.00 уехал в Белинский район. Пока не ввязали в хлебные дела, надо хоть немного посмотреть собственные объекты, прикинуть планы на будущее. Тарханы. Стелу с обозначением заповедника поставили. Смотрится грандиозно, хотя и здорово заглубили. Останется стоять на десятилетия. Не будем мучиться с фанерой и холстом. Могила Ю.П. Лермонтова не получилась. Хороший серый надгробный камень, а у его основания – паршиво сложенные плитки из белого мрамора. Хуже, чем на полу туалета. Долго мудрили. Надо перейти на серый гранит и написать стихи Лермонтова: «Ты дал мне жизнь, а счастья не дал...» В склепе страшный конденсат. Нужно скорее решать с вентиляцией, иначе погубим склеп. На усадьбе – строить людскую, приводить в порядок церковь Марии Египетской. Новая

мысль: у стелы в поле, чтобы лучше обозначить дорогу к усадьбе и дать старину, построить ветряную мельницу, а рядом – летнее кафе. Асфальтировать дорогу к усадьбе через поле. […].

1 августа. Затянули всякие дела. Хотел пораньше уехать в Колышлей, но захватили [дела] и приковали к месту. Интересный разговор о памятниках старины с Трушиным и Кишкурно. Москва требует планов, а мы распылились. Дал поручение всё как следует продумать, а потом встретиться еще раз. Музей Малышкина в Мокшане идет. Не знаю, как быть с домом Куприна. Что-то его начали забывать. Большой разговор с С.И. Ефимовой и директором Картинной галереи. Он был в Москве и закупил картины. По ведомости – интересные, но мало связанные с Пензой. Я снова повторил требование к нашей галерее: не стремиться стать Эрмитажем и Третьяковкой, наиболее полно собрать картины художников пензенской школы, брать всё наиболее интересное, связанное с Пензой и лицами, имевшими к ней отношение. Работать на патриотизм пензяков, поднимать в них чувство гордости и собственного достоинства. […].

2 августа. […]. В 15.00 – чествование Ирины Калининой и Клинченко Б.П. Получилось тепло и торжественно. Важно сыграть на патриотизме пензяков. Б. Клинченко рассказал страшную вещь: подвели с визами через Америку, прилетели за 4 дня до начала соревнований. Акклиматизация – «на дне» [бассейна]. В день соревнований у Ирины давление 80 на 40! Боролись не за место, а за каждый прыжок. [Клинченко ей говорил]: «Сделала [прыжок] – забудь, готовься к новому». Такова тактика. […].

5 августа. […]. Из Арчады – на Попереченскую степь. Красиво здесь в эту пору. Буйство созревших цветов, масса птиц. На истоки Хопра. Выпили свежей воды ключевой. Истоки получились. Зашли в старый домик на окраине села. Женщина купила его за 150 руб. Трое [у женщины] детей, а жить ни у кого нельзя – не принимают. Сосед-старик одолжил на зиму картошки. А все трое сыновей живут в городах. Страшная судьба матери... Поздно вернулись в Каменку. Поездка очень полезная. Давно не был в этих степных местах. Особенно трогательно Владыкино. Там я искал истоки своих предков. Оказалось, что ошибся, но чувство сохранилось.

13 августа. […]. Смотрел в театре эскизы. Проект сделали москвич, художник М. Трунков, и Р. Попрядухин. Одни лепят [на фасад театра] маски, другие – звезды, третьи – растительный орнамент. Где же логика? Что мы хотим показать на фасаде? И ушла идея взять древнегреческих муз (их всего девять), пять из них – на пилоны. [Необходимо] передать идею театра. Слева и справа – искусство прежде и

теперь. Приняли без споров. Хорошо, что родилась с ходу такая идея. Беседа с В. Налобиным. Он создал новый вариант пьесы о Лермонтове. Говорит, что неплохо. Я верю, что будет пьеса, надо только очень и очень с ней повозиться. Налобин спешит. […].

1 сентября. Вот и осень! Правда, пока лето продолжается, жарко, солнечно, но время берет свое. От зимы, как и от смерти, никуда не уйдешь. А осень – преддверие зимы. Поехали на открытие новой школы в Октябрьский район. Город сегодня необычен: всюду нарядные дети с цветами, рядом родители. Все дороги ведут в школы. С Болдиным, Кропачевой и Гришиным [ездили] на новую школу, экспериментальную, 3-ю в России на 1560 мест, типовой проект, полносборная. Кое-что строители не доделали, но открытие радостное. Просил не давать слово, обойтись самим, но вынудили и выступать, и перерезать ленту открытия школы. Давка детей, родителей и строителей такая, что посмотреть школу не удалось. Даже с Драчевской, директором школы, так и не сказали друг другу ни слова. […].

5 сентября. […]. День солнечный, душный. После завтрака – в райком. Хлебная машина пришла в движение. Представляю себе, что делается в хозяйствах: открываются склады, амбары, приспосабливается техника к погрузке хлеба в машины. Заехали на хлебоприемный пункт. Оживление. Машины идут, пыль, лаборатория работает. Поехали на Соседку. Справа Колесовка. Она теперь стала, пожалуй, частью Башмакова. Церковь на холме. Раньше – волостное село, в нем [служил] мой дед Григорий [Громов] писарем. Миновали Кандиевку, центр знаменитого крестьянского восстания с красным знаменем на колесе. От дома помещицы ничего не осталось. Площадь, на которой стреляли в восставших, занимает стройка совхозного клуба. Обелиск Курдов предлагает другой. Надо посмотреть и подумать. […].

9 сентября. В 10.00 – в особняке на ул. Лермонтова. Приехал Абуков, председатель Центрального совета по туризму при ВЦСПС. Он нам очень нужен, чтобы сделать шаг в новой пятилетке. После завтрака тронулись в путь. Первая остановка у гостиницы «Ласточка». Отделана неплохо, но номера уже загажены, да и на туристов пока мало работает. Условились добавить денег и сделать хороший бар и какое-нибудь уникальное торговое заведение, вроде «Петушка». На Белинск. Остановка в «Сурских зорях». Здорово сделано. Алексей Власов просто молодец. Абуков готов купить и рядом поставить кемпинг. Едва ли Лев продаст.

[…]. Уславливаемся: [строить] 16-этажную туристскую гостиницу в Пензе, кемпинг на дороге Пенза – Тамбов, клуб в турбазе «Чембар», пристрой к гостинице

«Ласточка», расширять Дом рыбака. Обойдется это в 7–8 млн. рублей, но польза будет. Остался ночевать в Белинске. Алексеев с Абуковым уехали в Пензу.

11 сентября. […] Позвонил в Пензу. Область близка к выполнению задания по хлебу. Едва ли надо выкачивать все подчистую. Решаем с Ярцевым просто: намечаем ближайшую цифру, расписываем ее по хозяйствам […]. Важно сдавать хлеб, но не пересдать его. Впереди зима длинная-длинная. О хлебе [в Москве] забудут, а молоко будут требовать. […].

12 сентября. Лев приехал из Москвы. Чиновники встретили на вокзале. Жалуется, что простыл. Уехал домой лежать. Хлеба скостить не удалось, положение чрезвычайно сложное с хлебом и продуктами вообще, поэтому лучше не связываться, твердо выполнять задание. Как они выкрутятся по хлебу, сказать очень трудно. При нужде в 90–94 млн. тонн [в СССР] могут заготовить 50–60 млн. Едва ли удастся этот разрыв покрыть за счет закупок в Америке. Если продадут, то наши порты не способны принять такое количество зерна. Может случится, что повторится 1963 г. (на подмешивание, наверное, не пойдут), а этот опыт печален не только для народа. Его последствие – октябрьский пленум 1964 г. Народ избаловали обещаниями, он уже привык все иметь в более или менее достаточных размерах, и срыв вызовет неудовольствие. Надо в политике народу меньше обещать, вести дело сурово и серьезно, а давать чуть больше, чем обещал. Это – трезвая политика. […].

18 сентября. […]. Утром говорил со Львом. Сказал, что мне звонил из ЦК КПСС А.И. Кудрявцев и, ссылаясь на подготовку к конференциям и необходимость решения кадровых вопросов, а такие имеющуюся просьбу СМ РСФСР, дать кандидатуру на зам. министра РСФСР. Задал мне вопрос, не хочу ли я? Я спросил Льва: «Это не с твоего согласия?» – «Нет. Что ты ответишь?» – «У меня нет пока нужды». – «Ну и хорошо». Позвонил в ЦК Кудрявцеву и сказал, что не привык, чтобы меня пристраивали да и не вижу нужды уходить из области, если нет претензий ЦК. Договорились вопрос снять! […].

21 сентября. […]. Сегодня исполнилось ровно 14 лет, как я приехал в Пензу. Поразительно быстро бежит время. Не успел опомниться, а эти годы составили добрую половину социальной, продуктивной жизни. Время идет, а я не жалею, что приехал сюда. [Здесь я] по-настоящему узнал народ, его жизнь, много получил в смысле жизненного опыта, кое-что удалось сделать для Пензы и области. Радует, что годы эти не были бесполезными, а может, составят для области известную эпоху ее расцвета, «ренессанса».

2 октября. […]. Со Львом договорился по пединституту. Он согласен с этим вариантом [оставить на посту ректора М.В. Еманову]. День кадровый. Беседа с Емановой. Она, перегорев внутри, ошарашена, состояние шоковое. Позвонил в министерство. Там капризничают, но деваться некуда. С Лохиным – по филармонии: нет худрука уже год. Ищем где-то в Челябинске, Свердловске, приезжают старые евреи-пердуны. Есть Огарев, кончил институт культуры, 25 лет. Но что за беда? Сказал, чтобы с ним беседовали и решали. […].

9 октября. […]. Занимался цыганами. Группа цыган «захватила» село Юлово. Директор связался с ними, заключив договор на ремонт борон. Условия заранее толком не обговорили. Они отремонтировали 400 борон и предъявили счет на 14.000 рублей. Вышло, что ремонт одной бороны стоит 35 руб., а ее покупная цена 3 руб. Директор испугался и отказался платить деньги. Они ввели таборы в село (человек 150–200), заняли контору. Ситуация сложная. Будешь действовать решительно – вызовешь противодействие, выльется в антисоветчину, а это хуже, чем просто хулиганство. Послал чекистов, милицию, управление сельского хозяйства. Доложили по телефону, что обстановка сложная, крестьяне боятся мародерства, село волнуется. Дал команду выплатить деньги и выгнать их до темноты из села. […].

11 октября. […]. На ступеньках у Доски почета открытие ярмарки «Золотая сурская осень». (Вспомнил, что идею эту привез лет 5 назад из Днепропетровска). Короткий митинг, прохождение кавалькады машин. Ярмарка может дать многое. Главный политический козырь: если торгуют, значит, со снабжением все в полном порядке, нет повода для беспокойства. Поехали на ипподром у Дома офицеров. Народу масса, музыка, веселье. Очереди у машин с мясом. Подумали, может, вообще площадку ипподрома превратить в поле массовых воскресных гуляний. Надо на будущее лето поискать, покрутить. В Арбеково настроение другое. Ворчат, что мясо по 2 руб. 50 коп. Есть одна истина: всё давать народу в меру. Чем больше, тем хуже. Мяса много, вот и копаются. […]. Вечером в театр. Спектакль «Муж и жена снимут комнату». Своеобразное продолжение «Валентина и Валентины». В драматургии новое – констатировать факты, не делая никаких выводов. Показано всё объективно, но кто хороший, кто плохой, понять невозможно. Виновата сама жизнь, которая устроена плохо. Интересно оформление надувными детскими шарами. На сцене почти ничего, кроме шаров. Актеру трудно. Но смотрится только он, его игра. И это важно, ибо декорация часто «съедает» актера.

15 октября. Поднялся рано, сам приготовил сосиски и кофе. В 7.00 со Львом и Володей поехали на Белинск. По дороге перед «Сурскими зорями» красивое зрелище – дорогу перешли четыре лося: мать, двое телят и бородатый отец. Какая величественная прелесть! Ума не приложу, почему охотники так настырно борются за право убивать их. Жестокость какая-то к природе […]. На Волчковской ферме. Вручение «рубиновой звезды». Лев разговорился, полез целоваться с доярами. Вообще получилось организованно, тепло и сердечно. В клубе колхоза «Победа». Начало сорвали. Перекусили, а только потом начали выступление агитбригады. Скромно, по-сельски просто, но прозвучало здорово. Особенно частушки с критикой. Переезд на комплекс колхоза «Гигант». Сразу показали десятиклассниц, решивших после окончания школы стать доярками. Колхоз установил стипендии – 10 руб. в месяц. Это находка. Я объяснил, что пора кончать подходить стихийно к отбору рабочих из школ, [пора кончать] доверять всё учителям – они материально и морально не заинтересованы. Самим надо лезть. […].

16 октября. […]. Со Львом – на реконструкцию театра. Сделаны первые пилоны. Получилось просто здорово. Одобрили и – в производство. Лучшего искать, вероятно, не надо. Условились (о чем я давно толкую) превратить Театральный проезд в уютную улочку, по которой не ходят машины, а гуляют театралы. Отработать газоны, прямо на асфальте выставить цветы в бочках, вазах, поставить скамеечки. Центр города, а проезд просто заплеван. Надо порисовать, поискать. Продажа цветов и, может, книг с развалов. Заехал на гору у Западной Поляны. Не очень уютно для зимних гуляний и катаний с гор. Пейзаж яркий: дома, бараки, в верху садовые домики, а от улицы отгорожена еврейским и татарским кладбищами. Надо искать что-то еще. Беседа с Есиным. Одобрил проект по туризму. Задал вопрос, что строить около гостиницы «Ласточка». Мыслей нет, и вдруг родилась – «Ласточкино гнездо». На обрыве пензенская интерпретация крымского сооружения. […].

21 октября. […]. Лев вернулся из Мокшана и Н. Ломова. Длинный разговор с ним о всяких делах. Мы купили у США на 5 лет 6 млн. тонн зерна ежегодно, а продаем 10 млн. тонн сырой нефти. Доход их годовой 1 млрд. долларов! Вот во что обходится благополучие со снабжением. Сделка своеобразная. Для нас – безвыходная, для американцев – выгодная. Вероятно, народу о ней не объявим. […].

23 октября. […]. «Эпохальное событие» – в 21.30 передача «Наш адрес – Советский Союз» посвящена Пензе. Получилась хорошо, смотрится и красиво, и увлекательно. Вера чуть не прослезилась. Меня такие передачи интересуют с точ-

ки зрения возвеличивания моей родины и Пензенщины, повышения ее авторитета, воспитания людей в духе гордости за свою прекрасную, благодатную землю.

27 октября. […]. В 9.00 – планерка. Начали о конференциях. Доложил А. Ковлягин, но разговора не получилось. Лев не умеет обобщать и обсуждать. Когда докладывают другие – торопит, проявляет нетерпение, нервничает. Хотя, когда сам говорит по любому, даже пустяковому поводу два часа, считает это естественным, т.к. всё, что он говорит, а чаще всего читает написанное другими, важно и нужно. Глупая выходка в адрес Майоровой. Она не сняла с контроля какое-то пустяковое постановление (хотя перед ЦК уже отчиталась!), он бросил: «Вы спекулируете моим вниманием! В былые времена за такие дела выпроваживали с работы». Я откровенно сделал горькую мину на лице, чтобы все видели, а когда Лев спросил: «Что?», сказал, что надо выбирать формулировки. Потом, после, было неприятное объяснение. Не любит он возражений […].

30 октября. Вчера холодно и снег, сегодня дождь, но со снегом. Зима с осенью начинает перемешиваться. […]. Вечером с Мишей на хоккее. Дождь. Летят листья. Противоположная трибуна вдруг выдала стих хором:

Мясников, слышишь?
Делай «Темпу» крышу!

Это уже призыв народа, надо как-то отвечать. Еще вчера отдал Льву 6 вариантов перекрытия стадиона. Не знаю, хватит ли у него решимости, а у меня сил. И с кем делать? Нужен фанатик, а их мало. Почти нет.

1 ноября. […]. В 11.00 уехали с Деминым и Е.Ф. Шкуровым в новое здание ДОСААФ на берегу Суры. Когда начинали строить, не думал, что получится, а получилось. Осмотрели морской клуб, школу связистов, школу моряков, стрелковый тир. Даже попробовал выстрелить из боевого пистолета. Из пяти только один раз попал в мишень. Рука дрожит, нет сноровки. Интересная беседа в заключение. Они все просят помощи в оборудовании и оформлении. Я не могу помогать просто так. Выдвинул контрпредложение: при школе создается сводный отряд подростков из 1000 человек (дать самых хулиганистых!). По две сотни моряков, пехотинцев, летчиков, связистов и десантников. Первый парад их – 9 мая 1976 г. у Памятника Победы. Под такой отряд буду помогать всем, чем могу. Дал время на раздумья. […].

3 ноября. […]. В 11.00 собрались секретари и зав.отделами обкома КПСС. Разговор о городской партконференции. Все спутало намерение участвовать в конференции [кого-то из ЦК]. Судя по активности орготдела, может быть, И. Капитонов. Лев старается, всё отработал, диктует по записной книжке. […].

Н.Н. Романов «отправлен» Большим домом на пенсию, хотя В.И. Прохоров старше его на 8 лет, но [тем не менее] остался. Всё связано с личностью А. Шелепина: убирают всех. В один день из Комитета народного контроля выпроводили Ю. Поленова и В. Залужного, теперь чистят ВЦСПС. Говорят, что начались в кулуарах разговоры о «бонапартизме» Шелепина. Жалко, что бьют тех, кто должен был составить настоящее и будущее [партии и государства]. Разгон «молодых кадров» не очень доброе дело, но показатель самолюбия и властолюбия [Брежнева]. Убирают каждого, кто сомнителен. Так было всегда, так есть, так и будет, вероятно. История – штука противная.

6 ноября. Зима держится, хотя морозы ослабли. Вчера ночью было около -20, сегодня уже только -12. На завтра дают прогноз около -2 […]. В обкоме с утра. Вел переговоры с Советом Министров РСФСР. Пятилетнего плана сооружения памятников пока не получается. Предлагают отдельным распоряжением Совмина разрешить соорудить в Пензе памятник Радищеву. Я встречно предложил начать с Лермонтова. Он уже почти готов у Малова, а над Радищевым надо еще работать. Кажется, договорились, но решать будет В. Кочемасов. Со Львом – в областной драмтеатр. Принято мое предложение о проведении областной конференции в здании театра. […].

7 ноября. Погода мягкая -2. Разбудил дежурный звонком: в Поселках Кузнецкого района вечером милиционер застрелил хулигана. Пришлось звонить Епифанцеву, ставить на ноги районщиков. Любое событие в праздники звучит остро. К 9-ти – в обком. Опять переговоры с кузнецкими товарищами. Говорят, что обстановка в селе спокойная, действия милиционера были правомерными. Собрались члены бюро. Все одеты в ондатровые шапки. Стараниями Веры я резко выделяюсь. В 10.00 – на трибуну. Обычный порядок: вынос знамен, прохождение училища, колоны школьников. У демонстрантов новое, что мы опробуем, – порядок прохождения передовиков производства – победителей соревнования и рапорты коллективов. Это еще одна деталь, позволяющая соединить идеологию с жизнью, внести известную конкретность, практичность, целеустремленность и в это событие. Всеобщность мало что дает, конкретность – самое разумное искомое. В любом практическом действии можно и нужно находить практическое разумное начало. Я себе представляю, что будет в семьях передовиков, портреты которых несут демонстранты. Это – награда, повод для подражания. […].

12 ноября. […]. На Студенку. Сразу в церковь. Отругали зав. током за то, что комбикорм везут в открытой тракторной тележке от Пачелмы. Иконостас (с моего

согласия) уже разобрали и перенесли в действующую Калиновскую церковь. Эта церковь молодая. Освящена она в 1908 г. Строил помещик Пастушков. Сам умер в Крыму, похоронен в склепе под церковью, а потом свинцовый гроб вывезен и разбит. Его жену после революции обули в лапти и отправили в Титово. Осталась только церковь. И та рушиться, хотя не древняя. Вспомнил со стариком [бандита] Огнева. Он базировался в лесу у «Пятилетки». Сам родом из Вороны. Помогали ему братья Геродотовы из Н. Толковки. На Студеновской ферме, а потом на Мичкас. Зашли в дом на ул. Горочка. Семья Алатурцевой Натальи Евг., 1929 года рождения, 8 детей, доход 170 рублей, в том числе от собеса, 24 – от совхоза и муж-инвалид, пенсия 38 руб. За квартиру платят 3 руб. 60 коп. Условия страшные. «Социализм». […].

14 ноября. День занят встречей секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова. Разработана программа, все расставлены по местам, проинструктированы. Мы привыкли такие встречи организовывать по-настоящему. В 10.00 Лев пригласил к себе секретарей и Дорошенко. Условились, что с гостями занимается в основном он один. Кавалькады надо бы исключить, дабы в глазах народа не выглядеть нехорошо. Поехали на аэродром. Что-то в 10.40 самолет Як-40, следовавший спецрейсом, приземлился на аэродроме. Собралось много высокопоставленной чиновной публики и просто случайных зевак. Капитонов выглядит хорошо. Почти не изменился с тех лет, когда я хорошо его знал. В демисезонном пальто и шапке без ушей («московка», что ли). Лев представил меня. Узнал. «Что-то ты здесь располнел»! – «Годы идут, Иван Васильевич». Удивленные взгляды чиновников, не понимающих, откуда может знать меня Капитонов. В машины. Сразу к памятнику на площадь Победы. Возложение корзины с цветами. На венок не решился. Объяснил ему о нише. В книге 100.185 фамилий пензенцев, павших в годы войны. С помощником условились о порядке опубликования сообщений о пребывании в Пензе. Лев с гостем – в особняк, я уехал в обком КПСС, Б. Демин засел на «телефоне слежения». Побывали они на часовом, потом ВЭМе и в «Золотом петушке». Когда отправились в «Касе Маре», я уехал домой. Всё ясно... Утром Виктор скажет банальную фразу: «Он такой же простой смертный, как и все, даже больше». Не просматривается пока смысла его приезда. Скорее всего, просто [поставит] галочку о своем участии в городской партийной конференции.

15 ноября. Все мысли и дела связаны с приездом секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова […]. К 8.30 приехал на городскую партийную конференцию в клуб им. Кирова. Народ уже в сборе. Лев и Капитонов появились около 9-ти. Сразу начали

конференцию. Изумительная явка: из 632 присутствует 632! В президиуме Виктор Ерзунов, Лев и Капитонов. Потом сел «законно» избранный президиум. Я ушел от Капитонова на другой край стола. Отличный доклад В. Ерзунова. Просто не ждал, что горожане могут создать такой сочный, содержательный документ. В перерыве – чай и разговоры. Капитонов всё пристает, что я растолстел. Объяснил, что знал он меня, когда мне было 25 лет, а теперь 50! Вспомнили Рыжухина, Торовина, Костю Кузнецова, пленум ОК ВЛКСМ по освобождению Н. Сизова.

Прения прошли хорошо: и кратко, и интересно, и очень критично. Капитонов выступал последним, что-то около 30 минут. Содержание обычное, простое, без каких-либо претензий. После выдвижения хороший концерт. Много [песен] о партии. Он: «Московские поэты забыли слово «партия». После банкет с членами бюро обкома и горкома, много всяких тостов. Дали и мне. Я от формы пошел к содержанию. Обстановка в партии, отношение к кадрам. Помощник [Капитонова] считает, что лучший [тост]. Разъехались около 10-ти вечера. Общее впечатление от конференции очень хорошее. Шутили, что И.В. Капитонов обеспечил лично высокую организованность […].

18 ноября. Второй день семинара. Нужно выступать при его заключении. Сижу, готовлюсь. Что-то мало звонков и посетителей. Тишина. Около 2-х уехал в парк им. Белинского. Медведица уже на месте. Народ толпится, но сделано всё без души и на соплях. Киркиянов испортился, а Балалаев не привык делать капитально. Заехал к гостинице «Ласточка». Светильник поставили, лестницу в овраг закончили, желоба спусков готовы. Надо теперь дотягивать детали. […].

19 ноября. […]. Ночью дочитывал Б. Дьякова «Повесть о пережитом». Мы часто «теоретически» судачим о жестокостях культа личности (и осуждая, и что-то оправдывая). Тому, кто практически, как Дьяков, пережил эту страшную систему, не до теоретических изысканий. Страшная была система, много ни в чем не повинных людей попало и фаршем прошло через эту человеческую мясорубку. Так недалеко было и до концлагерей. Есть что-то общее.

21 ноября. […]. Хлопотал о памятнике М.Ю. Лермонтову в Пензе. Длинная история. Лет 8 назад попросил Григория Малова создать проект скульптуры. Было несколько вариантов. Летом смотрел – близок к цели. Решил не партизанить, послал письмо в Совмин РСФСР с просьбой разрешить сооружение в Пензе памятников Лермонтову и Радищеву. Пока приняли Лермонтова. Соломенцев подписал распоряжение СМ РСФСР. Но сразу начали прилипать московские скульпторы, что крутятся около Министерства культуры и СМ РСФСР. Предлагает услуги Комов,

еще какой-то еврей. Предупредил Г. Малова, чтобы он не мешкал, быстрее доводил до ума, формовал и показывал. Надо определиться и по месту. Пока нет хороших предложений и сам не знаю, где ставить. […].

22 ноября. Оттепель еще стоит, но в воздухе первые признаки морозца. Прямо из дома – на вокзал встречать Льва. Сказал, что был у И.В. Капитонова. Тот успел доложить о поездке в Пензу Брежневу, Кириленко, Суслову, Кулакову. Хороший резонанс в ЦК о Пензе. […].

Смотрел дело бандита Огнева Василия из с. Ворона. Слышал о нем в детстве, но действовал активно он уже после того, как мы уехали в Орехово (июнь-июль 1933 г.). Интересная страница в истории области. Отрыжка коллективизации.

24 ноября. […]. Беседа с Г. Маловым по памятнику М.Ю. Лермонтову. Боюсь, как бы не пролопоушить. Влезут москвичи и начнут бодягу, а там попробуй, разберись! Надо срочно определять место в городе. Вопрос не такой простой. От места многое зависит. С Маловым и Р. Попрядухиным ходили на угол Лермонтова и Кирова, где площадка дома ребенка. Не понимаю, из чего исходит Роман, когда предлагает. Место просто плохое. Не сошлись. […].

25 ноября. […]. Советовался с Черных Н.С. из ЦК по разным делам и совершенно неожиданно родилась новая идея методики организации идеологической работы – идея системности. Я уже говорил о необходимости поиска и внедрения систем на последнем семинаре идеологических работников, но это было замечено вскользь, не формулировалось как генеральная задача всей работы по воспитанию. В ходе разговора возникло прояснение, понимание и твердая убежденность, что надо идти путем создания систем. Они уже есть: система политического просвещения, наглядной агитации, телерадиошкол, «рубиновые звезды», проведение «ленинских пятниц», работа по месту жительства. Тут много положительного. Надо только все продумать и, не торопясь, осуществлять. Черных хочет обобщить и сделать [пензенский опыт] достоянием ЦК. […].

30 ноября. […]. К 19.00 – в театр на премьеру пьесы Г. Полонского «Драма из-за лирики». Впервые в истории пензенского театра слышу у входа: «Нет лишнего билетика»? Приятно, труды не пропадают даром. И Рейнгольд, и Визи оказались людьми, которые умеют делать дело. Смотрели спектакль. Остропроблематичный. Есть вопросы и очень сложные – вопросы воспитания. Но я согласен с попыткой автора снять маску с учительства, показать их и с другой стороны. Правильно, что разрушается символ святости. Вместе с тем есть и известные просчеты драматурга и режиссера. Действует три группы: учащихся, учителей и

родителей. Все они (со своих позиций) решают одну, собственно, проблему воспитания человека. Накладывается этот процесс на Маринку (любовь). Хорошо смотрится группа учащихся. Группа же учителей дана схематично, [образы] родителей оглуплены. «Неравноправие» групп снимает сложность проблемы и делает ее примитивной, простой. И это от схематизма в игре актеров, «однобокости» режиссера. Сделал замечание и Рейнгольду, и Зыкову. Он только начинает, и это может пойти на пользу. Традиционно отметили премьеру.

1 декабря. […]. Условились также энергичнее заносить записи в «Книгу трудовых подарков XXV съезду КПСС». Поручил Ю. Акимову завтра принять участие в чествовании Ю. Седова, завершившего в субботу две пятилетки. С Дорошенко договорились о деталях встречи коммунального министра С.М. Бутусова. Дал задание отредактировать проект его выступления, подготовленный нашими газетчиками. [Министерство] имеет аппарат, а готовим мы. Собрал отделы по проекту постановления. Дал сутки на доработку […].

4 декабря. Спал плохо. Опять начались бессонницы. Едва поднялся в 8 утра. В 9.00 был уже в особняке. [Прибывший в Пензу] С.М. Бутусов больше для порядка говорит о Тарханах, но настоящего интереса у него не чувствуется. Вообще он производит впечатление человека не очень любознательного, не очень заинтересованного даже в своих делах. Его главный интерес – он сам, главное беспокойство – как он смотрится. И на это ушла вся жизнь. Позавтракали и поехали в сторону Каменки. Кругом туман. Зябь и озимые едва припорошены снегом. Степь голая и скучная, но есть какая-то прелесть в этом скучном однообразии. Захватывает и безжизненный простор. На истоки Хопра. Затерявшиеся в степи Ивановка и Алексеевка. Как же тошно им тут зимой в метели. Первый раз на истоках осенью. Тоже интересно. Мощно бьют родники, давая рожденье реке. Одиноко сидит Старик Хопер. Мельничное колесо замерзло. Холодно, зябко. Завтрак в доме. Пальто снимать нельзя, холодно. Батареи не работают, а электричество отключили. Свежая еда – индюк, гусь, шашлык. Сидели часа полтора. Заехали в дом к крестьянке, от которой отказались трое сыновей. Чисто, но одиноко и обидно. Нарочно показал министру, чтобы в Москве иногда понимали все грани жизни народа. […].

5 декабря. […]. В 11.00 – секретариат и Дорошенко. Уточнили детали по активу и пленуму на 8 декабря. Одно на другое накладывается. Надо все делать. Лев коротко информировал о декабрьском пленуме ЦК. Выступление (его текст уже получен), действительно, традиционное. Анализ итогов, некоторые замечания по наиболее важным проблемам развития промышленного и сельского хозяйства.

Был и организационный вопрос, о котором ничего не сообщалось в печати. Выведены из состава членов ЦК КПСС Воронов, Шелест, Шелепин, Мжаванадзе, Кочинян, Насреддинова, из кандидатов – Альберт Чуркин. Причина вывода: они подвергаются критике в партийных организациях, не участвуют в работе Центрального Комитета. Компания довольно разнокалиберная, причины разные, а формулировка для всех одна. Кое-кому обидно. Особенно Воронову, может, и Шелесту. Голосование было тайным. Принято единогласно, только Шелест ушел с пленума и не стал голосовать. […].

7 декабря. […]. Занимался открытием моста через Суру (завтра в 16.00). Сразу задал вопрос: а как назовем. В народе существовавший на этом месте деревянный мост назывался Шуистским от поселка Шуист. Как это перевести, никто не знает, но не очень благозвучно. Приняли решение именовать Большой Сурский мост. Может, и приживется, забудется Шуистский. […].

Появилась официальная формулировка оргвопроса: «На пленуме ЦК были рассмотрены организационные вопросы. Сообщение сделал секретарь ЦК КПСС тов. Суслов М.А. За безответственное поведение, допущение серьезных ошибок члены ЦК КПСС тт. Воронов Г.И., Кочинян А.Е., Мжаванадзе В.П., Насреддинова Л.С., Шелепин А.Н., Шелест П.Е. и кандидат в члены ЦК КПСС т. Чуркин А.Н. подверглись и подвергаются серьезной критике в своих партийных организациях, они утратили связь с ЦК КПСС и не могут больше оставаться в составе Центрального Комитета.

В соответствии с параграфом 25 Устава КПСС путем закрытого «тайного» голосования вышепоименованные члены КПСС были выведены из состава ЦК КПСС» (из доклада Льва активу). Всё спутано, вместе [оказались] люди разные: Шелепин – бонапартист, Шелест – националист, Воронов – авантюрист, а Мжаванадзе, Чуркин и Насреддинова просто взяточники и хапуги. Политиков вместе с уголовниками... Главное – вывести до съезда.

18 декабря. […]. В. Пензин показал проекты художественного оформления театра кукол. Есть хорошие находки. Мне понравилась идея центрального панно в фойе, приемлемы светильники и гипсовые рельефы в зрительном зале. Но до истины еще далеко. Год возился, а конца не видно. […].

21 декабря. […]. Премьера Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». Тянучий первый акт и хороший второй. Беседа с Рейнгольдом, Давыдовым и Беловым. Надо сменить ключ, в которых ставятся спектакли. Нельзя идти в одном плане. Что-то водевильное надо. Спектакль сомнителен по направленности. Добро

гибнет от рук хищников: «Черное озеро осталось черным». Затянут первый акт. Мрачность всей атмосферы, даже освещения. Надо правильно расставить акценты внутри роли Егора (Белов). Два плана: неудачники, но и очень страстный философ, борющийся за добро. Пока всё идет монотонно. Способный [актер], но надо тянуть. Сомнительны отдельные сцены (убийство, туристы). Сказал В. Давыдову: или дотягивать, или снимаем... […].

23 декабря. […]. Принял А.А. Зинченко, начальника мостоотряда №20. Он принес сделанный по моей просьбе проект перекрытия стадиона «Темп». Вариант интересный, нужно 350 тыс. тонн металла и 500 тыс. рублей. Чаша стадиона остается прежней. Рассмотрели в президиуме актива и одобрили. Хорошо бы перекрыть стадион в 1977 году. […]. В 10.00 начали актив. Лев делал доклад 1 час. 30 мин. «Сам работал» ([сообщил] Екимов). Изложение «Основных направлений». Немного по области. Меня поражает легкость, с какой мы каждый раз называем цифры будущего (обеспечить прирост производства молока за 5 лет на 65%), урожай – 22,8 ц с гектара и т.п.). Да надой на корову в среднем 2.800, а мы только раз достигли 2.363. Говорим и верим, а реальная практика все время нас бьет, а мы опять говорим и верим. Много призывов вперед без серьезного анализа прошлого. Недостатки объясняются или молчаливо обходятся, а все опять устремляется в будущее. Хотя совершенно ясно, что без анализа прошлого трудно, очень трудно достичь желаемого и реального будущего. […].

24 декабря. […]. В 9.00 начал прием посетителей. Всего принял 35 человек. Состояние тяжелое. Много больных, идут потому, что всех прошли. Пытаются доконать и меня. Запомнилась пенсионерка. Не сжилась с племянницей, дали комнату 7 кв. м, теперь спорит с соседкой, требует отдельную. «Я для партии...» и т.д. Когда я цыкнул, ушла. Две тяжелые семьи, трое ребят (близнецы), а всего 14 кв. м. Не знаю как, но надо помогать. Вплоть до шефства по доставке кефира. Выходил, как из молотилки... […].

26 декабря. […]. Читал рассказы Шукшина. Есть сочное своеобразие. Много внешне простых находок глубокого крестьянского, философского смысла. Думающим и зорким был. Мало написал. Русская трагедия.

30 декабря. […]. Заехал с Г.И. Маловым в городок «Спутник». Смотрели его проект скульптуры М.Ю. Лермонтова. Пробили право ставить в Пензе памятник, теперь очень важно верно выбрать место и фигуру. У Малова (а он работает по моей просьбе лет 10!) получается хорошо, но не все позиции проработаны. […].

1976 год

12 января. […]. Был директор совхоза «Наровчатский» [неразб.]. Хлопочет о выселении семей из монастыря. Я давно мечтаю о том, чтобы реставрировать его и сделать турбазу. Место изумительное, монастырь архитектурно прекрасен. Да еще обвалившиеся теперь пещеры. Пещеры – это загадка. Есть легенды, что они прорыты на трех уровнях в горе. На нижнем ярусе есть якобы озеро с водой. Утверждают, что в пещерах остались все монастырские ценности. Их некуда было увозить. Монахи запрятали в пещерах. Лет 20 назад кто-то лазил, заблудился, нес ящики и венецианское стекло, но все бросил. Вышел седым от страха: долго не мог найти выхода. Теперь все выходы завалены а что внутри (пещеры целы, конечно) – тайна, которую стоило бы разгадать.

Собирал торговых работников по субботним впечатлениям. Злой, откровенный разговор. Обещали навести порядок. Жалко затраченные силы. […].

15 января. Передохнув день, снова занялся практическими делами. Вопросов много, но нового ничего не затеваю, дабы не вызвать ревности. Приехал Колесниченко, зам. министра рыбной промышленности СССР. Со свитой (Куликов, Власов, Сауткин, Белоцерковский) пришел ко мне. Еще недавно был вторым Приморского крайкома КПСС. Я его плохо знал. Условились к съезду пустить магазин «Океан», немедленно начать привязку и в 1977 г. строительство рыбоперерабатывающего комплекса на 7,5 млн. рублей, составить проект живорыбной базы. Очень храбро обещал все решить, делает вид, что все может. Не знаю, как будет на самом деле. Хорошо бы накормить пензяков океанской рыбой. […].

16 января. […]. В 11.00 – на областной театр. Посмотрели сгоревшее здание «Пензгражданпроекта». Конечно, надо немедленно ломать, освободить этот угол, вывести красивое здание мясного пассажа на улицу. Это позволит Театральный проезд превратить в красивый бульвар для прогулок и торговли цветами. Планерка не получилась по фасаду театра. Не пригласили авторов проекта, а строители не хотят ничего делать зимой. Может, они и правы. Зимой важно бы все заготовить, чтобы летом штурмом взять фасад и развязать себе руки. Длинно идет эта реконструкция. […]. В 16.00 на планерке в кукольном театре. Окончательно решил назвать его «Орленком». Дело движется, но очень медленно. Заехал в обком, по-

том на стадион «Темп». Наши выиграли у усть-каменогорцев 7:1. Приличная у нас команда.

13 марта. […]. На кукольном театре. Стройка в разгаре, но конца пока не видно. Начинают поджимать художественные работы. Лев было полез в эскизы, я сказал, что все решим сами. Отбил мою попытку втянуть В. Ланскова в деревянные дела по оформлению театра. Усложнил тем, что надо раздавать задания заводам. В парке Белинского обошли все. Я доволен, что удалось обратить внимание на бедственное положение торговли, необходимость делать все капитально, добротно. Пока многое выглядит по-деревенски. Условились отгородить педагогический институт от парка и Западной Поляны, а перед институтом сделать красивый металлический забор. У «Ласточки». Все стоит. Зиму проводили, и на том все кончилось. На горе у техникума лыжники катаются, но никакой организации – ни соревнований, ни торговли, ни затей. Испуга хватило на два дня. Лев правильно возмущается. Городские власти страшно неподвижны. Заехали на кинотеатр «Современник». Надо, чтобы пускать, освоить почти 1 млн. руб., а дело идет дохло. Надо подталкивать, пока не поздно. В обкоме обговаривали детали со Львом. Уехал домой. Вечером с Мишей и Верой разбирали книги.

16 марта. […]. В 11.00 – планерка в театре. Накопилось немало всяких вопросов. Дал всем слово, чтобы высказались. Сначала смотрели проект художников из Москвы по оформлению фасада. Опять Гамлет и Офелия. Вспомнил и рассказал анекдот о профессоре, которому студентка раз пять сдавала экзамен. После шестого захода спрашивает: «Профессор, я выдержала»? – «Вы выдержали, я не выдержал: поставил тройку». Так и с этим проектом. Год мучают, показывая одно и то же. Есть проект-прикидка благоустройства Телеграфного проезда. После сноса сгоревшего здания «Пензгражданпроекта» задача рисуется иной. Хочется сохранить образовавшуюся площадь и красивый боковой фасад Мясного пассажа. Т… [неразб.] был прав, когда спорил по Дому быта. Надо было его делать короче, не закрывать со стороны сквера обкома КПСС. Теперь можно лишь открыть левую сторону. Предварительно одобрил, но передал «Гипромашу». Нужно делать и внутренние интерьеры. Сказал, чтобы не накручивали сложностей, ограничились минимумом. Есть строительные вопросы. Я щадил их, понимая сложности окончания года и квартала. Теперь подошло время атаки, чтобы летом решить задачу. Договорились о деталях, нужны только контроль и помощь.

Беседа с Рейнгольдом, Налобиным, Визи о делах театра. Обстановка нормальная. Дал согласие репетировать «Униженных и оскорбленных» Достоевского.

Хватит одних патриотических спектаклей. Неожиданно предложил Налобину быть и режиссером написанного им спектакля о Лермонтове «Белеет парус одинокий». Пусть сам мучается, работает с актерами, правит. В кино эта форма давно обрела себя, а в театре будет новинкой. Кажется, решился и загорелся. […].

24 марта. […]. В 10.00 начали сессию областного Совета. Вопрос очень интересный – о дорожном строительстве в 10-й пятилетке. Программа выработана солидная. Новых дорог будет почти 900 км. На асфальт выберутся практически все райцентры области. Только до Иссы не успеет дойти дорога Саратов – Горький, но она обязательно будет, уже строится. Со мной рядом министр дорожного и автомобильного строительства РСФСР Николаев. Жидкий народ – российские министры. И сами по себе сероватые, и власти у них практически никакой. Все держит в руках Совет Министров РСФСР. […].

Впервые пензенский «Дизелист» так высоко поднялся в своей группе и обеспечил себе право играть переходные матчи с ленинградским СКА за право перехода в высшую лигу. Для нас – событие, для ленинградцев – позор выбивать у Пензы право остаться в высшей лиге советского хоккея. Не любят ленинградские руководители спорт, плохо болеют за авторитет города […].

25 марта. […]. Бюро обкома КПСС. Главный вопрос – о строительстве Чаадаевского комбината по производству домов на шведской линии «Черс». Длинные доклады, потом выступления. […]. Вроде бы цель – пустить комбинат в этом году. Но думаю, тут много фантазии. Требуется освоить более 10 млн. рублей, а за два месяца [освоили] только 250 тыс., в прошлом году – около 3-х млн. Не хватает оборудования, нет еще котельной, отсутствует жилье и т.д. Но самое забавное (такое может быть только у нас), для домов, которые мы хотим выпустить в конце этого года, нет панелей внешних стен, утеплителя, панелей внутренних стен (отсутствуют смолы) и полов. Линию пустим, а что на ней делать – загадка!!! […].

1 апреля. Посмотрел эскизы оформления Наровчата. […]. Краеведческий музей. Беседа с М.Е. Афиногеновой. Ей 81 год, из семейства Шлыкова, владевшего винным откупом. Муж ее один из первых дореволюционных агрономов. Музей создан в 1923 г. Россиным, учителем. Он умер в 1968 г. Отец Россина – полковник. Какая-то история с заложниками в связи с покушением на В.И. Ленина. Пятерых посадили, в т.ч. и Россина. Освободили по просьбе солдат его полка. Звали полковника Павел Панфилович. В начале 1925 г. [музей занимал?] маленькую комнату, потом – в здание бывшего суда, потом в школу, расположившуюся в доме купчихи Ерофеевой. Собор закрыли в 1930 г. Был зимний и летний. Летний поломали, а в

зимнем в 1923 г. разместили музей. Первую ставку дали в 1927 г. С 1929 г. директор Маргарита Евгеньевна [Афиногенова]. Платят ей 90 руб. + местная пенсия. Разговор о создании музея Куприна в доме, построенном на месте сгоревшего подлинного дома Куприна. Он погиб в пожаре в 1892 г. Потом [на этом месте] построился какой-то акцизный чиновник. Долгое время домом владел дед Афиногеновой Шлыков. Есть план дома. Мебель – в Пензе. Отец Куприна – уроженец Темникова. Из обедневшей дворянской семьи. Закончил Темниковское училище. Женился на разорившейся княгине Кулунчаковой. Имели земли в Наровчатском, Темниковском уездах. Обеднели к реформе 1861 г. Главные грехи Куприна – отказ от сотрудничества в большевистской газете в Гатчине и сотрудничество через неделю в белогвардейской. Осмотрели некоторые экспонаты. Она [Афиногенова] собирает все. Много интересного, но много и просто не нужного. Принцип старьевщицы. Пошли на ул. Куприна. Второй дом от начала. Добрый дом с резными наличниками, рядом кирпичный сарай старой кладки. Во дворе – сад, старые ветлы с грачами вдалеке. Можно подумать и, если хватит сил и времени, восстановить дом Куприных, открыть музей под интерес туристов. Но сложно...

11 апреля. […]. После обеда с Мишей на стадионе «Темп». Игра вторая с московским «Динамо». Опять висели на волоске, но выиграли в 3-м периоде […]. Красненкову Белоножкин переломил челюсть в двух местах. Парень надолго вышел из строя. Беседа с В. Давыдовым. Подарил мне книгу «Динамо. 50 лет». С его участием – разговор с В. Первухиным. Советуем ему переходить в московское «Динамо». Он согласен. […]. Во вчерашней «Правде» – фотоочерк о Пензе. Приятно, что это объекты, сделанные с моим участием, плод новых раздумий и поисков.

13 апреля. Начал день с посещения областной больницы им. Бурденко. Комиссия давно заседает, разрабатывает планы ее благоустройства, но окончательного решения не принимает, ждет моего совета. А чтобы дать совет, надо все очень внимательно смотреть в натуре. Кабинетные решения – самые опасные вещи. С Самохваловым, Кульневым, Шумаковым и Шалдыбиным, а также Романом Попрядухиным обошли все закоулки. Даже при первом рассмотрении стало ясно, что предложения носят характер вредный, ошибочный, фантазерский. Суть проекта: снести забор, сделать по центру вход в больницу, памятник Н.Н. Бурденко поставить боком, окрасить здание в желтый цвет. Ни одна из мыслей не находит оправдания. Долго беседовали и решили: не отходить от облика больницы, сложившегося в середине прошлого века. Наоборот, восстановить то, что утрачено за эти 150 лет (кованые ворота!). Люди и в прошлом веке не были глупее нас. Строи-

ли они красиво и гармонично. Памятник оставить на месте, сделав лучше сам постамент. Музей разместить так, чтобы он оказался в глубине, а не выпирал на больничный переулок […].

19 апреля. […]. В 11.00 у меня встреча с руководством города (Ерзунов, Щербаков, Черушов, Рябов и т.д.). Разговор о пассажирском городском транспорте. Затратили два часа. Мало интересного. Пытаются от действительности увести в далекую и дорогую перспективу: строительство магистралей, мостов, виадуков. Реальной жизни города не знают […]. В 13.00 более интересная встреча. Позвали рабочих с крупных заводов, водителей такси, автобусов и троллейбусов, работников ГАИ. Им все приходится переживать на своей шкуре. Очень много конкретных мыслей, предложений, соображений. Исписал 20 страниц. И все, о чем они говорят, требует умного подхода к делу и почти никаких капитальных вложений […]. Беседа с работниками ГАИ. Огромный перечень проблем. Говорят, что вносят их уже 10 лет, но никто не рассматривает... […].

26 апреля. […]. В 14.00 был на ремонте роддома у Филиной В.Е. Одна она совершила подвиг. Нужно помочь: подтолкнуть ремонт, отделать как следует фасад, хорошо оборудовать комнату «выдачи детей», сделать благоустройство, может, даже фонтан. Назначил комиссаром А.Г. Симкина. Договорились о деталях. […].

27 апреля. Опять лупит астраханский суховей. Аж стекла звенят и свист в коридорах обкома. Завязывается весна, а мало радости... Думал, чем заняться, нашел выход: поехал в парк культуры им. Белинского. Нашел Балалаева. Талантливый мужик, а теперь после присвоения звания «заслуженного» совсем не уходит из парка. Днюет тут и ночует. Показал строительство «пензенских горок». Сооружение огромное да и спроектированное в Пензе. Пока их в стране, кажется, два, и те куплены. Мы будем первооткрывателями «русских горок». Первый участок отработали. Пошло хорошо. Надо бы поторопить контору Зинченко. Спустились к месту будущего зоопарка. Многие семьи из старых домиков выселены. Осталось 3 семьи. Надо тоже торопить и начинать строительство. Для города зоопарк – это событие. […].

4 мая. […]. К 16.00 – в родильный дом к В.Е. Филиной. Собрал строителей смотреть ход ремонта. Планерка. Общий ход неплохой, но возникли три вопроса: нет 1,5 км провода, не хватает отделочников на плитку, запутано с шахтой лифта и железобетонной плитой для машинного отделения. Сразу же из какой-то палаты дал команду снабсбыту выдать провод, поручил выделить плиточников, вызвал на завтра проектировщиков по лифту. […].

7 мая. […]. Встреча с Филиной и художниками по родильному дому. Рассмотрели проект благоустройства, подготовленный ГПИ-11. Основа добротная, дал положительное заключение. Потом интерьеры комнаты «выдачи» ребенка. Интересная мысль: родить новый советский ритуал. Оформить стену из-за которой появляется мать с новорожденным так, чтобы это несло радость жизни, ее великое торжество. Вспомнилась картина Иванова «Явление Христа народу». Что-то в этом духе... Вызвал Застрожного и Г.Д. Епишина, театрального художника […]. Они загорелись. Восход солнца, потом радуга, удар света и в ярком пятне появляется мать с ребенком на руках. Стена из стекла. Светоэффекты. Дал задание думать и готовить предложения. Это как-то связано с Егором. Он здесь, в этом доме родился. В честь его сделаю это. […].

4 июня. Утром день ветреный, потом перешел в жаркий, а после 5-ти вечера начался хороший, добрый дождь. Все складывается пока как по заказу. Все идет на большой урожай. В 9.00 – художник Иодынис. Жалуется, что кузнецкие руководители не принимают картин В. Непьянова, написанных для оформления сельского профилактория. Обещал посмотреть. В 10.00 с Лизуновым и Куштаниным [ездили] на строительство кинотеатра «Современник». Начинает вырисовываться, но до пуска надо освоить еще 600–700 тыс. рублей. Да и сделать его хочется по самому лучшему счету. Провел планерку со строителями: первый этап отделывать ракушником, рассмотреть интерьеры кафе и танцзала, о рейке – пугаю народным контролем; приняли за июнь 70 тыс. руб., решили вопросы оборудования. Заехал в обком, а потом за Терновку в лагерь труда и отдыха Ленинского района. Лагерь есть, хотя много работ по благоустройству. Главное, идея строительства лагерей, обошедшихся почти в 2,5 млн. руб., не только восторжествовала, но и воплотилась в реальность. […].

8 июня. […] Разбирались с реконструкцией фасада облдрамтеатра. Облицовка травертином пошла. Скоро уткнутся в художественные работы, а М. Трунков пока тянет. Нет мастеров из Москвы. Попрядухин о памятнике М.Ю. Лермонтову. Считает, что нужно пригласить соавторов из Москвы. Может, Комова. Малов один не справится. Малов согласен на соавторство. Говорил по телефону с архитектором Стамо. Тяну его в Пензу, чтобы показать театр и посоветоваться по ряду градостроительных вопросов. Дал обещание приехать. Условился с Абуковым (главный профсоюзный турист), что его зам. по капитальному строительству Латышев будет во вторник будущей недели в Пензе. Нужно «добить» туристскую пятилетку, вырвать деньги на кафе «Ласточкино гнездо» и 50 тыс. на асфальт в Белинске. […].

12 июня. Заехал в обком, а потом на вокзал. Встретил помощника секретаря ЦК Зимянина – Кузьмина Всеволода Петровича. Оказывается, у него в Пензе на ул. Урицкого живет 84-летняя мать и брат, преподаватель строительного института. Он – доктор философских наук, работал в отделе науки ЦК, а недавно стал помощником. Известная девальвация ученых званий... Проводил до дома, а потом условились встретиться и посмотреть город. У Льва с Промысловым все идет по программе. В 12.00 заехал за Кузьминым. Начали с «Бочки». Пиво он, как и я, не пьет. Посмотрели и уехали. Традиционный теперь маршрут: Советская площадь, цветочный магазин, дом народного творчества. Оттуда выехали к Тамбовской заставе и остановились у Митрофаньевской церкви. Воспользовался случаем и впервые вошел в эту церковь. Много неряшливости. Сегодня – родительский день. Вероятно, поминают принесением хлеба. Внутри церкви дощатые столы, у входа тоже стол, но заваленный хлебом. Бумаги... Попросил показать икону Казанской Божьей Матери, которую прислал во вновь построенный город Пензу царь Алексей Михайлович в 1660-х годах. Лик древний. Лицо матери в окладе и лицо младенца, отдаленное от матери тем же окладом. При свечах смутно различаются общие контуры. Услужливый представитель двадцатки (скорее всего, узнал!), зажег электричество. Лик как-то высветился. Очень впечатляют глаза Богородицы. Умели древние мастера только выражением глаз создать настроение. Женщина говорит, что он [лик] иногда белым бывает. Стоишь и думаешь: сколько поколений пензяков искало в этом взгляде ответов на вечные вопросы. Они ушли – облик матери остался. Икона уже этим святая! […].

13 июня. Вера подняла рано. Она дисциплинированный человек. Ехать, так ехать. В 8.00 на Урицкой забрали Кузьмина и тронулись на Тарханы и Белинск. День теплый, хотя все время горизонт грозится дождем. Около 10-ти уже в Тарханах. Евсеев и Арзамасцев. Отдали в руки Тамары Михайловны [Мельниковой] гостя. Сам же просто смотрел усадьбу, делал фотографии, бродил по парку, зашел на детские редуты. Побывали и на втором комплексе. Могила Ю.П. Лермонтова вписалась и смотрится, но надо табличку, чтобы было ясно. Кузьмин говорит, что шкурой почувствовал величие Руси, талант ее людей. Лермонтов предстал зримо. В Белинск. Музей Белинского. Пока гость смотрел, я ходил с Лушниковым по парку. Хорошо, что расчистили от всякого мусора, но пока следы неорганизованности. Уездное училище заканчивают, асфальтируют улицы Школьную и Лермонтовскую. Обещал деньги, надо искать. Немного привели в порядок и сам дом Белинского, сделали новую экспозицию. Правда, после Тархан все это смотрится бедновато и затрапезно: уровень имущественный был другим. На турбазу «Чембар». Журавль

вписался хорошо, хотя глуповатый фонтан и колодец с решеткой у ног. Сказал, чтобы заделали валунами и спрятали. Видовую площадку потихонечку разрушают, открывают столбы. Дерево все исписали... Обед в банкетном зале. Отличная уха, свежий карп. Готовят хорошо. Уехали на Пензу. Соблазнились, хотя и прошел дождь, завернуть на истоки Хопра. Место оформилось зеленью, черемуха уже дает ягоды, забитые колья ивы стали деревьями. Наконец, крутится мельничное колесо. Неприятная пьяная компания подростков. Бледное лицо 9-классницы, провожает в туалет парнишка. […].

24 июня. Хорошие, жаркие дни стоят. Солнце, наконец, стало летним, печет. Уходит угроза повторения 1974 года. В обкоме принял работников Министерства культуры РСФСР по завтрашнему семинару. Кажется, все готово, остались кое-какие детали. […]. В 10.00 – пленум обкома КПСС о строительстве в 1976–80 гг. […]. Лев во время пленума звонил Ф.Д. Кулакову о машинах на уборку. Назвал сдачу хлеба – 100 млн. пудов, или 1616 тыс. тонн. Надо когда-то одолевать эту цифру. Федор [Кулаков] доволен, и разговор получился доброжелательным. После пленума с Усановым и Демаковым (строители «Средмаша») поехал в музей-читальню И.Н. Ульянова. Показали музей, потом проект пристроя на 3 этажа сзади музея, чтобы создать удобства и повысить уровень обслуживания. Ориентировочно – 180–200 тыс. руб. Подхода нет, да и ручных работ много. Демаков боится. Подъехал Лев, договорились. […].

25 июня. […]. В 9.40 встретил зам. министра культуры РСФСР В.М. Стриганова, показал ему вокзал, памятник Победы (был поражен), потом в «Ласточку». Открыли российский семинар работников парков. Я их приветствовал, рассказал об области, о бедах культуры и сразу уехал в обком КПСС. В 13.00 с Вишневским, Б.И. Лебедевым и Верой – в с. Соболёвку на юбилей П.И. Замойского. Встретил Овтов. Остановились во Владыкино. Показал там заплеванную церковь, надгробья Владыкиных. В Соболёвке масса народу, дети Лоллий, Сергей и Зинаида. Три липки уже посажены вокруг «памятного камня». Посмотрели новый магазин. В 15.50 открыл камень. Речь экспромтом. Камень удался. Смотрится, да и преображает площадь перед клубом. Заседание в клубе. […]. Получилось тепло и сердечно. Обед на Кавказе. С нами и Олег Гринь. Потом через Арчаду – на Попереченскую степь. Перина трав, седой ковыль. Вера [ходила] разувшись и не уколола ноги. У истоков Хопра. Застолье в домике. Парное молоко. Уехали около 10-ти вечера. Много впечатлений!

26 июня. […]. Встретились с группой художников: Бельдюсов, Ромашков, Малов, Молчанов и приехавшим из Москвы скульптором Комовым. Речь идет о созда-

нии проекта памятника М.Ю. Лермонтову в Пензе. Над ним уже лет 8 работает Г. Малов. Есть фигура, но и сам он боится, да и выбирать из двух легче. Решил привлечь москвича Комова. У него опыт создания памятников в Калинине (Пушкин и Салтыков-Щедрин), в Молдавии (Пушкин) и т.д. Откровенная беседа. Он говорит, что внутренне готов к созданию памятника, хорошо знает XIX век, да еще правнук, кажется, Верещагиной. Есть личный мотив. Я попросил его еще раз свежими глазами поискать хорошее место. На ул. Кирова меня смущает, что [памятник] «сядет» в яму. Решить общий замысел памятника, создать скульптуру, отказавшись от эполет и ментиков, а передав мятежный дух русского поэта. Он отказался смотреть проект Малова. Может, и прав. Потом сравним. Общественный смотр. Это унижает Малова, но боюсь, что он ленив, малоподвижен и не обладает достаточным профессионализмом. А цена памятника, ответственность перед историей велика. Рисковать нельзя. Приходится поступаться личным ради общественного. […].

27 июня. Хорошо выспался. С Михаилом поехали в гостиницу «Пенза», забрали В.М. Стриганова и в Музей народного творчества. Произвел впечатление. Интересный разговор с экскурсантами из Ульяновска. Жалуются, что у них нет ни колбасы, ни молока, «подбросили бы нам!?» На Кузнецк. Завез к памятнику на месте Селиксенских лагерей. Коровы засрали постамент. Зареченцы не хотят его строить и не смотрят. У памятника А. Кижеватову в с. Селиксе. Березы совсем загородили, планировки сквера не сделали. Малов получил деньги, и на том все кончилось. Нет у него самолюбия. Равнодушие и лень. Лермонтова с ним не воздвигнешь. Намучаешься только. У трассы сразу полевой дорогой на «Гигант» и «Родину Радищева». Музей Радищева преобразился. Хорошее дело сделали, что не дали открыть швейную фабрику и вытащили из холодного сарая. Великое благо – отвод дороги с усадьбы. Уже никто и не пытается ездить мимо музея. Бывшее болото у церкви заросло травой, усадьба начинает смотреться, обрела известный уют. Смотрели музей. Волохо – молодец, на очень высоком уровне сделана экспозиция, очень современно. Разговор с директором: надо полюбить Радищева; меньше сомнений, меньше умничанья; настраиваться на длительную работу, надо стать приемником исследователей Радищева. Посмотрели церковь. Она стала уютнее. Хорошие фрески. Ребята уже не колотят святых, птицы не гадят. Договорились о строительстве дома и реставрации церкви. Надо начинать этап капитальных работ, торопить создание реставрационных мастерских и участка. В Кузнецк. «Юность». Коктейль. После обеда на мемориал. Хорошо смотрится. Подкупает личное, персональное. 82-летний дед принес цветы к мраморной доске с фамилией сына. Это – самое трогательное в мемориале. На дом культуры. Надо уже сей-

час решать вопросы оборудования. Условились, что пред. горисполкома подъедет в Москву к Стриганову. Вернулись в Пензу. Прощальный ужин. Проводил Стриганова до вокзала.

28 июня. […]. Принял скульптора О. Комова и Р. Попрядухина. Они два дня бродили по городу, но места (кроме ул. Кирова у монастыря) для памятника Лермонтову не нашли. Разговор об изменении авторской группы. Малова надо отстранять, а Комов берется работать с арх. Константиновым и Попрядухиным. […].

29 июня. […]. Мысли по дороге: Брежнев давно не был в областях. Дело не в занятости, а в отсутствии интереса и вопросов. Не с чем ехать.

Для нас 100 млн. пудов – роковая цифра. Называли в 1974 г. Идут дожди. Как бы опять не повторилось. В Михайловке на уборке сенажа. Чехарда с транспортом. Стоит косилка трав. Безобразие. К Медянцевой Евг. Конст. Одна дома. Ждет, что родятся пчелы. Одинокая женщина, 72 года. Единственная в России, умеющая делать из ржаной соломы чудеса. Начала этим заниматься в 1964 г. Раньше на окна крепили для сбора воды. Никто у нее не учится. Беда с соломой. Не дают транспорта. Носит на себе, в прошлом году чуть не утопилась! Не умеет Русь хранить и беречь таланты. Договариваемся: нажму, и привезут 200 снопов; создадут при школе кружок умельцев, дадим ей «стипендию», пусть учит молодежь. Надо сохранить этот самобытный промысел. […].

30 июня. […]. Написал Льву письмо о памятнике Лермонтову. Предлагаю отказаться от авторства Малова и поручить сооружение московскому скульптору О. Комову. Договорились, что я в Москве посмотрю вариант Комова, а потом примем решение. [Подготовил] записку В.И. Болдину по итогам поездки в Лунино: изучить опыт трудового воспитания Сытинской школы, посмотреть о присвоении «заслуженного» директору, договориться о приезде московских школьников к нам в лагеря труда и отдыха, создать в Михайловке кружок Медянцевой, дабы сохранить ее умение работать с соломой. […].

1 июля. […]. В 10.00 – митинг студенческих строительных отрядов на пл. Ленина. Эта форма приобрела свою жизненность и носит практический характер. Студенты только в нашей области ежегодно осваивают около 7 млн. рублей. И студентам хорошо – зарабатывают себе на жизнь. Лев выступал, вручил награды. Сначала отказывался, но стоило сказать о наградах – согласился. Не может он пропустить такого случая. После митинга Лев заперся, мучается над докладом по специализации и концентрации. Его идея приобрела государственно-партийное звучание. И это его большая победа. Хотя в ЦК не очень ценят [Ермина]. […].

14 июля. […]. Были Застрожный и Яничкин. Беседа о судьбе танцевального коллектива «Зоренька». Мне давно нравится Яничкин своей неукротимой любовью к современному танцу. Решили выводить ансамбль эстрадного танца на высокий уровень, дать штатные единицы, в т.ч. на оркестр. Первое выступление – в ноябре на торжественном! Если пойдет, на будущее лето – поездка в Венгрию. После обеда часа два занимался с главным врачом роддома В.Е. Филиной. Что касается ремонта, то дело идет к концу. Мучаюсь идеей создания обряда появления на свет нового человека. По идее все ясно, но когда берешь детали, то тут масса дел, которые могут удушить идею. Любая, даже самая блестящая идея, состоит из тысячи мелочей конкретных. Трубы и нержавейку для стенки [поручил] Шавру, стереофоническую музыку – Нестерову, организацию света – Фомину и НИИ Чернецова, экранное полотно – на потолок и т.д., и т.п. Только затратив на это время и сделав десяток звонков, я поставил задел, который может привести к реализации идеи. […].

14 августа. […]. Говорил по телефону с Альфредом Оя. Выставка в его родной Эстонии прошла организованно, но... ни один из крупных эстонских художников не пришел. Обрусевших эстонцев они считают «предателями». Эньку, пытавшуюся поступить у них в консерваторию, с ходу завалили на каком-то пустяке. […].

Исполнилось 20 лет со дня открытия в Москве стадиона им. Ленина. Быстро бежит время, стирая все. Никто не вспомнил первого начальника штаба строительства [Г.В. Мясникова]. А была целая эпопея... […].

15 августа. […]. Не хочется выходить из дома. Привязался к кабинету, книгам. Спокойно и уютно, никто не треплет нервы по пустякам. Вчера вечером листал книжку воспоминаний об Эренбурге. И сегодня – его «Люди. Годы. Жизнь». Страшно субъективный человек, претендовавший на особое положение, полную независимость и в поступках и, особенно, в мыслях от общества, в котором он жил. Все носило мерку крайнего субъективизма в ущерб даже элементарной истине. Помню встречу с ним в 1949 или 1950 году. Собаки у входа. Разговор с Б. Горбатовым о даче на Истре. Курил то трубку, то папиросу, то сигарету. «Что за Антилопа-гну?» Это о моей машине. Выступление в ЦКШ [Центральной комсомольской школе], длинный разговор в машине на обратной дороге: о войне трудно пока писать крупным планом – стоим, приткнувшись к зданию носом, не видно его объемов; благодарен Сталину, что не разрешил переносить памятник А.С. Пушкину. Что-то еще. Прошли годы, забыл. Есть где-то записи да две фотографии. Он оставил автограф на книге «Буря» для библиотеки ЦКШ. Надо вклеить в его книгу.

18 августа. Дождь к утру утих, но влажно, и небо суровое, свинцовое, пасмурно. Временами мелкий дождь накрапывает. Все стоит. […]. После обеда с Майоровой и Виноградовым [ездили] по объектам культуры. Кукольный театр. Что-то делается, но очень медленно. Много беспредметности. […]. Смотрели быв. дом архиерея. В войну разгородили на всякие клетушки. Жить в нем нельзя, выселяют. Поручил приспособить под Картинную галерею – дали заключение, что не подходит. Посмотрел – не хотят возиться. А жалко, если в историческом центре города здание уйдет в чужие руки. Нужно еще раз вернуться. Музей И.Н. Ульянова. Договорились пристраивать. Уезжал в отпуск, все было ясно. Спрашиваю Чекушкину, сколько сделали? Ничего. Запутали все архитекторы и строители с единственной целью – не делать! Воз на месте... Спустились вниз по Красной. На Володарской дом Мейерхольда. Начали выселять. Спустились в подвал. Семья татарки. Двое детей. Вода хлюпает под половицами. Мокрицы. Скорее нужно выселять и делать Музей театрального искусства. В культпросветучилище. Газ переложили, но строители ничего не делают. По телефону отчитал Журавлева «Жилстрой».

Хамство вокруг памятника Победы. Злобная статья в «Советской культуре» Ю. Нехорошева. Говорил с ним по телефону откровенно. Вместо премии наплевали на памятник, а это кощунство. Переговорил с газетой, поручил К. Вишневскому готовить ответ. Газета обещала опубликовать. Надо дать бой. Обидно, что [автор статьи] земляк, а уже дважды плюнул в родное гнездо.

19 августа. Погода улучшилась. Хотел из дома ехать в Н. Ломов, но перехватил Лев. В 9 – совещание. Он вчера был в Колышлее и обнаружил «верх безобразий, которые можно наблюдать». Обстановка осложнилась. Мне [достались] самые отстающие Н.-Ломовский, Б.-Демьяновский, Наровчатский районы. Преодолеть психологию, что в поле – спишут на Господа Бога, на току – материальная ответственность. Заехал к «Роднику». Старый чайник сломали. Делают новый. На границе – Шепелев. В Вирге валки ржи гниют и прорастают. На полевой стан колхоза Куйбышева. Солнце жарит, комбайнеры сидят, начальства нет. С матерщиной выгоняю на пшеницу. Позорная теперь привычка к «чистоплюйству». Она вредна. Девиз теперь: «Комбайн не тонет – надо молотить». Колхоз «Новая жизнь». Комбайны садятся в солонцах. Таскаем трактором, но принуждаем работать. У Овчарного «собачья свадьба» комбайнов и опять нет начальства. После обеда – на хлебоприемный пункт. Старый знакомый Рогожин. Докладывает, что пока обстановка нормальная, вопросов нет. Правда, идет сырое зерно. Едем на В. Ломов. Остатки Н.-Ломовского монастыря. Голый бугор. Все взорвали и разрушили. «Классовый протест»! На Михайловку (раньше «Телячьи Бугры» или «Хутора»). Хлеба на току мало. Старые знакомые. Зав. током Кочелаевская. Беседа с зав. библиотекой. Клуб

упал. Кино не показывают три года. 6 умерло в селе в 1975 г. и один родился. Посмотрели работу комбайнов в поле. Дело идет. Первое хорошее впечатление. Уборку увидел! На обратном пути встреча с Ниной Степ. Владыкиной. 40 лет проучительствовала в этом селе. Дочь брата моей бабушки. Не удалось спросить, где пропал отец. Как-нибудь потом... В совхоз «Ломовский». С детства знакомые названия сел: Подхватиловка, Сухо-Печаевка. Рядом Шуструй. Работы пока нет, да и людей нет. Краснодарцы налаживают свои комбайны.

Русь вымирает. Заехали в Кувшиновку. Пустые окна кирпичных изб. Осталось 13 жилых домов и 26 человек. Помещиком был Казуров. Жили, трудились, любили и ненавидели, радовались и грустили, рожали и умирали. Теперь все порастает бурьяном. От Кувшиновки на Аксеновку и Котел. Родина отца. Беседа с Калинкиной и Лазаревым в правлении колхоза. Мимо церкви и кладбища – к комбайнам и на трассу. Ночь в знакомом и родном Вадинске. Заехали с той же Советской улицы. Как бегут годы, сколько уже ушло!..

20 августа. Поднялся около 5-ти. Солнышко есть, но и хмарь какая-то на горизонте. Позвонил в Н. Ломов, Наровчат и Бедный. Все готовы идти в бой. С Калинкиной уезжаем в колхоз им. Калинина. По пути комбайны из Вадинска вгрызаются в пшеницу. Получается. В Татарской Лаке, где осталось два двора татар. Хлеб «горит» на току. Из конторы дозвонился до 2-го секретаря Саранского обкома. Не принимают хлеб. Обстановка тоже крайне сложная. Переговорил с Зубовой Поляной. На Лесную Крутовку. Солдаты – вятские ребята. Вспомнил присказку. […]. После обеда – на Н. Ломов. Совещание: не уборка, а спасение хлеба! Использовать каждое окно [погожий день], молотить, не стоять. К концу дня начался дождь. Уехал на Беднодемьяновск. Сразу в Ишкино и Баранчеевку. В Ишкино зашли в магазин. Старухе 75 лет. Мечта одна [у нее]: «Только теперь надо бы начинать жить». На поле пшеницы у Баранчеевки. 40 центнеров с га. Хлебище! […].

21 августа. […]. На хлебоприемном пункте. Дорошенко и начальник Главка. Слушают обстановку. Все очень сложно: насыпали 18 тыс. тонн сырого хлеба, а сушить могут 1.200–1.400 тонн. Через два-три дня, если не изменится обстановка, пункт заткнется. Колонны машин с сырым хлебом стоят часами. И ничего придумать нельзя. Положение, действительно, безвыходное. Спрашиваю Рогожина: «Что делать?» – «Остановить обмолот хлеба и прекратить сдачу». А мы еще толком и не молотили. После обеда уехал в Пензу. Дождь продолжается. […].

22 августа. Да, действительно, несносный год високосный. Утром опять туман, а по области дожди и дожди. […]. [Л.Б. Ермин] нарисовал карту, по которой получа-

ется, что мы находимся в центре дождевого колпака, накрывшего центр России и языком уходящего на Украину. Договорились, что завтра планерки не будет, и я уеду в районы. Главное теперь – хлеб. Нужен «приказ №227». […].

24 августа. […]. Опять начался дождь. Смотрим сушку зерна на АВМ – жарят и палят. На фураж пойдет, большего не придумаешь. Вернулись в Н. Ломов. Машины валяются по кюветам. Ни один в мире шофер не решился бы ехать по таким дорогам. Заехали на ток колхоза «Маяк» с. Потодеево. Тоже работает АВМ. Но невозможно заехать на ток. Придется таскать мешками. […]. После обеда уехал в совхоз «К.-Никольский». Долго бродили по оврагам на границе с Б.-Демьяновским районом. Нашли комбайны. Наступление идет. Солнце повисло над самым горизонтом. Послали телефонограмму по четырем районам с просьбой работать до последней возможности. В Пензе и Мокшане дождь. Как бы не переместился к нам.

25 августа. Чуть сбрызнуло, но терпимо. […]. Комбайны пошли, может, сегодня и началась по-настоящему уборка хлеба. Поздновато, конечно. […].

27 августа. Опять хороший солнечный день. Господь Бог, кажется, смилостивился над пензяками и проявляет милосердие. Уборка должна идти сейчас полным ходом. […]. Собрал совещание первых секретарей «своих» районов за копной соломы прямо в поле (Калинкина, Устинов, Шепелев, Львов). [Ориентировка]: 1) стратегия ясна, главное сейчас – умная тактика; 2) основную массу комбайнов – на обмолот хлеба; 3) каждый четвертый [комбайн] – на быструю уборку гороха, [назначить] комиссара; 4) овес быстро, пока не обмолотил ветер, класть в валки; 5) начинать сев озимых, создать агрегаты, посадить агронома; 6) [создать] отряды по уборке соломы и пахоте зяби, зябь пахать без предплужников, за глубиной не следить, на 3-й скорости. Договорились! […].

28 августа. […]. Начал переговоры с секретарями райкомов о героях жатвы. С большим трудом удалось найти Александра Ивановича Талалаева из колхоза «Искра» Белинского района, его намолот – около 6.000 ц. Работает с сыном Михаилом, окончившим в этом году десятилетку. Позвонил Евсееву, в колхоз «Искра». Закрутилось. С Лысовым отработали текст обращения: письма обкома – каждому комбайнеру, согласовываем со Львом. Договариваемся, что по герою жатвы выступаем во вторник. Делаем это громко! […].

Сколько противоречий в сельском хозяйстве! Кто-то открыл новый способ уборки гороха боковыми граблями. Дело шло хорошо, бешенная производительность на «косовице». Все радовались, рекомендовали. Лев ратовал до хрипоты. Сегодня он пустил в Бессоновке комбайн на обмолот этих валков из-под грабель и

(о ужас!), вместе с соломой столько нагребли земли, что шнеки зерновые вылетают с ходу. Молотить нельзя. Что делать? Стаскивать копнителями горох на край поля, а потом обмолотим? Так опять ретивых наказало правило: не рискуй в сельском хозяйстве, не отступай от установившихся приемов!

1 сентября. Погода держится солнечной и ясной, днем тепло, а ночью стало холодно. Осень дает себя знать... Хоть и 1 сентября и по идее надо бы побывать в школе, но от хлеба так устал и так притупилось все остальное, что забыл о важности этого дня, вспомнил только в обкоме. Беседа с Д.А. Антипкиным. Поставил перед ним три проблемы: 1) двигать дальше краеведение – основу любви к конкретной родине. Затеять под флагом 60-летия Октября сбор летописей сёл, а потом опубликовать. В каждой школе – краеведческий музей; подвести итоги обсуждения на августовских совещаниях проблем трудового воспитания. Найти новые вопросы, мысли; 3) переводить на практические рельсы эксперимент по нравственному воспитанию. От эксперимента – ко всеобщей практике, от слов и поисков – к делу, пусть пока и самому элементарному. Поручили готовить 6 ноября открытие станции юных натуралистов.

[…]. Звонил Ю.С. Виноградов Он был в доме Ключевского на одноименной улице. Говорит, что дом сохранился, но требует реконструкции. Ключевский – выдающийся русский историк, и стоило бы увековечить его память. Сейчас, правда, очень не до него. […]. Завтра опять в район. В прогнозах на 3–5-е – упоминание о дожде. Это катастрофа...

6 сентября. Утром разговаривал со всеми своими подшефными районами. Погода благоприятствует, дело идет и большого вмешательства не требует. […].

7 сентября. Погода держится. «Бабье лето» дает себя знать. Тепло, как летом. Все в работе и движении. Съездили в совхоз «Наровчатский», потом в с. Орловку. Гудят комбайны, дело идет. Утром Сыров принес литографию Саровского монастыря. Довольно мирная картина: монахи забрасывают сети, ловят рыбу удочкой. Лапотные крестьяне направляются по мосту через речку на богомолье в монастырь. По внешнему виду монастырь многими строениями напоминает Сканов-Наровчатский. Зародилась мысль: не один ли архитектор проектировал оба монастыря? Очень похожи колокольня, один из соборов. Литография отпечатана в 1901 г., утверждена 12 апреля. Нужно ее сохранить. […].

10 сентября. В обком КПСС. Сразу у Льва. Рассматриваем важнейшие вопросы положения дел в области. Я ошарашен сообщением Льва, что на вчерашний день урожайность упала на 18,1 ц с га. Всего ожидал, радовался в последние дни

тому, что по-настоящему пошла уборка, но и думать не мог, что так остро возникнет вопрос о хлебе. Хлеб был. Где он? При такой урожайности выполнить повышенные обязательства по продаже хлеба государству, одобренные Л.И. Брежневым на всю страну, – значит остаться в зиму без фуража. Иметь хлеб и остаться без него. Но выхода нет. Одобрено! Лев обзванивает районы. Подтверждают, что урожай падает. Пришел В. Дорошенко. Пытаемся понять, в чем дело, но... Думаем о том, что укрывают. Но насколько? Дорошенко отправляется в Белинск, Башмаково, посылаем комиссию в Каменку и Пачелму, Лев едет в Колышлей и Малую Сердобу. Не успел доехать до Колышлея, звонит и просит послать во все райкомы телефонограмму с требованием немедленно запустить круглосуточно все агрегаты по приготовлению витаминной муки. И это очень дальновидно! С Семеновым и Мошниным, наконец, совместными усилиями находим подход к взвинчиванию нервов по зяби. Отмечаем отряд из колхоза Куйбышева Вадинского района, учреждаем пахотным отрядам приз обкома «Золотой плуг», раскручиваем все в газете. […].

11 сентября. […]. С Мошниным – к Киркиянову смотреть решетку под хрусталь парадной комнаты родильного дома. Потом на место. Зал получается. Долго решал вопрос освещения его. Мелькнула мысль использовать хрустальные плитки, из которых будет выложена, составлена парадная ниша. Тут же нарисовали проект, составили чертежи и условились с В. Киркияновым начать их делать. Хочется, чтобы все получилось хорошо. В душе я его рождаю, как «Зал памяти о рождении Егора». […].

12 сентября. Вчера по телефону говорил с А.И. Березиным, первым секретарем Мордовского обкома КПСС. У нас стал постоянным обмен информацией. Попросил его прислать книгу И.Д. Воронина и мордовско-русские словари. Разговорились об Эрьзе. Москвичи не отпускают его выставку, идет масса народа. Просят и ленинградцы. Я вспомнил: когда он приехал в Москву, поселился в полуподвале на Н. Песчаной улице. Тогда утверждали (говорил Е. Вучетич, с которым мы безобразничали вечером у квартиры, предварительно хватив бутылку «Женьшеня» у Христофора Ушенина), что ему [Эрьзе] Маленков подписал чек на 250 тыс. рублей. Однако он, имея деньги и возможности, изображал из себя такого святого подвижника: варил похлебку и лакал ее вместе со своей собакой из общей тарелки. Это вызывало сочувствие к нему, особенно студентов. Они валом к нему валили, утешая страждущего человека. Вероятно, оттуда утвердилась традиция, что около его работ, наряду с действительными почитателями таланта, сгрудилась и крутится

полустиляжная, на свой лад настроенная молодежь. Это продолжается и теперь. Березин согласился […].

Говорил по телефону с О. Савиным, плодовитым краеведом. Высказал и ему идею о Черкасах, но потом решил выступить с ним в соавторстве со статьей в газете. Жалко отдавать такую неожиданную и совершенно новую идею. Сегодня надо составить план статьи, а он пусть пишет. […].

13 сентября. Вчера вечером написал проект статьи. Надо опубликовать. Это будет первой серьезной заявкой на занятие краеведением. Начали планерку, которую проводили в зале бюро с участием уполномоченных в районах. Вопросы исключительно сельского хозяйства. […]. Мне понравился Лев. Есть в нем мужество. Страшно [ему] потерять репутацию вверху, но страшно и остаться без кормов. Кажется, он выбирает из двух зол меньшее: не сдавать хлеб, хотя рискует положением, наградами. Собирается лететь в Москву. Правильно! Другого не дано... […].

16 сентября. Краеведение – мое хобби. Вчера весь день, несмотря на сложность с уборкой, ушел на это. Сегодня утром решил втянуть академика Б.А. Рыбакова. Звонил, но не застал. Надо, старые связи используя, попробовать зажечь его и получить солидную консультацию. Пензенское краеведение всегда варилось в собственном соку и никогда не выходило на отметку Академии наук СССР. Надо сделать и этот шаг.

Со Львом и Хлевным – на Вадинск. Не сделали ни одной остановки. А.С. Калинина встречала у границы. Сразу повернули на Скуратово. С пригорка налево хорошо видна коповская церковь. В поле у Козлейки у самого Вадинска отряд пахарей Черемснского. Уже построены, оркестр, пионеры с цветами. Лев сразу произносит речь. Потом отходим к столу и намечаем все по намеченному порядку. Получилось тепло и интересно. Жалко, что художник Н.М. Сидоров не смог и двух слов сказать о значении труда пахарей. Ограничился вручением картин. Уверен, что картины столетья будут висеть в домах крестьян. […].

18 сентября. По росписе, которую мне подарил краевед-любитель Еремин, значится, что в Котле первым поселился Герасим Мясников, «солдатской службы по Верхнеломовской засечной черте». У него дети: «солдатской службы» Степан, рождения 1649 г.; Леонтий, р. в 1656 г., и Петр, р. в 1671 г. От них и пошли все котельские Мясниковы. Потом их различали по подворным фамилиям. Наша линия – Вавиловы. Она образовалась, вероятно, уже в 19-м веке. […].

19 сентября. […]. В «Литературной России» за вчерашнее число – разбор поэмы Евг. Евтушенко «Ивановские ситцы». Его обвиняют в историческом субъекти-

визме, примитивном понимании процессов, следовании концепции М.Н. Покровского. Это, видимо, только начало атаки. Мне из всего, что цитируется, понравилась одна поэтическая мысль: «Славен тот, кто бросил слово в обессловленный народ».

20 сентября. […]. Вопрос о хлебе (Лев звонил днем). Был у Ф.Д. Кулакова Условились [остановиться на] 1.200 тыс. тонн. Записался на 16.00 к генсеку. Но вопрос ясен. Больше плана сдавать не будем. Убираем из фильма о хлебе-76, успокаиваем радио и телевидение, снимаем призыв в газете. Дозвонился до академика Б.А. Рыбакова. Вспомнили Октябрьский райком и университет. Рассказал [ему] о краеведении. Он [отнесся] очень одобрительно. […].

21 сентября. Одет теплый плащ. На улице прохладно. Двинулся в сторону Мокшана. Первая остановка у «Родника». Начали и все бросили. «Чайник» получается менее монументальный. Жалко, что разломали старый. Лучшее иногда враг хорошего. В Мокшане у дома Малышкина. Осмотрели подвал, где была пекарня, верхние комнаты. Решили низ отдать под краеведение, верх – одна комната мемориальная, другая – Малышкин и его творчество, жизненный путь. Договорились о благоустройстве, доделках. Строительную часть кончать в ноябре, открытие – 21 марта 1977 г., в день его 85-летия. […]. Львов встретил на границе Б.-Демьяновского района. Сразу наткнулись на спящих трактористов. Львов [ударился] в демагогию, что все устали. Устали – да, но дело не кончили, и это никуда не денешь, не отмахнешься. Какие-то пешеходы по дороге в село. Н.В. Львов: «Сейчас в деревню едет и пеший, и леший. Гуси созрели». В конторе совхоза «Западный». Липа с урожаем. Стало какой-то системой прятать хлеб. Всеобщая зараза, никто не борется.

После обеда в с. Абашево. Безобразия в конторе. Встреча с Тимофеем Никит. Зоткиным, знатоком игрушек, замечательным умельцем. Оброс бородой, поседел после операции. А ему только 46 лет. Семеро детей. Говорит, что пил всего 3 года. Оттяпали почку и часть мочевого пузыря. Мастерская, созданная по моей просьбе, действует. […].

22 сентября. […]. По телефону – со Львом. Он вчера прилетел из Москвы, был на приеме у Генерального. Все прошло благополучно, обошлось с пониманием. Хорошо, что так. Надо ценить мужество Льва, решившегося на такой шаг. […].

23 сентября. Холодно. Барометр падает. Небо хмуро, но до дождя дело пока не дошло. В обкоме тишина. Вызваны все секретари райкомов и председатели райисполкомов с балансом по хлебу. Банкует комиссия у Дорошенко, потом у Льва. […]. Зашел ко Льву Его рассказ о приеме у Л.И. Брежнева. Продолжался 45 минут.

Понял все по хлебу, сказал: «Всякое бывает, град, стихия. Важно сохранить корма. Мясо и молоко нужны». [Брежнев] рассказал о беседе с Гарриманом. Отменил учения в районе Владивостока, чтобы не тормошить китайцев. Жаловался на занятость: Косыгин болен, Подгорный тоже хандрит, Кириленко в отпуске, председателя ВЦСПС нет. Демичеву кобыла копытом в Монголии попала по заднице. «Работаем с Сусловым». Телеграмма от Скочилова из Ульяновска. Открывают в Павловке бюст дважды Героя М.А. Суслова. Приглашают делегацию. […].

28 сентября. Читал Вл. Орлова о поэзии. Понравилась одна деталь из биографии Марины Цветаевой. Ее бабки – одна сельская попадья, другая польская панна. «Обеим бабкам я вышла внучка – чернорабочей и белоручкой». Переложил на себя: мои деды по линии отца – все крестьяне, по матери – дьячки и пономари: обоим дедам я внучок – и крестьянин, и дьячок! […]. Заехал в краеведческий музей к М.Р. Полесских. [Он] показал результаты раскопок у Золотаревки. Следы битвы, череп, пробитый булавой и сама булава. Сожженные зерна проса. Около 80-ти костяков погибших людей. Видимо, нашествие Батыя на Рязань шло через эти места. Недалеко Уза. […].

29 сентября. На Неверкино. […]. Бутырин и Сидуганов встретили сразу за Кузнецком. Красивые здесь леса, особенно у Двориков. Минуя Неверкино, на Джалилово и Дёмино. Проехали Теряевку и Октябрьское (быв. Могилки). Есть легенда, что когда татары пришли сюда, тут жили чуваши. Ночью перерезали их и заняли место. Говорят, и теперь при рытье фундаментов под дома часто разрывают какие-то древние могилы, откапывают человеческие кости. Что-то от легенды, что-то от правды. Местные татары считают себя не казанскими, а «бóлгарами». […].

1 октября. […]. Уехал на стадион «Темп». Первая игра. Сделали по канадскому образцу: гимн, флаг, представление команд, П. Герасимов вбросил шайбу. Команда наша стала молодая, играть сложнее, но... СКА (Новосибирск) одолели 4:1. Настроение у ребят неплохое. Чувствую себя плохо. Горло болит, кашель, какой-то затянувшийся «внутренний грипп». Сразу забрался в холодную постель. Не топят ни черта. Холодно дома.

3 октября. Весь день дома. Не топят. Холодно. К болезни горла прибавились кашель и насморк. Типичный грипп. […]. Снова редактировал статью по краеведению для «Пензенской правды». Чем больше вчитываешься, тем больше находишь слабых, неточно сформулированных мест. Приятное чувство поиска. Его никогда не бывает, когда создаются общие статьи для газеты, журнала. Все дело в том, что там мало своего, тобой добытого и открытого, продуманного и прочувствованного.

Шаблонные фразы, не живешь тем, о чем пишешь. Исторический же поиск открывает возможность думать, сопоставлять, изучать. […].

4 октября. На работу не поехал: состояние хуже и хуже. Нужно начинать лечиться, а то так далеко можно зайти... В.Е. Некрасова долго и внимательно слушала. Нашла какие-то хрипы в легком и ужаснулась от состояния горла. Хорошо, что РОЭ близко к норме, а лейкоциты на месте. Всякие мысли после нальчикских треволнений лезут в голову. Приказано лечиться и лежать. Поставили банки. Все в синяках. Спал. По телефону передал Андрееву поправки в статью. Надо искать еще и заголовок. Рубрика совпадает с заглавием. Передал и опять возникли неточности. Нужно будет завтра внести поправки в гранки. […].

6 октября. Опять [врач] Некрасова держит дома. Да и я не очень тороплюсь на работу. Принесли «Пензенскую правду». Есть «Старые Черкассы». Настроение хорошее. На газетной странице смотрится солидно. Для меня это событие. Собственно, первое публичное выступление как историка. Жалко, правда, что на 51-м году жизни. […]. До поздней ночи читал В. Пикуля «Слово и дело». Написано сочно. Многие выражения просятся в пословицы […].

11 октября. […]. Опять засасывает краеведение. Был один пенсионер-геодезист. Свел воедино, проверив в масштабах, планы г. Пензы за 1670 г., 1730, 1813 и 1927 гг. Работа очень интересная, хотя не знаю, хватит ли у него «исторического мышления» воплотить немые планы в интересный и увлекательный рассказ о прошлом Пензы. По телефону – с И.Д. Ворониным из Саранска. Он прочел статью и доволен. Считает, что написана солидно. Есть повод для поисков. Обещал прислать «Саранск». Озерская сказала, что в библиотеке Казанского университета хранится рукопись Мешкова, старожила Пензы. Интересно бы посмотреть! […].

1 ноября. В 9.00 – традиционная планерка […]. Опять всем немедленно выехать в районы и «принять меры по повышению надоев молока». […]. Был художник Б. Лебедев. Уже рисует портреты Л.И. Брежнева. […]. Со Львом – о портретах [Брежнева?]. Он: «Наверное, надоели они ему!» Я: «Думаю, что только входит во вкус». […].

5 ноября. […]. Был на кукольном театре. Дело продвинулось здорово вперед, строительные работы в основном заканчиваются, но начинается самый ответственный этап доводки мелочей. Он создаст обычную атмосферу, а поэтому страшно сложен и требует внимания и выдумки. Стену зрительного зала блестящей покраской успели испортить. В роддом. Потолок получился хорошо. Надо дотягивать детали.

Главное, как получится свет на хрустале и музыка. Они решат успех всего. В 16.00 – поздравление аппарата. Все шаблонно и традиционно […]. Показал [Ермину] В.Н. Садчикова. Договорились со Львом, что утвердим опросом. […].

6 октября. […]. Заехал на театр. Мечут асфальт у фасада. Все-таки не зря старались и мучались. Фасад театра смотрится значительно лучше, чем это было до реконструкции. Теперь хоть ясно, что это не элеватор, а театр. Правда, не успели «повесить» рубленные камни-картины. Это оживило бы фасад и травертин не смотрелся бы так скучно. Но придется отложить до весны будущего года. Сейчас опасно сажать на раствор. Потерпим. Плохо, что театр «влез» в землю. Хорошо бы хоть на метр срыть площадь. Тогда бы он поднялся, «вырос» из земли. Предстоят большие работы по внутренним интерьерам. Убого смотрятся «внутренности» […].

Пошли в театр. Огарев бодро сделал доклад. Надь [руководитель венгерской делегации] хорошо выступил по-русски, без переводчика. Банкет перед концертом. […]. Хороший, мощный концерт. На сцене поблагодарил В. Застрожного, О. Гришина, Яничкина и др. руководителей. Талантливый народ пензенский! […].

8 ноября. После вчерашнего позднего преферанса провалялся сегодня почти до 12-ти дня. Долго и бесполезно. Читал кое-какие краеведческие книги. Надо бы успеть выбрать названия книг, которые могли бы пригодиться для работы в библиотеках Москвы. Хочется сделать следующую статью, как бы преддверие к «Старым Черкассам». В ней надо детально доказать, что русская колонизация в этом крае не застала мертвую, безжизненную пустыню. Были мордовские и татарские села, правда, редкие, были дороги. […].

11 ноября. […]. После секретариата созвонился с Серг. Влад. Образцовым. Рассказал о кукольном театре. Условились, что он приедет в Пензу на открытие театра, сам даст два творческих вечера. Будет свадьба «с кукольным генералом». Созвонился с В.М. Стригановым, а потом и директором московской исторической библиотеки. Условились, что они подберут мне книги, и я займусь пензенскими древностями. Продиктовал вопросы для библиографов. Правда, будет сложно сочетать с Архивом древних актов. Он важнее. […].

В 18.40 заехала Вера. В театре. Спектакль Арбузова «Старомодная комедия». Играли Лозицкая и Смирнов. Сложно два с лишним часа вдвоем держать напряжение зала при практически не имеющейся декорации. Понравилось, что Лозицкая тонко, психологически ведет свою роль, создавая достоверный образ женщины, которой не повезло в жизни и которую искренне жаль. Смирнов хорошо справляет-

ся с образом 65-летнего старика. Комедии нет, есть психологически глубокий спектакль. Беседа с Лозицкой и Смирновым. Настроение хорошее.

5 декабря. Проснулся довольно поздно и то по зову Егора: «Деда!». Он «беспощаден». Встает и поднимает всех. Начинаются игры. К 11.00 поехали всем семейством к Саше в цирк. […]. Говорят, что Министерство культуры СССР делает наш цирк «постановочным», добавляет штаты. Но здание, которое 10 лет назад казалось шедевром, несмотря на то, что мы каждый год его стараемся улучшить, все-таки уже не отвечает эпохе. Надо взяться всерьез и сделать еще один рывок по реконструкции цирка. Может, следует начать с подготовки предложений: зрительный зал не увеличивать, улучшить его; расширить фойе, ликвидировать закутки, главное – расширить закулисную часть. Может, рядом построить новую гостиницу цирка. Все это стоит затрат, но город выиграет. […].

20 декабря. Давно не был в обкоме партии. Месяц – это срок […]. В 9.00 начали планерку: два секретаря – я и Куликов. Дорошенко уже собирается в отпуск. Все на переломе, больших вопросов нет. Условились о текущих делах […]. После планерки сразу навалились со всякого рода бумагами, телеграммы, письма, прошения. Заехал на кукольный театр. Все получается хорошо, но коряво сделан потолок фойе второго этажа. Портит всю картину. Надо что-то делать. В 12.00 – в аэропорт. Из Харькова летит Виктор Поляничко, секретарь Оренбургского обкома партии. Встретил. [Он] был в Полтаве, выбирал вместе со скульптором Новиковым место под бюст А.В. Коваленко. Торопятся. Решили все сделать и открыть уже в июне будущего года. Как хочется остаться в бронзе! Обед в ресторане. Разговоры о курсах. Россияне выглядели сильнее ребят из союзных республик. [Я] рассказал о том, как мыкались с адресом юбиляру [Л.И. Брежневу]. Вели разведку, но в результате промахнулись и [едва не поздравили] с присвоением звания Героя Социалистического Труда [оказалось, Брежневу было присвоили звание Героя Советского Союза]. Рассчитывали на логику, а она подвела. Нет логики. […].

21 декабря. Звонил из Москвы инструктор орготдела ЦК КПСС. Команда – не прекращать работу по юбилею Л.И. Брежнева. Советуют проводить читки, беседы, даже изучение в системе политического просвещения выступления на юбилее. Что касается проведения митингов, то это отдано на наше усмотрение. Юбилей, действительно, продолжается. Вечером передали, что Л.И. Брежнев встретился со съехавшимися со всей страны в Москву «ветеранами 18-й» армии. Страсти не утихают. Лев сказал по телефону, что приедет послезавтра. Пока мотается с бумагами по министерствам и ведомствам. […].

Заезжал на кукольный театр. Пригласил Ромашкова, Куликанова и Курдова. Искал, как спасти потолок фойе второго этажа. Мне надо 2 дня, Курдов говорит – полтора месяца. Позвал Женю «Седого». [Тот] предложил на стыках сделать ложные балки и взялся изготовить и закрепить за два дня. Этим отличаются москвичи-художники от долгодумов-пензяков. Хватают деньги, а наши только вздыхают. Пензин был у меня в истерике. Устал. Страшное нервное напряжение. Вечером принял зам. министра бытового обслуживания Бахметкова Л.В. Давно его знаю еще по Москве. Ужин с ним на 3-м этаже «Пензы». Красивый зал. Быстро уехал. Сослался на Егора. Остались Куликов и Кулькова. О доме быта в Арбеково решили.

22 декабря. […]. Читал в [журнале] «Русская литература» №4 статью «Разгадана ли загадка Н.Ф.И.?». Автор убедительно доказывает, что Андроников ничего не раскрыл, пользовался сомнительными данными, прибегая иногда к явным подлогам. В Москве было совещание по этой статье. Не знаю, как себя чувствует Ираклий. Это второй жестокий удар после гибели дочери.

Днем был в кукольном театре. Он все больше и больше вырисовывается. Будет театр! Запутались с креслами. Заехал в роддом. Все встало. Разделаюсь с кукольным следующий объект – зал роддома. Тоже принципиальная, обогащающая страну вещь. Надо бы успеть сделать.

23 декабря. […]. В 16.00 собрал своих, горисполком и комсомол по строительству Дворца пионеров. Давно мыкаемся около этого объекта, а движется медленно. Из 300 тыс. освоят 157 тыс. Дворец – богатство города, радость ребят. Договорились с комсомольцами сделать этот объект, действительно, ударной комсомольской стройкой. Готовят предложения. Отчитал за станцию юных натуралистов. Надо заниматься объектами. Условились посмотреть проекты детского парка «Сказка». Хочется летом потянуть и этот объект. Ради детей хочется работать и жить. […].

24 декабря. […]. В 18.00 – открытие кукольного театра. Торжественный момент. Плод двухлетних усилий созрел. Короткое слово, девочка подает ножницы, разрезаю ленту. Театр открыт! Вступительное слово Ю. Виноградова. Он молодец, на завершающем этапе сделал очень много. Слово мне – «главному виновнику». Просто вручил грамоты и часы строителям. Передача хрустального символического ключа. Приветствия театра, цирка, культпросветучилища, Волгоградского театра, потом концерт школьников Дивова и Степановой. Отличные куклы, но подвел микрофон. Хорошо, что начали... День сегодня памятный для Пензы!

25 декабря. […]. К 12.00 – в театр кукол. Миша и Егор уже здесь. Повторение открытия театра. Трушин произносит: «Театр открыт», и восторженный крик Егора разрезает тишину! Спектакль «Орленок» В. Сидоренко. Автор и его жена рядом. Спектакль смотрится интересно, хотя возраст детской публики не соответствует. Важно, что театр «Орленок» открыли спектаклем «Орленок». Эта символика очень важна для будущего в содержании театра. Заехали домой, а потом в Картинную галерею на открытие выставки Н.В. Кузьмина. Мне дали слово. Пришлось экспромтом рассказывать о Кузьмине, его творчестве. Это выдающийся, даже великий иллюстратор книги. [Сейчас у него] черная повязка на глазах. Остался один глаз и 30% зрения. «Расходует» только на любимое дело – иллюстрацию книги. Остальное время живет в «темноте». Ясный ум, светлая память в 86 лет! Пистунова – немного длинновато, А. Оя – сумбурно. Беседа с коньяком и кофе в кабинете Сазонова с Пистуновой. Восторженная женщина, много знающая и много видавшая. Очень тонкое замечание о сухости экспозиции в Тарханах: нет интимных деталей, обращенных к человеку. Этим отличается Михайловское. Там все, как при Пушкине, у нас – много современного, привнесенного. Надо думать! Показали ей Музей народного творчества. Восторг. Особенно ковер с головой лошади, соломенные фигурки Медянцевой и абашевские игрушки. Опять тонкое замечание: хорошо бы разделить в экспозиции подлинно народное творчество и подделки под него (всякое литье, выжигание и т.п.). Тут есть вопрос! Заехали домой и – в облдрамтеатр. Демин – начальник управления театров Министерства культуры РСФСР. Застолье, добротный спектакль «Старомодная комедия» (Лозицкая и Смирнов). Разговоры после спектакля: идея объединения с кукольным (единый театр), создание областного ТЮЗа в Кузнецке, гастроли в сибирских городах летом 1977 г., гастроли в Москве в 1978 г.

29 декабря. […]. После обеда – встреча с правлением Союза художников. Сначала рассмотрение проекта художественно-производственных мастерских, а затем откровенный разговор о положении дел в Союзе: разобщенность и склоки, высокомерное поведение А. Ои, претензии к Ю. Ромашкову. Бунт молодых. Может, и хорошо, что взбунтовались. Заставили думать и искать решение. Перемелется, но дело будет сделано. Откровенная беседа. Высказал свое отношение. Главное – доброжелательность друг к другу. Разговор со Львом. Решил около 20-ти вопросов. Надо приучиться «согласовывать».

31 декабря. […]. Утром условился с зам. министра культуры РСФСР Е. Зайцевым об объединении [создании театрального объединения] и привлечении О. Комова к созданию памятника М. Лермонтову. […].

1977 год

5 января. В 8 утра явилась врач В. Некрасова с медсестрами. Сняли кардиограмму, взяли кровь на анализ. Потом слушала и щупала. Сразу разговор о больнице. Я разозлился, т.к. не понимаю, с чем и ради чего ложиться. […]. Возник серьезный вопрос по Каменке. Поселок давно стал городом, вырос до 40 тыс. жителей, но пока многие вопросы быта людей не решены. Областные службы считают город не своим: «они мало заботятся», вместо «мы мало заботимся». Не у них, а у нас нет средств и т.д. Поручил трем зав. отделами обкома подготовить обстоятельную записку с поручением облисполкому капитально заняться городом. […].

7 января. […]. Дочитал «Брюллова». Сложна жизнь этого титана русской живописи. Меня больше всего тронуло его неудачная женитьба. Хороший пример для раздумий. Не всегда то, что кажется чистым и кристальным, на самом деле является таковым. Надо знать не внешность, а внутреннюю суть. Подлая наивность может жить за счет подлинной наивности. Вывод: не торопись верить, проверь и убедись. Прежде чем верить, сомневайся! Много пензяков около Брюллова […].

9 января. […]. Западное радио беспрестанно накаляет страсти вокруг «хельсинкских соглашений», требует свободы мыслей. Кажется, именно мы были инициаторами созыва этого совещания, упорно и настойчиво добивались, чтобы оно состоялось. С большой парадностью подписали документ, объявив его «историческим». Не надо по делу и без дела употреблять слово «исторический». Действительно, признание незыблемости послевоенных границ – дело великое, хотя для любого фанатика-реваншиста не очень твердое и обязательное. Обидно, что западная пропаганда схватила инициативу и пошла, опираясь на плацдарм этого документа, в наступление по трем направлениям: внешние буржуазные силы, силы внутри коммунистического движения (ФКП, ИКП), внутренние подонки […].

16 января. […]. Совхоз «Большевик». Амбаров. 4 минуты был на том свете. Ничего не видел, никого не встретил. Едва откачали. 6 часов дышали на него. Обед в совхозе, потом ферма. Не всё получается с боксовым содержанием, коровы не ложатся. Через Сердобск на Куракино. В доме престарелых. Странное впечатле-

ние жалости и убогости, и вместе с тем благополучия тех, кто сюда попал. «Похоронное бюро» на общественных началах. Есть активист, который всем роет могилы, есть влюбленная в него безрукая калека. Деформации жизни. Через Сазанью гору (был монастырь, остались пещеры и ходы) – в Сердобск. Ужин и на Пензу. Дома Вера. Завтра она идет в больницу. Остаюсь в одиночестве. Как все-таки это страшно и скучно быть одиноким...

19 января. Сегодня Крещенье. В древности – великий праздник с купанием мужиков в прорубях, весельем и загулом. Утром погода была мягкой, а к вечеру все-таки завернул крещенский мороз. Термометр упал до -22. Приметы оправдываются. Рано приехал в обком. Поручил Дине отправить посылку Н.В. Кузьмину в Москву. Хочется ответить на его добрый жест – присылку книжки Лескова «Железная воля», получить автографы на Ветушишникова и Д' Аршиака, а может, что-либо еще. Мне представляется, что в истории книжной графики Кузьмин займет не только достойное место, но и со временем станет классиком!

[…]. Поехал в театр. Решил проститься с народным артистом Кирсановым. 75 лет. Большая часть жизни на сцене Пензы. Нищета дома. Священник. Отпевали. Разговор с Рейнгольдом, Налобиным, Лозицкой. Ходит упорно легенда, что Льва из-за Ванеева в Саратов [посылают] вторым [секретарем], а меня здесь – первым. Кто-то выдумал. Народ – с одобрением. Сказал, что это выдумка. […].

3 февраля. Чувствую себя не совсем хорошо. Надсадно болит горло, першит. Пропадает голос. […]. Поехал в роддом, посмотрел хрустальную стенку в сборе. Производит впечатление. Если найти хорошее световое решение, обряд может получиться. Все идет от Богоматери. Ее образ – святой для Руси. А прошлое надо хранить и уважать. Всё пройдет, все уйдут, а Русь останется стоять в истории величественно и горделиво. И кто знает, сколько раз еще поведет ее вперед русская женщина с младенцем на руках. Богоматерь (а их сотни: и Владимирская, и Казанская, и Федоровская, и Смоленская, и Толгская) – это основа веры русского человека. К чудотворным иконам шел он и в дни радостей, и в дни горестей, с ее образом русские отстаивали рубежи земли родной. […].

5 февраля. […]. Максяшев был у меня по поводу жалобы нижнеломовцев, что он не издает «Историю Н. Ломова», написанную Пастуховым. Условились учесть материалы при издании истории городов нашей области. О книге Богданова «О Мейерхольде». Надо бы издавать, но у меня есть вопросы: [надо] отделить житейские пензенские дела от идей театральной борьбы, не тянуть из детства руки в далекое будущее, не дать «знамя» в руки тех, кто устраивает шухер вокруг Мейерхо-

льда […]. Переговоры с Кин о Мейерхольде. Она поняла меня, и хорошо, что восприняла правильно. Зря накручивают, [что] Мейерхольд против Станиславского, [что] С. Есенин – революционер, а не просто поэт, [что] И. Бабель – современный Гоголь. Всё это вызывает у меня чувство внутреннего протеста.

8 февраля. […]. В 8.30 с В.И. Болдиным – в Заречный. Чудо техники: доехали за 18 минут. Совещание городов в Доме пионеров. Приветствие, потом доклад Н.В. Александрова о состоянии народного просвещения. Записал некоторые мысли. Особенно – надо определяться по учебно-производственному комбинату. Можем отстать! […]. В 16.00 – в роддом. Смотрел новый обряд в действии. Общая картина хорошая и интересная, но пока не отработаны многие детали. А весь вкус всегда не только в общем, но и в деталях. Два часа потратили на поиски. Кое-что стало ясно, хотя с трудом. Продиктовал очередную серию вопросов для решения. Открывать пока нельзя […].

13 февраля. […]. К 11.00 отправились с Мишей и Егором на цирковое представление. Подъехали к самому началу. Нахлынули воспоминания далеких 37-38 годов. Тогда я был на экскурсии в Москве, и нас водили в Первый Госцирк на Цветном. Не помню ни одного номера, осталась какая-то торжественно-приподнятая атмосфера […]. Представление неплохое в нашем цирке, хотя главное – клоунада – глуповатая, шаблонная и не очень смешная. Стараются много, а толку мало […].

Сбылась моя мечта об открытии на базе «Орленка» молодежного камерного театра. Вчера была выставка Жакова и шел спектакль «Старомодная комедия». Говорят, получилось хорошо. Дай бог жизни этому благу!

15 февраля. […]. Лев улетел в Москву. Хочет «понюхать» насчет поставки мяса в союзно-республиканский фонд. Немного трусит, хотя положение почти безвыходное: сдать сегодня – остаться без мяса завтра. Важно понять, когда тебя могут убить. Сбрасывать мясо сейчас – терять на каждой голове сотни килограммов, а голов и так не хватает.

Родилась интересная идея в аэропорту: добыть списанный самолет и организовать в нем детский кинотеатр. Это было бы событием для города. Попросил у начальника Куйбышевского ГВФ. Говорит, что [надо просить] у зам. министра Мамсурова. Вечером дозвонился до него. Обещал достать Ту-104. Завтра пошлю бумагу. Смотрел город с этой точки зрения. Скорее всего, сквер на углу Чехова и Бакунина, у универмага.

Был В. Застрожный. Окончательно утвердили текст приветствия матери и поздравления с новорожденным. Завтра должны сделать. […].

16 февраля. […]. По ВЧ соединился с Беляевым, зам. зав. отделом культуры ЦК КПСС. Начинаю консультации по судьбе дома Мейерхольда. И музей создавать не следует, и ломать дом нельзя. Ухватят [эту тему] и понесут на весь мир. Не хочется давать пищу. Возможен компромисс: театральный музей г. Пензы. Беляев согласен, но отослал к Тумановой З.П. Эти вопросы у нее. До нее не дозвонился. После обеда – в самодеятельную мастерскую художника Беликова В.С. Сложной судьбы человек: безотцовщина, 6 лет во флоте и 6 лет злого туберкулеза. Самозабвенно пишет маслом. Масса этюдов. Подкупает трудолюбием. Это – мать таланта. Художник должен иметь свою манеру, но это не равноценно однообразию. Впечатление, что сам устал от унылости и однотонности палитры. Нельзя быть эгоистом, писать только для себя. Всегда думать об общественной значимости и практической цели творчества. Без этого он удел бесплодия, бесполезности. Заказ на портрет Е. Лобач и пейзаж с памятником Победы. […].

19 февраля. […]. В родильном доме. Еще смотрим вариант обряда встречи матери. Текст уже получился. Читает Исаев, но наспех. Собралась музыка. Стали ясными детали со светом. Проверяли всё часа два. Пробовали на зрителях: плачут – действует! Условились уточнить и отточить детали и 23-го в 14.00 начинать. Практика подскажет. […].

21 февраля. […]. С зам. зав. ЦК З.П. Тумановой – о Мейерхольде. Выслушала, но рассматривать отказалась. Надо, чтобы решали и вносили предложения Министерство культуры РСФСР и Совмин (т. Кочемасов В.И.). В.М. Стриганов. Объяснил ему, что дом, в котором родился Мейерхольд, аварийный, жильцов выселяем, взяли на охрану. Музей [одного] Мейерхольда создать сложно и не нужно. Ломать дом нельзя – дадим пищу для крика. [Лучше всего] создать театральный музей с мемориальной комнатой. Стриганов согласен, но считает, что лучше – музей областного драматического театра. […].

22 февраля. Утром начался и весь день до вечера шел дождь. Вечером, когда ехали с Западной Поляны, был еще и густой туман. Снег от тепла испаряется. Кучи снега осели и стали грязными. Приехал в обком. Лев грозился засесть за доклад, но принял «Нефтеснаб». Потом Акимов. Я поздравил [Л.Б. Ермина с днем рождения], хотел показать новый обряд в роддоме. Брыкается, жалуется, что нет времени. Условились, не очень точно, что утром завтра посмотрим. Я в конце концов плюну на эту […] капризность и запущу завтра с громом на всю страну. Обидится, но что делать? Надоело это чиновничье избирательство. Бензин важнее обряда!

Чаще всего нам мешает в практике работы то, что ближайшие задачи мы ставим выше отдаленных, хотя именно они обеспечивают перспективу развития. […].

23 февраля. Дождь и слякоть продолжаются. Они могут снег «съесть» и оголить поля. Но, думаю, что страшнее прошлой осени весна уже быть не может. Приехал в обком пораньше. Лев редактирует доклад на пленум. Несмотря на то, что договорились, в роддом ехать отказался (не нашел 20–30 мин.), но толковал на темы опыта Московской области те же 20 мин. Может, ревнует, что не им придумано? Сказал, что буду запускать! Позвал Ерзунова, Щербакова, Майорову, Белозубова и поехал в роддом. Еще раз все прокрутили. Получается нормально, хотя надо отрабатывать детали. Дал команду запускать! […]. В обкоме. Переговорил с «Правдой» (Кошечкиным С.П.) и редактором «Известий» Алексеевым о новом обряде. «Известия» высылают корреспондента. […]. В 16.00 с Мишей в роддом. Посмотрели обряд уже в действии. Одна пара – неудачна, вторая – отлично, трогательно, до слез. Есть, правда, детали: роль медсестры, надо подключать коллективы предприятий. […].

24 февраля. […]. В 9.00 созвонился с газетой «Известия». Сегодня выезжает из Москвы спецкор Овчинникова и фотокорреспондент. Начинаю втягивать в новый обряд заинтересованных. Скоро сделаю из него не только пензенское, но и всесоюзное событие. Теперь, пожалуй, уже не имеют значения детали обряда. Важно, что обряд родился первым в Советском Союзе, он мной придуман от начала и до конца. Обогащая Пензу, мы обогащаем и страну. Думаю, что в ближайшие два-три года многие города внедрят этот обряд, найдут более интересные, яркие решения, но все равно они будут лишь эпигонами Пензы. […].

25 февраля. […]. В обкоме встреча с корреспондентом «Известий» И. Овчинниковой, приехавшей специально смотреть обряд встречи матери. Она меня «убила» неожиданной постановкой вопроса: не оскорбит ли, не принесет ли морального ущерба этот обряд женщинам, которые рожают детей без отцов?! Я обалдел и доказать не мог. Просто раздражение от «зауми». Позвонил редактору «России» Лукавцу. Передал ему. Потом говорил с Ю. Баланенко Он точно ее охарактеризовал: «Это такая […], что может задать вопрос, на который сто мудрых не ответят». В голову не могло прийти такое. Любое дело рассматривается не на единицы, а на массу. У нас женщин, рождающих от мужей, 98%. Неужели ради 2% надо выбрасывать хорошее? Советовались с Егором Яковлевым. Спросила: «А он с женой живет»?!

27 февраля. […]. Звонил Ю. Комаров. Благодарил за грибы и «петуха». Лиле [Комаровой] сказал, что репортаж о новом обряде пойдет по Всесоюзному радио 7 марта в передаче Дня женщин. Н. Почивалин был в Куйбышеве на собрании писателей. Привез оттуда теплый привет. Обо мне отзываются хорошо. Укрепилась партийная кличка «Георг». Так называют повсеместно. Прилетает сегодня для репортажа в «Советской России» А. Бондарюк из Саратова. Поручил его встретить и разместить. Если обычно «подарки» городу делали в конце года (проект «Кукольный»), то этот год открыли залом торжественной встречи матери! В «Пензенской правде» напечатан рассказ об одной из моих задумок – кафе «Ласточкино гнездо». Может, это займет два-три года, но подарок уже в чертежах, а там, смотришь, появится в натуре. Опыт говорит: ни одна хорошая мысль даром не пропадает. Важно, чтобы было желание мыслить и настойчиво пробивать мысли в дело. […].

28 февраля. […]. Часто мнение одного решает многое, если в этом одном сдерживающих начал мало. Единственное [мнение] становится игрой, характерной для системы. Эпохе полумер на коренные преобразования не хватает размаха, мужества, решимости. Революция почти всегда требует жертв, но порой даже мысль о возможной жертве может обезоружить, [помешать] преобразованиям. Самое удобное (не могу сказать – верное и полезное) – не идти на преобразования, пустить на самотек, довериться стихийному развитию событий. Особенно тогда, когда не так много времени в запасе у стихии, чтобы перерасти в бурю.

Мое существо – от соединения материального и духовного. По линии отца я материалист, т.к. все предки были создателями материальных благ – крестьянами, кроме отца, пробившегося в писари. По линии матери – все люди духовного положения, работавшие на идеологию той эпохи (священники, дьячки, псаломщики, пономари), кроме деда, ушедшего в новую среду, но опять-таки писарем. […].

2 марта. Вчерашнее весеннее благодушие уже вечером перешло в цепкий мороз, а ночью и утром было около 25 ниже нуля. Зима щиплет весенние носы. Завтрак прямо в доме и поехали в колхоз «Россия» (председатель Стрельников). Посмотрели «комплекс по выращиванию высокопродуктивных телок». Из 18 помещений пущено только 8. Замерз транспортер. Навоз грузят лопатами и вывозят на санях. Телочки переросли, а стоят все в клетках, задрав морды к потолку от тесноты. Начав доброе дело и раззвонив о нем на всю страну, мы не находим времени и желания довести все до доброго дела, бросаем на полдороге. А от этого выигрывают диссертации, авторские гонорары за статьи и проигрывает животноводство. Омертвили сотни тысяч рублей и не получаем ничего. Живет пока идея и

ее Ардымский вариант. Позвонил из Пензы Лев. Говорил с ним. Ищет свою лекцию. Сказал, что вернул. Есть мелкие замечания, но думаю, что пойдет. Он с облегчением вздохнул и сказал, что будет сокращать. Опять о молоке. Сообщил, что корма дают. Созвонился с Исаевым и другими – выделяют 3.500 тонн. Это здорово! Надо кормить и всё. […].

3 марта. Проснулся рано, но валялся почти до 8-ми. Позвонил Вере. Дома всё хорошо. Завтрак с Абрамовым. Свою «Волгу» послал через Колышлей в Кондоль, а сам на «уазике» – по глухим углам. Мороз и яркое весеннее солнце. Заехали в Синодскую Саполгу. Забрали председателя Говорухина и его зоотехника. На Круглое. Мимо барского сада и леса полезли к Чунакам. Поразительно мало следов и на опушке леса, да и в поле. Только кое-где лисьи строчки. На окраине Чунак заячьи следы у стожков неубранной соломы. Чунаки узнал по «недобитой» (церковь сломали) колокольне, сиротливо стоящей в центре села на самой дороге. Сразу в Ключи. Беседа с директором совхоза «Гремячинский». Положение сложное. На 10 тыс. га земли всего 280 работающих. На родине Ф. Гладкова в с. Б. Чернавка осталось всех со всем 150 человек. Планы есть, работать некому. А у него [совхоза] весной 2,5 тыс. га весновспашки. Заехали на ферму. Убогие коровника, задристанные телята. Бык бродит среди 200–250-килограммовых телок и кроет их. Какие же из них коровы? […].

6 марта. […]. Вечером с Верой (Миша остался с Егором) в театре на премьере спектакля Виктора и Маргариты Сидоренко «Главный разговор – завтра». Конфликт вокруг характеристики, но главное – попытка разобраться в облике людей, вступающих в жизнь. Похвалил и поздравил авторов с первым выходом на сцену, режиссера Зыкова, художницу Лебедеву. Оценил как успех, но [сделал] замечания: «Ленинский зачет» [поменять в пьесе] на комсомольский, имя Ленина – на другое или принцип, «Москва. Кремль» – на «Москва. Минстрой», убрать вульгарное «играл в карты на животе девчонки», «дерьмо» – на «хлам». Отказались от традиционной выпивки после премьеры. После Садчикова это второй выход пензенского драматурга на сцену? Сказал, чтобы В. Сидоренко и дальше работал. Обещал послать на весенний сев. Надо его втянуть в сельскую тематику.

8 марта. […]. В 1 час дня с Верой уехали обедать к Яковлевым. У Геннадия Васильевича сегодня день рожденья. Отмечали его. Мой тост был искренним: как руководитель – человек талантливый, как человек – симпатичный, как товарищ – постоянный и верный. Его пребывание во главе управления торговли составляет эпоху в истории Пензы. С его активного участия началось то преобразование тор-

говой сети, которое теперь составляет гордость города. Он умел вставать в ногу с современностью, хорошо понимал дело, был экономистом. Несправедливое решение Комитета народного контроля, принятое по инициативе Кованова, до сих пор болью отдается в сердце как пример вопиющей несправедливости, возникающей на почве личных карьерных соображений. […].

10 марта. […]. Трушин – по музею А. Малышкина. Там, кажется, все в процессе завершения. Сомнений нет, 21 марта открываем. Позвонил в Союз писателей Озерову. Обещал дать поручение «Литературке» и «Литроссии» и прислать одного из писателей 30-х годов. Есть настроение эту эпоху, эпоху реального строительства социализма, поднять и вместе с эпохой поднять писателей того времени. […].

В Колышлейском РК КПСС. Доклад начальника управления о положении дел в животноводстве. Довольно путано все. Потом предрика, редактор, заворг, инспектор. Все и всё путают. Вроде занимаются, но беспредметно. Каждый тянет своё, не решая общих задач. Ужин с Ерохиным, Каймановым и Поляковым. Условились о двух вещах: привести в порядок Белокаменный парк, благоустроить парк в Бекетовке. Может, увековечить память Бекетовых и Блока. […].

12 марта. […]. В краеведческий музей на актив краеведов, авторов статей под рубрикой «Знай свой край». «Узок круг» краеведов, больше уже немолодых. Уровень не очень высокий. Хотя и были интересные выступления. Я выступал в заключение: событие [для краеведов] «историческое», [их] не собирали 27 лет! Можно критиковать рубрику, но главное – «ребенок» родился и надо его правильно растить. Важна системность в поисках и находках. Ввести рубрики «Люди и годы», «Из истории сел и городов». В октябре [решили] провести широкую краеведческую конференцию. Подготовку начать теперь. Готовить «Краеведческие записки». Создать объединение краеведов при музее. Может, и в пединституте. Краеведение работает на местный патриотизм, а это сейчас – проблема производительных сил. […]. У Полесских смотрел сегодня коповские находки: буртасский кирпич, пинцет, осколки керамики. Мы считаем, что в районе «Лисьих нор» было до монголов буртасское селище. Хотя с буртасами сложно очень.

13 марта. […]. Читать сегодня не удалось. Притащил вчера «Двадцать три ступени вниз». Потрясающая вещь, открывающая тысячи придворных деталей, очень интересных. Суровость классовой борьбы. Сложно осуждать расстрел царя и царицы, но убийство детей – акт не очень гуманный. Представляю себе сложность этой сцены. Можно только представить себе мысленно и ужаснуться. Дети под дулами пистолетов, ничего не понимающие и ни в чем не виноватые...

Хельсинкское соглашение, которого мы так добивались и которое сразу объявили историческим, теперь нам здорово «икается». Зацепившись за него, буржуазные деятели и идеологи развернули такой шабаш, что становится тошно. Наши же пока оборончески молчат.

16 марта. […]. В 18.00 – беседа с московской комиссией Минздрава РСФСР по проверке здравоохранения области. Вопросов мало, надо идти на коллегию. Моя мечта – объединение по лечению детства. Подтянуть старую идею – «скорой помощи». Родить новую идею: [заботиться о] детстве от беременности матери до взрослого возраста ребенка. Всё в одних руках и ЭВМ!

17 марта. Не забыть: разговаривал вчера с Лоллием Замойским. Надо запомнить, что Татлин, которого западный мир объявляет гением XX века, окончил Пензенское художественное училище. Его выставка в Доме литераторов. Сегодня о нем кричит «Голос Америки».

Послал письмо З. Андреевой, жене покойного писателя Андреева-Кривича. Она мне прислала «Тарханскую пору». Мое отношение к его книге (из письма к З. Андреевой): «Книга выдержала третье издание и в несколько дней буквально исчезла с прилавков книжных магазинов только потому, что она выстрадана автором на священной земле лермонтовских Тархан, пронизана чувством глубокой связи автора со всем тем, что окружало и вдохновляло замечательную поэзию Лермонтова, давало ей живительные родники народности, написана страстно и талантливо... Лучшей книги о Тарханах я пока не встречал, хотя читал многое из того, что издано за последнее десятилетие». […].

21 марта. […]. В Мокшан. Сестры Малышкина. Было восемь. Шесть братьев умерли, остались две сестры. Отец – у монастыря, но могила потеряна. Мать в Кургане. Слово Щеблыкина – толково, хорошо. Он растет. Сестра. О. Савин – стихотворение. Прообраз – председатель сельсовета Миронов. Интересный концерт. К дому Малышкина. Сказал несколько слов. Главное, Малышкин – первый писатель эпохи реального строительства социализма. За это ему и почести. Сначала открыл мемориальную доску, а потом перерезал ленточку у входа в музей. Первая экскурсия. Музей состоялся, хотя до совершенства далеко. Нужны годы. Мне не нравится мемориальная часть. Надо бы ближе к условиям жизни семьи. Автограф сестер, разговор с Вороновым Н.П., писателем из Москвы. Мы еще с ним встретимся. Доложил В.М. Стриганову. Со штатами все путают.

25 марта. […]. Уехал на Колышлей. А. Ерохин встретил на границе. Сразу в Телегино. Экзамен в разгаре. Механизаторы нервничают, у одного рубашка взмок-

ла в подмышках. […]. По дороге на «Луч», на овраге следы деревни Михайловки. Осталось два дома из 180. Все ушли. Разговор с бабкой. Она 1902 года рождения. Живет одна. Была собака, но заела козу. Куры и гуси. Сын в Пензе, дочь в Новосибирске. Приветливая, незлобивая, ничем не обиженная. Только Русь так может жить! И керосина нет. Показала Псалтырь и Акафист. Николай Угодник и Серафим Саровский. У «Луча» – Белокаменский парк. Заложен помещиком Сабуровым. Редчайшие породы деревьев, и это в голой степи. После революции разделили по 5 деревьев на крестьянина, собрались рубить, но мудрый старик остановил. […]. Заехал в Раевку. Мучаюсь проблемой Бекетовых и А. Блока. Отличный парк, остатки каменных строений – кладовых помещика. Разговор с учительницей Марией Матвеевной Посадцевой. Работает здесь с 1942 г. Мужики утверждают, что в Раевке помещики и перед революцией – Раевские (батарея в Бородино!). Был деревянный двухэтажный (даже флигель на 3-м этаже) барский особняк на краю парка. Церковь в Бекетовке. В Бекетовке было поместье. Вишневый сад на его месте. Это недалеко от бывшей церкви. Сами Бекетовы – из Алферьевки. Но там поместья и следов, кажется, нет. […].

27 марта. […]. Загорелся проблемой Бекетовых. Их отец – мичман русского флота Николай Алексеевич принимал Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова. Его сын Александр стал крупным военным инженером и известным земским деятелем, Андрей – ученый-ботаник, ректор Петербургского университета… […]. Позавчера крутился на этом месте, а вчера и сегодня думал. Первый план: в березовой роще у дороги Пенза – Колышлей поставить памятный обелиск, посвященный Бекетовым (и отцу, и сыновьям), с упоминанием, что Андрей Николаевич – дед поэта А. Блока. В 1980 г. – 100-летие Блока!

28 марта. […]. Интересный вариант оформления сквера у памятника В. Белинскому. Есть идея, мне она нравится, хотя трудно сказать, как будет всё выглядеть на практике. Чистый газон, а на уровне памятника стена из «квадратно» остриженных тополей. Перед совещанием в Доме офицера заехали (Лев, Огарев, Ерзунов, Щербаков) в «Спутник». Смотрели Лермонтова. Лицо – хорошо, но много деталей еще не проработано. Остановимся на Малове. […].

Болею Бекетовыми. В БСЭ они есть, и довольно крупно, с портретами: Андрей Николаевич и Николай Николаевич. Вечером позвонил О. Савин. Вышла его книга о литературных деятелях Пензенщины. Сказал ему, чтобы готовил статью о Бекетовых и Блоке.

30 марта. […]. Олег Савин принес «Пензу литературную». Считаю ее одной из выдающихся краеведческих работ. Впервые воедино собраны все литераторы, имевшие отношение к Пензенскому краю. Приятно, что дополнено, пусть маленькими, но очень «вкусными» черточками из писем, воспоминаний, привязанных к земле пензенской. […].

После сессии поехал по магазинам города, торгующим винно-водочными. Мерзкое впечатление. Гибнет народ не от водки, а от дешевого вина. Надо искать решение. Беседа с Дегтевым (Госбанк) и Вахромеевым (сберкассы) о переходе на выдачу зарплаты через сберкассу как средство борьбы с пьянством. […].

1 апреля. […]. Получил фотографию зимнего похода по местам, связанным с Яблочковым. Есть фото семейного склепа и его могилы. Как-нибудь надо заскочить. Написал письмо М. Пивоварову в Сердобск. Посмотрел памятник Яблочкову в Сердобске на фотографии и стало стыдно: постамент из грубого, обшарпанного бетона, бюст маловыразительный, надпись совсем не читается, благоустройства никакого. Запустенье. Откровенно сказал об этом и попросил подумать о новом памятнике. […].

2 апреля. […]. Поехал по городу. К магазину №5 на Шуисте. Толпа больных людей в ожидании начала продажи вина. Уже пьяные. Психически больная женщина предлагает послушать стихи С. Есенина. Отстраняю ее, но она декламирует в окружении трех десятков мужиков, жаждущих похмелиться. Беседа с зав. магазином. Месячный оборот 70 тыс., из них на вине и водке берут 45–50 тыс. руб! Горьковское «дно», гадюшник в период развитого социализма. Уезжаю. Баба орет: «Обком, возьми меня в дурдом»! На ул. Пушкина. Магазин №9. Та же картина гибели людей. К магазину идут оболочки людей, их призраки, умершие в вине. Остались лишь скелеты, обтянутые кожей, под которую постоянно вводятся винные инъекции. […]. Когда принимали решение о вреде пьянства, исходили из ошибочного представления, что, зажав водку, сместим потребление на сухое, красное вино. Сухого нет, а дешевое красное оказалось как раз тем продуктом, который наиболее активно потребляется алкоголиками! Незнание жизни... Объективная частушка (народ точен!):

Спасибо партии родной
За любовь и ласку:
До субботы водку пьем,
В воскресенье – краску.

3 апреля. Вербное воскресенье. До Пасхи – неделя. В старые времена это большой праздник. Сегодня только кое-где старушки с вербами в руках. Утром солнце, к вечеру хмуро, но тепло. Сура опять наполнилась водой. Залила. Около 11-ти – по городу. Сегодня день революционный. За многие годы впервые в воскресенье магазины не торгуют никакими спиртными напитками. Поехал с Корневым Ю.Н., зам. начальника УВД посмотреть настроение людей, найти возможные нарушения. Побывали в самых глухих углах, вплоть до Газопровода, Сельхозтехникума, Кривозерья, Терновки и Арбеково. Хорошо зажали, нигде ни бутылки. Только давка у пивных ларьков. Оказывается, здесь отдушина. Но пивом здорово не напьешься. Может, эту отдушину, когда она не соединяется со спиртным, надо и дальше расширять, чтобы хоть как-нибудь облегчить участь хануриков. Много больных, с помятыми мордами, на углах у магазинов. Спрашивал: «Как?» – «Плохо. А может, и хорошо: перестрадаем, отдохнем». Женщины в восторге: надо бы все вообще запретить, особенно «бормотуху». Появилось новое звание алкоголика – «бормотолог» (!). Пустые вытрезвители в Ленинском и Железнодорожном районах. […].

Думал о том, что, разработав экономическую сторону теории, оперевшись на материализм, мы мало думаем о духовной стороне дела. Автоматизм не срабатывает. Вероятно, наряду с экономическими и философскими законами, есть просто законы человеческого общежития!

4 апреля. […]. На планерке ничего особенного. Что-то о плотине, заторах из бревен, об овощах (вечный скандал: торговля и совхозы). Я коротко сказал, что вчерашний эксперимент с закрытием торговли винно-водочными удался. Если обычно в вытрезвителях бывает 50–60 чел., то вчера – 19. Условились, что отныне и навсегда действует правило: вином в воскресенье не торговать! Правда, не знаю, насколько хватит характера по товарообороту. […]. В 12.00 – беседа с активом художников. Рассмотрели вопросы строительства производственных мастерских и работы Куликанова. Решили его оставить. Кажется, обстановка у художников лучше. Звонил в архив. Нашел Савина. Он откопал дело Бекетовых. Говорит, что объемистое. Работает. Хочу дожать эту линию А. Блока. Не только познать, но и «застолбить», привязать его к нашей пензенской земле. […].

Знатным происхождением отца не могу похвалиться. Он из коренных крестьян, добывавших источники жизни в труде. Не участвовал в революции, гражданской войне. Всё последнее время боролся с вином и туберкулезом. Он глотал вино, туберкулез поглотил его.

5 апреля. […]. Смотрел интереснейшие материалы о Бекетовых в №34 «Огонька» за 1976 год. Олег Савин копается в архиве. Проясняется немного и Бекетовка, и Алферьевка. Кажется, их же и Дертево, Скрипицыно. Раевка – вотчина Станислава Раевского, друга Лермонтова. Всё думаю о стеле в Березовой роще. Надо бы и бюст А. Блока, и летопись этих мест.

6 апреля. «Снова нахмурилось небо, и будет ненастье». Живу Блоком. Сложная натура, сложные стихи. Отказ матери от отца. Из университета – в казарму к отчиму. 17-летний влюбляется в 32-летнюю с тремя детьми. Болезнь (кажется, люис). Еду на Колышлей. Остановка у Музея народного творчества. Показал Кишкурно, что и как надо благоустраивать. Сначала мелкий дождь, а потом спорый и увесистый. […].

В Трескино. Было пять помещиков в одном селе. Слева на горе – Сомова, около – главная церковь. Дальше по бугру, где теперь дом культуры, поместье «баронское» и деревянная церковь. Где-то был склеп. Остался камень: «Здесь лежит тело ст. сов. баронессы Унгерн-Штернберг, рожденной Ермоловой [Ермолаевой?]. Род. в Москве 25 апреля 1803 г. Скончалась здесь в с. Рожественском 26 ноября 1858 г.». За рекой напротив (в Симанщине) – поместье Топорнина. За мостом, между дорогой на М. Сердобу и рекой, старый парк Дурново. Это, скорее всего, Петр Николаевич Дурново (1845–1915), бывший директор департамента полиции в 1884–1893 гг. и министр внутренних дел в 1905 г. Дальше за рекой, где теперь МТФ, – Акимовка, вероятно, министра юстиции в 1905–06 гг. и председателя Госсовета в 1907–1914 гг. По рассказам отца С. Козлова, их похоронили здесь. Дал задание составить смету на приспособление поместья Дурново под творческую дачу художников. […]. Отец Козлова (ему около 80 лет) помнит, что из Петербурга с большими почестями привозили в село хоронить Акимова и Дурново. Зря старались... Ничего, даже склепов и камней, от них не осталось. Все разбито.

7 апреля. Пасмурно, но солнце чувствуется за облаками. Ночью читал воспоминания Павлович о Блоке. Сложная у него жизнь, надлом за надломом. Потому он поэт изнутри, из страдающей души. […].

[...]. Читал в «Неве» о Пушкине в Одессе. Интересно и ново... Разговор о Сталине, уходе Степакова (не поняли они, что надо становиться алилуйщиками [Брежнева]), украинцах, борьбе с сионизмом и т.д. Шурик старательно всех обыграл, но в результате сам обыгранным оказался. Не старайся гадить!

8 апреля. […]. Из Марьевки – на Трескино. У магазина – толпа местных и приехавших из Пензы: Иняхина, Садчиков, Трубников, художники Орлов, Бельдюсов,

Павликов, Сачков и др. На «уазиках» – к усадьбе Дурново. Осмотрели двухэтажный и одноэтажный дома, прошлись по парку до обрыва реки, побродили по берегу. Место, действительно, благодатное и для творчества, и для отдыха. Заехали в контору колхоза. Решили отдать помещения художественному училищу как базу для практики, деньги (10–20 тыс.) выделить за счет ремонта, ремонт сделать до 15 мая – двухэтажного [дома], до 20 июня – одноэтажного РСУ КБО (Залога Александр Иванович). Второй этаж отдать членам Союза художников, первый – учащимся. Питаться в колхозной столовой. Открытие 20 мая! Без шума.

Обед в колхозной столовой. Сразу на полевой стан совхоза «Березовский». Николаев, директор совхоза, нервничает. Мотается много, а толком программы не знает. Четко продиктовал, что от него требуется. Заехал в Березовую рощу, попил из родника. Подвернулись художники. Рассказал им историю семьи Бекетовых, начиная от мичмана до их потомка Александра Блока. Хорошо бы увековечить их каким-то образом в этой роще, расположенной недалеко от Бекетовки и Алферьевки. И их затвердили бы, и место ожило бы. Около 5-ти вернулся домой. В обком не поехал. Устал эти дни. Копаюсь [в книгах], ищу Дурново, Акимова, других. Надо бы всё свести по Трескино. Село знаменитое.

9 апреля. […]. Обедать уехали в Колышлей. Разговор [с первым секретарем райкома Ерохиным?] о секретариате: [я выступил] очень четко и собранно, вышел нокаут, [Ермин] обалдел и не смог вести бюро. После обеда – на Пензу. Рвался в колхоз им. Кирова, но Ерохин сказал, что дороги нет. Успокоился. Снова проехал березки. Надо в овраге набить колья от ветлы и изобразить фамилию «Блок». Вероятно, на этих днях сделаю первый шаг. Пока общего замысла нет. Хорошо бы [изваять] прадеда, рядом двух дедов и от деда Андрея [проложить] дорожку за березку, из-за которой выглядывает юный Блок (лет 10-ти). Но как это пластически и экономно решить? Требуется еще и «летописный рассказ» о семье Бекетовых.

13 апреля. […]. Поехали в сторону Трескино. Зашли на усадьбу Дурново. Залога – мужик деловой: работа кипит. Уже кроют крышу, затирают стены, кладут под лестницей комнатку под электрокотельную, бульдозер отгребает грунт от дома. Подошел старичок Балясников Иван Филиппович (1909 года рождения). Твердо сказал, что это поместье Петра Николаевича, который «Ульянова судил». А рядом – Акимова. Назвал деревни (улицы) села: Хрущевка, Кромщина, Баронщина, Симанщина, Полянщина, Аблязовка, Гора. Церквей было четыре: центральная – где школа. Она – Михаила Архангела, где Симанщина – Александра Невского, [еще церкви] Нагорная и Баронская. Но сказал, что есть старше [его старики], на Хру-

щевке – Казеннов Афанасий Силантьевич. Он лет 10 работал в поместье. Нашли его на Хрущевке. Встретил приветливо. Странно засмеялся на вопрос о жене: «У меня жена восьмой год как развод взяла: на кладбище ушла. А это – сестра». Затратили на беседу часа два. Многое знает и многое помнит. Он родился в 1894 г. В 1905 пошел работать в поместье Дурново, в 1915 г. призван в армию, а в 1916 г. под Гомелем ранен в руку (показал скрюченные пулей пальцы). С тех пор дома. Эту войну бабами командовал. Детали его рассказа очень интересны (см. запись в блокноте). Подошли старушки играть в «петуха». Кое-что добавили, но все они еще «молодые». Довольны, что восстановили дом и парк. […].

14 апреля. […]. В обкоме. Потом в букинистический магазин. Распродается библиотека С. Петрова. Копил-копил, жена больная, сын пьет. Библиотека пошла с молотка. Отобрал почти на 40 рублей. Отдал в переплет. В «Пензенской правде» – О. Савин о Бекетовых. Мечта моя (ее первая часть) осуществилась. Теперь бы найти памятник для Березовой рощи. Обедал с Огаревым. Непонятен срочный отъезд Льва в Москву. Может, выдвигают? Пора... Правда, мне все равно, меня это не касается. Сказал Вере. Она спокойна. Права: уже возраст такой, что много не сделаешь, а сорваться можешь. Время выдвижений прошло. Жалко, что не стал историком. Сколько потерял! Думаю, я смог бы сказать свое слово.

21 апреля. […]. Лев вернулся из районов. […]. Условились о ряде дел на ближайшее будущее. Вопрос о том, что диссиденты допекают нас, создают повод для атаки. Он верно заметил: «Надо было думать об этом, когда подписывали Хельсинкское соглашение». Действительно, акт, которого мы так настойчиво добивались и принятие которого считали нашей выдающейся победой в международных делах, вдруг обернулся против нас, создал такую платформу для антисоветских нападок, что становится неприятно. Что же касается других дел, то они, как шли, так и идут. Признание нерушимости границ еще не значит, что не появится какой-либо фанатик. Одним махом перечеркнет всё... Наиболее вероятен он в Германии. Там узел!

29 апреля. […]. Идет страшное, подчиненное тщеславию одного человека преподавание истории. Становится откровенно стыдно и за историю, и за методологию, о научных основах которой мы так громко кричали на весь мир. Книга «Страницы жизни – страницы истории». Не поймешь, а может, он эпоху сделал? Никого рядом, герой-одиночка. Фильм о 1943 г. – Верховного главнокомандующего боятся толком показать, а начальник политотдела армии вроде чуть ли не решил судьбу войны – о нем больше. Всегда история была служанкой господствующего класса.

От этого не уйдешь. Но в самые тяжелые времена так не накрашивали ей губы, как это делают теперь. Какой-то особый период, за который перед потомками всем нам будет стыдно. Даже объяснить толком, зачем мы это делали, не сможем.

8 мая. Солнечно, тепло. Уехал в обком. Зашел В.И. Лысов. Поезд опаздывает, а он приглашен на совещание ко Льву в 10. Собирают сельхозников. Около 10-ти Катков, Нечаев и О. Тельбух привезли К.С. Бадигина прямо с вокзала. С этой фамилией невольно связаны какие-то интересные дни детства, дни соучастия в общем подвиге страны. Уже немолодой (ему в 1980 г. будет 70), в берете, со звездой Героя на темном штатском костюме, он выглядит еще довольно бодро. Главное – светлая голова и память. Приветствовал его на пензенской земле. Подчеркнул, что его фамилия, подвиг «Седова» – это первая форма воспитания героизма у той молодежи, которая потом сражалась на фронтах, на собственно советской основе. Арктика, ее освоение – первые героические страницы. Потом разговор вообще. Родился в Пензе. Дед [работал] в земской больнице. Уехал, когда было 6 лет, на Украину. […].

Интересные новости. Секретарь парткома [учхоза СХИ в селе Рамзай Ерохин] разыскал старика, который доказывает, что там, где мы привыкли считать поместье Загоскиных, было поместье Панчулидзева, Данилевского и потом Шилова. Загоскиных же – через овраг на другом холме. Поехали, посмотрели и этот новый холм. Следы старого сада. Слева пруд, назывался Барским. После Загоскиных [имением] владела Любовь Протасьева. Нашли и остатки острога в Рамзае. Это – нынешнее кладбище. Когда [кто-то] умирает, говорят, «переселился в острог». Четырехугольник, окруженный валами. Из Рамзая – на дачу в Арбеково. Хорошо все вместе покопали. Егор освоил: «Копай, копай». Вечером – хоккей. Наши продули шведам и – «бронза»! Позвонил О. Савину и поручил по архивам разобраться с Рамзаем и Загоскиными.

10 мая. С плохим, откровенно скажу, отвратительным настроением поехал в обком. Мучает мысль: вдруг Дорошенко станет первым секретарем обкома? Дело тут не в какой-то личной заинтересованности или обиде. Чем больше размышляю, тем яснее становится, что есть какая-то причина и сила, опирающаяся на эту причину, которая отвергает любые попытки рассмотреть и предложить мою кандидатуру на выдвижение, или возврат в Москву. Скорее всего, это первые комсомольские строчки в биографии. Начинаются всякие ассоциации, и вопрос снимается. Дело все в понимании того, что человек, не умеющий написать без ошибок фамилию секретаря райкома (Офтов вместо Овтов), слово «керосин» («нету кирасину»),

не прочитавший и не желающий читать книги, не бывший ни на одном спектакле, не посетивший ни одного музея даже в области, не интересующийся ничем, кроме надоев и щебенки, не может, не имеет права быть во главе партийной организации, воспитывать людей, учить их. Чему? […].

11 мая. […]. Говорил с Г.Л. Смирновым. Жалуется на болезни. Ничего о выдвижении Льва не слыхал, а Виктор к нему не заходил. В повестке президиума Совмина, действительно, значится вопрос о семенном заводе в нашей области. Дорошенко (как узнал из приемной) собирается выбираться из Москвы, чтобы не опоздать на пленум, на автомашине. Если бы его избрали на первого, едва ли бы так рисковали, да и зачем ему тогда идти на президиум Совмина? […].

23 мая. Первый день на работе после поездки в Киев. Теперь трудно, спустя неделю, припомнить все детали дня, но главное ощущение – нужен людям. Поток вопросов и посетителей. Рассказ об итогах Киева. Отдал доклад Щербицкого в лекторскую группу для переложения на местные условия. Смущенный В. Бутов прибежал и откровенно сказал: списать можно, но вас привыкли слушать, а такой доклад слушать не будут.

24 мая. […]. Проблемы перехода из дома Белинского в дом купца Антюшина. Как спасти склеп в Тарханах от подступающих вод.

[…]. Сообщение о пленуме ЦК по Конституции. Освобожден Подгорный. Дело ясное, но жалко, что он так долго был там. Катушев – Русаков. Лев выступал и выступал вторым. Это интересно! Позвонил в Москву. Поздравил [Л.Б. Ермина]. Доволен. Сам подчеркнул, что [был] «вторым» [выступавшим на пленуме]. Что это означает, кто знает?

26 мая. […]. Смотрел газеты. Отклики [на пленум ЦК КПСС]. Сообщение, что Е.М. Тяжельников – зав. отделом [пропаганды] ЦК. Больше года понадобилось на то, чтобы после такого «классного лизания» [подхалимажа перед Брежневым] его определили на место. Линия его понятна. Скоро она скажется на направлении пропаганды. Тяжело, когда на этом выскакивает человек. […]. В Колышлее – первые «отклики» на пленум: три листовки с бранью (доложил Лазарев).

29 мая. […]. Думаю о пленуме ЦК. Окончательная победа в борьбе за единоличную власть. Может, Подгорный, по своей незрелости, где-то и в чем-то встал на пути. Просто не хотел отдавать пост. Его отвергли совсем. Этой борьбе больше года, т.к. уже на харьковской конференции (не участвуя в ней) получил «против» 100, а на съезде – 160. Не думаю, чтобы это было подсказано. А если подсказали, то...

разные мысли о допустимости любых методов в борьбе. Приняли в октябре 1964 г. решение пленума ЦК о недопустимости, во избежание «культа личности», соединения партийных и государственных постов (речь шла о посте предсовмина СССР), и вновь соединили (здесь – Президиум Верховного Совета). Производственная ориентация сохраняется. Несмотря на перестановку порядка выступающих, первому слово дали секретарю Донецкого обкома КП Украины. Продолжается и ориентация на выдвижение взамен молодых более старых кадров. Ушел Катушев, которому нет и 50-ти, а на его место избран 67-летний Русаков. Для того, чтобы заменить в гимне фактически только фамилию Сталина понадобилось 15 лет. Только теперь решили, что покончили с наследием и памятью в народе о Сталине. Возможно, что и Тяжельников, давно пластающийся в подхалимстве, получил возможность выдвинуться только теперь. Раньше стояли препоны. Думаю, он плохо будет воспринят идеологами со своими замашками блюдолиза и славослова. [В партии] много самостоятельных людей...

31 мая. […]. На истоки Хопра. Место украсилось. Все цело. Обрыв зарос хорошей травой. Только колесо мельницы не крутится. Строят форелевое хозяйство. Сложно представить его экономичность. Начальство всё сожрет. В совхоз «Пролетарий» на центральную усадьбу. В школе. Нет лагеря труда и отдыха. У АВМ. Изъеденный мышами сарай. Обед в столовой совхоза. Обошлись щами и свежими яйцами. Молоко пить не рискнул – что-то барахлят кишки. Из «Пролетария» (раньше село Поперечное) – на Попереченскую степь. Степь зеленая, но немного скучная. Портят вид остатки прошлогодней буйной травы, лежащей сушняком под корнями свежей травы. Масса цветущей земляники. Урожай будет богатым. Жалко, если не удастся с Егором сюда приехать. Для него бы и радость, и раздолье. Ковыль еще свежий и зеленый. […].

Просто мысли. Хорошо, что наша молодость совпала с эпохой возрождения области. Столько, сколько за эти 15 лет наворочали, в наши нынешние годы могли бы и не свернуть. Просто не хватило бы сил.

Бедой русского народа, естественный прирост которого резко сократился, активно пользуются представители азиатских и кавказских народов. Как грачи, разлетаются они по русским селам, зарабатывая бешеные деньги. Развитой социализм и кричащие противоречия сельского быта, сельской жизни. Всё это как-то спокойно уживается, существует вместе […].

3 июня. […]. В 14.00 – бюро обкома о Сурском водохранилище. Есть все возможности уже в будущем году полностью залить эту тарелку. Но много «мелочей»:

не сведен полностью лес в зоне затопления, не перенесены кладбища, навоз, кое-какие скотные дворы. Есть проблемы строительства жилья под переселение. Нажим шел на то, чтобы к 60-летию Октября в основном всё закончить и постепенно заполнять. Весенний паводок будущего года придется пропускать, чтобы сразу не набрать мусора и ила. Главное – мечта пензяков близка к завершению […].

4 июня. […] Двухчасовая и очень интересная беседа с главным врачом Центральной детской больницы Ремизовой. Женщина она беспокойная, но к жизни относится и деловито, и вдумчиво. Положение с детством улучшилось, но есть большие резервы […]. Поручил ей написать обстоятельную записку с обобщением и предложениями. Моя мысль в идее – взять на ЭВМ ребенка от зачатия и вести его до 15-ти лет. Централизация и специализация. Источник централизации – сам ребенок, основа специализации – его болезни. […].

7 июня. […]. Заехал в обком. Мучают художники. У них стало системой постоянно скандалить. Всё это очень надоедает и озлобляет. Ничего не хочется делать. Руки опускаются […]. В 10.00 – в 9-й микрорайон Арбеково, который назван пензяками «БАМ» (расшифровывают: Большой Арбековский массив). Стройка большая. Показали секретарям партийных организаций бытовки ДСК, здравпункт, столовую, красный уголок, политцентр. Потом большой и откровенный разговор о политической и воспитательной работе среди строителей, создании необходимых бытовых условий. […]. В 17.00 – в школу №55 на встречу с избирателями. Округ благоустроенный (Западная Поляна), но народ – обыватель и мещанин. Много просят и такого, что звучит фантазией. Давят всякие пенсионеры. Осадок нехороший: дай и дай. Кое-что отбил в выступлении. Нельзя потакать заевшимся нахалам. […].

10 июня. Долго засыпал, да и с трудом утром поднялся. Опять яркий, но спокойный, без палящего солнца и суховея, летний день. Пока всё складывается хорошо. В 9.00 принял Кожевникову, спецкора «Литературной газеты». Интересуют изменения в культуре Пензы и села. Объяснил ей исходное, чтобы поняла, что «Петушок», «Тамбовская застава» и т.п. – не баловство, а проблема рабочей силы, патриотизм, создание романтики и величия родных мест. Общая культура города решительным образом влияет на культуру людей, их отношения к процессам производства. Едет в Тарханы, а потом в совхоз «Россия» Земетчинского района. […].

11 июня. […]. Был зав. облздравотделом А.П. Самохвалов. Рассматривали вопросы, связанные с открытием Института усовершенствования врачей. Он не должен разорить нашу медицину. Ставка на обогащение. Кадры тащить. Докторов и кандидатов, но с осторожностью и проверкой тщательной. Поправить материаль-

ную базу здравоохранения, решить вопросы приобретения нового оборудования, закончить – подготовкой проекта постановления бюро обкома, облисполкома и коллегии Министерства здравоохранения СССР на 1978–1985 гг. Звал Льва в роддом на обряд. Не хочет. Заехал к театру. Площадь вырисовалась, но надо отрабатывать детали и у фасада, и по бокам. […].

23 июля. Первый день на работе Кажется, совсем недавно уехал в Москву, потом в Югославию, а после – отдыхать на Балтику, а уже пролетело полтора месяца. Лев еще не пришел в обком, хотя, как говорит милиционер, находится в пути. У меня в кабинете новости: постелили ковровые дорожки, обтянули мебель бардовым материалом. Кабинет получил теперь какой-то бордовый подсвет. Немного беспокойно. Зашла Е.Б. Кулькова. Доложила о некоторых делах в лагерях, здравоохранении, культуре. Вернулась к идее начальника управления культуры, может, она и права, – В.М. Трушина. Потом Д.А. Антипкин. Особых вопросов нет. Кое-что о наборах в институты, СПТУ. Майорова со своими делами. […].

24 июля. […]. [В Белинском районе]. После обеда – в музей Белинского. Революция состоялась и победила. Вход со стороны школьного сада оформился павильоном, организовавшим его, и начал жить. Правда, есть мелкие вопросы и замечания, как сделать этот вход уютнее. Уездное училище тоже получилось, хотя кое-что оформлено грубовато. Клеится пол. Дом Антюшина в работе, но нет материалов. Когда сделаем переход в дом Белинских, всё вообще преобразится и приобретет иной характер. Сразу в Апалиху с Арзамасцевым. Камень на месте дома Шан-Гиреев не получился. Когда Алексюк берется за дело, жди халтуры и беды. Вместо памятного обелиска сделал... надгробие? Хороший парк. Растут лилии. «Земля все помнит». Это остатки барских цветников. В Тарханах на могиле кормилицы. Каменное надгробье ушло в землю. Надо могилу молочной матери Лермонтова привести в порядок. Сами Тарханы хороши. Дорога получилась. По стенам земляного театра из берез Арзамасцев сопротивляется. Может, он и прав? Надо думать. Договорились уже сейчас разрабатывать по музеям перспективу на 1978 г., а может, дальше. Надо идти вперед, каждый год обогащая каждый музей. Шашлык за Круглым лесом с Евсеевым. В Пензе – после 8-ми вечера.

1 августа. […]. Поехали с Швечковым в совхоз «Бекетовский». Комбайны работают в поле у села Широкоис. Невольно вспомнились записи И.М. Долгорукого о помещичьем быте этого села в начале прошлого века: прекрасный рожковый оркестр, одержимый музыкой владелец поместья и руководитель оркестра, ставящий ему рога. В поле по дороге к Уварово беседовали с девчатами-работницами ВЭМа.

Тошно, конечно, вдали от города, но настроение бодрое. После Уварова побывали у Матюневича. Дело вроде идет, но раскачка. Помогать нечем, если за него не работать. Давнишний директор, но с каким-то внутренним холодком. А может, все ему надоело, тянет лямку, обеспечивает семью и этим доволен. Рвался, рвался, а реальных результатов нет. Вот и похолодел внутри. […].

3 августа. Последние дни был на уборке хлеба в Иссинском районе. Духота и жарища страшенные. Какая-то жгучая Сахара с беспощадно палящим солнцем. Вчера вечером вернулся, а сегодня день отдыха от жары и духоты. […]. Кое-что за день, правда, успел сделать. Интересная встреча с новым директором кукольного театра Якобсоном. Сказал, что верю в его добросовестность, продиктовал замечания, договорились, что он не только уберет грязь, но и кое-что улучшит (музей и живой уголок). Главное же – родилась новая мысль создать первое в России объединение юношеского театра «Орленок», работающего и с куклами, и для юношества. Идея новая и заманчивая! Созвонился с зам. министра культуры Е. Зайцевым. Он одобрительно относится. Будем пробовать, искать. […]. Были у меня Миша Трунков и Р. Попрядухин по фасаду драмтеатра. Затянули с каменными картинами на торце, не завершают балконы, нет рекламы. Возникает вопрос о торшерах и фонарях на фасаде. Просил все проработать. Попрядухин – с идей освоения садов от сносимых домов за памятником Победы. Предлагают разместить пушки, минометы, танк. Я отверг. Подумать о закреплении имен Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы. В 17.00 удрал к Михаилу домой. Он разжирел в Белинске, посвежел, хотя быть с Егором хлопотно. Обедали с ним, а потом смотрели вторую серию детективного фильма.

П. Максяшев подарил книгу «Наш Белинский» Сделана хорошо.

4 августа. […]. Занимался опять кинотеатром «Современник». Кажется, решили о светильниках, улучшилось с вентиляцией, надо пустить кондиционер и доделать кое-что по содержанию. Показывали проект пристроя здания на углу Куйбышева и Лермонтова к дому НТО. Бред какой-то […]. Одобрил проект партийного архива за зданием Дома политического просвещения. В 12.00 – совещание бюро и уполномоченных. Некоторые не решили задачи перевода на круглосуточную работу. Не хватило решимости. Но главное – беда с хлебом. Большого хлеба опять не будет, вопреки оптимистическим прогнозам. Ждали 20, сейчас думаем, что будет 15–16 центнеров с гектара. А это – крах! План не выполним. Надо искать варианты, как обеспечить скот кормами. В стране тоже чрезвычайно тяжело. Могут и выгребать. Едем завтра в районы подталкивать уборку и... ориентировать по хлебу. […].

8 августа. […]. Беседа с группой саратовского телевидения, приехавшей снимать фильм о никольском хрустале. Посмотрел бегло сценарий: завод – Бахметьевых, а Оболенский – случайно, Вершинин – высокообразованный мастер, возивший хрусталь Александру I. Нельзя ради «классовости» делать из него забитого крепостного. Он – наш Аргунов. Главная задача фильма – открыть для страны чудеса никольского хрусталя. Позвонил Э.С. Вольному и попросил оказать помощь. […].

9 августа. Что ни день, то жара хлеще. Такое впечатление, что солнце залило своей магмой тарелку земли. Особенно тяжко после обеда. Жара добивает хлеб, которого и без того мало. Урожай испаряется на глазах, а мы беспомощны перед стихией. Лев утром появился, а потом пропал до вечера. Вечером уехал в Москву на разведку по хлебу. Понимаю его состояние, но что делать? Занимался всякими текущими делами. Смотрели возможность реконструкции филармонии на Московской улице. Устарело здание, да еще дом по улице Кураева от нее отвалили. Обнажилось безобразие. Задача – поискать вход в подвал с ул. Кураева, а внутренний дворик накрыть крышей. Поручил архитектору сделать прикидку и дать предложения через месяц.

Звонил зам. пред. Совмина РСФСР В. Кочемасов. Академик живописи Щербаков давно занимается литературными местами. Хочет заполнить пробел – Тарханы. Просит принять. Я – «за». Главное, чем больше рисуют, тем больше славы [Пензенскому краю]. Вызвал В.М. Трушина, позвонил Арзамасцеву, дал задание делать творческую гостиницу, чтобы постоянно принимать и даже звать интересных гостей. […].

10 августа. […]. Уехал в Лунино. Едешь по городу и сердце радуется: хорошеет Пенза, не зря затрачены силы и нервы. Посмотрели «Золотой петушок». Ремонт. Переуплотнение медведей (их теперь 6). Жалуются на отсутствие мяса для кухни: были дни, когда кормили посетителей только хеком. Это безобразие! Позвонил Попылькову и поручил разобраться.

На границе встретил Майорова. Попросил его просто показать хорошее хозяйство. Хочу понять, что случилось с хлебом. Встреча и беседа на поле с Н.К. Юрловым. Его колхоз получает 20–22 ц. На вопрос мой отвечает своеобразно: все погубил овсюг! Думаю, что есть истина и в овсюге, но главное – почему появился овсюг? Вот где проблема. Заехали в Михайловку. Центральное отделение Опытной станции получило по 32 ц с га! Беседую с Нижегородцевым. Всякие причины. Говорю: «А что же наука молчит?» Он: «А кто ее слушает?» И в этом есть резон! Расстались с Майоровым за Степановкой. Со Швечковым – к Гущину в «Советскую

Россию». Комплекс действует. Вроде благо, прогрессивно, а подумаешь – есть и теневые стороны, главная из которых – обезличка. […].

13 августа. […]. Все эти дни думаю о хлебе. Лев повез в Москву расчеты исходя из 12 ц с га. Это означает, что мы упадем по урожайности на отметку самого засушливого в этом десятилетии 72-го года. Но если говорить всерьез, лето этого года никак не похоже на лето 72-го. Была хорошая весна, после майской засухи постоянно перепадали дожди. Да и хлеба, если судить по соломе, смотрелись богато. Месяц назад назывался рубеж 18–20 ц. Теперь же опять обрыв. Значит, дело не в «неблагоприятных погодных условиях». Вспоминаю старого управляющего из Баранчеевки, который мне лет 15 назад говорил: «Что руководители молодые – хорошо, что горячитесь, стараетесь – тоже, но не шутите с парами: без хлеба останетесь». Конечно, дело не в одних парах. Действует комплекс причин, но отсутствие паров, пренебрежение к севооборотам, залихватская попытка сорвать урожай сегодня, не задумываясь о завтрашнем дне, – главная причина провала в урожае. Не надо быть пророком, чтобы сказать, что и в будущем году урожай будет неважным. После таких площадей ячменя и овса, что мы можем получить путного? Узел завязан на ряд лет, и неясно, когда и как он развяжется и кто его развяжет. Беда состоит и в том, что линия получения хлеба сегодня в ущерб завтрашнему дню диктуется сверху постоянным требованием расширения посева зерновых. При 1580 тыс. га Лоскутов [ЦК КПСС] боролся за 1.600. «Зачем?» – спрашиваю его. – «Так будет ровнее». […].

16 августа. […]. С Буяновым – по хозяйствам. Остановились на току в с. Кисловке (совхоз «Маяк»). Девчата жалуются, что директор сухарь. Не умеет здороваться. В колхоз им. Калинина. Комбайны у с. Владыкино. Раньше – село на 300 дворов, с церковью. Остатки поместья Жуковой. Теперь 40 дворов, одни старики. Зашли в домик под соломой. Ветхий-ветхий. На кровати старуха 78 лет. Есть дочь в селе. У нее – зимой, а летом здесь с котенком и яловой козой (нет козла!), которая охраняет дом, как собака. Всё обвалилось, смотришь и не понимаешь, как все это вписывается в понятие «развитого социализма». Скорее, это понятие относится к уровню производительных сил и производственных отношений, но мало затрагивает и не учитывает конкретный быт людей. Чем дальше, тем больше возникает проблема России, русского народа. Первыми открыли путь, а заканчиваем последними преобразование жизни людей. В чем тут дело?

Обед в Иссе, и я уехал через Мокшан на Рамзай. Беседа у О. Желиховского. Они получили по 28 ц с гектара. Говорят, погода благоприятная. Но у них же не

особая крыша! Мало получаем хлеба не из-за погоды, а из-за целого комплекса причин: 1) интенсификация, 2) уровень агротехники, 3) весновспашка, 4) зяби не было, один бурьян, 5) удобрения (учхоз на 3.000 зерновых внес 3.000 тонн!), 6) система внесения удобрений. […].

19 августа. […]. Утром уехал на Сердобск. Вчера был дождь. Сегодня прохладно, но день солнечный. Женщины валят валом из Митрофаньевской церкви. Вспомнил, что сегодня светлый для русского народа праздник – яблочный Спас. Праздник урожая в садах. Перед с. Березовкой молоденькая куница перескочила горбато дорогу. Второй раз вижу этого зверька. Пивоваров и Варламова встретили на границе. Табор цыган, как стоянка Батыя. Гуляют свадьбу и никакой силой прогнать невозможно. Настырное племя. Сразу на строительство Дома ветеранов труда. Строительная готовность большая. Выписывается дом солидно. Провели планерку. Больших вопросов для пуска нет. Самое сложное – это 850 м дороги, но можно и без нее пустить. Остальное в пределах возможного. Выступил перед строителями. Откровенно рассказал об обстановке в области […].

27 августа. […]. Дома всё в движении, Миша укладывается [едет надолго в Англию].. Решили взвесить его вещи, заодно взвесили и Егора. В нем 16 кг. 800 гр. в одежде. Вспомнил свое детство. Научил его на вопрос: какой у тебя вес? Отвечать: «Пуд и фунит». Вечером проводили Мишу на «Суре» в Москву. Вера наглоталась всяких таблеток, держится хорошо, без истерики. Говорил с Мишей на перроне. [Советовал] помнить, что он гражданин великого государства, в любом случае твой родной дом – посольство. За водку я не боюсь, [но] надо бояться женщин, не откровенничать. В сложных ситуациях лучше выглядеть дураком, чем поддаваться на «умные» штуки.

6 сентября. Утро началось планеркой на сквере. Рассмотрели главнейшие вопросы. Городские ребята (Грудзенко, Черушов) всё тянут в музыкальный фонтан. Я в него не верю в этом году. Может, и в будущем не сумеем сделать. А глухой забор, что стоит в центре города и отнимает у людей огромную площадь, – чистое безобразие. Важно сейчас найти такие решения, которые позволили бы снять забор и открыть пространство. Договариваемся о простых вещах: скорее вывезти лишний грунт (дал машины), к следующей неделе начать подготовку под асфальтирование, отказаться от бетонных плиток, срочно вести озеленительные работы, отработать стенд героев революции, привести в порядок все углы сквера, найти стыки со сквером, где «Кукушка». […].

7 сентября. […]. Только в 12.10 уехали в сторону Махалино. Жарко, душно. За Городищами остановились в лесу, где всегда есть грибы, но порыв шквального ветра заставил быстро собраться и залезть в машину. Есть тяжкий опыт поездки в Беково с Егором. Конкин и Забиров встретили в Махалино. Заехали на индерскую пасеку. Приятный народ татары. Солидный, чистый, услужливый. Традиционный «татарган тавык». Мед и чай. Через Индерку – на Нижнюю Липовку. Домик за домом отдыха, запах сосны. Подготовка обеда. Прогулка по чудесной лесной дорожке с Верой и Егором. Ужин. Упрямый и не очень воспитанный Конкин, хотя в душе отличнейший человек. Возвращение в Пензу. Получил книгу «Город на Клязьме». Удивительно, но факт: когда автор повел речь о работе торфопредприятия в годы войны, вспомнил и меня. Не ожидал. Листал документы тех лет. Надо что-либо послать в Орехово-Зуевский музей. Может, им пригодится, если помнят...

8 сентября. […]. О реабилитации М. Тухачевского. Я долго сдерживал этот процесс. Внутренне не верю в эту личность, думаю, что его дворянское прошлое и удачное течение жизни могло породить банапартистские замашки. Есть серьезные претензии по результатам финской войны. Но, с другой, все и повсюду реабилитированы. Мы не теряем «полководца, героя гражданской войны». Вчера смотрел литературу, беседовал с чекистами и решился сменить позицию. Попробуем ввести его в круг Пензы.

В 11.00 собрал по театру. Многое делается, но есть вопросы, которые пришлось решать: белила, студенты, машина бортовая и т.п. С Майоровой – на памятник селиксенским лагерям. Зареченцы ничего не делают. Хамы. Продиктовал, подключил лесное хозяйство (Березина). В Кижеватово – у памятника А. Кижеватову. Решили вывести его на трассу, чтобы виден был (заменить изгородь, срубить деревья). Обед у Эйдлина на птицефабрике. Прием малого зала в кинотеатре «Современник». Ошибка с полом. Достал крахмал, уксус. В 17.00 опять [совещание] по часам-сувениру. В 18.00 со Львом в клуб Дзержинского на 100-летие. Потом хор Гришина в облсовпрофе. Хорошая сюита. Откровенный разговор о его [Октября Гришина] поездке в Москву и песне о Конституции. Надо делать! […].

13 сентября. […]. Проект стенда Борцам революции. Кое-что уже вырисовалось, но не до конца. Понравилось, что найдено содержание, а под формой еще придется поработать. Реабилитировал для Пензы М.Н. Тухачевского. Посмотрел «Историю КПСС». Всюду проходит как «полководец, герой гражданской войны». Может, мы теряем, что сдерживаем. Сказал в пятницу Льву, послал ему книжки. Решили – восстанавливать. Ездил в Музей народного творчества. Готова мемори-

альная доска [на дом, где жил Тухачевский]. Смутил текст – «выдающийся полководец». Надо проверить по Москве. Были у дома 22 на Московской. Дом старинный, кажется, купца Карпова. Здесь в 1904–1909 гг. жил Тухачевский, когда учился в 1-й гимназии. Доверили военкомату и Ленинскому РК КПСС.

Сегодня 50 лет со дня смерти отца. Как быстро несется время. Пятьдесят лет тому назад он в последний раз посмотрел на полуторагодовалого мальчишку, желая ему в душе большого и светлого пути. Мама говорила, что умирал в полном сознании, считая по ногтям сколько осталось жить. И всё время думал обо мне, единственном наследнике духа и крови. Дал мне жизнь и оставил только подпись. Больше ничего. Светлая память ему! […].

15 сентября. Сегодня дождь. Опоздал к примете на один день. А все-таки не врут приметы. Из дома уехал на Сердобск. Березовая роща напоминает о Бекетовых и Блоке. Надо что-то делать. Проехал комплекс в колхозе Свердлова по выращиванию телок. Деньги забуханы в эти комплексы, а продукции они не дают и еще десяток лет не дадут. Гонимся за идеей, а если бы вложить в обычные хозяйства, давно бы получили реальное мясо и молоко. Как все-таки много в нашей жизни волевого, субъективного! При ином строе человек, загнавший эти деньги, разорился бы и пошел по ветру. При социализме всё возможно, всё проходит, всё окупается трудом и терпением народа. Никто не разоряется, только народ ощущает недостатки.

От границы с Пивоваровым – на дом ветеранов труда. […]. Пришлось стукнуть кулаком. Демократия – вещь хорошая, но многие у нас пользуются ею не умеют, начинают злоупотреблять в ущерб интересам дела. Сказал им главное: дом ветеранов к юбилею Октября пускать будем! Родилась хорошая идея поручить районам отобрать заслуженных стариков для помещения в этот дом. […]. Побывал на месте строительства Колышлейского СПТУ. Фундамент общежития начали закладывать, но впереди освоение 3 млн. рублей. «Дистанция огромного размера». Заехал в обком. Тишина и покой. Лев где-то мотается по Кузнецкому, Неверкинскому и Лопатинскому районам сразу. Страшно активен и подвижен.

20 сентября. […]. Небо хмурое, сыро, ночью капал дождик. Уехал на Башмаково через Белинск. Вспомнил, что в этот час 16 лет назад был у Г.И. Воронова, где решилась моя судьба – ехать в Пензу вторым секретарем обкома КПСС. Как много времени прошло, сколько воды утекло! […].

21 сентября. […]. Бюро обкома КПСС. «Наш» вопрос – об охране здоровья детей. Хороший доклад А. Самохвалова. Выступление Е.Б. Кульковой […]. Я заклю-

чал. Перевел с детских садов на дела самого здравоохранения. Меня тревожит жуткий факт соотношения рождения и смертности. Естественный прирост с +15 в 1960 г. упал до +4 в 1976 г. Почти в 4 раза уменьшился за 15 лет. И плюс к этому в 1976 г. родилось 21.000 детей, а абортами «убито» в утробе матерей около 50.000. Никто не изучает причины упадка рождаемости, нет у нас активной позиции. […].

6 октября. […]. Беседовал с художниками Кошелевым и Косаревым. Подготовили проект памятника в березовой роще на колышлейской дороге. Жалко, что пошли от Блока, а не Бекетовых. Смещение истории. Сказал, чтобы еще раз конкретно посмотрели место и искали вариант от Бекетовых к Блоку как продолжение. После обеда конспектировал информацию о результатах крымских бесед […].

Смотрел материалы сессии. Сохранили традицию, начав с Украины (Щербицкого [поставили первым выступающим]), Москва – вторая, а РСФСР – только седьмое выступление. Пошли дальше по пути, намеченному А.П. Кириленко [восхваление Брежнева]: «неутомимый продолжатель ленинского дела» (В. Щербицкий), «выдающийся партийный и государственный деятель, несгибаемый борец за мир и коммунизм» (В. Гришин), «выдающийся политический и государственный деятель современности» (Д. Кунаев), «верный продолжатель дела Ленина» (М. Соломенцев), «мудрость и глубокая человечность, личная самоотверженность и неисчерпаемая творческая энергия» (Ш. Рашидов). Другие обходятся словами благодарности, а окружение ищет формулировки. Но мой прогноз пока не оправдался: никто не решается вслед за А.П. Кириленко громко сказать «вождь» и «великий вождь», «вождь народа и партии». Что-то не получается, не осмеливаются...

11 октября. […]. Принял Хоменко, ректора Института усовершенствования врачей. Помог ему протолкнуть справку, что они берутся делать общежитие в 1979 г. Еще раз просил его не торопиться с кадрами, проявить требовательность, не брать пензенских врачей. Надо обогащать, а не разорять медицину Пензы. Профессор Эткин. Проблемы наркологии. Пустой разговор. Ничего серьезного, хотя Институт психиатрии. Источники алкоголизма [по его мнению] только социальные, вылечивания почти не бывает. Вся беда, что приняли эту проблему как новую. Она существует давно, но мы ей не занимались. Действовала формула: алкоголизм – пережиток прошлого, в нашем обществе нет социальных причин для пьянства. […].

12 октября. […]. Заехал на сквер. Дело движется. Простор открывается. Хорошая зеленая площадь образуется в центре города. Сколько воздуха, простора и свежести! Обещали до 22-го всё заасфальтировать. За обедом – разговор о наглядной агитации: залепили весь город. Я против. Город в будничные дни не от-

личается от праздничных. Да и вообще порой кажется, что вместо серьезной воспитательной работы с людьми мы почти всё время тратим на организацию политической шумихи и внешнего оформления. Вроде бы вместо того, чтобы заниматься качеством конфет, мы взялись за раскрашивание обертки. Вечером со Львом смотрели проект решения актива Основа есть, но кое-что надо доделывать. Отредактировал и отдал Б. Чернову на доводку.

Затратил время на подсчет возрастного состава нашего партийного штаба. Счет интересный. Члены ПБ – 931 : 14 = 66,5 лет, кандидаты в члены ПБ – 510 : 8 = 63,7 лет. Итого – 1441 : 22 = 65,5. Из 22-х только 6 не пенсионеры. Два вновь введенных 76 + 66 = 142 : 2 = 71 год. Все это довольно своеобразно. Сложно увидеть заботу о будущем, выращивании кадров, подготовке смены. […].

13 октября. […]. Продолжил счет по секретариату: секретари-члены ПБ – 276 : 4 = 69, секретари-кандидаты в члены ПБ – 138 : 2 = 69, секретари, не входящие в состав ПБ – 295 : 5 = 59, секретариат в целом – 709 : 11 = 64,4. Теперь можно вести окончательный итог «штаба»: 1736 : 27 = 64 г. […].

15 октября. […]. В 19.00 – в театр. Открытие 185-го сезона. Спектакль В. Налобина «Лермонтов». Моя мечта сбылась, хотя и не в таком ярком обличье, как хотелось бы. Интересные приветствия театру. Беседа с труппой. Поздравил с началом сезона и появлением своей пьесы о земляке, похвалил ее, поддержал Нехороших в роли Лермонтова, сказал, что радует ансамбль, единство. […].

17 октября. [...]. Беседа с Поповым, председателем комитета по религии. Москва жмет регистрировать общины и открывать молельные дома (особенно баптистов). Думаю, что поощрять этих поклонников Запада в христианстве не стоит. Православие многое дало России. Попы с крестом и мечом боролись за Родину, эти же делали и делают всё, чтобы не знать Родины, не помогать ей. Сказал, чтобы он вместе с Сазоновым из Картинной галереи зарегистрировал все древние иконы в сельских церквах и заставил архиерея Мелхиседека собрать их в Пензу, чтобы не разворовали. Потом сделаем из них отдел древней живописи в новой Картинной галерее. […].

22 октября. […]. Гулял с Егором по Советской, Московской, смотрели «Кукушку». Ударяется в философию. Его вопрос у памятника революции: «Когда наши погибли?» – «Давно, Егорушка, тебя еще не было». – «А когда меня не было, где я был?» Сложно объяснить. Есть трагедия времени. Ребятам страшно отвечать на вопросы о родителях. Спросил в новом сквере у первоклассника: «Где работает

папа?» Он ответил невнятно и зло: «У меня нет папы». А его сверстник добавил: «У него отец пьяный ходил. Они его прогнали!»

24 октября. […]. Вчера умер Залетов, кавалер орденов Славы №1. Погубил цирроз печени. Просмотрел некролог. Сказал, чтобы хоронили с воинскими почестями, выбрали могилу, переименовали улицу в г. Сердобске. Это легендарный человек, живая история войны, ушедшая вчера в небытие.

Вечером на хоккее, но испортили настроение очень ленивой игрой. Не дождавшись конца, уехал. Продули 3:5. Всё выиграть нельзя. Жалко...

27 октября. […]. Были Рощупкин и Зубков. Рассмотрели детали пребывания венгерской делегации на «Пензмаше». Внесли поправки в программу. Кое-что опять не вяжется. После обеда продолжал работать с аппаратом по подготовке к праздникам. Звонил из ЦК КПСС Н. Черных. На российской декаде в Москве он встретился с нашей Власовой. Спросил ее, знает ли она меня. Она ему ответила: «А кто же в области его не знает? Это народный секретарь». Черных в восторге, хотя мне такие отрывы, если они дойдут до ушей Льва, едва ли принесут практическую пользу. […].

29 октября. […]. Интересная прогулка по старой, ветхой, ушедшей Пензе. И только минуешь перекресток Красной и Карла Маркса, начинается захватывающий дух той Пензы, которая знала Огарева и Сперанского, Лермонтова и Белинского, Загоскина и Вигеля. Слева дом Панчулидзева. Ходят легенды, что в его стенах замурована жена. Ниже – все дворянские дома в 7 и 9 окон, как описывал их Вигель, с богатыми резными наличниками, всевозможными флигелечками во дворах. Старые деревья – остатки былых приусадебных парков. […].

30 октября. Дождь, начавшийся вчера вечером, к утру разошелся как на грех. В 7 открылась ярмарка «Золотая Сурская осень». Народ празднует под дождем. […]. Поехали с Куликовым, Огаревым, Власовым по местам ярмарок. В Арбеково. Народу масса. Пьяных нет. За коньяком стоят, но мало. Говорят, «кусается»! Но народ доволен. Зудила только одна дамочка в каракулевой шубе по поводу цен мяса. Ей «сложно» понять, почему его не хватает. Около крытого рынка на ул. Суворовой. Тащат всё. Особой популярностью пользуются народные игры. Это от старого русского обычая, который забывается. А зря. В краеведческом музее. Открывали новый зал, посвященный 60-летию Октября. Музей начинает вырисовываться. Обедали в ресторане «Пенза». Поблагодарил Власова за огромную организаторскую работу. Переделал щербаковскую «Кукушку» на «Засеку». Живу

мыслью подчинить, приспособить севооборот сельхозтехникума интересам приготовления особых блюд в этом ресторане. […].

11 ноября. Не спал до 3-х утра. Готовился к докладу на сегодняшнем областном семинаре пропагандистов. Копался в статистических данных за всё 60-летие. Что бросается в глаза по области? Безусловно, бурное, потрясающее развитие промышленности, постоянное наращивание жилищного строительства, культурно-бытового и иного строительства. Огромный скачок денежных доходов населения. Что же касается сельского хозяйства, то здесь вся загвоздка. Кричит противоречие: невиданные масштабы вложений, пятикратное увеличение энергетических и электрических мощностей, рост внесения удобрений и... почти никакого отклика, особенно в полеводстве. Обозначился за последние 10 лет явный застой, топтание на месте. Сорим деньгами и техникой. По хлебу временами падаем до довоенного уровня, по овощам (хоть и специализация) не перешагнули 1940 год, стоим по картофелю и свекле. Мясо, молоко при выполнении твердых планов дают мизерные прибавки, не идущие ни в какое сравнение с ростом доходов. Все хозяйства закредитованы настолько, что продай их с потрохами, расплатиться с кредитами не хватит. Ежегодно выплачиваем ссуды на уровне, близком к валовым. Отсюда многие сложности снабжения населения, прежде всего, мясом. Может, пленум ЦК и состоится, но думаю, что на таком фоне проводить его сложно. Лучше бы сначала разобраться по-деловому, а потом заседать. […].

14 ноября. […]. Занимался реализацией вопросов, назревших по Шемышейке: Хлевного и Исаева – по положению с зоотехникой (условились, что пошлют группу специалистов), Трушина, Садчикова – по идее создания образцовой библиотеки. […]. В 14.00 рассматривали проблемы, связанные с заболеванием 75 школьников и смертью двух из них в с. Вичкилей Никольского района. Думали, инфекция, однако все теперь сошлись на том, что отравление. Скорее всего, из бачка с питьевой водой. Но как попал яд? Вот вопрос. Поручил прокурору начать официальное расследование.

Ездил в детскую художественную школу в бывшем доме архиерея. Ремонт закончили. Стало лучше, но качество отвратительное. Условились довести школу до образцового порядка, расширить сферу влияния на даровитых ребят, сделать центром детского художественного творчества, попробовать вырваться на «мировую» сцену. Дал две недели на раздумья. […].

15 ноября. […]. Встреча с руководством клуба любителей театра «Орленок» (Лозицкая, Рейнгольд, обком ВЛКСМ). Договорились создать перспективный план

работы клуба, сделав акцент на «бенефисы» молодых актеров. Нет меценатов, но кое-что мы хотим сделать. Может, прежние бенефисы были разумной моральной, а не только материальной мерой. Говорили о нашем театре и зрителе. Поход массового зрителя на «Тихий Дон» о многом заставляет задуматься. Сказываются хорошие вкусы нашего любителя театра. Предложил смелее идти на классику, глубокие спектакли, подумать о Шекспире, «Отелло»... У нас театр характеров, а не ситуаций. […].

22 ноября. […]. Проехал Березовую рощу. Опять мысли о Бекетовых и Блоке. Не умеем ценить прошлое. А надо, очень надо оставить потомкам память о месте, откуда пошли великие люди России. Если мне хватит сил и времени, сделаю! Встретили на границе Сердобского района Пивоваров, Малькова, Слепцова. Сразу на дом ветеранов. Огромная армия (что-то около 40 человек) подрядчиков и субподрядчиков. Вместе со всеми обошли жилую часть дома. Впечатление просто хорошее. Дом получается, и есть реальная надежда сдать его в этом году. Совещание в зале заседания Сердобского горкома. […].

После обеда – на Пензу. Что-то знобит и не очень хочется работать. Поехал домой и завалился спать. Правда, больше часа не удалось. Поднялся Егор, и надо «играть в домик». Сегодня [у его игр] – военное направление, с воздушной тревогой, полетами немецкого самолета. Егор за ужином здорово выдал бабке, оборотясь к ней: «Нам ваши разговоры не нужны, мы сами соображаем. Неинтересно слушать ваш голос».

23 ноября. […]. Принял архитектора из Ленинграда. Привез фото с эскиза Козенюка скульптурной группы «Вольга и Микула». […]. Родилась после рассмотрения интересная идея: выкинуть сказочного «Льва-Вольгу», а оставшееся – крестьянин с копьем в правой руке и сохой в левой и конем – превратить в памятник первопоселенцам Пензы, бывшими и воинами, и пахарями, и поставить его на горе у кафе «Засека». Срочно вызвал Азария Маматкадзе, передал идею, он согласен. Пожалуй, это находка! Завтра поедут на место, будут искать архитектурное решение, а Козенюку передадут, чтобы перевел в пластический материал.

24 ноября. Погода никак не перестроится на зиму. Утром +3, к вечеру +1. Резкий холодный восточный ветер. Правда, сегодня обошлось без дождя. В обкоме. Явился Р.Н. Попрядухин. Успел узнать, что в Министерстве культуры РСФСР маловский проект памятника Лермонтову в Пензе завалили как непрофессионально сделанный. […]. Придется отдавать заказ О. Комову. Это реальнее и надежнее, хотя за качество трудно ручаться. Будет торопиться.

[…]. Звонил скульптор Козенюк. Рассказал ему идею памятника Первопоселенцу Пензы. Может быть интересным. Правда, он «поддавши», но что-то понимает и обещает. В. Пензин – по ДПП. Одобрил его разработку. Договорились летом вернуться к турбазе «Чембар» и «Орленку». Кое-что надо бы дотянуть […].

29 ноября. […]. После бюро – в ДПП на редакционный совет Приволжского издательства по планам на 1979 год. Приветствовал, а потом определяли книги. Я протянул [свое предложение] о народниках (Дергачева), о Мейерхольде, о Залетове (поручение написать), стихи Дружинина (сост. Катков), стихи Агапова. […].

2 декабря. […]. В обкоме. Полистал газеты и засел доделывать записку по сельскому хозяйству. Замах был мысленно большой, но решил не мелочиться. Дал крупные вещи. Внешне они трактуют вопросы соревнования, а внутренне – жесткая критика состояния сельской экономики. Лев, конечно, покоробится, но что делать? Правда дороже.

[…]. Социализм делает поразительные вещи ради сохранения себя. Э. Герек вчера в Риме встретился с папой Павлом VI. Величал его «Святейшеством», тот обещал поддержку католиков Польши своему социалистическому правительству. Поразительно!

5 декабря. […]. В 9.30 –совещание аппарата в Большом зале. [Ермин] ведет от имени секретариата, который и духом не ведает, о чем пойдет речь. Первое заявление довольно странно звучит: «Дела в области идут вполне удовлетворительно». Это при провале в сельском хозяйстве, срыве строительства и невыполнении плана промышленности за ноябрь! […]. После обеда Якобсон по кукольному театру. Потом Мельников и Березин по благоустройству горы у сельхозтехникума. Дал идею «оленьего загона». […].

6 декабря. […]. Уехал на гору к сельхозтехникуму. «Засека» растет. Ходили по расчищенной площадке, высматривали место для загона оленей. В лес войти невозможно – глубокий снег. Наметили ориентиры по деревьям и просеке. Совещание в подполье «Засеки». Набросали схематичную карту загона, распределили обязанности, расставили силы. Дело идет, но медленно. Ставят светильники, а водонапорная башня еще лежит на боку. Не приступали толком к внутренней отделке. Это займет много времени. Мучаюсь над поиском определения типа заведения: корчма, кабачок, что еще? Не хочется называть кафе. […].

9 декабря. […]. Были А. Самохвалов и Троицкий с облСЭС. Появилась новая версия заболевания детей в Вичкилее – инфекционный лептоспероз. Попросил

министра здравоохранения РСФСР Трофимова срочно прислать специалистов. Может оказаться, что дальновиднее всех оказалась врач райбольницы Горбунова. […]. Планерка на «Засеке». Немного опоздал. Дело идет, чувствуется напряжение. Плотники говорят, что работают до 11-ти вечера. «Если бы так летом», – справедливо вздыхают они. Решили вновь возникшие вопросы. Проверили выполнение прошлой договоренности. Всё в пределах нормы. Хорошо, что присутствую сам. Рассмотрел эскизы картин Кокшарова. Две приняли, одну отвергли. Дали две новые темы – гусляр и охота на оленей. Принял участие в разбивке оленьего загона. Проложили бульдозером место установки забора. Нашли решение по передней решетке. Участвует архитектор Жижица. Ему реплика: «Архитектор Жижица не стоит, не движется». Было принял решение назвать «Хуторок «Засека», но вечером завернул. Не получается. Придется оставить кафе. […].

12 декабря. […]. После обеда не выдержал – опять на строительство и отделку «Засеки» (посмотрел в словаре: точно не «за́сека», а «засе́ка», но, думаю, что в народе такое ударение не приживется. Ср. «про́сека» и «просе̇ка»). Вызвал В. Семушкина. Есть вопросы. Халтура с оленьим загоном. Надо звать Балашова. Не отработаны детали: посуда, одежда, меню, хрусталь. Надо искать. Успех дела решают не общие замыслы, а детали. Вернулся в обком. Позвонил Б. Зубкову, который только что вернулся из отпуска, чтобы он скорее втягивался. В Воронеж – Юшину: поторопить заповедник с отловом оленей для загона. Хотя бы трех. В 17.00 – партсобрание аппарата. […].

13 декабря. […]. В 11.00 – большой разговор о перспективах развития объединения литературных музеев на 1978 г. Часто нас события захватывают врасплох. В. Арзамасцев доложил о главных объектах и планах: людскую достроить в Тарханах, закончить дом Антюшина в Белинске, начать строительство дома в с. Радищево, [произвести] дренаж у склепа в Тарханах; пристрой административного здания. Согласовали и план работы реставрационного участка. Кроме этих объектов, еще берем ремонт дома Мейерхольда в Пензе. […].

15 декабря. […]. По дороге в обком прочитал «Засеку» Олега Савина. Получилось хорошо. Важно, что пензякам объяснили замысел, подкрепили идеологически. […]. Злой разговор с большой группой работников комсомола и культуры о их неспособности организовать работу клуба любителей театра на базе «Орленка». Деньги забухали, а вечером помещение пустует. […]. Утром смотрели и одобрили московский проект перекрытия стадиона «Темп». Понравилось, что он позволяет вести работы по этапам, не останавливая каток на зимний сезон. […].

16 декабря. […]. Продолжается работа над проектом памятника Бекетовым и их внуку А. Блоку. Определилось место, есть находки по Бекетовым (правда, похожи на Маркса и Энгельса). Ошибочен Блок с венком на голове. Напоминает Данте или Вергилия. Сказал, чтобы продолжал искать. Несколько слов с Жаковым. Я его тоже заставлял искать Бекетовых в живописи, он даже жил лето в Бекетовке, но пока – 35 этюдов природы и ничего близкого... На Веселовской горе. Большая планерка. Раздали всем еще поручения с расчетом завершения работ по горе и «Засеке» к 28–30 декабря. Не верю, правда, в кафе. Думаю, что уйдет и январь. Нет находок по меню и сервировке. А это – основа успеха. Послал К. Вишневскому краеведческие поиски Еремина. […].

20 декабря. Первым явился Виктор Пензин. Посмотрели его эскиз для ДПП. Что-то есть, но надо еще искать. Условились, что до Нового года появится с картоном в Пензе. В Министерстве культуры РСФСР у В.М. Стриганова – разговор о деталях дела в КПК. Его беспокоит, что могут использовать для того, чтобы убрать как ставленника Шурика (включил радио!) [чтобы передать сообщение о снятии Хрущева]. Хотя был в ссоре [с Шелепиным]. Тоже считает, что эта гопкомпания ублюдков погубила целое поколение способных ребят. Немного о карьеризме Шурика [А.Н. Шелепина]. Григорьян: сломал Д. Горбунова ради Аджубея в «Комсомолке». Потом деловые вопросы: попытка отдать памятник Лермонтова в заказ Аникушину – «поэтический» скульптор; Шемышейскую районную библиотеку – в подшефные городской юношеской, базовой Министерства. Срочно от Стриганова в Столешников переулок в Институт экспериментального проектирования. Рассмотрели проект перекрытия стадиона «Темп», условились, что Институт берется за проектирование. Разбили на очереди. Главное – перекрыть. […].

22 декабря. […]. Пешком в Кремль. Сегодня морозно, хватает за ноги. Кофе, бутерброд с ветчиной. Встретил Ю. Бондарева. Подписал вчерашнюю философскую речь о добре и зле, долге и обязанностях. Записал мои данные, чтобы выслать книгу. Правда, у меня всё уже есть. Сказал ему откровенно, что «Горячий снег» ставлю выше многих произведений об Отечественной войне. Бондарев спросил: «А что вам больше нравится, «Берег» или «Снег»? Я сказал: «Снег».

В 10.00 – заседание. Только В. Кузнецов и Рябов. Депутаты на автомате встают и аплодируют. Кому? Отсидел до 11.45, а потом, не дождавшись перерыва, вышел из зала, выпил кофе и в гостиницу. Около 13.00 уехал. Заехал на могилу мамы. Тоскливо постоял, поцеловал холодную керамическую фотографию. Снег, холодно... В 15.00 вылетели на «Як-40» в Пензу. […].

30 декабря. Мороз отступил, к вечеру было около 0. День и тяжелый, и где-то приятный. В 10.00 провел совещание по подготовке к слету победителей соцсоревнования в феврале. Прибежал бледный Ковлягин. Лев разнес за плохую работу с людьми и на 12.30 назначил совещание. Зашел [к нему] после совещания. Цедит через губу. Начинается какая-то хренота. Я говорю, что в 11.00 назначена беседа со слушателями на курсах. «А почему в учебное время? Пусть комиссия проверит, а потом беседуй». Сделал в ответ два замечания: «Слушатели – люди, им к семьям надо ехать, а как изучать вопрос, это мое дело». Не разрешил поехать в институт, надо быть у него. Прибежала в панике Майорова: чего вызывают? «Опять о недостатках в работе с людьми». Нервничает.

Позвал в 12.30. [У Ермина] Дорошенко, я и Огарев. Сначала что-то о кормах. Дорошенко ушел. Начал обвинительно-поучительную тираду: «У нас плохо в работе с людьми. Был на ферме… Много проводишь совещаний. Жалуются, что тратят зря время. Мало бываешь в районах. Давно никуда не ездил, а я недавно вернулся. Недобросовестно относишься к делу. Всё ищешь, кто каким стилем работает, а делом не занимаешься. Хочешь быть бесконтрольным (намек на Сосновоборск). Занимаешься не своим делом («Засека»)». Все это вперемежку.

Мои ответы: «Я провожу те совещания, которые считаю нужными. В отличие от тебя, выступаю 20 минут. Замечания не принимаю и не хочу принимать. Многие звучат оскорбительно, а я не мальчишка. Что касается поездок в районы, то все давно отвыкли ездить по своим делам, а у меня – давай посчитаем командировки, у кого больше. Тогда решим. Выскакивать на два часа в районы считаю неправильным». Он: «На кого намекаешь?» Я: «На тебя». О моих поездках в последнее время судить ему [Ермину] трудно, т.к. практически с 15 октября не работает в обкоме. Отпуск и болтание в Москве. [Мясников]: «И вообще ты зря считаешь, что работаешь один […]». [Ермин] попытался прервать невыгодный [для него] разговор, пытался пригласить заведующих из приемной. Я просил воздержаться. «У меня еще одно замечание: своими поучениями, нервозностью, которую ты постоянно создаешь в аппарате, неумением работать в коллективе, вместо того, чтобы вдохновлять людей, бьешь по рукам, отнимаешь охоту что-либо делать». – «Кому я создаю нервозность»? – «Спроси Огарева, он тут сидит». (Огарев молчал!). «Может, и мне надо делать выводы, но и ты серьезно подумай над стилем своей работы. Так нельзя».

Когда вошли заведующие, накал спал. Им он просто продиктовал с листа маловразумительные замечания, что надо делать, и все. Ни крика, ни гама. Второй раз так! Майорова ничего не поняла. Только слышала перебранку. […].

1978 год

2 января. […]. Был у Льва. Обстановка спокойная. Вроде ничего и не было. На планерке уже не возмущался по поводу воспитательной работы с людьми. Немного остыл. Надолго ли? Договорились, что завтра уезжаю в Колышлей на два дня. Хочу посмотреть организацию социалистического соревнования на фермах. Говорят, есть хороший опыт. Надо больше по своим делам мотаться по районам.

7 января. […]. Вручение наград. «Сам» [Брежнев]. Простые вещи, но [говорит] с трудом, по бумаге. Суслов, Рашидов. Демичеву – первый случай, когда орден, да еще Октябрьской революции, а не Золотую Звезду. Опять русского надули, да еще (самое унизительное) заставили произносить ответную благодарственную речь. У нас сложно, а там на Олимпе еще сложнее. С улыбкой на лице, перед всей страной плюют в лицо, а вместо того, чтобы ответить, заставят утереться и сказать «спасибо». Сцена просто унизительная. Работники культуры тоже усекут...

8 января. День воскресный. Никаких анализов. Вера, Миша и Егор. Звонки А. Майоровой, В. Огарева. Путаница с камешкирской фермой. Что за мысль везти на ферму, которой нет, «всю область» и министра? Комплексы показывать устали. Идет прозрение! «Сельский час» по TV. Не стесняясь, Лев порет о специализации и ее успехах. Пензе не везет. И сейчас под предлогом прогресса в специализации ее опять разоряют. Трудно будет тем, кто придет после нас. […].

Говорил с Лебедевым о впечатлениях от беседы [с алкоголиками]. Идти от милосердия он считает «богоискательством». [Лучше] пойти от признания алкоголизма болезнью, [надо] больше лечить, меньше позорить и осуждать больных людей. Разбить [больных алкоголизмом] на категории: высшая – павшие ([этих] в ЛТП), средняя – сбившиеся (лечить [на местах]), низшая – не давать сбиться. В палитре [же] нашей – черное и белое, а жизнь состоит из сотни полутонов. […].

10 января. Спал почти до 9-ти. Давление хорошее, самочувствие тоже. Читаю К. Валишевского «Роман одной императрицы» […]. История больше ценит заблуждения и поиски, чем твердую власть. Лев Толстой искал, заблуждался, творил, Николай II царствовал. Что осталось от Николая? Обладание властью дает славу сегодня, пока она твердо в руках обладателя, а завтра, когда приходит другой,

первое что он чаще всего делает, – ищет пороки в предшествующем правлении, чтобы отвергнуть не столько порядки, сколько обладателя властью, а свою сделать «правильной» и твердой. Наиболее ярок Никита. Не пошел [по этому пути] – Сталин. Заблуждения одной эпохи вдруг оказываются нужными и полезными другой.

Умение разумно пользоваться властью – искусство, требующее ума, воспитания, таланта. Вся история человечества идет не только через борьбу идей, но жестокое противоборство личностей, классов, государств, оставляя на своих страницах кровавый след жертв. Хорошо в фильме «Вечный зов» – кулак: «Что люди? Грязь. Их топчешь, а они сапоги лижут».

Идея создания галереи портретов Героев Советского Союза – пензенцев, по примеру галереи Героев 1812 г. в Зимнем дворце.

12 января. Мягкий день. Окна потеют. Опять всякие осмотры, но решили, что я иду домой. Миша уезжает в Англию, и искренне не хочется, чтобы Вера оставалась одна в эту ночь. Пришли Жуков А.Г. и Демин Б.Я.

Исходить из того, что [алкоголики] в обществе остаются. Обеспечить глубокий, дифференцированный подход. Различать три группы: павших (что с ними делать после ЛТП?), заболевших (лечить, используя все средства, включая анонимные), приближающихся (отпугивать запретами, бить беспощадно). Только это может обеспечить успех. Прежде чем совещаться, надо всё понять в деталях, изучить и идти с добавлением новых мыслей […]. В 14.00 поехал домой. Завернули на «Засеку». Многое сделано. Не всё пока удачно. Очень торопятся. Наставили фигур, но не все идут. Олени уже лежат, жуют. Зря к ним приблизили карусель и горку. Звонил Маматкадзе. Требует, чтобы не спешили и делали по-настоящему. В 19.40 Миша уехал на вокзал. Вера, Маша и Егор провожали. Я остался дома. Вера чуть реванула, но теперь держится хорошо. Днем после приезда спал. Дает себя знать смена обстановки. Дома уютнее и покойнее. Люблю книги, кабинет...

24 января. […]. У Льва рассматривали проект обязательств. Потратили часа полтора. Можно их делать хорошо, если бы кто-нибудь читал. Пишем, берем, а потом – как жизнь сложится, никого спроса. Спрос только за план. Беседа с писателем В. Каниным. Вероятно, способный человек и фанатик. Хочу сделать его зачинателем литературного краеведения. Жалко, что потерял он двадцать лет. Подсказал, но поздно. Это – его стихия. Одобрил его наметки, но сказал, чтобы в угоду классовости не чернил прошлое Пензы. Беседа с Жуковым и Машей [Лазутовой] о подготовке вопроса по факультету подготовки кадров. Предметный урок, но

мало учим работников. Звонил Кокшаров. Расстроен, что картины лопаются на «Засеке». Заехал. Ошибка, что нет шпонок в доске. […].

1 февраля. […]. Разговор у Льва. Тянется к «коллективности». Решил вопрос о Пивоварове и позвал, чтобы согласовать. Опять какая-то хренота в газете, обстановка там. Надо иметь «осведомителя». Еще этого мне не хватало! Пусть обходится своим! Разобрал и расчистил залежь бумаг. Уехал на завод «Пензтекстильмаш». Хотел посмотреть организацию соревнования. […]. Передал замечания т. Барсукову из промотдела. Беседа с И.И. Лазаревым [КГБ]. Копаются везде и всюду. Лезут в души и мысли людей. Заехал в Дом быта за Верой и Егором, отвез домой, сам на хоккей.

4 февраля. […]. В 17.30 – на «Засеку» . Кафе сегодня открыли. Оформление хорошо смотрится. Событие состоялось и пойдет в будущее. Может, и в историю Пензы. Внутренняя радость, что еще один объект обогатил Пензу. Беседовал с Никитиной, а потом и всем персоналом. Просил «подкрепить» [идею] качеством блюд, культурой обслуживания. Не гнаться за планами, чаевыми. Служить посетителям, не разбалтываться. Всё придет само собой. Славу брать не только внешним оформлением, но и содержанием.

5 февраля. […] Позавчера передали по радио и телевидению, а вчера в газетах опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении в связи с 60-летием Ф.Д. Кулакову звания Героя Социалистического Труда. Искренне рад за него. От встреч с ним осталось самое теплое воспоминание! Приятно, что он, забравшись высоко, мало кичится этим. […].

7 февраля. Поехали на Матчерку. […]. Были в мастерской, на ферме телок, в школе. Повсюду вопросы. Особенно в школе. Все хотят в пединститут. Кого учить [будут]? На Ушинку. 18 улиц. Центр – Кабацкая гора. Родина моей матери. Обед. Мастерские. Заехали в школу. Убогое помещение, серость, грязь, теснота. На ферму Малой Ижморы. Давно здесь не был, порядки хорошие. Около фермы готовят технику. На свиноферме в Большой Ижморе. Приятное впечатление. Зашли в больницу села. Тяжелая встреча с Меркуловым, бывшим секретарем парткома совхоза. Одноглазый, отнялись ноги, дети бросили, жена умерла. Горько плачет. Надо брать в дом престарелых. В Земетчино. Беседа с А.Я. Гришиным: «революцию» не делать, а делать себя секретарем райкома; не учить, т.к. нет жизненного опыта, а больше учиться, советоваться; элементарная культура (не «тыкать»); на каждом этапе находить главное и его тянуть убежденно; не заводиться по мелочам,

видеть главное, определяющее. Краснеет, но слушает. Нравится желанием победить, но торопится.

8 февраля. […]. Заехали в библиотеку. Изумительная патриотка, настоящий сельский интеллигент – Любовь Петровна Сысоева. Договорились, что она будет думать, а я искать деньги на создание образцовой сельской библиотеки, исходя из понимания того, что это не выдача книг, но место отдыха. Она загорелась! Через Вяземку – на трассу. Калинкина встретила на границе.

Гришин признался, что вчерашним разговором я ему «перевернул душу». […].

11 февраля. […]. Вечером прочел «Малую землю». Чувствуется, что писали опытные руки, сделано добротно и здорово, написано широко, с обобщениями. 60-летие Советской Армии будем отмечать под знаком этих мемуаров. Беспокоят две звезды Героя. [Брежнев] старается доказать, что для этого были основания. Пытается объяснить, почему всю войну прошел в одной должности и в одном чине. «Благодарен.., что в 1944 г. была удовлетворена просьба не назначать на более высокий пост». Оправдывает присвоение Новороссийску знания город-Герой. Оказывается, [Брежнев] разрабатывал операцию по освобождению [этого города]. Есть не очень скромные места.

Лева прочел: «Мне глубоко отвратительна пусть не распространенная, но еще кое у кого сохранившаяся привычка повышать голос на людей». Жалко, что скоро забудет и... поплывем прежним течением.

16 февраля. […]. Был Г.И. Ардаков, главный врач областной больницы. Принес эскиз по воплощению моей очередной идеи: соединить переходом музей истории медицины и дом Бурденко. Наконец, хорошее решение найдено. Утвердил его! Жаловался на бестактность Б.Ф. Зубкова. Горячится, не понимает, что имеет дело с интеллигенцией. Ардаков не пьет, а он на бюро по поводу его отсутствия: «В пивной «Бочки», наверное»! Сделал Борису замечание. Можно критиковать, но нельзя оскорблять. Демченко и секретарь парткома учхоза «Рамзай» Гаврилов – по мемориалу Загоскина. Утвердил основы бюста Загоскина, добавил необходимое: сообщить, когда он здесь родился. Одобрил проект камня и пики на месте, где была крепость. Памятник воинам для Мокшана не стал рассматривать. […].

21 февраля. […]. Прочитал сегодня указ о вчерашнем награждении [Брежнева орденом «Победы»] «за большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне». Какой большой вклад мог вложить человек, всю войну возглавлявший политотдел одной армии – группу партийных

чиновников и имевший звание полковника? Вероятно, [у него] всё время в душе обида, что обошли в годы войны, не оценили. Теперь с запозданием наверстывает.

Встреча И.А. Зеленкова, зам. зав. сектором ЦК КПСС. Завтрак, беседа с ним. В 16.00 – на Панкратовской свинофабрике. Занятие кружка. В. Бельденков – хороший, преданный делу парень, но не очень думающий, не умеющий себя сдерживать и внутренне контролировать. Ляпнул о «хохле» и о Хрущеве. Вообще всё занятие превратил в производственное совещание. Ужин в столовой. Мои раздумья о «службе сочувствия и утешения». Богородица и человек. Многое взяли от христианства: иконы – портреты, святые мощи, гимны, дни ангела и т.п. Но, к сожалению, многое направлено на общее в ущерб личному. Отвлеченный от человека подход.

24 февраля. […]. Позвонил скульптор Козенюк из Ленинграда. Одобрил его вариант памятника [«Первопоселенец»] по композиции. Обещал доделать. Беседа с Самохваловым и Хоменко из здравоохранения. Проблемы строительства Института усовершенствования врачей. С И.А. Зеленковым – ужин в «Золотом петушке», а чай в «Засеке» – смотрится веселее и радостнее. Но и «Петушок» своеобразен. Получились хорошие памятники пензенской старины.

3 марта. […]. В 15.00 поехал на кинотеатр «Родина». Мук приняли много, но получилось хорошо. Из задрипанного здания вырос настоящий дворец кино. Появилось чувство удовлетворения: силы потрачены не зря. Может, по этому типу дотянуть все кинотеатры в центре? Заехал в краеведческий музей. М.Р. Полесских показал материалы раскопок прошлого лета. Накопал в Золотаревке много. Всё относит к буртасам, хотя, кто такие буртасы, сказать сложно. В книге Попова – это кочевой народ. Если кочевой, то откуда у них укрепленные городища? […].

5 марта. День теплый, но солнце за облаками. Медленно крадется весна. Только бы не оборвалась залпом – потопит. Сегодня – ставший традиционным праздник «Проводы русской зимы». Вся поляна заставлена палатками. Народ валом валит и на автобусах, и пешком. Весёловские горы (дал с легкой руки такое «веселое» название) все больше становятся местом массового отдыха горожан. Настроение у людей праздничное, веселое. Смотришь и невольно думаешь, какую величайшую глупость в ходе революционных преобразований совершили: отмели, отвергли начисто народные обычаи, уходящие корнями в далекую, седую старину. Погоня верхушки за идеей ударила по народу, хотя народ нас на это не уполномочивал. От имени народа лишали народ народных обычаев. Несуразица. […].

8 марта. Погода прежняя. Грачей нет. Весна тянется. Это неплохо. По Красной ул. пешком с Егором – в цирк. Успел про себя заметить, что ниже краеведческого

музея есть несколько интересных домов с резьбой. Особенно хорош дом, в котором жил Горюшкин-Сорокопудов. Надо не забыть. Может, что-либо и придумаем. Начало улицы Ключевского интересно. Давно собираюсь побывать в доме Ключевского. […]. Думал о некоторых веяниях. Западная пропаганда душит «правами человека». Мы создали отдел «контрпропаганды» (Замятин)! А вопрос довольно несложный: базис ни у кого не вызывает сомнения, речь о формах и методах действия надстройки, о мере демократии в жизни нашего общества и других социалистических стран. Многое можно и нужно изменить вместо того, чтобы создавать отделы защиты существующего. Кажется, здесь проходит черта, которая отделяет ряд западных европейских компартий (Франция, Италия) от нашего образца. Можно, защищая образец, кое-что в нем и поправить в интересах социализма.

10 марта. Утром пасмурно, хмуро, днем шел сырой снег («Грачевник»), а к вечеру солнце. С ними пришли грачи и в город. Говорят, в селах уже несколько дней мотаются по дорогам. Получил письмо И. Андроникова. Ходатаем художника Маслова выступает, а художник – ловкач. Говорил по телефону [с Андрониковым]. Жалуется на здоровье, но работает. Интересовался памятником Лермонтову, дали ли заказ О. Комову? Я задал вопрос: если бы вам пришлось выбирать, Аникушин или Комов, как бы решили? Ответ: «Да, тут очень сложно. Но Аникушин предпочтительнее». Критиковал памятник в Москве. Но объясняет тем, что лучше поставить [такой], чем никакой. На фигуру влияют высотные дома, «тянут» ее. Он неестественен. Обещал прислать свою книгу. […].

15 марта. Утром туман. Мельников позвонил, что сидит на аэродроме и вылететь не может. Вероятно, доволен. Сказал, чтобы разобрались с отправкой механизаторов. В 8.30 провел планерку на строительстве [Бековского] дома культуры. Надо браться и в этом году пускать. Вопросов много, следует вникать в детали. Поехали в совхоз «Луговой». Село Затолокино. В задрипанном клубе торжественно идут экзамены. Дурацкая команда «встать!» и доклад о готовности к экзаменам. Поведение механизаторов. Нервничают и потеют. Есть интересные мысли о причинах плохих урожаев: не даем земле отдыхать, солнце не нагнетает азот, о двух полях, которые зря пашут. Попросил Николая Емельяновича Зотова поставить эксперимент по кукурузе (месячный горох, две обработки, всеять 20 кг подсолнечника и 80 – гороха). Обещал попробовать, появилась сразу мысль горох сеять вместо удобрений из банки [установленной на сеялке]. Заехали на ферму. Задрипанные

бычки. Наши спецы бунтуют. Лесом на Сердобск. Пробивались трудно. За Софьино встретил Щербаков. Заехали в горком. Ждал Закир на «Волге» […].

26 марта. […]. В «Экономической газете» сообщение, что Н.А. Щелоков защитил докторскую диссертацию по становлению промышленного комплекса Молдавии в 1948–1965 гг. Отчаянная публика. Правда возникают два вопроса: кому нужна эта диссертация? зачем нужна она Щелокову? Звание доктора экономических наук много ли добавляет в 60 с лишним лет генералу армии? Живут для себя и творят, что хотят. Рябова наградили орденом Ленина к 50-летию. Ни портрета, ни приветствия. Хотя секретарь ЦК.

Своеобразно положение во Франции. Избиратели могли свободно высказаться за кандидатов коммунистической и социалистической партий, однако большинство голосов получили правые буржуазные партии. И это в промышленно развитой стране, где, по теории, давно должна победить пролетарская революция. Что-то не складывается, хотя объяснения есть.

6 апреля. […]. В 10.00 – бюро обкома. Страшный и неприятный вопрос о легковых машинах. Незаконно покупают, продают. Идет чехарда, которую мы сами породили. Исходя из благих пожеланий, разрешили из рыночного фонда продать колхозам и совхозам «уазы» и «Нивы». Разрешили 100, а они хватили 600! Масса злоупотреблений таких, что руководителей надо сажать в тюрьму. Так порой доброта оборачивается злом. Так у меня получилось с художниками: хотел хорошо, а они обнаглели, решили, что власти нет, и могут творить все, что вздумается.

Лев мучается с идеей перенесения опыта строительства (подрядчики и субподрядчики) на эксплуатацию машинного парка в сельском хозяйстве. Есть в этом какое-то тяжелое зерно. После бюро [я] продолжил заниматься делами художников: запретил некоторые объекты, утвердил графики работ, снял телепередачу о художниках. Надо наступать! [Говорил] с Москвой (Комаров, Н. Кузьмин, В.М. Стриганов). Хочу побывать в Музее им. Пушкина и доме Герцена. Настроение лучше. Борьба вдохновляет. Уходишь из монотонной текучки, хотя во время драки есть шанс получить и синяки. […].

8 апреля. […]. Показали проект Шемышейской районной библиотеки. Хорошо сделали москвичи. Я его одобрил и пустил в дело. Встреча с руководителями детских садов. Впервые за 60 лет секретарь обкома встречается с этой категорией. Ищем единую цепочку трудового воспитания от первых шагов ребенка. Воспринимают огороды и фермы хорошо. Заходили с Черушовым и Мельниковым на сквер. Работают над светомузыкальным фонтаном. Легко говорят, что пустят уже 25 ап-

реля, хотя мне кажется – в июле. Много денег угрохали. Фонтан обойдется в миллион рублей. Стоило ли? Но теперь поздно, придется включаться […].

10 апреля. […]. Открытие сессии. Л.И. Брежнев и его соратники. Нет Кириленко, Пельше. Говорят, что на его место может пойти Н. Щелоков. Все может быть! Бьют тех, кто вперед высовывается (Тамбов). Он – Черный – жертва сельхозотдела [ЦК КПСС]. Надо было кого-то на алтарь собственных недостатков бросить.

В перерыве – Н. Крупин. [Живет] на пенсию 210 руб. Ослеп. Дают квартиру в Москве. Белуха уже на пенсии. Вылетают ребята. Разговор с Грибачевым. О «Лит. газете», о критике среди писателей. О том, что Солженицыну чуть не присудили премию. С Ю. Бондаревым. О матери, его [размышлениях], что сильнее – «Война и мир» или «Анна Каренина»?! Вспомнил [на сессии] С. Есенина: «Шум и гам в этом логове жутком». В жизни много проблем, но на трибуне их нет.

В [Театре] сатиры – «Замшевый пиджак». Замешана такая густая двусмысленность, такая откровенная антисоветчина, что диву даешься. Не понимаю руководителей Москвы. Хорошо о старых часах: «Давно время не показывают, но звона много»! Народ нельзя уподоблять овцам... Спор с Плучеком. Сцена и критика. «Вы имеете право критиковать, почему нас лишаете этого права?» Однобокость какая-то... По телефону – с Февральским, Храбровицким, Ц. Кин, Забродиным.

29 апреля. […]. В 9.00 – в Ленинском РК КПСС. Тут Ерзунов, Черушов, представители Октябрьского района. Разбились на четыре группы и поехали по району. Зашли в Ботанический сад. Кошмар! Люди заложили сад в голодном 1917 г., а мы не можем сохранить. Интересный диалог: «Что вы тут делаете?» – «Помогаю кому делать нечего». – «И много за это платят?» – «Платили 80 руб., а теперь добавили – 120 руб.» И вот в таком духе ведут дела! Угол Красной и Лермонтова, двор макаронной фабрики. Какой-то кошмар, ужас. Вышли на маршрут. Стало легче. Понравилась психиатрическая больница. Талантливый парень Лев Лебедев, много сделал для больницы. В 12.00 – подведение итогов. […].

3 мая. […]. Вечкасов Ю.И. встретил на границе. Повернули на Волчий Враг. Беседа в конторе с директором Кочмарником М.П. Дела неважные. Объединили в два «комплекса» коров и доили 2300, теперь 1650. Нет кормовой базы. Одна из ошибок комплексов – необеспеченность кормовыми тылами. В средней школе. Первый стенд – кем гордится школа. Любые педагоги, аспиранты, экскурсоводы, только не рабочий класс! В кабинете биологии есть всё, кроме совхоза. Не школа, а классическая гимназия! Говорят, что Волчий Враг (Овраг) основан 150 лет назад выходцами из Чембара. Переехали в колхоз «Россия» (с. Григорьевка). Обед с председа-

телем колхоза Полосиным. Потом осмотр соцкультбыта. Опять мерзкое впечатление от 8-летней школы. Разгром и запустенье. Кабинеты – чистейшая профанация. Через Санниковку, мимо Вишенного на Тамалу. Осмотр магазинов. Хорошо! Откровенный разговор с райкомовцами, М.И. – секретарь по идеологии и зав. районо – о положении дел в увиденных школах. Ужин в домике, а потом через Белинск на Пензу. Вспомнил эту дорогу 1962 г. Преодолевал почти двое суток на лошадях. Ехал снимать Булыгина. Степи, Наровчат. Вспомнил и И.М. Коннова (стакан водки – и план по хлебу).

5 мая. Пасмурно, прохладно, около +1. Тянет и тянет весна. То казалось, жаре не будет конца, теперь – холоду. Всем нужно тепло. Встретился с работниками отдела народного образования. Высказал свои соображения и замечания в результате посещения двух школ в Тамалинском районе. Школа должна стать частью общих интересов хозяйства (колхоза, совхоза). Понятие о народе и Родине не абстрактно, оно начинается с понимания жизни людей, рядом стоящих, рядом живущих и работающих. Аппарат должен заняться организаторской работой, контролем. В 10.30 встретился с проектировщиками и руководством завода медпрепаратов. Обсудили «трудовой блок» для детского сада. Он должен включать в себя тепличку, микроферму, столярную мастерскую и хранилище инструментов. […].

9 мая. […]. К памятнику Победы. Масса народа. Приехало всё начальство. Успел посмотреть и здорово сократить текст дикторский. Трогательная процедура возложения гирлянд, минута молчания, прохождения училища у памятника. И памятник хорош, и традиция уже сложилась, и народ привык […].

В Москве, как ни странно, на высшем уровне Победу не отмечают никак. Нет ритуала. Прошло 33 года, а до сих пор и памятника нет великого, настоящего. Это звучит как неуважение верхов к памяти, к Победе. К «могиле неизвестного солдата» возложен странный венок «Неизвестному солдату от Вооруженных сил СССР». Весь день по радио артист (!) с выражением читает отрывки из книги «Возрождение». Идет смещение. Только и слышатся слова «Малая земля» – великая земля». Забыты битвы, решившие исход войны, выпячивается мелкий эпизод, не имевший почти никакого значения для Победы. […].

17 июня. […]. Сегодня, оказывается, большой русский праздник – Троица. На кладбище буквально демонстрация. Масса народа с цветами убирает могилы, поминает усопших. Мы зашли на могилу Ю.П. Филина, потом матери Маши. У Филина еще свежие венки, корзины цветов. Хороший портрет. Вообще неприятно идти по этому ряду: многих знаешь, со многими работал. После кладбища – домой. Немно-

го поспали, а потом к В.Е. Филиной. Остался портрет, перед ним тарелка, на ней солоница, рюмка с водкой и любимый пирожок с луком. Человека нет и никогда не будет. Страшно, бессмысленно... Помянули, посидели. […].

18 июня. […]. Интересная беседа с правнуком Пушкина Г.Г. Пушкиным. Его сын Александр (26-ти лет) –единственный прямой потомок поэта в Советском Союзе по мужской линии, второй – в Бельгии. Правнук – рабочий-печатник, видимо, не против хватить спиртного, с невысоким интеллектом. Ничего пушкинского, ничего дворянского. Жизнь приспособила его к иной эпохе. Его сын – шофер. Замысел – протянуть его в пединститут на литфак и сделать достойным предка. Будем пробовать! Были с ним Ткачев и О. Савин. […].

30 июня. […]. В обкоме появился около 10-ти утра. Просмотрел газеты, потом послушал А.П. Майорову. Особых новостей нет. С участием Л. Кудрявцевой окончательно спланировали детали Лермонтовского дня поэзии. В 11.00 уехал к областной библиотеке им. Лермонтова на ул. Кирова. Здесь сделали площадку и ставят изваяние Лермонтова ленинградского скульптора [В.Г. Стамова]. Горожане его заказали, он, с моего неодобрения, валялся года 3, а потом уговорили Льва поставить. Площадка сделана неплохо, а Лермонтов решен формально, без души. Пусть стоит, но это не украсит город. Возникло еще два вопроса. Надо делать «умный» сквер на площадке исторического вала, прилегающей к библиотеке. Может, стену и башню соорудить? Сказал Ю. Виноградову, чтобы поручил рисовать. К отделанной гранитом площадке подхода с бюстом из библиотеки выходит служебная дверь. Гардероб, туалеты, всё зашарпано. Надо переносить вход и подгонять библиотеку под общую мерку […].

Заехали с Виноградовым к магазину цветов. У меня зародилась идея создать в сквере площадку птичьего пенья. Концерты птичьих голосов 2–3 часа каждый летний вечер. Пришли сюда Мельников, Чернецов И.И., звукорежиссер. Нашли хорошую площадку под дубом за кафе «Парус». Тихо, малолюдно, уютно. Долго совещались, решили в июле сделать. Мельников решает проблемы благоустройства, Чернецов – техническое обслуживание, звукорежиссер – звуковые, комиссар всего дела – Ю.С. Виноградов. Заодно родилась у меня идея переоборудовать кафе «Парус», его скучный фасад, взяв за идею символ паруса. Надо искать. […].

1 июля. К 10.00 – в обком КПСС. Суббота, тишина. Районы молчат, Лев в Москве, дергать некому. Около 11-ти делегация писателей [прибыла] на VIII праздник Лермонтовской поэзии. Наиболее интересен Лев Ошанин. И крупный поэт, и хороший песенник. Вспомнили с ним встречу 1955 г., когда пытались создать песню

о Большом московском стадионе. И песня не получилась, и название не привилось. Так и остались Лужники. Виктор Боков. Старый знакомый. Нравится влюбленностью в русское слово. Он здесь третий раз. […]. В 17.00 в «Орленке» – вечер поэзии. Ошанин открылся для меня как поэт-философ. Слабее всех – Окунев. Есть что-то у Мекшен. Боков опять с балалайкой. У него много от скоморохов и балагана. В «Золотой петушок». Хороший ужин, ставший традицией. Роздал книжки и собрал еще автографы. Был Г. Пушкин. Зрелище не из лучших. Опять здорово пьян, лепит что попало. Да, Александру Сергеевичу в этом поколении не повезло: не дворянин и не поэт. Как время, условия ломают даже наследственность! Водка здорово нивелирует!

2 июля. Поднялись всем семейством. Вера ехать не хотела, но Егор уговорил. Она ему отказать не может. К гостинице «Пенза». Все уже в сборе. На «Икарусе» в Тарханы. Хотел рассказывать используя микрофон, но потом настроение пропало: Ошанин слышит, но не видит; Боков всё слышал, а для остальных не хочется стараться. Так молча и доехали до Тархан. Возложение венков, прикасание к гробу поэта. Боков говорит, что прошла холодная искра поэзии. Будет стихотворение о Тарханах. Хорошо – хор, исполняющий лермонтовские песни на ступенях церкви. Удачная новинка! Пешком по селу. Масса народа в зеленом театре. Пожалуй, самый многолюдный праздник – Лермонтовский день. И светло, и облака. Потом замучили Ошанина с автографами. Милиция едва выручила. Осмотр дома. Открытие экспозиции в людской избе. Замысел хороший, но много накладок в выполнении. Нет логики показа содержания, материала, много длиннот, скучно. Придется дорабатывать. Но поздравил!

В Белинск. Обед на турбазе «Чембар». Пригласил, чтобы не обижались, и наших всех пензенских поэтов. Они не хуже волгоградских и липецких. У Егора – день исторический. Свой отсчет знакомства с Лермонтовым – от этого дня. VIII праздник поэзии был его первым праздником, в котором он участвовал. На машине всей семьей – домой. Устали.

7 июля. Опять жаркий, душный день. Второй по-настоящему летний за июнь и июль. Небо хмурилось, но обошлось. Утром – в обкоме КПСС. Беседа с авторской группой фильма «Урожай-78». Рассматривали основные положения, договорились. К. Вишневский. Поручил ему, О. Савину и Ткачеву решать судьбу единственного в России праправнука Пушкина. Если поддастся, брать его в пединститут и давать высшее образование. Ради славы Пушкина. […].

17 июля. День устоял без дождя, хотя к вечеру небо хмурилось и тяжелело. В обком пешком. Толстею катастрофически, надо начинать двигаться и убирать вес. В 9.00 – планерка. Обычные вопросы. К пропаганде никаких подступов. Только пришел к себе, Лев звонит: хреновая весть – умер Ф.Д. Кулаков. Как обухом по голове. Побежал ко Льву. Говорит, что позвонил из Курска Гудков, а ему Е.Ф. Кулакова. Он [Гудков звонил] А.П. Кириленко, а тот еще не знает... При мне Лев говорил с Евдокией Федоровной. [Ф.Д.] чувствовал себя хорошо все время. Около 7-ми вечера – озноб, температура. Около 11-ти попросил поесть. Дали бутерброд и стакан чая. Лег спать, просил разбудить в семь. Пришли будить в семь, а он мертв. Позже патологоанатомы установили тромб. Может, замотал пленум ЦК и какие-то переживания в связи с этим. Искренне жалко его. Хороший был мужик. […].

18 июля. […]. Мучает смерть Ф.Д. Кулакова. Какой-то нехороший фон (стали отодвигать, сидел не в том ряду). Может, и тромб, но нервное напряжение сильнее. Что-то случилось наверху. Сегодня прощание с ним. Ни Брежнева, ни Суслова, ни Косыгина не было. Они не сочли нужным прилететь проститься. Радио и телевидение просто передали сообщение, но ни на один тон не сбавило обычности передач. Траура нет.

19 июля. День устоял. Утром было холодно, после обеда потеплело, а после 8-ми – мелкий дождь и большая радуга. Весь день думаю о смерти Ф.Д. Кулакова. Смотрел похороны по телевизору. Есть что-то загадочное и таинственное в этой кончине: внезапность и неожиданность для всех, путанное медицинское заключение. Пишут, что «резекция желудка», а на самом деле – желчного пузыря. Общие фразы о склерозе, причина смерти – «острая сердечная недостаточность с внезапной остановкой сердца». А от чего? О тромбе ни слова. Непонятно, что полностью подтвердилось патологоанатомами. Спешка с похоронами. Не успел умереть, [гроб] день постоял, и уже кремировали. Неуважение к нему. Телевидение, радио работают как обычно: идут веселые марши, футболы, нет и намека на траур. Жиденькие похороны. Самое непонятное и пока ничем не объяснимое – отсутствие на похоронах Брежнева, Косыгина, Суслова, Гришина, Щербицкого, Кунаева, Соломенцева, Демичева, Громыко, Рашидова, Алиева, Капитонова. Как говорит Филина, хоронили члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС при пустой трибуне на Мавзолее (сосчитал только 6 членов Политбюро). Говорят о дружном, сплоченном коллективе единомышленников, а половина их не считает нужным проводить своего товарища в последний путь. Многие задают этот вопрос, но что можно ответить? Можно лишь гадать. Но шаг этот – явная демонстрация перед всем народом неуважения к скон-

чавшемуся. В выступлениях ни слова о причине смерти. Молчание. Пензенскую область не назвали ни разу. Не уважают ее! […].

20 июля. Опять с утра дождь. Прохладно. Массаж, и я прямо из дома через Н. Ломов на Наровчат. Области без Ф. Кулакова будет труднее. Как бы то ни было, он прикрывал ее от возможных ударов. Если при нем не мог наскакивать Капустян, то теперь это будет делать охотно, в отместку, со злорадством. Может, не случайно область на митинге ни разу не была названа. Там знают, что делают. Для Федора [Кулакова] мартовский пленум 1965 г. был восходом, июльский 1978 г. стал закатом. Прожил в Политбюро от пленума до пленума ЦК [по сельскому хозяйству].

[…]. М. Устинов встретил у поворота на Видовку. Мимо Видовки, Студенца к Садовой (быв. Дурасов). Большая беседа под дождем с колхозниками на скирдовании сена. Много молодежи. Просят клуб, школу и топливо. В Наровчате немного отдохнул и – по райцентру. Фундаментальные ямы под памятник павшим. Черепа, человеческие кости. Говорят, им лет 500. Один на спине, другой поперек его, третий на боку. Без гробов. Может, жертвы какой-либо битвы. Наровчат стоит на древних костях. Дом Куприна. Можно и нужно делать, не прибегая к перестройке. Просто надо реконструировать. Смотрели здание под музей, но когда зашли в собор, где музей, родилась великолепная идея: в самом соборе [сделать] подвесной потолок и перегородки, и будет чудо на 600 кв. м.

«Почаевская Богоматерь» 1765 г. Но... императрица с наследником. Загадочная картина!

23 июля. […]. Думал о Ф. Кулакове. Судя по всему, смерть настигла его на стадии спада. Не этим ли спадом и вызвана она? Неучастие многих из состава Политбюро кладет тень неуважения и таинственности на подлинную причину смерти. На следующий день Л. Брежнев в Крыму принял Гусака, беседовал с ним. Это еще усложняет. Возможет и такой вариант: генсек чувствовал себя плохо, лететь не мог, но и не хотел, чтобы без него все собирались [боялся заговора против себя]. Когда начали советоваться, бросил фразу: давайте наличному составу поручим похороны! И всё. Все остались на местах отдыха. Но чтобы народ не подумал, что [Брежнев] болен, – принял Гусака и дали публикацию. Может, такой вариант близок к истине. Подозрительно, что Пельше, будучи в Москве, у гроба был, а на похороны не пришел. Вообще всё это наводит на всякие раздумья о неуважении к работающей личности. […].

24 июля. […]. В обкоме у Льва. О похоронах Ф.Д. Кулакова. Есть сомнение: другой рассказ Вас. Иван. Играл с Федей [внуком?], утром лежал на полу. Сообще-

ние медиков для «простаков». Темное лицо. Нет чуба волос. Может, так вскрывали, а может... Жуткое положение. Евдокия Федоровна, дочь с мужем в больнице, внучка у них, сын пропойца и т.д. […].

26 июля. […]. Ездил в мастерскую к скульптору Смелому. Хорошая фигура, но открыт секс и толсты ноги. В сквере Лермонтова. Соловьиную площадку делают. У культпросветучилища фигуру Курдова поставили на камень, но смотрится плохо, обменять бы на фигуру Смелого «Дубравушка»… Скандал с Домом ребенка. Самохвалов – свое, Болдин – свое. Пришлось искать вариант мира. […]. У Матвеева – бюст Загоскина. Фотографий не собирал, книг не читал. Слепил какого-то пижона. Странен сам подход. Не поймешь исходное: кого лепит, зачем лепит? Нужен Загоскин [и никто другой]!

Звонил Руденко из ЦК. Собирает предложения об увековечении памяти Ф.Д. Кулакова. Я [высказался] за Земетчинский сахзавод его имени.

30 июля. […]. Переговорил с В. Черушовым о фонтане. Воду вчера залили, но в трубах столько грязи, что светлее не стала. Сегодня в ночь ее спустят и зальют новую. Будем это делать до очищения. Говорил со Львом об итогах вчерашней поездки в Мокшан, потом слушал бригаду по Шемышейке. Будем вносить на бюро обкома КПСС. Надо наводить порядок. С Верой после обеда гуляли по парку, потом по аллее в лесу. Многое сделано, но много надо делать. Благоустройство – участок, который никогда не вычерпать до дна. Вчера читал Вл. Орлова «Гамаюн». Потрясающая книга, позволяющая не хрестоматийно, а в деталях понять источник величайшей поэзии А. Блока. Его жизнь – его поэзия. Пел себя, свое время!

1 августа. Подъем в 4.30. Около 5-ти уехал на Лопатино. Яркий день, на траве роса с дымкой. К теплу. В колхозе «Рассвет» (с. Пылково). Перегнал всех с полевого стана в поле, к комбайнам. Слушали радиопередачу. Интересно получилось. Потом свои выступления. Людей взяло за душу прямое обращение. В Пылково смотрел контору и детский сад. Мордвинята. Особенно [интересны] два: лежат молча на одеяле и грустят. Морды толстые и скучные. Лопатино. После завтрака в Чардым. Случайная встреча с детьми из лагеря труда и отдыха и... инициаторы найдены! С тока отослал хлеб. В поле. Готовится палатка, чтобы спать. Молотят рожь. Хорошее впечатление. В с. Генеральщина. Колхоз «Родина». Богатое впечатление: молотят, сгребают и уже пашут. Наши журналисты уже работают. Телевизионщиков послал в [колхоз имени] К. Маркса снимать детей. В Карлыган. У татар хуже и слабее. Отдохнул в Лопатино. […].

2 августа. День отличный для уборки: жарко, солнечно, душно. Зерно быстро подходит. […]. После завтрака – в Чардым. Действительно, спали [механизаторы в поле], но холодно, пришлось дать по 100 гр. водки. Пусть! В лагерь труда и отдыха. Настроение у ребят хорошее. В Суляевку. Косовица, обмолот ржи. Урожай отменный. Хлеб будет! Через Трегубово – на Китунькино (совхоз «Солнечный»). Пока не развернулись. Рядовые понимают [мой гнев], разбежались по рабочим местам от столовой. Из «Солнечного» – на Лопатино. Обед и на Пензу. Нахальные цыгане у поворота на Камешкир. Ждут «московского указа». […]

9 августа. […]. С участием Л. Кудрявцевой продиктовал задания: активно браться за создание в Наровчате музея А. Куприна. Тылы обеспечены, Литмузей обещает поддержку, министерство согласно – надо делать; мясной пассаж объявлять памятником архитектуры, чтобы иметь возможность брать деньги из средств общества [ВООПИК] на его переделку под картинную галерею. Встречался по краеведческому музею. Рисуют сквер во дворе, а надо делать пристрой. Договорились смотреть проект пристроя. […]. Ездил к «Засеке». Фомин залег в больницу, гора может «встать». Поручил Ларисе и Филиппову […]. Занимался туристской тропой. Черушов и «Горзеленстрой», освещение [тропы] и уборка. Мошенники отец и сын К-----кие. Хапнули деньги, хамят. Прокуратуре!

16 августа. В обком – на машине. Опаздываю. Сразу встретился с проектировщиками по областной психбольнице. Путают страшно, но удалось найти компромисс. С Щербаковым – к «Засеке». Обещает дотянуть. Надо найти время, собрать и еще раз толкнуть. Со Львом – в Каменский район. Результаты поразительные: применив метод почасового графика и самоконтроля, в два раза подняли за день производительность комбайнов. Дело великое, переломное, с моей точки зрения. Можно все работы ускорить и перевернуть отношение. По моему предложению, отменили совещание по проводам и решили завтра здесь на живом примере проводить совещание первых секретарей РК КПСС. Это выигрыш идеологов и идеологии. После обеда – в Клейменовку, потом Междуречье. Страшный бардак. Никто не считает, сколько бункеров. Техника стоит. Кошмар! В Каменке на хлебоприемном пункте. В Пензу – через [неразб.].

Родилась идея – навалиться и сделать хорошую водную гладь, используя заросшие пруды в Арбеково у новой эстакады и на объездной дороге. Надо полетать на самолете и делать проект. […].

17 августа. Погода балует. Солнце. Хотя и холодный, свежий ветерок. Главное, не льет с неба. Вчера передали по телевидению решение ЦК и СМ СССР об увеко-

вечивании памяти Ф.Д. Кулакова: бюст на родине, в Пензе – улица, переименовать совхоз «Земетчинский. Дал задание искать, какую улицу. По трассе многие грузовые машины идут с портретами Сталина. Своеобразный талисман. Спрашиваю Закира, в чем дело? «Народ верил ему. Сам не ездил, к нему все ездили». […].

23 августа. […]. Уехал на Рамзай. У О. Желиховского […]. Приехали Матвеев и архитектор Бреусов. В парк поместья. Подготовлена площадка, но ошибка в постановке бюста – северное освещение, не учли вход. Указал место и уточнили надпись. На пьедестале бюста – «русский писатель», а на стеле его [Загоскина] слова: «Человек, который не любит свое отечество, жалок, а тот, осмеливается поносить его, заслуживает общее презрение». Очень современно! […].

25 августа. […]. Принял сына Демьяна Бедного Свет Ефимовича Придворова. Ищет тему для журнала «Крокодил»! Укорил его – [пензенцы] переименовали город [в честь его отца], [хотя здесь] отец не был, [а] сын приехал плеваться...

[…]. В музее Куприна. Москвичи не дали ничего. Приказ писать: Куприн и Пензенский край. Срок открытия – август 1980 года. Литературная часть – в краеведческом музее Наровчата.

7 сентября. […]. Жюль Ренар, когда писал афоризмы, был молод. Он считал, что счастье – это зал ожидания в доме. Но когда становишься старше, понимаешь, что это зал, который спроектировали и хотели построить, но потом в сутолоке забыли. Рисовалось общество всеобщего счастья и благоденствия. А в жизни всё сложнее. Счастье зависит не только от общественного уклада, но и самого человека, окружающих его людей, а люди всегда будут сложными и противоречивыми.

9 сентября. […]. Совещание руководителей [Иссинского района] по уборке и молоку. Выступал. Совещание имеет важное значение. Нельзя уйти от вопроса, почему низок урожай. Может, созвать пленум. Плывут по волнам. Иных удачно выносит, а этот район то там, то тут бьет мордой о берег. Добросовестность и честность Швечкова понятны и симпатичны, но только на них жить трудно. Надо иметь свою точку зрения, искать свои пути к хлебу, может, вступая в противоречия, ловча по поводу указаний сверху. О роли специалистов – начальников цехов. После обеда уехал из Иссы на Пензу […].

10 сентября. День воскресный, солнечный, без каких-либо видимых признаков осени, если не обращать внимания на желтеющие листья и красные гроздья рябин, тяжело висящие на подсыхающих ветках. Завтрак всем семейством, а потом с Мишей и Егором в ДК «Заря» на концерт хора Октября Гришина в связи с подготовкой

к поездке в Венгрию. Есть интересные вещи, но цельного впечатления не остается: некоторые номера просто слабы, особенно у танцевальной группы. После концерта – разбор […]. Выдвинуть темпераментные, искрометные, передающие русский характер вещи! Поручил на 15 сентября готовить в ДК им. Кирова показательный концерт. […].

12 сентября. Занят мыслью о предстоящем пленуме обкома [по идеологии]. Конечно, 16 дней на подготовку материала мало. Но, с другой стороны, может, хорошо, что не будет мучительного и тягучего копания, утомления аппарата. Просто на это нет времени, да и чем больше копаешь, тем сложнее всё становится. Рассмотрели ход проектирования Картинной галереи. Дело движется. Отослал архитектора из ГПИ-11 и Стамо на конференцию в Москву. Пусть москвичи посмотрят, это вреда не принесет. […].

13 сентября. Утро этого дня встретил в обкоме КПСС за писаниной доклада. Редко приходится видеть, как просыпается город, появляются первые пешеходы. Первыми в обком КПСС являются уборщицы. Они уже в 5 утра раскрывают двери кабинетов и начинают всё чистить, мыть, вытирать. В 7 зашел милиционер, обеспокоенный тем, что я не уехал домой. Долго извинялся, хотя мне пришлось его благодарить за заботу. В 7.00 закончил 40-ю страницу. Основа доклада есть. Небывалый в истории обкома случай, чтобы на следующий день после принятия решения о созыве пленума был в основном готов первый вариант доклада. Позвонил Майоровой, сказал, чтобы печатала, и уехал домой спать. Валялся почти до 12-ти. Егор прозевал меня, ушел с Верой гулять, а когда вернулся, я уже встал. Немного поиграли. Уехали вместе: я – в обком, они – на базар. Так и бродят по городу – старая и малый. Трогательная до слез пара. Гроза и ливень.

Доклад отпечатан. 32 страницы. Есть рыхлости, но основа добрая, пригодится для лекций в будущем. Надо найти только формулировки. Занимался этим. Обсудили со Львом проект доклада. У него ряд правильных замечаний, но я уже ухожу от поденной работы. Продиктовал Майоровой. Пусть она всё доводит до конца. Для себя же я создал системную лекцию, которую постараюсь сам дотянуть, с точки зрения опыта.

17 сентября. […]. Был Н.М. Почивалин. Просится поехать в Венгрию. Может, и стоит его послать. Он, в отличие от Д. Злобиной, хоть путевые очерки напишет. Та съездила и... ни одного стиха. Исписалась в одиночестве, запуталась в плетнях. Не пошла далеко, ограничив себя однотемьем. Отсюда бесплодие […]. Читаю одновременно Вл. Орлова «Гамаюн» и Дм. Жукова «Владимир Иванович» в «Новом ми-

ре». Мне сам Жуков (читал его [повесть] об Аввакуме, а теперь о Малышеве) начинает представляться собирателем типа Малышева и неистовым человеком, каким был Аввакум. Говорит, что готовит книгу о Грибоедове. [Жуков] месяц ездил по его местам, собирается в Тегеран, на место гибели. Меня это подкупает. Может, что-то и откроет нового, хоть драматизм мест. Жалко, что он не знал о факте рождения Малышева в одном доме с Куприным. Их встреча перед смертью Куприна, (а он пишет, что встреча была!) – попытка земляка-«однодворца» познакомиться с тем, кто предшествовал ему. Тут есть мысль...

20 сентября. […]. Был в доме ребенка. Зрелище детей, брошенных еще в роддоме матерями, – страшное. Слезы накапливаются при виде грустных детских глаз, неуютности, неустроенности этих несчастных созданий. Окончательно решили переселять их в более благоустроенный детский сад. […].

4 октября. Ночью был морозец. Где-то около -5. День солнечный, сухой с плюсовой температурой. Пешочком по свежему утреннему воздуху в обком. Лев уже обзванивает районы. Главное – хлеб, попутно свекла, зябь, молоко. Все бодро обещают везти хлеб. Сижу, записываю. Потом пришел В. Дорошенко. Позвонил Б. Моралев из ЦК. Мы вышли. Лев о чем-то поговорил очень быстро и... опять районы. Молчит. Пришел к себе. Записка: просил позвонить Моралев. Звоню. Добрый, спокойный разговор. просит завтра подлететь в ЦК КПСС. Просил намекнуть: зачем? Ответ: «Не телефонный разговор». Тут же пытаюсь выяснить у Льва. Он говорит, что звонил, интересовались, какой участок я сейчас веду, занимался ли организационно-партийной работой. Лев вроде все рассказал, но больше ничего не спросил. Спрашиваю его отношение. «Смотри сам, давно сидим. Может, пора и передвигаться. В ЦК не любят отказов». Только пришел, звонок Ю. Бузулукова из ЦК с предложением 23 октября лететь на Кубу. Сказал, что завтра зайду и отвечу. Потом звонил П.К. Лучинский. Просил помочь организовать информационно-методический кабинет в отделе пропаганды ЦК. Сказал, что зайду.

Жизнь полна загадок. Волнуются Вера и Миша. Завтра всё выяснится. В 18.00 Лев проводит бюро перед отъездом в отпуск. Сказал ему о «популярности» в ЦК. О Кубе. «Если считаешь, что надо, – лети». После хоккея – дома. Думаем, гадаем, но ничего определенного. Только бы не в чиновники и не в Москву. Сроднились с Пензой и ее делами.

5 октября. Бурный день движения, нервов и отказов. Поднялся около 6-ти, и в 7 утра с Мишей на аэродром. Погода опять портится. Взлетели около 8-ми. До Москвы – сплошная облачность, в Быково резкий, холодный дождь. Москва плачет,

и это в мой прилет. Взял баскетболисток и в центр города. Разделся в первом подъезде ЦК и переходом [направился] в орготдел. Б.Н. Моралева на месте нет, зашел к А.И. Кудрявцеву. Он ничего не знает, говорит, что не по его линии. Появился Моралев, зашел к нему. Сначала о погоде, здоровье, но не надолго хватило пустого разговора.

– Может быть, прямо, в лоб?

– Думаю, что лучше прямо, чем о погоде.

– Афганские товарищи поставили перед нашим ЦК вопрос о посылке к ним советника по партии. Она только создается. Нужен опытный партийный работник. [У них] была 3 месяца делегация, помогла. Но нужен постоянный человек, может, на год, а может, на два и на три. Как пойдет дело...

– Можно отвечать так же откровенно? У меня это предложение не вызывает восторга. Я по натуре не дипломат, да и семейные дела складываются так, что нельзя ехать с женой, а одному там делать нечего. Жена больна, неустроен внук, сын без жены. Всё порушится.

– Но вы уже 17 лет [в Пензе]. Что делать?

– Вспоминаете, когда нужен, а когда мне нужно – и не вспомнили.

Весь разговор вокруг семьи. Борис [Моралев] понял, что я не хочу ни в Кабул, ни в Москву. Огорчил, но что делать? Расстались ни с чем... Зашел в пропаганду. Отказался от полета на Кубу. Некрасиво сейчас. Обед с Лучинским. Вечером дома. На самолете! Предложение о перемещениях [оба раза делались] в сырую грязную погоду (1961 и 1978 гг.).

7 октября. После посещения ЦК КПСС у меня такое впечатление: когда освобождаются престижные места, на них подбирают близких и родных, когда же надо делать дело, но это не очень престижно, ищут дураков в Пензе и иных местах. Наступил новый этап в борьбе за социализм: сначала берут путем переворота власть в руки, а потом подводят классическую основу – создают партию. Так было на Кубе, потом в Анголе, теперь в Афганистане.

[…]. Вечером в драмтеатре открытие 186-го театрального сезона. Премьера «Берега» по Бондареву. Сложно, но получилось. Смирнову чуть-чуть бы больше интеллектуальности внутренней. Поздравили труппу. Получилось тепло. С членами бюро условились представлять С.М. Рейнгольда к званию народного артиста РСФСР, он это заслужил. Думать о Смирнове. Может, Епишина Г.Д.?

11 октября. […]. В 15.00 принял эстонских представителей по установке лыжных подъемников. Забраковали лыжную гору у «Засеки». Предложили «Ветерок» и

Божью гору. В 16.00 – ленинградский скульптор Козенюк, с ним архитектор. [Разговор] по месту памятника первопоселенцу Пензы у «Засеки». Указал на схеме. Козенюк настолько пьян, что плохо разбирается. Поехали на место, показал газон. Потом у «Ветерка». Гора хороша для подъемников, но далековато от места сбора лыжников. Дал согласие ставить здесь и на Божьей горе. Балалаеву [наладить] обслуживание и катание на лошадях. В сквере Лермонтова. Музыкальная площадка готова, оборудована. Осталось поставить скамейки и художественно оформить. А главное – определить ответственных, график работы и характер музыки. Надо бы [поручить?] Комитету по телевидению и радиовещанию.

13 октября. […]. В 11.00 в ДПП – на собрании художников. Мутные доклады, резкие сообщения об итогах работы комиссий по Павликову, Киргинцеву, Матвееву. Сумбурные и злые выступления самих художников. Объявил им, что нам не нравится такая обстановка. Склоки и дрязги мешают заниматься и творчеством и наносят ущерб денежным интересам художников. Чем больше драки, тем меньше доверия, тем меньше заказов. Не думаю, что наступит успокоение, но первый шаг сделан. Если и дальше битвы будут продолжаться, надо идти на хирургию. Думаю, что следует поискать новый вариант председателя Союза. Орлову это не по плечу. Нет опыта, обаяния и выдержки. […].

16 октября. Вчера и сегодня отличные дни для уборки свеклы и пахоты зяби. В 9.00 собрал планерку. Отделы почти ничего не предлагают. Просто дежурные дела […]. По телефону – с Вл. Орловым, автором книги «Гамаюн». Поздравил его с замечательной книгой, прелесть которой вижу в том, что Блок, его поэзия впервые предстали реально, ощутимо, перестали висеть в воздухе. Я воспринял поэзию Блока как отражение его восприятия эпохи, личных переживаний. Орлов доволен. Эта книга – цель его всей жизни. В Ленинграде открывают мемориальную квартиру. Я сказал о Бекетовке и Алферовке, вспомнили об Урлейке, где жил старший брат Бекетовых, Алексей. О последний месяцах [жизни Блока]. Я сказал, что понял, в чем дело. Он: да! Мне хотелось оставить его молодым в памяти. Последние дни мучительны, в том числе и невниманием к нему. Все бросили. А это накладывает тень. Едва ли это надо. Просто умолчал! Благодарит за Блока, за память о нем.

В 16.00 на телевидении. Просмотр фильма о хлебе. Вечером беседа с мальчишками (их пятеро), которые свалили памятник Лермонтову в сквере, переворочали скамейки. Ничего понять не мог – что за радость? Что-то разрушительное есть в молодежи. Жалко их и родителей.

26 октября. Позвонил утром в районы: в Земетчино и ночью, и сейчас дождь, дождь в Вадинске, Бедном Демьяне, Н. Ломове и даже Башмаково. В Белинске пока спокойно. Райцентрщики уехали на свеклу. Тронулись и мы с Евсеевым. Колхоз «Рассвет». А. Горшков. Пришли, как вчера и условились, 15 машин и 10 К-700 из «Химцентра». Мордовки забирают их и идут на плантации грузить руками из кучек. Только наш народ может выполнять такую работу: за час набросать вчетвером 10 тонн свеклы в тележку. А холод, ветер и под ногами грязь. В совхозе «Поимский». Мужики чистят свеклу из бурта, настроение нормальное, хотя дело и не мужское, да и холодно. Заехали на поле. Грейдерный погрузчик из кучек грузит на тележки. Тракторы тонут в грязи, выкарабкиваются, работают. Страшные потери от ручной копки, но нет альтернативы! Из Поима – на Волчковский свеклопункт. Напор большой, а техника старая. Заехали к «12 дубкам Лермонтова». Новая идея: окружить площадку дубов березами и рябинами (отбить бело-красной стеной от леса) и в запас посадить весной двенадцать молодых дубков. Пусть растут для потомков. А то старые дубы погибают, а без них нет лермонтовской идеи. После обеда переговорил с лесниками на эту тему, дал схему-чертеж и уехал в Пензу […].

29 октября. Утром чуть свет начал падать снежок, а к ночи разошелся и всю землю покрыл белым. В 11.00 – пешком по Красной улице – в цирк. Странно. Убого смотрится самая богатая в прошлом улица города. Страшно себе представить, что двадцать лет назад весь город состоял из таких приземистых домов с резными наличниками. […].

31 октября. […]. К вопросу о религии:

– ясно совершенно, что христианская религия на Руси сыграла прогрессивную роль. Владимир умно выбрал веру, пожалуй, самую демократическую. Скоро 1000-летие!

– религия христианская – первая идеология Русского государства, основа его консолидации и объединения;

– в борьбе с монгольским игом Сергий Радонежский сыграл решающую роль, вдохновив Дмитрия Донского на Куликовскую битву;

– на основе религии у нас родилось книгопечатание, живопись, музыка;

– подвижность религии. Демократичность в умении приспособиться к любому строю, даже социализму. Ее основа – человеческая. Роль религии в годы Отечественной войны;

– мерзкая роль Ярославского и Совета воинствующих безбожников (из 40 членов – 39 евреев и 1 русский) в разгроме и поругании многого из того, что было святым для русского. Евреям терять было нечего;

7) били по религии, а ударили по народу, его тысячелетним обычаям. И теперь сложно отличить, где религия, а где народный обычай, традиция. Тут сложный вопрос!

3 ноября. Утром из дома – на Белинск. Ночью был морозец, а днем +1, -2. Яркое солнце. К вечеру опять морозец. […]. Евсеев на границе. Сразу в «Возрождение» на плантацию около Крюкова. […]. Заехали с Евсеевым и Березиным к роще «12 дубков». Лесники успели обсадить края площадки березками и рябинами. Думаю, лет через 5–8 будет здорово смотреться это памятное лермонтовское место. Еще посадим дубки. Обед в Белинске и уехал на Пензу. Не хочется мотаться по району. Задачи поставлены, все ясно, зачем тут я, да и скучно быть пастухом. В Пензе – пакеты от Февральского и Мищенко. Позвонил. Проводил Мишу в Москву.

4 ноября. […]. Разговор в В. Харазовым. Расстроен. Ему 60 лет, а дали «Знак Почета». Не понимает. В Афганистан вместо меня [направили] Семена Веселова. Так и бьют по «комсомольцам». Есть какая-то линия. Где плохо – туда бывших комсомольцев. Не умеем гнуть спины, не приучились. […].

6 ноября. Днем было терпимо, а к вечеру повалил мокрый снег. Хотел остаться дома, но что-то не сидится. Позвонила Майорова, когда я уже вызвал машину, что утром сегодня умер Константин Симонов, отличный работник, парень с хорошими задатками партийного, делового и вдумчивого работника. Рак сожрал его в 31 год от роду. Страшно. Зашел ко Льву. Он совещается с доктором наук, по прибору определения влажности зерна. Леня Ермин у него на кафедре. Будут делать кандидата. Рассказал о смерти Симонова, согласовали всякие детали похорон. Собрал у себя отдельцев, создал комиссию, продиктовал основные поручения. Хлопотное это дело. Мошнин растерялся, а Кудрявцева легко и деловито берется. С Майоровой и Мошниным – на квартиру родителей. Там и жена. Тяжелая картина, горе страшное и помочь ничем нельзя. […].

7 ноября. […]. День прошел на холодном леденящем ветре, временами с зарядами снега. В 9.00 – в обком. Колоны по улицам движутся к центру. Холодно. Зябко. Но люди идут. 10.00 – начало демонстрации. Резкий ветер срывает фуражки с голов военных. Оркестр не выдерживает играть на ветру. Красочные колонны демонстрантов, хорошее, праздничное настроение. Несмотря на холод, демонстрация заняла почти два часа.

После демонстрации пьянка в столовой обкома. Опять «европейский обычай» при накрытии стола: пустая посуда и гвоздики. В тостах всё больше и всё настойчивее [упоминается] имя Льва. Он принимает всё как дань заслуженную, нисколько не смущаясь подхалимским характером произносимого. Нравится. Чего же мы хотим выше? Власть опьяняет людей больше, чем водка. И это где-то в самой человеческой натуре. После обеда никуда не ходили, никому не звонили. Только вечером выпили с Верой по рюмке водки. Потом – преферанс. День прошел...

15 ноября. День сумрачный. Перемежалось, то дождь, то мокрый снег. Вечером стало совсем противно. Утром говорил по телефону с Поляничко В.П. из ЦК КПСС. Мучаются с «Целиной». Подтягивают ее к 25-летию начала освоения. Сделают юбилей. Вспомнил, что я был начальником первого эшелона целинников. Обещал сказать об этом «Комсомольской правде». Собрал сам старые газеты. Но, думаю, что не подойду: наш эшелон шел на Алтай, а не в Казахстан.

Ездил в Рамзай, посмотрел бюст Загоскина и камень на месте острога. В душе радость, что удалось закрепить для потомков эти почти потерянные места. Немного жалко, что я не влез в детали, и видны элементы спешки и всяких небрежностей. Победа одержана, но надо ее отшлифовывать. Поручил архитектору Бреусову. […].

18 ноября. […]. Беседа с комиссией Министерства культуры РСФСР по объединению музеев. Мне понравились их главное замечание: шли вширь, теперь, может быть, надо идти вглубь. Очень верно! I этап: 1937–39 гг. – создание музеев, сам факт; II этап: все последние пятнадцать лет – материальное и моральное укрепление музеев; III этап – надо начинать. Он должен состоять в том, чтобы превратить музеи в центры научной пропаганды деяний великих земляков. Этап сложный, но неизбежный. […].

Вечером с Верой и Мишей – в театр. В. Распутин «Деньги для Марии». Играют актеры хорошо. Спектакль о старом колхозном времени, но «мы ради денег, или деньги ради нас» звучит довольно современно!

24 ноября. Ночью бесился и буйствовал ветер. Думал, стекло выдавит в окне. Утром утих. Мокрый снег. Думал собрать материалы о первом эшелоне на целину, но не знаю, как уляжется тот факт, что первые [целинники] поехали на Алтай [а не в Казахстан, как в мемуарах Брежнева]. Посмотрим […]. Уехал в Кондоль. Встретил В.С. Поляков. Немного в райкоме, потом в совхоз «Организатор». Давно тут не был. Лев вел какие-то эксперименты, собрал планерки, считал прибавку свинины. Результаты жуткие: [основные] фонды выросли, [по сравнению] с 1970 г., с 2,5 до 8,4 [млн. руб.] в этом году, а вал снизился с 2.152 тыс. руб. в 1970-м до 1.700 тыс.

руб. в 1977 г. Мясо в 1975 году [производили] 1040 тонн, в этом дадут около 400! Свинина с 890 упадет до 250 тонн. Вот что такое непродуманные эксперименты, как они дорого обходятся государству! Газовое отопление [на свинокомплексе] выбросили: «съедает» кислород. Сухое кормление шайбовым раздатчиком себя не оправдало – нет кормов. Фиксация маток провалилась – матки обезноживают, потеряли всех маток. Авитаминоз привел к дизентерии. Лопнула идея [брать поросят весом] 10 кг [для] откорма [и доводить] до 100! Выступал на «ленинской пятнице». Всё откровенно сказал рабочим. Потом беседа с Шейдеровым А.П., директором совхоза. Сказал ему, что мы либералы. На мой характер, за такие эксперименты и их результаты я бы отдал под суд, и был бы абсолютно прав перед народом. Деньги гробим, сами не страдаем (зарплата осталась), а народ сидит без мяса.

25 ноября. Сегодня первый день, похожий на зиму. Ночью морозец сковал землю, а днем пошел снег. Вечером, когда ехал из Кондоля, снег уже укрыл все поля и даже бетонную дорогу. В лесу на Западной Поляне можно кататься на лыжах. Проснулся около 7-ми. Выспался просто здорово. Долго кипятили чай. Плохо организован быт. В 8.35 начали конференцию при 100% явке делегатов. Неплохой оклад В.С. Полякова, резкая постановка вопроса по «Организатору». Скороговорка по многим проблемам партийно-организационной работы. В прениях выступило без меня 16 человек. Были очень интересные и вопросы, и мысли. Хорошо, что критикуют и райком, и обком. Я выступал 55 минут. Слушали хорошо. Написал конспект и получилось более стройно и логично. Хорошо – по «Организатору», выкладки убийственные, добыты и осмыслены самим. Директор теперь на грани – или делать, или уходить. Может, и поправит. Закончили полным единогласием около 17.00.

Фомин [директор совхоза, сообщил] интересную краеведческую деталь. Лет 10 назад ломали в Краснополье особняк управляющего княгини Голицыной (она у Князевки). Нашли циркуляр по весеннему севу: выдавать мужикам по фунту мяса, хлебом кормить от пуза. Эпиграф послания: «Хлеб пузом не перетаскаешь». Скромный ужин с членами бюро, и я уехал на Пензу. Снегом занесенная трасса. Красивый лес, засыпанный белым хлопком. Уже около 8-ми был дома. Егор с лопатой мотается во дворе и чистит снег. Вера рядом. Трогательно всё это...

26 ноября. […]. Последний тур конференций прошел без особых накладок, почти во всех районах 100% явка и высокая активность. Беседа с корреспондентами «Известий». Они готовят страничку в «Неделю» об обряде встречи матери и младенца в роддоме. Настроение вроде хорошее, но требуется интервью. Сказал, что

этот обряд рассматривается в двух аспектах: патриотизма и укрепления семейных устоев. Многое делаем для воспитания патриотизма: музеи, народные обычаи в кафе и трактирах, магазины [с национальным колоритом] других республик. Откровенный разговор о семье. Проблема очень сложная и очень общечеловеческая. Она не вписывается в строгие рамки строя, общественной формации. Потом Кулькова и Кудрявцева по театру […].

Весь день думаю о возможном интервью для «Комсомольской правды» о первом эшелоне. Чтобы спасти себя, придется пойти на святую ложь, придумать и ярко подать эпизод постоянных встреч [с Брежневым] в Министерстве совхозов СССР, где якобы пришлось бывать по отбору молодых специалистов сельского хозяйства для работы на целинных землях. Без этого выходить сложно и опасно. Придется делать, выхода нет.

29 ноября. […]. В обкоме. Известие, что едет бригада ЦК по комиссионной торговле. Лев нахвалился в ЦК у Кириленко, написал записку. Отделам последовало поручение изучить. Не страшно. Неприятно, что в бригаде – инструктор сельхозотдела и животновод из министерства. А фон заготовок у нас нехороший. Как бы себе беды своим хвастовством не накликать! Звонил из ЦК Г.М. Смирнов, просит отдать Н.И. Пучкова инструктором ЦК. Парень добрый, думаю, сдерживать рост не следует. В 17.00 – лекция о народном образовании в пединституте. Говорил почти два часа, материал неплохой, но все корявее с возрастом становится мысль и всё менее остёр и подвижен язык. Нет внутреннего удовлетворения!

2 декабря. [Малая Сердоба]. […]. Уехали на телячий комплекс колхоза «Россия». Картина страшная: еще одна иллюстрация глупости Льва в развитии сельского хозяйства. Увлекся, придумал, решил учить страну, а сам остается без порток. Начали строить [комплекс] в 1973 году. Общая стоимость – 3 млн. 600 тыс. Ввели только первую половину этого огромного города. И та стоит пустая. Всего выращено 300 телок! Жуть. Отдача сомнительная и в большой перспективе на эти деньги разместить 2000 коров и получили 5 тыс. тонн молока, т.е. половину сработанного. […].

3 декабря. […]. Думаю о положении дел в животноводстве. Виктор прав, когда боится, что всем нам здорово врежут из-за фокусов Льва, его экспериментов. Срез, сделанный мной за эти недели на уровне хозяйств («Организатор», «Коминтерн» и «Россия») показывает не только запущенность дела, но и грубейшие ошибки от волевого подхода: занялись спецхозами, а надо заниматься всеми хозяйствами, всем сельским хозяйством. В спецхозах всё сконцентрировали, но не занялись отработ-

кой деталей, приняли ошибочную технологию в погоне за оригинальностью, угрохали деньги не туда, где можно получить реальный результат, а в сомнительную идею с этими телками, которая вообще может не дать [положительного результата]. Итог же плачевный: не выполним планов по мясу и молоку. И задела нет на будущее, а планы прирастут. […].

4 декабря. […]. О пленуме [ЦК КПСС] детали: начали прямо с организационного [вопроса], доклад 15 мин., Мазурова вывели [из членов Политбюро], ушел мрачный, краше в гроб кладут. Забыли поблагодарить. Вспомнили после закрытия пленума. Черненко [Брежнев ввел в состав членов Политбюро] как контригру [против] усилив[ающего свою] роль Суслова и ослабляя СМ (Косыгина). Такой [как Черненко] нужен. Он «ведет большую организационно-партийную работу в партии». Обижены Соломенцев, Капитонов, может, Шибаев. В секретари рвались особо Моргун из Полтавы, может, Карлов, а за ним Кручина – на зав. отделом. Много там всяких сложностей и особенностей. Еще раз узел затягивается, не сразу развяжется […].

10 декабря. День по-зимнему хороший. Около -11. Приживается традиция празднично встречать русскую зиму. Сегодня праздник «Здравствуй, зимушка-зима». Народ на лыжах ушел в лес, заполнил стадионы. Мы с Егором ездили к «Засеке». Никакого обряда и праздника не было (а надо бы что-либо интересное изобрести и придумать!). Просто много людей на лыжах. Самовары и шашлыки. Съездили к «Ветерку». Подъемники работают. Собрались довольные горнолыжники. Они, оказывается, пять лет мечтали о подъемнике и были удивлены, что его сделали. Говорят, что хорошо бы сделать у «Ласточки». Сказал, что дарю им один подъемник, пусть проектируют и сами ставят. Задумались! Посмотрим, на что они способны. Егору привезли лыжи. Шмыгал ногами, но трусишка и не стесняется этого. Хорошо [смотрятся] сторожевые на башне, но редко звонит колокол. Надо прибавить. Теперь надо сосредоточиться на открытии горнолыжного центра у «Солнышка». Продумать все детали и красиво запустить. Вечером на хоккее. […].

11 декабря. Зима держится. Утром мороз с ветром, а после обеда снежок. Лев продолжает болеть. Провел планерку, затратил всего 15 минут. […]. Разругался с Е. Поповым [туристическое бюро] по подготовке к открытию лыжного центра у турбазы «Солнышко». Он пока не вникал в детали. Дал поручение О. Тельбуху из «Пензенской правды» подготовить очерки о градуснике на Московской ул. и об открытии лыжного центра у турбазы. С В. Черушовым [смотрел] проект плотины у гостиницы «Ласточка». Замахнулись на 500 тыс. руб. Надо завозить 140 тыс. куб. м грунта. Ужас! Сказал, чтобы сделали немудреную плотину. […].

13 декабря. [Москва]. Морозец держится, но стал значительно мягче. Вера подняла утром звонком. Только поднялся, еще один звонок – Егор: «Дедуленька, ты сего привезешь?» – «А, может, надо сначала сказать: доброе утро?» – «Доброе утро, а ты сего привезешь?» Заказаны машины с «катюшей» и пожарная.

Ходил в отдел пропаганды ЦК КПСС. Смотрел проект записки В. Сызранцева об итогах проверки. Материал положительный, хотя пока сырой. Обедал в новом ресторане гостиницы «Москва». Один поразительный момент: подсел и без всякой выпивки пообедал какой-то работник из Ташкента. Начали расплачиваться: я за обед в 1 руб. 96 коп. отдал два рубля, он положил 10 рублей и попросил сдачи не давать. Обслуживала ученица, она даже запуталась и позвала старшего. Подобного рода факты не только потрясают внешне, но и вызывают раздумья. Что же мы творим?

Ужинал с Огаревым и Сысовым. Лев их послал в сельхозотдел ЦК, чтобы решить вопрос о 20 тыс. га чистого пара. Странное дело, но, пожалуй, самое странное, что и этого решить не удалось. Получили конкретные разъяснения, обидные формулировки и, ничего не добившись, ушли. Неужели в ЦК КПСС надо решать, кому и сколько иметь чистого пара? Сто раз убеждался, что откровенной бедой сельского хозяйства являлось и является однобокость, неумное администрирование, зажим всякой инициативы, отсутствие заботы о завтрашнем дне, погоня за успехами сегодня!

14 декабря. […]. В 10.00 – начало заседания Верховного Совета РСФСР. Руководство почти в полном составе. Единственная новизна – Черненко переместился в первый ряд, командует бумагами в красных папках. […]. Доклады Масленникова и Бобовикова. После обеда – разговор с Виктором Дорошенко. Боится, что [его] здорово изобьют и выгонят. […].

Вечером с Б.И. Лебедевым и А.И. Мищенко встретились у гостиницы «Москва». На такси – в Ленино-Дачное. Уютная квартира со всевозможными реликвиями и русским хлебосольством. Симпатичная жена. Иконы, картины, археологические черепки. Книга с пометками Н.М. Карамзина, прижизненные выпуски «Онегина», рукописные сборники. Интересный разговор. Это – моя стихия. Если бы человек каждый вечер проводил в общении не за бутылкой водки, а за интересными разговорами, насколько бы он был умнее и разностороннее... Вернулся в гостиницу около 12-ти.

23 декабря. К 8.00 – в обком. Волнуюсь мало, но конференция есть конференция […]. В театре. Выглядит хорошо, торжественно, чисто. Правда, тронув одно

звено, приводишь в движение всю цепь. Многое из старого не нравится. Родилась идея переделать зрительный зал. В 9.00 начали. Хорошо, критично прозвучал доклад, в тон ему пошли прения. Совсем не было самоотчетов, деловой разговор состояния работы, предметная критика, постановка проблем. Мне больше всего понравились выступления В.И. Ерзунова и А.Г. Овтова. Что касается Овтова, то я ему честно и откровенно сказал, что это лучшее выступление за все девять последних конференций. Критиковали больше всего положение дел в сельском хозяйстве и строительстве. […].

24 декабря. Хотел поваляться подольше, но Егор всесилен – шумит, зовет умываться, а сам уже занял раковину в ванне. И так каждое утро... После завтрака сидели дома. В 11.00 поехали в театр. Пьеса для детей Киплинга «Кошка, [которая] гуляла сама по себе». Играют неплохо, но не очень умная пьеса. Ребятам – проблема свободы. Едва ли они могут это с какой-либо пользой воспринять. Беседа с Г.Д. Епишевым, главным художником театра. Попросил его подумать о создании группы художников, которые подготовили бы эскизные предложения о переделке зрительного зала театра. Хочется сделать хорошо. После спектакля беседа с Рейнгольдом, Визи, Налобиным и Смирновым. Визи просит себе комнату, а местком не очень на это идет. Надо думать. Налобин – о спектакле. Хочет попробовать себя на пьесе о Луначарском. Сказал, что он – эпизод для Пензы. Лучше бы о Белинском. Обещал подумать. […].

25 декабря. […]. Смотрел проект занавеса для театра: «Арестованное солнце смотрит сквозь дебри леса на пензенцев». Хорошо бы для мордовских лагерей [политзаключенных]. Дал задание Епишеву и Инальдиеву готовить эскиз переоборудования зрительного зала драмтеатра. После обеда уехал на экзекуцию в спецбольницу [к зубному врачу]. […]. Выдержал. Правда, пришел домой, тяпнул таблетку демидрола и без ужина завалился спать, беззубый старик.

31 декабря. Вот и прошел 1978 год! Уму непостижимо, как быстро. Проснулся около 8-ми. На улице страшенный мороз. Термометр показал 40. Позвонил Е. Кульковой, чтобы связалась с театрами, школами, предупредила – беречь детей. В городе встали «Икарусы». Солярка при такой температуре застывает. В основном работают троллейбусы и такси. Посидел дома, а потом не выдержал – в обком. Все собрались. Обстановка сложная. Давление газа: норма – 3 атм., фактически – 1. Так в один день можно все положить. Послал В.Ф. Огарева. В. Ерзунову предложили создать чрезвычайную комиссию и организовать, пока стоят морозы, круглосуточное дежурство. Что-то сложно с отоплением на Западной Поляне. […].

1979 год

3 января. […]. Был скульптор Матвеев, показал первые прикидки по Бекетовым, Блоку и Березовой роще по дороге на Колышлей. Идея есть, и он решает ее проще, и легче, и интереснее Кошелева. Сказал Кульковой и Кишкурно, чтобы они его материально поддержали. Давно думаю об этой отметине и никак не решу ее. Надо – к 100-летию А. Блока в 1980 г. […].

4 января. Снег валил весь день, хотя на улице -10. Из дома уехал на Лунино […]. Сразу на ферму опытной станции. Дела поправляются, надои растут. Работаю над идеей трехпериодного содержания коров: дойные, сухостойные, родилка. Говорят, двухпериодные не приживаются: обезличка и несовместимость характеров доярок. Новые веяния: не хотят отдавать поросят на свинобазу, хотя выгодно и без забот. [Там] забирают лучших, а дохлятину оставляют. Собрал бюро РК КПСС, поставил вопрос о немедленной отправке В. Майорова в больницу. Второй месяц с температурой, после обеда работать не может. Кому нужен этот героизм? Привлек жену. На моей «Волге» и отправил в Пензу. Надо лечиться, а не дурить. Через Мансурово, Сандерки – на Кутлинский свиной комплекс. 10 лет строим, до сих пор не работает котельная. Беседа со свинарками. Хороший, добрый народ, просят дефицитных товаров! В Кутле [зашел] в один дом. Муж убежал, остались две дочери. Жили на Сахалине. Жизнь человеческая не находится в прямой зависимости от базиса. Есть еще логика человеческих отношений, характеры, представления о добре и зле. Экономикой все объяснить невозможно в семейных отношениях. […].

7 января. Рождество. Телефонистка предлагает славить Христа, а я не знаю, как это делается […]. Рождественские морозы держатся. Весь день не выходил на улицу. 16 лет со дня гибели мамы. […]. Весь день в безделье. Листал книгу Е. Ржевской «Берлин. 1945 г.». Трудно объяснить, но меня все время тянет к пониманию трагедии верхов Третьего рейха. Так громко начать и так позорно закончить! Представляю, как в мыслях Гитлера, Геббельса и иных рисовалось мировое господство, триумф немецкой нации. И нельзя сказать, что они были далеки от осуществления своей мечты. Вся Европа лежала у их ног и только Россия остановила, русский народ спас мир от коричневой чумы. Россия, истекая кровью, спасла Европу от нашествия татар, вызволила из-под господства Наполеона, сломала хребет

фашизму. Гитлер это понял только перед смертью. Миллионы жертв, но его челюсть со вставными зубами – в нашем архивном управлении.

9 января. Мороз спадает, сегодня -9, не так страшно. […]. Приехали из Госкино СССР по открытию у нас стереокинотеатра. Настроение у них неважное, не хочется возиться. Пришлось доказывать и извиваться ради пензенского кинозрителя. Подобрели, обещали посмотреть. Позвонил В.Д. Смирнов, лектор ЦК. Какая-то анонимка наших евреев на его лекцию. Я встал на защиту и позвонил Лучинскому. С Семеновым поехали в 5-ю больницу к Канайкину. Беседа с докторами. Появилась надежда, что может выкарабкаться. Сейчас самое время морально поддержать его. Зашли. Сложно, устал, но держится. Пять раз был почти на том свете. Обещал бороться. Решил не терять хирурга Баулина. Условились, что его берут доцентом на кафедру хирургии института. Не стоит упускать хорошего хирурга.

Вечером в «Золотом петушке» с представителями Госкино. Они растаяли и сдались. Условились, что стереокино в Пензе будет!

11 января. Мягкий спокойный день без резких морозов. В обкоме КПСС. В.Ф. Огарев привёл Ракова как кандидатуру на директора совхоза «Большевик». Совхоз с большими традициями, награжден орденом Ленина. Пока был Роман Шамин, всё шло хорошо. Потом пришел Амбаров. Парень старательный, но увлекся и здорово проворовался. Сидит в тюрьме. Объяснили Ракову обстановку. Главное, что я ему советовал, заниматься производством, не увлекаться экспериментами, кто бы на них ни толкал. На любой эксперимент надо идти в случае, если это твердо обещает прибавку продукции. Так и условились.

Встречался с делегацией, которая поедет в Тернополь. Состав хороший, но надо смотреть еще и расстановку сил внутри концерта. Бесподобен Женя Андреев: без всякого аккомпанемента спел три песни. Подарил ему коробку конфет. […].

13 января. На улице мягко, солнечно […]. В Дом художника. У Куликанова сидит скульптор Курдов. Видно, специально ждал. Забивает вопрос о памятнике Кандиевскому восстанию. Готов ставить его на месте, но надо, чтобы деньги платил совхоз. Потом о бюсте Залетову. Он его делал с натуры, теперь надо ставить на могилу. Курдов ищет заделы на лето этого года. И боюсь его, но и подкупает тем, что делает. Посмотрели портреты к Доске почета. Сделано много, но достоинства разные. Лучше всех – у Глотова. Когда-то был членом СХ, потом запил и выбыл. У него интересные натюрморты. Затащил к себе Павликов. Способный график с необузданным характером. Рисует хорошо. Договорились, что мы ему закажем порт-

рет Героя Социалистического Труда. Часто озлобляемся на характер, а надо поддерживать талант. Характер и талант – вещи разные. […].

14 января. Хорошая, морозная, солнечная погода. Вылетели около 8-ми. Ветер в спину. Пока покурили в кабине летчиков, уже Москва. Легко приземлились. Машина уже ждала на аэродроме. Заехал на Жуковское кладбище. Всё занесено снегом. С трудом добрался до могилы мамы. Очистил памятник от снега, поцеловал холодный портрет. Грустно и одиноко без нее на душе. Два метра земли, а как это далеко и недостижимо. Уехал в Москву. Бедлам в гостинице. Очередь секретарей. Неразбериха при регистрации. Протырился без очереди. Разместился в 723-м номере. Передал свои координаты в Пензу. Позвонил В. Стриганову в Минкульт РСФСР. Организовал билет в театр Моссовета. Мы их поим, холим, угощаем, а они нам – билеты по 2 руб. 50 коп. через кассу! Московское гостеприимство! Спектакль Черных «Превышение власти». Сюжет не очень сложный, но весь спектакль построен на полуфразах, полунамеках, бьющих откровенно и нахально по нашим порядкам. Люди это понимают и аплодируют! Вообще московские театры всё больше специализируются на недомолвках, намеках социального плана. Это стало стилем и модой. Видел и Черныха, и режиссера Хомского. Были цековцы. Они считают, что надо критиковать. Если цековцам надо – пусть критикуют. У нас этого [подобных постановок] не будет. Успел вернуться в гостиницу и захватить ужин в ресторане.

16 января. Утром в гостинице Ю. Хесин. Отдал ему лекарства. Уже мало общих интересов. Всё осталось далеко. В новый МХАТ. Хотел послушать О. Гришина и удрать до вечера, но ему дали слово в конце. Пришлось досидеть до обращения и письма. Лучше всего выступали россияне. Хорошо – Гришин. Что-то не обыграл, но многое получилось. В перерыве встретил П. Шибанова, директора фирмы «Мелодии». Договорились, что он сделает пластинку с хором О. Гришина. Заключал П. Демичев. Поразительна его ссылка на договоренность с Е. Тяжельниковым. Плохи дела, если на такого надо ссылаться. После совещания в ЦК КПСС. Походил по отделу. Собрались секретари России у Н.С. Черныха. Много уже потерь […]. Был у Поляничко. Он мне набрал каких-то дерьмовых польских плакатов, записок о Польше. Зачем они мне? Сказал, что еще зайду. В 18.00 – совещание с участием М.В. Зимянина. Нас позвали и нас же кокетливо спрашивают: что же вы хотели? Рассказал о подготовке документа по идеологии. Некоторые очередные дела и международные проблемы. Украинский Мельничук полез и воспитывал нас. Влип М. Тесля. Заставляет слушать «Голос Америки». Зимянин: «Я как коммунист, секретарь ЦК с вами не согласен». Соврал и... попал. Глупо. После я Мише [Тесле]

сказал, чтобы отдохнул немного от выступлений: заболтался. В гостинице разговор с рязанским секретарем. Симпатичный парень. Вышел из помощников машиниста, любит С. Есенина. Подарил мне книжки.

21 января. Солнечное, яркое утро, мягко напоминающее о марте. Беседа с московской комиссией, смотревшей спектакли театра на предмет его гастролей в Москве. Отзывы самые добрые. Уловили главное: наш зритель хорошо принимает серьезные вещи. Попытка ввести легкость («Продавец дождя», «Сладкоголосая птица...») проваливаются. Важно, чтобы театр держался на серьезном репертуаре. У художников. Посмотрели портреты на областную Доску почета. Все они разные, но написаны добротно. Оживят Доску. Потом беседа о социальном заказе. Говорят, что живописцы сидят без дела. Составили список Героев Социалистического Труда – пензяков и заказали их портреты и живописцам, и графикам. Оплату гарантируем. Закончим это выставкой к 110-летию со дня рождения Ленина. Интересно, что выйдет из этой затеи? […].

25 января. Татьянин день без снега и очень морозен. Термометр полез за -20. Лето будет сухим! Со Львом. О чаадаевском полносборном доме. Афиша хорошая, но я не знал, что он хочет ее показать Брежневу, Косыгину. Придется делать специальный номер [газеты]. Дал задание В. Федорову. Ищет сувенир тернопольчанам. Решил – булаву. Меня смутило, что украинская атрибутика. Но он решился. Дал ему портрет Хмельницкого.

В 10.00 – бюро обкома КПСС об итогах сельхозгода. Впечатление странное: вместо серьезного анализа – попытка отчитать всех, угрозы и... никаких выводов, раздумий, поиска путей осуществления сложных планов этого года. Он боится анализа на уровне области, т.к. неизбежно надо идти на признание того, что многое мы сами напутали. Сорвавшись с привычного, в новом взяли не самое эффективное направление (тёлочьи хозяйства обошлись в 120 млн. руб., а ничего не дали) и его не освоили. Результат плачевен в итоге: ни прибавки количества, ни улучшения качества. Стоим на уровне 1974 года! […].

7 февраля. Из дома на Белинск. В степи поземка трассу лижет сухим, холодным языком. Гринь в райкоме. За мной приехал и Н.В. Христофоров. Спрашиваю, с чем идем на собрание, за что агитировать? Недоумение. В с. Пушанино, клуб колхоза «Победа». Собрание. Письмо ЦК в первой части слушают не очень внимательно, когда же доходит до развития индивидуального скота – оживляются. Выступления подготовлены заранее. С места покрикивают о кормах и пастбищах. Пришлось мне выступить с объяснением всех позиций.

Про себя все время мысль (я ее не высказал) о странной политике: развитие ведем так, что постоянно, как нарочно, бьем по животноводству: [имеются в виду] отмена обязательных поставок с крестьян, уничтожение частного скота в городах и селах, повышение заготовительных цен на мясо – все это ударило по рынку. Увеличение планов продажи хлеба сузило возможности заготовки кормов для населения [личного скота]. [Продолжается] диктовка из ЦК, сколько иметь зерновых. Думаю, что и сейчас можем ударить по общественному животноводству, развив частный сектор. Здесь огромная опасность.

После обеда были у В.В. Илёва в Березовке [Березкино?]. Инвалид, 3 коровы и 120 гусей. Довольствуется прихожей и одной кроватью Выпивши. Еще в одной семье. [В ней так живут]: наелись и довольны. На свиноферме. Отсутствует соревнование между фермами. На МТФ. Не знаем никого, кроме доярок. А не они одни решают успех; потеряли других. На турбазе. Хор О. Гришина. Три новые песни. Договорились о концерте. После ужина – в Пензу.

9 февраля. […]. Обедали Куликов, Огарев и я. Хвалит Володя ульяновские порядки. Не шумят, не рвут нервы, умеют отдыхать, а результаты лучше. Революционность иногда хуже умеренности. Умеренность не так ярко выглядит внешне, не имеет броскости, но внутренне цельнее и устойчивее.

[Читал] протоколы ЦК. В. Воротникова, который подавал такие надежды, вдруг из Совмина РСФСР послали послом на Кубу. Что-то случилось. Не потому ли нервничает и крутится в Москве Лев, что хочет на его место вырваться? Может быть и такой вариант. Точно! Угадал!!! […].

11 февраля. […]. Благодатное это место – «Засека». […]. Тысячи людей, свежий воздух и далекие, звенящие просторы. Стало местом отдыха и паломничества пензяков и их гостей. Вернулись домой, пообедали и снова в путь – были в цирке. Интересная программа, много зверей. Сколько бы ни ругали цирк, я его люблю за народность, красочность, известную непосредственность. В театре надо играть роль, используя духовные начала, здесь же – здоровье, сила, удаль и тренировка […]. Лев в Москве. Звонил ему. Будет завтра в ЦК. Хлопочет об атомном котле для Пензы. Поездкой доволен, говорит, что наше искусство достойно представляло область на Тернопольщине. Застрожный написал песенку для них.

13 февраля. […]. В 10.00 встретил на вокзале Льва, а потом и нашу культурную делегацию из Тернополя. Настроение у ребят хорошее. Женя Андреев набрал столько игрушек, что подали отдельный автобус. Когда Шуватов спросил, а как же ему [не дали столько подарков]? Он [Женя]: «Надо заработать»! […].

15 февраля. […]. Потеряно чувство хозяина области. Когда был молодой, до всего было дело. Чем старше становишься, тем ограниченнее интересы, тем меньше подвижность ума. Большие, невыполнимые планы дополнительной продукции не дают, но создают повод для избиения кадров, дерганья нервов. Мы очень серьезно запутались в развитии сельского хозяйства, выступив инициаторами специализации и концентрации, и едва ли найдем в себе силы размотать этот клубок. Нужны свежие силы и мысли. […].

17 февраля. […]. В 10.00 – в клубе им. Дзержинского на городском собрании актива по благоустройству. Хороший доклад А. Щербакова, интересные выступления. Понравилась выставка проектов по районам. Весь актив делал для себя заметки. Надо выбрать на весну и лето несколько объектов, которые обогатят город. Один из главных и интересных – туристская тропа в парке им. Белинского. Надо уже в этом году дотянуть асфальт до видовой площадки, а зеленой дорожкой дойти до «Ласточки», а может и лесного массива у «Засеки». Разбить тропу по организациям и создать укромные уголки с благоустройством и скульптурой. Дело опять стоящее и нужное. […].

25 февраля. Отличный день. Утром морозец и дымка, а к обеду – яркое солнце и капель. Сосульки. В 8.10 – на аэродром. Встретили Афанасьева, главного редактора «Правды». Приехал здорово уставший. Видно, вчера врезали в Ульяновске, а утром еще добавили. Внешне не очень взрачный. Лев его целиком взял на себя. В. Дорошенко обижен, и справедливо, что его не взяли даже в особняк на чай. Мне же наплевать! Заехал в обком. Еще раз уточнили программу. Б. Демин и А. Майорова спорят, когда лучше показывать [гостю] ДПП [Дом политического просвещения]. Задал [им] вопрос: почему ЭВМ никогда не сможет заменить человека? Замялись. Ответ: ее нельзя научить мыслить нелогически. У людей же многое идет от антилогики. […].

26 февраля. К 9-ти – в «Пензенскую правду» на встречу журналистов с главным редактором «Правды» В.Г. Афанасьевым. Немного длинноватое выступление В. Лысова и поразительно короткое В. Афанасьева. Никакой особо глубокой мысли, просто пересказ того, чем занимается газета. Лев решил махнуть на часовой завод без всякой программы (я заметил: чем старше становятся люди, тем вроде бы должны быть спокойнее. Здесь наоборот). Мы с Воротниковым [корреспондентом «Правды»] – в обком, потом в «Современник» на выставку художницы Зацепиной. Поразительно радостный колорит картин: свет, ясность, солнечность и доброта. Поблагодарил ее и пригласил на лето писать в Тарханы. Остановились у дома

Мейерхольда. Наконец, все выселены и начался его ремонт. Просил сделать фотографию нынешнего состояния. Потом сверим, что получилось.

В 12.00 – встреча в облдрамтеатре с Афанасьевым. Схема обычная. Он выступал коротко и без бумажки. […]. В особняк на [улицу] Лермонтова. Хорошее впечатление от Афанасьева: прост, без выкрутас, настоящий русский мужик. Есть смелость суждений. Проехали к «Засеке», выпили там чая. Расстались у «Засеки». По телевизору встреча К.У. Черненко с избирателями. Заикался, слабо знает текст. Но... «Перед отъездом мне позвонил товарищ Брежнев и просил....» Будь здоров! Потом это так или иначе припомнится.

28 февраля. Прямо из дома уехал на Каменку. […]. На границе встретили второй секретарь РК КПСС и предрика Крючков Ф.М. […]. Перекусили и на совхоз «Троицкий». Беседа с директором Герасиным и главным зоотехником Лидией Ивановной. Совхоз «отспециализировался». Остался только рогатый скот. Но, по сравнению к 1975 г., мяса уменьшили с 3087 до 2965, молока – с 20.045 до 14.140. Производили 284 тыс. штук яйца, теперь – ноль. Была свинина, но приехал в 1975 г. В. Дорошенко и под страхом всяческих кар дал команду в две недели уничтожить свиноферму. Люди протестовали, свинарки отказывались вывозить племенных маток на мясокомбинат, однако дурная власть взяла свое, теперь свиньи нет, планы по мясу не выполняются. Одна закономерность, которая просматривается в этом совхозе: чем меньше коров на ферме, тем больше надой. Небольшие фермы удерживают население в селах, которые мы когда-то в горячности объявили «неперспективными». Только за счет таких ферм продолжают жить Колоны, Селитьба, Сальники. Большой вопрос – нехватка в селе девчонок. Ребята возвращаются из армии, а жениться не на ком. Вот за ними и уходят. Проблема удержания девушек на селе возможна за счет развития цехов с девичьим трудом. […].

Опять беседа в конторе. Директор Гуров Влад. Ник. Всего две недели здесь. Плохо знает [хозяйство]. Зоотехники здесь давно, но тоже ничего не знают. И здесь только рогатый скот. Отспециализировались. Когда-то тут полибинский симментал родился на основе купленного на золото в Европе. Был рассадник этого скота на всю Россию. Славился высокими удоями. Теперь же докатились до 1413 кг. на корову! Вернулись поздно в Каменку. В результате поездки – сложное и очень противоречивое впечатление от наших мер по специализации и концентрации. Как в пословице: «собирались – веселились, посчитали – прослезились». Может, направление верное, но методы – торопливость, жесткость, стремление давить, командовать из кабинета и с трибуны – не дали того, что хотели иметь. Скорее, получили обратные результаты, создали себе такие трудности, которые теперь слож-

но развязать. Самое страшное в этом непонимание Львом того, что дров наломали. Когда коротко доложил результаты поездки (подробно не хочется), на всё нашел объяснение, валит с больной головы на здоровую, винит местные кадры […].

2 марта. […]. В совхоз «Серп и молот». Беседа с директором и зоотехником. Все в один голос просят отсоединить от объединения, позволить работать на законченном цикле. Приезд панкратовских воспринимают как банду: отбирают лучших [животных], а дохлых оставляют. Там прибыли – тут убытки. Побывали на свиноферме. Хороший народ, работают старательно. Жалко, что мы своими глупостями осложняем им жизнь. […].

3 марта. […]. Около 2-х часов беседовал с корреспондентом «Комсомольской правды». Диктовал ему свои воспоминания о первом эшелоне на целину в феврале 1954 года. Парень губастый, лохматый, не очень собранный. Не знаю, что у него получится. Обещал завтра утром уже показать написанный вариант. Уехал домой и больше в обком не возвращался. Немного поспал, а потом гулял с Егором по городу. Были у памятников Борцам революции, Марксу и Белинскому. Парень что-то воспринимает.

5 марта. Сидел до 2-го часа ночи. Успел написать самое главное, без чего не может теперь появиться статья, – о значении книги «Целина» и встречах Л.И. Бр. [Брежнева] на комиссии Министерства совхозов СССР. […]. Смотрел еще раз материалы, которые подготовил корреспондент, и свои. Нельзя соглашаться в таком ответственном деле на непричесанного корреспондента, надо все делать самому […]. Позвал писателя Н.И. Каткова и продиктовал ему вторую часть – об эшелоне. Созвонился с «Комсомольской правдой» и попросил интервью не печатать, ждать моего варианта. Обещал 7-го послать фельдсвязью […].

8 марта. […]. Утром звонил в Лунино. Позавчера у Валерия Майорова случился инфаркт. Хандрил давно. Месяца три ходил с температурой. Раз прогнал его из района в спецбольницу. Теперь инфаркт. Положение сложное. Может сомкнуться с воспалением легких. Нажал на Самохвалова, чтобы выехали наши врачи.

В «Вечёрке» [газете «Вечерняя Москва»?] – о заседании юбилейного комитета по подготовке к 100-летию со дня рождения Ф. Гладкова. А он наш, пензенский. Надо будет связаться с этим комитетом и продумать наши меры. Камень в Ключах [село рядом с родной деревней Ф. Гладкова] обязательно поставим. […].

9 марта. […]. Вечером в театре смотрели с Верой А. Островского «Не было ни гроша...». Современная трактовка, отличный от классики темп. Хорошо ведет сложную роль Уксусов. Вообще весь ансамбль актеров неплох.

Е. Евтушенко. «Утренний народ» [поэма]. Конечно, много такого, за что критик-чистоплюй может зацепиться. Но я подумал о другом: кто-то же должен писать современную правду о нашей эпохе. Не все же бить в литавры. Евтушенко выступает летописцем нашей эпохи.

10 марта. Вчера и тепло, и солнечно; к вечеру на солнечной стороне капель дождичком стучала по подоконнику, а грачей всё нет. Из дома уехал на Кузнецк. Старанием Льва и этот день отдыха сделан рабочим. Чего нам надо? Поменьше паники, побольше деловитости; поменьше увлечений текучкой, побольше забот о перспективе, поменьше обличительных речей, побольше внимания к людям. В клубе колхоза «Гигант» (с. Анненково). Лев торгуется, сколько дать двум председателям – по 8 или по 10 минут. Начинает совещание. 30 минут допросов и обличений областного начальства (выслуживается перед районщиками?), потом заключение еще на полтора часа. […]. До чего же все это осточертело – блевать хочется! С Виктором вырезали свинофермы, теперь жмет на восстановление, даже не извиняясь за глупость. Дело возмутительное! […].

В газете «Правда» статья «Великим землякам». Приятно, что замечено наше старание по устройству музеев и, главное, получила одобрение моя идея создать музей А.И. Куприна в Наровчате. Это уже победа!

12 марта. […]. Занимался перспективными делами. Пробил окончательно гастроли нашего театра в Москве. Дают или Театр Пушкина, или Сатиру. Это – событие. Поручил Кульковой, Трушину, Фединой решать капитально с музеем Куприна, готовить предложения по 100-летию Блока, думать по 100-летию Ф. Гладкова. Разговор о любви к родным местам. Потом совещание по ударным объектам летнего благоустройства в городе. Набор объектов большой. На каждый назначили комиссаров и создали тройки. Я хочу взяться за самолет Ил-18 и Туристскую тропу. О самолете [говорил] с Шихалеевым. Посылали бригады конструкторов в Ростов и Куйбышев. Не решил, [что оборудовать в самолете] – кинотеатр или кафе.

Жуткая история с пензенскими «Маугли» из Колышлея. Им 3–5 лет. Воспитанники собаки. Передвигаются на четвереньках, рычат, писают, подняв ногу, спят на полу клубком, лакают из чашки. Послал разбираться. Надо кого-то привлекать к ответственности. И это в наше время!

13 марта. День серый. Утром снегопад, а в поле, вероятно, мело. Может это «Грачевник»? К вечеру сырой ветер. Около 0. Немного занимался венгерскими делами. Помог Балашову с оплатой гранитных работ. Встретился со Львом. Спокойный разговор. Важно, что я его втянул в ряд дел: объекты городского благоустройства, самолет, договорились о музее А.И. Куприна, о Блоке и блоковской роще у Колышлея, о Гладкове (что-то путал с саратовцами), о кадрах (намечена серия перестановок). […]. Заехал на набережную Суры. Определил площадку под установку самолета Ил-18. Скорее всего, пустим его под кафе-мороженое. Заходил в «Праздничный». Живет, но накопилась масса вопросов. Все отвернулись, а жизнь выдвигает новые вопросы. […].

16 марта. [В Москве]. […]. Созвонились с Л. Ошаниным. Единственный, кто позвал к себе домой. Поехали всей делегацией. Московская богема, хаос и беспорядок в поэтической квартире. Около 10-ти уехали в гостиницу. Приятно провели вечер, хорошо, что он безалкогольный мужик. К В. Бокову дозвонился, но он – на несколько минут в Москве! […]

24 марта. […]. Около часу дня – обед и проводы М.П. Горбулина, главного редактора журнала «Агитатор». Он в восторге от Пензы, говорит какие-то добрые слова в мой адрес. Заехал в обком. Есть «Комсомольская правда» с моей статьей «По зову партии»! Шучу, что подошла старость, начал писать мемуары. Первый блин вышел хорошо. В газете сократили, но с умом и тактом. Статьей удовлетворен. Есть хороший повод для ее расширения в будущем.

25 марта. […]. Пошли с Егором гулять. Отстояли в очереди на Московской за мороженым, отнесли его домой, а потом опять вниз, до кукольного театра. Якобсон встретил торжественно, одетый и подтянутый. Критика помогает и подтягивает людей. Смотрели спектакль по П. Бажову «Дочь золотого змея». Я потом сказал режиссеру М. Супонину, что у него тяжелое детство. Много мрачности, пауз, мало динамики. В 14.00 у нас гости: Яковлевы, Лансковы, Филина, Самохваловы. Понравился анекдот: я иду в 8 утра, «кукушка» не кукует [сломалась]. Попало [от меня] руководителям Ленинского района. Зубков и Мельников собрали руководителей предприятий: «Надо сделать!» На следующее утро идет Зубков: «кукушка» кукует! Здорово! Походил по городу, зашел к Мельникову. Тот охрипший у себя в кабинете. Борис [Зубков] ему: «Все-таки отремонтировали «кукушку» предприятия!» – «Да это я сидел в часах и куковал!.. А если фонтан выйдет из строя? Мы всем районом не сможет его заменить». Приятный обед, без хамства, с обильным столом,

умеренной выпивкой и спокойными разговорами. Егор воспитанно сидел за своим столиком и пил «шампанское». Разошлись после 7-ми вечера […].

26 марта. […]. Сообщили, что в 14.10 в нашем аэропорту приземлился навечно самолет Ил-18. Надо искать решение, что с ним делать […].

27 марта. […]. К 10.00 – в аэропорт смотреть Ил-18. Ерзунов, Щербаков, Попрядухин, Шихалеев. Потрясает своей мощью и элегантностью. У меня – восторг. Тут же рассмотрели первые варианты его переоборудования под кафе-мороженое «Полет». Заехали на место установки: набережная Суры, за канатным мостом, к «Праздничному». Потом с Щербаковым и Попрядухиным к заводу медпрепаратов на детский сад. Учебный комбинат в работе, но влез Госархстройнадзор и Госбанк. Пришлось снять запрет! После обеда был на школе №1. Давно тянется волынка с реставрацией старого забора. Полгода спорят, решение нашли за 10 минут на месте. В «Праздничном». Душа не лежит, но надо дотягивать, а тянут плохо. В 17.00 совещание – по «Полету». Раздал всем задания. Генеральным комиссаром назначил В.И. Киркиянова. Верю в него. После позвал Евдокию Анисимову. И в нее верю. В 18.00 [собрал] всех заинтересованных и решил вопрос о строительстве спортзала у бассейна. […].

6 апреля. Ночью морозец до -5, метель утихла. Солнце, холодный ветер. Завтрак в Тамале. Опять разговор о проблемах миграции. То, что вчера видел и понял, приводит к грустному выводу: наверху не очень беспокоятся о судьбе и будущем русского народа, составляющего фундамент нашего государства. И это не первый раз. В 30-е годы под видом революционных преобразований размотали все русское. А как только возникла война и начались первые трудности в защите государства, вспомнили: «Пусть осенит вас мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Вот так! И теперь идет та же чехарда: русский народ тает, живет хуже других, его грабят всякого рода армяне, азербайджанцы, осетины в виде диких бригад на стройках, увозящие миллионы рублей его денег. На эти деньги у себя сооружают замки, покупают машины, рожают детей, а Русь пустеет. […].

8 апреля. […]. Ко мне зашли Миша и Егор, с ними проехали к «Засеке», потом обед дома и долгий сон. Вечером в театре. В. Розов, «Гнездо глухаря». Меня приятно обрадовало главное: отличная игра всего коллектива, удачный подбор актеров и довольно высокое мастерство. Хорош Смирнов, точно играет Шапоренко, отлично Марсова. Сюжетно острый спектакль с подтекстами. Режиссер правильно

расставил акценты, но при всех вариантах спектакль несет одну истину, которая становится всё яснее: социализм не безоблачное общество всеобщего благоденствия, он битком набит противоречиями и общественного, и особенно личного порядка. Даже, пожалуй, мысль идет дальше: при внешнем благополучии люди внутренне чувствуют себя не очень уютно, у них много поводов для всякого рода переживаний, срывов, необъяснимых поступков...

10 апреля. […]. В 10.00 смотрел проект переоборудования кинотеатра «Октябрь» под стереокино. Понравилось, что всё сделано без особых мудрствований. Одобрил и сказал, чтобы делали чертежи. Пора приступать к конкретному делу. В 11.00 – об интерьере аптеки №1 Бартнера. Англичанин. Появился в конце прошлого века. Делал лекарства, воду, гуталин, чернила. Бежал в 1917. Сына за связь с белой гвардией расстреляли в Пензе в 1919 г. Архитектура интересная, надо бережно сохранить, но улучшить внутреннее содержание. Проект, который принесли, явно неудовлетворительный.

Ездил в ПТУ №2 (строителей). Интересовала обстановка в училище да и сам директор Ларин. Впечатление огромное. Очень добросовестный и талантливый человек. Есть свой подход и умение делать дело. Будем рекомендовать его на начальника областного управления профтехобразования. Новая эпоха, нужны деловые люди. […].

11 апреля. Опять пошел дождь и снег. Пасмурно, около 0. Весна здорово тянет. Утром у Льва рассматривали ход работы с поврежденной электролинией. Особенно много высоковольтных опор упало в Сердобском, Колышлейском, Каменском и Пачелмском районах. Гололед здорово врезал. Весь день посвятил рассмотрению дел на ударных объектах благоустройства, которые взял под свой контроль и буду за них биться летом этого года: музыкальная площадка в сквере Лермонтова, каскад из двух прудов у гостиницы «Ласточка», вход в библиотеку Лермонтова с Кировской улицы, обозначение крепостного вала Пензы на ул. Кирова, установка диорамы на Тамбовской заставе, благоустройство у памятника Белинскому на той же улице, Туристическая тропа, ее этапы, сооружение «маяка погоды», приспособление самолета Ил-18 под кафе, строительство летнего шахматного клуба, создание музея в доме Мейерхольда, благоустройство Ботанического сада, благоустройство парка имени Белинского, создание озера в Арбековском парке, строительство велотрека в Арбеково, завершение сквера у памятника Победы, строительство лодочной станции у «Праздничного». Вызывал рабочие группы и комиссаров, уточнял детали, сроки, порядок строительства. Вечером

большой разговор о завершении ДК в г. Кузнецке. День очень напряженный, но полезный для города. Люди получили полную ясность и почувствовали ответственность. Теперь все зависит от них, за нами остается контроль. […].

13 апреля. День светлый, солнечный, но с холодным ветерком. Завязла весна в сугробах и снегопадах, опаздывает. С Устиновым М.О. – первым секретарем Наровчатского РК КПСС – еще раз условились, что этим летом обязательно будем делать музей А. Куприна. Актив райцентра хорошо, с энтузиазмом воспринял эту весть. Киркиянов В.И. и шахматист Яцун принесли очень оригинальный проект шахматного клуба. Здорово решен внешне: две туры и цилиндр. Надо бы сделать. Была бы в Пензе и интеллектуальная достопримечательность. […].

14 апреля. […]. Лев и Виктор сообщили, что Н.Ф. Васильев назначен министром мелиорации СССР, а вечером, когда провожали Льва «Сурой» в Москву, Виктор сообщил, что 99% за то, что кандидатура Льва будет рассматриваться на освободившееся место. Может быть такое, да и Льву всё надоело и успел он многое запутать, лучший выход – уходить! Виктор нервничает, стремясь на его место, хотя, скажем откровенно, фигура его весьма и весьма сомнительна. Но в нашу эпоху всё может быть! А вообще-то узлы пора развязывать, надоели все друг другу. Пусть будет, что будет; нет ничего вечного, да и быть не должно. Что касается меня, то я абсолютно спокоен, зная, что, как только откроют личное дело и увидят – «комсомолец», отпрянут. Дай бог, чтобы не смотрели дело и вообще забыли обо мне. Все бывшие «комсомольцы» ушли в тень.

18 апреля. Солнечный, ясный день, но не очень тепло. Ручьи бегут, но реки все еще молчат. Весна никак не войдет в свои права. Уехал на Шемышейку. Смотрел памятник павшим. Сделан неплохо, хотя тянули долго. Потом смотрел районную библиотеку. Получается хорошо, но надо дотянуть с художественной и вкусовой точки зрения. Дом обороны, набережная, строительство СПТУ. Хотели поехать на Усть-Узу, но что-то нет настроения тащиться по плохой дороге, да и вообще нет настроения. Вернулся в Пензу. Ф. Куликова срочно вызвали в Москву. Закручивается какой-то клубок. Самые недобрые предчувствия в связи со срочностью вызова и розысками орготдела ЦК. Вечером зашел к Дорошенко. Опять гадания, назначат или не назначат. Виктор считает, что не решатся – сельхозотдел не согласится. Я сказал: что Черненко решит – то и будет.

Звонок из газеты, что Лев назначен первым замом председателя Совета Министров РСФСР. Тут всё ясно, но не очень ясно – может быть, Федора изберут пер-

вым. […]. Что меня не пропустят из-за «комсомола» – это ясно. Что обойдут Виктора – непонятно. Настроение самое хреновое. […].

19 апреля. Опять снегопад. Смотришь в окно и кажется, что вернулся февраль. Проводил Егора в сад и в обком. Тишина, никаких звонков. Сообщил Акимову – прибежал посплетничать. Кого? Похоже, Куликова. Почему? Лев ищет вариант, чтобы после него было хуже, а на его месте сидел человек, который каждое утро будет получать наряд и слепо его выполнять. Федор плохо представляет все те узлы, которые завязал Лев и которые он едва ли решиться сам развязать. Лев всегда думал не о деле, а о себе. […].

Из Рязани «Святой черт». Распутина утопили, но распутинщина сохраняется (Черн.) [Черненко].

20 апреля. Вчера думал и пришел к выводу: беда моего поколения состоит в том, что верой и правдой, не жалея сил, служили партии, забывая и упуская из вида такие немаловажные детали, как жополизание, подхалимство и угодничество. Нам в юности не было нужды и времени учиться этому, а в старости уже ни к чему.

Страшная метель ночью. Утром город буквально завалило снегом. Встали троллейбусы и автобусы. Мы на «уазике» едва пробрались до обкома КПСС. Московская улица забита машинами. В обкоме тишина. Виктор залег дома с сердечной аритмией. Конечно, нервничает. Ему позвонили из Москвы, что Лев нас обоих, ради того чтобы протянуть Федора, обоср… Уехал на «Пензтекстильмаш». «Ленинская пятница». Выступление в цехе. Народа много. После окружили. Зло – в масле. Требуют талоны. Как в песне – «то ли еще будет»! Федор у меня, растерянный. Я сказал, что он – не участник комбинации. У меня к нему нет претензий, сохраню лояльность. Виктор у меня. Обсудили ситуацию. Решились держаться в рамках, чтобы не давать повода для злорадства. […].

21 апреля. День посветлел, солнце, но около -2. Страшная борьба зимы и лета. Вчерашний и сегодняшний анализ действий Льва показал линию его поведения: пристрастился к Черненко […]. Н. Васильев вылетел на пост министра мелиорации из-за Льва. Лев бился за этот именно пост, чтобы иметь влияние на события в Пензе, особенно в сельском хозяйстве области. Он – автор выдвижения Ф. Куликова. При этом руководствовался своекорыстными целями: 1) будет ему лично предан и обязан; 2) не пойдет на обнажение провалов; 3) каждый день будет получать наряд от него. Лев хочет сохранить свое влияние на область, но жизнь это неизбежно отринет.

Лев приехал в обком около 9.30. Я и все молчат. Никто не идет [к нему]. Собрал секретариат. Ни радости, ни поздравлений. В обычном порядке договорились об обычных вещах: пленуме на среду, планёрке. Получив вчера [от меня], еще раз сегодня решил идти на личные объяснения. Первым позвал меня: «Будешь ходить или сядешь?» Сел. «Мы с тобой проработали 18 лет, может, нам надо поговорить?» О чем? Все ясно. «Можно, значит, обойтись без разговора!» (с нажимом). [Я]: «А о чем говорить? Можно вполне обойтись без этого». [Он]: [«Я сам] ошарашен. Меня назначили, я не знал и не спросили». Молчание. «Когда решали о первом [секретаре обкома], тебя не рассматривали». – «Я знал, что не будут рассматривать. Меня это не волнует. У меня к Куликову нет вопросов. Думаю, что ты нагадил в ЦК на меня. Вот что беспокоит». – «Честное партийное слово, не давал характеристик». – «Пусть это будет на твоей совести». О Ерзунове, Лагуткине, о том, что я уже говорил с Федором.

Зашел к В. Дорошенко. Он ждет беседы. Рассказал ему смысл. Договорились, что займет ту же позицию. Потом мне позвонил [Дорошенко]. [Сказал, что Ермин] – помятый, хуже, чем после глубокого похмелья. Та же схема. Он [Дорошенко] не стал обсуждать, но выдал, что не понял решения о Федоре. Не знаю, что [скажет Ермину] Акимов.

22 апреля. Сегодня Пасха. День светлый и солнечный. По старой русской традиции, у нас есть и кулич, и творог. Из дома не выходил. […].

В газетах [опубликовано сообщение] о присвоении звания лауреата Ленинской премии «в области литературы, искусства и архитектуры» (!) за книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» Л.И. Бр. [Брежневу]. Не прошло (с декабря) и полгода, как еще одна награда за труд, который едва ли принадлежит ему. Да еще небрежно (не по делу) дописали «за неустанную борьбу за мир». Какое это имеет отношение к литературе? Теперь будет четыре звезды и четыре медали […].

23 апреля. Солнечно, светло, но не очень тепло. В 9.00 у меня планерка. Говорят, что Лев плохо себя чувствует и будет позже. В бодром духе, без какого бы то ни было надрыва, с хорошим настроением провели планерку, договорились об очередных делах, назначили пленум. Из общего ансамбля выпадает мрачный В. Огарев. Может, и он понял, что мог бы быть первым секретарем обкома. […].

24 апреля. Серый, пасмурный день. Иногда шел дождик. Холодновато. Утро началось с паники. Лев позвонил Федору и предупредил, что завтра может не быть на пленуме. Просил подстраховать в ЦК КПСС. Федор [позвонил] Кудрявцеву, тот заставил его звонить Б. Моралеву. После советов где-то выше принято решение:

пленум отложить до выздоровления [Ермина]. Федор пришел растерянный, чувствует себя не очень ловко. Я дал команду обзвонить пленум, не объясняя причин. Разговор с Федором. Он, кажется, искренне нервничает, что его втянули в то, о чем и не думал. Я высказал свои замечания. [У него, Куликова] есть преимущество – [он может] изменить стиль работы. Недостаток [Ермина] – провалы в сельском хозяйстве и снабжении. Причины [моей] холодности с ним [Куликовым] не связаны. Через Федора Лев попросил [меня] позвонить. [Говорил с ним] по телефону – испуган болезнью, просит заехать. Разговор 10 минут. Вид у него плохой. Постарел и осунулся от первого удара. Сначала о деле. Не хочет и не думает.

– Хочу посоветоваться. Может, мне остаться?

– Сложно. Всё наверху решено, [там отказов] не любят.

– Сяду, когда поправлюсь, и поеду с ним [Куликовым] в Москву.

– Сейчас рано решать. Надо поправиться.

– Звони мне.

Анализ домашний, а потом с Дорошенко, позволяет сделать выводы: [Ермин] испугался, передумал, струхнул, позвонил К. Черненко [попросил перенести пленум]. Тот согласился, дал команду Капитонову, тот – отделу: до выздоровления не проводить. [А ведь] могли и без него провести. Только послать [в Пензу] инструктора. Виктор: «Это неслыханно!» Но [о Брежневе] – маршал, [орден] «Победы», Жискар де Эстен – возможны, а почему это невозможно? Всё возможно. Узел запутывается. Сложно и тошно.

25 апреля. Заехал в обком. Да, первый солнечный, теплый день. Виктор просит зайти для анализа. У него новость. Через Татьяну [Ермину] вечером [Ермин] затянул его [к себе домой]. Смысл разговора другой: «Извини, что не настоял на твоей кандидатуре. Без тебя работать не могу. Давай в Москву, а Хлевного – на председателя облисполкома». Столько-то там платят, такая-то дача. Не знаю, что отвечал Виктор, но разговора не получилось. Дешевая покупка. Опять анализ, раздумья. Общий вывод: он мечется, делает всё в панике. Скорее всего, вариант такой: позвонил К. Черненко, условились, что после выздоровления окончательно решат вопрос, а пока он сам мечется и не знает, куда кинуться. Поживем – увидим.

Всё у нас сложно, а в Куйбышеве, по логике, уже состоялся пленум. Лев так не умеет. Да, Сизенко ему подтвердил, что Лев его [Дорошенко] в ЦК [оклеветал]. Весь день в кабинете. Народа почти нет и телефоны молчат. Все затихли. Написал на 9-ти страницах конспект новой статьи о Старых Черкасах. Вроде логика выстроилась. С В. Харазовым по ВЧ откровенно: «Поздравляю, что освободился от деспота. Тебя [твою кандидатуру на пост первого секретаря обкома] не могли рас-

сматривать, там помнят всех московских «комсомольцев». За эту память зачетные очки получат [те, кто проявил «бдительность»]. Особенно стараются Моралев и Петровичев. В Москве не приходят [к власти] бывшие «комсомольцы». [Сотрудники ЦК] боятся показать контакты [с ними]. В ЦК [Харазову] намекнули на комсомол. Но жизнь прожита хорошая и не зря! Это главное»!

По телевидению – указ о награждении орденом Ленина А.Б. Чаковского. Стал ясен подлинный автор «Малой земли», «Возрожения» и «Целины». Ты мне, я тебе!

28 апреля. Опять теплый день. Здорово разлились Уза, Сердоба, тонут села в Лопатино, Шемышейке, сложно в Сердобске. В Пензе уже играет свою роль плотина. Приехал в обком. Звонок в ЦК Кудрявцеву, потом Моралеву. Этот что-то злится, что его беспокоят. Лев договорился с Капитоновым: пленум назначен на завтра. Прилетает инструктор ЦК Ярцев. Всё встало на место. У меня одно желание – скорей кончить эту чехарду […]. Я успокоился, а Виктор всё нервничает, хотя сделать уже ничего не может. Игра самолюбия. Из всех зол Федор – самое малое. Понравилась мне притча с перстнем Соломона, на котором надпись: «Всё проходит». Это успокаивает. В 15.30 рассмотрели некоторые вопросы весеннего сева с Виктором и Федором. […].

Вечером прибыл А.П. Ярцев из ЦК и Ф. Куликов. Согласовывали порядок проведения завтра пленума обкома. Я вёл себя предельно спокойно, ни одним мускулом не показал, что дрогнул, обиделся. Не хочу давать пищу для разговоров в отделе. Хрен им!

29 апреля. Опять жарко, днем было похоже на суховей. Сура всё пучится, плотина уже не держит. Не рассчитали. Паводок, хоть и очень поздно, но большой. Пока чуть-чуть не достиг уровня 1970 г. Правда, меня всё это мало пугает и беспокоит. В 9.30 – бюро. За пять минут без каких-либо замечаний решили кадровые вопросы. Лев заигрывает с Виктором, что-то [говорит] Акимову, интересуется поездкой Глушенкова. Меня он на дух не берет, и я доволен. […]. Виду не показываю.

В 10.00 – пленум обкома. Порядок странный. Лев зачитал решение Политбюро и сам себя освободил. Он же внес предложение об избрании Ф.М. Куликова первым секретарем. […].Избрали [секретарем обкома] Зубкова Б.Ф. Выступление А. Овтова. Не удержался в рамках скромного, перехватил лишку. Аплодировали здорово, но у меня тайная мысль: а не аплодируют ли тому, что освободились от Льва. Слез и истерики не видно. Я объявил о его награждении грамотой обкома и вручил ее сознательно холодно, без эмоций и тем более поцелуев. Саморекламная заключительная речь Льва. Всё очень нескромно и неумно. После пленума члены

бюро полезли целоваться. Я ушел через другую дверь, не пожав руки и не поздравив. Банкета не состоялось. Никто из секретарей РК КПСС не зашел ко Льву. Страшный вакуум. […]. Зав. отделами не зашли, из секретарей только Акимов, ну, и Федор по должности. Дорошенко не пошел. Выпили с ним по рюмке за «освобождение». [Я] уехал домой, гулял с Егором. После обеда дома. Думал о культе. Сколько его ни культивируют, как ни стараются всякого рода «садовники» и селекционеры, но семена такие, что не дают пышных всходов. Хоть умри!

30 апреля. Солнечный день, но с очень резким ветром. Небывалое дело: сегодня разгар половодья в Пензе. Сура разлилась, плотина удержать весь поток не смогла, пришлось открыть все шандоры. До уровня 1970 г. не дошло, но было близко. Маньчжурию, Согласие затопило, а на Пески вода только зашла. В обкоме суета, но я туда не пошел. С Егором гулял. Спустились прямо к реке, к бывшему Лебедёвскому, теперь Казанскому мосту. […]. У постамента обелиска в реке свободны от воды три камня. В самые критические моменты 1970 г. оставался один камень. […]. После обеда – на стадион «Темп». Встреча с «Динамо». Народ пришел как на праздник. Официальная часть прошла тепло и хорошо, а интересной игры не получилось. Подвела вода на льду, да и Голиковы играли откровенно лениво. Или устали, или не хотят. Это огорчило болельщиков. Н. Озеров по ЦТ [Центральному телевидению] сказал хорошо, но много наврал. Сам факт важен: новое слово в спорте. Беседа с Юрзиновым, Давыдовым и Кузнецовым. Обмен сувенирами. Договорились о дружбе. Просят А. Герасимова. Вечером ездили по городу. Мало интересной иллюминации, выдумки. Много повторов и даже темноты.

Когда я думаю о причинах, истоках нынешних непорядков, то невольно мысль идет в одном направлении: все это не есть результат промахов одной личности. Нет, чем дальше, тем больше рождается убеждение, что всё это заложено в самой системе, ее основах, ее направлении при определении и выборе путей движения. Кто знает, а может, зерно посеяно тогда, когда шли яростные споры о формулировке параграфа 2-го устава партии, а потом с приходом к власти дополнено такими внешне безобидными решениями, как разгон Учредительного собрания, отказ от сотрудничества с другими партиями в составе правительства, введением красного террора и расстрелами на месте без суда и следствия, решении X съезда РКП (б) о единстве партии и запрете какой бы то ни было фракционной борьбы (за фракционную мысль можно выдать любую, не соответствующую взглядам руководящего ядра). Без железной дисциплины невозможно было победить в жесточайшей классовой борьбе, но нужно ли и полезно ли для развития общества превращать ее в абсолют в любых условиях? Тут есть вопрос и немалый вопрос.

Отсутствие критики пагубно сказывается на развитии, снимает внутренние двигатели. Еще об одной закономерности: чем старше общество, тем старше у него руководитель. Старших будут менять старшие. Без какого-то взрыва невозможен прорыв молодежи к руководству. А это едва ли положительно. Молодежи свойственна и свежесть, и смелость мысли.

3 мая. Солнечно, жарко, сухо. Народ в костюмах. Березки выбросили первую свежую зелень молодой листвы. Хорошее настроение. Первый раз за многие годы легко иду на работу. Разговор с Федором. Согласовываем общую точку зрения на стиль, методы, распределяем обязанности. В 9.00 – секретариат обкома КПСС. Те же вопросы, но в более мягкой редакции. В 9.30 – планерка с выступлениями отделов, их предложениями. [Принята] моя схема, от схемы Льва он [Куликов] откровенно отказался. И это хорошо. Рассмотрели на секретариате кандидатуру на первого секретаря Ленинского РК КПСС. Обсудили и решили рекомендовать В. Сидоркина.

Работал день у себя. Спокойная обстановка, как-то легко дышится и работается. По телефону без всяких осложнений и мудростей решили столько вопросов, на что Лев потратил бы два-три дня: о декаде Тернопольской области, о дне Лермонтовской поэзии, о фигурном катании, сокращении миграции. Встретился с Б.Ф. Зубковым. Отдал ему весь перечень объектов по благоустройству, но сохранил некоторые для доводки. Вечером разговор с Федором. Без хитрости. […]. И домой уехал в хорошем настроении, и дома хорошее настроение. Просто мы за 18 лет отвыкли от того, что какой-нибудь самый простой вопрос можно решить без дерганья нервов. […].

5 мая. [В Вадинском районе]. День жаркий, солнечный, утром +26, но без суховея. Астраханец остановился. Какая-то свежесть и прохлада в ветерке. А. Калинкина удрала в хозяйства, а я из ее кабинета переговорил с секретарями РК КПСС Пачелмы, Б. Демьяна, Лопатино, Н. Ломова, Лунино. После завтрака сразу поехали в Сергиево-Поливаново, Тенево, Лопатино. Сев у Б. Луки. Качество. Ртищево, потом Польная Крутовка. Школа, где 13 учащихся. В доме женщины-матери: девять детей, 6 сыновей и 3 дочери. Жить сложно. Показывает ордена «материнства», но хоть бы 100 рублей к каждому ордену! Русских остается мало, а тех, кто решается [иметь много детей] – не поощряем. Многого не понимаю. […].

7 мая. […]. Написал и отправил письмо Е. Евтушенко с предложением приехать в Пензу. Посмотрим, что ответит. Хорошо бы. Мне он всё больше и больше нравится правдивым подходом к жизни. Не одно «ура!» в его поэзии. С женой В. Пику-

ля об И. Долгорукове. Говорит, что по Распутину всё написано, но в журнале публикуют с большими сокращениями. Сейчас он напряженно работает над «Фаворитом», романом о Григории Потемкине. […].

9 мая. […]. Мысль странная, но неизбежная в этот день: единственный город в Советском Союзе, где нет никакого памятника Победы, – Москва. Все областные, республиканские города, многие районные центры, так или иначе, с большим или меньшим размахом, отдали дань уважения павшим воинам, соорудили обелиски. А в Москве – «могила неизвестного солдата». Почему неизвестного? Всех или призывали по именной повестке, или по заявлению добровольца. У нас не было наемных войск, а могилу мы восприняли из Франции. И сделали ее плохо. [Прах взят] только из Подмосковья. А если бы «братскую», перевезти гробы солдат со всех полей битв, похоронить командующих фронтами, здесь же могилы Жукова, Василевского... Как бы это обогатило память о войне! В Москве этим заниматься некому. Не хотят. Тратим миллионы на Новороссийск, т.к. там «малая земля», а на Москву нет ни желания, ни средств. Каждый, ставя памятники, хочет увековечить себя, а не солдат. Беда! Обед в обкоме. Спал дома. Вечером вторая серия «Великой Отечественной».

10 мая. […]. Говорил по телефону с В. Пикулем. Жалуется, что его не берут издательства. Книги себе он покупает у спекулянтов. В Риге живет, т.к. в Ленинграде не было жилья. С удовольствием бы переехал в Россию. [У меня] тайно бьется мысль, а не затащить ли его в Пензу? Он много может дать для славы области. Пикуль роман о Распутине назвал «Нечистая сила». В журнале без него переделали «У последней черты». Из 40 листов сократили 8.

А. Чаковский оказался верным своему слову. Прислал книгу с автографом. Так можно собрать богатую библиотеку, если заводить связи. Послал письмо с приглашением на Лермонтовский день поэзии.

12 мая. […]. Н.И. Катков – о писательских делах. Наметили список поэтов, которым пошлем письма с приглашением на Лермонтовский праздник. Звонил В. Пикулю. Хотел перетянуть его на пензенскую землю. Рад предложению. Но пока не поддается: больна жена, трудно перетаскивать огромную библиотеку, а главное, надо закончить роман «Фаворит» о Григории Потемкине. К осени – уже первый том, всего – 70 листов. Я ему сказал, что он русофил, и ему трудно в Прибалтике. Ответил: «Я – друг Аксакова, но ехать не могу. Запомню на случай». […].

13 мая. […]. Временами казалось, что время работает на нас, на самом деле – против нас. Наверху создали обстановку боязни к группе комсомольских работни-

ков ЦК и Москвы 50-х годов. Ребята вроде толковые, но их зажали всех. Я наивно думал, что меня забыли. Когда вызвали с предложением ехать в Афганистан – насторожился, когда же узнал, что после моего отказа поехал туда Семен Веселов (секретарь МК ВЛКСМ 50-х годов) выстроилась система: и меня не забыли, держат всех на примете и учете. Говорят, что мое личное дело не раз со всякими предложениями таскали в ЦК КПСС, но как только просвечивало комсомольское прошлое, отбрасывали. Последняя попытка была у А.И. Шибаева. Вместо меня [на пост секретаря ВЦСПС взяли] Сергея Козлова из Азербайджана. Вот так!

14 мая. Начали день с традиционной планерки. Федор отказался от метода Льва, следует моим приемам: дает слово зав. отделами, решаем вместе, а потом он очень коротко заключает. Атмосфера спокойная, деловая, не дергающая нервы. […]. Вечером прочел М. Горького «Исповедь». Понимаю, за что его не очень любил Лев Толстой. Многое из головы, от выдумки, построения схем. Душа моя не подстраивается к Горькому. Талантлив, словом владеет хорошо, но много холодного, рассудочного. Исключая «Фому Гордеева».

15 мая. Жарко. Из дома прямо на каменскую грань. А. Овтов с директором совхоза «Ленинский» встретил на границе. По полям. […]. Показали место усадьбы декабриста Горсткина. Теперь здесь сельсовет. На Вражское (говорят, от оврага: «овражеское»). Разговор со стариком. Интересовал Тухачевский. Поместье [его] на хуторе, церковь [была] – в начале села, где сирень. История с Юркой (жених, 17 лет) [об умершем Юрии Тухачевском]. Некуда было сливать в колхозе горючее. Вскрыли склеп [Юрия, чтобы взять кирпич]. Четверым [колхозникам] дали по 10 лет. Один не вернулся, трое отсидели по 5 лет.

На севе говорил со стариками. Хороший народ. […]. Проехали мимо Колонов, на брошенную Андреевку, д. Безруково. Умирающая Русь […]. Большой разговор с А. Овтовым. Соловьи поют вовсю.

17 мая. […]. От грани к колхозу «Прогресс» (с. Кукарки). Большая беседа на полевом стане. Вроде бы пока ничего тревожного в погоде нет. Влаги в почве много. Обед в Белинске. О. Гринь надоедает со своими мемуарами. Устаешь от его воспоминаний. В Тарханах. Беседа в конторе. По проекту школы №1 отложил до Пензы, по воде в склепе – решил смотреть на месте. По мемориальной комнате на ст. «Белинская» – одобрил первые наметки. Отверг остекление. У склепа вода всё стоит, даже тритоны плавают. Неприятно. Решений нет, одни сомнения. Валят, может, не без оснований, на плохой водопровод. После раздумий, сказал, чтобы копали узкую траншею на 2,5 м у церковной ограды. Если водопровод или верхо-

водка – перехватим, поймаем ее и уберем в дренаж. Окончательно решим в субботу. 3 года тянем и мучаемся.

22 мая. Свежий ветер, прохладно, хотя и солнечно. Уехал из обкома в Тарханы. Опять ищем решение, что делать с водой в склепе. Вода стоит, тритоны плавают у гроба. Боюсь за часовню. Есть вариант забить шпунт. Но варианты идут, время течет, а решений и действий нет. Дал команду заводить экскаватор. Просадили траншею у церковной стороны. Вода где-то на глубине 2 м 20 см. бьет родником. Думал перехватить, а траншея быстро обвалилась. Работа пустая. Не рассчитал. «Беларусью» [вырыли?] траншею за склепом у пруда. Не знаю, что она даст. Еще один совет. Решили пробовать создать бурением бетонную стенку вокруг всего склепа. Бурить скважины, заполнить тонированным цементом. Надо неделю считать. На том пока и остановились.

На истоки Хопра. Встреча с зам. министра просвещения А.А. Черниковым. Обед в домике у истоков. Потом в Поперечнской степи. Холодный ветер, цвет желтый, много прошлогодней травы. Мимо «квадрата» на Белокаменку. Походили у школы, потом в парке. Соловьи, буйство зелени и птичьего пения. Остановка в Михайловке. Два двора от прежних 220. Умирающая Русь! Старая знакомая. 76 лет, одна и не двигается. Сирень цветет буйно, но... никому не нужна. Последняя остановка у родника «Ложка». Много добрых мест мы сделали. Всё народу на пользу. Надо бы продолжить добрые дела, да как-то ударили по рукам. Может, еще приду в себя, а может, уже перешел рубеж насовсем.

24 мая. Опять жарища страшная. Колпак антициклона встал и не движется. […]. У Федора. О строительстве общежитий пединститута на ул. Лермонтова. Заветы Льва тяжелой ношей висят на его плечах, но храбрится и идет на пересмотр. Поручили архитекторам. Пусть они сами решают. Поднял вопрос о неправильном откреплении кандидатов наук от [обкомовской] поликлиники. Жмется, но договорились рассмотреть. Вторая отмена [решений] Льва. Рассмотрели план встречи тернопольской делегации и гастролей нашего театра в Москве. […]. Приятно, что легко договаривается, без каких-либо подвохов и выкрутасов. Договорились о моей поездке в Москву. Никаких выкрутасов. Хорошая атмосфера, и это радует.

На работе (впервые в жизни) читал «У последней черты» В. Пикуля. Чем дальше, тем страшнее. Становится мерзко на душе оттого, что у русского трона скопилось столько проходимцев. Николаю жизнью своей и детей пришлось расплачиваться!

31 мая. […]. Вечером рано лег спать. Если быть откровенным, настроение хреновое – от московской склоки, грязи, всякой паутины, которую плетет руководство. Меня уже, кажется, ничто не волнует, просто обидно, что сознательно и без какого-либо резона вышибли и обрекли целое поколение способных ребят, прошедших большую школу комсомольской и партийной работы. Некоторые детали разговора [с Н.Н. Романовым]:

– я [говорил Романов] очень нервничал, когда узнал, что освободилось место. Знал, что не изберут, но проверил... не хотел тебя расстраивать;

– есть линия: не дать «комсомольцам» вырваться к власти. Активно её вел когда-то Дм. Полянский, теперь А.П. Кириленко и И.В. Капитонов;

– в свое время на Западе опубликовали список из 180 чел. (в том числе был и я), составляющих надежду партии, из окружения Шурика [Шелепина]. Его знают, хранят, учитывают;

– Шурик и его ближние виноваты неуёмной болтовней, что и создало повод [для подозрений]. Особенно мерзок Грант [Григорьян?]. На банкетах пьяные трепались, трепались по дачам и домам (в одном доме);

– Шурика спровоцировал Н. Подгорный, когда [тот] болел: «Почетный председатель партии». Вышибли за 30 мин. до пленума. Дурацкое заявление [написал Шелепин об освобождении с поста председателя ВЦСПС], лучше бы на пенсию;

– провоцировали Ник. [самого Н.Н. Романова], не пошел. Считал, что с совестью играть не надо;

– Афганистан – не случайность. Анкеты лежат где-то рядом (Вал., я, Семен) [Валерий Харазов, Семен Веселов]. Перспективы никакой;

– общие порядки, демократия, книги, хвастовство.

[О Брежневе и его семье]. Ист[ория] в Армении (ожерелье Митридата). Всех, оставили одного, но пришлось выгонять. [Имя своего] сына читает по бумажке. Много родственников и дураков. [Анекдот]: [Брежнев и чемпион по шахматам]. Карпов [ходит]: е2 – е4, а он «едва-едва». Эта часть мне не очень понравилась, да и не хочется разговаривать на эту тему. Сказал, что обидно: отдал лучшие годы, а как с верой? Никак!

3 июня. […]. Размышляю о планах на будущее по работе. Пока никак не определился, занял откровенно пассивную позицию. Не знаю, правильна ли она для интересов области. Боюсь, если не буду вносить нового в благоустройство, скажут, что все делал Лев. Потерплю до отдыха в Германии, а потом, скорее всего, самым плотным образом возьмусь не за чистое благоустройство, а за бурное развитие объектов культуры, памятников старины, интересных природных находок […]. Бу-

дем на память народу двигать вперед, с выдумкой пензенскую культуру, образование и т.п. Надо думать, искать!

9 июня. […]. Ездил на выставку В. Непьянова. Хороший, добрый художник. Много интересных полотен, особенно в пейзаже. Не тянет пока картины. Сказал Майоровой и В. Орлову, чтобы готовили материал на представление его к званию «Заслуженный художник РСФСР». […].

12 июня. […]. Ездил на строительство 1000-коечной больницы. Вопрос о вводе ее в 1980 г. сомнителен, можем сорваться, подвести министерство и запороть качество. Дал задание думать. Говорил с министром здравоохранения Трофимовым. Он задумался. Сидоров Н.Н. настаивает. Сказал им, чтобы решали, зная мое мнение. […].

13 июня. […]. Заехали со Слицаном к скульптору Курдову. Смотрели бюст Залетова. Получилось лучше. Ушел [скульптор от образа] генерала, но не потерял мужественного облика. Мелкие замечания. Хорош фронтовик со склоненной от грусти головой. Сказал, чтобы Курдов присмотрел место у братских могил на Митрофаносицком кладбище, чтобы его там поставить. На квартире у Г.Я. Слицана. Домашняя выставка, посвященная 180-летию Пушкина. Книги, предметы, маска. Свой интерьер. Беседа. Человек он, безусловно, одержимый историей культуры, фанатик поисков и собирательства. Предложил ему место в обществе охраны памятников. Это его стихия. Загорелся. Теряет [в зарплате] 60 руб., но дает согласие. Мечты соединит с желанием. Вечером проработал [этот вопрос] со всеми. Завтра, может, и решим на пользу культуре и памятникам области. Поле деятельности просто огромно. Очень верю в благость решения. […].

17 июня. […]. Просмотрел на этих днях отличную книгу И. Зильберштейна «Художник-декабрист Николай Бестужев». Энциклопедия декабризма, декабристы – самые светлые и благородные люди во всей истории революционной борьбы России. Поклоняешься им за умение отказаться от всего ради цели, за благородство позиции, преданность идее до конца. Это рыцари! […].

20 июня. Весь день с Маратом Грамовым. Во время завтрака рассказал ему о нашей обстановке. Музей Ульяновых, потом заехали на стадион «Темп». Сомнительная идея выхода в высшую лигу. Надо перекрыть и проглотить 2,5 млн. руб. Тамбовская застава. Музей народного творчества. Есть уникальные вещи. Центр города. Магазин «Цветы», задумки по музыкальной площадке, Доска героев. Зашли в кинотеатр «Родина». Кукольный театр «Орленок». Кажется, Марат не очень вос-

питан на лучших образцах, все видит и воспринимает как обычное. На набережной Суры, обелиск «Росток», потом политцентр на пл. Ленина и махнули в «Засеку». Молодые оленята. Видовая площадка. Родильный дом. Я прослезился, он не очень. Думаю, он чуть черствый парень. Памятник павшим. Часовой завод. Цех сборки и автоматный. Никакого вникания, просто посещение. Обед в «Золотом петушке». Птицефабрика. Встреча в клубе с художественной самодеятельностью. Одержимый Эдуард Тихонов. Стихи и концерт. […]. Поздно в особняке. Откровенный разговор. Марат молчит. Во дворе [рассказал] – подслушивают: Лучинский – ставка Черненко; ему противостоят Сус., Кос, Уст. и Андр. [Суслов, Косыгин, Устинов и Андропов]. Расчет на него [на Андропова?], но едва ли выйдет. Мерзко и мрачно все.

27 июля. […]. По Пензе усиленно ползут слухи, что меня забирают в Москву или на пост зам. министра культуры СССР, или на Комитет физкультуры и спорта. Вещь обычная, но к вечеру и мы заволновались от избытка информации. Позвонил В. Дорошенко. Обстановка с хлебом сложная, вообще в обкоме сложно. […].

1 сентября. День сегодня необычный. Сотни тысяч звонков звенят в школах. Утром в семьях звенят будильники: беспокойное племя учащихся двинулось к знаниям. Светлое это время в жизни каждого человека: жалко, что оно бывает раз и никогда не повторяется. В 9.00 с Закиром – на Степановскую птицефабрику. Открытие новой школы, море цветов, взволнованные лица родителей, сосредоточенные – учеников. Строители не всё успели довести до ума, но обещают месяцем закончить. Торжественный митинг. Я в выступлении отметил, что открытие школы – событие областное: это первая полносборная школа на селе, первая школа с плавательным бассейном. […].

6 сентября. Весь день сиднем сидел в обкоме КПСС. Вроде бы до созыва пленума – середина октября – далеко, а прикинешь, времени осталось мало. Наши уже начали проверки, но боюсь, что натащат мешки всяких справок, а взять из них будет нечего. Выручает только то, что продумано самим и увидено, хотя бы в не очень глубоких деталях. Был два раза в Н. Ломове, поездил по хозяйствам, и нашлись проблемы. Все они так или иначе связаны с проблемой эффективности. Вкладываем массу денег, особенно в сельское хозяйство, а прибавки продукции нет. Урожайность стоит на отметке 1965–70 гг. Идут три разноречивых процесса, которые вроде бы должны стыковаться, а не разбегаться в разные стороны: рост доходов населения, рост вложений в сельское хозяйство и отсутствие роста производства и заготовок продукции. Отсюда многие беды. Одну из главных, кроме,

естественно, проблем снабжения, я вижу в том, что никто не считает государственные деньги, бросают, как хотят и куда хотят. И за это никто не отвечает. Идет экономическая бесшабашность. […].

7 сентября. Начались дожди. Сегодня днем немножко побрызгало, а потом вечером. Федор на боевом посту с 7 утра. Уже говорил с районами. Две проблемы: не сдавать больше хлеб и крик о машинах. Собирается говорить с секретарем ЦК Горбачевым. Дорошенко толкает его на разговор с А.П. Кириленко, но тот приехал из Челябинска злой, где нет мяса, нет молока. Позвонил мне, что переговорил с Горбачевым. Разговор не очень приятный, но сошлись на том, что вместо 300 тыс. тонн область будет сдавать 230 тыс. тонн. Это уже победа! […].

10 сентября. […]. Рассмотрел программу пребывания венгров. Хлопотное дело. Нахальничают. Со Щербаковым А.Е. – о патриотических объектах, клубе бокса. Беседа с Тужиловой и Шаровым по статье об учебном годе в сети политпросвещения. Долгий разговор с представителями отделов о подготовке пленума обкома, характере содоклада. Специфическое, но типичное для области. Злые проблемы сельского хозяйства. Накапливаю формулировки содоклада. Должны получиться. Хочется с трибуны пленума показать все язвы, которые оставила «бурная деятельность» Льва. Но сделать это надо тонко, чтобы не было у ЦК придирок. […].

13 сентября. Опять хмуро и пасмурно, как говорят пензяки: «Обратно дождь шел». В 10.00 – совещание по проводам об очередных делах. Нудные и длинные доклады районов заняли почти два часа. Рыхлость, круглость. Много забивают всяких вопросов: о сельхозтехнике, нет стекла и шифера, стали дефицитом электролампочки, животноводы не имеют резиновых сапог, крик по обеспечению топливом... Заключал «с листа» Федор. Влез и В.И. Лоскутов. Как дети: «Хлеб надо сдать, но фураж раскрывать не думайте, есть указание Генерального сохранить поголовье и дать продукцию». Обед в обкоме. До чего же своеобразен этот В.И.! Лет 20 в ЦК, молотит одно и то же и тупеет вместе с однообразием идей. Торопит сдавать хлеб, а чего торопиться? Злится, заводится. Кошмар!

После обеда беседовал с П.Ф. Максяшевым. Завизировал гранки статьи в книгу о культуре села, которая выходит в Саратове. Говорил с краеведом Ереминым, «Молодой гвардией». Обещают быстро воткнуть в какой-то сборник. С Халдеевым. №18 выходит завтра. Моя статья есть. Опять потянуло к «Черкассам». Набросал еще один вариант. Надо просто сесть и написать. Эту идею надо загвоздить, иначе пропадет, а она важна!

19 сентября. Дождливо, пасмурно, холодно. Поля под дождем. Сложная обстановка в Афганистане, куда я чуть не попал по воле ЦК. 10-го Тараки возвращался из Гаваны через Москву. Его дружески принял Брежнев. Дня через два улетел в Кабул, а в прошлую пятницу, почти сразу по возвращении, состоялся пленум, на котором его [Тараки] «по состоянию здоровья» освободили от всех постов и назначили Амина. Судя по тому, что два города переименовали в память павших, дело дошло до стрельбы в президентском дворце. Убито четверо. Запад орет, что убит и Тараки. Проездил всю власть... Сложно стало всё и при социалистических устремлениях.

В 14.00 – бюро обкома КПСС. Короткая, но резкая схватка с В.И. Лоскутовым. Судя по тому, что он после пришел объясняться, задело крепко. Поделом ему, чтобы не лез с глупостями. Важно и другое. Удалось сформулировать [идеи]: против бесшабашного отношения к земле, против бездумного насаждения комплексов и гигантомании. […].

23 сентября. Вчера вечером по телевидению увидел нечто новое в обычной системе суесловия. Впервые вижу, что руководитель [Брежнев] подходит к своему памятнику, произносит написанные на бумажку слова по этому поводу и позирует живой на фоне бронзового бюста. Думается, в истории это новое слово и не очень доброе по возможному отзвуку среди элементарно мыслящих людей. Можно увлекаться самолюбованием, можно очень увлекаться, но где-то же есть грань допустимого! Кажется, перешагивание этой грани идет от неуважения к людям, а может, и от возраста.

[…]. Разговор у Федора по кондольским делам. Он – о Каменке и Колышлее. Начинает мыслить трезво. Хватит ли мужества и ума сломать то, что накрутил ради себя Лев? Столько запутанного. Масса самых высоких идей и отсутствие живой, конкретной практики. Все старался показать, что у нас лучше всех, мы умнее всех. Теперь остались в дураках. […].

27 сентября. Ночью проливной дождь с резкими раскатами грома. Сильный дождь и утром, только к обеду утих. Опять все работы встали […]. Дал задание Реве и Яковлевой взять итоги вчерашнего совещания на контроль. В 10.00 – секретариат обкома КПСС. Вопрос о чаадаевских домах. Картина страшная. Лев втянул – первый в России комбинат на шведском оборудовании. Отдали 5 млн. золотом за покупку линии, на производственную часть угрохали 15 млн. руб., а всего 27 млн. Построили, а делать дома не из чего, смолы и утеплителя нет, линия не идет. Тре-

буют за 3 млн. золотом еще линию. Вместо 2000 домов выпустили 120. Место для семьи стоит 50–60 тыс. руб. Ужас! Только у нас возможно такое.

По строительству СПТУ. Просим 27 млн. руб., дали 7, освоили – 4 млн. Аппетит огромен, а проглотить не можем. После обеда дал задание направить 1000 студентов на овощи в пензенские совхозы. Обстоятельная беседа с В.И. Болдиным. В 16.00 был на партийном собрании в музыкальном училище. Из 24-х [коммунистов] выступило 8. Правда, не все подготовлены и все нервничали. Но в выступлениях много зрелых мыслей. Коллектив мне понравился. Мои замечания: надо сделать музыкальное училище центром музыкальной культуры, [для этого] поменять ориентиры. Нам нужны не те, кто поступают в консерваторию, а те, кто несут музыкальную культуру народу. Идея постановки оперы в «Орленке».

28 сентября. […]. Решили вопрос о главном режиссере театра кукол. Муза Ивановна из Иванова. Энергичная, усидчивая женщина. Мне понравилась. Идеи: [ставить] не только сказки, но [показывать] и реальную жизнь; обязательна мораль для детей; отказаться от мрачности; искать кукольный спектакль для взрослых. [Удалось] найти хороший вариант для Майоровой – директором музея Ульяновых, а на ее место – В. Артамонова. Сказал Б. Чернову, чтобы атаку начинал в первый же день выхода из отпуска. Если [вместо Майоровой] женщину – то Ларису [Кудрявцеву].

30 сентября. […]. После обеда сон, а потом на стадион «Темп». Игра страшно муторная. Едва вытянули 4:3 […]. Заваруха после игры. Игрок «Рубина» ударил по голове мальчишку клюшкой. Озверелая толпа, винный перегар и требование мер. Пришлось на крыльце стоять против толпы и давать указания арестовать хулигана, выделить свидетелей, наказать тренера. Затратили полтора часа. Могло быть всё: толпа – неуправляемая стихийная сила. Сдерживать сложно.

7 октября. […]. Утром [читал] А. Ахматову. Страшно о конце 30-х годов:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных «марусь».

Был на открытии сезона в кукольном театре «Орленок». Торжество, приветствие, выдумка. Молодец у нас Федина. Умеет делать скромно и незаметно нужное и красивое зрелище. Спектакль «Царевна-лягушка». Вспомнился фильм в Орехово-Зуево, на который ходил из Саженей. Милое довоенное детство!

Беседа с новым главрежем Музой Ивановной [Кравцовой]. Женщина энергичная, с хорошей хваткой. Сказал, что верим в нее и ждем. […].

11 октября. День хороший, без капризов. Заехал в обком. Хотел удрать раньше, но задержали сразу. Мысль по дороге. В государстве всё летит к ё----й матери: перебои с топливом, недостаток энергии, сбои по металлу, развалился транспорт, а мы всё в идеологии вспоминаем, как воевали на Малой земле, как восстанавливали Запорожье, осваивали целину. Кому и на кой х… это нужно? Для дела – пользы никакой, только удовлетворение тщеславия и самолюбования. […].

У с. Студенец разговор со свекловичницами. Крик о топливе и резиновых сапогах. В Плесковке – в доме старика пчеловода, потом строительство школы (армяне) и старый клуб-сарай. В Садовке (быв. Дурасово) беседа на ферме. Опять топливо, сапоги, мыло. Скоро страшно будет разговаривать с народом. Наверху всё запустили, мы тут отдуваемся. Народные обычаи [в силе] – свадьба, крестины. Здесь девчонки рано выходят замуж. У комсомолки Тони (22 г.) уже две [дочери] и обе крещеные. Поздно в Наровчате. Шуты, Чердак (Большой и Малый), Вьюнки – остатки сторожевых постов, развернутые перед степью.

12 октября. [В Наровчате]. После пленума – на ул. Куприна, смотрели дом Куприна. Старая кирпичная мазанка наверняка той эпохи. Семьи уже выселяют. Зашли в краеведческий музей. Экспозиции убрали, готовятся к ремонту, но потолка делать не хотят. Есть «за» и против. Надо думать. На площади, где сооружается памятник воинам. Задумано грандиозно, но материал – бетон. Не знаю, как получится. […].

23 октября. День настолько длинный и суетливый, что не заметил даже погоду. К 9.00 – в обком. Позвонили из ЦК, предлагают во второй половине октября лететь на Кубу на 10 дней с лекциями. Пока не знаю. Что-то нет настроения. В 9.30 – на вокзале. С Федором и Виктором встретили заместителя председателя СМ РСФСР Л.П. Лыкову. Старенькая, но живая и подвижная женщина. В особняк. Договариваемся о программе. В 10.30 – в обкоме. Еще раз листаю содоклад. Намечаю места к сокращению. В 11.00 – начало пленума обкома КПСС. Хороший доклад Г.А. Шепелева, с добрым анализом, мыслями, постановкой вопросов. Мой содоклад. Начал бодро, потом притормозил, а потом начал выбрасывать листы и мысли. Опоздал на 6 минут. Все-таки надо не на трибуне, а заранее отказываться от лишнего. А так – неудовлетворение. […].

24 октября. Легкий морозец, пасмурно. Около 0. В 8 с В. Дорошенко – в особняк на улицу Лермонтова. Завтрак вместе с Лыковой. В 9.00 – в ДПП на открытие

Всероссийской конференции медиков. Зал полон, достаточно торжественно и деловито. Мне понравился доклад Н.С. Кисляк. Хорошо выступила наша Ремизова об опыте работы областной детской службы. Федор и Виктор смотались, оставив меня весь день томиться в президиуме конференции. Да, отлично выступили с приветствием дети, а стихи им писал врач областной детской больницы Давыдов. Надо бы его посмотреть! Весь день на конференции. […].

Первые отклики на вчерашний содоклад (хотя я внутренне недоволен, что не сократил до выхода на трибуну) – хорошие. Идет бурное обсуждение его в кулуарах. Воспринимается как событие в жизни областной парторганизации. […].

25 октября. […]. Мысль. А не находимся ли мы сейчас у самого зарождения противоречивой ситуации? Судя по всему, верхи уже не могут. Самое страшное, трещит весь хозяйственный механизм. Стоит сомкнуться с нежеланием низов мириться с этим, как появятся острые противоречия. Выхода пока не видно. Кто знает, чем всё это закончится. Низы понимают, но молчат.

Вечером проводы Л.П. Лыковой в особняке, потом на вокзале. У нее огромная масса самых добрых впечатлений. Будет звонить по Москве. Мне это мало что даст. Просто хорошо иметь в СМ РСФСР по-доброму к нам расположенного человека.

26 октября. Устал от всех этих «свадеб» и проводов. В 9.00 явилась инструктор ЦК КПСС Мария Ивановна, ответственная за материнство и детство в отделе науки. Много впечатлений от поездки в Вадинск. Длинный и нудный разговор у Федора. Потом беседа с С.В. Дятковым. Рвется в науку с ректорского поста. Я обрубил, Федор тоже. Конечно, в науке легче. Читал интервью в «Советской России» писателя Федора Абрамова о северной деревне. Впервые понял ошибочность одного шага – перевода колхозников на гарантированную оплату труда. Русская деревня, начиная от общины, всегда жила «миром». Колхоз, создав коллективный труд, но не отменив оплату труда от результатов, сохранял заинтересованность всего колхозного «общества», «мира» в успехе дела. Каждый, болея за себя, болел за колхоз. Гарантированная оплата труда разрушила этот устой, создав общую незаинтересованность в результате. Есть хлеб, нет его – всё равно зарплату платят. Добавил свое и неоправданно бурный перевод колхозов в совхозы.

Вырезал из «Правды» заметку о Куликовом поле. Скоро 600-летие, но сколько хамства по отношению к прошлому! Юнак, Сусляк и т.п. Кажется, нам дороже 325-летие воссоединения [с Украиной], чем 600-летие освобождения русского народа от ига татар. Мерзко и противно на душе, обидно за невезучий русский народ. […].

27 октября. […]. С Верой – о Куликовской битве. Может, она и права, бросив короткую фразу: «В стране нет хозяина. Каждый держится за свой стул». Поводов немало: расстройство хозяйственного механизма, все обостряющийся продовольственный вопрос (вчера я предложил вводить талоны на масло), неразбериха с интеллигенцией, хамское отношение к труду, пьянство. Смотрел вчера Программу [КПСС]. Многое из того, что так бодро намечалось на 1980 г., не состоялось, многим просто и не пахнет. И никто не хочет задуматься, объяснить...

Подумал, что злая критика [в адрес] В. Пикуля, может, связана с тем, что есть что-то близкое в одном и другом [Распутине и окружении Брежнева]. Какие-то общие черты. Случайности в подборе руководителей, их дряхлость, еврейское окружение в семье. Неизвестно, а может и известно, кто играет роль Гришки Распутина. Один кандидат [Черненко], через которого вершатся теперь все дела и который сопровождает [Брежнева] во всех поездках. Его Хонеккер назвал при вручении ордена «ближайшим соратником». Вот так-то. Не бывало в партии, чтобы технический секретарь занимал столь высокое положение... Странность всего состоит в том, что люди всё знают, всё видят и ничего сказать (не то чтобы сделать) не могут. А если скажут, то... громко и решительно. Дело идет к тому. Думается, назревают серьезные события, которые возникнут неожиданно.

29 октября. […] Был в музее областной больницы. Хорошо сделали, соединив музей и дом Бурденко. Всё встало на место. Не понравилось в экспозиции: начинается с Еше и Розенталя. Нет у нас самолюбия. Забыли, что гордостью русской медицины являются наши земляки: Захарьин, Филатовы и Бурденко. С них надо начинать. Предрешили вопрос о переносе праха врача Владимирова на газон около музея. В 16.00 – вопрос о сельской культуре. Обсуждали не очень глубоко. Я внес предложение готовить на март областное совещание и разрабатывать трехлетку сельской культуры. Определили программу пребывания венгерской делегации. Приедут 4 ноября.

10 ноября. […]. Вечером позвонил В. Саушев и доложил, что американские телевизионщики отсняли И. Калинину вчера дома, а сегодня – в Музее народного творчества и у «Засеки». Довольны приемом, в политику не лезли. У матери Ирины [спросили]: «Что вы будете иметь, если дочь станет олимпийской чемпионкой?» – «Буду этим гордиться!»

13 ноября. Погода осенняя, хотя к вечеру поднялся холодный ветер. Утром еще раз просмотрел мероприятия по зимовке и отдал их в окончательный набор. Приехала внучка В.Э. Мейерхольда Мария Алексеевна Валентей. Долгая и инте-

ресная беседа с ней. […]. Условились, что она «на общественных началах» – полпред по сбору материалов для музея в Москве. Письма И. Ильинскому и Кукрыниксам. Может, откликнутся и что-либо дадут. Хочется сделать хороший музей и открыть 7 декабря будущего года в 188-ю годовщину первого спектакля в театре И. Долгорукого. […].

19 ноября. Легкий морозец, где-то около -2. Тумана нет, солнечно. В 9.00 – планерка. Порядок обычный, ничего особо нового. Возник вопрос о повестке дня очередного пленума обкома КПСС. Весь день обсуждали. Мое мнение: 1) нужен вопрос о сельском хозяйстве; 2) рассматривать его с партийных позиций. Можно – «О повышении роли партийных организаций в подборе, расстановке и воспитании специалистов сельского хозяйства». […]. В 11.00 – на телестудии всем бюро. Запись собрания животноводов области. Принял комиссию Министерства культуры по нашим музеям. Довольны. Одобрен новый (первый в стране) принцип в людской Тархан. По музею Белинского – оставляю переход из дома Антюшина в дом Белинского. Дал задание завершать музей Куприна к 110-летию со дня рождения, думать о форме показа Ф. Гладкова у трассы на Саратов напротив Чернавки. Забота о закреплении Блока и Бекетовых. Решетникова – на экспозицию музея Мейерхольда. С Болдиным – по всяким наробразовским делам. Приехал Володя Юдин, сосед по квартире в Саженях, друг далекой юности и детства. Всякие воспоминания. Многие ушли, кое-что осталось...

24 ноября. […]. Западное радио передает о втором инфаркте у А.Н. Косыгина. Жалко его. Один из деловых и решающих людей, хотя огорчений у него масса и от ограничений, и от фактического состояния экономики. Дела неважные.

26 ноября. […]. В 11.00 уехал в Мокшан. В среду там хотят отметить 300-летие со времени основания города. Посмотрели музей Малышкина. Лодыри. Сидят. А за год всего тысяча посетителей. Пустота. Выселили соседний дом, хотел там [разместить музей] краеведческий, но всего 37 кв. м. Маловато. Отругал и музейщиков, и Сергеева из областного краеведческого музея. У памятника воинам. Место оказалось на самом деле удачным (вовремя подсказал), но памятник сделан на «живую нитку», следующей весной придется здорово доделывать. В техникуме. Беседа с Ю.А. Каменским, страстным краеведом. Предлагает здания уходящего техникума. Посмотрели. Неплохие. Назначили Каменского директором краеведческого музея и поручили подготовить все предложения. Странная встреча: попал в дом Н. Чукаловского, умершего в 1932–35 гг. Он был священником, в Коповке хоронил моего отца. Говорят, когда сносили церковь, разрушили его [Чукаловского] могилу.

Поехал в Пензу. Беседа с чехом. Кажется, доволен. Завожусь на Н.Ф. Филатова. Совмин принял мысль присвоить его имя областной детской больнице. Важно сыграть на этом, посадить его на нашу землю, вернуть людям. Следующий шаг – имя Захарьина новой 1000-коечной больнице.

28 ноября. Погода пакостно-мерзкая, весь день шел дождь. Разбирался по делам кукольного театра с Якобсоном. Муза Ивановна приживается, кажется, хорошо. Возникают проблемы расширения театра. Смотрели проект дома научно-технической пропаганды. Что ни день, то новый проект, а так нельзя. Жалуются на Попрядухина, а он прав. С Р. Попрядухиным – об архитектурном решении о. Пески. Остров поэзии и природы с памятником Лермонтова в центре. Сказал, чтобы делали «греческий» театр с каменными сидениями. Позвонили М.К. Аникушину. Он заканчивает Чехова для Москвы и клянется, что думает о Лермонтове. Надо [изваять] русского поэта (моя просьба), а не поручика. На острове – Лермонтовская поляна и уголки за счет природы и изображений.

После обеда ездил в Арбеково. Смотрели помещения и решили в одном из залов делать городской клуб бокса общества «Спартак».

Родил и оформил новую идею – создать в Пензе литературный театр. Начать с поэзии Лермонтова. Нашел две ставки, назначил главным режиссером В. Налобина. Замыслил пойти от самодеятельности, выйти на добрый профессиональный театр. Пока на базе «Орленка». Думаю посмотреть Дом пионеров на улице Кирова под театр юного зрителя. Идея!

Занимался делами пленума [ЦК КПСС]. Всё опубликовано. Резкое выступление Л.И. Брежнева. Благодушие начинает исчезать, однако много призывов к дисциплине, угроз и никаких реальных действий. В биографии Н.А. Тихонова не сообщили: «украинец».

1 декабря. Первый день зимы оказался зимним: холодно, около -10, ветрено, чуть падает снежок. Из дома – на вокзал, встретили Федора. Немного – о пленуме ЦК КПСС в Москве. […]. Встречался со Львом, видимо, состоялся тяжелый разговор. Кто-то информирует его о том, что обсуждается в бюро обкома, до деталей. Лев, видимо, задет положениями содоклада: о химцентре в Ломове, о Сорокинском комплексе. Было что-то еще, но Федор молчит. Хорошо, что доходит […]. [Куликов] пытался уговорить [приехать] к нам Черненко. Капитонов согласен, но его он не добился: уехал с Бр. [Брежневым] до конца будущей недели. Работают в месяц по три-четыре дня. Косыгин тяжело болен, большой инфаркт. В орготделе [расспрашивали] о нашем пленуме. Саратовцы просят материал.

3 декабря. […]. Весь день получился каким-то литературным. Максяшев принес книгу А. Гладкова о Мейерхольде. Федина показала посылку музею от И. Ильинского. Есть две фотографии с подлинными автографами Мейерхольда. Написал письмо Валентей, Маркову и В. Орлову. Говорил по телефону с Ц.И. Кин, поздравил ее с выходом книги, за которую она болела и которую, собственно, начала. С А.В. Февральским – автором предисловия. И его поздравил. С Валентей. Она продолжает поиски в Москве. Человек деятельный и боевой. Надо что-то написать М. Жарову. Говорил вечером с В.Н. Орловым. Высоко оценил его «Гамаюна». Думаю, что надо бы этой восхитительной работе дать Государственную премию СССР. [Говорил с ним] о Блоке и Бекетовых. Обещал ему книгу о Мейерхольде, а он мне – «Гамаюна». Да, еще с Т.А. Мавриной и Н.В. Кузьминым. Обещал послать эпиграммы Пушкина. Дозвонился до Льва Ошанина в Переделкино. В боевом состоянии, работает над какой-то поэмой, готовит 2-й том своих сочинений. Договорились созвониться позже. Егора утром – в детсад, вечером он – на фигурном. Пришел в 9, устал. Большой день.

17 декабря. Морозец и снежок, правда, тонкий, но есть. Ночь практически не спал. Задремал около 5-ти утра, а в 7 уже поднялся. На душе по-прежнему муторно и тревожно. Что-то совсем стало хреново с нервами. Сам с собой поделать ничего не могу, всё внутри, как в старом износившемся моторе, скрипит, стучит, рвется, вроде идет к разносу и полной поломке. Ночью мотался по краеведческим книгам. Надоели мне эти Старые Черкасы. Надо их как-то выплескивать из себя. Думал о боге и религии. В ней есть главное преимущество – улучшение человека. Грешник встает перед иконой молчаливо и внимательно смотрящей Божьей Матери, мысленно рассказывает о своих грехах и... получает прощение. […].

18 декабря. Мороз держится на отметке около 12. Снежка маловато. Уехал в обком. Решил и сегодня никуда не трогаться с места. Нет желания, да и нового мало. Весь день заполнен беседами. Пленен аппаратом. Странное дело – склероз: уже вечером плохо по порядку помнишь, кто был первым и последним в калейдоскопе дневных мельканий. Скульптор Смелый. Пришел с глиной лепить меня (!). Прогнал его, дав поручение поработать над скульптурным портретом Н.Ф. Филатова для областной детской больницы. Беседа с первым секретарем обкома ВЛКСМ Фионовым. Потом встреча с работниками ЦК ВЛКСМ. Комсомол – школа, но в ней два положения Ленина важны: (1) только в труде вместе с рабочими и крестьянами и (2) комсомол в каждое дело должен вносить свою инициативу, свой почин.

В. Давыдов по хоккейным делам. Дает двух защитников до конца сезона. О тренере пока тихо. Может, Севидов? Решили о начальнике команды – Уханов. Ф. Тишин принес книги, послал В. Орлову в Ленинград. Приятный разговор с Игорем Ильинским. Обещает приехать. Доволен, что я ему посылаю книгу о Мейерхольде. Говорил с А. Февральским. Длительная и полезная беседа с А. Власовым о дорожном строительстве. Завтра торжественно откроем объезд г. Кузнецка и наметим меры ударного строительства дорог на 1980 г. Есть находки! Участвует Шилов.

20 декабря. […]. Утром в обкоме. Успел на бюро побеседовать с сельхозниками. Вопрос стоит просто: кормов нет, кого спасать теми крохами, которые остались на I квартал? Думаю, что коров и телят, а свинью сбрасывать. Потерять коров и приплод – убить перспективу на 2–3 года, а свинью можно раскрутить и за год. Реставрационный участок. Выделил лес-пиловочник. Дал согласие золотить кресты на всех церквах, что будут восстанавливать. Кажется окончательно решился ставить на охрану памятников Я.Г. Слицана. Думаю, если долго проживу здесь, успеем сделать многое.

Проект областной больницы. Страшное в архитектурном плане решение: тюрьма. Кошмар. В 10.00 начали бюро. Тяжелое это дело. Дорошенко, чтобы не докладывать, залег. Самым злым вопросом оказался по «Химмашу». Шавра своеобразен, как и все хохлы. Прет одно и то же. Обвинил его в аполитичности, сумбурности мышления, иждивенчестве. Утвердили список кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР. Беседа с А.Е. Щербаковым. Спокоен. Хорошо. Шавра что-то опять пытался объяснять, не понимает перемены линии Ю. Акимова. […].

27 декабря. […]. Были с Зубковым в УВД. Беседа с двумя грабителями. Днем, с обрезом, в подъезде. Один еще вызывает какие-то человеческие эмоции. Ему 28 лет, мать, жена и дочь 8 лет. Только что вернулся из ЛТП [лечебно-трудового профилактория для алкоголиков]. Откровенный рассказ о порядках там. «Одиночество». Второй – ублюдок, 21 год. 8 ноября убил родного брата, скрывался. Кража у двоюродной сестры. После убийства дважды был у матери в Грабово. Дала 70 руб. На могиле брата не был. Обрез его. Уже 3 года сидел. Ничего человеческого. Всё это трудно объяснить «пережитками» прошлого. […].

28 декабря. […]. В обкоме. Информация по Афганистану. Амин вел дело на уничтожение кадров революции. Его устранили (и казнили), наши ввели войска, понимая, что будет шум и гам в мире, но иного выхода, вероятно, не было. Собрал бюро, познакомил с информацией. […].

29 декабря. […]. В 16.30 поздравил аппарат обкома КПСС. Опять раздумья о следующем 10-летии. Хотелось , чтобы оно было лучше. Хотя начинается сложно: ракеты в Европе, ОСВ-2 повис, наши войска в Афганистане. И внутри сложно: промышленность рвется, вся и всё корректируют, сельское хозяйство запутано, продуктов не хватает. Настроение народа не очень хорошее: не любят, когда обещают, а не делают. Лучше больше делать!

30 декабря. Заболел. Кажется, схватил грипп от сопливого директора совхоза «Дигилёвский». Поехал и... попал. Вчера звонил скульптор Козенюк. Заканчивает работу над памятником Первопоселенцу Пензы. Хочется, чтобы получилось хорошо. Гениальная идея – открыть этот памятник 8 сентября 1980 г., в день 600-летия Куликовской битвы. Было бы здорово!

По радио – киноочерк о первом гербе СССР. Спор и замечания Ленина – нужен ли меч? Вроде бы не нужен на словах, а на деле наш меч всё время «в работе». Недавно в Чехословакии, потом в Эфиопии, Анголе, Вьетнаме, Кампучии. Теперь в Афганистане. Не можем обходиться только серпом и молотом. События в Афганистане накручиваются. Угадать заранее сложно, но ясно одно, что шума в мире будет много, и нам придется сложно. К сожалению, классовая борьба, нередко перерастающая в борьбу за власть (в конечном итоге), идет через потоки крови. В Афганистане за два года убиты три руководителя: Тараки убил Дауда, Амин – Тараки, теперь Бабрак – Амина. Старых из тюрем выпускают, другими тут же их заменяют. Много человеческих жертв. […].

…Начал заново писать статью о «Старых Черкасах». Она меня в мыслях замучила, устал от нее.

31 декабря. Обидно и провожать старый, и встречать Новый год больным, но что поделаешь? Из дома совсем не выходил. Температуры нет, но чувствую себя отвратительно. Особенно неприятно, что страшно дерет горло. Говорить трудно, курить еще труднее. Валялся почти до 11-ти в постели, а потом встал и снова принялся за статью «О Старых Черкасах». Труд большой, написал 28 страниц, но дается легко, т.к. весь материал давно сидит в голове, его просто надо изложить на бумаге. Около 10-ти вечера добил последнюю страницу и поставил дату 30–31 декабря 1979 г. Не хочется уходить с ней в будущий год. В будущем году надо опубликовать или в «Пензенской правде», или в одном из выпусков краеведческих в Приволжском издательстве. В следующем году надо думать о новом краеведческом поиске, пусть небольшом, но интересном. […].

1980 год

2 января. […] Беспокоят дела Афганистана. Кажется, поздно вмешались. Дали убить Тараки, а потом только опомнились. Явный просчет чекистов, но, кажется, никто за это не несет ответственности. Влезть влезли, а как вылезем – вот вопрос. Если даже разберемся, то лучший вариант – еще один нахлебник на нашей шее. Резонанс в мире резкий. Отношение явно обостряется, особенно с Америкой, а вот выиграем ли мы на этом – сказать трудно. […].

7 января. […]. На «Тяжпромарматуре». Есть прелесть в создании Козенюка: хорошая идея – плуг и копье, интересная природа – человек и конь (а в Пензе нет и не было еще конной скульптуры), хорошая пластика, единство, продуманная композиция. Вещь получилась доброй. Сделал замечания: голова коня, ноги «Первопоселенца». Спор о месте. Такую фигуру жалко ставить у «Засеки», куда она предназначалась. Там почти все решено, а скульптура станет придатком кафе, его оформлением. [А тут] потрясающая символика, самодовлеющее звучание. Повез [скульптора] к Дому пионеров. […]. Место отличное. Хорошо будет смотреться силуэтом на фоне неба и далеких лесных просторов. Придется перестаивать всю округу, решать большую градостроительную задачу с валом старой крепости. Когда-нибудь – лестница с Советской площади! На том и остановились. […].

8 января. […]. Получил письмо Е. Евтушенко. Это второй автограф. Пишет, что хочет приехать, но предпочтительнее весной. Получил книжку М.А. Мавриной «Стеклянный пруд». Сделана довольно своеобразно. Приятно иметь ее в библиотеке. Беседа с А.Е. Щербаковым. Общий замысел – преобразить верх улицы Кирова: восстановить вал и фрагменты крепостной стены, обозначить символом в виде набатной башни с колоколом и подлинной пушкой крепость Пензу, а напротив, на самом обрыве, создать сквер и установить памятник Первопоселенцу Пензы. Сделать это все к 8 сентября, дню 600-летия Куликовской битвы. […]. Щербаков выступает «за». Включил Р. Попрядухина. Зарядил его. Он загорелся. Вечером собрал всех по валу. Боюсь Мельникова. Он деловой, но тянучий. Назначил комиссаром Вл. Сидоркина. Проверим его на конкретном деле, пора втягивать по-настоящему в решение городских дел. […].

12 января. […]. С Афганистаном пока всё сложно. Говорят, что приходят гробы наших солдат. Один поступил в Тамалу. Но, кажется, не в боях – авария при посадке самолета. Картер зажал хлеб, а это фураж. Уже решен вопрос, что Россия по [итогам] года на корма недополучит 3 млн. тонн зерна. Это удар. Американцы считают, что это обойдется нам потерей 13% мяса, да недополучение своего хлеба снимет еще 17%. Всего – мяса на 20% будет меньше, а с ним и так плохо. Сложно, не зная деталей, судить о времени принятия решения, но кажется, лучше бы это сделать при Тараки, не отдавать его в руки Амина. Трудно сказать, чем это закончится. У меня возник вопрос: а не японская ли это война 1903–1905 гг. по возможным последствиям? Сложно объяснить после такого долгого периода «мирного неба», почему наши ребята должны погибать в горах Афганистана. […].

15 января. […]. Проводы лектора ЦК В.Д. Смирнова. Детали афганских дел. Амина убрали в загородной резиденции еще 25-го. Уже тогда начали вводить войска. Ему посоветовали уехать из Кабула. В. Папутин застрелился. Доложил в поддержку Амина. Был там, дружил, а сделали всё наоборот!

17 января. […]. Звонок из ЦК о сокращении кормов на 12%. Действия Картера дают себя знать. Афганистан пока ничего не дал, а мы уже ощущаем потери.

Рассмотрение мероприятий. Первая злая стычка Дорошенко и Лагуткина. Они далеко пойдут из-за капризности Виктора.

По телефону с В. Харазовым: Папутин ушел из жизни «по собственной воле». Семен Веселов вернулся из Афганистана, но не показывается, боится контактов с бывшими «комсомольцами». Как проказа какая!

20 января. […]. Еще раз листал «О Старых Черкасах». Работа получилась серьезная и обстоятельная. Газете отдали, они одобрительно относятся, но не хватает у меня мужества публиковать ее сейчас, когда идет борьба за каждую строчку в газете. Много занимают выборы в местные и Верховный Совет РСФСР, международная информация, пойдут ленинские дни. Удобно ли сейчас выскакивать с материалом о прошлом, занимающим целую газетную полосу? […]. Сокращать почти нечего, можно потерять смысл. К. Вишневский познакомился, ему понравилась и мыслительная часть, и стиль изложения. С ним заодно Н. Инюшкин. Саранский И. Воронин получил и прочел. Считает, что это большой вклад в краеведение. Надо еще немного помудрить и, может, махнуть книжку на 3–4 печатных листа. Там можно бы дойти до некоторых деталей, которые сложно дать в газетной статье. Там допустимо соединить неизвестное с известным, старую и новую статьи и кое-что добавить о нашем крае XVI–XVII вв. […].

21 января. […]. Дали [из ЦК КПСС для избрания в Пензенской области] кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР какого-то Лежепекова, зам. начальника КГБ СССР по кадрам. Что-то долго решались. В последний момент о нем вспомнили. Поднимают чекистов. Может, за заслуги в Афганистане? Настроение все время хреновое, неуверенное. Душевная депрессия. […].

22 января. […]. Разбирался с подготовкой собрания художников. Самая беспокойная и беспардонная компания. Чем их больше, тем выше уровень обид, склок, скандалов. Нет признанных лидеров, все понимают и ценят только себя. Какой-то глухой индивидуализм, его дебри.

[…]. Идет какая-то закрутка. Добавили сегодня Сахарова, лишив его званий! Вечером смотрели в кинопрокате фильм Эл. Рязанова «Гараж». Это «московский взгляд» на жизнь народа, далекий от его действительных забот и переживаний, успехов и неудач. Точнее, салонно-московский взгляд на жизнь. Есть острые моменты. Но это поверхностная полукритика либерального толка.

23 января. […]. В мире два события: вчера А. Сахарова лишили всех регалий трижды Героя и лауреатских медалей. На афганский шум теперь наложится крик о правах человека. Видно, есть свой расчет накладывать одно на другое! Панама арестовала шаха Ирана. Не хочет ли Картер, выдав шаха, снять иранский вопрос и «сосредоточиться» на афганском?

24 января. Температура средняя, -14, весь день яркое и голубое небо. Был в обкоме, говорил с Ярцевым из ЦК, Куликовым, потом на Тарханы. Вчера в вечерних передачах – страшный шум западного радио по поводу высылки А. Сахарова, как говорят они, в Горький. Наши передали по телевидению содержание статьи в газете «Известия» – «Справедливое решение». Может, это ход, чтобы перенести нагрузку с Афганистана на права человека. Но может быть расчет, а может быть и просчет. Всегда подкупает чувство меры. Здесь же все как-то нагнетается, вроде мы сознательно вызываем огонь на себя. Нас осудили за Афганистан, теперь будут орать по Сахарову. Трудно понять, что мы выиграем и чего добиваемся. Олимпиаду под этот шум могут завалить. Надо ли это нам? Не думаю, чтобы всего этого не учитывали, хотя в жизни всякое бывает. […].

25 января. […]. В 10.00 рассмотрели предложения по оформлению площадки, где встанет памятник Первопоселенцу Пензы, разработанный архитектором из Ленинграда Комаровым. Идея хорошая разместить его на краю бровки. Основание – полукурган высотой 2 м. На вершине – мраморное основание и скульптура, сзади решетка с повторением гербов Пензы [губернии], отлитых из чугуна. Продолжение

решетки – мостик над лестницей, спускающейся вниз. Площадь заложить брусчаткой веером. Посмотрели предложение и Маматкадзе по оформлению вала. Нашли более лаконичное решение без лестницы и всяких стел на верху вала. Лучше у его подножия, рядом с тротуаром, набатная башня с настоящим колоколом, у основания – настоящая пушка той эпохи и отлитая из чугуна плита с текстом о сооружении крепости в 1663 г. […].

27 января. […]. У Федора посмотрел документы о Сахарове, ориентировка КГБ. Он стал источником, опорой вражеской пропаганды, до 80-ти раз бывал в американском посольстве, имеет огромный счет на Западе. Всё ясно, только и в этом случае мы опаздываем с мерами, запускаем болезнь и идем на «хирургию». [Второй документ] о сельском хозяйстве. Письмо ЦК КПСС. «В результате жесточайшей засухи» недополучили сами, американцы отказались поставлять из-за Афганистана, а это зерно – в балансе животноводства на первое полугодие. Обращаются [к обкомам] принять меры, не сбрасывать скот, мобилизовать «внутренние резервы», хорошо провести весенний сев и т.п. Никакого намека на анализ действительных причин, ставящих сельское хозяйство в сложное положение, на край пропасти. […].

30 января. День солнечный и морозный, в середине дня около -20, вечером -27. Действительно, «Афанасий да Кирило забирают за рыло». Хорошо, что поля снежком прикрыло. В 9.00 – в обком. Федор вчера валандался с ребятами из общего отдела ЦК, утром появился поздно, а вечером рано удрал. Беляев говорит, что разошлись во 2-м часу ночи. Звонок С.Г. Щербакова из отдела науки ЦК КПСС. Предлагает [мне пост] зам. министра по кадрам Министерства медицинской промышленности СССР. Состояние раздвоенное: предложение хорошее, но страшно терять активную жизненную позицию и бросать родину, на которой много сделано и можно еще много сделать интересного и полезного. Ехать в Москву – обречь себя на состояние безделья и чиновничьего благосостояния, запереться в серой массе чиновников высшего ранга. Но, с другой стороны, а что ждет здесь? Перспектив никаких. Только пенсия. Хотя, кто знает, как жизнь поворачивается. Буду пока думать, но скорее всего, откажусь. […].

31 января. Уехал прямо из дома в Камешкир […]. В колхоз им. XX партсъезда. […]. На ферме. Порядки неплохие, зиму продержатся. В шведских домах – ужас. Портки сохнут в гостиной, на кухне четырехмесячный телок всё зассал и вылизал обои. В другом доме разморожена система [отопления]. Вздулся пол. И это – 35 тыс. руб. каждый дом! На колхоз «Заря коммунизма». Было село Михайловское, теперь нет, а село большое. Мокрый Дол. На ферме одни сторожа. Порядок хоро-

ший. Село мордовское. Переселились в 1926 году. Начало мести [поземка]. В Бегуч. Погасло электричество. С фонарями многого не увидишь. Просто беседа в правлении колхоза. Посмотрели сгоревшую среднюю школу. Заехали к дяде Кочнева (он воспитывался у него). Кузякин Семен Николаевич (учитель математики, 79 лет), его сын Иван Семенович – учитель истории (54 г.). Большой разговор об истории этого мордовского села. Хотели уехать так, но наварили яиц, вскипятили чая. По страшной метели, кое-как с огромным риском пробились на Камешкир.

1 февраля. […]. В Б. Умыс. Прекрасная усадьба. Хороший клуб с хорошей библиотекой, детский сад, фельдшерский пункт, торговый центр и бытовка. Всё здорово. В шведских домах порядок лучше, но жить пока не умеют – они [дома для крестьян] велики: сушат белье в комнатах. К 17.00 уехали в Камешкир. В трактире. Власов, Маматкадзе и др. Надо делать и узоры. Мало пока своего, камешкирского. Заполнить стены резьбой, изменить внутреннее освещение. В Лопатино не поехали, хотя звал А. Баракин. Беседа у Жариковых. По легенде, Л. Русланова – дочь помещика из с. Порзово Любовцева Платона. После бесед, которую записал в блокнот, заехали в общежитие СПТУ. Мрак, холод, двери выбиты. Не общежитие, а барак военных времен. Не клеится у нас быт этой системы.

3 февраля. […]. Приглянулась в «Книжном обозрении» интересная заметка. Ленину перед уходом в Смольный попались на глаза открытки с картин Н. Ярошенко: «Всюду жизнь» и др. Он, как вспоминает хозяйка квартиры М.В. Фофанова, воскликнул: «Какой замечательный художник! Когда будем хозяйствовать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань». Меня тронуло: «хозяйствовать»... Смотрел воспоминания Л. Фотиевой о болезни Ленина, его последнем периоде. Написаны сдержанно, но вызывает много вопросов в связи с его «письмами к съезду», ролью помощников и родных. Ясно, он был тяжело болен. И в этом есть свой смысл. От этого нельзя уходить при рассмотрении проблемы объективно.

4 февраля. […]. В 11.00 – первая комиссия по выездам за границу. Несколько бесед: с облоно (Болдин) и управлением профтехобразования (Швечков) о своих впечатлениях по Камешкиру. Масса глупостей, учим, показываем много, а не спрашиваем по-настоящему. Самохвалов (облздравотдел) – по специализации кузнецких больниц и о создании студенческой поликлиники в Пензе. Генерал Зайцев и Карташев – по Дню Советской Армии. Условились о докладчике и проведении в театре. По Афганистану. Мало что знают, но бои есть. За первую неделю в область поступило 7 гробов солдат. […]. В бюро решили о Майоровой и согласились на Л.

Кудрявцеву. Звонил тренер «Динамо» В. Давыдов. Ходит вокруг Герасимова, но я просил что-либо путное взамен.

7 февраля. […]. Беседа в конторе Сурского комбината «Красный Октябрь». Директор Евсеев уехал на бюро обкома КПСС. Много всяких проблем. Главная из них – нехватка рабочей силы на основных профессиях – ткачей и прядильщиков. Посмотрели фабрику технических сукон. Опять всё в реконструкции. Купили две японских машины. Становится не по себе от засилья иностранных станков. Не лезем ли мы к ним в кабалу? Что делают наша наука и промышленность? Обед в столовой. Монголы осваивают профессию. Встреча в новом ДК. Масса народу, хорошие слова, но очень много записок с жалобами. Очень писучий народ. Борьба народа и власти... Хороший концерт. Беседа с руководителями. Ужинать не стал – неприятная обстановка. Через Городище – на Никольск. Малофеев и Кучинский встретили у родника на границе. Ночь в Никольске.

10 февраля. Хоть эти дни и без яркого солнца, но температура мягкая. Стоит около -10. По-прежнему нет настоящих снегопадов, февральских метелей, а скоро весна. В 11.00 с Мишей и Егором – в кукольный театр. Есть вопросы, но живет коллектив, живет здание, сделано доброе дело для ребятишек города. Смотрели новый спектакль Музы Ивановны, приехавшей из Иванова, «Мой большой друг». Сказка для детей. Мне не очень понравилась известной примитивностью постановки даже для маленьких. Но не стал говорить, дабы не расстраивать. По театру два вопроса: надо в зрительном зале поднимать пол, чтобы было видно с любого места; выселять квартиры для расширения условий работы труппы. Родилась интересная идея – начинать поиск возможностей для открытия театра юного зрителя. Скорее всего, это надо делать на базе быв. Дворянского собрания, ныне занятого Домом пионеров. Его можно освободить после ввода Дворца пионеров на Бекешской улице. Тут есть интересный вопрос и идея. Надо хвататься и делать, готовить благодатную почву. Этими днями нашли и еще одно интересное решение: отдать под Картинную галерею здание нынешнего горкома партии. Подходит и по объему, и по месту расположения. Федор и Виктор «за», что-то бузят Ерзунов и Щербаков.

Литературный театр В. Налобина напряженно ведет репетиции. Смущает трагизм спектакля о Лермонтове. Хочет срочно переходить на Ленина, но боюсь, что это временно. Лучше не торопиться с открытием театра. Поискать так, чтобы сразу привело зрителя. […].

13 февраля. […]. Заехал в обком КПСС. Федор жалуется, что опять жмут на зерно и едва ли удастся отстоять пары. В газете «Правда» странное требование в

передовой: «В нынешнем году производство хлеба должно составить 235 млн. тонн. Как успешнее взять этот рубеж? Прежде всего следует еще раз проанализировать структуру посевов, чтобы, не нарушая севооборотов (!), изыскать возможность увеличения зернового клина, особенно в зоне достаточного увлажнения, заняв его наиболее урожайными сортами. Необходимо расширить посевные площади под зернофуражными культурами: ячменем, кукурузой, горохом». Дикость и бред. Никакой логики, и это дает «Правда»! По пути в Камешкир заехал к скульптору А. Смелому. Он сделал бюст Нила Филатова. Есть ошибки, но вообще-то для Пензы бюст сойдет. Присутствовала Ремизова. О поисках материалов. Кажется, в Мордовии цел домик, в котором жила семья Филатовых. Вот бы его разобрать и перетащить в Пензу, в детскую больницу! […].

14 февраля. Поднялся рано. После завтрака поехали на Дубровку, в которой не был с 1965 года. Яркое солнце, морозный дымок, оконца резных домов в узорах. Заехали на ферму с. Алексеевка совхоза «Кулясовский». Жуткая картина: транспортеры порвались, водопровод не работает, воду таскают ведрами, бабы выгребают навоз лопатами. В углу конюшни на корточках сидит обалдевший мордвин. Глаза открыты, но он ничего не воспринимает и не понимает. Бригадир говорит, что в магазин привезли примусную жидкость по 64 коп. за бутылку. Мужики ее пьют и обалдевают. Заехали в магазин. Есть эта жидкость, крестьяне ее зовут «огонек». Крепость 75%, синяя. Кроме жидкости, в магазине водка, черствый хлеб да [консервы] «Завтрак туриста». Мыла нет, соли нет, курева нет. Пустые полки. И кто-то придумал называть все это «развитым социализмом».

В московских кабинетах, за кирпичной стеной, откуда и сотой доли того, как на самом деле живет народ, не видно, выдумали это определение. А оно снимает ответственность за элементарные вещи, недопустимые для элементарного социализма. Он чем больше «развивается», тем больнее народу икается. В Дубровках. Председатель Кочнев, мордвин, 31 год, а подозревают, что было два инфаркта. Трудно зимует, не хватает соломы, побирается по всему району. На ферме хороший порядок. Травят семенной картофель. В школе. Старый знакомый Зуев Павел Сергеевич. Был директором школы в 1965 г. Теперь ему 82 года. Жалуется на низкую пенсию. Обещал посмотреть. Напишет мне письмо. […].

15 февраля. […]. В. Пензин с новым проектом флюгера на трубу волковского института. Ласточка пока не получилась. Сидоркин, Мельников, Маматкадзе и Попрядухин. Еще один вариант оформления крепостного вала. Получилось лучше, но есть декоративные излишества. Убрали пики и герб. Остается вышка с колоколом и

пушка. Много надо делать вокруг, но эта работа на весну и лето. Хочется к 600-летию Куликовской битвы сделать! […].

17 февраля. […]. К семи – в театр. «Старый дом» А. Казанцева. Играют наши актеры блестяще. Изумительный ансамбль высокого мастерства. Особенно поразил В. Смирнов. От спектакля к спектаклю крепнет и мужает его мастерство. На глазах растет очень даровитый и способный актер. Кто знает, может, и московские театры будут когда-нибудь потрясены им. Он молод, но запас творческий у него огромный. Спектакль очень мрачный. «Развитой социализм» в нем не просматривается. Наоборот, кажется, в нем ярко отражается неблагополучие быта, которое всё громче кричит в жизни. После спектакля поздравил актеров с мастерством, обратил внимание на мрачность. Сказал, чтобы меняли шаг – нельзя на одной ноте играть долго. Пообещал, что в газете могут сделать замечание. Семён [Рейнгольд] немного увлекся, поплыл по течению. У Налобина не всё ладится с литературным театром, а очень хочется, чтобы он появился. […].

19 февраля. […]. Звонил скульптор Козенюк. Подходит пора отливки памятника. Обещает прилететь с отливками. Надо, очень надо сделать! Разговор с Антипкиным и Фионовым (по инициативе комсомола) о детских домах и интернатах. Это наиболее обиженная часть детей, и им бы надо больше тепла и настоящей заботы. Поручил готовить предложения.

Телевизор глупит руководителей. Идут предвыборные собрания. Им мало дают места на телевидении. Успевают (так в отрывках дает телевидение) передавать привет и пожелания [Брежнева], сказать, что выдвинут первым депутатом, и что он выдающийся ленинец. Сегодня – А.П. Кириленко. Стиль подобострастный, но читает небрежно. Идет текст «Леонид Ильич Брежнев отдает...» Он читает: «Леонид Ильич бережно отдает все свои силы»... Когда в одном месте оторвался, предложения от себя до конца сказать не мог...

21 февраля. Солнце, около -5. На ступенях обкомовского дома уже началось таяние под бурным потоком солнечных лучей. Ездил в букинистический [магазин]. Ахнул за 50 руб. воспоминания Ф. Вигеля. Давно мечтал их иметь, теперь получил, но дорого. Хотя деньги уходят, а книги остаются. Приобрел еще кое-то. Показал Ю. Акимову памятник Первопоселенцу и рассказал о замысле. Кажется, привлек его в союзники, а то он внутри сомневался. Прилетел из Ленинграда мастер по отливке фигуры из бронзы. Говорит, что на литье понадобится два-три месяца. Дело сложное, но отступать теперь некуда, не выбросишь же деньги зря. Был В.Ф. Марков, секретарь Железнодорожного РК КПСС. Беседовали по жилью «Пензтекстиль-

маш». Надо найти концы, кто-то всё запутал. Подсказал ему, чтобы подумал о постройке [на] ул. Каракозова фрагмента Московской заставы по типу Тамбовской. Он, кажется, загорелся. Обещал подумать. Хорошо бы сделать. Еще одну живинку внесем в город. […].

25 февраля. […]. После планерки рассмотрели два вопроса. О размещении Картинной галереи. Я поддержал идею, что надо – в горкоме и горисполкоме. Эмблема, исторический центр, удобство для всех. Ерзунов с сомнениями: сумеют ли разместить картины? Забота о райкомах. Создали комиссию: я, Виноградов и Ерзунов. О школе №1. Предлагают ограничиться мелочами. Я обратил внимание на то, что есть решение бюро обкома КПСС, будет юбилей в июле 1981 г. – 150-летие И.Н. Ульянова. Может, что-то сократить, но всё не выбрасывать. Только пришел к себе – звонок. Опять собирает Федор. Говорил с ЦК. Многие соседние области решили по речи Брежнева перед избирателями проводить пленумы или активы. Поразительное усердие. Надо и нам, хотя никаких особо новых вопросов нет. По экономике всё рассмотрели еще по итогам ноябрьского пленума, только что подвели итоги года. О чем говорить, что обсуждать? Но это стало нормой в партии: [Брежнев] выступил – обсуди. Кажется, особенно старается аппарат ЦК. В 12.00 собрал зав. отделами и сказал (хотя говорить нечего), чтобы давали завтра мероприятия [по речи Брежнева]. Собрать всё, что есть, и положить на бумагу. Кому это нужно, зачем?

[…]. Зашли к А.Е. Щербакову. [Договорились]: Дом пионеров – под театр юного зрителя, снос Песков как антисанитарную зону, Тарабурина – на филармонию. Реконструкция. Обсуждали и памятник Первопоселенцу. Город настроен делать. Это хорошо! Хорошая идея – участок озеленения, чтобы содержать идеально. Снос дома почтмейстера? Жалко, но надо посмотреть ради площадки.

27 февраля. […]. Ездил в Дом пионеров. Осмотрели всё здание самым тщательным образом. Обветшало от времени, но хранит архитектурную величественность XVIII века. Жалко отдавать его под кружки. Приняли решение открывать театр юного зрителя и дали задание вести первые проектные прикидки, чтобы потом не терять времени.

Ходили по будущему скверу, где памятник Первопоселенцу Пензы. Старые сараи ломать, забор у дома почтмейстера сносить, сквер подсыпать. Смотрел вал. Он здорово осел и валом уже не смотрится. Оплывший бугор. Дал команду начинать вырубать американские клены; Балашову – думать об опорной стенке и придать стройность. Будем еще мудрить со стеной крепости. Есть у меня сомнения: может, надо начать, а потом будет всё виднее и понятнее. О краеведческом музее.

Пушка хоть и той эпохи, но символом быть не может – жидковата. Колокол с церкви села Симбухово хорош. Он даст образ. Можно подумать об электрическом звоне.

После обеда – в пединститут, смотрел старые книги. Много уникальных, но по краеведению почти ничего. Горькие раздумья о нашем краеведении. Нет поиска, открытий. […].

1 марта. Вот и весна подобралась к городу. Не заметили, как миновала зима, довольно своеобразная в этом году: без снегопадов, метелей и с очень редкими сильными морозами. Зима антициклонная. День сегодня серый, температура около 10. Ровный день. К 10.00 – в гостиницу «Пенза». По дороге купили с Закиром 15 экз. «Пензенской правды». Сегодня началась публикация статьи «О Старых Черкасах». Думаю, что это событие в краеведении. В газете смотрится солидно, должна вызвать отклики у всех, кому дорого прошлое Пензы, кто является ее патриотом.

[…]. Обстановка в Москве сложная. Бросили на алтарь животноводства последние резервы хлеба. Никто [области] не продает. Если не будет урожая, страшная беда ждет нас. Возня в верхушке. [Брежнев] едва ходит, сам написал резолюцию с шестью ошибками в одном предложении, Конст. Уст. [Черненко] забрал всё [в свои руки]. Подсадил запиской М. Сус. [Суслова] по дорожному [строительству]. Резолюция [Черненко] с ехидством против А. Кир. [Кириленко]. Узлы завязываются. […]. Есть вопрос по Афганистану. […]. Нам приходится терять солдат. Повестка. Погиб при исполнении служебных обязанностей. Мы привыкли к героическим смертям, подвигам, а тут трупы и гробовое молчание.

4 марта. […]. Вышел сегодняшний номер «Пензенской правды». Моя статья «О Старых Черкасах» завершена. Что бы там ни было, дело сделано, слово сказано. Чувствую себя теперь настоящим историком Пензенского края. Много всяких откликов. В. Бутов сказал, что статья стала пензенским «бестселлером». Ее расхватывают и читают, она будит интерес к прошлому, поднимает чувство патриотического самосознания пензяков. А. Алексеев «прочел с заинтересованностью. Такого давно не публиковалось. Высокий уровень». В. Огарев считает, что она сложна для восприятия того, кто плохо знает историю. Много иных откликов. Все добрые, воодушевляющие. Созвонился с саратовским издателем В. Колчиным и условился, что он дает 4 листа и делаем в будущем году книжечку. […].

7 марта. […]. В 11.00 – бюро обкома. Огарев, Лагуткин и Овтов едут в ЦК КПСС со структурой посевных площадей. Давят на зерно по площадям, а на кормовке [кормовые культуры] – по качеству. Земля не резина, ее не растянешь. Разговор детский. С серьезным видом называем урожайность зерна в этом году – 22,7. Пла-

нируем урожаи кормовых аж до 1985 г. А кто знает и как вообще можно знать, каким будет урожай этого года. На какой основе пишутся не только центнеры, но и даже десятые доли центнеров. Хренота какая-то, игрушки. Но мы взрослые и серьезные люди, к сожалению, не по своей воле играем в эти игрушки и верим, что все это – дело нужное и важное. Противно и неприятно! Не выступал. Бросил только реплику, когда Федор полез было на пары: «Нужны ли они? Нам хлеб нужен». Я заметил: «Сегодня будет хлеб, завтра останемся без него. Тут надо выбирать».

[…]. С Кропачевой задумали одну авантюру: дать поручение всем средним и восьмилетним сельским школам ответить на анкету по истории сел. Может получиться довольно широкий и единовременный охват всей территории области. Это нужно мне для будущего краеведения.

12 марта. Вчера я пришел к грустному выводу: наша драматургия сбилась, а может, сосредоточилась на одной теме, ставшей в ней главной – неустроенности быта человека, его личностных «показателей» при социализме. К. Вишневский заметил, что это – влияние Запада. А мне подумалось: а не отражение ли это объективной реальности? Сложно, конечно...

[…]. Краеведческие дела. Написал вопросник для всех средних и 8-летних школ области по краеведению. Г. Кропачева займется их рассылкой и сбором. Можем получить интересный свод преданий и легенд о времени поселения сел, их названиях и т.п. Меня мучает Предтеченский монастырь. Дал задание лесникам искать это место […].

13 марта. […]. После бюро посмотрел несколько писем о статье по «Черкасам». Вызвала живой отклик, пишут, одобряют. Хороший совет – искать не только в архивах, но и в земле. Позвал археолога М.Р. Полесских. Условились, что в мае выйдем в Черкасскую слободу и попробуем провести разведку у Воскресенской церкви. Должны быть захоронения. Интересно найти их и покопать.

Мысли. Чем выше достаток, уровень удовлетворения физических потребностей, тем больше сознание переключается на анализ духовных богатств, тем больше обнаруживает несоответствие того, к чему стремились, и тем, чего добились на деле. Контраст разительный. Вероятно, отсюда идет линия со сцен театров, страниц журналов, экранов кино: чем дальше, тем настойчивее и настырнее звучит тема неустроенности быта, ущербности человеческой личности, несовершенства взаимоотношений между людьми. Когда-то всё шло от героики, теперь – от приниженности. […].

17 марта. Сразу на планерку. Неделя самая, пожалуй, шебутная. Что ни день, то мероприятия. Только весенний сев может остудить наш заседательный пыл и спасти от всякого рода ненужных выступлений. Потом бюро обкома КПСС. В. Огарев доложил о результатах «пропуска» в комиссии ЦК КПСС по структуре зерновых и иных посевов, валовому сбору зерна и заданиях по заготовке кормов. Впечатление гнетущее: все от министерства до Горбачева в ЦК КПСС крайне отрицательно оценивают работу и в полеводстве, и в животноводстве, открыто намекают, что если положение не исправится, надо посмотреть состав руководителей области и т.д. Без разговоров приняли у нас только предложения о сохранении посева зерновых, увеличении паров. Видно, сами поняли, что мы зашли далеко... Смысл: капиталовложения выросли в 2,5 раза, прибавки валовой продукции – один процент! Мнение М.С. Горбачева: «У вас в земледелии нет ни одного светлого пятна», «благодатная пензенская земля плачет от своих земледельцев». Здорово укусили за всякого рода комплексы, дав поручение законсервировать некоторые из них. Обсуждение. Хорошо – Алексеев о стиле и методах руководства. Я – о субъективизме и предложил внести этот вопрос на пленум обкома КПСС. Жалко, что Лева [Ермин] не был в ЦК, он смотался на это время вручать знамя Сахалину. Парень хитрый, мог сделать сознательно. Виноват во многом он. Два периода: 1) до 1971 г. думал об области; 2) после провала на место Васильева и слёз [думал] только о своем выдвижении, всё делал на показуху, карьеру, ради себя шел на всё. Надо бы это показать экономически! […].

20 марта. […]. В 13.00 – пленум обком КПСС о повышении роли партийных организаций в борьбе с преступностью. Вопрос явно не для пленума, решать совершенно нечего, новое внести трудно – ЦК в год принимает два-три решения, а дело не двигается. […]. В прениях – 10 человек. Наиболее интересно – Ю. Седов. Талантливый парень, мыслящий образно, с внутренним художественным вкусом. В его мыслях – вздох рабочего о суровых порядках, которые были при Сталине и которых теперь не хватает. Утвердили Л.И. Кудрявцеву. Пленум завершился четко и организованно. После пленума поехали смотреть в клубе фабрики «Маяк революции» выставку ширпотреба. Много товаров и очень интересных, но делать их не из чего. Показывать народу нельзя.

[…]. Чурбанов сел на место Папутина, который застрелился. Не понимает, что его «уберут» в тот момент, когда власть уйдет.

24 марта. […]. К 12.00 – на партгруппу [Верховного Совета РСФСР]. Вел К.У. Черненко, докладывал И.В. Капитонов. Наш Федор – член президиума Верховного

Совета РСФСР. Из Кремля – обедать в столовую ЦК КПСС. Какая поразительная масса здоровых, сытых мужчин, способных творить настоящие дела, прокисает в этом высоком чиновничьем аппарате. Сытно едят, заботятся о диете, хорошо получают и мало отдают. Обидно. Всегда берет обида и грусть, когда прихожу в эту столовую и вижу сразу в такой массе эту здоровую и сытую публику.

После обеда опять по отделу пропаганды ЦК. Взял билеты на сегодняшний хоккей. Был у В. Поляничко. Он еще не устает, что-то ищет, что-то изображает и, может, даже пока верит в то, что делает нужное дело. Это признак хорошей молодости. Если бы его можно сохранить до старости! Едва ли. Егор Яковлев. Что-то бухтит, что я его критикую. У Лучинского. Разбирается в значках с изображением Ленина. Вроде это так важно. Просит подумать о второй части комплексного подхода – работа с разными категориями трудящихся […].

26 марта. Последний день в Москве. Состояние – и был, и не был, но чувствуешь усталость и нудность. Стало как-то противно быть на этой земле, в этом городе, хотя многое с ним связано. […]. В 18.00 – банкет делегации. Выпили немного, загремел оркестр, а нам пора и на поезд. Быстро забрали вещи и на Казанский. Перед нами с помпой в личном вагоне в Рязань – Чурбанов из МВД СССР.

Московские Олимпийские игры пройдут в четыре этапа: 1) шумиха, 2) неразбериха, 3) наказание невиновных и 4) поощрение непричастных.

27 марта. […]. Был из архива В. Мочалов. Нашел информацию, что в феврале 1948 г. был актив, посвященный 100-летию Коммунистического манифеста. Доклад делал К. Черненко. Но кроме этой информации, в архиве ничего нет [о Черненко]. Я сложно себе представляю, насколько нужен этот доклад для «избранных сочинений К. Черненко». Дело-то было рядовое, дежурное. Но хочется стать «теоретиком» с большим стажем. […].

2 апреля. Поднялись более или менее рано. Солнца пока нет. Позавтракали и поехали на совхоз «Вертуновский». Осмотрели кормоцех, потом зашли в воловню. Много забитых [животных]. На 14 тыс. мест есть 5,5 тыс. голов. Всё это Левины [Ермина] сооружения. Может, они и оправдают себя, но путь оказался сложным и тернистым. Думаю, что если бы шли обычным путем наращивания мощностей каждого колхоза и совхоза, выиграли бы в результатах. Но идея шла от диссертации, а потом из желания выслужиться во что бы то ни стало, найти себе в Москве достойный пост. Дорого всё это обошлось и еще обойдется области. В совхозе «Сосновский». Беседа в конторе, потом поехали в с. Власовка. 8-летняя школа: 6 педагогов и 32 ученика. Когда-то в селе была церковь! Закрыть школу – закрыть

село, потерять последние рабочие руки. Решили оставить. Но перспективы никакой – нет детей. На полевом стане. Из Сосновки (приехал тамалинский Ю. Вечкасов) полями на Зубриловку. Красивое и легендарное село, вотчина Голицыных и Прозоровских. В усадьбе всё запущено. Церковь, иконы облупились, росписи упали, осыпались. В подклети церкви 9 захоронений Голицыных. На них старые ящики, тара, грязь, неухоженность. Красивый дворец, одно крыло которого сожгли еще в 1905 году. Построили кухню, она обвалилась – оползень. Долго смотрели помещение. Легенда о Крылове, Вигеле, Борисове-Мусатове. Место святое, но пока брошенное. Чахоточникам едва ли стоит возвращать [дворец], но и бросать такую благодать – преступление. Будем искать решение! […].

5 апреля. […]. На Советскую площадь в школу для юных художников. Способная Марг. Сидоренко. На одном этаже крутится 280 мальчишек и девчонок. Заняты интересным делом, забито всё свободное время. Занимаются 3 раза в неделю по 4 часа да еще обычная школа. Вот бы таких школ в городе и подобных ей сотню-две, всех ребят можно увлечь делом. Можно добавить плохих подростков из детских комнат милиции – по одному классу на каждую такую школу. […].

6 апреля. […]. Засел за материалы к книге о Пензе. Главное – набрать больше фактов, а потом летом на отдыхе выложить их на бумагу. Статья – хорошая основа для книги, но хочется сделать ее и полнее, и интереснее. Важно побольше, с фактами в руках отработать всякие подробности, чтобы вызвать интерес к темным местам в истории Пензы. […]. Вечером снова собрал материал, листал всякие книги и делал выписки. Ничего интересного по Пензе нет. Темнота какая-то, как ее не было в те времена. Еще много темных мест, начиная от похода Батыя, в связи со строительством Мокшанска и т.д. Даже Курбского поход сложно привязать. Не везет нашему краю с историческими документами.

18 апреля. […]. Был Слицан. По Блоку показали еще одно архитектурное решение. Но опять плохо: какая-то оборонительная стена. Сказал, чтобы перестал мучаться с Матвеевым. Главное, получить от него отлитые в металле барельефы. Пусть пока хреновые. Заложили первый камень, после нас будут умнее и богаче, сделают лучше. Он – об И. Глазунове. Много спорного, но что он талантлив, в этом у меня нет сомненья. […].

19 апреля. […]. Ф. Тишин принес альбом «Илья Глазунов». Издан в Италии потрясающе. Я, пожалуй, такого рода альбомов, посвященных советскому живущему художнику, не помню. Говорят, что его недавно «прокатили» в академики. Вероятно, обычная зависть. В нем есть коренное, в крови спрессованная и в генах зало-

женная любовь неистощимая к русскому народу. И этого у него нельзя отнять. Можно спорить о живописных достоинствах или недостатках той или иной картины, но для меня бесспорным является тот факт, что он поразительно талантлив в своем поиске, в своей приверженности к русской истории, в своем бережном прочтении ее страниц. И история для него не литературщина, а опять-таки светлая любовь к людям, я бы с особой силой сказал – к русским людям, творившим эту историю. Есть у него, как и у Солоухина, тяга к патриархальщине, но плохо ли это, сказать трудно. После погромов, учиненных луначарскими, ярославскими и прочими из этой когорты архиреволюционных сокрушителей русской старины, неизбежно должны появиться и появились солоухины, глазуновы и др. Моя позиция совершенно ясна: я с теми, кто решил хоть что-то сохранить из разметанного, разбитого прошлого. […].

В России, христианстве мысли, законы – от Христа, а душа, настроение, нравственное начало – от Богоматери, Богородицы.

20 апреля. […]. Возникла идея сломать забор вокруг кинотеатра «Родина», может, назвать его «Пенза». Установить камень с обозначением, что тут стоял дом, в котором останавливался Ем. Пугачев. Вообще прорисовать весь этот квартал в связи с памятником Первопоселенцу. Может где-то графически соорудить план крепости Пенза по чертежу 1735 года и наложить на него нынешнее состояние. Работа и художественная, и архитектурная, и историческая. Может, В. Сидоренко, М. Полесских, Смильгевич и Маматкадзе. Надо попробовать. Заходили в мастерскую Матвеева. Сказал, чтобы он нам в металле отдал двух Бекетовых и Блока, а остальное будем искать сами. Что-то поэтическое надо. Завтра надо [после болезни] на работу, а никакой тяги. Нужда заставляет.

21 апреля. […]. Беседа с Кудрявцевой, Антипкиным и Алексеевым. Хочу выстроить систему работы с ребятами, дополнить ее общественно полезной занятостью всех во внеучебное время. Работа на будущее, если считать, что начинаем с детского сада. Потом по текущим делам. Особых мыслей тоже нет. Длительная беседа с В. Сидоренко. Талантливый парень, но как-то ушел в «свободное творчество», перестал быть хорошим художником и не стал по-настоящему писателем. Рассказал ему идею увековечивания Бекетовых и А. Блока. Нужно лирическое решение. Согласился, завтра едем прямо на место, делать «блоковскую рощу». Он мне предложил фонтан – «Демон», я давно ищу родник. Договорились вместе думать. Меня немного смутил «Демон», а если просто «Лермонтовский грот»! Гово-

рил с В. Орловым: письмо Блока из Урлейки в Пушкинском доме затерялось. Будет искать, обещал послать новое издание «Гамаюна». […].

22 апреля. […]. В 10.00 – возложение цветов к памятнику В.И. Ленину. Масса живых цветов. И этот обряд родился и закрепился. Своеобразный «крестный ход». Сколько же все-таки у нас от старого идолопоклонства! Поклонялись лесу и воде, потом иконам и Христу, теперь бронзовым фигурам Ленина. Меняются формации, общественные отношения, а какая-то общечеловеческая обрядность и символика сохраняются.

В 11.00 – совещание. Опять уполномоченные по весеннему севу по районам. Правда, дали два, но принцип остался, хотя всем надоевший и глупый. Уехал с В. Сидоренко, прихватив Дубровского для контроля и Елшанского для фотографии, в Березовую рощу по дороге в Колышлей. Хочу все-таки поставить Бекетовых и Блока. На месте – А. Ерохин, первый секретарь Колышлея, Залога – КБО и директор совхоза «Хопер». Обошли всю Березовую рощу. На стороне стоянки места найти не удалось. Нет, собственно, рощи, первозданной природы. После долгих поисков на противоположной стороне, в самом центре рощи, на фоне левитановских, или, вернее, куиндживских берез, [нашли]. Договорились рисовать и писать: дорожные знаки, историю места (Бекетовы, Денисов, Раевский), биографии дедов, причастность А. Блока к земле пензенской, может, стих Блока о природе или роде Бекетовых. Скоро вернулся в обком. Устал. Опять надо актив о задачах в связи с речью Брежнева при вручении Ленинской премии. Сколько же можно? […].

23 апреля. […]. Зин. Мих. Андреева, жена Андреева-Кривича, очень интересного писателя. Жалко, я не успел с ним познакомиться. Она готовит очередной выпуск его отличной книги «Тарханская пора». Подарила мне книгу Андреева-Кривича о Лермонтове, предсмертную фотографию Андрея Платонова. «Известия» с сообщением «О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда». Документ, судя по стилю, написан Сталиным (или под его диктовку), довольно логичен и строен, разделывает на лопатки «систему Мейерхольда», обвиняя в трюкачестве, отсутствии связи с современностью, антисоветчине. Может, стоит чуть утихнуть по музею и больше жать, что это – музей истории пензенского искусства и культуры?

[…]. Смотрел отливку фигуры «Первопоселенца». Сделано уже 20%. Льют ленинградец и наш Гущин Дм. Яковл. Он из Земетчино. Узнаёт секреты. Говорит, что всё сделают. Скоро надо начинать сборку. Писатель А. Васильев. Разговор ни о чем. Просто живет от литературы, а дает ей мало. Марг. Сидоренко – по детской худ. школе. Н. Катков и Трушин по X Дню лермонтовской поэзии. У кинотеатра «Ро-

дина» Ерзунов, Щербаков. Решили проблему камня Е. Пугачеву и обустройства всего, что окружает кинотеатр «Родина». Смотрели площадку под «Первопоселенца». Пока, от разговоров, дом почтаря ломать не будем, хотя ему [памятнику] будет тесновато. Поставим – посмотрим. Могут прихватить с этим памятником: русофильство. Надо что-то делать с валом. После 9-го мая надо делать. Приводить в порядок здание Дворянского собрания.

24 апреля. […]. Бюро приняло, на мой взгляд, историческое для города решение – передать после освобождения здание горкома КПСС и горисполкома под Картинную галерею. Это величайшее достижение в развитии культуры. Пенза поднимается среди всех городов как светоч уважения у художественному творчеству народа. Надо только по-настоящему подготовиться к освоению здания. На случайных картинах здесь уже выскочить не удастся. Нужен осмысленный план по всем эпохам и видам (живопись, графика, скульптура, прикладное). Вместе с ремонтом готовить и галерею. Я выступал, высказал удовлетворение решением по зданию, завязал вопрос о зональной выставке на 1984 год. Надо давать согласие и это заставит готовиться. Поднял вопрос о незаконном занятии зданий, составляющих историческую ценность для города (дом губернатора). Надо «Сельхозпроект» заставлять строить себе и уходить. […].

28 апреля. […]. В 11.00 – беседа с руководством Железнодорожного РК КПСС (Марков, Шкуров) по установке самолета на набережной. Загнали проблему в проекты и там утопим. Надо начинать делать. О Московской заставе на ул. Каракозова. Дал совет искать в духе одной из башен Кремля. […]. В 16.00 рассматривал проект экспозиции Картинной галереи применительно к новому помещению. Пока всё очень путанно. Критиковал Сазонова В.П. за беспартийность с увековечиванием имени жандармского полковника или генерала Селиверстова, затратившего 500 тыс. руб. на здание училища. Не на крови ли революционеров заработаны эти деньги, не на крови ли стоит этот здание? Дал задание готовить предложения. […].

29 апреля. […]. В 17.00 – беседа с Татьяной Беляковой, прыгуньей в воду. Она, пожалуй, единственная, кто может реально представлять Пензу на Олимпийских играх. Впечатление тяжелое: сверхчеловеческие нагрузки ежедневно при постоянном голодании (120–150 прыжков в день и вес 46,5 кг.). В 19.00 – на открытии Литературного театра в «Орленке». Спектакль, посвященный Лермонтову. Что-то есть интересное, что-то не получилось. Хороший, доброжелательный разговор большой группы творческих работников (Рейнгольд, Вишневский, Инюшкин, Смирнов и т.д.) о принципах театра. Думаю, полезен для будущего. Не надо бояться такого театра,

надо нести в молодежь интересные формы, художественное слово. Всё высказали В. Налобину, у которого пока не хватает вкуса, но есть желание.

30 апреля. […]. В 9.30 – В. Сидоренко и Я. Слицан. Виктор [Сидоренко] принес решение по памятнику Бекетовым и Блоку в Бекетовской роще. Вот что значит опыт на месте, и не выдумывать в кабинете, как это делает Бреусов. Плюс, конечно, и художественный талант. Внесли поправки в детали, а основную идею приняли сразу. Надо просто кое-что дотянуть в деталях, и будет интереснейшее место. Послал Сидоренко и Слицана в овраг за парком Белинского. Хочу на действующих там родниках сделать Лермонтовский грот. Решить и эстетическую, и хозяйственную задачу: хочешь пить чистую воду – поезжай к гроту Лермонтова и набери чистейшей воды. Может, и какое-то изречение придумать: родник чистейшей водой утоляет жажду людей, поэзия нашего земляка Лермонтова – утоляет духовные потребности. Что-то в этом духе. […].

6 мая. […]. В Наровчате. После обеда [ездил] с работниками культуры по местам, представляющим интерес. Памятник воинам. Сделан хорошо. Величествененен. Мог быть и в приличном городе. Это – событие. Дал совет поставить вазы. Много асфальта. Обсадить край елками, березками и рябинами. Тюрьма прошлого века – интереснейшее здание, уникум. Всё сохранилось, как было. Можно связать с революционерами. Глупая затея – делать подстрой. Дом Куприна – всё «в дровах», но решили 1 июля заканчивать реставрацию и отдавать под экспозицию. Арзамасцев доложил все замыслы. […]. Беседа с районным начальством. Надо готовиться к тому, что Наровчат как древнейшее поселение станет туристским центром. […].

15 мая. […]. Около 9.00 заехал на Кировскую улицу. Посмотрели вместе с Балашовым и его проектировщиками площадку под памятник Первопоселенцу. Определились с подпорной стенкой, лестницей к церкви, где теперь архив, нарисовали систему дорожек. Отбросил вариант со сплошным покрытием из камня всей площадки. Надо сделать зелень и газоны. Потом у входа в библиотеку у памятника Лермонтову. Наметили две лестницы, договорились о планировке сквера по самому валу. Решили вал (его низ) подрезать бордюрным камнем дать ему строгую нижнюю линию и подсыпать, выровнять его, привести к первоначальному строгому состоянию. Вечером передал всё это В.Ф. Сидоркину, чтобы он смотрел, пока я буду в отпуске. […].

16 мая. […].В Сосновоборск, выпили чаю и на совхоз «Сюзюмский». Выступил перед механизаторами на полевом стане центральной усадьбы. Получилось хорошо. Говорил 1 час 10 мин. Вопросов не возникло. Беседа с крестьянами. Говорят на

«о» (волжский выговор). Оказывается, есть в селе Ярославцевы. Оттуда и передают из поколения в поколение оканье. На обратной дороге осмотрели огромный курган у села Ручим. Но он природный. Минуя Сосновоборск – на Индерку (быв. Татарский Труёв). Обед у Х. Забирова. Через Среднюю Липовку – в домик лесника. Место отличное. Раньше какой-то женский монастырь и святой родник из серебряной жилы. Вода потрясающая. […].

19 мая. […]. Рассмотрел проект памятника А. Блоку. Одобрил, составил сам текст в роще. Смотрел проект «Лермонтовского грота» для оврага в ПКиО: «Демон» под пленкой воды. Еще не понял, но отложил до прихода и изучения на месте. Скоробогатова с проектом Пугачева (в керамической мозаике) на камень, который думаем установить на месте дома Кознова. […]. В 14.00 – в ПКиО. Рассмотрели организацию работ по туристической тропе. Давно говорим, дело стоит. Институтам дал поручение прокопать ее до окружной дороги, а там есть до Засеки. Надо красивые верстовые столбы с цифрами. Заехали на ул. Станиславского. Родник. Оказалось – древний водопровод из-под горы Западной Поляны, с туннелем и трубами из мореного дуба. Надо искать, как решить технически, благоустроительно и художественно. Сидоренко взялся рисовать, Ирышков проектировать и делать. Надо найти название, и «Демон» тут не подойдет. Может, и «Грот» не состоится. Какой-то «родник»…

В доме, где жил В. Ключевский. Стоит с тех пор. Мемориальная доска и больше ничего. Надо думать. У скульптора Курдова. Бюст Куприна. Что-то есть, чего-то не хватает. Искать иконографию. Проект реконструкции филармонии. Идею одобрил, архитектуру нет. «Узбек» на корточках и в тюбетейке. Плохо […].

20 мая. […]. Подумал: только русские могут взорвать храм, возведенный на деньги, добытые потом и кровью народа, и на месте алтаря поставить памятник Карлу Марксу [о Советской площади в Пензе]. Своеобразно всё.

23 мая. […]. Осматривал с Гаязом [Акбашевым, Сосновоборский район] местность, где мы живем. Место святое. Остатки какого-то Липовского женского монастыря, а может быть, пустыни. Повсюду видны следы пребывания здесь людей: где дом стоял – в почве много старого кирпича. Он торчит из-под травы. Левее над баней четко вырисовывается фундамент какого-то квадратного здания с фундаментом из камня, да и, вероятно, с кирпичной кладкой. Здесь много битого кирпича. Правее дома (показал Гаяз) – кладбище монастырское. Остатки двух дубовых крестов и старая сосна, вероятно, когда-то высаженная на могиле. Просматривается, особенно с правой стороны, двойной вал, огораживающий монастырь. В этом валу,

перед домом, в его стороне, обрезанной к оврагу, – остатки землянок, в которых ютились отшельницы. Говорят, внизу, где старый колодец, была часовня и церковь.

Мысль о монастырях. В свое время мы с восторгом ломали и закрывали эти заведения, считая монахов захребетниками, развратниками […]. Но мне подумалось, а не была ли эта форма жизни людей, одним из проявлений невозможности человека в одиночку противостоять невзгодам и бедам. Он шел в коллектив, где понимали его горе, неустроенность и трудом, молитвой, постом помогали ему преодолевать душевный кризис. В обществе (любом) всегда есть слабые и неустроенные не только по духу, но и по обстоятельствам. Как им помочь? Как утешить, успокоить, не дать впасть в отчаяние? Тут есть вопрос!

26 мая. […]. Звонил Миша, потом я соединился с Германом Исаевым. Попросил достать штук 30 гусят для наших хозяев. Иначе лето у них пустое. Гусыни вывели десяток хилых гусят, а нужно и мясо, и, главное, пух и перо. Четыре девчонки и всех придется выдавать замуж.

Думал о расслоении крестьянства. Дело не только в социальном строе (это имеет важное значение), но и в трудолюбии крестьянина, его изворотливости, деловитости. Гаяз бегом мотается с утра до ночи. У него только рогатки [коров и быков] 8 голов, плюс овцы, козы, гуси, куры. Всех надо кормить, пасти, доить. Лодырь и пьяница наплевал бы, а он с женой и ребятами мотается. Говорит, зарплата 70 руб., но в скотине весь его доход. И сейчас идет расслоение. Лучше живут те, кто больше работает. Нельзя создать общество, в котором в абсолютном равенстве были бы и трудолюбивые, и лодыри. А заставить всех трудиться одинаково не только сложно, но, кажется, и невозможно.

8 июня. […]. По телевизору смотрел фильм «О молодых годах К. Маркса». Подается как выдающееся событие. Дали 7 серий. Не знаю, важно ли нам теперь разбираться в том, как провел Маркс свои молодые годы, важнее – как мы в зрелости осуществляем на деле то, о чем писал Маркс. Что получилось, что не очень получилось, а что вообще не состоялось. Нельзя никакую теорию воспринимать как предмет слепого поклонения. В фильме: «Горизонты Европы заволокли тучи. Мы стоим накануне революции». Тучи приходят и уходят, а в классических странах капитализма, где он начался и больше всего расцвел (Великобритания, Франция, Германия, Швеция, наконец, Америка), так и нет революции. Пролетариат давно могильщик буржуазии, но что-то не спешит ее закопать, да и похоронных призывов давно не слышно. Там скорее победил тред-юнионизм, чем социализм. А это – стержень учения. Как быть? Подтверждать «торжество» Анголой, Эфиопией, Вьет-

намом, Лаосом, в которых капитализмом и не пахло? Какая-то обратная закономерность! Есть немало проблем, возникающих в связи с практикой применения догматов учения. Однако все кричат о правильности и непобедимости, не задавая себе вопросов, что правомерно, а что не очень. Без этого же нет движения.

15 июня. Воскресный день. Последний в ходе отпуска и в этом уютном лесном уголке. Надо сразу уезжать домой, а в пятницу уже выходить на работу. У нас постоянные события: утром узнали, что собака Сигнал сорвалась с цепи и мотается где-то в окрестном лесу. Егора побоялись выпускать. Я вышел – Сигнал появился. Крутится около Казбека и Дружка, но не дается себя поймать и посадить на место. Труслив, его даже гоняют гуси. Больше всех брешет на хозяина – Гаяза. Этот злится, пытается его поймать, но, думаю, ему это надоест и он стрельнет его из ружья. […]. Вечером опять событие: в капкан у родника попала норка. Она напугала Соню. Гаяз поставил капкан, и попалась. Вероятно, где-то у нее щенята. Но как их найти? Егор с восторгом на всё смотрит. Ему этот отдых – жизненная школа на все годы, останется в памяти навсегда. […].

21 июня. […]. В 11.00 – А.Е. Щербаков. Разговор о его здоровье. [Заключили] союз по некоторым объектам благоустройства города: Исторический вал, самолет, зоопарк (решили окончательно – надо делать!), туристская тропа, родник, подходы к Музею народного творчества, дом Мейерхольда. В понедельник создадим рабочие группы и пойдем в наступление. […].

4 июля. […]. В 9.00 собрал секретариат обкома КПСС с участием Виктора. […]. В 11.00 – на планерке по историческому валу. Дело движется вперед, мне понравился Сидоркин – деловой парень. Можно верить, что что-то получится. Может, и не до конца, но эту часть города, самую древнюю, мы преобразим. Ходили по территории. Лестницу к архиву оставили на старом месте. Вероятно, она еще от монастыря. […]. В обкоме беседовал с молодыми скульпторами. Жалко по-отцовски ребят. Имеют руки и голову, но ничего не делают: нет заказов, нет мастерской. А заказы давать нельзя – нет работы! У Качеровского приняли эскиз Филатова. Пока не очень, но ему [скульптору] надо чем-то жить. Питался тем, что ловил голубей, 10 лет живет без прописки, с собакой на койке. Талантливые тунеядцы.

5 июля. День субботний, но поехал в обком КПСС. Есть дела, да еще приезжает сегодня делегация Союза писателей СССР на X Лермонтовский день поэзии. Около 12-ти принял делегацию. Старые знакомые: Алим Кешоков и Сергей Кошечкин (на этот раз с женой), поэт Яков Шведов. Ему 75 лет, плохо слышит, в беседе не участвует. Лариса Васильева. Попадалась в газетах, был какой-то «Туманный

Альбион» в журнале «Новый мир», но ничего определенного о ней не знаю. Зав. отделом поэзии журнала «Октябрь» Надежда Кондакова. Тоже не знаю ее стихов. Обстоятельная беседа. Рассказал о положении дел в области, о развитии музеев, о наших славных земляках. Особенно напирал на литературу, но и вспомнил врачей, полководцев, художников, ученых. Набор, действительно, получается солидный. Надо бы кому-нибудь написать рассказы о всех, кто так или иначе связан с пензенской землей. Олег Савин начал с литературы, а стоило бы продолжить во всех областях знаний. Может, своеобразную энциклопедию знатных людей области или какой-то библиографический справочник. Он вызвал бы большой интерес. Можно не только людей, но и важнейшие события.

В 16.00 – возложение цветов у бюста Лермонтова в сквере. Торжественная процедура, а потом чтение стихов. Жалко, что нет микрофона.

На автобусах – в парк Белинского. Катание на «колесе обозрения», потом на «русских горках». Миша попробовал, говорит, жестко. Вечер поэзии в летнем театре парка. Самая интеллигентная, по складу мыслей, – Л. Васильева. Лучше всех приняли Я. Шведова с его старомодными стихами. Хорошо выступил М.К. Аникушин. Завязываем его на памятник. Может, и сделает. Из театра – в «Золотой петушок». Всякие тосты и традиционное заполнение стихами книжечек о «Золотом петушке». Лучше всех, пожалуй, у Л. Васильевой. После «Золотого петушка» – к «Засеке». Погуляли, полюбовались окрестностями, выпили чаю. Состояние у всех хорошее. Мне нравится делегация и скромностью, и отсутствием разухабистости.

10 июля. […]. Беседовал с Козенюком, скульптором из Ленинграда. Верит, что «Первопоселенец» получится, но есть страх, что за него нас разделают. Что бы там ни было, а бронза встанет, и ее не снесешь. Хочется сделать этот древний уголок Пензы красивым. […].

13 июля. Хороший солнечный день. Светлое небо и никаких намеков на дождь. Может, все-таки погода смилостивится над нами и даст немного поправить дела по заготовке кормов. В 8.30 уехал на Сердобск. Поля повсеместно отличные, с большим хлебом. Крик о полеглости хлебов пока – обычная паника работников сельского хозяйства. В Бекетовской роще (что бы ни случилось, мы ее увековечили под этим названием хотя бы просто листом железа с надписью) ничего не делается. […]. В. Щербаков встретил на границе. Сразу поехали на центральную усадьбу «Надеждинского» совхоза. Открыл семинар. Показали танцплощадку, спортивный комплекс у школы, стадион в парке за конторой. Мысль одна: вот если бы так сделать в каждом совхозе и колхозе, сколько бы мы молодежи удержали на селе! Пе-

реезд в Сердобск. Строительство аттракционов в парке «Березки», ДСШ и стадиона «Машзавода», его детский клуб, художественная школа и дом пионеров в центре Сердобска. Потом летняя агитплощадка часового завода и стадион школы №2. Город начинает жить полнокровной жизнью. Заключали в горкоме партии […].

После обеда заехали в Колышлей, посмотрели центровывоз на элеваторе и районный дом культуры. Ерохин – талантливый парень, постоянно ищущий, стремящийся к светлому, передовому. Если бы все секретари РК КПСС были бы такими, как бы выиграли область и народ! […].

16 июля. Всю ночь шпарил дождь. Надоело, и писать об этом не хочется. […]. Был А. Самохвалов. О делах больниц. Позвонил С. Чикину. Скоро будет приказ о заслуженных врачах. Это приятно! В 14.50 поехал к скульптору Матвееву. Он быстро слепил А. Блока. Находок никаких, но хоть такое. Почти не придираясь, одобрил. Лишь бы поставить к юбилею, а потом пусть критикуют. Важно застолбить, обозначить место! Моя давняя мечта – основать Бекетовскую рощу. На нее ушло почти десять лет […].

18 июля. […] Около 12-ти с А.Г. Мельниковым ездил на Исторический вал. Место немного преобразуется, хотя всё пока в дровах и заделе. Установили набатную башню с церковным колоколом из с. Симбухово Пензенского района. Может, есть своя символика в том, что на Историческом валу Пензы будет долго пребывать колокол, снятый с церкви, которую усердно строил и в ней похоронен первый пензенский губернатор Ф.Л. Вигель. Тут есть повод для рассказов и легенд. Башня по размерам хороша. К колоколу – якорную цепь. Долго ее раскачивали, раза два ударили в колокол. Есть глухой звон. Одобрил установку бордюра по низу вала. Может, это несколько противоестественно, но даст ровную линию, снимет неряшливость. Позволит по шаблону прогнать откосы вала и сделать его красивым. У подножья вала хорошо бы – газон с ромашками. Надо поручить зеленстроевцам. Посмотрели верхний сквер. Сюда ведет чернозем. Думаю, что мудрить очень не надо, просто сделать дорожки и посадить растительность. Планируется сквер под памятник Первопоселенцу. Есть вопросы, но их можно решить. Придется внизу сносить дома. Дал Мельникову текст на памятник: «Лета 7171 (1663 г.) на реке Пензе велено город строить». […].

19 июля. […]. Открытие XXII Олимпийских игр по телевизору. Довольно внушительный и яркий праздник. Такое по силам только нашему государству. Своеобразен открыватель [Брежнев]. Не вызывает добрых чувств. Много внешней напыщенности, доходящей до смешного. Кажется, его распирает от внутреннего

представления о своей выдающейся роли и величии. И так хочется этого величия, что становится смешным. Что-то снял регалии, но не стал от этого проще. Постоянно и искусственно носится маска величия и высоты, недоступности. Нет простоты и скромности. Соседи [члены Политбюро] уже побаиваются обращаться [к Брежневу]. Сами старательно и долго создавали и создают видимость, от которой сами же и страдают. Это – неизбежный ход событий на всех уровнях.

6 августа. […]. Рассмотрели с Ю.М. Гришиным дела по строительству объектов спорта. Перекрытие стадиона вчера повисло [остановлено], переговоры с Исаевым ничего не дали. Сегодня говорил со Стройбанком СССР – М.С. Зотовым. Просил продолжить финансирование «Рубина». Там половина готовности и есть хороший задел по фермам и конструкциям. Всегда умеющий решать [Зотов] говорит, что [у него] сидит уже КПК, и он не может. Никто, даже Косыгин, не решают сейчас эти вопросы. Шла Олимпиада – веселились, посчитали – прослезились. Москвичи радуются, а нам это горем обернется. Постоянно нас мучают однобокости, крайности: кому всё, кому ничего. Всё равно решат, но сколько нервов это потребует! […].

8 августа. […]. Беседа с В.Ф. Сидоркиным. Дело по Историческому валу движется, но на душе тревога: много затрат, а время сумбурное. Лучше бы уйти [от этого дела], но делать надо. Придется довериться вкусу горожан. Пусть завершают сами. Со Слицаном. Попросил его заняться А. Блоком. Всё стоит. Надо ехать, что-нибудь делать, двигаться вперед. Утром у Курдова смотрел эскиз памятника для Индерки. Многовато накручено. Но одобрил. Эскизы уже переходят в камень. Важно, чтобы был. Матвеев стонет по Блоку. […].

Памятник Первопоселенцу могут разыграть на любом уровне, но я, пожалуй, готов страдать ради идеи. Хотя и не очень хочется быть подопытным «кроликом» и страдать за «веру русскую»!

9 августа. Опять хороший день. Солнце, жарко. В середине дня брызнул дождичек, но даже жары не согнал. Уборка должна разворачиваться полным ходом. Беспокоит урожайность – 14,6 ц. Думал, что будет больше. Может, в натуре и больше, но все до того наторели во вранье, что, кажется, это стало законом жизни. И вовсе врут не от того, что хотят спрятать от государства, а от страха еще один год сидеть без кормов. Все-таки в плановом государстве чехарда в планировании выступает против самого государства. Если планирование – закон, то к нему нельзя относиться как к пустой погремушке. […].

Вечером по телевизору было сообщение о реставрации памятника на Куликовом поле. Интервью с Ю. Мелентьевым. Всё очень буднично, без подъема, не про-

износится «татаро-монгольское иго», просто «битва против Мамая». Вероятно, это какой-то настрой. Но он может обидеть душу русского народа. Хотя, о чем я? Кто теперь с этим считается?

12 августа. […]. После обеда встреча у Федора с Кудрявцевым. Торжественная передача привета от А.П. Смольского – зам. зав. орготделом ЦК КПСС. Событие! Уславливаемся о программе на завтра […].

[…]. У Исторического вала. Закладывают фундамент и постамент под «Первопоселенца». Получается слишком грандиозно. Дух захватывает. В театре кукол. Ремонт. Ничего нового. На велотреке. Осталась 101 карта. Дефицит со щебенкой. Пришлось вмешаться. Чувствую себя не очень хорошо. […].

13 августа. День хороший, солнечный, без намека на дождь. В 8.00 в особняке. Кудрявцев уже бродит по саду. Завтрак. Заехали в обком. Федор говорит с районами. Замечания по докладу, проекту. Разговор ни о чем почти полчаса. Около 9-ти – на Пензенскую птицефабрику. Посмотрели [с Кудрявцевым] магазин, среднюю школу, дом культуры. […]. В Чаадаевке на домостроительном комбинате. За шведскую линию отдали 5 млн. в. [валюты] золотом, должна давать 2000 домов, едва дает 600. Наше головотяпство. Нет смол и утеплителя. Шведы [расходуют на дом] 12 куб. м древесины, мы – 21 кв. м. Много сложностей. В поселке один дом в натуре. Неплохо, но Цирулев потом скажет: я за один такой – три построю. Епифанцев и Чистяков – у границы. С Епифанцевым [встретили] у поворота В.П. Цирулева и полем на Анненково. Разговор с механизаторами. У него [Кудрявцева] нет вопросов. Интересует цеховая система управления в колхозе. В Анненково [осмотрели] полевой стан, кормовой двор и комнату трудовой славы на комплексе. Обед в столовой колхоза. […].

В Кузнецке с Чистяковым. Дворец культуры «Юность», горком, два магазина. В горкоме – ульяновцы В. Сверкалов и пьяненький генерал Назаров. Длинная трепотня. Кое-как расстались. Кабинеты, Холм Славы (трогательное место!), детский садик и на завод №2. Ужин в Кузнецке. Опять без подношений, просто и хорошо. Ушли на Пензу. Нет особых эмоций и больших вопросов. […].

14 августа. Спал ночь плохо. Душит насморк. Только проглотив снотворное утихомирился. Встал и в обком. В 9.00 – совещание по железной дороге в связи с приездом М.А. Суслова. Закончил за 15 мин. Кажется, ребята все поняли. В 9.30 дал поручение по ремонту театра кукол: хоть что-то полезное за день сделать. В 10.00 – пленум обкома КПСС. Вопрос о кадрах в сельском хозяйстве. […].

Пришло решение о запрещении всякого рода коллективных пьянок и об угрозе исключения из партии и снятия с работы руководителей, которые устраивают эти пьянки. Мне думается, что решение абсолютно правильное и своевременное. Кудрявцев его читал и жмется. Но хорошо, если бы все приезжающие из Москвы познакомились с этим решением и не тянулись к застольям. Нам от них отказаться проще. Москвичам руководящим – труднее. Они часто едут в области погулять, развлечься. Основа [решения ЦК] хорошая, только бы не нашли обходных путей.

Принял Баруздину, журналистку из «Литературной газеты». Пишет материалы на 10 сентября о Куприне. Я ее поддержал. Мне думается, что Куприн близок к народу, и его творчество надолго сохранится в сокровищнице нашей литературы. Может, далее он пойдет по возрастающей. Так бывает! […].

16 августа. […]. Начал читать и до вечера добил «Яму» Куприна. Хороший, добрый писатель, хотя «Яма», прямо скажем, не лучшее его произведение. Сюжетно выставлено рыхло, нет строгости композиции. Впечатление, что торопился закончить, хотя запев был интересный. Прелесть Куприна в точном знании обстановки, о которой пишет, внимательном изучении быта и нравов, сочности языка и т.п. Мне представляется, что Куприн из той когорты писателей, ценность которых будет постоянно возрастать. Он мне представляется Есениным в прозе. Его тоже одно время забыли, а теперь стараются одеть венок великого. Так, мне думается, будет и с Куприным. Одно время притихли, а теперь достать невозможно. Правда, пока печатается редко, да и не нашлось искателей типа Ю. Прокушева или С. Кошечкина. Я сооружаю музей в Наровчате с тайной мыслью, что с годами попадем в кон, и потомки нас благодарить будут за то, что сохранили реликвии большого писателя. У него есть преимущества перед Буниным, Шаляпиным: ближе к народу, не грешил в эмиграции против Советской власти, хоть умирать, но вернулся на Родину. […].

18 августа. […]. Беседовал с Куштаниным, Слицаном, Сидоренко и Матвеевым. Кажется, по блоковско-бекетовскому памятнику сделан первый шаг, но до окончания далеко. Может, и удастся осуществить эту мечту? Чуть позже влезу сам. Ездил на «Тяжпромарматуру». Смотрел собранную фигуру памятника Первопоселенцу. Получилось здорово. Смотрится хорошо. Это первая конная фигура в Пензе. Ушло 17 тонн бронзы. Убьют [меня за нее]! Заехал на велотрек. Движется дело. Появляется вера, что трек будет. У Исторического вала. Забор крепости смотрится хорошо. Верхний сквер появляется, вал преобразуется. В общем место становится очень интересным для города. Думаю, что силы тратим не зря. Козенюк нашел

подкову и спрятал ее, заложив в фундамент памятника. «На счастье». Может, и повезет. Важно выдержать характер и сделать все без особого шума и гама.

21 августа. […]. После бюро – беседа с сыном и двоюродным братом Ф.В. Гладкова. Ему [Ф.В.] 100 лет в 1983 г., но уже хлопочут и правильно делают. Хотят превратить в великого. Три ипостаси: писатель, революционер, ученый (доктор, профессор). Связали с Брежневым (Новороссийск, Днепрогэс). Сказал, что будем думать: 1) о юбилейной комиссии, 2) о конференции 3) о музее в Ключах (остался дом, перенесенный из Чернавки в Даниловку). Подарили мне «Повесть о детстве» из библиотеки отца.

22 августа. Утром хоть и было прохладно, но без дождя. Казалось, что, может, теперь наладится погода. Нет, после часа опять пошел мелкий дождь и так до вечера. Влаги мало, а работать в поле нельзя. К 9.00 – в обкоме КПСС. Козенюк доложил, что закончил протравливание и патинирование «Первопоселенца». Хотел после радиосовещания заехать, но потом передумал. Всё сделано, теперь не исправишь, посмотрим на месте, когда встанет. С В. Застрожным – о стихах к встрече [Суслова] и ансамбле «Частушка». […]. Текст для Холма Славы должен готовить В. Бутов. Трудно, но говорят, что такой обычай. Мы должны думать, что ему [Суслову] следует написать. Своеобразно! […].

25 августа. […]. После обеда рассмотрел вопросы оборудования и окончания строительства «Самолета». Содержание пока отложил. Это будет кафе-лекторий по 45 минут. Надо думать. В 16.00 – с ректорами и директорами совхозов по использованию на овощах первого курса. […]. В 18.00 – на «Тяжпромарматуре» смотрели «Первопоселенца». После тонирования смотрится здорово! Поздравил Козенюка. Это будет событием для Пензы! Обалдеют. Жалко, что нельзя открыть торжественно. Были на треке. Всё встало из-за бетона. У Исторического вала. Идет процесс обновления его и подготовка площадки.

28 августа. […]. В 9.00 двинулся на Кузнецк проверять готовность к встрече [Суслова]. Думал, что потрачу часа два-три, пройду по трассе и разделаюсь с этой проблемой. Но планировал одно, на деле получилось другое: начали в 11.00, а закончили около 9-ти вечера! И главное, что отнимает уйму времени, это – проникновение в детали, чтобы избежать или постараться избежать его величества «случая». […]. В 18.00 – совещание актива. Мое выступление: кузнечане – патриоты до национализма. Перелить бы любовь в дела! Многое сделано, но кое-где есть неряшливости. Вспомнил Салтыкова-Щедрина: под какое декольте мыть шею? […].

Просил всё сделать. Это имеет и политический, и практический смысл, т.к. юбилей города. Ужин около 9-ти вечера. Устали страшно.

29 августа. Снотворное оглушило. Поднялся только в 7.20. Отличная, солнечная погода. Быстро позавтракали и в горком. Пензу поезд прошел нормально. Потом позвонили из Чаадаевки. Всё время жмут, что не более 45 минут! Собрал шоферов, расставил всех по местам и объяснил порядок движения. Приехали из Ульяновска Кузнецов [первый секретарь обкома] и Кузьмичев [председатель облисполкома]. Объявил порядок встречи и просил не ломать. Отверг их попытку из горкома ехать на ульяновских «чайках». Показал особняк. Объяснил шоферу, как въезжать. К 10.00 – на вокзал. Не очень много народа. Отсекли всех зевак. Только пионеры, хлеб-соль и актив. Поезд подошел ровно в 10.16. Кузнецов было ринулся в вагон, охранник отшил. На ступеньках М.А. Суслов. Кузнецов отбил ребят и полез целоваться. Смятение. Я – Застрожному: «Давай!» Ребята: «Михаил Андреевич! Здравствуйте!» И дали стихи. Он прослезился, поцеловал ребят. Хлеб-соль. Чуть с солонкой неполадка. Обошлось! Все пошло по программе. В машины. Кузнецова на «Чайку» не взяли. Со мной Виктор, помощник [Суслова], Кузнецов, а пред. облисполкома Кузьмичева девать некуда. «Садись в любую»! На Холме Славы. Четкий доклад, пионеры, ветераны наверху, приветствие Василия Павловича. Опять слезы. Возложение корзины и букетов цветов. Поклон. Получилось здорово! К детскому саду. Не хотел останавливаться, но [Суслов] увидел ребят – затормозил. Цветы. Семью [Суслова] я отправил в детский сад. [Проехали] по городу. Фотографирование у горкома партии. На границу. Семья догнала. Я успокоился. Виктор и Кузьмичев. Дурацкий разговор с помощником [Гавриловым] – о [его] родине. Выручил господь бог! Рассказал [ему] об Иссе, Рузаевке. Просил дать список книг, т.к. он никогда не слыхал о своей родине. Расставание на границе. Обед в Кузнецке. Я ушел машиной на Пензу. Всё получилось.

Сразу уехал на памятник Первопоселенцу. Уже на месте пьяные Козенюк и Комаров. Открыли фигуру. Отлично смотрится на фоне голубого неба и зеленых сурских далей. Спросил двух 8-классников. Понимают смысл копья и плуга. Козенюка поздравил. Он достал шампанское и грохнул вдребезги бутылку о лошадь. Таков обычай. Щербаков здесь. Все, даже рабочие, довольны. Вещь получилась. Вечером дома подбирал книги по краеведению.

30 августа. День опять яркий и солнечный. Погода как по заказу. Но вечером, когда я возвращался из Кузнецка, опять начался дождь. Правда, он пока шел на востоке, где-то за Городищами сухо. К 9-ти – в обком. Привез с собой кипу книг с

закладками и отдал ребятам для работы на ксероксе. Удалось отобрать интересные странички, связанные с Иссой, Рузаевкой и Инсаром. В 10.00 с В.Ф. Сидоркиным – к кинотеатру «Родина». Посмотрели все на месте. Думаю, что архитекторы очень размахиваются, снося забор, и нашли более скромный и более уютный вариант установки камня на месте дома купца Кознова, в котором был Е.И. Пугачев. Хочется «закрепить» в городе это место. Потом прошли к Историческому валу. Провели еще одну ревизию в деталях, наметили дополнительный снос ненужных деревьев, подсыпку вала, переустройство тына, асфальтирование у памятника. Сидоркин всё записал. Надо завершать! В 11.30 у меня фотографы. Из кучи фотографий отобрал 32, скомплектовал фотоальбом. Вероятно, обиделся Бархатов, что не он один автор альбома. Но что делать? Тут не до человеческих страстей и обид. Альбом получился интересным.

В 14.00 выехали на Кузнецк. Включили сирену и мегафон и дошли за 1 час. 26 мин. Федор где-то в районе бродит. Когда появился, посмотрели альбом, мою папку для Гаврилова «Кругом родные всё места». Разложили сувениры. Около 18.00 пошли на границу. Стояли почти до 8-ми. Что-то медленно продвигались они. В 19.10 приехали. Взял в свою машину С.П. Гаврилова, подарил набор отпечатков, рассказал о богатой истории области, нашем краеведении, музеях, школах, о Куприне. Плохо [Гаврилов отозвался] о Мейерхольде: «Не хотел бы быть его земляком». Отношение к истории комсомольцев 20-х годов: «Мы начинаем историю». Косарев, Мишакова, Берия. Опять об ордене Кузнецку. Обещал поговорить в понедельник. Он [Гаврилов] в ЦК с 1942 года! Много интересного в жизни. До вокзала тянули почти час. Приехали к отходу поезда. Ульяновские не захотели оставаться, я не настаивал и не провожал. В особняке актив Кузнецка. Поблагодарил, они поблагодарили. Уехал в Пензу в 10.30. Устал.

31 августа. […]. По телефону – с Виктором Дорошенко. Вчера, как уехали из Кузнецка, немного были [Ф. Куликов с Сусловым] в обкоме [ульяновском]. Федор вручил [Суслову] шагомер и фотоальбом. Разговор о награде городу Кузнецку: начали с Почетной грамоты, дошли, кажется, до Трудового Красного Знамени. Снова о хлебе. 800 тыс. тонн. Альбом произвел впечатление. [Суслов] собрал всю семью и в «семейном кругу» рассматривали фотографии. На этой основе родился вывод, что у двух соседних областей – разный уровень культуры [в пользу Пензенской].

Был В. Ерзунов. Высказал ему свои соображения по открытию памятника Первопоселенцу Пензы. И шуметь нельзя, и молча открывать не хочется. Мой замысел: свести всё к благоустройству старой части города. Всему составу бюро приехать 8-го сентября в 11.00. Это дата и час начала Куликовской битвы 1380 г.

Показать благоустройство, пройти по валу, посмотреть скверики и закончить у памятника. Поблагодарить всех участников. Потом краеведы додуют [додумаются], в чем дело, всё свяжут воедино, и памятник (так его будут называть!) обретет особый смысл и содержание, хотя никаких речей не будет сказано.

Был Огарев. Рассказ о приезде М.А. Суслова и о некоторых сельскохозяйственных вопросах. Уехал домой. Федор так и не появлялся. Вечером по телевизору встреча Л.И. Брежнева в Москве. Суслов успел. Обошлись без поцелуев. Снял одну звезду. Должно быть, неловко ульяновцам, которые лезли со своими губами. Хорошая речь на приеме в Казахстане. Хорошо бы ее дополнить участием [Брежнева в торжествах в связи с] 600-летием Куликовской битвы, но думаю, что этого не состоится. Баланс не в пользу русского народа, его истории, его святынь. Он будет нарушен. Обидно, но что тут поделаешь?

1 сентября. […]. С Федором – о деталях [встречи с Сусловым]. Суслов беседовал 10–12 мин., смотрел альбом, об ордене. Потом (без них) собрал семью, смотрели альбом. Все довольны. В 9.00 – планерка. Доклады отделов, заключение Федора. Немного о визите М.А. Суслова, его заключение по хлебу. В. Огарев о садовых участках по техникуму. Дело очень мутное. Я дал поручение трем отделам разобраться. Условились рассмотреть по итогам этого разбирательства. Изложил с участием Ерзунова идею открытия памятника Первопоселенцу под видом благоустройства старой части города. Надо втягивать бюро. Федор согласился. Хорошо. Занимался всякими текущими делами. Федор в восторге. Созвонился с помощником [Суслова], тот доволен, изучает историю своего края. Вчера до прилета Л. Брежнева Суслов рассказывал членам Политбюро о своей поездке. Федор позвонил в орготдел, те посоветовали доложить И. Капитонову. Доложил, а он говорит, что ему уже звонил М.А. и всё рассказал в деталях, очень доволен Кузнецком. Решили вопрос об ордене «Знак Почета» и заодно о создании двух новых районов. Прикинули и решили возродить Нечаевский и Бессоновский. Настроение отличное. Для Федора это и первое серьезное испытание и первая победа! Аж светится. Посоветовал позвать ребят и поблагодарить, а Застрожному и Бархатову вручить подарки. Так и сделали. И они довольны.

Звонил И. Кузнецов. Вел разведку. Я говорю, что люди аппарата хитры, а он: «Ты хитрее их». Чепуха по «Чайке», но объяснил, и все снялось. По телефону – с Е.М. Тяжельниковым. Доложил, что был М.А. Суслов, ему понравились наглядная агитация и Холм Славы. Забил вопрос о 150-летии И.Н. Ульянова. […].

2 сентября. Идет молодое бабье лето. Сегодня это в полной мере оправдано: тепло, даже душно, около +24, солнечно и никакого намека на дождь. «Маяк» и на завтра дает ясную погоду. В 8.30 заехал на Исторический вал. Разворачиваются пока медленно, все проводят планерки и совещаются. Посмотрели некоторые детали у памятника. Определили место установки ограды, осмотрел дом почтмейстера и сказал, чтобы отвалили позднейшую пристройку из кирпича, еще кое-какие детали. В обкоме. […]. После обеда – по городу. На велотреке. Две недели потеряны из-за бетона. Сегодня работают хорошо, но бетон на пределе. Осталось из 324 плит всего 68, но время уходит. Успеть бы до морозов. […]. Пора двигать и кафе, и благоустройство, может, трибуны и остальное. Этим годом едва ли успеем, а в будущем трек пойдет, а лет через 5 будут и первые чемпионы СССР в Пензе по велотреку. На стадион «Темп». После выговора директор проснулся и начал делать. Уже есть лед. Реконструирует трибуны. Перестроил раздевалку. Беседа с Ухановым и Шиманаевым. В команде настроение хорошее. Будем биться за [место в первой] шестерке. Снова у памятника. Перепутали направление забора. Привезли пушку. Видно, что не старая. Придется красить. В обкоме. С Черновым – о границах Нечаевского и Бессоновского районов. […].

6 сентября. […]. Из Тулы по ТВ – торжественное собрание, посвященное 600-летию Куликовской битвы. Докладчик Юнак, нацепивший несколько орденов Ленина. В президиуме максимум [самый высокопоставленный от ЦК КПСС] – Евг. Тяжельников. Никого из руководителей партии, правительства СССР и даже РСФСР. На фоне громкого празднования 60-летия Казахстана это звучит откровенным оскорблением русского народа, его святынь. Непонятна роль Соломенцева, случайного русского в России.

7 сентября. […]. Заехал к «Первопоселенцу». Машины старательно моют свежий асфальт. Ребята укрепляют буквы надписи. А так все почти готово к открытию. Завтра! Жалко, что тайком приходится всё делать и по-воровски отмечать 600-летие Куликовской битвы. Святое русское стало не гордостью, а чем-то нудным, никому не нужным. Не за историю, а за себя болеют. Особенно соломенцевы и рядом с ним стоящие. Уровень Казахстана (60 лет) и Куликовской битвы (600 лет)! Стыдно!

[…]. После обеда с Федором на треке. Он обалдел. Объект (особенно полотно трека) родился как в сказке. Я и сам не верил, что удастся. Заехал опять к «Первопоселенцу» Текст на месте. Хорошо бы задерновать переднюю часть!

По TV – Куликово поле. К Тяжельникову от правительства добавился Вяч. Кочемасов. Это максимум, на что могли решиться. От союзных республик – флаги, которые несли солдаты. Если 60-летие Казахстана стало «праздником всего народа», то 600-летие Куликовской битвы – «тульским фестивалем». Освободившись от татаро-монгольского ига, идем в рамках нового хохлацкого ига в верхушке. Позор!

8 сентября. Ночь какая-то беспокойная. Постоянно просыпался. На душе какое-то тягучее, тяжелое чувство. И это от искренней обиды за русский народ, вернее, за отношение к русскому народу. Хоть он и «сплотил навеки», но к тем, кого он сплотил, отношение лучше. Как парадокс звучит факт: 60-летие Казахстана, родившегося на осколках разбитой Дм. Донским и добитой Иваном III «Золотой Орды», и нашего вечного и беспокойного врага, особенно в XVI-XVII вв., – Ногайской орды, праздновали на таком уровне и с такой помпой! А 600-летие Куликовской битвы – величайшее событие в истории русского народа – скромно, провинциально, приглушенно. Понять не могу, почему доклад об этой годовщине и торжественное собрание в Туле вел 1-й секретарь Тульского обкома да еще Юнак [не русский]. Разве эта битва освободила только Тулу? Стыдно за неразумность и бескультурье наших верхов, наплевательское отношение к святыням.

Заехал в памятнику. Щербаков хорошо развернулся: постамент уже обкладывают дерном, стало лучше, живее, естественнее. Потом дадим «татарник». В 9.00 – планерка. Буза какая-то, перебранка. Мало интересного, никаких мыслей. Просто шум, то о мясе, то о машинах. После планерки почти всем составом бюро обкома – к Историческому валу. Собралась без особых объявлений масса народу. Посмотрели вал, пушку с набатной башней, подошли к памятнику Первопоселенцу. Дал команду снять покрывало. Долго что-то дергали, потом открыли. Смотрится прекрасно. Это лучшее, что есть в Пензе. Интересен по композиции, несет извечную идею обороны и труда (копье и плуг), решен в спокойно-русском стиле. Рад, что хоть так отметили юбилей Куликовской битвы. На душе радостное, трепетное состояние. Работал в обкоме, заезжал днем, а потом и вечером смотрел при прожекторах. Город стал богаче от этого памятника, да и всего комплекса. Вера с Егором ходили и Маша. Какая-то женщина: «Это обогащает Пензу!» В городе праздник, люди потоком идут. Он стал предметом любопытства и гордости горожан. В «Правде» упоминание обо мне в связи с памятником Лермонтову и Аникушиным. Надо давать статью в «Советскую Россию».

Москвичи решились на торжественное собрание в Колонном зале. Уровень – Соломенцев, Капитонов и Евг. Тяжельников. Нет даже В. Гришина. Докладчик Б. Рыбаков. Всё на словах громко, а в жизни скучно получилось.

9 сентября. […]. Хотел засесть за отделку статьи в «Советскую Россию», но нет ни сил, ни времени, ни возможности вырвать несколько часов, чтобы спокойно работать. Нашел выход: вызвал из дома Шарова М.В. (он в отпуске) и попросил его помочь. Потратили часа три на то, чтобы ему практически продиктовать основной стержень и детали статьи. Теперь осталось ее написать, используя материал уже подготовленный «Советской Россией». Созвонился с зам. редактора. Он подтвердил, что намерены уже публиковать в воскресенье. Условились, что я пришлю ее в четверг. Пусть соединят два варианта и делают то, что нужно газете.

Позвонил О. Тельбуху. Поздравил его с хорошей заметкой в сегодняшнем номере о вчерашнем открытии Исторического вала. Точно сделана краеведчески, тонко – о прошлом, хорошо объяснена символика «Первопоселенца». Думаю, что всё пока удачно. Без такой публикации сложно обойтись. Жители знают, проявляют живой интерес и им нужно все объяснить, чтобы легче ориентироваться в смысле сделанного.

К вечеру ошарашивающее известие: ЦК и СМ СССР обязали нас поставить 20 тыс. тонн картофеля в счет дополнительного задания. Никто не спрашивал, не советовался, взяли и записали, да еще сельхозотдел ЦК требует ежедневной отчетности об отгрузках Москве. Будут терзать душу. Позвонил москвичам Л. Дерибову, зам. преду Моссовета и В. Макееву – МГК КПСС. Для нас это честь грузить столице, но транспорта нет. Позвонил Лев Ермин. Впервые за 1,5 года: «Как живете?» […]. Сообщил цифры. Разговор о транспорте. У него навязчивая идея, что у нас, по расчетам, лишний транспорт. Не стал убеждать. Просто сказал, что не стоит об этом разговаривать и тратить зря нервы, если ничем нельзя помочь […].

15 сентября. […]. Вспомнил о дворце в с. Зубрилово. Уже более года стоит пустой, и никому нет дела. Сказал А.И. Алексееву, чтобы брал под санаторный дом для больных ребят. Обещал завтра поехать и дать предложения. Не забыть бы опять. Надо решить его [дворца] судьбу. Жалко, если растащат и разгромят. […].

18 сентября. […]. Камень Е. Пугачеву разгрузили у кинотеатра «Родина». Надо искать архитектурное решение и начинать, пока не очень холодно, активно всё делать. Начало есть – конец будет. Важно, чтобы керамика хорошо получилась у Скоробогатовой. Это будет новое слово в мемориальной пропаганде. Опять нечто свое, пензенское. […].

Становлюсь «популярным». То в «Юности» благодарность за Гладкова и Мейерхольда, то в «Правде» за памятник Лермонтову, вчера в «Советской России», а

сегодня в «Лит. газете» благодарность дочери Куприна за создание музея ее отца. Лев бы уже не выдержал. Федор переносит спокойно. […].

19 сентября. Погода хорошая. Тепло, уютно, весело. Заехал в обком КПСС. Дал некоторые советы по картофельным делам, переговорил с Р.Ф. Дементьевой из МГК КПСС. […]. Уехал на Тамалу. Морозов не было, но лес и придорожные полосы уже покрываются багрянцем осени, а тополя уже скинули листья и торчат голыми на солнце. Вечкасов и предрика встретили на границе. Сразу через Тамалу в совхоз «Тамалинский» на свекловичную плантацию. Работа кипит, чистят донецкие. Интересный комбайнер Евг. Гаврилович Новиков. Вручил ему диплом и именные часы. Теплые приветствия, пионеры и агитбригада. Целый митинг на поле. Новиков в ответ не смог и слова сказать: работать горазд, а говорить не может. […]. За Варварино, в овражке, на границе с Саратовской областью, много ковыля. Это теперь редкость. У Зубриловского парка. Руины башни. Стоит крепкая, но когда-то были помещения, теперь только дырки от балок на двух этажах […]. У дворца. Церковь, колокольня, дворец. Уголок интересный. [Здесь бывали] Державин. Крылов, Борисов-Мусатов. Все пока держится, но на пределе. Надо быстрее находить хозяина, решать вопрос. Неприятный разговор с быв. медсестрой и чахоточником (сидел 25 лет, а выступает от имени рабочего человека) – по воде и дровам. Вернулись в Тамалу. Немного в райкоме. Ужин и ранний сон.

21 сентября. […]. Завтра приезжает из ЦК В. Лоскутов. Будет разбираться по хлебу. Мужик тупой и опасный. Нужно проявить выдержку и показать ему откровенное презрение. Нельзя прощать фокусов прошлого года, надо ставить в рамки. Где-нибудь без свидетелей я ему врежу, чтобы запомнил на долгие годы. Надо пробить его медный лоб, если это вообще возможно. Разбирался по картофелю. Душа сегодня успокоилась: дали счет отгруженных в Москву вагонов. Всё совпадает: даже при неучтенных вагонах выходит, что мы отгрузили в Москву за эти дни 13100 тонн картофеля. […].

27 сентября. […]. С Ерзуновым и Алексеевым – на Центральный рынок. Изучаю обе проблемы. Разговор с крестьянином (он продает свое мясо) и рубщиком мяса о предельной цене. 5 рублей за кг всех устраивает. У магазина №6 – беседа с очередью. Стоят за маслом уже 3 часа. О талонах на мясо. Все единодушно – «за»: устали мотаться в очередях. Идею Ерзунова – [раздавать продукты] по предприятиям – отвергают. Полезно советоваться с народом, и они благодарят. Мы часто замыкаемся в кабинетах, и это людей раздражает. Обстановка теперь (после Польши) такая, что лучше снимать поводы для раздражений самим, чем ждать, ко-

гда обстоятельства заставят делать то, что можно было сделать самим. Нервы народа, кажется, на пределе. Взрыв всегда возможен...

28 сентября. […]. В 11.00 – в обком. Посмотрел газеты, зашел к Федору. Рева у него. Опять банкуют по талонам на масло, предлагают выделить инвалидов и персональных пенсионеров. Я возмутился: надо кончать с этими балаганными поисками, [кардинально] решать, а детали потом уточним. Поднял вопрос «о болевых точках»: проблема масла, ограничение цен на базаре на мясо, расширение сети по торговле водкой, о совхозном молоке, билетах на поезд «Сура». [Нужен] еще один поезд. О строительстве жилья в городе, садовых участках для начальства у техникума. Завтра на планерке надо рассмотреть.

Звонил М.О. Устинов из Наровчата. Музей Куприна и дорогу к нему заканчивают. Надо ехать смотреть, начинать делать экспозицию и думать, когда и как его открывать. Ехать надо и в Кузнецк. 31 октября ему Л.В. Смирнов будет вручать орден. А у меня есть еще и тайная идея перенести из с. Комаровки деревянную церковь в Пензу, поставить на углу Куйбышева и Тамбовской, сделать ее «филиалом» Музея народного творчества. Церковь Иоанна Предтечи построена в 1776 г. и является единственным в области памятником [деревянной] церковной архитектуры XVIII века. […].

29 сентября. […]. В 15.00 – совещание по проблемам торговли в городе. Приняли решение и рассмотрели детали введения ограничения на цену до 5 рубля 1 кг мяса за счет общественного совета рынка. Договорились, что с 10 октября переходим в городе на продажу масла по талонам. В среднем на жителя 200 гр. в месяц. Решение тяжелое, но неизбежное в нынешней обстановке, накаленной всякими нехватками. В 17.00 с Трушиным и Ивушкиным – по плотине в Тарханах (есть угроза сноса). Потом с Деминым о том, чтобы ОБХСС зажал ч--------- на рынке, привел их в порядок, чтобы не раздражать покупателей.

30 сентября. […]. По телефону – с Пучковым, а потом с Байковой из ЦК. Заинтересовались почином [пензенских] пропагандистов [работать под лозунгом «Знание и мастерство пропагандиста – росту трудовой и политической активности каждого слушателя»]. Я объяснил, что мы за всесоюзной славой не гонимся, но это важно как рычаг, оживляющий этот учебный год. Пусть [наш опыт] изучают, если хотят, но мы не просимся... […].

Впервые узнал, что Дмитрий Иванович перед Куликовской битвой молился у иконы Владимирской Богоматери. Это такая святыня! Жалко, что повисла в Третьяковке как простая картина. Обидно.

1 октября. Дождь продолжается, осенний, нудный, липучий. Холодно и слякотно на улице. Завез Егора в детский сад и направился в Кузнецк, но по дороге завернул на Центральный рынок: ограничение на мясо действует, но пока не отработаны детали, да и результаты не видны. Настроение хреновое из-за колебаний Федора по маслу. Кто же в ЦК может дать согласие на введение карточной системы? Кому не дорого место? Детали их не беспокоят, ибо живут они далеко от народа, вне его, боли и заботы его, ох, как далеки от кабинетов на Старой площади Москвы. Много всяческой бесхозяйственности. Она порождается безответственностью и незаинтересованностью чиновников, переплетенной с разболтанностью и экономической незаинтересованностью рядовых. На сознание их мы делаем ставку и не имеем собственных рычагов экономического и административного характера. Партия вместо того, чтобы на самом деле бить руководителей силой общества, взвалила на свои плечи тяжелую ношу управления хозяйством. Отсюда два недостатка: 1) некогда заниматься проблемами общественного развития, которое часто подменяется хозяйственным развитием; 2) порождается безответственность тех, кто по должности обязан заниматься хозяйством. Утонув в мелочах, не имеем времени заниматься общим. Перестройка неизбежна (пример Польши), но едва ли она произойдет сверху без чрезвычайных обстоятельств. […].

2 октября. Погода опять мерзкая: дождь, холод слякоть. Завтрак с Чистяковым и Епифанцевым. Условились, что утро проведем в городе, а около 10-ти поедем в Комаровку смотреть старую деревянную церковь. Может, взять ее в Пензу? Епифанцев бросил: «Вас в области года четыре зовут Георг Православный, Георг Святой за любовь к старине». Так можно и святым стать! С Чистяковым – на стройдвор. Посмотрели мраморные глыбы, а потом к школе №1 – нашли место установки памятного камня к 200-летию Кузнецка. В 9.00 – совещание о завершении работ по площади у горкома партии с прицелом – в день вручения ордена открыть и памятник Ленину. […]. Уехали в Комаровку. Интересная церковь. 1776 г. 25 х 10 м. Обветшавшая. Без гвоздей сделана.

Был на телочном комплексе. Дело доброе, но всё пришлось выбрасывать и переделывать. Сколько же денег, металла и материала ушло впустую на Лёвины эксперименты! Страшно подумать, и никто не отвечает. Из Комаровки, мимо Кузнецка, на Поселки, Никольское, Бестянку, в Марьевку. Посмотрели овощехранилище. Сказали, что 5-го сдадут. Сразу уехали, не вникая в детали. После обеда – на Пензу. Стих по дороге:

Березки желтые, а клены красные,
Пора осенняя – меняют цвет.

В душе уверенность, что не напрасно я
Отдал тебе, мой край, уж 20 лет.

В обкоме. Снова дела картофельные. Сказал, чтобы выезжали в Кузнецкий район и брали Ростову реальный картофель. По телефону – с Федором. Обходил он всех, даже случайно Черненко, [который] благодарил за картофель в Москву. Хорошо воспринято и в ЦК, и в Совмине. На талоны не советуют, лучше столы заказов. Будем искать...

4 октября. […]. Федор. Доволен поездкой. Здорово сыграла картошка для Москвы. Остальное всё прощают. В Москве беда с картофелем. Скандал Конотопа и А. Смирнова. Был у Черненко. И ему – о талонах! Сам себе ищет безвыходную ситуацию, хотя решать придется. Дважды был у Льва. Хитрит, прикидывается, хлеб [прибавку плана сдачи] свалил на Суслова (!), хотя сам прибавил. Опять интересовался, кто и как: Дорошенко, я и др. Не может без этого, ему было бы скучно жить без сплетен.

С редактором «Советской России» М. Ненашевым. Статья получила хороший отклик, просит и дальше сотрудничать. Уже что-то слышал о нашем почине в идеологии, просит дать информацию. Говорили в отделе пропаганды ЦК. Переговоры с Кузнецком. Там всё движется, хотя масса трудностей. Согласовал детали программы пребывания Ю. Мелентьева. Важно напичкать его впечатлениями о городе и культурных местах области. Нужен нам, хотя он страшный бюрократ.

Собрались опять по овощам, особенно по капусте. И тут есть продукция. Надо брать, но разумно. Согласовали необходимые детали. Договорились без шума и скандала, хотя мне надоедает эта компания и пора, кажется, уходить в сторону. Нельзя долго работать за других, есть и свои дела. Был утром на рынке. Частник – стихийный экономист: теперь всё мясо почти любого качества стало по 5 рублей. Выше не берут – ограничено, ниже – не хочет продавать. Может, выиграли только на факте регулирования – народ одобрит.

5 октября. […]. В 8.30 – совещание по пуску Пачелмского ретранслятора телевидения. Накроет 8 районов устойчиво. Доклад Л. Нестерова, начальника управления связи. Всё валит на строителей. Хорошо ему в ответ дал В. Димаков, наотмашь: «Не знает, не делает, а жалуется». Скандал. Я дал задание опубликовать в газете сообщение, что к XXVI съезду КПСС ретранслятор пойдет. Если нет – политический вопрос! В 9.00 встретили министра культуры РСФСР Мелентьева, да еще с женой. […]. Пешком – к областной больнице. Музей Н.Н. Бурденко, вопрос о памятнике ему. На новом месте лучше! В ПКиО Белинского. Много деревенского. Не

пустили горки. В театре «Орленок» открытие сезона. Тоже деревенское. На Советской площади – камень Пугачеву. Вышли к ГК КПСС. Отдаем под Картинную галерею. [Мелентьев] вцепился! Зашел внутрь. Богатство, конечно. К «Борцам революции», потом бюст Лермонтова, магазин «Цветы» и к Историческому валу. Показали памятник Первопоселенцу. Смотрится хорошо. Втянули в грех [и Мелентьева]. Дворянское собрание – отдаем под ТЮЗ. Условились, что приедут московские проектировщики. В Музее народного творчества. Встреча с Т. Зоткиным. Ю. [Мелентьев] болен керамикой. Говорит, что Зоткин на грани гениальности. Приятно, что я его открыл. Из этого музея, мимо [музея] Мейерхольда в роддом. Обряд [встречи новорожденного растрогал] до слез. Обед в «Засеке». Москвичи капризничают, но едят хорошо. Из «Засеки» – в музей И.Н. Ульянова. Уютно, но пусто. Егор знакомится с министром. Варежку не снял. Картинная галерея. [Мелентьев] знает живопись. Всякие восторги. Есть, конечно, просто уникальные вещи. Из Картинной – в филармонию. Условились о реконструкции. На набережной Суры у обелиска. Ужин в «Золотом петушке». Маршрут богатый. Редко [бывают] эрудированные министры. [Говорил с Мелентьевым] о Луначарском. В Лондонском архиве – письмо Троцкому: «неизменно предан Вам. Проводить не могу» и т.п. Заехали на Видовую площадку. […].

Печальная весть: в автомобильной катастрофе трагически погиб П.М. Машеров. Для Белоруссии потеря. Может, Саша Аксенов на его место?

6 октября. […]. Некоторые пометки из вчерашних разговоров. О Куликовской битве. Он [Мелентьев] «делал» праздник. Говорит, что точно выполнил указание ЦК. Уровень [представительства первых лиц] не важен, важно, что народ празднует (?). И праздновать его надо всем, в т.ч. и татарам. Не их разбили, а «чужеземцев». Какая-то странная философия, противная историзму. Хотя… В музее на поле Куликовом всё рассказывают цитатами из Маркса.

Еврейский вопрос. Каганович, а до него Луначарский давили всё русское. Оно им было враждебно. Ходит легенда, что при плане реконструкции Москвы Лазарь схватился и снял [с макета] «Василия Блаженного». Сталин: «Не тобой поставлен, поставь на место!» Луначарский и Троцкий. Архив. Теплое письмо. Тянули Безыменского и Жарова, травили Маяковского и Есенина. О Зоткине. Он на грани гениальности. Его потомки будут искать как событие. Надо бы найти продолжателя, но русского. В Палех влезли евреи. Музей русского искусства в нынешнем здании Совета министров РСФСР. Зоткина затянут туда.

В мастерской Скоробогатовой. Талантлива, но не нашла цели, [живет] в скорлупе выставок. Пугачев – первая интересная проба. Найти бы еще применение ее

таланту […]. Позвонил кузнечанам. Дал задание отрабатывать завтрашний день. Покажем Радищева, немного Кузнецк. Важно, чтобы он [Мелентьев] понял, что в области культура – это серьезно!

«Правда» опубликовала сообщение о гибели П. Машерова, но никаких подробностей. А. Аксенов идет первым из числа белорусских товарищей. Был бы рад за него.

7 октября. Вчера случайно взял в руки авантюрную книгу Ю. Семенова «ТАСС уполномочен заявить» и попался, читал до 3.30 утра. Правда, уснул скоро, но уже в 6.20 раздался звонок: надо собираться в дорогу. В 7.30 – в особняке. Москвичи встали. Быстро позавтракали и около 8-ми тронулись в путь. Вчерашним днем [Мелентьев] доволен. Мысли о будущем, которое надо сегодня определить. Я высказал, сошлись. Остановка в поселке птицефабрики. Клуб, разговоры. Просят [у Мелентьева] балы и еще кое-что. Обещал. Министр может [обещать что угодно]. У бюста Кижеватова. Сделан неплохо, точка поставлена. Епифанцев и Чистяков – у объездной. Сразу на Радищево. Осмотр церкви, потом экспозиции. Откровенный разговор. Я возмутился, что чиновники из министерства умничают, запутывая вопрос о строительстве дома Радищевых. Я убежден: без дома не будет толком музея. Если думать о большом будущем, надо делать дом, приводить в порядок всю усадьбу. Радищев – это еще целина, сидим на мешке с золотом и ленимся опустить руку за монетами. На территории усадьбы его сына. Хороший памятник Курдова. Надо бы переносить, а вместо «дурдома» делать туристскую базу. Вернулись в Кузнецк. Холм Славы. Потрясающее место, не может не трогать. Площадь у горкома. Место для Ленина, но нужен постамент. Обещал. Посылаем Курганова в Москву. Осмотр ДК. Грандиозно, но когда достроим, что будем делать? Огромная масса! Обед в особняке. Два тоста: «Культура – это у нас серьезно». Он: «Впервые встречаю секретаря, который так тонко и глубоко разбирается в культуре. Это поднимает авторитет партии» и т.п. Уехали на Пензу. В 16.00 – проводы в особняке. Пришли Федор, Виноградов и Щербаков. Итог: я предложил подготовить и рассмотреть совместно в бюро обкома, облисполкома и коллегии Министерства [культуры] РСФСР «Перспективы развития музейного дела в Пензенской области до 1990 г.». Это создаст хорошее будущее. Центр объединения переместить в Пензу, а гимназию Белинского взять под Литературный музей. Все согласились. Мой тост: «За деловое содружество; будем работать для поколения XXI столетия. Это и престижно, и связано с духовным ростом, и в какой-то степени с экономикой». Проводили на самолете в Москву […].

8 октября. […]. О причине гибели Машерова. Случай банальный: столкновение с ЗИЛом, и три трупа. Виноваты те, кто сопровождал. Показали по телевизору похороны. Белоруссия в трауре. Он очень популярен, любимец народа. Странно, что невысок уровень представительства. От ЦК только М. Зимянин, от России – Яснов, остальные ЦК республик – на уровне вторых секретарей. Пожалуй, из Литвы только – первый […].

10 октября. […]. В 10.00 с Федором и Виктором – в ДПП. Партийно-хозяйственный актив по животноводству. Как «галка», чтобы отчитаться по мероприятиям, он нужен, а по содержанию далек от того, что сейчас требуется. Все показатели животноводства летят к чертовой матери: мясо, молоко и шерсть не выполним, удой едва перевалит за 2.000 литров, поголовья на план не хватает. Думаю, что показатели будут самые низкие за последние 10–15 лет. Надо бы объяснить активу, что случилось. Ведь дело не только в прошлом неблагоприятном годе. Кстати, этот год по обеспеченности кормами будет не лучше прошедшего. Но объяснений нет. Н. Лагуткин упомянул о специализации и даже бросил: «Найдены правильные решения в организационном и технологическом плане» (тут вся путаница!). Выступал Федор. Более часа. О специализации ни слова, об истоках провала тоже, простая констатация фактов. Есть объективные: корма, уровень планов. Но есть и субъективные факторы: неправильное направление вложений: на фермы КРС [крупного рогатого скота], где начинается процесс производства молока и мяса, – 67 млн., на фермы первотелок – 73 млн., на откормочники – 80 млн. Подорвали основу ради идеи специализации. Направляем [больше всего средств] в спецхозы, лишая основу всего хозяйства. Направляем в производственную сферу, не строя жилья. Успеха достигали, когда была основа. Она сочеталась со специализированными. [Когда] остались и те, и другие в чистом виде, провалились. Нельзя позволять работать сначала ради защиты диссертации, а потом доказывать ее правильность. Да еще и с замахом на докторскую. Маячила мечта с госпремией за Ардым. Много – от честолюбия и карьеризма… […].

11 октября. […]. Сказал Федору, что еду по хозяйствам Пензенского района, он – в Мокшанский. Мы с Деминым и Меркуловым побывали в с. Засечном, потом в Терновке на базе №19 и Воскресеновке. Капусты много. И это последнее дыхание по овощам. Выхватим – всё будет в порядке.

День опять исторический для краеведения. Установим огромный камень на месте дома купца Андрея螺нова, в котором 2 августа 1774 г. останавливался Ем. Пугачев. У камня своя история. В 80-летие Замойского искал камень. Мне этот –

показал А. Овтов у военного городка в Каменке. Мне показалось, что он велик для Замойского. Нашли другой, в Гавриловке. Этот же Овтов перенес на развилку дороги у Каменки. Но там он стоял без дела. Месяц назад по моей команде его перетащили в Пензу. Приготовили место. Трубу под него придумал Балашов.

Утром заехал – нет крана. Около 13.00 пришел кран, но не удается развернуть на одном тросе. Весит он 12–13 тонн. Поехали за тросами. Пошли гулять с Егором в 16.00 – камень на месте. Ставили Киркиянов, Яков Полунов и Балашов. Руководил Э. Иодынис […].

12 октября. […]. Одна мысль: чем старше общество, тем больше оно оглядывается назад. Люди в настоящем не всегда находят удовлетворения и потому начинают копаться в прошлом. Так появляются на свет и Есенины, и Ахматовы, и Саши Черные и т.п. Но из прошлого выхватывают не всех. Идет какой-то отбор. Из забытья появляются не все. Забыты Писемский, Успенский и т.д.

15 октября. […]. Позвонил И. Зеленков из ЦК. Передовая «Правды» – «Активная жизненная позиция» – наполовину посвящена нашей пропагандистской инициативе. Хорошо, что хоть тут выходим на сцену страны. Жалко, что показатели плохие в экономике. Нет единства слова и дела. Показал Федору. Он доволен. Сказал ему: «Нет хлеба, хоть на этом показать область». Звонил мне редактор «Политического самообразования» Вишняков. Просит материал в журнал. Надо что-то делать. Был Н. Мошнин. Поручил ему выработать систему конкретных мер по распространению этого почина. Дело теперь за конкретной работой в районах, на местах. […].

17 октября. […]. У меня Г. Исаев. Внимательно обсуждаем проблему создания Бессоновского района. Это принесет облегчение Пензенскому, да и район будет луко-птице-молочным. Немного о кадрах, о специализации. Ошибка состоит не в самой идее специализации, а в том факте, что ее сделали престижной самоцелью. Вместо того, чтобы вырастать из общего объема всех хозяйств, увеличивать их мощь и возможности, дополнять передовыми приемами и высокой организацией труда, спецхозы были созданы за счет резкого уменьшения вложений в основную массу хозяйств, уничтожения свиноводства, овцеводства. Приняли на вооружение сложные и запутанные организационные формы кооперации. Беда, от которой область будет страдать десятилетия.

В 11.30 уехали в Бессоновку. «Ленинская пятница» в колхозе им. Кирова. Жадный и жуликоватый народ, разжиревший на луке, сплошь торгаши. Слушали внимательно, вопросов никаких. Разговор о районе. Вернулся в обком. […].

В газетах о пленуме ЦК в Белоруссии. Как я и ожидал, Аксенову не дали дороги: «комсомолец». Первым избрали Киселева. Ему 63 года! Странно, конечно. На что рассчитывают? Как беспокоятся о будущем?

19 октября. День опять отличный. Утром чуть хмуро, а после обеда солнце, тепло +10, красивая золотая осень. Деревья в красном багрянце, земля покрыта желтым ковром листьев. Утром засел за статью «О времени основания Пензы». Еще раз просмотрел все летние записи, сделал себе пометки, чтобы более обстоятельно подготовить 2-й вариант. Естественно, душит размер статьи. Ее нельзя делать больше «Старых Черкас», а хочется и историографию, и критику, и утверждение. Сложно. Не хочется критиковать Вишневского и Инюшкина, но без этого не обойдешься.

[…]. Интересно идти по городу. Что ни уголок, то результат твоего труда или твоего участия. Из калитки – к горкому. Решил отдать под Картинную галерею. Памятник борцам революции реконструировал, закрыл проход, посадил серебряные ели. Около – молодые дубки, посаженные по моей подсказке. Памятник Лермонтову в сквере – сделал новый постамент. Магазин «Цветы» – строил и определял интерьер, сделал первый в городе зимний сад. Исторический вал преображен твоей волей, с риском сделан памятник Первопоселенцу. Быв. Дворянское собрание – подсказано решение думать о ТЮЗе. За «собранием» по узкой тропинке – к реке, и здесь – «Бочка», дело моих рук. Подвесной мост – строил и оформлял его. За мостом самолет Ил-18 – место нашел, выпросил самолет в ГВФ [Гражданский воздушный флот], перевез с аэродрома, теперь думаем, каким он будет внутри. Рядом ресторан «Праздничный». Сколько мук с ним принято, но так до конца и не довели. Перешли мост – набережная, рябины, виноград и «Росток» – дело моих рук, и золотистые березы по бульвару Славы сажали со Смачным. И так каждый уголок... Устали. От обкома – домой на машине. Я засел за статью, а Миша с Егором – на фигурное катание. Ему нагрузка здоровая, но это полезно. […].

22 октября. […]. Посмотрел материалы пленума ЦК. Быстро идет М.С. Горбачев – метеором. Кто-то должен отвечать за сельское хозяйство. Киселев – кандидат в Политбюро, 63 года. Есть обиженные, возникают вопросы: Украина и Казахстан [первые лица] – члены Политбюро, Россия – только кандидат, Капитонов давно на кадрах, но… никаких [продвижений]. Шибаев в профсоюзах, но тоже не решают. Выступление [Брежнева] своеобразное, рассчитано на успокоение в продовольствии, увод в будущее, нет серьезного и сурового анализа причин, которые привели к нынешнему положению. Народу же лучше суровая правда, чем обещания.

Ездил на велотрек. Молодец Романов. Тянет и тянет его. Практически трек готов. Весной понадобится для доделок 2 недели, и можно соревноваться. Идея кольца для шоссейных гонок – тут же. В 17.00 – бюро обкома. Приняли решение о создании Бессоновского РК КПСС и утвердили оргбюро.

Три идеи сегодня: 1) вызвал Кудинова – облавтоуправление. Ему отдаем велотрек, добрый хозяин; 2) переговорил со Щербаковым и Алексеевым. Будем искать вариант создания шоссейной трассы на 13,5 км рядом с треком; 3) с Дорошенко и Щербаковым: [надо] отдать здание сельхозконтор на [улице] Белинской областной библиотеке им. Лермонтова.

23 октября. День знатный: хоть недолго, но сегодня шел первый снег. По приметам, 2–3 декабря ляжет зима. Поднялся рано, не стал делать массаж. Уехал в Бессоновку. Народ уже собрался в конторе колхоза им. Кирова, которую за ночь успели освободить. Сообщил о решение бюро обкома о создании Бессоновского РК КПСС, представил состав оргбюро. Много всяких вопросов, но они естественны. Вернулся в Пензу. Работал в обкоме. […].

Новость: освобожден А.Н. Косыгин. Пред. Совмина СССР стал Тихонов. Событие для государства и партии не рядовое. И дело не в смене главы правительства, хотя это тоже очень важно. Мне думается, что это еще одно, почти последнее звено в установлении полного и беспрекословного единовластия (может, последним будет М.А. Суслов). Это неизбежно: [Брежнев] всё дальше идет по пути «вождизма», и это не замедлило сказаться пока хотя бы внешне. [Брежнев] стал выходить совсем один. Раньше рядом шел Косыгин и другие. Теперь один, его встречают бурей аплодисментов, он отвечает, занимает свое место, и только потом выходят остальные. Не хочет делить аплодисменты с «коллективом». Уже начал (и это поразительно) называть себя в третьем лице. Сообщая о письме Косыгина в ЦК дважды [сказал]: «глубоко и сердечно благодарит Центральный Комитет партии, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева» (и это сам о себе!). «Выражается твердая уверенность в том, что советский народ, сплоченный вокруг… Политбюро ЦК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым» (и опять сам о себе так!). Не удивлюсь, если на XXVI съезд пойдет «наш вождь» и т.п. А.Н. Кириленко давно намекнул про «вождя», но не прижилось, что-то помешало. Боюсь, что тормоза сняты, и вот-вот пышным цветом зацветут формулы «вождь», «великий вождь» и т.п. Своя компания. У власти укрепляются днепропетровцы. Их засилье.

24 октября. […]. Вопрос о смещении А.Н. Косыгина не так прост. Знали, что болен, но утвердили докладчиком на съезде. Он знал о дате пленума ЦК и мог «побеспокоиться» о том, что «состояние его здоровья, ухудшившееся за последнее время, требует отдыха и освобождения от активной деятельности» (не в один же день!). Но заявления не подал, тем более что проект – освободить его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС. Самое бы время – накануне пленума. Но он этого не сделал, или не заставили сделать. Вопрос возник, вероятно, в результате пленума ЦК. Возможны два варианта: 1) он был не согласен с положениями выступлений о благосостоянии, построенном не на экономике, а на словесах, или сказал об этом «до», но [его мнение] не учли, либо выразил несогласие, прочитав выступление в газете; 2) обиделся на несправедливую критику, когда все беды сваливаются на правительство. [Из речи Брежнева] на октябрьском пленуме ЦК: «Надо откровенно признать: механизм управления и планирования, методы хозяйствования и исполнительскую дисциплину не удалось пока поднять на уровень современных требований. В этом же – одна из важных причин недовыполнения планов по ряду позиций, недостатков и узких мест в народном хозяйстве». Ясно, что правительство, не имея возможности решать вопросы пропорционального развития экономики (особенно: «деньги – товар»), становится козлом отпущения, без намека на совместную ответственность ЦК и Совмина. Виноват и глава правительства [но не один].

25 октября. Поздно, но сообразили: в газете – благодарность [ЦК] А.Н. Косыгину. Так торопились, что не успели вставить в текст. Жуть! […]. Уход А.Н. Косыгина внешне да и внутренне выглядит как протест против решений октябрьского пленума ЦК, несогласия с какими-то очень принципиальными положениями роли Л.И. Брежнева. Поэтому и возникло письмо в ЦК 22 октября. Это, хоть и глухо, но просматривается в документах, в самой процедуре сессии Верховного Совета СССР. Ни слова благодарности, хотя человек проработал 16 лет предсовмина СССР. Нет и намека на доброе слово. Сознательно сухо, казенно, без каких-либо эмоций. Заметно по публикациям: Брежнев – «товарищ Л.И. Брежнев», Тихонов – «товарищ Тихонов Н.А.», в другом месте – «Николай Александрович Тихонов», Косыгин же повсеместно – «Тов. Косыгин А.Н.». Холодно, формально. Кажется, он этого не заслужил жизнью и отношением к делу, но что-то случилось в самом конце, а может, чуть раньше. Назначением Н.А. Тихонова укрепили днепропетровскую, украинскую группировку в верхах власти. Наплевали на общественное мнение, сменив 76-летнего и назначив 75-летнего. Кто-то сегодня сказал [о Тихонове]: «А он бодро ходит!» Вроде иметь способность двигаться – достижение для главы правительства. В опубликованной биографии скрыли национальность – «украинец». Не было в ис-

тории случая, чтобы во главе правительства был член Политбюро с годичным стажем. Трудно угадать, чем всё закончится. Отсутствие тормозов – штука опасная. Куда понесет? По крайней мере, все это настроения не прибавляет. Сложно, если придется объяснять и доказывать, что это «мудрое решение», продиктованное «заботой о благе народа», свидетельство «ленинских норм жизни» […]. Возникнет сложность с портретами. От ПБ [Косыгина] не освободили, а как нести портреты на ноябрьскую демонстрацию? Пленум соберут, или так решат?

28 октября. Утром да и днем легкий морозец. Лужи покрылись ледком. Хрустит под ногами. Днем яркое солнце. Снова запахло осенью, но уже терпкой, поздней. У Федора. Он готовится к встрече Л.В. Смирнова – зам. пред. СМ СССР. Будут мотаться по городам (Пенза, Никольск, Кузнецк) и заводам. В газетах опубликовали указ о награждении города Кузнецка орденом «Знак Почета». Все-таки это немаловажное событие для истории области. Условились, я займусь делами внутренними, а в Кузнецк приеду 30-го все проверить на месте. Был у меня М. Чистяков. Кажется, всё готово, только нет памятника. Обещали сегодня выезжать из Мытищ. Всё будет на пределе. Примем решение о митинге в последнюю ночь. […].

29 октября. Погода днем хмурая, суровая, уже без морозца, а к вечеру, кажется, немножко капало. Сырой асфальт, говорят, в Москве, да и к ближе Кузнецку к ночи – изморозь, туман и гололед. Около 9-ти заехал к Пугачевскому камню. Скоробогатова и Иодынис. Попросил бережно отнестись к камню. Он сам, без всякой керамики, очень красив и смотрится величественно. Важно соблюсти чувство меры и не разрушить вид этой каменной глыбы. Керамика должна не подавлять, а возвеличивать камень, быть в нем органичной, единой […]. Был Балалаев с художником Климовым по роднику. Принесли какой-то мутный проект со всякими нагромождениями. Взял лист (осенила же меня мысль вовремя) и нарисовал полсамовара, который приткнем к старому гроту (может, сделать его из бронзы или медного листа?), а вода побежит из крана самовара. Стенки ниши оформим какой-либо чеканкой или литьем на тему чаепития. Потом откроем кафе «Самоварник». И всё встанет на место. Сказал, чтобы дорабатывали и давали окончательное предложение. […].

30 октября. Весь день слякотный и морозный, разлилась по дорогам мелкая грязь, то и дело с неба сыплет мелкий осенний дождик.

Ночная идея: найти в центре города на Московской ул. небольшое помещение, хорошо его отделать (лучше нейтральным серым холстом) и открыть Музей одной картины. Связаться с Третьяковкой, Русским музеем и периодически выставлять в

подлиннике шедевры русской живописи (одну картину!). Можно давать и наиболее интересные картины наших художников (одну-три). Когда выставка – это свалка, нет возможности сесть и спокойно всмотреться. Да! Еще и сопровождение. Музыкальное и рассказывающее. Надо думать, искать! […].

Слушал вчера у Миши песни В. Высоцкого. Пел он хрипло, но, безусловно, талантливый. Когда-нибудь издадут его песни, и это будет одним из интереснейших документов нашей эпохи. […].

31 октября. Погода опять выровнялась. Дождь перестал. Сушит. Правда, резко на мороз пока не переходит. Поднялся в 7. Начал читать в «Звезде» М. Вайнера. Вихлявый стиль… В 8.00 – М. Чистяков Пошли в гостиницу. Л.В. Смирнов. Не дающий никому выговорить слово Виктор Дорошенко и Акимов. Разговор за завтраком ни о чем. Технарь высокого ранга, но запаса культуры большого нет [у Смирнова]. Работал директором завода в Днепропетровске! Условились о программе. Они – в школу №1, я – в горком партии. Появились Федор, Ерзунов, Алексеев и др. В 10.00 – на Холме Славы. И цветы возложили, и деревья посадили. Пешком к памятной стеле. Хорошо, что утром распорядился поставить здесь военный оркестр и переделал порядок. Получилось неплохо. Все-таки динамика […].

В краеведческом музее. Надо бы его переводить в другое помещение. Тесно, неуютно. Они – в музей Радищева, я – в горком партии. Проверил еще раз всё по торжественному заседанию. Это – главное. Переоделся и на обед со Смирновым Л.В. Скучно… К 14.00 – в зал дворца «Юность». Торжественное заседание – нормально, в перерыве – венгры. Я не пошел. Концерт отличный. Молодец – балалаечник Вольнов. Из трех струн такой полонез Огинского, что уму непостижимо, [и тем самым] «выпросил» себе квартиру. Договорились со Щербаковым в будущем году давать. Хорошо бы на базе его техники около балалайки создать оригинальный номер с певицами и частушками. Надо искать. Как всегда, потряс Женя Андреев. Банкет в особняке. Сорок тостов и все об одном и том же. Скучно, особенно когда обходишься «боржоми». Около 9-ти закончили. Колонной ушли на Пензу. Дорогу подсушило, идем хорошо. Я один в машине, не хочу возиться с проводами завтра. […].

2 ноября. Солнечно, морозно, без ветра. День воскресный, но пришлось ехать в обком. Надо заниматься с помощником Зимянина – В.П. Кузьминым. Жалко воскресенья, но что поделаешь? […]. Поехали по городу. Схема обычная. […]. Зашли в быв. Дворянское собрание. Подумал, а может, Дворец пионеров потихонечку переместить на Западную Поляну, а тут уже сейчас начинать делать театр юного зри-

теля? Побыли у Тамбовской заставы, а потом в церкви. Богослужение. Нищие. Одни старухи. Прикладываются к кресту, который один из служителей небрежно тыкает к их губам. Другой читает заупокойные молитвы и чешет рукой в волосах. Икона Казанской Богоматери – уже не видно ни ее лика, ни лика младенца. Надо бы реставрировать. Женщина рассказывает об этой иконе, что ее при царе Михаиле (я поправил – Алексее) на руках день и ночь несли из Москвы и пели молитвы. Она «явленная». Знает, что раньше была в соборе, а потом «явилась» в этой церкви, и церковь ни на один день на закрывали. Это относят к покровительству иконы (про собор забыли). Так рождаются легенды и в наше время. Немного побродили у Засеки, остановились у памятника павшим, обедали в «Золотом петушке». […].

3 ноября. […]. Условились после планерки, что на управление культуры берем Ю.С. Виноградова из ГК КПСС. Вечером позвал его, но восторга не увидел. Придется ломать. Парень он дельный: у него примат дела над словом. В этом его преимущество. В культуре больше ошибаться нельзя. […].

Завтра фигуру Блока везут на место в рощу Бекетовскую. Думаю, что и эта идея осуществится. Не ручаюсь за качество, важно осуществление замысла. Проект торжественного оформления музея Мейерхольда: каждый зал – эпоха. Раскритиковал военный период и современный. Всё в колючей проволоке и зелено-черных тонах. Похороны русского искусства после революции. Вредная затея.

Есть сведения, что у Косыгина тяжелый инсульт. Тогда не он писал заявление (сомнение такое возникло из текста), но инсульт лег на готовую почву. [Брежневу был] нужен Тихонов. Но в назначении его много минусов: ответственность [Брежнева] и за дела хозяйственные, [так как теперь] критиковать некого – завязал себя; нет постороннего глаза, нет объективно сопротивления, а это опасно для дела. Думаю, что самое сложное сейчас – экономика, а в экономике – соотношение «деньги – товар». Никто не знает, как надо решать. Из этого недовольства может пролиться и более широкое [недовольство], как стало в Польше. Дело времени и обстоятельств. Звонок из ЦК по его [Косыгина] портрету. Где-то вывесили. Скандал.

4 ноября. […]. Утром зашел Владислав Абрамов, первый секретарь Малосердобинского РК КПСС. Беспокоится, что делать по 100-летию Ф. Гладкова. Цел в Даниловке дом Гладковых. Пока забыт, но хозяин просит 4,5 тыс. рублей. Переносить ли его в М. Сердобу? Я высказался отрицательно. Музей не будет иметь посетителей: это в стороне от дорог. Посоветовал искать место на околице с. Ключи ближе к бетонной дороге Пенза – Саратов. Посадить парк, поставить дом и бюст, а на дороге [сделать] хорошую стелу, указывающую на этот мемориал. Юг весь пой-

дет на Москву этой дорогой, да и родина Гладкова Чернавка недалеко отсюда. Договорились потом всё посмотреть на месте. […].

5 ноября. Лампочки на «маяке» не зря светились зеленым: прошел снег и какое-то время даже укрыл белым землю. Правда, потом снег пропал, но это... первый снег. Первый посетитель – Юрий Виноградов. Говорит, что не спал две ночи, на управление культуры идти не хочет, душа не лежит. Если не нужен в горкоме, готов идти на любую работу. Успокоил его. Узнал, что [у него] день рождения, надписал книгу и подарил. Парень он хороший, деятельный, порядочный, едва ли нужно ломать. Без настроения не получится. Успокоил его, попросил работать. […].

В 14.00 – семинар по благоустройству города. Осмотрели город, кое-где останавливались. Мне [понравился] детский клуб (их два). Завелся. Заключение: 1) сменить схему семинаров, сбить однотонность; 2) революционно решить вопрос о клубах: Ленинский и Октябрьский [районы организовать] по 30, Железнодорожный и Первомайский – по 20. В каждом [должно заниматься] не менее 50 ребят. 5000! Это вопрос вопросов. Можно сломать обстановку и здорово сработать на будущее […]. Взял обязательство, что 100 клубов будет!

6 ноября. […] В 17.00 – торжественное заседание. Доклад Лагуткина. В перерыве только чай. Хороший концерт Ленинского района. Меня потряс Тархов с фольклорным ансамблем. Надо бы его поддержать. Есть русское, народное в нем. Он – золотая жила для нас. Может и традиции создать. Загорелся я Тарховым. Придумать что-либо летом у памятника Первопоселенцу или у вала. Вообще надо заняться фольклорными ансамблями, вытянуть их вперед. Это – здорово!

11 ноября. […]. Вечером в драмтеатре «Мы, нижеподписавшиеся…». Привлёк Евстигнеев из МХАТа. Но с гастролером полезно: наши и на его фоне (особенно Смирнов) играют просто отлично, держат хороший ансамбль. Те, кто поддался на рекламу, поймут, что и наш театр высокой цены и актерской культуры. […].

12 ноября. […]. В Пачелме – сразу на ретранслятор. Посмотрели башню 246 м, нижний этаж, потом второй – сердце ретранслятора. Интересное оборудование, новейшее, высокое напряжение. Планерку провели в райкоме партии. Разобрали всё по деталям. Сказал, чтобы кончали потасовку и завершали объект. Предупредил, что если к съезду не сдадут, поручу парткомиссии, и будем привлекать к партийной ответственности. Закрутил. Москвича оборвал. Ведет себя, как купчик. Сказал, что и до них доберусь через МГК КПСС. […].

13 ноября. […]. У себя. Переговорил по ВЧ с Р. Дементьевой. Так они [москвичи] и не хотят посылать благодарность [за картофель]. Хрен с ними, но запомнить надо, когда припрет по картошке. Рассказал о Пачелме. Попросил [Дементьеву] поручить Красногвардейскому РК КПСС поднажать на московского заказчика. Потом переговорил с Равичем, зам. министра связи СССР. Суетится, тут же дает указание. В общем, нажал и на эту педаль. Думаю, что дело сдвинется, дам родным местам цветное телевидение. Это благо для моих земляков и ради этого стоит жить и работать. Был Виктор Смирнов. Талантливый парень, со свежей головой и трезвым восприятием жизни. Договорились, что на следующий год решим его квартирный вопрос. Снимается в 6-серийном фильме на студии «Экран». Тоже реклама для Пензы, и ее стоит поддерживать. С директором филармонии. Парень старается, но чуть суетится и торопится. Надо как-то его сделать серьезнее. Запас энергии в нем хороший. […].

19 ноября. Погода мерзкая, промозглая, идет дождь. Как условились, с Федором встретились в 9 утра в вестибюле гостиницы «Москва». Под дождем – в Кремль. Там и завтрак. Федор нервничает. Первое в его жизни выступление в Кремле, на сессии Верховного совета РСФСР. Понять его можно, хотя успокаиваю, что дело это обычное – мало кто слушает, а в перерыв все поздравляют. Такой обычай. […]. В 10.00 начали заседание. Все Политбюро и секретариат, исключая тех, кто, вероятно, болен (Пельше). Порядок немного новый: отпускают [Брежнева] вперед на 10 шагов. Первый ряд [в президиуме] сложился: Брежнев, Суслов, Кириленко, Черненко. Нет что-то Тихонова. Может, в отпуске? Доклады. После перерыва – прения. Федор выступал четвертым. Чувствовалось, что нервничает, громковато кричал, но темп удержал до конца. В конце «социалистическое» (вместо «социально-экономическое») развитие Родины.

В обед – в Манеж. Смотрел выставку художников РСФСР. Федор со мной. […]. Мне показалась выставка переломной, составляющей новую эпоху. Смысл ее – отказ от штукарства, возврат к традициям русского реализма, в добротности живописи, тематическом содержании. Многие работы просто радуют глаз. Нашел своих: Непьянова и Павликова. Нам бы зацепиться за этот перелом и пойти вперед. Ухватить бы сильнее современность. Условились, что Ромашкова и Павликова представляем к званию заслуженных художников РСФСР. […].

21 ноября. […]. Беседа с Л. Кудрявцевой. Вопросы художников. Нам надо изменить отношение к ним. Идти от доверия, а не злости. Взять их на нашу сторону. Разговор с правлением Союза художников. Итоги Москвы: выставка – веха, побеж-

дает разум; наше направление правильное, [надо] держаться его; присвоить звание заслуженных Ромашкову и Павликову; решить вопрос о 18-ти мастерских по ул. Пушкина. Проектное задание выдано, деньги [Министерство культуры] РСФСР обещает. Надо добивать. [Оказывать] уважение маститым, а не горлу.

Идея выставки одной картины. Очень заманчиво. И наши, и из Галереи, и из Третьяковки, и из Русского. Может, это новое слово в пропаганде искусства. Надо только хорошо отработать детали показа.

[…]. Вопрос о вводе пачелмской [телевышки] в Москве закрутился. Злится зам. министра: его [из-за Пензы] вызывали в [Московский] ГК КПСС. Настроение – пускать до нового года. […].

22 ноября. […]. Появился Г. Куштанин. Мучается с А. Блоком. Опять что-то не клеится. Позвал Матвеева, позвонил Козенюку в Ленинград. Блока отлили из разных кусков редкой по химическому составу бронзы. Стоит в «трусах». Надо травить так, чтобы выровнять. Не умеют. Пока перечерним, а весной придется приглашать ленинградцев. Зайцев из Мокшана. В понедельник – 250-летие Суворова. У нас это забыли, а при царе помнили. Договорились, что в быв. Маровке возложат цветы, а потом будем думать о переносе и восстановлении памятника уже в самом Мокшане. [Село] Царевщину я отверг. И переименовать сложно, да и нет гарантии, что она долго проживет.

А. Щербаков – о «выставке одной картины» («Монокарт»). Рассказал идею. Звучит хорошо. Надо искать подходящее помещение. В мастерской Матвеева. Посмотрели (у Олешни) проект «Самовара» для родника. Не думают, не привязываются к месту, нагораживают. Пришлось самому рисовать. Отольем из латуни. Мысль о доме у Первопоселенца [под Музей одной картины]. Щербаков – «за». Днем – согласие на некоторые поделки из дерева («Эхо», «Мальчик с рожком») для туристической тропы. Дерево любит лаконичность, а делают все из пластилина, не сообразуясь с будущим материалом. Некоторые вещи просто попробуем. Одобрили доски старикам А.Н. и Н.Н. Бекетовым.

23 ноября. […]. Мучаюсь над идеей открытия в Пензе «выставки одной картины». Можно сокращенно: «Пензенская ВОК». Поздно вечером говорил с А.Е. Щербаковым. Попробуем посмотреть под эту затею дом почтмейстера около памятника Первопоселенцу. И место хорошее, да и дом исторический, старинный. Замысел рисуется так: зал, стены которого обтянуты серым, нейтральным сукном. Ничего лишнего, отвлекающего. Передняя стена высвечена (хороший набор осветительных средств) и на ней в ярком свечении с выявлением всех деталей (должен быть

постановщик света) одна картина. По центру зала 20–30 очень удобных, не прикасающихся друг к другу кресел, может быть, даже один ряд чуть выше другого. Начинается сеанс. Звучит магнитная запись. Идет рассказ о самом художнике, потом о содержании картины, ее композиционном построении, живописных достоинствах, наиболее интересных деталях, образах и т.д. Возможен и рассказ самого художника о его замысле, записанный на пленку. Потом тихая музыка, соответствующая настроению картины.

Какие брать картины? Принцип отбора: 1) безусловно, решенные в реалистическом духе; 2) отличающиеся высоким мастерством исполнения; 3) имеющих глубокое реализованное содержание. Где их брать? а) в Третьяковке, Русском музее и т.д., б) из нашей Картинной галереи, в) у ведущих художников (Глазунов и др.); г) объявить право художников России проверить на зрителе свои новые картины. Будем давать диплом и книгу отзывов. Хорошо бы идею закрепить в отделе культуры ЦК КПСС, [привлечь] всех заинтересованных и набрать на год 25–30 картин.

Добиваю Г. Гулиа «Жизнь и смерть М. Лермонтова». Что сказать? Трудно писать такие книги без поиска. Это добросовестное изложение биографии поэта, основанное на воспоминаниях, чужих поисках и открытиях, дополненные восклицательными и вопросительными знаками...

24 ноября. […]. В. Сазонов. Идея «выставки одной картины». Загорелся. Говорит, что и сам думал об этом. Пошел смотреть дом почтмейстера. Кажется, он больше подходит. Были на приеме детский писатель Илья Турчин и Муза [Кравцова]. Кудрявцева. Он написал пьесу для кукольного театра. Собирается писать для взрослых. Свел его с Юрием Седовым. Пусть у рабочих наберется проблем, а не сосет их из пальца, чем теперь страдают многие.

26 ноября. […]. Говорил [по телефону] с Кочемасовым В. о выставке одной картины. Обещал подумать. Е.В. Зайцеву – первому зам. министра культуры РСФСР. Согласился, что мысль эта гениальная, ибо принадлежит «неординарному секретарю обкома, какой есть в Пензе». Условились сотрудничать с ним. Договорились об Ишутине [на пост начальника управления культуры]. Опыт есть, остальное наживет при желании. […].

27 ноября. […]. В 16.30 – в доме почтмейстера. Посмотрел сам. Получается зал на 60 кв. м. [для Музея одной картины]. Вход из полуподвала. Были проектировщики. Договорились о деталях. Это самое разумное место и решение. Разговор с В.Ф. Шауро – зав. отделом культуры ЦК. Он относится «позитивно», считает идею

«интересной», дает поручение сектору изобразительного искусства. Мне этого достаточно. Чтобы сделать дом – уйдет 3–6 месяцев.

А. Фомин по строительству спортзала. Тоже надо решать!

28 ноября. Утром чуть подморозило до -2 и страшный гололед. Улицы залиты словно стеклом, троллейбусы и автобусы стоят. Мы на «шипах» с большим трудом пробиваемся к обкому. ГАИ запретило выезд автобусов из города. Пришлось переносить торжество в Бекетовской роще с 12-ти на 13.30. Планируем в 12.00 выехать из Пензы. Позвонил Ракше. Снова похвалил выставку ее покойного мужа, условились, что «Поле Куликово» она дает на «выставку одной картины». Идея эта ей очень понравилась. Обещал прислать ей свою книжку.

С В. Кузьминым – помощником Зимянина. Его почему-то больше привлекает идея, что мы будем делать контейнеры по французскому образцу для перевозки картин крупным галереям страны. Странно, что ЦК стал до того флегматичен и неподвижен, что не хватает ни ума, ни страсти, ни элементарного желания поддержать интересное, новое. С горением тут давно покончено, копоть одна. Мне особенно понравилось отношение т. Шауро. На мой вопрос: «Как вы относитесь к этой идее?» – ответ: «Позитивно!». Жаргон какой-то дипломатический, не партийный.

В 12.00 выехали в сопровождении ГАИ колонной. Со мной К. Вишневский и Я. Слицан. Много от «маниловщины». После человека остаются не слова (слова – это ветер), а дела. В 13.00 – открытие памятника. Прежде чем открыть, сказал: «Сегодня большое событие в культурной жизни области. В этой роще, которая будет называться Бекетовской, мы в день 100-летия А. Блока открываем скульптурную композицию, которая увековечит в памяти потомков образы выдающихся ученых России А.Н. и Н.Н. Бекетовых и великого русского поэта Александра Блока. Это будет служит патриотическому воспитанию нынешнего и будущих поколений молодежи, порождать у них высокое чувство любви к родной земле».

К. Вишневский, Н. Катков. В. Налобин. Фото на память. Получилось неплохо, хотя весной надо доделывать и улучшать. Роща станет местом поклонения, это несомненно. Долго любовались панорамой этой поэтичной рощи, обретающей теперь новую жизнь. Вернулись в Пензу. Похвалил Г. Куштанина. Он проходит хорошую школу практического воспитания. За ним теперь дом Мейерхольда и Куприна. Беседа с Октябрем Гришиным. Готовим 25-летие хора. Переговоры с Гостелерадио (т. Лапиным С.Г.) о страничке по Центральному телевидению.

29 ноября. Вчера лег спать с чувством большого удовлетворения и исполненного долга. Что бы там ни было, а Бекетовы «восстановлены» на пензенской зем-

ле, а вместе с ним вписался в пензенский пейзаж и великий русский поэт Александр Блок. Он обрел родину своих предков. И важно, что это случилось точно в день его 100-летия. Существенно, что сумели и успели вписаться в юбилейные дела Блока, а Блока вписать в пензенскую летопись. Пройдут десятилетия, придет новая эра, а молодой Блок, всё так же задумчиво будет стоять на краю березовой рощи, отныне получившей название Бекетовской. Это не просто событие, а событие, которое уходит в будущее, в историю. Перед сном вспоминалось: «И вечный бой! Покой нам только снится...». О том, что Блок «прописался» на пензенской земле, сообщили уже «Огонек» и газета «Комсомольская правда». Часто то, что мы делаем в области культуры, находит всесоюзный отклик. Это хорошо, это работает на славу земли пензенской, на славу родного края. […].

С В.П. Кузьминым из ЦК опять о «выставке одной картины». Что-то нудное. Твердит об одном и том же: галереям нужны контейнеры [для транспортировки картин], им [галереям] валюты не дают, они за их изготовление покажут любую картину. Я картины должен получать как благодеяние, а не как открытие новой формы пропаганды искусства. Сказал о юбилее Н.В. Кузьмина. Первый раз слышит о художнике. И опять без эмоций. Запросил справку […].

30 ноября. […]. В 12.00 поехали на «Ниве» на садовый участок. Откровенно сказал, что боюсь туда ехать. И не напрасно. Дело не ограничилось перестройкой двух комнатушек, главное – всё это сооружение накрыли огромной крышей, и домик превратился в домище. Хотя, если быть откровенным, к старым гнилушкам пристроили две новых комнаты по 7 кв. м. Всё дело в непомерно большой крыше. Как увидел, так защемило сердце. Все дома, составляющие округу, стали казаться козявками. Наш как-то нескромно выпирает из общего ансамбля домиков и домишек. Виню себя в одном – не влез, когда составлялись наметки. Можно было найти или другое решение или отказаться от пристроя вообще. Теперь же положение безвыходное: не будешь же ломать то, что сделано. Придется смириться. Есть один выход – до копейки, что бы это ни стоило, расплачиваться со всеми затратами, чтобы комар носа не подточил. Дома, когда вернулись, – напряжение. Вера тоже нервничает, считает наши доходы и расходы. Формально всё правильно, а морально сложно. Будем как-нибудь выкручиваться. Может, и пронесет. Конечно, летом жить в таком доме удобнее, не будет состояния времянки, можно каждую ночь проводить на даче. Но пока тяжело... […].

1 декабря. […]. В 9.00 планерка. Как-то на людях лучше себя чувствую. Увереннее, что ли. Нет той тяжести от размаха «дачного строения», которое прихвати-

ло вчера и тяжестью легла на сердце. Только иногда вспоминается, но легче, чем дома. Да и утром обсудили с Верой: практически пристроили 16 кв. м да крышу, а вид получился жуткий. Меня даже за строительство нельзя критиковать, ибо это только ремонт гнилой крыши и пристрой двух комнатенок, чтобы можно было летом отдыхать в вечерние часы и не мешать друг другу. Всегда у меня или накануне выборов в Верховный Совет РСФСР, или съезда партии неприятности. Видно, Господь Бог мне посылает испытания. Как их только выдержать? […].

2 декабря. Мороз держится, хотя второй день «Маяк» горит зелеными лампами. Сухо, нет снега, около -10. Настроение, прямо скажем, хреновое. Сам не думал (хотя сказал: боюсь), но вид крыши дачи производит на меня удручающее впечатление и не будет давать покоя, особенно утром, пока не приезжаю на работу, и в вечерние, и ночные часы. Давит и давит сознание глупости, совершать которую не было необходимости. Хотя, если говорить всерьез, отдыхать и работать летом в той лачуге, что была у нас, невозможно. Можно только копать, обливаться потом и грязным валяться в хламе всяком на матраце. Где-то подспудно я давно планировал оборудовать дом так, чтобы почти всё лето в нем можно было каждый день дышать свежим воздухом. Но как это дорого достается, с точки зрения нервных затрат. Постоянно думаешь, скорее бы пробежало время, и всё встало на свои места. Вера на завтра пригласила В. Некрасову – врача. Что-то начало даже сердце покалывать. Надо начинать глотать порошки.

[…]. М. Устинов из Наровчата. Условились музей Куприна пускать следующим летом. Будет объект гордости. […].

4 декабря. […]. Успел по телефону – с зав. сектором изобразительного искусства О. Ивановым о «выставке одной картины». Он со всем согласен и готов переводить на практические рельсы. С директором Третьяковской галереи. Всё понимает, одобряет, но считает, что возникнет много технических трудностей с перевозкой картин. Начинать с Глазунова не советует – отобьет других художников. Поговорить с Ткачевым. Ответ обещал через 2 недели. Всё сводится к тому, что мне надо ехать в Москву и решать с глазу на глаз. По телефону много не сделаешь. В 15.00 уехал на Сердобск. Остановился в Бекетовской роще. Памятник состоялся. Замысел неожиданно хорош. У поэта крылья – его деды. […].

5 декабря. […]. Всё-таки поехали в совхоз «Большевик». […]. На молочнотоварной ферме. Административный блок заброшен, ферма не огорожена, проходов нет, грязь. Как тут люди работают? Бросили бы всё, ушли, жрать совсем стало бы нечего – забеспокоились бы и о них. В коровнике. Пример глупости, эксперимента.

Перестроили коровник на боксовое содержание (болел идеей Лев). Потеряли по 600 кг на корову, а расход кормов двойной. Затратили 500 тонн металла. Теперь ломают эти боксы и опять переходят на привязное. Еще 200 тыс. руб. Эксперимент не состоялся, угробили 700 тыс. руб. и никто за это даже моральной ответственности не несет. […]. А я за хреновый пристрой дачи трясусь, к инфаркту подхожу. Свинокомплекс. Его [Ермина] и Виктора стихия. 20 млн. руб. Технология запутанная. Корма делать нечем. Ни привесов, ни прибавки мест на содержание. Еще одна глупость, и опять никто судить не будет. Поросятам лежать негде... Уехал расстроенный. Смотреть на всё противно[…]. За народ обидно, что часто он попадает в руки не просто дураков, а дураков, облеченных неограниченной властью. Вероятно, и народ сам виноват, что терпит дураков. «Страна рабов, страна господ» (Лермонтов). […].

6 декабря. Поднялся около 7-ми [в Сердобске]. […]. Сразу в ДК часового завода. […]. Уже около 18.00 провели пленум ГК КПСС, образовали власть. На банкет не остался. Уехал домой. По дороге остановились у Бекетовской рощи. Высветили фигуры фарами машины. Смотрится хорошо. Надо только летом будущим бетонные пилоны облицевать серым гранитом. Фундамент Блока – в тот же гранит. Пилоны станут крыльями поэта. Одерновать, проложить дорожки и поставить две уютные скамейки для любителей посидеть, подумать, взгрустнуть. Может, и блоковские дни поэзии начать уже будущим летом, в день его письма из Урлейки. Заехали в «Сурские зори». Обидная пустота в этом прекрасном дворце. Банкетный зал закрыт, ждут кого-то с городской конференции. Беседа с Люб. Ив. Здесь бы гостиницу, парк, плотину на реке, и место заиграло бы для туристов и проезжих. Надо решать капитально.

10 декабря. […]. Интересный разговор с художником Ильей Глазуновым. [Мой] звонок он воспринял за большую честь. Рассказал ему о замысле выставки одной картины. Он воспринял ее с восторгом, говорит, что объехал весь мир, но ничего подобного не встречал. Экспонироваться на такой выставке – честь для художника любого ранга. Готов дать картину «Подвиг», которую сейчас заканчивает, и «Блудного сына», а вообще готов подписать союз до последних дней своей жизни. Условились, что или в декабре, или в январе он приедет в Пензу. Поблагодарил за партийное, русское отношение к искусству. О пейзаже. У кого-то «брат раскулачивает брата». Условились еще созвониться.

Были Балашов и Слицан. Попросил их дотянуть памятник Бекетовым и Блоку, сделать гранитную облицовку весной будущего года. Завтра поедут на место. Перенос церкви из с. Комаровки с прицелом создать в Пензе хороший музей хруста-

ля. Можно здорово сделать, да и народ пойдет. Вопрос предрешили, надо приступать. По велосипедным делам (Алехин, Колосов): сделать центр олимпийской подготовки, трек передать на баланс «Росспорткомитета». […].

11 декабря. […]. Весь день заполнен всякими текущими делами. Снова занимался проблемами велосипедного спорта. Только в нашем государстве возможно такое: построил трек, а он никому не нужен. Спортобщества не берут, Спорткомитет тоже. Позвонил С. Павлову. Он с пониманием говорит, что такое может быть. Вечером – с З.П. Тумановой, зам. зав. отдела культуры ЦК КПСС, по выставке одной картины. Ни одной эмоции. О Глазунове она говорить не хочет. В ЦК решать нечего, пусть решает Министерство культуры и правительство РСФСР. Холод, тоска, никакой заинтересованности, попытка отпихнуть.

Вчера смотрел альбом И. Глазунова. Портрет Ивана Грозного. Резкий, волевой, но одна ошибка: палач отрубает голову «простолюдину». А Иван был умнее: он рубил головы боярам, зажиревшим от власти, забывшим об интересах России. Ошибка, к сожалению, принципиальная.

Собрал делегацию и отправляю в Москву работать по развитию велосипедного спорта. Надо что-то выколачивать. Были Иодынис и Л. Мельникова. Разговор об идее выставки одной картины. О Глазунове. Снова вопрос о существе искусства. Передвижники чем были велики? Отрицанием. А что делать нашим художникам? Искать свои проблемы. Нельзя видеть в художниках роту солдат. Рассмотрели предварительно планировку дома под выставку. Есть вопросы отделки. Надо быстро решать.

С О.Т. Ивановым из ЦК. Он уже ведет работу с Союзом художников и министерствами культуры. Говорит, что начинать будем с Репина и Сурикова. Хорошо! О Глазунове мнение противоречивое. Он пробился в великие вопреки Союзу художников, но самый престижный за рубежом. […].

13 декабря. […]. Пришел В. Лебедев. Талантливый парень, хороший краевед, но лет 10–15 буквально «пропил», валялся в пьяном угаре. Вроде сейчас взялся за ум. С ним очень интересно беседовать. Подарил ему статью «О времени основания Пензы». Обещал прочитать и дать материалы, если они появятся. […]. В 16.00 – проводы И.И. Лазарева. Отслужил он в нашем КГБ 17 лет. Федор вручил ему грамоту и часы. Все произнесли тосты. Федор задумал заодно вручить и мне орден «Дружбы народов». Принял и приняли спокойно. Любопытство к ордену. Такой – первый, в составе бюро никто его не видел. № 1265. Лазарев долго и хвастливо заключал. Я – просто поблагодарил и сказал, что орден ко многому обязывает. Как ни

давили, пить не стал и чувствую себя хорошо. С Мишей и Егором на хоккее. Инфарктная игра. Результат 4:4. Забили наши на последних секундах.

19 декабря. […]. Потрясающая новость: еще вчера умер А.Н. Косыгин. Решили из-за дня рождения [Брежнева] не объявлять до завтра. Трудно сказать, может, и подтолкнули его к смерти поспешной заменой на Тихонова. Так и не успели вывести из Политбюро, а портреты уже сняли. Что-то там на вершине власти произошло. Умер человек. Совпало с днем рождения [Брежнева] – орден и почести [ему] дороже. Жестоко это по отношению к товарищу, коллективу...

26 декабря. […]. Занимался текущими делами. По телефону – с Павликовым В., художником. Нашли интересную идею – создать средствами графики солидные портреты деятелей пензенской культуры. Была Л. Кудрявцева, потом Алексеев из облсовпрофа. Подобрали примерный список. […]. В. Павликов и Л. Скоробогатова. Отдал список [кандидатов на портреты]: Лозицкая, Смирнов, Рейнгольд, Епишин, Почивалин, Аношина, Вишневский, О. Гришин, Медянцева, Т. Зоткин, Кочурин, В. Попов. Делаем серию к съезду […].

27 декабря. […]. Заехал к скульптору Качеровскому. Страшная жизнь какого-то Диогена. Десять лет без паспорта, в брошенном сарае, на одной халабуде спит он, рядом в углу на раскладушке – боксер [собака]. 41 год, ни семьи, ни угла. На стенах – репродукции с мировых шедевров ваяния. Сам живет только скульптурой. Говорит о прекрасных вещах и говорит умно, а своего элементарного места не имеет. Да и деньги редко бывают. Сейчас берет взаймы. Когда не дают взаймы – ловит и варит голубей. И это художник в эпоху развитого социализма! Что же он может изобразить? Показал Филатова в гипсе. Мне не очень нравится, но он вдохновлен, говорит, что в граните дотянет. Жалко критиковать. Может, ему виднее?

В обком. Федор насмотрелся в Колышлее доброго. Во всех хозяйствах, даже на предприятиях, заводит свиные микрофермы, или нетоварные фермы, заводят уток, раздают обреченных бычков на откорм частным хозяевам. Хочет показывать всей области. Жалко одно – потерянное попусту и во вред обществу время. В 60-е годы с ножами гонялись за частным скотом и вырезали его. Потом под лозунгом специализации и концентрации вырезали хорошие свиные фермы. Остались без мяса. Теперь возвращаемся к исходному, и никто за это не отвечает ни материально, ни даже морально. Бардак какой-то. […].

30 декабря. […]. В Пензе сегодня историческое событие: появился 500-тысячный житель города. Город пошел за полмиллиона. И радостно, но и тревожно. Чем больше город, тем больше забот и меньше возможности им управлять. […].

1981 год

3 января. […]. По телевизору кому-то задают вопрос, когда вы стали взрослым? Я бы ответил: в начале марта 1942 г. Страшная метель. На узкоколейке эшелон с солдатами нестроевыми. Мне поручено, и я вместе с Крымовым Ник. Мих. размещаю их по поселку. Стихи писал до 4-го [класса], только в 45-м получил почетную грамоту […]. В творческом плане решающее значение имели 5 месяцев в 1945–46 гг. в Московской комсомольской школе, особенно реферат «Об отступлении Наполеона из Москвы», написанный в Исторической библиотеке. Здесь родилась и вместе со мной умрет моя любовь к истории.

5 января. […]. О 150-летии со дня рождения И.Н. Ульянова. С Федором, захватив у квартиры Б.И. Лебедева, были на выставке его рисунков в музее Ульяновых. Федор смотрит внимательно, мне же всё это творчество Лебедева порядком надоело. Временами раскаиваюсь, что натолкнул его на тему, за которую он ухватился и вот уже несколько лет пьет «живительную влагу» из этого родника. Что касается художественной стороны, то многие, если не все рисунки Лебедева, – плохая перерисовка с фотографий, опубликованных в газетах. Выбрали один портрет для подарка XXVI съезду КПСС. Лебедев заикнулся об оплате, но я сказал, что за подарки, как правило, не платят, а просто благодарят. […].

7 января. В 6.30 утра уехал на Каменку. По дороге снегопад. Потом утихло. В 8.00 – на перроне как раз к поезду «Сура». Встретили В.Ф. Богатикова, секретаря ВЦСПС, с ним Латышева из управления туризма и еще одного из управления курортов. […]. В Тарханы. Встреча с Тамарой Михайловной [Мельниковой]. Три добра: 1) муж – член СХ; 2) сын не кашляет; 3) ее – к ордену. Преданный делу человек, она многого заслуживает. Познакомился с Куинджи. Слышал давно и рад, что он с матерью перебирается в Тарханы. Нам очень нужны энтузиасты-фанатики. […]. На Тамалу. Масса мышей, тысячи их на озимых. Морозец прихватил воду в норках, они и выскочили. В жизни не видал такого нашествия. Сразу на Зубриловку. Посмотрели дворец, церковь. Пропадает богатство, но кто его возьмет в руки? Проблема проблем – строительство. Осваивать средства некому. Беспомощность... Ужин в Тамале и на Пензу. Заехали в «Сурские зори». Хорошо, что отдали, но надо осваи-

вать, строить. Ужин в Пензе с участием Федора. Условились, что разработаем мероприятия по туризму и курортам и одобрим их совместным решением.

9 января. Утром уехал в Беково. На двух машинах идем через великую степь. Следы кочевий и курганов. Она было обжилась, эта степь, а теперь снова редеет. Уходят люди, распадаются поселки, забиты ставнями дома, в новые квартиры часто и вселять некого. Раньше человек к хлебу шел, а теперь от него бежит в город в расчете на готовое. А как без хлеба дать это готовое? Но это уже наша забота, а не крестьянина. Мы же постоянно опаздываем. Как какое-то проклятье висит над нами: сначала упустим, а потом догоняем. Сейчас дорогу проложили почти до Грачевского совхоза. Это обеспечит жизнь людей, но нет уже этих людей. Одни убогие остались. Делим деньги всем поровну на жилье и культбыт, а надо быстро вложить в районы, где можно взять хлеб... Миновали Казанскую и Покровскую Арчаду, у Школьного встретил В.И. Чугунов. Через Грачевку, Пяшу, Гранки на Беково. Остановились сначала в гостинице. Приятная новинка – камин. Сразу в холодном особняке стало тепло и уютно […]. Читал в журнале Чивилихина «Память». Такое своеобразное историческое, как теперь говорят, эссе. На меня произвело впечатление открытие роли Змиевых валов, которые закрыли Древнюю Русь от кочевых перемещений. Интересно о Козельске. Да и вообще есть много тонких исторических наблюдений, включая теорию норманистов.

13 января. […]. В 10.00 уехал с Кудрявцевой и Антипкиным в Колышлейский район проверить идеи семинара. Остановка в Приволье. Нетоварная ферма свиней. Всё совхозное, но относят [свиноводческие?] затраты на молоко. Крестьянам [совхоз] продает свинину за 1 руб. 70 коп., а покупает у них в заготовку по 3 руб. 40 коп. Кому это нужно? Что это дает народу и государству? Обман! На утиной ферме в Раевке. Схема та же – дают крестьянам, а расходы относят на рогатый скот. У киномеханика. Специалист по диким утками. Местный кулак, а зарплата – для стажа и пенсии. Развернем частника – много будет таких.

Мимо Бекетовской рощи. Блок стоит хорошо, но стелы из бетона смотрятся плохо. Надо бы облицевать хорошим камнем. Совхоз «Бекетовский». Николаев. Он уже хлебнул. Взял ферму в промфинплан, иначе будет растащиловка. Но по цене поросят – бардак. Обед в Колышлее. Через Трескино на Сумы. Побывали на ферме. Механизация, боксы, а на доярку – 20 коров. Хожу и не понимаю, как с похмелья. Школьная ферма. Продали школе колхозных коров за 12 тыс. руб. Доярка стала мастером [производственного обучения]. Ребята просто крутятся [вокруг нее вместо учебы].

У Залоги. На 120 работающих – 100 свиней и 12 коров. Жульничество откровенное. Беседа в РК КПСС. Жалко, что нет А. Ерохина. Он – авантюрист. Поздно вернулись в Пензу. Ничего не понимаю...

14 января. Ровная погода. К вечеру чуть падал снежок. В обкоме. Федор [в Колышлее] ничего не увидел […]. Сказал ему, что идея, которую закладывает в эти подсобные хозяйства и нетоварные фермы Ерохин, по сути своей антигосударственная. Если мы ее покажем всей области и она получит распространение, можем вконец разорить сельское хозяйство. Хорошо, что он не спорит и не старается выдвинуть какие-то свои идеи. Договорились, что я буду заключать и выскажу все. […]. В 16.00 Огарев, Лагуткин, Семенов – впечатление от колышлейских дел. Все согласны с моей оценкой того, что вчера видел. Оказывается, творчество Ерохина. Следует отказаться от понятия «нетоварная ферма». Это самообман.

15 января. […]. После актива – обед с коньяком в честь тернопольской делегации. Я удрал. Встречался с А. Ерохиным. Сделал ему замечание по авантюризму некоторых решений. Говорит, что его неправильно поняли. Договорились по семинару на 28-е и показу того, что соответствует интересам плана, а не расхлябанности. Собирал по треку. Дал команду делать трибуны на 800–1000 мест. […].

Дома мысль: когда русский узнал, что победит татаро-монголов? Когда смотрел в глаза иконе Толгской Богоматери 1314 г. И скорбь, и поразительная решимость даже в ребенке – Христе!

16 января. Всю ночь хлестал восточный ветер, а днем бушевала метель. В городе она не так чувствуется, но поехали в «Березовую рощу» Алексеев с Зубковым, сунулись за Терновку и вернулись: ничего не видно. У меня в кабинете собачий холод. Даже печка не помогает. Звонки. Чугунов из Беково просит трубы для водопровода. Надо давать. Позвонил М. Грамов из ЦК КПСС. Говорит, что «Советский спорт» здорово дал по подростковым клубам [Пензы]. В ЦК настроение – поддержать […].

19 января. Всю ночь мне снился комсомол и особняк в Колпачном переулке... Крещенье. Морозец около -15. В обком. Перед планеркой бледный, зеленый Николай Христофоров. Знаю, что вчера вызывал врачей.

– Ты зачем пришел?

– Надо дать поручения работникам комитета.

– Думаешь, не дашь поручений – комитет развалится?

[…] Переговорил с В.Ф. Богатиковым из ВЦСПС. Он только прилетел из Павлограда. Обещал решить курортные и туристские дела. О шефстве «Спартака». С министром Трубицыным. Как знал: я ему о приеме на баланс велотрека, он мне – о

сдаче автозавода. Сказал, что это не моя епархия. Договорились, что примет как стадион.

Прибежала бледная Злата Беляева: умер Н.В. Христофоров. Не поверил. Звонок Самохвалова, разговор с Некрасовой. Жуткая неожиданность. Оказывается, он еще два часа давал задания в комитете, был в поликлинике, отказался ложиться в больницу, хотя его умоляли. Тайно побывал у жены в больнице на 3-м этаже, (стоял на коленях), взошел пешком домой на 5-й этаж. Бабка ему приготовила суп, а он умер в кресле. Создали комиссию, написал извещение, некролог. Настроение хреновейшее... […].

27 января. Сегодня мороз покрепче, около -17. Утром седой иней, днем морозная дымка над городом. Вчера читал Вл. Солоухина «Время собирать камни». Стало понятно, отчего он, хоть и дал мне слово побывать в Тарханах, не приехал: его стиль – критический реализм. Там, где по увековечиванию памяти прошлого что-либо делается, ему неинтересно, нет обличающей канвы, а восторгаться он не привык, это его по концепции не устраивает. […]. С Н.И. Катковым рассмотрели письма в Москву об издании «Избранных» Почивалина и его [суждения] о «Широкой масленице» Вайнера. Мерзко и нахально – еврею плеваться на всё русское.

[…]. По TV начали показывать шестисерийный фильм по «Целине». Как бы внутренне ни хотел встать на позицию автора [Брежнева], не получается: много нескромности, «якания», позерства, присвоения чужих заслуг и умолчания о тех, кто начинал на самом деле. Зябко на душе...

29 января. Погода не меняется. Самое неприятное – в полях нет снега. В обкоме. Какой-то Алиев из ЦК ВЛКСМ изучает опыт работы подростковых клубов. Какие-то архизаумные мысли о всесоюзных конкурсах, лабораториях по изучению опыта и т.п. Сказал, чтобы определили конкретное место комсомола и ЦК ВЛКСМ. А то бывает, что десять везут телегу, а один больше всех кряхтит... […].

31 января. […]. Субботние программы [центрального телевидения] строят сложно и солидно: одна группа умных людей сменяется другой, и так весь день ни отдыха, ни развлечения. В «Сельском часе» В. Шевелуха (не видал его после Ярославля 20 лет), зам. министра сельского хозяйства СССР, долго и подробно толковал о продовольственной программе. Но возникает ряд вопросов: 1) если продовольственная программа важна, то почему именно ее не сделать одним из центральных вопросов XXVI съезда КПСС? Ее почему-то будут принимать после съезда; 2) с сельского ли хозяйства надо начинать ее решение? Боюсь, что путь этот в наших конкретных условиях мало перспективен. Бьемся с 1953 г., а сдвигов реальных мало. Потребление начинается не с продукта потребления, а с возможностей потребления. Надо идти от возможностей к продукту. Иначе – пустота,

блеф; 3) складывается впечатление, что мы нагораживаем программу на программу, постоянно уводим в будущее то, что надо было решать вчера или сегодня. Программа – не решение, а лишь предположение. Ее составляет аппарат, а решать сегодня должны руководители!

1 февраля. […]. Подъехали В.И. Филимонов, В.В. Дадаев и Хайдар Забиров. Нравится мне, что на низах люди начинают осмысливать любые шаги верхов, оценивать их практическую значимость. Естественно, разговор идет вокруг проблемы увеличения личного скота. В. Дадаев считает, что если бы такое решение было принято лет 10–15 назад, оно могло бы играть важную роль. Его приняли тогда, когда старательно отучили крестьян от скота, да и разводить его некому – многие ушли в город. Я посоветовал подумать над другими вещами:

1) вопрос завязан не там, где пытаются теперь найти ответ. Всё началось с непомерного увеличения поступления денег в руки людей. Просчет здесь! Он ударил по всему. Если решать вопрос, надо регулировать доходы (цены, переплата, новые квартиры и т.д.);

2) труд человека в единицу времени постоянен; то, что будет затрачено на личный скот, надо вычесть из общественного труда. В обществе он будет зарабатывать только стаж и пенсию;

3) если опираться на частный скот, то надо его вводить в фуражный баланс и учитывать. Воздухом его не прокормишь. Иначе обман. […].

2 февраля. […]. Тревожные события в Польше. Никак не найдут ключей к разбушевавшейся стихии народного недовольства. Закручивают, закручивают внешне гайки, создают впечатление, что переходят в атаку, но наступает время атаки – и отступают. Встретились с Валенсой и нашли «компромисс» – сделать одну рабочую субботу и дать доступ к средствам массовой информации. Отступление продолжается, а забастовки не утихают, находится повод за поводом. Думаю, что руководит умелая рука. Может, в учет берется и XXVI съезд, и связанность наших рук Афганистаном, и сложностью международной обстановки. Если решаться бить, то лучше не опаздывать, иначе всё можно потерять. А потерять Польшу – зачеркнуть итоги Великой Отечественной войны. Боюсь, что у наших, прозевавших события в самом начале, нет четкой программы действий, а идет просто поиск в расчете – а вдруг удастся как-то повернуть. Но стихия в таких делах – плохой советчик и помощник. Она – против нас.

3 февраля. В связи с польскими событиями и еще некоторые мысли. В странах развитого социализма многие выступления носят экономический характер, а у нас

борьба за «копейку», «занятость» сразу приобретает политический характер, характер выступлений против методов правления. События могут, по старой традиции, найти живой отклик среди определенных кругов нашего общества. Борющиеся поляки всегда пользовались симпатией у русских революционеров. Так было при царизме. Как будет теперь, сказать трудно. Но задумываться над историческим аналогиями, бесспорно, следует. Мы себя должны в свете этих событий чувствовать неуютно. Тут есть вопросы.

Вчера смотрел «Последние дни императорской власти» А. Блока. Из окружения царя пьяница и грубиян Нилов, требовавший у царя отстранения Распутина и получивший отпор, сказал: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – все равно». […].

5 февраля. […]. Интересный разговор о работе подростковых клубов. Надо из треугольника (клуб, школа, семья) сделать четырехугольник (+ детская комната милиции). Вообще всех состоящих на учете [в милиции] и детей из неблагополучных семей забрать в эти клубы и занять интересным делом. Это добавило бы полезности по воспитанию.

7 февраля. […]. В 17.00 с Верой в драмтеатре. 25-летие хора О. Гришина. Теплые приветствия, хороший концерт. Такой хор в истории самодеятельного искусства области – событие значительное. Хорошо, что удается удержать его и главное – руководителя. Жалко, что у него не появляются новые песни достоинства «Милой рощи» и «Восемнадцать лет». Зависит, вероятно, и от того, что нет добротных, глубоких текстов. […].

9 февраля. […]. Весь день у себя со всякими текущими делами. В 15.00 ездил в дом художника. Смотрели портреты для Доски почета. В мастерской П. Аниськина – работы к выставке. Неплохо – «Врач и ребенок». У В. Павликова. По моей просьбе пишет портреты Рейнгольда, Лозицкой, Смирнова, Аношиной, Гришина [Октября]. Талантливый художник. Сделал так скульптурно, что до сих пор образы стоят в глазах. Можно спорить по деталям, но в общей компоновке сделаны потрясающе. Огромный талант этот бузотеристый и беспокойный Павликов. Думаю, на выставке к съезду это будет событием. И надо сделать событие! По телефону – с Н. Котляром. Встал на ноги.

11 февраля. Сегодня морозец. Небольшой, но лужи исчезли. Где-то 4–6. Говорят, что в степи (Федор ездил в Колышлей опять) здорово мело вчера. Может, к скорому лету, если судить по степи. В 9.00 у Федора. Условились посмотреть подарки к съезду – картину с портретом Л. Брежнева, написанную Б.И. Лебедевым. Рамка тяжелая, по чертежу художника. Составил текст «выдающемуся и т.д.» «в

дни работы XXVI съезда КПСС». Федор покажет [Ф.] Петрову, тот – Черненко и общим хором – изображенному на портрете. Выиграют все, никто не проиграет. Да еще и заработают на этом «хоре». […].

13 февраля. […]. Беседа с Н. Котляром с участием В. Застрожного. […]. Условились: создать на базе политехнического института хороший академический хор, попробовать создать ансамбль русской песни в чистом виде. […].

Вечером в театре премьера «Левин дол» по роману «Лапти» П. Замойского. Приехали и Лоллий, и Сергей, и Зинаида [Замойские]. Интересный рассказ о «Падении Берлина» П. Павленко. Спектакль, хоть я внутренне боялся, получился динамичным, насыщенным, несущим идею борьбы с собственником. Местами народен и современен. Это несомненный успех и Рейнгольда (автор и режиссер), и всей занятой труппы.

17 февраля. […]. Рассмотрел проект строительства здания дома технической пропаганды на углу Куйбышева и Лермонтова. Давно тянется история. Быстро утвердил. Беседа с А. Щербаковым: немного выдохлись, надо придумывать новые объекты на этот год. В заделе у нас музей Мейерхольда, родник «Самовар», Музей одной картины. Договариваемся, что гимназию, в которой учились В.Г. Белинский и Буслаев отдаем под Литературный музей г. Пензы. Надо делать. По телефону условились, что Минавтопром берет на себя велотрек. Надо лететь в Москву.

С помощником Рябова – о перекрытии стадиона «Темп». Будем в Москве, надо добивать. Смотрел еще один эскиз родника. Пока ничего путного. Нет выдумки, а хочется сделать сувенирный объект. […].

7 марта. […]. В 10.30 в школе №1. Художники подготовили эскизы оформления мемориальной комнаты, связанной с И.Н. Ульяновым. Напихали туда всё, вплоть до портрета Н.К. Крупской. Думаю, что это ошибка: в музейном деле важна мемориальность. Долго ходили, смотрели, поднимались на 3-й этаж, где была церковь, и приняли решение: 1) мемориальный зал 2-го этажа оставить в первозданном виде, посвятив его Ульянову; 2) всю мишуру оформления перенести на 2-й этаж и сделать парадный актовый зал там; 3) подготовить проект пристроя во дворе спортивного зала и столовой; 4) переименовать школу в им. Ульянова. Вообще продумать систему мер и дел по 150-летию И.Н. Ульянова. […].

8 марта. Весь день дома. Сделал попытку пойти гулять с Егором, но он что-то закапризничал, и пришлось Мише с ним играть в хоккей перед домом. Последний раз посмотрел рукопись «О времени основания города Пензы», внес поправки и отдаю окончательно в газету. […].

Егор днем напевал: «Сегодня Нинка соглашается, Сегодня жизнь моя решается». Спросил его: «Кто такая Нинка?» Он: «Жена Высоцкого. А может, и не жена»... Я умолк! […].

9 марта. Два дня метель. Запорошило снегом. Такое впечатление, что зима вдруг проснулась и вспомнила о своей работе. В 9.00 – планерка. Федор о съезде ничего не стал рассказывать, и я понимаю его. Всё опубликовано, показано по телевизору, никаких таинств. Говорят, что надо о личных впечатлениях. А стоит ли о личном на фоне общественного? […].

Обед. Федор. Потом у него. Володя [Огарев] разговор о перемещении [на пост председателя областного комитета народного контроля] воспринял болезненно, обещал дать ответ завтра. Мечется, обиделся. По-человечески это понятно и объяснимо. Каждого из нас ждет эта участь, да и не так уж долго осталось.

В 18.00 у Иодыниса и Мельниковой в мастерской. Просмотр проекта к роднику «Самовар». Что-то долго с ним мучаемся, а истины так и не видно. Сказал, чтобы делал. Надо этим летом заканчивать объект.

Дважды занимался Комитетом народного контроля: [его инспекторы] наказали на 120 руб. директора школы-интерната. У нее 380 отпетых ребят, она создала хор и оркестр, но нарушила штатное расписание. Сама мать троих детей. Она – герой, а ей – денежный начет...

15 марта. Весь день дома, не выходил на улицу. Кажется, легкий морозец при очень ярком солнце. Вчера по телефону окончательно договорились с В. Лысовым, что статью «О времени основания города Пензы» публикуем 27, 28 и 29-го марта под рубрикой «Знай свой край». Посоветовал дать к рубрике марочку – фото с «Первопоселенца». Думаю, что статья будет событием в краеведении. Она […] кладет конец всякого рода фантазиям и домыслам по этому поводу. Собираю материал к новым статьям. Прежде всего, хочется дать «О первоначальном облике Пензы». Жалко, что не с кем спорить, да и особых открытий нет. Потом нужна – «Всё начинается с дорог...» Это как бы предисловие, история заселения края и первых городов-крепостей на ее территории. Конспектирую И. Дубасова.

Вечером большое и радостное событие: на международных соревнованиях «Весенние ласточки» блестящую победу одержала пензенская школа прыжков в воду: Алла Лобанкина – 1-е место, Татьяна Белякова – 2-е и Ирина Калинина – 3-е. Самое потрясающее: Лобанкина первой в мире совершила блестяще прыжок с коэффициентом трудности 3. Ей всего 13 лет. Звонил мне из Москвы восторженный Аркадий Фомин. Я позвонил В. Лысову и сказал, чтобы готовили материал в зав-

трашний номер с портретом этой 13-летней девчушки. Послал телеграмму с просьбой передать поздравления «с выдающимся успехом». Тренеры Коряк и Янулин.

18 марта. Стало легче, яркое солнце весь день, первая весенняя капель на солнечной стороне крыш. В 9.00 – бюро обкома КПСС. Одобрили материалы к активу, рекомендовали В. Огарева на Комитет народного контроля, одобрили предложение об избрании Н.В. Лагуткина секретарем по сельскому хозяйству, назначили пленум обкома КПСС. Весь день как проклятый возился с бумагами. […].

Мучает, как гвоздь в сердце, – пристрой дачи. Черт меня угораздил связаться с этим делом. Вера считает сумасшедшим, что меня гнетет, а я хочу быть уверенным, что при возникновении вопроса проблем не будет.

22 марта. День воскресный. Валялся долго. Не хочется никуда выходить, одеваться, бриться. Но Миша утянул в филармонию на концерт Толкуновой. И не пожалел. Уютная обстановка, задушевный конферанс, замечательный аккомпанемент Давида Ашкенази (помню, еще до войны он аккомпанировал В. Козину «Мой костер». Это целая эпоха) и мягкое исполнение песен Толкуновой. Хорошее, бодрое настроение. Мне нравится В. Тарабурин в роли директора филармонии. Талантливый парень с большими данными коммуникабельности.

Вечером посмотрел книжку О. Савина «Ленин и Пензенский край». Несколько очень тревожных, требующих беспощадного подавления восстаний, создания концентрационных лагерей, изобличения причастности левых эсеров телеграмм [В.И. Ленина] по поводу восстания в Кучках. Какая-то непонятная и жестокая паника, какой-то страх и требование, построенное не на знании обстоятельств, а на иных каких-то принципах давить всех и вся, не очень разбираясь в деталях, причинах. Вероятно, диктовалось обстановкой.

Снова работал над статьей о Пензе. Позвонил утром Н. Инюшкин и высказал сомнения в полезности спора […]. Пришлось делать вставку и показать, что объективно их статья «Загадка» интересна, вызвала споры, которые обогащают краеведение. А потом идти на критику. Так, думаю, будет лучше […].

28 марта. […]. Несколько раз созванивался с А.В. Андреевым. Верстается в номер последняя часть статьи и, пожалуй, самая главная, самая созидательная. Всё до этого было лишь приступом. Теперь одним «махом» ответим на все вопросы, которые поставлены. Сам десятки раз просматривая статью, получаю внутреннее удовлетворение. Особенно последней частью: удачно выстроились документы, есть ответ на вопрос о времени основания города, связь с современностью, объяс-

нение смысла мемориального комплекса и памятника «Первопоселенцу Пензы», его подвига. […].

29 марта. […]. Окончание статьи. Состояние исполненного долга. «Закончен труд, завещанный от Бога»! Удовлетворение, что внесена какая-то лепта в исследование родного края. Последующие краеведы (а они родятся, может, и статья породит у юных интерес к краеведению) не могут не считаться с этой статьей. Поставлена важная точка. По телефону – с Н.М. Инюшкиным. К нему пришел сосед П.П. Васильев выяснить детали. Настроение хорошее. Не знаю, как Кирилл [Вишневский]. Позвонил М. Емановой, чтобы спор не перешел в административную плоскость. Научная дискуссия не может переходить в «оргвыводы». Каждый может иметь свою точку зрения и ошибаться. […].

30 марта. Вчера написал а сегодня утром отослал письма и газеты со статьей Г.В. Еремину, И.Д. Воронину и Е.Н. Кушевой. Интересно, как они ее воспримут и как откликнуться. Наиболее проницательна и глубока Кушева, но по старости лет едва ли найдет время и силы изучить детали. Ее мнение по «Старым Черкасам» оказалось решающим. Я их [свои прежние взгляды] теперь ценю не очень высоко и вообще думаю, что надо самому отречься от этой явно надуманной версии. […].

8 апреля. Вчера по телевизору – речь Брежнева в Праге. Начал с «я», «мне». На груди теперь четыре звезды наших, две чехословацких, четыре медали лауреата да депутатский значок. Идет издалека [любовь к наградам]: на госпитальной пижаме – орден Боевого Красного Знамени [о фото Брежнева времен войны]. Таков уклад человека. Раньше люди вырастали, проходя революционную закалку в подпольной борьбе, теперь растут из аппаратов и тоже, вероятно, не без борьбы. Но свойства и качество ее иные. […].

9 апреля. […]. Интересная статья Ряшина «Уроки спартакиады» [в газете «Молодой ленинец»]. Из 53-х областей мы заняли 52-е место. Всего 5 очков получили за счет Р. Тощевой – лыжницы. Ей 30 лет, она мать двоих детей. Дело возмутительное. Сидит столько дармоедов у спорта, кормятся и не дают результатов. Поручил Д.Е. Гришину провести расследование, буквально – партийное следствие по этому поводу. Надо заставлять людей работать. Отчитал Алексеева, сказал, чтобы Есина на заслуженного работника культуры не представлял. Отхватал В. Саушева: пора вникать в дело, работать, а не руководить. Собрал комиссию и поручил готовить вопрос на бюро обкома КПСС. Надо, зацепившись за это, пойти на суровый разговор со всеми, кто отвечает за спорт. […].

13 апреля. Кое-как уснул и сегодня проснулся под огромным, словами не передаваемом впечатлении от романа Ю. Бондарева «Выбор». Первое чтение – лишь первые, очень поверхностные впечатления, но и они дают повод сказать о бездонной глубине мыслей, заложенных в романе. Его надо читать с карандашом в руках, делая выписки, сопоставляя и выстраивая сложную философскую концепцию автора, которая звучит то в устах Васильева, то в циничности сложно прожитой жизни Рамзина, то срывается внешне легковесно с губ режиссера Щеглова, то бородатого и дремучего Лопатина. В каждом из них заложена авторская позиция. Ее знаменатель – видимое право выбора, которого в жизни не бывает, и это право несет в себе какое-то роковое, мало подчиняемое человеку начало. […].

15 апреля. […]. Может, день исторический. Приехала делегация тюменских геологов, чел., во главе с замом Салманова. Цель – передать Зубрилово под санаторий. Смысл переговоров: передаем безвозмездно, обойдется им в 12-15 млн. руб. Их строители, материалы, проектировщики. Делать по высшему классу. Может, пристроить крыло, сгоревшее в 1905 г. Моисовские особняки. Жилой дом. Плотину на р. Хопер. От меня поехали, с заездом в Тарханы, на Тамалу. […].

30 апреля. Хмуро и не очень тепло. Почва плохо созревает, деревья голые, травка только начинает зеленеть. Я – в обком, Закир – на дачу. Обещали сегодня привести в порядок внешний вид и покрасить ее, эту поразительную деревянную халабуду, ставшую огромной за счет крыши. Архитектура жуткая, доски сырые, на потолке висят зеленые грибы. […].

3 мая. […]. Уехали с Вечкасовым и Чугуновым в сторону Белинска. Черная, без зелени, степь. На границе догнал В.И. Костяхин. Фотография зверски убитой учительницы. 70 ран. Ни изнасилования, ни денег. Какой-то странный и страшный садизм. […]. Гринь проводил до каменской границы. Мимо леса, в котором нашли труп учительницы. Жуткое и загадочное убийство. На дороге остановил машину. Шофер у тещи в Верховке. Слухи об убийстве. Записал, а вечером передал Костяхину. Может, и появится зацепка […].

11 мая. […]. Ошарашила смерть С.М. Рейнгольда. Еще в пятницу был у меня, вчера вел репетицию, сегодня лег в больницу, а в 17.00 уже не стало. Спасти не смогли. Талантливый мужик. Образовалась такая брешь, которую едва ли заткнешь в театре. […].

23 мая. […]. Хреновое настроение на доклад в понедельник. Не знаю, что говорить о [идеологической] перестройке, не могу ее уловить и осмыслить. Сказали

фразу и сразу создали трудности. Зря похоронили определение XXV съезда о комплексном подходе. Потом мы добавили «и системности». Хотели найти новое хорошее, а оказалось, что потеряло то, что имели. Родилась строчка:

Лечу я всех, а сам серьезно болен
Неверием в призывы и мечты...

В 11.00 – по семинару ректоров вузов России, издательских делах. В 14.00 – в облдрамтеатр. Итоги сезона. Они горьки безвременной кончиной Рейнгольда. Потеряли талантливого режиссера, педагога, организатора. Закончился целый этап в истории театра. [Есть] творческие успехи, единство коллектива, возросший авторитет. Задача – сохранить этот этап, удержать. И это – лучшая память о Рейнгольде. Суровое предупреждение тем, кто попытается отойти от традиций, вернуться к старому. Обстановка сложная, мы будем беспощадны. Это – наше кредо. Пожелал успехов на гастролях. […].

24 мая. […]. Продолжение трансляции с 60-летия Советской власти в Грузии. Пребывание называется «деловитым», говорит: «мы увидели» и т.п. На самом деле все торжество – заседание, возложение, прием. Ни завода, ни колхоза. Все – помпезное. Уже выстаиваются при встрече и проводах почетный караул, отдается рапорт, исполняются гимны СССР и Грузии. Словно это иное государство, а генсек и Председатель Президиума – гость в нем. Появляются всё более пышные формулировки. На банкете Шеварднадзе сказал: «И по этому единственно правильному, ленинскому пути нас ведет великий продолжатель дела Владимира Ильича Ленина, великий организатор коммунистического строительства товарищ Леонид Ильич Брежнев». Шашка [вручение]. В зале портреты Ленина и Брежнева. При отлете остались В. Гришин, М. Соломенцев. [Брежнев] летит с Устиновым. Может, это ответ на место из выступления Брежнева, когда он сказал: «Ваши достижения – результат организаторской деятельности бюро ЦК во главе с т. Шеварднадзе, энергия, творческий подход к делу и принципиальность которого все мы знаем и ценим».

27 мая. Оба дня в Москве душно. Испарения бензина и асфальта. Вчера разговор с А. Покрышкиным: Везение или мастерство? [о воздушных боях]. И то, и другое, но главное – подготовка. Реакция. Менее 0,2 секунды. Готовил к перегрузкам себя. Совет был. Ходил на высоких скоростях и своим методом – боком от зенитных снарядов. Эпизод. Успел уйти от залпа. Погибли все тихоходы. К концу войны уже как ас лупил «немецких мальчишек», искал их. Жалуется на болезни. […].

28 мая. […]. Из Русского музея Новожилова и кто-то еще. Поразительное совпадение точек зрения. Будем их филиалом. Много тонких вопросов. Картины в подлинниках потрясающие: Ге «Петр I», Федотов «Сватовство майора», Пластов, Левицкий и т.д. Договорились. Не ожидал, что встречу вдохновляющее понимание. Надо делать и делать хорошо. На спектакле Целиковская, Шалевич и др. Интересно.

8 июня. Стоит и стоит антициклон проклятый, и нет дождя, и в поле сушь. В 9.00 – планерка. Очередные дела, опять активы и совещания, семинары, показы и рассказы. Страшно устал от этой суеты. Надо отдыхать. Странная телеграмма за подписью Л. Брежнева. Высказывается тревога, что до сих пор (!) нет контрольных цифр пятилетки, а вносимые областями и предприятиями цифры значительно ниже одобренных съездом «контрольных цифр». В Госплане СССР ни хрена не вяжется, а дают поручения обкомам принять меры... Напряжена до предела международная обстановка. Лавры миротворцев начинают желтеть и засыхать. Чем это сменится? Тяжелой гирею висит Афганистан и вот-вот повиснет Польша. Если даже войдем [с войсками], то кормить еще 36 млн. человек нам не по силам. Кажется, и у себя всё на самом последнем пределе. […].

15 июня. Погода, кажется, смилостивилась над хлеборобами. Сегодня пасмурно, несколько раз перепадал дождь. […]. Надо выходить на новые отметки. Вечером отдал самолет Ил-18 управлению кинофикации под кинотеатр «Илюша». Только всё надо продумать в противопожарном отношении. […]. Поручил готовить постановление о передаче под Литературный музей здания гимназии, где учился Белинский.

19 июня. […]. Украина затевает торжественно отмечать 1500-летие Киева, не имея никаких документов. Не кроется ли за этим тщеславная мысль подчеркнуть, что Русская земля пошла от Киева, и что Украина – колыбель России, давшей миру могучую державу СССР? Надо будет внимательно посмотреть, как всё это сформируют. Тут не без задней мысли.

26 июня. […]. Вечером смотрели по TV «Блокаду». Хорошо сделан образ И. Сталина. Жалко, что наши верхние старперы не поймут необходимости деловой, в плане руководства обществом, преемственности с этой безусловно великой личностью для нашей истории. Вчера по телевидению – вручение звезд и орденов. В числе Героев – муж сестры жены [Брежнева] – Беляк! [Брежнев] ни слова от себя, простые вещи – только с бумажки и без какой-либо заинтересованности, с поразительной тусклостью. Вручает и спит. Крупный план: неживые, обесцвеченные воз-

растом глаза, ничего не выражающие, со скукой от усталости. Государство, которое, как флагман, должно смело разрезать волны и нести знамя новой формации, оказалось, по стечению обстоятельств, под руководством самого дряхлого по возрасту состава руководителей, многие из которых не имеют представления, куда и как вести корабль. Плывем и ладно, лишь бы не утонуть.

30 июня. […]. Победа левых сил во Франции. Событие большое, речь идет о включении коммунистов в состав правительства. Но одна странная особенность: в стране, где давно созрел и перезрел могильщик буржуазии – пролетариат и где, по классическим канонам, давно пора быть у власти пролетариату, победа даже на выборах социалистов и коммунистов мало что изменит в буржуазно-демократическом направлении развития государства. Больше того, побеждает та часть левых сил, которая не очень приемлет наш образец строительства социализма, не только резко его критикует, но и отрицает. А коммунисты, чтобы получить место в парламенте, вынуждены идти на компромиссы с этими силами социалистов, и одним из пунктов этого компромиссного соглашения является участие в критике нашего образца, нашей внутренней и внешней политики. Выхолащивается главное из марксизма – понятие диктатуры пролетариата. Оно стало не только не модным, но и таким, что отпугивает избирателей, настораживает их. Мы на каком-то этапе развития после 1953 г. потеряли незаметно энтузиазм строителей, а вместе с этим утратили оптимизм в сознании людей. Кажется, Никита – запевала «материальной заинтересованности».

Социалистические принципы все чаще начинают провозглашаться, вопреки классической теории, странами, которые толком не сформировались как законченные феодальные формации […] – Вьетнам, Кампучия, Лаос, Мадагаскар и т.п. Есть что-то загадочное и противоестественное в том, что именно в наиболее отсталых в промышленном отношении странах все чаще возникают режимы, которые объявляют себя социалистическими или ставят перед собой задачу строительства социализма. Объяснить можно всё, но как это уложить в законы, вот где вопрос!

Телевидение сообщило, что пленум ЦК КПК избрал председателем КПК Ху Яобана. Он стал первой фигурой в огромном государстве. Встречался с ним в 50-е годы: показ ЗИСа, смущение Раи Абловой на секретариате ЦК ВЛКСМ; участвовал в его проводах, кажется, на Белорусском вокзале. Подарил [мне] золотой значок Мао Цзедуна. Куда-то всё пропало. Одна память осталась.

2 июля. […]. Молодости свойственна беззаботность, старости – страхи и заботы. Чем старше, тем страшнее жить. Хотя вроде опыта и мудрости больше. Просто, вероятно, всё острее воспринимаешь.

Вера говорит: «Хорошо бы ты, Егор, подмел в столовой пол». Он с гордым видом отвечает: «Я вам не метельщик!»

7 июля. Завез Мишу, Егора и Марию Сергеевну в Морозовскую больницу, а сам – в Кремль на сессию Верховного Совета РСФСР. Много знакомых. Курящий В. Логинов. Саша Алексин ушел на пенсию – оттяпали легкое. Открытие сессии. Всё встало на место: первым выходит и садится Н. Тихонов. Правда, на аэродроме (он вчера вернулся из Софии) встречал его только Пельше. Отзвук борьбы. Суслов отступил, но твердо держится на втором месте. Черненко нет, он в больнице, а потом сразу уедет в Крым помогать отдыхать генсеку. Звонил вчера Щелокову – его нет, Чурбанов – в отпуске, видно, с тестем [Брежневым] вместе. Доклад М.С. Соломенцева. Поразительная пустота по содержанию и монотонность по изложению. Уровень текста – отметка любого инструктора Совмина. Ни мыслей, ни забот, ни проблем России. Правда, при большом начальстве не набрался смелости передать привет от генсека. Они-то знают, что он с ним редко общается. Прения. По традиции, [первой выступает] Москва (правда, речь идет о роли Советов, а первый выступающий – секретарь МГК КПСС), потом Ленинград. Всё строится на жутком шаблоне. Большая часть речей – славословие. […].

17 июля. В природе зарождается новая система: с утра жара и духота, а около 3-х, как и вчера, – грозовые тучи и дождик […]. Приезжал В.А. Бельденков с Борисом – директором совхоза «Магистральный». Талантливый, всё знающий и всё понимающий руководитель с каким-то «ядерным» внутренним двигателем. Жалко, если кончится топливо. Временами чувствует себя отвратительно. Но когда здоров, ворочает горы, успевает везде и всюду. Поражаться можно его энергии и подвижности. Обсуждали проблемы сельского хозяйства: мало людей, а те, что есть, не дают и десятой доли того, что могли и обязаны дать. Тут много проблем. И одна из них – разрушение древнерусского принципа «общины» или «мира». Колхоз его не устранял. Преобразование колхозов в совхозы, а потом и введение гарантированной оплаты труда, не связанной с конечным результатом хозяйства, остро ударила по заинтересованности крестьянина в результатах хозяйствования. Подсказал Борису из «Магистрального» идею работы уборочного звена на один наряд. Он считает, тут есть повод для поиска. […].

25 июля. Жара. Термометр днем опять залез за +30. Смешно, но +27 уже считается «прохладой». В обкоме. Беседа с внучкой Ф.В. Гладкова [Светланой Васильевной]. Хлопочет о 100-летнем юбилее. Надо что-то делать. Родилась такая мысль: около трассы Пенза – Петровск – Саратов, в районе с. Ключи, найти участок, перенести туда из Даниловки сохранившийся дом Гладковых (он перенесен из Чернавки, которая теперь вымирает), пристроить литературную часть, поставить вучетичев (или иной) бюст Ф. Гладкова, а рядом еще и дорожное кафе. Уже в этом году дать эту тему для дипломного проектирования группе архитекторов, заканчивающих строительный институт. […].

1 августа. […]. Поехали с Семеновым и Кочергой в Шемышейский район смотреть овощи. Николашин на границе. В совхоз «Дёмкинский». Смотрели поля, беседовали с людьми. Бардак страшный. Ленин считал, что социализм – это учет, высшая производительность труда и сознательное отношение к делу людей. По этому совхозу – ни того, ни другого, ни третьего. Бардак самый откровенный. И если бы только по этому совхозу. Иногда смотрю и удивляюсь, как мы еще всё выдерживаем, переносим, являемся ведущей державой мира. Разругались с руководством и уехали. На Усть-Мурзу и Усть-Узу. Татары сегодня не работают: три дня уразы! Солнце палит, овощи зреют, а люди отмечают национальный праздник. Жуть! Ругаться не стал. Не мной это порождено, не я автор, и тратить нервы попусту не хочется. Капуста хорошая. Здесь есть что взять.

Обедать – на Сурское море. Самое широкое место – при впадении Узы в Суру. Справа древнее городище, заросшее деревьями. Говорят, что археологи ищут здесь остатки буртасских племен. Их могильники – в Армиёво. С обеда – на дачу.

6 августа. […]. Читаю вечерами В. Ключевского. Поразительно глубок, умеет вникать в тончайшие детали хода исторических событий на основе изучения подлинных документов, а не компиляций. Время покажет, что этот далекий от надуманных схем историк был и остается одним из самых выдающихся в развитии исторической мысли русского народа. […].

7 августа. День довольно напряженный. Заехал в обком, а в 10.00 начал обход туристической тропы и ее приемку. Много изменилось, тропа «состоялась», родился новый в городе объект, о котором мечтал лет 10, а практически делали почти три года. Конечно, есть шероховатости, когда-то выйдем на единую художественную задумку, но главное, что «ребенок» родился. Заканчиваем и сердце этой тропы – родник «Самовар». Когда подошли, масса народа выравнивала землю, продол-

жала асфальтировать. Самый накал. Пустили в бассейн форель. Продиктовал О. Тельбуху смысл статьи о тропе и роднике. Отдаем ему полосу [в газете]. […].

10 августа. Стало чуть свежее, но дождя так и нет. Опять солнце. Всякие текущие дела аппарата. Во время планерки показали постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Нам установили план сдачи хлеба 150 тыс. тонн. Это при вале 810 тыс. тонн. На фураж остается 8–15% (в зависимости от урожая). С поставками же государства – 30–35%. А в том же решении идет требование не допустить снижения поголовья, обеспечить выполнение планов по животноводству. Комедия какая-то! […].

12 августа. Погода жаркая, душная. Опять нет дождей. Сомнения по озимым. Я для себя решил... В 9.00 – в обкоме. Писатель Вайнер. Ставит вопрос о разрешении выехать в Израиль. Здесь – только смерть, а там что? «Буду преподавателем». Он давно живет с антирусскими и антисоветскими настроениями. Сказал, что я не готов к такому разговору. […].

14 августа. […]. В 16.00 – беседа с верхушкой медицинской области. Прочитал письмо Совмина РСФСР, а потом высказал свое отношение. [Организовать] поголовную проверку медучреждений, [нацелить] актив здравоохранения, [принять] практические меры по каждой службе. Проблема врачебного такта. О работе [врачей] на овощах. Это – жестокость к больным. К 19.00 – встреча с Верой у туристической тропы. Она считает, что это самое выдающееся из того, что я сделал в Пензе. Гуляет с удовольствием. Вышли к облбольнице. Миша и Егорушка в окне. Помахали им. Завтра ждем домой.

[На другой день Г.В. Мясникова положили в больницу и сделали операцию на желчном пузыре. – **Ред.**].

23 октября. Последний день в больнице. Закончились все анализы, все показатели вроде бы на месте. Пора покидать это хоть и уютное, но скучное заведение. Около 9-ти сделали перевязку, положили мазь Вишневского и условились, что следующая перевязка во вторник. Перерыв большой. Собрал вещи, последние книги, обошел Лысова, Огарева и др. и около 11-ти уехал домой. Решил нарушить традицию и днем совсем не стал ложиться. Занялся, не торопясь, распихиванием книг, накопившихся за это время, по книжным полкам. Работа кропотливая, емкая, занявшая почти весь день. Но всё расставить по местам пока трудно. Отдельно отложил краеведческую литературу. Всё-таки хочется написать «Пензу первоначальную». Условились с Лысовым уйти от публицистики, остановиться на чисто документальной основе. Важно найти правильный запев, а там песня сама пойдет.

Материал мысленно готов, но с фактической стороной придется повозиться. Хорошо бы сохранить традиции и опубликовать в марте следующего года. Три года подряд март и день моего рождения знаменуются публикацией серьезных краеведческих заметок. Из двух статей можно было бы сложить и маленькую книжку, но без Черкасс, в которых я сам все больше разуверяюсь.

24 октября. […]. С Егором днем ходили на каток «Темп». Он занимался фигурным катанием, я же бродил по стадиону и дышал воздухом. Переговорил с директором. Лодырь. 8 лет работает и не может достать комбайн [для заливки льда]. [Говорил] с тренером Шиманаевым – робость в выдвижении молодых. Едем на стариках, а молодых забирают в высшую лигу и они там играют. С начальником команды Ухановым. На 15 человек пять начальников, а разобраться в элементарных вопросах организации тренировок не могут. Дело пойдет так дальше – распустим «Дизелист», как когда-то футбольную команду.

Вечер дома. На хоккей не пошел. Начал читать К. Рудницкого «Мейерхольд». Мало бытовых деталей по Пензе. Откровенно пожалел, что когда-то отдал «Библию» на немецком языке с надписью пастора С. Кульневу. Может, это тот пастор, что участвовал в судьбе семьи Мейерхольдов. Надо посмотреть эту книгу и... в музей. Посвящать музей одному Мейерхольду нельзя. Впервые узнал, что он последний раз был в Пензе в 1904 г. Больше ни времени, ни желания у него не было.

26 октября. […]. Прочитал К. Рудницкого «Мейерхольд». Книга интересная, но написана с каких-то эстетических позиций. Не столько жизнь, сколько разбор спектаклей Мейерхольда. Слабо дана социальная среда, мало объяснимо его вступление в члены партии большевиков. Выглядит он постоянно талантливым неудачником, особенно в советские годы. Сказывается неорганизованность мышления, великая самонадеянность, невысокое чувство ответственности за доверенное народом дело, штукарство. Прочел в «Известиях» за 1938 г. решение Комитета искусств о закрытии театра Мейерхольда (написано явно рукой Сталина), и многое стало ясным. Его гениальность не совпала с требованиями времени. Впечатление раздвоенное.

29 октября. […]. В 11.30 – к молодым скульпторам. Посмотрел их предложения [по оформлению тропы здоровья]. Ничего путного предложить не могут. Муть какая-то. Все их считают талантливыми, а делать ничего, кроме голых баб, не могут. Годы идут, решений нет. Продиктовал сам четыре объекта: 1) Конек-горбунок, 2) Емеля на печке, 3) Сивка-бурка с длинным хвостом, 4) голова богатыря, вросшая в

землю. Надо продолжить стиль сказки, но элементарно сделать утилитарными для детворы. Обещали к середине ноября. […].

30 октября. […]. Записывался для ЦТ. Сначала несколько кадров на тропе здоровья, а потом беседа кабинете. Дело мучительное. У режиссеров нет сценариев, сплошной поиск: идти туда, не зная куда... Поэтому мучительный поиск, о чем и как говорить, что нужно и чего не нужно. Мучались часа полтора, отсняли 15 мин. на пленке, кое-что просто на звуковую ленту, но что из всего этого смонтируют, сказать пока трудно. Наверное что-то наберут, но внутреннего удовлетворения нет. Всё рублено, рывками. […].

31 октября. […]. Вечером гулял с Егором. Побыли около танка, а потом пошли в магазин «Трубка». [На прилавке] одно «Золотое руно» за 70 коп. Махорки нет 2 года, табака нет еще дольше, папиросы бывают редко. Один вид сигарет. Цены подняли, а сигарет не стало. В «Снежинке» – только карамель, больше ничего. Кажется, мы страшно поторопились объявить «развитой социализм». Дело стоит на краю введения карточной системы на многие продукты. А мы от нее отказались в 1947 году, в разруху послевоенную. Теперь загнались «на собственной основе»! Дело не клеится во многих сферах и отраслях. Промышленность снижает темпы прироста валового продукта, сельское хозяйство ни один показатель не выполняет, на строительство не хватает ни средств, ни материалов. Всё это гонит нас в ловушку: многое стали закупать за рубежом, истощая свои финансовые запасы и попадая в кабалу от тех, кому перекачиваем золото и платим проценты от капитала. Всё больший перечень товаров становится дефицитным (и ширпотреб, и продукты питания). Пожалуй, никогда на моей памяти, исключая годы войны, полки магазинов не были такими пустыми, как теперь. Что-то надо делать, но кто будет делать? Все хотят быть добренькими, а это внешнее добро оборачивается злом для народа. Народ судит не потому, что говорят, а что есть на самом деле. И в этих условиях страшно усложняется идеологическая работа. Как всё это объяснить людям, когда сам не понимаешь, где же выход... Он ясен, но не от нас зависит.

1 ноября. Ночью смотрел подаренные мне во время болезни книги хирурга, академика, лауреата Ленинской премии Федора Углова. Знает много, пишет неплохо. Мне нравится его попытка выходить из чисто медицинских рамок на широкий диапазон человеческих отношений. Маловато у нас истинных пропагандистов человеческой нравственности. Чем дальше, тем глубже ковыряются в человеческой грязи. Особенно это стало преобладать в кинофильмах и драматургии.

[…]. После обеда засел за статью о Пензе. Видимо, материал настолько внутри созрел, а сам я оправился от больничной обстановки, что нашел нужную тональность и легко написал 6 страниц. Раз найден ритм, дальше дело должно пойти легче и увереннее. Хорошо бы к концу месяца вчерне (не обращая сейчас особого внимания на размеры) закончить черновой вариант, а потом вернуться к запасам литературы и выписок, чтобы все внимательно взвесить, дополнить, уточнить детали. По телевидению интересная новость: у Соломенной Сторожки открыли бюст Е.В. Вучетича. Сделали его Азгур и Стамо. Может, и музей сделают в мастерской. Буду на сессии, постараюсь побывать в тех местах и вспомнить давно ушедшие дни. Как-нибудь надо записать кое-что о встречах и беседах с Евгением. Он останется в истории культуры.

3 ноября. […]. Зашел приехавший на несколько дней Генрих Куштанин из Кабула. Жалко, что мало времени [на беседу], но в общем-то обстановка там хреновая и тягучая, для нас это может стать, если не стало, как для Америки Вьетнам. Партия НРПА имеет всего около 10 тыс. чел., расколота на две фракции, которые борются за власть и не очень интересуются делом. Сам Б. Кармаль непопулярен, да еще и поддает. Большинство крестьян не поддерживает его. Рабочих 100–200 тыс. человек, опоры нет. Изменилось отношение к нам, [для них] мы все-таки оккупанты. Наши солдаты иногда мародерничают и не очень понимают, за что они должны погибать. [Будучи окруженными] взрывают себя. Земельная реформа ничего не дала: Аллах [мешают религиозные предрассудки] и нет воды. [Был] доп. призыв до 45-ти лет, ушли в Пакистан. Амина угрохали вместе с нашим врачом. Предлагают земли, но никто не идет на них [на эти земли].

В 14.00 встреча с передовиками животноводства. Какие умные и светлые выступления, мысли, предложения! Начала Е. Лобач. Запутано племенное дело […].

4 ноября. […]. В 14.00 – бюро по животноводству. Вместо того, чтобы молотить кадры, надо бы сесть и разобраться, куда и как идти. Глупостей наделали много, а поправлять некому. Стали доить в Камешкире до 1000 кг на корову. Задал вопрос, [оказалось], половина не доится, держится для отчета о выходном поголовье. Выступал. Обидел и переживаю из-за секретаря Городищенского РК КПСС. Извинился [перед ним]. Бывает (это уже от склероза) в выступлении сорвется два слова, и потом покоя нет. Около 18.20 уехал домой. Поспал 1,5 часа, а потом до ночи футбол. Олег Савин подарил книжку «Живая память». Вроде о мордве, а вообще-то о нас.

6 ноября. Хмурый, сырой день, а к вечеру погода немного устоялась. Денисов из музыкального училища. Надо ему помогать достраивать. Назначил планерку.

Звонил из Тамалы Вечкасов. Предупредил его, что 19-го Салманов из Тюмени намерен прилететь с группой и принять Зубрилово. Это доброе дело, спасем редкий уголок прошлого. А.И. Алексеев вручил [мне] значок «За активное развитие туризма и экскурсий». Вводит 20 объектов. Говорит, что Шибаев ругал Богатикова за Зубрилово. И.Д. Уланов – кадровые вопросы по Семенникову и Лисицыну. Сказал, чтобы прорабатывал в отделе. О его выступлении в Вильнюсе. Договорился с зам. министра В.Д. Олейниковым сменить тему на подростковые клубы. В.И. Болдин. Семинар по классам продленного дня. Если делать, надо торопиться. Создавать семейную обстановку: спальни, игровые комнаты. Это нашей области обойдется в 6–7 млн. рублей. Конференцию по дошкольному воспитанию. Надо проверить, что удалось, и идти дальше. О нулевом классе. Лучше бы его в детском садике, школы не готовы к этому. […].

7 ноября. […]. По телевизору и во вчерашних газетах объявили, что в журнале «Новый мир» опубликованы «Воспоминания» [Брежнева]. Стране тяжело, не клеится ни с промышленностью, ни с селом, валится энергетический баланс, провалилась продовольственная программа, на краю краха денежное обращение, а мы сейчас засядем и будем изучать годы детства, первые шаги в рабочих и т.д. и т.п. Зачем это делается? Чем хуже дела, тем больше хочется славы. По телевизору – парад и демонстрация из Москвы. Сложно «неутомимым борцам» подниматься по ступенькам мавзолея. Много портретного в оформлении колонн. […].

9 ноября. […]. «Воспоминания» [Брежнева]. Странное произведение, которое [я] не позволил бы себе опубликовать подобное. Всё о себе, да еще с такой высокой степенью нескромности, что просто диву даешься. И самое поразительное – не сам писал, а те, кто писал, пользуются «старческим недугом».

18 ноября. Днем -5, а к вечеру -8. Всю ночь не мог уснуть и просматривал «Воспоминания» Г.К. Жукова, выдающегося полководца советской эпохи. Он стоял во главе войск, разгромивших японцев под Халхин-Голом, спас Ленинград, выиграл Московскую битву, был организатором окружения немцев в Сталинграде, представлял ставку в Курской битве, взял штурмом Берлин – и за все это три медали Героя и два ордена Победы. А начальник политотдела армии, не принимавший участия ни в одной из решающих битв, [имеет] три звезды Героя и орден «Победа» (правда, спустя много лет после войны). Как это понимать? Возвеличивание «легендарной» 18-й армии, не принимавшей участия ни в одном из решавших судьбу войны сражений, обижают десятки других армий, всех участников Отечественной войны. И всё по прихоти и в угоду одной личности.

[…]. Неприятное известие: в 9.20 на ул. Володарского вошли в квартиру Мильнера двое, ударили мальчика и жестоко избили отца. Взяли золото и хрусталь и смотались. Послал Демина в райотдел. [Уже] было подобное (Западная Поляна, улица Свердлова) – не реализовали, история с Кулинским и «хулиганство», капризность Уланова – она его подводит. Беседа с Кулинским. Послал его в Ленинский райотдел. Много вопросов к милиции. После обеда доклад Демина. Всё темно и неясно. А надо взять [преступников]! Вечером у Веры в больнице. Тянут ее, но говорит, что больно лежать.

21 ноября. Морозец -7. Ночью немного падал снежок, но белого мало, пока серые краски. Вчера по телевизору – торжественное в Колонном зале, посвященное 125-летию Третьяковки. В президиуме – М.К. Аникушин […]. Говорил с Козенюком. Он считает, что затея [с памятником Лермонтову?] пустая: Аникушин не справится, он – камерный. В 10.00 поехал по городу. Посмотрел место стихийного вещевого рынка. Он сегодня пустует. Заехал на продовольственный. Мяса много, в изобилии и до 5-ти рублей. Госторговля и кооперация торгуют картофелем по 10 коп., не берут. А надо ли сейчас им торговать? У Федора. Он постоянно что-то обсуждает с Бураковым. Вопрос о вещевом рынке. Пугает такое сборище стихийного люда в центре города. А делать вещевой не хочет. Напугал Федора. Поговорили о многих других делах. В Москве готовятся к 75-летию [Брежнева]. Не знают, чем наградят, но ходят слухи, что могут присвоить новое воинское звание. Не генералиссимуса ли? Но за какую войну и какие победы? Хотя у нас всё возможно. Не понимаю одного: чем хуже обстановка, тем меньше бы выпячиваться. Это выпячивание раздражает народ, злит его.

Один из признаков неблагополучия в обществе – рост преступности, особенно в ее наиболее жестокой части. Был Демин. Ничего нового по улице Володарского. Звонил в реанимацию. Там очень плохо. Надо находить, а где они? […].

22 ноября. Перед сном прочел книгу «Неотвратимое возмездие». Судебные процессы над Красновым, Шкуро, Анненковым, Власовым и иными предателями Родины. Найдена хорошая формула: «через повешение». В Краснодаре вешали публично. Нам бы сейчас в год одного убийцу повесить публично. Сколько бы мы преступлений предотвратили и сколько бы людей, особенно из молодежи, предостерегли! […].

25 ноября. […]. Сегодня траурный для Пензы день. В 12.30 поехали с Федором в ДК «40 лет Октября», стояли в почетном карауле у гроба Стукалова, бывшего директора завода ВЭМ. Отказало сердце. В 14.00 хоронили из строительного инсти-

тута Мильнера, убитого двоими, которые никак не попадутся в сети, расставленные по всему городу. Милиция работает напряженно, но пока никаких реальных зацепок, хотя версий масса. Все почему-то верят, что в ближайшие дни они должны попасться, если, конечно, это местные. Напряжение достигает предела. Надо выдвигать и новые версии. […].

26 ноября. Опять гололед. Проскальзывает солнце, но все еще неопределенно. Продиктовал еще одну версию по Володарской (смена квартир). Но пока ничего близкого нет, хотя зачистка города кое-что дает. Появились зацепки по квартире Кулинского, что-то по убийству на Пушкинской, но очень глухо по трем ограблениям квартир. Может, все-таки это одни и те же. Есть фоторобот одного. Говорят, похож. Город напряжен, ждет, а мы пока дать ничего не можем. Время и обстоятельства скоро будут играть уже против нас. […].

30 ноября. [В Москве]. Телефонные переговоры с Пензой, звонил Федор. Он тоже будет в ЦК КПСС. В отделе пропаганды. Инструктор Потапов. Если Вася был лодырь, этот что-то постоянно ищет, но не понимает, что найти ничего не сможет, впустую тратит время на раздумья никому не нужные, да и меня втягивает. «Как идет перестройка идеологической работы»? – «А вы знаете, что и как надо перестраивать»? У И. Зеленкова. Состояние раздражительное. Не стесняясь, называет Евг. [Тяжельникова?] «Балалайкиным». В запасе у него 50 слов, но варьирует ими на целые доклады. Такого зава в ЦК еще не было. В.Д. Смирнов, лектор ЦК. Тоже не очень доброе настроение. «Воспоминания» – откровенный субъективизм, нового ничего. Человек, который без бумаги двух слов связать не может, едва ли сам написал. А. Чаковский с бригадой всё сочиняет.

У М. Грамова. Спортивные дела. Позвонил С. Павлову о направлении Ватутина. Команду развалили – надо помогать. Об интервью. Сложно... У Б. Гончарова. Лариса выступила неплохо, но длинно. Много пропагандистского. Опять забивают вопрос, за счет чего содержатся подростковые клубы. Сказал: если хотите угробить дело, забирайтесь глубоко в эти проблемы. Обед с Грамовым.

В орготделе. У Ярцева. Ерзунов, а потом Федор и Виктор. Федор был у К. Черненко. Вопрос о разнице в час... С Мишей – за Латыниным, Вяч. Александровичем и на квартиру к Р. Казаковой. Вечер разговоров и восторгов. Проблемы «элиты». О Высоцком. Что дает популярность? Я [сказал]: «Жертвенность». Весь сгорел в своих пьяных песнях. Он [подарил] игрушки, она – книгу. Уехали в 1-м часу ночи. […].

1 декабря. Разбудил А. Алексеев. О тренере. Удалось раскрыть [убийство на улице] Володарского. Я осторожен. Демин. Отмотал его за то, что серьезное дело

превращают в игрушку, все треплются, распространяют слухи, выбалтывают детали, способные помешать поиску. Запретил болтовню, сказал, чтобы всё закодировали. В Кремль. Гололед. Перед заседанием – Логинов. Мимо прошел Лев. Я демонстративно отвернулся […].

2 декабря. Позвонила Вера, потом Якубовский. В Кремль идти рано, а спать не дают. Погода на улице мерзкая. Туман белым молоком залил улицы и площади города. В Кремле. Как всегда в курилке В. Логинов из Калининграда. Мало остается курящих. Мотается Чурбанов, зять Л.И. Бр. [Брежнева]. Парню 45 лет, но уже генерал-полковник и вся грудь в орденских планках. Многие подходят и подобострастно раскланиваются. Суета. Мне нужно было поговорить о делах, но не мог преодолеть в душе брезгливости к этой картине, не подошел. […].

По завершении сессии в 14.30 встретился в фойе с Ю. Бондаревым, Н. Свиридовым. Опять разговоры о приезде в Пензу. Условились на весну 1982 г. – Н.М. Грибачев, Мустай Карим. В столовой ЦК, потом в строительном отделе у замзава Дмитриева. О восточном отделе БАМа. Лимитов не хватает, а пускать думают к 7 ноября. Какой-то «комсомольский» разговор. В гостинице позвонил В. Стриганову. Мелентьев сказал, что – госпремию. Морально его поддерживают, а глаз не закрывается: болезнь изувечила лицо. В 7.00 – на вокзал. Провожал Валентин, хирург. Едет А. Бархатов. Говорят, уже труп [о тяжелой болезни А. Бархатова].

4 декабря. Мягкий морозец, снега мало. Неужели опять год большой засухи? К 9.00 – в обком КПСС. Черноусов доложил обстановку. Больших событий нет, по Володарского – тишина. Начинают иссякать версии для работы, самое сложное, когда нечего искать. Шилов со своими делами. В 10.30 – на вокзал. Приехали Федор и Виктор. Вся элита тут, я чуть опоздал. У Исаева по «Рубину» ничего доброго. Всё вычеркивают. Четвертаков по проблемам общества «Знание». Есть какие-то не очень доработанные вопросы, смущает драка в стенах этого учреждения. Звонил Гр. Кирьянов о госпитализации А. Бархатова. Его дело совсем плохо, уже не ходит. Дал поручение поискать место в спецбольнице. В 15.00 – у танка на К. Маркса Еще одна задумка воплотилась в жизнь, и танк приобрел новое звучание в день 40-летия победы под Москвой.

В 17.00 – торжественное собрание. Я нацепил медаль «За оборону Москвы». [Выступили] Зикеев, Седов, Федор. Приятно, что эту дату не забыли. Не одна же 18-я армия выиграла войну. По телевизору – торжественное заседание из Москвы. Странное впечатление: речь идет о Московской битве, а добрая половина речей посвящена Л.И. Бр., его 75-летию, борьбе за мир и т.п. Сталина (без имени и отче-

ства) один раз упомянул В. Гришин. С этим 75-летием как бы еще больше не обозлить народ. И без того накалена обстановка. Кое-где есть угрозы забастовок. Фон такой, что лучше бы не славословить. В. Гришин: «объединиться вокруг Л.И. Бр.». Вид неважный. Немного, кажется, осталось юбилеев, если этот – не последний. Впечатление – покойник. Стоять не может.

8 декабря. Снег и мокрая метель. Кажется, зима забелила поля. На бюро обкома рассматривали план и бюджет. Самое неприятное, режут капитальные вложения по социальным статьям: культуре – ничего за 5 лет, обрезали народное образование, жилищное строительство в городах. С одной стороны – курс на благосостояние, фактически – урезание ассигнований. Все за разумное использование свободного времени и ни копейки на спортсооружения и учреждения культуры. Хренота какая-то... Спор вокруг проблем демографии. Никто не хочет грамотно влезть в эту стихию, а она губит и разоряет село, создает дополнительные трудности в городах. Надо подготовить предложения по комиссии. [...].

Е. Субботин, бывший тренер. Уехал в Тюмень, хочет возвращаться в Пензу. Будем брать на хоккейную школу, а может, на команду. Переговоры с ЦК КПСС по спортивным делам. Учинил скандал, что никто не хочет помочь. Был на хоккее. Стараются, а мозгов нет. С А.И. Чернышевым. Пока кругом темно, а решение искать надо. Не ладится дело: очков нет.

9 декабря. [...]. Были автомобилисты. Хорошие фанатики во главе с Горячкиным. Потрясающие ребята. [Договорились] отдать им детсад под клуб, привязать и построить автодром у трека, построить гаражи, дал письмо на запасные части, решили с костюмами с базы. [Говорил] с ЦК КПСС по спортивным делам. Едут и Ватутин, и из Горького Комраков. Вечерам был на хоккее. Начали хорошо, на 21-й секунде повели 2:0, а все-таки проиграли 6:4. Что-то не ладится, хотя играют старательно.

Прочитал В. Катаева «Алмазный венец». Своеобразная книга, своеобразный стиль. Пожалуй, первые мемуары, написанные в таком духе. И узнаешь, о ком идет речь, и он не назван: командор, королевич и т.п. Мне понравилась.

10 декабря. [...]. С Деминым и Черноусовым [съездили] в дежурную часть УВД. [Встретил] Уланов. Порядка мало. Дал команду образовать оперативную розыскную группу по раскрытию сложных преступлений. В Ленинском райотделе. Уланов, естественно, нервничает. Однообразен. Там, где искать мысли, ищет оправдания. Сложно ему.

Встреча с космонавтом Глазковым. Газета. Родители пензенские.

11 декабря. […]. Застрожный и Книгавка по оформлению, техническому оснащению и сценарию выставки одной картины. Задания выданы. В 16.00 – открытие выставки Ю. Ромашкова. Нового и крупного мало – «картинщик» (?). Одобрил и высказал замечания. Надо искать местные крупные темы для картин. В 17.00 – беседа с Ряшенцевым из ВЦСПС. У него спортивные дела. Ничего не просим.

Швечков из профтехобразования. Был у А. Шелепина: «Передай привет Г.В., если он меня помнит»! Интересная мысль о наборе в городские профтехучилища: это насосы, вытягивающие молодежь из села. Надо заткнуть им горло. Есть идея. С Костяхиным по Волод. [преступлению по убийству Мильнера на улице Володарского]. Есть что-либо? Чуть-чуть...

12 декабря. Весь день светлый, а к вечеру – небольшой снегопад. Утром сообщили, что через нас около 12.30 пройдет самолет литер «А». Из Ташкента (вероятно, Рашидов) на Москву с запасным аэродромом у нас. Надо быть начеку. Беседа с Б.Я. Деминым. Продолжаю искать пути более разумной организации патрульной службы и раскрытия преступлений по горячим следам. Следующий шаг – включать службу профилактики. Оторвать от бумаг и заставить работать практически и с пользой. […].

14 декабря. Вчера запись сделал до хоккея, а вечером по программам телевидения было передано сообщение о том, что Ярузельский в Польше объявил военное положение. Решение это было принято в ночь с 12-го на 13-е и объявлено по польскому радио. Власть в свои руки взял Военный совет, запрещены все общественные, профсоюзные организации, противоречащие социализму, забастовки, собрания. Руководители антисоциалистических сил интернированы, в т.ч., кажется, Герек и Ярошевич, которые должны нести ответственность за возникновение кризиса. Объявлен комендантский час. В воеводствах власть перешла в руки военных комиссаров. Момент выбран удачно, о чем свидетельствует растерянность «Солидарности», КОС и КОН. Они ждали сейма и готовились к 17 декабря. Их опередили. Запад пока тоже растерян. Ждали нашей интервенции...

Судя по нашим сообщениям, события в Польше развиваются нормально. Действует военное положение. У наших не хватило терпения: опубликовали «Заявление ТАСС». В нем две особенности: 1) это их «внутреннее дело» – тем самым отрезали себе путь вмешательства при крайнем обострении; 2) оценка наша [а не новых властей Польши], что может смутить поляков. […].

20 декабря. […]. Б. Демин. Удовлетворение, что вчера была «красная суббота» в милиции. Если бы не схватили за магазин и убийство в Октябрьском районе, туго

бы завязался узел. Сейчас могут открыться просветы и на другие дела. Мой вывод: милиции надо постоянно работать так, как она сейчас работает в условиях чрезвычайной обстановки. […].

22 декабря. […]. Во время обеда – спор о капвложениях в сельское хозяйство. Горюют, что сокращают, а где отдача от вложенного? Бухаем деньги в комплексы, а продукции нет. Застрожный и Левков – по выставке одной картины (форма двери). Д.И. Лузгин, быв. секретарь Земетчинского РК КПСС, – о Льве. Эта категория [руководителей районов] трезво оценивает его роль: «Наворочал столько, что 10 лет не разберешься». О Кулакове. [Сгубило] спиртное и снотворное. Говорят, что речь шла о переводе на советскую работу, т.к. не оправдал поддержки, которую ему оказывали: разговор у Бр. [Брежнева] и Суслова.

Совещание по готовности автохозяйств спецназначения на особый случай. Беседа с Улановым, Корневым и Козловым из ГАИ. Дважды прозевали преступников. Для них не очень понятно и объяснимо. А мне понятно: надо работать! Разговор с Улановым: сохранить высокий накал в рабочих буднях.

23 декабря. В Москве снегопады, а у нас гололед. Опять может здорово ударить по озимым. Демин доложил обстановку по области. Вчера за день 6 трупов, два убийства бытовых и автодорожное происшествие. П.Я. Кулькову сказал, чтобы разобрался в Городищенском райотделе милиции. Позвонил. Оказывается И.Д. Уланов уже там и сам разбирается. Это – положительно.

[…]. Дал команду посмотреть в Земетчино деревянный дом кн. Долгоруковой на перенос в Пензу под выставочный зал. Покровскую церковь – делать под зал камерной музыки... Хорошие новости из Москвы («Динамо»). Идет Филиппов, может, Полупанов. Поднимем престиж. Переговоры с Арк. Ив. Чернышевым. Передача по алкоголизму на ЦТV [с выступлением Г.В. Мясникова]. Получилось, хотя хрипловатый после болезни голос. В «Советской культуре» статья В. Сазонова о выставке одной картины. Реклама уже есть, теперь бы сделать хорошо.

24 декабря. Погода не меняется. Морозец -3, гололед, туманы, снега нет. В обкоме. Доклад о прошедших сутках. Самое главное – никак не выйдем на след по ул. Володарского. Да и темно по ряду других преступлений. Образовался поразительный вакуум. В 10.00 – бюро обкома КПСС. Пока утверждали кадры, записал сообщение в «Пензенскую правду» о расстреле преступника. Нам это сейчас очень важно для успокоения общественного мнения. На это рассчитана пословица, да и концовка, что расстрелян, снимает легенды об отправке на какие-то подземные шахты по добыче чего-то. […].

26 декабря. Все проспали. Егор убежал в школу без завтрака. Прямо из дома уехал на ипподром смотреть автомобильные гонки. Раньше не приходилось бывать на таких соревнованиях. Зрелище захватывающее. Пензяки заняли первое командное место и показали себя молодцами. Симпатичные и неизбалованные ребята. Надо их всемерно поддержать. Рождается идея создания клуба автолюбителей. Интерес подростков к этому виду спорта огромен. Есть мысль соорудить в Пензе простейший автодром. Важно найти в районе велотрека подходящую площадку. […].

Федор – об убийстве женщины 75-ти лет на улице Карпинского. Демин пощадил меня ночью, а утром не перехватил. Доклад Демина. Еще нам этого не хватало! Федор [потребовал] отчета Уланова на секретариате. Может, это и надо сделать. Надо встретиться с Щелоковым. Вышел, а Демин ждет – раскрыто. […].

27 декабря. […]. Говорил с Костяхиным. Ночь была продуктивной. Много дали обыски. Вещественно (нож, кровь на одежде, отпечатки на рюмках) закреплено участие главаря в убийстве на Карпинской. Есть указания еще на три дерзких преступления, остававшихся темными. Мелькает в этой компании Виктор, ранее судимый и смотавшийся месяца полтора назад на БАМ в Тынду. Может тот, который был у Мильнера? Где-то ходят рядом. […].

31 декабря. […]. В 12.00 с Федором ездили на открытие 100-го подросткового клуба в г. Пензе. Сами не верили, но сделали. Я обязательство выполнил силой города. Посмотрели еще «Ринг», потом «Сурские клинки» и «Серебряные спицы», в Ленинском районе – клуб бокса и клуб связистов, а в Первомайском – «Олимпийские надежды». Дело доброе, нужное.

[…]. Утром утвердил новые позывные [местного радио]: «За рекой за лесом солнышко садится». […].

Читал «Планету». Рейган объявил нам санкции по Польше. Очень мы завязли и даем себя наказывать. Старик [Сталин] был аккуратнее. Нам нечем экономически отвечать. У нас ничего не берут, а мы должны брать даже хлеб. Все эти санкции – мера неопасная, но может ударить по животноводству и обеспечению населения. Обидно, что не ищем вариантов битья по морде даже в ответных словах. А надо бы, и как следует! […].

1982 год

2 января. Погода опять рассопливилась. Температура плюсовая, по улицам потекло, а после обеда мелкий дождь. К 18.00 в театр кукол «Орленок» с Егором на елку. Посмотрел немного и стало скучно. Ушел к директору. Беседа с А.А. Якобсоном и М.И. Кравцовой. Всё идет неплохо. Укрепляют состав актеров. Дискотека и популярна, и дает чистую прибыль. Что-то затих театр поэзии В. Налобина. О выставке одной картины. Решил [начать] с Ге «Петр и Алексей». Борьба старого и нового. Мрачно, но интересно. Есть над чем задуматься.

Заехал в обком КПСС. Федор только что удрал. Посмотрел «Планету». Всё – вокруг эмбарго по польским делам. Трудно сказать, чем все это закончится. Опасен новый взрыв в Польше. Тогда он примет необратимый характер и едва ли найдется сила, способная его остановить. По телефону – с А. Храбровицким. Доволен открыткой. С Л. Спрыгиной. Она закончила книгу о своем отце. Сказал о Пугачеве. Сразу две находки: подъем от Лебедевского моста к крепости называли [по словам ее родителей] – «Лебедев взвоз» (!). Дорога с востока. Пугачевские виселицы, на которых казнили дворян, стояли на углу взвоза и ул. Кирова, с правой стороны, если смотреть от гимназии, где учился Белинский (по рассказам отца [И.И. Спрыгина]). С Г.В. Ереминым. Взял заявку [письме о допуске] в ЦГАДА и собирается весь 1982 г. посвятить поискам материалов о Пензе. Мужик плодовитый, может, что-либо и найдет. Надо начинать «Пензу первоначальную», но что-то злость не прорезается. Нет вдохновения, хотя есть желание.

С [городом] Горьким – Комраковым В.И. о делах хоккейной команды. Собирается быть 4 января, а там посмотрим. Верю в него, как ни в кого не верил. Хочется сделать шаг вперед. Прозевал, пока болел.

5 января. […]. В 16.00 – в МВД СССР. Щелоков у Тихонова. Позвонил в Казань. Хотел поздравить Садыкова с 60-летием и орденом, но он уже ушел на торжество. Беседа со Щелоковым. Длилась 2,5 часа. Сначала о Лермонтове, потом о престиже милиции и его заслугах. Но – проблема эффективности, патрульно-постовая служба, работа профилактики. Об уголовном розыске. Дежурные части и «горячие следы». Подростки, интернат и «дядьки». Он мне читал выдержки из доклада, что де-

лал в Киеве. Откровенный обмен мнениями. Участковые врачи, но – институт Вишневского. Пирамида раньше и теперь. Сам [Щелоков] написал: выделить 50–70 единиц. Проводил до дверей. Удивлен, что я только влез в детали дела. Продолжение у генерала Никитина. Приедет порученец […].

6 января. […]. В 10.00 начали совещание. Появились Черненко, Устинов, Капитонов. Все встают и даже аплодируют (правда, не очень охотно). Удивительное дело в партии: даже на рабочих совещаниях – парадность. Говорят, что путают военные, которые каждый раз обязаны вставать при появлении министра. Открывал К.У. Черненко. Какой-то невзрачный текст да еще плохо произносимый. Если он – наследник, то становится не по себе за будущее. Особенность – отдельно он приветствует Д.Ф. Устинова. Толковый доклад Огаркова Н.В. (встретились перед началом и установили, что не виделись лет 10). Сумбурный Воронов из Госплана. Поверхностный Цвигун из КГБ СССР. Работа по секциям. Раздали бумаги и надо, оказывается, их переписывать. То же самое делают помощники. Страшно нерациональная трата времени. […].

7 января. […]. В 10.00 – начало совещания. Стоит в президиуме на столе только «боржоми». Значит, будет не тот уровень! […]. В обед зашел к Ярцеву. Рассказал о беседе у Н.А. Щелокова. Есть удовлетворение, что встреча не была бесполезной. Важно ее правильно реализовать. После обеда – пленарное заседание. Появился лимонад вдобавок к «боржоми». И уровень другой. Ведет Капитонов, присутствуют Черненко, Устинов и др. Выступления секретарей ЦК и обкомов. Начали, естественно, со второго ЦК Украины – Соколова. Удачно – куйбышевский Ветлицкий. В заключение К.У. Черненко. Текст написан, от себя ни слова, но так плохо читал готовое, столько «мыкался» и «тыкался», что становится просто не по себе. Какой-то странный отбор – старых, не умеющих говорить самостоятельно и не умеющих даже прилично прочитать готовое. Самое поразительное: всё закончилось, мы уходим, а президиум поздравляет его [Черненко], видимо, с «хорошим» выступлением.

Заскочил в отдел пропаганды к Грамову. Тяну его на охоту. Он в колебаниях. Из отдела прямо на вокзал. Ребята уже в вагоне, хотя места не знают. Провожает Гена. Едет Власов. Он добыл 200 тонн масла. Ушли из Москвы на час позже. Не заметил «Отдых». Здесь уже 19 лет назад погибла в этот день мама. Вечная и добрая память ей!

8 января. Выехали из Москвы, было -23. Долго не мог заснуть, а проснулся уже около Пензы (Рамзай) и обалдел: идет дождь. Какой-то кошмар в погоде. Днем бы-

ла страшная метель, а после 9-ти вечера начало морозить. Нет устойчивости. Дома позавтракал. Настроение неважное. Еще на перроне В. Бураков сказал, что у А. Калинкиной внезапно умер муж, сегодня похороны. Сколько ударов приходится на одну женщину! Года три назад – самоубийство 17-летнего единственного сына, в прошлом году – смерть матери, а этот год начался – смерть мужа. Жалко ее, судьбу не поймешь. Единственная в области женщина – первый секретарь РК КПСС, и столько личных ударов, да и погода бьет третий год так, что летят все показатели. […]. Позвонил А. Калинкиной. Только закончились поминки. Говорит спокойно, мужественно. Выразил ей соболезнование и сказал, чтобы не чувствовала в беде себя одинокой. […].

9 января. Уснуть не смог, подремал 20 минут и всё. Около 3-х решил, что дальше мучиться бесполезно, а читать не хочется. Позвонил в 3.30 Б. Демину и договорился поехать по райотделам милиции проверить ночное дежурство. Город спит. Спит и милиция. Начали с Первомайского райотдела. Заперт изнутри, все спят, помощник кого-то опрашивает. Объедки. Машина неисправна. Сигнал тревоги от банка не сработал. Ужас! В Ленинском райотделе та же зашарпанность, неухоженность, всё на соплях. Вечером избили мужика (у него мать, жена и брат), а никто толком не занимается расследованием.

В очереди за молоком на ул. Кирова. Народ встает около 5-ти. Продавца нет. Разговор о масле. Благодарят, что заботимся. Народ у нас хороший! В ГАИ. Ребята смотрятся лучше. Разговор о сторожевых собаках. Разные мнения. В Октябрьском райотделе. Сообщение о драке с убийством поступило в 6.15, а в 6.45 шофер еще не выезжал из гаража. Кошмар! В Арбековском отделении свинарник какой-то. В дежурной части УВД. Резкое объяснение […]. В 11.00 – серьезный разговор с руководством милиции. Участвуют горком, райкомы, райисполкомы. О беседе с министром. Главные идеи. О результатах «ночного рейда». Разговор резкий, с убедительными фактами. Главное, «надо работать»!

Балалаев с проектом перестройки быв. кинотеатра. Но всё очень мудрено и сложно. Договорились найти время, посмотреть на месте. Около 2-х уехал домой. Спал с 3-х почти до 9-ти. По телефону – В. Енишерлову дал некоторые данные о любовно-поэтическом треугольнике: Евгения Золотарева, Петр Вяземский и Денис Давыдов. В 1984 г. – 200-летие его. Надо бы что-либо придумать в Пензе.

10 января. Морозный день. Здорово забирает. На улице в воскресный день мало людей, детворы вообще нет. К 11.00 – к кинотеатру «Родина». Собралось много, но все жмутся от мороза в фойе. Дал поручение А. Базденковой думать, как

отметить факт поэтического вдохновения знаменитого русского гусара – воина и поэта Дениса Давыдова, которому 16 июля 1984 г. исполнится 200 лет. Вчера читал Н. Задонского. События интересные вокруг этой Евг. Золотаревой, П. Вяземского и Д. Давыдова. Знал ее и Н. Огарев, она – родственница Бекетовых и Блока. Надо, очень надо Денису тоже поставить камень. Весь вопрос теперь, где и какой?

В 11.00 – открытие камня, посвященного Ем. Пугачеву. Он и думать не думал, что через 207 лет в тот самый день, когда от взмаха палача полетела его голова, о нем вспомнят в Пензе и оставят память еще на долгие годы материализованной. И сделает это однофамилец его ближайшего сподвижника, начальника личной гвардии Тимофея Мясникова. И сделал это в 19-ю годовщину смерти своей матери. Как все переплетается!

После митинга – в обком КПСС. Беседа с Юр. Седовым, Героем Соц. Труда, талантливым русским самородком-рабочим. Мысль об обращении к молодым, как им жить. Хочет подумать с А.П. Тарасовым. […].

11 января. […]. Беседа с полковником из МВД СССР, приехавшим по поручению Н.А. Щелокова. Прошу внимательно разобраться и подготовить предложения: о 25-ти постах, о дежурных частях, о питомниках собак и их применении. Уланов стал жестче: отмотал сегодня своих замов, освобождает Бульбу, жмет на дисциплину. Поддерживаю его. На заключительном заседании по гражданской обороне. Виктор сказал короткую, но неплохую речь. Собрал штаб ГО и чекистов и отмотал за формальное и небрежное проведение совещания. […].

14 января. […]. Уехал в Кузнецк. По дороге – интересный разговор с Закиром. Кунаеву первому дали третью звезду Героя, теперь (когда у главного их пять) всем будут давать по третьей. Кунаев преодолел новый для верха рубеж. И кажется, что звезды ему идут подряд. Вторая была год назад. Звезды «падают» с неба. Проехали Ишим. Вспомнил Матрену Смирнову. Где-то на этом кладбище лежит ее тело. Погас талант самобытной русской поэтессы, давшей превосходную «Милую рощу» [о стихах]. Чистяков и Епифанцев – на границе. Сразу заехали в Махалино. Беляков построил отличный клуб, но банк придрался к богатству отделки и не дает премии. Надо искать решение. В Кузнецке сразу на дом культуры. Завершают этот грандиозный дворец. 12 лет идет стройка. Для Кузнецка это богатство. Поставили ряд вопросов, которые надо решать в Минкультуре РСФСР. Думают открывать к 23 февраля. […]. Разговоры о милиции, порядках. Кузнецк надо тоже укреплять постовой службой. Уехал домой пораньше. Дорога сложная. Вернулся около 8-ми.

15 января. […]. Демин со своими делами и кадрами. Потом Н.В. Лагуткин. На понедельник вызывают на комиссию Политбюро по животноводству и подготовке к весеннему севу. Дал ему совет держаться скромно и не выпячивать грудь. Дела плоховаты, и мы в них виноваты. Со ссылкой на беседу Горбачева с Брежневым, идет странная и паническая рекомендация – кормов не будет, всё свинопоголовье (с частью кормов) раздать населению по договорам, а когда вырастят, сдать на мясокомбинаты. Но где держать крестьянину свиней в мороз? чем кормить (не печеным ли хлебом)? будет ли он вообще возиться? Говорят, это «инициатива» Орловской, Брянской, Липецкой обл.! Сказал, чтобы Лагуткин не горячился. […].

16 января. Выехал около 8-ми на Сердобск. Потеплело. То мокрый снег, то острые порывы ветра. Будоражно в природе, беспокойно. Проехал Бекетовскую рощу. Хорошо смотрятся черный Блок и седые от снега старики Бекетовы. На границе Ал. Баракин. Настроен хорошо. Сразу в ГК КПСС. Здесь уже Л. Кудрявцева и др. В 11.00 открыли семинар. Сердобчане успели сделать больше других. На 42 тыс. жителей есть 14 подростковых клубов и два готовятся. Посмотрели их. Направление, правда, самое разноперое. Всё есть и никакой специализации. Появился «Малышок» – девчонки возятся с куклами. Может, тут своя находка: комната, где дети могут собираться и общаться, заменяет утраченный детский коллектив в семье? Посмотрели праздник «Здоровья». Хорошо, красочно, с шашлыками. После обеда – в колхозе «Борьба». Дом животноводов и ремонтные мастерские. Надо закручивать идеологов на дела сельского хозяйства – животноводство и весенний сев. Завершили в доме пионеров. Хорошее выступление Л. Кудрявцевой, а потом минут 20 я заключил. Главное – делать эти клубы повсеместно, включая центральные усадьбы совхозов и колхозов. Уехал сразу после окончания семинара. […].

17 января. […]. Перебирал письма, а это толкнуло на поиск экслибрисов, сделанных для меня и Егорушки покойным А.И. Мищенко. Поразительно добрым и отзывчивым человеком остался он в моей памяти. Отодвинув диван, нашел вырезанные на линолеуме гравюры. Просит прислать какой-то собиратель из Московской области, т.к. готовится выставка экслибрисов, посвященных М. Лермонтову. Надо бы быстро их оттиснуть и отослать в память о Мищенко.

Говорил с А. Храбровицким. Доволен, что напечатали его статью, и он получил поздравление от газеты. Простые шаги изменили настроение человека. Взял телефон Вл. Муравьева, книга которого мне понравилась искательством. Вечером с ним созвонился. Похвалил книгу, пригласил его в гости на пензенскую землю. Он обещал мне прислать свои книги. Читал три последних выпуска «Альманаха биб-

лиофила». История с Нечаевой. Ее муж (гражданский) Дм. Дм. Благой и сын (незакон.) Дм. Дм. Благой. Сына надо бы позвать на 100-летие музыкального училища. Он в войну был здесь, в Пензе, и мать его из-за него занялась Белинским и многое сделала. […].

18 января. […]. Уехал в Башмаково. Церковь в Кевдо-Мельситово. Контрасты: мирская суета и райское блаженство, бренность и вечность, нищета избенок и величие церкви. С границы с Ерофеевым – на Богданиху. Беседа с доярками. Выселили на болото из Поима тех, кто не платил налоги. Народ жадный. Была церковь. Богомольные: «Перекрестюсь и сплю спокойно, а так кто-то шумит». Нет магазина и понимают, что на 46 дворов его не откроешь. Довольны автолавкой, просят приставки к телевизорам. Обещал. Впечатление доброе, но народ наш своеобразен – всё терпит. В Башмаково. По телефону – с Полозовым и Шкуровым о ТВ. Готовлюсь к докладу.

20 января. […]. Н. Лагуткин из Москвы. На комиссии Политбюро ему дали слово, но вместо животноводства Горбачев молотил по итогам прошлой пятилетки. Лев присутствовал и молчал. Даже была брошена фраза: «При вас показатели были лучше!» Николай расстроен, т.к. брошено: «Пора и отвечать за дела в области». Капустян опять возмущался овощами и Дорошенкой. Надо делать какие-то выводы. В 15.00 – совместная коллегия УВД и облпотребсоюза по хищениям в магазинах. Закрутил на всю катушку и сказал, что с 1 марта кража из магазина будет рассматриваться как ЧП и вестись двойное следствие: кто украл и как это стало возможным. […].

21 января. Отличный, мягкий, яркий, солнечный день с морозцем минус 6. К 8.30 приехал в обком. По телефону – с Федором. Его больше всего беспокоит, как отреагировать на замечания Горбачева, что «пора отвечать за провалы в сельском хозяйстве». Оценка лихая! Я предложил 11 февраля собрать бюро обкома КПСС и рассмотреть положение дел в сельском хозяйстве, подвергнув серьезной ревизии пройденный путь и определив основные вехи движения вперед. Он боится этого, да и Лагуткин, присутствующий при разговоре, тоже опасается. А без этого нет движения вперед, есть самотек, игра вслепую. […].

26 января. […]. Фомин и Б. Клинченко. Уславливаемся, что он готовит Аллу Лобанкину на чемпионат мира в Эквадор в июле с.г. Есть надежда на успех […].

Вернулся в обком – известие, что умер М.А. Суслов. Умер вчера в 16.05, а сообщают только сегодня вечером. Нежели трудно согласовать [текст некролога]. У Акимова: кто займет его [Суслова] место? Может, Черненко. Русь обеднела кадрами. Вечером по телевидению: в составе комиссии по похоронам сначала Черненко,

а за ним Кириленко. Кажется, зароют в землю. Почему не сделали в отношении А.Н. Косыгина, а Микояна вообще отнесли на Новодевичье. […].

29 января. […]. Н. Инюшкин [передал] книгу «Данко» с повестью о Кузнецовых. Издана неплохо, очень художественно […]. С Мошниным обсудили идею магазина «Пропагандист»: перенести на ул. Славы, а там [на старом месте] – «Знание». На ЗИФе. Заводной А.И. Иванов делает музей. Но без знатока экспозиции и художника. Да и «идея» музея (пыль, древности) меня пугает. Вызвал Зобнину. Тут же оформили (она на пенсии) на работу в техотдел. Есть опыт создания экспозиции – делала музей Ульянова да и ей это очень интересно. Потом позвал В. Застрожного. Действующий музей должен стать центром трудовой славы, обязательно с ритуалами приема в рабочие и т.д. Показал Иванову ритуал в роддоме. Он понял и загорелся. Ритуал не «стадности», а индивидуальности. Есть поле для поисков. Вечером – Скоробогатова, Слицан, потом С. Инюшкин.

По телевизору – похороны М.А. Суслова. Не думал, что он первым уйдет из «арсенала». В первой тройке за гробом Брежнев, Тихонов и Черненко. Такое впечатление, что путь ему [Черненко] на второе лицо в партии расчистился. […].

31 января. […]. К.У. [Черненко] вполне может стать вторым человеком в партии. Всё стрижется под одну гребенку, а вот подходит ли эта «прическа» под общие цели социализма, это уже вопрос, который мало кого волнует. Постоянно звучит призыв «вперед», а мы топчемся на месте, кое-где даже сдаем позиции. Такое впечатление, что подошло время ремонта дома, а о новом строительстве сложно думать. Надо сначала привести в порядок то, что имеем, разобраться в нем, взять всё на учет, оставить ценное и выбросить хлам, которого накопилось немало, а потом идти дальше, вести новое строительство. Не бросать же то, что обжито, и не начинать же строительство на новом месте. А ремонт очень нужен. Балками придавить может. А они кое-где дают трещины.

1 февраля. Поразительная устойчивость погоды: солнечно, мягко, ни снегопадов, ни метелей. Очень ровно идет всё […]. В 11.00 – доклад Уланова о совещании в МВД. Щелоков многое запомнил из разговора [со мной], взял себе на вооружение и решил наши вопросы: [дал] 70 [штатных] единиц и 25 машин плюс 100 тыс. на строительство питомника для собак. Ерзунову [я] поручил выработать меры «по усилению охраны общественного порядка в г. Пензе». Все силы отдать районам, они их расставят и пусть отвечают. За нами – контроль и управление. […].

3 февраля. Мороз около -18. Снега нет. Опять засушливое лето? Устали от засух. В обкоме с В. Дорошенко. Видимо, вверху всё расставилось. К.У. [Черненко] вчера полетел на съезд КПФ в Париж. Провожал А. Кириленко. Может, к пленуму ближе будет борьба, но кому и как бороться? Нет сил. Все окружено, обставлено, не подпускают […].

В «Нашем современнике», №11 за 1981 г., В. Кожинов: «И назовет меня всяк сущий в ней язык…» Крик русской души о величии русского народа и его слабости, о самообличении и терпимости. Шум [вокруг этой статьи] в Москве: не против ли черненок, кириленок, щербицких, кунаевых и т.п.? Можно делать далекие и практические выводы. На верхах всполошились, вероятно, не напрасно.

7 февраля. […]. Думаю послать письмо Даниилу Гранину, автору романа «Картина». Объявить, что одним из литературных источников, толкнувших на создание выставки одной картины, был его роман. Пусть порадуется человек. Писатель добрый, может, втянем его в наши дела.

8 февраля. Мороз крепчает. Прогноз на сегодняшнюю ночь – до -30 […]. День переписки. Отпечатала Вера, и я отправил письмо Д. Гранину. Потом по телефону – с его женой. Хочу втянуть его в орбиту пензенских дел. Вчера придумал, что идея создания выставки одной картины родилась не без воздействия его романа «Картина». Может, так подспудно и было, а может, только вчера догадался? Хочется поощрить и порадовать писателя тем, что его произведение не только предмет чтения, но и повод для практических дел. […].

9 февраля. […]. В 11.00 Бершадский, Сазонов, Левков и Фомин – по выставке одной картины. Дело движется неплохо. Бершадский здорово выручает. Вникает в детали, оставляет мне наиболее сложные вопросы. Их решаем, но я пока мало вникаю. Один раз был на планерке и внес поправки, дал перспективы для работы по всем направлениям. После обеда [говорил по телефону] с Л.И. Новожиловой, директором Русского музея. Прошу открывать «Взятием снежного городка» Сурикова. И исторично (90 лет назад ее смотрели пензяки), и народно, и нарядно. Обещали держать совет с реставраторами. […].

10 февраля. Опять солнечно, но морозец мягче. Февраль идет, а снега нет и нет. К 9.00 – в обком. Леонид Балашов – замечательный труженик, заслуженный строитель РСФСР. Пришел просить местную пенсию без ухода с работы. Мужик деловой, много сделал для благоустройства города. Предложил ему попробовать республиканскую, а если не получится, местную гарантируем. Доволен. Услови-

лись, что он сделает гранитную лестницу от Первопоселенца к дому выставки одной картины.

Как появился Федор, стало тише в приемной. Рассмотрел судьбу Покровской церкви. Реставрировать часть от XVIII в., остальное – консервировать руины. Подумать, как и куда приспособить. […].

14 февраля. Пасмурно, тепло. Около -2. Спал хорошо и долго. В 11.00 – в обком КПСС. Демин у Федора, согласовывает. Я зашел. Страшно много колебаний. Опять его кто-то уговорил сохранить базар в центре города. Я надавил – просит записку от УВД. Так и живем в колебаниях, вместо того, чтобы возмутиться и заставить делать дело. Хлопочет и храбриться по поводу приезда Льва. Внутри, вероятно, нервничает. Виктор уже на грани психоза. Трудно сказать, чем и как закончится эта встреча на пензенской земле, спустя 2,5 года.

[…]. Позвонил В. Лысову. Поздравил с двумя удачными материалами в одном номере. О. Тельбух хорошо дал о собаках, броско подан материал о порядке на городском транспорте. Обыватель должен чувствовать, что идет наступление по всем линиям. И.Д. Уланову по телефону продиктовал текст сопроводиловки в Москву Щелокову с номером газеты «Пензенская правда». Изобразим, что это – продолжение его мыслей и идей. Может, что и выколотим из него. […].

20 февраля. Мягкая, солнечная погода, морозец, но уже запахи сосулек. Федор уехал на митинг, посвященный пуску водовода на Арбеково. Черноусов – о состоянии дел в милиции: стараются, хлопочут, есть результаты, по Володарской пока нет. Есть группы в Горьком и Куйбышеве, но ничего существенного нет. Л. Кудрявцева о делах минувших. Встреча [Л.Б. Ермина] в Н. Ломове прошла хорошо. Поддали приветствие, да еще и в концерте что-то. Лев доволен, хотя облез и стал бесцветным. В Москве, да и в других городах России, его так не встречают.

[…]. Уланов у меня. Состояние бодрое. Чувствуется, что окрылен и действует. Это – хорошо. В 12.00 – актив работников УИТУ. Плохой доклад Якубовского. Обмен опытом в прениях. Кажется, перестарались в подготовке. Сделал замечание. […]. Беседа с руководством УВД: смелее идти в наступление, поднимать активность милиции. «Маяки» на автобусах сработали – троих задержали. Надо бы быстро дать сообщения […].

21 февраля. […]. Валялся долго, но к 11.00 поехал в обком КПСС. У Федора. Он подробно отчитался о пребывании Льва в области. Страшно доволен. Говорит, что Лев ехал с предубеждением, ему кто-то нашептывает, что после него всё разрушено. А тут убедился, что ничего подобного. Доволен, растаял. Жаловался на

Виктора, что тот не выдержан, не умеет себя вести, торопится, горячится. Кажется, Лев сделал свое дело: Федора переманил на свою сторону, столкнул с Виктором […]. Это на Леву похоже, его стиль. […]. Мне: «Позвони Льву». Второй раз. А на […] он мне нужен!

У себя. Лариса о делах, потом идеологи: остались по формам в 1917 году, не подстраиваемся под содержание, не ищем формулировок процессов, не формируем настроение народа, а он мыслит и всё видит. Самое жалкое положение – идеология. Проигрываем церкви по всем показателям. С Черноусовым. Надо отвыкать от милицейских привычек и начинать жить и мыслить на партийном языке. Сложно, но необходимо. […].

22 февраля. В 9.30 – на планерке. Рассмотрение всяких текущих дел. Доложил о результатах поездки в Тернополь […]. Вера [секретарь приемной] с 7-ми утра успела отпечатать выступление. Доволен, что сам его написал. Есть запас. Собрался домой. Срочно принял на минуту И.Д. Уланова. Найдены часы и шапка Мильнера. […]. Звонок Костяхину. Говорит, что одного из убийц уже задержали и везут в Ленинский РОВД на допрос. Близко к победе!

Улетел с нашим экипажем. Хорошо сели в Москве. С аэродрома на Открытое шоссе к Грише Кирьянову. Нашел его в палате. Доволен. Походили по парку. Жуткая история, как он чуть не погиб из-за ошибки врача. В гостинице «Россия». В ЦК КПСС у Грамова, Гончарова. Выступать на секции дал согласие первым. Звонки из Пензы. Преступление раскрыто. Убийцы – студент пединститута и из художественного училища, 19 лет. […].

23 февраля. Проснулся рано, не стал больше читать текста выступления. Все новые мысли внес перед сном, раза три вскочив с постели и дописав их в текст. Хорошо, что сам над ним работал. К 10.00 – в президиум конференцзала ЦК КПСС […]. Выступил первым. При регламенте 10 минут проговорил перед затихшим залом – 22 минуты и все-таки конец пришлось сокращать. Слушали хорошо. В перерыв поздравляли. Редко, но на этот раз я сам доволен. Может быть, минуты четыре перебрал. Но получилось. После меня – еще 17. Все обязательно ссылались на наш опыт. Он находит всеобщий интерес и поддержку. В 16.00 закончили […]. Поздно – домой. Всякие детали по телефону о Мильнере. Картина становится полной. Главное – преступники арестованы, престиж поднят.

24 февраля. […] К 9.00 – в орготдел ЦК КПСС к Ярцеву А.П. Попросил отметить командировку. Разговор о его пребывании в Пензенской области. [По его словам], положение сложное, но [видна] огромная работа с людьми; мудрое решение,

что уехал к приезду Льва. [Но советовал] позвонить ему: снялись бы нашептывания. Я ответил: звонить – значит, в чем-то извиняться, а я чист. Позвонит он – не буду разговаривать. У меня нет к нему вопросов, да и неинтересно. В моей партийности нет сомнений, а вопрос наших отношений – наш вопрос. […]. Аэродром и отлет на Пензу своим рейсом. Курил в кабине самолета. Три события радостных сегодня для пензяков: 1) возврат [Пензенской области] к московскому времени; 2) подача воды в Арбеково; 3) раскрытие убийства Мильнера, арест преступников.

25 февраля. К 9.00 в обком КПСС. Доклад Черноусова. Некоторые подробности по убийству Мильнера. Шли с четвертого захода. Как неудачники на других квартирах (Пацаева, Мира, Свердлова), да и трусость в трех предыдущих обозлила и ожесточила. «Работали» в перчатках, чтобы не оставить следа. Залегли наглухо, знали, что их ищут, но спрятать все не смогли, да и кое-что уже сбыли, а мы прозевали их. Тут есть вопросы качества работы, но это становится понятным только после раскрытия. […].

После бюро с Улановым и Журавлевым – о публикации сообщения в газете по делу Мильнера. Утвердил будку для постовых милиционеров. Надо срочно делать и с 15 апреля запускать всё в работу. Как в Восточном Берлине поставить в одну ночь и сразу караулы милиционеров. По обывателю надо бить массированно и эффектно…

26 февраля. Погода средняя: ни солнца, ни мороза. Асфальт очищается от зимней наледи. Но весны нет. В 8.45 – в обкоме КПСС. Где тонко, там и рвется: опять вчера попались две студентки педагогического института. В ресторане потанцевали с незнакомыми, а когда один пошел провожать – пытался изнасиловать, сорвал шапку. Не везет Марье [ректору Емановой]. Жалко ее. Вся почернела. Беседа с зам. министра связи РСФСР. Приехал вручать знамя. Поставил три вопроса: о телевидении, особенно в Сердобске и на юге области, о телефонной связи в городе, о сельской телефонной сети. Предупредил Нестерова, что он играет с огнем, обкладываясь бумагами и не занимаясь делом.

В 10.00 – в облдрамтеатре XIX комсомольская конференция. Президиум, оркестр… вспомнил молодость. Пока делал Фионов доклад, написал текст сообщения в газету о раскрытии преступления и аресте преступников, убивших Мильнера. Завтра дадим. Говорил с министром просвещения РСФСР Г.П. Веселовым по поводу вручения знамени ЦК КПСС коллективу пединститута. Ложка дегтя в бочке меда, но едва ли из-за одного подлеца может нести ответственность весь коллектив. В 16.00 созвонились еще раз. Решили знамя вручать, но без особых торжеств.

Дал поручение Антипкину готовить совещание ректоров и деканов по воспитанию студенчества. […].

27 февраля. Хорошая, морозная, солнечная погода. И.Д. Уланов доложил обстановку в Кузнецке. Поручил готовить сообщение о преступности среди студентов и учащихся техникумов. Надо идти в наступление. Сделал замечание по работе дежурной части. […]. В 12.00 поехали в политехнический институт с Антипкиным и Ю.С. Виноградовым. Уже знают, готовы, но… не идем их «маршрутом», избираем свой. Вопросы в аудитории по политике. Общежития. Дежурный. Грязные комнаты. Голодный буфет. Разбитые бытовки. На военной кафедре иные порядки. В поточной аудитории из 20-ти нет 12-ти, двое не записывают лекции. Лоботряс. Консультация, где нет половины студентов. Не уважающий себя педагог. Подвели итоги: 1) много внешней показухи, 2) руководство не занимается черновой работой, 3) в центре [внимания] нет студента, 4) лень преподавателей: только бы платили деньги. Откладываем актив на апрель. Надо дать время навести порядок, и заняться делом. […].

28 февраля. Спал долго, потом занимался книгами, накопившимися за последнее время. Расставил всё по полкам. Читаю, просматриваю, но мало. В 15.00 с Мишей и Егором в цирке. Программа средняя, больше гимнастики. Сонные кролики и петухи. В «Союзгосцирке» скандал: за валютные махинации арестован руководитель Колеватов. Говорят, что при обыске изъяли 490 тыс. рублей. Поборы с цирковых групп, выезжающих за границу. Глупая телеграмма «о коллективщине» быв. мужа дочери Л.И. Бр. [Брежнева] – Героя Соц. Труда Мулина. Кого ставить на освободившееся место? Выдвигает себя, а ему 72 года! Хренота какая-то наверху. Хорошо, что наш Николай не ввязнет. Вроде спокоен, а там кто знает… […].

На совещании в ЦК подошел Абуков А.Х. Рассказал, что внес предложение в орготдел ЦК КПСС назначить меня председателем Российского совета по туризму, но с ходу дали отбой. Он так и не понял, почему, считает, что раз произошли перестановки... Когда в Пензе был Шевелуха, то рассказывал, что на советника в Афганистан в одно со мной время вызвали и второго секретаря Минского обкома КПБ Фомича, который в мои же годы был на комсомольской работе и со мной вместе кончал ЦКШ при ЦК ВЛКСМ. При перестановке в обкоме партии его не выдвинули на первого. Комбинация сложная, правда, не знаю ее порядка: Харазов – я и Фомич – Веселов. Все комсомольские работники одного времени. Если звезды зажигаются, значит… Идет откровенное гонение на целое поколение комсомольских работников, которые ни в чем не виноваты, а что касается отношения к делу, любви к

Родине, могут дать кое-кому и хороший пример. Трудно понять, как могло случиться, что Н.А. Михайлов, проведший всю Великую Отечественную войну на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ (а сколько подвигов совершили комсомольцы!) не упоминается ни разу в 12-томной истории Второй мировой войны. Есть все, даже начальники политотделов армий, а его нет. А он был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС, секретарем МК КПСС, министром культуры СССР, послом в Польше и Индонезии, а недавно исполнилось 75 лет. Не только ничем не наградили, но и слова доброго не сказали. В. Семичастный, рисковавший жизнью во время освобождения Н. Хрущева, т.к. в его руках было КГБ и 9-е Управление, сослан был на Украину, сначала первым замом, а потом просто замом предсовмина Украины, – единственный, кто не избирался делегатом съездов партии. Со слезами на глазах каждый раз выезжал к оставшейся семье в Москве только по личному разрешению В. Щербицкого. Теперь кое-как уломал, чтобы его взяли в Москву зампредом общества «Знание». Н. Романов, почти всю войну бывший секретарем ЦК ВЛКСМ по военной работе, поставивший советский спорт на государственную ногу, ставший потом секретарем ВЦСПС, теперь за ради бога выпрашивает место в загородной больнице и путевки в санатории для сердечных больных. Всё это и непонятно, и возмутительно. Всех нас кто-то в ЦК КПСС держит на постоянном прицеле и не пускает никуда, кроме Афганистана. Я где-то в середине, не у самой верхушки. Но прочно держат в Пензе, как декабриста в ссылке, и ссылка эта продолжается 21-й год. Так привык и прижился, что и трогаться уже не хочется. Да и время не зря потеряно: многое сделано для Пензы, моей родины, моих земляков, и это вызывает в душе чувство удовлетворения и исполненного долга. Многим я поставил великим землякам камни, отметил их след на пензенской земле, а на их следах останутся и мои отпечатки. В это я верю. […].

У меня постоянное ощущение, что мы стоим на перепутье, у истоков новых процессов, явлений, событий. Внешне безразличие не может быть вечным. Оно – признак предстоящих бурь. Утратив энтузиазм, мы рождаем его противоположность, но и ее отвергнет новый энтузиазм, но на какой-то иной основе. Черточки, знаменовавшие отступление, развились в абсолют, и в этом диалектическая необходимость его естественного и насильственного отрицания. Развитие пойдет через этапы: недоумение, критика, отрицание, борьба. В политической области – недоумение, в экономической – уже критика, в литературе и искусстве – нигилизм, мелкое копание в недостатках, отражающее общую неудовлетворенность.

4 марта. Одержали еще одну краеведческую победу: вчера сообщили, а сегодня подтвердили, что тысячекоечной больнице присвоено имя Захарьина. Тянули

долго, но истина восторжествовала, и мы его увековечили в памяти потомков. Так поставили еще один камень пензяку. Сказал Самохвалову, чтобы думали о митинге, бюсте и уголке памяти. Вчера до 1 ч. ночи смотрел футбол, а потом читал В. Шкловского «Энергия заблуждения». Какой-то из 20-х годов формалистический трюк, замешанный еще и на старческом маразме. Нудно. […].

Вчера из Москвы – Дорошенко. Там кадровая паника: много будут менять. Считает, что Соломенцева не будет, и бесполезно с ним встречаться. Не рванет ли Льва в этой шумихе? Уход Суслова, которого боялся и Брежнев, может развязать руки украинской группировке, и они на многое способны. Такой вариант не исключается.

В 14.00 – на Васильевскую птицефабрику. Посмотрел инкубаторий, цыплят и утку. Однобоко: 23 млн. – в производство и 1 млн. – в быт. Поселок у трассы для делегаций у Эйдлина, а сюда везет на автобусах. И тут однобокость во имя показухи. В 16.00 вручил знамя. Откровенно о хорошем и плохом. Беседа с Верхолетовым, директором фабрики.

5 марта. […]. Созвонился с К. Вишневским. Переслал ему конверты с XXVI съезда КПСС. Он в восторге. Напомнил о статье, да и я решил эти четыре дня побыть дома и попробовать сделать первый вариант статьи «Пенза первоначальная». Начал писать, и все пошло как по маслу. Или силы восстановились, или материал в мозгах накопился и отсортировался, но работа пошла полным ходом. Если не собьюсь, то к 9 марта, может, и дошибу вчерне. А там надо просто редактировать.

По телевизору – интересные вещи. Торжественное собрание, посвященное женскому дню. На первом ряду из руководства только трое: Брежнев, Тихонов и Черненко. Остальные на втором ряду. Кириленко что-то не видно. Объявлено о пленуме ВЦСПС. Шибаева освободили «в связи с переходом на другую работу», избрали С. Шалаева. Участвовали Черненко и Капитонов. Может, новая эра начинается. Нехорошо, что во главе профсоюзов встал малоизвестный деятель, которого никто толком не знает ни в партии, ни в народе. Какие-то элементы не кадровой, а иной политики. В «Правде» указ о награждении В. Щербицкого орденом «Октябрьской революции» за дела в сельском хозяйстве. Каждый год дают награды, вопреки собственным установлениям.

6 марта. Не знаю, какая сегодня погода: на улицу не выходил, видно из окна, что влажно, и снег оседает, но это только из окна. Второй день не бреюсь. Страшно на себя смотреть – начинает отрастать борода и в ней волосы белые. Если бы

отрастить бороду, стал бы стариком с седой бородой. И дело не в насморке, который сегодня, кажется, утихомирился, а в том, что я увлекся статьей о Пензе и работаю. То, чего не удалось сделать за 3,5 месяца болезни, хотя и пытался себя заставить (вероятно, давала себя знать болезнь), написал за два дня усидчивой работы, не отрываясь от стола, хотя Вера и Егор мешают и путают. Больше того, хотел написать «Пензу первоначальную», а занял предельный размер статьи рассказом пока только о пензенской крепости. Поставив точку на 28-й странице рукописи, переделал заглавие на «Пензенскую крепость». Завтра подумаю: может, лучше «Крепость Пенза». Есть кое-какие стилистические огрехи, кое-что надо будет поправить, но основа статьи создана и даже есть задел в мыслях о еще одной статье – «Городские поселения Пензы», ее слободы. Или «Пензенские слободы», или «Слободы Пензы».

Обалдел от хитрости и находчивости Егора. Он, играя у меня в кабинете, подсмотрел набор фломастеров. Начал с нажимом требовать, чтобы я отдал ему. Отказал. Вера научила подойти ласково. Отказал. Он ушел в столовую, через несколько минут несет металлическую вазу: «Я же тебе ее подарил, пусть у тебя и стоит». И тихо: «А ты мне не подарил». Ушел. Пришлось дарить.

14 марта. День воскресный, яркий, но я ни на минуту не выходил из дома. Вчера ночью мучался со статьей «Крепость Пенза», лег только в шестом часу утра и, хватив снотворного, провалялся до 12-ти дня. Поднялся. Звонил Н. Черноусов. В Пачелме подрались военные строители со штатскими. Обошлось просто хулиганством, без трупов, но факт неприятный. Послал инструктора Филина разбираться на месте. Созвонился с Идой Стукаловой. Условились, что они возьмут на комитет вопрос о хищении из магазина в Колышлее и накажут зав. райпо и начальника милиции вычетом из окладов. […].

Читал «Правду». Своеобразно. За успехи в сельском хозяйстве присвоено по РСФСР звание Героев Соц. Труда 14-ти: из них русских – 7, украинцев – 5. Естественно, Соломенцеву ничего не дали, хотя отметили Щербицкого, Рашидова и Алиева […].

16 марта. […]. Занимался делами милиции. С генералом армии Яковлевым договорился немедленно ввести в батальон милиции 5 собак, а на будущее еще 10. Вызвал батальон, а нужен приказ. Позвонил в Куйбышев. Там просят приказ из Москвы. С Виноградовым, Симоновым и Журавлевым обсуждали порядок проведения процесса по убийцам на Володарской. Нужно хорошее воспитательное зна-

чение процесса! Со Шкуровым – по делам ДАСААФ. Поручил Крышову выступить шефом морской школы подростков. Рано уехал домой. Стал явно уставать. […].

18 марта. […]. От замены Ше на Ши, а Ши на Ша – рабочему классу ни шиша. Подбирают не самых способных, а себе подобных и потому угодных и удобных. Ше-Ши-Ша – профсоюзам ни шиша. От Ше-Ши-Ша рабочему классу ни шиша. [Обыгрываются фамилии бывших и нынешнего председателя ВЦСПС Шелепина, Шибаева и Шалаева]. […].

19 марта. Солнечно, но прохладно. Морозец сдерживает наступление весны, и это хорошо при нашем бесснежье. Около 9-ти поехал на Малую Сердобу. Давно знакомая дорога. В Бекетовской роще на березах хлопочут грачи. А. Блок и деды его смотрятся хорошо, навечно. Надо весной заняться благоустройством и всё дотянуть до конца, поставить точку (дерн, скамейки). Может, уже в это лето провести «День лирики». […].

24 марта. Сумасшедший день сумасшедших нагрузок и напряжения, ни минуты передыха. В 9.00 – у Федора. Зубков нудит по делегации в ВНР. С ходу назвал А. Варламова – управление торговли и А. Ерохина – Колышлей […]. В 9.30 начал прием посетителей. 25 человек, столько же тяжелых обстоятельств. Особенно – 8 человек, живущих на 20-ти метрах. Дал поручение запросить, разобраться и мне доложить. Вымотался здорово, хотя всего чуть более 2-х часов затратил. Хотел передохнуть, но дверь не закрывалась. Б. Чернов – по поездке в Тбилиси. Зобнева. Об иссинском первом. Надо его ставить на место. Демин по своим делам. Материал к пленуму обкома КПСС. Придется самому писать. Кропачева – о выступлении в Тбилиси. Первая часть получилась, вторая идет плохо. Дотянуть и отправлять в «Партийную жизнь». Бутов – о делегатах съезда общества «Знание». [Бутов] прочитал «Крепость Пенза». Есть пометки, но замечаний нет. Он – краевед. Комраков о судьбе «Дизелиста». Калашников, рук. хора Гришина, – неудачный визит. Маневич – хорошая модель «выставки одной картины». М. Сидоренко. Книга мужа и дела художественной школы. Л. Нестеров и о возможных вариантах решения проблемы трансляции телевидения. Есть намеки. Перечислил не всех. Но и одного перечня достаточно, чтобы обалдеть за день. Около 7-ми – на хоккей с Мишей, Геной, Егором и Кириллом. Хоть чуть подышал воздухом.

25 марта. […]. Вчера был звонок из «Лит. газеты» В. Помазневой. Д. Гранин начал «клевать». Она предлагает организовать на целую страницу дискуссию по книге «Картина» под моим председательством. Идею «одной картины» считают гениальной. Приедет Д. Гранин. Дал согласие на май. Утром в обкоме. Беседа с мос-

ковскими художниками по оформлению музея в доме Мейерхольда. Ничего подобного, аналогов в мире нет. Предупредил: это не музей Мейерхольда, но и не плюшкинское собрание вещей. Надо найти что-то уникальное, вкусное. […].

28 марта. […]. В 12.00 – в зал «Юность» на бокс. Народу такая масса, что еле пробились, а вот закрыть дверь после нас пришлось вызывать милицию. Интересные бои. Самое приятное – студент нашего пединститута Олег Кулагин стал чемпионом молодежного первенства СССР. Подошел после победы счастливый. Я его поздравил и тут же условились с Федором наградить его почетной грамотой обкома. После бокса – размышления о тренере. Называют какого-то еврея из Череповца. Судя по запросам, мужик настырный. Не приобретем ли еще одного «сосуна» от спорта? Сказал Ю.С. Виноградову, чтобы думал, не торопился. Дома. Страшно хочется спать, а потом бы засесть за доделку статьи, но и в воскресенье нет покоя. В 18.00 – 25-летие Пензенской филармонии. Пришлось выступать, как эстрадному певцу, прямо у микрофона на сцене. Сравнил с физиологией человеческого организма к 25 годам: заканчивается увеличение клеток, наступают качественные перемены. Они есть, но надо идти рискованнее, смелее, не ударяясь, правда, в крайности. Вручил грамоты В. Аношиной, А. Шуватову и А. Постнову. С поцелуями… Первая часть концерта отличная. Потрясающий оркестр народных инструментов. Хороший голосок у одной певицы, эстрадная же часть и по́шла по виду, и невыносима от какофонии звуков. Слов не слышно, гром и грохот.

29 марта. […]. С Петровым [ЦК КПСС]. Поздравил его с победой по Захарьину. Он доволен, обещал прислать свою книгу. Вечером беседа с В. Сидоренко. У него тоже противоречивое впечатление от Рафикова: молод, театрален, но как получится? Мучаюсь и не нахожу ответа. Посмотрели «Выбор». Решил о прописке сына Сидоренко к бабушке. Его родословная – из Беково по матери.

31 марта. […]. В 10.00 – секретариат обкома КПСС. По всем вопросам пришлось выступать. О ревизионной работе. Растаскивают массу добра и денег. Это становится бедствием, особенно в сельском хозяйстве. Долги достигли к ссудам 2 млрд. руб., а убытки только по 1981 году – 268 млн. при вале в 700 млн. руб. Нет ведомственного контроля.

О здании горкома и горисполкома. Ерзунов вместо того, чтобы строить три года, теперь, когда запретили, взваливает на нас. Я сказал, что это здание – памятник беспомощности горкома и горисполкома. Брать деньги в Худфонде – [значит], залезать в чужой карман, но строить нужно и надо искать варианты. После обеда – проект оформления станции Амгунь на БАМе. Давно возимся, надоело. Продикто-

вал, что и как надо делать. Больше смотреть не буду. Возня с мрамором, будто возводим мавзолей. Отмотал Слицана за «посещение» сборища у Массова – непризнанного гения, таящегося в подполье и не умеющего рисовать. Боюсь я этих клубов творческой молодежи, создаваемых евреями. Добром это не кончится. Лариса от Мильчакова. Говорит, что он обалдел [от увиденного].

Возникли вопросы, что со смертью М.А.Суслова партия лишилась крупного теоретика. Думаю, что вывод и неосновательный, и скоропалительный. Если быть откровенным, покойный ни в какой степени не может, по крупному счету, рассматриваться как теоретик вообще и теоретик партии в особенности. Задаешь себе вопрос: а что нового он внес в теорию? Нет ответа, нет и намека на его открытия. Считать, что он разработал теорию «развитого социализма»? Но понятие это ввели в оборот немцы из ГДР. Выдвинув понятие, прикрепив его к нашей действительности, никто толком не расшифровал, что это такое в теории, а тем более в нашей практике. Вообще у нас после Ленина плохо с теорией. Сталин сделал немало открытий, правда, носивших больше обоснование им же творимой практики. В конце жизни написал «Экономические проблемы социализма в СССР». Но и он был бессилен создать программу партии и даже не стал делать доклад на XIX съезде партии. Н.С. Хрущев не своими руками создал программу, но многие ее положения вызывали и тогда удивление, а теперь рухнули под тяжестью практики. После него всё перешло в цитатничество, закручивание пышных фраз без каких-либо серьезных попыток осмыслить настоящее и теоретически обосновать будущее.

6 апреля. […]. За обедом скандал с отводом 4 га земли под вещевой рынок. Отмотал сначала Буйлова, потом Овтова. Распоясались, что начали на наши решения писать записки в народный контроль. Огареву сказал, чтобы вернули эту записку. Хамство. Желающих делать нет, а мешать – сколько угодно. Позвонил Ю. Виноградов: [заведующий] облфо дал поручение проверить подростковые клубы, их содержание и штаты. Еще одно хамство. Отмотал по телефону В. Суконцева. Лезут, куда не просят, а где надо, молчат. Абсолютно непонятная позиция.

В 17.00 принял мордовских писателей К.Г. Абрамова и Т.Ф. Якушкина. […]. Утром был К.Д. Вишневский. Посмотрел статью, сделал два-три толковых замечания. Отослал ее в «Пензенскую правду». Можно теперь печатать. Вечером – в больнице у И.А. Хлыстова. Поддержал его. Сказал, что оставляем депутатом и начальником. Знаю, что он этого ждал. Я опоздал. А может, как раз явился – сложно у него с сердцем.

7 апреля. […]. Был Лысов. Статья понравилась. Сделал кое-какие полезные поправки и в четверг начнет ее печатать. Опять событие в краеведении. Около 15.00 уехал домой. Надо посмотреть доклад […].

По телефону с Г.В. Ереминым. Согласен, что я взял его факты. Благородный парень. С Вишневским. Чертеж. Но как собор «на Маркса» [о памятнике] сажать? Нет выхода. Читал еще раз, говорит, интересно.

10 апреля. […]. Был у меня Б.И. Чернов. Определили новый округ в Октябрьском районе. Надоело «иметь» халупы и мучаться с заявлениями. Спросил о грусти в глазах. Ковлягин рвется из Москвы на его место. […]. Обидно ради чужой прихоти оставлять место. Федору надо бы нажать на ЦК КПСС при очередном заходе. […]. С Симоновым – о процессе над убийцами Мильнера. Впутался третий. Жалко, но тоже надо судить. Вопрос о режиссуре суда. Расчет и воспитательное значение! Важно сыграть даже внешней обстановкой на публику […]. В 19.00 – спектакль «Выбор» Ю. Бондарева. Экзамен Рафикову. Сделан добротно, в наших традициях. Слаб Васильев, сочен Смирнов (Лопатин), гениальна сцена встречи с матерью (Лозицкая). Поздравил. Хорошая Мерц. Сделал замечание – кульминацию усилить диалогом Лопатина. О главреже. Визи.

18 апреля. Пасха сегодня. Как говорили в старину, «светлое Христово воскресенье». […]. Шевкуненко, Темногрудова одобряют язык [очерка об истории города]. Читается с интересом. Циер от имени рабочих требует опубликовать схему старой крепости, чтобы легче было ориентироваться. Хочет писать в «Пензенскую правду». Завтра буду в Саратове. Рождается идея дописать «Посад и слободы» и сделать на основе трех статей с кое-какой переработкой книжку «Велено город строить на Пензе…». Может, что и получится. Уже собирается цельный материал.

20 апреля. [В Саратове]. День теплый и солнечный. Хорошо, что захватил плащ. Попросил до 12-ти дать время посмотреть лекцию. Никуда идти не хочется. Прибежал В.И. Чеботаревский, всякие мемуары, разговор об Алексее Шибаеве. Никто толком ничего не знает, а судят, разбирают. В общем, не пошло у него, да и публика там не, ах, какая: Прохоров, Бирюкова – все бегают в ЦК. В 12 – в [высшую партийную] школу. Родионов. Беседа с Асташиной из Бессоновки, двумя Поповыми и белинской [В. Панькиной]. Условились о их будущем. В 12.40 – лекция. Час до перерыва, потом еще 1,5 часа. Встал на волну откровенного, задушевного разговора. Опять немного сумбурно, нет жесткого костяка логики при пухлой внешности словесной, но слушали хорошо и аплодировали бурно. […].

21 апреля. Поднялся перед самым завтраком. Заехали Иванов и Баранов. Обычное питание, диетическое. В спецбольнице на 200 (!) коек со своей хирургией и даже реанимацией на 5 коек. Лечат и республиканских пенсионеров. У Колчина – директора «Приволжского издательства». Оставил ему номера «Пензенской правды» с моими статьями, условились, что в 1983 г. сделаем книгу. В горкоме партии. Беседа о борьбе с преступностью. Сыплют хорошими показателями, а примеров нет. Понравилась идея конной милиции и рассказ о балашовской колонии. Клубов [подростковых] назвали 120, а показать не смогли. В картинной галерее им. Радищева. Здорово всё отреставрировали, богатейшее собрание, масса потрясающих картин и никакого времени [посмотреть]. Директриса – о «легенде» среди музейщиков по поводу моего имени. Условились, что она даст несколько картин для выставки. На Соколову гору. Обелиск павшим в войне. Сил много, место хорошее (если не считать рядом действующего татарского кладбища), но идея банальна – журавли. Уже было где-то. Сомнительны и 178.362 павших «на нашей и чужой земле», и перечень городов по годам сражений, Москва, почему-то в 1942 году. Обед с Ивановым. Масса мемуаров – признак старости и хлестаковщины – и выезд из Саратова. Вело ГАИ. Петровские встретили, но избу проехали. Редин на границе. Чай у него. Озимые хорошие. Мучает туберкулез коров […].

22 апреля. […]. Приехал Федор из Москвы. Доволен, что побывал у Черненко, Капитонова, Смирнова Л.В., Флорентьева. Весь светится от радости. Его можно понять: установил контакты, завязывает дружбу, укрепляется. Закончили около 3-х […]. В 18.00 – в театр на торжественное собрание. Хороший доклад В. Огарева. Концерт Октябрьского района. Пьяный трубач просит еще написать о Пензе. Видно, читал мою статью. С Визи и Рафиковым. Отелло и Яго […].

23 апреля. […]. Был Чернов. Просматриваем всякие варианты. Скорее всего, А. Калинкину – на зампреда, Юрия Виноградова – на облплан, а Сысова – на пенсию. Говорил с Кудрявцевым из ЦК. Там скандал по поводу женщин, отступать не дают. Жму по всем линиям. С Жуковым – по всяким дачным делам. Увлекаются ребята: начали из кирпича двухэтажные дачи возводить […]. Чернов это подтверждает. Надо ехать смотреть, а связываться не хочется. Но что делать? […].

29 апреля. Погода хорошая, тепло, солнечно. Сегодня, пожалуй, самый разворот первого этапа полевых работ – боронования зяби. По оперативке, забороновано 300 тыс. […]. В 10.00 – смотр пензенской милиции. Лучше стали, подтянулись, научились ходить и равняться. Поздравил их с праздником. С Деминым и Жуковым провели разговор о ремонте стадиона «Труд». Лет 10 тянут, так и не получается

ничего. На садовом участке. Пишут жалобы [на начальников]. Посмотрели. Немного Овтов выпер с двумя этажами, а так – беднота и грязь, земли мало. У Буйлова – бункер из бетонных плит. Повода для большого разговора нет. Немного [был занят] хоккеем. Опять [хоккеистов] гребут в армию. […].

30 апреля. […]. Загадка с Лидией Руслановой. Только что прочел книгу «Лидия Русланова. В воспоминаниях современников» («Искусство», 1981 г.). Года два назад мне рассказывали в Камешкире, что она – дочь помещика одного из сёл, входивших в Саратовскую губернию. Звали ее – Адель. В революцию пропала. А кто-то из односельчан попал на I съезд колхозников-ударников и узнал ее, когда выступала на концерте. В селе сказал: «Наша Аделька здорово поет, но фамилия ее другая». В прочитанной книге масса кричащих противоречий, вероятно, лишь подтверждающих, что она прятала путем мистификации свое дворянское прошлое. Судя по отзывам ее знавших, она была склонна к мистификации. Не вдаваясь сейчас в подробности, которые требуют изысканий в архивах, отметим лишь наиболее кричащие и наводящие на раздумья «за» и «против» камешкирской версии. В статье Н. Смирновой утверждается, что родилась она [Русланова] в том же селе, что и Ф. Гладков, т.е. в Б. Чернавке. Края саратовские, но знают ли об этом в селе? Я был – никто не вспоминал. Дата рождения – 14 октября 1900 г. Но [в книге воспоминаний] идет цитата из ее [Руслановой] статьи «С песней по жизни» («Советская эстрада и цирк», 1968 г., №7, с. 6): «Началась русско-японская война, отец на ней так и пропал. Мать начала работать в Саратове на кирпичном заводе, а меня взяла к себе другая бабушка». Ни имени отца, ни бабушки, ни в какое село… Потом мать умерла. «Лет семи попала я в сиротский приют, окончила три класса – программу церковноприходской школы. Это было мое общее образование. Регент... взял в церковный хор. В церковном хоре я быстро стала солисткой». «Жизнью стала мебельная фабрика. Девушку назначили в полировщицы». «В шестнадцать – ее первый «официальный» концерт». «Лет в семнадцать я была уже отличной певицей… Поступила в консерваторию». И т.д. А в статье И. Прута: в церкви слушал [пение своей дочери, Руслановой] солдат. [Значит, это было в] 1908 г.

– Этот солдат был… мой отец! Он всегда приходил меня слушать!

– Жив ли твой отец? Где брат и сестра?

– Не знаю. Вот встану на ноги и начну всех искать.

Забавно [вспоминает] А. Ревельс. Русланова хочет показать приют в Саратове, где воспитывалась, и не может найти. «Все-таки печально не найти тех мест, где прошло твое, пусть невеселое, детство».

1 мая. […]. Нашел записную книжку от января 1980 г., в которой пометки о Л. Руслановой. Они, кажется, близки к истине. Она – дочь помещика из села Порзово Платона Любовцева. Имя – Аделаида. [У нее] были братья Николай и Владимир. Спиртзавод открыли в 1914, а в 1917-м сожгли. С матерью [Русланова] убежала в г. Петровск. Мать там умерла. Отец побирался в Саратове. До краха [Октября 1917 г.] училась где-то в консерватории, только летом появилась в селе. Пела с деревенскими. Ее любимая песня «Окрасился месяц багрянцем», «Мальчишечка-разбедняжечка». Все добро забрал управляющий Парусинов и не отдал. Скончался в Саратове. Пела солдатам. Увидал ее на Первом съезде колхозников-ударников Михаил Филиппович Логинов, председатель колхоза «Комбайн». Дочь Николая [брата Адели] в Пензе [работал?] врачом.

2 мая. […]. Думаем, как увековечить Дм. Каракозова. Стрелял [в царя], повесили, а мы забыли. Надо что-либо придумать в селе. Но надо там побывать, всё посмотреть на месте. Подъехал Абрамов. Вопросов к обкому нет. Просьба по удобрениям под кукурузу. Я высказал свое мнение, что тянут с боронованием озимых, а он: «Хлеб уже есть!» Абрамову – о Руслановой. Тот обещал спросить в Чернавке. Вообще-то нет вопросов для поездки в район, а без идеи ехать просто так – скучно и нудно.

3 мая. […]. Дал задание искать ответ на загадку Лидии Руслановой. Партархиву (Мочалову) – проверить делегатство на Первом съезде колхозников-ударников председателя колхоза «Комбайн» Михаила Филипповича Логинова и [был ли] концерт. Архиву ЗАГСа проверить рождение 14 октября 1900 г. в семье Андрея из Чернавки дочери Лидии; установить по порзовским церквам рождение у помещика Любовцева Платона детей Николая, Владимира и Аделаиды.

5 мая. […]. Лидии [Руслановой] в Чернавке, естественно, нет. Любовцевы в Порзово есть. Пока [выявлены] отец Платон Николаевич и сын Николай Платонович. Аделаида не попадается. Может, в Петровске?

6 мая. […]. С чекистом – на Камешкир. Передали документы из архива Порзова. Были Любовцевы, но не всё с ними ясно. Что Русланова не родилась в Чернавке, теперь подтверждено данными архива. По церкви, Лидии нет за 1890–1900 гг. Но и где она родилась, сложно сказать. Был Владилен Мочалов. Показывал фотографии к «Очеркам истории Пензенской областной парторганизации». Подобраны случайно, подлинных почти нет. Не будем публиковать. [Мочалов] нашел председателя колхоза «Комбайн», но его перед Первым съездом колхозников-ударников сняли с работы и исключили из партии. Детектив. […].

9 мая. Трудно просыпался. Вчера «загуляли» до 2-х ночи. Разговор интересный и очень полезный, особенно Рафикову. Доволен, хочется, но опасен «максимализмом», стремлением обязательно «самовыразиться», пройти «особый этап», а это не нужно. Нужны хорошие, добротные спектакли, чтобы потом другие сказали, что обозначился новый этап. Этапы делают, а не декларируют. Декларации – удел политиков. Чтобы осуществлять революции – надо иметь вождя, партию, программу и массы, разделяющие ее, готовые пойти в бой. У Рафикова этого пока нет. Надо стать вождем, а для этого требуется время. Не надо торопиться.

[…]. Возложение цветов к памятнику Ленину. Массы народа с венками на кладбище. В 12.00 – у памятника на проспекте Победы. Ритуал сложился, шлифуется. Тысячи людей собираются на улице, стоят на балконах. Минута молчания – площадь замирает, только шелест флагов. От памятника – в горком партии. 2,5 часа бестолкового сидения за столом и тостов об одном и том же.

Звонил в Камешкир. Жарикова, старуха, жива. Надо ехать и еще раз спросить. Просил подобрать стариков и в Порзово. Может, удастся разгадать эту загадку. Выяснил, что писавший о Руслановой И. Прут жив, но ему задавать вопросы еще рано, хоть он очень стар. […].

11 мая. […]. В 10.30 – П.И. Жихарев, начальник управления сберкасс РСФСР. Московские воспоминания, раздумья о деньгах. У нас «нет инфляции», но деньги на книжках – это записи. Да и стоимость их товарная страшно низка. Согласовали программу.

К 12.00 – на тысячекоечную больницу. Митинг, посвященный присвоению ей имени Г.А. Захарьина. Он и не думал о такой чести, а я в душе рад, что увековечил и его, оставив в памяти потомков. Это – мой подвиг в борьбе с Минздравом РСФСР. Хорошо выступил Б.Д. Петров, [говорил о Захарьине как об] ученом, педагоге, об уважении к врачу. Сразу условились, что даст статью, и мы ее опубликуем в «Пензенской правде». Осмотр больницы. Это уже классика. После обеда – текущие дела. Принесли еще выписки о Любовцевых, но Русланова ли это? В 18.30 – открытие в театре выставки Г.Д. Епишина. Старый стал, с потухшими глазами. Быстро уходит это поколение. Говорить не смог. С палкой показал кое-что.

12 мая. […]. Поляков из Пачелмы. Арестовали главного агронома «Черкасского» за 560 руб. [которые он переплатил механизаторам] во время сева. Дикость! Велел завтра отпустить. Едет контролер КПК по Попылькову и Кузнецову с часового завода. Забот мало!

Дома – о Руслановой. Вишневский нашел бабку, которая встречала ее в 1920-е гг. в Сердобске. Жили у тетки. Позвонил И. Прут. [Он сказал, что] девичья [фамилия Руслановой] – Лейкина. Сводная сестра – Шура. [Значит,] отец второй раз женился? Почему же она пишет: «Пропал в японскую?»

13 мая. […]. В обкоме КПСС. Больших дел нет, да и работать не очень хочется, нет новых идей, а перебиранием старья не очень нравится заниматься. Пригласил В.А. Бутова. Он что-то слышал о Руслановой. Дал ему почитать книгу, а на будущей неделе он поедет в Чернавку всё расследовать на месте. Говорит, что она из Александровки. Слыхал от родственников Гладкова. В 11.00 – по корпусу издательства. Проектный институт запутался и усложнил всё дело. Ищут компромисса на пути сужения улицы […]. Юр. Виноградов. Решаем при реконструкции ст. Пяша на оборонительном валу поставить деревянную башню. Хотели восьмерик, я сказал, что можно и четверик. В 16.00 – в «Золотой петушок». Обедал с начальником Гострудсберкасс. Выпил с ним чаю и распрощался прямо у трактира. По телефону – с ЦГАЛИ и Исторической библиотекой. Включаю их в поиск Руслановой. Всё принимает характер детектива самого пошлого. Но из ЦГАЛИ убеждают, что это характерно для актрис: запутывать возраст и биографию. Лейкина – это вообще-то еврейская фамилия.

14 мая. […]. В 10.30 уехал на Р. Камешкир. П.Ф. Кочнев и А.С. Земсков встретили на границе. Посмотрели два поля озимых. Отличная рожь, да и пшеница хорошая. Хлеб должен быть. В цех «Пензмашзавода» Работает 60 чел. Это – стабилизирующий для села фактор. Надо этот опыт тащить по селам и тем удерживать народ. […]. У Порзово. Посадка картофеля. Нужны люди. Дал команду из конторы в Кузнецк. В доме Демьяна Ивановича Туркина, рожд. 29 июня 1888 г. Память поразительная. Служил у Любовцевых. В 12 лет пас телят, потом был погонщиком волов, а в 17 – помощником кучера. Знает и помнит Аделю хорошо. Много рассказал, но когда фотографию [ему показал]: «Не она, не похожа». Позвали двух старух: Анастасию Захарьевну Туркину, 1905 года рождения (сестра Дарьи – прислуги у Любовцевых). Сестра ходила к телевизору слушать Аделю, но… фото. Только на двух «немного смахивает». Темно, ясности никакой. В Камешкире Марфа Корниловна Логинова (рожд. 1897 г.). Тоже [посмотрела] две: «смахивает», но [Адель была] «белокура и курновата». Ее сын рассказывал, что председатель колхоза Логинов Мих. Фил. был в Москве в 1932 г. и видал в концерте Адельку (т.е. Русланову). Что-то очень путанно, и чем дальше, тем темнее.

15 мая. Проснулся около 7-ми, но не стал, как в молодые годы, торопиться уезжать в поле: энергия действия осталась позади, ее заменила энергия опыта и, если можно так сказать, энергия мысли, знание, понимание того, что сейчас необходимо. Видеть много – еще не значит много знать и правильно оценивать обстановку. Простых наблюдений, суммы впечатлений часто недостаточно для точных выводов. Здесь велика роль опыта, знания жизни. После завтрака – в райком [Сосновоборский]. […].

Обед и на Пензу. День хороший, но ходят тучки. В Пензе – к пивному павильону на ул. Суворова. Мерзость, срам, дно. Надо закрывать. На пивзаводе. Много глупостей. Бутылки отдаем облпотребсоюзу. В «Бочке» места пустуют, хануриков нет: дорого. Дома. Замучила Русланова.

16 мая. День хмурый, холодный, с дождем. Всегда, когда черемуха цветет, бывают холода. Практически весь день в сплошном безделье. Полистал записи о Руслановой (она мне начала надоедать темнотой и неясностью биографии). Поговорил с Олегом Савиным, у которого есть папка о ней, но знает только, что она была в Пензе в 1945 г., да статья Г. Еремина. Позвонил Г. Еремину в Москву. Он бывал у нее, готовя статью к 70-летию, беседовал. Вечером [Еремин мне] перезвонил, подняв записи, но в них нет «родословной»: мать из Даниловки, а отец – из Александровки (какой?). Назван дядя Нефедов. Этого мало. Опыта [у Еремина тогда еще] не было, да и она что-то путала, едва ли что-либо ему сказала определенного. Туман. […]. Написал письма в Саратовский архив, в ЦГАЛИ, архив Советской армии и ЦГАФ. Надо собрать бумаги из архивов. Интересно, что она писала в анкетах о месте и времени рождения. Если вообще писала и если сохранились дела. […].

17 мая. […]. Отдал Вере [секретарю приемной] четыре письма в архивы по Руслановой и успокоился. Пусть мучаются они, мне это надоело, отвлекает. Вечером говорил с Мериакри. Она завелась, но говорит, что «наша дама неясна»… Можем и не найти ответа. Получил письмо от Л. Леонова. Он против «Унтиловска». Написал Рафикову искать другую его пьесу. Письма от Февральского и Храбровицкого. Принял кандидатуру на секретаря Мокшана. Соловьев, инспектор КПК при ЦК КПСС. К вечеру хорошо спохватился: процесс по Мильнеру назначили на день и час открытия XIX съезда комсомола, а будет речь Л.И. Брежнева. Быстро сообразил и перенес начало процесса на 20 мая.

21 мая. […]. В 10.30 – планерка на выставке одной картины. Дело идет, качество высокое, хотя, вероятно, только к осени удастся всё завершить и сделать го-

роду подарок. В доме пионеров. Сделали прикидку: все-таки можно при большом желании пустить его без коренной реконструкции под театр юного зрителя. Так и надо поступать. Готовить труппу, составлять проекты ремонта и приспособления. Заехал к самолету. Баранцева молодец. Дотянула, и 30 июня «Илюша» может открыться. Это – объект года, еще один подарок городу […].

25 мая. […]. В 11.00 с участием Кугель (я верю в ее талант) обсуждали экспозицию музея в доме Мейерхольда. Начал с вопроса: как называть музей? Истории Пензенского театра… Посмотрели содержание. Действительно, история театра от скоморохов до наших дней. А как кино, певцы (Русланова), цирк, драматурги? Создали мутный зал «великих людей». Некрополь. Решили отказаться от этой схемы. Пойти по исторической хронологии и показать вклад пензенцев в развитие сценического искусства: «На подмостках сцены». Две цели: пензяк должен гордиться своими, а приезжий удивляться вкладу пензяков. Очень полезный и принципиальный разбор, поставивший точки над «i». Нужно время для окончательных решений. Но путь найден. Идея оформления стенок двора под старую Пензу. Смотрел материалы: 1) нет анализа; 2) фактология; 3) уровень передовицы; 4) нет марксистского объяснения. Всё очень конспективно и поверхностно, хотя объявят «новым словом, эпохой».

С Симоновым – о процессе. Мужественный, но нужный шаг.

26 мая. Тепло, но небо к вечеру начало хмуриться. Может, и дождь пойдет. Сейчас он не вреден, осталось посеять тысяч 80 кукурузы, 15 [тысяч га] проса и немного картофеля […]. В 12.30 Федор – о пленуме ЦК. По содержанию – ничего нового. Всё опубликовано. [Брежнев] доклад делал 30 мин. Трудно ходить, а вставать не может. Заседали с 11 до 13-ти, а потом с 17 до 19-ти. Выступило много, но даже члены ПБ [говорили] 10 минут. Начали с оргвопроса. Первую половину вел Черненко, а после перерыва (встретили аплодисментами) – Ю. Андропов. Кириленко оттеснили. Трудно сказать, как эти двое расставятся. Председателем КГБ [назначили] какого-то Федорчука с Украины, 64 года, «молодой». Замы боятся. Говорят, что парень решительный.

27 мая. Отличная погода. Тепло, солнечно, благодать. Зелень такая сочная, что, кажется, из каждого листа, каждой травинки можно готовить свежий салат. Просидел у Федора почти полтора часа. Был Виктор. О всяких хозяйственных делах. Всё больше беспокоит предстоящая сеноуборка и уборка урожая. С Федором – о деле Попылькова. Возмущается Рева. Я сказал, что надо не возмущаться, а решать. Решил с ним встретиться и поговорить начистоту. Не знаю, хватит ли у

меня характера и храбрости. […]. Евсеев – с документами по Попылькову. Федор многое оставил у себя. Я посмотрел только объяснительную записку Попылькова. Возникла интересная идея взять иной ход: уйти от дрязг вокруг Попылькова, пусть разбирается КПК; не ввязываться в личные дела Ревы, а перейти на проблему партийной этики […]. Согласовал с Черновым. Он «за». Сказал Федору, чтобы не беседовал и не ввязывался. […].

В «Комсомольской правде» извещение о смерти 25-го Ник. Алекс. Михайлова. Целая эпоха. Ни одна центральная газета не проронила ни слова. А был личностью. Всю войну – в ЦК ВЛКСМ.

28 мая. […]. В 16.00 – в управление материально-технического снабжения. Поздравил и вручил грамоту в связи с 50-летием В. Кучапину. Поддержал его морально. Видел жену Попылькова. Постарела баба.

В 18.00 – на торжественное, посвященное 60-летию прокуратуры. Получилось хорошо. Чуть запоздали. И Журавлев, и Симонов прямо с процесса. Под аплодисменты объявил приговор: убийцам Мильнера обоим высшая мера – расстрел. Один приговор дороже тысячи лекций. Должен психологически сработать на город.

29 мая. […]. У меня Федяшев. Доклад о Средней Елюзани. Надо имама прогонять. Не очень понятна позиция Васягина, уполномоченного по делам религии. Б. Демин. Беспокоит налет на квартиру по ул. Кулакова. Вчера вынесли приговор, а 25-го явились двое с монтировкой. Надо брать, иначе могут далеко пойти. Ошибки повторять нельзя. Н. Баичкин по открытию кинотеатра «Илюша». Ему отвечать, если что случится. Говорит, что опасных позиций не видит, но я спросил: «Могу перерезать ленту?» Сказал «да». Важно, чтобы следил и не стоял в стороне. Визи из Тернополя. Открылись [гастроли] хорошо, много внимания.

30 мая. Позавчера говорил с Н.Н. Романовым. 28-го похоронили Н.А. Михайлова. Странное дело, некролог дали только «Комсомольская правда» и «Московская правда» без портретов. Умер красиво, на боевом посту. Был в больнице, но решил принять участие в XIX съезде ВЛКСМ. Романов отговаривал: «В почетный президиум не изберут». Был [на съезде] весь первый день. Сам за рулем – и с дачи и на дачу. Ночью стало плохо. Отвезли в больницу, днем 25-го – обширный инфаркт. На Новодевичьем места не нашлось. Предложили заброшенный, захламленный угол Ваганькова. Н.Н. Раисе Тимофеевне сказал, чтобы не оскорбляла памяти его и нас и отказалась. Похоронили в Кунцево на каком-то кладбище, «филиале» (!) Новодевичьего. Был кто-то из секретарей ЦК ВЛКСМ, выступал. Да, [для прощания] места

установки гроба не нашли, выносили из морга Центральной кремлевской больницы. Стыдно и печально всё это. […].

Торжественное открытие самолета «Илюша». Егор тут, его класс и Клара Петровна. Интерес ребят большой. Родилась идея превратить весь берег в детский городок и даже пляж. После поездки добил Федора с Ревой: бюро, объявление ему [взыскания], заявление [об отставке]. От кинотеатра домой. После обеда поразительно крепко спал. Вечером Миша уезжает в Москву на несколько дней. Поедем провожать. Вера завелась ехать с Егором и Ежковыми в «Солнышко». Надо отдыхать. Всё на пределе.

31 мая. […]. В 11.00 – секретариат. Злой вопрос по Средней Елюзани. Упустили власть, отдав ее мулле и шабашникам. Мусульмане идут в атаку. По подростковым клубам. Надо их делать: 34% рост преступности – показатель нехороший. После секретариата принудил Федора оставить секретарей и Чернова рассмотреть вопрос о Реве. Условились взять с него объяснение, а там будет видно. Справку на 12 листах разослать секретарям обкома КПСС. […].

Что-то не получается с торжествами по поводу придуманного 1500-летия Киева. Судя по подготовленным мерам, замах шел на Всесоюзный праздник, но на каком-то этапе, вероятно, поняли, что замахнулись слишком здорово. Скорее всего, планировался приезд Л.И. Брежнева. Состав делегаций городов и братских республик (Гришин, Романов, Соломенцев, Киселев) на самом высоком уровне, а орден городу вручал… Щербицкий. И дело не в физическом состоянии Брежнева. Он относительно бодро вел Президиум, вручал ордена, принимал Ле Зуана. Что-то помешало. Кричали громко, а провели тихо. Газеты дали очень скромно да и телевидение только в программе «Время». Может быть, вовремя одумались, остыли. Дата не очень убедительная, с исторической точки зрения. Поразительно, но факт: М. Соломенцев два года назад не поехал на 600-летие Куликовской битвы, спасшей Россию, но… отправился в Киев на легендарную [документально не подтвержденную] (Кий, Щек, Лебедь) дату основания города, давно уже не центра России. Обидно, что играли в историю, не очень вдумываясь в ее существо, поддавшись сиюминутному настроению.

4 июня. […]. Во вторник на секретариате ЦК слушают г. Пензу. В понедельник надо быть в ЦК КПСС. Ведет Андропов. Хотят дать как положительный пример. Условились, что завтра я веду семинар в Махалино и Сосновоборске. Позвонил Калинкиной. Состояние тяжелое у нее. Поставила сегодня памятник на могилах. Тяжело, в какой-то прострации. Не запила бы… Сложно. Сказал, что надо быть в

понедельник в Москве. Уехал на Сердобск. Баракин на границе. Сразу на совещание по сельскому строительству. Что-то делается, но в ряде хозяйств очень плохо. Поддержал Минькину, прикрикнул на «Гигант», «Сердобский» и «Большевик». Разъяснил сложности продовольственной программы. Меня тревожит одно: что надо – знаем, сколько надо – знаем, не знаем, кто это будет делать, людей на селе не остается. Строительство – это главнейший рычаг удержания молодежи на селе. Поздно пришли к этому выводу, но пришли. Этапы: 1) оплата, 2) комплексы, 3) теперь – соцкультбыт. Хотя грамотнее надо бы начинать с последнего. Из Сердобска – в Пензу. О Залетове.

6 июня. […]. Около 11-ти с Верой на базар. Купили четыре пиона и на кладбище. Сегодня, кажется, Троицын день. Уйма народу: машину поставить негде, цветов не купить, по аллеям – густая масса родственников. Почетная аллея забита людьми. Что ни камень – знакомое имя, работал с теми, кто лежит под ним. Положили цветы на могилу Ю. Филина, потом матери Маши. Зашли к Ванину и Наумову. В августе уже 10 лет, как погибли. Быстро бежит время. […].

9 июня. В 17.30 звонил Федор из Москвы. Секретариат [по вопросу о работе Пензенской области] пошел не по тому руслу, что предполагали. Впервые его вел Андропов. Многие хотели показать активность. Выступали Горбачев, Соломенцев, Капитонов, Пономарев, Кириленко. [Удалось] обострить. Отдел расстроен, успокаивает Федора. Кажется, попало здорово, а хотели дать передовой опыт. К.У. Черненко не был. Может, не хотел вести очередь. Есть тут вопросы влияния.

11 июня. […]. Беседа с А. Глущенко. Он недоволен выступлением на курсах М.В. Зимянина. Два с половиной часа и ничего толком о перестройке идеологии. Моя точка зрения: нельзя отрывать идеологию от политики, а политику от экономики, это – идеализм. «Превращение черточки в абсолют» (Ленин); трудности и сложности идеологии – это объективное отражение сложностей в нашем движении, развитии, куда и как идти. Сложности в промышленности, сельском хозяйстве (родилась продовольственная программа), развитии культуры, народного образования (нужно ли всем среднее?). Идет классовая борьба на международной арене. Дело не в Рейгане, Гершене Шмидте. Важно, чьи интересы они представляют. Оторвать от этого идеологию – значит, превратить ее в «поповщину». […].

12 июня. […]. Отдых дома, а потом в особняке на улице Лермонтова. Первый зам. министра торговли РСФСР Большаков. Рассуждения о сложностях в экономике, о том, что экономические рычаги не работают, и долго это продолжаться не может. Вспоминали Д.В. Павлова. Он «вовремя ушел». Понравилась мне мысль: ка-

питализм научился ценить количество и качество труда. Это у них «кто не работает, тот не ест», а у нас все едят, но не все работают. Проводили на самолет с Власовым. Пьяные в аэропорте.

15 июня. […]. В 10.00 – пленум обкома. Хороший доклад Федора и отличные выступления. Пожалуй, это первый такого плана пленум за последние 20 лет в истории парторганизации области. Приятное чувство, ставят вопросы, критикуют, но доброжелательно, за дело. Неплохо выступил Коломиец Ф.С. Получился, очень получился пленум! […].

17 июня. День опять шебутной по погоде. Временами капал дождь. И влаги не дает, и сено косить нельзя. В обкоме. Федор что-то второй день хандрит и не показывается. Сделал доклад, а теперь отдыхает. Физическая и моральная разгрузка. Вчера по телевидению сообщение о пленумах обкомов партии с участием руководства. В Ярославле – Горбачев. Две интересных формулировки: «продовольственный фронт» (!), «поднять Нечерноземье – освоить новую целину». Это исконно русская земля, откуда народ наш, государство наше стало самым могучим в мире. И вдруг стали называть ее новой целиной. Страшно!

Принял директоров сначала Тернопольского, а потом Курганского театров. Мучаются бедолаги, сезон глухой, а зарабатывать надо. Вот и мучаем предприятия. Да еще Кобзон с компанией мотается: за концерт 9 тыс. руб. Я с ним не встречаюсь, это удел Федора. Собирается завтра ехать на его концерт в Каменку.

С Левковым – к Секуле в «Инвентарьторг». Кресла для выставки одной картины. Решил попробовать их на месте. То, что казалось красивым, отпало за мелким размером. Дом делается, но далеко еще до истины. Хотя «театр одной картины» – будет. Скорее всего, откроем его в сентябре-октябре, когда народ соберется в городе после отпусков и полевых работ. Звонила В. Помазнева. Д. Гранин рвется в Пензу. Назначаем беседу с ним на 2 июля. Может, на лермонтовских торжествах. Поручаю готовить Г. Куштанину, работу с Е. Осетровым – А. Левкову. Умный, талантливый парень, высочайшей культуры и организованности. По телефону – с Вл. Чивилихиным. По-моему, поддатый. Получил мое письмо. Книгу послал мне.

19 июня. Погода успокоилась. Нет дождя, но и не жарко, по небу ходят свинцовые тучи. Душно. Позвонил из дома Федору. Он сидит в обкоме. Вчера из-за дождя не пробился через Виргу на Каменку и поэтому не попал (а может, сообразил и не стремился попасть) на заключительный концерт Кобзона и Воронец в Каменке. Письма благодарственные вручал Ю. Виноградов. Три часа и зрители сидели, и

артисты пели под дождем. Восторг огромный, но… по пятам ходит ОБХСС. Чем всё закончится?

В 10.00 – в доме Мейерхольда. Московские художники и Наташа Кугель подготовили на бумаге и картоне принципы оформления первых залов музея. Задумки интересные, подход современный, а как расставить акценты по содержанию, надо смотреть. Разговор, прошедший недавно, оказался полезным и открыл простор для поисков. Хорошо, что отказываемся от обычной выставки и делаем попытку показать историческое движение культуры области с акцентом на наиболее яркие персоналии. Берем и театр, и музыку, и цирк, и кино, и эстраду. Даже Лентулов и Татлин ложатся [в экспозицию], не говоря о Пудовкине, Хохлове, Мозжухине и др. Русланова! Много забот создаст последний зал. Как показать современность? Постоянно утверждаюсь в мысли, что эпоха огромных музеев (Эрмитаж, Третьяковка, Исторический) заканчивается. Будущее за камерными, небольшими, уютными музеями, позволяющими посмотреть все за 40–60 мин. с обязательным присутствием мемориальности. Спорили. Рабочее название: «Музей истории культуры края», сокращенно «МИК»! […].

27 июня. Сегодня день в газетах объявлен ударным, а уже с утра хлестал дождь. Собрались на дачу, но погода такая, что делать там нечего. Долго валялся. После завтрака засел писать тезисы к выступлению за «круглым столом» по книге Д. Гранина «Картина». Написал, кажется, то, что надо. Потом начал читать с карандашом книгу сам. Второй раз все-таки сложно. Она построена философски, но проявляет себя незнание жизненных реалий советских работников. Много кабинетного, надуманного. Образ Лосева мог бы вырасти в колоритную фигуру работника нашей эпохи. Очень сомнителен конец – расплывчатый, неопределенный. Правда, торжествует, а творец ее – уходит. Есть намек, что вернется. Но вернется ли? Страх благополучного конца, как рок, висит над писателями. Боятся быть ординарными, разойтись с эпохой и течениями.

В 8.00 проводил Федора на вокзале в ГДР. Татьяна Ермина, но я не подошел. Что у нас общего, давно разошлись… Потом стал собирать материалы к своей статье о Пензе. Надо загораться. Звонил Рафиков из Тернополя. Премьера прошла с блеском, доволен обстановкой в труппе, Меньших не хочет. Может, и прав. С В. Муравьевым по телефону. Получил мою статью о Пензе и книжку о декабристах. Говорит, что в Исторической библиотеке ходят обо мне легенды: за всю советскую историю я – первый партийный работник из области, занимающийся в ее фондах. Это почему-то потрясает людей. А, вероятно, зря. Так должно быть!

30 июня. […]. В 16.00 – беседа с В.А. Помазневой из «Литгазеты». Проговорили вариант моего выступления на дискуссии за «круглым столом» по книге Д. Гранина «Картина» […]. Из беседы с В. Помазневой. Писатель, создавая произведение, ищет ответ на вопрос о счастье человека, его месте в жизни. Но мы редко думаем о счастье писателя как творца. А счастье не только в создании, но и общественном звучании [произведения]. Идеал – это когда идеи, заложенные в нем, совпадают с общественными потребностями и материализуются. В Пензе не случайно делается много: эпоха камерности наступает. Идея Музея одной картины родилась давно, и роман Гранина «Картина» упал на благодатную почву, подкрепил идею средствами художественными. Посеянное зерно дает свои плоды.

Вопрос о прошлом – сложный. [В романе он] интересно поставлен, найдена форма, есть носитель. Но фигура [главного героя] противоречивая. Прошлое нельзя воспринимать вне настоящего и будущего […]. Проблема «лопухов» – любование лопухами детства в романе «Картина». Но Лосев имеет не только память о детстве, но и власть. Он избран, чтобы служить народу. А народу нужны не лопухи, а благоустроенные кварталы, хорошее жилье. И он [Лосев] не может жить прошлым, но должен думать о настоящем и будущем. Детство сына или внука должно проходить не среди лопухов. Нельзя жить только прошлым. Ругают, что взорвали церкви. Что-то еще разрушили. Но [ругать] – неисторично. Классовая борьба. Рядом с церквами – могилы погибших от рук кулаков активистов коллективизации. Мы не может и этого забывать. На реставрацию нужны деньги. Но как объяснить живущим в коммуналках на 12 кв. метрах и стоящим в очереди на жилье, что мы деньги [на реставрацию тратим разумно]. Тут – чувство меры.

1 июля. […]. В 19.00 – Даниил Гранин. Немного посмотрел город. Удивлен и восхищен и не может понять, что это такое. Вместе с ним и В. Помазневой обговариваем порядок завтрашнего дня и уезжаем на ужин в «Золотой петушок». Впечатления огромны. Пытливо всё рассматривает, впитывает в себя. Расстались в 23.00.

2 июля. […]. В 11.00 – в ДПП [Дом политического просвещения] на дискуссию по книге Д. Гранина «Картина». Начал ее я. Кажется, получилось хорошо, стройно, логично. После меня – А. Щербаков, но не собрался. Московские критики. Тактичные споры о смысле жизни. Интересно – Ю. Седов, Зефирова, Вишневский. Коротко – Д. Гранин. Заняли 3,5 часа без перерыва. В 17.00 – выступление Д. Гранина перед аппаратом. Интересно – о «Блокадной книге» […]. Около 7-ми – ко мне домой. Показал библиотеку. Наиболее интересные книги он ищет о Петре I, всматри-

вается в роль личности. Разговора так и не получилось, я не был готов. Проводил в гостиницу. Помазнева и Бочаров. Еще одна беседа. Интересно.

3 июля. […]. В 11.00 – группа московских поэтов. Н. Доризо, Евг. Долматовский, какой-то В. Лазарев, Андреева, Мнацаканян. последних не знаю. Рассказал о делах и истории области. Немного вопросов. Но поэты – публика, живущая своим внутренним миром, у них нет пристальности во взгляде, легче, игривее они. С Евг. Долматовским вспомнили встречу в 1950 г. (документ-автограф). Еще книги. Подарила книгу стихов Андреева. После беседы уехал домой. В 15.00 – встреча и полуторачасовая беседа с Евг. Осетровым. Интересный, вдумчивый мужик. Говорили о многом. Его потряс музей народного творчества. О Зоткине, Медянцевой. Просит принять участие статьей в «Альманахе библиофила». Надо подумать. Может, в Москве встретимся. […].

4 июля. XII праздник Лермонтовской поэзии. Уехал на машине. Жарко, душно, у Тархан ночью был ливень. Лужи. Обогнал автобусы. Подъехали москвичи. Показал Е. Осетрову и В. Лазареву книгу В. Жуковского. Трудно сказать. Но сфотографировали. Н. Доризо свеж и производит хорошее впечатление. Дарит мне книги, готов вести праздник поэзии. Д. Гранин, Л. Новожилова и др. Хорошо отдохнули в Поиме, были в бане, выспались. Возложение венков и цветов к могиле. Разговор об отце Лермонтова с Граниным, потом с Новожиловой о режиссуре Музея одной картины. Подключил В. Застрожного. Выставка Алькова. Есть одна отличная картина. Разговор с Граниным о роли личности. Петр Первый [спрашивал]: «Кто мой отец?» Право на управление – по наследству, или в результате революционных событий, или родил аппарат (Иван IV, Петр I, Б. Годунов, Петр III, Екатерина II). Два вида: управляют или ломают. Когда ломают, то, тронув одно, приводят в движение многое и… не могут не управлять.

В 11.00 – Лермонтовский день поэзии. Получился хорошо, интересно выступали Н. Доризо, Е. Долматовский, Э. Радов. Получился! Беседа в кабинете, распрощался, уехал. Обед в «Парусе» с Огаревым, Гринем. Уехал на Пензу. По дороге – Эм. Радов. Пересадил его с Тарабуриным в свою машину. [Говорили] о Толстом, Руслановой, но главное, попросил его попробовать сделать режиссуру показа картины Сурикова в Музее одной картины. Загорелся. Показал ему домик. Это должен быть «Театр одной картины»! Дома. Стихи Н. Доризо. Отличные. Сон. Футбол.

5 июля. […]. Был Уланов. Доложил итоги первого полугодия. Хорошо, что по наиболее опасным преступлениям идет снижение. Что-то наступление дает, хотя ждал большего. Где-то не срабатывает до конца механизм. Вечером беседа с га-

зетчиками. Редактировал письмо рабочих о борьбе с тунеядством. Надо посмотреть и идти в атаку. Это – еще один заход. Посмотрели Илюхина на зам. прокурора области. Молодой – 33 года, но это хорошо. Ковлягин у меня. Внутри скрипит зубами, но уже важничает: цековец, делает вид, что много знает. Обычная манера инструкторов ЦК. Комраков – по делам «Дизелиста». Беседа с П. Зайдфудимом о направлении работы клуба творческой молодежи. Не им, а они должны давать городу. Отбросить мишуру.

Расстроена вся страна. Наши с Польшей – 0:0. Страшно, что без борьбы и желания. Москва возмущена. Неприятные выступления, все матерятся откровенно. Марат спокоен. Звонил ему.

6 июля. […]. Кудинов и автораллисты Горячкин, Тарутанов. Стал чемпионом России. Рвутся на союзное ралли в Каунас. Попросил ЦК ДОСААФ допустить. Фанатики довольны. Одержимые люди. Заодно предрешили об автодроме. Втянул Мышенкова. Он парень деловой. Может, к зиме и сделаем. Было бы желание! В 17.00 – беседа с Александровым и Ерошиным из отдела юстиции. Пустая постановка вопросов, не готовятся, идут на хапок. Отчитал того и другого, да и Черноусова. Надо заставить себя уважать. Крупный разговор с прокурором РСФСР Кравцовым. Ведет себя безвольно, аппарат хамит, с обкомом КПСС не считается. Сказал, что мне это не нравится, скажу ЦК КПСС.

7 июля. […]. Сообщили, что умер Колчин, директор Приволжского книжного издательства. Послал телеграмму, условились, что на похороны поедет Максяшев. Заодно с ним поговорил и об издании книги по истории Пензы. Он берется быть ее редактором, мне надо дописать «Посад и слободы». Вероятно, текст, в отличие от газетного, надо дополнить и отредактировать. Можно расширить некоторые положения. Вероятно, придется создавать и короткую главу, как бы введение: «Всё начинается с дорог». Возьму материалы в отпуск и буду там кропать обе главы. Работы много, но дело стоящее […].

В 15.00 решал судьбу газетного корпуса «Пензенской правды». Много споров, но я и Щербаков завизировали местоположение. Разговор с адм. отделом ЦК по мерам к О. Сухареву [Г.В. Мясников отстаивал его]. Надо российского прокурора ставить на место, но пока подождем. С Ю. Бондаревым – о рецензии на «Выбор». Доволен, но не читал. Условились повидаться на сессии. Хорошо [отзывался] о Н. Доризо, с подозрениями – о Д. Гранине. Своя позиция.

14 июля. Утром в той же жаре и духоте – на заседание в Кремль. Постоянный курильщик В. Логинов из Калининграда. Мы с ним ветераны среди вторых секрета-

рей обкомов. Сколько ребят сменилось в этой курилке, а мы всё встречаемся и сидим в дыму на тех же местах. На утреннем докладе Тихона Сушкова. Что-то задыхается и сбивается он. Годы дают себя знать. Обсуждение. Но мало кто слушает. Хоть и призывал на совете старейшин Грибачев обходиться без общих фраз и цитат, но всё сводится к этому, мало говорят о деле. В перерыв Ю. Мелентьев, министр культуры, подарил мне свою книгу «Сеятели».

Машина В.Я. Лежепекова ждала на Ивановской площади. Махнул в гостиницу, рассчитался, пообедал и на аэродром. Заехал на могилу к маме. Посидел, убрал сорняки, положил гвоздики. Давно ушла, скоро 20 лет, а всё равно больно в сердце и пусто без нее. Говорят, что и Сажени уже снесли. Ничего не осталось. […].

25 июля. […]. Около 7-ми вечера с Верой гулял по городу. Очень крутой подъем на туристическую тропу. Вход явно не получился. Его надо бы растянуть, сделать более пологим за счет колец. Тропа обжита горожанами, но за прошедший год мало появилось нового. Светильники так и не заменены, скульптур не прибавилось, только одна беседка с мраморными ступенями. Много репьев, чертополоха. Не умеют сами делать! А сил у меня на всё не хватает. Сделали бассейн у Самовара, а форель так и не пустили. Все-таки Сидоренко не очень талантлив в поиске, он, скорее, исполнитель. Да и наши тоже […].

В. Енишерлов прислал «Огонек» с интервью академика Д.С. Лихачева. Наша областная парторганизация объявляется «эталоном» отношения к памятникам старины. Приятно, [но] у меня впечатление, что это вписал Енишерлов.

26 июля. […]. В 15.00 – Наташа Кугель. Рассказ о пребывании в Москве. Энергичная, деловая, умная. Много нашла по Руслановой, Мейерхольду, другим. Есть связи. Дал команду добавить ей 70 руб., т.к. жить на 110 сложно. Письмо [от] матери [Н. Кугель] утром. Бывает же такое совпадение! Актриса Хитяева. Уже выцветает, хотя была сочной, крестьянской. Сама волжанка. Говорил по телефону с Е.И. Осетровым. Книгу так и не послал. Поразительная жадность и необязательность. Хотя говорит, что постоянно восхищаются гостеприимством Пензы. Это – уже уродливость. Посмотрим, но в душе на нем ставлю крест!

Письмо В. Солоухина. Завелся насчет рыжиков. Готов дней на 7–9 приехать без суеты. Нужен и полезен. Надо затянуть его!

29 июля. […]. После обеда с Л.И. Новожиловой, директором Русского музея, о своих сомнениях по Музею одной картины. Она согласна. Найден алмаз, но из него надо делать бриллиант. А тут главное – мастерство гранильщиков. Беседа с В. Сазоновым, потом с Л. Кудрявцевой. Надо искать. Идея «анонимного» сеанса». Идея

есть, а поиск только начат. Хорошо бы его в этом году завершить. На будущий год завязан музей истории культуры. Всё в движении. Опять беспокойство Визи: Рафиков! Так можно и пожалеть, что назначаешь молодого режиссера. Их [директора и режиссера] опасно разорвать. Рухнет дело. Оба глупят, мнительны.

26 августа. [После отпуска]. Около 8-ми – на Белорусском. Москва встретила мелким дождем. У окна депутатской. Рядом Лесная, но нет чувства матери. Я биотоками знал, когда мать обо мне скучала (Пенза – Сажени) и звонил ей в тот день, когда ее тоска достигала предела.

На Казанском оставили вещи и в гостиницу «Октябрьская». Вера и Егор соблазнились поехать на день рождения Кирюши […]. Машину вызывать не стал. Поехали на трамвае, а я им не пользовался лет 30, потом на метро с двумя пересадками […]. Поужинали и на Казанский. Оя – из Берлина. В поезде – уже почти дома. Сысов, потом веселенький А.Е. Щербаков, потом В. Дорошенко. Дела идут ничего, но лупят на совещаниях хлестко. Горбачев в Харькове семь раз назвал [Пензу]. Выехали вовремя, почитал Вас. Белова – хорошая повесть. Завтра – дома.

2 сентября. […]. После обеда беседа с Е. Субботиным, зав. хоккейной школой, В. Саушевым – председателем спорткомитета […]. С Ю.С. Виноградовым – более реален, практичен, знает дело.

Мучаюсь с «театром одной картины». Рафиков в Москве. Передал ему координаты Порудоминского. Не верю в Русский музей. Нужен более высокий уровень рассказа, уровень глубокого драматического спектакля.

3 сентября. Погода не меняется. Солнечно, сухо, душно. Днем потянул суховей. Миша поехал на вокзал встречать актера Костолевского с женой. Стало модно отдыхать в Пензе. На Белом озере с мужем – Валентина Толкунова. Семенов, зав. сельхозотделом: публиковать ли сводку о заготовках хлеба? Публиковать надо, но будут копаться из ЦК КПСС, т.к. думаю, что плана не выполним. Сдали 500 тыс. тонн, а обмолот заканчивается. Где брать вторую половину? […]. В Чертково. Приемный пункт. Приемщица кричит об оплате, проверяя мою стойкость. На току в Блохино. Завал лука, надо помогать транспортом. На поле смотрел работу «Росгалантереи», областной больницы. Дорого достается лук. Хирург грузит мешки! […].

11 сентября. Холодно, но без дождя. Федор что-то с Дорошенко (вероятно, московские новости). Самый страшный вопрос для него – как не выполнить задание по хлебу. Надо иметь мужество, чтобы объяснить обстановку в ЦК КПСС, иначе заставят выгрести все и останемся без кормов. Выбор сложный, но делать его надо, хотя совершенно ясно, что ни при каком сверхъяростном насилии сдать 960

тыс. тонн государству невозможно. Саратовский [первый секретарь] Гусев полез наверх, но получил по зубам и не рад. Федор не полезет, не хватит мужества. Если так, то надо тянуть время, не торопиться сдавать, щадить хлеб, несмотря на критику в передовой статье «Правды». Никак не получается с хлебом! Прямо заколдованный круг. И дело не в погоде. Земля загажена сорняками, нет севооборотов, плохие сорта. Никто этого понимать не хочет. Лёня [Брежнев] пишет, вспоминает Казахстан, но каждый крутит по-своему. Слова остаются, а дело пропадает. […].

12 сентября. […]. Думаю о Евтушенко. Надо его [в Пензе] взять в свои «объятья», чтобы не дать распоясаться и учинить скандальное. И вообще интересно его посмотреть. Это, пожалуй, наш самый социально острый и социально чуткий поэт.

13 сентября. […]. О приеме Евтушенко. Берем на себя. У Федора условились. Позвонил Евтушенко. Собираются быть с женой. Говорю, что будет гостем обкома. Согласовали программу. Теперь всё ясно, надо просто закручивать. Согласовал с ЦК и Куйбышевым. «Задушим в объятьях».

14 сентября. […]. У Федора. О Евтушенко и его выступлению по телевидению. В 9.30 собрал всех заинтересованных в сюжетах для съемочной группы по телевидению. Дал поручения. Кудрявцевой и Левкову продиктовал программу по Евтушенко. Никандровский по делам реставрации. С Юрием Бондаревым по телефону. Улетает завтра в Чехословакию на отдых. [Говорит, что] мотался всё лето, был в Архангельске. Удивительно, но в селе Ломоносово нет памятника, а музей – в старенькой школе. Соловки реставрируют, но разговор [о Соловках] не телефонный. На «Выбор» [пригласим] после его возвращения в Москву. […].

15 сентября. […]. С Мавриной и Кузьминым – по телефону. Прибаливают, но рисуют и издают книги, а ему в декабре – 92! Трудно себе даже представить, что в 1906 г. опубликован его первый подписанный рисунок! В книге «Давно и недавно» (мне она показалась итоговой) он «подвёл» издателей, не умер… Послал им [Кузьмину и Мавриной] лекарства. После обеда – с Кудрявцевой о порядке встречи Евтушенко […]. В 17.00 – в культпросветучилище. Выставка фоторабот Е. Евтушенко. Грязь и деревенщина при входе. Сразу отмотал. Из фотографий [запомнилась] «Звонок к братику»! Блеск по идее! […].

16 сентября. Опять выровнялась погода: висят свинцовые тучи, но обошлось без дождя и к вечеру просветлело. Боюсь, что мороз хватит, а еще много кукурузы в поле. В 8.30 – в обкоме. Слицан и Скоробогатова показывали портрет Е. Евтушенко. Маслом с фотографии, но неплохо. Пусть вручают. […]. В 9.00 – бюро обко-

ма КПСС по Октябрьскому району. Комсомол интереснее партии выглядел. Понравился секретарь партбюро фабрики «Маяк революции». Надо присмотреться. В 11.00 – по свёкле, уборке ее. Гринь и Бутырин. Федор раздевать не может, в душе сочувствует, а это разлагает, не мобилизует. Его выступление на 1 час 10 мин. Опять обо всем. Начал с «записки» [Брежнева]. Непонятно, как и зачем она родилась, если в мае был пленум. Словес много, анализа никакого, да и задач нет. Крик отчаяния (надо составить конспект). Федор – длинно и обо всём, а обилие снимает остроту очередных задач.

После бюро [Котельников?] из Вадинска. Сказал, чтобы не торопился сдавать хлеб, не остаться бы голым. С Кудрявцевой и Фединой – в музучилище, а потом в музшколу.

17 сентября. […]. На выставке одной картины. Есть кое-какие вопросы. Передвинули будку милиции, определили перенос ограды, договорились к зиме здание не перекрашивать. Расставили всё по местам в самом зале: маловат, но, может, будет уютен? Дал команду натягивать полотно; решили по заднику, покраске, парадной лестнице. Доволен, что снова появился М.А. Бершадский. Хорошо бы хватило у него сил и здоровья на Музей одной картины, а потом и Литературный музей. Деловой мужик. Строительная часть вырисовывается, теперь самое главное определить и отработать содержание. Только единство обеспечит успех, а это единство в десятках мелочей. Все учесть, все сделать, а в ноябре – пускать!

В 12.00 – на строительстве поликлиники часового завода. Выступал. Условились, что будем развертывать койки и делать санчасть. Назойливые бабы. Но есть вопросы, особенно с горячим питанием. После обеда – с Деминым по луку. В Бессоновке сложно. Пришлось выйти по ВЧ на маршала Н.В. Огаркова. Помнит. Дал согласие взять на субботу 500 и воскресенье – 1000 [автомашин?]. […].

18 сентября. Заехал в обком, а потом на вокзал. Первый из вагона появился Сергей Козлов с перегаром. Говорит, что Евтушенко нужен боржоми. Затем вышел Евтушенко, с ним какая-то Света, героиня будущего фильма «Детский сад», будет играть «шмару» в фильме Евгения – репетировали и в поезде. (Сколько же сделали дублей?). В особняке на Лермонтова. Душ. Одевание. Согласовываем программу. Всё принимается. После завтрака на машине через Западную Поляну – к памятнику Победы. Разговор – какое у него образование. Из 8-го класса исключили ни за что, из Литературного института – за Дудинцева. [Евтушенко]: имею три мантии – Италия, Англия, Швеция. Цветы к памятнику Победы. Трогает книга. Напряженно готовится к выступлению, нервничает, настраивается, глотает эвкалипт, мо-

локо. В обкоме. Приехал около 13.00. Немного у меня, потом беседа у Федора. Открытие выставки. В роддоме показали обряд. Всплакнул, тронуло. Обед в «Золотом петушке». Чуть выпил, но это не Доризо. Подъехали к 19.00. Его третье выступление. Владеет аудиторией. Святая тишина. Острые стихотворения. Но остра и жизнь. Ужин в особняке. Без тостов. Разговоры. Д.А. Поликарпов у И. Сталина. Звонок А. Фадеева «Евгению Александровичу». Смерть Маяковского – стечение [обстоятельств]: запрет на поездку во Францию, «Стихи о советском паспорте» с резолюцией редактора «Известий» Стеклова: не ему бы [Маяковскому] писать об этом! Выставка, объяснение с Полонской. Цветы Яковлевой. Был у нее. Живет в Нью-Йорке [дочь Маяковского?]. Кто-то из Романовых. Приятен язык. [Евтушенко] объехал 67 стран. Открыл английское слово «сексплуатейшен». Обида ивановцев. Мучается с фильмом. Стадо у Большего театра. Успеть осенью. Светлана пыталась петь, но мы – не та аудитория.

Феномен Высоцкого – вакуум, пустота [он ее заполняет].

19 сентября. Если вчера хмуро, то сегодня блестящая погода. Тепло, солнечно. Репетиция с А. Рафиковым. [Евтушенко] смотрит нашего парня в свой фильм. После завтрака – сборы и в путь, сначала по городу. Музей И.Н. Ульянова, памятник Фомина [И.Н. и М.А. Ульяновым], потом у [камня] Пугачева, гимназия Белинского и Буслаева, «Первопоселенец», Музей одной картины, картинная галерея (Фальк!), Музей народного творчества. Больше всего впечатления от Кочурина. Хочет к нему ехать в следующий раз. Около 12-ти – на Тарханы. Много разговоров пока в дороге. Лейтмотив их – устал от сомнений поэзии, хочется пописать как лирику просто картины природы. Протест иссяк. В Тарханах. Арзамасцев, потом Тамара Михайловна [Мельникова]. Парк, дом, людская. Постояли у гроба. Кажется, навернулась слеза. Обед в «Парусе». Много говорит о фильме.

Еще на усадьбе встреча с В. Толкуновой и Ю. Папоровым. Они – к концу обеда. Евгений предлагает ей сняться в гриме буфетчицей. Любовь на крыше вагона с морячком. […]. Валентина: «А другим это будет интересно?» Оказалась и умнее, и тоньше.

В Белинске. Уездное училище, дом. Рассказал об эксплуатации Белинского Некрасовым. На похороны денег не было. Тургенев купил библиотеку и так и не отдал 100 руб. Сложно всё. Одно стихотворение опубликовал [Евтушенко о Белинском?]. Отношения [Белинского] с семьей. На Поим. Кажется, впечатления проняли: «А если поэму назвать просто «Пенза»? Я поддержал. Баня в Поиме. Приехал башмаковский Ерофеев. Заставил Евтушенко подписать мои книги. На Башмаково. Сно-

ва застолье. Раки из Буртаса. На перроне. Хвастнул: принято решение дом на станции Зима и окружающее сделать мемориальными. В 23.15 – на поезд и в Москву.

20 сентября. Проснулся только в 8.00. Отличный день, прекрасная погода, но торопиться не хочется, нет того пыла, что был в молодости. Начинаю отвыкать бывать в районах, копаться в мелочах, портить себе и людям нервы. Прошло то время. После завтрака – мимо Колесовки (мой дед здесь был писарем лет 90 назад!) на совхоз им. Тимирязева. Разговор с директором на меже. Мимо центрального отделения в Луч. Настя не ждала. Обнимает, целует, плачет. Стала совсем маленькая и старенькая крестница моей матери. Гладит, разглядывает. Целует. Добрая крестьянка. Отец ее был дьячком в Коповке (поэтому, вероятно, и мать была крестной, да и из Коповки уехала в сумятицу раскулачивания). Егор постарел, но всё поддаёт, а за продавщицей уже не бегает, утих. Настя говорит об этом беззлобно. Потрясающая доброта и умиротворенность. Заметила новые морщинки, седину. Просит, чтобы дольше жил. Стол накрыла, но пить не стали. Нельзя. Поняла. А Егор в душе бунтует. В Луче на свекловичном поле. Работают ушинские. Спорые женщины, все не замужем. Бойкие, говорливые, но ножей из рук не выпускают – говорят и чистят свеклу. Из Луча на спиртзавод. Картофель идет. На станции Башмаково. Завал, вагонов нет, глупо. Есть продукция, взять не можем. Жуткое впечатление и настроение. Грабят по луку. Дал команду ОБХСС разобраться в Тюмени. После обеда не стал задерживаться, пошел на Пензу, нигде не останавливался. Да, утром по телефону сказал Федору про бардак с картошкой. Не дают вагонов, да и кооперация дурака валяет. Не нравится Никитенков.

22 сентября. […]. Дал поручение Левкову, Бутову и Гуркину готовить выступление в Таллине на научно-практическую конференцию. Продиктовал очень сумбурно тезисы. Инструктор КПК при ЦК КПСС принес кипу всякого рода анонимных заявлений. Всё надо проверять, «партии до всего есть дело». Немного волнуюсь за Буйлова и его дачу из железобетонных плит […]. Устинов и Жернаков из Наровчата. Тянут еще в одну авантюру – строить ДК за счет колхоза, но в центре Наровчата. Поддержал их. С Ю.М. Чурбановым по телефону. Поблагодарил за внимание, условились на ноябрь, а заодно попросил о двух хоккеистах. Обещал. Вера Аношина. Горькая судьба. Две операции, больная дочь, квартира, страх. Не знаешь, как и чем помочь. В 19.00 – на хоккей. Начинают разыгрываться. Ободрали «Рубин» (Тюмень) 13:3. Идея камня на месте первого в России памятника К. Марксу к 100-летию его смерти. Есть идея, надо подумать.

23 сентября. В воздухе обстановка прежняя. По городу ходил в костюме. В обкоме с утра. Радостное настроение от вчерашней игры «Дизелиста». Появилась уверенность. Б. Демин с материалами для МВД СССР. Надо, раз влезли, закручивать всё красиво. Посылаю Ю. Чурбанову набор книг о Пензе с письмом-приглашением. Мне нужны хоккеисты. [Команду «Динамо» курировало МВД]. К 11.00 – на телестудию. Записался для радио и телевидения ко Дню пропагандиста. Есть несколько помарок, но решил не тратить время на перезапись. Пусть остается так! Беседа с руководством телестудии об освобождении помещения под цветные мониторы, об осветительной технике, о режиссере и делах театра. В «Пензгражданпроекте» у Попрядухина. Смотрели проект привязки корпуса по перепечатке центральных газет в Пензе. Плохо решен фасад: ретро 1905–1912 гг. Одобрили привязку, объемы, отвергли архитектуру. Нужно искать. Рабочие чертежи на «ноль» разрешили делать. […].

24 сентября. Погода на прежней отметке. Не хотелось идти в обком, но Вера возмутилась, сорвала планы продрыхнуть до 11-ти утра. Пришлось собираться, хотя не тянуло. Неприятный доклад адм. отдела: в одну ночь двойное убийство в районе Земетчино – буфетчица и старуха. Стреляли, видимо, из обреза. Тут же дал команду самолетом отправить спецгруппу угрозыска и прокуратуры, позвонил пом. министра ВД СССР генералу – найти Костяхина и из Москвы ближайшим поездом отправить в Земетчино. […].

Музей одной картины. Остановились на отделке стен наждачной коричневой бумагой без покраски. Похоже на красивую штукатурку.

В 14.00 – пленум общества охраны памятников. Выступал: эмоции дополнить конкретными делами. Не по словам, а по тому, что оставим, вспомнят нас потомки, когда мы уйдем в прошлое. Использовал стихи Евтушенко. Рассказал о Руслановой. Не ищем, не сохраняем, а настоящее быстро становится прошлым. После обеда у телевизора – приезд Бр. [Брежнева] в Баку. Роскошь. Гимны, поцелуи, почетный караул, эскорт, танцы и песни, почетный гражданин города. Сколько затрат для мишуры!

26 сентября. […]. Думают, что я забочусь о памятниках старины на пензенской земле, создании новых музеев только ради патриотизма. Нет, и из тщеславия, сознания того, что после себя оставлю что-то, и люди вспомнят добрым словом: не зря жил и занимал пост [секретаря обкома].

Кажется, в угаре коленопреклонения всех перещеголял Г.А. Алиев. Пышное заседание в Баку. Речь [Брежнева], собственно, – набор общих фраз и положений,

если не считать нового: «мы верим в разум человечества, в инстинкт его самосохранения». Инстинкт – категория, далекая от марксизма. Инстинкт не стоит у власти и не держит руку на кнопке пуска ракет. Очень слащавое поведение Алиева, слащавая речь, в изобилии пересыпанная хвалебными эпитетами, хватающими через край. Кому-то нравится, но смотреть на всё это откровенно неприятно […].

2 октября. […]. Что-то случилось с Сергеевым – политехнический институт. Я вышел, позвонила его жена: из Еревана сообщили, что попал в аварию. По ВЧ – с Ереваном: Н.П. Сергеев погиб в автомобильной аварии. Неожиданно, как обухом по голове. Вызвал институтских, Виноградова, Алексеева, Артамонова. Еще позвонил – сомнений нет: в морге, в городке у Еревана. Посылаем Ломтева, надо вывозить тело. Два ректора – бывший и нынешний – за две недели. Тяжело. Миша остолбенел от этой новости. А по телевизору узнал, что умер Соколов, второй секретарь ЦК КПУ. Жили вместе в гостинице «Октябрьской». Три знакомых за день!

3 октября. Холодный день, но без дождя. Солнечно. Федор, Алексеев и Ю. Виноградов с женами уехали на квартиру Сергеева объявить жене о несчастье. Миссия тяжелая, но событие не изменить. […].

В 11.30 – представители «Главтюменьгеологии». Компания из шести человек. Может, день исторический: решается судьба сохранения усадьбы Голицыных в Зубрилово. Как заноза, торчала в сердце эта жемчужина, связанная с именами Державина, Крылова и др., пустующая вот уже более трех лет. Приехали принимать ее и создавать санаторий для геологов. Правильно считают, что обойдется в 15–20 млн. руб. Но игра стоит свеч. Условились пока обходится тем, что есть, а в перспективе думать и о минеральной воде, строительстве московского корпуса для начальства, сооружении плотины, восстановлении дворца в объемах до пожара 1905 г., реставрации. Делать его семейным! Шестерня пойдет – начнется движение. Важно стронуть с места, и сама жизнь покажет, что и как надо делать. Обещал всяческую помощь.

9 октября. Вчера свободный вечер использовал для переговоров с москвичами по телефону. А. Храбровицкий доволен статьей в «Лит. газете». Дал шифры к рисункам В. Жуковского, сделанным в Пензе и Буртасе. Это 1837 г. Хранится в Русском музее. Л. Спрыгина. Похвалил ее книгу об отце – подлинном энтузиасте науки, любившим Пензу. С В. Муравьевым. Он все копает пензяков. Сейчас – И.М. Долгорукого. Доволен Музеем одной картины. Собирается побывать в Пензе. О. Савину: пора переиздавать «Пензу литературную». Это – уникальная краеведческая книга, целая энциклопедия пензенской литературной нивы. […].

10 октября. […]. В МВД СССР. Беседа с Ю.М. Чурбановым, первым зам. министра, зятем Л.И. Бр. [Брежнева]. Парень молодой, но уже генерал-полковник. Отключил телефон, сел напротив. Рассказал ему о наших нуждах. Главная беда – воспитание. Отвыкли работать. Будем искать систему. О зам. начальника УВД. Заодно и о хоккеистах. Решил. В гостинице. Переговоры по телефону с Деминым, потом с Куликановым. Надо не опростоволоситься. Вернусь – надо закручивать.

К 18.20 – на поезд. Жуткий ливень, мерзкая погода. В поезде Ричард Косолапов, редактор «Коммуниста». Разговор […].

12 октября. [В Таллине]. Вера подняла телефонным звонком. Продиктовал письмо в Литву к книге для Лауринчюкаса. Завтрак и пешком к зданию ЦК КП Эстонии […]. Возложение цветов к памятнику Ленину. Первая пара Русаков – Тяжельников, потом руководители республики. Новый и жуткий по смыслу обычай (из религии): ставят корзину, отходят и кланяются бронзовому изображению Ленина. Встал бы Ленин… ужас! Открытие конференции. Долго, лениво, но встают при появлении Русакова. Начинает Е. Тяжельников. Приветствие Л.И. Брежнева читает Вайно. Доклад К.В. Русакова. Много общих положений, взятых из передовых наших газет и журналов. Уровень журналистов, а не мыслителей. Самое страшное – нет мер конкретных, материальных. Есть только «надо», «обязаны». Нет анализа критики, побуждающей нас защищаться от «крестового похода» империализма. Доклад Ф. Кузнецова. Старые побасенки об издании «Метрополя», без фамилий, фактов. Каждый доклад Е. Тяжельников комментирует. После обеда в коллективы не поехал. Хотел готовиться к выступлению, но уснул и продрых почти два часа. Так, немного поцарапал, подчеркнул, всё само сложится на трибуне. Вечером в Русском театре. Э. Брагинский «Игра воображения» […]. Драматургия слабая, играть нечего. […].

13 октября. Ночью сел на очки, лопнуло стекло. Третий раз за это лето. Погода хмурая, солнца нет. Днем пошел снежок, а потом дождь.

Завтрак. В автобусе на секцию. Объявили, что ночью сгорел костел св. Николая. Реставрировали все послевоенные годы, остались мелочи. Пожар съел все труды. В 9.00 – секция. Наших человек 60, остальные эстонцы. Яновский хорошо изложил теорию, кое-что о комсомоле сказал секретарь ЦК ВЛКСМ. Фон удачный. Я бросил текст и пошел на вольную импровизацию. Правда, отдал нужную дань всему, а потом – о патриотизме как главном лекарстве для молодежи. Единственный случай – аплодировали внутри выступления холодные эсты, когда речь завел о ложном понимании романтики, понимаемой как уход из родных мест. Надо, наоборот, воспитывать желание оставаться там, где жили деды, где трудятся ро-

дители, в родных и дорогих местах! Немного сбивчиво, но прихватил до 23 мин. Проводили тепло. Хорошо и толково – зав. отделом науки Калужского обкома КПСС. Похвалил ее. Многие из выступающих ссылались на меня. Яновский – зам. зав. науки показал большой палец! […].

15 октября. Смог, сырость. Из Пензы – Валерий Сазонов. Сказал ему, что лететь [в Москву] бесполезно, пусть остается. По телефону с Даниилом Граниным. Условились на 14.00. В Русский музей. Беседа с Л.И. Новожиловой. Рассказ о самой идее и сверхидее – о советских художниках […]. Подарила мне гравюру 1709 г. Морской бой. В Гос. Эрмитаже. Беседа с ее замом Сусловым. Чванливость, международные связи, решения ПБ. Утомительно, но пошли на протокол: заключаем сотрудничество, третья картина – эрмитажная, уровень определим спустя некоторое время. С Новожиловой в мастерской М.К. Аникушина. Пушкин в метро у «Черной речки». Отрешен, жизнь прожита, но не хотел умирать: «Скорее кончайте!» Роль Строганова. Он – подлец. Пушкин понравился, но легок низ. Потом смотрел А. Чехова для Москвы. 186 см роста, худой, тонкий, но внизу тоже не получился. Что это, принцип? Вернулись в 14.20 в Русский музей, а Гранин уже ушел, не дождался. Не жалею… Посмотрел гравюру Пензы 1765 г. (Свечина), потом рисунки 1837 г. В.А. Жуковского и из любопытства – В. Маковского. Богатство огромное. Договорились о фотографиях. Обед у Сони, а потом в мастерскую к Аникушину. Хотел показать памятник Победы и надгробие Черкасова – последние захоронения в Александро-Невской лавре. Сначала смотрели «Победу». Набор скульптур. Очень нежен этюд: мать провожает сына. А вообще-то не очень. Ужин на квартире Аникушина. Много стонут и жалуются на местные власти, равнодушие. Обычная интеллигентщина. Около 9-ти к Соне. У нее – ужин.

20 октября. Вчера поздно вечером говорил по телефону с Евг. Евтушенко. Восторженные воспоминания о Пензе. Что-то хлопочет с фильмом. Почти не пишет, да и едва ли что-либо напишет [о Пензе]. Кажется, парень благодарный: «Будете в Москве, обязательно дайте о себе знать». Дам, а там посмотрим, что и как. […]. После обеда – звонок Г.Л. Смирнова из ЦК КПСС. Разделали в «Литгазете» по Васильевской птицефабрике из-за Льва. Выходит боком. Сказал Федору, поручил Демину посмотреть это дело на случай осложнений. В 17.00 на аэродроме встретил командующего ПРИВО Ряхова А.Я. […].

22 октября. […]. Прочел в «Лит. газете» статью «Сильная личность». Врезали не только Верхолетову, но и назвали Л. и Б. Ерминых, сына Виноградова и Алексеева. Дали наотмашь. По телефону прочитал Федору. Состояние паническое. В

12.00 – встреча с передовиками животноводства. Хорошая беседа. Приняли обязательство. Остальная половина дня посвящена сенсации, которая быстро захватывает Пензу, – статье в «Лит. газете». Событие редкое да еще на таком высоком уровне. Трудно понять подоплеку. Возможны два варианта: 1) у Льва в Москве дела пошли х---во; 2) журналисты дали наотмашь, мстя за атаку через ЦК на российского прокурора по делу О. Сухарева. Вайнеры и сионистская компания (автор – Ваксберг) решили бить, не зная действительной расстановки сил. Но я знал тёмности и вовремя ушел. Федор: «Что делать?» Не знаю.

24 октября. Эти три дня морозы держались, доходя ночью до -10. Сегодня начало теплеть. В Москве уже +6, завтра у нас. По телефону – с Вл. Чивилихиным. Сессия по государственным премиям завершила свою работу. Было тайное голосование. «Память» получила 60 «за» и ни одного «против». Может, и моя бумага сыграла свою роль. Говорит, что «против» боролись «гумилевцы»! А вообще-то в Москве, кажется, подошло время действий мафии. Наиболее устойчивая из них и особенно влиятельная в литературе и искусстве – мафия сионистов. Всё заполонили, всё держат в своих руках.

[…]. [Шевкуненко] выдал интересную версию (из народа) появления статьи в «Литгазете»: Мясников взял в свои руки органы, раскопал это дело и дал ему ход! Не думал, не гадал, но молвой могут свалить на меня. Ход мысли у народа неожиданный, но опирается на то, что прокуратура оказалась права – ее не критикуют, а бьют тех, кто мешал прокуратуре. […].

25 октября. Потеплело. Мороз ушел, а слякоть вернулась. Погода опять пришла к осеннему неустойчивому состоянию. К 9.00 – в обком […]. Подняли на секретариате вопрос о «Лит. газете». Город гудит, как улей, а у нас растерянность. Федор и разбираться не хочет, и советоваться не спешит, и помочь Льву не может. Его охватил страх, окаменел и бездействует. Я не хочу лезть в эти события, пусть сами разбираются. […].

26 октября. […]. Всех гнетет эта статья, резонанс от нее. Только московские верхи хранят молчание, не знают, откуда дует ветер. Может, месть мне за Сухарева (а скорее всего так!) сионистской мафии так дорого обходится области. […]. Был Верхолётов, «герой» статьи. Чем я ему могу помочь? Сочувствием. А сделать уже ничего нельзя. […].

27 октября. Около +8. К вечеру создалась видимость похолодания, но это только видимость. В обкоме. Сразу неприятный, выбивающий из колеи, доклад о нападениях на Южной Поляне какого-то маньяка на двух женщин – одна убита,

другая едва ли будет жива. Никаких примет и зацепок. Тошно. Что-то одно цепляется за другое. Опять город «запрется» и «замкнется». Надо находить. Беседа с М. Костяхиным. Грозится этими днями раскрыть по Земетчино, создал группу по Южной, висит по Городищам. Многовато…

Совещание по строительству Дома художника. Всё запутано и закручено, концов не найдешь. […].

29 октября. Поднялся в 5.30 утра. Долго собирался, отвык одеваться по-районному. В 6.30 выехал в Колышлей. Воздух свежий, только за колышлейской гранью туман. С Луняковым – на «Березовский» комплекс. Разговор с бывшими доярками. Жалуются, что новые доярки пьют, валяются в колодах. Разбазариваем новые дома для всякой бродячей швали. […]. Обед и сразу уехал на Пензу. Не хочется ночевать в райцентре, да и многое сто раз видел-перевидел. Заехал в Первомайский РОМ. Состояние дела с расследованием убийства двух женщин и изнасилования их. […]. Не спал до 3-х утра, анализировал убийства, проверял по телефону посты.

2 ноября. Стало чуть суше и менее пасмурнее, звонче и светлее воздух. Кажется, дело идет к первым морозцам. Затянулись они в этом году, застряли где-то. Сегодня не планировал совещаний, решил провести день в спокойной кабинетной тишине. Но страшен напор аппарата, телефонных звонков, вопросов. Мучает и не выходит из головы дело по Южной Поляне. Прямо детективный роман. Анализы показали, что и сперма Дубровина одной группы с обнаруженной на телах изнасилованных женщин. И тут сошлось, но уверенности, что именно он преступник, нет. Надо искать более убедительные вещественные доказательства. Усложняется детективными показаниями глухонемой […].

С больной головой – домой. Мучает Южная. Поздно [звонил] Механов: потерпевшая назвала двоих. Послал Костяхина. Момент важный.

3 ноября. Мороза не состоялось. Утром был немного снег, потом растаял, и опять серость и слякоть. Мерзко. Порудоминский работал на актерах [читали текст для Музея одной картины]. В обкоме. Позвал Федор меня и Демина. [...].. Звонил из ЦК зав. сектором Г. Шиляев: 1) портреты А.П. Кириленко не вывешивать и на демонстрацию не выносить (решились, но поздно); 2) настаивают, чтобы статью в «Лит. газете» рассмотрели на бюро обкома до пленума ЦК, не обращая внимания на фамилию Ермина. Верхолётова снять с работы и, если надо, пусть арестуют. В дела прокуратуры не вмешиваться. Ссылаться на указания руководства. Значит, судьба Льва или уже решена, или предрешена. […].

В 10.00 – на строевом смотре работников милиции на пл. Ленина. Небо и земля. За два года не узнаешь нашу милицию. Сказал секретарям РК КПСС о портрете Кириленко. Беседа с Бураковым. Он катит на Льва. В 12.00 Швам и Новожилова – по делам баскетбольной команды. Есть простые вопросы, но сложно с квартирами. Где спорт – там деньги и жилье. После обеда – текущие дела, звонки в Москву. С зам. министра Е. Зайцевым: музей – на январь! В 18.00 – 90-летие библиотеки им. Лермонтова. Выступил без текста. Импровизация хорошая. Что-то так, что-то не так, но теплые слова получились. В 19.00 – штаб по охране общественного порядка. Готовность к празднику. Зайцев [генерал] хамит. Заболел, что ли? По Южной ничего нового. Костяхин полез сам. Решение по милиции.

5 ноября. […]. Поехал в Музей одной картины. Разошлись вкусы по покраске центрального зала. Я хотел слоновую кость с набрызгом песка, уговорили – терракота, но кто-то закричал, что это «мясная лавка». Повыключали свет, посоветовались (народ мудр) с маляром Шурой (стаж 20 лет) и решили оставить терракота, и песком не обрызгивать – он грязит.

Посмотрел из машины «катюшу». Хорошо встала, смотрится. Надо только убрать столб, а летом придется снять несколько берез. А так вещь получилась, город обогатился. Заехал на стереокинотеатр «Октябрь». Затея это моя, несколько раз участвовал в решающих планерках, но постоянного наблюдения не вел. Заодно заставил Панфилова дать интервью, что к 60-й годовщине СССР открываем. Интервью дали. Теперь я посмотрел и удивился: без моего участия сделали столько и так, что я обалдел. Первый случай в моей практике. Думаю, реально можно, хотя и сложно, дать городу подарок – стереокино. А Музей одной картины оттянуть на январь.

В обкоме. Детектив провалился. Зашел судмедэксперт и доложил, что на штанах Дубровина обнаружены пятна крови (у гульфика и в кармане) 3-й группы (не его), может, и 2-й. Это совпадает с группой женщин, на которых он нападал. М. Костяхин талдычит, что он на 90% уверен, что [убийца] не Дубровин, и даст другого, найдет его. Уж очень много совпадений! Пугает их обилие, но и есть надежда, что преступник у нас в руках.

С Федором – о делах милиции, его встрече с Чурбановым. Позвонил Чурбанову, послал телеграмму Чивилихину. В 18.00 – торжественное собрание. Хорошо, что дал театр. И здесь серовато. А что на 60 лет СССР?

6 ноября. Подморозило, а ночью метель, к вечеру опять морозит. Зима. Не мог уснуть. Ворочался до 2-х, позвонил дежурному по УВД. Говорит, что всё спокойно.

Подумал: а не сделать ли еще один заход ночной по городу? Обстановка сложная, город наряжен, пора давать серьезный толчок к приезду Ю. Чурбанова и подготовке актива. Вызвал дежурку, поднял Н. Черноусова и около 3-х – по городу. Начало хорошее – постовые сидят в будках. Первый прокол у кинотеатра «Современник». В отделе милиции железной дороги – через цепочку. Очередь за молоком у «Ростка». С 4-х стоят, в 5 привозят, но цельное, из совхоза. Узнали меня, довольны. Вопрос о Краснодаре [об освобождении от работы Медунова?]. Пост на БАМе. Арбековское отделение. Опять [милиционеры] спят. Скандал в райотделе. Врут, спят. Хорошо в Железнодорожном. Уснул в 7-м часу, к 10.30 – в обком. В 11.00 – суровый разговор с активом города и руководством УВД и райотделов милиции. […].

7 ноября. […]. Я, Егор и Соня идем на демонстрацию. Продолжалось до 12.10 . Холодно [поздоровался] с военными. Уланов явно расстроен. Что делать? Обед после демонстрации. Без приглашения генералов. Двадцать обедало и все говорили тосты. Нудное дело. Ю. Акимов – тост за Россию. Федор: [ее] ограбили. Я не стал вступаться. Но подумал о начале. Спор «об автономизации», если его рассматривать не с теоретической точки зрения, а с итоговой, практической, уже не кажется абсолютно беспочвенным. Результат известен: окраины ограбили метрополию, за ее счет получили развитие, оторвав жирные куски себе. Сумели ли бы они это сделать, если бы вошли в состав? Трудно ответить однозначно. Есть повод для раздумий. О теориях надо судить не только по логике, но и по результатам. А тут сложно… После обеда – домой.

Попался Игорь [Костолевский]. Он сегодня ужинает у нас. Приятный парень и способный. По телефону – с Володей. Обещал заехать. С Ю.В. Бондаревым. Не любит Шагинян, но уважительно – о Евтушенко. С женой Чивилихина. Обещал побывать [у них] в дни сессии.

9 ноября. […]. Встреча с корреспондентом «Советской культуры». Опять по подростковым клубам. Тема надоела, но пусть пишут. С ней – о Блоке, религии, пьянстве. Всё очень сложно. Неграмотно решаем многое. Художники Скоробогатова и Павликов. Их поездка в Венгрию. Надо поддержать. Мыслят правильно, рисует хорошо Володя [Павликов]. Ему и стоит дать простор. Верю, что это отразится и на его творчестве. Отдельно – с Лидой [Скоробогатовой]. Заявление М------а, что Массов плохо влияет на молодежь. Религиозен сам, но и молодежь тянет, создавая видимость, что учеба не нужна, всё – от бога. Калечит души молодых, отрывает от учебы, идут в психоз. Поручил правлению самому разобраться, раз есть официальное заявление. Отдал КГБ.

В 18.00 – на торжественное собрание по Дню милиции. Прошло хорошо, но дел повисших много (Южная, Земетчино и Городище). На один заход – многовато и ничего не колется, нет просветов и намеков. Говорил с М. Костяхиным. Пока всё темно. А пора бы выходить.

10 ноября. […]. Тревожный звонок Федора. Зашел к нему. По секрету [сказал мне]: вызов на пленум ЦК КПСС 12-го в 11.00. Внеочередной. Что-то случилось. Начинаем гадать. Польша? Руководство? Я припомнил, что таким образом собирали два пленума ЦК: об антипартийной группе в 1955 году и освобождали Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. Скорее всего, речь идет о руководстве. Но что там? Получаем сведения, что над нами прошли «литеры «А» из Баку и Алма-Аты, до 8-ми держат самолет из Андижана (вероятно, Рашидов). Уехал домой. Подозрительно ведет себя телевидение. Концерт милиции заменили на фильм «Человек с ружьем», а в программе «Время» нет имени Брежнева. Телеграмму в Анголу послали ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР. В Польше все нормально.

Звонок от Федора: приезжай. Дома волнение. У Федора – Реутов из КГБ с шифровкой: умер Л.И. Брежнев. Ждем шифровку ЦК. «Рано утром 10-го скончался Л.И. Брежнев. Обеспечить…». «Продолжать ленинскую политику, которую проводил до последнего часа жизни Леонид Ильич Брежнев». Подпись: «Политбюро». Идет расстановка. Кто? Устинов, Андропов… Только не Черненко!

11 ноября. […]. К 9.00 едем в обком КПСС. Федор собрал бюро, зампредов облисполкома, зав. отделами, представителей административных органов. Зачитал вчерашнюю телеграмму из ЦК. Другой информации пока нет, по радио – траурные мелодии. […]. В 12.40 Федор улетел в Москву. Завтра пленум. […]. Наконец, в 17.00 – состав комиссии по организации похорон. Считал три варианта: 1) Гришин – нереально 2) Андропов или 3) Черненко […]. Объявили Андропова председателем. Стало яснее. Митинги – спокойно, народ достойно оценивает, искренне жалеет. Почти нет негативных высказываний.

Около 19.00 – по телефону с Федором. Пленум – завтра, делегаций и венков не посылать, члены ЦК завтра разъедутся по местам. По намекам – победил Андропов. Но надо ждать пленума, могут быть и иные передвижки. Пленум с 15-го – на 22, а сессию – на 23-е. Может, тогда новые появятся! Сравнил со Сталиным. Очень медленный ход. Умер вчера в 8.30 утра. А сообщение – на второй день, газета дала – на третий […].

12 ноября. […]. Ожидание пленума ЦК, а потом и его итоги. Узнал из газеты [звонок из редакции]. Совпала первая часть – Ю. Андропов стал генсеком. Удивлен

мудростью мужиков – предложение внес К.У. Черненко. Рвался, старался, а его руками сделали другого, связав ему, таким образом, руки на будущее. Думаю, что партия Черненко (в т.ч. Лева) восприняла это как поражение. […]. Найден наилучший вариант из возможных. Как мне лично обернется это, сказать трудно. Не думаю, что возможен крутой поворот, хотя коррективы будут. Что-то прояснит пленум ЦК 22 ноября. Там будут кадровые дела, возможно, и первое выступление по делам страны. По телефону – с Харазовым, Грамовым. Но – всё не телефонные разговоры. Может, скажется, что они из «комсомола».

13 ноября. Слух: у Кириленко сын остался за границей. Вчера по радио, а потом телевидению информационное сообщение о пленуме ЦК и выступления Андропова и Черненко, биография нового Генерального секретаря ЦК КПСС. У Андропова более деловой тон, взвешенность. У Черненко – нуднее, хотя по размерам [речь] одинакова. Старался показать свою близость Л.И. Брежневу. Два режущих ухо места: а) «брежневский стиль», «брежневская забота», «брежневское отношение к кадрам»; б) характерная черта Ю. Андропова – у него, «можно сказать, пристрастие к коллективной работе». В биографии [Андропова] есть подчистки, если сравнивать с поданной в 1974 г. Разночтения: в нынешней – [родился] «в семье железнодорожника», было – «служащего железной дороги», есть – «высшее образование», было – «незаконченное высшее». Добавлено: «активный участник партизанского движения в Карелии».

В 9.20 приехал Федор из Москвы. Потом с ним сидели, прокручивая в памяти московские новости. [Брежнев] умер на даче неожиданно. В семь позвонил жене, потом что-то тихо. Около 8.20 зовут – молчит. Вошли, а он еще теплый, но уже с остановившимся сердцем. Врачи хлопотали, но бесполезно.

Пленум ЦК шел 33 минуты. Пельше не было, А. Кириленко был. Пришел за минуту из общей двери и сел на первый ряд, где секретари и кандидаты. Вышло Политбюро. Ю.В. Андропов – сразу на трибуну. Произнес речь и ушел на свое обычное место. К. Черненко засуетился, стал собирать папку, сделал было шаг, но вернулся – забыл очки. У первого – дикция хорошая, у второго – известная. Проголосовали. Ю. Андропов занял место Генерального и без бумажки сказал, что благодарит, что у него нет жизненного пути и опыта, которым обладал Брежнев, но сделает всё, чтобы оправдать доверие. Обратился к членам ПБ налево и направо: конечно, будем работать коллективно, но это не значит, что решения будут нравиться всем. Ждут пленума. Льва не видал. Может, спрятался.

15 ноября. Вчера думал о наследии. Положение сложное и противоречивое. Особенно в экономике, транспорте, энергетике, сельском хозяйстве, оборонке, да и внешнеполитических делах. Вопросы встанут, их надо решать, а это неизбежно коснется кадров. Особенно высшего ранга. [Андропов] может выиграть, если отбросит шелуху, связанную к пристрастием к показухе, подыгрыванию, помпезности. Народ больше любит деловой, суровый тон. Прошли три школы: сталинскую, хрущевскую и брежневскую. Внешне такое впечатление, что [Андропов] вернется (в каких только формах?) к сталинской школе. Она – деловая, взвешенная: дело дороже внешнего престижа. На этой базе следует ждать серьезных перемен в абсолютном большинстве отраслей нашей деятельности.

Солнечный день, без хмари и непогоды. Ясно. В 9.00 – планерка. Некоторые текущие дела. Опять и эта неделя, и следующий месяц забиты всякого рода совещаниями. В 11.45 – просмотр у Федора похорон Л.И. Брежнева. Очень торжественные и представительные. Выступление Ю.В. Андропова. Его облик. Неожиданно – Д.Ф. Устинов. И дело тут не в армии, а в чем-то еще. Не на предсовмина ли метит? С Украины – [выступили представители] только из Днепродзержинска. Алиев и Щербицкий – с непокрытыми головами. Скучный вид у К.У. Черненко. Что его ждет? Прощание у гроба родных. Поцелуи жены, дочери. Оплывший и облезший сын. Бравый Ю. Чурбанов. Опускание в могилу (впервые вижу обитую красным материалом). Два парня, неосторожно выдернута палка, и гроб не спущен, а скорее, брошен в могилу. Какая-то неуклюжесть. Все заметили. Горсти земли. Гудки. Салют. Пенза замерла: машины и пешеходы встали. Город безлюден. Поминки в столовой. Федя было о нашем росте. Я промолчал: мы [«комсомольцы»] не росли.

16 ноября. А все-таки я долго живу. Вчера вступил в четвертую эру правления государства. Каждая имеет свои особенности, о которых еще надо подумать и серьезно взвесить. Что касается лично меня, то в сталинскую эру я быстро рос, переходы исчислялись годами; в хрущевскую – начал хорошо путь на партийной работе, завершившейся избранием в 35 лет секретарем обкома КПСС; в брежневскую – выдвижение превратилось в пожизненную ссылку. Это время страшного кадрового застоя, оплесневения, если ты не попал в разряд родных или выходцев из Украины, Молдавии или Казахстана. Создана версия «комсомольской оппозиции», под маркой которой распихали целое поколение кадров, прошедших школу комсомола и преданных партии. Четвертая эра – андроповская. Трудно сказать, что она может мне дать вообще: ушли лучшие годы. […].

День еще не очень загружен, но тон деловой. В 10.00 – совещание по торжественному к 60-летию СССР. Потом программа концерта. В 15.00 – разбор хода

следствия по убийствам, особенно по Западной Поляне. Не квалификация, а эмоции. Продиктовал жесткие сроки, иначе – пора приглашать москвичей, тянуть нельзя… Разговаривал по телефону с Ю.М. Чурбановым. Решил не быть сволочью и не отворачиваться только потому, что нет теперь тестя: выразил соболезнование. Условились, что к совещанию вернемся в январе, а когда буду на сессии – зайду. Еще раз – соболезнование. [В ответ]: «Спасибо, дорогой, спасибо». Видно, тяжко ему, могут и отвернуться в один день. Это по-нашему.

17 ноября. […]. Всё возвращается на круги своя: вчера задали вопрос – а сколько ушло поздравительных телеграмм? Сегодня цековка из отдела писем доложила, что уже вчера поступило 36 тыс. телеграмм (сколько же денег!). Мы организовали своих 41 штуку. Завалили ЦК Азербайджан и Грузия. Стараются! Соболезнуют вплоть до детсадов. В передовой «Правды» уже «товарищ Ю.В. Андропов». Пока не прямая цитата, но ссылка. Пройдет пленум ЦК, и понесет пресса. Думаю, что перемен не будет. Аппарат не позволит! Да и круг там «сомкнутый». Говорят, что Черненко уже перешел в кабинет Суслова. Закрепился! Начинаем со лжи: утром 13-го умер Пельше – не объявляем, сын Кириленко с женой остались в Канаде – молчим. Запад опережает нас в информации и выигрывает.

18 ноября. […]. Вчера занимался памятником в с. Никольское Кузнецкого района. Председатель колхоза М.А. Терехин со скульптором Тепловым. Что нового? Идея – мемориальное символическое кладбище. Не список на одной стеле, а стелы по семейным группам. Внуки получают могилу-символ дедов. Свечи, газовые рожки. И музей. С Даниилом Граниным. Неряшлив: «Брюхо болит». Немного разговорились. Что-то он даст в №3 «Дружбы народов» о нас. Идея музея. А если студенты художественного училища? Тоже есть идея. В 14.00 – собрание актива в ДПП. Разговор о Пельше. Ничего не передали, поэтому все рассказы Александровой о «кабинете Суслова» и сыне Кириленко можно считать обычной сплетней. […].

20 ноября. Весь день дома безвыходно. Федор улетел в Москву. Многие (но, конечно, далеко не все) точки над i поставит пленум ЦК, назначенный на понедельник. Прояснится кадровая политика, будут сформулированы (если не сохранятся одобренные еще при жизни Л.И. Брежнева) требования и подходы к делу нового руководства. Рано по свежим следам делать оценку эпохи, которая закончилась со смертью Л.И. Брежнева. Нужны раздумья, обобщения, взгляд вперед. Сейчас для себя просто некоторые обобщения. Эпоха-самотек. Государство, экономика, получив толчок, шли вперед без особых корректировок и революционных поворотов по накатанному пути. Главное, что интересовало автора движения –

его самоутверждение, непомерное честолюбие, создание своего культа личности. Съезды партии, еще не закончившись, уже объявлялись историческими, хотя ничего нового в историю не вносили, не обозначали поворотов. Пленумы ЦК коренных вопросов развития не рассматривали. Два деловых (мартовский 1965 г. и, кажется, сентябрьский тоже 1965 г. – о промышленности), остальные – информация о международных делах или повторяющиеся из года в год одни и те же речи при тех же выступающих, комментарии к годовым планам. Говорилось и требовалось правильно, делалось как бог на душу положит. […].

21 ноября. Не было и крупных Всесоюзных совещаний, конференций, которые вносили бы коренное изменение в направление развития, корректировали его ход. Последний майский пленум 1982 г. о Продовольственной программе, скорее, признание провала в сельском хозяйстве и снабжении населения, чем движение вперед. Программы нет и быть не могло. Самотек привел к падению роста промышленности, обострил до крайности проблему сырья, энергетики, транспорта, заставил по 30-40 млн. тонн ввозить хлеба из-за рубежа. И просвета нет. Появилась зависимость от международного рынка. Много шумели с программой мира, набирая поездками личную престижность, но довели дело до края пропасти, позволили [Западу] спекулировать на этом, используя наше стремление к миру для экономического давления. Теоретически [годы правления Брежнева] были бесплодными. Объявили о развитом социализме, так и не найдя формулу, что же это такое. Постоянно что-либо «достойно встречали». Странная кадровая политика, приведшая к тому, что на самых ключевых постах оказались люди, которые давно должны идти на пенсию. Уходящего в 74 года премьера меняем на 76-летнего. Главное – личная близость, преданность, а не деловые качества. Страх перед ростом молодых кадров. Популярность внешняя, не трогающая душу народа. Отсюда в передовой «Правды» 17 ноября: «Советский народ проявил завидное спокойствие, выдержку» в скорбные дни. А не равнодушие ли это? Когда умер Сталин, задавался вопрос: что будет с государством? Теперь такого вопроса не возникает. Править может каждый. А чтобы править лучше, [руководитель] должен быть деловее, требовательнее, не увлекаться внешней мишурой, проявить объективность к кадрам, двигать молодых, способных. Не так уж много надо. Сумеет ли? Посмотрим. Губительно влияют силы аппарата, подхалимов.

22 ноября. Вчера весь день дома и работал с материалом к статье. Только через окно видел, как хлопьями летел снег. Вечером по телефону говорил с Федором. ЦК работает и в воскресенье. Был у К.У. Черненко. Он, действительно, пере-

шел в кабинет Суслова, но пока не знает, чем будет заниматься. У Левы дела неважные. Есть интерес секретарей ЦК КПСС, даже резолюция М. Зимянина. Требует объяснения от обкома КПСС и Виноградова, предложили Верхолётова завтра же освободить от работы. Пельше жив и будет на пленуме. Предполагают, что пленум продлится до 19.30 и пойдет с широким обсуждением. На четверг оставляют секретарей обкомов КПСС для разговора в ЦК на самом высоком уровне. Слова остаются, а стиль меняется. […].

23 ноября. […] Судя по пленуму, действительно сохраняется преемственность. Пока она на словах – [речи генсеку] пишет та же бригада. Нет ничего личностного. Сохраняется политика и в работе с кадрами: идут не по логике, а какими-то мало понятными путями. Почему Алиев? Рева в коридоре: «А кто такой Рыжков?» Избрали, а его и не знают вообще, не дали биографии. Посмотрел – идет натяжка: у меня в депутатской [биографии] – украинец, в членах ЦК – уже русский. Родом из Донецкой области. Создали еще экономический отдел. Прикрывают грехи Госплана. Повестка очередных пленумов – итоги [прошедшего] и указания Генерального секретаря. Начинают сразу. Аппарат жмет!

28 ноября. Поднялся не рано. Торопиться вроде некуда, но и сидеть в гостинице удовольствие невеликое. Приехал ко мне в гостиницу В. Сазонов с проектом письма в Министерство культуры РСФСР по открытию Музея одной картины. Надо открывать. Но когда и с кем? Чем ближе, тем больше вопросов! Забрал его и в Лужники на хоккей. Сидел с А.И. Чернышевым […]. В перерыве с Ал. Голиковым. Его на игры не ставят, зову в Пензу. Колеблется. Не очень хочет ломать бока. Саша Филиппов. Администратор команды, но… попахивает водкой. Не понимаю этого. Обещает помочь найти тренера. Вася Первухин. Просто поздоровались. Хороший, ровный парень, верный хоккею и себе. […]

29 ноября. Читаю перед сном М. Нестерова «Связь времен». Интереснейшие мысли об особенностях развития и становления русского характера, национального уклада. Мысли глубочайшие и неожиданные. Из гостиницы – к Ю.М. Чурбанову в МВД СССР. Портреты Брежнева сохраняются, в приемной – генерал-лейтенант, министр Армении. Его не принял. Почитал проект нашего решения, сказал, что нравится, отдаст для доработки в аппарат. Условились, что Уланову строго укажут. Договорились о времени актива решить в начале января, тогда всё будет виднее. На Житную. Генерал-лейтенат Волков, начальник управления уголовного розыска СССР. Принимает решение послать на 20 дней двух полковников, в т.ч. начальника

отдела по особо опасным преступлениям Владимирова. Встретились с ними, условились о деталях. […].

30 ноября. […]. В квартире В.А. Гиляровского. Встретила и приняла Екатерина Киселева, его внучка по какой-то линии. Настойчивая. Разговорчивая, фанатично сберегающая всё, что осталось от Гиляя. Разговор за столом. Венский стул. Подарил ей книгу «Пенза». Много пензенского в биографии Гиляя. Жена Мария Ивановна Мурзина. Ее сестра Надежда Ивановна умерла в Пензе, была учительницей. Как-то они связаны с Отто Матвеичем Баум – руководителем училища садоводства. В Пензе 3 года играл в труппе Долматова. Есть много фотографий. Шафером был А.П. Чехов. В этой квартире прожил с 1886 по 1935 г. После революции немного уплотнили. Бывали здесь, сидели на этих стульях А. Чехов, М. Горький, Л. Толстой, А. Куприн, Бунин, Успенский, Вересаев, Шаляпин, Ермолова, Качалов, пьяный Саврасов. Много подлинного. Трогателен портрет Л. Толстого с надписью. На стенах рисунки Левитана, А. Герасимова, Саврасова, Н. Коровина, Архипова и др. Жить сложно. Новая семья в старой обстановке. И хранить надо, и жить надо. Не раз обращались в Моссовет, Минкультуры РСФСР, но никто не хочет создавать музея, а люди идут. Не понимаю москвичей. Подарила мне две книжки. Тепло на душе, что побывал, но зябко, что увидал. Так нельзя относиться к прошлому, особенно москвичам, которым отдал жизнь Гиляровский.

1 декабря. […]. В 16.00 – совещание в отделе пропаганды ЦК КПСС у зав. сектором Б.П. Гончарова о положении дел в команде «Дизелист». Я доложил обстановку. Выступили Б. Майоров, Сысоев из «Динамо» и зам. пред. Российского комитета. Сделать они реально мало что могут, но открывают зеленую улицу для любых наших дел исходя из того, что нас просто раздели наголо московские команды, да и не только московские. Попали в кризисную ситуацию, теперь надо бы выбираться, но как? Даны поручения всё решить к месячному перерыву, чтобы во вторую половину [чемпионата] войти более уверенно. […].

9 декабря. […]. Беседа с Б.Я. Деминым и криминалистом, судмедэкспертом Поповым. Всё-таки и по московским анализам Дубровин [подозреваемый в совершении преступления] не отпадает. Становится понятным стремление найти другого, похожего на Дубровина. Уж очень много «попаданий» в него со всех сторон. Если до сегодняшнего дня сомневался, то, кажется, чуть успокоился: преступник у нас в руках. Он с железными нервами, может стоять до конца, но похожего на него я не вижу. Многовато всяких совпадений. Пусть ищут другого, но не думаю, что найдут. Он у нас! […].

11 декабря. Вчера просмотрел только что появившуюся книгу Б. Пастернака «Воздушные пути». Оригинален, но уж очень вне времени и подчас субъективен. Почему возник культ Пастернака среди литераторов (народ его совсем не знает)? Действуют две силы, часто соединенные вместе: элита и сионисты. На нем они перекрещиваются. Цветаеву тянут, в основном, первые, Мандельштама – вторые, а Пастернака – все вместе.

[…]. С Эйдлиным – о достройке птицефабрики. Тянут давно. Деньги мертвые (3 млн. руб.) и продукции нет. Надо поручать парткомиссии […]. Сегодня в газете – «В Политбюро ЦК КПСС», о письмах. Протянул К. Черненко. Ошибочный документ, внешне развивающий демократию, а внутренне – порождающий поток пустых писем, ничего не дающий партии. Письма не дифференцируются. Содержатся явно ошибочные положения, вроде: «Письма являются наказом трудящихся партийным и советским органам» (а если пишут не трудящиеся?), каждый «обязан рассматривать эту работу как свой долг перед народом, перед партией». Думаю, что в недалеком будущем эти положения обернуться против самого автора. Ведёт кампанию во имя лишь себя, на подрыв партии, ее кадров.

12 декабря. Читал вчера стихи Б. Пастернака. В примечании к поэме «Лейтенант Шмидт» интересные стихи [цитирует «Как непомерна разница…»]. На улице опять тепло и потекло. Снег быстро оседает, освобождая асфальтовые дорожки от наледи. Провалялся почти до 12-ти, из дома не выходил. Весь день провозился с библиотекой. Книг столько, что тронешь одну, и всё приходит в движение. Вчера после Пастернака прочитал М. Цветаеву. Оказалось, что у меня в библиотеке почти все (за исключением одной) изданные после войны ее книги, воспоминания сестры. Решил ее выделить, но затронул Евтушенко и… пошло. Перебрал два шкафа […]. Захламился книгами, а отдавать душа не лежит, жалко расставаться. Вот они и мучают меня, правда, доставляя удовольствие копаться в них.

15 декабря. Чуть не забыл «о шести противоречиях социализма»: безработицы нет, а никто не работает; никто не работает, а план выполняется; план выполняется, а в магазинах ничего нет; в магазинах ничего нет, а холодильники полны; холодильники полны, а все недовольны; все недовольны, а голосуют «за».

Опять весь день в какой-то суете. Принял только тех, кто записался, около 15-ти человек. В основном жилье. Новое – отец парня, которому оторвало ногу в Афганистане. Живет в Веселовке, а просит ему однокомнатную квартиру. Жалко. Не успели инвалидов ВОВ удовлетворить, а тут уже наступают жертвы афганских дел.

Залезли и завязались здорово. Это – наш Вьетнам. Что мы выиграем, сказать трудно, а кровь проливаем. […].

16 декабря. Нет, погода не налаживается, опять течет, влажный ветер, зимой не пахнет, мокрота. Какое-то тяжелое настроение гнетущего состояния. То там, то тут не ладится, и нет конца всякого рода промахам, ошибкам, недостаткам. Мало что приносит искреннюю радость. В 9.00 беседа с Владимировым из МВД СССР. Почти 20 дней сидели на Южной и в Земетчино, но никаких намеков на просвет, ничего нового. Что знали, с тем и остались. […]. В 14.00 с Федором – в стереокино «Октябрь». Он в восторге. Действительно, получилось, но надо дотягивать всё. Музей одной картины – производит впечатление. Особняк «заиграл», теперь – содержание. В доме Мейерхольда. Всё пока в дровах, но идет интересный поиск. Может стать и центром Руслановой. В 16.00 – вручение знамени городу Пензе. Хорошо, что в Большом зале, не надо никуда ехать. Речи – полтора часа. Торжественно и деловито […]. У меня Л. Кудрявцева. Об управлении культуры. Менять стиль взаимоотношений.

21 декабря. Собрались на этаже в 8.30 и на автобусе в Кремль. Опять нашелся разгильдяй – Караев из Н. Ломова: забыл пригласительный билет. В Кремлевском дворце съездов. Много знакомых, еще больше тех, кого уже нет […]. В 11.00 – начало торжественного заседания. Встречают тепло, но без старого наигранного восторга.

Открывает К.У. Черненко. И вид невзрачный, да и речь какая-то невыразительная, шепелявая, проглатывал слова. Не очень понятно, как и почему он стал главным идеологом партии. Доклад Ю.В. Андропова. Идет медленно, стройно, с низко опущенной головой. Чувствуется высокая степень утомления. Жалко, если не очень здоров. Интересный доклад: ни слова о преемственности, один раз цитата из Брежнева, взрывом аплодисментов встречена фраза насчет того, что нам нужны практические дела, а не громкие слова. Может, это кредо! Чувствуется, что уходит оттуда [из брежневского прошлого], но еще не пришел сюда прочно и по-настоящему. Серединное положение. Хватит ли сил и времени перейти? После перерыва – председатель Совета Министров Тихонов. Выступления Гришина, Соломенцева (поразительно пустое), Живкова и т.д. Выступающие не знают, о чем и как говорить. Сбит трафарет, не могут найти нить. Правда, после обеда москвичи что-то кричать начинают.

Вечером на концерт не пошел. Ужин с тернопольчанами.

22 декабря. Вчера после обеда председательствовал М.С. Горбачев. Начал Д.Ф. Устинов. Приехали многие. […]. Перед началом заседания встреча с Г. Сизо-

вым, С. Бондарчуком и Ермашем, потом Юр. Бондарев. В перерыве попадались М. Алексеев, Н. Грибачев, Валерий Кубасов. Много знакомых и интересных людей. Бондарчук плевался по концерту, особенно на выступления Петросяна и пары «гомосеков» […].

Лежепеков считает, что правильно поступили [о переводе Федочука из КГБ в МВД?]: нужна не хирургия, а нейрохирургия, и Федорчук к ней не приспособлен. В милиции же он может навести порядок. Быстро махнули в «райскую группу» Щелокова. Вопрос о подарке в Азербайджане перстня с большим бриллиантом. Теперь х-- вернешь. Прения. Заключение вел К. Черненко. Как-то спокойно, без слащавой возвышенности. Тон деловой, но пока пустой у ораторов. [Андропов] очень прямой, с постоянно опущенной головой. Не любит славословия, не зарывает людей, кадры, но требователен. […].

24 декабря. Погода не меняется. Стоит на 0 и без снега. В обкоме КПСС. Всякие текущие дела. Федор уехал на аэродром встречать министра общего машиностроения С. Афанасьева, который прилетает для вручения ордена Красного Знамени НИИФИ (Волковскому институту). Позвонил, просит организовать встречу с космонавтом Гречко аппарата обкома КПСС. Назначил на 15.00. В 11.00 – на велозавод. Выступление в конференц-зале одного из цехов. Много народа. Внешне вроде бы о 60-летии СССР, внутренне же – по наиболее болевым точкам жизни. Мы их знаем, и слушают хорошо, и вопросов не задают. По телефону – с А.И. Ивановым. Прихватил грипп, но главное – болезнь точит. Жалко, что такого талантливого человека рак подстрелил в самом расцвете сил. Он только окрылил коллектив завода, создав простор для полета.

Вернулся в обком. В 15.00 – встреча с космонавтом Гречко. Очень и очень остроумный, с природным юмором мужик. Рассказ 1,5 часа прошел на одном дыхании. Много сложностей на всех этапах полета. Стало ясно, за что дают Героев. Своеобразно – о француженке. Проводили тепло. Звонок, что летит на Саратов министр Васильев, что его [по погодным условиям] не принимают, садится в Пензе. На аэродром. Оказалось, здесь и саратовский мелиоратор И.П. Кузнецов. Встретили, чай в депутатской, потом в особняке на Лермонтова. Московские сплетни. Суслов у Брежнева: «Уходи ты». Вернулся [Суслов домой], и кровоизлияние. Ставка на Черненко. Он хотел собрать [членов Политбюро] у себя. [Но Андропова] поддержали Гришин, Алиев, Шеварднадзе. Решительную позицию занял Устинов. Он и решил вопрос об Андропове. […].

25 декабря. […]. Федор с Деминым и Черновым банкуют вопрос о статье «Сильная личность». Его колебания и тогда, и теперь могут ухудшить и без того плохое дело. Жалко Верхолётова: не жулик он, но станет, вероятно, еще одной жертвой скрытой корысти Льва Ермина, а Лев выйдет сухим их воды. Может здорово погореть Ю.[А.] Виноградов, хотя тут желание не отстать от начальства и корысть его сына, проторившего нехорошую дорожку шабашника. С Деминым посмотрел дело о хищениях в потребкооперации. Дела громкие, за 800 тыс. в общей сумме. По времени – времена правления И. Белоцерковского, которого наградили орденом Ленина и сделали зам. председателя «Роспотребсоюза». Нам надо давать свою оценку. Зачем грех брать на душу? Надо докладывать Федору и вносить на бюро обкома КПСС.

Писатель-журналист Семен Вишневский. Берется делать мою книгу о Пензе. Смысл – патриотическое воспитание. Разделы: «Любуясь Родиной», «Наследие культурное», «Военно-патриотическое воспитание», трудовое, физическое. Можно – [Н.М.] Инюшкина, но нет свежего взгляда, этот интересен свежестью, но пугает незнанием предмета разговора. Сложно, но что делать? С Дорошенко долго бродили около обкома. Он переживает за Верхолетова. Федор не умеет отстаивать свою точку зрения, еще страшнее отстаивать ее в ЦК. Я не хочу вмешиваться. Вопрос надо было решать в 1979–80 гг., теперь поздно.

30 декабря. […]. В музей велосипедного завода. Открывают только первый зал. Мое вмешательство не прошло даром. Хорошо, грамотно, потрудилась Надежда [Зобнина]. Знает и умеет, хотя я заставил завод и дать ей хорошую оплату. Они от нее в восторге. Зал получился. Поздравили. Видел А. Иванова. Бегает, храбрится. Хорошо бы его лет на десять хватило! Талантище потрясающий, человек, который станет для завода легендой! На совхоз «Ардымский». […].

31 декабря. […]. В уме подвожу итоги года. Если брать по крупному счету, неплохой год. Обстановка международная острая, но есть надежда, что катастрофы не будет. Сменилось руководство страны. Вроде бы [Брежнев был] благодушен к кадрам, но именно на его эпоху приходится застой и третирование моего поколения. Простился [с Брежневым] в душе без сожаления. Новый начинает внешне деловито, но как ему удастся преодолеть инерцию аппарата, сумеет ли? Надо начинать с государственной и плановой дисциплины, а жмут на трудовую. В области – что-то хорошо, что-то не очень. В нашей отрасли – нормально. В семье все живы и здоровы, а это главное. Егор – отличник. Пожелание одно-единственное: пусть будет так, как было, пусть новый год не будет хуже уходящего.

1983 год

1 января. […]. С этого года [живу] в четвертую эпоху правлений. Сталинская – родился, с 1942 от комсорга вырос до секретаря МГК, хрущевская – от секретаря МГК ВЛКСМ до второго секретаря обкома КПСС, брежневская – топтание на одном месте, глушь. Андроповская едва ли что может дать, годы ушли. Я только теперь понял, что радость от смещения Хрущева была для меня гибельной. «Гвардейцы» оказались наиболее консервативными, руководствующимися в кадровых делах личными связями и пристрастиями. Убоялись нового поколения, отвергли комсомольские кадры.

4 января. […]. С Федором по телефону, а потом за обедом: заваливают письмами по «Сильной личности», поднимая вопрос 10-летней давности. Ванеев, Акимов, Осипова, Секула, Колесников, Киркиянов и т.д. Вспомнили Амбарова и Каялова. Бьют по Леве, но он далеко, а отвечать [на письма] нам. Кто-то пишет из близких к обкому, ведущих свою «летопись дел». […].

Думал: можно ли рассчитывать на серьезные перемены в содержании партийной и государственной деятельности? Пытался найти ответ в биографии [Андропова], но... теоретически – техникум водного транспорта, практически – огромная случайность в появлении на этом посту. Давно был Карельский (!) обком, а так – аппарат, КГБ. Нет знания промышленности, сельского хозяйства, вообще экономики. Жизненная база слабая, чисто аппаратная, далекая от живых потребностей. Скорее всего, дело ограничится суровой внешностью, выдержанностью формы и не очень коснется содержания. Революционных сдвигов едва ли можно ждать. Содержание останется в руках аппарата, а он – консервативен.

8 января. Зима отступила. Утром 0, всё течет. Прихватил Л.И. Кудрявцеву, Егора и махнули в Шемышейку на Первую зимнюю олимпиаду сельских спортсменов области. По дороге поля голые, зябь торчит. Николашин встретил на границе. Сразу поехали на лыжные гонки. Трасса интересная, но уже по европейскому образцу: снег пять дней для лыжни возили на самосвалах. И это в России, в середине января! Нет на соревновании только трех районов: Пачелмы, Наровчата и Никольска. Нельзя прощать такое. Дал команду вызвать с объяснениями секретарей РК КПСС. Посмотрели гонки. Уровень не очень высокий, но приятно, что люди из села

участвуют. С места гонок на окраине Шемышейки – в мордовское село Колдаис, где шли соревнования по хоккею с шайбой. Сражались шемышейцы и тамалинцы. Вратарь в валенках, без коньков. Лед плохой, но приятно, что в мордовском селе есть хоккейная коробка и идут областные соревнования! Мы объявили, что наступил развитой социализм. Но когда смотришь на эти детали, невольно думаешь, что мы не очень развиты с точки зрения быта, живем и работаем в довольно примитивных условиях.

Вернулись в Шемышейку. Обед в ресторане, а потом торжественное открытие олимпиады. Всё сделано ярко, красочно, с выдумкой. Заехали в Пензе к «Самовару». Люди гуляют по тропе здоровья. Уютное место. Может, и не следует гнаться за его расширением, а лучше подумать о совершенствовании того, что имеем, оснащении спортивным инвентарем, тренажерами; надо сделать выход на Западную Поляну. Хорошо бы открыть кафе «Самоварник» с набором чая.

9 января. […]. Думал о первых шагах [Андропова]. Пока ничего определенного. Какие-то случайные подходы, вырванные из сложной цепи государственной машины. Крутим о государственной дисциплине – а планы липовые, о трудовой – а снабжение и транспорт в развале, о борьбе с пьянством – а без водки не за что брать деньги. Всё в жизни взаимосвязано, и решать проблемы надо, не выхватывая их из цепи отдельными звеньями, а реконструируя и смазывая весь механизм движения этой цепи. Основа же – государственный механизм, покоящийся на экономике. Пока не просматривается цельной системы взглядов на упорядочение этого механизма.

12 января. Морозец -2, но зимы нет. В 8.00 уехал на Н. Ломов. Давно по этой трассе не ходил, отвык от дальних поездок. У Мокшана никаких перемен. Прикинул, куда бы деть Суворова [памятник]. Шепелев встретил на границе. Нравится он мне: скромный, вдумчивый, немногословный, но деловой и настойчивый. Н. Ломов преображается на глазах: новая поликлиника, многоэтажные дома, отличная гостиница и красивая центральная площадь. Это уже новая страница города. […]. На электромеханический завод. Родионов молодой, но энергичный, ищущий директор. По-своему талантлив. Показал магазин, кафе, дворец спорта (подготовили двух мастеров спорта по самбо), поликлинику, строительство больницы, бассейна. В цехах финские бани. Смотрел изделия. […].

По телевидению – о смерти Киселева, 1-го секретаря ЦК Белоруссии. Неужели во второй раз обойдут Ал. Аксенова? Проверим линию...

13 января. […]. Сообщение о пленуме ЦК Белоруссии. Аксенова опять обошли. Избрали какого-то Слюнькова. Линия на отвергание комсомольских кадров нашего поколения непоколебима. Да и сложно ждать другого, хотя Андропов вырос почти вместе с нами из комсомольских работников. Сам выскочил, других боится. Почему?

14 января. Не меняется погода, влажно, течет, туман. Прискакал Н. Жидков, директор цирка. Рвется с женой в Японию, а сам на крючке у КПК […]. Я не стал говорить Жидкову, но поездка не состоится. Посмотрел материалы В. Лысова. Много от демагогии и самоуверенности. «Правда» может влепить. В 10.00 – бюро обкома КПСС. Хищения и растраты в системе потребкооперации. Демин охрип, Никитенков – «обмен опытом». Положение хреновое. Растащили за два года 4 млн. руб., и все молчат, даже Власов. Я опять не стал жать, но сказал, что все относить в прошлое нельзя. В 13.00 – встреча с передовиками животноводства. Есть очень острые, думающие, ищущие люди. Можно почти наверняка сказать, что Н. Ларькина из «Магистрального» – будущий Герой Социалистического Труда. Хватка у нее крепкая и завидная эрудиция. Передовик новой эпохи. […].

После бюро Терехин из кузнецкого колхоза (с. Никольское) – о поездке в Ленинград. Скульпторы, [рассказал он], не понимают, тянут на Пискаревское, «а мне надо сельское кладбище, посвященное погибшим в годы войны». Новая идея. Ее надо претворить, сделать близкой каждому в селе. «Захоронить» по семьям, по родственным признакам. От общих стел и списков уже устали. Хочется найти индивидуальное «тепло».

Объявлено о пленуме ЦК на 14 июня по идеологии. Не с того начинают. Людей, прежде всего дела воспитывают, а за делами – слова. Мы же начинаем со слов, как возвеличить безобразия в экономике?

16 января. […]. Пока есть [чисто внешняя] позиция [у Андропова] (неброскость, опущенная голова, взгляд в пол, внешняя суровость), но нет реальных дел, особенно в экономике, а именно здесь проверяется деловитость, зрелость, кругозор и характер […].

Вечером с Мишей в театр на «Отелло». Противоречивое [впечатление]. Хорошо, что решился поставить Шекспира, да еще «Отелло». Художник Никита Ткачук решил здорово оформление. Сложил удачно пять актов в два. Смирнов тянет Отелло, а вот Шахисламов Яго – нет (скорее, стиляга, обезьяна, вихлястый). Плохи Родриго и Кассио. Разваливается ансамбль, нет культуры пластичности – виноват Рафиков, который взвалил на плечи труппы груз явно ей непосильный. Вообще па-

рень торопится, не хватает ему требовательности, обстоятельности, трезвости, не умеет точно выбирать актеров. Сказал ему об этом откровенно, в присутствии Визи. Кажется, подошло время, когда нужно начинать не воспитывать словами, а идти на ломку, битье, ибо только в борьбе может или закалиться его характер, или он окажется бессильным и пустым человеком.

22 января. К 10.00 – в Дом художника. […]. В. Курдов показал проект бюста Д. Давыдову. Что-то есть, но смущает генеральское обличье, помпезность, нам же нужен поэт, вдохновленный последней любовью, испытавший взлет поэтического дара. Надо еще искать. […].

Кудрявцева, Левков и Ишутин – по положению дел в театре. Идет какая-та заваруха, началась драка, несовместимость […] Визи и молодого Рафикова. Оба делают глупости, один по старости, другой по молодости, а коллектив лихорадит. Жалко терять добрые традиции. […].

26 января. […]. Днем позвонили: коллегия Спорткомитета СССР состоялась, разрешили вратаря поставить. Не зря старался [хлопотал за него в Москве]. Надо бы оторваться от СКА (Новосибирск), чтобы чувствовать себя спокойнее. Вечером на хоккее. Ребята стараются, но уж очень ленивы и неповоротливы. К третьему периоду вышли 1:2, но навалились и закончили 5:2, заколотили четыре шайбы. Заходил к ним в перерыв. Всё понимают, но старики стали тяжелыми, а молодежь отстала. Болезненная смена поколений.

27 января. Не знаю, каким был день по погоде – весь день просидел на заседаниях. Утром зашел Чугунов, первый секретарь Бековского РК КПСС. В связи со снятием Козина поступила масса писем, по которым ведут следствие. Результат печальный: пять директоров совхозов под следствием. А не увлеклись ли мы, не очень ретиво взялись наводить порядок, пережив всего на два месяца автора беспорядков? Не закончится ли этот процесс избиением кадров под благовидным предлогом наведения порядка и дисциплины? Мы – люди крайностей, и я их искренне боюсь. […].

28 января. […]. Беспокоит меня начавшаяся перетасовка кадров. Принципа пока не понимаю: хохлов [меняют] на хохлов, 70-летних на 60-летних, молодых (Макеева) гонят. Заменили Флорентьева на Никонова Виктора. Не увлеклись ли? Не превратится всё это в избиение кадров? Сам [Андропов] непонятен. Сидит в кабинете и тасует кадры, в экономику не лезет. Может породить неуверенность и на этом погореть.

Весь вечер занимался театром. Беседа с Налобиным, Визи. Отпал Шевкуненко. Интересен Баронов. Будем брать!

31 января. […]. Оказывается, как звонили из ЦК, 18 января Андропов пришел на секретариат ЦК КПСС и поставил экспромтом вопрос о перестройке стиля и методов работы. Ноябрьский пленум определил настрой на дела, люди ждут отдачи, перемен к лучшему (что же было худшим? Брежнев?). Нам нельзя обманывать людей [говорил Андропов]. Но есть скептики, которые сомневаются, считают, что не удастся повернуть к лучшему. О заседаниях, бумагах дисциплине (см. «Правду»).

У нас разгорелись пустые прения. Активен Алексеев. Мне поручено подготовить предложения. А не суета ли всё это? Много говорим… Весь день с делами актива. Вечером – о базисе и надстройке. Не там ищем!

Передача о встрече Андропова на Станкозаводе Орджоникидзе. Опять о корректировании планов, трудовой дисциплине. Деталь – ноябрьский пленум стал отсчетом [нового этапа], на съезд уже не ссылаются. Размышления на тему, что марксизм – точная наука и, чтобы грамотно управлять обществом, а не заниматься импровизацией, надо ее знать, опираться на опыт прошлого. А опыт, его суть, состоит в том, что любые задачи надо решать, начиная с базиса. […]. Сколько можно продолжать искать решения в головах, сознании людей, когда они в производстве и производственных отношениях! Но пленум ЦК опять готовится не по экономике, а по идеологии. Боюсь, что и он будет «пустым выхлопом».

1 февраля. Немного в обкоме, а потом с Федором – на вокзал встречать Ю.М. Чурбанова. Поезд пришел вовремя. В генеральской форме и летней фуражке. Отправились завтракать в особняк, обговорили предварительно программу, пока не определившись по Тарханам, и на велозавод. Посмотрели музей, наркологический стационар (встреча с 36-летним пропойцей и мать здесь же), поликлинику в цехе. В 12.30 – беседа в одном из корпусов. Открывал ее я, потом с придыханием выступил Чурбанов. Заметил: когда он волнуется, у него перехватывает голос, мыкается, как Леонид [Брежнев]. Ответили на вопросы. С велозавода – в учебный цех «Тяжпромарматуры». Дело идет. Форма прижилась и себя утверждает. В опорный пункт на моем избирательном участке. Что-то люди делают, думают, надо бы их собрать. Подростковый клуб строителей – сотый, юбилейный! Интересными делами заняты ребята. Детский сад «Гусельки». Потрясающе влюбленная в свое дело Валерия Степановна. Это не сад – легенда! Надо бы еще и мастерскую, и «нулевой» класс.

После чая – в совхоз «Панкратовский». Самородок – В. Бельденков. Не человек, а легенда! В поселке, на ферме. Обед и ужин. В Пензе – «Олимпийские

надежды», «Серебряные спицы» и Ленинский РОВД. Подъем по тревоге. Проколов много, мало работаем, мало тренируем, мало спрашиваем. Ужин в особняке. Уже ждал Федор. Впечатлений масса. Федор откололся от нас после «Гуселек». Разговор за столом ни о чем. Но [Чурбанов] злится на своего министра [Федорчука], боится чекистов, скован. Глупости о ботинках, отрезах. Растащат. Горько…

2 февраля. В 8.45 – в особняке. Вид довольно бодрый и свежий. Вчера хоть и поддали немного, но всё обошлось благополучно, на общем состоянии не отразилось. К 9.30 – в обком КПСС. Посидели, потрепались у меня. Ничего особо серьезного. В 10.00 начали областное совещание. Острый, хороший доклад И.Д. Уланова. Я, пока шел доклад и прения, успел просмотреть последний раз свой доклад на завтра. Иначе времени не будет. Хорошо, что с субботы на воскресенье выправил его, иначе дело швах. Чурбанов выступал последним. Более часа, но очень тускло, невыразительно, без мыслей, с чужого листа, а парень молодой, склероза нет. Просто лень мыслить.

Федор ждал нас. Обедали вместе без спиртного. После обеда на открытие Доски почета. Мера очень нужная и для работников волнительная. Процедура прошла хорошо. Федор – в обкоме, мы – по городу. Музей Ульянова, а потом – народного творчества. Базденкова вносит новое, живет этим делом. Остановка у памятника Победы и в «Золотой петушок». По пути из «Петушка» – откровения о министре [Щелокове?], о ботинках и отрезах, о назначениях. Всё знает, даже звонили. Конечно, печально его [Чурбанова] положение, но и сам виноват. Сложно. Просто в беде не хочется травить человека. Мучается от сомнений. О Щелокове. Три «мерседеса». Вся неприязнь – на министра [Федорчука?], терпеть его не может. Христораднов должен был быть [министром?], но… [Брежнев] не успел. А Андропов решил уже по-своему.

Ю. Виноградов завелся, поехал за травой. Они – в баню, я – домой. Не поймешь, что творится и варится в том котле. Неприятно за партию, что огонь горит под котлами…

3 февраля. Около 9.00 подъехал к особняку. Юрий и его помощник уже встали, но вид помятый. Говорят, что вчера здорово помылись в бане и тяпнули еще после моего ухода. Затянули до 1 часа ночи. Позвонил Тимофеев из министерства: надо [Чурбанову] быть сегодня в Москве – прилетает вьетнамская делегация. Возмущение. Сам министр не звонит, передает через помощников. Конечно, сложно, но что делать? Надо лететь, времена и порядки иные. Как [Чурбанов] ни храбрится, во всем чувствуется неуверенность. Только в 9.50 выехали на актив и появились в

ДПП [Домом политического просвещения] перед самым началом. Состояние у Чурбанова неважное. Начали актив. Мой доклад. Читал почти до конца, но когда почувствовал, что здорово ухожу [за пределы регламента], начал пересказывать страницы. Уложился в 1 час 22 мин. Слушали внимательно. Говорят, что хорошо прозвучал. Прения. Последним – Ю. Чурбанов. Молодой еще, хоть и много воды пил, но голос поставленный, да и парень видный, холеный. Федор заключил и вручил знамя. Уехали в особняк. [Чурбанов] всё возмущается, нервничает. Мне по дороге [рассказал]: был у Андр. [Андропова]: «Пока я жив, волос не упадет». «Министр [Федорчук] с пустой черепной коробкой». Хохлов [украинцев] тянет [на работу в Москву] К.У. Чер. [Черненко]. Убрали Фалина, комплектуют новую команду. Может, появится Бовин. Федор поспел к последним аккордам. В 16.40 уехали на аэродром. Проводили… Сидел в обкоме. Беседа [со следователями] по Южной Поляне. Пока ничего утешительного. Надо давить [торопить]. […].

5 февраля. […]. В 12.00 – в Музее одной картины. Текст, записанный в Москве. Голоса Ульянова, Табакова, Смоленского. Текст сколочен добротно, с хорошей музыкальной подкладкой. Есть один промах – мало о картине. На будущее – больше о ней, меньше о художнике. Когда дошли до организационной стороны, то оказалось, что все опять стоит на месте. Или лень, или нежелание, или неумение. Отчитал Ларису [Кудрявцеву], Левкова, Ишутина. Нужен оргкомитет и мероприятия. В 15.00 – открытие выставки венгров в «Современнике». Мало народа, опять прокол. Что-то не клеится с нашим управлением культуры. Грешат на Федину, а она вообще-то – организатор. Создал оргкомитет по Музею одной картины. Во главе – Ю.А. Виноградов. Пусть вкалывает. […].

6 февраля. […]. В 19.00 – в театр. «Эшелон» М. Рощина. Напомнил декабрь 1942 г. Сам вез торфушек 11 дней от Орехово-Зуево до Пачелмы. Жутко вспомнить, хотя характеры не наблюдал. Помню, как мыкался я. Не думал, что подобное когда-нибудь станет темой спектакля. Спектакль понравился. Он нужен детям, которые должны знать сложности войны. Хорошее режиссерское решение. Ансамбль. Удача художника. Яркие роли. Больше всего – Чернова. Будет из нее актриса и добротная! Поздравил на «пятачке». Поддержал Азата Рафикова. Объявил о приглашении в театр Баронова с согласия всех «эшелонов». Намекнул, что нам нужен театр-эшелон с разными вагонами. Хорошее соревнование – хорошо, но до известных пределов. Всё думаю о директоре. Шевкуненко? Кто против?

8 февраля. Мороз и солнце. Снег искрится. Кажется, уравновесилась зима. Утром в обкоме КПСС занимался всякими текущими делами, готовился к поездке в

Москву, организовал посылку с грибами Вл. Солоухину. В 10.00 – в театре. Вручил грамоту о присвоении звания заслуженной артистки РСФСР Т.Е. Марсовой. Выступили Уксусов, Рафиков. Всё хорошо. Беседа с Рафиковым, потом Бароновым, Ковалевским. Некоторые грехи «Эшелона». Обещал дотянуть и углубить некоторые моменты.

[…]. Ю. Виноградов сообщил, что картина выехала из Ленинграда. Отступать некуда. Уехал на Кузнецк. Снег есть, нет заячьих следов. В РК КПСС беседа с В. Епифанцевым, потом подошел М.С. Чистяков. Надо решать о бюсте Л.В. Смирнова. Дело щепетильное, но, видно, придется им заниматься. Уехал на Неверкино. Где-то за Комаровкой встретился А.Е. Аникеев. Хороший, живой парень, освоил местный колорит. Сразу в столовую. Секретари за ужином. Со всеми поздоровался. Давно не собирали!

11 февраля. […]. Вызвал машину и поехал в обком. Не удержался, заскочил в Музей одной картины. Попал в момент исторический – при мне извлекли из ящика картину В.И. Сурикова «Взятие снежного городка». Конечно, никакая репродукция, никакой слайд не могут и близко передать красоту подлинника. Радость на душе. При мне поместили в раму. Впечатление огромное, идея, действительно, гениальной оказалась. […].

12 февраля. […]. Из дома заехал в мастерскую к Вл. Курдову. Он подготовил новый вариант бюста Дениса Давыдова. Как и советовали, снял генеральский мундир, сделал с хитринкой и лукавым лицом. Мне понравился. Сказал, чтобы работал дальше. Сразу – с кем заключать договор? Решили. […].

К 14.00 с Федором – к Музею одной картины. Открытие. Торжественный момент материализации новой идеи. Отлично выступила Л.И. Новожилова, директор Русского музея: ничего подобного в мире нет, Суриков за 100 лет выезжает второй раз из Русского музея (первый – в Японию, второй – в Пензу и больше не поедет); «за шедеврами не постоим»! Я – без бумажки. Поблагодарил, обратился с призывом к другим собраниям [картин] – поддержать. Зашли в музей. В раздевалке простая работница сказала: «Ну, Господи, благослови, чтобы хорошо получилось!» Просмотр закончился аплодисментами. Махмуд Эсамбаев: «После такой великой картины сложно выступать с моими халтурными танцами». Вернулись в обком. Федор без зависти поздравил. У меня – обсуждение с москвичами. Есть дельные замечания о большей камерности, есть – эстетствующие соображения. Жизнь внесет поправки. Надо думать, что [просить] из Третьяковки и что из Пушкинского.

13 февраля. День воскресный, а посему валялся долго. Это стало какой-то дурной традицией. Да и чувство исполненного долга перед земляками, возвеличивающего их место в России, наполняет душу. Хорошо вчера по телефону сказал Ю. Виноградов – это самое значительное событие из всего, что делали мы в последние годы. Громким эхом отозвалось на страницах прессы. Дала «Советская Россия», вчера «Советская культура», сегодня – информация в «Правде». Несколько раз говорило радио. В заделе – выступления «Известий», «Огонька», а может, и «Литературной газеты». Не думаю, что В. Помазнева побыла у нас даром. Не смогут не заметить это событие деятели культуры, особенно музейные работники. То, что намечалось в интересных рассказах, обрело плоть, родилось и начало жить. Теперь вопрос в пище. Думал о следующих картинах, и трудно пока сказать, что после Ге. Хотели Грекова, но потянет ли он? Может, Репина, Перова, Васнецова. Нужны шедевры, а не просто картины.

К 17.00 – на хоккей. Наши ободрали Воронеж 9:3. Записаны важные два очка. Потом с Мишей в гостиницу «Пенза» провожать Новожилову и московских представителей. Застолье. Оценки самые благоприятные, контакты полезные. Я очень надеюсь на Русский музей и Третьяковскую галерею. Что брать из Эрмитажа и Пушкинского, пока не знаю. Нужен зритель, а не гурман. Новожилова – о «попечителях» [из обкома КПСС]. Я объяснил [внимание обкома к культуре] стремлением воспитать патриотизм, любовь к пензенской земле. Отметил ее подвиг, решившей дать Сурикова. Тон задан такой, что надо держаться на этом уровне!

19 февраля. [Шутливое стихотворение одного из гостей Пензы, посвященное Мясникову, «Владеет Пенза «Петушком»…].

19 марта. [Возвращаясь из Москвы с месячных партийных курсов], проснулся за Пачелмой. За окном хлещет дождь, но поля еще не освободились от снега. По всей железной дороге стаи грачей, видно, направляются в более северные края. Может, для них железная дорога – тоже ориентир движения? В. Дорошенко проснулся свежий, хотя вчера, как ни хвастался, что «снял нагрузку», поддал здорово. Неприятно, что пьет, а потом орет в компании Светалкина, Сысова, Щербакова. Глупит парень, и остановить его некому. […].

Вечером с К. Вишневским и Н. Инюшкиным. Немного о краеведении. Николай, кажется, загорелся и просится во вторник уже толковать о книге. Надо бы ее написать! Есть о чем сказать. Мои не задержались и подарили мне портрет, нарисованный с фотографии художником Глотовым. Получился неплохо. Миша повесил его у меня в кабинете над дверью. […].

20 марта. […]. А. Левков доложил, что съемки в Бессоновке прошли хорошо и завтра встречаемся с Ив. Стаднюком в 12.00. Азат по телефону. Что-то не ладится в театре. Надо решать с директором. Может, Огарева из филармонии? Боюсь всяких завозных и заезжих… Если вчера шел дождь, то сегодня тепло и солнечно. Сугробы на обочинах улиц быстро оседают, становятся черными, грязными. Бегут ручьи. Весна подошла.

22 марта. Сумасшедший день по нагрузке, но смена снотворного повлияла благодатно. Выдержал. Утром отвез Веру в больницу. Поговорил с Н.И. Мошниным, В.С. Бураковым и В.Ф. Огаревым. В 9.30 – в обкоме. Златовратский со сценарием о Пензе. Два инфаркта, обижать не хочется, оставил. Ю.С. Виноградов о делах города. Больше всего о боксе. Узковат он как идеолог, хотя подкупает практичностью.

[…]. Позвал Л. Кудрявцеву. Дал команду на 14.00 вызвать Тарабурина и В.В. Огарева. Хороший, приятный разговор. Тут же прихватили с самолета зам. директора Ивановского театра, утвердили его, созвонились с работниками Министерства культуры и решили… утверждать его замом. Решили о заме по технической части, дал согласие менять старшего администратора. Потом переговорил с Жировом из управления театрами. Тот заочно одобрил все решения. В 17.00 Визи и Налобин. Высказал ему о «разбитом корыте» и хитростях с Нехороших и Абызовым. Говорит – до 11-го апреля. Чего тянуть? Будем решать завтра! Поручил Налобину собрать труппу завтра на 17.00, заодно разобраться с Нехороших и Абызовым. Разговор с Рафиковым. Самолюбивый и властолюбивый: «буду дружить». Нам не дружба, а работа нужна!

Были Уланов, Болдин, отдельно – Инюшкин. Продиктовал ему схему глав книги для издательства «Плакат». Последним – Б. Демин. Заехал к Вере в больницу. С Огаревым, а потом со Златой Беляевой.

23 марта. […]. В 17.00 – труппа театра. Визи струсил, не явился. Представил В. Огарева. Приняли спокойно. Беседа с парткомом и активом о положении в театре. «Разбитое корыто», хотя много отдали сил… Потом с работниками Минкультуры РСФСР о Рафикове. Не стал говорить откровенно до конца, но, вероятно, и его надо менять, искать более умного, солидного режиссера. Жду Баронова. Посмотрим…

25 марта. […]. В 12.00 – совещание по пожарным делам в общественных местах. Лариса горячится, поддерживает [работников культуры]. А если беда, кто будет отвечать? Как объяснить народу? Шутить с такими делами опасно. Беда приходит, когда ее не ждешь. Дал поручение комиссии разобраться и принять меры.

В 16.00 – просмотр видеопленки с участием Уланова и Журавлева. Дубровин вчера начал давать показания об убийстве на дизельном, а сегодня – студентки на Южной Поляне. Хорошо, что я внутренне верил именно в эту версию и жал на нее. Молодцом показали себя Кузьмин и рыбинский Ерохин М.И. Дотянули, хотя масса деталей требует проработки, Но главное уже есть и хитрости возможно, но уже в деталях. Это крупная победа. Понадобилось пять месяцев! […].

27 марта. […]. Около часу дня пошел к Егору на улицу. Решили спуститься к Суре. Но дошли до «Первопоселенца», а там очередь в Музей одной картины. Егор уговорил зайти. Зашел и не пожалел. И в третий раз интересно смотреть. Есть ряд технических сложностей и промахов, над которыми надо серьезно работать. К вечеру пришла Вера из больницы. В 19.00 – в театр. Смотрели «Помелу». Дешевый по сюжету спектакль, но поставлен неплохо, а главное – хорошо играют актеры, особенно Каплан и Лозицкая. Похвалил в присутствии московских критиков. Рафиков мне становится всё менее симпатичным. Хорошо заметил Огарев: ему бы играть Хлестакова! Тонко и умно! Пришли домой. Созвонились с Верой Ивановой. 25-го утром от обширного инфаркта скончался Юрий Баланенко. Чуть не дотянул до 60 лет. Но разошлись где-то давно, перестали понимать друг друга.

30 марта. […]. В 17.00 – в ДПП на собрание художников. Хорошо, что предупредили о тревожной обстановке. Пошел накал страстей. Закрутил Волохо, потом Афанасьев, Орлов и другие. Пришлось самому выступать. Сказал откровенно: не хочу возвращаться к прошлому, к разбору писем и жалоб. Пусть каждый выбирает. Жертвой стал В. Непьянов. Прокатили его. Может, и зазнался, стал поучать. Но недавно умер сын. Обошлись жестоко. Избрали Л. Скоробогатову. О заме вопрос отложил. Из дома позвонил и морально поддержал Непьянова. Тяжело ему.

31 марта. […]. Беседа с В.В. Огаревым по делам театра. Паники нет, спокойно и трезво всё взвешивает. Представили двух заместителей труппе. Мне кажется, что надо решать вопрос и о Рафикове. Нет у него авторитета, делает всё, чтобы на костях нашей труппы пробиться в Москву. Нет ума, любит закручивать ситуации там, где в этом нет никакой необходимости. Чисто театральная натура. Вечером об этом – с Л. Кудрявцевой. Трудно сказать, каков Баронов, но хуже Рафикова едва ли будет. Мудрее, опытнее, взрослее и, кажется, умнее. Говорил с Н.Н. Коновым из Куйбышева. У Веры в больнице.

11 апреля. […]. В 12.00 – похороны А.И. Иванова, директора объединения «ЗИФ». Ушел огромнейший, самобытный талант. Трудно будет заткнуть эту зияю-

щую брешь. После него невозможно найти такого любимца коллектива, ставшего легендой при жизни. […].

12 апреля. […]. Безверие утверждается, даже когда боги развенчиваются молчанием. А мы публично начали, да еще не у себя, а в Берлине, на международной арене, при 140 делегациях (см. выступление Зимянина). Процесс [создания нового культа] начался. Опять «стратегия ноябрьского пленума ЦК», опять в каждой передовице обязательная цитата из речей нового генсека, хотя и сказать-то он толком ничего не успел. Опять скрытая критика прошлого и требование соблюдать ленинские нормы. Довольно знакомые дела, ставшие закономерностью и не отличающиеся оригинальностью. Немного муторно на душе и противно. Особенно набивает оскомину нажим на дисциплину. Лучше делать, чем говорить. […].

14 апреля. […]. Беседа с Левковым, Слицаном и Н. Кугель о судьбе музея в доме Мейерхольда. Страшно всё затянулось. Дал команду забрать всё на себя (Слицан кровно и национально заинтересован) да еще в союзе с Кугель. Москвичи замучили бесплодностью. И новая идея, сформулированная мною: дать ответ на вопрос: а что мы нового внесем в музейную практику? «Вечерняя гостиная». Уютный, под гостиную конца XIX в. зал с 50-ю креслами, хорошим роялем и даже… кофейными столами и подаваемым кофе. Вечерние концерты, фортепьяно, скрипки, виолончели, выступления чтецов, беседы актеров. Брать 2 рубля! Может пойти и эта форма как контра всякого рода дискотекам. Расчет на интеллект и интеллигентность. […].

21 апреля. Ситуация сейчас своеобразная: долго и много шумели о богатстве чемодана и его владельца. Не раскрывая его, объявили о богатом наследстве и преемственности. Открыли и пришли в недоумение: он оказался пустым. Но объявить об этом страшно. Тогда прозвучал призыв нести его бережно, проявлять организованность и дисциплину при движении, но главное – наполнять его действительными ценностями. Какими, как это сделать и где найти эти ценности, вот вопрос, который стоит на очереди. И от того, найдут ли на него ответ правильный, зависит многое. Пока несем, переложив из рук в руки. […].

23 апреля. […]. Беседа с Максяшевым. Он всё у меня перевернул, даже отпуск в ГДР. Принес и заставил подписать договор на книгу в 6-8 печатных листов под условным названием «Город-крепость Пенза». Думаю, что потом будет «Пенза первоначальная». Идея хорошая, но надо писать две дополнительных главы – предысторию и заканчивать описание города около крепости. Созвонился с Верой,

и решили брать с собой в ГДР литературу и бумагу, и тратить месяц не на отдых, а на написание книги. И приятно, и полезно.

В 11.00 – совещание по демографии. Условились, что все начинают работать и готовить материалы. Первое слово за учеными. Со Слицаном – к Глотову. Он подарил мне натюрморт «Пивной». У Курдова смотрели Дениса Давыдова. Проще стал в размере, пропала лукавинка. Надо его дотягивать, но основа есть, и мы его поставим. У Цоя и Олешни [смотрел] Ф. Гладкова. Опять плохо. Не умеют. Думаю, что открытия памятной стелы в июне не будет. Не сделают ребята. Хорохорятся много, а работать не могут. […].

25 апреля. […]. В 11.00 – ленинградский скульптор Теплов, архитектор Сохин и пред. колхоза М.А. Терехин. Нарисовал свой замысел по сельскому кладбищу погибших воинов в селе Никольском. Идея очень интересная, но проверим, что и как получится. Условились, что они нарисуют, а потом примем окончательное решение. Идея понятна и принята. Должно получиться, очень и очень верю. […].

26 апреля. […]. Резкая беседа с постановочной группой фильма о Пензе литературной. Сказал откровенно: сценарий – халтура, результат откровенной выдумки, без знания материала. На его основе фильм снимать нельзя. Ошарашены, но спорить сложно. Обещают сценарий переделать и в конце мая снимать. Я предупредил, что остаюсь заказчиком и право оставляю за собой зарезать даже отснятый фильм, если он мне не подойдет. Моя тема – любовь к родным местам. Они потом ходили в общество охраны памятников. Я им посоветовал повидаться с Базденковой А.А. […].

29 апреля. Нагоняется стон по поводу погоды. Нужен дождь. Озимые нагнетают жажду, а утолить ее на большой хлеб нечем. К вечеру потемнело на западе, но что-то не очень надежно. Позвонил командиру батальона [милиции] и сделал замечание по вчерашнему смотру за плохую строевую подготовку. К 11.00 со Слицаном и Л. Скоробогатовой – в мастерскую к Цою смотреть бюст Ф. Гладкова. За неделю что-то улучшилось, но до совершенства далеко. Затрачено почти два года, а сделать надо за неделю. Хотел отклонить, но пожалел молодого скульптора. Может, и дотянет. Обещается позвать москвича. Я не возражаю. Пока же – «генерал-покойник». Нет идеи, есть мертвая, схематичная похожесть и мыслительная заданность. Нет темы и пластического решения. Нет чувства родины. А может, потому, что – Цой? В мастерской у Вл. Курдова. Отличный Денис Давыдов. Другой уровень мастерства. Это не стыдно ставить, и обязательно поставим к 200-летию со дня рождения поэта. Если не помешает ЦК. […].

30 апреля. К внешней строгости [Андропову] еще бы внутреннюю деловитость, доскональное знание жизни и умение точно и безошибочно ставить диагноз ее состояния и определять с большей точностью перспективы развития – вот, что требуется теперь и чего пока явно не хватает нам. Идей новых нет, а это от незнания жизни, представления о ней на основе информационных справок. Обидно, что не делается и попытки познать жизнь в ее реальности, ее кричащих противоречиях. Без детального знания их нельзя найти правильных решений. Ухватились за дисциплину, но это лишь поверхность, пыль, лежащая слоем. Стряхнут пыль, а сущность, которую она покрывает, останется. Да и к пыли могут привыкнуть. Капитальные уборки проводят изредка. При этом стараются не поцарапать мебель. Чтобы менять интерьер, надо хотя бы переставлять мебель. […].

2 мая. Всю ночь моросил дождь. Утром влажно и прохладно. Как раз то, что требуется для начала мая и закладки хорошего урожая.

К 10.00 – в Музей одной картины. Пенза чиста и нарядна. Дождь освежил и без того молодую свежую зелень. Народа на улицах мало. Послушали текст к картине Н. Ге «Петр допрашивает царевича Алексея». Едва ли художник думал, что его картина будет пользоваться таким вниманием. Порудоминский талантливо чувствует законы восприятия и хорошо знает материал. Молодец Л. Веледницкая. Тексты на уровне высокой культуры чтецов. Трагично всё, как и сама картина, но Ге – апологет Петра I. Мощно звучат мысли о России, ее будущности. Текст получается очень современным. Есть какие-то места, которые заставляют сразу думать и о будущем России, и о роли личности, и о каждом человеке, его отношении к наследству. Здорово! […].

30 мая. По новому расписанию в 7.30 утра приехали в Пензу [из Германии]. […]. Позвонил Федору. Коротко – о делах, но главное – смерть Б.Я. Демина, нелепая, неожиданная. Он сгорел от своей излишней добросовестности. Не умел отдыхать и даже болеть. Условились, что буду на похоронах. Не могу не пойти, много вместе проработали. Позвонил его жене, выразил соболезнование. В 12.30 – в Дом учителя. Отмотал Самохвалова и Антипкина по спецбольнице. Не ладится там дело, теряем кадры. Сказал, чтобы с прицелом назначил председателем комитета Шалдыбина. Надо более серьезного человека ставить на эту службу да и зама по медчасти гнать. Постояли у гроба, проводили на кладбище, похоронили, на поминки не пошел. По дороге – с Федором о делах. Виды на урожай пока приличные. Начинается заготовка кормов. Опять по «Сильной личности». Кто-то в Москве бьет по Льву. Нервы ему портят здорово.

Думали о зав. отделом [административных органов] (может, Артамонова?) и начальнике УВД. Уланов просится на пенсию. Может, походить около Пронина, или кого-либо из партийных работников? […].

6 июня. […]. Н. Инюшкин – о подготовке книги. С Шумаковым из «Плаката». Он – «за» [издание книги Мясникова по опыту идеологической работы]. Надо быстро делать, пока есть время. У Емановой отпросил его [Инюшкина] на 15 дней. Надо и в Москву съездить [посоветоваться] в ЦК КПСС. Смирнов не понял почина пропагандистов. Говорит, что это – задача всей партии. Умные же все!

Ездил в мастерскую Косырева. Смотрели эскизы музея Мейерхольда. Получилось лучше, чем у москвичей, да и надежнее. Найдено совмещение прошлого и настоящего. В мастерской Г. Карпова. Рисует много, но не знает, что хочет сказать и как хочет искать. В мастерской у скульпторов. Ф. Гладков стал лучше, а горельефы совсем хорошие. Надо делать! Созвонился, нашел в Алма-Ате А. Софронова. Окончательно условились, что торжества Ф. Гладкова проводим 18 и 19-го. Он примет участие. Детали за нами. Надо очистить совесть по нашему земляку.

9 июня. […]. О книге «Очерки истории Пензенской организации КПСС» – Федор хочет ее подарить К.У. Черненко. Составил текст, поставил число «12 июня». Кто знает, что будет 14-го? Надо дарить раньше.

Борьба была. Говорят, что Щербицкий, Кунаев и Рашидов называли [кандидатуру] К.У. [на пост Генерального секретаря], но ее отверг первым или Гришин, или Романов. Решающее слово сказали Устинов и Громыко. Правда, вроде К.У. потом снял свою кандидатуру. Но всё это может оставить осадок. Борьба не закончена, перетасовка кадров идет…

В 15.30 – штаб по сельскому строительству. Я говорил: о тональности, о комплексном подходе, жилье и быте, об ударных днях до уборки урожая. Беседа с Лысовым, потом с М. Шаровым. Его – на зам. редактора газеты, а после раздумий – и зав. отделом партийной жизни. Так лучше будет для его роли в коллективе и воспитания журналиста, а не чиновника.

14 июня. […]. В 11.00 – бюро обкома КПСС. Утвердили М.В. Шарова зам. редактора и зав. отделом партийной газеты. Вопрос о нравственных принципах жителей Пензы. Глуповатое решение горисполкома. Кто-то придумал, неграмотно сформулировал, а уже плакат – 1500 экз. да еще жмут в газету. В 12.00 представил в газете Шарова, предупредил весь коллектив (под звуки похоронного марша, [доносившегося с улицы]), что дальше с пьянкой мириться не будем!!! Не может быть двуличия: писать одно, а делать самим другое [о недавней пьянке в редакции]. […].

18 июня. Подъем около 8-ми утра. Заехал. Софронов уже на боевом посту, свеж и бодр. К 9.00 – в обком КПСС. Беседа всей делегацией у Федора. Что-то начинает получаться, выглядит он более серьезно, осваивается. Заехали к «Самовару». Потом в магазин «Пенза». Купил за 100 руб. хрустальное блюдо. В особняк. Повезло. Отказали тормоза у тюменского автокрана, снес дерево, ворота особняка, влетел во двор, но на пути не оказалось людей. Если бы пошел вниз, много бед наделал бы.

Федор решил тоже ехать на открытие стелы. Махнули втроем к Ключам за Кондолем. Митинг. Стела получилась – и скромно, и внушительно. Еще «камень» поставили Ф. Гладкову. Думаю, что музеев не требуется, да и не потянет он. Посадили липки на память потомкам. Полевыми дорогами на М. Сердобу. Хлеба хорошие, хотя смущают яровые. Обед в М. Сердобе. Федор тоже поехал. В 17.00 – торжественное собрание в ДК района. Абрамов – хороший доклад на 28 минут. Трогательно выступил сын [Ф.В. Гладкова]. Сказал о гибели в Афганистане внука Гладкова – тоже Федора. […].

19 июня. В особняк на ул. Лермонтова. А. Софронов уже встал, но чувствует себя не очень, вчера все-таки врезал чуть больше нормы. Позвонил жене. Ругается, что не звонил вчера. Завтрак – и в Музей одной картины. Подъехали остальная компания, здесь же Гольцман со своей съемочной братией делает фильм о музее. Посмотрели. Наконец, нашли технику, срабатывает значительно лучше и чище. Все обалдели. Софронов и Шахалова – интервью для телевидения. Потрясены Музеем одной картины. В ДК «Заря». Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Ф. Гладкова. Кирилл Вишневский дал хорошо. Неплохо – А. Софронов. Отличный концерт «Реченьки». Правда, слабее обычного (много [артистов] взяли в колхоз), но здорово – «Зоренька». Сколько молодости и свежести! А. Софронов пошел на сцену благодарить. Обещал цветную вкладку. Обед в «Золотом петушке». Спокойно, умиротворенно, без суеты и громких тостов. Заехали с Софроновым и Шахаловой в музей Мейерхольда. Показали здание. Софронов уехал, а мы [посмотрели] экспозицию. Хорошо подметила новизну, но опять тот же акцент: а что дала культуре революция? Особенно – Мейерхольда родила Революция. Она раскрыла его дар. Тут есть вопрос. Придется внимательно рассмотреть экспозицию каждого зала. […].

5 июля. […]. В 10.00 съездил в строительный институт. Познакомился с проектами студентов-архитекторов, их дипломами. Заинтересовала ул. Ключевского.

Дал задание вести детальную проработку. Одну деревянную улочку [в Пензе] надо сохранить. Перенести сюда самое ценное. XIX век! […].

7 июля. […]. Кудрявцева, Федина и Огарев – о режиссере театра. Пришли с настроением оставить А. Рафикова главным режиссером. Что с ним будет, если снять с него состояние подвешенности? Как постановщик он талантлив, как организатор – слаб, а как воспитатель коллектива – пустота. Сегодня настаивают, а завтра будут сами плакать. Долго колебались, да и я сам в колебаниях, но решили больше не экспериментировать. Можно потерять труппу. А это сложнее, чем потерять режиссера. Поговорим завтра с новым [Бароновым], послушаем его и, может, примем решение. Стоять на коленях и перед ним не будем. Найдем Черныха… Меньшиха…

8 июля. День с тучами, но жаркий и без дождя. Продолжили рассмотрение дел по областному театру. Встретились с Бароновым. Серьезный, рассудительный мужик. Всё правильно оценивает, трезво мыслит, знает театр и его подноготную. Очень нелестно о детских интригах А. Рафикова. Очень тот запутался в своих поисках. Все сошлось на том, что надо освобождать, а Баронова ставить. Созвонился с Министерством культуры РСФСР. Там «за»! Просят присылать. Позвал Рафикова. Бледный, с театральными придыханиями, но перенес спокойно, попросил о тарификации и приеме в ВТО. Надо, вероятно, решить.

[…]. После пленума беседа с идеологами по делам в театре. Сказал о необходимости искать решение по музыкальному училищу. Там неблагополучно. Явно ошиблись в директоре и пока не поздно, надо исправить, иначе хорошее училище угробим. Котляра жалко, что нельзя возвращать. Иногда сбивается, запивает. На старые дрожжи плохо получится.

10 июля. […]. Весь день смотрел материалы к следующей, самой сложной главе (а может, и не одной) о службе первопоселенцев Пензы. Идти узко – не хочется, брать широко – не справишься. Надо найти такую середину, такой ход, чтобы было интересно и что-то приоткрывало новое для пензяков. Вплоть до давно исчезнувших и сохранившихся обычаев.

А. Аксенова в Белоруссии выдвинули на «другую работу». Линия продолжается. Дважды обошли, а теперь и сдвинули. Трудно понять, какие силы действуют. […]. Вообще, непонятен стиль: за год [Андропов посетил] один завод и ни одной поездки внутри страны и за рубеж. Вероятно, физическое состояние, близкое к тому, на котором закончил свой путь предшественник. Но он [Брежнев] успел, не двигая ногами, побывать в Ташкенте и Баку. Этот вообще никуда не едет.

14 июля. […]. В обкоме КПСС. Поинтересовался делом Верхолетова. Областной [суд] оставил [приговор] в силе, но П. Симонов уже имеет и принес мне запрос зам. главного редактора «Литературки» о решении, который вынес суд. Следят, интересуются. Отнес и запрос, и проект ответа Ф. Куликову. Пусть он мучается, мне всё это дело давно надоело. Жалко только Верхолетова. Боюсь, что врежут нашему суду и попадет Симонову.

Беседа с руководством Ивановского театра. Новый главный режиссер, ставит М. Горького «На дне». Как выразить современность? Раньше – строй толкал. Но сомнительно: одни [шли] на Хитровку [в воры], другие – в партию большевиков, в революционеры. Нам теперь сложно критиковать прошлое. Ведь критикуют, чтобы свергать. А у нас [разве] строй толкает? Едва ли. Значит, надо обличать человеческие качества, уводящие на дно. Настает время критик не ради свергания, а ради совершенствования, но это очень сложно. Отсюда неопределенность литературы, безликость живописи. Проблема интересная для раздумий и исследования. Есть вопрос!

17 июля. Ночью родилась идея: новую улицу, что строим в Даниловке, назвать улицей Лидии Руслановой, а потом установить доску и отметить, кем и когда построены дома. Еще камушек нашей знатной землячке, еще одну точку обозначим в истории края. Тут есть идея! […].

19 июля. Подписал письмо на имя М. Царева с просьбой ВТО открыть музей при театре и малую сцену. С. Юткевич считает идею открытия малой сцены в доме Мейерхольда «гениальной», не имеющей аналогов в мировой практике. Что бы это нам ни стоило, сделаем! Хорошо бы вытянуть к февралю! В годовщину открытия Музея одной картины открыть музей и театр в доме Мейерхольда! Я считаю февраль удачным месяцем. […].

20 июля. […]. В 10.00 представил труппе театра главного режиссера В. Баронова. Приняли с аплодисментами. Удалось всё точно сформулировать, не таясь и признав ошибки. Хочется, чтобы всё встало на место. До 14.00 – прием [посетителей]. Устал. 40 человек. Много больных. Ушел, захромал на левую ногу. Как из молотилки. Мучительное дело. С Самохваловым – в больницу к Огареву В.Ф. В обкоме. Дома. Телевизор. Нет симпатий [к Андропову]. Какая-то надетая маска. […].

21 июля. Внешне безвыездность [Андропова] похожа на эпоху Сталина, но тот, не выезжая, держал все бразды правления в своих руках, активно участвовал в самых главных делах страны, пугал своим молчанием и суровостью мир. Люди чувствовали его мысли, его напряженное стремление идти вперед, его каждое ре-

шение, а оно – событие, поворот, революция, в какую бы отрасль он не вторгался […]. В этом и вопрос, и загвоздка. Можно так молчать, что все ждут, затаив дыхание, а можно молчать, а вокруг шум, гам…

22 июля. Заехал в обком, сказал Федору, что уезжаю в Наровчат с полковником КГБ СССР. Надо посмотреть всё самому. Федяшев сдрейфил, сказал, что отравился. Трусоватый, оказывается, парень. Около 11-ти выехали в Н. Ломов и Наровчат. Погода хорошая сегодня, но стоят лужи у дороги. Вчерашний дождь дает себя знать – поля молчат. Устинов встретил на границе. Заехали в Наровчат, пообедали и сразу в Сканов монастырь и пещеры. Красивая здесь Мокша. Засыпают дорогу, скоро мост построят. Туристам будет раздолье. На полянке у бугра с пещерами нас уже ждут. Сразу беседа о пещерах. Показывают карту. Всё новые и новые ходы. Набралось более 700 метров. Биолокатор. Фанатики. Кроты. Что-то непонятное! Пошли к пещерам. На четвереньках спустились в один из лазов с фонарями. Впечатление потрясающее. Кельи, келья с «гробиком», даже с туалетом. Впервые вижу такое. Это не хуже Киев-Печерских. Вылезли к месту, где обнаружили останки. Дорога. Видимо, яма. Сбросили [расстрелянных]. Кто, когда? Судя по проломленным черепам, сапогам, [сшитым] до 1936 г., это «работа» 1937–1942 гг. Заскребло [под сердцем]: обувь 35-го размера. Ребенок? За что? Нехороший, недобрый осадок, обида за народ. Черепа и кости кричат о прошлом! Оставил чекистов разбираться, сам уехал в Сканов монастырь, а потом в Наровчат. […].

25 июля. […]. В 9.00 – планерка. Никаких больших дел нет на эту неделю, только в пятницу торжественное, посвященное 80-летию II съезда РСДРП, никому не нужное. Но нельзя не отмечать – есть решение [ЦК КПСС]… Федор еще на этот день секретариат назначил. В 10.00 утвердили Пронина и освободили И.Д. Уланова от УВД, объявив ему благодарность. В 11.00 Федор собрал и расписал всех по районам на уборку. […].

30 июля. День начинаю с некролога. Около 8-ми позвонила Дина и сообщила, что скончался только что Виктор Георгиевич Лансков. Цирроз печени удушил его. С самых первых шагов на пензенской земле я был связан с ним. Помню их уютную квартиру, где часто бывали на месте строящегося сейчас банка, первый магазин в Чемодановке, первый универмаг в Земетчино, первый реконструированный ресторан в Городище. Это целая эпоха перестройки сельской торговли, ухода от деревенских шабашников, от засиженных мухами чайных. Много сделано и только потому, что он был волевым, деятельным, умеющим организовывать людей руководителем. Светлая память ему! […].

2 августа. Нужно ехать в Сердобск, но и не тянет, да и не могу не отдать последний долг В.Г. Ланскову, с именем, которого связано так много нужных и полезных для области дел, начиная от магазинов из бетона, мебели в «Золотом петушке», строительства и оформления чайной «Родник», «Дома рыбака» и многих других объектов, ставших эмблемой области, кончая книжными полками в моем кабинете. Можно иметь много хороших идей, но без конкретного и делового исполнителя эти идеи останутся пустой мечтой, маниловщиной. Любой идее нужен хороший творец, исполнитель. Именно таким деловым, умным, толковым работником был Ланское. Около 12-ти с А. Ерохиным – в облпотребсоюз. Постояли у гроба, проводили его до катафалка по Пушкинской улице. […].

6 августа. День опять жаркий, звенящий. Сегодня будет, вероятно, рекорд по обмолоту хлебов. Такую бы погоду недели три назад! Но неплохо, что хоть сейчас сушит. В 10.00 у Федора. Знакомит с Никоновым. Он говорит: «Мы с ним [Мясниковым] познакомились в приемной Г.И. Воронова 22 года назад»! Много времени прошло и пути разные. Разговор о хлебе. Картина снова неутешительная. План заготовок 82,5 млн. тонн, думают получить 80 млн. тонн. Украина из 18-ти [млн. тонн] плана называет 7, будут давать 10. Сложно с сахаром. Потребляем 11 млн. тонн сахара. На человека 43 кг! Сами [получаем] 7,2 [млн. тонн], закупаем у Кубы 2, у кап. [капиталистов] 2. Берем из кап. [капиталистических стран] 1 кг – [по] 1 долл., или 2 млрд. долл. на сахар отдаем. […].

7 августа. Долго валялся, но около 11-ти поехал в обком. Опять день с испепеляющей жарой, хлеб подходит, как на сковородке. Сейчас важно выхватить хлеб, используя это окно, убрать рекордные площади.

Федор у себя. Никонов вместо Ульяновска махнул в Москву. Во вторник – у генсека с докладом о заготовке кормов. Приглашают и трех первых секретарей обкомов КПСС. Естественно, паника! Обговорили многие вопросы. Партсобрание завтра отменим «до дождя», неприлично сейчас заседать. О «Сильной личности». Сказал, что дал команду П. Симонову рисковать до известного предела. Нельзя его [Верхолетова] подводить, да и не заслужил он этого. […].

В газете – постановление о трудовой дисциплине. Нет способности к реформаторству [у Ю.В. Андропова]. Много общих слов и мизерность конкретных дел. Появилась новая формула [в ЦК КПСС]: «высшей целью партии является забота о благе человека труда» (!). Когда до конкретных дел доходят, то отдают это СМ СССР и ВЦСПС. Да и меры жидкие, призрачные. Наш народ такими мерами не ис-

пугаешь. Незнание реальной жизни. Ни одной поездки! Страх перед народом. Не зная его – боятся. […].

8 августа. Антициклон стоит. Опять жаркий день. Передали, что Талалаев намолотил 10.109 ц. Угадали. Планерка. Вопросы отделов. Я сделал замечания по луку. После планерки – звонок Федора тревожный: завтра слушают на секретариате по заготовке кормов. У нас худшие в России показатели. Паника страшная. Для него звонок инструктора – событие, а тут прямо на секретариат да еще за недостатки. Представляю себе! За обедом [Ф.М. Куликов заявил]: «На кой мне сдалась эта работа?» Перед отлетом: «Может, позвонят другие. Не вернусь – считайте большевиком!» Многовато паники, а дело простое: Горбачев отпорет, выбрал он самого слабого [не имеющего покровителей в ЦК], чтобы доложить, что принял меры. Думаю, что просто отколотят и на том остановятся. Могут выпустить и решение. Федор возмущается стилем, хотя с райкомами сами поступаем так же. […].

9 августа. При чтении «Памяти» В. Чивилихина пришла в голову странная мысль: одной из особенностей старой России, наиболее ярко проявившей себя, начиная с Ивана Грозного, была терпимость к разного рода вероисповеданиям. Наличие господствующей христианской религии не исключало по соседству и рядом с собой мусульманства, католичества, инородчества в Сибири и т.п. Только на такой веротерпимости могло возникнуть и укрепляться могучее многонациональное государство русское. Клерикальное государство, когда во главе стоят представители или, вернее, законодатели определенной веры, возможно только на основе фанатизма его граждан. Русскому человеку чужд фанатизм. Он скорее патриот, для него святыня – не вера, а Родина в ее любом обличье. Поэтому клерикализм возможен по необходимости, но он не способен составить «народного чувства» (по Лунину). […].

Федор отчитался на секретариате ЦК. Зря паниковал. Ничего страшного не произошло. Выручил В. Никонов. [Я] узнал сначала от Лучинского, а потом уже [Куликов] позвонил. А рядом другие заботы: разговор с А. Ананьевым и А. Софроновым о делах писательских, иных мирах. Один книги, другой пьесу посылает.

10 августа. […]. Длинная беседа с Н.И. Пучковым из ЦК КПСС. Смутно там все. Нет глубокой теории. Помешались на трудовой дисциплине и на том встали. Всё! Не густо идей и мыслей, текучка. Белянчикова со своими хорошими впечатлениями о Пензе. Нравится всё. Снимают. С Е. Зайцевым о малой сцене. Он «за», но штатов не обещает. Жидкое министерство. Нет ничего, ничего не умеют. В 18.00 встретили Федора. Доволен, что легко отделался […].

17 августа. Отличный день по погоде и хреновый по настроению: Вера хандрит, пришлось ей посылать врачей, неприятный доклад о прошлых сутках – пять трупов и побег трех преступников. Все это сбило с толку. Принял писателя И.П. Золотусского. Хочет писать книгу о Белинском, подарил «Гоголя». Очень короткий, маловразумительный обмен мнениями о Гоголе и пензенском периоде Белинского. […]. Вернулся в обком. Еще одна встреча с Золотусским. Смысл – более плотно отразить корни Белинского, его родные земли, эпоху. Блестящая статья Аллы Латыниной в «Литгазете» Хорошо выдала О. Михайлову за «Дочь писателя». Возмездие, и заслуженное, состоялось. Интересная и глубокая мысль Гёте (в изложении Золотусского): опыт, как правило, является пародией идеи! Он прав: идея не отвечает за свои последствия. Много – о Музее одной картины. Он в восторге!

25 августа. […]. Поехал в Бессоновку [на обрезку лука]. Попал к раздаче [школьникам] лимонада и коржиков. Ребята работают с восторгом, навалились так, что обалдели через три часа. С удовольствием едят, а как [крепко] спать будут! Провел совещание с представителями школ, Казанцевой, ГАИ и др. Поблагодарил, попросил передать ребятам благодарность и настраиваться на два дня ударной работы. Речь идет о спасении лука на 1 млн. руб. […].

По телевизору – фильм о Чаковском. Сионистская мафия. И здесь не забыли показать статью «Сильная личность» Жмут до конца.

26 августа. Объявили «ударные дни», тучи уже ходят, но дождя пока нет. Приехал в обком КПСС. Полдня убил на рассмотрение дел в хоккейной команде. Беседа с Лохматовым и Ерховым, потом с Тесликом и Пережогиным. Назревает недовольство тренером Комраковым. Сколько ни зови со стороны, доброго мало. Да и не случайно его не берут в горьковское «Торпедо». Теория плохо сочетается с практикой: умеет правильно говорить и не умеет делать. Надо, пока не поздно, ставить на место, иначе потеряем. Не везет с тренерами да и свои растут медленно. Поговорил с Грамовым, чтобы взяли С. Ерхова в школу тренеров. Трагедия Лохматова. Ругаем, а настроения не знаем: не может иметь ребенка. Послал к Самохвалову. Сложна жизнь человеческая.

[…]. Журналистка из «Огонька» Толчанова. Поклонилась в ноги и поцеловала от восторга, в который ее привел Музей одной картины. Говорит, что ничего подобного не видела и не ощущала. Сумбурный, длинный разговор с ней. Собирается писать и вкладку фотографий. Приходил Артамонов, звонил Симонов. Прокурор опротестовал решение суда по «Сильной личности». Отослал к Ф. Куликову, но тот

не стал принимать Симонова, отсылает ко мне. А мне [зачем] всё это надо! Жаль Верхолетова.

29 августа. [В ЦК КПСС]. В 7-й подъезд. Какой-то душный, зашарпанный зал, набит битком. Позвали все (в том числе и украинские) обкомы. Начали в 10.00. Удивительное дело: рабочее совещание, но до чего раболепие проникло в клетки и поры партийного актива! Появляются Горбачев М.С., Капитонов И.В., зав. отделами, ВЦСПС, главные редакторы журналов – все встают и аплодируют! Кому, зачем, что это значит, откуда это в партии? Открыл по бумажке М.С. Горбачев. Доклад Е.К. Лигачева на 50 минут. Повторение пространного решения ЦК КПСС об отчетах и выборах, требование отказаться от шаблона, не идти по «наезженной колее». Провозглашают одно, делают другое. Сами не имеют сил выйти из колеи, да и желания нет, вероятно. Всё как шло, так и ехало. Прения […]. Схема старая! Говорить не о чем, сплошные самоотчеты. И скучно, и противно. Единственное оживление: одни называют Лигачева Егором Кузьмичем, другие Юрием Кузьмичем. Каждый раз хохот в зале. И.В. Капитонов «добил», назвав Егором. Закончили около 2-х.

Уехал в журнал «Знамя». Беседа с В. Кожевниковым. Л. Ошанин. Потом заскочил Г.М. Марков. Просмотр цифр в орготделе у Гусева. В гостинице. Корреспондент «Спорт в СССР». Потом Лолий Замойский. Помешался на идее масонства: все в России – масоны от Павла I до Троцкого и Зиновьева. Звезда Давида, Соломона, наша звезда...

2 сентября. Стоит, держится на хорошей погоде осень, позволяя широко вести уборочные работы. Сегодня перешагнули большой рубеж – сдали государству 1 млн. тонн хлеба. Правда, осталось 180 самых тяжелых тысяч тонн. Но миллион – это уже событие! […].

Корреспондент «Советской России». Сказал, что дело не в пище [духовной], а облике области. Патриотизм. Отослал его с Дубровским на Рамзай и Мокшан. Кажется, понравилось. Пусть пишет… Н. Кугель. Письмо М.И. Цареву по музею Мейерхольда. Сумеют ли найти штаты? По телефону говорил с Дан. Граниным. Книгу получил, заинтересован в работе Музея одной картины. Собирается приехать с Новожиловой и Сусловым из «Эрмитажа». Жалуюсь на отсутствие фанатизма у владельцев картинных галерей. Не понимаю их: они, а не я, должны стоять на коленях [о необходимости показывать картины великих художников в провинции].

12 сентября. […]. К. Вишневский и Н. Инюшкин с идеей исследования влияния внешней среды на человека. Позвонил первому зам. министра просвещения РСФСР. Веселов ушел в отпуск. Забил пробный камень: тут есть идея, и может по-

лучиться интересное исследование, правда, если оно будет доведено до рекомендаций. Воспоминания о Вучетиче. Разговор об Эйдельмане и проблеме масонства. Есть зацепка с сионизмом.

14 сентября. […]. В 14.00 – встреча с командой «Дизелист». Комраков немного краснобай. Говорит складно, а на деле получается не очень. Предупредил, что для всех этот сезон решающий. Во вторую лигу переходить не будем – распустим команду. Устал немного от забот с ней.

Беседа с генералами по батальону милиции и конвойному полку Деженова. Провалы идут. Надо менять, а на кого? Что-то разладилось в этих службах. Пригласил УВД по поимке беглецов – братьев Кукольниковых. Где-то засели и с 22-го нет о них сведений. «Топот» ничего не дает, даже мешает. Решили пойти на тихий, глубокий, оперативный поиск. Но штурмовать всю Пензу. Это поможет выявить и другую хмарь.

19 сентября. […]. Встреча с Антипкиным, Швечковым и Фионовым. Хочется сделать поворот в сторону ПТУ, попробовать поднять их престиж, переставить акцент со средней школы на профтехобразование. Есть идеи.

Вечером по телефону – с Ю. Седовым. Хорошо бы двух-трех Героев Соцтруда перевести в ПТУ наставниками-воспитанниками. Одобрить бы это решением бюро обкома КПСС. Еще бы ряд добрых инициатив, рабочие советы.

21 сентября. […]. В 17.00 сверстали хлеб. Федор доложил Черненко, Горбачеву, Воротникову, Капитонову. Событие большое – 1.130 тыс. тонн. Такого не бывало с 1978 года. Величайшая и труднейшая победа! Теперь надо делать сахарную свеклу, идти к 900 тыс. Она есть, надо только взять. Капустян отмолотил Федора, что много накопали. А что делать? Я сказал, чтобы спокойно относился. Беседа с Ю.В. Седовым. Хочу его втянуть в воспитание ПТУ. Надо найти, может, новую форму. Оставить у станка и сделать шефом-наставником. Тут есть хорошая идея. Откровенно – о школьных делах. Думающий мужик.

22 сентября. Солнце жарит, и всё страшнее становится за свеклу, но обратного хода нет, того, что сделано, уже не поправишь, ленту назад крутить нельзя, только вперед… К 9.00 – на аэродром. Прилетел А. Ряхов, командующий ПРИВО, и член военного совета Г. Громов. Не встречать нельзя. Сразу в зенитный батальон. Что-то почистили, но – бардак. Потом в саперный батальон и депо. Запустенье, бараки, воды нет. Страшно становится. Сколько заморожено без пользы для народного хозяйства техники – уму непостижимо! В каком небрежном состоянии всё это содержится, как низок уровень элементарной дисциплины среди военных! И чем

выше, тем хуже, тем ленивее люди. Всё ради внешнего эффекта. Внутренне же всё это – грабеж народа и государства, бесхозяйственность и нерадение. Обед в особняке. Подключился Акимов. Он с ними на ВЭМ, я в обком.

Успел перебрехаться по отгрузке сахарной свеклы с российским и союзным министерствами пищевой промышленности. Коломиец обещал завтра утром решить вопрос. В 18.00 – партсобрание аппарата обкома КПСС. Доклад – импровизация на 50 минут. Получился, хорошо слушался, хотя не очень классичен и объемен. После собрания – беседа с В. Панькиной о переключении ее на систему ПТУ: создать и вспахать целину.

[…]. Позвонили, что задержаны братья Кукольниковы. Вызвал машину и поехал в УВД. Поздравил с успешным завершением операции. Беседа с преступниками. 35 – Александр и 40 лет – Николай. Умные, грамотные, хорошие психологи. Не считают себя преступниками, а имеют по четыре судимости. Убийство. Сложно всё это.

25 сентября. В суете этих дней забыл об одной важной дате: 22 сентября ровно 22 года, как я стал вторым секретарем обкома КПСС. Теперь подучается, что из 44-х лет существования областной партийной организации, ровно половину являюсь вторым секретарем обкома. Может, да и скорее всего это так, установлен своеобразный рекорд. Пожалуй, я сейчас самый старый по сроку исполнения должности второй секретарь обкома КПСС во всей партии. Не вспомнят ли об этом на отчетно-выборной конференции? […].

Вчера купил энциклопедию «Гражданская война в СССР». Страшная особенность: что ни биография крупного военного, участника Гражданской войны, так жуткая закономерность – годы его кончины 1937–1940. Немногим удалось перейти рубеж этих роковых в истории государства лет. Понятно, что Сталин боялся военной оппозиции, но нельзя поверить, чтобы все военные были врагами народа.

4 октября. […]. В 11.00 уехал со Швечковым и Панькиной в СПТУ №7. Сразу неприятный осадок: моют полы, открыли парадную дверь, метут у входа в училище. Решил зайти с тыла в гараж, мастерскую, общежитие. Впечатление неприятное. Запустение, небрежение, ничем не объяснимая безучастность к быту. Шифоньеры поломаны, тумбочки разбиты, радио нет, телевизора не видят. А ребята хорошие. Просто из неудачных или больших семей. Они ни в чем не виноваты. Так жизнь сложилась. В библиотеке. Несчастная по судьбе женщина, сама ничего не делающая, биолог, так глупит ребят, что за нее стыдно: читает по слогам и только сказки. В новом помещении самого училища. Кабинеты есть, но без души сделаны. Учителя халтурят, а все на 1,5–2 ставки, тетради не проверяют. Впечатление тяже-

лое. Сколько тут проблем воспитания – уму непостижимо. А мы этого не видим, не знаем и удивляемся, что они хулиганят. А что им остается делать?

Проблему о сложности ребят выпячивают, чтобы оправдать свое безделье. Хотя из нее можно и нужно сделать другой вывод: раз трудно, значит, надо удвоить и утроить усилия. Этого-то и как раз нет. А мы молчим!

Открытие театра и спектакль. Премьера.

5 октября. Погода портится, моросит дождичек, но он нам уже не страшен: вышли на 760 тыс. тонн сахарной свеклы, а накопанной – 813 тыс. тонн. При всех вариантах план будет сделан! Не оставляю мысль перекрыть рекорд 1973 года – 817. Это будет потрясающая победа – рекордная сдача.

Федор вчера был в Сосновоборске. Никаких особых мыслей не привез, хотя, судя по рассказам, много мотался. Идей нет, нет и наблюдений. Очень нервничает: ЦК, по инициативе т. Лигачева, свихнулось на требованиях вводить женщин. Требуют еще одного первого секретаря, во всех РК КПСС по женщине-секретарю, в зам. предах облисполкома. Жмут и давят на высоковозрастный состав секретарей обкома КПСС. Сложно ему [Ф.М. Куликову]. Надо бы послать их подальше, сходить повыше, но команда зав. сектором для него уже событие. […].

10 октября. […]. В. Бутов – новые данные по Руслановой. Наверняка она Лейкина Прасковья Андриановна и рождения 1895 г. Остальное – детали. […].

11 октября. Моросит. Ночью хлестал дождь. Свекла медленно, но прибавляется. Сегодня выполнили и обязательства – 785 тыс. тонн! Дал команду броско дать это в номере на четверг. Говорил с зам. зав. отдела сельского хозяйства [ЦК] Поляковым. Он кричал, что рано копаем [свеклу]. А мы не только первые в России, но и можем оказаться в числе нескольких (может, еще Белгород), которые выполняют план. […].

19 октября. […]. Говорил с Артамоновым и Черноусовым. Что-то, говорят, В. Журавлев, облпрокурор, ходит скучный. Считает, что вчера здорово досталось на собрании. Согласовали вопрос о том, что в следующем году будем слушать прокуратуру области на бюро обкома КПСС. Надо этих пижонов ставить на место. Чем выше самомнение, тем больше жди нелепостей и упущений в работе. […].

11 ноября. […]. Беседовал с В. Бароновым из драмтеатра. Пока спокойствие, но зреет время, когда надо давать серьезные спектакли. Он «Варваров» оттягивает на февраль. Боюсь торопить, хочется, чтобы заявка была достойная, но он хочет

выкрутиться двумя детскими [спектаклями] и вампиловскими «Провинциальными анекдотами». Пока это уровень не главного режиссера. […].

15 ноября. […]. Пленум ЦК отнесли на конец декабря. Может, врачи все сосчитали уже [сколько осталось жить Андропову]. Политбюро ведет К. Черненко, но выступать на пленуме готовится М. Горбачев. Не его ли метят в приемники? По возрасту – да, а как по опыту? На плечах планету держать!

16 ноября. […]. Читал Маковицкого «Жизнь Льва Толстого». Понятно его искание веры. Мучился он много, мучиться должен каждый думающий человек. По мне [искание веры прошло] через испытания и наследие предков, многие из которых жили (буквально) этим. Доволен, что сохранилась их память. Особенно [вдохновляет икона] маленькая из Коповки (Ант. и Феод.) [святых Антония и Феодосия]. Есть магическая вера и действует. Чем, вероятно, старше, тем меньше беззаботности и тем больше тяги к далекому прошлому, к истокам, к исходному пункту – родным местам, родным людям, давшим тебе жизнь и что-то передавшим в генах.

24 ноября. Морозец -6, днем падал снежок, укрывая белым пухом землю. Всё пока работает на хлеб, хотя до него далеко. На приеме – В. Арзамасцев и зам. по науке, кажется, Полукарова. К работе приступила, но вопрос жилья… Пока поместил в общежитии цирка. Она влюблена в литературу и должна дать что-то новое, свежее. В 10.00 – бюро обкома КПСС, утверждение кадров. Много молодых, светлых, свежих, и это радует сердце. Идет неплохая замена. […].

29 ноября. Вчера прочел первый том Андрея Вознесенского. Конечно, он от бога талантливый поэт, но с какой-то шапкой набекрень. Чтобы его понять, надо очень вдумчиво читать, а чтобы усвоить – из стихотворений выбрать жемчужины. Их рассыпана масса, но скрыта в словесной шелухе. Звонила Т.П. Толчанова из СП СССР – книги и письмо передано П. Проскурину, но он просто дать автограф не хочет, а ждет, чтобы дополнить собрание его книг новой, которая должна выйти в декабре. […].

Уехал на хоккей. Наши с огромным трудом выиграли у Череповца 4:3. Инфарктная игра. Приятная встреча с Н.Н. Озеровым. Идея – собрать из всех команд воспитанников «Дизелиста» и сыграть с иностранной командой.

3 декабря. Улучшаем стиль работы – четвертую субботу подряд заседаем. Сегодня – XXXV городская партконференция Пензы. […]. В перерыве за чаем А.Е. Щербаков – по поводу названия площади у нового горкома и горисполкома. Многие – за конкурс, кто-то предлагают назвать площадь Конституции, кое-кто Пушкинской,

в руководстве города – Советской, а Советскую переименовать в пл. Борцов Революции. Я отверг все эти варианты. Надо назвать Центральной и всё встанет на место. Другую [площадь] – Суворова. А вообще надо посмотреть, закладывая перспективы их украшения (бюст Суворова). […].

7 декабря. […]. В.А. Бутов принес книгу «Смерть победившие» нашего земляка [Н.И. Масленникова] из Варыпаево. Был офицером, попал в плен, раз бежал из концлагеря в Германии и через Чехословакию дошел до Украины (предали бандеровцы), потом бежал из Освенцима. Жив до сих пор, хотя натерпелся и там, и у нас много. Личность просто потрясающая. О нем фильм можно делать. Вернул книгу, попросив передать мой восторг и подвигами, и делами.

В 17.00 представил Ю.А. Лаптева как зав. облздравотделом. Произнес речь о делах здравоохранения: база, совершенствование, специализация.

Был на хоккее. 5:1. Стало веселее.

14 декабря. […]. Беседовал с группой из «Динамо». Хочу передать им велотрек на баланс. Надоели профсоюзы и «Спартак». Трепа много, а ни дел, ни денег. Правда, профсоюзы завозились, посмотрим, что можно для города получить из этого столкновения. Загулял и серьезно В. Баронов, режиссер театра. Подозрения были не напрасными – прорвало. Отбил к себе интерес, надо возвращаться к Меньших. И медлителен [В. Баронов], и алкаш. В 17.30 – 60-летие Н. Каткова в ДПП. Поздравил, вручил грамоты «заслуженного» и почетную. Где-то не понравилось, что он воспринял это как должное и не нашел ответных слов. Не воспитываем. Уехал домой. Хотел раньше лечь и выспаться, но ввязался в «Победу» А. Чаковского (написанную здорово, особенно – психология и замыслы участников переговоров) и читал до 2-х ночи.

15 декабря. На вокзал встречать москвичей не поехал. Это забота Федора и Дорошенко. Приехал в обком к 9-ти. Поразительная тишина. Все сосредоточено на предстоящей конференции. Аппарат затих, районы молчат. Работают люди с бумагами. Отдали проект постановления в набор еще вчера, сегодня днем получили гранки. Материал [просматривал] с Гусевым. У него нет особых вопросов. Вместе обедали. Проблема инициативы. Ее можно и не проявлять, никто не заставит. Проявлять же инициативу всегда рискованно – можно поплатиться. «Первопоселенец» – это и наличные деньги, и 19 тонн бронзы. Схватит КНК – берегись, а КПК – еще хуже. Обстановка заставляет не столько искать, сколько быть острожным, не ошибаться. Хотя делать надо, без поисков скучно и бесполезно. […].

17 декабря. Поднялся около семи. Сегодня большое событие – XX областная партийная конференция. Страшно подумать, но это факт: из двадцати областных конференций я участвую и избираюсь на 11-ти, а на 10-ти был делегатом. Поразительное долголетие. Ветеран областной партийной организации, уже ее «половинная» история да еще в самой активной форме. Заехал в обком, прогрел нос, нанюхался порошка. Опять с утра льет и чихается. Федор мучается с докладом, еще что-то правит. В театр. Народ в сборе, явка отличная, нет одного В. Бельденкова – прихватило сердце. Начали точно. Федор сделал хороший доклад на 1 час 45 мин. Мне понравилось, что прозвучало много фамилий, назвал всех секретарей и самого себя в недостатках. Проблем же больших не было. Отличные прения. […].

19 декабря. […]. Весь день у себя. Всякие текущие дела, но даже после конференции нет вдохновения ими заниматься. Нет ясной цели движения, конкретных ориентиров. Общий шум о дисциплине. Говорил по телефону с М.В. Грамовым, потом с Н.С. Черныхом из ЦК КПСС. В. Поляничко добивают: замзавом не сделали, а теперь и не избрали секретарем парторганизации отдела. Говорят, переживает. Зря из Оренбурга [уехал]!

20 декабря. […]. В 14.00 встретился с народным артистом Б. Штоколовым, поблагодарил его за концерт. Держится спокойно. Разговорились о музыкальном творчестве. Есть у него идея спеть песню времен Куликовской битвы и даже… былину об Илье Муромце. Говорит, что нет «звонких гуслей» на Руси. Всё растеряли. О книгах. Он собирает афоризмы «В мире мудрых мыслей». Говорит, есть томов шесть. Знает Л. Толстого «Круг чтения». Уловил, что важнее всего не прошлый и не будущий, а сегодняшний день. Тут есть глубокая идея. […].

24 декабря. […]. Звонил в Москву. Главного на пленуме ЦК не будет. Тогда непонятно, зачем переносили. Да и вообще какая-то странная история: взялся [Андропов] за дело, а здоровья нет. Откажись сегодня, отдай сам [власть] другому, но… это не в нашем духе, хотя величаем громко и ссылаемся на «ленинские нормы». Не хватает мужества отказаться от поста, хотя и владеть им нет сил. Придумывают записки, обращения и т.п. Сложно и тем, кто наверху. Есть странные несовершенства в нашей системе, которые мешают делу. И никто не знает, как их устранить, как развернуть силы, как уйти от наследования, исходя из интересов дела.

31 декабря. Последний день уходящего года пришелся на субботу. Вчера всех и вся поздравили, хотел идти на работу, но долго провалялся, да и особых вопросов нет. Правда, Федор с утра сидит в обкоме, потом чего-то мотался по городу, а в обед опять обкоме. Позвонил ему, сказал, что встречать [Новый год] буду в «Ни-

ве». […]. В «Ниве» А.Я. Петрова с мужем, ее дочь с мальчиком. Всё уютно, неплохо, но дом большой и бестолковый. Одно крыло сырое, синтетики много. Посмотрел «Иронию судьбы». Хороший фильм, хотя есть натяжки. Зря затянули на две серии. Повалялся часа полтора, но не уснул. Поспала и Вера. Засиделись. В спешке проводили ушедший год. Не сказав ни слова недоброго в его адрес (хороший был год), поздравили с Новым (Ю. Андропов и выступить не сумел), пожелали, чтобы он был не хуже ушедшего. […].

Короткие итоги. В международном плане – обострилась борьба двух сил на земле. Это не преддверие войны, но очень серьезное сползание к худшему. Хорошо, что тучи не затянули небо, хотя в некоторых семьях – горе от потерь в Афганистане. В общественном плане – пока сложно. Год под руководством нового [Генерального секретаря], который полгода не работает. Старого уже критикуем, а новый (кроме требования повышения дисциплины и ответственности) пока ничего весомого не предложил […]. Промежуточное состояние, на середине течения между берегов.

Область сработала хорошо по всем основным направлениям. Особенно приятно, что удалось преодолеть застой в сельском хозяйстве. Это хороший, добрый, реальный сдвиг, хотя он зависел от погоды. В семейном плане всё осталось на месте. Чуть стареем, хуже здоровье, но жаловаться грех. Не было бы хуже, удержаться бы на отметках прошедшего года. Большего не надо.

1984 год

5 января. Утро начал в адм. отделе ЦК КПСС. Сначала у работника нашего направления. Совещание одобряет, он хотел бы поехать на него, но без начальства не может. Попросил соединить с секретарем Н.И. Савинкина. Принял сразу, знаем друг друга давно. Несколько слов о милицейских делах, потом о совещании. Одобрил, дал команду позвать работника и объявил о решении послать в Пензу. В орготделе ЦК. Беседа с А.Ф. Ковлягиным. Скучает по Пензе. […].

У П.Л. Проскурина. Жена, теща – режиссер из Калинина. Усадили за стол, поговорить не дали, хотя мыслей у него уйма. Он из той касты писателей, что стоит за русский народ. Проблема мафии, даже масонства. Кому-то наверху нужно, чтобы не было русского народа; отними у него искусство и литературу – и он безоружен. В Союзе писателей Москвы из 2 тыс. членов 1 тыс. евреев и 636 русских. Борьба идет под ковром, ничего не поймешь. Герои [художественных произведений] – разрушители, нет созидателей. Дерюгина [героя романа Проскурина] не принимают.

7 января. Володя [Полиглотов], по беспокойству характера, разбудил точно в 7.30. На улице морозец -5, светает, а главное, слышен гул самолетов в Быково. Значит, полетим. Процедура завтрака, к которой я не очень привык. Такси уже у подъезда. С Володей, Зоей заезжаем на кладбище к маме. Сегодня ей было бы 90 лет и уже 21 год со дня гибели. Острота утраты потушена, но заноза в сердце сидит и уйдет только со мной. Постояли молча у могилы. Слова излишни в минуты памяти о матери, которой ты обязан всем. […].

9 января. Вчера и сегодня падал снежок. Может, землю успеет прикрыть до морозов? t около 0. Нет рождественских морозов. В 9.00 начали бюро обкома КПСС. Заслушали сообщение А.П. Сысова и Суконцева по планам и бюджету на 1984 год. Вопросов почти не возникло. Замечена одна новая особенность: почти на 15 млн. «сократили» налог с оборота по производству и продаже спиртных напитков. Медленно, но люди пьют меньше. Значит, затраты сил не были пустыми. Но как бюджет? […].

Был Я.Г. Слицан по поводу своей жены. Жмет на «еврейство». Сказал, что я не боюсь евреев. Наши зря ломают копья по пустякам, не умеют делать дело. Беседа с В.И. Болдиным. Поразительный случай: директор школы №… К… оказался гомо-

секом, да еще схватил люэс. Надо прогонять, но как сделать менее шумно, чтобы не колыхнуть родителей? Прямо на бюро РК КПСС? Пока я разбирался по сексуальным делам, завпост [зав. постановочной частью] театра Фенченко… Падают кадры. Идеологии не везет. Говорил с В. Бароновым. Пока ничего реального, но уже требует 4-комнатную квартиру. Рановато. Боюсь, что главрежа вообще не получится. Пропадет и эта квартира.

10 января. […]. В 18.30 – в музее Мейерхольда. Выходим на финишную прямую. Как получится, пока не знаю. Или очень плохо, или здорово. Один из объектов, который я заранее рассчитать не могу. Название – Музей театра (потом – дом Мейерхольда). Больше [в экспозиции] давать своих, убрать иностранщину, [показывать] не только фотографии, но и предметы. Открытие 11-го февраля. В тот же день спектакль «Колокола». Посмотрим…

11 января. […]. В 10.00 – сессия областного Совета народных депутатов. Послушал доклады, выступления. Мне все-таки очень нравится взгляд на проблемы города А.Е. Щербакова. Есть у него мысли, умение видеть и обобщать, хотя мешает известная амбициозность. Злит наших.

[…]. Борьба [Андропова] за дисциплину – лишь поза суровости. Предшественника забыл воспитанник. История заставит платить.

14 января. Недолго держался мороз, опять теплеет. Мягкий, сиротский январь, ни снега, ни морозов, мутное равновесие. Встал рано. Сегодня день забили сами себе – назначили совещание по вопросам оборонной работы. Раз сделало ЦК, нам надо обязательно поддержать. Сегодня же прилетит министр Плешаков выбирать место под новый завод. Пользуясь паникой (поручение ПБ [Политбюро ЦК КПСС]), постараются вырвать площадку без сноса и с минимальными затратами на развитие города. Прием этот обычный. Федор попадется, хотя надо бы мурыжить и не торопиться, не раскрывать душу нараспашку. Если есть поручение, всё равно будут строить, каких бы затрат ни потребовалось.

Начали совещание. Открыл Федор и сразу убежал встречать Плешакова. Пришлось вести мне. Зайцев, Федяшев, Чечель, Лотков. Потом сделали перерыв на обед и показали кое-что. За обедом встретился с Плешаковым. Федор, конечно, заключать [совещание] не может, раз дело дошло до тостов. Уже затянуты Власов, «Касе Маре», добром это не закончится. После осмотра в 15.00 начали заключение. Дал слово инструктору ЦК Ведерникову Г.К. Поразительное дело: час молотил, а спроси – о чем, сказать трудно. Учения, о будущем семинаре в Семипалатинске, к нам это никакого отношения не имеет. Диву даешься тупости и

бездарности элементарнейшей. Я заключал. Сказал главное: [наша] военная доктрина – кто-то злой подбросил лозунг с белой простыней; мы должны быть готовы; опыт войн и русско-японской, и Первой, и Второй мировых. Опыт Отечественной: воспитание людей. Ни паники, ни благодушия! […].

15 января. […]. Н. Инюшкин с текстом книги для «Плаката» вчера уехал в Москву. Соберет редакционные замечания, а потом надо тщательно всё перелопатить […]. В газете «Советская Россия» сообщение, что в Ростове открыт «музей театра». Нас опередили. Придется искать свое название. Для престижности и оригинальности хорошо бы назвать «дом Мейерхольда», а малую сцену – гостиной в доме Мейерхольда. Но кто возьмет на себя такое решение? Надо с министерствами РСФСР и СССР посоветоваться. Может, ограничимся телефонными звонками, а ответственность за мной. Отдел культуры ЦК едва ли решится. Там дремучие люди. В газете «Правда» – указ о назначении Щербины зам. председателя СМ СССР. Еще один украинец в правительстве. Что ни назначение, то хохол (Ващенко, Сизенко и т.д.). Создаем Центральную Раду, что ли? […].

16 января. […]. Говорил по телефону с Е.В. Зайцевым, зам. министра культуры СССР. Условились, что он нажмет на Третьяковскую галерею по картинам для Музея одной картины. Надо определиться, что мы хотим. Название «дом Мейерхольда» не поддерживает. Да и я подумал: чтобы не загубить дело, лучше не рисковать […]. Звонил В. Порудоминскому. Он прислал письмо, понял мои сомнения. Договорились еще всё взвесить, чтобы держать ноту, которой начал жить музей [одной картины]. Только шедевры! […].

17 января. […]. Пора бы показаться хоть в каком-то виде тому, кто работает «в полном объеме» и «неутомим» [о Ю. Андропове].

Вчера смотрел «дневники Гальдера». Очень сложно по заключению пакта с Германией в августе 1939 г. Такое впечатление, что договорились о разделе Польши, республиках Прибалтики и Бессарабии. Ценой этих уступок Гитлер вырвал право на разгром Польши. Нам она не была дружественной. Удалось взять Западную Украину и Западную Белоруссию. Оставление немцам Львова – ключ к разгадке.

19 января. […]. Говорил с Томском. Их газету назвали лучшей в ЦК, а секретарь по идеологии говорит, что меняют зав. отделом пропаганды газеты за плохую работу. Интересная деталь: сын К.У. Черненко – зав. отделом пропаганды Томского обкома КПСС. Не тут ли истоки быстрого роста Е.К. Лигачева? Беседа с А.Г. Жуковым по садовому домику. Успокоил [меня], показав инструкцию, что можно иметь

45 кв. м. А я хотел ломать угол. Парткомиссия считает, что делать этого пока не надо. Надо как-нибудь замерить, мучаюсь… Был на хоккее. Выиграли 5:4 у Тольятти, но инфарктная игра. Не ладится с командой и болельщиков мало. Назревает время отказаться от риска переплат и т.п. Закрывать!

25 января. […]. Ответы [Ю. Андропова] в газете «Правда». И спрашивает только она [газета], и ответы повторяются, составленные не лучшим образом. Осталась единственная форма разговора с миром. Состояние, вероятно, не очень хорошее. Лесечко умер 21-го, по телевидению некролог – 24-го, а в газете – 25-го. Трудно было согласовать, так и нет подписи [Андропова]. [Некролог подписали] Тихонов, Черненко, Громыко Алиев…

30 января. […]. Обстоятельная беседа о книге с П. Максяшевым. Пора сдавать в печать, а ее нет. Решил пока кое-что собрать, а приедет Федор, уйти на две недели сделать вариант для редактора.

Разговор по телефону с Ю. Мелентьевым, министром культуры РСФСР. Укусил его за бюрократизм. [Обсудили с ним вопросы] о картинной галерее (переходе в новое здание), о музее театра («злую заботу приобретаешь, сионисты потянутся страшно»). О. Комов сделал отличного Лермонтова. Надо его брать. Но кто будет платить?

1 февраля. […]. В 11.20 с А.Е. Щербаковым на склад НИИЭМП […]. Ищем вариант, как накрыть стадион «Темп». Заехали и на стадион, сняли размеры. После обеда – с Давыдовым из «Пензгражданпроекта» и еще одним, довольно толковым инженером сидели около 2-х часов и мучались над проблемой, как, имея два склада 62 х 36 метров, перекрыть стадион «Темп». С Москвой говорил. Там поддерживают, выделяют два комплекта. В результате раздумий нашли вариант – превратить эти две оболочки в фонарь над самим полем, а остальное покрыть легким материалом. Завтра посмотрят и дадут первые прикидки и предложения. […].

3 февраля. […]. В 19.00 – в Музее театра. Полиэтюд. Мутный текст декадентский и непонятный, зачем и о чем. Отругал Н. Кугель. Музей вырисовывается, но многовато сионистов. Уже прислана через Царева книга из Техасского университета нашему музею. Началось! […].

4 февраля. […]. Смотрел фильм «Чкалов» и удивлялся, как в свое время во имя торжества дела умели создавать Героев, воспитывая на них целое поколение. Это – искусство политического руководства. […].

В 11.30 вручили ордена, медали и знаки «Слава труду». Получилось тепло и торжественно. Жалко, что мы так мало награждаем людей. Своими руками они творят чудо материальное. А мы вешаем звезды старым пердунам за возраст. […].

9 февраля. […]. Беседа с Н. Кугель по музею театра. Почти открытым текстом просил убрать всех лишних евреев во имя Мейерхольда. «Доброжелатели» вредят ему. Кое-кто хочет с недобрыми мыслями превратить его во Христа, распятого на кресте. Одни молятся на Богоматерь, другие – на распятие. Спор о Пастернаке. Его позиция к страданиям на войне. Она непонятна и необъяснима, если жить [одной жизнью] с народом. […].

10 февраля. День начался с того, что Закир обратил внимание, пока ехали до обкома, на траурный настрой музыки и отмену какой-то увеселительной передачи. Приехали, действительно, радио «стонет», передачи все перепутаны, только грустные мелодии. В 9.30 позвонил Лев. Сообщил, что области присуждено знамя ЦК, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. […].

Федора поздравил [по телефону], но обратил его внимание на музыку. […]. Позвонил в ЦК Лучинскому: «Передадут через общий отдел»… Позвал Ноура. Спросил у него: «Когда умер Пельше, что-нибудь передавали?» – «Нет. Сейчас уже везут с телеграфа шифровку». В 12.20 расшифровали: умер Ю.В. Андропов. Позвонил Федору: «Надо собираться или домой, или в Москву». Он не верит, просит детали. Напомнил вечер ноября 1982 г. Понял! Позвал Ю. Акимова. Хотел навести порядок, взялся, но… Е. Лигачев «попал» со своей «неутомимой». Позже окажется, что когда его встречу передавали по телевидению вчера, Андропов был уже мертв. Вопрос: кого [вместо Андропова]? Обидно, что никто не просматривается. Из молодых надо бы, но как пробиться? Шифровка о пленуме ЦК 13-го. В 14.30 – сообщение о смерти. Скромнее, чем о Брежневе. Звонок из ЦК: что делать. Похороны 14-го. Собрал зав. отделами и дал команду всё отменить, только траурные митинги. Делаем на завтра. Около 18.00 – обращение [ЦК КПСС]. Отредактировал некрологи области и телеграмму с соболезнованием в Москву. Взял однотомник [Андропова], законспектировал [его] последнюю записку. Буду работать при пятом главе партии. Черненко – пред. похоронной комиссии. Есть ли аналогия с прошлым? Может, и так. Неведомо всё.

11 февраля. Родилась мысль на уровне анекдота: и у них [на Западе], и тут, когда речь идет о кандидатах на высший пост (КВП), там – кандидаты в президенты, тут – в покойники. Правда, борьба не носит у нас такого рекламного характера. Приехал в обком. Звонили из ЦК. Говорил с инструктором Абрамовым. Ничего но-

вого. Сегодня аппарат ЦК прощается в Колонном зале в 14.30. Два вопроса сейчас возникают: кто был и кто будет? На первый вопрос (не знаю, специально или не сознательно) ответило медицинское заключение. Не думаю, что надо было давать на весь мир описание всех болезней, означающих, что инвалид I группы не мог не только руководить, но и работать: он жил на искусственной почке. Тон документов снижен, по сравнению с хвалебными восторгами, с которыми провожали его предшественника. На второй вопрос ответ получим в понедельник. Хотелось, чтобы был мудрый, достаточно молодой и, желательно, русский.

Не знаю, всегда ли будут следовать аналогии при учете, кто председатель комиссии [тот и будущий генеральный секретарь]. Если совпадет – это будет несчастьем для партии и народа. Ни прошлого, ни будущего [у Черненко]. Не интересы дела, а удовлетворение личных амбиций на очень короткий срок. Возврат к сусальности, слюням. Раньше старались для другого, теперь – для себя. Опасность заполнения всех мест, как тараканами, хохлами. Поразительно, но это факт – у всех он вызывает антипатию, даже среди рядовых. Есть страшный «опыт масс». Вина будет и на ушедшем. Он, зная свое положение, обязан был побеспокоиться о будущем [страны], обеспечить его еще при жизни.

По музею театра. Марк Любомудров, К. Рудницкий – о роли Мейерхольда. Экспозиция производит впечатление, уровень высокий, сравнивают с Прагой. Может быть событием в культурной жизни страны.

По телевизору – показ прощания. Первым вроде идет К. Черненко, но… мелкая деталь – прощание с женой – наиболее долго и сердечно М. Горбачев. Не знак ли это того, что он гарантирует семье [Андропова] благополучие, уже зная о власти [к которой Горбачев придет]?

12 февраля. У меня такое впечатление, что вопрос о приемнике, не без участия самого Андропова, был предрешен в пользу М.С. Горбачева: 1) доклад о ленинских днях в апреле 1983 г.; 2) вывод его на роль второго секретаря ЦК КПСС сразу после ноябрьского пленума; 3) поручение (вспомнить записку к дек. пленуму ЦК) выступить на декабрьском пленуме; 4) отпуск его в начале января «по предложению генсека»; 5) «злость» в документах об Андропове, особенно в медзаключении – месть тех, кто владеет средствами [массовой информации], но… временно; 6) неуверенность, которую не может скрыть [Горбачев]: идет перед Ч. [Черненко], но – сутулый…; 7) затяжное соболезнование жене Андропова М. Горбачевым. Это – прогноз. Ответ получим в понедельник.

Дополнительный анализ сегодняшних фотографий прощания приводит к тому же выводу. Отбирающие фотографии знают финал (итоги пленума ЦК), и оказыва-

ется так, что в «Правде» более панорамный снимок, в центре которого М.С. Горбачев, а «Советская Россия» вообще оттеснила на левый фланг и «смазала» Черненко. В центре опять Горбачев. Константин скучнее всех даже на фотографии. Дело не только в том, что не изберут, но и уходить скоро придется. Это – крах!

Звонок из ЦК. Просят уже завтра отклики на пленум. Федор там. Согласовали некоторые даты встреч. Всё встало на места и прояснилось. Остальное и детали по телефону спрашивать неудобно. Да, пока что нет Щербицкого. Л. Кудрявцева считает, что [борются] две группы: военные и Громыко, Устинов, Тихонов, Горбачев. Да, в первой четверке остались Устинов и Громыко, которые [в 1982 г.] решили в пользу Андропова. Решили раз, они же могут [решить] и во второй [раз].

Прочел вчера М. Любомудрова «Судьба традиций». Смелая книга в защиту русского национального театра от наскоков авантюристов, в основном, сионистов. Подарил ему «Памятники Отечества» с теплой надписью: «Мужественному защитнику святых рубежей русской классики от набегов кочевников…». Беседа с комиссией по музею театра. Подписали акт, признав, что ничего подобного пока в России нет. Это будет явление крупного плана. Поймали точно меру.

13 февраля. Сложный и ответственный день в жизни партии и государства – определение руководителя. Нехорошо, что, по народным приметам, оно приходится на понедельник, 13-е число да еще високосный год. Многовато для такого события. В 9.00 – планерка. Не стал поднимать отделы, просто продиктовал основные мероприятия до конца месяца. Главное – «ленинская пятница», встречи с Ерминым и Афанасьевым, бюро обкома. После планерки гадали с Дорошенко, потом с Акимовым, но угадать не смогли. Всё сходилось на молодом, имеющим перспективу М. Горбачеве. Около 12.30 позвонил в ЦК П.К. Лучинскому. Не спрашивая, он сказал: «Черненко». И поздравил с победой идеологии! Мои анализы рухнули.

Забыл, что многое из того, о чем мы думали (и не только мы), противоречит логике. Решение крайне сложное. Начинать карьеру в 73 года, когда ее закончил Сталин, ушел Хрущев, чуть перешагнул Брежнев и не дотянул Андропов, само по себе сложно. Да и путь движения вверх был своеобразным (вспомнил съезды, присуждение героев, его приезды к нам и т.п.). Не хочу вдаваться в детали, но… сложно. Нет времени завоевать высокое доверие народа, опять сработает аппарат! Лично меня такое решение устраивает. Спокойнее. Если не будет роста, может не быть и потрясений, которые должны возникнуть в случае прихода молодого. Но есть высшие интересы. Как с ними быть?

Передали сообщение. Внес предложение Тихонов, вспомнил – соратники Брежнева и Андропова (!). Речь многословная. Кажется, та же команда, что писала

в свое время Л.И. Брежневу. В биографии – упоминание о Пензенской области и совсем неясно, когда и за что – лауреат Ленинской премии. Не за «Воспоминания» ли Брежнева?

Федор позвонил, доволен, записался первым, кто был [на прием к Черненко]. Поехал ко Льву. Область выиграет. По Алексееву, Смольский уже теплее [относится к нему, «земляку» Черненко]. Но куда и как дело пойдет? Как народ? Хотя М. Лермонтов сказал горько о Родине (Страна… [рабов, страна господ]). Старики не устояли в страхе за себя (горький опыт Андропова), а он при жизни ничего не сделал. Собирался долго жить без почек. Не думал о будущем. Сейчас возможен в верхнем эшелоне возврат к Брежневу, а кое-кто старался его выбросить. Тихонов вспомнил. Случайно ли?

14 февраля. Прямо из дома – на вокзал. В 9.20 приехал Федор. Немного на перроне, а потом в обкоме. Всё наверху сложно. Говорят, что Андропову еще лет 16 назад отняли одну почку, потом отказала вторая. Подсадили чужую (трансплантация), но организм ее отторгает. Вроде бы случилось внезапно. В прошлый раз о Черненко вносил предложение Тихонов, но против выступили Устинов, Громыко, их поддержал Романов, и Черненко сам снял свою кандидатуру. Оказался месяцев пять не у дел (болел, в отпуске), всё перешло к Горбачеву. И Лигачев шел через него прямо на Генерального. Теперь решилось по-другому. Но идет счет, кто и как себя вел. Разговоры вокруг МВД. Злое медзаключение могло быть подано не без его [Черненко] участия. Пленум открыл Черненко, предложил Тихонов (негромкие аплодисменты), когда же избрали – все встали и долго приветствовали. Выступал [Черненко] плохо. Горбачев закрыл [пленум], но об этом не упомянули. Федор многого не понял, надо читать. Вид [Черненко] болезненный, ходит тоже плохо. Годы дают себя знать. Первый записался в поздравлениях, там же Лев. Личная записка ко дню рождения.

В 12.00 – похороны. Тяжело [переживает] жена. Старики (Черненко, Устинов) не идут от Колонного зала. Самое плохое, без интонаций, выступление [Черненко]. Не может, не путаясь, предоставить слово рабочему. Ни дикции, ни выразительности, ни элементарного умения держать себя (носом шмыгает, плечи опущены). Громыко и Устинова не назвали. Сами похороны. Не показывают покойника и могилу. Держать себя [Черненко] не может, не знает, куда деть руки. Вроде деревенского парня, только что приехавшего в город, растерян. Ни осанки, ни вида, ни позы. […].

15 февраля. Циклон колпаком накрыл обширный район, в который входим и мы, а потому все дни погода не меняется: днем мороз 12–14, ночью около -20. Яр-

кое солнце и светлая лунная ночь. Миша вчера рассказал хороший анекдот: Россия знала допетровские, петровские, послепетровские, днепропетровские и петрозаводские эпохи. Проснулся утром. Кажется, что был сон. Нет, явь, реальность. И грустно, и смешно, и просто безразлично. Вероятно, народ в чем-то виноват, что заслужил такую судьбу. Да и история к нашему государству не всегда была милостива. Сложно всё это и трудно объяснимо. Ни в одном указании классиков, на основе которых мы строим свой мир, ответа не найдешь. Еще, вероятно, дело в сложившейся системе, разрыве слова и дела, теории и практики […].

Говорил с ЦК (Черныхом) о Ленинской премии [за что присудили Черненко?]. «За разработку особо важных государственных заданий». [Черных]: «Кто же может теперь плохо относиться к Пензенской области? Ты же прямой приемник нынешнего генсека» [намек на то, что Черненко после войны был секретарем Пензенского обкома по идеологии]. […]

Дубинчук (отлил Давыдова).

Бельденков: Болдин (работал в комсомоле при Черненко).

По телевизору, не сменив прицела: «верный ленинец» […]. Дело пошло…

18 февраля. […]. В 18.00 – зам. министра Шкурко и с ним Олег Комов. Небольшая беседа. О. Комов показал [на плане] место памятнику Лермонтову в Тарханах и его облик. Найдено хорошо. Без колебаний затвердил и поставил галочку. Небольшая беседа у Федора. Ужин в [ресторане] «Пензе». Роль просветителя пензенской земли [А. Шкурко о Мясникове]. Много сделано и есть хороший задел. Потомкам всё! Проводил до вокзала, но ждать отхода поезда не стал, душил кашель. Домой…

23 февраля. […]. Принимали спектакль «Колокола» для театральной гостиной. Говорят, что получился, смотрится хорошо, по времени – 2 часа 5 мин. Это, конечно, многовато. Хороша Л. Шапоренко. Через силу занимался книгой. Досмотрел и доправил, практически заново написал первую главу, чтобы завтра отдать ее на машинку. […]. Позвонил Ю.А. Виноградов. Делегация сложилась на открытии Музея театра: Ярцев из ВТО, Консовский, Владлен Давыдов, Анастасьева (его жена) и Маша Валентей. Всё ясно.

24 февраля. […]. Вечером позвонил Федор. Настроен восторженно. Всё хорошо получилось с Афанасьевым, а главное, Лев ловко использовал свое пребывание у нас для накопления своего капитала и на счет области. По телефону [Л.Б. Ермин сказал, что] доложил К. Черненко о пленуме, о том, что его вспоминал В. Болдин. Тот: «Пензяки – народ не избалованный, говорят искренне». А потом [Ер-

мин] поехал доложил Горбачеву. Тот не забыл секретариат и считает, что помог [пензенцам] больше заготовить кормов. Лев обещает всё еще 18 тыс. тонн концентратов. Каждый старается как может. Создается психоз в расчете, а вдруг и меня не забудут? И Федор доволен, и Лев. Может, область что-либо от этого выиграет?

26 февраля. […]. В 10.45 заехал Миша и отправились на открытие Музея театра в доме Мейерхольда. Народа не так много. Знаю всех. Представляют москвичей – Ярцева из ВТО, Консовского – артиста театра Моссовета, Владлена Давыдова и его жену из МХАТа. Тут же Ролан Быков. М. Валентей передала мне книгу с теплой надписью С. Юткевича. В 11.00 начали митинг. Ю. Виноградов назвал всех, кому следовало сказать комплименты. Это освободило меня от необходимости вспоминать всех. Я сказал, что это важное событие не только для области, но и страны. Продолжаем линию на камерность, приближенность к душе человека, начатую музеями народного творчества и одной картины. Увековечиваем память о тех, кто внес вклад в советскую и русскую культуру. Впервые театральная гостиная стала малой сценой театра. Ролан Быков попросил разрешения пожать мою руку. Перерезал ленточку и открыл дверь музея, уходящего в далекое будущее. Жить ему и жить, открывая новое. Будет притягательным местом для многих, особенно поклонников Мейерхольда. […].

3 марта. [В больнице]. […]. В 12.00 пришли Л. Кудрявцева, Ю. Виноградов и Панфилов. Принесли фотографии трех кинотеатров в Москве с большими залами. Замысел – строить [в Пензе филармонию] как кинотеатр, а главный зал превратить потом в концертный. Выбрали «Софию»: 1.200 мест + на 200 мест малый зал, есть гардероб, буфет. Хорошо бы пробить такой и построить. Филармония влачит такое жалкое существование! Звонил в Музей театра. Вчера был первый платный спектакль. Настораживает разношерстность публики. Дал команду предпочесть приобретение билетов на основе коллективных заявок и принципа коллектива. […].

6 марта. […]. Заходил В. Дорошенко. Немного потрепались. Ничего нового. Лев в Москве цветет, его взяла. Но надолго ли? Сразу начали с культа [о Черненко]. Видно, времени для разбега очень мало. Не успеешь крикнуть «ура», а уже – нет. Говорят, что молодых поджали. М. Горбачев уже отправляет министров выше, сам не берется решать.

Вчера в «Неделе» – подборка о Денисе Давыдове. Дважды упоминается Пенза. Надо, пока есть силы, ставить бюст этому русскому мужику!

11 марта. […]. Приехал в больницу – ждут В. Огарев, директор театра, и В. Налобин, секретарь партбюро. Не ладится с главным режиссером, никак не вый-

дем на отметку, которую достигли при Рейнгольде. Баронов взялся, но мало организован, а главное – ханурик. Не очень понимаю, зачем он брался? Хотя пьяницам не присуще чувство стыда. Условились решать о главном [режиссере]. […]. Переговорил с Ивановым, главрежем тамбовского театра. Готов переехать, ищет более театральный город. Может, на нем повезет? […].

16 марта. Последний день в больнице. Проснулся, включил приемник – мое выступление по радио в связи с «ленинской пятницей». Хриплый голос. Хотя Егор, как потом сказала Вера, узнал. Традиционная дыхательная гимнастика с участием Любы. После завтрака вышел в холл. Епифанцев, Любимов, Кудинов, еще кто-то. Вспомнил, как неожиданно с меня началась 30 лет назад целина, как я прямо из Кремля повез в Барнаул первый эшелон целинников. [Распоряжение пришло] от Хрущева, через Шелепина и Халдеева ко мне. Я [сделал] опору на ЗИС [автозавод имени Сталина в Москве], потом – малолитражка, обком добавил бригаду Петра Ретюнского. Сейчас всё это забыли […].

Разговор о Н.С. Хрущеве. Я бы не хотел быть однобоким в его оценке: он хотел хорошего, но не был крупным политиком, не мог высчитывать и соизмерять. Списывать совсем его, как списали [выбрасывать из истории], это тоже ошибка. […].

20 марта. […]. В 11.00 начали разбор дел с областной прокуратурой. Не очень мне нравится их ретивость. Рассмотрели по Шемышейке. Московские жулики, снабженцы из министерств геологии и мелиорации, за взятки давали нужную колхозам и совхозам технику (сварочные агрегаты, «уазы», машины). Их схватили, но… запутались [и наши]: раз давали взятки, то по закону их надо судить. Как тут быть? Еще один жулик наш из «Водстроя» – и опять масса взяток во имя дела. Всё прогнило. Коррупция. И не ради собственного обогащения дают взятки те, что в низах, а во имя дела, гребут же – чиновники на больших верхах. Идет громкое дело по припискам хлопка в Узбекистане. Посадили двух первых секретарей обкома партии и массу мелюзги. Что-то миллионов 12 [присвоили взяточники]. А Рашидова звездами награждали. Муторное дело. Как бы нам сохранить кадры? […].

21 марта. […]. Говорил с министром культуры Ю. Мелентьевым: рассказал об открытии театра. Он недоволен, что «Советская Россия» жмет на Мейерхольда. По Дому актеров. Сказал, что если выдавать ордера не будем, останемся и без квартир, и без актеров. О Денисе Давыдове. Критиковал его, что не ценим свои национальные богатства. Отметили 800-летие какого-то татарина из волжских болгар, а первого русского партизана, героя 1812 г., сподвижника Кутузова, друга Пушкина и многих других выдающихся деятелей начала XIX века, поэта, автора уникальней-

ших записок – никто не шевелится, хотя приближается 200-летие Д. Давыдова. Как это понимать? Сказал, что пометил себе! Ужас! Мне [сказал]: «Не рискуй с бюстами, могут накрыть». Ответил: «Если пострадаю, то за любовь к Отечеству». […].

25 марта. […]. С Верой около 13.00 пошли подышать свежим воздухом. Есть цель и посмотреть окончательно место установки бюста Дениса Давыдова. Мимо картинной галереи. Если делать К.А. Савицкого, то может, как в Третьяковке, поставить бюст прямо на оси входа [в картинную галерею]. Спустились на Московскую. Посмотрели площадку на месте снесенных домов, где когда-то размещалась фотография Вакуленко. Площадка большая, с переходом. Бюст ее не организует и не удержит. Лучше, конечно, сделать небольшое здание. На Кировскую. Угол Либерсона. Хороший скверик, много воздуха и зелени. Да и площадка как раз. Здесь и будем ставить! Нечего колебаться. Надо только благоустроить и заменить светильники. А в день 200-летия назвать сквером Дениса Давыдова.

В Дом художника. Посмотрели вместе с Курдовым отличного Дениса. Хорошо получился. Добились того, что искали. Не генерал, не гусар, а русский поэт. Таким его знала Пенза в закатной любви за пять лет до смерти. В мастерской Курдова. Беседа с ним. Есть вопросы по Союзу художников. Он прав, что очень пестрый состав по национальности. Многовато […]. Поджигают, а наши дерутся. Распоясался Орлов. Надо ставить на место. Вернулись домой. Вера хорошо заметила: думал ли Д. Давыдов, что Мясников его вспомнит и бюст поставит!

С В. Огаревым. Приехал корреспондент «Театральной жизни», а 28-го прилетает Иванов на главного режиссера театра. Надо решать с Бароновым. Тут я маху дал, не прочитав анкеты. Алкаш!

27 марта. […]. В 11.40 – на аэродроме встретили министра торговли РСФСР В. Шиманского и его зама В. Туманова (два зама Шиманского – из Сокольников, мои комсомольцы). Они – по городу, а я – в обком КПСС.

Беседа с Ивановым А.В., главным режиссером тамбовского театра, на главного режиссера к нам. Впечатление не броское, может, просто фундаментален. Главное же, член КПСС, не пьет, требовательный. Правда, показалось, что мало читает. Загорелся идеей поставить М. Алексеева «Драчуны». По телефону [согласовал] право первой постановки с автором, он вывел на А. Жирова – зам. начальника отдела культуры Совета министров РСФСР. Круг замкнулся и с пользой.

По телефону продиктовал А.Е. Щербакову решение горисполкома о присвоении имени Дениса Давыдова скверу на углу улиц Кирова и Либерсона. […].

30 марта. […]. Звонил Рябов, секретарь Тамбовского обкома КПСС. Скандал по главному режиссеру. Я сказал, что это не мой вопрос, его надо решать в Тамбове. Ломать [человеку судьбу] едва ли есть смысл. Потом звонил Иванов, доложил, что заявление подал и решил идти в наш театр. Думает о первом спектакле Абрамова «Дом». Сказал, чтобы боролся. Беседа с Ишутиным и художником из реставрации. Новая идея: в картинной галерее сделать (внутри ее) три мемориальных (биографических) музея – Савицкого, Горюшкина-Сорокопудова и Лентулова. Вечером – Слицан и художник Косырев. Загорелись идеей, считают интересной и будут искать решение. С дочерью Лентулова – остались диван, этюдник [отца]. Постараться, можно найти. Проводы Казакова, Шиманского, Шошина. Тосты, разговоры, на вокзал. Всеволод нервничает. Знает историю с «комсомольской оппозицией». Авторы [истории с гонениями на «комсомольцев»] и Суслов, а больше – нынешний генсек.

31 марта. […]. Всеволод Шиманский внутренне предельно напряжен. У него сел на 15 лет заместитель Лукьянов, а теперь арестовали начальника управления и закручивается новое дело. Считает, что не простят. Понимает мое положение [почему Мясников не идет на повышение]: старики объединились, чтобы исключить молодежь; закоперщики – М. Суслов, а потом и Костя [Черненко]; всех раскидали, исключив целое поколение способных ребят, прошедших школу жизни. Особенно настороженны были [в отношении] не только комсомольцев, но и [вообще] москвичей. Их не пускают на высший уровень. Я – пензенский «декабрист». Поехал добровольно, а потом из меня сделали ссыльного.

1 апреля. […]. Ночью дочитал «Дом» Ф. Абрамова. Очень сложное произведение. Эпоха немного другая, но метод один – село рассматривает с внутрикрестьянских позиций. Мерзкая картина [колхозной деревни], хотя есть хорошие люди (Михаил). Позвонил Иванову А.В. в Тамбов: не пойдет [«Дом»], как и «Драчуны». Предложил «Картину» Д. Гранина. Совпало. […].

3 апреля. […]. После курсов – с Королевым. После торговли уславливаемся, что он дает Пластова «Весна». Вещь хорошая: материнство и нежность. Нашел В. Порудоминского в библиотеке. Сказал о «Весне». Он считает, что выбор хороший, но что о ней сказать [во время сеанса] – надо думать и искать. Месяца через три надо бы всё иметь и сделать. […].

10 апреля. […]. М. Лентулова прислала книгу о своем отце, художнике Аристархе Лентулове. В письме грозиться отдать и кресло для мемориальной комнаты. После девяти – обычный и нудный наплыв посетителей со всех концов, особенно из аппарата. В 12.00 – злая беседа с С.П. Шиловым. Что-то у него не ладится в ап-

парате УВД, какой-то постоянный привкус борьбы за власть, за свое положение, права, регламент. Вместо дела перешел на мелочи, детали. Сказал ему откровенно, что думал о нем по-другому: что он умнее и деловитее. «Не хочу разочаровываться, но повода для такого раздумья есть». [Он]: «Значит, надо решать обо мне вопрос». Пришлось прикрикнуть, сказать, что это дешевка и впредь при серьезных разговорах не советую прибегать к ультиматумам. Можем одернуть! Дал две недели для раздумий.

11 апреля. […]. Бутов с очерками о Руслановой. Одобрил. Сказал, чтобы отдавал в газету. Поручил готовить телеграмму К.У. Черненко. Сегодня его изберут председателем Президиума Верховного Совета СССР. Полистал и прочитал в газете его выступление вчера на пленуме. Поразительное умение, выступив, ничего не сказать, не определить, лишь сочетать общие фразы с постановкой вопросов. Нет идей, нет ясной и понятной дороги, куда и как идти, что сейчас делать не по мелочам, а в главном, основном. Пленум ЦК интересный. Никаких организационных вопросов. Равновесие сил, нежелание обострить обстановку, стабильность […].

12 апреля. […]. В протоколе секретариата ЦК от 28 марта запись об освобождении А. Шелепина от обязанностей заместителя председателя Комитета по профтехобразованию: «В связи с его просьбой, по состоянию здоровья». Расходятся, ох, как расходятся пути! «Не расцвел и отцвел в свете пасмурных дней»! Не буду касаться этой темы. Она не только и не столько болезненна, сколько бесполезна.

[…]. С Ю. Мелентьевым. Поблагодарил за поддержку по картинной галерее и поставил вопросы о мемориалах Савицкому, Горюшкину-Сорокопудову и Лентулову. Смутил его Лентулов. Боится. Считает, что я самый крутой революционер сейчас в России. О музее игрушки в Беднодемьяновске. Он «за». […].

15 апреля. Жаркий, душный день без намека на похолодание, тем более на дождь. Днем солнце, ночью морозец. Трудно сказать, чем всё это закончится, но от такой весны добра ждать сложно. Весь день в безделье. Говорят, что сегодня Вербное воскресенье. Раньше у народа был праздник, москвичи выезжали на Красную площадь, где устраивался специальный торг. Теперь всё обычаи к едрене матери забыты, отброшены. Ни новых (кроме демонстраций), ни старых (осталась пьянка, разгул по подворотням и закуткам). Многое утратили мы из обычаев народа, а теперь за это жестоко платим и еще дороже будут платить потомки. Цепь [жизни] идет не в ту сторону: энтузиазм, котором жили десятилетия, тихо и медленно утрачивается, а обычаи не восстанавливаются. Чем же греть душу народа, чем

ее занять? Не одними же лекциями и занятиями в политических кружках! Да и там больше формализма, буквоедства и очень мало души. Пустота, которую мы и не думаем, чем и как заполнить. Сам народ заливает ее вином. И тут трагедия! Она может дорого обойтись народу! […].

16 апреля. […]. Вернулся в обком. Разбирался по делу ОБХСС по «Газстрою». 10 месяцев ведем ревизию и никого это не волнует. Уже называют 766 тыс. приписки, а акта нет. Странно и страшно всё это. Какая-то разболтанная юридическая машина. Нет сил всё наладить и охватить. Разболтались многие винтики в государственном организме.

[…]. Был В. Огарев. В театре неладно. Надо скорее решать с Бароновым – совсем выбился из колеи. Как я, старый воробей, попался! […].

17 апреля. […]. Был Е.И. Бунтин, первый Городищенского РК КПСС. Сам себе ищет хлопот. Закончит Жуков, тогда и будем разговаривать. Николашин из Шемышейки: 12 руководителей запутались во взятках, и никто не знает, что теперь делать, как выпутываться. Слезы (буквально) едва ли помогут.

Скульптор Олег Комов с женой. Привез альбом. Беседа о Лермонтове в Тарханах. Настроен к лету будущего года уже дать готовый [памятник]. Быстрый! Выходит, что я жизнью связан с тремя выдающимися скульпторами нашей эпохи: Е. Вучетичем, М. Аникушиным и О. Комовым. Это много. Читал 6-й том А. Твардовского. Конечно, это не собрание писем, а убогих выдержек из них. Но и в них он – честный, бескомпромиссный. «Теркин» войдет в классику.

18 апреля. […]. В 9.00 у гостиницы «Пенза». Комовы гуляют с Сазоновым. Он всё более становится «вальяжным» (декадент). Откровенно ведет разговор, чтобы Комов сделал мой скульптурный портрет. Напомнил о Жукове на белом коне. А мне это зачем? Если понадобится, слепит и без меня, после меня. Поехали на Тарханы. Обычный рассказ об окрестных селах. В Тарханах встретили Кустов, Арзамасцев, Мельникова. Сразу на место установки памятника. Уютное, скромное место. И писать не надо, что это Лермонтов. Проверили высоту, определили точку. В кабинете завели папку о создании памятника в Тарханах. Олег нарисовал, мы оба расписались. Делали фотографии. Всё пойдет в историю музея. По плану посмотрели новую дорожку в аллее. Вышли на место – всё рухнуло: нельзя делать дорожку. Забили кол и… всё оставили как есть. В склепе. Впервые с помощью Комова заметил три поперечных сгиба на свинцовой крышке. Один – внутренняя поперечина, а две – следы того, что выгибали крышку и смотрели. Грубый шов до них, кузнечный.

Теория Олега [Комова]. Долго [лежал Лермонтов] на месте дуэли. Скрюченный, не могли распрямить, хоронили в ящике, может, на боку. И свинцовый поэтому ящик. Привезли, у бабушки два вопроса: посмотреть на внука, определить, где голова. Такой ход мыслей может быть близок к истине. […].

22 апреля. […]. У меня Шахалова из Литмузея и Донских из Министерства культуры СССР. Рассмотрели подготовку к семинару. Удивительное дело, Всесоюзный семинар, и ни одного зам. министра культуры. Ну и беспечный народ! Диву даешься. Обсудили некоторые вопросы музейного дела. О Музее театра нашли приемлемое решение. Устраивает всех – и мейерхольдовцев, и анти. Расстроены, не состоялось скандала. О Музее одной картины. Перспективы сложные. Убрать энтузиазм, власть, Порудоминского и Веледницкую, и всё рассыплется. О картинной галере – идея греет. […].

24 апреля. Отличная, солнечная погода, как бы приветствуя участников Всесоюзного семинара, дала повод для шаблонного комплимента: «Мы вам приготовили и погоду». Заехал в обком КПСС. Какое-то грустное состояние неопределенности, чувства – а вдруг последний раз в этом кабинете? Тяжело на душе. [Г.В. Мясников собирался ложиться в московскую клинику с подозрением на туберкулез легких – болезнь, от которой умер его отец].

К 10.00 – в гостиницу «Ласточка». Приехало более 150 участников, Кроме Гейченко, все корифеи мемориальных музеев тут. Наши скромненько примостились на последних рядах. Выступал по тезисам 1 час 30 мин. На этот раз, кажется, получилось, попал в жилу. Аплодировали в ходе самого выступления (вместе с хорошими идеями должна быть и власть!) и после очень долго. Давно не «собирал» столько аплодисментов. Видимо, принципы, заложенные в главе книги для «Плаката», проходят и отвечают требованиям работников музеев.

[…]. Около 17.00 поехал домой. Заехал в Музей одной картины. Беседа с группой участников семинара сразу после просмотра. Хотел узнать их впечатление о музеях, а они [все говорят] о моем выступлении. Один даже дал так: «Не страшно умирать, если столько сделал для народа»! Это мне – напутствие. […].

1 мая. День по-настоящему майский – тепло, солнечно. Почки уже лопнули, но деревья пока зеленью не покрылись, не началось зеленое буйство природы. Всё на подходе. Сев ранних зерновых и сахарной свеклы закончили. Начали сажать картофель. На подходе и кукуруза, хотя торопиться с ней едва ли стоит. Второй год обошлись без публикаций сводок о ходе весеннего сева, рассылки всякого рода уполномоченных и шумных заседаний бюро. Люди чувствуют личную ответствен-

ность и сами решают задачи. Это то, что давно требовалось! Мудрость Федора в том, что он умеет прислушиваться к советам и не суетится ради показухи. Это хорошее качество. […].

4 мая. Какой-то сумасшедший по нагрузке день, детали которого вечером и вспомнить трудно. […]. В 14.00 представили Иванова А.В. как главного режиссера театра. Приняли спокойно. Баронова не стали разносить, он уже под хмельком. Больной человек. Жалко, что отдал ему квартиру хорошую. Разговор о задачах театра: гастроли, репертуар, малая сцена. Беседа у Огарева [В.В.]. В обкоме. […].

19 мая. Последний день в больнице. Но он у меня опять дробный. С вечера засел и лег около шести утра. Поднялся ошалевшим, Люба сделала массаж и, выпив стакан чаю, даже есть не захотел – уснул и спал до 14.00. Успел посмотреть врач, сказала диагноз: хронический бронхит, эмфизема легких, пневмосклероз, сердечная и легочная недостаточность. Ни хрена себе, набрал их сколько! За все удовольствия жизни под старость приходится платить! От этого никуда не уйдешь. Пообедали, хотя аппетита никого, и уехали с Закиром из больницы. Сразу завернули на ул. Кирова в сквер Дениса Давыдова, где сегодня утром без каких-либо торжеств открыли бюст Дениса Давыдова. Тайно делаем бюсты своих национальных героев, прячемся, боимся, как бы не попасться под расправу за отвлечение средств и металла. Глуповато звучит, но такова действительность, таковы требования! Кажется, это опять первый бюст партизану, герою Отечественной войны 1812 г., поэту, другу Пушкина, сооруженный в нашей стране. Пензяки вновь отличаются, если автору идеи за это когда-нибудь не попадет крупно. У меня на душе праздник. Редко получал такое удовлетворение от сделанного, как в этот раз.

Денис великолепен. Попал по месту, по размерам и характеру. Хорошо, что сняли эполеты. Стоит на ветру, с грустью в глазах от пережитой любви в Пензе. Рубашка бронзовая и галстук на ветру «колышется», создавая впечатление жизни бюста. Удача В. Курдова. Позвонил ему, поблагодарил и поздравил. Днем писать не удалось, а еще глава нужна. Лег в 10 спать, чтобы через четыре часа сесть за работу. Удалось много написать: разбил сутки на ритмы, рассчитав и бессонницу. Удалось!

20 мая. […]. Вечером дописал последний раздел. С трудом, но книгу [«Город-крепость Пенза»] закончил. Чуть не дотянул окончание, но завтра зачищу и – конец, в дело. Больше не дотронусь. Счет тяжелый. За эти 15 дней переписал 60–70% книги. Хорошо, что все есть в голове и тетрадях.

22 мая. О духоте говорить бесполезно, а прогноз, кроме кратковременных дождей в Москве, ничего доброго не обещает. Жарит и жарит. Подумал сегодня: засуха началась еще в сентябре прошлого года и до сих пор продолжается (это, пожалуй, самая затяжная из всех засух, что я помню на пензенской земле). Осень – без дождей, зима без снега, весна – без осадков. Такого еще не было. […].

23 мая. Вчера по телефону – с В. Порудоминским. Он был с Веледницкой, когда я болел и писал книгу. Угнетен [я] и устал, но нашел хорошую форму Музея одной картины – «народная». Точно! Не надо элитарности. Загорелся. Готовит Пластова «Весну». Веледницкая подбирает Ефремова, Гундареву и др. […].

С поэтом С. Смирновым, Новожиловой, Чистяковой. Условились о Денисе Давыдове. Отметим с помпой. Завтра прилетает Дан. Гранин и Суслов. Они создадут настроение. В «Советской России» пойдет моя беседа.

25 мая. Жарища продолжается, в тени +32. […]. В 9.00 – в обком. Вера [секретарь приемной] достучала книгу о Пензе, отдала П. Максяшеву. Должна получиться, но появились всякие сомнения относительно названия главной башни крепости […]. Попробую разобраться, пока набирают, и исправить уже в гранках. Хотя, кажется, полиграфисты этого не любят. […].

27 мая. […]. Многое в развитии каким-то образом приводит к единству власти, сосредоточению ее (в реальном плане) в руках аппарата и стоящего над партийным аппаратом. Всё остальное – приводные ремни. Где, когда, почему родилась эта закономерность? Ее основа – в экономике, а может, и в совпадающих принципах единоначалия и демократического централизма. Давно прошли споры по параграфу 1-му устава [партии], а может, их эхо до сих пор дает себя знать. Историю надо изучать, вглядываясь в нее из сегодняшнего дня.

28 мая. […]. Прибежал Чернов: завтра нужны отклики на выступление [Черненко], которого мы еще не слышали. Вечером передали фрагменты [его речи]. Не удержался [от хвастовства]: «Мне пришлось служить в пограничных войсках». Награждение орденом. О роли молодежи. Без аплодисментов. По Д.Ф. [Устинову] это – «яркая, убедительная речь». Кое-как идет, поднимает руку. Человек новый, а возврат к Лёне [Брежневу]. Как все-таки устроен человек: жаден до славы, почестей, не оценивая трезво, по делу ли они…

31 мая. Вчера поздно вечером – звонок Л. Веледницкой. Довольна откровенно тем, что ее фамилия опубликована в «Правде», да и Порудоминский тоже. У него родился внук, он занимается устройством своих на дачу. «Велел кланяться» – ка-

кой старый московский оборот, уже выходящий из употребления, и пожалуй, зря! Горит идеей «Весны» Пластова. Нашли что-то у Паустовского (мой заказ на обратную связь). Читать [текст] ищет О. Ефремова и Н. Гундареву. Популярность тоже нужна, имена и голоса узнаваемые. Рассказал о звонке из СХ [Союза художников] СССР. Не думаю, что у них есть что-либо толковое в запасниках. А только что законченное – надо еще самим убедиться, что оно достойно показа. Только где же медаль? Надо бы ее отлить и повесить в Русском музее рядом с уже демонстрировавшимися картинами. Зря забыли. Упрощаем, принижаем…

В ЦДРИ вечер 28-го прошел с огромным успехом. В. Порудоминский и Веледницкая рассказали, дали послушать пленку о Ге и телефильм «Колокола памяти». Все музейщики требуют себе композиции. Музей Рублева – для его «Троицы». Идет сенсация, теперь еще и подкрепленная семинаром да и заметкой в «Правде». Открытие набирает силу. Вырастает и новое слово в музейном деле, опять революция! Это приятно […].

29 июня. [Возвращаясь из отпуска]. Уснул за Балашовом, а разбудили уже у Кривозеровки. Пенза родная и близкая отсюда смотрится яхтой, паруса которой – дома, разместившиеся на вершине холма, у подножья которого весь остальной город. Бросается в глаза неряшливость на территориях заводов, жилых домов, прилегающих к железной дороге. Надо бы на это обратить внимание. […]. Все-таки у нас один из самых зеленых, чистых городов. Поразительна свежесть его, ласкающая взгляд. […].

С Кудрявцевой обсудили всё по Лермонтовским дням поэзии. Приедет В. Солоухин, но отпал Адамович. Хрен с ним. Участвовал Ю.А. Виноградов. С Арзамасцевым о библиотеке Пахомова и о Литературном музее.

Читал «записку К.У. Черненко». Общие вопросы следующей пятилетки. Что надо [делать] – все правильно, а как надо – ответа нет.

30 июня. На вокзал встречать делегацию писателей не поехал […]. В 10.00 – встреча писателей у Федора. Он переоделся к их приходу, что-то рассказал об области. Разговор получился. Поехали они на телевидение, а я ушел к себе. К музею велозавода. Приехал и Вл. Солоухин. […].

Поехали по городу с ним вдвоем. Показал ему памятник Победы, комнату роддома, «Самовар» на тропе здоровья, памятник Ульяновым, Музей народного творчества, Тамбовскую заставу, потом Советскую площадь, камень Пугачеву, Музей одной картины с «Первопоселенцем» и бюст Дениса Давыдова. Завез в гостиницу, чтобы отдохнул перед вечером.

В 18.00 – вечер, посвященный Лермонтову в драмтеатре. Атмосфера иная. Хорошо – Виноградов, толково – Солоухин и другие. Главное – все, так или иначе связывали слова и стихи свои с Лермонтовым. Лермонтовский концерт тоже получился очень интересным. […].

1 июля. Ночь спал плохо. К 8.00 – к гостинице. Сели в автобус и понеслись в сторону Тархан. Делегация приятная, поэтому взял микрофон в руки и всю дорогу рассказывал об области, ее традициях, великих земляках. Жалко, что мало вопросов задают. К Тарханам подъехали рано. Решил махнуть на Апалиху. Остановились у парка. Вл. Солоухин со знанием собирает цветы, чтобы возложить у гроба. Снова в автобус и к клубу. Здесь уже всё готово. Федор приехал. Выставку смотреть не пошли. С корзинами цветов – к склепу. Возложили, а потом к гробу. Солоухин положил цветы. Немного у могилы Ю.П. Лермонтова. Грустно звучит капелла. Слезы у Солоухина и у других от песни. Пешком по селу. Улица полна народа.

В 11.00 начали День поэзии. Умница Тамара Мельникова – очень коротко и тепло. Директор [совхоза] Сальников: такое впервые. Потом вел Вл. Солоухин. Хорошо выступили все, даже громче других Ал. Сазонов. Традиционный дождь, который год накрывает праздник. Под крышей хорошо, а люди – под зонтами. После заседания – борьба за автографы. И у меня [попросили]. «Я не поэт». – «Прошу за Музей одной картины». Зашли не надолго в дом, а потом они – на экскурсию, я остался пить чай. Подошел к концу [праздник]. Запись в книге Вл. Солоухина. Текст однозначный, как и 30 лет назад. «Тупой»! В Белинск. Немного музей, а потом застолье в турбазе «Чембар». Уж очень затягивают тем, что подают три вторых, а москвичи всё молотят.

Уехали в 6-м часу. Мокрая, опасная дорога. В Пензе. Я зашел в обком. Хорошая сводка по заготовкам. Проводил на вокзале. Настроение у всех хорошее, доброе. Больше двух дней [проводить праздник] трудно и не нужно.

3 июля. […]. К 10.00 – в новое здание Картинной галереи. Сначала все обошли, посмотрели, а потом сели и сделали грамотный счет. Получилась какая-то хренота: новое помещение, а большая часть уходит под кабинеты и запасники. Роскошь и баловство, глупость. Расстановка мемориальных залов дураковатая. Пришлось сесть за чертежи и по каждой комнате окончательно всё решать. Нашлось место и для выставок, и для двух музеев, и для картинной галереи. Решение оптимальное. Подписал его. А то много бесполезных споров и фантазий. Хотел сесть за доклад, но душа к нему не лежит. Надоели до чертовой матери эти непрерывные словопрения. Хвалебные речи, повторение одних и тех же истин. Моральная усталость.

Звонил Вл. Солоухину. Доволен поездкой, пьет «Петушок» и загорелся писать статью о Лермонтове к его 170-летию. Это уже шаг вперед. Может, так и втянем его в новую тему. […].

6 июля. […]. Позвонил З. Горшковой, секретарю парткома часового завода. Пора создавать музей часов – это эмблема нашего города да и области. Пока хорошо бы найти группу энтузиастов. Вечером с Кудрявцевой смотрели два дома по бокам ДК «40 лет Октября» (книжный магазин и библиотеку). Думаю же [разместить этот музей?] в особняке рядом с бывшим горкомом партии.

В 11.00 с Артамоновым ездили смотреть музей пожарного дела в пожарном депо. Это интересно, хотя пока очень мало материалов. Есть панорама города с пожаром 1901 г. Но главное, положено начало, потом энтузиасты его наполнят […]. В 15.00 с Кудрявцевой – в музей ПО «ЗИФ». Многовато материалов. Перегрузка. Совещание. Открывать музей в третьей декаде июля. Хватит тянуть. Хорошо бы вместе со знаменем по полугодию. Приехал. [Переговорил] с Бахиревым В.В., министром. [Договорились], что он даст [заводу призовое] место [по итогам соревнования] и знамя и сам приедет вручать и открывать музей. Это и хорошо, и солидно.

8 июля. Ночью читал старое издание Златовратского. Он силен описанием быта, чего мы теперь делать совсем не умеем, а может, и не имеем быта народного. Всё приобрело какой-то интернациональный, космополитический характер. Трудно, судя по описаниям Златовратского, жилось народу, но он и в жутких условиях сохранял себя, свои нравы, обычаи. В городе – артели, в селе – община, мир. Революция выбила народные основы, а со временем мы их добили. Может, наша ошибка состоит в том, что мы всё взяли на себя: воспитывает государство, партия, другие общественные организации, а народ созерцает, присутствует при сем, надеется, что кто-то за него сделает, решит. И эта апатия оборачивается против самого народа. Тут есть страшнейшие сложности, которые мы не только не ставим на службу воспитания (я не очень верю в крики о трудовом коллективе и т.п.), но и усугубляем тем больше, чем глубже лезем в исконно народные начала. Что может быть строже суда народа, что может быть честнее его совести? А много ли мы считаемся с ним? Увлеклись экономической стороной дела, гоним проценты прироста, а порождаем рвачей и бездельников, хулиганов и пьяниц. Надо бы найти золотую середину […].

9 июля. Из дома на Бессоновку. […]. Кугушевка. Кладбище на холме и одна ограда. А было волостное село. Грачевки тоже нет. Степь до Иссы! Все [мужики] пьяные, [прозвища]: Валет, Мудак, Голубой, Кошелка. В два дома [заходил]. Жить

не умеют. Развитой социализм. Дом [построен государством] за 45 тыс. руб. Есть отдельная спальня, но нет света – оборваны провода. В Москве придумали, а жизнь не знают совсем. Заехали в Бессоновке к Масаеву. Его уже нет. Расстался на базе. Замечаний нет. По пьяни надо бы [взыскать с руководителей].

10 июля. […]. Разговор вчера и сегодня с журналом «Москва». Федор должен беседовать с Дорониной. Есть поручение помощника генсека Прибыткова дать такие беседы по Красноярску, Пензе и Молдавии. Красноярск состоялся. Корреспондент считает, что создан «народный портрет Генерального». Ни больше, ни меньше! Надо и нам создавать. Как всем хочется быть народными!

Отдых в саду у дома. Подростки и девчонка. Попытка изнасилования. Вызвал наряд милиции, задержали одного. Нехорошо на душе. Сколько грязи! Куда мы идем и что нас ждет? Уже 13-летние преступники! Ерзунов и Новосельцева по мероприятиям празднования 325-летия со времени основания Пензы.

11 июля. […]. На 16.00 вызвал в обком КПСС горожан, чтобы откровенно поговорить в свете вчерашнего инцидента с девочкой о положении дел с охраной порядка в городе. Поручил В. Артамонову подготовиться к выступлению. Были у него генерал Зайцев и Карташов. Карташов остается на работе, т.к. участников ВОВ решили до 40-летия Победы в отставку не увольнять. Злой и откровенный разговор с секретарями РК КПСС, начальниками РОВД и др. [Сказал им, что] зазнаемся, переоцениваем достигнутое. Много хвалят нас за подростковые клубы, а положение отвратительное. Вчерашний эпизод [с попыткой изнасилования], драка в ДК «Заря». Как всё это понимать? Работаем, как костер из сухих веток: быстро загораемся и быстро сгораем. Остается пепел. А надо – как хороший котел. Хорошо доложил Артамонов. [Я] поднял Уланова, Октябрьский РК КПСС, Новосельцеву, Денисенко. Сказал, что будем наказывать. Поехал домой – и еще сделал по городу заход: постовые стоят с сигаретами в зубах, болтают, бездельничают. Дал из дома команду завтра в 9.30 вызвать руководителей патрульной службы города.

12 июля. Жарко. Решил день посвятить беседам и встречам в ЦК КПСС. Начал с орготдела. Крутится А. Ковлягин. Беседа с В. Гусевым. Он будет нас курировать. Особых вопросов нет. Просто ознакомительный разговор. Выскочил к С.П. Трапезникову. Доволен. Читал в «Огоньке» статью Енишерлова. Радуется за свою землю. О музее А. Куприна. Говорит, что он полковником возглавлял карательный отряд, который вырезал революционеров в Гатчино. Ему простили, а вот Бунин встречался с Молотовым и получил отказ. Бунину не могли простить антисоветских выступ-

лений в прессе, Куприн же молчал. Просил заходить. «От сумы и от тюрьмы не отказывайся». Поблагодарил!

[…]. Отчесал у себя начальников патрульной службы. Сказал, чтобы милиционерам зашили карманы и отобрали у них сигареты. Умнову пообещал, если не добьется изменений, снять погоны. Нельзя мириться с разболтанностью. […]. После обеда всякие дела. Посмотрел регламент семинара. Удивительно, но нет никакой охоты элементарно готовиться к выступлению. Тошнит от шаблонных фраз, обстановки, и говорить ничего не хочется. Физически не могу ссылаться на указания [Черненко]. Не принимает душа.

15 июля. […]. В 16.00 – в сквере Дениса Давыдова. Масса народу, цветы, праздник. К. Вишневский. Подготовили литературную композицию, посвященную 200-летию со дня рождения Дениса Давыдова. Вел Вишневский, читали стихи, Постнов спел романс под две гитары. Заняло всего 22 минуты, коротко, но главное – дело сделано. Бюст стоит, память Дениса отмечена. […].

16 июля. […]. О музее часов. Послал на ул. Лермонтова смотреть дом. Завтра поеду коллекцию у еврея [коллекционера] смотреть. Беседа длинная с Савинковым и Рябовым о делах 1945-48 гг. [период работы в Пензе Черненко]. Ничего там заметного не было, придется выдумывать и врать, так требуют обстоятельства. За обедом – о Горбачеве. Переходит на идеологию, внешние дела. Могут и Льва махнуть на секретаря ЦК по селу.

17 июля. […]. Отмотал Балалаева за бассейн, послал туда Кудрявцеву, попало и Попылькову за торговлю. В 17.00 – на квартиру к Борису Израилевичу Пазелю. Самый крупный коллекционер часов. Знает все механизмы. Интересная коллекция. «Невеста», коммюнике. Согласен принять участие в создании музея часов. Отдадим зал его коллекции. Хорошо!

26 июля. […]. Спал почти до 11-ти, потом в облбольницу. Уже лучше с горлом, глотаю лекарства, мало говорю. Интересная беседа о всеобщей диспансеризации с Ерошиным. Умный парень, думающий, я этого не знал. Надо бы его главным врачом ставить в какую-либо больницу. [Говорит, что] диспансеризация мало что даст. Лучше воздействовать выборочно на скрытые болезни (рак, туберкулез). Не за счет ухудшения обслуживания тех, кто болен. Психика людей и возможные стрессы. Помеха другим отраслям за счет отвлечения. Не умеем находить середину, бросаемся в крайности. Полезно для меня и поучительно! […].

В «Советской России» рассказ о Рябове, внуке героя Русско-японской войны, погребенного с почестями в Лебедевке. Хороший повод зацепиться и что-то полез-

ное сделать для нашего земляка, явившего собой пример героизма. Надо встретиться с внуком и подумать, что и как?

27 июля. Не поехал на работу, нет настроения. Чем дальше, тем больше зреет неприятие к мелкой текучке, остается же интерес к большим, полезным и памятным народу вещам. Ими и теплится грешная душа моя.

Выбор кадров мы почему-то заменили (а это самый демократический, применяемый во все времена и у многих народов способ) странным словом «подбор и расстановка» кадров. Как можно «подбирать» людей, они же не валяются? А сколько субъективизма, сколько зависимости от своеволия человека или группы людей, занятых этим «подбором»! Тут в самой основе заложен принцип своеволия, субъективизма, нежелания считаться с мнением людей, их настроениями. Все это делает людей пассивными и равнодушными ко всему, что творится.

[…]. Странное дело, но приходится лишь поражаться тому, как небрежно и неряшливо, если не сказать больше, мы относимся к своему прошлому, к славным сынам нашего русского народа. Сегодня 200 лет со дня рождения Дениса Давыдова. «Правда» ограничилась вчерашней заметкой о нашем бюсте, сегодня же – ни слова, все остальные газеты дали какие-то очеркушки. Вещественный вклад – только наш, опять единственный в стране, бюст В. Курдова. О нем во всех газетах.

28 июля. Жаркий, солнечный день, нет и намека на дождь. С Верой заехали в больницу, завез ее домой, а сам на Никольск. Впервые еду по новой, полностью построенной дороге до этого города. Живописные места, красиво кругом, лес, поляны, на горизонте мохнатые увалы. Наша Швейцария! Встретил Климов у границы. Родник остался теперь внизу, но к нему сделан сход. Это хорошо, не пропал давнишний пруд, и теперь радость людям. В Никольск. […]. На стадион. Около 5 тыс. человек. Решили выдержать характер и пускать только по билетам. Поздоровался с Л. Зыкиной и В. Гридиным. Начался концерт. Трудно ей. Кажется (хорошо бы ошибиться), она уже прошла высоту своего творческого взлета и теперь на той стороне горы тихо спускается со склона. Работает мощно аппаратура, а голос трудный, усталый. Может, конец сезона, болезнь? Приняли хорошо. Сказал о ней речь: три кита русской песни в нашу эпоху – О.В. Ковалева, Л.А. Русланова и Л.Г. Зыкина. Вручил грамоты и благодарность. […].

3 августа. […]. В 11.00 – беседа с воздушными десантниками. Они второй или третий год будоражат город. Попросил пригласить, чтобы понять, в чем тут дело. Оказалось всё просто: воспитаны в таком духе, немного «сверхчеловеки»: после приземления прожил два часа – герой. Разбиваются на тренировках. Каратэ, руко-

пашные бои, бросание ножей в цель. Отчаянные. 2 августа день рождения этих войск, они и празднуют, поминают [погибших]. Боремся с ними вместо того, чтобы ввести в организованное русло. А пензяков много и ценятся они высоко в десантных войсках. Условились создать во главе с генералом В. Зикеевым комиссию и подготовить на будущий год хороший праздник десантных войск. […].

4 августа. Около 10-ти приехал в обком КПСС. Доклад Черноусова слушать откровенно неприятно: что ни день, то пять-шесть трупов по области. Портится настроение. В Армиёво два 13-летних подростка, выпившие (!), из-за 300 руб. убили топором по голове старую женщину. Жуткая история. Как ее отнести к «пережиткам капитализма», когда они уже родились при «развитом социализме». Отказываюсь понимать истоки такой жестокости, страшно! Нет, не наступило всеобщего благоденствия и нет повсеместно возросшего сознания до уровня, о которым мы так долго, так много говорили и говорим. Боюсь, не становимся ли мы морально хуже, грязнее, распущеннее? Статистика и факты «вопиют», а что делать, куда и как идти? Только грамотный и убедительный ответ на этот вопрос, подкрепленный делами, пользующимся всеобщей поддержкой народа, может дать искомое. Пока это – секрет за семью замками. […].

5 августа. […] Вспомнил лебеду и кожевника, весеннюю картофельную падаль в поле и погоню объездчиков. Пережили испытания голодом и нуждой, а вот как вынести испытания сытостью и благополучием? Не надломила ли психологически война, хотя и победили? […].

17 августа. […]. Уехал в Бессоновку. Беседа в РК КПСС с Гусевой, Валовым и др. руководителями по уборке хлеба, лука и кукурузы, которая беспокоит особенно. Два несчастья в райцентре: привезли гроб из Афганистана. Запаян в свинце, чтобы не взорвался – дырочка. Открывать нельзя, в дом вносить тоже. Убили на посту, пуля в шею. Во имя чего гибнут наши ребята? Кто виноват, что допустили такой ход событий? Отдать бы те же деньги, что тратим теперь, Дауду, и вопросов бы не было. Зачем ворвался Тараки, потом Амин, а теперь Кармаль? Мы же управлять обязаны этими событиями, а нам устроили Вьетнам. [Второе несчастье в селе] – в [одной] семье только похоронили 15-летнюю дочь из-за неудачной операции аппендицита, и пьяный прапорщик по ошибке зарезал ее брата. Ему 23 года. Страшное, жуткое дело. […].

18 августа. […]. В 10.00 в ДПП – совещание актива учителей. Доклады Федора и Болдина, потом обсуждение. Не вызывает реформа школы больших и интересных мыслей даже у самих учителей. Она их не затронула содержанием, ибо, если

всматриваться в ее сущность, ничего «реформенного», преобразующего самым решительным образом – не содержит. Реформа провозглашена, реформы нет. Есть набор фраз, положений, которые закрепляют то, что есть и было. […].

[…]. Около 11-ти позвонил милиционер: умерла жена Федора Тамара Николаевна. На его глазах. Астма. С Верой пошли. Уже увезли. Состояние тяжелое. Как неожиданно обрывается жизнь и сколько сразу образуется пустот! Федору сложно. Веру прихватило, перебои сердца. Домой около 3-х.

10 сентября. […]. По телефону – с А. Королевым. Говорит, что лекция [Мясникова в Москве] получила большой отклик. Голубцова жалела, что не пришла, хотя нашлись и те, кто удивился такой постановке вопроса [партия и краеведение].

С начальником каменского горотдела Жеряковым. Спас его от снятия, но сказал, что взял его на свою совесть! Издатели из Саратова. План изданий на 1986 год. Отдельно – о 325-летии Пензы. Мою книгу обещают в декабре.

11 сентября. […]. В 7.30 встречали зам. председателя КГБ СССР генерал-полковника Бобкова Ф.Д. Уехали на ул. Лермонтова. Завтрак и согласование программы. Условились о выступлении в аппарате обкома КПСС. Прошли пешком через сквер, зашли на базар, а потом к памятнику Ф. Дзержинскому возложили цветы. Сегодня 107 лет со дня его рождения. Федор уехал с ним, а я остался в обкоме. Всякие беседы, переговоры с Автократовой М.И. – обещала книги и ксерокс Лачинова [документов основателя Пензы]. В 15.00 – длинная беседа в зале бюро обкома КПСС о проблемах молодежи. Много вопросов, как их решать? Звонок Н.С. Черныха. Мне на конференции выступать на первой секции. […].

12 сентября. […]. Беседа с Н. Кугель. Попросил ее больше не увлекаться «мейерхольдовщиной» в Музее театра, снять всякие репрессии и реабилитации. Не всё – от Мейерхольда. Надо успокоиться, дабы не нажить беды. […].

Говорил с Т. Мельниковой из Тархан. Не делают геологию под памятник Лермонтову, а ее ждет О. Комов. Дала мне задание и… забыла. Похвалил по телефону П.А. Фролова за книгу «Куприн и Пензенский край». Хотел послать письмо, но решил всё доброе сказать по телефону. […].

14 сентября. День теплый, но хмурый и дождливый. Прорвало небесные шторы. К 8.00 в особняк на ул. Лермонтова. Завтрак с Ф.Д. Бобковым. Впечатления у него после Кузнецка и Тархан отличные. Это хорошо. В 9.00 – совещание аппарата КГБ области. Доклад Бобкова на полтора часа. Мало сложного, ничего таинственного, всё очень буднично и казенно. Я выступил минут на 20 для поддержания престижа обкома КПСС. Получилось более жестко, чем у него. Заключал Федяшев.

Всё буднично, казенно, нет событийности. Музей КГБ, беседа с сотрудниками органов, потом с писателем Стенькиным. Наш Лев Толстой, уже обо всем цедит свысока. Музей театра Кугель показала хорошо. Никакой мейерхольдовщины, всё кратко и убедительно. Только надо полнее раскрывать, скольких мы приобрели к новым именам. Довез до Музея Ульяновых. […].

Ф.Д. Бобков у меня: В.М. Молотов в мае восстановлен в партии без перерыва стажа. Олег Битов – у нас, скоро пресс-конференция в деталях. Боннэр осудили на пять лет со ссылкой в Горький. Любимов хотел диктовать условия, но – оставили. В 16.00 – выступление Бобкова перед аппаратом. Ничего нового. Факты давние, известные. Ужин в особняке. Поехали по Пензе. Показали «Первопоселенца», Д. Давыдова, «Росток». Впечатления большие. Теплое расставание. Приобрели еще одного товарища. Обещал прислать воспоминания Шульгина.

16 сентября. Простужен. Весь день провалялся в постели под ватным одеялом. Потом засел собирать по хронологии материалы о Елисее Лачинове. И здесь понял, что не надо пока хвататься за XVIII век, а следует поискать новые материалы и к 325-летию сделать второе издание книги более полной и иллюстрированной, с чертежами и картами, посвященными Пензе, а может, и более широко – Пензенскому краю в XVII веке: всё начинается с дорог, первые города края Верхний и Нижний Ломовы, Керенск, постройка Пензы и слобод, оборонительный центр, набеги и их отражение. Далее – Пенза как экономический центр, история первых поселений. Пенза – культурный центр, нравы и обычаи того времени. Это – более полный и интересный материал, но он потребует 16–18 печатных листов и огромной работы по сбору материалов. Надо дождаться первых откликов, садиться и собирать материалы. Интересно бы найти новые документы в ЦГАДА, нашем и иных архивах. Может, попросить Анатолия Пегова? Кроме ЦГАДА, посмотреть еще и по Военно-историческому архиву, архиву Академии наук. Поиски обязательно что-либо дадут.

17 сентября. […]. Н.Ф. Выдрин. Договорился с Н.М. Карпеевым о госпитализации [жены Выдрина]. Написал письмо, организовал билеты. Пусть завтра едет. Благодарен и смущен. Но все мы в партии – товарищи. Тяжелее с М. Ивачевым. Тоже поедет, но трудно ждать чего-либо доброго. Диагноз страшный, хотя лет 15 не курил, ездил на велосипеде, купался до льда. Беседа с Алексеевым по «Эре».

Уехал рано домой, душит насморк. Хотел рано лечь, но увлекся Лачиновым. Надо готовить второе издание. […].

28 сентября. Вчера прислал мне книги из КГБ СССР Ф.Д. Бобков. Те, что шли по линии АПН и не очень доступны нам. В т.ч. записки Шульгина. Видал его на XXII съезде КПСС! Его лишь выводили, когда голосовали за программу КПСС всем залом (не только делегаты). Было и такое. […].

4 октября. Поднялся нормально. Надо ехать в ЦК КПСС. Решил не очень болтаться и не обходить всех, а ограничиться лишь орготделом. Был у Романова, инструктора ЦК. Он ведет Камышино. «Украл» [у него] с полки историю Камышино, особенно мне важен период появления города и трактовка набегов на Пензу […]. У Ковлягина. Обживается и обязательно вырастет, двинется. Уже выполняет поручения Лигачева. О кадрах, о Лазутовой, Кудрявцевой, Сидоркине. Кокетливо остановил мой замах на пенсию. Говорит, что я очень нужен области, много делаю и т.п. После обеда в гостинице поехал в ЦГАДА [Центральный государственный архив древних актов] к Автократовой М.И. […].

В ВЦСПС у А.М. Субботина. Мало осталось внутренней связи, симпатий, ушло с возрастом. Общий разговор. Потом о парне около часа поговорили. Тихо, без звонков живет, а охает. У А. Самохвалова. Обживается бедолага, сочиняет никому не нужные бумаги и уже верит в их пользу. На квартире художника А. Калашникова. Там Евг. Осетров. Проспект книги о Пензе. Просмотр эскизных вариантов гравюр. Ужин, около 9-ти уже приехал в гостиницу.

6 октября. […] На Арбате. Быстро закупил в отделе самообслуживания и довольно долго стоял в очереди за кексами и пряниками. Злой народ, ругается. Наверное, очереди выводят из равновесия. Понять злость можно, мы не можем создать жизнь без очередей. Очередь – наша объективная и неизбежная реальность. Вернулся в гостиницу, расплатился и по солнечной, залитой желтым цветом облетевших листьев, и под золотом кремлевских куполов, блестящих под лучами солнца, отправился в Жуковск. […].

7 октября. […]. Вера потянула всех в театр на концерт Александра Дольского. Один из многих теперь «бардов». Сам пишет тексты, сочиняет музыку. Виртуозно играет на гитаре и поет приятным голосом. В этом комплексе имеет значение, что он еще и артист. Господь Бог и природа щедро наделили его талантами. Полтора часа держал один весь зал и делал это красиво, непринужденно, не сбиваясь на дешевку. Мне концерт понравился, хотя в душе сомнения – можно выше и лучше реализовывать талант, поставив его не только на службу эстраде, но и народу. Есть все данные, даже хорошая оболочка (мужичок с хитринкой, внешне простоватый), но как найти высоко и необычно звучащее содержание?

Беседа с ним после концерта. Подсказал ему идею – создать цикл песен по истории нашей России. Порекомендовал «миниатюры» В. Пикуля. Надо «воспитывать историей». Я теперь этим болен и думаю, что тут есть повод для поисков […].

10 октября. […]. В 11.00 уехал в финансово-экономический заочный институт. Зашел в общежитие ПТУ №1. Старая газета, жалобы на поборы среди деревенских ребят городскими. Бандитизм откровенный, а рядом райотдел милиции. Осмотр института. Помещение жалкое. Дал команду за 10 дней покрыть крышу. Иначе – оклад [пошлет комитет народного контроля, который оштрафует директора на один месячный оклад]. […]. В 16.40 – разнос милиции и комсомола за дела в ПТУ. […].

18 октября. Морозец продержался не только ночь, но и весь день. Это лучше дождя. Может, удастся погонять скот по озимым, что поправит молоко и благотворно скажется на них самих. Приехал в обком, и сразу жуткий наплыв посетителей. Мелькают один за другим, несут вопросы, просьбы. Нагрузка большая, но довольно бестолковая.

Рассмотрели с участием Евдокии [Анисимовой] и Азария Маматкадзе проект «Самоварника» на тропе здоровья. Принес он чепуху – пришлось рисовать самовар как вход в помещение. Сочетание металла, кирпича и резьбы, внутри всё оформить керамикой, в т.ч. блюдами.

Рассмотрели концепцию музея Ильи Николаевича Ульянова. Увлеклись, ушли в грандиозность, а нужен камерный музей не о великом просветителе, а о пензенском периоде в жизни И.Н. Ульянова, отразившемся как-то на его гениальном сыне. Апофеоз – Ленин! Удивительное и таинственное дело: написав 55 томов, Ленин ни разу, даже в письмах, не произнес слово «отец», я уж не говорю, что он его просто не вспоминал, хотя было много житейских поводов. Как это понять? Няня Щербатова. Демократы [семья Ульяновых], но… ее [няни] нет ни на одной фотографии: не подпускали – дворня и дворня. Продиктовал ход мыслей и поиска. Надо глубже лезть в музейный материал.

Рассмотрели и проект оформления поезда «Сура». Надуманно. Пришлось самому изобретать шрифт «Сура», чтобы передать движение.

После обеда – Кропачева. Рано уехал домой. […].

19 октября. […]. Вечером с Мишей в театр. «Сирано де Бержерак». Сначала постановка испугала, но потом пошло хорошо. Герман Вавилов просто прелесть. Хорошо – Устинова, Бакалов. Ансамбль! Куплеты не забили содержания. Молодцы, что справились с этой новой для нас формой. Поздравил.

22 октября. […]. Опять накручивается всего много, особенно заседаний и выступлений. Еще целая серия разговоров по проектам о борьбе с пьянством. Вспомнил, как определял Ленин [пьянство], потом извинялся Сталин за временную меру, а потом – [водку] сделали частью экономики. А вдруг бросят пить? Чем платить зарплату? […].

Позвонил Олег Комов. Он был в Мытищах, нашел гранитный камень, требует письма и расчетный счет. Собирается формовать и начинать отливку. Можем-таки успеть к июлю открыть памятник в Тарханах. […].

27 октября. […]. Не пошел на областную конференцию журналистов. Поручили выступать Л. Кудрявцевой. Надо давать ей и самостоятельность. Говорят, что хорошо, возвышенно и восторженно выступил Альбатрас Лауринчюкас. Много впечатлений о Пензе. Комната, где жила С. Нерис цела, в ней якобы стоит шахматный столик, за которым в 1908 г. играл Алехин. Надо бы разобраться с этими туманными намеками, что Алехин имел какое-то отношение к Пензе. Это великий шахматист. И прикрепить его к нашей земле, обогатить ее еще одним именем. Может, поручить В.А. Бутову. Он уже набил руку [на Руслановой]. […].

28 октября. […]. Чем дольше живешь, тем больше сознаешь, сколько и где ты совершил ошибок на своем пути. Но время ушло, ленту жизни назад не повернешь и не перекрутишь. Остается лишь одно утешение – хорошо, если ты хоть чуть-чуть принес пользу своему народу, доставил ему радость. Это дает какое-то облегчение при обозрении пройденного пути.

29 октября. […]. На работу надо утром, а никак не могу побороть дурную привычку – читать перед сном. Достал первый том Ф. Шаляпина (вклеил заметку о переносе его праха в Москву) и попался: читал до 4-х утра. Странная, тяжелая исходная жизнь. Сколько мук, страданий и… сколько потом барства, которого и сам не скрывал. Кажется, этим барством он всю жизнь мстил неудавшемуся детству. Понравилась мысль: в России любят реформы, но очень скоро о них забывают. Интересно сопоставление нашей жизни с западной. К сожалению, и теперь мало, что изменилось […]. По телефону – с Ригой. Наш земляк – писатель Николай Задорнов, скоро ему 75 лет, прислал мне книгу. Попросил А.Е. Щербакова зайти к нему, передать статью и, главное, пригласить в Пензу. Он здесь родился, похоронен брат. Надо бы приветить его, приласкать. […].

1 ноября. Вчера залег около восьми и спал почти до восьми в надежде, что появившиеся в мокроте кровяные прожилки исчезнут. Но не тут то было: откашлялся – много крови. Позвонил зав. облздравом Ю.А. Лаптеву и сказал, чтобы присылал

врачей. Объявил Вере, а она ругается, что молчу так долго. Разные характеры. У нее чуть заболит, и уже все в доме знают, что и как болит. Я – сторонник того, чтобы не беспокоить излишне окружающих, пока нет серьезного повода. Приехали Максимова и Владимирова. Картина та же, что и весной, но говорят, что несколько легче. Зараза из носоглотки опустилась в бронхи и дает себя знать. Решили, что дома делать нечего, надо отправляться в больницу. Там всё под руками, не надо с уколами гонять сестер. Да и Вере легче – на одного мужика меньше. […].

Мысли об [убитой] Индире Ганди. Жалко ее. Помню ее по Монголии в 1966 г. Красивая женщина. Думаю, что она войдет в историю мира как одна из наиболее выдающихся государственных деятелей – женщин. Получила 16 пуль. Политика – ужас. Стреляют в женщин.

4 ноября. День воскресный как-то особенно нудный в больнице. Наступает апатия, безразличие ко всему и всем. Сложно размышлять на эту тему, не зная многих деталей, но создание в свое время монастырей было мерой оправданной и необходимой человеку ради его душевного спокойствия. Устал от бурной жизни – оставил пожитки, забился в келью и оставайся сам с собою наедине. Размышляй, беседуй, молись. Как-то я очень устал в последнее время от бесконечного и суетного общения с людьми. Оно не приносит мне большой радости. Одичалость от усталости. Раздражают телефонные звонки, никого не хочется видеть. Но и в больнице не укроешься от бурно текущей за стенами жизни. […].

10 ноября. Вчера редко падал снежок, а сегодня мелкий противный осенний дождь за окном. И так хреново на душе, да еще и тоскливая погода! Спать хочется […]. «Есенинское» настроение: весь я стал, как запущенный сад. «В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть». «Отговорила роща золотая березовым веселым языком». […].

Читаю Л. Зорина «Старая рукопись». Интереснейшая и глубочайшая мысль, брошенная по ходу: «Ты думаешь о времени, а я о пространстве». Перед любым человеком встает этот вопрос и, как правило, выигрывает пространство. Это и моя ошибка в Москве (не пошел в историю [историки]), а потом и в Пензе (увлекся текучкой). Только поняв, что мое пространство ограниченно, занялся временем – объекты, памятники, книги. Но уже сил и времени мало. День закончил чтением Л. Зорина. Ворочался долго. Мучительные раздумья, рожденные прочитанными страницами.

11 ноября. […]. Были К. Вишневский и Н. Инюшкин. Потрепались немного, отдал им проект выступления на Всесоюзной научно-практической конференции с

просьбой дотянуть. Меня запичкали лекарствами, мыслить не могу и аппетит пропал совсем. Оказалось, что отдал вовремя. Звонок из ЦК от Н.С. Черных с требованием текста выступления. Сказал, что завтра вышлю. Пошлю, что есть, а там пусть сами смотрят и редактируют. […].

12 ноября. […] Думаю о декабристах. А в наше время есть «октябристы», поддержавшие выступление против Н.С. Хрущева в 1964 году. Власть сменилась, их сначала побаловали званиями (Шелепина [ввели] даже в Политбюро, а Демичева – кандидатом в члены Политбюро, Семичастному – [дали звание] генерал-полковника). Но как только [брежневцы] закрепились, организаторы переворота, рисковавшие жизнью, оказались не только не нужными, но и опасными. И страх этот был перенесен на целое поколение комсомольских работников. Я до октября 1964 г. был просто выдвиженцем из аппарата ЦК, а потом превратился в откровенно «ссыльного октябриста». Правда, предлагали (как декабристам – Кавказ) мне – Афганистан, но я эту ссылку не принял. Буду доживать на своей земле.

14 ноября. […]. Почему-то вспомнил о В. Поляничко. Думающий и очень ищущий парень. Жалко, если за близость в свое время к Е. Тяжельникову его затрут в аппарате ЦК. Такое часто бывает. «Сила» аппарата состоит как раз в том, что он своей серостью выравнивает индивидуальности, делает всех усредненными исполнителями чужой воли. Личности гибнут. […].

17 ноября. […]. А. Владимирова. Она уже вся в новом деле, новых заботах. Начинаю и я набирать рабочую форму, уходит апатия. Прочел все газеты, что поступили, в т.ч. «Литгазету» и «Литроссию». Спор идет о постановке Э. Рязановым «Жестокого романса» по «мотивам» пьесы А.Н. Островского «Бесприданница». Я всё ожидал, но узнав, что половина текста написана самим Э. Рязановым, и что в спектакле поют романсы на слова Цветаевой и Э. Рязанова, обалдел от такой наглости. Можно по-разному трактовать Островского, но дописывать за него сцены – это верх невежества и беспардонного хамства. На такое даже Мейерхольд не решался. Фильм будет, вероятно, иметь успех, но как можно позволять распоясавшимся хамам из окололитературного отребья, которое забило многие поры нашего искусства, издеваться над русской классикой! Это вопрос уже не литературный, а политический. Русскую классику надо оберегать от наскоков подобного рода. Это вопрос принципа.

Опять вопросы и опять ответы. Движения нет. Вручение Грузии ордена Ленина. Снова сердечный привет, один портрет и теплый ответ. Меняется время, меняются фамилии, а всё остается по-старому. Это уже не следование принципам, а какая-то

забота об их постоянстве во имя собственного благополучия. Удивляет отсутствие вкуса и выдумки. Нельзя одним и тем же жить десятилетия.

19 ноября. День морозный, с серебряным пушком, но нет снега. Хорошо бы после таких морозцев земля укрылась белым одеялом.

В 9.00 планерка. Почти месяц Федор и две декады я не виделись с аппаратом обкома, руководством области. Пространные доклады отделов. Планерка заняла почти 2,5 часа. Многовато и длинновато, хотя особо новых вопросов нет […]. [После планерки] остались только секретари. Разговор о прокуроре. Федор было поручил разобраться по Шемышейке. Я сказал, что дело это щекотливое, и чем меньше ясности, тем лучше. Попался и директор опытной станции. Лихое это дело, мздоимство. Берут наличными и никаких гвоздей! Надо судить, иначе мы окажемся виноватыми […].

21 ноября. […]. Думаю всё время, что не годы, а болезни старят человека. Первый удар был уже после операции. Второй серьезный – когда убрали желчный пузырь и еще два раза резали, а этот год с бронхами дал почувствовать, что я уже пожилой человек. Не знаю, выйду ли из этого состояния, но пока в душе – уже старик с известной степенью немощности. […].

Концаев из Афганистана. Всё очень сложно. За нас – процентов 15, остальные нейтральны, а многие против нас. Бомбим, уничтожаем, но гибнут не только бандиты. Война эта грязная, чести нам не делает.

23 ноября. Ночь не спал. Миша приехал в 3-м часу утра. Что-то стал скучать о нем. Привез мне отличную книгу 1829 г. с месяцесловом, всеми святыми и даже монархами российскими. У меня как-то была мысль высчитать, кто из царей сколько жил. Оказывается, это 150 лет назад сосчитано и издано. Никогда не думал, что Дм. Донской умер в 39 лет, Александр Невский – в 43 года, Алексей Михайлович – в 40 лет, Федор – в 21 год, Петр I – 53 лет, Екатерина I – 38 лет, а Александр I – в 49 лет. Думал, что они дольше жили […].

15 декабря. […]. Вечером с Верой и Мишей в театр. Премьера «Лес». Аплодисменты декорациям. Устали от дешевки и всякого рода конструкций. Хороший, праздничный спектакль, событийный в истории театра. Экзамен главному режиссеру Иванову, актеру Эрельту, художнику. Объявил всем по «пятерке». Больше бы таких, рождающих в душе праздник! Поздравил. Это, действительно, событие высокой эстетики.

16 декабря. По совету врачей и состоянию здоровья мне предписаны подвижность, свежий воздух, а организм диктует свое – лежание. Сегодня провалялся почти до 12-ти дня. Правда, дважды будили по телефону, но это не заставляло организм, пока не «вылежался», подниматься. Вообще, чем старше становлюсь, тем почему-то больше тяги к неподвижному образу жизни, лени, расслабленности. Активно работает только мозг […]. Вчера мысль и разговор о декабристах:

– А вы выходили на Сенатскую площадь?

– Нет. Просто кое-кто из стариков боялся, что молодое поколение выйдет на площадь и сделает максимум возможного, чтобы не допустить этого.

Декабристов сослали после восстания, наше поколение комсомольских работников 40-х – 50-х годов сослали до выступления. И если раньше из ссылки был один выход – на Кавказ под пули чеченцев, мне предложили другой выход – в Афганистан. Не принял, и этого не простили и не простят. Круг замкнулся на Пензе. Я и не очень теперь горюю – это моя родина. И если удалось что-то сделать для ее прославления, душа моя спокойна и удовлетворена. […].

17 декабря. Просидели за преферансом, а потом битый час искали подстежку зимнюю к пальто, но так и не нашли. Решил взять сапоги и шерстяной свитер, чтобы не простудиться в Куйбышеве. Лег в 3, в 6.15 уже поднялся. Побрился, собрался и в аэропорт. Самолет [командующего] ПРИВО с Березиным из Саранска уже приземлился. Решили не тратить время. Только остановились винты – в самолет и снова запуск двигателя. А.И. Березин, первый Мордовии, – давнишний знакомый. Пока летели, немного потрепались, выпили чаю и пришли к Куйбышеву. На аэродроме встретили первый Куйбышевского обкома Муравьев, [командующий] ПРИВО Ряхов и Громов, новый второй куйбышевского обкома Ген. Вас. Прилетели Гусев из Саратова, Шакиров из Башкирии, Колбин из Ульяновска, Чувашия, Мария, Оренбург (хохол) – председатель [облисполкома].

В штаб округа. Начало семинара. Доклад Ряхова с одним перерывом. Знает дело, тактично ставит вопросы. Всё по делу. Наши военкомы здесь. Встретился в перерыве со своим. Шустрый полковник. После обеда – на полигон. Осмотр вооружения одной дивизии. Жуткое наличие техники – от пистолетов до ракет и вертолетов. Уровень потрясающий, я уже не говорю о стоимости. Потом показательные стрельбы. Мажут откровенно из ПТУРСов. Не поймешь, как из пушек. Осмотр складов и фильм о военном городке. Оттуда – кто на самолет, а кто на чай. Шакиров и Гусев (и молодцы!) с ходу улетели, Березин дрогнул. Нас прихватили и потащили на пьянку. Зрелище некрасивое, распущенность Муравьева да и Колбин недалек.

После каждого тоста «ура!» и еще троекратное. Командующему стыдно, но остановить не может.

Едва утащил Березина около 9-ти часов. Плевались всю дорогу. Березин [о разговорах по поводу большого авторитета Мясникова в Пензенской области]: «Сходи к Георгу, он верховодит в области». Так считают соседи. А откуда они знают? О Колбине – шагает далеко, дойдет ли? Лигачев влюблен в него. Муравьев – деревенщина, стыдно, противно. Представляю себе, что без нас делает.

20 декабря. […]. Важное событие и для меня и пензенского краеведения. Самолетом из Саратова прислали десять экземпляров книги о Пензе. Все-таки моя первая самим написанная книга. Полиграфически сделана неплохо. Перечитал ее – ошибок мало. Читается с интересом, смотрится. Есть что редактировать и дополнять. Но есть и чувство исполненного долга, реализованного и оставленного моим потомкам на долгие годы. Книга сделана так, что без нее уже трудно обойтись теперь в правильном понимании истории Пензы. Одержана победа!

21 декабря. […]. Хотел посмотреть хоккей, но – траурная музыка: вчера скончался Д.Ф. Устинов. Нам хотя бы как-то намекнули сегодня из ЦК. Молчат и всё. Последнее его [публичное появление] – вручение Черненко звезды. Пошатаев из ЦК сказал, что в прошлую субботу застрелился Н.А. Щелоков. Хотели «забрать» регалии.

24 декабря. Мороз сегодня прибавил до -22. Почти до 4-х утра писал доклад на совещание идеологического актива области […]. Звонил Г.Х. Шиляев из ЦК. Бурно идет оформление ордена городу Пензе. Моя идея сработала. Условились, что [лучше всего орден] Трудового Красного Знамени (орден Ленина – нескромно, а Октябрьской Революции – засилье эсеров [в Пензе], нет традиций). Согласовали текст указа. Хорошо, что [в число заслуг города] добавлена Отечественная война.

Всякие беседы, в т.ч. с Прониным из УВД. Щелоков, действительно, застрелился. Похоронили рядом с женой на Новодевичьем, было [на похоронах] человек шесть. Дожил – хоронить некому. Как бросает жизнь! […].

27 декабря. […]. Звонил В. Лебедев. Он уже пролистал книгу о Пензе и берется вместе с Годиным писать на нее рецензию. Сам он доволен тем, что расставлены все точки над «i».

В 10.00 – бюро. Сразу договорились, что закончим его к 3-м дня, ибо есть дела по выборам. Утвердили кадры. Особые надежды на Филиппова в физкультуре и Попова – в культуре. Надо эти отрасли поднимать. Нужны такие, которые если сами не преумножают, то хоть сохранят, что создано. […].

29 декабря. […]. День для меня исторический: в Пензу привезли 7 тыс. экз. моей книги «Город-крепость Пенза». Исторический потому, что всё исчезает (пропадают дома, умирают люди, меняются нравы), а книги вечны, они остаются и продолжают долго жить и после их творца. Да и есть удовлетворение, что без учета положений этой книги трудно теперь трактовать первоначальную историю Пензы. Многое расставлено по местам. Подарил книгу всем зав. отделами обкома КПСС. […].

30 декабря. […]. К 9.00 поехал на открытие спортивного комплекса «Рубин». Вручил медаль действительному строителю его – А.Е. Щербакову («запевале» в хоре созидателей) и перерезал ленту. Осмотрели еще раз этот великолепный дворец спорта и здоровья, а потом откровенная беседовал с руководством города по некоторым проблемам. База отличная, но как ее используют? Многовато всякого рода «кормушек» для тренеров. [Не решена] проблема техникума физкультуры. Надо провести ревизию по всем направлениям. […].

31 декабря. […]. Чем старше становишься, тем сложнее однозначно подводить итоги ушедшего года. Вероятно, возраст позволяет лучше воспринимать диалектику жизни: всё через борьбу противоречий. Но грех обижаться на ушедший год:

1) сохранено, и это главное, мирное небо над нашей страной, хотя тучи ходят постоянно и временами густо заволакивают горизонт. Если еще иметь ввиду, что в декабре исполнилось пять лет, как мы ввели войска в Афганистан, и несем там потери, то для некоторых семей небо это и не такое мирное;

2) страна и народ работали устойчиво, преодолели известный спад, наметившийся в первые два года новой пятилетки. Потеряли руководителя Ю. Андропова, замахнувшегося на наведение порядка, но не успевшего многого осуществить. Новый руководитель, внешне следует намеченному курсу, но каждая личность – свой стиль;

3) область выполнила всё. Особенно радует, что несмотря на жестокую засуху, потеряли только хлеб, остальное вытянули и это важная победа по такому-то страшному году. Это радует, люди понимают и работают хорошо. А настрой людей куда дороже сотни самых умных указаний;

4) главное, в семье все живы, сели за новогодний стол. Неважно, что пятый год встречаем без вина и болел три раза. Всё это понятно, если принять во внимание, что подходит 60-летний рубеж. Пожелание одно: чтобы 1985 год не был хуже 1984 года. Не надо «нового счастья», надо просто хорошей жизни и здоровья. Тут секрет всех успехов и всего остального.

1985 год

3 января. Вчера по телефону с Г.Х. Шиляевым из ЦК. Кажется, дело по ордену Пензе двигается и уже ушло «наверх». Может, в январе, и услышим указ об ордене. Было бы хорошо! И здесь хоть небольшая, но и моя лепта: не теряя времени, надо брать орден тогда, когда его можно взять.

И морозно, и снежок падал, а к вечеру резкий, холодный ветер […]. Но пока всё это терпимо. Завез Веру в больницу. У себя. Уже ждет В. Годин. Отдал ему книги для работников архива и В. Лебедева. Был Ю. Ерофеев из Башмаково. Дорошенко было запутал по кандидатуре на предрика, а сегодня отказался. Сложно так работать и решать вопросы. Путаник страшнейший.

Был Я.Г. Слицан. Подарил ему книгу, попросил подумать, как увековечить в камне подвиг В. Клочкова, который сказал: «Отступать некуда, позади Москва». Он жил в 1934 г. во дворе старого почтамта. Может, камень поставить на улице Славы? Вручил [Слицану] для изучения книгу Осипова о Клочкове. Гальдин из СХИ и Желиховский из учхоза – о пристрое к школе во имя реформы. Идея интересная. Надо просто поискать, подумать, не увлекаясь гигантоманией. Напомнил [ему] о 200-летии со дня рождения М.Н. Загоскина: пора думать об этой дате, выработать «систему мер».

Л. Полукарова – об объединении музеев. Интересный работник, выросла у меня на глазах. Немного о концепции Литературного музея. Что-то найдено, но надо искать и его архитектонику. Подарил книги объединению. Н.М. Инюшкин. Хорошо, что не обижается [на критику в книге «Город-крепость Пенза»]. Кислов – по статье в «Пензенской правде». Дал советы. […].

8 января. […]. В обкоме. Беседа с В.А. Калинкиным из КПК. Много всяких новостей и слухов. Страшно и противоречиво по Щелокову. Час беседы до заседания Комитета [партийного контроля], потом его исключили [из партии]. Позвонили, что надо сдать ордена и знак маршальский. Попросил два дня. Застрелился из охотничьего ружья. Хоронили на Ваганьково. Сын занес в церковь, отпел. Вместо Героя – крест на шею бывшего члена ЦК и закрыли крышку. От высокого поста до церков-

ного креста – так иногда лихо бросает жизнь людей, или люди сами себя. Сложно всё.

Советовался по Николашину. Снимать придется, а что дальше делать? Куда-то надо девать. Жалко парня. Не себе, району хотел хорошо делать и попался. Послал А. Баракина и В. Журавлева в Городище. От имени закона творится несправедливость, и не знаешь, как тут быть.

[…]. С Ковлягиным. Кажется, проект о награждении Пензы ушел наверх и поддерживается. Вопрос одной-двух недель. Событие приятное. Хорошо, что толкнул, а Федор решился.

11 января. […]. У меня В. Дорошенко. Три дня был в Москве. Хорошо принял В. Воротников. Чего-то вспомнил обо мне: «Как там ветеран Георг живет?» Перелаялся [Дорошенко] со Львом. Тот принял его только с третьего захода. Опять критиковал за телочные хозяйства (их давно бы пора прикрыть), низкие надои молока. […].

Пригласил из «Пензгражданпроекта» Давыдова, он привел самого опытного картографа Севастьянова (оказался заядлым краеведом, имеет около 400 книг о крае и мою уже купил и прочел) и молодого художника. Интересы совпали. Решили думать, как картами и рисунками подкрепить и сделать более зримыми положения книги, более доступными. […].

12 января. […]. По телефону – с Ц. Кин. Говорит, что с восторгом читает мою книжку по Пензе, нравится стиль, обещает прислать отзыв. С А. Марченко. Похвалил [его за книгу о Лермонтове] «С подорожной…», но что касается Тархан, сказал, что многое вторично, нет ощущения присутствия и сопереживания. Надо приехать. Он согласен. Говорит, что вчера был в СП СССР. Там бурно обсуждается статья А. Вознесенского и вспоминают меня. Считают, что я – «белая ворона» среди партийных работников, ходят легенды. Обещал прислать две книги, а весной – приехать. Нашел «Литгазету». Действительно, в разухабистой статье А. Вознесенского одно светлое пятно – Пенза. Позвонил ему, поблагодарил. Он сказал, что под «прорабами духа» имел в виду меня, т.к. много слышал. Уславливаемся, что он весной приедет и сам всё посмотрит. Нельзя идти только от отрицания. Разговор не закончен. Нужны добрые примеры. Обещал прислать книгу «Прорабы духа» а весной – надписать те, что имеются у меня в библиотеке. Найден хороший контакт. […].

13 января. […]. [Журнал] «Коммунист» когда-то писал о «музейном ренессансе» [в Пензе], потом эту фразу в «Огоньке» повторил академик Лихачев, теперь без Пензы и ее опыта не обошелся в разухабистой статье и Андрей Вознесенский. Это о чем-то говорит и вызывает удовлетворение, что усилия были затрачены не

напрасно. Хорошо бы всё показать Вознесенскому. Хотя в этом есть и подвох – развернет на всю страну, противопоставит другим областям, а в ЦК это не очень любят, относятся часто ревниво. Да еще и найдут, что мы преступаем всякого рода ограничения, запреты, партизаним. Тут надо иметь дело не с таким «распашистым» человеком. Были надежды на В. Солоухина, но они не оправдались, да и, пожалуй, не могли оправдаться. Не того покроя и настроя он.

Вечером в гостиной музея театра [ставили] «Недоросля». Понравился оркестр. Играет за 20 минут до начала. Это – находка. […].

15 января. […]. С утра в обкоме. Народ не принимаю. Зашел только А. Баракин со справкой по Шемышейке. Федор что-то шумит, храбрится, когда имеет дело не с КПК, а потом уйдет в кусты и не пикнет. Если есть решимость, то надо сейчас действовать, пока не поздно. Но он даже звонить не решится. Погремит и всё на том стихнет. А человека можем погубить. И хорошего человека, отличного работника, много сделавшего для Шемышейки. […].

19 января. Погода мягче. Легкий снежок, морозец. Долго не мог подняться. Поехал в драмтеатр на XXII областную комсомольскую конференцию. Познакомился с секретарем ЦК ВЛКСМ Л.И. Швецовой. […]. Так далеко ушел от комсомола, пролегла такая широкая полоса времени, что всё, связанное с комсомольскими страстями, осталось в какой-то далекой, едва осязаемой жизни, хотя многие детали держатся в памяти. В 10.00 начали конференцию. […]. Историческое событие: прямо в президиум А. Беляев принес принятое 17 января решение Политбюро о награждении г. Пензы орденом Трудового Красного Знамени. Длительная борьба оправдала себя и завершилась успешно. Надо думать о митинге, порядке вручения ордена, памятных знаках (на ул. Пушкина – стелу с орденом!). […].

20 января. […] У Ж. Сименона понравилась мысль: «Можно подумать, что большинство философов втайне мечтают, чтобы все люди, кроме них, перестали думать». Действительно, кто уполномочивал мыслителей любого ранга, даже высочайшего, изрекать свои мысли как абсолютную и непогрешимую истину? Природа не создала и создать не может (ей это не нужно!) мозг, который бы всё оценивал безошибочно, указывал путь идеально правильный. Любое явление, порожденное природой, несет в себе противоречие, единство противоположностей. А партии берут на вооружении мысли, превращают их в фетиш и начинают ими, как дубинками, бить по головам, используя не только общую идею, но и любые фразы, даже из личной переписки. Это уже «крепостное право» мысли, а не ее развитие. А ведь так решаются не творческие споры, а судьбы народов. […].

24 января. […]. Режиссер, сценарист и артист Бурляев со съемочной группой по фильму о Лермонтове. Одна серия – и вся биография. Сложно. «Что главное?» – «Добро!» Очень сомнительно. Нерв, семейные распри, обостренность. Много проблем. Не сбиться бы на бытовизм, на поручика и не потерять Лермонтова. […]. Звонил Ю. Бондарев. Просится с секретариатом Союза писателей РСФСР [в Пензу] на начало июня. Будем принимать, но как с оплатой? Вот где будет вопрос. Говорил с Федором. Он был в орготделе, у Лигачева и Горбачева. К К.У. [Черненко] не пробился. Его и вчера не было, и сегодня нет. Федор доволен. Это хорошо. […].

26 января. […]. К 11.00 – в Музей народного творчества, сегодня 10-летие со времени его открытия. Что-то долго собирались умельцы. Народ пожилой, малоподвижный, но фанатично влюбленный в свое дело. Открыл Ю. Виноградов. Подчеркнул, что инициатором создания музея был я. Рассказал об умельцах. Потом их выступления […]. Многие из них обязаны своим «рождением» музею, и это приятно. Я вручил грамоты музею и Роману Кочурину. Как быстро бежит время и как мы его мало бережем! Трудно представить Пензу без этого музея, на месте этого «чуда» уже был запланирован архитекторами детский сад. Здание могло исчезнуть. Страшно при этой мысли. Главное – 38 тыс. чел. за прошлый год приобщились к прекрасному. […].

27 января. […]. Прошлись по Красной улице. Дом №64 – это дом В.Х. Хохрякова. Сзади строят дом обкома КПСС, вероятно, снесут. А стоило ли [строителям] лезть сюда? Ремонтируют дом Горюшкина-Сорокопудова. Восстановят ли резьбу? Кто вообще этим делам занимается? Надо вникнуть, пока не опоздали. […].

4 февраля. […]. В 15.00 рассмотрели (Арзамасцев болен) с Полукаровой концепцию Литературного музея, планировку. Многовато хватили под контору. Вводим «литературный салон», зал памятных дат. Второй этаж оставим без изменений. В 17.00 рассмотрели состояние дел по ремонту картинной галереи. […]. Москвичи, как всегда, морочат голову проектами. Надо делать просто. Отверг все выкрутасы. Главное – 16 ноября открытие галереи. Наталья Кугель обещает сделать и музей. Комиссар – Евгений Попов. […].

8 февраля. […]. К 9.00 – в обком. Беседа с первым секретарем М.-Сердобинского РК КПСС т. Караваевым. Размахивает, как кавалерист шашкой, рубит налево и направо, а людей нет вокруг, кадров нет. Не хочешь в зампреды райисполкома (секретарь парткома колхоза «Рассвет») – вылетай с работы и оставайся без дела. А он уходит зоотехником в другой район. Зачем так? Логика «военного коммунизма». Как она передается таким молодым, откуда это? […].

11 февраля. […]. Приехали московские проектировщики по Картинной галерее. Чертеж люстр, поперечных стендов и т.п. Я не очень внимательно смотрел. Сказал, чтобы делали всё с расчетом, чтобы 16 ноября галерею открыть. […].

Евг. Шкуров из ДОСААФ: завоевали второе место в России. Условились, что на торжественном вручат ему вымпел. Интересные краеведческие данные: (он из Б. Левина). [Есть местечко] – Татарская Грань у [деревни] Левино. В 1932 году склеп Левиных вскрыли, а там, в стеклянной банке синюшная голова человека. Может, это голова монаха Варлаама Левина. […].

13 февраля. […]. Листал книги по истории Пензы. Это – единственное утешение и удовольствие в жизни. Одна мечта – хватило бы сил и здоровья сделать второе издание. Оно может быть и полнее, и интереснее. Уже есть рамки нового, собирается запас фактов, мыслей, но как найти время уложить всё это на бумагу? Написал письма Л. Зорину, Хорошкевич из Института истории СССР, Фролову в Тарханы. Идет поиск. Он заставляет думать. Вчера Лебедев дал хорошую карту дорог за 1736 год.

14 февраля. […]. На приеме – главный инженер управления строительства Кузнецов. Есть очень сложная проблема серии жилых домов И-90. В эксплуатации оказались не очень практичными в зимние месяцы: мокнут углы, сырой воздух, люди стонут, а мы всё набираем мощности. Сделали на бюро обкома замечание горкому. Вместо того, чтобы серьезно разобраться в технологии, свалили на качество и поручили парторганизации привлечь к партийной ответственности главного инженера. Я сказал в ходе беседы, что надо общественное поставить выше личного, писать записку в бюро обкома КПСС. Надо решать, а не загонять вопросы. Это же судьба уюта тысяч людей.

Посмотрел сводку за 1984 г. Самый низкий за всё время год по рождаемости и самый высокий – по смертности. Естественный прирост упал до 2,3 на 1000 жителей. Такого еще не было.

[…]. По радио, а потом и по Всесоюзному телевидению передан Указ о награждении Пензы орденом Трудового Красного Знамени. Дело сделано! Думаю, что это сработает на патриотизм горожан. Пензе есть чем гордиться. …вечно живой [Ленин] и еле живой [Черненко]. И тот, и другой связаны с городом.

19 февраля. […]. Звонок Федора. Банкуют с Черновым, как быть с депутатством Николашина и вносить ли в бюро обкома КПСС вопрос о нем? Я высказал мысль, что надо советоваться с КПК при ЦК КПСС. Они проверяли факты, с ними и надо решать. А пока нет документа, надо избирать депутатом и ждать. Предложил

свои услуги переговорить с ЦК КПСС (КПК). Там виднее. Дозвонился до И.И. Мирончук. Как быть? Прилично ли сейчас решать, не дожидаясь документа. Она считает, что делать этого не надо. Более того, сообщила, что о моем звонке и просьбе побеседовать с Николашиным доложила в КПК Макеевой и та нашла в этом «рациональное зерно». В КПК звонки все докладываются и взвешиваются. Это надо иметь в виду. Появился какой-то просвет. Всё теперь будет зависеть от поведения Николашина в КПК. О сегодняшнем звонке условились не говорить Макеевой: не надо создавать впечатление особой опеки. […].

24 февраля. […]. В программе «Время» по TW показали участие в голосовании К.У. Черненко. Впечатление тяжелое, едва ли следовало показывать. Глубоко больной, едва стоящий на ногах, с трудом принимающий букет цветов. Одно слово [лишь смог сказать] (!): «Хо-о-шо!» Не только физически, но и умственно уже за той чертой. Зачем вызываем у народа недоумение? Кто же руководит страной? И рядом панегирики: «выдающийся», «неутомимый», «подлинный руководитель ленинского типа» и т.п. Это делает всю нашу пропаганду неубедительной.

2 марта. […]. Беседа с Н.П. Николашиным. В понедельник он должен быть в КПК при ЦК КПСС. От беседы многое зависит. Толковали час, выясняя детали, позицию. Мне она кажется искренней и убедительной. Дал некоторые советы по манере поведения. Признавать ошибки, но в пределах партийности. Хочется его сохранить на посту первого секретаря Шемышейского РК КПСС. Посмотрим.

Уехал в Дом художника. У В. Курдова посмотрел вариант Савицкого. Стал лучше, но испортил бороду: выпирают бабочка и бант. Вместе исправили, обещал доделать. Дал добро представлять художественному совету и переводить в гипс. У В. Непьянова. Этюд к картине о Ем. Пугачеве. Мучает давно, но ясной мысли нет. Живописность будет, мастер он большой, а вот с содержанием, не знаю. Пугает, что два композиционных центра. Подарил книгу с просьбой о создании образа, портрета Алексея Лачинова, а может, и Ю. Котранского. […].

3 марта. Погода не меняется: яркое солнце и мороз. Только по осевшим лункам снега у стволов деревьев чувствуется, что деревья набираются тепла и весна уже не за горами. Проснулся поздно. В обком не пошел. Нет настроения. Какая-то хмарь вползла, и все тревожно, нервно кругом. Не выношу металлического голоса для фортепьяно с оркестром, громких разговоров, возбуждения. Нет человеческого покоя. Какая-то лихорадка. Видно, все устали и я устал. Сейчас бы напиться в драбадан, но потом похмелье, а оно тяжелое. Что-то здорово боюсь за свои нервы: не сорваться бы, не наглупить. Всё на каком-то последнем пределе. Надо бы в боль-

нице мне на профилактику, да дела не пускают. Единственно, что как-то отвлекает – это сбор материалов для второго издания книги. […].

4 марта. […]. [С Ф.М. Куликовым] о переименовании Пензы. Он и сам думал об этом, но что сделаешь, если скомандуют? Отдать Кузнецк, Сердобск [вместо Пензы для переименования в память Черненко]. […].

5 марта. Постоянство погоды. Вчера по телефону с А. Баракиным. Вроде бы прошел КПК Николашин неплохо. Но как дальше развернутся события, сказать трудно. Вчера был Керимов из колхоза «Дружба». Хитрый татарин, идет от полунамеков. Просит не сажать в тюрьму. Сложно сказать, как он поведет себя в решающие дни. Сегодня из Москвы вернулся Николашин. Я успел переговорить с Мирончук. Довольна беседой, говорит, что произвел хорошее впечатление, но есть ошибки, которые надо исправлять. «А вы дадите ему такую возможность?» – «Безусловно». […].

6 марта. […]. Говорил с О. Комовым. Лермонтов идет на отливку, но всё застряло с гранитной плитой. Приходится договариваться с Карелией […]. За обедом – Федор [Куликов], Юрий [Акимов], Николай [Лагуткин]. Общего разговора что-то не получается, каждый своё. Федор возмущается Виктором, который в дележе кормов своим бросил: «не продешевите». Говорит, что надо воспитывать. Я считаю – поздно. Если человек не читает газет, не прочел за всю жизнь ни одной книги – страшно браться за воспитание такого человека. Акимов заметил: «А живет-то он неплохо». […].

11 марта. Около 3.50 утра остановились часы [умер Черненко]. В это время закончили передавать шифровку. [Ее получил] А. Беляев, на 8.30 – бюро, хотя Федор хотел лежать и не быть на планерке. «Что случилось?» – «Скончался». Федору доложили шифровку в 4 утра, но он пощадил нас, решил не будить. В 8.30 – бюро. Шифровка. Текст абсолютно одинаков по Брежневу и Андропову. Другая новость – уже сегодня в 17.00 состоится пленум ЦК КПСС. Мне быть в обкоме, а Федор в 12.00 улетает в Москву. В УВД телеграмма есть, а КГБ дало с опозданием, но с оценкой. По радио музыка. Народ все понимает […]. Между двумя съездами хороним третьего Генерального секретаря ЦК КПСС. Такого ни в одной партии, да и в системе управления какой-либо страной не было. Через год хороним!

Дал команду готовить наши некрологи. С Федором тихо – о переименовании Пензы. Не надо бы… Отодвигали сессию, отменили пленум обкома КПСС. Из Москвы слухи: председателем комиссии назначен М.С. Горбачев. Хорошо или плохо? С государственной точки зрения – хорошо. Молодой, энергичный. С личной –

сказать трудно. Я бы не торопился. Начнет выпирать стариков, а мне через девять дней уже 59! Позвонил Марату [Грамову]. Темнит, хотя знает. Он выиграет. Считаю, что зря показали голосование и вручение удостоверения за 10 дней до смерти да еще совали листки читать смертельно больному человеку. Может, Гришин? Вопрос был ясен: в передовой «Правды» два дня нет цитат.

Пленум в 17.00. Я успел принять венгров, лекторов. Передали по телетайпу, а в 19.00 – по радио, что генсеком избран М.С. Горбачев. Предложил его почему-то А. Громыко. Речь нового генсека. Выдержанная, но пока не имеющая личностного характера. Бураков, мудрый мордвин: мы [от смены генсека] не выигрываем, т.к. Черненко относился по-землячески, Федор был к нему вхож. Федор теряет. Лева в панике. Мне – трудно сказать. Привык судить по делам, без домыслов. А вообще бардак в государстве надоел. Пора наводить порядок. Руководители должны работать, а не позировать перед TW.

Торопятся [с похоронами]. Есть неприличие. Обращение, пленум, портрет генсека нового, а на второй полосе – ушедшего. Что так гоним? Быстрее хочется взяться за дело? На прощание [отведен] один день и еще два часа. И похороны. Жена не встала.

12 марта. К сожалению великому, смерть генсека стало событием, которое повторяется за 2,5 года в третий раз. Тексты не надо искать в архивах, процедура отработана. Но есть особенности, которые следует просто для себя помнить, чтобы не забыть: созыв пленума ЦК КПСС – на другой день после смерти, на пленум не успел Щербицкий и около 30 других членов ЦК, отсюда своеобразие сегодняшних номеров газет. Первая полоса «Правды» и других газет без траурной рамки. На ней обращение и… портрет (266 кв. см.) нового генерального секретаря ЦК КПСС и его биография. Звучит неуважительно [к покойному]. Траурная вторая полоса. Портрет умершего (230 кв. см.) и все остальные официальные материалы. На третьей – речь генерального М.С. Горбачева. Своеобразие: ссылка на умершего только в первых четырех абзацах (упомянут и Андропов, но нет Брежнева), а остальное – постановка задач, являющая повторением, но уже без ссылок. И даже в конце их нет. Очень торопятся с похоронами. День и два часа на всё прощание. Самый короткий траур из трех последних. Не слышно боли, скорби, многое делается ради приличия. Посмотрим, что это означает. Думаю, что быстро забудут.

В 10.00 прилетел Федор. За обедом разговор, потом секретариат. [Куликов рассказал]: пленум, [выступили] Горбачев, потом А. Громыко, без бумажки. Отметил [у Горбачева] уровень подготовки, опыт комсомольской и партийной работы, позволяющий широко мыслить, видеть суть, докапываться до деталей, может обобщать,

аналитически мыслить, быстро схватывает новые отрасли, международные дела. [Горбачев, по мнению Громыко], хорошо показал себя, когда вел секретариат, Политбюро ЦК. Дважды [Громыко сказал о Горбачеве, что он] – «выдающийся деятель нашей партии». На Западе мечтают о расколе Политбюро. Мы не дадим этого повода (аплодисменты). Горбачева приняли тепло, стоя, бурными аплодисментами. Голосовал [за него и] Романов. «За дружную работу»! Сегодня Е. Лигачев был и идут команды: пленум оценен высоко, итоги [пленума] не обсуждать (это новое!). Использовать в практической работе. Выполнение планов. Будет повышать требовательность к кадрам и инстанциям. Мы возвращаемся к обычным делам.

Народ спокоен по Черненко, доволен Горбачевым. Молодой. Но надо судить по делам. Страшно, если прилипалы в аппарате ЦК и окружение сразу понесут, и он не устоит, обидно будет.

14 марта. Погода серая, промозглая. Ветрено, солнца нет, в кабинете прохладно. Как-то не очень уютно чувствую себя в первый день нового правления. Трудно сказать, как всё получится. У меня уже был опыт восторга, когда заменили Н.С. Хрущева, а оказалось, что это была «радость поминок» по жизни, которую потом зажали в тиски ссылки «гвардейцы», пришедшие к власти. При Хрущеве рос через год, при Брежневе встал и стою 24 года и никакого продыха, а жизнь прошла, силы отданы. Сделать мог много, не дали. Глупо. Но это факт, от которого не уйдешь. Собирались – веселились, посчитали – прослезились.

Ясно, что стиль будет иным. С брежневской беззаботностью, внешним благополучием, при внутренней разболтанности всего государственного механизма и безответственности важнейших операторов, покончат. Этого требует сама жизнь, это заставляет делать история. Иного пути нет, ибо можно погубить государство и народ. Но как это отразится лично на мне, сказать трудно. До пенсии один год. Терять уже вроде нечего, а на новое нет сил. Позвонил М. Грамову. Он доволен, и это естественно. Говорит, что уже Тихонов собирал министров и сказал: пора кончать дурака валять, было замечание генсека. […].

19 марта. С Олегом Комовым. Т. Толчанова подсказала мудрую мысль: совместить в Пензе заседание Союза писателей РСФСР с Лермонтовским днем поэзии. Имен будет много, хлопот меньше. Всё одним махом. Но надо успеть сделать и открыть в этот день памятник Лермонтову в Тарханах. Сошлись на том с Комовым, что надо рисковать и ставить перед собой такую задачу. Может получиться грандиозно. […].

20 марта. Вот и 59 лет. Пошел последний предпенсионный год. Круг замыкается: уехал через Пачелму в 1933-м, вернулся в 1961-м, а теперь на последнем отрезке. Не думал и не гадал, что вернусь в Пензу, проработаю здесь столько лет и уже не будет желания перемещаться в другие города. Уму непостижимо, что это так. Егор поздравил, подарил царь-пушку, я его – тоже. И Егору пошел 12-й год. Быстро летит время. Федор поздравил и Совет [облисполком]. Звонили из ЦК КПСС. Увековечили память Черненко. Мысли переименовывать Пензу нет (это хорошо!), [рекомендовали назвать именем Черненко] Дворец пионеров, улицу, институт. Предложил школу вместо Дворца пионеров. […].

21 марта. […]. К 8.00 – в обком. Штаб по жилищному строительству на селе. Прошлый год сделали уже 356 тыс. кв. м. Это рекорд всех лет. По мере уменьшения народа улучшаем условия его жизни. «Диалектический» процесс. Слушали райисполкомы. […]. В 10.00 – пленум обкома КПСС по кадрам. Хороший доклад Федора: толковый по формулировкам, острый по фактам. Это, пожалуй, его лучший доклад за все годы работы. 1 час 30 мин. прошло незаметно. Факты воспринимались, есть над чем задуматься. Много выводов напрашивается. […].

30 марта. […]. Мария Алексеевна Валентей – внучка Мейерхольда и Константин Сергеевич Есенин – сын поэта, видимо, от Райх. 20 лет провел под крышей Мейерхольда. Всякие воспоминания. О мейерхольдовцах. Он мне – книгу о футболе, я им – о Пензе. Приятная встреча. За ними – дыхание прошлого. […].

4 апреля. […]. В 11.30 – на Шемышейку. Снег еще есть, но мало, уже открываются озимые. На бюро РК КПСС условились о порядке проведения пленума. В 14.00 открыли. Мой доклад. Остро поставили вопрос о Николашине: быть или не быть? Николашин выступил слабо. После перерыва Деркин начал прения. Интересно выступил фронтовик: награды дают право на честность, [решение товарищей по партии] – высшая форма демократии – оставить [Николашина на посту первого секретаря]. [Затем выступили] доярка, механизатор. Плохо – судья. […]. Всего выступили 22 человека! Почти каждый второй – член РК КПСС. Пленум необычный, высшая форма аттестации. Огромная школа. Есть удовлетворение: сняли слухи и домыслы. Гласность. Перекусили в райкоме. В Пензу. Снега уже мало. За день всё съело […]. Доложил Федору. Форма интересная.

5 апреля. […]. Беседа с Сазоновым по Музею одной картины. Как с «Шинелью отца» Попкова? [Он] выдал: можем и не успеть к 9 мая. Иждивенцы! Отмотал его, Левкова, Кудрявцеву. Нельзя все время ехать на моей шее. Боюсь, что с моим ухо-

дом с работы умрет и Музей одной картины. Кто будет с ним возиться? Стоило отойти на два месяца, как все повисло и темно. […].

7 апреля. Сегодня Благовещенье, Вербное воскресенье. Раньше – большой праздник русского народа. В Москве был на Красной площади специальный торг в этот день и катание на санях. Теперь всё утрачено. Старое потеряли, новое почти не преобрели. Размотали вековые народные обычаи и делаем всё это от имени народа и во имя народа, хотя, кажется, ни разу его так и не спросили: а согласен он терять свои обычаи? Народ хранит их. Многие пошли на кладбища, убирают могилы родных и близких, поставили ветки вербы в вазочки.

Если серьезно задуматься, что в этом народном обычае, связанным со встречей весны, вредного, противоречащего догматам нашей идеологии? Разве мы когда-нибудь проповедовали неуважение к близким? Нет. Отменили приход весны? Нет и не можем. Что же за косная и рутинная сила мешает нам когда-нибудь трезво посмотреть на жизнь и представить ее такой, как она есть в народе, сделать умные выводы о необходимости разумного соединения прошлого и настоящего во имя реального, а не придуманного будущего? Темная сила – мы сами, наша самоуверенность, что всё нам дозволено, всё мы можем и на все имеем право. […].

9 апреля. […]. Беседа с Ал. Дольским. Непростой парень, себе на уме, с хитринкой, но талантливый. Весь вопрос, как реализовать то, что дано природой. Пока промышляет на дисках и эстраде. Семья, три сына. Говорили с ним о творчестве. Об усложненности музыки. Создавать и для народа наивно-приемлемое. На себя нельзя всё писать. В поэзии [до] А. Блока [все равно] не достать, надо делать стихи, пригодные для восприятия, не эстетствовать. Подарил ему В. Пикуля «Миниатюры». Может, и создаст цикл исторических песен. […].

10 апреля. Утром страшный туман, доедающий последний снег на полях. Паводка может и не быть. Земля отходит, влага уйдет в хлеб, в землю. К 8.00 – в особняк. Все (кроме Виктора, который, кажется, не только книг и газет не читает, но и телевидения не смотрит) обсуждают и осуждают выступление Ю. Бондарева. Военных почему-то задела его фраза, что в период создания фильма «Освобождение» много дало общение с маршалами, а консультантом был генерал армии Штеменко. Мне думается, главное в другом: его любимый герой и книга «Дон Кихот». Он не считает ее пародией на рыцарство. Не хочет ли Бондарев сказать, что он современный Дон Кихот Советский, которого не понимает общество? Много философствует о честности, доброте и т.п. Дал такую формулу интеллигентности, что и Христос бы не подошел. […].

13 апреля. […]. Завтра Пасха. Ночью будет у церкви крестный ход. Наплывают картины детства… Крестные ходы (и летом?) у коповской церкви. Мое моление и посещение церкви, причастие в голодный 1932/33 год. Скорее, осенью 1932 г. Эпизоды, а на всю жизнь остались в памяти. По всем приметам, завтра должен быть солнечный день. Редко в Пасху не бывает солнца.

Собираемся с Егором пройти по тропе здоровья. Надо сделать ревизию.

19 апреля. Опять хмуро и пасмурно, чуть накрапывал дождь. Влил бы как следует и тепло бы пришло! Пока земля холодная, озимые не живут, поле молчит, работать нельзя. В 9.00 – Олег и Нина Ивановна Комовы. Рассмотрели проект окончательной привязки памятника Лермонтову в Тарханах. Место удачное, вопросы все решены. Условились, что сегодня они посмотрят город (может, новое место для Лермонтова в городе?), а завтра с Ю.А. Виноградовым в Тарханы и всё там решат практически с участием районщиков. […].

В 19.00 в кинотеатре «Современник» – премьера фильма «Победа». После – беседа с легендарным Н.А. Крючковым. О реабилитации Сталина. Все фильмы [с его участием] смотрел. Очень любил «Трактористы», а потом «Небесный тихоход». [Рассказ Н. Крючкова]: в 1940-м – правительственный прием. Выбрал свои 750 гр. коньяка и домой, в Прохоровские казармы. 10,8 кв. м, мать на кровати, брат с женой – на диване, я – на полу. Мешок картошки. В 2 часа – звонок. Приехали. [На Крючкове] темный макинтош, белый шарф и сапоги. Мать чуть не в слезы. Сухари [пыталась дать]. Не болтал лишнего. С темными окнами машина. Поехали. Открыли дверцу – опять подъезд Кремля. Уже под козырек, провожают в Малый зал. Зашел, челюсть отвисла: Сталин и весь синклит: «Не волнуйтесь». Налил коньяка в большую рюмку мне, себе – рюмочку игристого. «Предлагаю за хорошего актера. Нам бы побольше таких бригадиров»! Еще рюмку. Вернулся домой – мать в слезах. Утром – указ об ордене Ленина. Пырьев и Ладынина не поздравили.

20 апреля. Поздно вечером говорил с В.И. Порудоминским. Записались на «Шинель» Ульянов, Табаков, Ю. Яковлев и В. Васильева. Сейчас делают музыку, нужен слайд-фильм. Беспокоятся о следующей картине. Говорю, что воспитываю В. Сазонова. Уйду, а как будет с музеем? А вообще-то надо писать П.Н. Демичеву и поставить вопрос ребром: только ли пензенцам нужен этот единственный в мире Музей одной картины? Долго ли можно нам жить на том, чтобы побираться, выпрашивать? От этого можно устать, да и не у всякого хватит сил. […].

21 апреля. Условились, что мы посмотрим действенность решения СМ РСФСР об установке памятника Лермонтову в Пензе, а потом ответим О. Комову. Как пер-

спективная принята площадка на ул. Московской на выси, где когда-то стоял дом фотографа Вакуленко и еще какой-то. Правда, сложен рельеф, уклон в обратную сторону. Но можно поискать. Пугает способность О. Комова дать образ Лермонтова в монументе. Осадил его, когда [он сказал] о «Первопоселенце»: стоит рыбак, а у него спиннинг в руке. Я заметил: а нельзя ли обойтись без того, чтобы, утверждая себя, не топтать в грязь других? Старый и дешевый прием. Ужинать с ним не пошел, хотя звал. Нет настроения. Вечером премьера Л. Зорина «Светлый май». После первого действия – тягостное настроение, после второго – чуть лучше, но особой радости нет. Рядовой спектакль. […].

23 апреля. […]. Около 12-ти принесли текст доклада на пленуме [ЦК КПСС]. XXVII съезд назначен на 25 февраля. Порядок старый. Записку о сроках и порядке проведения съезда, три месяца назад одобренную ПБ, не оговариваясь, отвергли. Вообще уже никаких упоминаний. Своеобразная трактовка преемственности. От кого – не говорят, вроде и не было. Через два месяца – полное забвение [Черненко]! В докладе постановка проблем острая, деловая, но пока нет их решения. Что́ – есть, а ка́к – нет. А весь вопрос именно и состоит в том, чтобы не только поставить проблему, но (и это главное!) – решить ее, указать пути и средства. Около 6-ти вечера – информационное сообщение. В ПБ избраны Чебриков и, минуя кандидатов, – Лигачев и Рыжков. Соколов – в кандидаты. Виктор Никонов – секретарем ЦК КПСС (видимо, на село). Как сказал Федор, пленум вел уже Лигачев. Не оправдался прогноз по Долгих, его обошли. Страшный траур у Льва. Его карьера окончена. Если сейчас не решили, дальше совсем плохо. За два месяца обошли два раза. А шансы были большие. Представляю себе, сколько горечи, зла и слез у него. Обошел и стал над ним В. Никонов, который, говорят, жить с ним мирно не мог. Всё это припомнится и откликнется.

28 апреля. […]. Позвонил А.И. Пронин: медведь вырвался из клетки и начал кувыркаться около «Золотого петушка». Масса зевак, но страшно – зверь. Позвали наряд милиции. Спрашивают, что делать? Попросил сделать так, чтобы обойтись без стрельбы. Жалко убивать. Потом позвонил дежурный и доложил, что его палками загнали в клетку. Обошлось без убийства. Ребята ездили к «Засеке». Говорят, что олени живы и даже маленькие берут хлеб из рук. Так потихонечку живность держится при торговых заведениях. А это – новизна. Так нигде в России и не повторили ее.

Звонил В. Сазонов. «Шинель отца» Попкова и текст привезли. Записаны М. Ульянов, Ю. Яковлев, О. Табаков и В. Васильева. Текст вроде получился хороший.

Не очень знаю достоинства картины. Не видал даже репродукции. Но важно, что ко дню Победы и со смыслом. Попробуем удержаться лето, а к осени нужен шедевр. Может быть, даже европейской живописи. Весь вечер занимался татарами первой половины XVII в. […]. Пришел окончательно к выводу, что никакого Черкасского острога не было и быть не могло, если серьезно взвешивать исторические реалии, а не заниматься фантазией. И искать дальше нечего. […].

30 апреля. Тяжело и неохотно подымался. Надо ехать в Кузнецкий район, а начинаю отвыкать от дальних бросков. Но ехать надо, посмотреть в натуре мечту и материальное осуществление идеи, которая случайно осенила меня, а теперь воплощается в жизнь и будет проверяться на предмет эмоционального воздействия на человека.

Епифанцев встретил на границе, сразу в с. Никольское. Центральная площадь, где мемориал. Обалдел. Сам не ожидал, что так получится здорово. Застряли только с двумя проблемами: где сажать ели и захоронить гильзы от снарядов с землей из-под Москвы и Сталинграда. Нашли решение: ель – часовой у надгробья, гильза – в землю рядом с доской, на которой написаны фамилии родственников. Интересный разговор с народом. Все в восторге, огромное любопытство, ожидание и народное понимание мудрости совершающейся истории односельчан. Одна вспомнила стих отца (письмо зачитали до истления). Он – Пресняков Федор Павлович, род. на масленицу в 1903 г., а погиб под Смоленском у Сухиничей и похоронен в с. Выселки 5 января 1942 г. […].

Жена – Дарья Сергеевна и трое детей. «Он теперь на мраморе, принесу ему цветы». В конторе рассмотрели процедуру, внесли уточнения, но это не имеет уже большого значения. Весь эмоциональный заряд – в самом мемориале, обращенном к личности и истории, а всё остальное – мишура. Появились проблемы. Пока в музее был общий список, их не было. Проект внесли, и оказалось двое пропавших без вести, один умер в плену, двое умерли на фронте. Одного исключили. Пришла «похоронка», а он, оказывается, застрял в Польше и там живет.

Раздумья в связи с мемориалом в с. Никольском. С его открытием материализуется одна из частиц общего направления в монументальности, музейной и иной пропаганде, связанной с воспитанием историей – очеловечивание памятников, музеев, приближение их к личности, более активному воздействию на чувства и эмоциональный настрой человека. Вообще эта линия просматривается по ряду главных направлений, всё более уточняемых и обогащающих. [Примеры]: Тарханы – изменение общего облика, переход от диаграмм, таблиц, цитат и портретов к ме-

мориальности, перенос праха отца Лермонтова, Ю.П. Лермонтова, установка памятника, созданного специально для музея. Радищево – приближение к деталям, восстановление церкви и захоронений родителей, постройка дома. Музей одной картины – прямо на человека. Музей театра – главное в нем – театральная гостиная в бывшем доме Мейерхольда. Новая картинная галерея – общий показ картин, но внутри – музеи Савицкого, Горюшкина-Сорокопудова и Лентулова. Это общее движение, цель, которую можно и должно реализовать и дальше, приближаясь к восприятию человеком исторических реликвий как лично доступных явлений.

В увековечивании памяти павших в годы Великой Отечественной войны прошли ряд этапов. Начали с простого, из кирпича сложенного и оштукатуренного обелиска в с. Усть-Каремша Н.-Ломовского района, потом появились обелиски в селах. В Больших Хуторах – уже списки павших на общих плитах. Районные памятники (Каменка, Н. Ломов, Никольск) – с бюстами Героев Советского Союза. Памятник в Пензе – думал создать под холмом хранилище списков по сельским Советам, не удалось. Ниша с Книгой вечной памяти, в которой есть 100.185 фамилий. Холм Славы в Кузнецке. Списки именные по склону холма по алфавиту. Мне понравилось, что цветы кладут к «своим фамилиям». Теперь мемориал в с. Никольское. Фамилии уже по признакам родства. Новый шаг! Есть одно уязвимое место: это не памятник Победы, а памятник павшим. Однобокость, но возможен и такой вариант.

Думал: правильно ли в Москве символом Победы избран образ вождя? Может, и правильно, но есть одно сомнение: образ вождя персонифицирует подвиг всего народа, а точно ли это? Его образ применим ко всем делам и подвигам народа, но война – событие специфическое. Может, прав Сталин (см. «Коммунист» №6), который предложил вместо себя поставить в центре Берлина воина-богатыря, вложив в его руки меч, разрубающий свастику. И ребенок на руках! Всегда ли уместна персонализация? Думаю, тут есть проблемы и не простые.

6 мая. […]. Посмотрел вчерашнее выступление [Горбачева перед ветеранами]. Или в тексте по телевидению не было этого слова, или я прослушал (хотя едва ли), но речь идет о том, что «надо в стране наводить порядок» (!). Откровенное заявление да еще с просьбой к ветеранам «поддержать нас в этом». Тут много всяких вопросов возникает, вплоть до А.К. Толстого: значит, не было и нет порядка, и только теперь будет порядок. В борьбе против кого должны поддержать [Горбачева] ветераны? Думаю, что это вызовет вопросы не только у нас. […].

7 мая. […]. В 14.00 – торжественное заседание в драмтеатре. Неплохой доклад, но очень набитый цифрами. Хорошо, что конец на подъеме. Неплохие приветствия

и выступления. В. Безрогов [выпалил речь], как из пулемета. Я вспомнил, как он подавился ногой индюка. 38 лет (избран 9 мая 1945 г.) проработал председателем колхоза. Чего бы не дать доработать и до 40? Но там Гринь! Мощный концерт. Все в восторге. Даже Федор пошел на сцену благодарить. Застолье после с участием венгров, В. Мигули и А. Дольского. Хорошо, что они приняли участие. В. Дорошенко после двух рюмок забасил. Будет дело! Пьет по-гусарски […]. С венграми Федор, Виктор, Ерзунов. Я – в обком. Поздравил Л. Кудрявцеву, взял речи на 9-е. Надо всё посмотреть. Да и устал сегодня от праздничной суеты. Встретил А. Николашина. Приходит в себя. Мудрое решение.

10 мая. Вчера вымотался, устал от сцены и особенно от венгров и Дорошенко. […]. К 13.00 – в обком КПСС. Уже ждет Н.М. Инюшкин. Засели и за 1,5 часа посмотрели гранки книги «Отчизна в сердце нашем» в местах сомнительных. Получается солидная работа, хотя той интриги, что есть в «Пензе-крепости», конечно же, нет. Едва ли она вызовет такой же интерес. Хотя кто знает! Снял нескромное эпическое выражение у Аникушина в мой адрес. Одной фразой, да еще в начале книги, всё можно испортить. Посмотрел кадр-план альбома о Пензе. Пока рано вникать в детали. Одобрил. […].

11 мая. Погода не меняется. Жарко, солнечно. Практически сев ранних зерновых закончили и теперь на очереди сев кукурузы, посадка картофеля. Без шума, треска, гама и особых уполномоченных отсеялись так, что и не заметили. Главное, не суетиться, не мешать районам делать свое дело. Доверие к кадрам – вот главное, что сейчас движет область вперед. И в этом плане Федор – находка. Он не очень вникает в детали, мало сам выдумывает, не увлекается сомнительными идеями, а это как раз и создает простор для инициативы. […].

24 мая. […]. В обком. Навал аппарата. Как муравьи, чувствуют. Пообедал с аппетитом. Настроение лучше. Созвонился с Сердобском. Еду завтра на пленум.

Встреча с В.И. Порудоминским. Он доволен композицией, но правильно беспокоится по поводу неясности перспективы: а что дальше показывать? Появилась известная ревность [у москвичей и ленинградцев]: сами не умеют [показывать шедевры] и нам не хотят давать. Позвонил помощнику Зимянина Кузьмину. Но далеки они от всего этого. Не умеют зажигаться и поддерживать. Условились, что, когда буду в Москве, зайду. […].

28 мая. […]. В 10.00 – в ДПП [Дом политического просвещения]. Всероссийский семинар лекторов из всех краев и областей, да еще и из Прибалтики, читающих по проблемам литературы и искусства. Сложная аудитория. Решил сыграть на про-

стачка и почти без всяких записок. Только листки, как ориентир. Проговорил 1 час 30 мин. Слушали хорошо, без всякого шевеления в зале и долго аплодировали. Хотя, если брать содержание, то можно и нужно было идти на более глубокое рассмотрение, но в ущерб форме, что тоже опасно. Кажется, удалось сохранить чувство меры и звуковой тональности.

Беседа с учеными. Вопрос о конфликте бабки и отца Лермонтова. Я однозначно считаю, что у бабки действовал страх одиночества. Умерли муж, дочь, а что же осталось, кроме поместья и богатства? Только внук!

В 12.00 – на секретариате обкома КПСС. Вопрос о вычислительной технике. Темно. Отставали на 15-17 лет, теперь, кажется, (плохо информирован) – на 3-5 лет, но все-таки отстаем. Много всякой ведомственной и межведомственной неразберихи. Каждый плывет как умеет. […].

Дома – звонок Пронина о ЧП в Пачелме. Сумасшедший зарезал 8-летнюю девочку. Только вышел из больницы. Послал собак и взвод солдат. Надо его брать, чтобы еще не было беды. Где-то в лесу.

29 мая. […]. Пачелма пока не нашла преступника. Послал В. Вершинина в психбольницу разобраться, почему выпустили убийцу из больницы. […]. Беседа с П. Симоновым. Жалуется на Н. Мальшакова. Что ни приговор к расстрелу за убийство, то личный протест в президиум [Верховного] суда. […]. Разговор с Мальшаковым нелицеприятный. Обещал мне позвонить. Хотя придется жаловаться В.П. Орлову, без этого не обойдешься. Дело скандальное.

Переговоры с Цицелией Кин. Поздравил с премией. А. Петрова доложила, что была на истоках Хопра, дала команду всё приводить в порядок. В Пачелме сумасшедшего взяли в овраге (спрятался) около Толковки. Вершинин принес объяснение из психбольницы. Дал поручение разобраться прокуратуре. Два раза выписали [из психушки] – два убийства.

30 мая. Около 9-ти уехал на Тарханы и Белинск. Дорога красивая в степи. Буйствует зелень, сочные лесные полосы и залитая морем посева степь. Прошедшие недавно дожди оживили ее, но припекающее сегодня солнце опять может поставить вопрос о хлебе. О. Гринь встретил на границе у «своего» столба. […]. Сразу в Тарханы. Остановились у входа. Двор Василия Пушкина. Вал грязи на виду, неряшливость. Посмотрели фундамент памятника Лермонтову. Место обозначилось хорошо, выбрано удачно. Серый гранит уже на месте. Обкладывают площадку кирпичом. Есть и «чета белеющих берез». Одна, правда, сохнет. Посмотрели

отремонтированный внешне дом, церковь Марии Египетской, Зеленый театр. Больших вопросов нет. Работа проделана большая. Хотя дела еще есть.

На втором комплексе. Фундамент под перенос старого памятника. Буквально восприняли мою фразу, чтобы он «смотрел» на церковь. Наметили новое, более разумное место, на оси ДК. Посмотрели часовню, решили ряд вопросов: оставить мрамор на полу и больше не дурить; выбросить мысль, что можно экскурсантам не показывать гроб Лермонтова – это глупая мысль. Пока снят памятник Марии Михайловне, археологу сделать шурф и понять характер захоронения; послать в Шипово и найти плиту Ю.П. Лермонтова.

После обеда – в «Парусе» и на Белинск. Посмотрели памятник павшим. Слишком много асфальта. Усадьба Белинского. Так пока и не состоялась, всё заросло сиренью. Надо искать архитектуру решения. Готовится к 175-летию в июне будущего года. Беседа с О. Гринем в РК КПСС. Молчит о перспективах, думает о строительстве нового здания райкома. Попили «боржоми» и на Пензу. Просто и дешево.

31 мая. […]. Говорил с О. Комовым. Скульптура [Лермонтова] будет готова к вечеру 6-го. Ее можно погрузить и везти. Значит, у нас будет 7-го или 8-го. Всё на пределе. Сам Комов выедет 6-го вечером. […]. В 17.00 – в музее И.Н. Ульянова. Рассмотрение еще одного варианта новой экспозиции. Идет очень сложный поиск. Одобрил вариант, но есть главное соображение: показать, что семья, давшая миру Ленина, создалась в Пензе. Всё остальное – лишь иллюстрация к этой мысли. Не надо сбиваться на народовольцев и других […].

1 июня. […]. С Федором. Расстроен страшно. Собирается уходить на пенсию. Его беспокоит обстановка [в партии]. […].

Вечером по TW выступление Лигачева в Ереване: апрельский пленум – фундамент, мнение [по борьбе с пьянством – на «площадях и улицах». В партии – так было, но быть не должно и не будет! Цель борьбы с пьянством – не приучать культурно пить, а вообще перестать пить. Партия этого добьется! В общем, довольно горячее и громкое выступление, рассчитанное на внешний эффект. Но во имя него немало пострадает кадров. Опасно, когда, отрицая старое, на его развалинах хотят строить дворцы!

2 июня. […]. Утром звонил Черноусов. Вчера за первый день действия указа [по борьбе с пьянством] оштрафовано по области 203 человека. Это удар по бюджету семей. Поймали 7 продавцов, изъяли 3 самогонных аппарата. Не знаю, что даст день нынешний. […].

3 июня. А сегодня Духов день, день Сошествия святого духа на землю. Тоже праздник. Надо как-нибудь найти и изучить обряды на русские праздники. Жалко, что утратили многое из того, что было. Россия стала не очень русской, а с уходом многих из села и не очень крестьянской. А всё это повлекло усреднение, огораживание русских людей, делая их космополитами. Опасная штука! […].

Настроение хреновое. Работать откровенно не хочется. В «Правде» посмотрел статью карельского, а потом ульяновского [первых секретарей?]. Есть одно общее: хвастаются, сколько сняли [с работы руководителей], как обеспечивают «дыхание в затылок». И это уже линия, одобряемая выше. Странно, что новая струя – хвастаться избитыми кадрами, даже не предпринимая серьезных попыток доказать, что это улучшило дело, – линия опасная. Удобная новым, но отвечает ли это интересам, коренным принципам строительства партии? Гони, и чем хлеще, тем лучше! Могут перебить здорово кадры.

С Федором – о выступлении [Горбачева]. Совпадение точек зрения на опасности. А кому нужны мелкие сошки? Да и пожаловаться некому. Прибежали Л. Кудрявцева и Ю. Виноградов по оплате писательских дел. Недальновидные. Обстановка грозная, а они не могут без втягивания. Звонок, что едет корреспондент «Советской России» в Шемышейку. Сказал Федору. Настроение откровенно хреновое. Одно к одному. […]. Весь день в каких-то страданиях и муках. Тошно и муторно на душе и остановить себя не могу. Нагнал тоску и на Веру с Мишей. Хреново, идет старость. Не страшно, а обидно. Все радовались [на Горбачева], а я где-то внутренним чутьем уловил, что надо еще посмотреть, не торопиться. Молодость – не гарантия ума.

7 июня. Погода солнечная. Все живут ожиданием приезда большой группы писателей, в т.ч. и довольно именитых. Пожалуй, такого набора никогда не было. Может, в 1948 г.? К 11.30 – на перрон вокзала. Подъехали Ерзунов, Федор, хористки с хлебом-солью, ребята с цветами. Из «СВ» вышли Ю. Бондарев, Е. Исаев, А. Алексин, Н. Доризо и другие. Объятия, вручение хлеба, разговоры. Беру Бондарева с женой в машину, остальные – в автобус. Едем в «Ласточку». Без особых трудностей размещаем в гостинице. У Бондарева отличный номер. Собирается секретариат, рассматриваем программу. Неожиданное предложение сократить пребывание на один день и уехать из Пензы группе секретарей СП РСФСР 11-го. Я не очень возражаю, т.к. не знаю, что с ними в последний день делать.

Обед и поездка в обком КПСС. Беседа. Федор хорошо выступил, затратив 1 час 10 мин. Умело пользовался текстом. Получилось. Я даже сказал, что надо так всегда. Возложили цветы к памятнику В.И. Ленину. Поездка в музей Ульяновых у од-

них, мы же – по городу. Главное, Советская площадь. Многовато говорит экскурсовод. Показали город. Помешал дождь. Потом музей Ульяновых. Я курил внизу. Устали. Просят передыха до торжественного в театре.

В 19.00 – в театре. Какая-то приподнято-праздничная атмосфера. Зал набит битком. Открыл Ю. Виноградов, потом вел Ю. Бондарев. Приветствовал (немного длинно и искусствоведчески) Федор. Выступления поэтов и писателей. В. Распутин – о россиянах. Егор Исаев засадил тираду в мой адрес, все замерли, но хорошо, что не произнес фамилии. Могло быть неловко. Более двух часов интересных выступлений. Ужин в гостинице. Настроение хорошее, но впервые без выпивки. Егор Исаев только попросил дополнительно второе. Жмем на чай и получается совсем неплохо.

8 июня. Заехал к гостинице «Ласточка». Бригада Ю. Бондарева собирается. Своя компания, с какими-то своими счетами и расчетами. Банкуют около Бондарева. Выехали в «Тепличный». Встретились, поговорили, потом в Ардым. Федор уже нервничает, разговаривая по телефону. Хочет показать «Сурские зори». «А зачем без выпивки»?

Зал забит до отказа. Светлые, теплые глаза, весь Пензенский район. Открыла А.Я. Петрова, а потом вел Ю. Бондарев. Удачно и с подъемом выступил Егор Исаев, потом А. Алексин, хохлацкие байки М. Годенко. Завершил каскадом блестящих стихов Н. Доризо. Отличный мужик, когда трезвый. Два противоположных впечатления [о пьяном и трезвом]. Более двух часов продолжалась встреча на одном дыхании. После – беседа моя с Бондаревым на фоне воловни под камерой телевидения о сельском строительстве. Загнал вопрос риторический о типовых проектах. Ответил, что избы были тоже типовыми. Нельзя забывать об удобствах жителей. Сам забил проблему воспитания в труде, отсняли минут на 20-25. Посмотрим, как используют. Поехали на истоки Хопра. Побродили, посмотрели святое место. Давно тут не был. Хорошо, что заставил привести в порядок. Обед в домике. Без выпивки. Федор уехал, чтобы улететь в Москву. Разошелся Доризо. Он – отличный рассказчик, да еще в лицах, с подражанием, прелесть. После обеда – на Поперечернскую степь. Есть на этом клочочке земли своя прелесть. Серебристый ковыль, цветущий ракитник. Память о кочевниках – курганы. По степи, на трассу, а потом в «Панкратовский». Устали. Посмотрели лишь один дом. Въехали [в него] к празднику Победы. Сначала, сказал [тост] Ю. Бондарев. Егор Исаев: вот они, «скворечники» [деревенские туалеты]. Далеки от жизни. Поехали в гостиницу. Богато накрыт стол в номере Бондарева, хоть днем и наелись хорошо, но снова засели. Любят на дармовщину хорошо поесть. Много всяких разговоров. Выпили в другой комнате.

9 июня. В Пензе солнечно и никакого намека на дождь. К гостинице, в автобусе к Тарханам. Уже у Каменки хмурость, а в Тарханах моросит дождь. Хорошо, что приготовили плащи. Побыли немного в ДК. Лермонтов на новом месте (от дома) встал хорошо. Надо бы фасад ДК окультурить. Возложение цветов в часовне. Мы с Дорошенко, Бондарев с Исаевым. Немного рассказал. Спустились к гробу. У могилы отца. Прекрасно пел хор политехнического института: «Надо мной чтоб вечно зеленея, темный дуб…». Пешком по селу. Масса народа. У пруда фольклорный хор из Марьевки. Поздоровался. Подсел Егор Исаев, а потом Годенко. Получилось трогательно и красиво. Находка! Дождь прибавил, потом утих.

Открытие памятника Лермонтову. Решил без бумаги, хотя масса народа и много титулов. «Чета белеющих берез». Попросил открыть со мной [памятник] Бондарева, Исаева и Дорошенко. У Лермонтова [памятника] слезы по лицу (накопилась влага под чехлом!). Поздравил и вручил цветы О. Комову и Н.И. Комовой. Хорошо смотрится, удачно выбрано место. Сказал, что впервые в скульптуре изображен не поручик Лермонтов (не зря боролся с Комовым), а великий русский поэт. Приехал С. Михалков. Приветствовал его. Да, Егор Исаев сказал хорошо о пешеходе. [Лермонтов] пришел, сел, а будет идти в века. Сразу перешли в Зеленый театр. Масса народа, но сильный дождь. Открыл Дорошенко, вел Исаев. Ушел банковать дела на завтра. Концерт отменили и в Белинск. Устали. Подбодрил микрофоном. Посмотрели дом, училище.

На Каменку. О Гераськине. Обед в «Тройке» без выпивки. Е. Носов [совершил] подвиг: сумел достать [водку]. Есть романтика. Н. Доризо о Михалкове, его остроумии. Евтушенко [вызвал Михалкова] на дуэль, [а тот]: «В XIX веке дворяне с плебеями не стрелялись». […].

10 июня. […]. В 10.00 – в ДПП на открытие заседания правления Союза писателей РСФСР. Михалков читал с листа, но с добавками. Главное: хорошо или плохо, что много книг? Серости много. О грязной атмосфере в доме. Бондарев что-то опять глубоко философское. Без какого-либо отношения к партии, народу, их делам. Он все более становится созерцательным. Слово дали мне. Вольным темпом – о патриотизме и труде, делах области и системе воспитания. Около 30 минут. Кажется, получилось. Егор Исаев. Ник. Доризо, Поволяев, Шугаев. Доклад интересно построен (Соболева), но оторван от жизни и подхалимски – об «Игре» Ю. Бондарева. Сложно всё у них, но интересно. Народ слушает с удовольствием. Сказал, что после обеда не буду. Хватит.

Заседание штаба по сельскому строительству. Сначала пошумел, потом перестал. Надоела эта проза. Говорил с Ц. Кин. Лекторы довольны. Ждет в гости. Чем

старше становишься, тем больше хочется слышать о себе доброго, тем становишься тщеславнее. Странная закономерность старости. Завез в «Ласточку» книги для Дементьева и Алексина. Михалков удрал куда-то выступать. […].

11 июня. Отличная погода. Отвез Веру в больницу. Там оказались Михалков и Бондарев. Зашел к Ерошину. Моет нос Михалкову. Бондарева смотрит Григорьев. И опять идея-фикс – перегородка! Условились, что я около 2-х заеду за Бондаревым и покажу музеи города. […]. В 13.50 – в «Ласточке». Доложили, что Сидоренко и Куленко приняли в Союз. Я не в большом восторге от «о». Собралась компания: Михалков, Бондарев, Алексин, Исаев, Годенко, А. Дементьев, Доризо, Степанов из ЦК. Музей одной картины. Внимательный просмотр. Обсуждение. Идея как антипод. Есть ли система? Нет. Зависим от картин. Дементьев – в «Юность». Умничанье Бондарева: надо задавать и не отвечать на вопросы, а оставлять в недоумении. А зачем? Музей народного творчества. Длинно у карты. Потом быстро показал наиболее интересное, хотя устраивают какие-то «классические» приобретения за счет выставок. Музей театра. Показ, беседа в гостиной. Рассказ об идее кладбища в с. Никольском. А как приходят [такие идеи]? Так же, как идея стиха. В 18.00 – заключение. Объяснение в любви, особенно Алексин и Дементьев. Исаев скис: перепил вчера.

Дома читал доклад М.С. Горбачева. Острая постановка вопросов, но ответов на многое нет. Нажим на кадры, повторение – работать, ответственность и т.п. Снес [критиковал] прошлое и министров – Беляка (бьют по родне [Брежнева]) и Яшина. Скучны Тихонов, Долгих, Байбаков. Не удержались, встали по окончании доклада. Надо смотреть текст и думать.

12 июня. […]. Обед со Степановым. [Беседа с ним]. Демонизм Лермонтова. Гроза и молния (как на Машуке), когда установил О. Комов в Тарханах [памятник Лермонтову]. Ливень [в день дуэли и] дождь в день открытия [памятника]. Легенда, что [по лицу Лермонтова на памятнике] потекли слезы. О переносе праха отца Лермонтова. О борьбе с О. Комовым против эполет, и получился новый тип Лермонтова. То же с Денисом Давыдовым: погоны «съедают» [поэта]. Поехали по городу, смотрели Дениса [Давыдова], Советскую площадь, «Росток», памятник Победы, парк, колесо обозрения, тропу здоровья. Чай с молоком в «Засеке». Беседа в гостинице «Ласточка». Из Никольска – Залыгин и Распутин. Распутин [признался] в любви [к Пензе]. Может, привык к другой схеме [встречи]. «Нет, впервые встречаю» [такого партийного работника]. Проводы на перроне. Опять Носов, Соболев, Распутин, Залыгин (дал дачный телефон). Много всяких впечатлений. Хоть и устал, но

это моя стихия. Конечно, ревность возникает, но душа моя спокойна – я максимум сделал для пробуждения самоуважения и патриотизма пензенцев. Дай бог, чтобы это кто-либо повторил.

14 июня. Приехал рано в обком. Хотел заняться докладами, но не лежит душа, хотя для галочки и для дела это очень нужно. Показатели пока хреновые, нет сдвига. Явился аппарат, натащили бумаг. Подписываю, закрываю письма, заявления. Муторное дело. Без него не может жить аппарат. Работал по телефону, реализуя итоги писательские. Со Степановым из ЦК. Восторг продолжается, московские писатели, как развороченный муравейник. Только пришел [к Степанову] В. Распутин. Когда сказал, что говорит с Пензой, глаза загорелись добром. Был он и у Белякова, замзава. Доволен. Для ЦК – это событие. С Г.М. Марковым. Уже всё знает, доложили. Много говорят. Докладывали Шауро. Посоветовал ему позвонить Федору. За обедом Федор – с восторгом, что ему звонил Марков! Передавал мне привет. «Надо всем сказать спасибо, позвонить Н.В. Шаховой». В общем, сенсация.

Говорил с Т. Толчановой. Тот же восторг, влюбленность. Хочет прочитать мою книгу и написать, как из нее сделать повесть, чтобы меня принять в Союз писателей! Такая мысль вынашивалась в вагоне по пути в Москву. С С. Михалковым. Доволен, благодарит, считает, что получилось хорошо, деловито и организованно. Почему-то очень доволен питанием (у него идея-фикс!). Ходил с удовольствием и завтракать, и обедать, и ужинать. Спросил о статье [С.В. Михалкова?] в «Литературной газете». Не читал. Прочел вечером – острая постановка вопросов, но едва ли на кого это произведет впечатление. Позвонил А. Дементьеву, а у него «30-летие «Юности», праздник. Жена собирается в Пензу. Пригласил. В июне – шорох большой, зарабатываем акции Пензе, поднимаем самоуважение и патриотизм. Это очень и очень важно, это моя сверхцель. Если скажут, что я сделал пензяков патриотами, значит, я реализовал главную цель своей жизни.

Мотался с консультацией Веры, звонил по делам отдыха.

16 июня. Хмурый день. Дождь, свинцовые тучи. Не хочется выходить на улицу. Вера смоталась тихо в больницу, я провалялся до 10-ти утра, напился чаю. Дома одному тоскливо. Но надо чем-то заниматься. Позвонил в Тарханы. Памятник М.Ю. Лермонтову приживается. Народ его принял, постоянно приносят цветы. Садовница-пенсионерка говорит, что утром, когда она убирает газоны, Лермонтов с какой-то тайной укоризной смотрел на нее и спрашивал: а мне цветы положишь? И каждый день ее букетик – первый, а уж потом – букеты посетителей. Есть что-то демоническое в этой скульптуре, как и во всем облике и жизни Лермонтова. Мнение же

такое, что у О. Комова это лучшая скульптура, а среди скульптур Лермонтова ее вообще можно поставить на первое место. Суть же – сняли погоны, создали облик великого русского поэта. Сидящий на скамейке он близок к Тарханам, а две березки (моя тоже идея) – «чета белеющих берез», соединяющих его с темой Родины в творчестве. […].

17 июня. […]. Показали заявление [кляузу на Мясникова] в ЦК. Направлено за подписью [С.]. Странное дело, что в ЦК верят такой фантастике. И не только верят, но где-то в мозгах своих заметки оставляют. Гадливость какая-то на душе. Работаешь 25-30 лет, отдаешь душу, а какой-то откровенный мерзавец плюет в душу, и в ЦК, чтобы закрыть письмо. Надо объясняться. Глупо.

25 июня. Погода установилась. Светло и солнечно. Хмарь прошла. Вот так бы и держалось. Но снова начали ходить тучи. Не может быть, чтобы ударный декадник без дождей. Подтягиваем все дела, еще раз проверил готовность к встрече высокого гостя [В.И. Воротникова]. В 13.00 колонна тронулась в сторону Беднодемьяновска. Пьяный на ул. Пушкина. Позвонил В. Артамонову. Беседа с Зайцевым, потом с Шепелевым. На границе области. Н.В. Львов. В Бедном Демьяне народ уже ждет на улице. […]. К 17.00 выдвинулись на границу. Мордва поставила голубого цвета вывеску за одну ночь. Наша лучше. Около 18.00 кавалькада машин вышла из Мордовии. Встретили на границе. Обошлись без поцелуев. А.И. Березин целуется с ним.

Миновали Б. Демьян. Улицы запружены народом. Остановка в поле. Посмотрели свеклу, ячмень, рожь. Разговор об урожае. Я – пословицу, Виктор [прогноз] – 14 ц/га. С механизаторами на заготовке сена. Хороший разговор. Спор о самодуре на море и высокосортной пшенице. Нижний Ломов (он произносит: Ло́мов). Я говорю, что москвичи всегда неправильно произносят [это название]. «А ты, Георг, меня москвичом считаешь?» На границе с Мокшаном. Зайцев. Влип со свиньями. Пищепром, с подачи Дорошенко, стал «Свинпром». Возмутился. Мимо «Золотого петушка». Он слышал о нем. В Лопуховку. Разместились. Ужин. Программу согласовали. Потом 40-минутная прогулка. О пьянстве. 450 млн. [получает бюджет от продажи водки?]. Примитив в торговле. Проблема цен. Понятно, но кто возьмет на себя? Кадару можно [было успеть]. Он 25 лет [правил], а у нас трагедия за трагедией. Еще Ю. Андропов хотел [бороться с пьянством], но не успел. Бесплатное жилье, больницы, дармовой хлеб, мясо, молоко. Понятно, но как решиться? Есть и такие, которые считают это завоеванием. Как быть с ними? Около 11-ти разошлись.

26 июня. Вчера дождь только пристреливался, сегодня хлябь пошла вовсю. Выехал на Лопуховку в 7.00. Дождь, грязь, сырость. Жалко, что день такой невеселый. В 8.00 завтрак и в 8.20 уже в путь. Правильно, что едем через Арбеково. Просторнее и надежнее. В 9.20 – на пл. Ленина. Представил членов бюро, возложили цветы к памятнику. По Московской – на Терновку. Говорит, что город преобразился. Остановка на капусте. Меркулов. В машине пристал к Петровой насчет РАПО, а у нее нет мыслей. Сурское водохранилище. Интересно – о судьбе Воронежского. Поселок в Воскресеновке. Рассказ. Зашли в два дома. Получилось хорошо. Отделаем бесплатно. А что делать? Лагерь труда и отдыха Октябрьского района. Новое. Никак не может поверить, что это – городские ребята. Обстоятельный осмотр. Беседа с ребятами. Неловкость с девочкой (нет отца). Тут цветы пригодились…

В «Ардымский». Осмотр ДК. Ребячий танец. Все по делу. Беседа и чай у Выдрина. «Знаменитый «Ардым»?! Осмотр фермы. Побывали в двух помещениях. Отъезд. Отказался идти на поле. Ардымский комбикормовый завод на итальянском оборудовании. Решили ехать прямо на Каменку. Обед в «Тройке». Тарханы. Осмотр под дождем. Памятник хорош. В доме бабушки, в церкви и даже к дубу прошел по грязи. [Тоже отметил] что-то демоническое в Лермонтове. Часовня. 3 минуты молчания. Запись. Всё с картины в «Маскараде». «Куда дальше?» – «Давай, Георг, домой». Пошли на Пензу и Лопуховку. И так много отгрохали. Разговор об «Игре» Бондарева. Виктор – о комбикормовом заводе. О Льве. Срезал 500 машин. Отдых в Лопуховке. Ужин. [На завтра] исключаем «Трикотажку», лучше – больницу №6. По TW – речь из Днепропетровска. Он не слушает, ушел отдыхать. Травля анекдотов с охраной. Сообщение ТАСС с Авериным, и я уехал в Пензу. День напряженный. Завтра – еще одно испытание.

27 июня. Выехал из дома в 7.30. Дождь, слякоть, мокрота. Приехал в Лопуховку почти к завтраку. Говорят, что гость устал и даже в 4 утра вызывал врача. Но… молчит. Быстро позавтракали и в город. Зашли с Москвы сразу от поворота у ГАИ. К памятнику у проспекта Победы. Яков Циер. [Гость] устал воспринимать. Магазин «Пенза» Народа нет. Эмоций никаких. На ВЭМ. Разговор о виадуке, трамвае. Петраш и Акимов у входа. На цеха. Третье поколение [ЭВМ]. Интересен начальник, борющийся за материалы. Тронул цех, где школьники осваивают процессоры.

Поехали дальше. Клуб [подростковый] «Мотор». Чумазые ребята. Рассказ мастера о матери, что подсматривает в окошко. Не любят ребята опеки. На дворе показали работающие БАГи. Парень и девчонка. ЦНТИ. Полозов подвел. Чая нет, а я обещал. […].

В больницу №6. Орлов и Хоменко. Реанимация. Я не пошел. Опять чай и беседа. Просьба о поликлинике. [Магазин] «Узбекистан». Не хотел, я упросил, иначе – ревность Федора. Обед в столовой обкома. Небольшой передых. В 15.00 – встреча с активом. Тепло. Мутное сообщение В. Дорошенко. Одни цифры. Глупость по хлебу. Идет реабилитация. Он тоже засек: «Амнистия?!». Выступление В. Воротникова около 30 мин. Ничего особенно нового, но Виктора прихватил. Я заключил. Получилось и тепло, и партийно. В Музей одной картины. Потрясен, нигде не видел. В особняке на Лермонтова. О писателях, Ю. Бондареве, что надо оставлять вопросы… […]. О Шилове [сказал]: однообразен. На аэродром. Всё чиновничество в сборе. Рукопожатия. Мы с Виктором проводили гостя до трапа. Я – последний. Привет и самые добрые пожелания. Вечером по TW – встреча в Киеве. Повтор. [Горбачев] вернулся в Москву, а этот – не торопился.

30 июня. […]. Небольшой анализ просто для себя. Появилась свежая струя, это неизбежно. Отсчет [Горбачев] ведет от «своего» (апрельского) пленума. Очень откровенно вскрывают промахи и недостатки, относящиеся к годам Лени [Брежнева]. Идет разговор, что надо эти недостатки преодолеть. Но нет пока ясного представления, как и каким образом это сделать, многое сводится к декларациям, порой к угрозам кадрам: «надо мыслить по-иному». Многовато повторов. Легко говорится об одном и том же. Складывается стереотип. Нужна многоплановость. Не ушли цветы, вставания, аплодисменты, прибавилось сопровождение – везде с женой. Что-то новое, непривычное во внутренних делах. Трудно сказать, но ясно одно: поиск своего пути будет мучительным и сложным […].

1 июля. […]. Был лектор из ЦК Косолапов. Мы с ним ездили в Румынию. Перешел в ЦК. «Лучше или хуже»? – «Кто знает». После обеда – сообщение о пленуме ЦК. Романова вывели и освободили по «собственному заявлению в связи с переходом на пенсию». Его место в ПБ занял Шеварднадзе. Все-таки выбился за счет оригинальности и еще чего-то. Секретарями ЦК избраны Ельцин (бывший свердловский, теперь – зав. отделом строительства) и Зайков из Ленинграда.

В моем настроении какая-то неуверенность, беспокойство, нервозность от торопливости и декларативности [политического курса]. Интересно сообщение о встрече в АОН при ЦК КПСС. Апрельский пленум – уже исторический, доклад – «новаторский» и т.п. Опять всё заводим по новой. Боюсь, что при такой скорости и энергии всё это может перехлестнуть, что мы видели до сего времени. Уж очень спешно всё делается […].

4 июля. Погода отличная. Н. Лагуткин взмолился, чтобы завтра не проводили секретариата по кормам, дали людям возможность заниматься делом в поле. Прямо из дома – на аэродром. Прилетел Федор. Короткие фразы. И на хрена столько теряем времени на встречи? Да еще и ГАИ старается, сопровождает. Общее пока впечатление – из Москвы теперь радостей не возят. Всё тревожно и не устроено. Я такой сумятной, нервной и неопределенной по своим последствиям эпохи не помню. […]. Москва живет напряженно, ждет, гадает. Пока [для Горбачева] есть ЦК и народ, партии нет, всё плохо, что в промежутке. Игра в демократию, братание с народом. Выдвижение Громыко – это благодарность за то, что он не поддержал стариков. Туда же влип и Романов. Его [убрали] первого, а Шеварднадзе – известный подхалим, на этом и идет вперед. Появление жены [Горбачева] на арене. Ельцин – друг Лигачева, не целят ли его на Москву? Есть и такой вариант. […].

5 июля. […]. Пока сложно делать далеко идущие выводы, но всегда настораживает, когда начинают с отрицания всего, что было, с охаивания прошлого, не высказывают и желания опереться на него, тщательно проанализировать, что там было хорошего и плохого. Упор только на плохое не создает базы для движения к хорошему. Практических задач сформулировано мало, больше энергии, шума в постановке самих задач, без какого-либо серьезного изменения прежнего содержания. Шум носит несколько рекламный характер, есть элемент безапелляционности, что не оставляет резерва для отступления. А как наступать? Карт нет, направления основных ударов не определены, силы и средства неизвестны, не сложилась пока стратегия и тактика боя. А наскоком рубежей не возьмешь. Заигрывание с народом. Разрыв в середине. У ЦК – «линия правильная», опора на народ, а что делать с остальными? Перестраивать. Как? […].

6 июля. Вчера сидел почти до 4-х, потом надоело, хватанул снотворного и провалялся почти до часу дня. Еще вчера предупредил А. Беляева, что не появлюсь в обкоме КПСС. Позвонил в обком. Переговорил с Федором. Что-то у него отчаянно-хреновое настроение […]. Условились, что в понедельник я не появлюсь, ради протокола, на встрече В.В. Кузнецова. Буду только на торжественном, на беседе и проводах уже в среду. Меня и не очень тянет. Сочинил кое-какие грустные «детали» [завещание?]. Вера прочла, заставила убрать, а потом и изорвать. Главное, смысл она запомнила. Должность, депутатство и делегатство на съездах партии.

Мой девиз, обращенный к потомкам:

Не для славы своей, а ради славы народа пензенского, давшего мне жизнь, ради славы земли пензенской, которая прах мой примет, дерзал и творил.

Это надо написать, ибо на самом деле передает смысл всего, что сделано мной за последние 25 лет работы в Пензенской области. Сюда входит всё: село, переустройство сельской промышленности, организация сельского строительства, развитие торговли, особенно культуры (памятники, музеи), здравоохранение и т.п.

9 июля. Федор и Виктор занимаются с В.В. Кузнецовым. Показ Пензенского района, а затем Музея одной картины. Федор добавил и Музей Ульяновых. Я поехал в стоматологическую. […]. Говорил с А.И. Березиным из Саранска. Ждет указа об ордене, чтобы праздновать 500-летие добровольного вхождения мордовского народа (государства-то не было) в Россию. Может приехать член ПБ. Ждет Алиева. Позвонил (донесла Кудрявцева), что Саранск ждет меня на первого секретаря Мордовии. Кто-то пустил слух. Идут звонки из Саранска.

В театре. Торжественный день. Познакомился с В.В. Кузнецовым. Бодр для своих 84-х, сутулый, но живой, без каких-либо признаков старческого маразма. В 17.00 начали торжественное. Большой подъем, событие на самом деле историческое. Начал В. Кузнецов хорошо с герба и ласточки. Трудно, но читает без очков. Забавно – это, пожалуй, последняя подпись К. Черненко [на указе о награждении Пензы]. Оглашает указ без упоминания фамилии [Черненко]! Я вытащил указ из его папки о Пензе – и там нет [фамилии Черненко]. Как быстро!!! Выступление Ерзунова и других, Федор – бодро и хорошо. Потом концерт. С трудом, но получился. Не вписался и не нужен был В. Мигуля, особенно его лохматые придурки. Поблагодарил участников концерта!

10 июля. […]. Вместо 9.00 встречу-беседу с В.В. Кузнецовым начали в 9.30. Федор докладывал более 40 минут. Длинно, нудно и никому не нужно. Кузнецов задал один вопрос: как совершенствовать РАПО? Сами [в ЦК] создали, сами мучаются, а как улучшать – ищут ответ на местах. Не успели создать, как подвергаем сомнению. Делать это надо было, когда создавали. Не будет ли это вообще характерным для стиля работы [Горбачева]? Сначала – решить, а потом думать, как улучшать решенное. Нечто похожее и по борьбе с пьянством. Решение приняли, а только теперь думают (не знаю, решат ли) исключить водку из плана товарооборота. Около часа выступал В.В. Кузнецов. Повторение одного и того же – интенсификация на базе научно-технического прогресса, бережный расход наших богатств, высокое качество. Делать это – за счет наведения порядка. Довольно сложная и, увы, не новая схема. Решений не видно. Закончили в 12-м часу. Поехали в Тарханы. Суета и нервотрепка, т.к. оставили вылет самолета в 15.00, хотя перенести бы на час, и всё прошло бы размеренно. Пришлось давать команду каменцам и бе-

линцам на границе не встречать, готовить обед в самолете, сохраняя «Тройку» в запасе. Колгота и суета, а надо-то просто прикрикнуть на охрану и помощника.

В 15.00 – на аэродроме. Проводили. Еще одно событие свалилось. Мы с 40-летия [Победы] празднуем, встречаем и провожаем. Говорил с Ю. Бондаревым. Доволен Пензой, ее народом и воздухом, расстроен статьей об «Игре» в «Комсомолке». Относит к козням каких-то групп. Хвалит статью Любомудрова о театре. Говорит, что 40 лет такого не читал. Послал письмо и свою книжку в Иркутск Валентину Распутину. Интересно, откликнется он или промолчит? У меня есть его автограф, но пустой, формальный.

11 июля. […]. М.С. Горбачев вчера уехал в Минск. Всё по ранжиру и расчету. Лигачев вчера [представил] нового завпропа Яковлева и объявил, что он – ответственный за идеологию. Опять жена [Раиса Максимовна с Горбачевым], опять толпа и те же мысли. Цель непонятна.

12 июля. […]. Утром был Артамонов со следователем прокуратуры: капитан милиции пытался хапнуть у мошенника 1900 руб., а тот его продал. Грязное дело. Придется сажать. По институтам надо найти механизм взяток при зачислении в институт. Должна действовать отлаженная система. Ее не установили, а надо бы.

[…]. Прогноз пока не очень благоприятный: отрицание прошлого, без анализа, с порога; не поставлены конкретные задачи, а формулируется уже выработанная линия; ограниченность в постановке задач, нет поиска; нет разнообразия в приемах (площадь, беседа [с людьми]); не великая скромность: проводы, встречи, жена, цветы. Всё это пока не рождает большого оптимизма. Идет спешная замена кадров, неизвестно под какие требования, которая в ходе отчетов и выборов приобретает «лавинный характер». Только чудо может удержать от удара лавины.

13 июля. […]. В обкоме заказал районы, но все давно уехали в поле. Переговорить не удалось. Полистал документы, подписал письма и около 2-х уже уехал домой. Спал после обеда,а потом продолжал работа над материалами к книге. Многое дает А. Новосельцев, исследовавший борьбу с татарами в первой половине XVII века. Много таких деталей, без знания которых я зря написал книгу. Она [моя книга] – далека от исторического исследования. Попался на том, на чем горели все краеведы: обособлении территории края от общего хода русской истории. А это не исторично и оставляет лазейки для всякого рода фантазий, спекуляций и т.п. Завтра добью А. Новосельцева. Это уже победа! Создается хороший задел для первой, новой главы книги. Она должна дать иной камертон всему звучанию.

16 июля. […]. Уехал в Кузнецк. На границе – Чистяков и Епифанцев. Сразу к бюсту Л.В. Смирнова. Нескромно сделан: два вагона гранита ушло. Да и облик не нравится. Затерли стелу, поставленную в честь награждения города орденом «Знак Почета». Потерялась она. Роскошь, излишества, но промолчал. Пусть. Старый Воскресенский собор. Надо бы купола покрыть, все валится. Дал согласие на реставрацию. Смотрел Холм Славы. Доделывают сами. Умеют и без обкома. Сказал, чтобы перевесили барельефы. Музей воинской славы. Сделан хорошо, но нет почти трудовой темы, случайные фотографии. Надо дотягивать. Фонтан хороший сделали у дворца. Молодцы. В обед разговор об Ульяновске. Снимают шестнадцатого первого секретаря. Не понимают, почему. «Если звезды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно». Кому-то нравится. Новая эпоха […].

20 июля. […]. Смотрели по TW «Писатели на пензенской земле». Заняло 1 час 10 мин. У меня с Бондаревым вроде получилось. А вообще бессюжетная, бесстержневая передача, набор речей и выступлений. Позвонил Ю. Бондареву. Он доволен. Ему уже звонил Степанов из ЦК. Говорит, что могло быть лучше. Обещают повторить вечером по второй программе ЦТ. […].

24 августа. Последний день в Друскининкае. […]. Вера не хочет уезжать. Отдохнула хорошо. Мне как-то спокойно и безразлично. С возрастом не только угасает физическая энергия, но и притупляется любопытство. Не сделал ни одного снимка, хотя брал аппарат и пленку. Не нашел времени посетить музей Чюрлениса. Памятник ему у нашего санатория стал раздражать своей нарочитостью мысли и линий. Главное же – не оставляют тепла в душе встречи с литовцами. Хмурый, замкнутый в себе народ.

Когда ехал в поезде, родилась мысль, что и окружение [ландшафт] или влияет, или выражает душу народа: хутора, еще оставшиеся, – результат обособленности и замкнутости. Россия знала в основном села. Аисты, живущие одиноко на высоко поднятых колесах. У нас – буйные крикливые колонии грачей. Шпили костелов, напоминающие острие мечей, обращенных к небу. У нас – церкви, как хорошо убранные, добротные невесты. Уютные, причудливые, нарядные, лишенные аскетизма. Даже ксендзы, одетые в черные сутаны и подстриженные под кружок, ни в какое сравнение не идут с русскими православными священниками, носящими красивые бороды и облачаемые в роскошные ризы. Душа народа – таинственна и непостижима. […].

25 августа. Фирменный поезд «Лиетува» (не хотят писать просто «Литва») пришел около 9-ти в Москву. Удивительное дело, но утром даже чаю не предложи-

ли. Пока вчера вечером ехали по Литве, на всех станциях читали двойное название – по-литовски и по-русски. Первая промелькнувшая станция Белоруссии – только по-русски. Как всё это понимать? Где национализм? Зря мы не обращаем внимания на такие «мелочи». С Белорусского переехали на Казанский, а потом в гостиницу «Октябрьскую». Хотели уехать к Володе в Жуковск, но запутались. Поехали на Новодевичье кладбище. […].

У могилы Руслановой беседа с дочерью ее сестры. Оказывается, сестра еще жива, ей 82 года. Интересно! Какая-то склока о наследстве, доставшимся Крюковой. Побывали у Хрущева. Своеобразный памятник. Недавно похоронена Н.П. [Нина Петровна Хрущева] (кажется, Кухарчук). Рядом камень Твардовского. Хорошо сделана могила Шукшина. Готов был встать на колени у могилы Е.А. Фурцевой (нет дат рождения и смерти). Плохо сделан памятник Е.В. Вучетичу. Побывали в «правительственном ряду». Светлана [Аллилуева] привела в порядок могилу матери. Правда, нет белой розы с черным черенком. Как вызов, нет надгробия А.И. Микояну, умершему в 1977 г., один портрет: после смерти никому не нужен. И вообще, почему он не у Кремлевской стены? Много случайностей и чего-то другого. […].

26 августа. Поднялся довольно поздно, т.к. хватил снотворного, без которого особенно в поезде, уснуть невозможно. Родные поля, уже убранные, а кое-где и вспаханные, родные просторы, до боли близкие моему сердцу. Если спросили бы меня: доволен, что вернулся в Пензу? Без раздумий ответил бы, что да. Именно потому, что вернулся, жизнь не кажется теперь такой пустой и бессмысленной, какой она могла бы быть в Москве, в каком-либо аппарате или ведомстве любого ранга и плана. Реализована одна из целей жизни – служить своему народу, своим землякам, возвеличивание подвига моих предков. Сделать удалось многое. Пенза из захудалого и малоизвестного города стала центром российской культуры, образцом для подражания. И это – главное. Могут сохранить, могут ухудшить небрежением, но основного из того, что сделано, уничтожить невозможно. Останутся музеи, памятники, обелиски. Может, кто-нибудь и когда-нибудь помянет добрым словом. Это и дает удовлетворение. […].

27 августа. Второй день дома после отпуска. Хотел завтра идти досрочно на работу, но переговорил по телефону с Федором и охота отпала: бьют по рукам. Он только что вернулся из Москвы. В орготделе нудная (не знаю деталей) беседа у Смольского по поводу этой злополучной статьи Новоплянского в «Правде», занявшая 1,5 часа. Представляю себе, сколько там всего было высказано… Надо обсуждать на бюро обкома КПСС, давать оценку и т.п. Более того, из КПК при ЦК

КПСС (а эти ребята зря не ездят да еще в такое горячее время) едет бригада проверять развитие критики и самокритики в областной партийной организации. Трудно сказать, чем и как всё это кончится. Могут много дерьма поднять. Сообщение о пленуме Калининского обкома КПСС. П.А. Леонова отправили на пенсию, а посадили какого-то Татарчука (на Тверь!). Гложет мысль, а не являемся ли мы свидетелями варианта «культурной революции», которая совершается не во имя «скачков», а на фоне требований «переломного момента» (см. передовую «Правды»), а в качестве хунвейбинов выступают журналисты, пенсионеры и анонимщики. […].

28 августа. Колокольный звон в утренний тиши от Мироносицкой церкви. Оказывается, сегодня большой праздник Успения Божьей Матери. Услышал колокола и подумал, что мы давно лишили города своих голосов, создававших утренний настрой на дела. Раньше колокольный звон, разноязыкий, от разных церквей, поднимал людей, звал к молитве, а потом к работе. С развитием промышленности к ним добавились голоса фабричных и заводских гудков. Теперь всё смолкло, затихло. Говорит радио, если его включают, зовут газеты, если их читают, а читают чаще уже после работы. Нет, что-то и тут мы утратили, ничем не возместив. […].

30 августа. […]. Загромоздил весь кабинет книгами, а как всё это размещать – вопрос, который автоматически возникнет спустя два дня, когда выйду на работу. Хочется, и надо попробовать, хоть по страничке в день писать [новый вариант книги «Город-крепость Пенза»]. […]. Интересен Олег Савин, живая энциклопедия, со своей системой сбора материалов. Позвонил, задал ему несколько вопросов, и через 30 минут ответы готовы. […].

6 сентября. […]. Многовато шума по молодости [Горбачева]. Многое – без учета реальных возможностей. Идет ломка сложившейся структуры управления при изгнании опытных кадров. Горячо, да ненадежно, результат ясен, но не его авторам. Повторение одних и тех же приемов, даже под ручку с женой, не говорит о глубине и гибкости ума. Да и далеко от элементарной скромности […].

7 сентября. […]. Смотрел некоторые детали по телевизору. Снова женщина [Р.М. Горбачева]. Говорит один, знает всё. Память хорошая, вникает в детали. Своеобразно о «сухом законе» («пусть сам народ решает»), о товарообороте («пугали, чем платить зарплату, прошло три месяца, а ничего не случилось»). Но можно ли по трем месяцам судить? У нас товарооборот трещит в области. […].

10 сентября. […]. Каждый день нервные потрясения. Раньше боялся високосных лет, теперь боишься очередного дня, не зная, что он принесет. Каждый день

заканчивается благодарностью к Всевышнему, что жизнь продолжается […]. Чем старше, тем боязней, хотя вроде бы пора мудрым быть, понимать, что годы ушли и люди уходят. Вечером позвонили – в Москве скончался Григорий Лаврентьевич Смирнов. С ним начал путь в Пензе. Был горячий, но мудрый мужик. И вот нет его. Дадим некролог, и всё на этом закончится. Последний вздох о нем на пензенской земле.

Второй день морочат голову – звонит «комендант» Громыко. Его дочь собирается на субботу и воскресенье приехать в Пензу. Пошла тяга и этого эшелона. Поручил Л. Кудрявцевой.

11 сентября. […]. В 12.00 – у Федора. Раздался звонок из ЦК. Ссылка на самый верх. Перегиб! Люди давятся в очереди за водкой. Было 1.300 магазинов в Москве, осталось (после критики) – 300, опять нехорошо. Фраза о «сухом» брошена, но теперь жизнь ее отвергает. Поручено рассмотреть, отделить дорогие вина от дешевых. Недолго продержались. Уже первый отбой, а сколько еще будет? Первая осечка – в борьбе с пьянством. Народ одобряет, но… недоволен. Беседа с Сухановым, Госбанк области. Был в Ульяновске. Интересный и поучительный опыт борьбы за кассовый план. Деньги валяются под ногами, а мы их не берем. Привыкли загребать на водке. […].

18 сентября. Хороший, солнечный день. В 9.30 уехал из дома на Шемышейку. Николашин встретил на границе, хотел предложить свою программу, но я попросил в РК КПСС послушать доклад о положении дел, и там принимать решение. Беседа с Николашиным. Тяжело пережил [он свою отставку]. Но убедил его, что это был лучший и единственный выход из положения. Попади он в другую обстановку (Ульяновск), ему бы свернули голову. Беседа с местным начальством. Слабо выглядит начальник управления сельского хозяйства. Не готов к серьезному разговору. Сказал им, что погода не может долго баловать, и надо брать картофель, пока есть возможности. Поехали в колхоз «Сура», село Яксарка. На току бардак, «Колхиды» загружают ведрами, погрузчик стоит. Беседа в избе с заготовителем. У населения есть картофель, но нет транспорта. В 3-й бригаде. Все копалки встали, люди греются у костра, машины стоят. Жуть! Впечатление кошмарное. […].

19 сентября. […]. Обед с Федором. Опять у него непрерывные разговоры с орготделом ЦК КПСС. Заваливают письмами, идет очень активная подготовка к конференции. Поджигается же она сверху – заявителями о социальной справедливости и т.п. Наверху играют, внизу стон. Ломаем кадры. Дорого обойдется нам это

новое направление «переломное». Переломать переломают, а вот как соберут и что соберут, вопрос сложный. […].

21 сентября. Такой же слякотный с дождем день, как и тот, когда 24 года назад вступил на эту землю и ходил из гостиницы «Россия» смотреть Суру. [Тогда] продирался сквозь бурьян. Позвонил Федору. Вчера говорил с первым секретарем Мордовии А.И. Березиным. Ельцин вручает им 27-го орден Ленина, и он ждет делегации от Пензы во главе с Федором. Федор вчера где-то, видимо, поддавал, чтобы разгрузить себя от ЦКовских неприятностей. Около 12-ти его еще было дома. Взялся он за сложное дело. Парень в душе порядочный, а нести ношу сложно – не хочет быть подлым. Вспоминалась фраза – глубочайшая – В. Распутина: «Что такое теперь хороший или плохой человек? А ничего. Устаревшие слова… Неестественная склонность к добру стала мерилом хорошего человека […]». Гениально уловлено знамение времени. Правда, сверху сердятся, грозятся, но это родит крайность – карьеризм, шагание не за добром, а по трупам кадров. Кажется, мы присутствуем при рождении нового витка никак не связанного с возвращением к понятию добра. Скорее всего, будет во имя карьеры, служебной «доблести» торжествовать зло, а нам будут упорно доказывать и заставлять зло считать добром во имя людей.

Разговор с Федором по телефону, публиковать ли пункт решения обо мне [в связи со статьей в газете]? Я сказал, что настаиваю на его публикации как коммунист. Гласность так гласность. Умные поймут, а обыватели – стоит ли на них ориентироваться? Сам отредактировал текст решения для публикации в газете. Да, я виноват, что не учел легкомыслия и чистоплюйства Журавлева. Подвели обстоятельства: болезнь, когда был Новоплюев [Новоплянский], смерть Б. Демина. […].

22 сентября. Настроение так отравлено дерганьем, что не хочется идти на работу. Нет вдохновения, хотя оно вроде бы должно возникнуть под мощным потоком призывов к «прорыву» и т.п. Когда задумывается и декларируется рывок вперед, он может быть основан только на вдохновении кадров, а не на их запугивании. Всех заменить невозможно, никто не приготовил армию кадров, способную по одной команде «повернись!» сразу перестроиться. Надо опираться на то, что имеешь. Впечатление же странное (см. реплики во время выступления стахановцев о начальниках), выстраивается странная схема: справедливый правитель и хороший народ. Промежуток же заполнен людьми, которых или надо убирать, или переделывать. Для истории это не ново, но подходит ли оно к нашим условиям, позволит ли обеспечить «прорыв», – вопрос вопросов. Беспокоит, что на эту волну настроят-

ся ушлые ребята из аппаратов, свежеиспеченные руководители, и не во имя дела, а во имя собственной карьеры, благополучия начнут ходить с дубинкой, размахивая налево и направо. Такое уже идет в Ульяновске, есть намек по Челябинску и т.п. […]. Кажется, в этот день 24 года назад я был избран вторым секретарем обкома КПСС. Годовщина отмечена статьей – мерзкой в своей основе, сочиненной прожженным [дельцом], без стыда и совести.

26 сентября. […]. Федор доложил ЦК, что 850 тыс. тонн хлеба область сдала, задание выполнено. При урожайности 14,2 ц/га это подвиг, хотя скажется на животноводстве. Жмут на картофель, просят отгрузить лук Ульяновску. Там его нет и молчат, действуя через ЦК. Колбин же – «видный деятель»!

В 17.00 – встреча [Горбачева] со стахановцами […].

4 октября. Можно было спать до 11-ти, но уже в 8 поднялся. Что-то не спится даже со снотворным. [Станция] Башмаково. Мужики [за окнами вагона] собираются на работу. Дождя нет, но серо. На дорогах грязь страшенная. Народ одет плохо. Неухоженность огородов, домиков железнодорожников, репьи, банки, масса металлолома по кустам и обочинам. Смотреть неприятно. Русь ты наша Русь! Есенин так хорошо пел о ней. Позавчера ему было бы 90 лет. «В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть». Лесополосы ярко светятся золотом осени. Человек, умирая, теряет цвет, бледнеет, природа – расцвечивается яркими красками, словно радуясь, что будущей весной снова пробудится. В этом ее отличие и величие. […].

7 октября. […]. Вечером – с Вл. Енишерловым. Условились, что свою книгу пришлет, а с надписью правнуков Дениса Давыдова – привезет, т.к. боится рисковать почтой. Кажется, собирается интересная компания: он, внук К. Чуковского – режиссер ЦТ и Савелий Ямщиков, известный пропагандист реставрационных дел, организатор уникальных выставок. Хорошо бы!

8 октября. […] Отправил свою книгу В. Енишерлову, попросил у него фото Д. Давыдова у Фурмана. Мне нравится. Не сумел написать В. Лазареву, замучили накопившиеся бумаги. Беседа с Гусевым, зам. прокурора области. Журавлев еще в больнице, а надо бы решать, время идет. Беседа с главным архитектором города, а утром с Ерзуновым и по телефону с Виноградовым: [договорились] сквер на углу Тамбовской и Куйбышева сохранить [на этом месте хотели строить дом облисполкома], искать скульптуру проводов в армию, делать вход в Музей народного творчества.

Читал поэму Е. Евтушенко «Фуку» («Новый мир», №4). Страшное впечатление. Всё перепутал. Лейтмотив: он – поэт всего человечества. Такое впечатление – или

попадет в «психушку», или больше писать не будет. Кажется, он устал и глубоко болен. Нехорошо на душе от поэмы. […].

15 октября. […]. Корреспондент «Правды» Валерий Александрович Орлов. Хвалит ульяновскую хватку [Г.В. Колбина], а я усомнился. За каждым кадровым решением – судьба человека и его семьи. А он за 1,5 года поменял (прогнал) 80% первых секретарей, а с ними и вторых, и предов райисполкомов. Не в меру активный, пробивает себе путь по телам кадров. Страшно создавать себе славу на несчастье и горе других. Когда-нибудь аукнется! За все приходится платить. […].

23 октября. […]. В 11.00 – в спецбольницу. Зашли Андреев и Шаров. Вместе с ними – к В. Лысову. Кудрявцева с цветами. Вручил грамоту, поздравления, цветы. Плачет. Жалко его, но внутри чувство, что он уже за рубежом работы, и я не вижу способа вернуть его. Лучше добровольно на пенсию. Иначе трудно сказать, чем закончиться борьба. Недолго задержались.

Говорил с КПК. Сначала с Чичериным. Хитрит, что-то приготовил. С Мирончук – говорит, что закончила, руководство одобрило, правит и пишет проект постановления. Макеева мне позвонит (звонил ей, зная, что она подружка и всё доносит). Крутимся, как б---и под зонтиком. С Баракиным проговаривали варианты отчета […]. С Федором толковали. У него хреновое настроение. Пишут на всех, остановить никто не может и главное, не хотят. Цифры большие, виноваты будут молодые кадры. Сломают.

1 ноября. День важный сегодня. Еще раз перелистал вариант своего выступления на КПК при ЦК, перебрал в памяти основные статистические показатели на всякий случай. Позавтракали, вызвали машину и поехали в 3-й подъезд. Комитет уже начался. Слушается Литва по строительству. Нервно ходим в коридоре, папироска за папироской. Вместе с нами Афанасьев из орготдела ЦК КПСС. Долго заседают, не спешат. Обещали в 11, перерыв около 1 часа. Увидал Косырева. Говорит, что по Литве всё прошло спокойно. Пригласили нас. Ведет Соломенцев. Густова нет. Доклад Н. Чичерина злой, но объективный, без натаскивания дешевок и сенсаций. Опять резко насчет недачи согласия на привлечение к ответственности [за факты] очковтирательства и приписок. Слово Б. Чернову. Пошел по тексту и поплыл. Выглядел беспомощно. Упирался и отнекивался, так ничего и не сказав. Хотя стоял минут 25. А. Баракин – довольно бодро и без текста.

Дали слово мне. Оговорился, что пойду без текста. Получилось солидно и убедительно. Хорошая перепалка в ходе выступления. Соломенцев: «Кто создал обстановку очковтирательства?» – «Мы с вами, в том числе и я, когда желаемое вы-

давали за действительное. Там началось!» Заключал М.С. Соломенцев. Его удовлетворило и понимание причин, и намеченные меры. Приняли решение.

Обед в 4 часа. Потом в орготделе ЦК. Опять какие-то письма суют Поливоды, Г. Дидиченко. Пусть разбираются. Не вижу там больших вопросов. Беседа с Абрамовым. Уехал в гостиницу, так и не заходя в пропаганду. Опустел отдел, никого не осталось, кроме Лучинского. И поговорить не с кем. В 21.00 – на поезд. Выцарапал отдельное купе, но уснул только после Рязани. Есть удовлетворение!

2 ноября. Хорошо, что в купе один. Уснул даже после трех таблеток снотворного уже после Рязани, но что-то во 2-м часу ночи. Около 7-ми просыпался. Поднялся где-то у Пачелмы в 9 утра. Стакан крепкого чая и прихожу в себя и от нервных перегрузок вчерашнего дня, и после плохого сна. Несмотря на хмурость и слякоть, все-таки приятно видеть просторы родной пензенской земли. Она породила меня, дала мне силы, здесь я завершаю свой жизненный путь. […].

5 ноября. […]. Готовился к встрече с аппаратом областной прокуратуры. Сложное дело, но выбора и выхода нет. Только смелый и открытый разговор может снять накопившиеся настроения. Переговорил по этой акции с орготделом ЦК (Афанасьев) и прокурором РСФСР Емельяновым. В 17.00 – открытое партсобрание в зале облсуда. Доложил строго, без какого-либо заигрывания. Только и ждали статьи, чтобы расправиться. Подтексты несогласия с решением бюро. Переоценка успехов прокуратуры. Журавлев выступил партийно. Потом готовые [заранее подготовленные выступающие]. Вне плана – Поляков. Допустил ляп – «преступник». Это уже грубая юридическая ошибка. Зацепил его на этом. Голосование по проекту. Трое против. Ну и ладно! Сложное, тяжелое собрание. Чуть промахнись, сомнут. Выдержал. Устал. […].

7 ноября. День сухой и солнечный, но с пронизывающим холодным ветром. Не прохватило бы. С Верой и Егором на площадь. Несмотря ни на что, демонстрация продолжалась два часа. Отличительная особенность – нет пьяных в рядах [демонстрантов]. […]. Посмотрел доклад на московском торжественном [собрании]. Выдержан в откровенно резких тонах, конкретизировано то, чем живет сейчас новое руководство. Опора на указания Ленина. Апрельский пленум – точка отсчета, от него начинается новый этап в развитии страны и общества. Прошлое раскритиковано решительно и строго. […]. Настоящее представлено как «решительный поворот». Требование откровенной критики. Понимание, что взяли высокие рубежи и их предстоит осуществить.

Просто пометки для себя. Каждый начинает историю с себя. Нет преемственности. У Иисуса были апостолы, у нас апостолов нет. Критиковать прошлое легче, чем созидать будущее. Выпустить джина из бутылки легко. Как его потом загнать? А джин, он сначала делает то, что ты хочешь, а потом может потерять чувство меры и ударить по тому, кто его высвободил. Придет время подсчитывать то, что так легко пока рушится.

8 ноября. […]. Есть тема для крупного писателя: одиночество руководителя при нашей коллективной системе. Все время на виду, а дома только семья. Никого нельзя подпустить близко, чтобы не дать повода для всякого рода кривотолков. Жуткий вакуум. Психологически выдержать его сложно. Но без выдержки нельзя быть руководителем. Видимо, в старину должны были говорить (я это чувствую душой): «Чем ниже к старости клонимся, тем больше Богу молимся». Что-то тут есть из народного.

22 ноября. Погода не меняется. Морозец, сухо, снега нет. Только под Пензой запорошены озимые. Из дома уехал на Каменку. Бутырин встретил на границе. Знакомство с откормбазой совхоза «Первомайский». Результаты, действительно, замечательные. Жалко только, что нет технологии и в откорме. Каждый делает на свой вкус. […]. После обеда на завод «Белинсксельмаш». Смотрел цех на 16 тыс. кв. м. Еще один в заделе. Двор заставлен продукцией, нет вагонов. Смотрел новую сеялку для рапса и зерна. Купили у шведов лицензию, толком не опробовали, не проверили, а уже пустили в массовое производство. Есть масса всяких сомнений, но… понравилась М.С. Горбачеву. Вот и делают. Вариатор, вал будем покупать за рубежом?! Если так пойдет научно-технический прогресс, то деньги угрохаем, а результата не получим. Откровенно расстроился (в душе) и уехал в гостиницу. На кой хрен смотреть и участвовать в глупостях! С Закиром смотрел телевизор, а потом сделал пометки для выступления завтра.

6 декабря. […]. В Музее народного творчества. Бабка-бухгалтер: «Поклон пензенскому просветителю»! Восторг [заместителя министра культуры РСФСР Грибанова] от работ Романа Кочурина. Надо его шумно реализовать в Москве. Музей одной картины. Скучноват Репин. В зале – речи: диалога не получилось. После обеда – беседа с М.В. Шаровым, Видит недостатки газеты. Хочет работать. Предупредил, чтобы не перенял замашки Лысова. Н. Кугель о «Бедной Лизе». Условились на воскресенье. По телефону с С. Дангуловым. Обещал приехать. Надо послать ему книги. С Д.С. Лихачевым. Просит рукопись моей книги. […].

11 декабря. […]. В 10.00 – сессия областного Совета. Хороший доклад А.Е. Щербакова. Умный, талантливый мужик. Можно было бы и предом [облисполкома], но уже поздно, время ушло. Выходил, созвонился с замзавом отдела пропаганды Севруком по кандидатуре на редактора. Условились, что Шаров в понедельник будет в ЦК. Потом вышел на замзава Абольцева. С 23-го лежат бумаги и где-то затерялись в ЦК. Уму непостижима, как медлителен аппарат. Закончили сессию. Дорошенко с торжественной речью (как некролог) – по поводу М. Белозубова и В.И. Болдина. А грамоты вручать им в коллективах. […].

12 декабря. […]. Хорошо сказал Закир об очередной игре «Спартака» во Франции: как всё у нас – навалом! Мне показалось это поразительно удачным определением и очень глубокой мыслью.

17 декабря. […]. В 13.00 – в областной прокуратуре. Объявил аппарату, что В. Журавлев переведен на другую работу, представил нового прокурора из Саратова Макарова. Вроде внешне парень симпатичный, с хорошей биографией, а что будет на деле, сказать трудно. Предупредил его: [в Пензе] обывательский дух, страсть к сплетням, низкое качество следствия, волокита. С Ёхиным – по [убийству] таксиста. Пока темно, но обещает к Новому году разобраться. […].

19 декабря. Последний день перед конференцией. Хотя есть все списки и всё решено, но чем старше, тем тревожнее становится на душе. Ушли самоуверенность и легкомыслие. Признак возраста! Я.П. Рябова встречать не поехал. Как-то меня это мало волнует. Общение с начальством не доставляет ни особого любопытства, ни интереса. Всё заранее известно, как и что будет. Еще раз проверил готовность всех документов.

[…]. В 17.00 – лекция Волкогонова «О военно-политической обстановке в мире». Сложно, но странно: уйдем, и сутки не продержатся режимы в Афганистане и Анголе. На кой же хрен такие режимы держать нашими штыками, да еще и кровью наших солдат? Надо искать иные решения. В 19.00 – трехчасовая беседа с корр. «Советской России». Откровенно об идеологической работе. Мое мнение: вернуться к хорошим рабочим рамкам, который давал комплексный подход, дополнив его систематичностью и дифференцированным подходом. Комментировал деталями, в которых главное – обращение к душе человека. Мемориал в селе Никольском. У меня слезы на глазах. Стал слабонервным!

22 декабря. […]. Вчера ночью послал книгу «Отчизна [в сердце нашем]» Инюшкину. Жена в восторге, он доволен. Но пугают ошибки и путаница в определении среды. Можно стройнее, но пока – книга состоялась. Слово сказано. Говорил с

акад. Д.С. Лихачевым. Он рукопись получил, в передаче на TW упомянул, [что это] – новое направление в издательстве «Плакат»: Тарханы – это тоже наглядная агитация; партийный работник впервые выступает так; не меценатство; будущего не может быть без прошлого, экономика толкает. Берется выступить с рецензией в «Правде». Сказал Босенко и Инюшкину. Завезут ему книгу в Москве. Это уже ход. Важно не только сделать дело, но и поддержать его интересом. Тогда книга сработает. К.Д. Вишневский готовит рецензию в «Пензенскую правду». Надо дать тогда, когда поступит в продажу. Иначе – холостой выстрел.

23 декабря. […]. Федор поблагодарил отделы за отличную подготовку и проведение конференции. В 12.00 в газете «Пензенская правда» представил М.В. Шарова в качестве редактора газеты. Сказал теплые слова о Лысове, много отдавшего газете. Беседа в издательстве. «Забастовка печатников» в день конференции. Угроза срыва выхода газеты. Конечно, мы попались на Григорьеве, взяв из Ставрополя. Лапша какая-то. Процесс заходил далеко, а он всё сопел и молчал, хотя обещал ответить. У меня такое настроение, что его надо, пока не поздно, менять. Ставить более волевого хозяина. […].

24 декабря. […]. Говорил с Трушковым из «Советской России». Отчет о конференции – на четверг, поручение писать рецензию на книгу есть, а книгу М. Ненашев не отдал. С А. Ковлягиным. Шумит, что большое событие, но разговор не телефонный. Высчитал (не хвастаюсь, Бог и Федор свидетель за обедом), что освободят Гришина и изберут секретарем МГК КПСС Б. Ельцина. После обеда Федор мне позвонил и подтвердил, что я оказался на 100% прав. Москва давно этого ждала. Устали от пустословия, борьбы «за образцовый коммунистический город» при отсутствии элементарного социалистического порядка. […].

29 декабря. […]. У Федора. Показал ему книгу [«Отчизна в сердце нашем»]. Вопросов не возникло. О Сомкине на издательство. Пока есть сомнения. Сам Шепелев не очень определен в кадрах. Ему опасно доверять: часто меняет точку зрения. По телефону с академиком Д.С. Лихачевым. Книгу почитал и очень доволен. Хочет писать отклик в «Правду». Это было бы хорошо, но даже если не пройдет, он не промолчит. Написал, не остановится. Еще раз пришел к убеждению, что надо писать книгу (в новой редакции) о Пензе. Время уходит, а после нас остаются не совещания, а книги. Они долго будут жить. […].

1986 год

7 января. Сумятица в воздухе прекратилась, сегодня яркий солнечный день, -2. Рождество, а морозов крепких нет. Сиротская зима. Тяжелый по воспоминаниям день. Вчера исполнилось 90 лет со дня рождения мамы, сегодня 23 года, как она погибла. Бежит время, давно стихла резкая боль утраты, но образ матери постоянно помнит каждая клетка мозга, каждая частица тела. Когда вспоминаю о ней, в душу вливается какое-то тепло, исходящее от доброй и вечной для меня звезды доброты, покоя, уравновешенности, самоотверженной любви ко мне и поразительного доверия. Не поверят, но это так: всю жизнь, перебирая, я не могу вспомнить случая раздражения, окрика, грубости, сказанной мамой в мой адрес. И от того еще грустнее, что нет ее и не будет, никогда не будет. Позвонил Володе, попросил от меня положить на могилу цветочки. Он вчера был, расчистил дорожку, поставил небольшую елочку. Грустно…

По телевизору всё чаще звучат бодрящие нотки о производственных успехах. Запал критики, отнесенной в прошлое, сохраняется, но на первый план – чем дальше, тем больше – будут выдвигаться проблемы оплаты векселей, которые успели навыдавать за апрель-декабрь. Настало время платить, а вот чем – вопрос. Хватит ли мужества хоть немного покритиковать себя? […].

10 января. […]. Удивляет и настораживает некоторая невзвешенность фактов. Вчера принято решение ПБ по качеству, а сегодня TW уже показывает «барахло», которое мы выпускали десятилетиями. Интервью Ельцина. Такое впечатление, что не очень реально смотрит на жизнь. То, что складывалось десятилетиями, в один день не перевернуть. Да и вообще что-то пока, кроме критики прошлого и призывов к будущему, мало просматриваются реальные шаги, конкретные достижения. Не спешат ли с заявлениями, которые запоминаются, но потом должны выполняться? Стиль «суеты и разбросанности». За всё хватаются, спешат, дают приказания, а дела нет. […].

11 января. Ровная погода. Весь день и к вечеру -10. В 8.20 выехал через Лунино на Иссу. […]. Поля Бессоновского района хорошо укрыты снегом. На границе Лунинского Н.М. Буянов. Он тоже сегодня собирает «отстающих продавцов». Дви-

жение началось. До границы Иссы. Тут А.Н. Свешников. Без задержки через Булычево на Иссу. В ДК уже собрались, показывают кинофильмы. С них начали.

В 11.00 – заседание общества трезвости. Приглашен актив и из всех сел свезли 260 человек, злоупотребляющим спиртным. Свой запах в зале – отдает перегаром, свой облик участвующих – испитые физиономии, один с синяком под глазом. Выступление прокурора, начальника РОМ [районного отдела милиции] и судьи. Очень общее. Нарколог все свалил на общественность. Нет обращения к душе человека. Хорошо выступили, те, кто пил, а теперь стали знатными людьми. Кавалер орденов Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени: «Мне теперь много воздается почестей, но здоровье осталось в бутылке». Доярка, занявшая 2-ое место [по надоям молока], всё сказала своими слезами. Я выступил, наверное, зря, не очень удачно. Пугал их безвыходностью. Или «завязывать», или в ЛТП.

[Показательный] процесс: одного досрочно освободили из ЛТП (удачно подобрали, умный мужик), а одного – в ЛТП [лечебно-трудовой профилакторий для алкоголиков]. Жалкое впечатление. На нас [руководителях] тяжкий и непоправимый грех перед народом, что мы его споили и развратили.

Беседа в бюро РК КПСС. Потянуть цепочку работы с отстающими, создать систему, измерить результаты. Заехали в РОМ, а потом к лунинской границе. Опять Буянов. Проехали Б. Левино. В Пензе около 8 вечера.

14 января. […]. В обкоме появился в обычное время. Сразу захватил аппарат. Потом беседа с Н. Лагуткиным и Ширшовым по первым секретарям РК КПСС в агропром. […]. С 11 до 13.30 в Художественном фонде. Смотрел портреты на Доску почета. Потом в мастерской В. Непьянова. Натянул холст на Пугачева. Есть вопросы. Замысел большой по размерам, но идейно – мало нового, есть ошибки в композиции – телега «давит» Пугачева. Портрет Лачинова вне эпохи – парик и бритый. Это уже не 17-й век. Одежда украинская. Посоветовал делать Котранского, а Лачинова искать. Скульптура Курдова. Может, и надо отливать Савицкого. Только пугают листы и острые колени. Плохо – женщина для Ардыма: как я одобрил? Проект на место сборного пункта. Хорош мужчина и ребенок, женщина – от Мартоса из XVIII века. Беседа о делах художников. Хочет взять на себя обузу, но обеспечит ли выдержку? […].

15 января. […]. В ДПП – собрание художников. Сначала у меня были два секретаря Союза художников РСФСР. Хотят выставку зоны 1990 г. проводить в Пензе. Стала культурным центром России. Сказал, что посмотрим. Неплохой доклад, ровные, без склок и загибов, выступления, но уровень невысокий. Склока на партий-

ной группе. Высунулся Иодынис […]. Выдвижения. Воткнули Волохо и Бема. Неприятно. Голосование. Прокатили В. Курдова и Косырева. А если бы оставили девять, пришлось бы довыдвигать и еще голосовать. Поразили аплодисменты. Распоясались. Неприятный осадок. Надо ставить на место. Чуть избаловались и от жира беситься начали. Много Оев, Бемов, Цоев, Олеш, Иодынисов. Напихались! Позвонил и успокоил В. Курдова. Важно оставить его на художественном совете. Читал перед сном «Пожар» В.Распутина. Не столько действий, сколько мыслей. Нет динамики внутренней, но мысль острая.

20 января. […]. Саша Дремкова из совхоза «Кирилловский» Земетчинского района. Просит телок. Вырезала коров из-за туберкулеза. Интересный и полезный для меня разговор. О Лычагине. Не дотянул до Лузгина. Зазнается. Приедет, не во все коровники зайдет и не спросит доярок, как живут. Гордый. А народ это не любит. Дом животновода, а питания нет. Встают [работники фермы] в 3.00, в 4.30 уже на ферме. Не завтракают до 8-ми. Потом завтрак, а там с 12-ти и до 4-х вечера [снова на ферме]. Ужин. Таков режим. Сказал, чтобы дали ей телок из Ардыма ([звонил] Петровой, Выдрину). Советовал [ей съездить] в Елань. Там можно 8.000 [кг] надоить. Она лет 20 назад на телках доила 4.000. […].

25 января. Вчера состоялась Московская городская партконференция. Не очень понимаю, зачем надо было убирать Захарова из Ленинграда. Такую посредственность легко можно найти и в Москве. Нового ничего не даст, в Ленинграде себя не проявил, а в ЦК просто отсидел. Почему и зачем в Москву? Обижают москвичей, ничего доброго делу не даст.

Показали по TW всё Политбюро, в том числе зачем-то и В.В. Гришина. Доклад Ельцина. Очень острые места о благодушии, зазнайстве, о накоплении негативных явлений, о которых рано или поздно придется сказать. Транспорт (попробовал на своих боках!) стал проблемой политической. Разнос страшный. Но вид и особенно говор – не московский. Отдает провинцией. Я не говорю о виде Захарова. Да, сложно москвичам. Сложно выслушивать Гришину. Почему не объявился больным?

Отрицание и осуждение прошлого без какой-либо попытки анализа этого прошлого, с точки зрения его хорошего и плохого, а главное, причин, породивших ошибки, с моей точки зрения, таят в себе ростки новых ошибок, которые потом также будут осуждены. Нельзя всю историю партии (исключая Ленина), творившуюся под знаменем и именем Ленина, превращать в сплошную цепь ошибок и промахов. Было хорошее, было и плохое. Разберись, возьми на вооружение хорошее и от-

брось плохое, объяснив, чем оно не устраивает настоящее и будущее. Иначе – опять фундамент, на котором под тем же именем, но новыми строителями, будет построено не то здание. Огульное отрицание прошлого всегда создает видимость революционности настоящего и тут же порождает искус обожествления этой революционности и достигнутых в результате ее успехов. […].

26 января. […]. Вчера разбирал письма и беспокоила одна мысль: тот ли мы настрой даем народу? А заявление [человека] – это настроение. Но ни одного, буквально ни одного письма, содержащего предложения позитивного плана. Я уж не говорю, что нет вообще писем, в которых бы предлагал человек свои услуги, как сделать и что сделать лучше. Все письма посвящены двум темам: просят (жилье, гаражи, участки и т.п.), поносят начальство всех рангов и за дело, и по злобе. Объективно нашей «опорой», вопреки нашим желаниям, чем дальше, тем больше, становится обыватель. А его ли силами двигать прогресс? Устремление тревожное. Сегодня он бьет нас, завтра – будет тех, кто поднял волну. Особенно отрицательна роль прессы. […].

1 февраля. […]. К 10.00 поехал в УВД. На морозе открыли Доску почета работников УВД, вручили удостоверения и портреты. Сколько бы ни ругали милицию (а у нее немало недостатков), всё-таки жизнь у нее такая, что надо уметь говорить лучшим из ее рядов «спасибо!». Вообще я считаю, что работа только на одном захваливании (сталеваров не критикуют) или сплошной критике (торговля, бытовка) не дает нужных результатов. Умелое сочетание требовательности, поощрения и взыскательности – самое разумное в любом деле. Посмотрели предварительные данные по преступности – очень большое снижение – до 25 %. Едва ли это приписка. В прошлом году шел рост. Может, снижение пьянки сказалось. Условились, что УВД продолжит борьбу с пьянкой. Надо искать новые пути и средства. […].

2 февраля. […]. В 13.00 – в доме хора О. Гришина просмотр фильма «Милая роща», посвященного Октябрю Гришину. Делал Гольцман. Всего 10 минут, но прокрутили дважды, и смотрится хорошо. Есть даже пять лучших гришинских песен: «Восемнадцать лет», «Милая роща», «Зима», «Ковыль» и «Черемуха» на слова Есенина. Мне фильм понравился. И хористы хорошо приняли. Беседа с Круковским. Оборвал его по телефону – испортил настроение: не успеешь сунуться, а к тебе сразу – «дай». О судьбе хора: нет новых песен, нет солистов, слаба танцевальная группа. Может, надо создать молодежную группу хора и искать пополнение. С Л. Кудрявцевой в Картинной галерее. […]. Смотрел музеи Горюшкина-Сорокопудова, Савицкого (на выходе), Лентулова. Ясно, что этим ходом скажем

еще одно новое слово в музейном деле. Нигде нет мемориальных музеев в составе художественных галерей.

Н. Кугель говорит о трех этапах [музейного новаторства в Пензе]: 1) Музей одной картины, 2) Музей одного актера и 3) Музей одной квартиры. Объяснить невозможно, как и когда рождаются новые мысли. Вроде Господь Бог находит человека, одаряет его своей мудростью и передает его руками людям. Я и сам не вижу иного объяснения. Просто озарение. А как оно рождается, сказать не могу. Но это не плод поисков, раздумий. Именно озарение! Вообще открытия готовятся, вероятно, всей жизнью, накапливаются, а потом проявляются непроизвольно и легко. Что-то тут таинственное и плохо объяснимое. Но факт остается фактом.

3 февраля. […]. Недавно я вывел для себя и публично сформулировал закон убывающей активности. Сегодня хочется сказать о еще одном «законе»: возрастающей подлости. Пишут много анонимок, их рассматривают, проверяют, вольно или невольно поощряя тем самым авторов. Газеты же поднимают мутную волну беспардонной критики, любуются и захлебываются от радости. Но забывают, что, ударившись о противоположный берег, волна вернется и обдаст грязью тех, кто ее породил. Просто нужно время. Ситуация своеобразная: руководство, поддерживаемое острыми выступлениями прессы, и народ. Всё остальное только комплектуется и перестраивается. Критика прошлого звучит всё резче. […].

5 февраля. […]. Был И.Д. Балалаев. Согласовали проект нового входа в парк и привязку танцевального зала. Полон еще каких-то идей, но я сказал ему: не всё сразу. Жалуется: город не интересуется и не поддерживает. Уход Щербакова дает себя знать.

Вечером в Картинной галерее. Всё движется к концу. Должно получиться. Кугель добивает музеи, Сазонов завтра приступает к двум залам, художники готовят свою выставку. Одобрил люстры, которые без больших выдумок купили в Москве и привезли. Так и легче, и надежнее. Хрусталь и бронза вписываются хорошо в залы.

По медицинским вытрезвителям. Ленинский, потом Октябрьский. Неприятное впечатление. Шумим много, а пьют тоже много. Одним ударом не возьмешь. На душе мерзко. Мы виноваты – споили народ.

7 февраля. […]. В 10.00 начали совещание. Федор прочитал решение и записку по пьянству, а потом дал слово мне. […]. Сказал главное: надо выбирать – бороться или не бороться. Если Гамлет мог решать, быть или не быть, то у нас нет выбора: не пить, не спаивать народ. Хватит пугаться. Раз одной ногой на берегу, другой на пароходе, долго в таком положении нельзя – разорвет. Надо переходить на па-

роход и плыть навстречу стихии. А стихия бурная, сложная, противоречивая. Нас постоянно мучают сомнения: кассовый план, самогонка и т.п. Хватит спаивать, а кассовый план надо делать, но не за счет водки. Завозился Дорошенко – врезал ему прямо с трибуны. Получилось зло и определенно. […].

8 февраля. […]. Дома прочел отчетный доклад Б. Ельцина на Московской городской конференции. Нехорошее впечатление. Думал, острый, критичный, а на деле это не критика, а очернительство. Его устами кто-то сводит счеты с Гришиным, заодно понося Москву. Нужны не плевки, а серьезный разбор не только состояния, но и причин, вызвавших его. Всё свелось к простым обсуждениям, хлестким фразам чужого Москве человека. Прения подстраивались, но ни слова о том, где же были те, кто присутствует при критике. Не один же Гришин правил Москвой. Главное, нет серьезного понимания, куда и как идти. Шум, гам, крик. А что дальше?

11 февраля. […]. Заехал в «Север». Кошмарная торговля. Яма, выкладка, хмарь. Потом в Дом торговли на ул. Циолковского. Неумно: на входе, при проходе в магазин, – отдел водки. Обступили женщины. Правильно ругаются, но не везде же запрещать ее продажу! Вызвал Огарева, Щербакова, Варламова, Павлову. Закрывать, но меру знать. Тонкое дело.

13 февраля. […]. Поразительная статья в «Правде» – «Очищение». Всякое видал, но такой озлобленности центрального органа партии против кадров партии не помню. Это – разбой и демагогия, рассчитанные на самые дешевые обывательские настроения. Читать противно и работать не хочется. Дождались перемен! Но к лучшему ли они? Говорят, что Е. Лигачева в 1949 г. сняли с поста первого секретаря Новосибирского обкома ВЛКСМ за «авторитаризм». Его действия в партии похожи на это. Не понимает, что многое потом обернется против него самого, и именно разгул демагогии поставят в вину, когда будут освобождать. Такой конец неминуем. Опасный мужик.

16 февраля. […]. К 12.00 поехал на аэродром. Федор улетел в Москву. 18-го пленум ЦК. Может, еще и вернется. Трудно сказать, ограничится ли пленум только утверждением документов съезда, или, возможно, сделает какие-то передвижки. За прошлый год интересный итог: сменено первых секретарей ЦК, крайкомов и обкомов – 48, заместителей председателей Совета министров СССР, министров и председателей комитетов СССР – 30, председателей президиумов, советов министров союзных республик, краевых и облисполкомов – 59, зав. отделами ЦК КПСС – 8. Такого обмена кадров давно не было. Вернулся домой. Доложили, что в 11.00

скончался Д.И. Лузгин. Ушел один из крупных и деятельных первых секретарей РК КПСС 1950-70-х годов. «Доделал» сын. Трагедия. Ордена и крест. […].

17 февраля. Холодно, резкий морозец, около -20 вечером, днем яркое солнце. Стояние антициклона продолжается. Февраль не пахнет февралем. Ни одного снегопада с начала месяца […]. После планерки позвонила жена Лузгина. Одна просьба – разрешить сыну проститься с отцом. Но как это сделать? Время злое. Звонил даже в прокуратуру РСФСР, но рисковать не решился. Не могу подводить людей. Сам ей позвонил, объяснил, что можно ей, в порядке исключения, разрешить свидание с сыном. Благодарна. Попросила передать ему шерстяные носки и блин, чтобы помянул отца, который его очень любил. Нелепо и трагично всё. […].

22 февраля. […]. В 12.00 на Картинную галерею. Событие, как бы ни судили, историческое. Отныне и навеки это здание станет гордостью города, собранием художественных ценностей. Три особенности [открытия]: политическая – посвятили XXVII съезду КПСС; масштаб – было 350 кв. м, теперь – 1500; новаторство – три музея внутри галереи, новый ход.

Открыл митинг. Пошел с листа. Хорошо выступил Уришов с завода ВЭМ да и другие. Натрепался Никандров [строитель Никандровский?], но я остановил его. Федор, я ему прицепил и Виктора, перерезал ленту. За 40 минут обошли. Душа поет и радуется! Доволен. Третий объект в феврале и все – события: Музей одной картины, Музей театра, теперь галерея. […].

8 марта. Солнечный день, по подоконнику хлещет капель: настоящая весна. На улицу не выходил. Весь день в мучительном бездействии. Какое-то внутреннее опустошение, не за что зацепиться, нет идеи, которая бы увлекла, позвала, дала толчок к деятельности.

Говорили [на съезде КПСС] много, решали дела важные, но если завтра выступать без текста, я впервые в такой растерянности: о чем, собственно, говорить, где путеводные вехи? И старые толком не рассмотрели, обошлись вместо серьезного анализа полунамеками, самой общей, безликой критикой, не расставив акценты. Да и будущее вроде сформулировано, но нет четких ответов, как делать, как идти, как конкретно поступать. Надо ускорять! Понятно, но как, за счет каких реалий жизни, а не пожеланий? Не могу расставить вехи и в своем сознании. Вероятно, когда в материалах нет личностного момента, а всё утюжит и гладит аппарат, получается правильно, но нет энергии, увлеченности. Из всех выступающих выделяется Б. Ельцин, но он, как я и предполагал, оказался «белой вороной», т.к. шел от личностного и страстного, от своей убежденности. […].

12 марта. […]. Интереснейшая беседа акад. Д.С. Лихачева в Останкинской студии. Живая иллюстрация «русской интеллигентности». Потрясающе мудр в мышлении, точен в формулировках, неординарен и далек от шаблона в оценках. А жесты! Обо мне «врубил» лихо на несколько десятков миллионов телезрителей. Назвал и фамилию, и имя, отчество, и о писании книги [сказал], и «удивительный человек»...

13 марта. И вчера, и сегодня немного не по себе от оценки Лихачева. Приятно, конечно, подобное услышать из уст беспартийного, 80-летнего, маститого академика, но как всё это воспримут недруги? Нельзя Пензу сводить ко мне одному. Думаю, что тут ошибка режиссеров, особенно при монтаже. «Врубили» в то место да так звонко, что он оживился, [сказал], что потрясает. Из современников назвал меня, Распутина и Гранина. Иных фамилий здравствующих нет.

Позвонил Юрлов – секретарь Мордовского ОК КПСС. Смотрел вчера и говорит, что с завистью слушаем о Пензе. Поблагодарил. Л. Кудрявцева считает, что всё сказано правильно. Инюшкиным вчера восторженно звонила правнучка президента АН СССР Карпинского Вера Чернобривенко: «Отклик большой, хотя поздновато». А. Щербаков выбил в Госкино 4 млн. руб. на строительство киноконцертного зала, сославшись на «величие» Пензы в свете вчерашней беседы Лихачева. В. Распутин доволен, но считает, что мне едва ли понравится такая формулировка. Условились, что он и Астафьев из Болгарии заедут в конце мая в Пензу. Позвонил в Красноярск Астафьеву. Уговорил его побывать в пензенских местах. Условились, что пошлет книгу свою. С Д. Граниным. Он в восторге от передачи: «У вас праздничный день. 120 млн. узнали о ваших благородных делах». Это – оценка. […].

14 марта. […]. О Лазуткине из Колышлея – запутался мужик. О снабжении: требования выше – и всего меньше. О моем [дне] рождения. Сказал, чтобы не суетились. Прокурор области. Есть вопросы, мешают. Но люди расплачиваются за грехи тех, кто «лег» у Кремлевской стены. Леню [Брежнева] с почестями похоронили, а отголосок идет, люди страдают от созданного им всеобщего разврата и растащиловки государства. Предложил готовиться к выступлению на пленуме. Пора сказать активу, предупредить об ошибках. Надо соединять слово и дело. […].

18 марта. Вчера вечером разговор по телефону с Д.С. Лихачевым. Поблагодарил его за теплые слова, за интеллигентность передачи. Кое-какие детали. «Прославили на всю Русь великую»! Он: «Сознательно сделал. Хочу, чтобы и в других областях так было». Рассказал ему о Картинной, музеях в ней, литмузее. Поблагодарил. Беспокоится, где его отклик на книгу, будет ли

печататься? Надо в «Советскую культуру» посылать. На передачу большой отклик. Будут наверняка повторять по II-й программе, но бьются за I-ю. Начальству, включая Минкультуры СССР, очень понравилось. Не думаю, что обошлось без оценки высшего… […].

22 марта. […]. Уехал в обком. Пришел Артамонов с текущими делами. Потом слушали председателя комиссии МВД СССР по анонимке на Ерохина. Бред сивой кобылы, мистика, но проверяют, таскают людей, дергают нервы. Беспощадное у нас устройство. Во имя списания клеветы доводим людей до инфаркта. Бумага важнее человека – горько, но так.

Лариса Кудрявцева. Дела, а потом о ее судьбе – надо защищать диссертацию. Кто знает, какие будут витки? Ее недостаток – порядочность, а она [эта черта характера] никому просто не требуется. Время порядочности ушло давно и стало предметом воспоминаний. Понятие чести, достоинства, доброты и порядочности – пережитки ушедшего, старого представления об интеллигентности. Дельцы, пробивохи, ловкачи заместили их с успехом под знаменем демократического централизма. Любой дурак, назначенный свыше, может долгие годы руководить. Народ никто не спрашивает, его мнением не интересуются.

[…]. Множа и итожа всё, вывод один – настало время уходить. Думаю, что переплетаются много нитей: стремление А. Ковлягина стать первым обкома, […], стыд орготдела ЦК, что я 25 лет второй секретарь – это уже реликвия. Будут искать вариант (не без участия А. Ковлягина), как размотать клубок. Скорее всего, Федора дернут в Москву, меня на пенсию и обновят обком в духе требований XXVII съезда.

24 марта. Вчера поздно вечером – с А. Ковлягиным. Поздравил. Говорит, что искал в Лунино. [У него] заболела дочь, беспокойство. Правильно, что послал книгу Е. Лигачеву. Она получила хороший отклик, была использована на съезде. Готовится в поездку. Поручил изучить и этот вопрос: Россия и ее народ, памятники должны сохраняться. Источник информации – помощник Лигачева. […].

26 марта. […]. Звонок из Москвы об Уставе Фонда культуры. Не читал. Потом почитал и задумался, а что они ко мне пристали? На всякий случай сказал, чтобы был президент [Фонда], а председатель правления – рабочей лошадью. Резервирую возможность отказаться от должности 1-го зама. Всё мутно и сложно. Закручивается какая-то хренота. […].

27 марта. […]. В обкоме. Тишина. Пошел обедать. Аппетита нет. После обеда Евсеев с персональными делами, Артамонов с проблемой женского ЛТП. Л. Кудрявцева с инструктором ЦК КПСС Зюгановым Г.А. Интересная беседа. Он улавли-

вает наши поиски. Раскрыл ему нашу кухню по Музею одной картины, Музею театра и театральной гостиной, о Картинной галерее и ее музеях, о кладбище воинов в Никольске. Понимает, вызывает интерес. […].

29 марта. Становлюсь «великим просветителем России». Перед съездом в «Советской культуре» статья об открытии Картинной галереи. Упомянули [меня]. Крепко поддержал Лихачев. Все ждут, и оно скоро будет, – повторение его выступления. В журнале «Волга», №2, и рецензия на мою книгу, и рассказ о Музее театра с упоминанием меня. Завтра в «Советской культуре» будет рецензия на книгу. Выступление в программе «Время» на ЦТ. Сенсационно, что оставляют 5 минут. Дело неслыханное. Жмут с переизданием «Отчизны»… Всё идет бурно. Неясно, чем закончится это […].

31 марта. […]. Позвонил на TW. Редактор уже смотрит «Время» на Восток. Позвонил выпускающему, сказал, что [мое выступление] в программе стоит после посла Мальты […]. В 18.00 – партийное собрание аппарата обкома КПСС […]. Закончили около 9-ти вечера. Сразу в машину с Федором и Акимовым смотреть TW. Тянули долго, но в 21.30 показали. Дали почти 6 минут. Говорят, что минута стоит 27 тыс. руб. Это дорого. Вроде получилось. Хотя можно было выше голову держать и как-то работать руками. Хороший видеоряд. Сразу начались звонки: Г. Алексеева, Евдокия Артемовна. Ф. Куликов поздравил с хорошим выступлением. Еще какие-то звонки. К. Вишневский. Сам позвонил В. Порудоминскому. Он доволен. Говорит, что прозвучало солидно, обстоятельно. Он уловил две фамилии – Лентулова и Мейерхольда. Оказывается, Лентулову было в прошлом году 100 лет, но Минкультуры РСФСР (Зайцев) праздновать запретил. Мейерхольда в современном состоянии (с мемориальной доской) вообще не показывали. Л. Веледницкая в восторге: фотогеничен, «хорошо смотрится: потеряли актера»; вальяжен, интеллигентен, в малую дозу спрессовано много. Уникальный случай – 6 мин. по ЦТ. С Д. Граниным. Какие-то колебания [насчет приезда в Пензу]. Сказал, чтобы летел.

5 апреля. […]. Готовился к больнице. Не знаю, как пойдут дела, но Инюшкин уже уехал в Москву готовить повторное издание книги «Отчизна в сердце нашем». Мне же пора садиться за работу и готовить более обстоятельный материал для книги «Город-крепость Пенза». Если здоровье позволит, хорошо бы преодолеть вторую главу. Она – самая сложная.

7 апреля. Сегодня Благовещенье, большой праздник народа. А я попал в больницу. Смотрю из окна на низкие домики старой Пензы. Чем там люди живут? Сколько еще хранят памяти? Купол Мироносицкой церкви. У ее основания – мои

прадеды Владыкины. Прадед родился, когда прапрадед работал пономарем (?). Всё близкое, родное, ему отдаю душу.

[…] Из посетителей – Караулов из «Огонька», пришел посмотреть на «легенду» (т.е. на меня?). Звонила М.А. Валентей по выступлению. Понравилось. Говорил с В.П. Енишерловым. Хочет писать о моей книге. Предлагал в «Правду», но там смущены, что уже [было] в «Советской культуре». Говорит, что по «Орбите» мое выступление дали полностью. Н. Инюшкин: в «Плакате» всё проходит. Дал согласие делать обложку по его усмотрению. Письмо от Е. Носова из Курска. Интересное. […].

8 апреля. […]. Интересно показали пребывание М.С. Горбачева в Тольятти. Опять остановка у проходной завода, беседа в цехе, на улице. В некоторых кадрах мелькает Р.М. [Горбачева]. Потом даже не торжественное заседание, а скорее, встреча с активом города. Критические выступления, речь М.С. Горбачева почти на 2 часа (утомил, но – «не часто встречаюсь»!). Повтор идей, которые высказаны на XXVII съезде, опять как рубеж – апрельский (1985 г.) пленум ЦК. Всё начинается с него. Особый нажим на ускорение (хотя не очень ясно, куда бежать) и социальные вопросы. Наивность, что [в городе] один кинотеатр. Сами же запрещаем строить, не выделяем денег. А виноваты теперь Муравьев и город.

13 апреля. Вчера смотрел по Шукшину фильм «Позови в даль меня светлую». Отличный фильм. И впервые свой скепсис по отношению к творчеству Шукшина сменил на понимание простой истины: всё, о чем пишет В. Шукшин, это правда, сама жизнь. Какой бы суровой она ни казалась. Ему противны кабинетные выдумки вроде ананьевских «Годов без войны», бондаревской «Игры» и т.п. Шукшин – сама жизнь, ее глубочайшая правда. […].

27 апреля. […]. Больница есть больница. Даже как-то одичал, устал от народа, никого не хочется видеть, разговаривать. Был Сидоркин. Парень хороший, но у меня почему-то желание – скорее бы ушел. Смотрел по TV беседу Ю. Бондарева по «Игре». Я был на ней. Конечно, он не мыслитель и не интеллигент в крупном понимании этого слова. Набил руку, писать умеет, но зря замахивается на роль Льва Толстого. Никаких близких данных. Мышление очень среднее, мало неординарного. Злит его косноязычие – дважды повторять одно и то же слово. Это мысль отстает от слова: раз думает – два говорит. Дважды я промелькнул на экране. Вечером появилась Вера и сказала, что сегодня в 8 утра умер Виктор Бельденков. Целая эпоха в сельском хозяйстве. Помню его по Ижморе, знаю по Панкратовке. Много сделал. Потеря неприятная. […].

29 апреля. […]. Позвонил А. Ковлягину, поздравил его. Что-то много льстит. Говорит, что выступление по телевидению смотрели в приемной Разумовского и все в восторге. Кто знает, кто знает?.. Говорил с В. Енишерловым. Уже утвержден новый, выходящий в две недели раз телецикл «Памятники Отечества». Утверждено, что первый выпуск будет посвящен Пензе. Уже есть одобренный сценарий, по которому в июне-июле будет сниматься фильм для ЦТ. Мне опять предстоит что-то говорить. Что? Не замотают ли меня популярностью? Ревность уже возникла. Говорил с Босенко. Благодарность Лигачева передана «Плакату» через Слезко. Завтра прилетает фотограф, поснимает, и книгу пускают в производство. […].

30 апреля. […]. Утром Лебедев принес свою книгу «Легенда или быль...» (неудачное название) о засечных чертах с очень теплой надписью. Немного поговорили о второй главе. Она трудно идет. Надо от деталей отказываться, идти на общее. Область [в историческом прошлом] – «проходной двор». Тут, кажется, гвоздь всего. Разобрал книги и растащил все по местам, но нет места. Уже все хитрости исчерпаны, надо архивы отправлять в подвал. […].

3 мая. Утром прошел дождь и весь день очень холодный, мрачный. Вечером ветер, но дождя нет и на мороз нет пока намека. Холод сейчас лучше жары. Разбудил Ю. Лаптев из облздрава. Ночью обширный инфаркт у первого секретаря Городищенского РК КПСС Е. Бунтина. Ему еще нет 50-ти. Дописали, докритиковали: «Плохо перестраиваемся»! Послали реанимобиль, но он [Бунтин] даже не транспортабелен. Хватануло здорово. Такова судьба партийных работников.

Весь день практически ничего не делал. Как-то не хочется нарушать обычай предков работать накануне Пасхи или в саму Пасху. На Руси во все времена Пасха была праздником праздников. Это – воскрешение Христа, а вместе с тем и рождение жизни, расцвет всех живых сил в природе. Днем спал, а потом с удовольствием посмотрел фильм «Москва слезам не верит». Давнишний, но мне он понравился своей неумудренностью, какой-то открытостью человеческих характеров. […].

Завтра Пасха. Гуляет всё государство четыре дня, и у правительства не хватило решимости перенести воскресенье на отпуск. Как контрмера в 23.45 – концерт группы из итальянского города Сан-Ремо с участием Аллы Пугачевой. Если бы меня спросили откровенно, куда идти молодежи, на этот концерт или на крестный пасхальный ход, не задумываясь, отдал бы предпочтение церкви. Она сеет в душе человека добро, скромность, порядочность. Это же западное дерганье с миганием и дымом развращает души, зовет в никуда, ничего эстетического не дает молодежи. Уровень поразительно дешевый и низкий.

4 мая. […]. Чем старше становишься, тем тяжелее груз предков, никак не могу (гены помнят!) забыть, что мое исходное – соединение трудового и духовного начал. По линии отца – все крестьяне, по линии матери – псаломщики, пономари, священники. Может от них у меня и тяга к духовности. Как-то я не воспринял отцовские черты – любовь к земле, труду физическому. С этим порвал, вероятно, отец, став писарем, а потом секретарем снльского совета. Тут – наследственность.([…].

5 мая. […]. Чернобыльская АЭС. Советуют и у нас замерить дозы облучения. Полыхнули на всю Европу, если не на весь мир. Видно, хлопок и выброс был приличный. Северо-западный ветер может донести и до нас. С дождем выпадает эта радиационная пыль. Одна станция – хлопот всей Европе! […].

6 мая. Если вчера погода пугала холодом и дождем, то сегодня метель, а вечером на крышах и на лапах елей остался снег. Кошмар какой-то: снег после Пасхи. Темно с Чернобыльской АЭС. Хватануло там здорово и, вероятно, много. Только к нам на всё лето присылают в пионерские лагеря 10 тыс. школьников. Представляю себе, сколько же зацепило, накрыло. И не только на Украине, но и в Белоруссии, Польше, Венгрии, Румынии, скандинавских странах. В Токио принято специальное, кажется, заявление. Нас обвиняют, что авария случилась в пятницу, а сообщили только в понедельник, хотя есть какая-то конвенция.

[…]. Е. Попов по делам музыкального училища, и реставрации на пятилетку. Вычеркнул наровчатскую тюрьму. Она и в советское время «неплохо работала», особенно в 1937-38 гг. Надо ли? Покровскую церковь хоть одну надо восстановить и привести в порядок древнюю часть. Для примера городу. […].

13 мая. Потеплело, мороз в ночь не состоялся. Вера замоталась со своими цветами. То на балкон, то с балкона. Весна такая.

Сейчас и не вспомню, чем занимался день. Торчит в башке вопрос с этой анонимкой и грязью, в которой замешаны и Лысов, и Ковлягин (в нем у меня нет сомнения), потихоньку начинаю побаиваться, как бы не свихнуться и не поплыть [заболеть]. И такое может случиться. Склероз есть, стресс тоже. Наложится одно на другое, вот и пошел не в ту сторону. Надо как-то себя ограничивать, заниматься другими делами. Иначе – беда. […]. Хотелось бы найти машинку [на которой отпечатана анонимка], чтобы точнее определить круг участников, расколоть его. […]. Сколько же гадости, злости, подлости в людях, даже имеющих партийный билет. Страшно за партию. Как так можно? Не о такой партии мечтал В.И. Ленин.

17 мая. Тяжело засыпал и еще тяжелее просыпаюсь. Буйствует уже не весна, а лето. Даже на каштанах выскочили белые свечки, сирень в цвету. Жарко. Дозво-

нился до министра здравоохранения РСФСР и условились, что Иванова Е.П. будут представлять к званию народного врача СССР, первого в области. Это надо для подъема авторитета медицины. Сомнения снялись, сегодня подпишет представление. Сделал доброе.

Бюро обкома КПСС. […]. О шуме на Никольском хрустальном заводе. Пересмотр норм – и уже забастовка в 4-м цехе: отказались выйти на работу. «Демократия» срабатывает, первые ласточки. 200 человек не работали 1,5 дня. ЧП, событие. Завтра Федор – в Москву. Говорил с Андреевым. Копает по Лысову: взносы, как его спасали Елшанский и Куплинский.

18 мая. Долго не поднимался, и не потому, что хочу спать, а потому, что не хочу вставать. Действует в ответ на требование ускорения душевное опустошение от той мерзости, с которой пришлось столкнуться и за которой стоят люди с партийными билетами в кармане, но с пустой совестью, отсутствием элементарных понятий о чести, достоинстве, благородстве. Это не только не коммунисты, но уже и не люди в обычном понимании этого слова. Скорее, призраки каких-то чудовищ. […].

24 мая. К 9.00 в особняк на ул. Лермонтова. Солнечная, яркая погода. Видно, антициклон встал надолго, и хлеба нам опять не видать. А без хлеба беда. Завтрак с А.А. Беляевым [главным редактором газеты «Культура»]. На него огромное впечатление произвел вчерашний разговор в театральной гостиной. Живет, загорелся. Давно не видал живых людей с живыми мыслями. В ДПП начали совещание в 10.00. […]. После актива – обед, потом по тропе здоровья и беседа с 76-летним ветераном в доме Ключевского. Ломать дом нельзя, а что делать – неясно. […].

25 мая. […]. Не сегодня так завтра надо уходить на пенсию. Нет, пожалуй, кроме Ф. Лощенкова, ни одного первого и второго секретарей обкомов КПСС, которые сидели бы на одном месте 25 лет. Это уже рекорд продолжительности, редкий в партийной практике и внешне трудно объяснимый […]. Михаил прав, что новое руководство постарается выдвинуть тех, кто лишен скепсиса, а будет беззаветно и безоглядно служить ему, открыв рот от восхищения и удивления «результативностью» перестройки и ускорения. От нас, много повидавших, ждать восторга трудно. Скорее нас превратят в оппозицию, реакционеров, консерваторов, которые боятся перестройки, хотят жить по-старому и т.п. Такой поворот назревает, он неизбежен. Придется же на кого-то валить неизбежные провалы. А они заложены в той суете и спешке, которая проявляется при разработке стратегии.

Агропром – плод непродуманности, а это, собственно, самая знаемая часть епархии. Все идет от самонадеянности [Горбачева]. […].

26 мая. В 9.00 – планерка. […]. Федор пересказал выступление-беседу с М.С. Горб. [Горбачевым]. Ничего нового. Опять технический прогресс. Пугает: кто не сделает [выводов], может себя считать свободным от должности. Разразился по поводу Льва, что он «главная пробка перестройки агропрома», запутал председателя СМ РСФСР, т.е. Воротникова. Его (Льва) готовят на Политбюро ЦК по перестройке. Перспектива неважная. Самоуверен. О засухе [заговорили], а у него ни одна мышца не дрогнула и вопрос не возник. «Надо – и всё». […].

Говорил с Шиляевым. Считают, что надо идти на пенсию. Составляют к пленуму ЦК списки тех, кому за 60. Речь идет обо мне, Сверкалове из Ульяновска, Калинине из Куйбышева. Мы все долго проработали. Ждали 60-летия. Претензий нет, но надо давать дорогу молодежи. Думают [продвигать на пост первого секретаря] Лагуткина, на идеологию, видно, Марью [Лазутову]. Я спокойно воспринял, сказал, что пойду в отпуск и подумаю. Рано – дома. Начали просчитывать варианты. Самый у нас оптимист Михаил. Показал себя мужественным и выдержанным. С его помощью наметили ход. Без работы будет трудно. Надо выбрать близкую по душе. Намекнул – есть должность уполномоченного Комитета по делам религии. Интересно! Близко, материально нормально, а главное – перейду из одной в другую идеологию. Мои прадеды всю жизнь отдали служению религии, я же совесть свою очищу перед ними, отдав последние годы делам религии. Есть что-то символическое и согревающее.

27 мая. Решение созрело. Надо уходить и не надо делать попыток задержаться. Ну, год-два, а там опять надо принимать такое же решение. От времени и возраста не уйдешь. Да и грех жаловаться. Дожил до 60-ти, 25 лет второй секретарь обкома КПСС (вероятно, рекорд в партии!), делегат 6-ти съездов партии, депутат 6-ти созывов Верховного Совета РСФСР. Что еще одному человеку надо? Стаж 45 лет. Хватит. Да и, откровенно, ни сил на перестройку нет, да и в душе я ее не приемлю, т.к. не могу понять, *что* и, главное, *как* хотят перестраивать. Авантюризм чистой воды, с громкими фразами и показухой, рисованием перед народом, заигрывание. Готовят решение по критике и самокритике, потом по гласности, а удар нанесут пленумом по кадрам. Всё смешается, и дышать сейчас трудно, а дальше будет невозможно. Обидно за две вещи. А может, это тоже «расплата»? Начать с веры в одни идеалы, разуверится в них, и переходить в иную веру… Всё-таки в христианстве больше душевности, честности и порядочности. Особенность христианства состоит в том, что оно обращено не к показателям экономики (хотя и не оторвано: когда засуха – служили молебен в поле), а к душе человека, к самому человеку. Марксизм утонул и потерял себя в погоне за экономическими категория-

ми. Хамство по отношению к кадрам. То, что сделали, можно было сделать благороднее, мягче, заботливее, просто – человечнее. У нас в ЦК дремучий аппарат, закосневший в бюрократизме, «чегоизвольщине» и т.п. Каждый думает о себе, держится за свой стул. На идеи и идеалы ему наплевать, лишь бы угодить начальству. Нет, это стиль страшный, не имеющий отношения к человеческим нормам. Я сознательно не называю другие нормы, ибо все на низах ссылаются, а хамство, как процветало, так и процветает. Видно, оно заложено в самих нормах. Горько.

29 мая. Утром ничего, а днем опять хреново. Как-то не по себе. Прочитал передовую «Правды» с громким названием «О партийной совести». Опять обличения «верхушки» уже от имени беспартийного рабочего за, что «верхушка» не хочет перестраиваться, не принимает новых идей, выдвинутых XXVII съездом КПСС. Один и тот же лейтмотив и всё настойчивее звучит, всё тревожнее. Одобряется опыт Московской городской, какой-то Ульяновской организаций по наведению порядка. Значит, интервью Колбина в «Известии» было «правильным»! Сшиб секретаря обкома КПСС по селу за чужие грехи ради своей карьеры – и «прав», он – «совесть партии»! Ни хрена себе! Дело идет в направлении избиения кадров. Хочется, вероятно, иметь молодых, открывающих рот при любом слове и воспринимающих любой призыв как истину в высшей инстанции.

Весь день в тяжелых и безысходных раздумьях, и не могу понять. Что же меня так тяготит, какой страх сел в душу, хоть сегодня пиши заявление о пенсии. Позвонил П.Я. Слезко. Сказал, что он удивлен, не слышал. Говорит, что принимает как информацию к раздумью. Советует не горячиться. Яковлев за городом, ему пока с ним не удастся посоветоваться. Условились созвониться в понедельник. Сказал о желании пойти уполномоченным Комитета по делам религии. Он говорит, что возражений нет и не будет. Говорил с В. Харазовым. Мысль о необходимости ухода поддерживает. Считает, что за один-два года много перебьют кадров. […].

30 мая. Принял много успокоительных, а потом и снотворных, но спать так и не смог. Прозрение, которым я обязан мудрости Веры и мужеству Михаила, его способности быть хорошим собеседником. Как-то так получается, и это очень хорошо, что в трудные минуты семья идет единым фронтом. Я как-то обалдел, вроде меня оглушили, и перестал мыслить. Пришел домой – мысль заработала. Лег, а не спится. Взял бумагу и до 5.30 утра писал проект письма на имя генсека. Направление есть, но надо взвешивать каждую фразу. Делать его емким, но не многословным. Не заметил, как наступило утро. Лег, уснул, а около 9-ти проснулся. На работу опоздал. Да и Федя молчит, перестал общаться, даже рассматривая мои вопросы.

Голова гудит, мысли мечутся. Дозвонился до П.Я. Слезко, поблагодарил за вчерашнее тепло, рассказал о некоторых деталях, своих наблюдениях. Вопросы зависти, потока анонимок, возможной провокации и т.п. Он отнесся внимательно, пытался при мне позвонить Золотареву в орготдел ЦК, но его нет. Властно сказал, чтобы он ему позвонил, хотел бы задать ряд вопросов. Успокоил меня, сказал, что больше суетиться не надо, спокойно отдыхать, а когда приеду на сессию, зайти. […].

11 июня. […]. В основе любого учения должен стоять человек, его душевный покой, устроенность. Конечно, распределить это поровну нельзя. Кажется, что стремление к равенству одно из величайших заблуждений человечества. На этом стремлении так много было и будет спекуляций, строится теорий, создаваться партий, которые, выдвинув правильный лозунг, победив, используют преимущества в свою личную пользу. Равенство – для победившей верхушки, а не для всех. Вот, где проблема.

13 июня. День снова пустой. Как-то тревожно на душе: Федор мотается по ЦК КПСС, ходит по кабинетам и решает судьбу. Посмотрим, чем это закончится. Интересная мысль: многое, что мною сделано в Пензе, внешне кажется результатом творческого поиска, фантазии, увлеченности, а на самом деле – от скуки, желания проявить свои способности в чем-то реальном, конкретном, выделиться из серости окружения. Удача состоит в том, что всё выдуманное и сделанное оказалось неожиданным не только для Пензы, но и для развития советской культуры, для страны. Отсюда интерес прессы и зависть серости. Инициатива, как ни крути, наказуема. Нет пророков в своем отечестве. Хотя когда-нибудь вспомнят как просветителя и преобразователя культуры Пензенского края. Но это позже.

Важно конечно, что изданы две книги, которые останутся в фондах библиотек, да и в поисках новых поколений краеведов пригодятся. Думаю, что такое новое поколение уже растет, оно очень скоро должно громко заявить о себе, заполнив разрыв в 20 лет между книгами С. Петрова и моими публикациями. Правда, пока не удается преодолеть душевную пустоту и лень, настроится на настоящую работу, вжиться в материал. Знаю, что надо писать во что бы то ни стало и вопреки любым обстоятельствам. От человека самое дорогое, что остается в памяти потомков, это книги. Самая великая ценность для будущих поколений – это книги и памятники, музеи и обелиски. Душа моя спокойна. Я много сделал, чтобы возвеличить Пензенский край, создать чувство уважения к нему во всей стране. Потеряв власть, я потеряю возможность преумножать. Но думаю, что и сделанного хватит для того, чтобы потомки добрым словом когда-нибудь и где-нибудь вспомнили меня, а

больше человеку, пожалуй, и не надо. Лишь бы не бесцельно прошли годы, отведенные тебе судьбой.

17 июня. [На отдыхе в Кузнецком районе]. Продолжал работать над книгой. Немного распутываю узлы, кажется, более или менее убедительно раскрыл проблему буртас. Сейчас материал выстраивается и выглядит более убедительным. Завтра, может, удастся пойти к мордве. Потом рассказ о татарском окружении после монгольского ига. Он кажется самым сложным во всей книге. Это и новый материал, да и нигде в краеведении серьезно не опробованный. […].

23 июня. […]. Весь день в дожде, хмари и без электричества. И дел, и мыслей никаких. […]. Ф. Лощенкова забрали в Москву. По стажу – я рядом с ним. Трудно сказать, как дальше сложится, но уходить надо. Видно, на каком-то этапе подзудили Федора, он нашел общий язык с Ковлягиным. Рисковать в таких случаях опасно.

25 июня. […]. И не работается, и не думается, какое-то состояние прострации и равнодушия ко всему. Мало веры, что Слезко поможет. Думаю, что всех здравомыслящих уберут, оставят арапов и авантюристов, на которых потом свалят «грехи пятилетки». Не пророк, но что она не получится, кажется, не вызывает сомнения. На TW уже сняли надоевшую рубрику «Стратегия – ускорение». Показывают всё что попало, но подводят под нее. На деле же пока только разговоры. Звучат постоянно и настойчиво, что страна переживает исторический этап и т.д. и т.п. В беседе с каким-то немцем из ФРГ [Горбачев?] заявил, что «советское общество всемерно раскручивает маховик социалистического развития».

На съезде писателей из моих знакомых выступали Бондарев и Гранин. Может, и хорошо, что не втянул последнего в мою историю. Высокая трибуна, и трудно угадать последствия. Сейчас же путь прост – на пенсию. Иначе «маховик» ненароком может ударить и по башке при больших оборотах. Дело рискованное. От слов они не откажутся, а виноватых искать будут. Где искать? Среди тех, кто засиделся на одном месте, «привык к недостаткам», «сжился с ними». А как же иначе? До молодых доберутся потом. Начнут со стариков.

7 июля. […]. С А. Беляевым. Слухи дошли. Относится [Лигачев] положительно [о переводе Мясникова в Советский фонд культуры], одно условие: только Р.М. [Горбачеву] – председателем, иначе – нет! Проводил Д. Кугульдинова и В. Соколова. По TW крупно – встреча Миттерана, президента Франции. Впервые и Р.М. Горбачева знакомила с достопримечательностями Кремля. Смотрится хорошо. Красное платье. Знамя, которое можно поднять во имя русской культуры и что-то сделать доброе и полезное. Запрос из ЦК о статье Д. Лихачева. Машина работает.

12 июля. Погода вернулась на антициклонное исходное: солнце, тепло, но не жарит. О хлебе говорить поздно. Может, выручат кукуруза и сахарная свекла. Поднялся поздно. Позвонил в обком КПСС. Федора еще нет. Обещал быть в 11. Что-то затаился, прячется. Думаю, что беседы со Львом ему идут во вред. Тот не мог по-своему не прокомментировать мою историю и, скорее всего, обвинил Федора в нерешительности, отсутствии настойчивости и т.п. Может, я расстроил своим вторжением какую-либо комбинацию «Федор – Лев – Ковлягин». Думаю, что пара «Лев – Ковлягин» взаимодействует активно. Лев был бы рад, если бы в Пензе появился Ковлягин. Еще один его приемник. Но что-то там произошло. У меня позиция неопределенности: как Бог решит, так и будет. […].

14 июля. Федор что-то третий день молчит. Видно, накачал его Лева, да и orготдел не в большом восторге от такого поворота событий с отчислением меня на пенсию. Спланировано всё уже давно (не наградили!), считали, что решили, а тут оборвалось и опасно лезть в драку с Яковлевым, набирающим всё большую силу и влияние в аппарате ЦК, руководстве. Возник тупик, который волнует не только меня, но и тех, кто затеял и спланировал эту акцию. Завез Веру в больницу и в обком. Планерка у Федора. Доклады отделов. Загорелся идеей соцкультбыта. Кто-то уже, вероятно, подсказал, что было дано поручение. Я сделал замечание, что отделам надо знать, а райкомам не быть иждивенцами. Федор что-то мне на «вы» и по имени отчеству. Видно, знает, о чем идет речь в ЦК. Сменил тональность обращения.

Спор вокруг газеты [об острой публикации в «Пензенской правде»]. Подзудил Лагуткин [против редактора М.В. Шарова], потом отделы. Забывают, что скоро будет решение о критике и самокритике. Я возразил, сказав, что, видно, наши работники не читают центральных газет. Крутил Федор – Шарову: жалуйтесь на меня в Москву! А сам пожалуется? Опасный сейчас поворот событий. Потом прочел статью [в «Пензенской правде»]: типичное невосприятие нового. Придется сказать об этом. Это уже зажим критики. Их надо не отрицать, а обсуждать на бюро обкома КПСС. Иного теперь пути нет. Отрезано. […].

16 июля. […]. Скандал с газетой по информации. Но очень резкая передовая статья [в «Пензенской правде»] об отношении к критическим замечаниям газеты. Вопрос завязывается. Я официально написал записку Федору (надо обкладываться бумагами), что передовая правильная и ее необходимо обсудить на бюро обкома КПСС. Потом опубликовать в газете результаты обсуждения. Иного пути нет. Федор будет злиться, но деваться ему некуда – документ есть. Влез в глупый раз-

говор на планерке, теперь пусть сам выкручивается. Нельзя постоянно или делать чужими руками, или спускать на тормозах. […].

С О. Ивановым. Какое-то движение идет. Сформирован оргкомитет по созыву съезда, Воронов бегал «наверх» (к Яковлеву) – меня в оргкомитет [по созданию Фонда культуры] вписали. И пока всё. Тишина.

17 июля. Эти дни – переговоры с журналистской братией и поддерживаемым ими экспериментатором в педагогике Щетининым, который просится в область. Хочет взять сельскую школу и довести эксперимент до конца без помех. Я сторонник экспериментов и поисков. Вреда они не дадут, а шум будет – область только выиграет. Дал согласие на его приезд. Предварительно договорились о Саловской школе в Ардымском объединении. Хорошее сочетание хозяйства, школьного эксперимента и умного Выдрина. […]. По телефону с Федором о газете. Он согласен. [Я] дважды говорил с Шаровым и морально его поддержал. Парень повесил голову, а события дуют в его паруса. Сказал, чтобы жил не сиюминутными настроениями, а перспективой. Это – главное в деле. Надо стремиться не только угадать перспективу, но и определить суть события. Мне это часто удавалось. […].

20 июля. Проснулся. Настроение откровенно хреновое – опять саднит горло. Становится просто страшно жить – без голоса нет общественного работника, а у меня за два месяца четвертый отказ голосовых связок […]. Вера потянула на садовый участок. Забрали Машу и поехали. Глотал вишню в надежде живыми витаминами удушить болезнь. Не получилось. Хуже и хуже к вечеру. Когда вернулись домой, надышавшись свежего воздуха, голос сел совсем. […].

21 июля. […]. В 14.00 – В. Толкунова. Разговор ни о чем. Да и говорить у меня нет сил. Подарил ей книжку «Отчизна…». После – педагог-экспериментатор Щетинин. 41 год, пединститут – заочно, много мотался. Боюсь, что это Глазунов в педагогике. Многовато внутренней саморекламы. О Сухомлинском я сказал, что он был хорошим писателем, составителем мудрых афоризмов. Что из себя представляет Щетинин, не знаю. Но самоуверен. Может, фанат, а скорее, работает на идею, добывая славу себе и подбрасывая темы журналистам. Передал его Гуркину и Лазутовой. Пусть разбираются. Уехал к Ерошину. Оба мы огорчены, но путь один – лечить. Опять заливки, электрофорез и т.п.

25 июля. […]. Говорил с О. Ивановым – зав. сектором ЦК. Утверждает, что состав оргкомитета отправлен наверх на голосование. Там и моя фамилия, и фамилия Р.М., которая меня так интересует. Молчание, вероятно, объясняется тем, что она капризничала. Вера считает, что она хотела сразу стать министром культуры.

Может, и так. Сегодня или завтра должен быть указ о назначении министра культуры СССР. Если так, то она идет на Фонд, и всё встает на свои места. […].

29 июля. Вчера утром и днем не спал, но вечером душно и без снотворного так и не удается уснуть. Долго мучился. Читал дневники М. Пришвина. Наивен на первом этапе своего развития. Какое-то созерцательное, не воплощенное в человеческих страстях, отношение к жизни. Он природный идеалист. И это сказывается на его произведениях – он отличный пейзажист. Правда, станет старше, появятся мудрость и зоркость. Меня потрясло сказанное им почти перед смертью: «Быть русским, любить Россию – это духовное состояние». Для меня – это путеводная звезда в жизни, хотя осознал это довольно поздно. Всё, что делал в Пензе, делал во славу России! […].

4 августа. […]. В 16.00 был Рощупкин, генеральный «Пензтекмаша». Открыл душу. Сложно всё, да и сам он человек сложный. Захаров из КГБ СССР. Приехал проводить актив. Немного поговорили, но нет проблем. У него своя линия. Пришел Б. Семенов. Решил позвонить В.П. Никонову, секретарю ЦК. Вышли из одной приемной Г.И. Воронова в сентябре 1961 г. – я в Пензе, он – секретарь ЦК. Разговор с ним [Никоновым]. «Почему Дорошенко так хамски разговаривает? Облаял меня, Капустяна. Порол о каких-то прокладках». – «Может, он глуховат?» – «Дураковат он у вас, но мы его научим разговаривать с работниками ЦК КПСС». О хлебе не сказал. «Буду у Генерального, тогда скажу». По стране пестрая картина. Ждали на востоке, а там июль перехватил. Обстановка сложная. По хлебу будем говорить, но пока не жать. Надо посмотреть.

8 августа. […]. Прибежал Н. Лагуткин. Утром А. Лапину звонил помощник Льва и объявил, что он будет во вторник вечером. Интересное дело: [у Ермина] есть телефоны, связь, а разговаривает с нами через помощников. Правда, у него был Дорошенко, Власов, он по телефону говорил с Федором. Что-то барское, неуважительное в этом жесте. Виноват Федор. Нельзя так. Вообще этот приезд непонятен и необъясним: жаркая пора уборки, а мы 600 человек свезем в Н. Ломов для встречи с председателем Госагропрома РСФСР. Нонсенс! Как быть с программой? Я сказал, что пусть занимается облисполком и Дорошенко. Это их начальник едет! С Федором. [Высказал ему] своё удивление, но не тот характер: «Как же я скажу, чтобы не ехал?» Попросил и меня его встретить, иначе – неуважение. Посмотрим. Встретить я встречу, но едва ли буду мотаться по районам. […].

13 августа. […]. С Ю. Бондаревым по телефону. Всякие слухи ходят. Был у А.Н. Яковлева, говорил обо мне. Тот сказал, что знает, много слышал. Но молчат,

паразиты! Залыгина – на «Новый мир», Бакланова – на «Знамя». Не очень понимают писатели такой выбор.

[…]. Смотрел по TW «12-й этаж». Разухабистая передача. Хватили и Пензу за бюрократизм и волынку с МЖК. […].

17 августа. Вчера телевидение развязало часть узла, объявив указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении министром культуры СССР В.Г. Захарова. Конечно, не очень понятно, по какому принципу выбираются кадры. Он далек от культуры, ничем себя не проявил, а по характеру – типичная писклявая баба. Может, на 2-3 года, а потом послом на Кубу, чтобы освободить место Р.М.? Мне важно, что Р.М. не стала министром, а это значит – она будет председателем правления Фонда, т.е. всё идет так, как было намечено. Гнетет лишь неопределенность. Все молчат и посоветоваться не с кем. Хорошие слова у М.М. Пришвина. когда ему сложно было: «Да будет воля Твоя». Это самое верное, самое надежное. Угадать ничего нельзя. […].

23 августа. […]. К 10.00 – в ДПП на пленум обкома ВЛКСМ. Сегодня смена первых секретарей ОК ВЛКСМ. Фионова взяли в орготдел замзавом, а избрали нового – Лидина. Приятное впечатление, парень из Башмаково, с острыми глазами, есть у него и жизненный опыт. Сделал хороший, острый доклад. Интересные, острые выступления комсомольцев. [Я] заключал минут 30-35. Слушали хорошо, но говорил какие-то прописные истины. Главное, голос выдержал, а мысли были уже далеко от этого пленума. […].

24 августа. […]. Нервы в связи с возникшей неопределенностью напряжены до предела. Конечно, проще простого, как это получилось у Ерзунова, подать на пенсию и сидеть в тихом уголке. Но жизнь и какая-то Всевышняя сила дала испытание с предложением на Фонд культуры. Предложение было внесено, а сейчас всё затихло. Если быть искренним, конечно, хотелось бы уехать из Пензы на белом коне, не дать «кругу замкнуться». Это дело престижа, да и Мише с Егором будет туго в городе, где я господствовал почти безраздельно 25 лет. Есть добрые, но много злорадствующих. Тебе не могли отомстить – отыграются на ребятах, когда потеряешь силу или уйдешь совсем. В своем отечестве пророков не бывает. Живой и жуткий пример – Сталин. Чего о нас, простых смертных, толковать! Но отъезд возможен в случае, если предложат хороший пост и соответствующий быт. Менять кукушку на ястреба едва ли стоит. […].

26 августа. […]. Полдня потратил на доводку статьи. Как мне представляется, все-таки получилась и самое главное, пожалуй, это первый в пензенском краеве-

дении более или менее оптимальный вариант. Созвонился с Е.Н. Кушевой. Получил ее согласие на цитирование письма. Оно мне очень важно. Был Полубояров. Объяснил смысл, а потом дал ему 35 минут на прочтение. Считает, что ее надо немедленно печатать. Условились уже с участием М. Шарова, что дадим в 3-х номерах – в пятницу, субботу и воскресенье 30, 31 августа и 1 сентября. Как раз ко Дню знаний. Интересно, какой будет отклик на этот революционный шаг в краеведении? […].

29 августа. Поднялся около восьми, весь изъеденный остервенелыми аратскими комарами. Двух прибил на стене, а один так упился, что не смог подняться с простыни. Отдал в утюжку брюки, позавтракал и пешком в Министерство культуры СССР. Благо, рядом. Все пришли очень поздно. Только Шибанов, зам. министра, попался. А так многих знакомых приветствовал кивком прямо на заседании. Сели за стол. Слева Фалин, справа – Карпов, Верченко и Г. Марков. Бондарев где-то слева. Вместе с Демичевым Воронов, Туманова, Слезко, Захаров. Очень блекло – Демичев. Тихо, с бумажки, без какого-либо интереса. Давно он пропал. Захаров доложил о проекте. Угрюмов – о созыве собрания в конце декабря. Перебросились с Фалиным. О Захарове: думали, как его вытолкнуть из ЦК – послали в МГК, а там тоже решили вытолкнуть – назначили министром культуры СССР.

Прения. Бондарев, готовился. Пижон немного. Замечания по статье, а там это есть. Академики Д.С. Лихачев, Б. Рыбаков, Ваганов из Главархива, Аникушин М.К. Хорошо – Карпов о современности, которая быстро становится историей. Не записываем, не снимаем. В два часа уложились. Поймали, усадили с С. Ямщиковым и Д.С. Лихачевым. Вступление к циклу «Памятники Отечества». Почему-то я первый. Без подготовки. Есть «персональность». Да и у меня не очень самокритично. Спор с Лихачевым. Приятно, что познакомились лично у микрофона.

В ЦК у Слезко. Он настроен бороться [за меня] до конца, хотя не знает, как повернут наверху. Обещал с Е. Кузьм. [Лигачевым поговорить]. […].

30 августа. Проснулся традиционно у Пачелмы. Это какая-то моя особая жизненная точка: двинувшись с нее в 1933 г., никогда не могу проехать спокойно. Тут начало круга, в котором верчусь более 50 лет. Жарко и сухо. Жалко коров, которые, не наклоняя голов (нечего щипать) бродят по давно выгоревшему лугу. Встретили Михаил и Егор. Закир что-то остался в машине. Дома рассказ в деталях о московских напряженных днях. Трудно сказать, чем это кончится, но и Вере, и Михаилу хочется вырваться из Пензы. Вере она опротивела после анонимок. Может, и права: народ [относится] хорошо, пока ты у власти. Да и то вспоминает, когда от

тебя что-то нужно. Вывод делать пока трудно. Важно, что рассматривается. Соотношение определяем как 60 : 40. Если Туманова злится, значит, что-то не проходит. Женская логика. Проходило бы – не показала бы виду. Середина отрабатывает, мнение общественности «за», но один каприз может все повернуть в одно мгновенье. Не от дел, а от каприза всё может зависеть. […].

5 сентября. Вчера встречался с Полубояровым по статье «Велено город строить». Получилось хорошо, но объем большой. Настаивают печатать, открывая рубрику к 325-летию Пензы. Говорил по телефону с Андреевым. Не вызовет ли это шума о размерах и нескромности? Он считает, что надо. Да и я понимаю, что если сам не скажу правду, ее сказать будет в обозримом будущем некому. Только я 10 лет сижу в этом материале, его деталях. Надо, даже под страхом обвинения в нескромности, опубликовать. Пусть будет что будет, истина важнее. […].

6 сентября. […]. Не хочется идти в обком КПСС. В душе всё казалось конченным и понятным. Ждал фразы: «на пенсию». В 10.30 – секретариат и зав. отделами обкома, Дорошенко и др. Федор около часа рассказывал о поручениях Лигачева после Политбюро ЦК по сельским и иным делам. Слушал, но не очень вникал. Состояние невосприимчивости. Остались вдвоем с Федором. И опять новый поворот. Он был у П.Я. Слезко. Тот ему объяснил, что отдел не понял постановки вопроса о пенсии, т.к. считает меня одним из лучших секретарей обкомов по идеологии. Трижды беседовали с секретарем ЦК А.Н. Яковлевым. Он предложил как контрмеру Фонд культуры. Сейчас в этом участвует и новый зав. Ю.А. Скляров. Пошел к Ю.П. Воронову. [Тот сказал]: «Я не уполномачивал З. Туманову делать такие заявления. Кандидатура в числе других серьезно рассматривается, ее активно поддерживает писательская общественность. Окончательно вопрос будет решен, когда А.Н. Яковлев вернется из отпуска. Но, кажется, и у Лигачева этот вопрос обговаривался». Вот так! «Да, министр культуры поддерживает Мясникова». [Был Куликов и] в орготделе у Шиляева, а потом у Золотарева: «А что вы суетитесь? Вопрос же рассматривается! Всё снялось». […].

7 сентября. Вероятно, Федор всё обговорил давно уже на уровне Шиляева, а тому ради кресла (нет резерва) лучше всего избавиться от меня. Вот и суетится. Свою роль могли сыграть Лев и Ковлягин. Это – мои «закадычные друзья». А вертеть настроениями Федора легко. Он поддается любым влияниям. Ринулся, а оказалось, что и орготдел не всесилен. Ссориться с Яковлевым из «команды Горбачева» даже Разумовскому едва ли имеет смысл. Я уж не говорю о замзавах. Своим посещением (это сказал и Слезко, и Воронов) Федор укрепил их доброе мнение

обо мне. Орготдел отцепился. Я, правда, предупредил, что не полезу в омут головой, может, и не приму предложения. Федор спросил: «А как это поймет ЦК?». Посмотрим. Главное ясно: надо уходить. Речь идет о том, как уйти – жалко и робко, как Ерзунов, или на белом коне, с чувством собственного достоинства. […].

9 сентября. Погода светлая, ясная и теплая. В обкоме. Беседа с зам. прокурора Кузнецкого района на прокурора Кондольского. Дремучая неграмотность, умственная лень и никакой интеллигентности. Не помнит деталей процесса, не читает литературы, не бывает в театре, даже автора «Лебединого озера» не знает, хотя смотрел. Что-то мы здорово утратили в районном звене, где на смену дореволюционным интеллигентам пришли наши советские доморощенные обыватели. Сидят у телевизоров и дальше… ни шагу. […].

Закончили печатать «Велено город строить». Есть тревога, что много и нескромно, но с другой стороны, сказал новое веское слово в краеведении – и это главное! Теперь моя совесть чиста. Если даже не успею издать книгу, опубликован основополагающий материал об основании и строительстве города. Без него краеведам будет трудно говорить об истории города. […].

13 сентября. […]. В 11.00 начали совещание секретарей РК КПСС по идеологии. Выступили Асташина, Левков и Лазутова. Лучше всех смотрится и слушается Асташина, хотя у нее t 39. Умная женщина. Заключал о перестройке около 40 минут. Не очень детально, но тревожно обосновал реальную обстановку и задачи, которые «нам!» предстоит решать, в т.ч. по пятилетке. Внутренне довил себя на этом «нам», но ничего не сделаешь, не скажешь же «вам предстоит решать». […].

Приехал домой. Болят кишки. Выпил бульона и лег. Звонок по телефону: просит спецкоммутатор. Помощник [Лигачева] Агапов Виктор Гаврилович: «Вас во вторник приглашает Егор Кузьмич». – «Когда надо быть?» – «Скорее всего, около 6-ти вечера». Условились, что приеду в Москву, позвоню и узнаю точно. И я, и Вера обалдели. Вроде ждали, но все случилось неожиданно. В субботу, напрямую, минуя Яковлева и отделы. Что там замыслили? Почему напрямую и почему звонок в 17.00 в субботу? Сон как рукой сняло. Начали перебирать варианты. Скорее всего, Фонд культуры, но что конкретно? Кто председатель? С чем связан столь высокий вызов? Пока встреча не состоится, сказать трудно, можно лишь гадать. Этим весь вечер и занимались дружно всем семейством (Миша: «Да-а-а!»). Хотел лететь завтра, но решили – в понедельник.

По телефону – с Ц. Кин. Она в восторге от моих статей, написала письмо. С А. Вознесенским. Получил мои книги. Говорили час с Зориным обо мне, [затем] час с Ульяновым и Вознесенским.

18 сентября. Снотворные сработали, спал глубоко и ровно. Проснулся около 7-ми, подремал, совсем поднялся. В Пачелме. […]. Погода ясная, солнечная. Свежей зеленью отдают озимые, грачиным крылом – зябь. Непаханой земли уже мало. Проехали Симанщину. Вспомнили, как в бывший Нечаевский РК КПСС, добирался зимой, останавливая здесь поезд, а потом на лошади ездили в совхоз «Прогресс». Многое изменилось. На [пензенском] вокзале Миша, Закир и Дубровский. Лагуткин и Семенов – инструктор ЦК КПСС по животноводству: проверять. Испытывающие вопросы. Молчу. Дома. Рассказ о московских встречах и беседах. Естественно, что и Вера, и Миша настроены на министра. Посмотрим. Ясно пока одно, что уезжать, вероятно, придется в Москву.

В обкоме. Сразу в столовую. Федор кончил обед, но остался. Сказал ему, что была беседа у Е.К. Лигачева, встретился с А.Н. Яковлевым, Вороновым, Слезко, был в орготделе у Шиляева и Золотарева. Закончилось всё обещанием, что будет решаться вопрос о переводе в Москву. Детали пока непонятны. Есть и Фонд, но и что-то, что надо решать в Политбюро ЦК. Будем ждать, как развернутся события. Срок дали месяц. Не стал передавать детали разговора. Туманова, действительно, не знала, ее не вводили в курс дела. Теперь всё ясно […].

21 сентября. […]. Постоянно размышляем, сопоставляем и взвешиваем фразы, сказанные Лигачевым и Яковлевым. Общее настроение – ехать в Москву. Лучше бы на министерский пост. Но можно и на Фонд культуры. Но первое лучше. Такое впечатление, что вопрос предрешен, отрабатываются в ЦК какие-то детали, связанные с передвижением неизвестно куда Ю. Мелентьева, не знаю, решали ли в четверг на ПБ [Политбюро ЦК КПСС] (не было Воротникова), но вопрос обговорен с М.С. Горбачевым и предрешен на секретариате ЦК КПСС после беседы со мной 17 сентября. Лигачев до секретариата просто сказал: «Будем брать в Москву». Яковлев, получив мнение Лигачева и секретариата ЦК, был более определенен: «На министра культуры РСФСР. Фонд – в запасе». В любом случае надо уезжать и не во имя нас (особенно трудно придется Вере со сборами), а во имя Михаила и Егора. Прокиснут в пензенском окружении. Да и близких там [в Москве] больше. Здесь их не было и нет. […].

23 сентября. Вот и юбилей: 25 лет назад поздним вечером после окончания XI областной партийной конференции я был избран вторым секретарем Пензенского

обкома КПСС. Путь пройден немалый. Это больше, чем половина сознательной части жизни. Можно без преувеличения сказать, что почти вся жизнь отдана Пензе. Не мне судить, как она прошла, но на душе есть чувство исполненного долга перед родиной. Моя совесть чиста перед предками, которым я совсем недавно поклонился на коповской земле, а мысленно представляю их всех, ушедших в небытие. Не потрачено время зря, хотя много отняла сил тяга к застольям, которая захватила почти 20 лет. Наиболее мощными были годы после июля 1980 г. Сил, правда, было уже меньше, но трезвость ума и дел, позволили сделать материальные, духовные и исторические открытия.

[…]. С Е. Примаковым по телефону. С чем поздравлял? С министром. Хорошо настроен, человек светлых мыслей и слов, а также дела. Считает, что он [Горбачев?] решает. У Жени [Примакова] в семье свои проблемы. Сын погиб, внука не отдали, дочь развелась, но осталась внучка. […].

24 сентября. […]. Приглашал Попова Е.С. и Полетаеву, зав. областной библиотекой. Поручил посмотреть дом В.О. Ключевского под библиотеку-читальню его имени. И память увековечим, и дело доброе для города сделаем. Надо хоть какие-то заделы оставить потомкам и приемникам. […].

25 сентября. […]. В 10.30 позвонили, что М.А.Ульянов приехал и у меня в кабинете. Бюро закончилось. Пришел к себе. Сидит за столом заседаний. Одет очень просто, без какого-либо артистического вида. Беседа о культуре области, вообще о сфере культуры. Я всё больше нажимаю, что это не досуг, а воспитание. Он, верно, считает, что идет деформация. На индийские фильмы в Беково идут, на наш (план 20 руб. в день) – нет, и план не выполняется. Где-то испортили вкусы человека. Нет социологии. Зашли к Федору. Разговор примитивный. Нет темы. Вместе завтракали. Лучше всего получился разговор о футболе.

Поехали в Картинную. Понравились музеи. Особенно, естественно, Лентулова, хотя есть хорошая мысль дополнить его окружением – Татлин, Фальк. Собрать всё вместе. В Музее одной картины. Сидел, не шелохнувшись, 40 минут. Говорит, что потрясен, ничего подобного в мире не видел. Сделать бы передвижную и по селам повезти. Это – театр.

В роддоме. Пролили слезы, хотя техника не сработала. Наверное, не дотянули во время ремонта. Попросили его [М. Ульянова] быть крестным отцом [новорожденного]. Он согласился. Обед с Федором и в Музей театра. Народ уже сидит. Сразу начали со встречи. Представил. Откровенный, очень интересный, задушевный разговор о положении в театрах Москвы, реформе. Здорово читал Гоголя – «Мерт-

вые души». Очень эрудированный, думающий человек. О Ленине. «Война и мир». Разрешат ли? Много проблем. Посмотрел Музей театра. Опять восторг. Заехали на чай в обком и на аэродром. Приятное ощущение!

28 сентября. […] Какое-то мучительное состояние неопределенности, ожидания. Кажется, уверен, что решают, но когда и как решат проблему передвижения в Москву? Тут много всяких неясностей. Хорошо, если бы конкретные слова Яковлева А.Н. воплотились в реальное дело. Министр – наиболее престижно. Может что-то не получается, ищут другой вариант. Или, наоборот, найден вариант, который выше того, что обещали. Разработка идет, но когда закончится и как? Л. Кудрявцева, возвратившись с курсов, говорит, что Яковлев произвел впечатление уверенного в себе человека!

Есть пока три точки опоры: Е.К. Лигачев: «Будем брать в Москву. Решим в течение месяца». А.Н. Яковлев: «Берем на министра культуры РСФСР. Вас отпустили?» Ю.П. Воронов: «На Политбюро надо согласовать перемещения». Все об одном и том же, но по-разному. Подозрительно, что вчера Федор затеял разговор о Ковлягине, с которым говорил накануне. Тот собирается в область, а это значит – мое место освобождается. Да еще какая-то фраза об отношении к области. Туман!

Говорил с Д. Граниным. Он только что вернулся из Москвы. Сдал в №1 «Нового мира» повесть «Зубр». Считает, что будет событием. У него был Ю. Бондарев. Говорил, что меня планируют на что-то более высокое, чем Фонд культуры. Сожалеет, но доволен. […].

4 октября. […]. Поехал на аэродром проводить Федора. Он не ожидал. Пока взлетал самолет, условились принять решение о читальне В.О. Ключевского в его доме. Поддержали Щербаков, Сазанов, Алексеев. Надо сделать такой шаг, внести что-то новое в музейное дело. На базе читальни открыть краеведческий клуб, клуб любителей истории России. Интересно!

5 октября. […]. Беседовал с П.Ф. Максяшевым. Условились, что во всех случаях он доведет книгу «Город-крепость» до ума. Я взялся составлять смысловые и фактические схемы построения глав. Нет совсем времени на то, чтобы выписывать каждую фразу. А у него – нет знаний для того, что надо выписывать. Пойдем двойной тягой. Иначе обидно, если не состоится второе издание. Накоплен большой новый материал и важно, чтобы он не остался в моих архивах. Книга должна прозвучать и по-иному, и дать ответ на многие вопросы.

6 октября. Уснул поздно. Хотел днем заняться собиранием материала и чертежей, но пока не загорелся, накапливаю внутреннее вдохновение. Тезисы мне

даются легче, чем полный текст. Думаю, что путь найден верный и надежный. Главное – книга должна выйти. Читал Гумилева. Хоть и эсер, но поэт – «божий дар». Так из него и льется образность. Его с нашими поэтами не спутаешь. Почему-то крутится в голове фраза Ахматовой, точно и образно передающая страдания тех, кого затронули 1937-38 гг.:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Это – настоящая поэзия, полная смысла и образности. Теперь реабилитировали ее мужа Гумилева, расстрелянного в 1921 г. как эсера. Разговор о нем с А.Н. Яковлевым. Посмотрел стихи – талантливые. А сколько лет держали в «запрете»! Разговор с Л. Зориным. Его наградили орденом Дружбы народов. Скандал с премьерой «Цитаты». […].

8 октября. […]. Приняли решение и дали поручение комиссии под председательством А.С. Щербакова рассмотреть вопрос о создании в мемориальном доме В.О. Ключевского библиотеки-читальни с книгами по истории нашей Родины. Власову дал поручение рассмотреть проблему создания в городе салона-магазина по продаже произведений наших художников. Пора это делать на комиссионных началах. […].

10 октября. […]. Звонили из Института истории. Доктор, занимающийся В.О. Ключевским. Условились, что на следующей неделе приедет и окажет помощь. Надо наступать и делать! Нельзя только тянуть. Успеть хоть заложить идею. Разговор с Андреем Вознесенским. Полоса-набат [прославила] меня на всю страну. Он считает, что справедливо. Книги пока не послал, но первый привет передал через газету. «Крепость» понравилась больше. Взаимные благодарности. Пока говорил с А. Вознесенским, прозевал программу TW, показ отлета и прилет в Рейкьявик М.С. Горбачева. Событие важное, оно – на пульсе надежд человечества. Ноша тяжелая.

17 октября. Текущее ПБ с участием М.С. Горбачева вчера было первым после его отпуска и поездки в Рейкьявик. Может, что-либо и решили. Сегодня исполняется ровно месяц, как состоялась беседа с Е.К. Лигачевым и Яковлевым. Забыл вчера добавить, что в «окружении» участвуют и люди близкой «рабочей команды» самого верха – Е. Примаков и В. Фалин. Вроде бы кольцо образовалось плотное, а всё стоит на месте, никакого движения. Цековцы мне характеризовали А.Н. Яковлева как человека, который никогда ничего не забывает, твердо держит данное

слово и умеющего, если возникают на пути препятствия, умело их обходить. Всё – за решение вопроса, а он «молчит». Где-то какое-то звено в задуманной системе передвижек и перемещений, видно, не срабатывает, или просто нет времени на эти перемещения. А может, и то, и другое вместе взятые. […].

19 октября. Отличная погода. Небо голубое, только белые полосы пролетающих самолетов медленно расплываются на большой высоте. А так голубизна до космоса. Поднялся поздно, делать ничего не хочется. Отбили руки от работы, желания читать. Вечерами просматриваю В. Ключевского, готовя себя морально к пониманию его жизни на пензенской земле, в домике на Поповке. Счастья не было. Отец странно погиб рано, а к «маменьке» он как-то относился прохладно, даже не приехал на ее похороны и больше жалел о «бабеньке», чем о ней. Были внебрачные дети. Видно, жила с постояльцами дома. Уехав в 1861 г., он так больше в Пензу и не вернулся, хотя вспоминал в переписке, обмолвился в разговоре с Ф. Буслаевым в университете. Можно как-нибудь попробовать открыть картину жизни В. Ключевского в Пензе по его «Запискам». Мне интересен и Бурлуцкий как автор версии о Старых Черкасах. Интересно, что есть отзыв о нем как историке. Он учил Ключевского [в семинарии]. С Ключевским пересекался окончивший в 1858 г. Пензенскую духовную семинарию Ф. Керенский, отец известного премьера Временного правительства и директор гимназии, в которой учился В.И. Ленин. […].

20 октября. […]. Беседа с доктором наук Р.А. Киреевой о В. Ключевском. Она его яростная поклонница, сделала научную карьеру [на теме жизни и взглядов Ключевского]. Отец [великого историка] пил. Скорее всего, утонул в луже. Мать себя вела недостойно – две внебрачных девочки. Сомнения, что от Европейцева – Ключевский к нему относился уважительно. Матери [внебрачных связей] не мог простить. Я. Бурлуцкого [Киреева] помнит, но биографии не знает. Ф. Керенский – свояк и приятель Ключевского. В Москве от Ключевского ничего не осталось, всё снесли. В России два памятника историкам – Карамзину и Грекову. Музеев нет вообще. Если нам удастся, откроем первый в стране музей историка с читальней. Кто-то хочет завещать нам библиотеку. Надо в Москве познакомиться и встретиться. Есть и живопись интересная. […].

28 октября. В Верховном Совете РСФСР. Общее заседание, потом подкомиссии. Разбились на министерства. Заехал в ЦК КПСС. В коридоре встретил Ю.П. Воронова. Речь идет о первом заме Фонда культуры. Министр РСФСР отпал. Пошли круги, не решились бросить туда.

31 октября. Провел подкомиссию. Зажал Прилепу, министра лесного хозяйства РСФСР. Вечером у Л. Зорина. Общий разговор. Р. Быков с идеей, чтобы меня – на Госкино СССР. Оказывается, они отвергли Ю. Мелентьева, а пострадал я. На хрен они мне нужны? Да я и кино лет десять не смотрел. Заманчиво, что есть кабинет, но иметь дело с этой публикой сложно. Там все гении, а пленки нет. План есть, а делать его нечем. […].

У Бондарева ужин на даче. Рассказал ему все сложности. Считает, что надо браться, хотя трудно сказать, насколько он искренен. Рассказал о беседе у Ю.П. [Воронова?]. Планировали взять в Большой дом [в ЦК КПСС?], видимо, зам. завом, но что-то не получилось. Стоит ли об этом жалеть? Возраст не тот. Ужин московский, хотя звали и ждали. Думаю, что контакт на этом уровне нужен, хотя увлекаться нельзя и потом придется точно соизмерять, кто есть кто.

1 ноября. К 9.00 приехал в ЦК к Ю.П. Воронову. Они кое-как разделались со съездом ВТО, который все-таки переименовали в I съезд деятелей театра, как хотел О. Ефремов. Нет сил, которые противостояли бы интеллигенции. А ее сила не всегда созидательна и гуманистична, ибо часто за внешним стоит простая групповщина, личные пристрастия и эгоизм. Найти и определить точную грань сложно. М. Ульянов стал председателем. Хорошо, что есть с ним контакт.

Разговор у Ю.П. Воронова. В ЦК определено и одобрено на самом верху (Лигачев, Яковлев), что Лихачев станет председателем правления Фонда культуры, я – первым замом, Р.М. [Горбачева] – членом президиума, а остальное надо искать и решать. […].

4 ноября. […]. В орготделе у Ковлягина. Мелькнул Екимов. Это одна компания. Чего-то банкуют. Вероятно, высчитывают будущее. Не показываю вида. Беседа о трудностях становления. Не надо дразнить гусей. Заказал билеты. […]. У В. Кузнецова. Просил передать поздравления А.Н. Яковлеву. Он о моих вопросах знает. Обещал подсказать, переговорить. К празднику может не быть. Относится [Яковлев к Мясникову] тепло и хорошо.

По кремлевке с Е. Примаковым: «Соглашайся!» Билеты на поезд и в гостиницу «Октябрьская». Достал в депутатской. Выехал. Свободного ни одного места. Сумел расположиться вдвоем. Устал. Много своих.

5 ноября. Снотворные сработали так, что проснулся около 9-ти, после Пачелмы. Опять родные, близкие места. Недалеко Коповка и так далеко деды, прадеды, отец, мама и детство, растаявшее в утренней дымке дня длиною в жизнь, которая подошла уже к глубоким сумеркам. Страшно это сознавать, но от реалий никуда не

денешься. Жизнь прожита, а сейчас еще и на крутом переломе. Поздновато, но что делать? В Пензе в 11.20. Встретили Михаил и Закир. Морозец. Дома Егор, окончивший четверть «круглым отличником». Вера – внешне спокойная, но думаю, что внутренне предельно напряженная. Умеет собраться. После переодеваний начали анализ и поиск ответов на вопросы, которые возникли:

1) оставаться в Пензе нельзя по моральным и материальным обстоятельствам. Морально – сложно пережить резкий скачок, а материально – покупать с базара – жизнь станет намного дороже. Надо ехать в Москву!

2) престижно ли то, что предлагают? Скорее всего, да! Почетна миссия заложить основу новой организации, быть одним из ее основателей и создателей. Это уводит в историю культуры, не будет забыто именно той частью народа, для которой память – основа жизни;

3) хватит ли здоровья и сил? Наиболее сложный вопрос. Осталось не так много. Самое главное – определиться и обосноваться в Москве, задать хороший и умный темп организации, а там можно уходить на пенсию. Главное – хорошо, интересно начать, проявить выдумку и т.п.;

4) худший вариант – не хватит сил, не решатся бытовые вопросы, вернуться в Пензу. Но уехал из нее на белом коне. При всех вариантах – это лучше. Тот вариант, который хотели осуществить Федор, Ковлягин и комп., просто «выпроводить» меня на пенсию. Этого удовольствия, кажется, я их лишил. Торжествует дело, а не сговор, не темные замыслы.

16 ноября. [В Пензе]. […]. Постоянные звонки. Не столько поздравляют, сколько сочувствуют. Всё перемешалось. Пенза слилась со мной и не мыслит иного. Правда, друзей не так много. Никто из членов бюро обкома КПСС не звонит […]. Хорошо сказал Н. Инюшкин: не дать ни одному, даже последнему проходимцу, плюнуть и растоптать, не превратиться в пензенскую пенсионную серость. Это – уход на белом коне! Кто-то грустит, кто-то рисуется, кто-то ревнует. […].

18 ноября. Вчера растаяло, а сегодня снова город побелел. Какое-то внутренне чувство не давало вставать рано и идти в обком. Попал туда только после 12-ти дня. Все заняты делом, которое меня теперь совсем не интересует. Вероятно, 25-летний груз однообразия настолько давил на плечи, что первый свободный вздох несет облегчение. Баракин – с поздравлениями и одновременно с сожалением. Так и звучит один мотив: поздравление с сожалением. Может, на мне, действительно, закончится какая-то эпоха в развитии города и области, эпоха подъема культуры, благоустройства, интереса к истории родного края, закрепленные не только в ре-

альных дела, но и описанные в книгах, переданные по телевидению, размноженные во многих журналах, газетах. Пенза из обычного города стала одним из ведущих центров культуры страны. Вышла на правый фланг.

[…]. Лариса Кудрявцева с вопросом: «Неужели в этом кресле я в последний раз вижу вас в качестве секретаря обкома и в нем кто-то будет сидеть другой?» Она уезжает в отпуск. Зашел М.О. Устинов. Звонили Киркиянов, Темногрудова, Ида Стукалова. Рвал бумаги, очищал столы от завалов. Но их не так уж много. Просто не накапливал. Б. Зубков. Признался, что взял у меня требовательность, умение вникать в детали, выступать без бумажки. Распрощались тепло. Не знали, что я в обкоме. Может, молчали другие и поэтому. А.Е. Щербакова попросил дотянуть музей-читальню Ключевского. Нужно, чтобы получилась и такая форма. Звонил Чистякову, Епифанцеву и в Вадинск Анатолию [Котельникову]. Поблагодарил и просил передать привет!

1987 год

1 марта. Первый день весны этого года встречаю в Москве и москвичом. Двадцать пять лет, как один мах, но очень длинный и затяжной. Конечно, Пензе отданы самые лучшие, самые светлые по энергии годы. […].

2 марта. Солнечный морозный день, но уже с запахами весны. В 9.00 – на работе. Собрал аппарат и сказал, что хватит сидеть в ожидании, надо начинать работать. Делать то, что не требует особых согласований. Главное сейчас – инициатива и поиск, смелые решения. Рудницкий что-то фантазирует, но пока не ухватился за реальные дела, а задача – добывать 2–3 тыс. руб. в день. Если не завтра, то через полгода надо себя окупать. К 11.00 – в ЦК у Юдина. Жжет руки записка из 12-ти пунктов. Надо ее закрывать, а как? Самое сложное в нашем деле – согласование. После обсуждений пришли к выводу, который был еще ясен после беседы у А.Н. [Яковлева], – вносить в ПБ по «Дню памяти» и памятнику Г.К. Жукову. Остальное я послал для информации. Думаю, что пробью и эти две бреши.

Вернулся около 2-х часов дня в Фонд. Опять наплыв народа. Из интересных – писатель Юрий Яковлев с письмом ребят из львовской школы, которые продали поделок на 72 руб. и перечислили в Фонд культуры. Позвонил главному редактору «Пионерской правды», условились, что дадим добрый отзыв, а газета расскажет об этих ребятах. Надо найти точный и правильный язык. Дело не в рублях, а в приобщении к общим заботам народа. Интересный парень из Ленинграда, отряд защитников памятников. Надо брать их под опеку. Пугают прокламации-демонстрации, но это – наша забота. Вечером – из Госбанка. Кажется, только москвичи перечислили в Фонд культуры 1 млн. руб. Это уже что-то. Смотрел почту. Увез ее домой. Ужинал в гостинице «Октябрьская». Пытался дозвониться до Р.М., но нет на месте. Хотелось бы протолкнуть «День памяти». Думаю, без этого не обойдется, а можно красиво все сделать. Пора начинать давать интервью центральным газетам. Начинать с «Правды» или «Известий».

3 марта. Мороз держится. Из дома уехал на работу. Какая-то суета с самого утра. Собрал свою публику и сказал, чтобы каждый сам себе искал дело. Устал быть пастухом. Вообще трудно бороться в одиночку. Некому давать поручения, а

сам записки писать уже не могу, отвык. К 11.00 – в отдел строительства ЦК КПСС к т. Мельникову. Рассматривали проект о градостроительстве и архитектуре. Какой-то нудный строительный разговор. Я постарался взорвать обстановку. Кто-то бросил реплику: «Переспал великий – и уже памятник, ломать нельзя». Напомнил, что в 1954 году на совещании в Кремле подобная фраза была произнесена Хрущевым, а закончилось тем, что сейчас требуют судить тех, кто разрушил Москву. Проект не партиен, не учитывает настроения людей, отгорожен от бурлящей действительности. Повернулись! Мельников поддержал, поняв, что нельзя не учитывать настроения масс. Угаров потом поздравлял за то, что «взорвал» проблему, и проект придется писать заново. […].

5 марта. […]. В 16.00 – у Сайкина, председателя Моссовета. Разговор о музее личных коллекций. Занял примирительный тон, решив искать выгодные компромиссы. Удалось найти – генеральский дом у музея Пушкина. Ровный характер разговора. Зильберштейн, Антонова, потом беседа с глазу на глаз с Сайкиным. Довольно откровенная. Объяснил ошибки руководства Моссовета. Борются с критикой, а надо давать лакомые куски, два-три музея в год. Арбат – центр культуры, и всё встанет на место. Договорились работать совместно, сотрудничать, разработать программу действий на три-четыре года, поднять роль райисполкомов. Дал личный телефон, обещал по транспорту. […].

6 марта. […]. Интересная беседа с секретарем Вяземского ГК КПСС Атрощенковым. Влюбленный в свою землю и ее святую историю человек. Условились: выступит инициатором мемориализациии Старой смоленской дороги. Нам бы побольше таких! С Николаевым, первым секретарем Бауманского РК КПСС. Об аукционе условились и договорились думать о [мемориализации] места рождения А.С. Пушкина. Искать фанатика. Вечером с Генрихом Боровиком. Поздравил его с избранием на Комитет защиты мира. […].

11 марта. […]. Позвонил в «Литгазету» – махнуть сбор средств на скульптурную композицию Василию Теркину на Смоленщине. Дать это громко и броско. Согласились. […]. Подписал в ЦК КПСС записку по памятнику Г.К. Жукову в Москве. Будем ждать! Условились по журналу «Наследие». Надо писать записку в ЦК КПСС. В 17.00 провели партсобрание. Каждый [рассказал свою] биографию. Народ интересный. Я рассказал свою, а потом – несколько замечаний по Фонду: 1) против равнодушия к делам и людям; 2) ответственность за кадры; 3) больше инициативы. Время делать дело, а не вздыхать о становлении.

15 марта. […]. Стал приживаться в Москве. В Пензу уже и не тянет, она осталась в какой-то серой дымке давно минувших дел. Только книга напоминает. Хорошо, что под занавес удалось дать второе издание. Трудно угадать, кто сделает еще такую книгу. Она может стать уникальной для области. Плохо-бедно, а продано ее около 10 тыс. экземпляров. Кто-то мне, кажется, из «Плаката» сказал, что книгу запросила Британская библиотека! […].

19 марта. Относительно спокойный день. Я, вероятно, начинаю вживаться в деловой тон московского чиновничьего мира. Охолаживает, отбивает руки необходимость всё и со всеми согласовывать. Бич перестройки – согласование. Полдня Никольский просидел в Госкомиздате СССР, пока подписал у Ненашева совместную записку об издании журнала «Наследие». […]. По памятнику Жукову идет согласование, но уже предупредили, чтобы по «Дню памяти» пока не входили – многовато вопросов. А записка с 12-ю пунктами куда-то исчезла или застряла. Глупо так работать. Сам процесс тянет к безделью. Никакого шевеления. Отбивают руки. Люди верят, а как оправдать эту веру? […].

22 марта. […]. Чем дальше живешь, чем старше, тем яснее понимаешь временность и недолговечность своего пребывания на земле. Христианство имело перед материализмом преимущества, обещая продолжение. Отвергнув его, материализм, уничтожил мечту человека. Пожалуй, самую светлую и радостную мечту, что всё бесконечно. Теперь встал вопрос не только о конечности каждой человеческой жизни, но и возможном конце вообще человечества. Таким образом, нет будущего. Возможно, не будет и прошлого. Оно исчезнет, и вспомнить дела человеческие, в которые так много вкладывается нервов, энергии, сил, будет некому. Тогда какой вывод? Страшный: вся наша забота, суета бессмысленны! Так далеко можно зайти в раздумьях, отражающих реальное бытие человечества сегодня. Одно нажатие на кнопку – и ни настоящего, ни будущего, ни прошлого. Пустота, вакуум.

Михаил гулял с Егором по Москве. Зашли в церковь на ул. Неждановой. Это первое приобщение Егора к христианству. Бросил пятачок на строительство храма. Я раньше приобщился к христианству. Еще когда в Коповке работала церковь, ходил и усердно молился, а было мне 5-6 лет. Что-то звало. Может, в крови от предков, многие из которых имели отношение к священничеству, передавалось это генетически. Может, это и Егору как-то передается. […].

21 августа. […]. Был Никита Михалков. Едет в Италию ставить спектакль по Чехову, а гонорар 130 тыс. лир (12 тыс. дол.) перечисляет нам, но... на Чехова. Обещал подумать. Потом интересный разговор об интеллигентности интеллигента.

Он считает, что вопрос неразрешим. Меня понимает, воспринимает боль, но... [по его мнению], в России не может быть демократии, если ее понимать как вседозволенность – не готовы; бьются не за творчество, а за жирный кусок пирога; новое руководство скинем, но это мало что даст – не творчество, а власть их интересует. Хватают и всё. Расцеловались и расстались удовлетворенные беседой. Надо больше встречаться и беседовать с людьми из интеллигентской верхушки. Это полезно и нужно. […].

24 августа. […]. Длинная беседа с Валентиной Леонтьевой, которой закрыли передачи «От всей души» и в «Мире сказок». Зарплату платят, а выходить в эфир не дают. Как потом мне сказал В. Попов: старая, не смотрится. А ей хочется! Своеобразная трагедия […].

Переговоры с Д. Лихачевым и Е. Зайцевым. Удалось согласовать приезд на четверг. Ю.К. [Е.К. Лигачев] обещает принять в четверг в 12.00. Есть вопрос: не попасть бы в перекресток с А.Н. [Яковлевым]. Надо предупредить Зайцева, чтобы меня не втянули. […]. К 17.00 – к Питириму (Нечаеву Конст. Влад.). Осмотр резиденции, а потом откровенный разговор по проблемам униатства, старообрядчества, возможных сфер сотрудничества Фонда и церкви. Идеи изданий, производства копий икон, раритетов и т.п. Очень приятный и светский человек. Анекдоты, чай и закуска. Три звонка из Пензы […].

29 августа. Вчера спал с 5 до 8-ми вечера, а потом занялся чтением в рукописи Е. Гинзбург «Крутой маршрут». Мрачная картина глупости и бессмысленности дел, которые творились в 1937 году. Волосы встают дыбом. Думается, что было три причины, которые породили все эти страшные извращения социализма, которые она описывает довольно объективно. Безусловно, борьба за власть, стремление И. Сталина стать безраздельным хозяином, скорее, «императором» нового государства, рожденного Октябрьской революцией. Соперников было много и калибр большой. Как обойти и победить их? Только насилием. Провокационная роль Троцкого и его окружения, сохранившего влияние в рядах партии и в стране. Это не эфемерная, а реальная угроза власти. И даже не личной власти, а общественному строю, которому посвятил себя И. Сталин. Патриотический психоз, подъем низменных чувств, карьеризм, как пена, которая всегда образуется на крутой волне социального шторма. Каждый подозревает каждого. И как могли топили друг друга, погибая в пучине вместе. Сколько бы ни писали, всей правды так и не будет сказано. Слишком горька она для нашего прошлого, для социализма как системы. […].

30 августа. Сегодня утром (в 6.15) дочитал гремящий по всей стране роман А. Рыбакова «Дети Арбата». Читается с интересом как особый вид литературы, откровения быта и жизни части нашего общества в 30-е годы. Что-то было, и на душе страшно и гадко, что именно так было! Социализм, ради которого не только боролись, но и мучались в ссылках, погибали на виселицах тысячи самых светлых умов России, вдруг обернулся такой стороной, что они и представить себе не могли, за что же, собственно, они погибали, чему были посвящены эти жертвы? Как бы ни хотелось в душе оправдать то, что было, нет слов и мыслей понять всё это, тем более оправдать. Изуверство, уничтожение, унижение миллионов – какая-то бессмыслица, а может быть, результат болезненного состояния неглупого, способного, талантливого организатора, каким был Сталин. Истории еще предстоит во всем этом разобраться. От нее не уйдешь. Роман и художественно, и композиционно довольно слаб. Сильна лишь тема и детали. Смесь политики и секса. […].

31 августа. Вчера по телефону – с Д.С. Лихачевым. Уже прочел статью Ю. Бондарева. Недоволен: «Зачем он меня дураком делает»? Будет официально отвечать. Вот и мы вошли в полосу междоусобицы и драки. […].

11 сентября. […]. В 11.00 – планерка, доклады отделов. Плохо привыкают, но уже лучше, чем было. Чтобы обострить и создать атмосферу деловитости высказал серьезные претензии к работе Л. Рудницкого. «Наградил» им меня Ю. Комаров. Сказал, что не понимаю, как он работал раньше? Откуда у него партизанские замашки, когда дело идет о серьезных денежных делах? Почему доходит до нечистоплотности? Реноме было простое: или работать в рамках принятого, или уходить, третьего не дано. Партизанщины я больше прощать не буду. Это переходит всякие рамки. Аппарат притих. Для воспитания – полезно. […].

20 сентября. Перипетии с памятником Сергию Радонежскому. 18-го – президиум Всероссийского ФК. Проскурин, Белов, краеведение. Около семи вечера – срочный вызов в ЦК, задание встретиться с В.М. Клыковым. Поиски С. Ямщикова. 19-го в 8 утра – Савелий [Ямщиков]. Беседа с В.М. Клыковым, два часа, до озноба. Коммюнике. Сразу в ЦК. На ПБ не пустили, но потом доклад у лифта Е.К. [Лигачеву] и А.Н. [Яковлеву]. Детали. Разбор ситуации. Поручение ехать в Радонеж. Благодарность и извинение [Мясникову]. Цена Фонда повышается. В 12.00 сегодня в Загорск. Потом Радонеж. Разговор с Клыковым. Возложение цветов. Дождь. Группа Сычева [лидера общества «Память»]. Флаги [дореволюционной России] и традиционный демагог. Я [выступил] не убедительно. […].

26 сентября. Звонок Е.К. Лигачева: «Я тебя еще раз хочу поблагодарить за содействие по Радонежскому. Хотя смотрел видеозапись и не понял, почему вас смял Сычев». – «Надо оставаться до конца конкретным. Раз обещали, следует делать». – «Как поступить с обществом охраны памятников?» – «Не знаю. А против кого они охраняют? Во главе этого общества зам. пред. СМ РСФСР! Одной рукой подписывает [решение снести памятник], другой – защищает». – «Может, общественность поставить?» – «Не знаю». – «Ну, ладно, мы на секретариат внесем. У тебя есть вопросы?» 1) о Карпухине («Посмотрю»); 2) о Енишерлове («Надо решать»). «Вопросы будут, обращайся».

Интересные выводы: 1) бой все-таки выигран, это важно; 2) начинают советоваться – это показательно; 3) думаю, что разговор был вчера на ПБ; 4) судя по более поздней реакции, о нем знает Зайцев. Что-то путал, кто кому звонил. Потом вспомнил: «Он мне сказал, что с тобой разговаривал». Всё это для учета «техники», как она срабатывает в центральном аппарате.

2 октября. Лень ехать на работу. Как-то всё к душе не прикипело, да и утром из-за снотворного просыпаюсь тяжело. Решил прямо отправиться в ЦК КПСС. Отдел культуры словно вымер […]. Интересный разговор… с секретарем отдела – умной женщиной. Говорит, что мне будет трудно. Есть ряд обстоятельств: противоборство Е.К. [Лигачева] и А.Н. [Яковлева]. Трудно определить, чью сторону выбрать. Многие «чиновники» отдела надели такую личину, так играют свою внешне благожелательную роль, что внутреннее существо понять сложно. Они, конечно, многое накапливают и, накопив, ударят в самый удобный момент. Надо быть готовым к ударам. Они неизбежны. Полезный разговор для раздумий и определения линии своего поведения. […].

3 октября. […]. Вернулся домой. Спал. Состояние психологически сложное. Может, и преодолею. Пугают завалы впереди. Много узлов завязано. Развяжем! Звонил В. Енишерлов. Предупредил, чтобы он был готов прилететь в Москву на беседу в ЦК КПСС. Отпуск прерывать не собирается. Аксенов и Мельников вернулись из Англии. Судя по телевизионным намекам, встречи с Оппенгеймером, аукционами Кристи и Сотби были напряженными, но полезными. Собираются быть в Советском Союзе. Еще один узел.

4 октября. Переломный день. Очень важный в моем психологическом настрое. Хватит вздыхать, надо действовать, бороться, а не подстраиваться. Весь день в муторном состоянии. И дело не в том, что после такого длительного чествования «Лит. Россия» персонально щелкнула по носу – это на пользу, несет отрезвление

учит быть требовательнее и бдительнее. Дело в том, что вижу много завалов впереди, и трудно их преодолеть, если не сменить стиль работы. Хватит расслабленности, хватит плыть по течению, надо идти в атаку, хватать за горло и ставить на место организацию. Без «хамства» не обойдешься. Для меня сейчас стиль подхода к проблемам – это самое важное, решающее. Если в старину говорили «Москва слезам не верит», то теперь – Москва не понимает добра и интеллигентности. Только хамы могут занимать высокое место. Из этого и надо исходить, набирать уверенности, не раскисать! Решать так решать, в т.ч. и в аппарате своем. Видишь грехи – молоти, не стесняйся. Только требовательность может спасти положение. И не надо бояться жертв и обид. С этим настроением завтра хочется идти на работу и, пожалуй, это первое состояние, когда хочу идти на работу. Надо начинать командовать! Время пустой демократии кончилось. […].

5 октября. Хотел всё раскручивать уже в духе перестройки [по плану], который выработал для себя в эти два дня, но не так получается, как хочется и как планируешь. Утром раздался звонок от Р.М. [Горбачевой]. Спросила, как и чем занят вечером. Сказал, что свободен. Условились, что заедет около шести вечера. День сломался. […].

[Горбачева Р.М.] приехала после встречи с Койвисто около 18.00. Посмотрели здание, решили Тиссена принимать здесь. Беседа почти на 2 часа. У нее записи в блокноте. Неудовольствие по редактору. Но мне сложно. Передать благодарность музея «Панорама Бородинской битвы». Предложение интересное, поручения даны. С Бауманским [райкомом КПСС] – о месте рождения Пушкина и судьбе церкви Никиты Мученика. Смотрела материалы президиума (надо готовить!). Одобрила поиск на местах. О стипендиатах. По «премьере премьер». Попросила «Реквием» на видеопленку. Сказал, что нет удовлетворения. Говорит, что не только у меня. Есть более сложные вопросы. Хотела с Лихачевым 13-го, но домой звонок – [встреча] не состоится.

6 октября. […]. С Верченко. […]. Говорит, что по Ленинграду разошлась анонимка на Д.С. Лихачева. Смысл – тоскует о троцкизме и т.п. Жалко, что она попала ему в руки. Расстроен. Могут добить старика. Зависть – сложное и жуткое явление. Интеллигенция пропитана завистью. И чем выше, тем больше и злее.

Звонили из МИДа. Надо принимать С. Эйзенхауэр – внучку. Готовят мою поездку в США. Маховик закручивается и остановить нельзя. […].

13 октября. […]. Звонок Зайцева, чтобы позвонил Р. Романову, помощнику Е.К. Лигачева. Позвонил – меня приглашают сегодня на секретариат и просят высту-

пить по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Обещали немедленно прислать материал. Это уже второй случай неожиданного и неподготовленного выступления. Испытывают на излом. Засел, начал готовить тезисы. Иного выхода нет. Набросал кое-что, но, естественно, очень бегло, без точных формулировок. Получил материалы, а в них ни слова о Фонде культуры. Почему меня приглашают? Понравился Лигачеву, или отражение борьбы за влияние? Сложно. Заехал домой, переоделся и в 17.00 в ЦК.

В приемной секретариата. Докладчик Скляров, выступающие – я и Грибанов из Минкультуры СССР. Мысль – доклад даст формулировки. Зашли на секретариат. Только сели, Е.К. [Лигачев]: «Давайте послушаем, что делает Фонд культуры». Я оказался докладчиком. Пошел на трибуну. Собранность, спокойствие. О Дне памяти, о расширительном толковании. Об обелисках в селах. Пример Никольского. Слушали около 15 минут, не перебивая. Егор Кузьмич: «Нравится мне: опытный пропагандист, но надо заниматься не только Куликовской битвой. Проблем много». Яковлев промолчал. Не понял его реакцию. Зашел к Воронову. Он удивлен, но сказал, что нормально. Романов: «Рассматривай как доверие. Бойся, если три года не позовут на секретариат».

15 октября. […]. Говорил по телефону с П. Проскуриным. Он за День памяти, готов. Звонил И. Зильберштейн. Тоже за День памяти. Просил его пока воздержаться от столкновений с Моссоветом. Не идет нам на пользу противоборство. Была Алла Демидова. Ее идея – сделать вечер, посвященный 50-летию В.Высоцкого. Стихи о нем ведущих поэтов. Может, даже в Олимпийском центре, тысяч на 40. Подумать и заработать как следует. Благотворительный вечер грандиозного размаха. С продажей дисков, фотографий и т.п. Можно, если решится наш президиум.

Проблема приема Оппенгеймера. Надо делать дома. Вера загорелась, но как удастся с ее здоровьем и нашей пока неустроенностью? Надо рисковать. Ибо сотни тысяч долларов не валяются. Мне важно проникнуть на аукцион Сотби и Кристи и приобретать русские вещи не за свои валютные средства. Это было бы акцией солидной и оправдательной. Надо делать!

16 октября. Нет, перелома не наступило пока. Не могу приспособиться к нахальству и пропиваемости, которые имеют решающее значение в Москве. Да, есть и еще одна сложность: хамить – это значит откровенно пользоваться возможной поддержкой, а опыт этот, судя по исходу Аджубея и Чурбанова, очень пугает меня. Надо сохранять чувство меры, такта и скромности. Я всегда жалел и предвидел судьбу тех, кто играл на близости к начальству. Не повторить их ошибок. […].

28 ноября. Проснулся хоть и поздно, но сразу, пока мои спали, придя с благотворительного вечера после часа ночи. Удрал в мою контору. Надо посмотреть кое-какие документы, вообще поразмыслить о наших делах. Говорил с Е.В. Зайцевым из ЦК. Доложил о благотворительном вечере, сегодняшнем аукционе и пребывании делегации фирмы Кристи. Тональность нормальная, хотя в душе противно набирать его номер вертушки. Условились, что по некоторым проблемам Фонда встретимся на следующей неделе.

В 12.30 уехали на К. Маркса. Второй аукцион, много всякого рода представителей прессы, телевидения. Нервничает Ширвинд. Спокойна лишь Маркова. Начали вовремя. Пошел дохло. Нет психологического расчета. Надо начинать не по алфавиту, а с картин, которые вызовут борьбу. Поначалу много снималось, т.к. не вызвало «интереса». Один Бамаджан – №85 – активничал. После перерыва борьба обострилась. За две гравюры с первоначальной цены 100 руб. бились трое. Закончила итальянка за 850 руб.! Это уже кураж. Конечно, мелковатые работы. Нет психоза и борьбы. Посмотрим, что будет на «гжели».

Уехали в ресторан «Пекин» обедать с фирмой Кристи. Не очень уютно. Приятно лишь, что в машине сказали друг другу теплые слова: взаимопонимание и сотрудничество дороже долларов, фунтов и рублей. Проблемы искусства, живописи, музыки... Я – консерватор. Он: «Хорошо, что мы разные». Удрал, как мальчишка, Аксенов. Завтра отчитаю. Расстались у ресторана, условившись вскоре встретиться в Лондоне. Надо лететь к Оппенгеймеру. Живое дело.

29 ноября. […]. Более года мог ходить в Пензе пенсионером. Страх там должен был остаться вместе со мной. Но судьбе было суждено в последний момент вырвать меня из Пензы и забросить на такую вершину, что дух захватывает. Правда, падать с вершины больнее, но все-таки не утопать в пензенском обывательском болоте. Тут есть свои вопросы. Считал, что круг замкнулся, а он пошел по второй спирали на новом витке. Весь вопрос – как одолеть его, сделать доброе и разумное.

Звонила из Пензы Ира Якушева. Говорит, что Музей одной картины закрыт – нет новой экспозиции. Угробят, черти, то, что звучало не только на страну, но и на весь мир, поднимая престиж Пензы. Обидно, что многое может рухнуть. Но светлое движется любовью и увлеченностью. Если их нет, любая идея становится мертвой и малоподвижной. […].

1988 год

1 января. Прошел год. С дневником не ладилось – так выматывался, а главное, такое нервное напряжение, что писать вечером об итогах дня не только нет сил, но и желания. Метко заметил вчера при поздравлении М.Ф. Ненашев, что Москва сбила с меня пензенский оптимизм, и он приобрел окраску «мрачного московского оптимизма». Москва перерабатывает, приспосабливаем меня к своим порядкам. Это верно, но надо скорее и энергичнее проходить этот путь, ибо можно остановиться, застрять. […].

Год был напряженным: два выступления на секретариате ЦК, участие в операции по Радонежскому, постоянное общение с членом президиума [Р.М. Горбачевой] – всё это создает довольно сложную обстановку. Да и помощников настоящих нет. Два зама и оба – ошибка откровенная, которые не знаешь, как поправить. […].

13 февраля. С Михаилом уехали к И.С. Глазунову в Калашный переулок, где его квартира и мастерская. Союз «состоялся» на базе отсылки его предложения к Р.М. [Горбачевой] о создании в бывшем здании ВХУТЕМАС на Кировской Российской академии художеств. Он уже назначен ректором Российского художественного института, но бьется за большее. Осмотр квартиры, наполненной всяким антиквариатом, включая Римскую мраморную скульптуру чуть ли не Августа. Камин. Картины. Богатейшая библиотека. Сразу начался разговор. Довольно интересный. Мне он не показался таким простаком, каким иногда его представляют противники. Много читал, думал, знает русскую историю и внутренне яростно ненавидит тех, кто противостоит ей. Его можно понять. Кто-то сосчитал, что при нормальном развитии русских должно быть уже около 500 млн. чел., а имеем десятую часть. Костерит всех и вся. Версия об убийстве Есенина и Маяковского, проблема норманн, Велесова книга. Разговор о Л. Толстом с участием его проректора: боялся смерти, сам себя сознавал «великим». Отсюда многие конфликты Толстого. В мастерской. Иконы потрясающие. Русская утварь. Осмотр картины «Мистерия XX века». Грозная, очень тревожная. Мне понравилась, что Ленин стоит над всем. Сталин в гробу. Хрущев балансирует на ракете. Рвется ее показать. Но где и как?

[Мой ему] совет – стать солидней, не расплескивать себя в мелочах, не давать повода. Решить первую задачу, а потом идти дальше. Может, что-то и получится,

хотя верится с трудом. Публикуем «Дети Арбата», шумим вокруг Шатрова, а выпустить русского художника – дело сложное. Все-таки они заняли прочные позиции, и пробить их сложно. Хотя тут есть вопрос. Думать!

29 мая. Обстановка складывается так, что пора начинать ежедневно делать записи. Эпоха тумана уходит, начинается новая ступень – прозрения и критической оценки всего, в чем так или иначе приходится участвовать. Обозначаются новые грани процессов, которые вчера еще были не очень ясными, а сегодня позволяют не только оценивать, но и делать кое-какие прогнозы хотя бы для самого себя.

День жаркий. В 9.30 с Михаилом и Михейкиным поехали в Загорск на открытие памятного знака Сергию Радонежскому. Время бежит быстро, и то, что вчера удалось снять, сегодня надо воплощать. На границе – зам. пред. облисполкома Новикова. С ней – в Загорский ГК КПСС. Здесь вся власть, в т.ч. В. Борисенков, второй секретарь обкома КПСС. Выпили чаю и на место. Памятник готов. Народа не так много.

Открыли в 13.00. Не очень грамотно выступил П. Проскурин. Еще кто-то. Получилось нормально. Но опять Сычев – о теперь здоровых силах «Памяти». Борисенков нервничал, я спокоен – лишь бы не было давки. Появились и быстро исчезли В. Астафьев и Дм. Жуков. Что-то снимал Бондарчук. Второй митинг со склеротиком художником Сычевым в 15.00. Я не очень слушал. Мало меня волновал. Потом выступления о чем попало на склоне холма. Сколько же мы подняли пены! Что нам дает демократия? Говорят, что хотят, вплоть до призывов в старообрядцы, возрождения веры в царя, отечество и православие. Ужас. Сами подняли! Но это не страшно. Надо только ждать, что обращенность в прошлое очень скоро обернется недовольством настоящим. И тогда будет беда!

Интервью с Эн-Би-Эс. Дома.

31 мая. […]. Эти почти два года в таком ежедневном напряжении, в такой нервной встряске, что ничего доброго это не даст, а инфарктом может легко кончиться. А посмотрел кругом: больной, кому ты тут нужен? Москва – это откровенная, жуткая человеческая черствость, эгоизм, равнодушие, облеченное в откровенное достоинство. Тут не скажешь: человек человеку друг и брат. Враг, завистник, подлипала! Всё, что угодно из разряда самых мерзких и отвратительных определений, кроме чувства братства и единства. Как я был прав, когда свысока смотрел в Пензе на всякого рода зам. министров, деятелей культуры, величие которых в Москве исчезает при первом приближении.

В 16.00 поехал на аэродром Внуково-II встречать Д.С. Лихачева, который должен прилететь вместе с женой Рейгана из Ленинграда. Прилетела на своем самолете. Вместе с ней жена А. Громыко. Не стал ждать. Забрал Д.С. и З.А. [Лихачевых] и к гостинице «Академическая». Старик посвежел, загорел на даче и чувствует себя хорошо. Мучается мыслями планетарными – какой-то концерт на весь мир с дирижером из Вены и мегополис между Москвой и Ленинградом… Саваоф. За облаками. Его мало интересует в чисто реальном плане культура народа. Он ее просто не видит и не знает. Пожаловался на Пиотровского, который не пустил его вместе с Н. Рейган в Эрмитаж. Старые люди, а завистники. Оставил в гостинице, а сам поехал на Донской монастырь. Давно не был, а здесь мое первое приобщение к древней истории. Пришел в ужас от развала и запустенья. Всё поросло крапивой и чертополохом. А это – древнейшее кладбище Москвы. Побывал на могиле Чаадаева, нашел [могилу] И.М. Долгорукого. Это мой земляк! Надо что-то делать с этим объектом, хотя – создали попечительский совет.

Дома. Программа «Время» забита встречей в верхах. Долго не давали речи с приема. Дали около 12-ти. Трудно сказать, что редактировали. У Рейгана – легкая, светская. Он просто приехал посмотреть Москву. У нашего [Горбачева] – напоминает пленум ЦК. По-разному работают «команды». Нет элегантности, интеллекта, интеллигентности. Поначалу внешне казался похожим на Ленина, теперь с возрастом лицо округляется, волос остается меньше и внешне переходит к облику Н.С. Хрущева.

1 июня. Из дома уехал в Манеж. Опять заседает жюри по памятнику Победы. Сегодня вроде бы итоги голосования, хотя все понимают, что голосовать не за что. Нет ни одного проекта и близко подходящего к обряду памятника. Определилось место – Поклонная гора. Больше же ничего. Коржев и Эл. Климов сказали, что не придут: голосовать не за что. Я на жюри заявил, что мы в тупике, и если отберем десять [вариантов] и выставим, окажемся просто в глупом положении. Будут плеваться и смеяться над беспомощностью жюри. Продиктовал заявление жюри. Создали редакционную группу. Посоветовал Б. Угарову идти к Зайкову и в ЦК и доложить обстановку так, как она есть. […].

2 июня. Жара в эти дни страшенная. Ловко использовал время вчера в заключительном интервью Р. Рейган. Говорил просто, элегантно, без напряжения. Наш – как тяжеловоз. Чувствуется набор отшлифованных фраз, не окрашенных глубоким личным чувством, остротой мысли, оригинальностью. Как передовые статьи из газет. Всё вроде правильно, но сухо и скучно. Нет своего стиля, своего лица. Забили

вопрос о Ельцине и Лигачеве. Сложная вещь. [Ельцин] дал интервью Би-Би-Си. [Горбачев] говорит, что не знает полного текста, но обещал объясниться в ЦК. Об отставке Лигачева вопрос не стоит. «Из этого и исходите». Добивают, что я и предвидел. Не простят ему Н. Андрееву. Мафия действует. […].

3 июня. Жара не спадает. Говорил с Пензой, Федор жалуется, что всё горит, и область может опять остаться без хлеба. Перспектива, прямо скажем, неважная. Приехал к себе, а на столе телефонограмма – в 11.00 быть в Манеже на заседании жюри по памятнику Победы. Пришлось передать совещание аппарата О. Карпухину, а самому ехать в Манеж. Оказывается, не жюри, а редакционная комиссия. Посмотрел подготовленный текст, сделал некоторые поправки и завизировал.

В 12.00 приехал В.И. Воротников. Кроме меня, показывать выставку некому. С ним Чехарин и Мелентьев. Прошли всю выставку, обратил внимание на выбранные жюри варианты и сказал, что всё это очень и очень неубедительно. Нет достойного варианта. Со мной согласилась и В. Терешкова. Изложил свой замысел: на Поклонной горе создать рукотворный, всем народом [насыпать], курган, перенести захоронения полководцев, возможно – братскую могилу воинов, рассадить парк и на этом закончить. Воротников выслушал, но: «Давай, Георг, мудри. Вам поручено, вы и решайте». […].

4 июня. […]. Начал беспокоиться о будущей субботе – выход в прямой эфир на всю страну. Важно, чтобы не было скучно и тупо. Енишерлов спокоен. Звонил Лихачеву – он тоже не очень волнуется. Но мне надо думать и думать, создать внутреннюю схему – опору, чтобы внести новые точки, показать сделанное, выразить нашу неудовлетворенность и открыть перспективы. Всё это – под лозунгом подготовки к XIX партконференции.

Незаметно, но мы меняем тактику. Уже исчезло из оборота слово «ускорение», хотя недавно оно шло на первом месте. Его заменили новые слова – «гласность» и «демократия». Оказалось, что ускорить ничего толком не удалось. Надо бы платить по счетам, а платить нечем. Отсюда две линии: [первая] – критика беспощадная прошлого, доставшегося нам наследства, которое трудно преодолеть. Чем хуже пойдут дела, тем острее будет эта критика, как канал, отводящий неудовлетворенность. [Вторая линия] – поиск консерваторов и врагов перестройки. Дело не идет – нужны «рыжие». Но в борьбе с пьянством не было консерваторов, а пришлось отступать, т.к. (и это разумным людям было ясно сразу) не выдерживает экономика да и здравый смысл. Идея провалилась. 5 млрд. руб. потеряла казна, а приобрели спекулянт и самогонщики. Это можно и нужно было предвидеть. Сложно с госзака-

зом, хозрасчетом. Думаю, возникнут сложности с кооперативами. Есть итожки. Но пока торжествует разрушительная тенденция и мало себя проявляет созидательная сторона. Даже в тезисах мало созидательного, утвердительного.

5 июня. […]. Всё думаю о делах наших. Не кажутся они радостными. Во время похорон Черненко еще говорили о развитом социализме. Успели настолько размотать, что не осталось никакого социализма. Вообще неизвестно, что мы построили. Вся энергия уходит на разрушение и обесценивание пройденного пути. Демократия, гласность, обращенные в прошлое. Да и прошлое подается через вырванные факты, а не через целостное рассмотрение явлений. Вчера в «Правде» – о революции 1917 г. Только факты против Сталина. Сегодня в «Советской Росии» [возвеличен] Постышев, а он крутил в Поволжье [машину репрессий].

6 июня. […]. Говорил по телефону с Р.М. Довольно обстоятельно. Поблагодарил за быструю подпись благодарности греческим авторам памятника. Объяснил свою позицию по отношению к ней. Если что-то и говорят, то это злые языки. Я достаточно опытен, чтобы не злоупотреблять близостью, берегу авторитет ее и Генсека. Не хочу быть Аджубеем. Если возникнут проблемы, лучше спрашивать у меня. Понимает. Об итальянской медали за мир. Поздравил. Сказал, что заслуженно. Провел параллель с Крупской. Других не было. Хороший, откровенный разговор. Построились в перестройку, а методы застойные. Не надо ждать, а уже начинать менять, идти в атаку. О Бондареве. Музейное дело. Она – об Америке, я – о Б. Вяземах. Надо решать.

Встреча с иранским владельцем уникальной коллекции ковров на 6 млн. долларов. Не знаю, что делать. В музее Пушкина. Выставка Нади Рушевой. Идея Всесоюзного объединения Пушкинских музеев. […].

7 июня. Из дома уехал в Манеж. Последнее заключительное заседание жюри по памятнику Победы. Настроение тягостное. Чувствуешь, что делаешь своими руками недоброе дело. Нет проекта, нечего выбирать. Пустота. Всё носит характер откровенного формализма и бессмыслицы. Подвели итоги, назвали номера, вскрыли конверты. Хорошо, что нет ни одного из маститых, блатных. Пошли лишь на поводу у мнения народа, приняв клыковский вариант. Остальные – люди малоизвестные. Большинство из Москвы, но есть и из Бреста, Еревана, Ленинграда. Много молодых. Беда же вся в том, что современной программы, чего же мы ждем от памятника, нет. Когда Угаров внес предложение еще отметить дипломами 15 проектов, я откровенно возмутился. И возмущение было понято и принято. Отредактировал сообщение жюри. Не знаю, пойдет ли оно в печать.

Вернулся к себе. Встреча с каким-то владельцем уникальной коллекции ковров таджикских. Всего их 670. Собирается 10-15 подарить, остальные продать за 6,5 млн. долларов. Мило поулыбались, обещал подумать. К 17.00 – в музей Пушкина на открытие выставки […].

10 июня. Для меня сегодня – день исторический. Утром вспомнил далеких предков: и Ал. Ник. Владыкина, псаломщика из Коповки, и Евфимия Громова, пономаря из Орлева, и Дмитрия Саввина, псаломщика из того села, и Савву Федорова, священника из Сергиева-Поливанова. Могли ли они думать и предполагать, что их далекий потомок в этот день будет в президиуме Большого театра, где собирается вся церковная знать не только нашей страны, но и всего мира, чтобы отметить 1000-летие христианства на Руси? И важно, что вспомнил их в этот день. Пусть им земля будет вечной постелью, а память о них еще живет хоть в одной душе!

В президиуме. Всех чинно рассаживают. Рядом со мной И. Архипова и Анат. Карпов. Ниже муфтий, кто-то из монгол. На первом ряду весь священный синод во главе с Патриархом, Демичев, Талызин и Р.М. [Горбачева]. Выступление Пимена, интересный доклад Филарета, которого я спутал, лобызаясь, с Питиримом. Приветствие. Много интересного, но бросается в глаза излишняя политизация события, нажим на перестройку и гласность. Не хватает мужества у иерархов церкви сохранить собственное достоинство. Нахально – еврейский раввин из США: У Адама одна жена и одна жена у Горбачева. Загнал в краску стыда. Начали молитвой и закончили молитвой около 15.00. Уехал к себе. Немного [это заседание показали] по телевидению. Нет ясного видения, кто, о чем говорит. […].

11 июня. […]. Звонила Р.М. Спросила о торжественном по церкви. Потом ее мысль – собрать президиум и откровенно поговорить обо всех делах. Может, я навеял, что надо перестраиваться, и жалобой на Ю. Бондарева, может, ей кто-то что-то напел. Хочет, чтобы участвовал Захаров. Обещал переговорить с Д.С. Лихачевым и в понедельник сообщить. Думаю, что такой обзор нужен и полезен. Д.С. Лихачев согласен на 16-е, но не очень хочет [видеть] Захарова. Будем советоваться в ЦК КПСС. Закончил день просмотром фильма «Храм». Наступление православия продолжается. И это для народа, может, одно из средств очищения от скверны бытия. Расцениваю как благо!

12 июня. […]. Мне понравилась в «Юности» статья постаревшего Л. Разгона. Ему в камере хорошо кто-то из русских интеллигентов сказал, что евреи, хоть и делали революцию, не сумеют ей воспользоваться, т.к. Россия всегда строилась на государственности, что абсолютно чуждо евреям – вечным космополитам, не зна-

ющим что такое Родина. С Никитой Михалковым – по его выступлению на TW. Похвалил. Рассказал о Госплане и Максвелле. Вместе похохотали. Это – сюжет для острого фильма. С Валентей – по музею Мейерхольда. Хочет бороться за московский адрес. С С. Шмидтом: [краеведам] нужно не столько краеведение, сколько публикации.

14 июня. […]. В газете – реабилитация Зиновьева и Каменева. Остался, пожалуй, один Л. Троцкий. Сложно всё. Если неубедительно судили, то не менее убедительно и оправдали. Как быть с партийностью? Куда исчезли оппозиции? Есть попытка доказать, что они выступали не против партии, а против Сталина. Не подтасовка ли? Смотрел «Огонек», некоторые газеты – одна и та же линия: «огонь по верхам», «долой бюрократов». Отдает китайским вариантом культурной революции. Правда, пока словесно. Но кто знает, как пойдут процессы? Они мне кажутся малоуправляемыми и регулируемыми. Маховик раскручивается.

Принял группу фанатиков по Сканову монастырю. Какой-то бред. Восстановление москвичами монастырского хозяйства?

Беседа с американцами. Пытаются найти «крышу» в рамках Сороса. Думаю, что это не те ребята. Не дал согласия, да и они ничего, кроме «крыши», не ищут. На выходе – с Бурковым и Шукшиной о 60-летии Шукшина. Выдал идею народного дома. Загорелись. Оставил их думать. Надо поддержать крупно Шукшина. Тянется народ в Фонд культуры. Последняя надежда.

16 июня. Опять дождь. На работу не тороплюсь. Сегодня важна вторая половина дня. Что она принесет? Какие-то звонки, текущие дела аппарата, бумаги. Приехал Д.С. Лихачев с каким-то конспектом. Появились Бондарев и Проскурин, Угаров, Фалин, Попов. Без всякого сопровождения (что-то новое!) – Р.М. [Горбачева]. Зашла ко мне в кабинет. Первым – Д.С. Лихачев. Немного субъективен, [отметил, говоря] об успехах, только [основание] журнала и архивы, добытые В. Енишерловым. О недостатках – туманно, заоблачно. Факсимильные издания, достоинство нации, медлительность в решении [о создании] общества «Классика», падение репутации. Следующая – Р.М. [Горбачева]. Очень деловито и собранно. Начала, что мы условились с Г.В. [Мясниковым] провести такой президиум, чтобы рассмотреть накопившиеся вопросы. Много сделано, но как превратить [фонд] в общенародный, как завоевать признание всего народа? Мало акций, связанных с перестройкой. «Мои» мысли – о трудностях строительства при отсутствии энтузиазма и подвижников. Правильное замечание об уклоне в международную деятельность. Сомнения по Соросу, его интервью.

Проскурин – о жюри и травле русских писателей. Поддержал Ю. Бондарев. Олейник – о делах украинского фонда. Неплохо – Зайцев Е.В., интересно – Фалин. Еще раз – Лихачев. Я заключал: 1) правильно понимаем, что не увлекались положительным. Это уже сделано, это – у нас; 2) недостатки: отрыв от республиканских [фондов] – неправильно построены. Надо перестраиваться – мало общефондных акций. Полез Аксенов и опять невпопад, обидел ее. Начали в 16.00, закончили в 20.00. Проводил. Охраны нет, один шофер. Что-то переменилось. Потом Лихачев: «Я не обидел?» – «Нет». Объяснение с Аксеновым. Ему бесполезно, но надо.

22 августа. Надо кончать лениться, надо писать дневник день за днем. Посмотрел старые записи и как-то стало обидно, что два очень важных года становления Фонда культуры остались без записей, которые могли бы пригодиться для понимания процессов, которые теперь происходят. А процессы чрезвычайно сложные и судьбоносные. Трудно угадать, чем и как они закончатся, но замах серьезный. Не пишу же дневник от какой-то моральной и физической усталости. Вспоминаю Некрасова:

Всё, что мог, он уже совершил,
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил…

Сложности диктуются рядом обстоятельств: возрастом и физической усталостью, плохим нащупыванием целей и задач дела, общей обстановкой, далекой от вдохновляющей идиллии. Мы много сил тратим на разрушение созданного и мало – на созидание. Расчет тут опасный: подняты силы крика, которые пока (до поры до времени) обращены в прошедшее. Но, набрав сил и опыта, они неизбежно устремятся в настоящее. Долго ломкой не проживешь, а строить пока не очень умеем, да и чертежей хороших нет. Ломать не делать! В жизни же перемен мало.

Говорят о силах торможения перестройки, ее врагах. Это ход, но только ли в них дело? Может, машина перестройки катится так медленно, что просто сконструирована плохо. Тут – главное. Колебание между желаемым и реальным. Реальное – не дает повода для утешения и самообольщения. Пока не получается. Замахнулись на борьбу с алкоголизмом – промахнулись! Обещали дать в достатке товаров – их нет. Задаем вопрос об очередях, а товаров нет. Гласность, а подписаться на газеты и журналы нельзя и т.п.

[…] Паек [в Москве] оставили только пенсионерам. Не думаю, что это добавит продуктов в сеть, но недовольство верхнего эшелона чиновников создаст. И трудно предугадать, как это обойдется. У них немало рычагов, влияющих на жизнь обще-

ства, атмосферу. Потерять чиновника в нашем механизме – не слишком ли большой риск? Посмотрим…

23 августа. Вчера был у себя. Посмотрели прикидки по сокращению аппарата. Нашли вариант вместо 110 сделать 95, но придется еще работать. Говорил с Д.С. Лихачевым по телефону. Чем старше, тем больше зудит. Не такой уж он интеллигент, как пытается себя представить. Страшно поддается всякого рода слухам, сплетням. Много всякой швали крутится около него. Да и возраст дает себя знать, а может, и поздно пришедшая слава. Постоянно позирует перед телевизором. Хочет остаться в истории. Не надо помощи, только бы не мешал. Плохо, что оторван, живет в Ленинграде. Телефон – это не средство общения.

Разговор с В. Енишерловым. Позавчера была демонстрация по подписке. Такое впечатление, что самим себе нарочно создаем проблемы. Была налажена машина. Ее раскурочили, а новую не создали. Затор! Крушение у Бологого. Опять безответственность, а люди гибнут. Вместо копания в старом взялись бы за дисциплину, наведение порядка, за дело. Люди устали от бесконечной говорильни и хотят видеть не свободу слов, а торжество дел. Программа «Взгляд» – это мрак и рок. А она сейчас наиболее популярна. Может, объективно отражает настроение общества? Ходил в сквер на Пушкинской. Он стал местом ежедневных митингов самых различных групп. Пришлось принимать решение и указ о порядке проведения митингов. Какой-то «Народный фронт» запросил право на митинг, связанный с вводом наших войск в 1968 г. в Чехословакию. Запретили, они все-таки собрались, но милиция разогнала. Правда, уж очень корректно и вежливо. Демонстрации, митинги – новое в нашей жизни. Нет культуры дискуссий, есть стихия толпы. Недалеко время, когда протест переместится из прошлого в настоящее. Будет сложно.

31 августа. Обстановка довольно сложная и, я бы сказал, неопределенная. К сожалению, ни XIX конференция, ни июльский пленум ЦК не внесли сколько-нибудь определенной ясности и конкретности в главный вопрос, поставленный перестройкой: куда и каким путем идти, каковы формы и методы решения проблем экономики, развития сельского хозяйства и других отраслей, составляющих базис общественного развития. Все бои идут на надстроечном уровне и носят скорее эмоциональный, чем практический характер. Может, образ Ю. Бондарева насчет самолета, который взлетел и не знает, на какую площадку приземляться, и суров, но не так далек от истины, как кажется наиболее рьяным агитаторам перестройки (Бакланов, Боровик, Федоров и т.п.). Пока перестройка носит откровенный характер слома всего, что десятилетиями служило обществу. Но ломать, не делать. Энергия

же уходит именно на это. Программы созидания получаются скоропалительными и не очень взвешенными. Ударяют по результатам. Борьба с алкоголизмом унесла 36 млрд. руб. из бюджета, сорвала снабжение сахаром, ухудшило кондитерское дело, озлобило народ. Родился самогон. Внедрение кооперативов – поощрение хищников. Не производят, а берут из общего котла и обогащаются. Чем больше кооперативов, тем меньше в магазинах. Озлобление народа от грабежа за счет цен. Развитие гласности и ограничение подписки. Агропром и признание его уже не нужным. Огонь по штабам. Старая система – бюрократическая, а новой – нет. Раздувая демократию, создаем силу, которая обрушится не только на прошлое, но и на настоящее. Будут судить по результатам.

4 сентября. Опять яркий, теплый солнечный день. Правда, Вера с Егором ездили на Калитники и говорят, что утром был свежий ветер, а шли обратно – взмокли. Я на улицу не выходил. Не тянет. Как-то всё чужое кругом. Не воспринимаю Москву как родной город. Слишком долго отсутствовал и слишком мало осталось тех, с кем начинал, чтобы легко вписаться. Кругом чужие люди, эгоистические страсти, собственные интересы. Смотрел газеты. В «Московской правде» почти на полосу: «Сталинизм: истоки и рецидивы». Странное впечатление: выступают историки – профессора и доктора за «круглым столом», – а разговор по содержанию дилетантский. Вместо серьезного анализа – унижение, передергивание фактов, охаивание всего и вся с позиций злорадства и издевательства. Такое впечатление, что дорвались и упражняются безнаказанно. «Был властный [Сталин], у него, несомненно, была сила воли, был ум, но не глубокий, мудрости у него не было. Хитрый, но хитрость тоже ограниченная». Если у Хрущева хитрость «районного масштаба», у Сталина – «областного». Когда о войне, то, ссылаясь на какие-то записи беседы с Жуковым: «Сталин – штафирка», а «решения Сталина в военных вопросах младенческие»!

При такой характеристике ничего понять невозможно. Дело не в нем, а в оценке целой исторической эпохи. Можно критиковать Сталина, но лишать народ истории, превращать подвиг народа в бессмыслицу – преступление перед многими поколениями, ушедшими и приходящими на смену. Рассматриваются (более мягко) и культы Хрущева и Брежнева. Всё не на анализе, а на эмоциях. Получается, не история государства, а цепь культов. Но если один культ сменяет другой, то это порождение системы, а не личности. Нужен глубокий марксистский анализ истоков, а не последствий.

Мама говорила, что я маленьким в Коповке любил ходить в церковь и молиться. Есть что-то. Может, старость не только опыт, но и отражение в зеркале детства?

8 сентября. […]. Понравилась тональность разговора [Р.М. Горбачевой], но простужена. Мягко, доверчиво, вдохновляет на дела, а не отбивает руки. […]. Говорил с Питиримом по делам краеведения и Сканова монастыря. Интеллигент и знающий краевед. Посылаю ему «Город Пензу» свою.

9 сентября. Всю ночь мотался. Даже снотворные не дают успокоения. Нервные нагрузки на пределе возможного. Ночью читал «Библию». От Марка гл. 24. «Если царство разделится само в себе; не может устоять царство то». […].

10 сентября. […]. В 12.00 уехал на ВДНХ. День журналов. Какое-то жалкое деревенское зрелище. Оркестры, шум, гам, а народа нет. Бабы с авоськами и Ненашев. Представили наш журнал. Хоть народ собрался. Какой-то девятнадцатилетний сосунок из Ташкента со значком «Егор, ты не прав». Оказывается, речь идет о Ег. Кузьмиче [Лигачеве]. Сопли, а из «Демократического союза». Уму непостижимо! Хотел мне задать вопрос как депутату Верховного Совета, но я ему сказал, что надо вкалывать, а не болтаться с неуважительными значками. Уму непостижимо, что творим?

11 сентября. […]. Вчера звонил О. Комов […]. Он хочет лепить меня. Не знаю… Высказал ему мысль о Пензе в ответ на его [реплику] «в Пензе Лермонтова надо делать в погонах». А почему бы его не поставить там в 12-летнем возрасте и попробовать угадать в его облике будущего великого поэта России. Комов зажегся и просил меня пока никому не говорить. Боится, что украдут идею, которую считает гениальной. Для Пензы – это здорово! Да и в Москве можно поставить свое, московское, тоже возрастное. Было бы интереснее. Вообще надо сказать, что Москве с памятниками просто не везет. Наставлено столько откровенного дерьма (включая и комовского Суворова), что удивляет безвкусица руководителей города. […].

14 сентября. […]. Вернулся к себе, а потом на ул. Воровского в посольство ФРГ. Беседа с послом и его женой. Атака «зеленого» члена Европарламента по «Маршу мира», который я плохо понимаю и представляю. Посол США Метлок с женой. Несколько фраз. Уехал почти первым. Дома – пензяки-торгаши.

По TW – из Норильска. Более теплая встреча, чем в Красноярске. Народ добрее. У Р.М. вид очень и очень больной. Зря после Крыма на такой север, да еще с температурой и кашлем. Поздно читал о Брежневе в «Литературной газете». Интересна механика, как он стал первым. Оказывается, главная роль [в этом] Шелепина и Семичастного. Но где-то промахнулись. Пострадало целое поколение комсомольских работников.

17 сентября. […]. Вчера интересное выступление М.С. Горбачева в Красноярске. Почти 1 час 40 мин. Он совершенно искренне хочет делать добро людям, перестраивать жизнь на новых началах. То, что ему кажется абсолютно ясным и понятным, не облечено в достаточно конкретные формы, доступные каждому человеку. Лозунги выполнять сложно. […].

20 сентября. […]. К П.Я. Слезко. Говорит, что плохо в Карабахе. Снова завязывается узел. Послали следователей из Азербайджана, а почему? Перестрелка, ранено 25, один умер – армянин. Похороны грозят обернуться новым взрывом. Как только добираются до коррумпированной группы, пускают в ход национальные рычаги. Снова беда на горизонте! Нам только этого не хватало.

[…]. Беседа с активом из Александрова. Начали с музея Цветаевой. Закончили проблемой создания общества «Классика». Кажется, загорелись. Поджег на поиски библиотеки Ивана Грозного в Александрове. […].

21 сентября. Нервный и напряженный день. Предстоит вести президиум с участием Р.М. [Горбачевой] и при отсутствии Д.С. Лихачева, который является громоотводом. Его щадят. […]. Начал спокойно. Удивительно, но Р.М. прочитала все материалы: на листах пометки. Может, и согласовано [с М.С. Горбачевым]. Кто знает, как там всё делается? Хотел организованно, но много балаболил Попов. Осаживать не хочется, недемократично, хотя он «уделал» культуру в свое время. Р.М. довольно активна и готова по всем вопросам По Гродно и Челябинску – надо идти в массы. По повестке правления «О роли Фонда». По рукописи «Отцы и дети». Денег нет. [Р.М. Горбачева]: пусть Г.В. [Мясников] проработает возможность обмена. Завалила премию журналу «Наше наследие», зачитав вслух хвалебный отзыв о «подвиге» журналистов. Восстала против дня Фонда культуры, считая, что это нескромно (не от скромности, думаю). Одобрила по культуре малых народов, поддержала по библиотечному делу, но вместе с Минкультом СССР. Проскочили по аукциону Кристи. Королев крутился. […].

22 сентября. Какой-то совершенно сумасшедший день. […]. В 12.00 – разговор по ВЧ с Р.М. о письме В. Гуляева о музее керамики, о ее готовности принять картину, если нормально сложится обстановка. Меня пригласила. Теперь всё повисло. Вернулся к себе. Какая-то чехарда с рассылкой журнала, подпиской на него. Позвонил в Минсвязи СССР. В 19.00 опять в Колонном зале. Марков, Карпов, Бондарев, Алексин, А. Дементьев, С. Михалков и др. М.С. [Горбачев]. Здороваюсь: «Фонд здесь». А.Н. Яковлев: «Решили с картиной?» – «Нет, всё запуталось из-за оплаты художников». С Плехановым. «Умеешь с женщинами». – «Но калибр какой!» – «И

мне сложно». Но в беседах [Горбачева говорит], что [Мясников] – обстоятельный, глубокий. Сел сзади М.С. [Горбачева]. Бондарев чуть мягче, но врезал о сжигании мостов, истории и гнидах. Резко! Не знаю, но ему Бакланов, Боровик (присутствовали) не простят. Из Колонного зала уехал домой. […].

1 октября. […]. Уехал к себе. Были Енишерлов, Мельников, Карпухин. Беседовали по рукописи Тургенева «Отцы и дети». Женщина из Пушкинского дома потрясающе фанатична, отрезает пути к отступлению. Беседа с ней очень сложная. И самое страшное, завязался такой узел, что нам не простят, если рукопись прозеваем. Надо ее брать во имя чести культуры великой Родины. Напряженный разговор, но и полезный. После раздумий решили не брать миллион от Оппенгеймера (счастье не в деньгах, которые потом еще не знаешь, куда деть), а переместить за счет покупки рукопись из лавки лорда в сейф Оппенгеймера и потом вести работу о торжественном вручении ее президиуму Советского фонда культуры. Решился с тяжестью в душе, но надо рисковать во имя ценностей культуры. Иного пути нет. Дал согласие приобрести портрет кисти И. Репина за 20 тыс. фунтов.

Обсуждал с В.П. [Поляничко?] ситуацию [в ЦК КПСС]. Развели главных соперников [Лигачева и Яковлева] по углам ринга. В центре ринга – Медведев. Куда теперь бежать «левым» и «правым»? Справится ли он [Медведев] с ролью рефери? Ясно одно, что правила боя изменятся. Не начало ли это нового этапа сосредоточения [власти в руках] одной личности? К 19.00 – в «Россию». Промахнулся, не встретил. Разговор с Метлоком, послом США.

Поздоровалась [Р.М. Горбачева со мной] с первым, но потом холод. Люси Джервис при открытии назвала меня и попросила встать и представиться залу. Запомнила имя и отчество. В перерыве чай с американцами. Я не вникал. Просто присутствовал. В заключение – беседа с артистами. На прощание – поздравления. Всё достойно. Прием в посольстве США. С Метлоком, английским послом, разными американцами. Беседа в углу с Робертсоном. Высказал позиции (присутствовал Егоров из ЦК) […].

2 октября. […]. Какое-то внутренне напряженное состояние. Начавшиеся перемены создают цепь, которая на каком-то замахе может ударить и тебя. Мне вчера она [Горбачева] показалась холодной, может, от величия, а может, от того, что не встретил ее у подъезда. А может, и хорошо, что не оказался в ее свите. На людях надо быть очень скромным. Трудно сказать, что и как будет, а чувство достоинства надо сохранять. Этому учит опыт многих. […].

3 октября. Вчера по TW сообщение о съезде Народного фронта Эстонии […]. Читал и хартию, и программу. Документы – националистического, самостийного плана. Завязываем в Прибалтике (участвуют и Литва, и Латвия) такой тугой узел, который потом будет трудно развязать. Как бы мы ни хитрили в формулировках, создается официальная оппозиция, рождается многопартийность. И членские билеты тут ни при чем. Программа не борьбы, а противостояния. Трудно сказать, но кончится это противостоянием и довольно острым. […].

Согласовал акцию по приобретению тургеневских «Отцов и детей». Позвонил Р.М. [Горбачевой]. Кто-то у нее есть, но просит доложить. Рассказал о семинаре в Вильнюсе, об открытии музея Бенуа. Одобрила теплые слова Д. Бенуа. Расшифровал, что Адамишина из Лансере. Выставка русского искусства. Три недели сложные, но постарается посмотреть. Сама позвонит. Рассказ об Оппенгеймере. Детали. О представлении позавчера, приеме 5 тыс. дол. Всё одобрено. О Сотби и картине Л. Гаури. Надо кончать играть. Носит несолидный характер вымогательства. О музее декоративно-прикладном. Ждет предложений. […].

4 октября. […]. Поздно вечером звонил из Лондона А. Мельников. Подлинность и целостность рукописи «Отцы и дети» подтверждена. Лорд Каррингтон передал мне привет и сказал, что я – «первый большевик», с которым он обедал за одним столом. Поручил сбивать сэра Филиппа [Оппенгеймера] на покупку рукописи. Надо искать решение во что бы-то ни стало. Утром по вертушке с послом СССР в Лондоне Замятиным. Объяснил ситуацию. Он полон оптимизма. Если не получится с Оппенгеймером, у него есть в запасе миллионер, который может приобрести рукопись. Информировал о затруднениях с Сотби, похвалил статью о Пастернаке, условились работать над выставкой. По делам нашей выставки в Милане. Машина закручена. Открытие на конец января. Обговорили детали. […].

5 октября. День более или менее размеренный. Главное, никуда не надо ехать, нигде не надо болтаться, выступать, присутствовать. На прием не поехал. Занимался текущими делами. Зинаида бухгалтер, еще всякие посетители вплоть до странного предложения о кооперативе по исследованию истории скифов. Заявился какой-то полковник в отставке. Уму непостижима фантазия народная.

Хороший разговор с Садовским А.А., директором Музея Пушкина. Энергичный, деловой человек. Тихо, но берет в свои руки Арбат. Может, и откроем Музей одной картины. Настроение есть, есть и помещение. Уговорить бы Третьяковку, Пушкинский, Эрмитаж и Русский музей. Предрешил о передаче Астафьева. Я об этом

только мечтал, а он уже сделал. К Пушкинскому обществу относится настороженно. Условились – общество друзей Пушкинского музея.

Звонок [к Р.М. Горбачевой]. Дали номер. Чей? М.С. [Горбачева]. Позвонил. Подошла Р.М. Ей [предстоит] беседа с [Еленой] Чаушеску: как у них с Фондом? Сказал, что изучали, но не нашли партнера. Национальный совет – это, вероятно, типа польского. Попросила не терять контроль за рукописью Тургенева. Упустить нельзя. Поблагодарил. Нашел в МИДе Л.М. Замятина. Передал разговор. Он что-то выдумывает, но боюсь, что базы нет, а в правительстве 800 тыс. дол. не добудешь. Единственная надежда на Оппенгеймера. […].

7 октября. […]. Прилетела делегация из Лондона. Коротко доложил Енишерлов, потом подробнее – А. Мельников. Поездка удачная. Договорились с фирмой Кристи. Проиграли Репина, но купили скатерть. Привезли от Фальц-Фейна Маковского. Сэр Филипп [Оппенгеймер] обещал рукопись. Трепетно и страшно, если потеряем. Кейпман приступил к делу. Вмешиваться не надо. Позвонил Л.М. Зимянину, послу СССР в Великобритании. Рассказал о некоторых делах. Оживленно воспринимал. Когда же попросил его не вмешиваться в дела о рукописи, обиделся. Воспринял, как устранение его. А зря! Дело тонкое.

8 октября. Вообще какое-то нравственное и физическое ощущение старости. Гнетет, постоянно сидит в мозгу, не позволяя задумывать надолго, строить большие планы. Все-таки жизнь пролетает быстро. Разговорились вчера о культе личности. Оказывается, и у меня есть свои счеты: расстрелян Василий, брат бабушки в Бахчисарае, сгинули в 30-е годы Владимир, Степан и Валерьян, я с мамой перенес ужас голода 1932-33 гг., угроза ареста в 1952-м году. Да, есть свой персональный счет. Но весь вопрос – одному ли человеку оплачивать его исторически? Думаю, что нет. Он – персонификация многого из того, что было заложено в основание строя. Если исследовать историю, то надо внимательно рассмотреть всё от истоков. И тут есть вопросы: разногласия с меньшевиками, обвинения в бланкизме. Почему Г. Плеханов не принял Октябрьской революции? Разгон Учредительного собрания. Отказ от многопартийного правительства. Однопартийность по Ленину – принципиальная основа. Красный террор. Выступление левых эсеров. Сотрудничество с Л. Троцким. Выдвижение И. Сталина на роль генсека. Завещание, в котором ни одного доброго слова ни об одном из соратников.

9 октября. И таких вопросов великое множество. События тридцатых-сороковых годов – это поверхность того, что копилось под спудом. Да и в опыте других стран социализма на новом витке есть повторение всяких культов лично-

стей в иных видах. Что это, случайность или закономерность? Ответ важен, т.к. разрушая сложившееся, сумеем ли мы построить новое на том же фундаменте, на котором всё это вырастало и вырастает?

[…]. Прежде чем начинать глубокие исследования по истории нашего общества, надо найти ответ на главный вопрос: Сталин породил систему административно-бюрократического управления, или система породила Сталина и всё, что связано с извращениями не только его, но и последующих [руководителей]? Смысл многих переполнивших средства массовой информации публикаций состоит в одной истине: за всё приходится платить, история ничего не забывает и не прощает. Но, вероятно, что и за это нынешнее «откровение» кто-то в не таком далеком будущем тоже вынужден будет расплачиваться. Не думаю, что процесс однозначен и одномерен. Он крайне противоречив уже теперь, когда его инициаторы живы и у власти, а что будет после них? Мало думаем об этом, да и жизнь не учит.

10 октября. […]. Были Енишерлов, Чуковский, Мельников по аукциону Кристи. Полезное пребывание, внесло оживление и насторожило жучков руссики, которая иногда, кажется, поступает и через дипломатов. Тут дело серьезное. Привезли от Фальц-Фейна картину В. Маковского «Торг» и сами купили скатерть с подписями актеров МХАТ и других. Пришла посылка за 10 тыс. долларов с автографами Бунина, Куприна, Северянина, Ремизова, Эренбурга из Парижа. […].

11 октября. […]. По телефону с Д.С. Лихачевым. Вернулся из Болгарии. Опять снимается болгарским TW. Устал от позирования, жалуется на приемы в Болгарии. Что-то старческое, брюзжащее. Мало интересуется делами Фонда. Правление просит назначить на ноябрь. Нехороший осадок. Многовато старческого пижонства, положения мудреца со стороны. Не болеет [за дело].

12 октября. Из дома – на ул. Щусева в Дом архитектора на заседание правления Всероссийского фонда. Проскурин, Мелентьев, Шмаринов, Филарет (с перевязанной рукой: напали бандиты на лестничной площадке), Б.А. Рыбаков, Ю. Королев. Зал заполнен, но что-то не видно деятелей культуры. Громко кричали, а когда дошло до дела, сидят по домам и мастерским, тихо гребут гонорары. Кто-то образно сказал о них: «новогодние елки, украшенные погремушками». […].

15 октября. […]. По телефону – с Д.С. Лихачевым. Продолжает позировать перед болгарским телевидением. Кажется, закончили съемки. Жалуется, что устал. Обещает быть в Москве 28-го на просмотре фильма в Доме кино. Греет ему душу поздняя слава. Новые мысли: модель культурной жизни села и опять краеведение. Сказал, что нет главы. С.О. Шмидт хорош, но не организатор. Многое уходит в раз-

говоры. Называет Полякова, члена-корреспондента, но я его не знаю. Просил дать телеграмму Щербицкому по П. Тронько. Забили мужика.

16 октября. Весь воскресный день дома да еще и два раза ложился спать. Сплошной сон. Так спасаюсь от какой-то внутренней тревоги, которая постоянно сидит в душе. Или возраст, или не совсем удачный ход дел в самом Фонде, или сложность вообще обстановки, связанной с коренной ломкой сложившихся устоев, а может, всё вместе взятое постоянно натягивает струну внутреннего нерва, и она вибрирует. Только уснув, уходишь на какие-то часы от забот и тревог. А обстановка, действительно, крайне сложная и противоречивая, трудно предсказуемая. Ясно одно, что находиться в том состоянии, в котором общество было, дальше нельзя. Отсюда объективный выход на перестройку, совершенствование. Вопрос о формах и методах. Перестраивая, ломать, но и созидать. Пока преобладает разрушительная сторона дела. Много ломаем, мало созидаем. Вероятно, увлеклись словом «революционная». Ситуация, по Ленину, когда «низы не могут», а «верхи не хотят». Низы – пока могут, отсюда и отсутствие подлинного энтузиазма. Застрельщики перестройки – интеллигенты, писатели, журналисты. А это еще не рабочий класс и не крестьянство. Мы же увлеклись разрушением: аппарат ЦК уже не работает, аппараты Госагропрома тоже перестали работать, арендный подряд разрушает колхозы и совхозы, идет отрицание специалистов; коллективы не звучат, а только кооператоры. Многое отвергли, не предложив всеобщей замены. Нет модели движения вперед экономики и управления. А это расшатывает государство. Дополняем все это обесценкой прошлого и разрушением веры в «святыни». […].

19 октября. […]. В 13.00 – беседа с венгерской делегацией. Вспомнили Венгрию. Передал привет Гроссу, с которым встречался в Бекеше в 1970 г. Обсудили некоторые проблемы. У них нет нам партнера. Есть много фондов, вплоть до частных, но единого в масштабе всей Венгрии нет и создавать не собираются. Настороженно относятся к Фонду Сороса (они его называют – Шорош). Говорят, что внутри Венгрии он откровенно опирается на оппозицию. Им его политические устремления к «открытому обществу» понятны. Нам надо быть и внимательнее, и бдительнее. Сорос меня не любит и боится. Понимает, что я понимаю его. Лезет через Аксенова. Пусть. […].

21 октября. Холодно. Надел пальто. В летнем плаще уже ходить неприятно. Хотя светло и солнечно. Приехал к себе. В 10.30 собрал аппарат и дал задание по основным направлениям работы на ближайшее время. Всё по всем расписал. Решил идти на спокойном тоне: не всё время ссориться и подталкивать аппарат. При-

ехал Енишерлов. Лихачеву вчера позвонил, но у него болит и не поднимается нога. Трудно старику, да и увлекся он славой – полгода позирует съемочным группам. Что-то говорит, что-то пишет. Собирает последние лучи теплого солнца славы. А. Сахарова избрали членом президиума АН СССР, а его обошли. Вероятно, обидится. […]. К сожалению, ничто человеческое и ему не чуждо, хотя внешне – идеальной интеллигентности человек. […].

22 октября. […]. Опубликован проект закона об изменениях в Конституции. Торопимся ломать старое и вводить новое, хотя и плохо понимаю, как всё это соотносится с решением самых животрепещущих задач особенно экономики. Дело сделано: генсек стал Председателем Президиума [Верховного Совета СССР]. Идем дальше, ломаем систему. Еще одна загадка – министры не будут депутатами. Дадут творческим союзам избирать депутатов, а там драка такая, что и без этого пыль столбом стоит. Не надорвутся ли в борьбе за место под солнцем? Боюсь, а не окажется ли наше время перестройки временем громких лозунгов, страстных политических столкновений в оценке прошлого и откровенного, еще более тяжелого застоя в развитии основы основ жизни народа – экономики. Такая опасность существует реально. Пора бы переходить от разрушения к созиданию. […].

24 октября. […]. Что-то ЦК начинает затихать, а вместе с ним и другие службы. Речь идет уже не об ускорении, а скорее о замирании деятельности. Механизм продолжает разлаживаться и демонтироваться, а монтаж нового оборудования общества пока звучит в призывах, словах, проектах документов. Бумаги важны, но из них не сделаешь нового механизма. Наш механизм – это дела народа, а не слова руководителей и интеллигенции. Состояние напоминает лес во время ветра: верхушки шумят, падают шишки на землю, а деревья стоят неподвижно.

Говорил по телефону с Д.С. Лихачевым. Не нравится мне его настроение. Что-то ворчит старик, готовит критику и т.д. Не понимает сложности обстановки. И без него тошно, а он добавляет. Надоедает это старческое ворчание. […].

25 октября. Сегодня такой гололед, что после обеда Москва заткнулась в потоках машин. И как в годы «застоя», дорожная техника не работает. Приехал к себе. Всякие текущие дела, вопросы. В 10.00 – Муслим Магомаев. Написал книгу о каком-то американском певце. Хочет, чтобы мы издали, а он нам отдает гонорар и все права на эту книгу. Ищет какой-то издатель из ФРГ (мой знакомый по индийскому центру). Дело неясное, сомнительное. Надо всё просчитать. О концертной деятельности. Оказывается, он начал выступать по приглашению кооперативов. Если государственная ставка – 210 руб., то кооператив платит не за самый кон-

церт, а за выступление 2 тыс. руб. «Имеет смысл»! Идет очень сложный процесс «коммерциализации искусства». Закончится он утратой духовных ценностей. Зарабатывать будут не на классике, а на «клубнике». Поистине одаренных людей мало, а шумной привлекательной серости полно. Надо видеть эту опасность. […].

29 октября. […]. В Верховном Совете СССР при голосовании указа о порядке проведения демонстраций и митингов в Совете Союза 1 воздержался, в Совете Национальностей – 12 «против», 1 «воздержался». Событие «историческое», первое за всю историю Верховного Совета!

В 17.00 заехали Д.С. Лихачев и З.А. [его супруга] и в Дом кино на открытие сезона. Целиком посвящен сталинским репрессиям. Появился Аркадий Ваксберг (знает меня), Гусман, Рой Медведев, Андрей Вознесенский и др. Показ фильма «Власть соловецкая». Картины, плакаты, сбор средств на «Мемориал». Дают квитанции, значок и календарь. Сборище ведьм. Фильм не очень интересный, но с заходом уже в 20-е годы. Роль М. Горького и т.п. Как я и предполагал, вопрос начинает уходить более глубоко, чем казалось организаторам осуждений. Орлов, 1900 г. рождения, выдал: «Надо говорить и о «ленинщине». (Аплодисменты!) Еще в Смольном Ленин и Дзержинский разрабатывали разгон Учредительного собрания. С начала 1918 г. я стал бояться ночных звонков. Не со «сталинщины» всё начинается!» – его вывод. Записки: 1) о роли Троцкого 2) кто скрывает Кагановича? 3) правильно ли расстреляли семью Николая II. Идём…

Д.С. Лихачев назвал имена сидевших [в тюрьмах]. Его «укусил» рядовой – удобно устроился… Уехал, не дожидаясь конца этого шабаша.

30 октября. […] Вера вернулась из Пензы. Дома сразу стало и теплее, и уютнее. Рассказы о Пензе. Не жалеет, что уехали. После Москвы – это большая деревня. Мое счастье, что попал в период, когда из глухой деревни Пенза стала городом. Многое удалось сделать. Может, и Пензе повезло, что в самые плодотворные годы меня туда сослали и продержали 25 лет. Период благодатный. Были и замыслы, и силы, и власть. Может статься так, что это вообще уникальный период в развитии города. Многое сделано. Можно еще что-то придумать, но запасов мало, да и нет желающих. Народ помнит, ценит, хотя город полон зависти, слухов, даже злобы. Многое преувеличивают. […].

3 ноября. […]. Дурацкое письмо Лихачева. Выбило из колеи, оглушило. Надоедает это старческое брюзжание. Не первый раз мне нож в спину вместо благодарности. Увлекается. Уехал домой. Валялся. Работать не хочется.

После обеда – беседа с Р. Щедриным. Привлекли его в ассоциацию благотворительности. Надежда на международные связи. Сравнил его с Лермонтовым в музыке. Потом Енишерлов и Чуковский. Показал письмо. Ничего не понимают. Кто-то накрутил. Просят не обращать внимания. Но надоедает. По вертушке – с П. Слезко. Говорит, что у него такое же положение, как было у меня в Пензе. Всё понимает, оптимист, но все-таки обидно. […].

4 ноября. Настроение напряженное в связи с выходкой Д.С. Лихачева. Конечно, кое-что можно списать на возраст, но думаю, что явления лежат значительно глубже и серьезнее. А. Компанеец был у него вчера до поздней ночи. Какой-то поток старческих недовольств, связанных с тем, что я много советуюсь с ЦК КПСС («мне Горбачев говорил, чтобы был независимый и сам решал»), что мало ставлю в известность о делах Фонда, не принимаю подругу его погибшей дочери И. Юденич и т.д., и т.п. Озлоблен, выглядит неважно, врачи уложили в постель. Да, не понравилось, как резко я задал вопрос о попытке Аксенова сместить меня, о чем я узнал от разговоров его с другими («меня так только следователь допрашивал!»).

Критикуя административную систему, утверждая внешне необходимость демократии, различных точек зрения, борцы за демократию сами наиболее авторитарны. Им хочется, чтобы демократичным были только их слова, а правильной точкой зрения – только их точка зрения. Всё остальное – враги демократии, «враги перестройки». Идет сложный процесс. Думаю, что дело в том, что начинается и на нас натиск «левых сил», которые всё высчитывают и видят, что нам пока удалось уйти от левых движений, мы не участвуем в «разбойном разносе» нашего прошлого, не стали учредителями «Мемориала» и т.д. Им бы в руки авторитет нашего Фонда и нашу дубинку, можно представить, что бы они творили! […].

5 ноября. Сменил галстук и решил, что без боя не будем сдаваться. Просто так уходить нельзя. Нельзя отдавать позиции левым без сопротивления. Это было бы дешевым подарком. Идет подготовка к выборам, обсуждаются поправки к Конституции. Много сырого, недоработанного, спешного. Кажется, кто-то руководствуется лозунгом: разваливать так разваливать. Ума не приложу, кто заказывает эту музыку. Кто ее исполняет – понятно. Но кому всё это нужно? Есть грань, через которую нельзя переступать. Представляю себе, в какое «событие» превратятся очередные выборы! Это – разгул страстей, анархии и демагогии под покровом речей о «перестройке», которая в экономической сфере уже задохнулась и не дала ничего ощутимого, в политической – стала угрозой нашему строю, теряем ценности, за которые заплачено так дорого.

Раздаются голоса: а не захлебнется ли «перестройка»? По-моему, вопрос задается поздно. В разговоре со мной Родион Щедрин глубокомысленно сказал, что у страны последняя возможность. Я согласился, но подумал: созидания или разрушения? Вот где вопрос. Позвонил В. Енишерлов. Пытался переговорить с Д. Лихачевым, но тот спал. Оставил ему записку. Вечером – по телефону. Впечатление такое, что он [Лихачев] забыл о письме, хотя чем-то недоволен. Будем искать варианты.

У меня Д. Сорос и Н. Буис. Какое-то внутреннее неприятие этого разбогатевшего еврея. Немного поговорили. Воткнул ему, что обещали невмешательство, а он два дня провел на комиссиях. «Я не вмешивался». Говорит, что ему интересно посмотреть, как всё начинается. Получили 2 тыс. проектов, приняли около 40. Смутило меня, что крупную сумму [Сорос выделил] на «Мемориал». Промолчал. Разговора не получилось.

На приеме в «Совинцентре». Раушенбах, Заславская, Андрей Вознесенский, Афанасьев-историк и др. Много шушеры сплотилось около «Культурной инициативы». Резкий разговор с пресс-центром МИД Герасимовым. Икру жрем, а доярки по брюхо [в навозе ходят] на дойку. Может, делом пора заниматься?

6 ноября. […]. Приехал В. Енишерлов. Думает, что старик успокоится. Кто-то его накручивает. Надо больше информировать и держать в курсе всех дел. Можно и так, но затруднит реакцию и оперативность. О. Карпухин со своими новостями. Он считает, что не надо принимать близко к сердцу. В ЦК идут сложные процессы перестановки сил. […].

С Л.Ф. Ильичевым. Поздравил [с годовщиной Октября?]. Доволен. Говорю, что надо писать. «Не пишется. Сказать правду – она не уложится». Если Хрущев знал [о готовящемся смещении], почему не боролся? Дал цитату [слова Хрущева]: «70 лет, время уходить. Привык бороться с врагами, [а не с товарищами по партии]».

7 ноября. На демонстрацию, хотя и есть пропуск, не пошел. […]. К 14.00 с Верой – в Большой Кремлевский дворец на прием. Немного опоздали. Уже вступительная речь произнесена. За столом В. Павлов, Г. Ягодин. Перекланялся с Г. Баклановым. Потом подошли к священникам. Пожал руку Ювеналию, патриарху Пимену (сидит один). М.С. Горбачев: «А, мощный Фонд!» Жена. [Горбачев] поздоровался и поздравил Веру с праздником. Шеварднадзе, Лукьянов. Нашел Лихачева. Хмурость, а потом всё проще и легче. Оказывается, он сформулировал 14 пунктов проблем. Не хочет противостояния, а обсуждения. Сказал ему, что не расходимся в главном. С его точки зрения, есть несогласия. На 11-е (успел уже пе-

реговорить с Р.М.) – прием даров, а потом узкое заседание, но без Бондарева, Олейника и Проскурина. Допускает глупость. Но ее надо пока принять. Нарушение демократии – это поступок.

Лукьянов готов встретиться до 20-го. «Ты знаешь, какая у меня библиотека?» – это ко мне. Уехали. В дороге – продолжение дискуссии [с Лихачевым]. Сказал, чтобы об Аксенове решал сам. [Переложить] на меня – может воспринять как месть. Не знаю, как поступит. Зудит на него здорово. Условились, завтра Карпухин и Лукницкий будут у него и расскажут о наших делах. Он их просто не знает. Комиссии, выставки, день молодежи 12 ноября. Надо просвещать.

8 ноября. Практически весь день продрых. Даю покой нервам. Надо набираться сил, если предстоят битвы. «Интеллигент» затаился. Трудно сказать, что он выкинет. Попробуем его втягивать в практические дела, если хватит у него желания и сил. Не столько дело, сколько ревность движет им. Хочет сбиться на левые позиции, вероятно, завидует шумности иных компаний, хочет ворваться в свору «перестройщиков», но есть рубеж. Как его преодолеть? Тут, скорее всего, весь вопрос. Да еще ненависть к Бондареву, Проскурину и другим по-настоящему крупным писателям. Содрогается, когда они отстаивают Россию, ее интересы. Он же – типичный космополит, человек, воображающий, что принадлежит мировой науке. Ему истинно русское не очень дорого. Отсюда и предисловие [Лихачева] к «Живаго» Б. Пастернака, и многое другое.

Был у него О. Карпухин. Потратили 3 часа, всё по деталям изложил, но от президиума не отказывается. Старческое упрямство. Будем собирать президиум, но в полном составе. Надо затянуть Бондарева, поднять из больницы П. Проскурина. Это остудит пыл и сдержит или вызовет крайность. Посмотрим, но давать шутить хватит. Предложим механизм взаимодействия, но удержится ли на этом? Старость дает себя знать, а уходить не хочет. Да еще впереди депутатство. Едва ли расстанется с такой возможностью. Обидно, что тратится время и нервы на пустое. Главное сейчас – начать практические дела, имеющие всесоюзное звучание. Но их в запасе не очень много. Будем смотреть и думать. […].

9 ноября. […]. Решил поехать в Узкое к Д.С. Лихачеву. […]. Опять он завелся и начал с заявления. Мне это надоело. Сказал ему, что уже становится неинтересным и ординарным. Не для того создавался Фонд, чтобы его бросать в самый сложный период. Жмет на Аксенова. [Я] повторил: это его заместитель, он и должен решать. Закончили тем, что в Фонде он верит мне, Карпухину и Енишерлову. Другого – нет. Чтобы не рождать слухов, решили заседание проводить открытым с

выступлением Лихачева. Сам полез целоваться. На том и расстались, хотя старик тщеславен и завистлив, любит сплетни.

10 ноября. […]. Заехал к себе. Хотел на комиссию, но в 14.00 просила позвонить Р.М. [Горбачева]. Позвонил через спецкоммутатор. Меня там уже знают по имени отчеству, сразу соединили. Хочет завтра встретиться с литовскими женщинами у нас в Фонде в 13.00. Готовится дарение на завтра. Прекрасная витрина для коллекции янтаря. Молодец Родимцев. Компанеец привез от Б.А. Александрова. Разговор с З. Карповой. Оказывается, Лихачев не терпит Компанейца. Считает, что его приставили к нему. Да еще надо кормить. Кошмар! Мелочность!

Был Енишерлов. Старик успокоился. Я ему позвонил. [Он]: «Буду выступать резко, но не против вас». Ничего себе. Да пусть выступает! Обидно, что любит наушников. Это породит в аппарате склоку. Аксенов уже носит слухи, что я иду на пенсию. Может, от себя, а может из ЦК через отца. Ни хрена не поймешь в этом вертепе. Позвонила Иветта [Воронова]. Доложила о благотворительности. Он с ней согласен. Вопрос об Ашкенази. Говорит, что раздражен международными делами. Хотя показали не то. Пусть бесится.

11 ноября. […]. К 10.30 приехал Д.С. Лихачев, около 11.00 появилась Р.М. и с ней пятеро. Угаров, Попов, Фалин. Нет, как всегда, Бондарева, П. Проскурина. Начали с даров Фонду. Прекрасную коллекцию янтаря передал Бондаренко из Ленинграда. Собрание уникальное, что-то 4-5 млн. дол. Это самый пока дорогой дар. Борис Александров [подарил] картину И. Репина («Серебреная медаль Академии») и Л. Пастернака – генерал Павловский. Заседание президиума. Открытое. Около часа говорил Д.С. Лихачев. Есть путное, беспокоящее его, но много старческого, надуманного. Резко – по поводу Аксенова. Выступление В. Попова. Рубанул В. Енишерлова за Солженицына. Интересно – Р.М. Горбачева, очень взвешенно, спокойно, с пониманием [возраста Д.С. Лихачева]. Я заключал. Сказал, что много правильного, это дает хороший повод поднять требовательность к замам, у которых есть промахи, и аппарату. […].

12 ноября. Несмотря на субботний день, поехал на работу, чтобы доработать кое-какие детали. Вчерашний президиум снял напряжение. В аппарате было волнение, чего-то ждали, но не состоялось. Можно примерно понять, кто и зачем ныряет к Д.С. Лихачеву. Какое-то мерзкое осадочное состояние к самому аппарату. Придется, как ни странно, учиться не любить аппарат. Московская мафия – производное от эпохи застоя, и не считаться с ней нельзя. Ее просто надо давить, пресекать и саму мысль о вседозволенности. […]. Всё надо расставлять по местам и

требовать. Как-то демократизация, перестройка выбили из колеи, создали во всех слоях, да и у меня в душе состояние неуверенности, неопределенности. Всё расшатали, многое оплевали, а замены нет. Не на что опереться, нет светлого сзади, нет и светлой цели впереди. В этом трагедия времени. Перестройщики – горлохваты, которые всякое противоположное для себя мнение выдают за движение против перестройки и начинают групповую борьбу. Дело это темное и опасное. Торжествуют демагоги.

14 ноября. […]. Испортил настроение субботний диспут. Он – отражение состояния и умонастроений общества, особенно молодежи. Давно не сталкивался с аудиторией с глазу на глаз. Изменилось всё здорово. Дал интервью для радио. Программа «Мир и прогресс» на зарубежные страны. Вроде бы получилось. Интересная и откровенная беседа с Родионом Щедриным и Аллой Демидовой по благотворительности и культуре. Умные, вдумчивые люди. Из диспута сделал два очень важных вывода: народ перестал принимать президиумы в любом виде. Даже и академика. Лучшими выразителями дум становятся юродивые. Юродство вызывает восторг, а это страшно. Скоро актеры театров встанут на четвереньки и будут брехать, чтобы привлечь зрителя. Эпоха НЭПа, распущенности, вседозволенности. Страшно. Щедрин и Ростропович. Пусть намекнет, а мы готовы Фондом поддержать и обеспечить высшее приглашение. Дома. По TW приезд М.С. Горбачева в Орел. Р.М. была в Большом и в отчете впереди Захарова и Лаврова. В беседе [запомнилось] одно место: «Плохо со снабжением, меняйте своих руководителей. От них всё зависит!»

15 ноября. […]. Появился Компанеец. По собственной инициативе мотался к Д.С. Лихачеву. Говорит, что старик злой, раздражен. Просит расширить запись выступления и что-то дописать. В. Енишерлов и Д. Чуковский. Старик звереет. Хочет знать детали, но вникать боится. Дмитрий слышит только самого себя. Надо щадить. Но устаю от этой ненужной волокиты. Был Г. Бурков с какими-то дельцами-романтиками по созданию центра Шукшина. Практически театр, но при Госкино, рассчитывают на самоокупаемость. Блеф какой-то, но чтобы не показаться бюрократом, слушал и делал вид, что интересно. Дядя Ашкенази из Горького. По судьбе племянника. Готовы отнестись с пониманием. Пусть приезжает с благотворительными концертами. Примем. О Макарьевском монастыре в Горьком. Пусть собирают деньги! […].

16 ноября. […] Михаил собирается завтра лететь во второй раз за этот год в США. Молю судьбу и прошу Всевышнего, чтобы всё обошлось хорошо. Очень

сложная и напряженная поездка, хотя стало так много мотаться в Штаты, что билеты на самолет уже достать трудно. Говорил сегодня по телефону с В. Ашкенази. Доволен звонком, но один ехать не готов, а просится со всем Королевским симфоническим оркестром (а это 100 гавриков). И еще еврейская деталь: сам готов отдать гонорар Фонду культуры, но не знает, пойдет ли на это оркестр. Послушаешь (пожелания и папы, и дяди благие), а когда доходит до дела, начинаются сложности. Все-таки евреи твердо знают свое дело: ну и хитрые бестии! Надо попробовать и с Ростроповичем. Он тоже поставит какие-нибудь условия.

Все эти дни менялась погода, шли какие-то наслоения и нервы были не пределе. Утром так не хотелось идти на работу, хотя день ответственный – прилет Максвелла, представление журнала, прием в пресс-центре МИДа. Приехал на работу – новость: Максвелл ночью прислал телекс, что из-за погоды не может прилететь и откладывает визит. Созвонился с Д.С. Лихачевым. Он повеселел: и ему, видно, уже трудно подниматься и двигаться. Странно, но срыв мероприятия подействовал возбуждающе и переломил настроение. Появилось желание действовать, что-то делать, работать. Давно такого не было. Беседа с Барри Марчевым. Но до этого мне из Парижа позвонил Р. Максвелл. Мельников хотел по-английски, но Роберт попросил меня и показал, что достаточно хорошо владеет русским. Объяснил: грипп, погода в Москве не совсем летная, условились, что прилетит 5 декабря вечером, представление 6-го, улетит 7-го. Скороговоркой попросил о переговорах с Барри по издательским делам. Согласен: «Договаривайтесь». С Барри почти 3 часа. Главное – издание приложений к журналу «Наше наследие», мемуарной литературы, альбомов из личных коллекций. На интересной основе: готовим мы, издают они, а прибыль, за минусом затрат, делим пополам и в рублях, и в фунтах. Основа хорошая. […].

Да, был Совет малых народов. Помог им. Есть хорошие идеи. По Захарово с Е.М. Чехариным. Ужас. До чего же откровенно ленив и бездеятелен. Как таких земля держит? Потом с Ю. Мелентьевым. Чувство зависти, злости, хотя барин и постоянно говорит.

Смотрел отчет о встрече Б. Ельцина в ВПШ. Не согласен с Горбачевым. Надо президента избирать прямым и тайным голосованием из двух. Ясно: рвется в президенты. Вошел в «Мемориал». […]

19 ноября. […] Вчера весь день дома. Вера не дала валяться. Пришлось убирать и пылесосить квартиру, а дело это объемное. Только к вечеру сходили за молоком и хлебом на ул. Горького. Что-то тяжело, прихватывает сердце. Вечером по TW – пребывание [Горбачева] в Индии, вручение приза Индиры Ганди. Много речей. В президиуме и М.С., и Р.М. Шеварднадзе в зале. Он объявил и поздравление

от нашего народа, и передачу средств на центр советско-индийской дружбы в Дели. Слушал интересную передачу о певце Кикабидзе из Грузии. Новая песня об отце. Странные параллели: если первый куплет не пошел, не воспринимается, значит, песня не состоялась и не станет популярной. Тут что-то есть от общих закономерностей. А пока много «первых куплетов» не проходит: борьба с алкоголизмом, госприемка, госзаказ, агропром, кооперативы… Есть над чем задуматься.

В «Известиях» – странное интервью Г.И. Воронова. Всё, что творил сам (беспривязное [содержание скота], выравнивание зяби, кукуруза, борьба с травопольщиками и т.п.), теперь валит на местные органы. Удобно, но не убедительно. Многие дела и особенно выступления прессы создают впечатление, что мы приступили к сооружению пьедестала, памятника очередной благоглупости. Если резче: моя жизнь пришлась на зарождение, расцвет и увядание творения, ради которого пролито столько крови лучших умов России. Власть государства над народом означала единство, власть же народа, выражаемая крикливыми группами всякого рода конъюнктурщиков от перестройки, разъединяет народ. События в Эстонии, Армении и т.п. – грозные признаки неблагополучия в системе управления. […].

21 ноября. […]. Пришел Енишерлов. Появились признаки новых капризов Р. Максвелла. Готов приехать, если примет Р.М. Горбачева. Позвонил В. Гусенкову. Тот, как всегда, крутит: «Пиши. Пока не звони. Сложная поездка в Индию» и т.п. Решил, что тянуть бесполезно и позвонил, поздравил с поездкой в Индию. Говорит, что напряженная программа. Журнал женщин. Обмен мнениями. Поздравил с приобретением письма Пушкина, она: «Взаимно». Письмо Тургенева. Рассказал о Вяземах и Захарово. Позиция Лихачева: хочет создавать бюро президиума. О Р. Максвелле. Всё время сомнения и справедливые, что капиталисты ничего даром не делают. Объяснил. Попросил прислать записку. Будет решать. О моем голосе. Сказал, что оптимист, но переживаю и не терплю равнодушных и спокойных. А сложностей у меня много. Она – с пониманием. Говорит, что [у нее] сложностей «не меньше». «Деритесь!» Приятный, душевный разговор. Через несколько минут – ее звонок. Подумала и не поняла, что за бюро. Это – нарушение устава. Упрекнула, что пока не имеем подхода к молодежи. Правда! Надо думать не только о «Классике». Поход культуртрегеров на село. Что-то в этом духе. О кооперативе мод. Есть письмо. Высказал сомнения, она согласна, но попросила помочь. […].

23 ноября. Во вторник встретил в театре оперетты Семена Веселова. Он со мной в 1945 г. учился на первом и, кажется, единственном выпуске Московской комсомольской школы. Потом работал секретарем московского обкома комсомола,

когда я – в МГК ВЛКСМ. Последний раз наши пути пересекались, когда орготдел ЦК, а скорее всего, М. Суслов, приняли решение направить меня советником к Амину в Афганистан. Я категорически отказался, сославшись на болезнь, и почти открытым текстом [заявил] Борису Моралеву (его жена училась с нами в МКШ), что считаю и Пензу хорошей ссылкой, дальше отправлять меня, вероятно, не следует. Мне как-то обошлось, послали другого «комсомольца» – Семена Веселова. Дела лежали где-то рядом. Матрос. Фронтовик, с отстрелянными пальцами. Лихо выбивал пробки из бутылок. Потом мотался где-то в Азии, а в Афганистан уехал с поста второго секретаря Башкирского обкома КПСС. Постарел, на пенсии, но держится.

Сегодня открыл газету – некролог. Умер Николай Кузнецов, в то же время учившийся в Московской комсомольской школе. Он из бауманцев. Фронтовик, без одной руки. Был вторым секретарем МГК КПСС, потом лет восемь министром культуры РСФСР. Оказывается, жил на 12-м этаже нашего дома, но все время болел, а я его так и не встретил, хотя пути пересекались по месту жительства. Уходит наша гвардия. Трудно сказать, кто еще остался из тех МКШовцев 1945 года. […].

10 декабря. […]. События в Армении носят страшный, катастрофический характер. […]. Интересную мысль вчера высказал Борис Олейник. Он считает себя немного экстрасенсом. Говорит, что отказался от поездки в Армению в связи с тем, что чувствовал, что поездка добром не закончится. Но не это главное. Столкновения и события в Азербайджане и Армении последних месяцев он расценивает как народное предчувствие беды, которая случилась. Народ был возбужден, и это возбуждение в предчувствии беды выливалось в митинги, скопища, непродуманные действия. Это – результат стихийного внутреннего беспокойства, неустроенности и незащищенности перед природной стихией. Отсюда массовый психоз как предчувствие трагической развязки. Что-то в этом есть, вероятно. Можно и так думать. Ноет же иногда сердце в предчувствии беды. Так и у целых народов может быть.

Позвонил А. Мельников. Р. Максвелл прислал личный самолет с медикаментами и одеждой в помощь армянскому народу. Значит, не изменил отношения. А нам лень было встретиться с ним!

12 декабря. Заехал на работу, а потом в ДК на Волхонке на совещание краеведов. Говорят, что с 1930 г. не было такого совещания и разговора о краеведении в полном объеме (не только историческом). Я открыл. Почтили память погибших при землетрясении. Вступительное слово, его смысл – объединить усилия краеведов, возродить краеведение как фундамент культуры. Идти от человека, его малой родины. Главное – консолидация сил, поиск форм объединения. Если хотят – можно

под эгидой Фонда культуры. Доклад Шмидта С.О. Интересный, но академический, очень уж глобальный. Да и многие выступления – наукообразные, заумные, ведомственные. Перед обедом реплики: соединить глобальное и конкретное; идти от реалий; интеллигентность и энтузиазм надо рождать; добиваться конкретных результатов. […].

13 декабря. […]. Около 13.00 – Ланунт, председатель общества «Дания – СССР». Подарил картину С. Герасимова. Портрет женщины. Интересный. Он помнит Октябрьскую революцию, старый друг России. Создает из своей коллекции музей в каком-то датском городке. У него более 100 работ передвижников. Николай Егорычев – вице-президент общества – его друг. Разговор с ним о прошлом. Оказывается, он предлагал Косыгина. Шелепин, Демичев, Полянский понимали, что Брежнев слаб, но думали о себе. [А Брежнев] оказался слабым, но хорошим политиканом с крепким окружением. Оно и решило исход борьбы […]. Потеряли целое поколение более грамотных, выдержанных, прошедших войну. […].

17 декабря. Поехал на работу. В 11.00 начался прямой эфир – Всероссийский фонд культуры. П. Проскурин – примитивен по мышлению, пошел с подготовленного текста. Потом выступил Филарет. И получилось в итоге представление православного Российского фонда культуры. Всё забила религия, проблемы ушли на задний план. Филарет активно и очень эрудированно использовал тупость остальных представителей фонда, забил всех и вся. Да и видеоряд, и музыкальный фон подготовлены так, что выбора не было. Сразу звонок из ЦК, но это менее страшно, чем вечера, посвященные А. Солженицыну, и сборища «Мемориала». Внутренне (для себя) я доволен, что вера наша православная, которой от*дали жизнь свою мои далекие предки, наконец заявляет после стольких лет безвременья о себе полным голосом. Что-то тут есть доброго, народного и светлого. […].

18 декабря. […]. Когда читаешь оценки прошлого, то вольно или невольно у моего поколения должно рождаться чувство бесполезно прожитой жизни. А это ведь страшно и несправедливо. Думаю, что нагнетают это «леваки», которые не видели ничего светлого в прошлом. И самое главное и опасное: они же будут под вой и хохот хоронить перестройку. Сначала ее девальвация, потом шумные похороны. Таков неизбежный ход событий. Наиболее ярым горлопанам оценку даст народ, а они будут говорить о рабстве народа, тупости толпы и иных силах. Еще предстоят коллизии и очень грозные. Из левой искры не разгорится пламя, а дыма будет много. […].

23 декабря. С утра на работе. Постоянная очередь в приемной. И что устрашает, каждый день куда-то надо перечислять деньги, а доходов мало. Нет грамотно поставленной экономической работы. У Новожилова ничего путного не получается. Привык жить на бюджете. Не ладится. Хватается за случайное, а целенаправленной добычи нет. Звонок. Яковлев. «Не Егор?» – «Нет». – «Здравствуйте, А.Н.» – «Ты мне звонил»? Рассказал [Яковлеву] об Ашкенази. Одобрил. «Как живешь?» – «Я однолюб. Когда разошлись, чувствую одиночество». – «Заходи, поговорим. Как Сорос?» – «Хитрый, меня не любит как классового врага, но отказываться не следует». – «Правильно!» Условились о встрече в среду. Вероятно, вечером.

Возился со всякими делами. Д.С. Лихачев попросил президиум перенести на 12.00. Позвонил Р.М. Подошел, кажется, М.С. [Горбачев]: «Кто?» – «Мясников». – «Она у врачей, передам». Пока обедал, позвонила. […]. Ее что-то беспокоит, не устраиваются ли под крышей Фонда силы, которые хотят ездить за границу и делать свои дела? Объяснил позицию Д.С. Лихачева. Ее не устроило. «Вы не хитрите, сами понимаете, не делайте из меня школьную учительницу. Надо решать на президиуме». Нотка раздражения. Говорит, что, может, больна… Сказал, подумаю и внесу на президиум. Что-то о Проскурине и Бондареве: почему они молчат, хотя крупные русские писатели? Еще намек. Вспомнила, как протаскивали редактора «Нашего наследия». Журнал еще не читала. В общем, день головоломок. Живу в каком-то иррациональном мире. В Колышлей легче пять раз съездить, чем один разговор по телефону. Много претензий. Капризность есть, но не яркая.

27 декабря. Президиум по выдвижению кандидатов в депутаты. Доложил. Назвал Лихачева. Он – о своих. Кого видит, того и называет. Встали другие. В один момент на основе «демократии» накидали 16 человек на 5 мест. Не получилось. Я предложил или одного Лихачева, или собираться еще раз и рассмотреть более обстоятельно. Свою кандидатуру снял. Важно главное – Р.М. [Горбачева] свою кандидатуру тоже сняла. Это делает ей честь и вносит ясность. По телефону дважды говорила – «это частный разговор». Видимо, шли советы, раздумья. Приехала больная. Заинтересована. Обсуждали Дм. Покровского – всё прошло. Опять сыр-бор вокруг «Мира культуры». Самвелян объяснял, просил Д.С. Лихачев, но непреклонна. У нее своя точка зрения. Ее и диктует. Чем дальше, тем больше проскальзывает за внешне ласковыми словами стремление к диктату, непримиримости ко всем точкам зрения, кроме своей. Мне показалось, что она повсюду ездит не потому, что он [Горбачев] этого хочет, а просто не может [ей] отказать. Видно, в семье она ведущая, он – ведомый. А это для политического деятеля такого масштаба сложно и опасно. Это обернется не столько против нее, сколько против него. Народ

это не приемлет, и найдется форма, когда об этом скажут откровенно. Только около 4-х проводил до подъезда. Какой-то на этот раз сложный осадок в душе. Со всеми разговаривает, всех выслушивает, не торопится, хотя говорит, что плохо себя чувствует. Хомут я одел сложный. Капризный старик и волевая женщина. Как вертеться в этом пространстве?

28 декабря. Размышляли об итогах президиума. Мало участвует В. Аксенов. В. Новожилов просто нервничает и больше ничего. Дал мне детектор состояния: сколько ни кладу на него палец – все время черное, стрессовое состояние. И оно длится более 2-х лет. Трудно сказать, сколько всё это можно выдержать. Как мотор перенесет? Когда выпивал и с избытком даже, были душевные муки, но они быстро снимались. Теперь – постоянное напряжение. Позвонила Р.М. [Горбачева]. Говорит, что не очень довольна президиумом. Ей показалось, что он не подготовлен, и в Фонде культуры есть проблемы. Сказал, что теперь без проблем никто не живет. Вообще всё в сплошных проблемах. Насчет неподготовленности, надо учитывать, что человеку 82 года, и он говорит то, что приходит на ум. Диктовать сложно. Она понимает, но надо его беречь как знамя. Сказал об отставках. Для нее – новость. Условились искать лучший вариант кандидатов. […].

31 декабря. […]. Нашему дому подготовили «новогодний подарок». Сняли мемориальную доску Черненко К.У. Не знаю, было ли в газетах, но по телевидению объявили о решении снять все наименования и переименования, связанные с Л.И. Брежневым и К.У. Черненко. Так в еще одну историю попал наш дом. Правда, неясно, почему на нем сохранится доска М.А. Суслова, а на Кутузовском – Ю.В. Андропова. Решают, но избирательно. Суслов заменил Бондаренко, отверг его во имя нынешнего [Горбачева] (и это помнят). Андропов – прочил в приемники нынешнего [Горбачева], а перехватил Черненко. Не так всё просто, как думают массы в период «гласности и демократии». […].

1989 год

6 января. День архинапряженный, хотя машина запущена и уже ничего почти сделать невозможно. Настораживает, рвет душу, что перенесли на завтра – суббота, да еще Рождество. Сегодня в ЦК встреча с интеллигенцией. Начали в 10.00 утра. Там много моих учредителей. Боюсь, что замотают так, что у них ни желания, ни просто сил прийти, завтра не будет. Начали отпадать и так. Позвонили от Верченко. Ходил на таблетках сердечных, сегодня упал, отвезли домой. Такие выборы могут уделать многих. Гипертонический криз. Подвел А. Компанеец. Список надо делать, а он до 12-ти болтал с посетителями. Любит красоваться, басить, а не работать. Сколько ни зарекался иметь дело с хохлами, постоянно на них промахиваюсь. Жизнь дурака учит, а выводов не делаю. Редактировал порядок введения. Испытание, но надо выдерживать. Потихоньку собираю материалы. Некому печатать. Те, что печатают, делают плохо. Конторское дело у нас запущено. Около 8-ми собрал полностью папку и уехал домой. Совещание в ЦК (звонил Лихачев) закончилось только в семь вечера. Судя по всему, ориентир на левые силы. Правые пересолили в борьбе. […].

7 января. Тяжелый, пожалуй, один из самых критических дней в моей жизни. И жалко, что он совпал с Рождеством и 26-летием со дня гибели мамы. Время бежит, но образ ее постоянно в сердце. Не от нее у меня мнительность, внутреннее напряжение. Это, скорей, по отцовской линии. Его гены – будоражат, гены мамы – успокаивают. Да и помогает Вера. Без нее – провал, гибель, конец. Спал плохо. В восемь уехал в СЭВ. Но как пойдет и как пройдет? Экзамен по результату.

В 9.15 собрались члены президиума. Не явился только Бондарев. Обсудили список. Проскурин сопит. Вписали Королева, Захарову и Садыкова. Замечания Р.М. [Горбачевой] по тексту доклада. Поручала ЦСУ, данные неправильные. Вопрос по содержанию сняли. Олег подводит. Верит и увлекается. В 10.00 начали. Явка отвратительная. Практически начали без кворума. Хорошо, я придумал кооптацию. Только это и спасло. Без кооптации не удалось бы и открыть. Сразу надо было отменять и расписываться в беспомощности. Кооптацию провел легко.

Выдвижение. Свой список. Потом еще 12 добавили, в т.ч. Аксенова и меня. Р.М. сразу взяла самоотвод. Взял его и я. Или работать, или… депутат, но без работы. Поторопился закрыть список. Перерыв. Сбежали. Всё на пределе.

Проходной балл 118, а в зале 128. Началась кутерьма. Сложная демократия. С грехом пополам набрали больше 113 голосов только 7. На выборы не пошел. Закончили около 3-х. Устал страшно. Запаниковал даже Фалин – переглядки. Молодцом держалась Р.М. Устали. Перекрестился. Есть не мог. Проводил. Кошмарное состояние. Уехал домой. Усталость предельная. Мысль, а если бы не удалось? Конец! Звонил Рыжов из ЦК по Гранину. Будем думать.

8 января. Хватанул снотворного, спал до 12-ти. Потом завтракал и обедал с Ольгой [Ивлевой], директрисой школы №1 из Пензы. Пенза ошалела и поверила, что [я] стал академиком. Вранье телевизора привело всех в шок. Посмотрел материалы совещания в ЦК КПСС с представителями интеллигенции. Противоречивое впечатление. Ничего доброго не получается, никакого применения нет и уже быть не может. Тем упорнее доказывают, что мы знаем цели, задачи и конечный результат перестройки, тем становится всё менее понятным всё, что мы делаем сейчас. Так увлеклись разрушением, что пыли от обвалов не видим, что творится вокруг и куда мы вообще идем. Бесконечное повторение слова «перестройка» делается неприличным. Успели его так девальвировать, что просто надо искать какое-то новое понятие, скажем «созидание».

[…]. У меня нет гарантии, что, разворошив, разрубив столбы, устои, мы на каком-то этапе не окажемся под этими руинами. Что-то тревожно.

Звонил Питирим. Он доволен, завтра даст согласие [на депутатство].

9 января. Сегодня день более веселый. Надо сказать, что испытания, чрезвычайные обстоятельства имеют диалектически две стороны: 1) это, конечно, напряжение предельное нервной системы, но 2) мобилизуют, когда удается что-то преодолеть, по-новому освещают житейскую действительность, добавляют сил. С таким настроением ехал сегодня на работу. Хватит играть в жмурки, плыть по течению, надо делать дела и с людей спрашивать по-настоящему. Нельзя пахать за всех и всё брать на себя, вводить систему организованности и требовательности.

Первым отпорол Компанейца за подвохи и расхлябанность в пятницу. Сорвал проводы Лихачева. Ищет виновных, хотя сам начал откровенно лениться. Наглеет парень. Предупредил его. Потом поддал Новожилову за производственные дела. Подписывает, что подают, кадры не подбирает. Чуть – Карпухину, а главное – всё сказал В. Аксенову. И об интригах, и о самостоятельности, и о многом другом. Во-

жу порядок – в 9.30 ежедневная встреча на 20-30 мин., в понедельник – планерка с зав. отделами. Загорелся вопрос с Д. Граниным. Говорил с ним по телефону о «Зубре» и депутатстве. Его хотят выдвинуть почему-то от партии, а мы уже выдвинули. Звонки в орготдел не дают ничего. […]. Позвонил Р.М. [Горбачевой]. Она, вероятно, готова. Довольна, как прошел пленум. Жалеет, что не защитили Захарову и Буачидзе, а остальное в норме. По Гришину – это его право выбирать. Звонок ей М.С. [Горбачева]. Перерыв. Позвонила сама. Позиция не изменилась. Всё ясно: «Ну, всего доброго!» Об интервью. Обедал в «Октябрьской». Два совещания. Аксенов переменился за один день, на глазах. Потихонечку наступаю. Дал задание готовить штатное расписание. Не баловать людей. Беречь деньги.

10 января. […]. В 18.00 – в ССОД [Союз советских обществ дружбы]. Выдвижение кандидатов. Список на 45 чел. Мест пять, выдвинули пять. Все москвичи, все русские. Поразительное дело! В. Терешкова, ссылаясь на пленум ЦК: М.С.Г. [Горбачев]: «Что, будем играть в демократию, или в достойных?» Все хором: «В достойных». В числе них он сам. Зачем было выдвигать на заводах? Старые игры. К старому пиджаку просто пришивают новые пуговицы. Но кое-где до драк. История с Коротичем: «Бей «жидо-массонов».

11 января. Пока всё еще раскислено, но уже ночью обещают -6. Запуталась погода. Из дома поехал в ССОД. Собралось много, но сколько – так и не объявили. Разговор с В. Фалиным. Тут он не видит нарушения демократии. Скорее из-за него не добавляют кандидата. Так и живем не в ладах с совестью. Каждый принципиален, пока это не касается его лично, а коснулось – отступает с поразительной легкостью. Двуличие снова начинает торжествовать. Выдвижение кошмарное, с точки зрения закона, никакого намека на демократию, сплошное нарушение закона.

Выдвинули на 5 – 5 и проголосовали за «подведение черты». Ссылаются, что вчера М.С. Горб. спросил: что, будем играть в демократию, или ограничимся сотней на сто мест? Конечно, ограничимся, как в добрые старые времена. Нервничали только те, кто будет избираться на местах. Да и подбор странный: все москвичи, все русские, все технари. Ни в какие рамки не лезет ни по каким параметрам. […].

13 января. […]. Говорил с М. Грамовым. Много всяких сложностей, особенно в экономике. Абалкин на графике доказал, что с началом перестройки началось падение производства. Стало хуже, чем было при «застое». Говорят, что Госплан его [Абалкина] разделал. Может и так, но факты вещь упрямая: экономика стоит, лозунги повисают, уже никакого ускорения. Положение страны внутренне идет к кризису. Скоро всем надоест критика 30-х – 50-х гг., и люди с остервенением бросятся

на современность. Породив демократию и гласность, не станут ли авторы их жертвами? Вот где вопрос.

Приехал к себе. Звонила Р.М. [Горбачева]. Позвонил. Недовольна программой «Возрождение», звучит ревность, что дары от имени монахов из Италии принял Д.С. Лихачев. Лиханов дал согласие на покровительство концерту в пользу Армении, а она не успела рассмотреть, занята. «Пока я занимаю это место, надо меня не торопить» и т.д. и т.п. Я сказал, что не видел этих документов. Все претензии – к Аксенову, который сохраняет молодость очень долго. Не очень приятный разговор. Ласковость в голосе, «всего доброго» и когти в подушках лапок. Соединил Аксенова. А потом объяснил ему, что пора набираться ума и работать в коллективе.

16 января. […]. О. Карпухин свалился с гриппом. Проводил совещание аппарата без него, а это плохо. Дал высказаться всем отделам. Преобладает повествовательно-отчетный стиль, нет раздумий, мало о недостатках и упущениях. Не умеют и не любят себя критиковать. А надо к этому приучать. Только критический взгляд способен двигать дело вперед. Любование успехами никогда добра не давало.

Тревожный звонок Д.С. Лихачева. Его доконали гонцы И. Глазунова насчет эгиды Фонда культуры и его выставки в Киеве и Новосибирске. Я считаю, что после скандалов едва ли это надо делать. Нельзя размахивать нашим знаменем, давать его даже за деньги в руки способного, но скандального художника. Правда, другие зарабатывают и не дают совсем. Академик [Лихачев] против элиты. Совет с ЦК – то же самое, вычеркнул соседство с кооперативом «Город Китеж». Заключение около часа. Удалось кое-что собрать, но за один раз всего не скажешь.

Обедал и даже отдыхал дома. В 16.00 партбюро по кооперативам. Не работает у нас производственный отдел. Наворотили, набрали всякого дерьма. Дал команду разгребать и очищаться от всего наносного.

У меня композитор Таривердиев. Ищет создание Центра серьезной музыки как альтернативу разгулу рока. Есть мысли. Я тянул советскую песню. Говорят, что не пойдет. Стали ее бояться. Кошмарное положение, психоз захватил. К Питириму. Старушки в церкви на Армению 258 чел. [дали] 258 рублей. Давка в Доме литератора – 500 руб. в копилке. Вот так!

1992 год

Жалею, что все эти годы после Пензы не вел дневников. От работы в фонде культуры остались лишь общие впечатления, а многие детали, особенно раскладка их по времени, исчезли, затерялись в памяти. Теперь же, когда освободился от этой тяжелой ноши, едва ли удастся восстановить всё. Придется обходиться лишь общими впечатлениями. Да и часть уничтожил в «смутное время». А может, и хорошо, что не вел подробных записей. Кто знает, как обернется наша жизнь, какие коленца выбросит. Думаю, что пока это не ежедневный дневник, а просто записи для себя в дни, когда появляются какие-то мысли, воспоминания. Сейчас важно разложить сам процесс ухода из Фонда, его детали.

23 января 1992 г. Утром беседовал с Зинаидой Карповой – нашим главным бухгалтером […]. Аппарат удивлен, что я так долго терплю ее, а у меня безвыходное положение – ей верит Лихачев. Убрать ее, значит, вызвать волну подозрений. А он способен на всё во имя своего спокойствия. Скатов говорит, что Лихачев в одном лице «и пахан, и шестерка». Вызвал ее [Лихачев – Карпову] сам, минуя меня, и даже не сказав мне о цели встречи с ней. Вопрос: «Вы что, одновременно и у Енишерлова работаете бухгалтером?» Она говорит, что смутилась, и ответила отрицательно. Кто-то уже донес. Хотя такой замысел был и о нем, кажется, знали только она, Енишерлов и я. Она в душе грешила на меня, но я с Лихачевым вообще в последнее время не разговаривал. У меня на него «некрозия». Думаю, что – взаимно. Была часа три. Что она там нагородила, не знаю, да мне и неинтересно. […]. Вечером, собрав материалы по перестройке и сокращению аппарата, вместе с В. Нерознаком поехали в «Узкое». У Лихачева какие-то посетители из молодого ученого мира. Обсуждают какие-то вопросы. Быстро их выпроводили. Нет времени долго болтать. Рассказал в общих чертах о сокращении аппарата, подписал распоряжение о назначении меня директором-распорядителем, утвердил штатное расписание аппарата и о введении его в действие с 1 февраля. Расчет на то, что 31-го одобрим на президиуме, и всё встанет на место. Начиная с сентября, когда ввязались в борьбу с П. Проскуриным и его Фондом, аппарат мало занимался содержательной деятельностью.

27 января. Утром поступил телекс из Ленинграда от Лихачева с распоряжением, смысл которого сводится к тому, что схема аппарата, которую он одобрил, не годится, нет концепции Фонда, а посему президиум собирать 31-го не следует. Он создает комиссию во главе с Плотниковым, персональный состав одобрит сам и поручит ей в двухнедельный срок выработать концепцию и подготовить предложения по структуре аппарата. А пока всё оставить на месте, никого не увольнять и не принимать на работу, а зарплату повысить. Это – главный смысл, плюс еще полторы страницы всяких мелких дел, вплоть до поручения Нерознаку и Г.П. Ратниковой выработать концепцию молодежной организации и уже готовить съезд энтузиастов молодежного движения, на котором принять декларацию о замене комсомола и пионерии каким-то движением, которое придумает Лихачев. Чушь какая-то. Но сказывается его страсть к администрированию. Думаю, что в нем пропал, не состоялся администратор тогда, когда не назначили директором Пушкинского дома, оставив всего-навсего зав. сектором. Теперь на старости лет он расписался, и внешне это звучит убедительно, а внутренне для академика мелочь и пустота.

Распоряжение выбило из колеи. Дальше так продолжаться не может. За строчками распоряжения легко читается болтливость Плотникова – этого пустого пенообразователя и демагога, какие-то напевы Зинаиды Карповой и рука В. Быкова. Скорее всего, он и готовил с Плотниковым распоряжение. Возможно, участвовала и Галина Ратникова […], которую притащил Олег Карпухин, а теперь сам не может отплеваться. Бывает же так: внешне деловая, а внутри – пустота изумительная. Вот и схлестнулись эти трое в аппарате с падким на скандалы академиком. Думаю, что он давно искал такого «единства», но с Компанейцем не получилось (статья в «Независимой», как мне теперь представляется, не обошлась без моральной поддержки Лихачева).

Вопрос поставлен, на него надо искать ответ. И не простой. Обычным молчанием, внутренней скидкой на возраст академика не обойдешься, да и надо ли? Сколько всё может продолжаться? Отменил планерку, позвал Карпухина и Новожилова, показал распоряжение и сказал, что дальше терпеть этого не могу. Наступил предел! Мне стыдно смотреть в глаза аппарату, который вот уже два месяца не знает своей судьбы: сокращать или нет, а если сокращать, то сколько и кого. В каких должностях Карпухин и Новожилов? Масса вопросов, ответы на которые можно дать через два месяца, да еще с подсказки Плотникова. Ничего себе задачка! Звонить Д. Лихачеву не стал: нет желания и настроения.

28 января. Утром дозвонился до Д. Лихачева. Сказал, что распоряжение получил, удивлен и постараюсь найти ответ на вопросы с участием иногородних членов

президиума. Слышимость отвратительная, так толком и не понял, что хочет еще наш академик. Встретился с участием В. Нерознака с Плотниковым. Беседа тяжелая не по содержанию, а по форме. Скорее всего, Лихачев столько наговорил на меня, в таком свете представил меня Плотникову, не скрыв своей ненависти ко мне, прикрыв, вероятно, это ссылкой на засилье партаппаратчиков, что Плотников просто не слышит и не скрывает внешне, что не хочет слышать меня. Я возмутился: «Вы что распоясались до такой степени?» – «Что вы, зачем так?»

Объяснение не из приятных, но что делать? Для меня внутренне вопрос ясен: Д. Лихачев принял решение обойтись дальше в Фонде без меня. Моих услуг ему больше не надо – колесо покатилось, и его теперь не остановить. Ночь думал о перспективах: положение Фонда архитрудное, уход Р.М. Горбачевой подорвал интерес к Фонду и внутри страны, и особенно у зарубежной публики. Рухнула основа, на которой хотели создать Фонд – пожертвования людей. Никто давно уже ни копейки не вносит. Все хотят только получать от Фонда. Устойчивой структуры на местах создать не удалось. Области и почти все среднеазиатские республики хотели бы жить за счет Фонда. Да и в России более половины областей не зарабатывают себе на мизерную зарплату. Имеем 45 млн. рублей. Но в свете повышения цен – это не 4 ли с половиной миллиона? Как дальше жить? Услуги дорожают жутко. Бойлерная вышла из строя – надо 4,5 млн. Ввязались в музей К. Чуковского, затратили 600 тыс. руб., а толком ничего не сделали. Взяли на себя музей Цветаевой, угрохали 2,5 млн. руб., а конца не видно. Глупая затея с Музеем современного искусства, В.А. Пушкарев уже накупил картин на 830 тыс. рублей, а что делать дальше? Он всерьез считает, что из 45 млн. руб. 30 млн. – это его и рвется чуть ли не свой счет открывать и забирать эти миллионы. А цены: 1 машина – 150 тыс. руб. в год, «вертушка» – 45 тыс. руб., простой телефон (а их в Фонде штук 60) – 1.800 руб. Полет за границу до США – 94 тыс. руб, до Мадрида – 64 тыс. и т.п. Как жить, где брать деньги?

Провалились с журналом «Наше наследие». Хорошо, что получили 6-й номер за 1991 г., а дальше темно. Максвелла нет, валюты нет, печатать журнал в стране – блеф. […]. Издательские дела, на которые отдали Козлову 2,5 млн. руб., провалились. Издал книги – не только навара и бешеной прибыли, как мы считали, а и просто продать пока не удается. Из 50 тыс. Л. Толстого, З. Гиппиус продано лишь 10-15 тыс. экз. И это – катастрофа. Не сложился толком коллектив. Брали кого попало, а теперь, когда наступили испытания, не все их выдержат. Люди привыкли получать, не очень думая, за что платят деньги. Простым взглядом просматриваются десятки бездельников, но попробуй их тронь… В общем, итог неважный. Мне

скоро 66 лет. Груз давит на плечи, и не пора ли его скинуть и попробовать жить без ежедневного стресса? Каждое утро снятся странные сны. Просыпаешься с чувством тревоги и виноватости. Устал. Просто устал.

29 января. Встречался с приехавшим из Ленинграда и выдающим себя за приближенного к Д. Лихачеву Леонидом Матвеевичем Ариншейном. Познакомил его с последним распоряжением академика. Он поражен, но считает, что академик «отходчив», и если сейчас «перетерпеть», то он его убедит в неправомерности такого подхода к делу. Что касается концепции, то она давно заложена в уставе, над которым работали два месяца только в прошлом году. Тут выдумывать ничего не надо. Главный вывод – «ваш уход будет означать конец Фонда. Фонд рухнет, ибо никакой Нерознак, не пользующийся доверием в научных кругах, ничего путного не даст. Быстро все проедят и разбегутся».

Мне интересы Фонда понятны, но кто будет считаться с моими интересами? Нельзя жить под тяжким прессом. А суть «пресса» состоит в том, что с самого зарождения Фонда действовало три тенденции, три вероятных направления его развития: 1) быть придворным, обслуживать интересы семьи сначала генсека, а потом и президента страны; [либо] 2) быть академическим, обслуживать научные и личные интересы академика Д.С. Лихачева, его камарильи, которая быстро набилась в президиум Фонда… [Либо] 3) быть общенародным, обслуживать интересы областей, краев, республик, решать конкретные задачи развития культуры на местах.

Борьба этих течений и составляет историю становления и развития Советского фонда культуры. Может, потом исследователи скажут, что получилось на самом деле. Мне же по горячим следам кажется, что эта борьба истощила Фонд, забрала его силы, а когда дело подходит к подведению итогов, они оказываются плачевными: Фонда как мощной общественной структуры не состоялось. Много нового, интересного внес Фонд как зачинатель и первооткрыватель дел (благотворительность, попечительство, меценатство, аукционы, личные коллекции, дары и т.п.), но все быстро тиражируется, затирается, становится будничным. Каждый день находить новое невозможно. К кропотливой работе мы не приучены. Да и вообще Фонд без акций громкого звучания жить не может, а чтобы были акции, надо много сил и труда положить. На это многие «академики» просто не способны. Это не их стихия. Выступать на готовенькой конференции – «давай», а вот готовить ее – дело аппарата. Поехать за рубеж – «всегда готов», а вот что-либо полезное привезти, найти сотрудничество – это дело аппарата и т.п.

Говорят, что надо работать по программам. Правильно, но если эти программы живут в областях, краях, республиках. Создали Российское краеведческое обще-

ство, возглавлять которое охотно взялся С.О. Шмидт. Но прошло полтора года, а ни одного президиума не собрали, не говоря уже о каких-либо мероприятиях. Мы – числимся, области – «плывут» сами по себе.

[…]. Болтовня и ничего больше. Жалуюсь на свой Фонд, забывая, что горькая участь постигла не только отдельные программы, но и целые фонды. Помню, с какой помпой, шумом и гамом родилось «Иссык-Кульское движение» во главе с Чингизом Айтматовым. Самолеты, делегации, ВЧ, установление ставки, на которую сразу определился сын Айтматова, а в итоге – ничего и даже воспоминаний не осталось, если не считать А.И. Воробьева, который долго эксплуатировал эту тему. Результат – «нулевой», хотя задействованы были и крупные мировые магнаты.

С каким царским торжеством и великолепием рождался велиховский фонд «За выживание человечества». Наш Д. Лихачев был избран даже вице-президентом этого Фонда, а его крестным отцом был М.С. Горбачев, на встрече у которого практически и был создан этот Фонд и решены многие вопросы его существования, вплоть до выделения валюты. За практические дела взялся некто Рустам Хайров с бредовыми идеями строить в районе Сокола город XXI века. Фантазии рассеялись. Крутились долго, а ничего путного и элементарно земного так и не создали. Идея лопнула, даже не образовав мыльного пузыря. Он сорвался с наконечника… И таких примеров, к сожалению масса.

Нам еще грех жаловаться: что-то успели сделать, что-то показали стране, чем-то заинтересовали Запад. Просто нет удовлетворения.

30 января. […]. Тот президиум декабрьский интересен и показателен. Подготовили в аппарате уже под руководством В. Нерознака схему построения Фонда, его аппарата, систему взаимодействия «законодательной» и «исполнительной» власти (так хочется Д. Лихачеву, хотя понять «законодателя» сложно). Раздали до президиума схему, а на самом президиуме решили рассмотреть. Первым поднялся Плотников – он не член президиума, но член комиссии. И понес с критической точки зрения всё и вся: «Она не содержит ни грана конструктивных предложений. Много возвышенного (общенациональные программы! Общероссийские! Их квалификация и т.п.), чопорного, мало делового, реального»...

В том же духе выступил Расторгуев из Твери. На днях защитил докторскую, и теперь так умен, что не подступишься. Какой-то обвинительный, оскорбительный порой уклон: «Мы вас будем нанимать». Постоянно звучит нотка недоверия к аппарату, его делам, провинциальное умничанье и зазнайство. Их поддержал Кирьянов из Екатеринбурга. «Надо жестче прописать» – это его постоянное кредо. Что-то лепетал Сигурд Шмидт. Ему вторила Иветта Воронова, которая вообще считает, что

никто, кроме занятых в ее программе «Новые имена», в Фонде толком не работает. Удивительная позиция В. Нерознака. Он возглавлял комиссию, вносил предложения, а теперь, как в рот воды набрал: молчит или извиняется. Я долго, терпеливо всё выслушивал, а к самому концу сказал следующее.

Постановка вопроса о превращении Фонда культуры в фонд Лихачева неправомерна. Это не предусмотрено в Уставе, да и не принято при живом человеке создавать Фонд его имени. Очень боюсь, что если восторжествуют некоторые соображения о господстве в Фонде научно-экспертного совета, повышении роли «ученого секретаря», Фонд может незаметно превратиться в еще один Институт русского языка Академии наук. Это будет гибелью Фонда. Аппарат не занимается содержательной работой с начала сентября. Сначала была борьба с Проскуриным, потом подготовка конференции на 14 ноября, теперь доработка и регистрация устава в Минюсте России и ожидание решения о перестройке аппарата – всё это отвлекает руководителей и работников от реального дела. Их можно понять, они живые люди. Месяц еще можно потерять, но не более. Если и за месяц не будет найдено решение, придется исходить из того, что я дальше в этом словоблудии принимать участие не смогу. Это выше моих сил. Как ни грустно строить прогнозы, но уверяю вас, что через месяц мы соберемся и будем иметь то же, что имеем сегодня. Я не верю в успех дальнейших поисков. Боюсь, что это пустая трата времени. Дай Бог мне ошибиться. Надо, чтобы самые рьяные критики внесли свои предложения, как они реально представляют себе схему построения аппарата Фонда, его функциональные обязанности, в деталях, практически, без возвышенных слов.

На том и закончили. Сразу после президиума я попросил Плотникова, Кирьянова, Расторгуева дать свои предложения, схемы. С Плотниковым встречался за этот месяц раз пять, но… пустая записка и мутная схема, у других вообще ничего. Они согласны с тем, что предлагается. Таков итог прошедшего месяца. Приехали Мухутдин, а потом и Софиева из Таджикистана. Мутная там обстановка. Ввели новый устав, по которому судьбу Фонда решает «творческая комиссия работников фонда». Темно и глупо. Это использовали против Галсухор Софиевой. Сместили ее с поста Председателя Фонда. Она где-то промоталась в Англии. Всё прозевала. Женщина непредсказуемая. Обидчивая, вздорная […], но с национальным достоинством. Мухитдин просит деньги на содержание аппарата. Она [Софиева] считает, что денег давать не следует, что он вообще незаконно приехал в Москву в командировку, что его нельзя принимать в Фонде и т.п. Сказал, чтобы больше меня не мотали, разобрались на месте, а потом обращались в Москву. Два дня морочили голову, а Голсухор – член президиума Фонда. Проскочила, т.к. назвал Д. Лихачев.

Вообще у нас странно выбран президиум. Отпали те, кто работает в Фонде. Мне удалось нажимом сохранить себя в замах и членах президиума. Три другие зама (бывшие) «отвалились». Остались в президиуме те, кто окружает Лихачева, постоянно и многолетне около его персоны вращаются […]. Нравятся Лихачеву, хотя никакого особого участия в делах Фонда не принимали и принимать не собираются, Н. Михалков, С. Залыгин, В. Спиваков, какая-то Гениева – зам. зав. библиотекой Иностранной литературы. Думаю, что в этом составе президиум работать не сможет и его надо когда-то реконструировать.

Вечером – объяснение с комиссией во главе с В. Нерознаком. Участвовали С. Шмидт, М. Сергеев, С. Плотников. Попросили изложить мысли Плотникова и состав комиссии. Называют странные для Фонда фамилии (думаю, они идут от Лихачева): Алесь Адамович, Гениева, С. Шмидт, еще кто-то. Что касается Адамовича, то вообще непонятно его участие. О Фонде знать не знает. Так же, как и Гениева. Смущает, что все – евреи. У академика к ним какая-то особая тяга. Скорее всего, через замужество внучки, которая обретается где-то в Германии на радио «Свобода». Думаю, что и ленинградская еврейская мафия во главе с Дан. Граниным постоянно давит. Мягко скажем: он к ним привержен. Отсюда и непоследовательность дел и поступков: с одной стороны, [Лихачев стоит] за неделимость фондов библиотек и музеев как национального достояния, с другой – всеми силами борется за возвращение хасидам рукописного архива Шнеерсона из ГБЛ [Государственной библиотеки имени Ленина]. Выслушал и сделал заявление, что распоряжение Д. Лихачева о создании новой комиссии воспринимаю как личное оскорбление. Не понимаю, почему не возмущается В. Нерознак, которому таким образом выражено недоверие. Попытку некоторых членов президиума, кажется, С. Шмидта, сказать, что не надо в комиссиях аппаратчиков, отверг. Сослался на то, что меня избрала конференция как аппаратчика, и не доверять мне, значит, оскорблять мое личное достоинство.

Участники разговора считают, что я вношу много эмоционального, что нельзя споры решать под настроение. Правда, уже в начале разговора Плотников исчез, сославшись на занятость. Я еще раз подтвердил свою точку зрения: если в Фонде начнут ногами открывать двери плотниковы и им подобные, если будет продолжаться линия на разделение аппаратчиков и «умных ученых», ничего доброго ожидать не следует. И поставил вопрос однозначно: или комиссия, созданная президиумом, во главе с В. Нерознаком сегодня-завтра находит решение по схеме аппарата Фонда и дает согласие на его реорганизацию, или я не считаю дальше возможным оставаться в Фонде, принимать участие в его работе и подаю в отставку. Третьего не дано! Попросил поручить С. Шмидту сегодня же информировать об этом Лихачева и завтра находить решение. Мне всё это порядком надоело, тошнит от всякого рода схем, да и стыдно смотреть аппарату в глаза. На том и порешили.

Доволен, что инициатива сохранилась за мной. Как-то легче от сознания того, что тяжелый груз, который давил плечи пять лет, можно сбросить. Может, даже чуть опоздал, а может, как раз. Тут есть один подвох: я всегда думал и боялся, что инициативу проявит Д.С. Лихачев.

То, что мы не симпатизируем друг другу, и ему, и мне ясно давно. Раскол начался после опубликования им в газете «Известия» заметки «Как бы не стать нам обкомом культуры». Он вылил на всех нас, особенно на меня, ведро грязи. Хотя подоплекой был факт, что его не берут в поездки М.С. Горбачева за рубеж. С какой обидой на Р.М. он мне говорил об этом несколько раз. Я, естественно, информировал Р.М. Горбачеву. В США поездка Лихачева не планировалась, но он затеял сам сложную игру с Беллингтоном – директором Библиотеки Конгресса, придумал какую-то выставку древнерусской книги через старовера Деева. Обещал, что во время визита на ее открытии будет Р.М. В общем, возникла сложная «ситуация» (любимое слово бывшего президента СССР).

Пришлось надавить и убедить, что его надо брать в Америку в составе группы обеспечения. Всё было решено в последний момент, а посему он полетел в Америку, а статья о Фонде уже была сдана в «Известия». Более того, зная о возможности ее появления, академик в самолете начал писать заметки о концепции Фонда и методах организации его работы. Вернулся из Америки, а статья уже вышла и произвела шоковое впечатление на многих, но прежде всего на Р.М. [Горбачеву]. Трудно передать ее возмущение тоном, характером статьи. Ни одного доброго слова о Фонде. Так нельзя! Это ударило и по престижу семьи президента. Долго собирались обсуждать, но так и не состоялось настоящего разговора. Лихачев […] запрятался в свою ленинградскую конуру, а по Фонду нашему, да и по всем фондам был нанесен страшный удар, последствия которого сказываются и сейчас, будут сказываться и дальше.

Мне понравилась в этой борьбе Раиса Максимовна Горбачева. Ее две реплики: когда речь зашла о средствах, полученных на лотерее, он [Лихачев] заявил, что был лично у Н.И. Рыжкова, и тот ему выделил деньги, и только он несет материальную ответственность за их расходованием. Она: «А я считала, что деньги выделили всем нам, и мы все несем ответственность за дела Фонда». Начал толковать, что ему лично очень тревожно за имидж Фонда, его авторитет. Она: «Это тревожит всех, и когда появляются личные статьи в «Известиях», становится непонятным, кем и зачем создан Фонд, какую роль в нем играет президиум».

У Лихачева, чтобы смести меня, был хороший ход: объявить в прессе, что партократы не дают ему руководить Фондом. […]. Я боялся его игр в отставку (а

попыток было несколько) как игр на обывателя, который его спасет, а нас снесет. Обошлось без этого!

31 января. Утром появился В. Нерознак, весь суетящийся, не находящий себе места, готовый служить всем и вся, но предпочитающий, конечно, поклонение перед академиком. Это его стихия, а может, и больше – главная надежда и опора в возможном научном продвижении. За душой никакой науки, а так хочется стать членом-корреспондентом, а может, и академиком. Сказал ему, чтобы проводил комиссию и находил решение. Я участвовать в ее работе не хочу. Неинтересно!

В 11.00 встретился с президентом австрийской фирмы «Лотто-тотто». Довольно симпатичный и покладистый мужик, заинтересованный в перспективах рынка игрового бизнеса в нашей стране. Собирается открывать еще одно казино в Москве. А дело очень доходное! Обменялись любезностями, а потом по-деловому рассмотрели и решили главные вопросы, которые нас интересуют: есть решимость начинать проводить лотерею в Москве; создается совместная дирекция, его – доллары и оборудование; готов выделить на рекламу отдельно 200 тыс. долларов; на два года отказывается в нашу пользу от своей части прибыли. Условились, что детали доработают наши и его специалисты. Когда всё будет готово, подпишем контракт в Москве с приглашением публики и главное – прессы.

Встретился с С. Шмидтом. […]. Всё доложил Д. Лихачеву, и тот считает, что ничего особого не произошло, комиссия Плотникова должна продолжить работу. Он включил в ее состав Шмидта, Воронову, еще кого-то. Что касается моей отставки, у него нет особых возражений. Кажется, именно к этому он вел дело. Настроения совпали – и академик доволен. А то размышлял, не обратиться ли через прессу.

Зашел Н.Н. Скатов, директор Пушкинского дома АН. Рассказал ему о ситуации. Он всё понимает. Хотел обсудить со мной вопрос о совместных изданиях. Я сказал, что теперь это уже не мой вопрос. Продолжает нести академика, считая, что он не ученый и не интеллигент. […]. Способен на любые подлости. Жесток до беспощадности. Может пойти на любую гадость, ложь. Выдумает, поверит и будет доказывать. Почти пять лет, работая в одном доме – святыне русской науки, не здороваются и не подают друг другу руки. Вокруг него компонуется такое же дно, как он сам […]. В молодости мало досталось славы. Теперь тщеславие берет свои долги. Себя он ни в какой ситуации не забывает. Не терпит, когда его мнение не воспринимается как абсолютно верное. Много еще такого, что не укладывается в рамки созданного образа первого интеллигента нашей страны.

Был Аринштейн Л.М., с ним верный О.И. Карпухин. Попытки еще раз говорить пойти на компромисс, ссылки на его отходчивость. Я сказал, что устал от общения

с ним, любая необходимость не только встречаться, но и просто говорить по телефону и выслушивать старческие фантазии [Лихачева] […] у меня вызывает зубную боль. Нет, больше не могу нести этот груз, не получая благодарности. Да и вообще я уже плохо просматриваю перспективы работы Фонда. Забот много, все хотят от него брать. И никто не думает, за счет чего жить. Любое решение о выделении средств мною воспринимается болезненно, а так нельзя. Тратить надо. Те, кто просят, не понимают, что бочка не бездонна, и в нее мало вливается. Если даже дадут меценаты, то за счет чего содержать и обслуживать довольно громоздкий и дорогой центральный аппарат, а тем более – республики и области?

Что касается последних, то во многих из них положение аховое. Надо закрывать, но тогда во имя чего существует Фонд, если нет опоры на местах? Рассуждение Енишерлова, что можно обойтись без областей, едва ли правильно.

Позвонил Исмаилов, зам. пред. из Мордовии. Просит прибавку заработной платы и говорит, что если раньше за аренду комнаты брали 3 тыс. рублей в год, теперь собираются брать 30 тыс. рублей. Где всё это брать, где средства?

Около 16.00 зашли члены комиссии, среди которых четыре члена президиума, а потом подвернулся и Енишерлов. Доложили, что они поддерживают работу комиссии Плотникова, т.к. этого настойчиво добивается Д. Лихачев, и готовы поддержать просьбу об отставке. Соединили с Д. Лихачевым. Он начал издалека, что вы на этапе становления много сделали, у вас были связи с ЦК КПСС, а теперь обстановка изменилась. Я попросил не золотить пилюлю и еще раз сказал, что комиссию Плотникова воспринимаю как недоверие и не держусь за свое место; прошу этот разговор в присутствии членов президиума рассматривать как заявление об отставке. Письменное пришлю позже. На том и расстались… Задержался М. Сергеев, который считает, что напрасно всё так далеко зашло, можно было найти более разумное решение. Я сказал, что своих убеждений не меняю. Пусть приходят другие, молодые и ищут новые пути развития Фонда. Мне всё порядком надоело, я просто устал пять лет нести на своих плечах эту тяжелую ношу. К Иветте на встречу с меценатом не пошел. Уехал домой. […].

3 февраля. Уже не спешу на работу и вообще состояние какой-то легкости в душе, вроде сбросил тяжелейшую ношу с плеч. Утром проснулся, и нет состояния стресса, которое ежедневно испытывал все эти пять лет. Облегчение от сознания того, что уже не надо принимать решений, выделять кому-то средства, отказывать, обращаться в правительство России, ехать в командировку, где ты никому толком не нужен. Грех сознаться, но это правда: каждое утро отправляешься на работу с желанием, чтобы скорее закончился день, чтобы всё обошлось. Дома крутишься от

мысли, а вдруг кто-то нерадивый оставит сигарету и спалит дом на Гоголевском или выставочный зал с хранящимися в нем уникальными картинами коллекционеров на Старой Басманной. Состояние постоянного беспокойства, напряжения. Выбили из колеи сначала отправка делегации в Испанию (угроза вовремя не получить визу и это бы обошлось в 448 тыс. рублей), а потом какой-то факс из Мадрида о недостойном поведении В. Д-----ва. Все это рубцами ложится на сердце, и удивительно, как оно выдерживает…

В. Нерознак подъехал к 10.00. Условились, что соберем аппарат, и я объявляю об отставке, чтобы не рождать домыслов и снять всякие кривотолки. Говорит, что по «Маяку» уже передали какой-то текст, которого я не слышал. Был уже корреспондент ТАСС и встречался с Нерознаком. Текста я не видел. Подскочил В. Енишерлов, был С. Ямщиков. Они спросили: а может, не спешить? В. Нерознак возразил, что Д. Лихачев уже дал согласие, и надо объявлять. Ребята локтями раздвигают ряды, спешат, хотя плохо себе представляют, что это такое. Собрался аппарат без технических работников. Я вышел вместе с Нерознаком. Не теряя времени, сообщил, что в пятницу подал в отставку, и отставка принята председателем и частью членов президиума. Повод для отставки – сумятица, наступившая в последнее время в работе Фонда. Все помнят, что ничем закончился прошлый президиум. Всё раскритиковали, но ничего конструктивного не предложили. Я тогда согласился продолжить эту «неопределенность» в работе аппарата на месяц. Прошло более месяца, все устали чертить схемы, однако со стороны «критиков» так и не поступило сколь-нибудь толковых предложений. Всё ограничивается общими пожеланиями типа «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, но обязательно хорошее».

Я на прошлом президиуме предупредил, что это последний рубеж, дальше которого я идти не могу. Да и сил не так много, чтобы растрачивать их на пустые схемы и аппаратные изобретения. Мне ясно, что аппарат надо реконструировать и обязательно сокращать. Рост зарплаты, необходимость ее повышения – и неоднократного – диктует это как суровую и неизбежную необходимость. Однако и на этот раз дело ограничилось общими разговорами, а решения нет. Более того, председатель принял решение поручить комиссии Плотникова еще два месяца заниматься этим вопросом и к 15 апреля внести предложения. Я откровенно воспринял это как недоверие ко всему, что мы с вами делаем. В результате и принято такое решение. Оно – не плод эмоций, настроений, а результат долгого и тщательного анализа всего происходящего в Фонде. На этот раз противоречия с председателем

преодолеть не удалось, да я и не очень искал компромисс. Так что, как писал поэт Борис Чичибабин, «красные помидоры кушайте без меня».

Вопросов ко мне не возникло, но поднялась волна недовольства. Ее закоперщиком, как ни странно, стала Иветта Воронова. Она сказала, что не понимает столь недемократического подхода, не приемлет решения, которое принимается по доносам. «Лихачев за пять лет ни разу не встретился с аппаратом, не выслушал его, информацией питается от тех, кто к нему попадает разными путями. Я ни разу не напрашивалась, но и он не пригласил». Призыв обсудить это на аппарате. По возбужденным голосам понятно, что [ее предложение] поддерживается. Я сказал, что прошу ничего не усугублять и не устраивать обсуждений. И сразу объявил совещание законченным, не давая разгореться страстям, которые ничего путного дать уже не могут.

Весь день посетители и звонки. Уже чувствую себя раскрепощенным, легко от того, что не надо принимать решений. Заскочил В. Быков с договором о разработке проекта компьютеризации Фонда. Мне он с самого начала был не по душе. Отослал к Нерознаку. А. Краснощекову сказал, чтобы договор о превращении нашего буфета в ресторан фирмы «Маргарита» с бесплатным питанием сотрудников переподписал у Нерознака. Чтобы потом не отказались, а когда возникнут скандалы (а они обязательно будут), на меня не сваливали. В.А. Пушкарев – с сочувствием. Я сказал, что не нуждаюсь в нем [сочувствии], всё решено правильно. Он продолжает авантюрную затею с Музеем современного искусства. Уже закупил картин на 830 тыс. рублей, грозится еще купить. Деньги летят, а ради чего? Если у Коли Андронова купили пять картин (он член закупочной комиссии) и у его жены еще пять, представляю, что же там наберется для музея.

Позвонил В. Егорову. Он ждал такого финала и клянет Лихачева, который давно поставил цель создать фонд своего имени. Сообщил А. Лиханову (Детский фонд). Плохо видит, как дальше будет жить Фонд. Уезжает в Марьино. Полезный разговор с Вал. Юдиным – директором Российско-американского университета. Пообещал кое о чем подумать и на днях встретиться. Позвонил В.Е. Магидасу, чтобы готовил место в фонде «Возрождение». Говорит, что нет вопросов.

5 февраля. Вчера, наконец, дописал и официально факсом отправил заявление Д. Лихачеву об отставке, ее причинах и просьбе, кому и когда сдавать дела в Фонде. Он сегодня ответил, что сдавать Нерознаку в десятидневный срок, но с причиной отставки не согласен. Я показал В. Нерознаку и сказал, чтобы передал (они со Шмидтом едут в Ленинград к Лихачеву), что каждый может оставаться при своей точке зрения. Это его и мое право. Тревожный звонок Веры из Пензы. В

«Пензенской правде», вышедшей сегодня, на первой странице опубликовано сообщение ИТАР-ТАСС «Отставка Георга Мясникова» (вероятно, первая часть этого текста передавалась по «Маяку»). Всё извращено и исковеркано. Сообщается, что я подал в отставку в результате «требования членов президиума, которые выразили мне вотум недоверия», что долгие годы академик Лихачев был «изолирован» от руководства Фондом и в нем я господствовал единолично. Комментируя это, В. Нерознак «успокаивал», что не надо «драматизировать обстановку», что Фонд отказался (не ему отказали) от «покровительства государственных лиц» и он теперь сам ищет и находит меценатов, которые выделили деньги на программу «Новые имена». Довольно мерзкая заметка, и обидно, что ее опубликовала «Пензенская правда». Не хочется терять престиж в глазах земляков, с которыми так много сделано доброго, светлого, значимого. Вера нервничает. Успокоил ее. Сказал, что найду способ ответить на эту явную клевету тассовца. Созвонился с В. Федоровым. Е. Большаков, редактор, в больнице, он [Федоров] ведет газету. Объяснил ему, что это какой-то бред и что я завтра же передам свой ответ с просьбой опубликовать его. Вроде бы возражений не возникло.

Во второй половине дня подъехал Вал. Юдин. Откровенный разговор с ним. Приятно, когда имеешь дело с партийными работниками. Есть своя школа, есть доля партийной порядочности. Он предлагает пойти работать в Российско-американский университет, его институт и заняться налаживанием связей с Европейским фондом культуры. Будет заниматься этой программой Нестеров, работавший в отделе культуры ЦК КПСС. Правда, у меня есть в запасе Фонд «Возрождение» банка МЕНАТЕП, но предложение интересное, а главное – старая среда партийных работников. Обещал подумать и сообщить. Уже вечером позвонил и сказал, что международные дела меня интересуют меньше. Хорошо бы в рамках института заняться проблемами краеведения, опираясь прежде всего и больше всего на пензенский опыт. Есть книги, есть дела, есть основа, а обобщение этого опыта могло бы пригодиться в наше смутное время.

6 февраля. Вчера бегло (к сожалению, со многими не очень понятными пензенцам деталями) описал историю моей отставки для «Пензенской правды». Посмотрел на свежую голову – пока не получилось. Пришлось уже на работе писать заново и дать печатать Людмиле, что сразу сделает тайное в аппарате явным. Получилось довольно сжато и четко с первого захода. В 14.00 вышел на связь с редакцией и продиктовал по телефону. Там записали и попросили еще запись для радио. Вечером переговоры с Федоровым, которого я когда-то выгонял из зам. редакторов за систематическую пьянку. Он прочел, говорит, что материал серьезный

и начал крутить на тему коллективности – как к этому отнесется редколлегия. Попросил показать всем и передать мою настойчивую просьбу опубликовать.

Была Н.И. Катаева-Лыткина, хранительница квартиры М. Цветаевой. Человек она мужественный, настойчивый, и сделали мы великое дело, что сохранили, а теперь и на средства Фонда восстановили дом Цветаевой. Она благодарна и сожалеет, что наше сотрудничество прекращается. Верит, что я буду постоянным гостем дома. Блажен, кто верует!

Приходится лишь сожалеть, что Фонд содержания центра не выдержит. Надо много средств. Хорошо, что взяли на себя, но плохо, что отказались от участия государства. Может потом обернуться бедой. Правда, об этом я пока промолчал. Пусть открывают. Там видно будет.

7 февраля. Вера вернулась из Пензы. Немного отдохнула. Ничего особенного не привезла. И там с продуктами и картофелем стало сложнее. Что-то подвел односельчанин А.Н. Свешников. Обещал, но не прислал картофеля. Раньше всё тянули из Москвы. Теперь картина переменилась – всё тянут в Москву из провинции. И тут «перестроились». Привезла номер «Пензенской правды» с сообщением о моей отставке. Звучит зло, да еще на первой странице. Надо вносить поправки. Позвонил О. Тельбуху. Продиктовал кое-какие уточнения. Он их принял и считает, что надо печатать, Федоров зря крутит. […].

10 февраля. […]. Опыт этих лет убедил меня (могу дать сотни примеров), что наиболее эгоистическая часть нашего народа – деятели культуры. Нет среди них энтузиастов, искренних поклонников культуры, искусства. Есть себялюбцы, которые каждый шаг меряют: а что я с этого буду иметь, как это скажется на моем личном положении, благополучии? Альтруизм – не стихия деятелей культуры. Да и интеллигентов среди них практически раз-два-три, и обчелся. Вывод грустный, но справедливый.

Утром позвонил Н.М. Инюшкин из Пензы. Робко спросил об отставке. Он и верит, и не хочет верить. Ободрил его, сообщив, что уже дал опровержение в газету. Пришлось еще раз диктовать для него. Условились, что передаст на телевидение и зайдет в газету с настойчивым требованием опубликовать. Вечером позвонил, что телевидение даст завтра на каком-то «9-м канале», а в газете он переругался с Федоровым, но считает, что могут дать. Просил больше им не звонить и не унижаться. Молодец!

А вообще уже как-то мало посетителей. Появляющихся просителей отправляю к Нерознаку, ничего не подписываю и не решаю. Шмидт и Нерознак вернулись из

Ленинграда с подписанными документами об освобождении, благодарности, но о деталях разговора у Лихачева я уже не слушал – не интересно. С. Плотников не скрывает, что он хотел бы стать освобожденным заместителем, но этого боятся Нерознак, Быков. Тут начинается своя грызня у «демократов». По внешнему поведению заметно, что Иветта Воронова не прочь стать заместителем, но думаю, что Лихачев на это не пойдет. Он ее боится. Есть заделы на будущие склоки. Пока директора-распределителя не нашли. Где найти такого дурака за 1.900 руб.?

11 февраля. […]. Заехал В. Магидас. Надо ехать к Ю. Суркову, представителю и одному из молодых руководителей банка МЕНАТЕП, который обосновался почему-то в бывшем 1-м подъезде ЦК на Старой площади. Российское правительство оседлало здание ЦК, а поселились в нем не только работники и руководители правительства, но и представители тех «деловых» кругов, которые седлают российское правительство. Знакомый первый подъезд. Как и прежде, два офицера на входе, те же, но чуть загаженные, вестибюль и раздевалка, тот же лифт, который работает для начальства передними дверьми, а для остальных – только тыловой частью. Ничего буквально не изменилось. В Старом здании со старыми порядками только новые хозяева. Поднялись на 3-й этаж. В дальних коридорах, где сидели всякого рода помощники, кабинет Ю. Суркова без приемной. Правда, на столе и АТС-1, и АТС-2, и еще какие-то телефоны. Кажется, только нет ВЧ.

Разговор с Ю. Сурковым открывает многое на обстановку, которая реально сегодня складывается в России. Он, не скрывая, сообщил, что банк МЕНАТЕП заинтересован в скупке недвижимости, обещающей в будущем большие прибыли. Иметь деньги теперь мало. Главное – вложить деньги в настоящее дело. Задача – приобретать жилые дома, перерабатывающие предприятия, зверофермы и т.п. Банк готов делать это без скупщиков, если руководители пойдут на это. Их согласие возможно на обещании любых благ лично для них и для коллективов приватизируемых предприятий. Кажется, вопроса о размерах взяток не возникает. Что касается продвижения этих проектов в центральном российском правительстве, то тут нет особых вопросов, о чем, кстати, свидетельствует факт его пребывания в кабинете на Старой площади.

Цель – 50-60% акций в руках МЕНАТЕПа. Мой оклад – в зависимости от успехов добывания объектов приватизации да еще и какой-то процент от стоимости приватизируемого предприятия. Что касается работы в фонде «Возрождение», то Д. Лихачев высказал свое отрицательное отношение (кажется, через Енишерлова), и Магидас с командой легко с этим согласился. Вот и верь этим дельцам!

Я сказал, что для меня это новое и необычное дело, требующее раздумий и поисков ответа на вопрос, могу ли я сделать что-либо реальное, дабы не поставить себя в неловкое положение. Расстались, не определив позиций, хотя Сурков считает, что время горячее и надо спешить. Но у меня в душе все это делячество не укладывается. Мерзко чувствовать себя причастным к этому грязному миру дельцов и хапуг, рожденному уродливостью «перестройки». Представить себе не мог, что первый подъезд ЦК займут «нувориши» реставрируемого капитализма. Такое и во сне не могло присниться.

От первого подъезда – в Никитниковский пер., где в бывших Ушаковских палатах, когда-то занимаемых хозотделом Управления делами ЦК КПСС, приютился Институт гуманитарных проблем Российско-американского университета. Пока убого. Всего один этаж на 30 штатных работников. У директора института В. Юдина «кабинет» метров 5 квадратных. Рассчитывают на присоединение соседнего здания и передаче 2-го этажа, тогда можно полегче разместиться. Ждали Юдин и Вадим Чурбанов, бывший зав. сектором ЦК, теперь ответственный за программу. Сразу нашли решение: заняться проблемой «Культура российской провинции», положив в основу опыт Пензенской области. Мне это интересно, близко и может дать поучительный для других результат. Условились, что берут меня консультантом, если надо – выделят референта. Работать нужно дома, т.к. нет места и даже стола. Меня это вполне устраивает. Хочется пожить для себя. Устал жить для других.

13 февраля. Еще в понедельник появились слухи, что в Москву приезжает Д. Лихачев и хочет встретиться с аппаратом Фонда (вероятно, критику И.Н. Вороновой передали в деталях). Мне никаких звонков и сообщений, да уже и неинтересно. Не поехал на вокзал встречать. […]. Сколько ради личного тщеславия внес мути, сколько нервов отнял! И ни слова благодарности. Говорит, что верующий. Не верю! Говорят, что интеллигент. Не получается! Маска, за которой скрывается мелкий обыватель, питерский мещанин, склочник. К сожалению, это окончательный вывод о его внутреннем содержании.

Появился он около 11-ти. Ко мне не зашел. Разделся и расположился напротив в кабинете Нерознака. Какие-то беседы с Поленовым из Верховного Совета РСФСР, женщинами из бухгалтерии с просьбой пока оставаться на работе (Нина Васильевна, зам. главбуха, сбежала на другой день). Я зашел, поздоровался, не говоря больше ни слова. Странная встреча с аппаратом. Тут и Шмидт, и Плотников, Антонова И.А., а главное, корреспонденты газет. Началось, как всегда, с его «заявления», рассчитанного скорее на прессу, чем на аппарат. Смысл выступления: говорят, что он [Лихачев] не встречался с аппаратом. Но у нас открытый фонд,

в нем не должно быть никаких, в том числе и коммерческих тайн. Я выступал на заседаниях президиума, высказывал свою точку зрения на работу фонда. Оказывается, на заседания даже бухгалтер не приглашался. Мой принцип открытости [продолжал Лихачев] предполагает, что все откровенны, нет никаких сплетен, склок, доносов. Пятьдесят лет я веду сектор в Пушкинском доме Академии наук на этой основе, и никаких противоречий, недоумений не возникает. Так должно быть и в фонде. Появился слух, что Г.В. Мясников уходит, потому что ему выражен «вотум недоверия». Это неправда, и я прошу прессу опровергнуть это. Еще год назад решен вопрос о пенсии, и Мясников переходит на нее. Мы должны выразить ему благодарность за проделанную работу, особенно на стадии становления.

Беспокоит [Лихачева] положение в культуре. Можно разделить экономику, можно разделить оборонный потенциал, но культура неделима. Культура питает всё лучшее, что есть в народе. Культура способна объединить людей. Разъединяет полукультура. Фонд должен найти свое место в движении культуры. Не надо бояться, что он станет элитарным. Элитарность – признак культуры. Мы поручаем комиссии Плотникова не расследовать, а вести поиски места Фонда культуры, имидж которого мне очень дорог. Я не люблю этого слова, но приходится пользоваться. Созданию имиджа должен способствовать наш печатный орган. Если Енишерлов стал самостоятельным, пусть сам издает свой журнал. Мы к нему не будем иметь отношения. Нам надо создать газету, о которой я уже говорил, и пусть она выходит один-два раза в месяц и освещает дела Фонда.

Что-то о сохранении культурных ценностей. Прочел статью в какой-то английской газете о том, что фирма «Сотби» находит поддержку в Фонде культуры. В частности, [упомянули] В. Енишерлова, по-английски, с ехидной злостью «главу Фонда культуры Джорджа Мясникова» и директора Третьяковской галереи Королева». (Как потом оказалось, эта статья аж от декабря 1990 г., [написана] по итогам максвелловского семинара, а он [Лихачев] подал ее как недавно опубликованную). Что-то понес, что Королев показывал «Сотби» свои запасники, которые нам очень нужны и т.д. Снова о создании молодежной организации, которая заменила бы комсомол и пионерию. Фонд должен создать основы, на которых молодежь могла бы объединиться, т.к. скауты – это полувоенная организация, она нам не подходит. Лучше опыт «соколов», который есть в Чехословакии.

О Пушкинской программе. Пушкин может всех объединить. Правда, его стихотворение «Клеветникам России» надо признать ошибочным (вероятно, [Лихачев сказал об этом] в угоду Литве?). Предложение, чтобы в Фонде проводились «салоны», на которых звучали бы доклады о Шевченко – украинцев, но без политики и

противостояния (мысль интересная, но трудно осуществимая. Кто поедет, и кто придет слушать в этот салон?). О расширении связей с эмиграцией, но и о сокращении поездок. Надо не для ознакомления, а для решения каких-то конкретных дел. Что-то об атмосфере… Но все это очень нудно, заунывно, без каких-либо обращений к существующей практике, делам Фонда. Слушается как набор кабинетных мечтаний кабинетного деятеля, далекого от жизни, а тем более действительного состояния культуры. Заняло около 45 минут при его напоминании, что он должен отдохнуть и быть в Верховном Совете по вопросам «Года семьи», которым правители России хотят сделать, кажется, 1993 год. Программу уже подготовили, но он ею не удовлетворен.

После начали задавать вопросы, последовали какие-то реплики. Очень усердствовал Сигурд Шмидт, постоянно с придыханием «Дмитрий Сергеевич правильно указал…» и т.п. Разговора откровенного не получилось. Я попросил слова, чтобы сделать некоторые замечания:

1) мысли, высказанные в этой беседе, вероятно, правильные. Они не вызывают сомнений, но настораживает тональность. Как известно, тональность в музыке имеет немаловажное значение. Так и тут. Всё уж очень пессимистично. Признак интеллигентности – объективность. Пусть комиссия работает, но при одном условии – сохранении объективности;

2) объективность и порядочность нужны, когда люди оповещаются о событиях в Фонде. «Пензенская правда» сообщила (прочел), что Мясников подал в отставку «по требованию членов президиума, которые выразили ему вотум недоверия». Третий день ищу авторов этого сообщения в ТАСС, и никто не признается. Удивляет позиция В. Нерознака, который видел эту заметку и вместо того, чтобы отбросить явную ложь, произнес малопонятную фразу «не надо драматизировать события». Ложь нельзя драматизировать, ее надо просто отвергать;

3) опубликовано сообщение английской прессы об аукционе «Сотби». Но было же опубликовано мое опровержение в газете «Культура», не вызвавшее никаких возражений даже самого аукциона. Что, нужны еще опровержения?

4) говорят, что главный бухгалтер не приглашается на президиум. Надо знать нашего главного бухгалтера. Нет такой силы, которая ее бы сдержала. Думаю, что этот пример не очень убедителен;

5) и последнее: все здесь думают и говорят о том, как целесообразнее расходовать деньги Фонда, но никто ни словом не обмолвился, где и как доставать эти деньги. Фундамент, на котором строился Фонд при его создании, – народные пожертвования – рухнул. Нужны новые подходы. О них мало кто думает и беспокоит-

ся. Оставляю 45 млн. рублей и 388 тыс. долларов на счету Фонда, но надолго ли их хватит? Надо содержать Фонд, обеспечивать его мероприятия, а также материально содержать областные и республиканские фонды России. Это большая забота, и о ней надо постоянно думать. Без этого Фонда не будет.

Вдруг в тиши раздались бурные аплодисменты работников аппарата, на что, прямо скажем, речь просто не рассчитывалась. Мелком посмотрел на перекосившееся от злобы лицо Д. Лихачева. Это удар и удар сокрушительной силы! Передернулся Нерознак. Концовка, действительно, несколько необычная, не рассчитанная на участие прессы, которая едва ли не заметит этого.

Первым отреагировал В. Нерознак. Что-то путанное насчет «апокалипсической речи» Г.В. Мясникова и недоумение, что надо искать авторов интервью ТАСС. И совсем нехорошо: мы запомним, кто аплодирует, как «склочников» (что-то в этом духе!). Не отмолчался и Лихачев. Что-то бессвязное насчет того, что и он (а не только я) участвовал в создании Фонда. Напомнил, что он «на грани обнищания», т.к. ничего за работу в Фонде не получает (забыл [сказать о звании] Героя Социалистического Труда, оплату депутата Верховного Света СССР, поездки за рубеж и кое-какие премии за председательство в Фонде). Глаза злые, губы посиневшие, череп как-то остро проступил через оболочку кожи. Тяжело ему.

[Я] ушел к себе. Лихачев, не зайдя ко мне, уехал, даже не сказав не только «спасибо», но и просто «до свидания». Не думал, что так холодно разойдемся. Можно было сегодня и организовать проводы, но он не захотел. И хрен с ним! Мне все это ни к чему. Общение с академиком вызывает некрозию. Провожать на вокзал, естественно, не поехал. Были Нерознак Быков, Шмидт. И снова он в своей стихии. Как рассказывал В. Быков, раз пять вечером задавал ему вопрос, куда делись напольные часы из кабинета Мясникова? «Они же такие дорогие. Куда он их увез?» Это не оговорка, а уровень мышления, черта характера всех и вся подозревать и не очень стесняться высказывать эти подозрения другим. Противно!

14 февраля. Последний день в этой должности в Фонде культуры. Когда вздыхают [о моем уходе], говорю, что «всё имеет свое начало и свой конец». Нет ничего вечного в нашем подлунном мире. И так больше [пробыл в Фонде], чем планировалось. Когда перед избранием был у А.Н. Яковлева, он сказал, чтобы больше внимания обратил на возвращение наших ценностей из-за рубежа и добавил: «два-три года, а там и хватит». А у меня получилось с 12 ноября 1986 года до 14 февраля 1992 г. пять лет и три месяца.

Трудно сейчас сказать, жалею или не жалею, что ввязался в это дело. Сложно всё. Многое при начале казалось более ясным, чем в конце. Первый год, когда

речь заходила о замыслах и задачах, я по три часа толковал о том, что такое Фонд и что он может. Теперь же я не нахожу и 20-ти минут, чтобы убедительно сказать, что же сделано, хотя сделано немало. Всё дело, видимо, в том, что в области привык к реально осязаемым результатам, а здесь много общего, вздыхательного, мало конкретики. Да и вообще я, особенно в последнее время, постоянно ощущал состояние собственной бесполезности и ненужности Фонда делам культуры, которая трещит по всем швам. Как ни страшно признаваться, но мы так и не нашли ту нишу в культуре, которую мог бы своими делами заполнить Фонд. То же краеведение – наша забота, но мало реального, ощутимого, значимого. Сказывается у ученых академический подход: провели конференцию, значит, сделали дело. Много эпизодического, случайного. Но, пожалуй, самое страшное – это понимание того, что фонд на местах не нужен. Областные, республиканские фонды или должны пускаться в коммерцию, или жить нищими. Третьего не дано. Приезжаешь в область и чувствуешь пустоту вокруг фонда, отсутствие интереса к его делам, если даже они и есть. И, наконец, самое страшное. Первое время мы жили на доброй поддержке партийных органов. Ликвидация партии привела к потере этой мощной опоры. Никаким советам, администрациям, уполномоченным президента РСФСР мы просто не нужны. У них не только до Фонда, но и вообще до культуры руки не доходят и в ближайшие годы едва ли дойдут. Как ни вякает Нерознак, что мы теперь отказались от «государственного покровительства», но это беда Фонда. Раньше письма носили мешками, теперь два-три в неделю. Упал интерес. Да и иностранцы уже не просятся на прием, не добиваются всяких интервью, которых мы не давали, но попытки были постоянные. Откол Р.М. Горбачевой, по ее инициативе, болезненно сказался на делах Фонда. Хотя теперь, когда ими [Горбачевыми] утрачена власть, другого и быть не могло. Ушла она вовремя.

Вот такие мысли одолевают в этот последний день. Телефоны молчат, посетителей в приемной нет. Спала горячка, наступили покой, тишина. Очистил все ящики стола, закрутил сейф, отдал ключи и книжки от вертушки.

Хотели начать проводы в 11.00, но что-то задержались с цветами. Собрался в Дубовом зале весь аппарат Фонда, начал В. Нерознак. Молотил что-то очень бессвязное и несуразное. Больше ссылаясь на «Дмитрия Сергеевича», которого никто не провожает на пенсию, меньше обо мне. Назвал «атрибутом Фонда». Потом без всякой подготовки Олег Ив. Карпухин. Все-таки неряшливый парень, делает многое на хапок. Тоже что-то не очень суразное, но вручил тарелку и объявил о благодарности и денежной премии. Выступила Юрьева. Билет члена Пушкинского общества №10, медаль и цветы. Попов из «Голоса» объявил, что приняли меня почетным

членом Международного Шаляпинского фонда. Воскобойников. Просто женщины. Многие цветы – не букетом, но по одному, с поцелуями.

Я заключал: не надо грусти. Пусть молодые приходят и продолжают начатое дело. Когда-то надо уступать дорогу. Мне эти годы полезны. Вернулся через 25 лет в иную Москву. Много дало общение с интеллигенцией. Она не так смотрится издалека, как вблизи. Понимание истиной цены интеллигенции очень важно. Пожелал всем успеха в делах. Сознательно ни разу не назвал Лихачева и Нерознака. Фотографировал Генде-Роте. Посмотрим. […].

Конечно, сил вложено немало. Но если бы я знал, что Лихачев окажется такой неблагодарной […], едва ли бы я так старался. Хотя был и второй мощный фактор – присутствие в президиуме Фонда Р.М. Горбачевой. Делал всё, чтобы сохранить престиж Фонда, подтвердить это не словами, а делами. Сложностей была масса, и они диктовались не столько сложностью дел, сколько сложностью этих двух характеров, а в последнее время еще и противоборством их, подозрительностью старика, что я противопоставляю себя ему, неправильное создаю о нем впечатление. Разговоры с ним всегда были не очень приятными, но терпимыми. Разговоры же с ней [Р.М. Горбачевой] по телефону (а это 30-40 мин.) заканчивались чаще всего желанием выпить литр молока за вредность. И голоса не повышала, и вроде всё внешне доброжелательно, но постоянно внутренне напряжена, придирчива к каждому слову, каждой мысли. В общем, задача, которую постоянно приходилось решать как головоломку.

1 марта. Всё это время просидел дома, отдыхая от тяжелейших нагрузок, которые тащил на своих плечах все эти годы. Как-то стало легко, и утром не мучает нервный стресс. Может, нервы встанут на место. Пока ничем путным заниматься не могу. Просыпаюсь после 11-ти дня, после обеда еще дрыхну 1,5-2 часа, а ложусь в 3-4 часа утра. Идет перестройка организма. С работой есть осложнения, но не безысходные. Российско-американский университет решил стать акционерным обществом. Всех объявили уволенными. Чтобы не оставлять меня не у дел и не отдать кому-либо другому, подписали контракт на 2.500 руб. с тем, чтобы я до 21-го апреля разработал подпрограмму «Культура российской провинции». […].

Сегодня рассказал по телефону В. Енишерлов, что вчера Горбачевы были на юбилее «Независимой газеты». Он попался им на самом входе, был ей представлен М.С. [Горбачеву] как «наш главный редактор журнала». И сразу начался монолог, смысл которого сводился к тому, что Фонд сделал много доброго, но не выдержав характера, сдался под напором обстоятельств, изменил себе и как-то

предал ее. Монолог длинный, темпераментный, заинтересованный. Говорит, что публика их встретила тепло и сердечно.

Размышляя над всем происходящим в стране, не могу понять позиции этой пары. Льется кровь в Карабахе, разбегаются республики, гибнет экономика, российское правительство на последнем дыхании что-то делает, чтобы спасти экономику, а они как ни в чем не бывало расхаживают по мероприятиям, демонстрируют себя. Ни стыда, ни совести. Как земля носит таких? Появились 21-го февраля в Большом Кремлевском дворце на вечере посвященном «защитникам Отечества». Кто, как не он, сделал всё возможное, чтобы оставить страну без обороны, развалить военную промышленность, растащить армию? Но сидит в первом ряду, улыбается, аплодирует. Рядом А.Н. Яковлев с женой. Хорошая компания! Уму непостижимо. Не знаю, как другие, а в нашей семье каждый день поминают его недобрым словом. Миллионы людей сделал несчастными и не переживает. Кажется порой, что он вообще лишен чувства сопереживания, сочувствия, критического осмысления того, что хотел, и что на самом деле получилось. […]. Историкам предстоит нелегкая работа найти ему место и определить роль в тех событиях, которые связаны с развитием мировых отношений, развалом социалистического лагеря, распадом единого и могучего государства – СССР.

Говорят, он подобен Герострату. Думаю, что это ошибка. Герострат в 356 г. до н.э., простой грек из г. Эфес, чтобы обессмертить свое имя, сжег храм Артемиды Эфесской, составлявший одно из семи чудес света. По отношению к делам Горбачева он первоклашка, мальчишка. Что один храм, даже если это и чудо света? Горбачев ради амбиции, жуткого стремления войти в историю реформатором, понявшим, что «дальше так жить нельзя», сжег целую веру – марксизм-ленинизм, с тысячами храмов и миллионами верующих. Ликвидировал целую общественную формацию – социализм, уничтожил мировое коммунистическое движение, одним махом отдал в руки националистов, стремящихся к реставрации капитализма, страны Восточной Европы, входившие в социалистический лагерь. [Он] сделал неоценимый подарок немецким реваншистам, объединив Германию, развалил блок Варшавского договора, лишил нас в Европе своих союзников. Сделал всё возможное и невозможное, чтобы ликвидировать Союз Советских Социалистических Республик как единое государство, лишить его способности обороняться, поставив в зависимость от капиталистических стран и прежде всего США, Германии и Японии. Разрушил политическую и экономическую систему, загнав страну в пропасть, не оставил ни одной ячейки, которая не подверглась бы разложению и распаду. Такого еще далеко не полного перечня «заслуг» исторического деятеля ни наша, ни другая страна мира не знают. Его фигура уникальна не только в нашей, но и миро-

вой истории. Страшно, что он этого не понимает, живет и собирается читать лекции, писать статьи, давать оценки.

3 марта. […]. К горячим точкам в Карабахе, Южной Осетии (о ней что-то молчат) добавилось Приднестровье. […]. Развал «центра» – повод и благодать для произвола националистических сил в суверенных республиках. Противостоять националистам некому. Начали вывод войск из Литвы. Так шаг за шагом отдаем одну позицию за другой, не получая ничего взамен. Разорение бывшего великого государства идет просто неудержимо. Обидно, что все это видят и ничего не хотят сделать, чтобы остановить процесс. […].

Вчера объявили, что он [М.С. Горбачев] возглавляет фонд его же имени, который, по заказам, должен разрабатывать социально-политические прогнозы. Странное дело: Горбачев, который и полшага вперед не мог рассчитать за все эти шесть лет, будет составлять прогнозы. […]. Чему, кого он может научить, проиграв всё и вся? Бессовестный! Мне кажется, порядочнее позиция фельдмаршала Паулюса на Нюрнбергском процессе. Когда его спросили: утверждают, что вы преподаете в академии Красной армии? [Ответ Паулюса]: «Чему я могу научить русских офицеров, проиграв сражение?»

У Горбачева и элементарной порядочности не хватает. Он не только не умный, но еще и безнравственный, пытающийся заработать на бедах, которые сам породил. Завтра уезжает в Германию, а потом на 16 дней в США. Будет за доллары читать лекции. Подрядился давать ежемесячные обзоры в какой-то американской газете, еженедельные – в английской и итальянской. За всё пойдут гонорары. Люди бедствуют, нищают, давятся в очередях, а он зарабатывает на их страданиях. По подсчетам какого-то экономиста (передано по TW), его доход в год может составить 10 млн. долларов. Вот тебе и «новое мышление».

Виновата и Раиса Максимовна. Имея на него огромное, если не сказать решающее влияние, ничего не сделала, чтобы предотвратить трагедию, хотя я ее об этом не раз предупреждал и когда-нибудь соберусь записать по памяти десятки разговоров, в которых высказывал тревогу за дела в стране. Ее поразительный и почти после каждого разговора стереотипный совет: «Это, Георг Васильевич, надо пережить». «Трудно, начали великое дело, надо найти силы и пережить трудности, которые неизбежны, когда идут революционные преобразования». В таком духе!

Жена Лукьянова, Людмила Дмитриевна, в интервью газете «Гласность» (27.02.1992) точно сформулировала: «Такова же и Р.М. Горбачева – властная, честолюбивая, тщеславная, самоуверенная и очень недоброжелательная». Много тут

подмечено верно. Стоит когда-нибудь поразмышлять и найти подтверждения. Так же точно Л.Д. Лукьянова замечает: «Часто говорили об их дружбе с Горбачевым, но это лишь легенда. У Горбачевых нет друзей». […].

«Бесовские забавы» продолжаются. […]. Сегодня по TW передали, что состоялась презентация «Фонда Горбачева». Так и не понял, где в Москве это было. Но сделано шикарно – столы, прием, речи. В центре Михаил с Раисой, рядом А.Н. и Егор Яковлевы, тут же Руцкой, наш Питирим, Андрей Васнецов и др. Где-то отсвечивает Э. Шеварднадзе и облезлый Шахназаров. «Компания» продолжает действовать и ничего не стесняется. Выдали «первую продукцию» – прогноз по СНГ. Три варианта. Если объединятся, то создадут центральные структуры и будет хорошо. Если ограничатся экономическими мостками (почему-то без Украины) – тоже ничего. Или разбегутся по своим центрам, примкнут к соседям – повторится Югославия. «Прогноз» не ложный, и Фонд для этого иметь не обязательно. Правда, жалуются, что нет средств, и некоторые сотрудники работают без зарплаты. А мне казалось, что Горбачев на гонорарах вместе с Раисой нагребли столько, что могли не один год на свои средства содержать фонд своего имени. Нет, жадные, уже обращаются за пожертвованиями. Им, скорее всего, дадут и наши теневые воротилы бизнеса, да и Запад в знак признания выдающихся заслуг по развалу коммунистического движения и ликвидации его оплота – СССР подкинет какие-нибудь крохи с барского стола. Много едва ли дадут: дело сделано, платить теперь незачем.

Э. Шеварднадзе объявил, что собирается найти себе место в Грузии. Пока не определил, какое, но коммунистически правоверный тронолизавший чиновник лезет без стеснения возглавлять «демократическую Грузию». Ни больше, ни меньше! Есть угроза, и ее начинают понимать в российском парламенте, развала России. Первопроходцем выступает Татария, назначившая на 21 марта референдум. Вопрос закручен так, что на него нельзя ответить отрицательно. Суетятся признать референдум незаконным, но где теперь действуют законы? Вырвется Татария, за ней пойдет Башкирия. Уже высказалась за выход Чечня (с ней сегодня подписала соглашение Украина). Что останется от России? Дурной пример заразителен. Позволив развалить союзный центр, российские руководители не имеют права выступать против попытки Татарии самой решать свою судьбу.

А пока суть да дело, Б.Н. Ельцин утомился, и официально объявлено, что он на 10 дней уехал в Сочи на отдых. Страна горит, Россия на грани пожара, цены лезут, защиты социальной никакой, а руководитель отдыхает в Сочи. Вот так. И не стесняются, даже не делают вид, что болеют за народ. Скорее всего, [Ельцин] продер-

жался [трезвым долго], а теперь взял верх Бахус. Надо разгрузиться. Бедный и несчастный наш народ!

4 марта. […]. М.С. Горбачев на самолете «Люфт Ганзы» отправился в Германию, где его будут встречать с великим почестями как объединителя Германии. Заслуга перед немецким народом величайшая! Но парадокс в следующем: объединив Германию, он разъединил Советский Союз. С нашей точки зрения, это плохо, просто преступно перед историей нашей Родины. Неужели он этого сам не понимает? Судя по бодряцкому поведению, стремлению постоянно выпячивать свою фигуру, не понимает. Диагноз: больной человек. Нормальный человек едва ли всё это бы вынес. Речь идет о какой-то глубокой, нервной и нравственной запущенности человека, отсутствии элементарного критического взгляда на последствия своих дел. […].

Демократы начали панически бояться митингов, с помощью которых сами пришли к власти. Сорвали митинг 23-го февраля. И не только сорвали, но и пустили в дело дубинки, чего мы не позволяли себе в период бурного развития митинговой стихии. А тут глупо: ветераны, молодежь решили на Манежной почтить армию, возложить венки к могиле Неизвестного солдата, им перегородили путь на Тверской, а когда попытались в гневе прорваться, отдубасили дубинками. Нервничают демократы, а может, они и правы: любая власть, если хочет сохраниться, должна уметь себя защищать. Этого не понимал М. Горбачев, он и не сохранился. […].

5 марта. […]. Встреча с Ген. Зюгановым. Играет, веселится парень, увлечен борьбой. Говорит, что удалось собрать и левых, и правых центристов, и быстро договориться о единстве действий. Все они за восстановление государства. Потом, когда я начал детально пытать, все они сходятся на требовании «четырех понятий»: справедливость, народность, государственность, патриотизм. Всё это, с моей точки зрения, очень общее, мало к чему обязывающее, далекое от классового подхода. Под этим подпишется любой демагог. Цель – сохранить государство, не допустить его развала (а он уже состоялся), борьба с мафиозно-масонской политикой нынешнего правительства России и т.д. Я сделал три замечания:

1) нет программы, доступной пониманию не верхушечных политиков (играющих в политику), а самым широким слоям населения. Ленин в стратегии и тактике считал вопрос о лозунге момента одним из решающих. [У КПРФ] нет лозунга, способного объединить и позвать людей. Его нет и у Б. Ельцина, но он что-то делает, ищет, а вы только митингуете. «Долой» – не лозунг. Он скорее помогает «демократам», чем работает против них. Если этих «долой» [с политической сцены], то кто

на смену и с какими идеями? Проблема государства – еще не проблема всех. Важно найти ответ на вопрос, куда идти и как идти? Ответов нет, есть крики, речи на митингах, но они мало убеждают людей. Лозунг, скорее всего, должен затрагивать экономику и проблемы социальной защиты обездоленных, отлученных одним махом от завоеваний социального порядка, которыми мы гордились (право на труд, образование, здравоохранение, отдых, жилище). Нужен теоретик и лидер. Пока здесь пестрота (от Н. Андреевой до Тюлькина), и это мешает движению;

2) надо точно знать, назрела ли обстановка для активных действий. Пока, с моей точки зрения, нет. И подталкивание митингами ни к чему доброму не приведет. Лучше бы сосредоточиться на повседневной работе в низах, находя убедительные доводы, из жизни взятые, жизнью подсказанные. Накапливать настроения, жить вместе с массами и быть готовыми решительно выступить, когда созреет. Пока народ верит Б. Ельцину и его правительству. И верит потому, что оно что-то делает. По крайней мере, делает вид, что ищет. Партия же ничего не делала, когда рушилось государство, и теперь ничего не может сделать, ибо сама отдала власть. Во всем этом решающую роль сыграло предательство интересов партии и народа М.С. Горбачева и его компании;

3) надо хорошо понимать и чувствовать меру ответственности, которую берут на себя все те, кто от имени бывшей партии коммунистов продолжает политическую борьбу. Ясно, что пришедшие к власти «демократы» с потрохами куплены мафиозными структурами банков, бирж, иных формирований. Достаточно посмотреть в кабинете на Старой площади представителя МЕНАТЕПа, чтобы понять это. Отсюда вывод – власть без боя не отдадут. Речь ведь идет не об идее, а о миллионах, которые вложены в верхушку, образующую российскую власть. А капитал деньги без боя не отдает, он во все времена был готов идти и шел на любые, в т.ч. и крайние меры. Верхушечная часть понимает это и готова садиться в тюрьму. Это, в конце концов, их выбор, их дело. Боюсь, что за ними могут пойти миллионы не имевших отношения к нынешней борьбе, но составлявших когда-то актив партии (теперь говорят – партократию). Тут есть опасность, ее надо видеть и понимать, дабы не оказаться в роли провокаторов, на плечи которых ляжет ответственность за жизнь сотен тысяч людей. […].

17 марта. Не вел записей. 7-го выехал с Верой в Пензу, а вернулся 15-го марта. Двоякое впечатление от этой поездки. Естественно чувство тепла и удовлетворения, что побывал на бесконечно близкой и дорогой мне родине. Грустное – от сознания того, что многое из сделанного опускается, город зарастает грязью, возвращается в свою «извечную серость» и глухомань. Нет сил, способных не только

продолжить, но и хотя бы поддержать то доброе, что было начато и заложено. Обидно. Казалось, что закладываем на века, а на самом деле еле живет и дышит спустя всего 20 лет.

Хронологически: встретили на перроне Е. Попов, Н.М. Инюшкин и Л. Кудрявцева, разместились на курсах. После небольшого отдыха – в гости к Н.М. Инюшкину на блины, благо, день 8 марта совпал не только с женским днем, но и с масленицей. Хорошие блины, богатый стол и уютная семья. Интересная Элла – пензенская знахарка и «колдунья». В этот же день вечером в гостях у Г.В. Яковлева. Ему исполнилось 75 лет. Усох здорово, Надежда не меняется. Доволен искренне, что зашли. Уже давно никому не нужен. Работает в совете ветеранов. Интересно: город после семи вечера абсолютно пуст, ни одного прохожего на улицах. Что-то зловещее в этой пустоте и безлюдности. В понедельник встретился с А.Е. Щербаковым. Администрация заняла весь бывший обком КПСС. И едва хватает. Опять тесно.

Обстановка сложная: падает производство, останавливаются заводы, т.к. не из чего производить продукцию, а оборонку – неизвестно кому и как сбывать [продукцию]. Все сидят на картофеле, нечем платить зарплату. Совхозы и колхозы на 40% сократили производство мяса и молока. На половину сбросили поголовье свиней, на 68 тыс. – коров и почти вырезали овцу. Голые! Нет денег на капиталовложения. Никто не дает кредитов. Останавливаются стройки, строителям делать нечего. Разбегутся, а что потом? Даже горючее к весеннему севу выкупать не на что, не говоря уже о технике и запасных частях. Политика ликвидации колхозов и совхозов действует через экономику. Их душат экономически.

Нет капвложений на социальное развитие села. Не строят больше дома [в селе] (дом – 500 тыс. руб.), детские сады, магазины, дороги. Остановилось развернувшееся дело. Потом опять придется всё начинать с нуля. Как рок какой-то: только пойдет дело, как его искусственно останавливают, и всё летит к чертовой матери. Доброе дело – газификация села. Многие села получили газ, хотя бы привозной. Но… раньше баллон газа, которого хватало на месяц, стоил жителю села 3 руб., теперь стоит 85 руб., а с повышением цен на теплоносители выйдет на 150 руб. Что делать сельскому пенсионеру? Как пользоваться теплом? Новый вопрос! Потеряны все рычаги управления народным хозяйством. Каждый сам себе устанавливает план, сам его выполняет или не выполняет и никто ни за что не отвечает. Даже элементарно прогнозировать невозможно. Отпало чувство ответственности за общее дело, а экономические рычаги работать не начали. Раскоряченное положение, которое бьет по народу. Нет продукции. Цены же регулируют только

уровень спекуляции. Они никак не воздействуют на производство, далеки от него. Скорее, разлагают производство, а это гибель.

У Щербакова неважное настроение, состояние бесперспективности и беспросветности творимого.

Встретился с Г.И. Дидиченко, уполномоченным Президента РФ по Пензенской области. Сидит в моем кабинете. Как-то пусто и неуютно. Чувствуется, что временный и случайный хозяин в кабинете. Что-то вспомнили из былого, но разговора не получилось. Трудно ему с уровня начальника угрозыска руководить областью. Постоянно дерется с администрацией. Говорит, что он их породил, а они ему не благодарны. Спросил меня, в чем я вижу самое существенное в развитии событий?

Я откровенно сказал – в отсутствии программы движения. Ее нет у тех, кто взял власть, и у тех, кто стоит к ней в оппозиции. Куда и как идти – вопрос, на который никто не ищет и не находит ответа. А движение в потемках – дело архиопасное.

Жалко, что многое, чем владела область, растрачено. Жорж вызвал какую-то комиссию контролеров из Москвы. Паны дерутся, а чубы трещат у народа. Заходил к председателю областного Совета Лычагину, бывшему первому секретарю Земетчинского РК КПСС. Попили чая. Удивительное дело: час беседы – и ни одного посетителя, ни одного телефонного звонка. Никому не нужен, ничего не решает. Сдохнуть можно от тоски. Да, три руководящих центра и никакой власти. Всё катится само собой. Это даже не капитализм, это откровенная анархия.

[…]. 11-го в 15.00 – в «департаменте культуры» (теперь так называется бывшее управление культуры). Встретился сначала с Н. Инюшкиным и К. Вишневским по культуре российской провинции, а затем с группой «деятелей культуры». Не получилось интересного разговора. Все состарились. Есть интерес, но всё для себя. Нет общности мыслей. Интересно – Вл. Застрожный о гибели русской культуры, об исчезновении последнего слоя – носителя народных традиций. В. Лебедев – о провинции. Оказывается, это римское слово появилось в России при Петре I, разделившим государство на «провинции». До него были воеводства, земли […].

Вечером в гостях у Закира. […]. Трудовая семья, все вкалывают, и приятно, что живут в достатке, всё есть. Особенно ценно, что благодарны за путь, который открылся, когда заставили его [Закира Курмаева] получить высшее образование. В понедельник видел Веру Гринченко. Ее тоже заставили в свое время закончить вуз. Теперь налоговый инспектор с окладом 1.800 руб., а так бы сидела секретаршей. Два добрых дела, и на душе приятно, что дал им путь.

12-го с В.Ф. Буйловым поехали в совхоз «Мещерский» Сердобского района в гости к Н.А. Минькиной. Мужественная женщина. 20 лет возглавляет совхоз. Оста-

лась без семьи. Мать (я ее помню – прекрасная повариха в совхозе) спилась. Растила брата и сестренку. Не до себя. Вырастила, одиночество. Тонко чувствует товарищество. Удивила, когда в прошлом году по собственной инициативе приехала ко мне в Колышлей на отдых. Теперь решили нанести ей «ответный визит». Дом в парке. Масса грачей около гнезд. […]. Нина сдержанна, но интересна. Играет в сборной волейбольной совхоза три вечера в неделю. Капитан, ездит на соревнования. В Крещенье купалась в иордани на речке. Весь совхоз с замиранием ждал. «Оправдала». Даже нашла монашек и крестили воду. Чего не приходится делать директору совхоза, чтобы жить среди народа и быть признанным руководителем! Ее в селе зовут «наша барыня». Скептически относится к фермерам. Один попросил землю, и не просто участок, а плодородный в районе Вырубовки. Крестьяне на собрании, не стесняясь, ему в глаза сказали: «Возьмешь – спалим!» Вот и выбирай. Но не возражают, если дадут в районе Мещерского. Мещерское – вотчина Кологривовых, мачехи П.А. Вяземского. Он здесь жил. Недавно сгорели остатки помещичьего дома. Дом Минькиной – в бывшем парке Мещерских. […].

13-го снова в администрации. […]. Со Щербаковым зашли к главе администрации А.А. Кондратьеву. Сидит в кабинете В. Дорошенко. Поразительно: на стене портрет П.А. Столыпина. Дожили и до такого! Я его [Кондратьева] плохо помню в бытовке. Договорились о поддержке программы «Культура российской провинции» […]. Уверенности большой в делах нет. Скорее, растерянность. [Кондратьев] считает Дидиченко фашистом: как был оперативником, так им и остался. Драка внутри стана демократов. И это не только в Пензе. Кажется, носит всеобщий характер, начиная от московской верхушки. Впечатление от встречи нормальное, но ощущение такое, что человек взялся не за свое дело, и у него нет приличной опоры.

14-го марта созвонился с А.И. Кисловым. Условились о встрече в 12.00. До этого у него – прием населения. Пришел к 12-ти. Населения на приеме не было. Нет вопросов? У меня в былые времена было 30-40 посетителей. Разговор длинный. Не очень понимает, куда и как идти. Были в Москве, но ничего определенного. Все заняты только политикой. До экономики руки так и не доходят. Горюет, что было легче, когда боролись за власть, а получив ее, не знают, что и как делать. Объясняет свою борьбу тем, что ушли «корифеи» (т.е. мы), а на смену им пришли «дурачки» (Зубков, Артамонов и др.). Детективная история с поездкой девицы в купе, амбалы в вагоне. Своя «разведка». Козни КГБ. Настаивают на снятии генерала. История с покушением на Дидиченко, который сам себе это придумал. Что же за уровень, когда занимаются такой чепухой? Условились о поддержке идеи «Культуры русской провинции» и привлечении банка. […].

19 марта. […]. Посмотрел интервью Д.С. Лихачева в «Московских новостях». Любит [это дело]. И весь со своими присущими ему склонностями, как на витрине. Если внимательно вчитаться – тщеславен и саморекламен. Сам факт интервью. «Я был единственным выступившим от всех ученых Академии наук СССР на митинге 20 августа на Дворцовой площади». Постоянно делает из себя обиженного обществом: «меня не ввели в президиум Петербургского научного центра академии». Проговаривается: директор БАНа [Библиотеки Академии наук] «призвал оградить библиотеку от моих «клеветнических выступлений» (еще бы Н.Н. Скатова добавить!). Как хитрец и властолюбец уже поносит М.С. Горбачева: «Этот человек проиграл нравственно и вынужден был уйти». Возвеличивает Б.Н. Ельцина: «Есть глубокий смысл в том, что первый президент России – из Екатеринбурга, где расстрелян последний русский царь». Бьет по Кравчуку. Обычная ложь, домысел – оказывается, в 30-е годы в Ленинграде не было мужчин «их посадили или расстреляли». Весь он в вечной лжи, хитрости, обывательской многозначительности. Чем больше с ним встречаюсь даже заочно, тем противнее становится мне этот «великий интеллигент России».

20 марта. Вот и еще один рубеж: мне 66 лет, а Егору – 18! Не думал, что возьму его. Трудно себе представить, что прошло 66 лет с того дня, когда в новеньком маленьком домике под присмотром бабушки Анны Александровны и прабабушки Евдокии Григорьевны я появился на свет. Был еще жив отец. Володю и Лиду отправили в соседний дом Громовых. Мало что осталось от того дня: Коповка, церковь, в которой меня крестили, два из трех тополей, посаженных отцом под окнами дома весной того года да Володя, который сегодня почему-то даже не позвонил. Были звонки, несколько телеграмм из Пензы, к ужину пришла Галя Юхатская. А так не очень празднично. Да и время такое, что каждому только до себя. Никого из тех, кто забыл, не виню и не осуждаю. Время делает людей, а люди делают время. Ко всему пора привыкнуть, в том числе и к забвению. Отмечу лишь, что сегодня яркий солнечный день, около +6 тепла, а вечером на южной стороне, куда обращены окна нашей квартиры, полная луна.

День наполнен всякими страстями. Говорил с В. Чурбановым. Сидит дома, пока не теряет надежды сделать мне программу «Культура русской провинции». Меня же почему-то крутит к патриотизму. Это теперь более злободневный, хотя и не очень популярный вопрос. Как быть патриотом страны, которой нет? Но Родина же остается. Тут надо было бы кое-что поискать, посмотреть, подумать.

Говорил с В. Сурковым из МЕНАТЕПа. Пока не определился. Условились в понедельник встретиться. Пока время идет, деньги платят, а ничего нужного и полезного я не делаю.

[…]. Распад СССР стал необратимым. Империю не вернешь, нет таких сил. Да и у народа мозги заморочены националистами. Хотя в итоге страдает прежде всего и больше всего народ. Возня вокруг Татарии. Обращение по телевидению Ельцина. Хотели собрать сессию, но, говорят, уже поздно. Завтра референдум. Никакая сила его не остановит. Что делать дальше? Б. Ельцин в аэропорте: «Я не представляю себе, что Татария выйдет из состава России». А если выйдет? Смотрится это всё как месть коммуниста Шаймиева Ельцину за развал «центра» и СССР. За всё приходится платить. А тут еще не очень аккуратная фраза о самоопределении. Сказал когда-то, теперь получай и утирайся.

[…]. Задаю себе вопрос: почему ушел из фонда? Конечно, создание комиссии во главе с С. Плотниковым лишь повод, а не подлинная причина. Скрытые же, глубинные причины совсем в другом. [Я] понял, что фонд как общественное формирование рассчитанное на моральную, а главное – материальную поддержку народа, не оправдал себя. Он просто не состоялся, как и не состоялись десятки других фондов, включая Детский, Милосердия и т.д. Для нормального функционирования такого рода благотворительных обществ должна присутствовать иная атмосфера народного быта. В период драк, раздоров, нестабильности, страхов, экономических и политических неурядиц фонды нормально функционировать не могут.

Материальную поддержку народа можно было бы заменить на поддержку «денежных мешков», но этот класс должен народиться, накопить известный избыток и стать просвещенным, чтобы отстегнуть этот избыток на нужды культуры. Без этого фонд невозможен. Во-вторых, разочаровался в интеллигенции, которая должна была стать основой, главной движущей силой фонда. С трудом смотрю по TW всякие сборища творческой интеллигенции. Внешне они вроде бы и смотрятся, внутренне же вызывают чувство отвращения, неприязни. Страшно далеки от народа, живут своей жизнью, для которой характерны эгоизм, зависть, недоброжелательность, нечистоплотность, отсутствие твердых норм морали и нравственности. Это страшная публика, готовая ради собственного благополучия утопить любого. Порядочные люди среди них – величайшая редкость […].

Не вижу перспектив финансового развития фонда, а без денег он никому не нужен. Отказ в деньгах уже обозначил отлив тех, кто стоял у истоков. Чем дальше, тем больше будет вырастать чувство оторванности, никчемности фонда.

[Следующая причина] – отсутствие понимания, что делать и как делать, – концепции […]. Была Р. Горбачева – еще обращались те, кто хотел «дворцовой поддержки». Ее уход обозначил падение престижа, утрату интереса к нему. Еще одна из причин – потеря связи с «руководящим центром». Когда создавали Фонд, была мощная поддержка аппарата ЦК КПСС, его заинтересованность в делах Фонда. Достаточно сказать, что в 1987 году, по инициативе Е.К. Лигачева, [я] дважды докладывал секретариату ЦК КПСС о положении дел в фонде. И это – признак заинтересованности. По поручению Политбюро ЦК КПСС занимался и довольно успешно предотвращением самостийной, под знаменем общества «Память», установки памятника Сергию Радонежскому в пос. Городок (теперь Радонеж). Сначала предотвратили, а потом (на следующий год) торжественно открыли с участием Вяч. Клыкова и Сав. Ямщикова.

Разгон аппарата ЦК оборвал связи. Правда, они еще держались на помощнике президента СССР Вл. Егорове. С уходом из фонда Р. Горбачевой и эта связь оборвалась. Надо было переключаться на российское руководство, а народ там случайный, темный. Пытался наладить отношения с С. Станкевичем, но встретил столько высокомерия, что отпало всякое желание. Выходить же на Сергея Житенева, ставшего помощником Бурбулиса, а потом зав. отделом, просто противно.

Решающее значение, конечно, имело расхождение с Д.С. Лихачевым. Устал терпеть его старческие, тщеславные капризы, подозрительность, мелкое доносительство и наушничество. Началось со статьи в «Известиях» «Как бы нам не стать обкомом культуры», потом издевательское интервью эстонскому журналисту, а затем, чем дальше, тем больше, накапливалась откровенная неприязнь друг к другу. Он меня также внутренне ненавидел, как я его не мог терпеть. Любая необходимость просто звонить по телефону, разговаривать с ним, вызывала у меня изжогу. Его выходки на президиуме: «Вы вечно жадничаете, я ухожу!» – «Остановитесь, послушайте, что говорят другие…». Открытие Музея современного искусства – только внешние бурные проявления давней внутренней напряженности! Думаю, что и статья А. Компанейца была им санкционирована и одобрена. Поначалу я не усек его хитрости. Еще в Минкульте СССР говорил мне: «Побольше и почаще выступайте на TW, в газетах. Я хочу, чтобы вы стали председателем Фонда культуры». А сам пристально глядел глаза. Вот когда началось! Он жестокий, хитрый и довольно беспощадный человек и потому опасный.

21 марта. […]. Днем была Лариса Кудрявцева из Пензы. Позорные факты разгрома обкома КПСС. Вызвали к 7-ми утра 25-го августа (это, кажется, воскресенье). Собрали в фойе на 1-м этаже. Не пускают. Автоматчики и милиционеры. Пришел

А. Ковлягин, даже не поздоровался. Дал команду пустить на два часа, забрать личные вещи. Так 25 августа 1991 г. закончил свою историю Пензенский обком КПСС. Если считать, что создан в 1940-м году, то просуществовал 51 год их них 25 лет я – второй секретарь этого обкома. Половина истории при моем участии. Много о политике. Все сходятся на том, что М. Горбачев предал партию, народ и взял недорого. Больше думал о том, как самому сохраниться, чем о сохранении идеи, о которой много говорил.

Плохое отношение к ней [Р.М. Горбачевой]. […]. Так решил народ, сразу не полюбивший ее. В ней заложена трагедия этой семьи. Да и трагедии нет. Всё предали, всех предали и пытаются еще блестеть на горизонте. В. Новожилов переслал мне в подарок 7 томов его [М. Горбачева] избранных речей и статей. Поразительный документ – собрание документов, свидетельствующих о самом предательстве, жутком разрыве слова и дела, демагогическом складе характера, отсутствии элементарного предвидения. Читаешь и становится просто не по себе от того, что говорилось и что на самом деле получилось: перестройка – разруха, обновление – реставрация, социализм – капитализм, укрепление государства – развал СССР, обороноспособность – полное разоружение, улучшение жизни народа – обнищание и голод, утрата элементарных социальных завоеваний. Всё сделано наоборот. Не думаю, что он это планировал. Он говорил, а не делал. Работала стихия, она привела к тому, что имеем. Кто-то, вероятно, помогал этой стихии и небескорыстно. Будущее покажет.

22 марта. Вера с Егором вчера постились, а сегодня ходили на исповедь в церковь на Нежданова. Поднялись рано. Вернулись и завалились спать. Мы бродяжничали с Мишей, а потом он отправился гулять. Принес Анатолия Лукьянова «Стихи из тюрьмы» (у меня есть с его автографом сборник «Созвучие»), Виктора Илюхина «Обвиняю президента» (помню его по Пензе, выдвигал в союзную прокуратуру). Собирается интересный материал. Стихи А. Лукьянова хороши. Эрудит, особенно понравились стихи о Волошине и поэтах России. Это не просто эмоции, но и знание материала. Не думаю, чтобы в «Матросской тишине» была хорошая библиотека. […].

24 марта. Вера подняла из-за сырников рано всех. Потом валялся. К 14.00 с Магидасом В.Е. – в МЕНАТЕП на ул. Щипок. В.Ю. Сурков. Рассказал ему о надеждах пензяков. Им важно найти тех, кто может финансировать незавершенку. Иначе строителей нечем загрузить и остатки их разбредутся по иным местам работы. Позицию хозяев области понять можно. Но банкиры хотели бы иметь готовенькое. Тут

противоречие. Заинтересовала идея достройки завода силикатного кирпича. Завтра передам в Пензу ряд исходных, чтобы понятнее было, о чем идет речь. Условились о деталях. Мне Магидас не нравится: не хозяин слова. Боится Д. Лихачева, который прознал про этот фонд «Возрождение» и делает всё, чтобы его прикрыть. Доносят, что Егоров и я работаем в этом фонде. Старик злится. Нерознак в административном кураже жмет на Магидаса. А бьют, скорее, по Енишерлову. Лихачеву пора бы о душе подумать и не грешить, а он чем старше становится, тем тщеславнее, нетерпимее, коварнее. Сложно с этим «интеллигентом №1». Родили себе на муку эту легенду. А он академиком избран (и не случайно, видимо) только в 70 лет. Не хотели его видеть крупные ученые в своих рядах. Сейчас российское правительство сделает попытку приспособить через «Вехи» его к своим интересам. Думаю, что он пойдет на такое сотрудничество. Кому-то надо служить. […].

Продолжается гнусная история с Эр. Хонеккером. Сообщают, что он попросил политического убежища у Северной Кореи. Мотают старика, решившего найти себе пристанище на русской земле. Стыдно не за землю, а за ее хозяев. М. Горбачев ведет себя как мелкий предатель. Его не волнует ничто. О какой нравственности тут можно говорить? П----ок!

26 марта. Утром смотрел повтор встречи журналистов с Е. Гайдаром. Жалкое зрелище. Его просто затюкали, хотя держится он с завидным мужеством, а от всего облика в памяти сохраняются черты какой-то «бабности», детскости: чмокание, прихлюпывание губами. Особенно нахальна журналистка из «АиФ». Подошло время, когда журналисты перестали щадить и «демократов». Конечно, они больше о своем амплуа заботятся, чем об истине. Показательна Белла Куркова (К---а Белая) в «Пятом колесе». Уже не тянет идею антикоммунизма, а пытается судить «объективно». Верен себе в беседе с ней А.Н. Яковлев. Велеречив, многозначителен, неординарен, но так и не могу понять его позицию. Спрашивает: «Вас предал Горбачев, почему вы снова с ним?» Он: «Я всегда с тем, кто в беде. Когда было плохо Ельцину, я звонил ему, его поддерживал, за что осуждали в Политбюро. Горбачев – мастер компромисса (ни хрена себе «компромисс» – отдал коммунизм, развалил страну, закрыл партию), но его беда, что он «не был хозяином компромисса». И что-то «круглое» в этом духе. Смысл же, вероятно, в том, что его [Горбачева] «не хотят отпускать» и оставлять в одиночестве. Как бы не передумал и не наплел чего лишнего […].

К 14.00 на метро в Ипатьевский пер. […]. Москва превратилась в большой позорный базар. Торгуют везде, торгуют всем, но чаще – заграничными сигаретами, бутылками, жвачкой и т.п. Цены бешенные: «Мальборо» – 100 руб. пачка. Книги

тоже по немыслимым ценам. Много газет, а в переходе метро – порнографических изданий. Нищие, оркестры. В метро на пл. Ногина две старухи, одетые в современных скоморохов, отплясывают «матаню» и поют частушки (как бывало на торфоразработках). Стыдно, обидно, что так опустились. Жалость и гнев всё это вызывает в душе. […].

М.С. Горбачев говорил много, но постоянно повторялся, молотил об одном и том же и вроде бы не допускал грубых ошибок, но и не произносил ничего существенного. Можно лишь исключить «социалистический выбор», которому он остался «привержен» в 20-х числах августа 1991 г. Это – уже паническая глупость. Поразительно его легкомыслие в делах: судьбу могучей партии решил одним росчерком пера на неграмотной записке Г. Бурбулиса, сообщавшего, что в ЦК КПСС уничтожаются архивы и документы путча. Просил согласия занять здание ЦК КПСС. Ничтоже сумняшеся на этой бумажке Горбачев лихо расписался: «Согласен». Так была решена судьба КПСС, ее многотысячного отряда кадров. Так решил Горбачев и свою судьбу. Долго ему придется расплачиваться за эту примитивную глупость.

Если часто говорят (А. Яковлев в интервью Курковой), что Горбачев честно хотел переделать строй, ввести демократию и т.п., то в данном, да и во многих других случаях, действовал один интерес – сохранить себя, забота о себе, личные амбиции. Решил стать «великим реформатором» и стал им, совершенно не задумываясь о цене. Думаю, что в этой амбициозности велика роль его супруги Р.М. Общение с ней – дело тягостное. Кошка с мягкими подушками лапок и спрятанными в них острыми когтями. Суть всех разговоров – забота о «чести президента». Когти выпускаются моментально, как только намек на нарушение этой «чести». Отсюда много сложностей. Жалко, что не записывал содержания многих разговоров, но суть их одна – забота о личности президента даже в мелочах. Удивительно амбициозное семейство. Представляю, как им теперь тяжело, сколько злобы и зависти вызывает всё происходящее в стране и мире: встречи, проводы, беседы, кремлевские кабинеты. Но отсутствие критического отношения к последствиям своих действий позволяет им всё это пережить. Нашел же он спасительную для себя формулировку: «Процесс пошел». Какой процесс, куда? Неважно, лишь бы он был. […].

29 марта. […]. Постоянно думаю, что третья мировая война, которой так боялись наши люди, ради предотвращения которой столько сил и средств вкладывалось в развитие промышленности, движение за мир, не замеченная нами, состоялась. И самое страшное – мы проиграли, оказались побежденными. Носила она прозаическое название «холодная война». Проиграли по воле бездарных полководцев и прежде всего Горбачева, А.Н. Яковлева, Шеварднадзе и прислуживающей

им прессы – этой армии беспринципных и безответственных борзописцев. Решающей силой, работавшей на поражение, была интеллигенция. «Пятой колонной» выступали представители сионистских кругов […]. Поражение так велико, что нам столетиями не оправиться и не восстановить то, что утрачено и потеряно за последние три года. Решающее сражение – 19 августа 1991 года. Там рубеж. […].

4 апреля. Ночью листал «собрания сочинений» Ю. Андропова и К. Черненко. Грустные мысли. Партия серьезно виновата, что так легкомысленно отнеслась к подбору и расстановке кадров в высшем эшелоне партийной власти – ее штабе ЦК КПСС. Вспоминаю мартовские тревожные дни 1953 года. Умер Сталин, страна, народ с ним прощались искренне, со слезами на глазах. И почти у каждого (я исключаю перевертышей, которые теперь кричат, что они радовались смерти тирана. Глупость это, неправда!) возникал главный вопрос, что будет дальше? Задавали и не находили ответа. Не было фигуры, которая и близко примерялась на роль «вождя народа», каким не на словах, а на деле был Сталин. И здесь сказалась народная мудрость, народный опыт.

Пришел к власти Н.С. Хрущев. Человек энергичный, подвижный, но никакого отношения к марксистско-ленинской теории не имевший. Он имени Энгельса не выговаривал. Что делал Хрущев – это отдельная статья. Но ясно, что, объявив о построении коммунизма за 20 лет, он и духом не ведал, что же это такое. У партии нашлось мужество освободиться от этого авантюриста. Но на смену пришел Л. Брежнев. Человек добрый, но опять-таки не имевший никакого отношения к теории. Вместо того, чтобы от него освободиться – а все видели, что человек чудил, что он не на месте, появилась группа подхалимов, которая начала возвеличивать Брежнева (особенно Шеварднадзе). На смену ему пришел Ю. Андропов. Серьезный, что-то пытался сделать, но тяжело больной. А потом К. Черненко: из канцелярии в «вожди». Закончилась чехарда М.С. Горбачевым. Объявив о необходимости преодолеть разрыв слова и дела, он довел его до верхнего предела.

У меня все время было ощущение, что наша жизнь напоминает маховик, который все больше и скорее раскручивается, перед тем как пойти вразнос. Так и случилось: перестройка – это тот болт, который сорвал маховик с места, и он начал рассыпаться, разбрасывая детали. 36 лет строили государство, за 38 развалили его. Причем первые 36 лет были более сложными. Там устояли, эти же 38 лет прошли налегке и всё разрушили. Уму непостижимо! И партия, и особенно ее верхний эшелон несут ответственность за утрату марксизма-ленинизма, развал социалистического лагеря, ликвидацию могучего государства. Если принять 1989 г. (а это так на самом деле) за начало катастрофы, вызванной перестройкой, то получается

симметрия: 36 лет (1917 – 1953 гг.) – возвышение, 36 лет (1953 – 1989 гг.) разрушение. После 1989 г. шла просто агония. […].

Часто думал, почему Господь Бог не наказал нас, когда шло разрушение храмов, снятие колоколов, запрет религии, преследование служителей культа? Ответ кажется простым: пока развивалось и крепло государство, пока народ принимал новую веру, не отказываясь в своей основе от старой, Бог прощал нам многие грехи во имя народного торжества, во имя великой государственности. Как только отступили от этого главного, Бог наказал нас, позволив антихристу […] начать перестройку, а теперь и Борису […] встать во главе государства Российского. Всё это – наказание за грехи наши. Обратились к Богу, а он не слышит нас.

Из сегодняшних передач TW становится ясно, что идет тщательная подготовка к VI съезду народных депутатов России. Все в политической борьбе, противостоянии. Б. Ельцин тасует кабинет, чтобы некому было подавать в отставку. Если только ему самому с поста премьер-министра. А.Н. Яковлев, вроде бы уйдя в тень, через своего ставленника Г.Х. Попова, а также Собчака двигает события дальше, на ликвидацию остатков советской власти в России, замену ее президентским правлением и каким-то учредительным собранием. Будут бить на «не тот» состав депутатов и роспуск всех Советов от Верховного до сельского, чтобы «очистить» их от «номенклатуры». Это следующий этап хорошо продуманного наступления на наш строй. […].

20 апреля. […]. Смотришь на московскую публику и думаешь, до чего же мы, провинциалы, были дураками: мучались, пыжились, переживали, а они здесь сотнями тысяч, как назойливые мухи, крутились около жирного пирога, жужжали, а толку от этого? Сколько же наш строй породил «добросовестных бездельников». Уму непостижимо. И за всё платил и продолжает платить народ, своим потом, а теперь и кровью. Передал [Вадиму Чурбанову] и В. Юдину проект предложений. В пятницу будем окончательно смотреть. Не нравится мне попытка уйти от Пензы и свести всё к малым городам, но связан по рукам и ногам, не могу открыто бороться, дабы не потерять место. Что-то запуталось по справочнику РАУ.

[…]. Дурак русский народ. Дает всякой швали плевать себе в лицо и даже не возмущается. Идут, как бараны, за козлом-провокатором на мясокомбинате. Он-то отпрыгнет вовремя, а остальные попадут в мясорубку. Коротич, Бурлацкий уже за рубежом. Не удивлюсь, если там вдруг окажется А.Н. Яковлев и некоторые другие. Они заварили, нам расхлебывать […].

22 апреля. Дождливый, мрачный день. День 122-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина. Как всё переменилось: ни торжественного заседания, ни возложения

венков, ни добрых слов. Всё ушло. Только единицы энтузиастов в Москве, Ульяновске и др. городах возложили цветы к памятникам и Мавзолею. По 1-й программе TW дали «Ленин в Октябре», но тут же «доказали», что это насквозь фальшивый фильм. Особенно усердствовал Владимир Солоухин, принимавший участие в обсуждении. [Неразб.] дают полунамеки, не хвалят, но и обходятся подтекстами. Спор – кто больше уничтожил людей, Ленин или Сталин. Сходятся на том, что Сталин – «верный продолжатель дела Ленина». […].

М. Горбачев вернулся из Японии. Торжественная встреча в аэропорту Шереметьево. Отсвечивают одни те же: А. Яковлев, Черняев. Опять какие-то интервью, попытка кого-то учить. Чему? Зацепились за фразу его же, что де Голль в 68 лет вернулся в политику. Неужели не понимает, что сравнение с де Голлем нескромно. Тот возродил великую Францию, этот развалил великий Советский Союз. Удивительное дело и поразительная нескромность. Человек без элементарного понятия стыда, совести, чести. […]. Веселая семейка.

[…]. Ночью дочитал С. Алиллуевой «Двадцать писем…». Не кандидат исторических наук писала. Семейная хроника о жизни одинокого человека, ставшего заложником и жертвой системы, созданной им самим. Странное увлечение подозрительностью, аресты даже родных и близких, жены сына. Жестокая машина. Весь вечер искал и теперь с трудом нашел фразу, передающую устами Светланы суть Сталина послевоенных лет: «Он был предельно жестоким против всего мира. Он всюду видел врагов. Это было уже патологией, это была мания преследования – от опустошенности, от одиночества». Книга антисталинская, пронизанная тяжелым чувством вины за него, хотя и намеками на сочувствие, без каких-либо примет и попыток оправдания. Многое сваливает на Берию, старого знакомого семьи. Его еще Аллилуева [мать] не пускала на порог дома. Но Сталин поверил… Но сколько до Берии, еще при Ягоде и Ежове, уничтожено? Дело не в «спутниках», а в установившейся системе. С одной стороны, забота о строительстве, созидании, движении вперед. С другой – часто нелепая подозрительность, жизнь в постоянных стрессах, казнях, даже близких и родных людей. Всё это было, хотя и плохо укладывается в сознании.

Не правы те, кто, видя сегодняшние события, говорит: «Не добил, вон сколько дерьма осталось». А может, «перебил», уничтожив всё умное и достойное? Вокруг-то серость страшная. Знал и видел в деле Н. Хрущева, М. Шкирятова и др. Его [Сталина] противоположность – М.С. Горбачев. Если будет писать дочь, то: «Он любил весь мир. Он всюду видел друзей…» А во что это обошлось? […].

25 апреля. Великая суббота. Христос еще мертв, но грядет его Воскресенье. Все православные в ожидании Воскресения Христова. Становится всеобщим праздником. Перетяжки на улицах Москвы, панно на Манежной стороне Исторического музея. Страна начинает жить старыми праздниками, правда, не внося в них ничего нового. Мне кажется, что в этот день хорошо бы молиться и о Воскресении утраченной Родины. Она тоже, как Христос, распята на кресте. Когда придет ее пробуждение?

[…]. Политисполком Движения демократических реформ. Физиономия А.Н. Яковлева. Что-то неприятной стала мне его физиономия. Мрачная, перевернутая, недобрая. Что-то молотил о тоталитаризме, авторитарности, недостатках демократии. Как сел на одну лошадку, так и едет на ней. Ничего созидательного. […].

28 апреля. […]. Звонил В. Дорошенко. Пустой разговор. Что-то о МЕНАТЕПе. Поставил себе «вертушку». У Льва пять-шесть месяцев была «депрессия». Что-то о сыне, который написал четыре книги.

Противостояние двух теоретически неграмотных лидеров [Горбачева и Ельцина], одержимых не идеей, верой, целью, а личными амбициями, дорого стоила стране. Трудно сказать, кто больше виноват, но за ними есть кто-то третий умный. Молчит. А дело сделал. Не сознательно ли? […].

29 апреля. […]. В институте у В.И. Юдина. Не хочется оставлять и бросать Пензу. Боюсь, что замысел В. Чурбанова – очередной научный блеф, который выглядит глубокомысленно, но не даст практических результатов. Он к этому приучен десятилетиями пребывания в НИИ культуры. Условились, что я 5-го мая даю план мероприятий, а там будем еще спорить. […].

Пришел Г. Зюганов. Интересный парень. Один из немногих, кто остался от ЦК РКП и продолжает борьбу. Увлечен. Немного отдает детективом. Его занимает сама борьба, хотя не очень ясны цели. Съезд [народных депутатов] оценивает как победу: всё, что нужно, сказали. Е. Яковлева заплевали у «России». Крикуны, [агитировавшие на съезде] за Ельцина, получили по 40 тыс. рублей. Привезли [шахтеров?] из Кемерово. Сам Ельцин семь дней лежал мертвецки пьяным.[…] Доехали с ним [Зюгановым] на метро до «Пушкинской».

Вечером до 3-х утра [смотрел] «Перекресток» Никиты Михалкова. Скандал. Дело скучное. Но, кажется, демократы сделают из Н. Михалкова еще одного Невзорова. Он просто так не отступит.

1 мая. […]. Идиоты: сейчас в «Новостях» TW на всю страну объявило, что завтра в 12.00 на футбольном поле Лужников встречаются команды правительства

России (тренер Б. Ельцин) и правительства Москвы (тренер Г. Попов). Вход свободный. Надо же! Страна в разрухе, люди маются в очередях, месяцами не получают деньги, встают заводы, а правители от жира бесятся. Страна абсурда и глупостей. Жалко, что народ этого никак не поймет […].

4 мая. […] Вчера ночью читал рассказы В. Шукшина. Забыли его, хотя шума много было в свое время. А зря забыли. Стараются сионисты. Теперь, когда речь идет о литературе, осталось два имени – Пастернак да Мандельштам, иногда – Ахматова и Цветаева, но в довесок. Шукшин – сочный писатель. Мне понравилось [рассуждение его героя] о гоголевской тройке. Мчит, народы ей дорогу уступают, а учитель – вопрос: кто в тройке сидит? Чичиков? Мне представляется, что последним седоком в этой птице-тройке, олицетворяющей могучую Русь, оказался М. Горбачев. Этот седок доделал ее и остановил. Нет больше бега.

Горбачев у Рейгана на ранчо. Подарил [сборник] пословиц. Может, Рейган прочтет: «Не в свои сани не садись». В ответ – набор шляп. Довольно символично. Прошляпил государство. Душу воротит, злость берет и тошно. Напакостил, развалил государство, разорил народ и катается по странам. М------ц! Противно. И она в штанах. Как я пять лет с ней сотрудничал? Стыдно, позорно, безысходно.

7 мая. Казалось, что у меня три заботы: здоровье Веры, работа Михаила и учеба Егора. Но добавилась еще одна – свое здоровье. Утром покашлял, плюнул, обильная кровь в мокроте. Показалось, что, может, от зубов. Откашлялся, плюнул – из глубины легких. Вот так! Настроение откровенно хреновое. Понимаешь, что умирать пора, что подошло время, что многие твои сверстники уже нашли свое вечное упокоение, но… жить хочется. Да и умирать теперь непросто. Как лежать в больнице, где нет еды и лекарств? Как и где хоронить, когда хороший гроб – 6 тысяч рублей. А на каком кладбище? Еще потом в Домодедово добираться родным, если они захотят навестить тебя? Вопросы, вопросы, грустные мысли… Мне всё время кажется, что лучше всего похоронить меня на Новозападном кладбище в г. Пензе, где рядом все, кто с тобой жил и работал. Поставить скромный памятник с двумя надписями: «Секретарь обкома КПСС. 1962 – 1986 гг.» «Не ради славы своей, а ради славы народа Пензенского, давшего мне жизнь, ради славы земли Пензенской, принявшей мой прах, трудился и дерзал». С такими мыслями, не сказав ни слова дома, отправился в институт. […].

10 мая. День солнечный, теплый. Зелень распустилась и зацвела черемуха. Видно, завтра похолодает. Миша уходил на «свой пропагандистский пост» к музею Ленина. Пришел довольный. Нравится ему быть агитатором, и главное, люди слу-

шают и благодарят. Это больше всего трогает. Увлечен… Может, он и прав, что партийные функционеры, отдав власть, попрятались по своим московским уютным квартирам и не идут к народу. Опять ищут залы, президиумы, трибуны для выступлений. Они не готовы к задушевному разговору с народом, а он сейчас крайне нуждается в этом. Не крик трибунных речей, а живое, из самой жизни взятое слово могут помочь народу обрести веру, понять, что же с нами происходит.

После обеда ходили на Патриаршие пруды. Бродят по кругу Б.Н. Пономарев – бывший кандидат в члены Политбюро, В.Ф. Шауро – зав. отделом культуры ЦК КПСС, мелькнул В. Павлов, но исчез, не сказав ни слова. Когда-то здесь были герои Булгакова, теперь иное время и иные герои.

Читаю В. Шукшина. Великий писатель. Чехов нашего времени, но с деревенским уклоном. Глубочайшее знание жизни народа, образное восприятие. Он, пожалуй, первым показал, как живет и чем живет простой талантливый русский человек. А забыли Шукшина. Зощенко, который ему в подметки не годится, помнят, Шукшина забыли. Зря.

11 мая. […]. По TW всякие сообщения из так называемых «горячих точек»: бои на территории Нагорного Карабаха, обстрел митингующих в Душанбе, убитые и раненые в Приднестровье, стычка на границе Северной Осетии и Ингушетии, раскол в Абхазии и голодовка сторонников Гамсахурдиа в Грузии. Мне почему-то кажется, что всё это всполохи приближающейся гражданской войны, в которую могут быть втянуты, вопреки их воле, многие республики бывшего СССР. Не хотели идти на крайние меры во имя спасения СССР, теперь льется кровь как плата за развал.

Опять показали М. Горбачева, которого буйно и ликующе принимает восторженная американская публика […]. Интересны отклики на его выступление в Фултоне, где, оказывается, когда-то, кроме Черчилля, выступал и А. Керенский (впервые подумал, что они очень похожи манерой и судьбой! Фигляры!). Один английский корреспондент пошутил: [Горбачев] «выглядел политиком, потерявшим всё, кроме амбиций и честолюбия». В интервью [Горбачев] заявил, что допустил одну ошибку – не предотвратил путча, проявил слабость. Если бы так!

[К дневниковой записи приложено письмо из Пензы от Е.Б. Кульковой по поводу реакции в области на уход Г.В. Мясникова из Фонда культуры]:

«5 мая 1992 года, г. Пенза. Уважаемый Георг Васильевич, вот уже несколько недель я пребываю в состоянии «без вины виноватой» перед Вами. Мне стыдно за пензенских «мосек», вынудивших Вас обратиться с письмом в газету. Знайте, Георг Васильевич, что для всех нас, чаще других общавшихся с Вами, вы были, есть и

будете недосягаемым эталоном. Вы, как наждак, счищали с нас ржавчину и не позволяли плесневеть.

Если бы Вы знали, как часто в Пензе, а чем дальше, тем чаще, звучат слова: «Вот если бы был Георг Васильевич! Вот он мог бы этому помочь! Вот он подсказал бы, как это решить», «Ну, Мясников есть Мясников!» – и вспоминается пропасть добрых дел, осуществленных с Вашим участием. Знайте, пожалуйста, об этом. А памятник Первопоселенцу – это памятник вам, и никуда от этого не деться!

Мой низкий поклон мудрейшей Вере Ивановне, привет Михаилу и Егорушке. Будьте все здоровы и благополучны, интереснейшие люди!

С искренней признательностью за всё Е. Кулькова.

P.S. Полгода назад у нас родился внук, нареченный как и сын, Сергеем, спокойный и почти не доставляющий хлопот. Е.К.»

16 мая. Вслед за Таджикистаном «революция» в Азербайджане. Здесь тоже власть взяли в свои руки силы оппозиции. Муталибов, было восстановивший себя президентом, куда-то скрылся. Его собираются арестовать и предать суду за попытку государственного переворота. Не знаю, где теперь Виктор Поляничко. Он, кажется, всё крутился в Баку. Если так, то дело его плохо. Могут прихватить как правоверного коммуниста да еще и представителя Москвы. В Баку несколько раз стреляли. Кровь пролилась, но о количестве убитых не сообщают. Всюду «кровь перестройки». […].

7 января 1993 года. Никак не могу наладиться изо дня в день записывать свои впечатления, события. Хотя их, чем дальше, тем меньше становится. Теперь лишь приходится жалеть, что пять лет проведенные в Фонде культуры остались без каких-либо записей. Те, что были, в горячие послепутчевские дни уничтожил. Годы интересные, наполненные общением с людьми, делавшими политику государства и мира. Но именно это заставляло, во-первых, работать до потери сил, а вовторых, опасаться, что записи могут сыграть при неблагоприятных поворотах роковую роль. […].

Рождество объявлено государственным праздником, но не очень празднуется. Показали вчера по TW богослужение в Елоховском соборе. Алексий, со свечами в руках Ельцин и Руцкой. Но главное – усталые лица молящихся, особенно женщин. Сколько в их выражении тягостного. Нет радости, одни переживания. По лицам молящихся можно себе представить атмосферу нашего мутного времени. […].

Комментарии

Абрамов В.И., первый секретарь Малосердобинского райкома КПСС.

Абрамов Ф.А. (1920-1983), русский писатель.

Аджубей А.И. (1924–1983), журналист, главный редактор газеты «Известия», зять Н.С. Хрущева.

Аксенов А.Н. (р. 1924), секретарь ЦК ВЛКСМ, затем в КГБ Белоруссии, второй секретарь ЦК КП Белоруссии, с 1978 – председатель Совета Министров Белорусской ССР.

Аксенов В.А. (р. 1946), заместитель председателя правления Фонда культуры (с 1987), затем заместитель Московского представительства Фонда Сороса. Сын А.Н. Аксенова.

Алексеев А.И. председатель Пензенского областного совета профсоюзов.

Алиев Г.А. (1923–2004), член Политбюро ЦК КПСС, 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана, затем заместитель председателя Совета Министров СССР.

Альфред, А.А. Оя (1924-2000), пензенский художник.

Андреев А.В., заместитель редактора газеты «Пензенская правда».

Аникушин М.К. (1917-1997), скульптор, народный художник СССР.

Антипкин Д.А. (р. 1924), заведующий отделом науки и учебных заведений Пензенского обкома КПСС.

Антипов Н.И., председатель Пензенского горисполкома.

Арзамасцев В.П. (р. 1939), директор музея-заповедника «Тарханы».

Аринштейн Л.М., профессор МГУ, советник председателя Совесткого Фонда культуры.

Артамонов В.И. (1946–2003), первый секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ (1973-79), первый секретарь Первомайского райкома КПСС (1979-83), затем заведующий отделом административных органов Пензенского обкома КПСС.

Афанасьев В.Г. (р. 1922), главный редактор газеты «Правда» в 1976-1989 годах.

Ахматова А.А., русская поэтесса.

Балалаев И.Д. (р. 1931), директор Пензенского городского парка.

Баланенко Ю.И. (1923–1983), главный редактор газеты «Московская правда».

Баракин А.И., первый секретарь Лопатинского райкома КПСС, затем председатель партийной комиссии Пензенского обкома КПСС.

Батов Н.Я., первый секретарь Нижнеломовского райкома КПСС, затем заместитель председателя Комитета народного контроля Пензенской области.

Бекетовы Ал. Н. (1824–1898) и **Ан. Н.** (1825–1902), братья, русские ученые, деды поэта Александра Блока.

Бельденков В.А. (1931–1986), директор совхоза «Панкратовский» Пензенской области.

Беляев А.А., заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС, затем главный редактор газеты «Советская культура».

Беляев А.И., заведующий общим отделом Пензенского обкома КПСС. 1968-86 годы.

Беляк К.Н. (р. 1916), министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР, свояк Л.И. Брежнева.

Березин А.И. (р. 1931), первый секретарь Мордовского обкома КПСС.

Бершадский М.А. (1912–1983), инженер-строитель, до 1971 – управляющий

Бирюкова А.П. (р. 1929), секретарь ВЦСПС, в 1986-88 – секретарь ЦК КПСС, в 1988-90 – заместитель председателя Совета Министров СССР.

Болдин В.И. (р. 1935), первый секретарь Ростовского обкома КПСС, затем заведующий отделом ЦК КПСС. 1986, 1992 годы.

Болдин В.И., начальник управления народного образования Пензенской области.

Бондарев Ю.В., русский писатель.

Боровик Г.А. (р. 1929), главный редактор журнала «Театр», в 1987-92 – председатель Советского комитета защиты мира.

Брежнев Л.И. (1906–1982), генеральный секретарь ЦК КПСС в 1964–1982 годах.

Буйлов В.Ф., директор совхоза «Ардымский» Пензенского района.

Бураков В.С. (1935–2004), заведующий финансово-хозяйственным отделом Пензенского обкома КПСС.

Бурденко Н.Н. (1876–1946), военный хирург, президент Академии медицинских наук СССР. 1971, 1975-80, 1983 годы.

Бутов В.А., заведующий лекторской группой Пензенского обкома КПСС.

Вайнер М.И, писатель, жил в Пензе в 1950-80-е годы. Эмигрировал в США.

Валентей М.А., внучка В. Мейерхольда, заведующая Музеем-квартирой Мейерхольда в Москве.

Ванеев И.И., заместитель председателя Пензенского облисполкома.

Ванеева Ю. (Юля), дочь И.И. Ванеева, г. Пенза. 1970, 1979, 1981 годы.

Ванин Е.В. (?–1972), первый заместитель председателя Пензенского облисполкома, погиб в авиационной катастрофе.

Варламов А.М., начальник управления торговли Пензенского облисполкома.

Васильев Н.Ф. (р. 1916), министр мелиорации и водного хозяйства СССР, затем заместитель председателя Совета Министров СССР.

Веледницкая Л.Б., режиссер Центрального радиовещания СССР.

Вера, В.И. Мясникова (1921-2002), жена Г.В. Мясникова.

Верхолетов, директор совхоза «Светлополянский» Пензенской области, затем Васильевской птицефабрики Пензенского района.

Веселов С. (Семен), в 1950-е – секретарь Московского обкома ВЛКСМ, работник ЦК КПСС, 2-й секретарь Башкирского обкома КПСС, представитель ЦК КПСС в Афганистане.

Визи В.Л., директор Пензенского драматического театра.

Виктор, Дорошенко В.К. (1998-2000), председатель Пензенского облисполкома.

Виноградов Ю.С., секретарь Пензенского горкома КПСС, с 1983 – первый секретарь Первомайского райкома КПСС г. Пенза.

Вишневский К.Д. (р. 1923), профессор Пензенского педагогического института, доктор филологических наук.

Владимиров, полковник, нач. отдела МВД СССР по особо опасным преступлениям.

Власов А.Н., заместитель председателя Пензенского облисполкома.

Волков, генерал-лейтенант, нач. уголовного розыска СССР.

Волкогонов Д.А., генерал-лейтенант, политработник, автор книг.

Волохо Н.Н., пензенский художник, архитектор.

Воронов Г.И. (р. 1910), председатель Совета Министров РСФСР (1962-1971), затем председатель Комитета народного контроля СССР.

Воронов Ю.П., заведующий отделом культуры ЦК КПСС.

Воротников В.И. (р. 1926), первый заместитель председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС, с 1979 – посол СССР в Кубинской Республике.

Вырыпаев П.А. (1905–1969), лермонтовед, один из организаторов музея в Тарханах

Высоцкий В.С. (р. 1937), артист театра и кино.

Гайдар Е.Т., российский политик, экономист.

Гиляровский В.А., русский писатель, публицист.

Глазков Ю.Н. (1939-2008), советский космонавт, Герой Советского Союза.

Глушенков А.А., первый заместитель председателя Пензенского облисполкома.

Глущенко А.С. (1933–1987), заведующий отделом легкой и пищевой промышленности Пензенского обкома КПСС.

Горбачев М.С. (р. 1931), секретарь Ставропольского крайкома КПСС, с 1978 – секретарь, с 1985 – генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1990 – президент СССР.

Горбачева Р.М. (Р.М., Раиса) (1934–1999), супруга М.С. Горбачева, член правления Советского фонда культуры.

Горюшкин-Сорокопудов И.С. (1873–1954), известный художник, работавший в Пензе.

.

Грамов М.В. (Марат), заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, затем председатель Спорткомитета СССР.

Григорян Г.Т. (Грант), заместитель управляющего делами ЦК КПСС.

Гринь О.И., председатель Белинского райисполкома, затем первый секретарь Белинского райкома КПСС Пензенской области.

Гришин В.В. (1914–1992), первый секретарь Московского горкома КПСС с 1967 по 1985 годы, член Политбюро ЦК КПСС.

Гришин В.П., председатель Башмаковского райисполкома Пензенской области. 1968,

Гришин О.В. (1927–1981), композитор и дирижер, руководитель Пензенского русского народного хора.

Громыко А.А. (1909–1989), министр иностранных дел СССР, затем председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Грудзенко В.Ф., работник Пензенского горисполкома, второй секретарь Пензенского горкома КПСС, зам. начальника управления внутренних дел Пензенского облисполкома.

Гусев В.К. (р. 1932), первый секретарь Саратовского обкома КПСС, затем заместитель председателя Совета Министров СССР.

Декин С.И. (р. 1935), начальник статистического управления Пензенского облисполкома.

Дементьев А.Д. (р. 1928), русский поэт.

Дементьева Р.Ф., секретарь МГК КПСС, в конце 1980-х – одна из руководителей Российского детского фонда.

Демин Б.Я. (?–1983), инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов Пензенского обкома КПСС.

Демичев П.Н. (р. 1918), в 1959-60 – первый секретарь МГК КПСС, с 1961 года – секретарь ЦК КПСС, с 1974 по 1986 годы – министр культуры СССР.

Дидиченко Г.И. (р. 1929), начальник уголовного розыска Пензенского областного управления внутренних дел, затем юрист, в 1992 – уполномоченный президента РФ по Пензенской области.

Долгих В.И. (р. 1924), в 1969-72 – первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, затем секретарь ЦК КПСС.

Доризо Н.К., (р. 1923), русский поэт.

Дубинчук Ф.Ф., директор Пензенского производственного объединения «Тяжпромарматура».

Дубровский В.А., инструктор отдела пропаганды и агитации Пензенского обкома КПСС.

Дубчек А. (1921–1992), первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии в 1968-69, исключен из партии в 1970, с декабря 1989 – председатель Федерального собрания Чехословакии. В 1955-58 годах учился в Москве в высшей партийной школе вместе с Г.В. Мясниковым. Лидер «Пражской весны». После смещения получил пост посла Чехословакии в Турции, затем жил на пенсии под Братиславой. С 1990 года – председатель Национального собрания Чехословакии. Погиб в автомобильной катастрофе.

Дурново П.Н. (1845–1915), министр внутренних дел Российской империи, похоронен в с. Трескино Колышлейского района Пензенской области.

Евтушенко Е.А. (р. 1937), русский поэт.

Егор, внук Г.В. Мясникова.

Егорычев Н.Г. (р. 1920), в 1961-70 годах – первый секретарь Московского горкома КПСС. Один из деятелей «комсомольской группировки» в КПСС, друзей А.Н. Шелепина. Снят Л.И. Брежневым с поста секретаря МГК КПСС, получил назначение послом в Данию (1970-74). В конце 1980-х годов – вице-президент общества «СССР – Дания».

Ежевский А.А. (р. 1915), председатель объединения «Союзсельхозтехника» СССР в 1962-80 годах, затем министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

Екимов М.Е., помощник первого секретаря Пензенского обкома КПСС, затем работник партийной комиссии Пензенского обкома КПСС.

Енишерлов В.П., журналист, главный редактор журнала «Наше наследие», член правления Советского Фонда культуры.

Ерзунов В.И., первый секретарь Пензенского горкома КПСС.

Ермин Л.Б. (Лев, Лёва) (1923–2004), в 1964-79 – первый секретарь Пензенского обкома КПСС, с 1979 – первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР, с 1985 – председатель Государственного агропромышленного комплекса РСФСР.

Ермина Т.П. (Татьяна) (р. 1926), супруга Л.Б. Ермина.

Ерофеев Ю.А., первый секретарь Башмаковского райкома КПСС Пензенской области.

Ерохин А.И. (р. 1934), председатель Пензенского райисполкома, с 1973 года – первый секретарь Колышлейского райкома КПСС, затем заведующий отделом торговли Пензенского обкома КПСС.

Ерошин Г.Л. (р. 1946), пензенский врач, в 1977-86 – заведующий отделением областной больницы имени Бурденко, с 1986 года – главный врач областной детской больницы.

Есенин К.С. (?–1986), журналист, сын поэта С.А. Есенина.

Есенин С.А. (1895–1925), русский поэт.

Есин В.М., секретарь Пензенского областного соввета профсоюзов.

Ефремов М.Г. (1897–1942), советский военачальник, генерал-лейтенант.

Ефремов О.Н. (1927–2000), актер, режиссер, народный артист СССР.

Жаков Г.В. (р. 1937), пензенский художник, преподаватель Пензенского художественного училища.

Желиховский О.Н., директор учебного хозяйства Пензенского сельскохозяйственного института, Мокшанский район Пензенской области.

Жернаков А.А. (р. 1918), председатель колхоза имени 22 съезда КПСС Наровчатского района Пензенской области.

Жидков Н.А. (р. 1935), директор Пензенского государственного цирка.

Жуков А.Г. (р. 1919), секретарь Пензенского горкома КПСС, затем председатель партийной комиссии Пензенского обкома КПСС, с 1984 – на пенсии, работал в обществе охраны памятников.

Жуков Г.К. (1896–1974), советский военачальник, Маршал Советского Союза.

Журавлев В.Л., заместитель прокурора, затем прокурор Пензенской области.

Журавлев В.М., руководитель треста «Пензжилстрой».

Забиров Х.Д. (Хайдар) (р. 1922), председатель колхоза Сосновоборского района Пензенской области с 1961 года.

Загоскин М.Н. (1789–1852), русский писатель, уроженец Пензенской губернии.

Задорнов Н.П. (1909–1992), русский писатель, уроженец Пензенской области.

Зайдфудим П.Х. (р. 1948), доцент Пензенского инженерно-строительного института. **Зайцев В.И.** (р. 1925), генерал-майор, начальник Пензенского военного училища.

Зайцев Е.В., заместитель министра культуры РСФСР, с 1985 – первый заместитель министра культуры СССР, с 1986 – первый заместитель директора Большого театра СССР.

Зайцев И.А., секретарь, первый секретарь Мокшанского райкома КПСС Пензенской области.

Закир, Курмаев З.Х., шофер служебной автомашины Г.В. Мясникова.

Залетов Н.А. (1914–1977), первый в стране полный кавалер ордена Славы, уроженец г. Сердобска Пензенской области.

Залога А.И., начальник ремонтно-строительного участка Колышлейского района Пензенской области.

Замойский Л.П. (Лоллий) (1929–2004), журналист-международник, сын П.И. Замойского.

Замойский П.И. (1896–1956), русский писатель, уроженец Пензенской области.

Замятин Л.М. (р. 1922), генеральный директор ТАСС (1970-78), затем заведующий международным отделом ЦК КПСС, посол СССР в Великобритании.

Застрожный В.К. (1924–1994), поэт, организатор культурно-массовой работы.

Захаров В.Г., секретарь Ленинградского обкома, затем заместитель заведующего отделом ЦК КПСС, с 1986 – второй секретарь МГК КПСС, с этого же года – министр культуры СССР.

Захаров М.А. (р. 1933), режиссер театра и кино. 1988, 1992 годы.

Захаров М.В. (1898–1972), советский военачальник, Маршал Советского Союза.

Захарьин Г.А. (1829–1897), врач, профессор, уроженец Пензы. Монархист. Поэтому у Мясникова возникали сложности с присвоением пензенской больнице его имени.

Зеленков И.А. (?–1987), заместитель заведующего сектором ЦК КПСС.

Землухов Н.С. (р. 1934), свекловод Каменского района Пензенской области, Герой Социалистического Труда.

Зикеев В.С. (1921–1987), генерал-майор, начальник Пензенского артиллерийского училища.

Зильберштейн И.С. (1905–1988), искусствовед, коллекционер, г. Москва. 1979, 1987 годы.

Зимянин М.В. (р. 1914), главный редактор газеты «Правда» (1965-76), затем секретарь ЦК КПСС.

Зиновьев Г.Е. (1883–1936), советский партийный и государственный деятель.

Злобина Д.Д. (р. 1936), пензенская поэтесса.

Злобина Л., сотрудница музея М.Ю. Лермонтова «Тарханы».

Золотарева Е.Д. (1810 – после 1867), пензенская дворянка, подруга Д.В. Давыдова.

Золотусский И.П. (р. 1930), литературный критик, публицист.

Золотухин Г.С., первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС в 1966-73 годах, затем министр заготовок СССР.

Зоткин Т.Н. (1930–1988), мастер глиняной игрушки из с. Абашево Пензенской области.

Зубков Б.Ф. (Борис) (р. 1937), первый секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ (1964-73), затем первый секретарь Ленинского райкома КПСС, в 1979-89 – секретарь Пензенского обкома КПСС, с 1989 – первый секретарь Пензенского обкома КПСС.

Зумеровский О.И., подполковник, строитель города-крепости Пенза.

Зыкина Л.Г. (р. 1929), певица, народная артистка СССР. 1977, 1984 годы.

Зюганов Г.А. (р. 1944), в 1986 – инструктор, зав. сектором ЦК КПСС, с 1991 – первый секретарь ЦК КПРФ.

Иветта, Воронова И.Н., член правления Фонда культуры СССР.

Игнатов Н.Г. (1901–1966), секретарь ЦК КПСС в 1952-53 и 1957-60 годах, с 1960 года – заместитель председателя Совета Министров СССР, В 1959, 1962-66 – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, с 1963 года одновременно – заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Ильинский И.В. (1901–1984), актер театра и кино, народный артист СССР.

Ильичев Л.Ф. (1906–1990), редактор газеты «Правда», затем секретарь ЦК КПСС по идеологии (1961-65), заместитель министра иностранных дел СССР (1965-89).

Илюхин В.И. (р. 1949), заместитель прокурора Пензенской области, затем начальник управления Прокуратуры СССР, в 1992 г. – обозреватель газеты «Правда», уроженец Пензенской области.

Илюшкин И.Я., первый секретарь Неверкинского райкома КПСС Пензенской области.

Иноземцев Н.Н. (1921–1982), экономист, академик АН СССР, директор Института мировой экономики и международных отношений.

Инюшкин Н.М. (р. 1936), главный редактор Пензенской студии телевидения, затем преподаватель Пензенского политехнического института.

Иняхина Л.Д., секретарь Колышлейского райкома КПСС Пензенской области.

Иодынис Э.С. (1928–1992), пензенский монументалист, живописец.

Исаев Г.С., инструктор Пензенского обкома КПСС, затем первый секретарь Пензенского райкома КПСС, с 1984 – инструктор ЦК КПСС.

Исмагилов Г.И. (р. 1922), начальник Пензенского облпотребсоюза.

Ишутин В.П., секретарь Бековского, Сердобского райкомов КПСС, с 1980 – начальник управления культуры Пензенского облисполкома, с 1985 возглавлял Пензенский «Облмежколхозстрой».

Каганович Л.М. (1893–1991), государственный и партийный деятель СССР.

Кадышев Т.П. (1906–1977), подполковник, журналист.

Казаков В.И. (р. 1927), первый секретарь Калининского райкома КПСС г. Ленинграда, с 1973 года – председатель Ленинградского горисполкома, с 1976 – заместитель председателя Совета Министров РСФСР.

Казакова Р.Ф. (р. 1932), русская поэтесса.

Кайманов А.Е., председатель Колышлейского райисполкома Пензенской области.

Калашнев Ф.В., начальник управления изобразительного искусства Совета Министров РСФСР, оргсекретарь Союза художников СССР.

Калашников А.Г., заместитель заведующего финансово-хозяйственным отделом Пензенского обкома КПСС.

Калинин М.И. (1875–1946), председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Калинина И.В. (р. 1959), пензенская спортсменка, чемпионка мира по прыжкам в воду.

Калинкина А.С., первый секретарь Вадинского райкома КПСС Пензенской области, с 1982 – начальник отдела социального обеспечения Пензенского облисполкома.

Каменев Л.Б. (1883–1936), советский партийный и государственный деятель.

Капитонов И.В. (р. 1915), секретарь Московского обкома КПСС, затем секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС. Посетил Пензу в 1975 году. Курировал назначение кандидатов на высшие партийные и государственные должности, а также в КГБ СССР.

Каплан М.Я. (р. 1932), актер Пензенского драматического театра.

Капустян И.К., заместитель заведующего сельхозотделом ЦК КПСС.

Каракозов Д.В. (1840-1866), революционер-народник, первым стрелявший в царя, уроженец Пензенской области.

Карлов В.А. (р. 1914), первый заместитель заведующего (с 1966), с 1976 – заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС.

Карпенко Г.А., начальник Пензенского областного управления внутренних дел.

Карпов А.Е. (р. 1951), чемпион мира по шахматам.

Карпухин О.И. (Олег), заместитель председателя президиума Советского фонда культуры.

Каспаров Г.К. (р. 1963), чемпион мира по шахматам.

Кастро Рус Ф. (Фидель) (р. 1926), руководитель Республики Куба.

Катков Н.И. (1923–2001), пензенский писатель.

Катушев К.Ф. (р. 1927), в 1968-77 – секретарь ЦК КПСС, в 1977-82 – заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1982 – посол СССР в Республике Куба.

Качеровский Б.В., пензенский скульптор.

Келарев Ю.И., один из руководителей г. Зеленограда (Москва), друг Г.В. Мясникова.

Кижеватов А.М. (1907–1941), герой обороны Брестской крепости.

Киргинцев Н.Ф. (р. 1923), пензенский художник. 1974, 1977-79 годы.

Кириленко А.П. (1906–1990), секретарь ЦК КПСС с 1966 по 1982, член Политбюро ЦК КПСС.

Кириченко Н.П. (р. 1923), первый секретарь Крымского обкома КПСС (1967-77), затем первый секретарь Одесского обкома КПСС.

Киркиянов В.И., пензенский художник.

Кирьянов Г.В. (Гриша) (1923–1986), работник ВЦСПС, затем в Краснодарском крае, друг Г.В. Мясникова.

Кирьянов, член правления Советского Фонда культуры, г. Свердловск. 1992 год.

Кирьянова Л.Н., супруга Г.В. Кирьянова. 1986 год.

Кирюшкин В.И. (р. 1921), пензенский журналист, драматург.

Киселев Т.Я. (р. 1917), с 1978 – заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1980 – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.

Кислов А.И. (р. 1948), пензенский журналист, с 1980 – корреспондент, заведующий отделом пропаганды, заместитель редактора газеты «Пензенская правда», в 1988-91 – помощник первого секретаря Пензенского обкома КПСС. В 1991-92 – заместитель главы администрации Пензенской области.

Кишкурно П.Ф. (?–1979), заместитель председателя общества охраны памятников истории и культуры Пензенской области.

Клименчук А.П., заместитель министра, затем пищевой промышленности РСФСР.

Климов А.А., председатель Никольского райисполкома, затем первый секретарь Никольского райкома КПСС Пензенской области.

Клочков В.Г. (1911-1941), политрук роты Панфиловской дивизии, герой обороны Москвы.

Клыков В.М. (р. 1939), скульптор, лауреат Государственных премий.

Ключевский В.О. (1841–1911), русский историк, уроженец Пензенской области.

Кобзон И.Д. (р. 1937), эстрадный певец.

Ковалева О.В. (1881–1962), русская певица, исполнительница народных песен.

Ковлягин А.Ф., первый секретарь Колышлейского райкома КПСС, с 1974 по 1979 – заведующий оргтделом Пензенского обкома КПСС, с 1982 – в аппарате ЦК КПСС. С 1986 – второй, первый секретарь Пензенского обкома КПСС, председатель облисполкома.

Кожевников А.В. (р. 1958), воспитанник пензенского хоккея, нападающий сборной СССР.

Козенюк В.Г. ленинградский скульптор.

Козлов С.В. (р. 1923), второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана (1968-77), затем до 1986 – секретарь ВЦСПС. Уроженец Пензенской области.

Козырев А.В. (р. 1951), министр иностранных дел России.

Кокшаров В.Н. (р. 1935), пензенский художник декоративно-прикладного искусства, главный художник Пензенской фабрики игрушек.

Колбин Г.В. (р. 1927), первый секретарь Ульяновского обкома КПСС.

Колчин В., директор Приволжского книжного издательства.

Комаров Ю.В., ленинградский архитектор.

Комарова Д.П. (р. 1920), министр социального обеспечения РСФСР.

Комов О.К. (1932–1994), скульптор, народный художник СССР.

Комова Н.И., жена О.К. Комова.

Компанеец А.Я., работник Советского фонда культуры.

Комраков В., пензенский хоккейный тренер.

Кондратьев А.А. (р. 1947), глава администрации Пензенской области.

Конотоп В.И. (р. 1916), первый секретарь Московского обкома КПСС.

Корнев Ю.Н. (?–1984), первый заместитель начальника управления внутренних дел Пензенской области.

Корнилий, игумен, строитель Троицкого Сканова монастыря.

Корноухова Л.А., секретарь Пензенского облсовпрофа. 1973-80, 1983-86 годы.

Королев Ю.К. (1929–1992), народный художник СССР, директор Третьяковской галереи.

Король А.С. (р. 1926), пензенская живописец, народный художник РСФСР.

Коротич В.А. (р. 1936), народный депутат СССР, в 1986-91 – главный редактор журнала «Огонек».

Корчной В.Л. (р. 1931), шахматист, участник матчей на первенство мира.

Косарев А.Н., пензенский художник.

Косолапов Р.И. (р. 1930), редактор журнала «Коммунист», профессор МГУ, с 1985 – в аппарате ЦК КПСС.

Костолевский И.М. (р. 1948), актер театра и кино, народный артист России.

Костяхин М.В., начальник уголовного розыска УВД Пензенской области.

Косыгин А.Н. (1904–1980), председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС.

Косырев А.Н., главный художник г. Пенза.

Косырев, сотрудник Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

Котельников В.М., председатель Пензенского областного объединения «Скотопром», затем начальник Пензенского областного управления по заготовкам сельскохозяйственной продукции.

Котельников, министр путей сообщения СССР, г. Москва. 1971 год.

Котляр Н.А., руководитель Пензенского академического хора.

Котов В.С., заместитель начальника, затем начальник управления строительства Пензенской области.

Котранский Ю. (?–1672), один из основателей города Пенза.

Кочемасов В.И. (р. 1918), с 1949 по 1955 – секретарь ЦК ВЛКСМ, затем работал в посольстве в ГДР, с 1962 – заместитель председателя Совета Министров РСФСР, в годы «перестройки» – посол СССР в ГДР.

Кочетов В.А. (1912–1973), писатель, автор нашумевшего романа «Чего же ты хочешь?»

Кочурин Р.Ф. (1929–1996), мастер народного искусства, Пензенская область.

Кравцова М.И. (Муза Ивановна), режиссер Пензенского театра кукол.

Красавченко Н.П. (р. 1916), член-корреспондент АН СССР, работал во время войны секретарем МГК ВЛКСМ, затем в ЦК КПСС, организатор и первый ректор Элистинского государственного университета, в 1970-80-е – ректор Историко-архивного института в Москве.

Краснощеков А.В., сотрудник аппарата Советского фонда культуры.

Кривошеев Ю.И., заведующий отделом партийной жизни газеты «Пензенская правда».

Кропачева Г.И. (р. 1931), работница образования Пензенской области, затем заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений Пензенского обкома КПСС.

Круковский В.В., художественный руководитель Пензенского русского народного хора имени О. Гришина.

Крупень, г. Пенза. 1984 год.

Кручина Н.Е. (р. 1928-1992), секретарь Целиноградского обкома КПСС, с 1978 – работник ЦК КПСС, заведующий общим отделом ЦК КПСС.

Крючков Н.А. (1910–1994), киноактер, народный артист СССР, г. Москва.

Кугель Н.А., заведующая Музеем сценического искусства имени Мейерхольда.

Кудинов М.К., начальник управления автотранспорта Пензенского облисполкома.

Кудрявцев А.И., заведующий сектором ЦК КПСС.

Кудрявцева Л.И. (Лариса), секретарь райкома КПСС в г. Пенза, с 1980 – заведующая отделом пропаганды Пензенского обкома КПСС.

Кудряшова Г., заместитель главного врача Пензенской областной больницы имени Бурденко.

Кузнецов В.В. (р. 1901), первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС.

Кулаков Ф.Д., Ф.Д. (1918–1978), секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству, член Политбюро ЦК КПСС.

Кулакова Е.Ф. (Евдокия Федоровна), жена Ф.Д. Кулакова.

Куликов Ф.М. (Федор, Федя) (р. 1925), секретарь, с 1979 по 1990 – первый секретарь Пензенского обкома КПСС.

Кулькова Е.Б., председатель Сердобского горисполкома, затем заместитель председателя Пензенского облисполкома, на пенсим – директор Музея Ульяновых.

Кульнев С.В. (1904–1991), пензенский врач, в 1947-74 – главный хирург области.

Кунаев Д.А. (1912–1993), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, член Политбюро ЦК КПСС.

Куприн А.И. (1870–1938), русский писатель.

Курдов В.Г. (р. 1924), пензенский скульптор, живописец.

Курмаев З.Х. см. Закир.

Курцаев В.Ф., мастер хрустальной грани, г. Никольск Пензенской области.

Кушева Е.Н. (1899–1990), доктор исторических наук, г. Москва.

Куштанин Г.И. (Генрих), заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Пензенского обкома КПСС, с 1981 работал в Афганистане.

Лагуткин Н.В. (р. 1934), в 1970-е годы первый секретарь Городищенского, затем Пензенского райкомов КПСС, с 1980 – заместитель председателя Пензенского облисполкома с 1981 – секретарь Пензенского обкома КПСС.

Ладыженский В.Н. (1859–1932), русский писатель, уроженец Пензенской области. 1986 год.

Лазарев И.И. (?–1983), начальник управления КГБ СССР по Пензенской области (до 1980 года).

Лазутова М.Н. (р. 1948), секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ, заведующая отделом

Ландо И.И. (р. 1904), географ, картограф, поэт.

Ланское В.Г. (?–1983), нач. строительного отдела Пензенского облпотребсоюза.

Лапин А.А. (Анатолий), работник Каменского райкома КПСС, с 1977 – помощник первого секретаря Пензенского обкома КПСС.

Лапин В.В. (р. 1917), токарь Пензенского завода имени Фрунзе, член Пензенского обкома КПСС.

Лаптев Ю.А. (р. 1946), заместитель заведующего облздравотделом Пензенского облисполкома (1977-83), затем заведующий облздравотделом.

Лебедев Б.И. (1910–1997), пензенский график, народный художник РСФСР.

Лебедев В.И. (1932–1995), историк, пензенский краевед.

Лебедев Л.М., главный врач Пензенской психиатрической больницы.

Лев, см. Ермин Л.Б.

Левков А.Ю., заместитель заведующего отделом пропаганды Пензенского обкома КПСС.

Лежепеков В.Я. (р. 1923), заместитель председателя КГБ СССР, затем заместитель министра внутренних дел СССР, депутат Верховного Совета СССР.

Ленин В.И. (1870–1924), председатель Совнаркома РСФСР (СССР), основатель Советского государства.

Лентулов А.В. (1882–1943), художник, выпускник Пензенской художественной школы.

Леонтьева В.М. (р. 1923), телеведущая Центрального телевидения СССР.

Лермонтов М.Ю. (1814–1841), русский поэт.

Лермонтов Ю.П. (1787–1831), отец поэта.

Лесечко М.А. (р. 1909), заместитель председателя Совета Министров СССР.

Лигачев Е.К. (Егор) (р. 1920), секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

Лидин В.К., первый секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ.

Лиханов А.А. (р. 1935), русский писатель, председатель Детского фонда СССР.

Лихачев Д.С. (Д.С.) (1906–1999), академик АН СССР, с 1987 г. – председатель президиума Фонда культуры.

Лобанкина А.В. (р. 1967), пензенская спортсменка, чемпионка мира по прыжкам в воду.

Лозицкая Л.А. (р. 1924), артистка Пензенского драматического театра, народная артистка РСФСР.

Локтев К.Б. (р. 1933), нападающий сборной СССР по хоккею, чемпион мира, Европы и Олимпийских игр.

Ломтев Е.А. (р. 1937), с 1982 – ректор Пензенского политехнического института.

Лоскутов В.И., заведующий сектором ЦК КПСС.

Лощенков Ф.И. (р. 1915), первый секретарь Ярославского обкома КПСС.

Лузгин Д.И. (1923–1986), первый секретарь Земетчинского райкома КПСС, затем начальник Пензенского областного управления по охране государственных тайн в печати.

Лузгин С.В., заместитель председателя Пензенского облпотребсоюза.

Лукьянов А.И. (р. 1930), заведующий отделом ЦК КПСС, председатель Верховного Совета СССР (1990-91).

Луначарский А.В. (1875–1933), нарком просвещения СССР, публицист, драматург.

Лунин М.С. (1787/88–1845), декабрист, автор антимонархических сочинений.

Луняков А.А., секретарь Колышлейского, с 1985 – первый секретарь Кондольского райкома КПСС Пензенской области.

Лучинский П.К. (р. 1940), заместитель заведующего отделом ЦК КПСС, с 1986 – в Таджикистане. После распада СССР стал президентом Молдавии.

Лущиков А.П., помощник секретаря ЦК КПСС Ф.Д. Кулакова.

Лыкова Л.П. (р. 1913), заместитель председателя Совета Министров РСФСР.

Лысак Л.С., главный врач Пензенского противотуберкулезного диспансера. 1975, 1976, 1984 годы.

Лысов В.И. (р. 1925), редактор газеты «Пензенская правда».

Лычагин А.Р., первый секретарь Земетчинского райкома КПСС Пензенской области, в 1992 – председатель Пензенского областного Совета.

Львов Н.В., первый секретарь Беднодемьяновского райкома КПСС Пензенской области.

Любимов В.П., работник Пензенского областного управления сельского хозяйства, затем председатель областного отделения «Сельхозтехника».

Маврина М.А. (1902–1996), художник, супруга Н.В. Кузьмина.

Мазуров К.Т. (1914–1989), в 1965-78 – первый заместитель председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС, затем на пенсии.

Майоров В.И., первый секретарь Лунинского райкома КПСС Пензенской области.

Майорова А.П., зав. отделом пропаганды Пензенского обкома КПСС, с 1980 –начальник управления гострудсберкасс области.

Макеев В.Н. (р. 1930), с 1976 – второй секретарь МГК КПСС, с 1980 года – заместитель председателя Совета Министров СССР.

Максимова Э.И., заведующая отделением Пензенской городской больницы №3, затем главный терапевт Пензенской области.

Максяшев П.Ф. (р. 1923), редактор Пензенского отделения Приволжского книжного издательства.

Маленков Г.М. (1901/02–1988), секретарь ЦК КПСС, в 1953-57 – председатель Совета Министров СССР.

Малов Г.И. (1917–1981), пензенский скульптор.

Малышкин А.Г. (1892–1938), русский писатель, уроженец Пензенской области.

Мальшаков Н.П. (1924–1997), прокурор Пензенской области в 1957-61 годах, в 1961-63 – заведующий отделом обкома КПСС, в 1965–68 – председатель Пензенского горисполкома, облисполкома, затем в Москве.

Маматкадзе А.В. (р. 1930), пензенский художник-дизайнер.

Мануйлов В.А. (1903–1987), автор трудов о творчестве М.Ю. Лермонтова, главный редактор «Лермонтовской энциклопедии».

Маркин В.Г. (?–1986), первый секретарь Камешкирского райкома КПСС Пензенской области, затем руководитель одного из областных управлений в г. Пензе.

Маркин Н.Г. (1893–1918), участник Гражданской войны, комиссар Волжской военной флотилии, уроженец Пензенской области.

Марков В.Ф., первый секретарь Железнодорожного райкома КПСС г. Пенза, затем директор Пензенского завода медицинских препаратов.

Маркс К. (1818–1883), немецкий философ, основоположник коммунистического учения.

Махалин А.Е. (1908–1938), герой-пограничник, уроженец Пензенской области.

Махалкин С.М., заведующий отделом пропаганды Сердобского райкома КПСС Пензенской области. 1974 год.

Машеров П.М. (1918–1980), первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Герой Советского Союза.

Маяковский В.В. (1893–1930), русский поэт.

Медведев В.А. (р. 1929), заместитель заведующего, заведующий отделом, с 1988 года – секретарь ЦК КПСС.

Медянцева Е.К. (1904–2000), мастер народного искусства, Пензенская область.

Мейерхольд В.Э. (1874–1940), театральный режиссер, уроженец Пензы.

Мелентьев Ю.С. (р. 1932), министр культуры РСФСР.

Мельников А.Г., председатель Ленинского райисполкома, с 1974 – заместитель председателя Пензенского горисполкома.

Мельникова Т.М., Тамара (р. 1940), сотрудница, с 1978 – директор музея М.Ю. Лермонтова «Тарханы».

Месяцев Н.Н., с 1955 – заведующий отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, затем секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1964 – председатель Гостелерадио СССР.

Мжаванадзе В.П. (1902–1988), первый секретарь ЦК Компартии Грузии (1953-72).

Микоян А. И. (1895–1978), партийный и государственный деятель СССР.

Минькина Н.А. (1938–1992), директор совхоза «Мещерский» Сердобского района Пензенской области.

Михайлов Н.А. (1906–1982), в 1938–1952 годах – первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Михалков Н.С. (р. 1945), режиссер, актер, член правления Фонда культуры, руководитель Российского фонда культуры.

Михалков С.В. (р. 1913), русский поэт, секретарь Союза писателей СССР.

Миша, Михаил, М.Г. Мясников (р. 1946), сын Г.В. Мясникова.

Мозжухин И.И. (1889–1939), актер немого кино, уроженец Пензенской области.

Молотов В.М. (1890–1986), партийный и государственный деятель СССР.

Моралев Б.Н. (?–1979), работник орготдела ЦК КПСС.

Мочалов В.А. (р. 1931), заведующий партийным архивом Пензенского обкома КПСС.

Мошнин Н.И., зав. Домом политического просвещения Пензенского обкома КПСС.

Налобин В.П. актер Пензенского областного драматического театра, автор пьес.

Насер Г.-А. (1918–1970), президент Египта.

Настя, двоюродная сестра Г.В. Мясникова, пос. Луч Пензенской области.

Науменко Ю.А., генерал-полковник, командующий Приволжским военным округом, с 1986 – заместитель командующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР.

Наумов Ю.С. (?–1972), заведующий отделом сельского хозяйства Пензенского обкома КПСС. Погиб в авиационной катастрофе.

Наумов, главный охотовед Пензенской области. 1984 год.

Наумов, министр плодоовощного хозяйства РСФСР. 1983 год.

Небайкин А.Ф., секретарь Терновского (Пензенского) райкома КПСС, в 1970-1972 – начальник управления бытового обслуживания населения Пензенской области.

Невзоров А.Г. (р. 1958), телевизионный журналист.

Ненашев М.В. (р. 1929), главный редактор газеты «Советская Россия», с 1986 - председатель Госкомитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Непьянов В.В. (1929-1998), пензенский живописец.

Нерознак В.П. (р. 1939), член правления Советского фонда культуры.

Нестеров Л.Б. начальник управления связи Пензенского облисполкома.

Нехороших А.Д. (р. 1948), актер Пензенского драматического театра.

Нехорошев Ю.И., пензенский художник.

Нечаев М.М. (1912-1991), пензенский журналист.

Никитенков В., председатель Пензенского облпотребсоюза, затем секретарь Октябрьского райкома КПСС г. Пенза.

Николай II (1868–1918), российский император.

Николашин А.П., председатель Шемышейского райисполкома, с 1981 – первый секретарь Шемышейского райкома КПСС, с 1986 – нач. районного агропром. объединения.

Никонов В.П. (р. 1929), первый секретарь Марийского обкома КПСС (1967–1979), затем заместитель министра, в 1983-85 – министр сельского хозяйства СССР, секретарь ЦК КПСС (1987-1989).

Новожилов В.Д., заместитель председателя президиума Советского фонда культуры.

Новосельцев А.А., историк, автор книги о войнах России в XV–XVII вв.

Новосельцева Н.А., секретарь партбюро Пензенской швейной фабрики им. Клары Цеткин, с 1982 – зав. отделом пропаганды, затем секретарь Пензенского горкома КПСС.

Норкин Е.Н., редактор пензенской газеты «Молодой ленинец», затем ответственный секретарь газеты «Пензенская правда».

Носов Е.И. (1925–2002), русский писатель.

Нуждов В.И. (р. 1923), пензенский журналист.

Образцов С.В. (1901–1992), актер и режиссер театра кукол, народный артист СССР.

Овтов А.Г. (р. 1930), первый секретарь Тамалинского райкома КПСС (1967-71), затем Каменского райкома КПСС, нач. Пензенского обл. управления сельского хозяйства (1979-81), зам., первый зам. председателя Пензенского облисполкома (1981–1991).

Овчинникова А.П. (р. 1953), пензенская баскетболистка, игрок сборной СССР.

Огарев В.В. (р. 1950), с 1975 – художественный руководитель Пензенской филармонии, с 1983 – директор Пензенского драматического театра.

Огарев В.Ф. (Володя), (1924–2004), секретарь Пензенского обкома КПСС.

Огарков Н.В. (1917–1994), начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР с 1977 года, Маршал Советского Союза.

Огнев В. (?–1933), руководитель банды в годы коллективизации, Пензенская область.

Озеров Н.Н. (1922–1997), спортивный комментатор Центрального телевидения СССР.

Олешня С.Н., пензенский скульптор, преподаватель художественного училища.

Орлов В.М., пензенский художник.

Орлов В.Н., писатель, литературовед.

Орлов Ю.А. (р. 1938), врач, с 1978 – главный врач Пензенской гор. больницы №6.

Оя Н., музыкант, супруга Оя А.А.

Павел, П.В. Ивановский, шофер служебной автомашины Г.В. Мясникова.

Павел (Паша), П.Д. Селиванов, секретарь Пензенского обкома КПСС.

Павликов В.А. (р. 1935), пензенский график, живописец.

Павлов С.П. (1929–1995), в 1975-76 – председатель Олимпийского комитета СССР, Спорткомитета СССР, с 1983 – посол СССР в Монголии, затем снова глава Спорткомитета СССР.

Панькина В.Н. (1953-2007), в 1982-86 – секретарь Белинского райкома КПСС, затем инструктор Пензенского обкома КПСС, инструктор ЦК КПСС.

Папутин В. (?–1979), заместитель министра внутренних дел СССР, представитель СССР при президенте Афганистана Амине.

Пастернак Б.Л., русский писатель.

Пельше А.Я. (1899–1983), председатель Комитета партийного контроля ЦК КПСС.

Пензин В.П. (р. 1938), художник, график, г. Москва.

Первухин В.А. (р. 1956), воспитанник пензенского хоккея, игрок сборной СССР.

Пережогин Ю., хоккеист, затем тренер пензенской команды «Дизелист».

Перминов Б.Г., заведующий отделом строительства Пензенского обкома КПСС, с 1985 – ректор Пензенского строительного института.

Петраш П.Г. (р. 1924), директор Пензенского завода вычислительных электронных машин.

Петров С.П. (1896–1971), пензенский краевед.

Петров Ф., помощник генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко.

Петрова А.Я., секретарь, с 1984 – первый секретарь Пензенского райкома КПСС.

Петровичев Н.А. (р. 1918), зам. с 1961 года, затем первый зам. с 1968 года зав. орготделом ЦК КПСС. После смерти Брежнева – председатель Госкомитета по профтехобразованию.

Пивоваров А.Т., председатель Сердобского райисполкома Пензенской области, с 1974 – первый секретарь райкома КПСС. 1970-77 годы.

Пикуль В.С. (1928–1990), русский писатель.

Пименов Д.Н., заведующий отделом Пензенского облисполкома.

Пиотровский Б.Б. (1908–1990), археолог, востоковед, академик Академии наук СССР, директор Эрмитажа.

Питирим (1926–2004), митрополит Волоколамский и Юрьевский, член правления Советского фонда культуры.

Плеханов Г.В. (1856–1918), философ, теоретик марксизма.

Плотников С., член правления Советского фонда культуры.

Подгорный Н.В. (1903–1983), председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Покрышкин А.И. (1913–1985), трижды Герой Советского Союза, в 1979–84 – член президиума Верховного Совета СССР.

Поленов Ф.Д. (р. 1929), народный депутат РСФСР в 1990-93, директор музея-заповедника В.Д. Поленова.

Полесских М.Р. (1908–1992), пензенский археолог.

Полозов Г.Н., зав. промышленно-транспортным отделом Пензенского обкома КПСС.

Полубояров М.С. (р. 1947), редактор пензенской газеты «Молодой ленинец», с 1986 – заместитель редактора газеты «Пензенская правда», краевед.

Полукарова Л.В., заместитель директора Литературного музея Пензенской области.

Поляков В.С., первый секретарь Кондольского райкома КПСС Пензенской области, с 1985 – главный инспектор заготовок Пензенской области.

Поляков Н.А., первый секретарь Пачелмского райкома КПСС Пензенской области.

Поляничко В.П. (?–1993), секретарь Оренбургского обкома КПСС, затем в аппарате ЦК КПСС, с 1978 – зав. сектором. В 1993 – представитель президента РФ в Чеченской республике, убит террористами.

Полянский Д.С. (р. 1917), с 1962 – зам., с 1965 – 1-й зам. председателя Совета Министров СССР, с 1973 – министр сельского хозяйства СССР, с 1976 – посол СССР в Японии.

Пономарев Б.Н. (1905–1995), секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

Попов В.И., член правления Советского фонда культуры.

Попов Е.С. (р. 1945), заведующий Домом политпросвещения, с 1985 – начальник управления культуры Пензенского облисполкома.

Попов Е., руководитель туристического бюро Пензенской области. 1977, 1978, 1981 годы.

Попов С.С. (1919–1991), уполномоченный по делам религии Пензенского облисполкома.

Попова К.П., работница Пензенского обкома КПСС.

Попрядухин Р.Н. (р. 1928), главный архитектор г. Пензы.

Попыльков Н.Ф., зам., с 1974 года нач. управления общественного питания Пензенского облисполкома, затем председатель облпотребсоюза (1987-97).

Порудоминский В.И., московский писатель.

Поспелов П.Н. (1898–1979), в 1953-60 – секретарь ЦК КПСС, в 1961-67 – директор Института марксизма-ленинизма, академик АН СССР.

Постнов А.В. (р. 1946), певец Пензенской областной филармонии.

Постышев П.П. (1887–1939), государственный и партийный деятель СССР.

Прибытков В.В., помощник генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко.

Примаков Е.М. (р. 1929), в 1960-е – обозреватель, зам. главного редактора газеты «Правда», директор Института востоковедения АН СССР в 1977-85, в 1985-89 – директор Института мировой экономики АН СССР.

Прокушев Ю.Л., автор книг о творчестве С.А. Есенина, после войны был секретарем Московского горкома ВЛКСМ.

Промыслов В.Ф. (р. 1908), председатель Моссовета.

Пронин А.И., начальник УВД Пензенского облисполкома (с 1983).

Проскурин П.Л. (р. 1928), писатель, член правления Советского фонда культуры.

Прохоров В.И. (р. 1906), заместитель председателя ВЦСПС.

Прут И.М., журналист, автор воспоминаний о Л.А. Руслановой.

Пугачев Е.И. (1740 или 1742–1775), руководитель крестьянского восстания.

Пугачева А.Б. (р. 1949), эстрадная артистка.

Пудовкин В.И. (1893–1953), режиссер, народный артист СССР, уроженец Пензенской области.

Пушкарев В.А., член правления Советского фонда культуры.

Пушкин А.С. (1799–1837), русский поэт.

Пятаков Г.Л. (1890–1937), политический и государственный деятель СССР.

Рагулин А.М. (р. 1941), советский хоккеист, игрок сборной СССР.

Радищев А.Н. (1749–1802), русский писатель, философ.

Разин С.Т. (ок. 1630–1771), руководитель Крестьянского восстания.

Разумовский Г.П. (р. 1936), заведующий орготделом ЦК КПСС в 1985-90, затем секретарь ЦК КПСС.

Распутин В.Г. (р. 1937), русский писатель.

Рафиков А.А. (Азат), главный режиссер Пензенского драматического театра.

Рашидов Ш.Р. (1917–1983), с 1959 года – первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

Рева В.Е., секретарь Железнодорожного райкома КПСС г. Пенза, затем зав. отделом административных и торгово-финансовых органов Пензенского обкома КПСС, с 1983 на преподавательской работе.

Ревельс А., артистка эстрады, автор воспоминаний о Л.А. Руслановой.

Редин В., первый секретарь Лопатинского райкома КПСС.

Рейнгольд С.М. (1927–1981), главный режиссер Пензенского драматического театра.

Ремизова Л.П., главный врач Пензенской детской больницы.

Рожков В., председатель Белинского райисполкома Пензенской области.

Рокоссовский К.К. (1896–1968), военачальник, Маршал Советского Союза.

Романов Г.В. (р. 1923), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Романов Н.Н., в годы Великой Отечественной войны – секретарь ЦК ВЛКСМ, затем председатель Всесоюзного комитета по физкультуре и спорту, секретарь ВЦСПС. Один из друзей Г.В. Мясникова.

Романов Р., помощник секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева.

Романовский С.К., с 1956 – председатель Комитета молодежных организаций СССР, с 1957 – секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1959 – зам. министра культуры СССР, в 1970-е – зам. председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами, затем на дипломатической работе.

Ромашков Ю.И. (1929–1998), пензенский живописец.

Рощупкин В.В., директор «Пензмашзавода»..

Русаков К.В. (р. 1909), секретарь ЦК КПСС.

Русланова Л.А. (1900–1972), русская певица, уроженка д. Александровки Малосердобинского района Пензенской области.

Рыбаков Б.А. (1908–2001), историк, академик Академии наук СССР.

Рыжков Н.И. (р. 1929), председатель Совета Министров СССР (1985–1990).

Рябов Я.П. (р. 1928), первый секретарь Свердловского обкома КПСС, с 1976 – секретарь ЦК КПСС, с 1979 – первый заместитель Госплана СССР, с 1984 – председатель Госкомитета СССР по внешнеэкономическим связям, зам. председателя Совета Министров СССР, в 1986-90 – посол СССР во Франции.

Ряхов А.Я., командующий войсками Приволжского военного округа.

Савин О.М. (р. 1933), пензенский поэт, краевед, литературовед.

Савинкин Н.И., зав. отделом административных органов ЦК КПСС.

Савицкий К.А. (1844–1905), живописец, первый директор Пензенского художественного училища.

Садат А. (1918–1981), президент Египта (1970-81).

Садовский А.А., директор Пушкинского музея, г. Москва.

Садчиков В.Н. (р. 1939), аспирант, зав. сектором печати Пензенского обкома КПСС, затем преподаватель Пензенского политехнического института.

Сазанов В.А. (р. 1941), 1-й секретарь Зареченского, с 1986 – Пензенского горкомов КПСС.

Сазонов А.А. (1932–1992), пензенский поэт, журналист.

Сазонов В.П. (р. 1945), искусствовед, директор Пензенской областной картинной галереи.

Сайкин В.Т. (р. 1937), председатель Моссовета (1986-90).

Салтыков-Щедрин М.Е. (1826–1889), русский писатель.

Салюков Л.И., военный комиссар Пензенской области.

Салюнин, колхоз «Рассвет» Камешкирского района Пензенской области. 1978 год.

Самохвалов А.П. (1936–1996), хирург сельской больницы в Пачелмском районе, затем заведующий Пензенским облздравотделом (1973–1983), затем зам. министра здравоохранения РСФСР.

Сапожков К.А. (1918–1982), профессор, ректор Пензенского политехнического института (1967–1976), руководитель общества «Знание».

Саушев В.П. (р. 1932), председатель комитета по спорту Пензенского облисполкома, с ноября 1984 – председатель комитета по ценам Пензенского облисполкома.

Сахаров А.Д. (1921–1989), физик, академик АН СССР, один из лидеров политической оппозиции КПСС, автор теории конвергенции со странами Запада.

Свешников А.Н. (р. 1950), главный агроном колхоза, с 1979 – второй секретарь Иссинского райкома КПСС, в 1983-84 – председатель Пачелмского райисполкома, с 1984 – первый секретарь Иссинского райкома КПСС Пензенской области.

Севастьянов Б.П., пензенский картограф, краевед.

Севрук, зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС.

Селиванов П.Д. (Павел), секретарь Пензенского обкома КПСС, с 1973 – в Москве.

Селиверстов Н.Д. (1830–1890), генерал, коллекционер, один из основателей Пензенской картинной галереи.

Селивончик, заведующий курсами партийных работников, г. Горький. 1971 год.

Семенов Б.К., зав. сельскохозяйственным отделом Пензенского обкома КПСС.

Семичастный В.Е. (1924–2001), секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1959 – второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана, с 1961 – председатель Комитета государственной безопасности, в 1967 понижен в должности Л.И. Брежневым и отправлен на Украину первым заместителем председателя Совета Министров республики.

Семушкин В., начальник Пензенского треста столовых и ресторанов. 1976-79 годы.

Сёмушкин Т.З. (1900–1970), писатель, уроженец Пензенской области.

Сергиенко А.Н., заместитель министра торговли РСФСР.

Сидоренко В.А. (р. 1936), пензенский художник, драматург.

Сидоров Н.М., пензенский живописец график.

Симкин А.Г., заместитель заведующего Пензенского облздравотдела.

Симонов П.А., судья, затем председатель Пензенского областного народного суда.

Синев С.А., первый секретарь Земетчинского, затем Каменского райкома КПСС Пензенской области.

Скатов Н.Н. (р. 1931), литературовед, директор Пушкинского дома в Ленинграде.

Скоробогатова Л.Н. (р. 1937), пензенский художник декоративно-прикладного искусства.

Слезко П.Я., помощник Е.К. Лигачева в ЦК КПСС, с 1988 – на дипломатической работе.

Слепцов В.А. (1836–1878), русский писатель, уроженец Пензенской области.

Слицан Я.Г. (1922–1991), зам. директора «Пензмашзавода», затем директор Производственно-художественной мастерской Пензенского отделения Союза художников РСФСР.

Слюньков Н., первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.

Смачный В.М., с 1964 года – зав. отделом административных и торгово-финансовых органов Пензенского обкома КПСС, с 1973 – слушатель дипломатической школы, дипломат, работник ЦК КПСС.

Смелый А.С., пензенский скульптор. 1972-74, 1978-80 годы.

Смирнов В.Г. (р. 1935), первый зам. председателя Спорткомитета СССР в 1970-77, с 1978 – вице-президент Международного Олимпийского комитета.

Смирнов Г.Л. (Гриша) (?–1985), председатель Пензенского облисполкома в 1961-65 годах, затем зам. министра сельского хозяйства РСФСР.

Смирнов Л.В. (р. 1916), зам. председателя Совета Министров СССР, уроженец г. Кузнецка Пензенской области, дважды Герой Социалистического Труда.

Смоленский Н.И., ректор Пензенского педагогического института (1985-89).

Снечкус А.Ю. (1902/03–1974), первый секретарь ЦК Компартии Литвы (1940-74).

Собчак А.А. (1937–2000), депутат Верховного Совета СССР, в 1992 году – глава администрации Петербурга.

Солженицын А.И. (р. 1918), писатель.

Сологубов Н.М., хоккеист, игрок сборной СССР в 1950-60-е годы, затем тренер.

Соломенцев М.С. (р. 1913), секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров РСФСР, с 1983 – председатель партийного контроля при ЦК КПСС.

Сорокин Б.А. (1893–1972), поэт, приятель Сергея Есенина.

Сорокины, братья, Василий, Иван и Николай Ефимовичи, мастера народного искусства (резьба по дереву), Пензенская область.

Сорос Д. (р. 1930), американский финансист, действовавший в России.

Спасский Б.В. (р. 1937), шахматист, гроссмейстер.

Ставский В.П. (1900–1943), русский писатель, генеральный секретарь Союза писателей, уроженец Пензенской области.

Сталин И.В. (1879–1953), руководитель СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС.

Стамо Е.Н., московский архитектор.

Степаков В.И., заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС до 1970 года, затем на дипломатической работе.

Столыпин П.А. (1862–1911), министр внутренних дел, затем председатель Совета Министров Российской империи.

Стриганов В.М. (?–1985), зам. министра культуры РСФСР.

Стукалин Б.И. (1923–2004), руководитель Государственного комитета СССР по печати, затем зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, с 1985 на дипломатической работе.

Субботин А.М. (Саша), главный редактор газеты «Труд», затем с 1980 – секретарь ВЦСПС.

Субботин Е., тренер пензенской хоккейной команды «Дизелист», затем зав. детской хоккейной школой.

Суворов А.В. (1730–1800), русский полководец.

Сукарно (1901–1970), президент Индонезии в 1945-67 годах.

Суконцев В.И., заведующий финансовым отделом Пензенского облисполкома.

Сурков Ю., один из руководителей банка МЕНАТЕП.

Суслов М.А. (1902–1982), секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

Сухарев О.Н., директор Пензенского дизельного завода (1964–1979).

Сысов А.П., начальник Пензенского областного планового управления.

Сычев И.С. (р. 1913), московский художник, один из лидеров умеренного крыла националистического общества «Память».

Табаков О.П. (р. 1935), актер театра и кино, режиссер театра, народный артист СССР.

Талалаев А.И. (р. 1940), комбайнер колхоза «Искра» Тамалинского района Пензенской области.

Талызин Н.В. (р. 1929), с 1975 – министр связи СССР, с 1980 – заместитель председателя Совета Министров СССР.

Талько П.А., ленинградский скульптор.

Тарабурин В., директор Пензенской филармонии.

Тархов А.Г. (1941–1995), руководитель пензенского фольклорного ансамбля «Реченька».

Татлин В.Е. (1885–1953), живописец, график, театральный художник, окончил Пензенское художественное училище.

Твардовский А.Т. (1910–1971), русский поэт, главный редактор журнала «Новый мир».

Тельбух О.В., пензенский журналист.

Темногрудова З.С. (р. 1926), пензенская врач, в 1974-83 – главный хирург Пензенской области, с 1983 – хирург-консультант Пензенской городской больницы №3.

Теплов Н.А., скульптор, автор памятника Победы в Пензе.

Терехин М.А. (1930–1985), председатель колхоза «Путь к коммунизму» Кузнецкого района Пензенской области.

Терешкова В.В. (р. 1937), летчик-космонавт СССР, председатель Комитета советских женщин в 1968–1987, с 1987 по 1992 – председатель союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Тито И. (1892–1980), президент Югославии.

Тихонов Н.А. (1905–1997), зам. председателя, затем председатель Совета Министров СССР.

Тишаев В.П., артист Пензенского драматического театра.

Тишин Ф., директор «Книготорга», заместитель начальника управления полиграфии и книжной торговли Пензенского облисполкома.

Толкунова В.В. (р. 1946), эстрадная артистка, певица.

Трапезников С.П. (1912–1984), заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС с 1965 года. Фронтовой друг Л.И. Брежнева. Земляк Г.В. Мясникова.

Троцкий Л.Д. (1897–1940), партийный и государственный деятель СССР.

Трубников Н.В., начальник Пензенского областного управления культуры.

Трушин В.М., директор Пензенского художественного училища (1964-74), начальник Пензенского областного управления культуры.

Туманова З.П., в середине 1950-х – секретарь ЦК ВЛКСМ, затем заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Тухачевский М.Н. (1893–1937), военачальник, Маршал Советского Союза.

Тяжельников Е.М. (р. 1928), в 1968-77 – первый секретарь ЦК ВЛКСМ, затем заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС, с 1982 – на дипломатической работе.

Уксусов Б.В. (1922–1998), актер Пензенского драматического театра.

Уланов И.Д. (?–1985), начальник УВД Пензенского облисполкома.

Ульянов И.Н. (1831–1886), отец В.И. Ленина.

Ульянов М.А. (р. 1927), артист театра и кино, народный артист СССР.

Устинов Д.Ф. (1908–1984), секретарь ЦК КПСС, затем министр обороны СССР, член Политбюро ЦК КПСС.

Устинов М.О., первый секретарь Наровчатского райкома КПСС Пензенской области, с 1983 – председатель Пензенского областного комитета народного контроля.

Фалин В.М. (р. 1926), посол СССР в ФРГ в 1970-78, затем до 1983 года – 1-й зам. заведующего отделом международной информации ЦК КПСС, с 1986 – председатель правления Агентства печати «Новости», с 1988 – зав. международным отделом ЦК КПСС, в 1990-91 – секретарь ЦК КПСС.

Февральский А.В., доктор искусствоведения, г. Москва.

Федина В., зам. начальника Пензенского областного управления культуры.

Федоров В.Н., зам. редактора газеты «Пензенская правда».

Федорчук В.В. (р. 1918), председатель КГБ СССР (1982), министр внутренних дел СССР. 1982-1985 годы.

Федяшев Б.В., с 1980 – начальник управления КГБ СССР по Пензенской области.

Феофанов В.М., начальник Пензенского территориального управления строительства.

Филатов Н.Ф. (1847–1902), русский врач, основоположник педиатрии, уроженец Пензенской области.

Филимонов В.И., 1-й секретарь Сосновоборского райкома КПСС Пензенской области.

Фионов А.В., первый секретарь обкома ВЛКСМ, с 1986 – зам. заведующего отделом Пензенского обкома КПСС.

Фирюбин Н.П., секретарь МГК ВЛКСМ в 1950-е годы, затем зам. министра иностранных дел СССР. Муж Е.А. Фурцевой.

Флорентьев Л.Я. (р. 1911), министр сельского хозяйства РСФСР.

Фомин А.И. (Аркадий), председатель Пензенского спорткомитета.

Фролов Б.М., заведующий отделом здравоохранения Пензенского облисполкома.

Фурцева Е.А., в середине 1950-х – 1-й секретарь МГК КПСС, затем министр культуры СССР.

Халдеев М.И., бывший первый секретарь Московского горкома ВЛКСМ, затем на административной работе в Москве.

Харазов В.И., в 1960-70-е – второй секретарь ЦК Компартии Литвы, с 1978 – зам. председателя Комитета народного контроля РСФСР.

Хасбулатов Р.И. (р. 1942), председатель Верховного Совета России.

Хлевной Б.Ф. (?–1992), нач. управления сельского хозяйства Пензенского облисполкома.

Хоменко Н.М. (р. 1935), ректор Института усовершенствования врачей, г. Пенза.

Хомяков А.А., первый секретарь Тамбовского, с 1985 – Саратовского обкомов КПСС.

Хомякова, пензенская помещица. 1974 год.

Хонеккер Э. (1912–1994), в 1971-76 – первый секретарь Социалистической единой партии Германии (ГДР), в 1976-89 – генеральный секретарь СЕПГ, председатель Государственного совета ГДР.

Хохлов П.А. (1854–1919), оперный певец, уроженец Пензенской области.

Хохряков В.Х. (1828–1916), историк, пензенский краевед.

Храбровицкий А.В. (1912–1989), литературовед, автор книг о писателях Пензенского края.

Хренников Т.Н. (р. 1913), композитор, председатель Союза композиторов СССР.

Христофоров Н.В. (1921–1981), председатель Пензенского областного комитета народного контроля.

Хрущев Н.С. (Никита) (1894–1971), первый секретарь ЦК КПСС.

Царев М.И. (1903–1987), актер, режиссер, народный артист СССР.

Цветаева М.И. (1892–1941), русская поэтесса.

Цвигун С.К. (1917–1982), первый заместитель председателя КГБ СССР.

Цирулев В.П. (р. 1925), председатель колхоза Кузнецкого района Пензенской области.

Чаковский А.Б. (1913–1994), писатель, главный редактор «Литературной газеты».

Чаушеску Н. (1918–1989), президент Румынии.

Чебриков В.М. (1923–1999), председатель КГБ СССР (1982-88).

Чекалов В.Я., генерал-лейтенант КГБ СССР. Бывший «комсомолец», один из членов команды Шелепина.

Черненко К.У. (1911–1985), секретарь Пензенского обкома КПСС в 1945-48, затем зав. общим отделом, секретарь ЦК КПСС, в 1984-85 – генеральный секретарь ЦК КПСС.

Чернецов И.И. (1915–1988), директор Пензенского научного института электронных измерений.

Чернов Б.И., заведующий организационным отделом Пензенского обкома КПСС.

Чернова А.В., секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ.

Чернова, актриса Пензенского драматического театра.

Черноусов Н.А., зам. зав. административным отделом Пензенского обкома КПСС.

Черный В.И., первый секретарь Тамбовского обкома КПСС.

Черных Н.С., заведующий сектором отдела пропаганды ЦК КПСС, с 1985 – заместитель председателя Всесоюзного общества «Трезвость».

Чернышев А.И., главный тренер сборной СССР по хоккею и команды «Динамо».

Черняев А., помощник генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

Черушов В.А. (р. 1935), 1-й зам. председателя Пензенского горисполкома в 1972-80 годах, затем нач. управления ЖКХ Пензенского облисполкома.

Черчилль У. (1874–1965), премьер-министр Великобритании.

Чехов А.П. (1860–1904), русский писатель, драматург.

Чивилихин В.А. (1928–1884), русский писатель.

Чистяков М.С., первый секретарь Кузнецкого горкома КПСС Пензенской области.

Чугунов В.И., первый секретарь Бековского райкома КПСС Пензенской области, с 1986 – начальник районного агропромышленного объединения.

Чуковский К.И. (1882–1969), детский писатель, автор мемуаров.

Чурбанов Ю.М. (р. 1936), заместитель, первый заместитель министра внутренних дел СССР в 1976-82 годах, зять Л.И. Брежнева.

Шавра Б.М., директор завода «Пензхиммаш».

Шагал М. (1887–1985), живописец и график.

Шагинян М.С. (1888–1982), советская писательница.

Шагова, актриса Пензенского драматического театра.

Шаймиев М.Ш. (р. 1937), президент Татарстана.

Шалаев С.А. (р. 1929), секретарь, с 1982 – председатель ВЦСПС.

Шалдыбин Г.П. (р. 1930), врач, с 1984 – главный врач областной больницы им. Бурденко.

Шамин Р.В. (1915–1989), директор совхоза «Большевик» Сердобского района, с 1968 – управляющий Пензенского межколхозного производственного объединения «Свинопром».

Шан-Гирей А.П. (1818–1883), троюродный брат и близкий друг М.Ю. Лермонтова.

Шапоренко Л., артистка Пензенского драматического театра.

Шапошников Б.М., военачальник, Маршал Советского Союза.

Шапошникова М.Ф., начальник управления общественного питания Пензенского облисполкома (до 1975 года).

Шаров М.В. (р. 1947), инструктор Пензенского обкома КПСС, затем зам. редактора, с 1985 – редактор газеты «Пензенская правда».

Шаролапова Т.Ф., работница Пензенского обкома КПСС.

Шарошкин Н.А., заведующий кафедрой Пензенского педагогического института.

Шатин В.И. (1928–1988), пензенский журналист, работник областного телевидения.

Шатова И.К., председатель колхоза «Гигант» Кузнецкого района Пензенской области.

Шауро В.Ф. (р. 1912), заведующий отделом культуры ЦК КПСС.

Шахназаров Г.Х. (р. 1924), помощник президента СССР Горбачева.

Швам Е.С. (1918–1998), тренер пензенской женской баскетбольной команды «Спартак», заслуженный тренер СССР.

Шверник Н.М. (1888–1970), партийный и профсоюзный деятель СССР, в 1960-е был председателем ВЦСПС.

Швецова Л.И. (р. 1949), секретарь ЦК ВЛКСМ (1981-89).

Швечков И.Н., работник Пензенского обкома КПСС, затем первый секретарь Иссинского райкома КПСС, начальник управления профтехобразования Пензенской области,

Шеварднадзе Э.А. (р. 1928), первый секретарь ЦК Компартии Грузии, затем министр иностранных дел СССР, в 1992 – председатель Верховного Совета Грузии.

Шевелуха В.С. (р. 1929), в 1979-84 – заместитель министра сельского хозяйства СССР, с 1984 – академик-секретарь ВАСХНИЛ.

Шевкуненко Н.Н. (р. 1930), актер Пензенского драматического театра.

Шевченко С.В., председатель объединения «Россельхозтехника».

Шеин И.Г. (?–1972), председатель Лунинского райисполкома Пензенской области.

Шелепин А.Н. (Шурик) (1918–1994), с 1940 года – инструктор, зав. отделом, секретарь МГК ВЛКСМ, с 1943 – секретарь, с 1952 года – 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК КПСС, с 1958 – председатель КГБ СССР, с 1961 – секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1962 – председатель Комитета партийно-государственного контроля СССР. Лидер «комсомольской группировки» в КПСС, один из организаторов отставки Н.С Хрущева с высших партийных и государственных постов. После этого рассматривался как главный конкурент Л.И. Брежнева во властных структурах СССР. В 1967 г. отправлен на второстепенный пост председателя ВЦСПС, в 1975 получив должность зам. председателя Госкомитета СССР по профтехобразованию. С 1984 – на пенсии.

Шелест П.Е. (р. 1908), первый секретарь ЦК Компартии Украины в 1960-70-е годы.

Шелихов Г.И. (1747–1795), купец, основатель Русской Америки.

Шепелев Г.А., зам. зав. сельскохозяйственным отделом Пензенского обкома КПСС, с 1975 года – первый секретарь Нижнеломовского райкома КПСС Пензенской области.

Шибаев А.И. (1915–1992), первый секретарь Саратовского обкома КПСС, затем председатель ВЦСПС, с 1982 – зам. министра приборостроения СССР.

Шилов С.П., зав. отделом пропаганды Колышлейского райкома КПСС, с 1980 – зам. зав. отделом пропаганды и агитации Пензенского обкома КПСС, затем начальник политотдела управления внутренних дел Пензенского облисполкома.

Шиманаев, тренер пензенской хоккейной команды «Дизелист».

Шиманский В. (р. 1921), министр торговли РСФСР.

Шихалеев Н.К. (1923–1997), генеральный директор Пензенского производственного объединения «Заря».

Школьников А.М. (р. 1914), первый секретарь Воронежского обкома КПСС, затем зам. председателя Совета Министров РСФСР, с 1974 – председатель Комитета народного контроля СССР, затем в Верховном Совете РСФСР.

Шкуров Е.Ф., председатель организации ДОСААФ Пензенской области.

Шмидт С.О. (р. 1922), историк, член правления Советского фонда культуры, председатель Всероссийского краеведческого общества.

Шолохов М.А. (1905–1984), русский писатель.

Шошин В.Н., работник Госплана РСФСР, затем зам. председателя Совета Министров РСФСР.

Штеменко С.М. (1907–1976), военачальник, генерал армии, автор воспоминаний.

Шуватов А.И. (р. 1933), певец, артист Пензенской филармонии.

Шукшин В.М. (1929–1974), русский писатель, актер, кинорежиссер.

Шульгин В.В. (1878–1976), политический деятель России, один из организаторов Белого движения, автор мемуаров.

Шумаков А., руководитель издательства «Плакат», г. Москва.

Шумаков С.И. (1913–1995), врач, нейрохирург Пензенской областной больнице им. Бурденко.

Щеблыкин И.П. (р. 1928), литературовед, профессор Пензенского педагогического института.

Щеглова, рабочая Кузнецкой швейной фабрики. 1975 год.

Щедрин Р.К. (р. 1932), композитор, народный артист СССР.

Щелоков Н.А. (1910–1982), министр внутренних дел СССР (1968-1982).

Щербаков А.Е. (р. 1928), председатель Пензенского горисполкома – до 1984 г., затем зам. председателя Пензенского облисполкома, председатель областной плановой комиссии.

Щербицкий В.В. (1918–1990), первый секретарь ЦК Компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС в 1972-89 гг., покончил жизнь самоубийством.

Щетинин М.П., педагог-экспериментатор, работавший в Харькове.

Эйдлин Б.З., директор Пензенской птицефабрики.

Энгельс Ф. (1820–1895), немецкий философ.

Эрельт И., актер Пензенского драматического театра.

Эренбург И.Г. (1891–1967), писатель, автор мемуаров.

Эсамбаев М.А. (1924–2000), артист балета, исполнитель танцев народов мира, народный артист СССР. 1983 год.

Ювеналий (р. 1935), митрополит Крутицкий и Коломенский.

Юдин В.И., зав. сектором ЦК КПСС, затем директор Российско-американского университета.

Юрьев В.Я. (1879–1962), селекционер-растениевод, дважды Герой Социалистического Труда, уроженец Пензенской области.

Юрьева, сотрудница Советского фонда культуры, г. Москва.

Яблочков П.Н. (1847–1894), русский физик, электротехник, изобретатель электрической лампочки, уроженец Сердобского уезда Саратовской губернии.

Ягодин Г.А. (р. 1927), министр высшего и среднего специального образования СССР (1985–1989), затем председатель Госкомитета по народному образованию СССР.

Якобсон А.А., директор Пензенского театра кукол.

Яковлев А.Н. (А.Н.) (р. 1923), первый зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС (1965-72), с 1988 – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, в 1992 работал в «Горбачев-фонде».

Яковлев Г.В. (р. 1914), с 1969 – нач. управления торговли Пензенской области, затем в областном отделе социального обеспечения, с 1983 – на пенсии.

Яковлев Ю.В. (р. 1928), артист театра и кино, народный артист СССР.

Яковлева Т.А. (1906–1991), уроженка Пенза, жившая в эмиграции. Подруга В.В. Маяковского.

Ямщиков С.В., журналист, член правления Советского фонда культуры, руководитель Ассоциации реставраторов, г. Москва.

Яничкин Ю.Е., художественный рук. танцевального ансамбля «Зоренька», Пенза.

Яновский Р.Г. (р. 1929), философ, профессор, заместитель заведующего отделом науки ЦК КПСС, в 1983-91 – ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. 1982, 1984 годы.

Янулин А.Н., пензенский тренер по прыжкам в воду.

Ярославский Е.М. (1878–1943), гос. и партийный деятель СССР, возглавлял борьбу с религией.

Ярошевич, один из руководителей Польши. 1981 год.

Ярошенко Н.А. (1847–1898), русский живописец. 1980 год.

Ярузельский В. (р. 1923), председатель Совета Министров в Польше в 1981-85, затем президент Польши.

Яснов М.А. (р. 1906), председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

Ястребенецкий Г.Д., архитектор, автор памятника Победы в Пензе.

Яшин А.И. (р. 1919), министр промышленности строительных материалов СССР. Уроженец Пензенской области.

ОГЛАВЛЕНИЕ